ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXVIII.

1898.

Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.
1898.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИСТА-ВОСЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(іюль и августъ 1898 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату.

СТРАН.

27-го іюня 1898 года 25

3-го іюля 1898 года —

6-го іюля 1898 года —

Высочайшія повелѣнія.

1. (21-го марта 1898 года). Объ учрежденіи при Маріупольской Александровской гимназіи стипендіи въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ . . 3

2. (21-го марта 1898 года). Объ учрежденіи при Полтавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ двухъ стипендій Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ . . —

3. (24-го апрѣля 1898 года). Объ опредѣленіи при Двинскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ врача 26

4. (24-го апрѣля 1898 года). О присвоеніи изображенія Императорской Короны къ значку, носимому на фуражкахъ учениками Императорской Казанской 1 гимназіи . . . . —

5. (24-го апрѣля 1898 года). О присвоеніи Новороссійской женской прогимназіи наименованія „Александринской“ —

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

6. (24-го апрѣля 1898 года). Объ утвержденіи рисунка медали для выдачи рецензентамъ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе преміи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михельсона —

7. (18-го мая 1898 года). Объ учрежденіи въ свободѣ Борисовкѣ Курской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ 27

8. (25-го мая 1898 года). О разрѣшеніи учреждать при учительскихъ семинаріяхъ двухкласныя училища и объ опредѣленіи правъ воспитанниковъ сихъ училищъ по отбыванію воинской повинности 28

9. (25-го мая 1898 года). О признаніи метеоритовъ государственною собственностью . . —

10. (4-го іюня 1898 года). Объ учрежденіи въ гор. Севастополѣ шестиклассной прогимназіи 29

11. (4-го іюня 1898 года). О преобразованіи Одесской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію . 30

12. (4-го іюня 1898 года). Объ учрежденіи въ г. Буинскѣ, Симбирской губерніи, низшей ремесленной школы 31

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

30-го мая 1898 года 4
6-го іюня 1898 года 5
12-го іюня 1898 года —
19-го іюня 1898 года 31
27-го іюня 1898 года 32
10-го іюля 1898 года —

Министерскія распоряженія.

1. (18-го апрѣля 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ имени надворнаго совѣтника Якова Андреевича Виноградова при Тульскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года четырехклассномъ училищѣ 6

2. (3-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіи имени умершей вдовы генералъ-маіора Александры Петровны Мейнардъ, при Кронштадтской Александринской женской гимназіи 7

3. (3-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы подполковника флотскихъ штурмановъ Евдокіи Матвѣевны Ивановой при Севастопольской женской гимназіи 8

4. (20-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ статскаго совѣтника Николая Константиновича Журавлева при Переяславской женской прогимназіи . . 9

5. (22-го мая 1898 года). Положеніе о преміи имени ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Д. И. Дубяго при физико-математическомъ обществѣ, состоящемъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ —

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

6. (28-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіи имени пермскаго 2-й гильдіи купца Павла Федоровича Верхоланцева при Императорскомъ Томскомъ университетѣ . . 11

7. (10-го іюня 1898 года). Положеніе о стипендіи имени присяжнаго повѣреннаго Давида Рафаловича при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ . . —

8. (19-го мая 1898 года). Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія г. попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа 32

9. (6-го іюля 1898 года). Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ округовъ 33

10. (4-го декабря 1897 года). Положеніе о стипендіи имени покойнаго ученика 10-й С.-Петербургской гимназіи Юлія Владиміровича Эсипова при этой же гимназіи 35

11. (6-го февраля 1898 года). Положеніе о стипендіи имени покойнаго гласнаго Житомірской городской думы Тимофея Петровича Самборскаго при Житомірскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ 36

12. (7-го февраля 1878 года). Положеніе о стипендіяхъ при Владиміро-Волынскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны . . 37

13. (12-го марта 1898 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы Новгородскаго купца Вильгельмины Ѳедоровны Бергъ при Новгородской гимназіи . . . 38

14. (12-го марта 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ, въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Полтавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года . —

15. (22-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Островской Александровской женской прогимназіи 39

16. (22-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Островскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года 40

17. (23-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Николая Іоановича Тюменева при Рыбинскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года . . —

18. (22-го іюня 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ потомственнаго почетнаго гражданина Василія Ивановича Ѳеолого при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ 41

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

19. (22-го іюня 1898 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Леонарда Михайловича Янковскаго при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра . . . 42

20. (6-го іюля 1898 года). Положеніе о стипендіи при Комисаровскомъ техническомъ училищѣ вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ 43

21. (9-го іюля 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина кандидата коммерціи Николая Іосифовича Шарвина при Архангельскомъ Императора Петра I низшемъ механико-техническомъ училищѣ . 44

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 12 и 48

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 19 и 50

Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому образованію 53

—

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Г. Н. Шмелевъ. Къ вопросу о степени достовѣрности переписныхъ книгъ 1

Д. М. Позднѣевъ. Тай-пинское возстаніе въ Китаѣ 17

В. М. Истринъ. Греческая запись о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII вѣка 44

А. А. Чебышевъ. Трагедія Шиллера изъ русской исторіи . 49

А. С. Вязигинъ. Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ 96 и 350

Г. З. Кунцевичъ. Малоизвѣстныя записки о казанскихъ походахъ 1550 и 1552 года . 135

Ѳ. Ѳ. Зигель. Палацкій какъ историкъ славянскаго права 146

А. М. Ону. Наказы 3-го сословія во Франціи 241

Н. Н. Овсянниковъ. А. Н. Майковъ, какъ историкъ 331

Н. Г. Дебольскій. Понятіе красоты 416

Критика и библіографія.

В. Всеобщая исторія въ четырехъ томахъ. Сочиненіе профессора *Оскара Іегера*. Переводъ подъ редакціею профессора *П. Н. Полеваго*. Съ многими снимками съ памятниковъ и отдѣльными приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками. Изданіе *А. Ф. Маркса* . 164

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

М. К. Любавскій. Новый трудъ по внутренней исторіи Литовской Руси 174

А. П. Нечаевъ. *Дю-Прель*. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. С.-Пб. 1895 216

Д. К. Петровъ. *Alfred Gassier*. Le Théatre Espagnol. Sangil de portugal de Moreto. Paris. 1898 222

Г. Н. Шмелевъ. „Артельная пашня" 229

К. М. Тіандеръ. Шведскій фольклоръ въ Финляндіи . . 442

В. А. Францевъ. Sächsiche Volkstrachten und Bauernhäuser. Herausgegeben von dem Ausschuss für das Sächsische Volkstrachtenfest zu Dresden 1896. Landbauinspektor Schmidt, Maler Q. Seyffert, Dr. Sponsel. Dresden. 1897 467

Е. Ѳ. Карскій. Нѣсколько словъ по поводу отзыва проф. Н. П. Некрасова о VI изданіи составленнаго мною учебника древняго церковно-славянскаго языка 477

Н. П. Некрасовъ. Отвѣтъ профессору Е. Ѳ. Карскому . . 489

Книжныя новости 231 и 528

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература 1 и 21

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

С. Ѳ. Ольденбургъ. Востоковѣдѣніе въ новыхъ французскихъ университетахъ 1

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 5

В. Е. Рудаковъ. Г. Д. Филимоновъ (*некрологъ*) 17

Второй международный конгрессъ актуаріевъ въ Лондонѣ 21

Л. Н. Майковъ. Е. М. Ѳеоктистовъ (*некрологъ*) 26

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. В. Зубковъ. Двѣ оды Горація 1

И. И. Холодняк. О нѣкоторыхъ типахъ римскихъ метрическихъ надгробій (*продолженіе*) 3

Ф. М. Видеманъ. О началѣ греческой письменности 33 и 65

А. Бекштремъ. Погибшая рукопись Павла Эгинскаго 66

Объявленія.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (21-го марта 1898 года). *Объ учрежденіи при Маріупольской Александровской гимназіи стипендіи въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 21-й день марта 1898 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Маріупольской Александровской гимназіи на проценты съ капитала 1.000 руб., пожертвованнаго обществомъ для пособія нуждающимся ученикамъ названной гимназіи стипендіи въ память Священнаго Коронованія Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

2. (21-го марта 1898 года). *Объ учрежденіи при Полтавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ двухъ стипендій Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 21-й день марта 1898 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Полтавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ двухъ стипендій Имени Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Библиотека "Руниверс"

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(30-го мая 1898 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета *Зачинскій* — съ 1-го августа 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія *Панковъ* — съ 13-го декабря 1897 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія *Сысоевъ*—съ 14-го мая 1898 года.

Назначаются: экстраординарные профессоры Императорскаго Московскаго университета, доктора зоологіи, статскіе совѣтники *Зографъ* и *Мензбиръ* — ординарными профессорами того же университа: первый—по каѳедрѣ зоологіи, а второй—по каѳедрѣ сравнительной анатоміи; инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи, статскій совѣтникъ *Мочульскій* — директоромъ народныхъ училищъ Тверской губерніи, съ 1-го мая; дворянинъ *Курисъ*—почетнымъ попечителемъ Херсонской учительской семинаріи, на текущее, съ 12-го іюня 1897 г., трехлѣтіе.

Утверждается экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, докторъ греческой словесности, тайный совѣтникъ *Никитинъ* — согласно избранію, ординарнымъ академикомъ той же академіи по классической филологіи и археологіи, съ 18-го апрѣля.

Увольняется, согласно прошенію, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ географіи, статскій совѣтникъ *Анучинъ*—отъ первой изъ означенныхъ должностей.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ всеобщей исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гаусманъ*.

Умершій исключается изъ списковъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, врачъ-консультантъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, докторъ-медицины и хирургіи, тайный совѣтникъ *Грубе*, съ 28-го апрѣля.

Библиотека "Руниверс"

(6-го іюня 1898 года). *Назначаются*: причисленный къ министерству, статскій совѣтникъ *Корватовскій*—инспекторомъ для наблюденія за промышленными училищами при особомъ отдѣленіи департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами и преподаватель С.-Петербургской 1-й гимназіи, статскій совѣтникъ *фонъ-Гефтманъ* — исправляющимъ должность директора Гатчинскаго реальнаго училища, — оба — съ 1-го іюня; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Егоровъ* — дѣлопроизводителемъ VI класса того же департамента.

(12-го іюня 1898 года). *Назначаются*: младшій ординаторъ Старо-Екатерининскаго отдѣленія больницы чернорабочихъ, въ Москвѣ, врачъ школы Имени Петра Георгіевича Ольденбургскаго Московскаго благотворительнаго общества 1837 г. и Преображенскаго богадѣленнаго дома, въ Москвѣ, лѣкарь, статскій совѣтникъ *Богдановъ* — правителемъ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ по означеннымъ школѣ и богадѣленному дому должностяхъ; приватъ-доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ богословія *фонъ-Бульмерингъ* — экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ семитическихъ языковъ.

Увольняется отъ службы, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣствительный статскій совѣтникъ *Фолькъ*, съ 8-го іюня, за выслугою срока.

Производятся за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: старшій ассистентъ хирургическаго отдѣленія Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны доцентъ института, докторъ медицины *Земацкій* — съ 9-го ноября 1895 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по С.-Петербургскому учебному округу, исправляющій должность архиваріуса и журналиста канцеляріи попечителя *Гордакъ*—съ 1-го декабря 1882 г.; по Московскому учебному округу, членъ соревнователь попечительнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища *Голубевъ* — съ 1-го іюня 1896 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря*: сверхштатный помощникъ библіотекаря Императорскаго россійскаго историческаго музея, Имени Императора Александра III, *Кожевниковъ*— съ 28-го іюля 1896 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; по управленію учебными заведеніями Тур-

Библиотека "Руниверс"

кестанскаго края, учитель Чимкентскаго двухкласснаго городскаго училища *Кривцовъ*—съ 1-го января 1893 г.; *губернскаго секретаря*, по С.-Петербургскому учебному округу, учитель Порховскаго уѣзднаго училища *Богатыревъ*—съ 1-го ноября 1888 г.; *коллежскаго регистратора*, по Кавказскому учебному округу, помощникъ учителя Тифлисскаго 2-го трехкласснаго городскаго училища, *Тетеревятниковъ*—съ 20-го октября 1891 года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (18-го апрѣля 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени надворнаго совѣтника Якова Андреевича Виноградова при Тульскомъ городскомъ по положенію 1872 года четырехклассномъ училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года при Тульскомъ городскомъ по положенію 1872 года четырехклассномъ училищѣ учреждаются стипендіи имени надворнаго совѣтника Я. А. Виноградова на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу* рублей, отказаннаго имъ съ этой цѣлью по духовному завѣщанію.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣ 4% государственной ренты, составляетъ неприкосновенную собственность означеннаго училища и хранится въ Тульскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіатовъ, причемъ если одна изъ стипендій окажется менѣе годоваго размѣра платы за ученіе, то получившій ее стипендіатъ долженъ доплатить недостающую сумму изъ своихъ средствъ.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа родственниковъ завѣщателя, по надлежащемъ удостовѣреніи о родствѣ ихъ съ нимъ. За неимѣніемъ же учениковъ изъ родственниковъ Виноградова или когда число ихъ будетъ менѣе стипендій, на вакантныя мѣста назначаются ученики изъ дѣтей бѣднѣйшихъ жителей города Тулы.

Библиотека "Руниверс"

§ 5. Выборъ стипендіатовъ и лишеніе ихъ стипендій предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта названнаго училища; при чемъ малоуспѣшность при хорошемъ поведеніи стипендіатовъ изъ родственниковъ Виноградова не лишаетъ ихъ стипендіи; остальные же ученики въ семъ случаѣ теряютъ право на стипендію.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ сему послѣднему.

§ 7. Пользованіе стипендіями никакихъ обязательствъ на стипендіатовъ не налагаетъ.

§ 8. Въ случаѣ закрытія или преобразованія Тульскаго городскаго училища, стипендіальный капиталъ переходитъ въ то училище, которое его замѣнитъ.

2. (3-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей вдовы генералъ-маіора Александры Петровны Мейнардъ, при Кронштадтской Александринской женской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года на проценты съ капитала въ 1.200 руб., собраннаго бывшими ученицами гимназіи, учреждается при Кронштадской Александринской женской гимназіи стипендія имени умершей начальницы оной вдовы генералъ-маіора Александры Петровны Мейнардъ въ память болѣе 28-ми лѣтней ея службы въ этой должности.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственной 4% рентѣ, составляя неотъемлемую собственность гимназіи, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на взносъ платы за ученіе одной изъ бѣднѣйшихъ ученицъ, достойной по успѣхамъ и поведенію.

§ 4. Право избранія стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту гимназіи, по рекомендаціи педагогическаго.

§ 5. Стипендіаткѣ, оставшейся въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми попечительнымъ и педагогическимъ совѣтами гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

§ 6. Могущія остаться отъ уплаты за право ученія стипендіатки деньги выдаются на руки родителямъ стипендіатки на учебныя пособія.

§ 7. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендій, остатки отъ стипендіальной суммы присоединяются къ основному капиталу, и по мѣрѣ накопленія, обращаются въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія, на будущее время, размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

3. (3-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы подполковника флотскихъ штурмановъ Евдокіи Матвѣевны Ивановой при Севастопольской женской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года учреждается при Севастопольской женской гимназіи стипендія имени вдовы подполковника флотскихъ штурмановъ Евдокіи Матвѣевны Ивановой, на проценты съ капитала въ *двѣ тысячи* руб., пожертвованнаго ею съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на взносъ платы за право ученія стипендіатки и на книги и другія учебныя пособія для нея.

§ 4. Избраніе стипендіатки предоставляется педагогическому совѣту означенной гимназіи изъ числа ученицъ православнаго исповѣданія, недостаточнаго состоянія, заслуживающихъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются для его увеличенія къ сему послѣднему.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для расходованія по назначенію.

Библиотека "Руниверс"

4. (20-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ статскаго совѣтника Николая Константиновича Журавлева при Переславской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26 мая 1897 года учреждаются при Переславской женской прогимназіи пять стипендій имени Н. К. Журавлева, на проценты съ капитала въ *восемьсотъ* руб., пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на плату за ученіе 5-ти ученицъ.

§ 4. Въ случаѣ повышенія платы за ученіе въ прогимназіи жертвователь обязуется увеличить соотвѣтственно основной капиталъ.

§ 5. Стипендіатками избираются бѣднѣйшія ученицы изъ дочерей жителей Переславскаго уѣзда, безъ различія сословій, отличающіяся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 6. Въ случаѣ неуспѣшности или плохаго поведенія, стипендіатка, по постановленію педагогическаго совѣта прогимназіи, лишается стипендіи.

§ 7. Выборъ стипендіатокъ принадлежитъ педагогическому совѣту прогимназіи.

§ 8. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіальнаго капитала причисляются къ сему послѣднему для увеличенія числа стипендій.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 10. Въ случаѣ преобразованія прогимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

5. (22-го мая 1898 года). *Положеніе о преміи имени ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Д. И. Дубяго при физико-математическомъ обществѣ, состоящемъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Учрежденіе преміи имени профессора Дмитрія Ивановича

Библиотека "Руниверс"

Дубяго имѣетъ цѣлью поощрять молодыхъ даровитыхъ людей изъ бывшихъ и состоящихъ студентами Императорскаго Казанскаго университета въ ихъ занятіяхъ астрономіей.

§ 2. Премія составляется изъ процентовъ съ капитала, который образуется ко дню учрежденія преміи (§ 8).

Капиталъ преміи остается навсегда неприкосновеннымъ въ вѣдѣніи физико-математическаго общества.

Примѣчаніе. Если физико-математическое общество прекратитъ свое существованіе, премія на тѣхъ же основаніяхъ переходитъ къ физико-математическому факультету Императорскаго Казанскаго университета, въ вѣдѣніе котораго поступаетъ капиталъ преміи.

§ 3. Физико-математическое общество назначаетъ сроки присужденія преміи, но размѣръ преміи не можетъ быть менѣе ста рублей.

§ 4. Не выданная въ назначенный срокъ премія присоединяется къ неприкосновенному капиталу (§ 2) для увеличенія поступающихъ на премію процентовъ.

§ 5. Сочиненія на соисканіе преміи представляются авторами въ общество къ назначенному сроку. Они могутъ быть написаны на какую угодно тему по астрономіи, но должны отличаться самостоятельностью и обнаруживать въ авторѣ несомнѣнное дарованіе.

Примѣчаніе. На соисканіе преміи могутъ быть принимаемы сочиненія, награжденныя медалью отъ факультета или служившія для иныхъ учебныхъ цѣлей; но сочиненія, удостоенныя другихъ наградъ, на соисканіе преміи не допускаются.

§ 6. Отзывы о поступившихъ на соисканіе преміи сочиненіяхъ составляются профессоромъ астрономіи Казанскаго университета. Премія присуждается физико-математическимъ обществомъ на основаніи заключенія совѣта общества. Отчетъ о присужденіи и выдача преміи происходитъ въ годичномъ засѣданіи общества.

§ 7. Если премія присуждена за печатное сочиненіе, то автору его предоставляется право обозначать въ заглавіи, что оно „удостоено физико-математическимъ обществомъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ преміи имени профессора Д. И. Дубяго". Рукописныя премированныя сочиненія обязательно печатаются съ такимъ же обозначеніемъ въ „Извѣстіяхъ физико-математическаго общества" полностью или въ извлеченіи. Также печатаются въ „Извѣстіяхъ" общества отзывы объ удостоенныхъ преміи сочиненіяхъ.

§ 8. Учрежденіе преміи считается со дня выхода профессора Д. И. Дубяго изъ службы въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Библиотека "Руниверс"

6. (28-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени пермскаго 2-й гильдіи купца Павла Федоровича Верхоланцева при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, пожертвованнаго торговымъ домомъ „Евграфъ Кухтеринъ и сыновья", учреждается при Императорскомъ Томскомъ университетѣ одна стипендія имени „пермскаго 2-й гильдіи купца Павла Федоровича Верхоланцева".

§ 2. Стипендіальный капиталъ, состоящій изъ одного свидѣтельства 4% государственной ренты въ *пять тысячъ* рублей и одного въ *тысячу* рублей, а всего изъ *шести тысячъ* рублей, составляетъ собственность Императорскаго Томскаго университета и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. За вычетомъ изъ доходовъ съ означеннаго въ п. 2 капитала 5% государственнаго налога стипендія въ размѣрѣ двухсотъ двадцати восьми рублей, выдается по усмотрѣнію правленія университета бѣднѣйшему студенту христіанскаго вѣроисповѣданія, преимущественно сиротѣ, безъ различія сословій и факультетовъ. При этомъ принимается во вниманіе кандидатура студента, поставленная П. Ф. Верхоланцевымъ, если таковая будетъ заявлена и если противъ нея правленіе не представитъ возраженій.

§ 4. Право на полученіе стипендіи прекращается или съ выходомъ изъ университета, или же вслѣдствіе малоуспѣшности стипендіата въ его учебныхъ занятіяхъ; если стипендіатъ остается на второй годъ на одномъ и томъ же курсѣ, то стипендія сохраняется за нимъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ остался на второй годъ по болѣзни или по инымъ уважительнымъ причинамъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіата по выбытіи его изъ университета.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо причинамъ остатки обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и причисляются къ стипендіальному капиталу.

7. (10-го іюня 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени присяжнаго повѣреннаго Давида Рафаловича при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго вдовою при

Библиотека "Руниверс"

сяжнаго повѣреннаго Рафаловича Эрнестиною Абрамовною Рафаловичъ, въ *шесть тысячъ* рублей свидѣтельствами 4% государственной ренты учреждается при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ стипендія имени присяжнаго повѣреннаго Давида Рафаловича.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность С.-Петербургскаго университета.

§ 3. Доходъ съ капитала, за вычетомъ 5% государственнаго сбора, назначается, согласно существующимъ для частныхъ стипендій правиламъ, для выдачи въ стипендіи студентамъ юридическаго факультета безъ различія вѣроисповѣданій.

§ 4. Могущіе образоваться отъ выдачи стипендій остатки обращаются на приращеніе капитала стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: „Курсъ французскаго языка въ трехъ частяхъ, составленный примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. Чтеніе, разговоръ, практическія упражненія и грамматика. Составилъ *Бернардъ Кленце*, преподаватель новыхъ языковъ Александровскаго Могилевскаго реальнаго училища. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники бр. Салаевыхъ". III-я часть. Курсъ старшихъ классовъ. А. Практическія упражненія. М. 1897. X+198+130. 1 рубль.—Б. Грамматика. М. 1897. XV+216. 75 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: „Проф. *Овсянико-Куликовскій, Д.* Языкъ и искусство. („Русская Библіотека", № 8). Изданіе І. Юровскаго. С.-Пб. 1895. 71. 20 коп."—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Библиотека "Руниверс"

— Книгу: „Учебникъ минералогіи и физической геологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Кричагинъ*, преподаватель 1-го С.-Петербургскаго реальнаго училища. 3-е исправленное изданіе. Съ 221 рисунками въ текстѣ. Изданіе К. Л. Риккера. С.-Пб. 1898. XVI+250. 1 р. 25 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*П. Бильдерлингъ*. Силы природы въ сельскомъ хозяйствѣ. Четыре очерка съ 14 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. X+276. 1 рубль“—допустить въ учительскія библіотеки реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книжку: Tableau général d'orthographe d'usage. Initiales.—Médiales.—Finales. Par *Z. T.* С.-Пб. 1897. Стр. 78 въ 12-ю долю. Цѣна 30 коп.“—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Вопросникъ къ „Учебному курсу теоріи словесности“ В. А. Яковлева (примѣнительно къ 3-му изданію). Составилъ *А. Пыльневъ*. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. С.-Пб. 1896. 68. Цѣна не обозначена“—одобрить для ученическихъ библіотекъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ теорія словесности изучается по „Учебному курсу“ В. А. Яковлева.

— Книжку: „Избранныя сочиненія французскихъ экономистовъ для коммерческихъ училищъ и реальныхъ училищъ съ коммерческимъ отдѣленіемъ. *Léon Say*. Comptabilité en partie double et Budget de 1883. *Леонъ Сэ*. Мысли о двойной бухгалтеріи и Рѣчь о бюджетѣ 1883 г. Объяснилъ *А. Л. Колле*, преподаватель французскаго языка въ Одесскомъ реальномъ училищѣ. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ, біографіей и портретомъ автора. Одесса. 1898. XXIII+169 въ 12-ю долю. 60 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для VI класса коммерческихъ отдѣленій.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книгу: „*Любимовъ, Н. А.*, заслуженный профессоръ Московскаго университета. Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Часть первая. Періодъ греческой науки. С.-Пб. 1892. V+264. 2 р.—Часть вторая. Періодъ средневѣковой науки. С.-Пб. 1894. 206. 1 р. 50 коп.—Часть третья. Физика въ XVII вѣкѣ. Отдѣлъ первый. Эпоха опыта и механической философіи. С.-Пб. 1896.

Библиотека "Руниверс"

694. 2 р. 50 коп."—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Тальботъ*. Старшины Вильбайской школы. Переводъ съ англійскаго *М. Шишмаревой*. Съ 24 рисунками. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1898. 344. 1 р."—одобрить для ученическихъ, младшаго и средняго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „*Эллитъ*. Лѣтомъ въ деревнѣ „Желанная". Для юношества. Въ пользу лѣтнихъ колоній Екатеринославскаго Общества попеченія о дѣтяхъ. Екатеринославъ. 1896. 103. 50 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги, изданныя Д. Ефимовымъ: 1) „*Мясницкій, И.* Гостинодворцы. Повѣсть. М. 1896. 584. 2 р."—2) „*Его же*. Около милліоновъ. М. 1897. 326. 1 р."—3) „*Арсеній Г.* Карьера. Повѣсть. М. 1896. 241. 1 р."—4) „*Апраксинъ, А.* Больное мѣсто. Романъ. М. 1896. 294. 1 р."—5) „*Альфонсъ Додэ*. Три разказа. М. (безъ означенія года). 111. 50 коп."—6) „*Его же*. Прежнее и новое счастье. М. (безъ означенія года). 138. 50 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*И. Потапенко*. Живая жизнь. Романъ. Изданіе Д. П. Ефимова и М. В. Клюкина. М. 1898. 374. 2 р."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія Высочайше утвержденнаго товарищества М. О. Вольфъ: 1) „Генералъ-фельдмаршалы русской арміи. Историческій очеркъ *Л. Полянова*. Съ 62 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 15 въ листъ. Цѣна 30 коп."—2) „1812 годъ. Отечественная война и ея герои. *Н. Головина*. Съ 203 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 52 въ листъ. Цѣна 90 коп."—3) „Усыпальница русскихъ государей. Петропавловскій соборъ и его царскія гробницы. *Виктора Русакова*. Съ 23 гравированными видами. Стр. 14 въ листъ. Цѣна 30 коп."—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія Московскаго отдѣла россійскаго общества покровительства животнымъ: 1) „Наше законодательство о жестокомъ обращеніи съ животными и желательныя въ немъ измѣненія *В. В. Быховскаго*. М. 1897. 68. 30 коп."—2) „Школа улицы. *Вл. Вагнера*. Изданіе 2-е. М. 1898. 21. Цѣна не обозначена."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Библиотека "Руниверс"

— Изданія Высочайше утвержденнаго товарищества М. О. Вольфъ: 1) „Священное коронованіе и вѣнчаніе на царство русскихъ государей съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. *П. Воздвиженскаго.* Съ 197 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 159 въ листъ. Цѣна 1 р. 50 коп.“—2) „Императоръ Николай I. Его царствованіе и черты характера. *Е. Карновича.* Съ 27 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 24 въ листъ. Цѣна 45 коп.“—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книги: 1) „*Бертольдъ Ауэрбахъ.* Дача на Рейнѣ. Романъ въ трехъ частяхъ. Переводъ *А. В. Перелыгиной*, просмотрѣнный *И. И. Семеновымъ.* Томъ I и II. Изданіе Д. П. Ефимова. 1897. Стр. въ обоихъ томахъ 1008. Цѣна за оба тома 4 р.“—2) „Собраніе сочиненій *Е. Марлиттъ* (Изданіе Д. Ефимова и М. Клюкина). Томъ I. Тайна старой дѣвы. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго *Е. Б.* М. 1898. 436.—Томъ II. Въ домѣ коммерціи совѣтника. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго *А. В. Перелыгиной.* М. 1898. 443.—Томъ III. Въ домѣ Шиллинга. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго *Е. Б.* М. 1898. 432.—Томъ IV. Совиный домъ. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1898. 362. (Цѣна за отдѣльные томы не обозначена).“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „В. Г. Бѣлинскій для учащихся. Критическій обзоръ русской словесности съ изложеніемъ основныхъ понятій о поэзіи. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Н. Сальниковъ.* М. 1898. 402. 1 р. 25 коп.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*Левесъ.* Женскіе типы Шекспира. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Страхова.* Съ предисловіемъ проф. *Н. И. Стороженко.* Съ приложеніемъ статьи *Даудена* „Женскіе типы Шекспира“. С.-Пб. 1898. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. XII+312. 2 р.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста. библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ безплатныхъ народныхъ читаленъ“.

— Книги: „Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ инспекторъ классовъ состоящаго подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны покровительствомъ Усачевско-Чернявскаго жен-

Библиотека "Руниверс"

скаго училища и преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *В. Соколовъ*. Часть I (для низшихъ классовъ). Изданіе 5-е. М. 1898. XIV—426. 1 р.—Часть II (для среднихъ классовъ). Изданіе 2-е. М. 1898. VIII—565. 1 р. 50 коп."—первую часть одобрить, а вторую допустить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „*Е. Водовозова*. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Болгары. Сербы. Черногорцы. С.-Пб. 1898. 209. Цѣна 40 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библіотекъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книги: 1) „Französisches Lesebuch. Mittel-und Oberstufe. Von *Karl Kühn*. Mit fünfunddreissig Illustrationen, einem Plan und einer Ansicht von Paris. Bielefeld und Leipzig. Verlag von Velhagen und Klasing. 1896. XII+340."—2) „Wörterbuch zum französischen Lesebuch von *Karl Kühn*. 1896. 64."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книжку: „*Уонаса Ли*. Дочери командора. Романъ. Переводъ съ норвежскаго. *В. Мосоловой*. М. 1896. 287. Цѣна 75 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Сочиненія протоіерея *Петра Смирнова*: 1) „Исторія христіанской православной церкви. Изданіе 11-е. С.-Пб. 1897. 227+III. Цѣна 1 р."—2) „Священная исторія Ветхаго Завѣта, въ объемѣ гимназическаго курса. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1898. 192+IV. Цѣна 60 коп."—3) „Священная исторія Новаго Завѣта, въ объемѣ гимназическаго курса. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1898. 168+IV. Цѣна 40 коп."—4) „Изложеніе христіанской православной вѣры. Опытъ повторенія катихизиса съ дополненіемъ изъ Богослуженія и указаніемъ разностей инославныхъ вѣроисповѣданій отъ ученія православной церкви. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1898. 132+IV. Цѣна 60 коп."—5) „Существенныя черты христіанскаго нравоученія. Дополнительные къ катихизису уроки по программѣ VIII класса. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1898. 61. Цѣна 30 коп."—6) „Краткая церковная исторія по программѣ городскихъ училищъ. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1898. 106+II. Цѣна 30 коп."—7) „Церковно-приходская школа. Упадокъ ея на западѣ Европы и значеніе для Россіи. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1894. 54. Цѣна 20 коп."—8) „День въ Черниговѣ (воспоминанія и впечатлѣнія) съ 6-ю рисунками. С.-Пб.

Библиотека "Руниверс"

1896. 32. Цѣна 20 коп."—одобрить №№ 1—5 въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній, № 6 въ качествѣ учебнаго руководства для низшихъ училищъ. № 7 для учительскихъ библіотекъ всѣхъ учебныхъ заведеній, и № 8 для библіотекъ учебныхъ заведеній, какъ учительскихъ, такъ и ученическихъ, а также для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книги: 1) „Историческое разслѣдованіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ *А. Н. Неустроевымъ*. С.-Пб. 1875. LXXII+878."—2) „Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому розысканію о нихъ. *А. Н. Неустроева*. С.-Пб. 1898. XVI+805. Цѣны не обозначены" — рекомендовать вниманію педагогическихъ совѣтовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки этихъ заведеній.

— Книгу: „Всеобщая исторія въ четырехъ томахъ. Сочиненіе профессора *Оскара Іегера*. Переводъ подъ редакціею профессора *П. Н. Полеваго*. Съ многими снимками съ памятниковъ и отдѣльными приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками. Изданіе А. Ф. Маркса. Цѣна за все изданіе (въ двѣнадцати выпускахъ) 12 р."—допустить въ ученическія средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданія Высочайше утвержденнаго товарищества М. О. Вольфъ: 1) „Святой городъ Іерусалимъ и его окрестности. *П. Воздвиженскаго*. Съ 39 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 18 въ листъ. Цѣна 40 коп."—2) „Монастырскіе острова Валаамъ и Коневецъ. Составлено по новѣйшимъ источникамъ *М. А. Арѣевымъ*. Съ 55 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 24 въ листъ. Цѣна 75 коп."—3) „Исаакіевскій соборъ. Исторія постройки храма, его святилища и художественныя достопримѣчательности. *П. Преображенскаго*. Съ 110 иллюстраціями, планами и фотохемиграфическими воспроизведеніями художественныхъ достопримѣчательностей храма. С.-Пб. Стр. 40 въ листъ. Цѣна 75 коп."—4) „Петергофъ. Его паркъ, его дворцы, его фонтаны въ прошломъ и настоящемъ. *К. М. Муханова*. Съ 52 гравированными видами и 1 планомъ Петергофа. С.-Пб. Стр. 20 въ листъ. Цѣна 30 коп."—5) „Святая гора Аѳонская. Описаніе аѳонскихъ монастырей, скитовъ, храмовъ, мѣстныхъ святынь и всѣхъ достопримѣчательностей Аѳона. *М. А. Арѣева*. Съ 71 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 22 въ листъ. Цѣна 40 коп."—6) „Царское село. Его

Библиотека "Руниверс"

дворцы, парки, сады, памятники, въ прошломъ и настоящемъ. *А. Волкова.* Съ 28 гравированными видами и 1 планомъ Царскаго села. С.-Пб. Стр. 14 въ листъ. Цѣна 30 коп."—7) „Лондонъ. Описаніе столицы Англіи и жизни въ ней. *Н. Е. Онуфріева.* Съ 150 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 46 въ листъ. 75 коп."—8) „Крестьянская республика Трансвааль и его богатства. *Н. Корсакова.* Съ 67 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 17 въ листъ. Цѣна 30 коп."—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ таковыя же библіотеки учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „*Гартвигъ.* Чудеса подземнаго міра. Переводъ съ нѣмецкаго (съ 32 рисунками) третье русское изданіе. („Общеполезная библіотека для самообразованія" №№ 19, 20, 21 и 22 изданіе М. В. Клюкина). М. (Годъ не показанъ). IV+651. Цѣна 2 р. 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: „Повторительный курсъ ботаники для натуралистовъ, медиковъ и фармацевтовъ. *А. Ганзена*, проф. Гиссенскаго университета. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія *М. Д. Вахтеля.* Изданіе Высочайше утвержденнаго Южно-Русскаго Общества печатнаго дѣла. Одесса. 1898. XII+207. Цѣна 1 р. 50 коп."—одобрить для учительскихъ библіотекъ реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

— Книгу: „*Б. Юзефовичъ.* Основы самопознанія. Философскій очеркъ для юношества. С.-Пб. (Годъ не обозначенъ). 91. Цѣна 40 коп."—рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Библиотека "Руниверс"

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книжку: „*Д. Мартыновъ.* Русскій грамотей. I. Азбука-скороучка, вмѣстѣ съ методикою обученія грамотѣ. Изданіе 5-е, тщательно исправленное. М. 1896. 41. 10 коп.“ — допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книжку: „*П. Ершовъ.* Конекъ-горбунокъ. Русская сказка. Изданіе 17-е, перепечатанное безъ перемѣны съ таковаго же 15-го изданія, одобреннаго особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1898. 128. 20 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Подпасокъ. Разказъ. *И. Д. Смирнова.* Изданіе 3-е, М. Клюкина. М. 1897. 31. 40 коп. (Удостоено преміи С.-Петербургскаго фребелевскаго общества)“ — допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „*Н. М. Ерошенко.* Уроки класснаго и хороваго пѣнія. Учебникъ и музыкальная хрестоматія. Курсъ элементарной теоріи пѣнія по общедоступному способу обученія. Изданіе 3-е, Распопова въ Одессѣ. Одесса. Стр. 39. 35 коп.“—допустить къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ пособія при обученіи пѣнію.

— Брошюры, изданныя М. Клюкинымъ: 1) „*И. Смирновъ.* Деревенская школа. Разказъ съ рисунками. М. 1898. 70. 20 коп. („Добрыя души“. Чтеніе для дѣтей и для народа)“. — 2) „*М. Васильевъ.* I. На шалыгѣ. II. Въ перелѣскѣ. Два разказа съ 6-ю рисунками. № 9. М. 1898. 30. 5 коп. („Добрыя души“ Чтеніе для дѣтей и для народа)“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „На память дѣткамъ. Разказы и стихотворенія *Н. И. Познякова*, съ 80-ю рисунками Т. И. Никитина и др. (2-е изданіе

Библиотека "Руниверс"

книги „Дѣтскій праздникъ", значительно измѣненное и дополненное). С.-Пб. 1894. Изданіе М. Ледерле. IV + 220. 2 р. (въ переплетѣ и съ золотымъ обрѣзомъ)"—одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ, для таковыхъ же, младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Брошюру: „Къ рабочему человѣку. I. Бесѣда о трудѣ. *Ивана Л.* Москва. 1898. 16. 3 коп."—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: „Маленькимъ друзьямъ. Сборникъ мелкихъ разказовъ для начинающихъ читать. Составилъ *Б. Н. Тицъ*. Книжка 1-я. С.-Пб. 1898. 32. 10 коп."—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „*В. Колокольникова*. Церковно-славянскій словарь для толковаго чтенія Св. Евангелія, Псалтири и Часослова. М. 1897. 57. 10 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Журналъ: „Дѣятель. 1897. №№ 1 — 12, январь по декабрь. Казань. Подписная цѣна за годъ 2 р." — допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюры, изданныя Харьковскимъ издательскимъ комитетомъ при обществѣ грамотности: 1) „№ 45. Отецъ Наркиссосъ, разказъ *Бикеласа* и Дядя Иванъ. Харьковъ. 1897. 32. 5 коп." — 2) „№ 10. О шелкѣ". — 3) „№ 48. Народный дворецъ, передѣлано *Ю. С.* изъ романа: „Тайна богатой наслѣдницы". Харьковъ. 1897. 94". — 4) „№ 46. О томъ, какія сельскія повѣрья и обычаи въ особенности вредны. Профессора *Н. Ѳ. Сумцова*. Харьковъ. 1897. 30. 1½ к."— 5) „№ 41. Страшная смерть невиннаго человѣка. Быль. *В. Вересаева*. Харьковъ. 1896. 76. 4 коп." — 6) „№ 44. Маленькіе странствующіе итальянцы въ Англіи. Переводъ съ англійскаго. Харьковъ. 1896. 48".—7) „№ 24. Желѣзныя дороги".—8) „№ 34. Сестра Катерина".—9) „№ 20. Прекрасная Нивернеза".—10) „№ 37. „Друзья".— 11) „№ 38. Дѣва Орлеанская".—12) „№ 16. Очерки изъ американской жизни. *Э. К.* Харьковъ. 1893. 32".—13) „№ 21. Добрые люди стараго времени на Руси. Историческій очеркъ. *С. Р.* Харьковъ 1894. 28". — 14) „№ 35. Карлъ Великій. (Посвящается Г. А. Р.).

Библиотека "Руниверс"

С. Р. Харьковъ. 1895. 45"—первую и вторую одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ, народныхъ библіотекъ и читаленъ, и для народныхъ чтеній; третью и четвертую допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, въ народныя библіотеки и читальни и для народныхъ чтеній; пятую—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ народныя библіотеки и читальни; шестую, седьмую и восьмую допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ народныя библіотеки и читальни и для народныхъ чтеній; девятую, десятую и одиннадцатую допустить въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведній и въ народныя библіотеки и читальни; двѣнадцатую, тринадцатую и четырнадцатую въ тѣ же библіотеки, а равно и для народныхъ чтеній.

— Книгу: „*А. Преображенскій.* Букварь для обученія письму и чтенію. Книга для чтенія. Церковно-славянская азбука. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное (иллюстрировано). М. 1898. 95. 20 к."—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Методика русской грамоты и начальныхъ упражненій въ русскомъ языкѣ *Н. Страхова.* Харьковъ. 1998. 176. 1 руб."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства, для употребленія въ дополнительныхъ педагогическихъ классахъ женскихъ гимназій, для учительскихъ семинарій и институтовъ и для учительскихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ школъ.

— Книгу: „Поднебесный аулъ. Историческая повѣсть изъ старыхъ Кавказскихъ былей. *Вас. Ив. Немировича-Данченко.* Съ 27 рис. художника К. Чичагова. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское чтеніе". М. 1898. 267. 75 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: „Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло". Изданіе 2-е. С.-Пб. 1898. 64. Цѣна не обозначена"—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Времена года. Географическія картинки *Д. А. Коропчевскаго.* Съ 20 рис. (Библіотека „Дѣтскаго чтенія"). М. 1898. 136. 45 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальня.

— Книгу: „*Ѳ. В. Виноградовъ.* Историческая записка о Курмышскомъ городскомъ училищѣ. Симбирскъ. 1897. 182. 1 руб."—допу-

Библиотека "Руниверс"

стить въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ Казанскаго учебнаго округа.

— Сочиненія *А. Александрова*, изданныя А. Я. Панафидинымъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ?"—1) „Жители лѣсной полосы. Чтеніе для народа, избрано комиссіею къ напечатанію изъ числа чтеній для народа, произнесенныхъ въ Соляномъ городкѣ. Изданіе 4-е. М. 1896. 31." — 2) „Благодатный край (Малороссія). М. 1898. 32. 10 к."—3) „Крымъ (Таврическій полуостровъ). М. 1898. 48. 10 коп." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Сочиненія *Клавдіи Лукашевичъ*: 1) „Ясное солнышко и другіе повѣсти и разказы для дѣтей средняго возраста. М. 1898. 263. 1 р. 25 коп."—2) „Дядюшка-флейтистъ. Повѣсть. М. 1898. 63. 50 к."— 3) „Аксютка-нянька, разказъ. С.-Пб. 1897. 55. 50 коп. (Удостоено преміи С.-Петербургскаго фребелевскаго общества)" — одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (первое и второе для средняго, а третье — для младшаго возраста), въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книжку: „Реа Гаіелодимъ, то-есть, Другъ дѣтей. Сочиненіе учителя *Израиля Левнера*. Изданіе 3-е, исправленное. Екатеринославъ. 1895. 74. Цѣна не обозначена" — допустить къ употребленію въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ (4-мъ) ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книжку: „*Н. К. Кабардинъ*. Пчеловодная азбука. Съ рисунками. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1898. IV+106. 20 коп."—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книги: „Собраніе сочиненій *Генриха Сенкевича*. Полный переводъ *Ф. В. Домбровскаго*. Изданіе книгопродавца-издателя Ф. А. Іогансона. Томъ I. Безъ догмата. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1897. Стр. 428. — Томы II и III. Повѣсти и разказы. Кіевъ. 1894. Стр. 417 + 358. — Томъ IX. Семья Поланецкихъ. Романъ. Кіевъ. 1895. Стр. 628. — Томъ X. Письма изъ путешествій. Кіевъ. 1894. Стр. 440" — допустить къ обращенію въ городскихъ безплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ.

Библиотека "Руниверс"

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона доводитъ до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1898—1900 г.) назначены слѣдующія задачи:

1. *Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.* Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII вѣка, со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры [1]).

2. *Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.* Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ:—Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ

---

[1]) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

Библиотека "Руниверс"

до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія [1]).

Примѣчаніе Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. *Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.* Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ.—Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведенія письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, письмъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденій этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона. Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1.000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16-го декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1-го марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія [2]).

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются, какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на рускомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ.

---

[1]) См. примѣчаніе на стр. 23.

[2]) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1900 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(27-го іюня 1898 года). „Профессору Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ - технологу, статскому совѣтнику *Зернову*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть директоромъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III".

(3-го іюля 1898 года). „Временно исправляющему должность директора и профессора Кіевскаго политехническаго института Императора Александра II, тайному совѣтнику *Кирпичеву* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть директоромъ и ординарнымъ профессоромъ того же института; временно исправляющему должность директора Варшавскаго политехническаго Имени Нашего института, коллежскому ассесору *Лагоріо*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть директоромъ того же института.

(6-го іюля 1898 года). Ректору и исправляющему должность ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, магистру государственнаго права, дѣйствительному статскому совѣтнику *Звѣреву*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (24-го апрѣля 1898 года). *Объ опредѣленіи при Двинскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ врача.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 24-й день апрѣля 1898 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на опредѣленіе при Двинскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ врача безъ жалованья, но съ правами государственной службы.

4. (24-го апрѣля 1898 года). *О присвоеніи изображенія Императорской Короны къ значку, носимому на фуражкахъ учениками Императорской Казанской 1 гимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 24-й день апрѣля 1898 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе изображенія Императорской Короны къ значку, носимому на фуражкахъ учениками Императорской Казанской 1 гимназіи.

5. (24-го апрѣля 1898 года). *О присвоеніи Новороссійской женской прогимназіи наименованія „Александринской“.*

Государь Императоръ, въ 24-й день апрѣля 1898 г., по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на присвоеніе Новороссійской женской прогимназіи наименованія „Александринской“.

6. (24-го апрѣля 1898 года). *Объ утвержденіи рисунка медали для выдачи рецензентамъ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе преміи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михельсона.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 24-й день апрѣля 1898 г., Высочайше соизволилъ утвердить рисунокъ медали для выдачи рецензентамъ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе преміи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михельсона.

О таковой Высочайшей волѣ управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія донесъ правительствующему сенату, съ представленіемъ копіи съ Высочайше утвержденнаго рисунка означенной медали.

Библиотека "Руниверс"

7. (18-го мая 1898 года). *Объ учрежденіи въ слободѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ слободѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ слободѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить, съ 1-го іюля 1898 г., въ слободѣ Борисовкѣ, Грайворонскаго уѣзда Курской губерніи, школу ремесленныхъ учениковъ со слесарнымъ и столярнымъ отдѣленіями на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 20-го декабря 1893 года, мнѣнія государственнаго совѣта и штата.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1899 года, на содержаніе означенной школы (отд. I) по *семи тысячъ четыреста шестидесяти пяти* рублей въ годъ, съ обращеніемъ въ доходъ казны по *три тысячи семисотъ* рублей, жертвуемыхъ мѣстными земствомъ и сельскимъ обществомъ, и по *одной тысячѣ* рублей процентовъ съ капитала Харитоненко; въ текущемъ же году расходъ на ту же надобность отнести въ размѣрѣ *одной тысячи трехсотъ восьмидесяти двухъ* рублей *пятидесяти* копѣекъ на имѣющійся въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія кредитъ въ 20.000 рублей на устройство школъ ремесленныхъ учениковъ, а въ размѣрѣ *двухъ тысячъ трехсотъ пятидесяти* рублей на мѣстныя средства.

III. Отпустить въ 1899 году единовременно *пятнадцать тысячъ* рублей на постройку зданія для мастерскихъ упомянутой школы (отд. I) въ дополненіе къ 9.500 руб., жертвуемымъ на тотъ же предметъ мѣстнымъ сельскимъ обществомъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

Библиотека "Руниверс"

I. Учредить въ г. Севастополѣ съ 1-го іюля 1899 г. шестиклассную прогимназію, съ тѣмъ, чтобы въ 1899 г. были открыты первые четыре класса, а въ послѣдующіе два года V и VI классы.

II. Ассигновать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе названной прогимназіи въ 1899 г. — *шесть тысячъ семьсотъ двадцать пять* рублей, въ 1900 г. — *пятнадцать тысячъ сто девяносто пять* рублей, въ 1901 г.—*восемнадцать тысячъ шестьдесятъ два* рубля *пятьдесятъ* коп. и начиная съ 1902 г. по *девятнадцати тысячъ ста восьмидесяти пяти* руб. въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

11. (4-го іюня 1898 года). *О преобразованіи Одесской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Одесской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Одесской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Преобразовать Одесскую шестиклассную прогимназію въ полную гимназію, съ тѣмъ, чтобы съ 1-го іюля 1899 г. былъ открытъ при ней VII классъ и съ 1-го іюля 1900 г.—VIII классъ.

II. Ассигновать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе названной гимназіи, въ дополненіе къ нынѣ отпускаемымъ на нее суммамъ: въ 1899 г. — *двѣ тысячи тридцать семь* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1900 г.—*четыре тысячи девятьсотъ сорокъ пять* рублей и, начиная съ 1901 г., — по *пяти тысячъ восьмисотъ пятнадцати* рублей въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

Библиотека "Руниверс"

12. (4-го іюня 1898 года). *Объ учрежденіи въ г. Буинскѣ, Симбирской губерніи, низшей ремесленной школы.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ г. Буинскѣ, Симбирской губерніи, низшей ремесленной школы, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Буинскѣ, Симбирской губерніи, низшей ремесленной школы, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить, съ 1-го января 1899 года, въ г. Буинскѣ, Симбирской губерніи, низшую ремесленную школу на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 24-го апрѣля 1895 года, мнѣнія государственнаго совѣта и штата.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства, съ того же срока, на содержаніе означенной школы (отд. I), по *двѣ тысячи семисотъ семидесяти* рублей въ годъ, съ обращеніемъ въ доходъ казны по *тысячѣ семисотъ семидесяти* рублей въ годъ, жертвуемыхъ мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ и городскимъ обществомъ.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1899 году, единовременно *три тысячи пятьсотъ* рублей на расходы по обзаведенію упомянутой школы (отд. I), въ дополненіе къ 500 р., жертвуемымъ на тотъ же предметъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(19-го іюня 1898 года). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Догель* и сверхштатный экстраординарный профессоръ того же университета, докторъ физики, статскій совѣтникъ *Хвольсонъ*—ординарными профессорами названнаго универ-

Библиотека "Руниверс"

ситета, изъ нихъ: первый—по каѳедрѣ зоологіи, сравнительной анатоміи и физіологіи, а второй—по каѳедрѣ физики.

Утверждается, дворянинъ *Харченко* — вновь почетнымъ попечителемъ Преславской учительской семинаріи, согласно избранію, на слѣдующее трехлѣтіе.

(27-го іюня 1898 года). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, докторъ теоріи и исторіи искусствъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кондаковъ* — съ утвержденіемъ его сверхштатнымъ ординарнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ, по археологіи, съ 23-го мая.

Назначаются: профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ-технологъ, статскій совѣтникъ *Зерновъ*—директоромъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III; надворный совѣтникъ *Введенскій*—почетнымъ попечителемъ Воронежской гимназіи, на три года, съ 1-го января.

Утверждается, дворянинъ *Ромейко* — почетнымъ попечителемъ Ржевской прогимназіи, согласно избранію, на три года.

(10-го іюля 1898 года). *Назначаются*: ректоръ и исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, магистръ государственнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Звѣревъ*—товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ 6-го іюля; экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ уголовнаго права, статскій совѣтникъ *Духовской*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства.

Утверждается, генералъ-маіоръ графъ *Шуваловъ*—почетнымъ попечителемъ Уманской гимназіи, согласно избранію, на три года.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ, статскій совѣтникъ *Ершовъ* и почетный попечитель Ялтинской гимназіи, дворянинъ *Кочубей*.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (19-го мая 1898 года). *Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія г. попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.*

Въ министерство народнаго просвѣщенія весьма часто поступаютъ разныя ходатайства воспитанниковъ какъ высшихъ и среднихъ, такъ

Библиотека "Руниверс"

даже и низшихъ учебныхъ заведеній, большинство которыхъ подлежитъ по закону разрѣшенію непосредственнаго учебнаго начальства просителей; независимо отъ сего, даже такимъ ходатайствамъ, удовлетвореніе коихъ зависитъ отъ усмотрѣнія центральнаго управленія министерства, не можетъ быть дано никакого движенія безъ затребованія отъ мѣстнаго начальства заключенія по существу дѣла.

Вслѣдствіе сего, для устраненія излишней пересылки такихъ прошеній въ провинціальныя учрежденія, обременяющей дѣлопроизводство министерства и замедляющей, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшеніе дѣлъ, долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство объявить воспитанникамъ подвѣдомственныхъ вамъ учебныхъ заведеній, чтобы они съ прошеніями по личнымъ своимъ дѣламъ обращались исключительно къ непосредственному своему начальству, которое, когда то окажется нужнымъ, не преминетъ передать таковыя на усмотрѣніе высшихъ инстанцій. Тѣмъ же путемъ, то-есть черезъ мѣстное учебное начальство, къ попечителю учебнаго округа или въ центральное управленіе министерства должны быть направляемы прошенія учениковъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ ходатайства выходитъ изъ круга компетенціи начальника даннаго учебнаго заведенія, или же если проситель, недовольный рѣшеніемъ послѣдняго, обращается къ высшему начальству съ жалобою. За симъ, всѣ прошенія воспитанниковъ учебныхъ заведеній, направляемыя непосредственно въ центральное управленіе министерства, будутъ оставляемы безъ послѣдствій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ оповѣстить и родителей, родственниковъ и опекуновъ воспитанниковъ, что въ видахъ ускоренія въ рѣшеніи возбуждаемыхъ ими ходатайствъ по дѣламъ учащихся, которые находятся на ихъ попеченіи, было бы желательно, чтобы и они строго придерживались указаннаго выше порядка направленія своихъ прошеній и жалобъ, такъ какъ министерство вынуждено такія прошенія или отсылать обратно на усмотрѣніе мѣстныхъ своихъ органовъ, или же, во всякомъ случаѣ, требовать ихъ заключеніе.

9. (6-го іюля 1898 года). *Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія г. попечителю учебнаго округа.*

По распоряженію министерства народнаго просвѣщенія ученымъ комитетомъ онаго вновь пересмотрѣны и нынѣ отпечатаны вторымъ изданіемъ „Учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, пре-

Библиотека "Руниверс"

подаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія".

Въ этомъ изданіи сдѣланы слѣдующія дополненія и измѣненія:

§ 1. Помѣщены утвержденныя святѣйшимъ сунодомъ программы по Закону Божію для приготовительнаго, первыхъ шести классовъ, а также для VII класса реальныхъ училищъ.

§ 2. Въ программѣ VI класса французскаго языка (стр. 56), вмѣсто словъ: „двухъ послѣднихъ столѣтій", напечатано „трехъ послѣднихъ столѣтій", въ согласованіе съ объяснительною запискою (стр. 64).

§ 3. Въ учебномъ планѣ VI класса алгебры (стр. 100), вмѣсто словъ; „неопредѣленныя уравненія 1-й степени съ одною неизвѣстною", напечатано „неопредѣленныя уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными".

§ 4. Въ объяснительной запискѣ къ учебному плану математики (стр. 109), вмѣсто словъ: „въ курсѣ третьяго класса" и „при прохожденіи уравненій въ третьемъ классѣ", напечатано: „въ курсѣ четвертаго класса" и „при прохожденіи уравненій въ четвертомъ классѣ".

§ 5. Въ той же объяснительной запискѣ (стр. 110) сдѣлано новое важное указаніе, что число X, разлагающееся въ безконечно непрерывную дробь, равно этой дроби.

§ 6. Въ этой же объяснительной запискѣ исключены слова: „въ VI классѣ ученики занимаются вычерчиваніемъ кривыхъ, указанныхъ въ программѣ, по точкамъ, при помощи дугъ круга и посредствомъ лекала", ибо вычерчиваніе кривыхъ, по программѣ 1895 г., не представляетъ предмета изученія въ реальныхъ училищахъ.

§ 7. Понятіе о спектральномъ анализѣ и примѣненія его въ химіи и астрономіи перенесены изъ курса физики V класса въ курсъ VI класса, и именно въ ученіе о свѣтѣ.

§ 8. Сдѣланы нѣкоторыя мелкія редакціонныя поправки.

Сообщая вашему превосходительству объ изложенномъ и препровождая при семъ 00 экземпляровъ отпечатанныхъ вторымъ изданіемъ „Учебныхъ плановъ и примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія", покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, озаботиться скорѣйшею разсылкою оныхъ по реальнымъ училищамъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа, предложивъ эти планы и программы къ руко-

Библиотека "Руниверс"

водству съ начала наступающаго 1898—99 учебнаго года, за исключеніемъ программы по Закону Божію для V—VII классовъ, о примѣненіи которой министерствомъ будетъ сообщено особо, по полученіи необходимыхъ указаній святѣйшаго сѵнода по сему предмету.

Въ циркулярѣ отъ 4-го августа 1889 г. за № 13.323 уже были даны министерствомъ подробныя указанія для правильнаго выполненія программъ. Посему я нынѣ не считаю нужнымъ повторять данныхъ министерствомъ разъясненій.

10. (4-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени покойнаго ученика 10-й С.-Петербургской гимназіи Юлія Владиміровича Эсипова при этой же гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *двѣ тысячи* руб., пожертвованнаго коллежскимъ совѣтникомъ Владиміромъ Евгеніевичемъ Эсиповымъ, учреждается при 10-й С.-Петербургской гимназіи стипендія имени покойнаго сына его, ученика этой гимназіи Юлія Владиміровича Эсипова.

§ 2. Пожертвованный для образованія стипендіи капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность гимназіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода въ тиражъ или конверсіи свидѣтельства государственной ренты должны быть замѣнены другими государственными же или гарантированными правительствомъ процентными бумагами.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ 5% государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе одного ученика 10-й С.-Петербургской гимназіи, а остатки отъ процентовъ выдаются на руки родителямъ или лицу, завѣдующему воспитаніемъ выбраннаго стипендіата, на учебныя пособія.

§ 4. Въ стипендіаты выбирается одинъ изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ по поведенію и успѣхамъ учениковъ названной гимназіи христіанскаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Выборъ стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи, въ

Библиотека "Руниверс"

случаѣ малоуспѣшности или за неодобрительное поведеніе, предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время обученія въ 10-й С.-Петербургской гимназіи, за исключеніемъ случая, предусмотрѣннаго § 5.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (6-го февраля 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени покойнаго гласнаго Житомирской городской думы Тимофея Петровича Самборскаго при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ.* (Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, учреждается на проценты съ капитала въ *двѣсти* руб., пожертвованнаго Житомирскою городскою думою, при Житомирскомъ городскомъ училищѣ стипендія имени покойнаго гласнаго Житомирской городской думы Тимофея Петровича Самборскаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища изъ постоянныхъ жителей города Житомира, а остальныя деньги выдаются стипендіату на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ Житомирской городской думѣ изъ числа представленныхъ ей педагогическимъ совѣтомъ училища кандидатовъ, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Житомирскаго двухкласснаго городскаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

Библиотека "Руниверс"

12. (7-го февраля 1878 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Владиміро-Волынскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.*

(Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 30-го октября 1897 года, при Владиміро-Волынскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи по *пятидесяти* руб. каждая: одна въ мужскомъ отдѣленіи Имени Государя Императора Николая Александровича, а другая въ женскомъ Имени Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

§ 2. На содержаніе стипендіата и стипендіатки, согласно постановленію Владиміро-Волынской городской думы, состоявшемуся 14-го апрѣля 1896 года, ежегодно, въ первыхъ числа января мѣсяца городскою управою должны быть передаваемы въ распоряженіе педагогическаго совѣта училища *сто* рублей серебромъ.

§ 3. Стипендіатъ и стипендіатка избираются педагогическимъ совѣтомъ училища изъ лучшихъ учениковъ и ученицъ бѣднаго состоянія городскихъ жителей, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій.

§ 4. Исправный ежегодный взносъ денегъ на стипендіи обезпечивается всѣмъ общественнымъ имуществомъ и ежегоднымъ, на вѣчныя времена, внесеніемъ таковыхъ въ смѣту городскихъ расходовъ, въ удостовѣреніе чего и выдается Владиміро-Волынскому двухклассному городскому училищу второй экземпляръ постановленія думы за общимъ подписомъ всѣмъ наличныхъ гласныхъ.

§ 5. Обѣ стипендіи, пользуясь равными долями, то-есть по 50 р. каждая, выдаются, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, годично или пополугодно родителямъ и родственникамъ, но если бы педагогическій совѣтъ призналъ болѣе цѣлесообразнымъ иную мѣру удовлетворенія стипендіатовъ, то это всецѣло должно зависѣть отъ его усмотрѣнія.

§ 6. Лишеніе стипендій по малоуспѣшности въ наукахъ и дурному поведенію должно принадлежать педагогическому совѣту училища.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Владиміро-Волынскаго городскаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ сіе послѣднее, для употребленія по назначенію.

Библиотека "Руниверс"

13. (12-го марта 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы Новгородскаго купца Вильгельмины Ѳедоровны Бергъ при Новгородской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣсти рублей*, пожертвованнаго дѣтьми вдовы новгородскаго купца Бергъ, учреждается при Новгородской гимназіи одна стипендія имени Вильгельмины Ѳедоровны Бергъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, хранится въ Новгородскомъ губернскомъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ гимназіи, составляя собственность гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Выборъ стипендіата изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ, занимающихся съ пансіонерами младшихъ классовъ, зависитъ отъ педагогическаго совѣта названной гимназіи.

§ 4. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ причисляются къ основному капиталу.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (29-го марта 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Полтавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 21-го марта 1898 года, въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны учреждаются при Полтавскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ двѣ стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ на средства, отпускаемыя для сего ежегодно Полтавскимъ мѣщанскимъ обществомъ.

§ 2. Означенныя стипендіи употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ учащихся въ названномъ училищѣ, въ установленномъ размѣрѣ.

Библиотека "Руниверс"

§ 3. Стипендіаты избираются Полтавскимъ мѣщанскимъ обществомъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ сему обществу.

§ 4. Стипендіаты могутъ быть по постановленію педагогическаго совѣта училища лишены стипендій въ томъ случаѣ, если поведеніе ихъ будетъ оцѣнено балломъ менѣе четырехъ.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Полтавскаго городскаго училища, стипендіи выдаются ученикамъ того учебнаго заведенія, которое будетъ открыто въ Полтавѣ взамѣнъ существущаго городскаго училища.

15. (22-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Островской Александровской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 22-го января 1898 г., учреждается одна стипендія при Островской Александровской женской прогимназіи, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ наименованіемъ таковой стипендіей Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, для чего вносится ежегодно въ смѣту городскихъ расходовъ *тридцать пять* рублей.

§ 2. Изъ суммы 35 руб. вносится прежде всего плата за ученіе, а остальная сумма предназначается на покупку книгъ и другихъ учебныхъ пособій стипендіаткѣ.

§ 3. Право выбора стипендіатки принадлежитъ городской думѣ.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ означенной стипендіи, обращаются на образованіе особаго капитала на выдачу пособія другимъ ученицамъ, по постановленію думы.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ закрытія или преобразованія Островской Александровской женской прогимназіи въ какое либо другое учебное заведеніе, дальнѣйшая уплата означенной суммы на степендію будетъ зависѣть отъ постановленія думы.

Библиотека "Руниверс"

16. (22-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Островскомъ трехкласномъ городскомъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 22-го января 1898 г., учреждаются двѣ стипендіи при Островскомъ трехкласномъ городскомъ училищѣ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ наименованіемъ таковыхъ „стипендіями Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны", для чего вносится ежегодно въ смѣту городскихъ расходовъ по *восемнадцати* руб. на каждую стипендію, а всего *тридцать шесть* рублей.

§ 2. Изъ суммы 18 рублей уплачивается прежде всего за право ученія стипендіатовъ, а остальная сумма предназначается на покупку книгъ и другихъ учебныхъ пособій.

§ 3. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ городской думѣ.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ означенныхъ стипендій обращаются на образованіе особаго капитала на выдачу пособія другимъ ученикамъ, по постановленію думы.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ закрытія или преобразованія Островскаго городскаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе, дальнѣйшая уплата означенной суммы на стипендіи будетъ зависѣть отъ постановленія думы.

§ 17. (23-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Николая Іоновича Тюменева при Рыбинскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5 декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Рыбинскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждаются стипендіи имени потомственнаго почетнаго

Библиотека "Руниверс"

гражданина Николая Іоновича Тюменева на счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи* руб., пожертвованнаго имъ съ этою цѣлію.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, составляя его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей по закону 20 мая 1885 года поступленію въ казну, назначаются въ плату за ученіе столькихъ учениковъ Рыбинскаго городскаго училища, изъ дѣтей жителей гор. Рыбинска, сколько возможно по количеству процентныхъ денегъ и размѣру платы за ученіе.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій при малоуспѣшности и неодобрительномъ поведеніи, предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ капиталу для увеличенія его.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ закрытія или преобразованія Рыбинскаго городскаго трехкласснаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

18. (22-го іюня 1898 г.). *Положеніе о стипендіяхъ потомственнаго почетнаго гражданина Василія Ивановича Ѳеолого при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала 75.000 руб., пожертвованнаго по духовному завѣщанію умершаго потомственнаго почетнаго гражданина Ѳеолого, утвержденному Симферопольскимъ окружнымъ судомъ, учреждаются при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ шесть стипендій имени жертвователя.

§ 2. Стипендіатами могутъ быть молодые люди православнаго вѣроисповѣданія всѣхъ сословій, изъ грековъ, великороссовъ и малороссовъ, обучавшіеся и окончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Таврической губ., преимущественно же въ Симферопольской и Керченской гимназіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

§ 3. Право избранія стипендіатовъ предоставляется, на общемъ основаніи, правленію университета.

§ 4. Избраннымъ стипендіатамъ назначаются стипендіи каждому въ теченіе четырехъ лѣтъ по 400 руб. въ годъ, а по окончаніи курса на пятый годъ назначаются пособія этимъ стипендіатамъ тоже по 400 руб. каждому, съ выдачею таковыхъ пособій въ два срока, а именно на проѣздъ по окончаніи курса для пріисканія мѣста по 200 руб. каждому и на обзаведеніе, по опредѣленіи на мѣсто, по 200 руб. не ранѣе впрочемъ какъ чрезъ полгода по выдачѣ первыхъ двухсотъ рублей. Такимъ образомъ каждая стипендія ежегодно должна быть разсчитана въ пятьсотъ руб., изъ коихъ на содержаніе стипендіатовъ выдавалось бы въ годъ по 400 руб. каждому, а остатокъ отъ каждаго года въ сто руб. оставлять на выдачу пособій по окончаніи курса, что и составитъ потребную для сего сумму по 400 руб. для каждаго.

§ 5. Пользованіе стипендіями Ѳеолого не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Избраннымъ стипендіатамъ стипендіи выдаются за вычетомъ 5% государственнаго налога.

§ 7. Не израсходованные проценты съ стипендіальнаго капитала должны быть обращены въ процентныя бумаги для увеличенія капитала и учрежденія новыхъ стипендій имени жертвователя.

§ 8. Во всемъ остальномъ, означенныя стипендіи подчиняются правиламъ на сей предметъ установленнымъ, или имѣющимъ быть установленными.

19. (22-го іюня 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Леонарда Михайловича Янковскаго при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра.*

(Утверждено г. исправляющимъ обязанности товарища министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. Дворянинъ Кіевской губ. Леонардъ Михайловичъ Янковскій, въ память исполнившагося пятидесятилѣтія со дня окончанія имъ въ 1848 г. курса наукъ въ Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра, пожертвовалъ сему университету капиталъ въ *семь тысячъ* рублей для учрежденія при университетѣ одной стипендіи имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся нынѣ въ семи свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, по 1.000 руб. каждое, со-

Библиотека "Руниверс"

ставляетъ собственность университета и хранится въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ фондомъ для означенной стипендіи.

§ 3. Годовой размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ, ежегодно получаемыхъ съ стипендіальнаго капитала, по вычетѣ изъ нихъ государственнаго налога.

§ 4. Стипендіатами имени Леонарда Михайловича Янковскаго могутъ быть только студенты университета Св. Владиміра польскаго происхожденія, римско-католическаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, отличнаго поведенія и хорошихъ успѣховъ въ наукахъ, по избранію учредителя стипендіи или его преемника и съ утвержденія г. попечителя округа.

§ 5. Послѣ смерти Леонарда Михайловича Янковскаго обязанность представлять кандидатовъ въ стипендіаты, сохраняясь въ родѣ Янковскихъ, прежде всего переходитъ къ брату учредителя Юліану Михайловичу Янковскому, а впослѣдствіи по преемству къ главному наслѣднику, причемъ имѣющій право назначать степендіата самъ при жизни указываетъ своего преемника; въ противномъ-же случаѣ избраніе стипендіата производится правленіемъ университета.

§ 6. Стипендіаты имени Л. М. Янковскаго относительно своихъ научныхъ занятій подчиняются правиламъ, установленнымъ для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія.

§ 7. Стипендіаты лишаются права пользованія стипендіей въ случаѣ выбытія изъ университета или неуспѣшности въ научныхъ занятіяхъ, если нѣтъ къ тому особыхъ уважительныхъ причинъ, засвидѣтельствованныхъ надлежащимъ начальствомъ.

§ 8. Остатки, могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи, должны быть выдаваемы въ единовременное пособіе тѣмъ стипендіатамъ, которые съ настоящею стипендіею оканчиваютъ курсъ университета.

20. (6-го іюля 1898 года). *Положеніе о стипендіи при Комисаровскомъ техническомъ училищѣ вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память восшествія на престолъ Государя Императора Николая Александровича, учреждается одна стипендія при Комисаровскомъ техническомъ училищѣ въ Москвѣ на счетъ процентовъ съ

Библиотека "Руниверс"

капитала въ *двѣ тысячи семьсотъ* рублей, пожертвованнаго для этой цѣли мѣстнымъ вспомогательнымъ обществомъ купеческихъ приказчиковъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты за №№ 1593/162 с., 1804/66 с., 919/с. 51, 214/с. 58, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за ученье стипендіата, а остатокъ, если таковой будетъ за время нахожденія стипендіата въ училищѣ, по окончаніи послѣднимъ полнаго курса ученія, выдается ему на руки на первоначальное обзаведеніе; если же стипендіатъ не окончитъ полнаго курса, то этотъ остатокъ причисляется къ стипендіальному капиталу.

§ 4. Право избранія стипендіата предоставляется обществу купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ.

§ 5. Могущій образоваться, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи, остатокъ отъ % причисляется къ капиталу для увеличенія стипендіи, на случай повышенія платы за ученье въ названномъ училищѣ.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Комисаровскаго техническаго училища въ другое однородное учебное заведеніе, стипендія остается при этомъ послѣднемъ.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

21. (9-го іюля 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина кандидата коммерціи Николая Іосифовича Шарвина при Архангельскомъ Императора Петра I низшемъ механико-техническомъ училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* рублей, собраннаго по подпискѣ между служащими въ товариществѣ Бѣломорскихъ лѣсопильныхъ заводовъ подъ фирмою Н. Русановъ-сынъ, въ ознаменованіе полезной двадцатипятилѣтней дѣятельности директора-распорядителя упомянутаго общества Николая Іосифовича Шарвина, учреждаются при Архангельскомъ Императора Петра I низшемъ механико-техническомъ училищѣ двѣ стипендіи имени

Библиотека "Руниверс"

потомственнаго почетнаго гражданина кандидата коммерціи Николая Іосифовича Шарвина.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляя неотъемлемую собственность Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода въ тиражъ какого-либо изъ упомянутыхъ свидѣтельствъ, взамѣнъ его пріобрѣтается другая государственная или правительствомъ гарантированная процентная бумага.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ пожизненно Николаю Іосифовичу Шарвину, а затѣмъ право назначенія переходитъ къ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Стипендіи имени Николая Іосифовича Шарвина предназначаются для бѣдныхъ учениковъ Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій, но имѣющихъ хорошее поведеніе и происходящихъ отъ лицъ, служащихъ въ товариществѣ Бѣломорскихъ лѣсопильныхъ заводовъ подъ фирмою Н. Русановъ-сынъ.

§ 6. Если не найдется стипендіатовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ параграфа 5-го, то въ стипендіаты могутъ быть избираемы и другіе ученики училища Императора Петра I, но съ соблюденіемъ условій § 4.

§ 7. Могущіе образоваться почему либо въ наличныхъ деньгахъ остатки выдаются стипендіатамъ на бѣлье, обувь, одежду, учебныя пособія и покупку инструментовъ при окончаніи курса.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища въ другое однородное учебное заведеніе, капиталъ передается въ послѣднее съ тѣмъ же назначеніемъ.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

Библиотека "Руниверс"

Министерствомъ народнаго просвѣщенія учреждена при ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія на средства домовладѣльца г. Гельсингфорса Н. Т. Рѣзваго премія въ *восемьсотъ* руб. за лучшую исторію Финляндіи на русскомъ языкѣ, на основаніи напечатанныхъ ниже подробныхъ правилъ о конкурсѣ на соисканіе означенной преміи.

Срокомъ на представленіе въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія конкурсныхъ сочиненій было назначено 31-го декабря 1897 года; между тѣмъ къ указанному сроку было представлено лишь одно сочиненіе, которое ученымъ комитетомъ не удостоено преміи Н. Т. Рѣзваго.

Вслѣдствіе сего ученый комитетъ призналъ нужнымъ вновь сдѣлать вызовъ соискателей означенной преміи съ назначеніемъ новаго срока для представленія въ названный комитетъ конкурсныхъ сочиненій на 31-е декабря 1899 года.

Объ этомъ департаментъ народнаго просвѣщенія, по приказанію г. управляющаго министерствомъ, объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе.

Правила о конкурсѣ на соисканіе преміи Н. Т. Рѣзваго за лучшую „Исторію Финляндіи для школъ".

§ 1. Въ видахъ распространенія правильныхъ историческихъ свѣдѣній о прошлыхъ судьбахъ Финляндскаго края, съ разрѣшенія господина министра народнаго просвѣщенія, по желанію и на средства домовладѣльца г. Гельсингфорса Николая Тимоѳеевича Рѣзваго, при ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія назначается единовременная денежная премія въ *восемьсотъ* рублей за лучшую исторію Финляндіи для школъ на русскомъ языкѣ.

§ 2. Дабы удостоиться преміи Н. Т. Рѣзваго, означенное сочиненіе должно удовлетворять, между прочимъ, слѣдующимъ условіямъ:

а) Исторія Финляндіи должна быть изложена отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени.

б) Въ сочиненіи съ особенною подробностію должны быть изложены судьбы православной вѣры въ Финляндіи и событія, касающіяся сношеній съ Финляндіею сѣверно-русскихъ областей въ древнѣйшее время и распространенія въ Финляндіи русской власти въ позднѣйшія времена, и

в) Сочиненіе должно представлять собою не учебникъ, а книгу для чтенія въ школѣ и дома; книга эта должна быть изложена по-русски общепонятнымъ языкомъ такъ, чтобы она могла быть доступна для чтенія учащимся не только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ старшихъ отдѣленіяхъ народныхъ школъ.

Библиотека "Руниверс"

§ 3. Сочиненія для соисканія означенной преміи представляются въ ученый комитетъ не позднѣе 31-го декабря 1899 года въ печатномъ видѣ, или же въ рукописи, при чемъ рукопись должна быть написана опрятно и разборчиво.

§ 4. Сочиненіе, какъ печатное, такъ и рукописное, можетъ быть представлено безъ означенія имени автора подъ какимъ-либо девизомъ и съ приложеніемъ запечатаннаго пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

§ 5. Въ случаѣ одобренія сочиненія, представленнаго въ рукописи, на автора возлагается обязанность прежде полученія преміи представить свой трудъ напечатаннымъ. Впрочемъ, въ видѣ пособія на печатаніе, половина преміи, то-есть 400 руб., можетъ быть выдана автору до появленія его труда въ печати.

§ 6. Для разсмотрѣнія представленныхъ на соисканіе преміи сочиненій ученый комитетъ назначаетъ изъ числа своихъ членовъ и постороннихъ, буде понадобится, лицъ особую коммисію, предсѣдатель и члены которой утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія. По разсмотрѣніи сихъ сочиненій и по обсужденіи ихъ достоинствъ, заключеніе свое касательно присужденія преміи означенная коммисія представляетъ на разсмотрѣніе ученаго комитета, опредѣленіе котораго по сему предмету представляется на утвержденіе господина министра народнаго просвѣщенія.

§ 7. На разсмотрѣніе сочиненій въ коммисіи полагается не болѣе трехъ мѣсяцевъ, ученый же комитетъ свое о нихъ заключеніе представляетъ г. министру народнаго просвѣщенія въ теченіе мѣсячнаго за тѣмъ срока.

§ 8. О результатахъ конкурса печатается во всеобще свѣдѣніе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, подробная же рецензія сочиненія, удостоеннаго преміи Н. Т. Рѣзваго, вслѣдъ за тѣмъ печатается въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

§ 9. Въ случаѣ, если бы ни одно изъ сочиненій, представленныхъ къ вышеозначенному въ ст. 3-й сроку (31-го декабря 1899 г.) не было удостоено преміи Н. Т. Рѣзваго, соисканіе оной отсрочивается на дальнѣйшее время по указанію ученаго комитета, который, въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности, можетъ съ тѣмъ вмѣстѣ дать болѣе подробныя указанія относительно условій, коимъ подобное сочиненіе должно удовлетворять.

Библиотека "Руниверс"

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книги: 1) „Учебникъ латинской этимологіи съ хрестоматіей, вокабуляріемъ и словаремъ. Курсъ II класса гимназіи. Составилъ, сообразно съ программою 1890 года, *М. Быстровъ*, преподаватель Вологодской гимназіи. С.-Пб. 1897. VIII+258+131. 1 р. 10 коп.— 2) Учебникъ латинской этимологіи. Приложенія (хрестоматія и вокабулярій для третьяго класса гимназій и указатель мѣстъ, заимствованныхъ въ хрестоматіи изъ классическихъ авторовъ). Составилъ, сообразно съ программою 1890 года, *М. Быстровъ*. С.-Пб. 1897. 78+32. 35 коп.“—одобрить первую какъ учебное руководство для мужскихъ гимназій и прогимназій, а вторую какъ учебное пособіе для тѣхъ же учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Пособія къ чтенію греческихъ и латинскихъ авторовъ, издаваемыя по Крафту и Ранке, подъ редакціею Г. Данненберга и В. Срѣтенскаго. Выпускъ 2-й. C. Iulii Caesaris de bello Gallico liber III. Обработалъ *В. Феттерлейнъ*, преподаватель Рижской городской гимназіи. Рига. Изданіе Н. Киммеля. 1898. 48. 30 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книжку: „*Треворъ-Бетти*. Во льдахъ и снѣгахъ. (Путешествіе на островъ Колгуевъ). Переводъ съ англійскаго *А. Филиппова*. (Съ 13 рисунками и картою). С.-Пб. 1897. (Полезная библіотека. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Природа и люди“. Книга 10-я, за августъ 1897 г.). Стр. 212. Цѣна не обозначена“,—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, а также для городскихъ безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: „Краткій учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ по новой программѣ министерства народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ *А. Мялицынъ*. Преподаватель С.-Пб. учительскаго института, реальнаго училища Я. Г. Гуревича и женской гимназіи Э. П. Шаффе. Съ 180 русунками. С.-Пб. 1898.

Библиотека "Руниверс"

7+208. 90 коп."—допустить къ употребленію въ качествѣ руководства въ реальныхъ училищахъ и учительскихъ институтахъ.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: „Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова: 1) А. Д. Кантемиръ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ *Р. И. Сементковскаго*. Съ портретомъ Кантемира, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1893. 96. 25 коп. — 2) П. А. Ѳедотовъ. Его жизнь и художественная дѣятельность. Біографическій очеркъ *Л. К. Дитерихса*. Съ портретомъ Ѳедотова и 15-ю снимками съ его произведеній. С.-Пб. 1893. 78. 25 коп."—допустить первую въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, а вторую—въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Періодическое изданіе: „Русская школа. Общепедагогическій журналъ для школы и семьи, издаваемый ежемѣсячно подъ редакціей *Я. Г. Гуревича*. С.-Пб. 7-й годъ изданія, 1896. Январь по декабрь. (№№ 1—12, въ десяти книжкахъ). 8-й годъ изданія, 1897. Январь по декабрь. (№№ 1—12, въ девяти книжкахъ)",—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ, а равно и для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

— Книгу: „*С. Е. Кедринъ*. Русскій воинъ. М. 1898. Стр. VIII ненумерованныхъ+336. Цѣна 1 руб. 25 коп." — допустить въ ученическія библіотеки, младшаго и средняго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній, а также городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Мои воспоминанія. Академика *Ѳ. И. Буслаева*. Съ портретомъ автора. Изданіе В. Г. фонъ-Бооля. М. 1897. VIII+387. 1 руб. 50 коп." — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Изданіе: „Родословная таблица домовъ Рюрика и нынѣ царствующаго Романовыхъ въ связи между собою и съ показаніемъ княжескихъ фамилій, ведущихъ родъ свой отъ Рюрика. *Г. Мещериновъ*. Казань. 1898. Цѣна 40 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Библиотека "Руниверс"

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Брошюрку: „*П. Мамаевъ*. Полезныя и вредныя для человѣка животныя. I. Хомякъ, ласка, ежъ и кротъ. Изданіе 2-е, К. И. Тихомирова. М. 1898. 31. 7 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюры, составленныя *Н. Н. Шелонскимъ* и изданныя А. Я. Панафидинымъ: 1) „Русское царство. Привольныя мѣста русской земли, великая рѣка Амуръ и Амурскій край. М. 1897. 29. 10 коп.“.— 2) „Золотая Сибирь. Что такое золото, гдѣ и какъ его добываютъ. М. 1898. 31. 10 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Сочиненіе: „Сквозь мракъ къ свѣту, или на разсвѣтѣ христіанства. (Повѣсть изъ временъ Нероновскаго гоненія на христіанъ). *Ф. В. Фаррара*, въ изложеніи, съ англійскаго подлинника, *Ф. Волгина*. С.-Пб. 1897. Часть I, стр. 120; часть II, стр. 106. („Книжки иллюстрированнаго журнала „Русскій Паломникъ“ на 1897 годъ, VI и VII“) — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Иллюстрированный выпускъ: „Въ память франко-русскаго союза. Стр. 20. (Приложеніе къ журналу „Русскій Паломникъ“ 1897 года. Книжка X-я). Цѣна 1 р.“ — допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюры и книжки, изданныя редакціею журнала „Досугъ и Дѣло“: 1) „Подвиги Кавказской арміи. С.-Пб. 1897. Стр. 35“. — 2) „Жизнь за царя. Историческій разказъ. С.-Пб. 1898. Стр. 33“.— 3) „Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. С.-Пб. 1895. Стр. 16“.— 4) „Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. С.-Пб. 1882. Стр. 50“.—5) „На Балканахъ. Военный эпизодъ. (*А Катенкампъ*). Изданіе 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 35“.—6) „Насѣкомыя. Бабочки или чешуекрылыя. Съ ри-

Библиотека "Руниверс"

сунками. С.-Пб. 1897. Стр. 72". — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книги, составленныя *С. И. Шохоръ-Троцкимъ*: 1) „Методика ариѳметики. Часть I, для учителей одноклассныхъ начальныхъ школъ. Изданіе 5-е, вновь переработанное и существенно дополненное. С.-Пб. 1898. VII+243. 80 коп.".—2) „Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Вып. I (для одноклассныхъ начальныхъ школъ). Изданіе 5-е, пересмотрѣнное. С.-Пб. 1898. II+116. 20 коп."—3) „Ариѳметическій задачникъ для учителей начальныхъ школъ. Вып. I (для одноклассныхъ школъ). Изданіе 3-е, печатанное безъ измѣненій со 2-го, исправленнаго и дополненнаго. С.-Пб. 1898. XVIII+164. 40 коп." — первую одобрить, въ качествѣ учебнаго руководства, для учительскихъ институтовъ и семинарій и допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ; вторую одобрить, въ качествѣ учебнаго пособія, для употребленія въ начальныхъ училищахъ, и третью допустить въ учительскія библіотеки тѣхъ же училищъ.

— Брошюрку: „О заразныхъ болѣзняхъ. Общепонятное наставленіе преимущественно для сельскихъ жителей. Составилъ врачъ *Ф. Лавровъ*. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1897. 49. 6 коп." — одобрить для библіотекъ сельскихъ школъ, для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: „Зимнія сумерки. Разказы, сказки и стихотворенія *А. А. Ѳедорова-Давыдова*. Съ рисунками художниковъ Аѳанасьева, Литвиненко, Румянцева, Рамазановой и Николаева. М. 1898. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія"). 89. 35 коп." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюрку: „О землетрясеніяхъ и горахъ огнедышащихъ. Чтеніе для народа, составленное *С. Г. Лапченко*. Изданіе 2-е. С.-Пб. Изданіе товарищества „Общественная Польза". 1889. 34. 10 коп."— допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „*А. В. Круловъ*. Разные разказы для дѣтей школьнаго возраста. (2-е изданіе книги „Подарокъ на елку"). Съ рисунками. Москва. Изданіе М. В. Клюкина. 143. 1 р." — одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ за-

Библиотека "Руниверс"

веденій, для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книжку: „*Крицкій*, подполк. Полная справочная книжка для молодыхъ людей при отбываніи ими воинской повинности по жеребью и на правахъ вольноопредѣляющихся, а также для отбывшихъ уже воинскую повинность и желающихъ поступить на службу охотниками"—допустить въ библіотеки среднихъ и низшихъ мужскихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Новый Свѣтъ (Америка) *Е. Радаковой*. Харьковъ. 1897. Изданіе Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. № 43. 128. 5 коп." — допустить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюрку: „Святочные разказы *Н. И. Познякова*. Х. На волоскѣ. С.-Пб. 1898. 16. 5 коп."—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „*В. Колокольникова*. Кавказъ. Изданіе А. Я. Панафидина. М. 1898. 80. 15 коп." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: „Амуръ (природа и люди Амурскаго края). *Ф. Волкина*. Съ 17-ю рисунками, 2-мя портретами и картой Амура. С.-Пб. 1896. („Полезная библіотека". Изданіе П. П. Сойкина). 144. 50 коп."— допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „И все это правда! Умъ и нравы животныхъ. Сборникъ разказовъ *П. Дружбина*. Съ рисунками Ф. Шпехта, С. Животовскаго и др. Изданіе А. Ф. Девріена. Стр. 261. Цѣна не обозначена"—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Учебникъ: „Задачникъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Сборникъ простѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ и предварительныя упражненія, служащія для изученія чиселъ до 100 и дѣйствій надъ ними. Составилъ *В. Воленсъ*. Изданіе 6-е. М. 1896. 43. 10 коп."— допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособія, въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Библиотека "Руниверс"

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. временно-исправляющимъ обязанности товарища министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру *Н. К. Кабардина*: *„Пчеловодная азбука"*, Москва, 1898 годъ, стр. IV+106, цѣна 20 коп. — одобрить для библіотекъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а равно допустить ее въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

КЪ ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ДОСТОВѢРНОСТИ ПЕРЕПИСНЫХЪ КНИГЪ [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что очень важно и въ то-же время интересно дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ мы должны относиться къ даннымъ переписныхъ книгъ: заслуживаютъ-ли они довѣрія, или нѣтъ? Но чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно, нужно изучить громадное количество рукописнаго матеріала: нужно, по крайней мѣрѣ, прочитать всѣ переписныя книги и основательно познакомиться съ документами Помѣстнаго приказа, хранящимися въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Само собой разумѣется, что я не могъ произвести этой грандіозной работы, и поэтому не смѣю задаваться гордой цѣлью дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ. Цѣль моя—очень скромная: она заключается въ томъ, чтобы представить вниманію ученой публики нѣсколько соображеній, явившихся у меня, какъ результатъ знакомства съ небольшимъ количествомъ документовъ, частью найденныхъ мною самимъ въ архивѣ министерства юстиціи, частью указанныхъ мнѣ многоуважаемымъ вице-предсѣдателемъ Московской археографической комиссіи В. И. Холмогоровымъ и чиновникомъ названнаго архива П. И. Ивановымъ.

Мои соображенія касаются главнымъ образомъ существеннаго, на мой взглядъ, вопроса объ отношеніи переписныхъ книгъ къ „сказкамъ".

Извѣстно, что переписчики, пріѣхавъ на мѣсто, должны были отобрать у населенія, подлежавшаго переписи, „сказки" и затѣмъ

---

[1]) Рефератъ, читанный въ Московской археографической комиссіи 12-го марта 1898 года.

Библиотека "Руниверс"

тщательно провѣрить ихъ, или, по выраженію одного документа, „дворы и во дворехъ людей *досмотрѣть* и переписать *самимъ на лицо*, чтобы все было вѣрно“ [1]).

Итакъ, на переписчикахъ лежала хлопотливая, тяжелая обязанность — объѣхать весь уѣздъ, заглянуть въ каждую деревушку, побывать въ каждомъ починкѣ и посредствомъ личнаго осмотра и опроса убѣдиться, правильно-ли составлена „сказка“, или нѣтъ, и если неправильно, то исправить замѣченныя ошибки. Отъ добросовѣстнаго исполненія этой обязанности зависѣли цѣнность и полнота полученнаго переписнаго матеріала.

Посмотримъ-же, насколько тщательно переписчики XVII столѣтія производили свою работу.

Въ 1646—1648 гг., въ Московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, была произведена всеобщая перепись: во всѣ уѣзды были отправлены переписчики, на обязанности которыхъ лежало занести въ переписныя книги всѣ села, деревни и починки, дворы въ нихъ и мужское населеніе каждаго двора.

„Въ Кевролу и на Мезень для переписки дворовъ и во дворехъ людей“ были посланы, въ началѣ 1646 г., изъ Новгородской четверти И. Фустовъ и подьячій И. Богдановъ, которые довольно скоро окончили порученную имъ работу, въ томъ-же году пріѣхали въ Москву и подали въ Новгородскую четь составленныя ими переписныя книги „за своими руками“. Но быстро исполненная работа оказалась не совсѣмъ удачной, какъ сознались въ томъ сами переписчики. Въ концѣ 1646 г. они подали царю Алексѣю Михайловичу интересную челобитную, въ которой писали, что, „будучи... въ Кевролѣ и на Мезени, досматривали и писали сами, *а инде писали по сказкамъ*, а въ иныя мѣста *для поспѣшенья* онъ, И. Фустовъ, посылалъ подьячево И. Богданова, и чтобъ государь ихъ пожаловалъ — велѣлъ имъ тое вину отдать и послать въ Кевролу и на Мезень *для подлинные переписки опять*“. Какъ видимъ, переписчики, чистосердечно сознавшись въ своей небрежности, смиренно просили государя простить ихъ и позволить вторично произвести перепись. Надо думать, что Алексѣй Михайловичъ „отпустилъ вину“ Фустову и Богданову, такъ какъ они во второй разъ поѣхали въ Кевролъскій и Мезенскій уѣзды для производства переписи, и 3-го марта 1647 г. представили въ Новгород-

---

[1]) М. А. М. Ю. Переп. кн. Кевролъскаго и Мезенскаго уу. 154 и 155 гг. за № 15.054, л. 207.

Библиотека "Руниверс"

скую четверть другія, болѣе исправныя переписныя книги [1]). Я успѣлъ сравнить только часть этихъ двухъ переписей, именно описаніе Кеврольскаго стана и трехъ волостей: Верколы, Лавелы и Марьиной горы — и вотъ что оказалось: по переписи 1646 г. въ этихъ мѣстностяхъ значится 307 чел. мужскаго пола, а по даннымъ переписной книги 1647 года тамъ было 391 чел., то-есть переписчики при производствѣ первой переписи не занесли въ свои книги 84 чел. (почти $21^1/_2$%) [2]).

Это—далеко не единственный случай въ исторіи переписи 1646—1648 гг. Упомянутые выше Фустовъ и Богдановъ сообщаютъ въ своей челобитной любопытное извѣстіе: „А которые... дворяне и подьячіе посыланы были для такіе-жъ переписки изъ Помѣсного приказу, и для поспѣшенья переписывать посылали подьячихъ, *а сами были не во всѣхъ мѣстехъ*. И по государеву указу тѣхъ дворянъ и подьячихъ для подлинного досмотру и переписки изъ Помѣсного приказу посылаютъ въ тѣ-жъ городы опять, гдѣ кто напередъ сего былъ посланъ“ [3]).

Итакъ, оказывается, что многіе переписчики, посланные въ разные уѣзды Московскаго государства для производства переписи, исполнили свою работу довольно небрежно, такъ что понадобилось вторично отправить ихъ, чтобы провѣрить на мѣстѣ нѣкоторыя „сказки“. Нѣтъ основанія думать, что Фустовъ и Богдановъ, желая уменьшить свою вину, сочинили это извѣстіе, такъ какъ оно подтверждается данными, находящимися въ переписной книгѣ Московскаго уѣзда 1646—1647 гг. [4]).

При производствѣ подворной переписи въ этомъ уѣздѣ, повторилось то-же самое, что̀ мы видѣли въ Кеврольскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ: посланные въ 1646 г. въ Московскій уѣздъ для переписки дворовъ Иванъ Степановичъ Урусовъ и подьячій Семенъ Несвитаевъ многихъ „сказокъ“ не провѣрили на мѣстѣ, результатомъ чего явилась довольно значительная неточность, такъ что пришлось въ 1647 г.

---

[1]) A. M. Ю. Ibid., лл. 207—209.

[2]) Ibid., лл. 205 об. и 206, 293—294, 303—304 и 309—310.

[3]) Ibid., лл. 207 об. и 208.

[4]) Ср. Улож., XI, 24: „Во 154 и во 155 годѣхъ по государеву указу за всякими вотчинники и за помѣщики крестьянъ и бобылей переписывали стольники и дворяне Московскіе за крестнымъ цѣлованіемъ; а которые писали *не по правдѣ*, и въ тѣ мѣста посыланы переписывать въ другорядъ, а за неправое писмо переписщикамъ учинено жестокое наказаніе“.

Библиотека "Руниверс"

вновь произвести подворную перепись въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ не сочли нужнымъ посѣтить Урусовъ и подьячій Несвитаевъ [1]).

Чтобы дать понятіе о томъ, насколько внимательно отнеслись къ своей работѣ упомянутые переписчики, достаточно сказать, что при перепискѣ дворцовыхъ селъ и деревень они пропустили 678 крестьянъ и бобылей [2]).

Хотя это и выходитъ за предѣлы моего реферата, но я всетаки позволю себѣ привести одинъ случай, относящійся къ составленію писцовыхъ книгъ въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія.

Въ 1638 г. подьячій Новгородской чети Андрей Галкинъ, желая попасть въ дьяки, подалъ на имя государя челобитную, въ которой писалъ, между прочимъ: „По твоему государеву указу посланъ былъ я, холопъ твой, въ Арзамасъ съ Васильемъ Яновымъ для сыску и свозки арзамаскіе бѣглые Мордвы и бортниковъ; и арзамаскую, государь, бѣглую Мордву и бортниковъ въ розныхъ во многихъ городѣхъ за Казанью и за Тетюшами на степяхъ и на дикихъ поляхъ и на черныхъ лѣсахъ сыскали и свезли и (sic) за всякихъ людей въ старыя ихъ деревни и на жеребьи и дворы мордовскіе и бортничьи, которые люди розвезли, тѣми-же людми свезли и устроили по-прежнему и поруки жилецкія по нихъ поимали, и собрали, государь, арзамаскую Мордву и бортниковъ по писцовымъ книгамъ Тимоѳея Измайлова съ товарыщи [3]) сполна и деревни дворами и людми наполнили всѣ по-прежнему, да сверхъ, государь, писцовыхъ книгъ учинили тебѣ, государю, прибыли—сыскали и свезли арзамаскіе Мордвы и бортниковъ *прописныхъ* (то-есть пропущенныхъ) и захребетниковъ 1.500 человѣкъ“... [4]).

Если даже и допустить, что подьячій Галкинъ, желая во всемъ блескѣ выказать свою ревность къ „государеву дѣлу“, нѣсколько прихвастнулъ, все-же надо согласиться, что Измайловъ „съ товарыщи“, описывая въ 1621—1623 гг. Арзамасскій уѣздъ, пропустили довольно большое количество Мордвы и бортниковъ.

Приведенные выше факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что переписчики обыкновенно объѣзжали далеко не весь уѣздъ, подлежавшій переписи, и слѣдовательно провѣряли далеко не всѣ „сказки“.

---

[1]) А. М. Ю. Переп. кн. Московск. у. 1646—1647 гг. за № 9.809, лл. 467 и 768.

[2]) Ibid., лл. 473 об.—474 и 488—489.

[3]) Измайловъ описывалъ Арзамасскій у. въ 1621 — 1623 гг. См. „Опис. док. и бумагъ, хранящ. въ М. А. М. Ю.“, кн. I, pp. 2—3.

[4]) А. М. Ю. Столбцы Владимірскаго стола, 51, л. 299.

Библиотека "Руниверс"

Заручившись такимъ выводомъ, обратимся теперь къ сравненію подлинныхъ „сказокъ" съ переписными книгами.

Мнѣ удалось сравнить около сотни „сказокъ" [1]) съ соотвѣтствующими мѣстами переписной книги помѣстныхъ и вотчинныхъ земель Московскаго уѣзда, составленной въ 1646 г. уже знакомыми намъ И. Урусовымъ и подьячимъ Несвитаевымъ.

Сравненіе „сказокъ" съ данными переписной книги прежде всего убѣждаетъ насъ, что показанія многихъ „сказокъ" отличались неточностью, заслуживали мало довѣрія и нуждались поэтому въ основательной провѣркѣ.

Иногда въ „сказкахъ" называются *вотчинами* тѣ владѣнія, которыя въ переписной книгѣ именуются *помѣстьями*. Такъ, напримѣръ, въ одной „сказкѣ" половина деревни Окатьева, принадлежавшая Ѳедору Наумову, названа „купленой вотчиной", которая по государеву указу дана была Василью Наумову изъ его же подмосковнаго помѣстья, а въ переписной книгѣ (л. 588 об.) она названа помѣстьемъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, мы, быть можетъ, имѣемъ дѣло съ произволомъ переписчиковъ, а, можетъ быть, такія ошибки — результатъ не злонамѣреннаго искаженія истины, а простаго незнанія со стороны лицъ, составлявшихъ „сказки", тѣмъ болѣе, что иногда въ „сказкахъ" именуются помѣстьями владѣнія, названныя въ переписной книгѣ вотчинами. Но уже прямо злонамѣренными должны быть признаны другаго рода ошибки „сказокъ": мы нерѣдко видимъ, что число дворовъ въ какой-нибудь деревнѣ, или количество сыновей и родственниковъ мужского пола у дворовладѣльца по „сказкѣ" меньше, чѣмъ по даннымъ переписной книги. Напримѣръ, въ „сказкѣ" упоминается одинъ только дворъ: „(в) бобылка Манька, а у нее дѣтей: Левка да Ѳеонка 7 лѣтъ Ермаковы дѣти", а въ переписной книгѣ—2 двора (л. 674 об.): „(в) Левка да Ѳеонка Ермаковы, (в) бобылка-вдова Вѣрка съ дѣтьми съ Савкою да Петрушка 8 лѣтъ"; или:

въ „сказкѣ":	*въ переписной книги* (л. 674):
„(в) Бориско да Ларка да Ивашко Ивановы дѣти Басовы, у Бориска сынъ Наумко 3 лѣтъ"	„(в) Бориско да Ларка да Ивашко Ивановы дѣти Басовы, у Бориска дѣти: Наумка 3 лѣтъ, да Онисимко году, у Ларки сынъ Антошка у грудей".

[1]) Всѣ цитируемыя далѣе „сказки" находятся въ А. М. Ю.: Архивъ III вотчинный, столбцы оклеенные по г. Москвѣ, № 272. Документы не перенумерованы.

Библиотека "Руниверс"

Всего въ просмотрѣнныхъ мною „сказкахъ“ пропущено: 1 вдова и 48 человѣкъ мужскаго пола.

Гораздо чаще наблюдается иное несоотвѣтствіе между „сказками“ и переписной книгой: во многихъ „сказкахъ“ называются *бобылями* лица, которыхъ въ переписной книгѣ вы видите въ числѣ *крестьянъ*. Я насчиталъ 100 такихъ случаевъ: въ двухъ случаяхъ лица, въ „сказкѣ“ являющіеся „дѣловыми людьми“, названы въ переписной книгѣ крестьянами, а въ остальныхъ — бобыли „сказокъ“ именуются въ переписной книгѣ крестьянами.

Понятно побужденіе, которое заставляло лицъ, принимавшихъ участіе въ составленіи „сказокъ“, называть крестьянъ бобылями: послѣдніе несли менѣе тяжелое тягло, чѣмъ первые; въ извѣстныхъ указахъ, вводившихъ новую окладную единицу — „живущую четь“, бобыльскій дворъ по налогоспособности приравненъ половинѣ крестьянскаго.

Въ виду сейчасъ отмѣченнаго злоупотребленія едва-ли можно относиться съ полнымъ довѣріемъ къ распредѣленію въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ уѣзднаго населенія на разряды, преимущественно на два главныхъ—на крестьянъ и бобылей, иначе говоря— нельзя думать, что, напримѣръ, всѣ лица, названныя бобылями, дѣйствительно были бобылями и названныя „дѣловыми людьми“ дѣйствительно были таковыми: мы уже знаемъ, что вслѣдствіе недобросовѣстности населенія крестьяне нерѣдко попадали въ разрядъ бобылей. Этимъ, мнѣ кажется, нужно объяснять попадающіеся въ писцовыхъ книгахъ отдѣльные случаи, которые рѣзко противорѣчатъ нашему представленію о бобыльствѣ, какъ несостоятельной въ экономическомъ отношеніи группѣ уѣзднаго населенія: иногда мы наталкиваемся въ писцовыхъ книгахъ на указаніе, что бобыль обработываетъ 12 четвертей земли въ одномъ полѣ. Вообще на основаніи писцовыхъ книгъ трудно провести разграничительную черту между крестьяниномъ и бобылемъ.

Итакъ, „сказки“ нуждались въ основательной провѣркѣ, потому что населеніе, стараясь избыть „государева тягла“, или нѣсколько облегчить его, давало завѣдомо ложныя показанія: оно утаивало цѣлые дворы, или нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ, называло крестьянъ бобылями, или бобылей „дѣловыми людьми“ Мы уже видѣли, что далеко не всѣ „сказки“ провѣрялись переписчиками. Сравненіе „сказокъ“ съ переписной книгой подтверждаетъ это: значительная часть изъ просмотрѣнныхъ мною „сказокъ“, несомнѣнно, была про-

Библиотека "Руниверс"

вѣрена — нельзя только сказать, насколько тщательно; но нѣкоторая часть, несомнѣнно, осталась непровѣренной; кромѣ того, данныя „сказокъ“ переписывались въ книгу на-скоро, небрежно, вслѣдствіе чего появлялись ошибки, иногда довольно курьезныя. Приведу нѣсколько примѣровъ. Въ „сказкѣ“ упомянутъ сынъ одного крестьянина *10 недѣль*, а въ переписной книгѣ тому же сыну показано *10 лѣтъ* (л. 634).

Въ „*сказкѣ*“ мы читаемъ:

...„Село Воскресенское съ деревнями; а въ томъ селѣ въ Воскресенскомъ 2 двора людцкихъ, а живутъ въ нихъ люди Ѳедора Ивановича (Шереметева): (в) Шестой Смоленской, а у него человѣкъ Корнилко Ѳедоровъ 20 лѣтъ, холостъ, да у него жъ, у Шестово, живетъ въ наймехъ Ѳедора Ивановича вымерлова крестьянина Серешкинъ сынъ Миронко деревни Лутошкина, а ему, Миронку, 10 лѣтъ; (в) Ѳедоръ Смоленской“.

Въ переписной книгѣ:

„Село Васильево, во Жданскомъ стану, а Воскресенское тожъ, на рѣчкѣ на Медвѣнкѣ, а въ ней (sic) 2 двора людцкихъ: (в) Шестой Смоленской; у него человѣкъ Корнилко Ѳедоровъ 20 лѣтъ, да наймитъ крестьянской сынъ Миронка Сергѣевъ 10 лѣтъ. Деревня Лутошкино, а въ ней: (в) Ѳедоръ Смоленской“ (л. 599).

Какъ видимъ, выраженіе „сказки“: „деревни Лутошкина“ обратилось въ переписной книгѣ въ деревню Лутошкино—и такимъ образомъ появилась лишняя деревня. Нужно замѣтить, что далѣе (на л. 600) описывается настоящая деревня Лутошкина. Есть случаи, когда переписчики по ошибкѣ, а, можетъ быть, „по недружбѣ“ прибавляли лишніе дворы; такъ, напримѣръ, въ „сказкѣ“ мы читаемъ: „(д) Екимка Михайловъ кузнецъ“, а въ переписной книгѣ мы видимъ уже 2 двора: „(в) Якимко Михайловъ, (в) кузнецъ“ (л. 535). Итакъ, переписная книга разрубила Якимку Михайлова пополамъ и каждую половину помѣстила въ отдѣльный дворъ. Или еще: въ переписной книгѣ: „(в) Панко Захаровъ“ (л. 535 об.), а немного раньше: „(в) Петрушка Дмитрѣевъ Заецъ съ зятемъ *съ Панкою Захаровымъ*“ (л. 535). Очевидно, первый дворъ прибавленъ ошибочно; въ „сказкѣ“ его нѣтъ. Не рѣшаюсь сказать, невольная ли это ошибка, или злой умыселъ; замѣчу только, что оба приведенныхъ примѣра относятся къ одному владѣнію—къ помѣстью князя Якова Куденетовича Черкасскаго. Мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ быть, переписчики „по недружбѣ“ накинули на него два фиктивныхъ двора.

Иногда мы видимъ, что цѣлые дворы и отдѣльныя лица, упомянутые въ „сказкахъ“, отсутствуютъ въ переписной книгѣ. Это можно объяснить либо небрежностью переписчиковъ, либо ихъ недобросовѣстностью. Но мнѣ попалась одна „сказка“, показанія которой такъ рѣзко противорѣчатъ даннымъ переписной книги, что сейчасъ приведенное объясненіе едва-ли годится для этого случая. Описывается владѣніе Владиміра Прокофьевича Ляпунова, названное въ „сказкѣ“ вотчиной, а въ переписной книгѣ—помѣстьемъ. По переписной книгѣ, въ этомъ владѣніи былъ дворъ боярскій, въ которомъ жило двое „дѣловыхъ людей“, и 12 крестьянскихъ дворовъ съ населеніемъ въ 27 душъ мужскаго пола; значитъ, всего мужскаго населенія переписная книга насчитываетъ 29 человѣкъ (л. 573). Въ „сказкѣ“ только упоминается боярскій дворъ, но ничего не говорится про живущихъ въ немъ „дѣловыхъ людей“, крестьянскихъ дворовъ перечисляется только 3 и 9 бобыльскихъ—всего 12 дворовъ, какъ и въ переписной книгѣ, но съ мужскимъ населеніемъ не въ 27 человѣкъ, какъ въ переписной книгѣ, а въ 53. Чѣмъ объяснить эту значительную разницу между „сказкой“ (повидимому, провѣренной) и переписной книгой? Судя по тому, что однѣ изъ просмотрѣнныхъ мною „сказокъ“ помѣчены февралемъ 1646 года, другія—мартомъ, третьи (бо̀льшая часть)—апрѣлемъ, попалась даже „сказка“, помѣченная августомъ—судя по этому, „сказки“ подавались переписчикамъ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, между подачей „сказокъ“ и провѣркой ихъ долженъ былъ пройдти извѣстный періодъ времени, когда могли совершиться различныя перемѣны въ количествѣ и составѣ населенія. Есть основаніе думать, что переписчики при провѣркѣ отмѣчали эти перемѣны. Неужели тѣ 26 человѣкъ, которыхъ недостаетъ въ переписной книгѣ сравнительно со „сказкой“, успѣли умереть къ тому времени, когда явились переписчики для провѣрки поданныхъ „сказокъ“? Предположить, что нѣкоторые изъ нихъ убѣжали, нельзя, потому что бѣгство всегда отмѣчается переписными книгами.

Я насчиталъ всего 35 крестьянъ и бобылей (въ томъ числѣ 2 вдовы съ 2 сыновьями), упоминаемыхъ въ „сказкахъ“ и отсутствующихъ въ переписной книгѣ. Кромѣ того, данныя нѣкоторыхъ „сказокъ“ почему-то (вѣроятно, по небрежности переписчиковъ) цѣликомъ не попали въ переписную книгу.

Итакъ, часть населенія не попадала въ переписныя книги вслѣдствіе

Библиотека "Руниверс"

небрежности и недобросовѣстности переписчиковъ; но часть подверглась той же участи по другой причинѣ.

Мы знаемъ, что правительство предприняло перепись 1646—48 гг. съ тою цѣлью, чтобы закрѣпить за служилыми людьми ихъ крестьянъ и бобылей [1]). Вотъ почему на эти два разряда населенія переписчики обратили особенное вниманіе; вотъ почему въ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворахъ перечисляется *все* мужское населеніе—не только главы семействъ, но и ихъ „братья, дѣти и племянники". Что касается остальныхъ разрядовъ населенія, то они пользовались меньшимъ вниманіемъ. „Сказки" не всегда считали нужнымъ отмѣчать, что въ селѣ есть церковь, а возлѣ нея дворы священно- и церковнослужителей; а если они перечисляются, то въ нихъ почти всегда (и въ „сказкахъ", и въ переписной книгѣ) называется одно лицо—очевидно, глава дома, о его же дѣтяхъ и родственникахъ не говорится ни слова. Напримѣръ, въ селѣ Покровскомъ-Рябцовѣ (на р. Яузѣ) перечисляется 16 дворовъ священно- и церковно-служителей, и ни у одного изъ нихъ не показано ни дѣтей, ни братьевъ и другихъ родственниковъ (*лл.* 48 об.—49); нельзя, конечно, думать, что всѣ эти лица поголовно были одинокими или бездѣтными: переписчики просто не обязаны были перечислять всего мужскаго населенія въ ихъ дворахъ. То же самое нужно сказать и относительно „дѣловыхъ людей". Въ переписной книгѣ вы очень рѣдко наткнетесь на указаніе дѣтей и родственниковъ у „дѣловаго человѣка"; даже не всегда они поименовываются, а иногда употребляется неопредѣленное выраженіе, что во дворѣ какого-нибудь помѣщика или вотчинника „живутъ дѣловые люди" (въ какомъ количествѣ, неизвѣстно). Въ „сказкахъ" большею частью перечисляются дѣти и родственники мужскаго пола, жившіе вмѣстѣ съ „дѣловыми людьми", а въ переписной книгѣ они опускаются: такъ, напримѣръ, „сказка", заключающая въ себѣ свѣдѣнія о мужскомъ населеніи вотчины Леонтія Яковлевича Высоцкаго, указываетъ 5 сыновей и 2 пасынковъ „дѣловыхъ людей", называя ихъ лѣта, а въ переписной книгѣ (*л.* 656) эти 7 человѣкъ отсутствуютъ.

Я насчиталъ болѣе 42 „дѣловыхъ людей", ихъ дѣтей и родственниковъ мужскаго пола, упомянутыхъ въ просмотрѣнныхъ мною „сказкахъ" и опущенныхъ въ переписной книгѣ.

---

[1]) См. *П. Милюкова* „Государственное хозяйство Россіи" и пр., pp. 71—72; ср. *И. Н. Миклашевскаго* „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства", ч. I, p. 48.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, часть мужскаго населенія не попадала въ переписныя книги потому, что при ихъ составленіи преслѣдовалась узкопрактическая цѣль.

Считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о показаніяхъ разбираемой книги, касающихся лѣтъ перечисляемыхъ въ ней лицъ. Эти показанія слѣдуетъ признать совершенно случайными и потому непригодными для какихъ-нибудь общихъ выводовъ: иногда въ переписной книгѣ указываются лѣта всѣхъ членовъ семейства какого-нибудь крестьянина или бобыля, иногда только нѣкоторыхъ, иногда такихъ свѣдѣній совсѣмъ нѣтъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это зависѣло отъ того, заключались ли подобныя свѣдѣнія въ „сказкахъ", хотя нерѣдки случаи, что въ „сказкахъ" показываются лѣта, а въ переписной книгѣ—нѣтъ; очень рѣдко въ переписной книгѣ находятся свѣдѣнія о лѣтахъ, отсутствующія въ „сказкахъ". Должно быть, подобныя свѣдѣнія переписчики считали несущественными. Чтобы показать значительную зависимость въ этомъ отношеніи нашей переписной книги отъ „сказокъ", приведу одинъ примѣръ. „Сказка" о населеніи обширныхъ владѣній боярина Ѳедора Ивановича Шереметева отличается необыкновенной полнотой, точностью и тщательностью: здѣсь перечислено все населеніе—какъ мужское, такъ и женское, причемъ указываются лѣта каждаго лица; напримѣръ, въ деревнѣ Матвѣевской такъ описывается одинъ крестьянскій дворъ: „(в) крестьянинъ Евтиѳейко Ивановъ, женатъ на Анюткѣ на Гавриловѣ дочери, а ему, Естиѳейку, 80 лѣтъ, а женѣ ево Анюткѣ 70 лѣтъ, а дѣтей у нево—4 сына: сынъ Емелька женатъ на Олонкѣ на Трофимовѣ дочери, а ему, Емелькѣ, 35 лѣтъ, а женѣ ево Олонкѣ 25 лѣтъ, а дѣтей у нево, у Емельки, 2 дочери: дочь Ненилка 3 лѣтъ да дочь Василиска 2 лѣтъ, да сынъ Ивашко женатъ на Татьянкѣ на Остаѳьевѣ дочери, а ему, Ивашку, 26 лѣтъ, а женѣ ево Татьянкѣ 20 лѣтъ, а дѣтей у нево, Ивашка, дочь Огроѳенка 2 лѣтъ, да сынъ Назарко 14 лѣтъ, да сынъ Мелошка 10 лѣтъ". Всего 11 человѣкъ въ одномъ дворѣ. Само собой разумѣется, что въ переписной книгѣ всѣ лица женскаго пола опущены, но за то всѣ свѣдѣнія о лицахъ мужскаго пола сохранены: даже указаны лѣта вдовъ и главъ семейства, чего обыкновенно нѣтъ въ нашей книгѣ; напримѣръ: „(в) вдова Маврутка 50 лѣтъ Савельевская жена, сынъ ея Ивашко Савельевъ сынъ Гуляевъ 20 лѣтъ; (в) Ротка Прокоѳьевъ 75 лѣтъ, дѣтей у него: Якимко 28 лѣтъ, сынъ Оска 25 лѣтъ, да сынъ Ѳетка 20 лѣтъ, да сынъ Панка 15 лѣтъ, да у Якимка сынъ Еремка 3 лѣтъ" и т. д.

Библиотека "Руниверс"

(л. 599 об.). Про сына одного крестьянина сказано даже, что онъ „увѣченъ черною болѣзнію“ (л. 600), хотя обыкновенно подобныя любопытныя замѣчанія, изрѣдка попадающіяся въ „сказкахъ“, безжалостно выбрасываются переписчиками, какъ ненужный балластъ.

Въ заключеніе приведу нѣсколько любопытныхъ, по моему мнѣнію, свѣдѣній объ одномъ эпизодѣ, относящемся къ переписи 1678 г.

26-го января этого года былъ посланъ изъ Помѣстнаго приказа въ Великолуцкій уѣздъ переписчикъ Степанъ Сумароковъ и подьячій Нефедъ Соколовъ „для переписки помѣсныхъ и вотчинныхъ крестьянъ, а велѣно имъ крестьянскіе и бобыльскіе и людцкіе дворы писать въ книги *по скаскамъ* помѣщиковъ и вотчинниковъ и ихъ прикащиковъ и старостъ и крестьянъ и *по своему наѣзду и осмотру*“. 3-го октября 1678 года Степанъ Сумароковъ и Нефедъ Соколовъ представили переписную книгу въ Помѣстный приказъ. Въ слѣдующемъ году „розныхъ чиновъ помѣщики и вотчинники“ били челомъ великому государю, что въ Луцкомъ уѣздѣ переписчики „крестьянскіе и бобыльскіе и людцкіе дворы писали за ними несправчиво, не противъ ихъ заручныхъ сказокъ: однѣхъ крестьянъ и бобылей *вдвое*, а иные де крестьяне за ними *переписаны*“ (прописаны, то-есть, пропущены?). Вслѣдствіе этой челобитной было отдано приказаніе подьячему Помѣстнаго приказа Ѳедору Истомину свѣрить „сказки“ съ переписной книгой, составленной Сумароковымъ и Соколовымъ [1]). Результаты этой провѣрки довольно любопытны.

Всѣхъ „несправчетыхъ статей“ Истоминъ насчиталъ 136.

Разсмотрѣніе этихъ „статей“ прежде всего убѣждаетъ насъ, что многія „сказки“ были провѣрены переписчиками на мѣстѣ, но нѣкоторыя, очевидно, остались безъ провѣрки: съ одной стороны, мы видимъ, что о 5 помѣстьяхъ (съ населеніемъ въ 42 чел. мужск. пола) „сказокъ“ совсѣмъ не было подано, хотя описаніе ихъ въ переписной книгѣ есть, а съ другой—оказывается, что 4 „сказки“ были „прописаны“, то-есть, пропущены переписчиками; относительно трехъ пропущенныхъ владѣній мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, сколько въ нихъ было населенія, относительно же четвертаго эти свѣдѣнія у насъ есть: „въ Хрянскомъ стану прописана сказка Кирилы Ѳедорова сына Беклемишева“, которому принадлежали одно сельцо и 5 деревень, „а въ нихъ дворъ вотчинниковъ, дворъ двороваго человѣка, людей въ немъ

---

[1]) Подобный же случай относительно Бѣлгородскаго уѣзда указываетъ г. Миклашевскій въ цитированномъ выше изслѣдованіи, p. 58, прим. 2.

Библиотека "Руниверс"

3 чел., 2 дв кр., 8 дв. боб., обоего кр. и боб. 10 дв., людей въ нихъ 60 чел., да бѣглыхъ кр. и боб. и ихъ дѣтей 33 чел.". Кромѣ того, въ переписную книгу почему-то не попали 19 чел., перечисленные въ „сказкахъ". Такимъ образомъ, всего въ переписную книгу не попало болѣе 82 чел. Но въ переписной книгѣ есть лишніе сравнительно со „сказками" люди (28 чел.). Наконецъ, 6 дворовъ, названныхъ въ „сказкахъ" бобыльскими, въ переписной книгѣ именуются крестьянскими, и 28 крестьянскихъ и 155 бобыльскихъ дворовъ переписныхъ книгъ въ „сказкахъ" названы дворами „дворовыхъ людей". Значитъ, въ концѣ XVII столѣтія населеніе стало прибѣгать къ иной уловкѣ для того, чтобы ускользнуть отъ тягла: оно стало называть крестьянъ и бобылей „дворовыми людьми", потому что переименовывать крестьянъ въ бобылей было бы теперь совершенно безполезно: съ 1649 г. бобыли относительно платежа нѣкоторыхъ податей были сравнены съ крестьянами [1]); а подати, взимавшіяся по количеству „живущихъ четей", брались, какъ извѣстно, по писцовымъ книгамъ 20-хъ годовъ [2]). Приведенныя свѣдѣнія какъ нельзя болѣе подтверждаютъ наши предъидущія наблюденія.

Хотя мнѣ пришлось разсмотрѣть небольшое количество матеріаловъ, однако я считаю возможнымъ высказать общій взглядъ на значеніе переписныхъ книгъ. Мы знаемъ, что переписчики *должны были* не прежде заносить данныя „сказокъ" въ свои книги, какъ тщательно провѣривъ ихъ на мѣстѣ путемъ личнаго осмотра и опроса, *должны были* составлять переписныя книги не по „сказкамъ" только, но и по „доѣзду"; но *на практикѣ* дѣло происходило нѣсколько иначе: многія „сказки" оставались непровѣренными — и въ результатѣ получалась значительная неточность, такъ какъ населеніе давало завѣдомо ложныя показанія: оно скрывало цѣлые дворы, или нѣкоторыхъ изъ своихъ дѣтей и родственниковъ, называло крестьянъ бобылями, или бобылей „дворовыми людьми". Кромѣ того, часть населенія (именно, дѣти и родственники священно- и церковно-служителей и „дѣловыхъ людей") не вносилась въ переписныя книги вслѣдствіе той узко-практической цѣли, которая имѣлась въ виду при ихъ составленіи, часть же не попадала вслѣдствіе небрежности и недобросовѣстности переписчиковъ.

---

[1]) См. *М. А. Дьяконова* „Бобыли въ XVI и XVII вв." *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, апрѣль, р. 275.

[2]) Эти свѣдѣнія находятся на послѣднихъ листахъ (неперенумерованныхъ) Великол. пер. книги 7186 г., хранящ. въ А. М. Ю. за № 8.394.

Библиотека "Руниверс"

А если такъ, то цифровыя данныя переписныхъ книгъ мы должны признать довольно грубыми, далеко не вполнѣ соотвѣтствующими дѣйствительности. Нельзя сказать, что „сообщаемыя переписными книгами свѣдѣнія почти всегда слѣдуетъ считать за *minimum* того, что должно было бы быть“ [1]), но можно утверждать, что показываемое въ нихъ количество населенія въ большинствѣ случаевъ *меньше* того, какое было въ дѣйствительности.

Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что переписныя книги должны быть преданы забвенію, должны покрываться пылью и гнить на полкахъ архива; несмотря на заключающіяся въ нихъ крупныя ошибки, онѣ всетаки даютъ много цѣннаго матеріала. При этомъ особеннаго вниманія заслуживаютъ книги, заключающія въ себѣ дополнительныя описи, подобныя тѣмъ, о которыхъ я упоминалъ выше.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Чтобы помочь читателю выработать болѣе или менѣе ясное понятіе о „сказкахъ“, я рѣшилъ напечатать цѣликомъ нѣсколько такихъ документовъ; а для сравненія выбралъ соотвѣтствующія мѣста изъ переписной книги помѣстныхъ и вотчинныхъ земель Московскаго уѣзда, 1646 г.

„Сказки“.	Переп. книга.
№ 1-й.	
„154 г. апрѣля въ первый день сказалъ Микитинъ человѣкъ Федоровича Панина Яковъ Назарьевъ: за государемъ моимъ за Микитою Федоровичемъ помѣстье въ Московскомъ уѣздѣ въ Шахове стану деревня Численая-Столбова, а въ немъ (sic) дворъ боярской, живетъ въ немъ приказщикъ Игнатей Сергѣевъ сынъ прозвище Пятой	„За Микитою Ѳедоровымъ сыномъ Панинымъ деревня Численая-Столбова на рѣкѣ на Пахре, а въ ней дворъ ево Микитинъ, живетъ въ немъ дѣловой человѣкъ Пиминка Игнатьевъ, да крестьянъ: (в) Микитка Веретенниковъ з дѣтми з Данилкомъ да с Климкомъ да с нимъ Васка Ѳѳонасьевъ, (в) Ивашко Сидоровъ. Всего 2

---

[1]) *А. С. Лаппс-Данилевскаго* „Организ. прям. облож. въ моск. гос.“ и пр., р. 214.

Библиотека "Руниверс"

з детми с Ѳеткомъ да с Васкомъ да с Ларкомъ, да дворъ скотской, а живетъ въ немъ дѣловой человѣкъ Ивашко Савельевъ сынъ прозвище Поминка з детми с Сергушкомъ да с Андрюшкомъ да с Лучкомъ, да бобылскихъ дворовъ: во дворѣ Микитка Филиповъ сынъ з детми з Данилкомъ да с Климкомъ, во дворѣ вдова Матренка Мартемьянова дочь Офонасьева жена Исакова с сыномъ с Васкомъ Офонасьевымъ. А скаску писалъ Микитинъ человѣкъ Федоровича Яковъ Назарьевъ своею рукою". Л. 620 об.

№ 2-й.

„154 г. апрѣля въ 16-й день по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи крестному цѣлованью сказалъ писцомъ Ивану Степановичу Урусову да подьячему Семену Нѣсвѣтаеву Левонтьевъ человѣкъ Яковлевича Высоцкого Сергунька Михайловъ: въ Московскомъ уѣзде в Замытцкой волости в приданой деревне Свитинѣ [1]), а на дворѣ на боярскомъ дѣловыхъ людей приданыхъ крѣпосныхъ 3 брата—Стенка да Харламко да Олешка Михайловы дѣти, да Ларка Архиповъ, а у него сынъ Сенка году, да задворныхъ дѣловыхъ людей крѣпосныхъ: (в) Ивашко Петровъ, а у него сынъ Ѳетка 4 лѣтъ, (в) Максимко Петровъ, а у него сынъ двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 5 человѣкъ". Л. 620 об.

„За Левонтьемъ Яковлевымъ сыномъ Высоцкимъ, что̀ было за Смышляемъ Степановымъ сыномъ Айгустовымъ да за ево дѣтми за Петромъ да за Иваномъ, сельцо, что̀ была пустошь, Сытино Большое на рѣчке на Трешне, а въ ней (sic) дворъ вотчинниковъ, живутъ въ немъ задворные (sic) кабальные люди—Стенка да Харламко да Левка Михайловы дѣти Пестова по кабалѣ 152 г., да Зарко (sic) Архиповъ по кабалѣ 152-жъ года, да задворныхъ кабальныхъ людей: (в) Ивашко Петровъ, (в) Максимко Петровъ по кабалѣ 129 г., (в) Васка Михайловъ бобыль, (в) Сергунка Михайловъ по кабалѣ 137 г., (в) Якунка Ларіоновъ, отецъ ево кабальной,

[1]) Здѣсь, вѣроятно, пропущено: „дворъ боярской".

Библиотека "Руниверс"

Ванка 3 годовъ. (в) Сергунка Михайловъ, а у него сынъ Куземка 8 годовъ да сынъ Стенка 5 годовъ, во дворѣ Якунка Ларіоновъ, (в) Панка Матѳѣевъ, (в) Останка Ондрѣевъ, а у него 2 пасынка— Зинка Ивановъ 10 годовъ да Захарко Ивановъ 8 годовъ, да (в) бобыль Васка Михайловъ, а у него сынъ Соѳонка году.

И списки с крѣпостей далъ за рукою государя своего Левонтья Яковлевича.

А скаску писалъ Левонтья-жъ Яковлевича Высоцкого человѣкъ Ѳетка Рыковъ".

На оборотѣ: „К сей скаске вмѣсто Левонтьева прикащика Яковлевича Высоцково Сергуньки Михайлова по ево веленью язъ Левонтья-жъ Яковлевича Высоцково человѣкъ Савка Вильяновъ руку приложилъ".

(в) Панка Матвѣевъ по кабалѣ 137 г., (в) Осташко Андрѣевъ по кабалѣ 132 г. И на тѣхъ людей у справки крѣпости росматривали". Л. 656.

№ 3-й.

„Лѣта 7154-го году апреля въ 19-й день сказалъ Ивану Степановичу Урусову да подьячему Семену Несвитаеву Ѳеонасьевъ человѣкъ Яковлевича Стрешнева Матюшка Ѳедоровъ: государева жалованья за Ѳеонасьемъ Яковлевичемъ въ Московскомъ уѣзде в Перемышльской волости помѣстейца пол-сельца Тверской (sic), а въ немъ дворъ помѣщиковъ Ѳеонасья Яковлевича; деревня Іевлево, а въ ней крестьянъ и бобылей: (в) крестьянинъ Свиридко Борисовъ з

„За Ѳеонасьемъ Яковлевымъ сыномъ Стрешневымъ, что̀ было прежъ сего вымеряно у Миколая Новокщенова, пол-сельца Тверсково, а въ немъ дворъ помѣщиковъ, а другая половина того селца за Иваномъ Стрешневымъ; за нимъже за Ѳеонасьемъ деревня Воронина, Могилево, а Іевлево тожъ на речкѣ на Материченке, а въ ней крестьянъ: (в) Свиридко Борисовъ з детми с Отрюшкою (sic) да с Янькою, (в) Сенка Торасовъ с сыномъ с Ѳатейкомъ да зять ево

Библиотека "Руниверс"

детми с Ортюшкою да съ Якушкою, (в) бобыль Сенка Тарасовъ с сыномъ с Ѳатейкомъ, а зять ево Ивашко Григорьевъ сынъ бегаетъ, (в) бобыль Лаврушка Богдановъ, (в) бобыль Оношка Бессоновъ с сыномъ с Петрушкою.

А скаску писалъ Ивановъ человѣкъ Ивановича Стрешнева Петрунка Юрьевъ сынъ Митюковъ".

На оборотѣ: „К сей скаски села Боронова Спаско(й) поп Семион вместо Аѳонасьява прикащика Аковливича Мотвея по ево веленью руку приложил".

Ивашко Григорьевъ збѣжалъ бѣзвесно, (в) бобыль Аношка Безсоновъ с сыномъ с Петрушкою. И всего за Оѳонасьемъ Стрешневымъ пол-сельца да деревня, а въ нихъ дворъ помѣщиковъ да 2 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 5 человѣкъ да бѣглой, дворъ бобыльской, людей въ немъ 2 человѣка; обоево крестьянъ и бобылей 3 двора, а людей въ нихъ 7 человѣкъ" Л. 605 об.

Гр. Шмелевъ.

Библиотека "Руниверс"

ТАЙ-ПИНСКОЕ ВОЗСТАНІЕ ВЪ КИТАѢ.

Подъ именемъ Тай-пинскаго возстанія въ Китаѣ извѣстна въ Европѣ попытка китайской націи сбросить съ себя власть маньчжурскаго дома, имѣвшая мѣсто во второй половинѣ настоящаго столѣтія 1850—1864 гг. Данное названіе усвояется однако этому движенію только европейцами. Въ офиціальныхъ бумагахъ Китая и вообще въ китайскихъ сочиненіяхъ инсургентовъ этихъ именуютъ презрительно *Чанъ-мао-цзѣй*, то-есть, „длинноволосыми разбойниками", въ виду того, что они отвергли введенный маньчжурами обычай брить часть головы и носить косу и отпускали длинные волосы, какъ то было въ модѣ при Минской династіи (1368—1644). Когда главы движенія провозгласили свою независимость отъ маньчжурскаго дома и объявили учрежденіе династіи въ 1850 году, они назвали ее *Пинъ-чао*, то-есть, „династіей мира", желая обозначить тѣмъ свой девизъ и отличить себя отъ *Цинъ-чао*, какъ называетъ себя нынѣ правящій домъ. Съ прибавленіемъ эпитета *тай* великій, прилагаемаго обыкновенно къ царствующей династіи, образовалось названіе *Тай-пинъ*, перенесенное иностранцами съ имени династіи на все инсургентское движеніе. Глава этой династіи принялъ для своихъ годовъ правленія названіе Тянь-дэ „небесной добродѣтели". Его личное имя, Хунъ-сю-цюань, разсматривалось его сторонниками и послѣдователями, по китайскому обычаю, какъ священное, и не употреблялось въ обыкновенной рѣчи. Приказы, эдикты и манифесты его, издававшіеся въ Нанкинѣ или въ другихъ мѣстахъ для арміи носили надписи Тянь-фу, Тянь-сюнъ, Тянь-ванъ-тай-пинъ-тянь-го, то-есть, „небеснаго отца, небеснаго старшаго брата, или небеснаго князя небеснаго царства великаго мира".

Библиотека "Руниверс"

Источники и пособія. Изученіе исторіи тай-пинскаго движенія въ отношеніи къ источникамъ стоитъ въ сравнительно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели какой либо другой фактъ изъ исторіи Китая. Далеко еще не всѣ источники тай-пиновъ стали достояніемъ исторіи: масса ихъ хранится въ архивахъ и составляетъ пока секретъ дипломатіи и политики, но уже и опубликованные съ достаточною ясностью обрисовываютъ намъ подробности возстанія. Наиболѣе драгоцѣнною чертою источниковъ данной эпохи является ихъ разнородность, ихъ происхожденіе изъ различныхъ лагерей.

Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ правительственныя китайскія донесенія и записки. Изъ доселѣ изданныхъ важнѣйшими нужно считать сообщенія Цзинъ-бао, то-есть, китайской правительственной газеты, дающія массу историческаго матеріала. Сводъ этимъ реляціямъ и вообще офиціальнымъ документамъ становится достояніемъ хроники Дай-цинскаго дома: „Дунъ-хуа-сюй-лу". Дополненія къ нимъ составляютъ изданныя записки Цзэнъ-го-фаня, Сань-ко-линъ-сина, Ли-хунъ-чжана.

Въ качествѣ показателей взглядовъ и изложенія дѣла съ противоположной правительственной точки зрѣнія источниками исторіи служатъ документы тай-пинскіе.

По усмиреніи мятежа правительственныя войска и администрація много заботились объ истребленіи всѣхъ произведеній мятежниковъ, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ ихъ сочиненій уцѣлѣли, главнымъ образомъ, благодаря европейцамъ. Еще въ періодъ возстанія множество прокламацій, указовъ, распоряженій, памфлетовъ и брошюръ тай-пинскаго лагеря попадали въ руки европейцевъ и опубликовывались. Но только въ самое послѣднее время европейцы задались мыслью составить полную коллекцію тай-пинскихъ сочиненій и отыскивали ихъ повсюду. Такъ, напримѣръ, тай-пинское возстаніе является предметомъ особаго вниманія администраціи китайскаго отдѣла библіотеки British Museum'a въ Лондонѣ, и стараніями профессора Р. К. Дугласа здѣсь составлена богатѣйшая коллекція неизданныхъ тай-пинскихъ сочиненій. Въ отдѣлѣ Тай-пинъ-тянь-го здѣсь числятся изданія:

1) Тай-пинъ-сунъ-синъ-чжао-шу. Прокламаціи Янъ и Сяо, восточнаго и западнаго князей Тай-пинскаго дома.

2) Тай-пинъ-чжао-шу. Манифесты тай-пиновъ.

3) Тай-пинъ-цзюнь-му. Указатель расположенія и состава тай-пинской арміи, опубликованный по приказанію Тянь-вана.

Библиотека "Руниверс"

4) Тай-пинъ-цзю-ши-гэ. Гимнъ о спасеніи міра, изданный имъ же.

5) Тай-пинъ-ли-чжи. Указанія относительно церемоній тай-пиновъ.

6) Тай-пинъ-тяо-гуй. Правила для тай-пинской арміи.

7) Тай-пинъ-тянь-фу-ся-фань-чжао-шу. Возвѣщеніе воли небеснаго отца, по случаю сошествія его на землю.

8) Тай-пинъ-тянь-фу-ди-ши-янь-хуанъ-чжао. Слова небеснаго отца. опубликованныя по приказу Тянь-вана.

9) Тай-пинъ-тянь-тяо-шу. Книга небесныхъ узаконеній тай-пиновъ.

10) Тай-пинъ-яо-сё-ши. Ода для юношества изданная Тянь-ваномъ. Тай-пинское „Сань-цзы-цзинъ".

Изученіе и разработка этихъ документовъ интересны особенно съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, ими разрѣшается вопросъ о христіанствѣ главы тай-пинскаго движенія и о связи всего дѣла возстанія съ христіанствомъ. Сличенія этихъ документовъ съ Моррисоновскимъ переводомъ Библіи, который безспорно находился въ рукахъ Хунъ-сю-цюаня, убѣждаютъ въ несомнѣнныхъ заимствованіяхъ послѣдняго изъ Евангелія Іоанна нѣкоторыхъ выраженій объ Отцѣ, о Сынѣ, ниспосланномъ съ неба, о вдохновеніи. Во-вторыхъ, эти тай-пинскія сочиненія даютъ намъ возможность наглядно убѣдиться въ тѣхъ искаженіяхъ первоисточниковъ, которыя практикуются китайскими правительственными сферами, когда имъ приходится имѣть дѣло съ документами, имъ непріятными или вредными. Въ мемуарахъ Цзэнъ-гофаня встрѣчаются якобы перепечатки тай-пинскихъ прокламацій, но онѣ переданы здѣсь въ искаженномъ видѣ.

Кромѣ сего въ настоящее время совершенно установлено изслѣдованіями, и подтверждается показаніями современниковъ, что правительственная партія практиковала въ самыхъ широкихъ размѣрахъ поддѣлки и подлоги документовъ тай-пинскаго лагеря и выпускала якобы тай-пинскіе прокламаціи и манифесты, примѣняя подобныя мѣры особенно въ періодъ тай-пинскаго успѣха для дискредитированія мятежниковъ въ глазахъ народа.

Среди европейскихъ источниковъ для изученія тай-пинскаго движенія заслуживаетъ особаго вниманія одна біографія Хунъ-сю-цюаня. Въ 1852 году нѣкто Хунъ-жень, родственникъ Хунъ-сю-цюаня, спасаясь отъ розысковъ мандариновъ въ провинціи Гуанъ-си, явился въ Гонъ-конгъ. Здѣсь миссіонеру Hamberg'у онъ вручилъ нѣкоторыя бумаги о Хунъ-сю-цюанѣ и происхожденіи движенія въ Гуанъ-си, и они то положены въ основаніе книги о жизни Хунъ-сю-цюаня. До-

Библиотека "Руниверс"

стовѣрность разказа не подлежитъ никакому сомнѣнію, и если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вкрались хронологическія неточности, то онѣ легко могутъ быть исправлены сопоставленіями съ другими источниками, оставляя за книгою Hamberg'а вполнѣ значеніе первоисточника.

Лучшимъ разказомъ о тай-пинскомъ движеніи служитъ сочиненіе г. Meadows, The Chinese aud their Rebellions, авторъ котораго принималъ лично участіе въ сношеніяхъ съ тай-пинами, предпринималъ поѣздку по землямъ Тянь-вана, сопровождалъ англійскаго консула въ Нанкинъ и, какъ переводчикъ, могъ дать себѣ больше отчета и получать болѣе правильныя понятія обо всемъ, совершавшемся вокругъ.

Вообще европейская литература по тай-пинскому вопросу огромна, особенно же на сколько дѣло касается борьбы съ возстанцами европейскихъ и американскихъ авантюристовъ. Личности Варда, Бургевина, Сэвэджа, дѣйствія „вѣчно-побѣдоносной арміи", и особенно личность Гордона являются предметомъ массы монографій, замѣтокъ, брошюръ и характеристикъ. При этомъ для выработки правильнаго взгляда на этихъ лицъ приходится прежде всего считаться съ національнымъ пристрастіемъ авторовъ. Англичане дѣлаютъ героемъ своего Гордона, американцы своего Варда, тѣ и другіе разсыпаютъ похвалы Тянь-вану въ тотъ періодъ, когда отъ тай-пиновъ ожидали сближенія съ европейцами или еще точнѣе, съ одною націею въ ущербъ другой, и оказываются столь же щедрыми въ порицаніяхъ по адресу Хунъ-сю-цканя, когда ближайшія сношенія съ нимъ привели къ убѣжденію, что тай-пины смотрятъ на европейцевъ нисколько не иначе, чѣмъ пекинское правительство и всѣ китайцы, и что ожидать отъ нихъ симпатій и мѣръ въ пользу западной культуры нѣтъ ровно никакихъ основаній. Однако всѣ эти разногласія служатъ и способствуютъ лишь наиболѣе разностороннему уясненію вопроса, нисколько не вредя правильной оцѣнкѣ событій, а тѣмъ болѣе ихъ передачѣ.

Русской литературы о тай-пинахъ, можно сказать, не существуетъ.

Два періода возстанія. Вся исторія тай-пинскаго движенія распадается на два, рѣзко различающіеся между собою по мѣсту, времени и условіямъ жизни и дѣятельности, періода. Первый начинается съ самаго зарожденія движенія, обнимаетъ исторію его распространенія на сѣверъ и заканчивается упроченіемъ тай-пинскаго владычества въ долинѣ Янъ-цзы-цзяна и на китайской низменности.

Библиотека "Руниверс"

Отличительною чертою возстанія является въ этомъ періодѣ полное сохраненіе имъ за собою чисто китайскаго характера, чуждаго стороннихъ вліяній. Вспыхнувъ и сконцентрировавъ вокругъ себя цѣлую группу воспріимчивыхъ къ мятежамъ элементовъ, движеніе почти безпрепятственно охватило весь южный Китай и создало цѣлое государство. Но здѣсь и оканчивается первый поступательный періодъ движенія. Достигнувъ цѣли, оно не обнаружило въ себѣ никакихъ здравыхъ задатковъ для развитія прочнаго государственнаго организма, и потому непосредственно вслѣдъ за періодомъ завоевательнымъ, наступаетъ періодъ упадка, разложенія, который усложняется вмѣшательствомъ въ дѣло борьбы европейцевъ, вносящихъ совершенно новые, несродные китайской жизни, принципы и пріемы дѣйствій и вызывающихъ развязку всего дѣла совершенно не въ томъ направленіи, въ какомъ ее можно было бы ожидать при существованіи исключительно китайской почвы и вліяній.

Наиболѣе интереснымъ представляется именно этотъ первый періодъ тай-пинскаго возстанія, и я остановлюсь прежде всего на причинахъ, его вызвавшихъ, потомъ на личности главы тай-пиновъ, далѣе на движеніи его отрядовъ на сѣверъ до водворенія въ долинѣ р. Янъ-цзы-цзяна и по Великому Каналу и, наконецъ, на причинахъ быстраго упадка тай-пинскаго государства.

Причины тай-пинскаго движенія. Трудно представить себѣ какое либо народное движеніе въ Китаѣ болѣе грандіозное по размѣрамъ и болѣе запутанное по сложности вызвавшихъ его причинъ, чѣмъ названное тай-пинское возстаніе. Это прежде всего одна изъ тѣхъ революцій, корни и зародыши которыхъ всегда таятся въ нѣдрахъ народной китайской жизни. Находя для себя благопріятный моментъ, движенія эти вспыхиваютъ совершенно неожиданно, охватываютъ своимъ пламенемъ цѣлые округа и провинціи, создаютъ огромныя арміи, съ полнымъ успѣхомъ противящіяся правительственнымъ войскамъ, вызываютъ къ себѣ симпатіи населенія и производятъ удивительные перевороты въ государствѣ. Такихъ движеній въ исторіи Китая встрѣчается множество. Одни изъ нихъ вели къ образованію новыхъ династій, другія затихали для того, чтобы вновь вспыхнуть при первомъ удобномъ моментѣ. Аналогичными тай-пинскому движенію представляются: образованіе государствъ въ періодъ Сань-го въ III вѣка по Р. Хр.; движеніе Ли-юаня, основателя Танской династіи въ VII вѣкѣ; особенно похоже на тай-пинское возмущеніе Хуанъ-чао, приведшее въ концѣ концовъ къ паденію Танской династіи,

Библиотека "Руниверс"

основаніе Чжу-юань-чжаномъ Минскаго дома и т. п. Но особенностью тай-пинской исторіи является примѣсь европейскаго элемента. Этотъ совершенно новый факторъ на почвѣ китайской исторіи весьма усложняетъ дѣло и въ значительной степени нарушаетъ тѣ рамки, въ которыя укладывается китайская жизнь внѣ соприкосновенія съ европейцами.

Для выясненія причинъ тай-пинскаго движенія важное значеніе имѣетъ характеристика страны, въ которой оно возникло.

Южныя провинціи Китая, Гуанъ-дунъ и Гуанъ-си, явившіяся колыбелью тай-пинскаго движенія, значительно разнятся въ этнографическомъ отношеніи отъ сѣвернаго и даже центральнаго Китая. Инородческій элементъ здѣсь примѣшивается къ китайскому населенію весьма сильно. Мало того, онъ всегда боролся и борется со всепроникающимъ китайскимъ вліяніемъ, и можетъ быть нигдѣ борьба эта не сопровождалась такимъ неуспѣхомъ для стремленій Срединной имперіи, какъ здѣсь. Въ горныхъ долинахъ Гуанъ-си и Гуй-чжоу живутъ туземныя племена, аборигены Китая, извѣстные подъ общимъ именемъ *Мяо-цзы*, храбрые, неутомимые и предпріимчивые горцы, покорить которыхъ Китаю доселѣ никогда не удавалось. Они сохраняютъ доселѣ свое національное платье, никогда не брѣютъ головъ и отвергаютъ всякія попытки китайскихъ властей вмѣшиваться въ дѣло ихъ самоуправленія. Ихъ полнѣйшая независимость—фактъ, признанный самимъ пекинскимъ правительствомъ, и до послѣдняго времени даже на офиціальныхъ государственныхъ картахъ ихъ поселенія обозначаются бѣлымъ пятномъ въ знакъ того, что они не подчинены императору. Попытка покорить ихъ принадлежала императору Цяньлуну (1736—1796 гг.), но вопреки всѣмъ офиціальнымъ бюллетенямъ о побѣдахъ, правительство должно было совершенно отказаться отъ мысли подчинить себѣ этихъ горцевъ. До 1832 года вражда и борьба съ Мяо-цзы однако почти не прекращались. Китайскіе отряды одинъ за другимъ терпѣли пораженія, пока наконецъ императоръ Дао-гуанъ (1820—1850 гг.) не замѣнилъ военныя дѣйствія мирными переговорами, и тогда Мяо-цзы согласились за извѣстныя привиллегіи и значительную сумму денегъ удалиться въ горы и прекратить свои набѣги.

Само китайское населеніе юга носитъ на себѣ значительныя особенности, обусловливающіяся и климатическою разницею, и характеромъ страны. Какъ бы ни были одинаковы по духу китайцы всѣхъ 18 провинцій Застѣнной имперіи, но начать съ того, что житель Чжи-ли и Шань-дуна отдѣленъ отъ Гуанъ-дуна и Гуанъ-си болѣе

Библиотека "Руниверс"

нежели 2000 верстъ. Югъ Гуанъ-дуна на тропикѣ, и вся провинція экваторіальна по климату и произведеніямъ. Въ Чжи-ли и сосѣднихъ провинціяхъ встрѣчаются естественныя произведенія умѣреннаго климата, зимою рѣки замерзаютъ и ледъ бываетъ толщиною въ футъ. Климатъ кладетъ свой отпечатокъ и на внѣшній видъ, и на образъ жизни, и на характеръ китайца на сѣверѣ и югѣ имперіи. Но еще большее вліяніе на жителей оказываетъ горный характеръ южныхъ провинцій. Обратите вниманіе на хребетъ, являющійся водораздѣломъ Янъ-цзы-цзяна отъ бассейновъ южно-китайскихъ. Этотъ отрогъ Гималая входитъ въ западную часть Юнь-нани, идетъ къ сѣверу Гуанъ-си и Гуанъ-дуна, огибаетъ провинцію Фу-цзянь и, пересѣкая Чже-цзянъ, уходитъ въ море у Нинъ-бо. На всемъ протяженіи основной хребетъ бросаетъ отъ себя маленькіе отроги, которые также тяготѣютъ къ океану и, исчезая въ немъ, оставляютъ по себѣ слѣды въ цѣломъ поясѣ прибрежныхъ островов. Чжусанскій архипелагъ представляетъ собою сѣверную оконечность даннаго пояса, который идетъ къ югу до Гонконга и образуетъ въ южной своей части массу прекрасныхъ гаваней. Характеръ всей страны отпечатлѣлся и на жителяхъ. Въ гуанъ-дунцахъ скомбинировались свойства горныхъ жителей и моряковъ. По занятіи береговаго пояса островов, они перешли на Формозу и Хай-нань. Джонки ихъ издавна посѣщали Сіамъ, Манилу, Борнео, Яву, Сингапуръ и Индійскій архипелагъ, разнося съ собою культуру своихъ хозяевъ по отдаленнымъ оконечностямъ материка. Населеніе въ силу этого стало дѣятельно, энергично и полно иниціативы. Гуанъ-си по характеру чисто континентальная страна. Она состоитъ изъ горныхъ долинъ Кантонской рѣки и ея верхнихъ притоковъ. Незначительная въ сравненіи съ Янъ-цзы-цзяномъ и Хуанъ-хэ, Кантонская рѣка одинакова однако по протяженію съ Дунаемъ и вполнѣ способна развить въ прибрежномъ населеніи типъ жителей бойкихъ торговыхъ странъ съ удобными путями сообщенія. Горный характеръ провинціи, создавшій независимость Мяо-цзы, не остался безъ вліянія и на мѣстное китайское населеніе, сообщая и ему ту же устойчивость и смѣлость духа.

Помимо Мяо-цзы провинціи Гуанъ-дунъ и Гуанъ-си населены еще двумя различными по названію классами населенія: *бэнь-ди* или *пунти* и *кэ-цзя* или, по мѣстному произношенію, *хакка*. Синологи доселѣ еще не пришли къ соглашенію: составляютъ ли эти два класса различные этнографически элементы, или же нѣтъ, но рѣшеніе этого вопроса, внѣ всякаго сомнѣнія, прольетъ яркій свѣтъ на событія по-

Библиотека "Руниверс"

слѣднихъ десятилѣтій въ Китаѣ вообще и на роль южно-китайскаго населенія въ исторіи тай-пинскаго движенія въ частности.

Пунти всегда признавались въ этнографическомъ отношеніи китайцами, эмигрировавшими издавна на югъ, гдѣ они пріобрѣли права гражданства и господства въ провинціяхъ Лянъ-гуанъ и разсматривали занимаемую ими территорію какъ свою неотъемлемую собственность, внѣ всякаго желанія дѣлиться ею съ кѣмъ бы то ни было. Вопросъ о хакка стоитъ на совершенно иной почвѣ и заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго знакомства съ нимъ. Dr. Eitel считаетъ ихъ расою, чуждою китайцамъ, инородческою. Устныя преданія и фамильныя хроники, тщательно сохраняемыя въ ихъ семьяхъ, указываютъ, что предки хакка постепенно передвигались на югъ изъ провинцій Шань-дуна и Шань-си, начиная со временъ Цинь-ши-хуанъ-ди (221—209 г. до Р. Х.) и до XVIII вѣка, когда они окончательно водворились въ провинціяхъ Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ. Исторія ихъ пребыванія здѣсь до самыхъ послѣднихъ дней полна соперничествомъ и кровавыми распрями съ пунти, что обусловливалось этнографическою разностью двухъ племенъ. Важнѣйшая эпоха въ исторіи хакка открывается, по мнѣнію д-ра Eitel'я, со временъ тай-пинскаго движенія. „Можно утверждать, говоритъ онъ, что все это возстаніе, отъ начала его въ Гуанъ-си и до паденія Нанкина, было ведено, поддерживаемо и контролируемо хакка изъ Гуанъ-дуна. Мятежникъ императоръ и его министры или короли—какъ они назывались—принадлежали по происхожденію къ племени хакка, хотя тысячи другихъ китайцевъ наполняли ряды ихъ армій. Фактъ, что горсть хакка подняла такой огромный мятежъ, и одинаково изумительный фактъ, что во всѣхъ превратностяхъ движенія отъ Гуанъ-дуна до Нанкина она могла удержать за собою первенство среди безпорядочныхъ когортъ, гласятъ цѣлые томы за способность къ власти, таящуюся въ этихъ грубыхъ дѣтяхъ тревоги и волненій".

Плодотворность мнѣній доктора Eitel'я для уясненія причинности тай-пинскаго движенія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Можно построить цѣлые десятки положеній на одномъ только томъ фактѣ, что хакка—различный этнографически элементъ отъ китайцевъ. Но теорія Eitel'я встрѣтила сильный отпоръ со стороны Ch. Piton'a, не соглашающагося видѣть въ хакка ничего другаго, кромѣ настоящихъ исконныхъ китайцевъ. По его мнѣнію, большая часть изъ того, что Eitel выдаетъ за исторію хакка, есть только разказъ о движеніи и расширеніи чисто китайскаго племени. Территорія Шань-дуна и

Библиотека "Руниверс"

Шань-си во времена Чжоусской и Циньской династій составляла земли китайцевъ; съ теченіемъ времени эти послѣдніе, по мѣрѣ своего приращенія, передвигались на югъ, и если бы посмотрѣть въ фамильныя хроники пунти, живущихъ вмѣстѣ съ хакка на югѣ, но признаваемыхъ Eitel'емъ за чистыхъ китайцевъ, то въ нихъ можно найдти совершенно тожественный съ приведеннымъ разказъ. Кромѣ того, всѣ эти хроники достовѣрны въ лучшемъ случаѣ со временъ Танской и Сунской династій. Piton убѣжденъ такимъ образомъ, что хакка—чистокровные китайцы и что стали они хакка, то-есть, эмигрантами, только съ періода У-дай (907—960), когда много народа переселилось на югъ, избѣгая волненій и неурядицъ сѣвера.

Но какъ бы то ни было, а участіе хакка въ тай-пинскомъ движеніи и преобладающая роль ихъ тамъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. Само маньчжурское правительство сознавало это, когда по окончаніи мятежа оно, прощая многихъ участниковъ въ немъ, никогда не давало пощады уроженцамъ Гуанъ-си. Точный отвѣтъ на вопросъ объ этнографическомъ составѣ хакка и пунти дастъ со временемъ лингвистика, но и теперь, если не для общаго хода тай-пинскаго движенія, то для объясненія начала его нельзя не имѣть въ виду постоянной вражды двухъ названныхъ элементовъ населенія на югѣ Китая.

Кромѣ этой почвы, на которой выросло тай-пинское движеніе, въ первой половинѣ настоящаго столѣтія въ Китаѣ существовали и другія условія, благопріятствовавшія народнымъ волненіямъ.

Побережье южнаго Китая вмѣстѣ съ упомянутыми прибрежными островами всегда служили убѣжищемъ китайскимъ пиратамъ, организовывавшимъ здѣсь по временамъ очень большія флотиліи, грозныя для маньчжурскаго правительства, а еще больше для окрестнаго населенія. Усиленіе или ослабленіе пиратства на югѣ Китая всегда могло служитъ критеріемъ прочности центральнаго правительства. При слабости послѣдняго у Кантонскихъ и Фу-цзяньскихъ береговъ немедленно же создавались цѣлыя эскадры черныхъ флаговъ, взимавшихъ дань съ торговцевъ. Такая именно банда организовалась здѣсь въ концѣ 40-хъ годовъ, и своими грабежами привлекла наконецъ на себя вниманіе англійскихъ моряковъ. 23-го октября 1849 г. 28 судовъ пиратской флотиліи послѣ нѣкоторой схватки были уничтожены англійскими военно-морскими силами у береговъ южнаго Китая и Кохинхины, при чемъ экипажъ ихъ спасся бѣгствомъ частью вплавь, частью на ушедшихъ джонкахъ. Неудивительно, если этотъ бѣглый

Библиотека "Руниверс"

сбродъ наполнилъ страну разбоями, и менѣе чѣмъ черезъ 4 мѣсяца послѣ того въ правительственной Цзинъ-бао появляется сообщеніе, что „на южныхъ границахъ Гуанъ-си (то есть, въ 5 дняхъ разстоянія отъ мѣста, гдѣ пираты потерпѣли пораженіе) страшная сила мятежниковъ начала открытую борьбу противъ императорскихъ войскъ". Позднѣе это движеніе слилось съ тай-пинскимъ и усилило ряды армій послѣдняго значительнымъ числомъ людей, испытанныхъ въ бродяжнической полубоевой жизни.

Общество Тріады. На почвѣ общей дезорганизаціи населенія южнаго Китая объединяющею и враждебною маньчжурскому правительству силой явилась дѣятельность секретныхъ обществъ, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежало обществу трехъ элементовъ или Тріады (Сань-хэ-хуй). При общей неясности своей догматики, отзывавшейся мистицизмомъ и приближавшейся къ масонству, общество Тріады ставило себѣ совершенно опредѣленную политическую задачу—сверженіе царствующаго дома—и потому являлось естественнымъ оплотомъ всѣхъ анти-правительственныхъ волненій. Свѣдѣнія о его дѣятельности на югѣ Китая въ нашъ періодъ даетъ намъ одинъ, представленный императору Сянь-фыну, докладъ — крайне характерный документъ, авторъ котораго Цзанъ-ванъ-янь проходилъ различныя должности въ провинціяхъ Лянъ-гуанъ и зналъ положеніе тамошнихъ дѣлъ.

„Основаніе, пишетъ онъ, почему разбойничество, существовавшее всегда на югѣ Китая, теперь, то-есть, въ концѣ 40-хъ годовъ—проявляется въ Гуанъ-дунѣ сильнѣе, нежели прежде, заключается въ отсутствіи должныхъ мѣръ противъ противозаконныхъ обществъ; ихъ забыли въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, при чемъ, при практиковавшихся властями злоупотребленіяхъ, преступники оставались на свободѣ, а факты не доводились до свѣдѣнія правительства и заглаживались. Отсутствіе должной охраны въ странѣ дало возможность противозаконнымъ обществамъ возрастать съ каждымъ днемъ, а пропорціонально этому увеличивались грабежи и безпорядки. Постепенно распространяясь изъ провинцій, прилегающихъ къ Гуанъ-дуну, зло охватило всю имперію, а сама Гуанъ-дунская провинція положительно наводнена имъ. Какъ подумаешь—это право скорбное явленіе". Не довольствуясь констатированіемъ факта дѣятельности секретныхъ обществъ, Цзанъ-ванъ-янь передаетъ вкратцѣ и ихъ исторію за послѣднія десятилѣтія.

Изъ этой исторіи мы узнаемъ, что къ 27 и 28 гг. Дао-гуана

Библиотека "Руниверс"

(1847—1848 гг.) члены противозаконныхъ обществъ сотнями и тысячами бродили по провинціямъ Гуанъ-си и Гуанъ-дуну, захватывая въ свои руки мѣста, которыя казались имъ наиболѣе удобными, заграждая дороги и производя грабежи. Власти опять притворялись ничего не знающими. Въ 29 г. Дао-гуана въ уѣздахъ Инъ-дэ и Цинъ-юань противъ безпорядковъ были приняты кое какія мѣры, но донесенія начальству все же производились неправильно. Ни въ одномъ отчетѣ не упоминалось слова „общество", всѣ же волненія приписывались простымъ шайкамъ бродягъ. Благодаря такому поведенію администраціи, бунтовщики сдѣлались еще наглѣе прежняго. Дѣйствуя сообразно своимъ секретнымъ планамъ и постановленіямъ, они начали баламутить въ департаментѣ Шао-чжоу-фу. Округа Лянь-чжоу и Инъ-дэ запружены ихъ отрядами. Мѣстечко Да-ши ими разграблено. Округа Шунь-дэ и Синь-хуй подверглись нападеніямъ и захвачены и даже департаментскіе города Хуй-чжоу-фу, Чжао-цинъ-фу и Шао-чжоу-фу равно какъ большой городъ Лянь-цинъ-чжоу были ими обложены и держались въ осадномъ положеніи. Мятежники изъ другихъ провинцій приходили сюда сотнями, а Гуанъ-дунскіе въ красныхъ тюрбанахъ и съ красными знаменами, принимали ихъ какъ друзей въ свои ряды. „Какъ могло бы все это произойдти, ставитъ вопросъ авторъ доклада, если бы уже въ теченіе многихъ лѣтъ секретныя общества не вербовали своихъ членовъ и не выработали для себя прочной организаціи, дѣлающей ихъ способными давать откликъ немедленно по разнымъ мѣстамъ, если волненія начались хотя бы въ одномъ пунктѣ? Не наводнили ли они теперь страну, какъ потопъ?"

Въ такомъ положеніи были дѣла на югѣ Китая въ 1849 — 1850 годахъ подъ воздѣйствіемъ секретныхъ обществъ, концентрировавшихъ вокругъ себя самые разнородные мятежные элементы. Но было бы, можетъ быть, ошибочнымъ считать всѣхъ бродягъ-китайцевъ членами этихъ обществъ, потому что существовали еще и другія условія, создавшія ненормальный ходъ дѣлъ въ странѣ и тѣмъ пораждавшія массу люда, примыкавшаго къ мятежникамъ.

Опіумъ. Нанкинскимъ миромъ, заключеннымъ 29-го августа 1842 г., была разрѣшена задача доступа европейцевъ въ открытые порты Китая, но статья, послужившая поводомъ къ столкновенію державъ осталась in statu quo. Англичанамъ не удалось добиться разрѣшенія ввоза опіума, хотя-бы и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, и потому этотъ предметъ торговли остался по прежнему контрабандой.

Библиотека "Руниверс"

Къ концу 1840 годовъ контрабанда опіумомъ приняла на югѣ Китая чудовищные размѣры, организуя цѣлыя шайки темнаго люда, отдавшагося этому ремеслу. Письмо патера Chauveau, бывшаго въ этотъ періодъ главою римско-католической миссіи въ Юнь-нани, сохраненное въ Annales de la Propagation de la Foi, рисуетъ намъ самыя мрачныя картины народныхъ безпорядковъ и выставляетъ контрабанду опіумомъ одною изъ главныхъ причинъ деморализаціи населенія.

Ко всему этому пріурочилось еще существовавшее въ Китаѣ народное вѣрованіе, что 200 лѣтъ—предѣльный срокъ для династіи, и что маньчжурскій домъ въ 1844 г. неминуемо долженъ пасть. Слухи о появленіи потомковъ Минской династи принимались поэтому съ живѣйшимъ энтузіазмомъ, и это облегчало въ значительной степени пріобрѣтеніе популярности для противниковъ маньчжуровъ. Необходимо помнить, что подобныя суевѣрія народныхъ массъ и ложные слухи, въ народѣ распространившіеся, всегда порождали волненія. Въ нашей русской исторіи въ 1492 г., которымъ оканчивалась седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра, народъ ожидалъ свѣтопреставленія, и на этой почвѣ возникли безпорядки доктрины жидовствующихъ въ сѣверо-западной Руси, вызвавшіе кровавую расправу съ еретиками правительства. Слухъ о спасеніи царевича Димитрія въ Угличѣ сдѣлалъ возможною карьеру лже-Димитрія со всѣми ея народными бѣдствіями. Молва о движеніи на помощь христіанамъ легендарнаго царя пресвитера Іоанна облегчила полководцамъ Чингиса, Чжэбэ и Субугэдею, завоеваніе Арменіи. Точно также и распространенное въ китайскомъ народѣ убѣжденіе объ окончаніи предопредѣленнаго судьбою срока существованія Дай-цинской династіи дѣлали естественнымъ и необходимымъ появленіе новаго правителя Китая, а таковой не замедлилъ явиться.

Хунъ-сю-цюань до начала движенія. Вождемъ движенія недовольныхъ въ южномъ Китаѣ явился Хунъ-сю-цюань. О жизни его до начала тай-пинскаго движенія извѣстно слѣдующее.

Хунъ-сю-цюань родился въ 1813 г. въ маленькомъ городкѣ Хуа-сянь, въ 30-ти миляхъ на сѣверо-востокъ отъ Кантона. Его отецъ былъ погонщикомъ и жилъ въ большой бѣдности, семья добывала себѣ пропитаніе обработкою своихъ рисовыхъ полей, и разведеніемъ свиней и куръ. Хунъ-сю-цюань былъ третьимъ сыномъ и четвертымъ ребенкомъ въ семьѣ отца. Съ раннихъ лѣтъ выказывалъ хорошія способности и сообразительность. Семи лѣтъ въ школѣ онъ поражалъ своею памятью въ заучиваніи классиковъ. Бѣдность Сю-цюаневой семьи со-

Библиотека "Руниверс"

ставляла несомнѣнно одну изъ самыхъ важныхъ причинъ его стремленія къ успѣху въ наукахъ, и его родные всячески поддерживали его въ этомъ стремленіи, посылая его къ лучшимъ учителямъ въ округѣ; но вести мальчика далеко они всеже не имѣли силъ. Въ 1825 г. его имя значится въ числѣ кандидатовъ, экзаменовавшихся въ Хуа-сянѣ на степень сю-цая, но онъ не получилъ ея, и 16-ти лѣтъ Сю-цюань вынужденъ былъ оставить школу, работать на полѣ и пасти воловъ, помогая семьѣ въ трудной борьбѣ за существованіе. Занятія землепашца и пастуха не могли однако соотвѣтствовать наклонностямъ Хунъ-сю-цюаня, а населеніе мѣстечка, зная его способности, скоро дало ему мѣсто учителя въ школѣ. Такая профессія благопріятствовала научнымъ занятіямъ Хунъ-сю-цюаня. Послѣ вторичной неудачной попытки получить степень сю-цая въ Кантонѣ, въ 1833 г. въ жизни Хуанъ-сю-цюаня произошло обстоятельство, имѣвшее вліяніе на всю его жизнь. Онъ встрѣтилъ здѣсь одного протестантскаго миссіонера изъ китайцевъ, по имени Лянъ-а-фа, продававшаго при входѣ въ экзаменаціонный залъ листки своего сочиненія. Этотъ Лянъ-а-фа былъ обращенъ въ христіанство докторомъ Мильномъ въ Малаккѣ и не задолго передъ тѣмъ возвратился на свою родину въ Кантонъ, гдѣ д-ръ Моррисонъ старшій поручилъ ему распространеніе священныхъ книгъ между туземцами. Д-ръ Моррисонъ утверждаетъ, что въ 1832 г. Лянъ-а-фа напечаталъ 4 трактата, около 50 страницъ въ каждомъ, подъ названіемъ Гуань-ши-лянъ-янь; содержали въ себѣ эти брошюры нѣсколько главъ Библіи по переводу Моррисона, нѣсколько этюдовъ о различныхъ вопросахъ христіанства и разсужденія, основанныя на Библіи. Хунъ-сю-цюань пріобрѣлъ эти книги у Лянъ-а-фа, но не обратилъ на нихъ должнаго вниманія и, придя домой, лишь поверхностно разсмотрѣлъ ихъ и сложилъ въ ящикъ.

Въ 1837 г. онъ снова держалъ экзаменъ и опять потерпѣлъ неудачу. Надломленный организмъ его тогда не выдержалъ новаго испытанія. Хунъ-сю-цюань заболѣлъ и долго оставался въ постели. Въ это время его начали посѣщать галлюцинаціи и видѣнія, характеръ которыхъ доказываетъ, что въ данный періодъ Хунъ-сю-цюань не имѣлъ еще никакихъ идей о своей политической роли. Въ одномъ изъ своихъ видѣній онъ воображалъ себя несеннымъ въ покойномъ креслѣ множествомъ людей, играющихъ на музыкальныхъ инструментахъ, и, омытый отъ всѣхъ нечистотъ, онъ вошелъ въ обществѣ другихъ почтенныхъ лицъ въ огромный, роскошный залъ. Человѣкъ преклоннаго

Библиотека "Руниверс"

возраста, одѣтый въ черное платье, сидѣлъ здѣсь на высокомъ мѣстѣ. Какъ скоро онъ замѣтилъ Хунъ-сю-цюаня, онъ сказалъ ему: „Всѣ люди на землѣ созданы и управляются мною, они ѣдятъ мою пищу и носятъ мою одежду, но ни одинъ изъ нихъ въ сердцѣ своемъ не почитаетъ меня, или, что хуже всего, они пользуются моими дарами, а почитаютъ демоновъ. Они бунтуютъ противъ меня и возбуждаютъ зависть. Не подражай имъ". Съ этими словами онъ далъ Хунъ-сю-цюаню мечъ для истребленія демоновъ, печать для побѣды надъ злыми духами и желтый фруктъ, который Сю-цюань съѣлъ и нашелъ сладкимъ на вкусъ. Тогда старецъ повелъ Сю-цюаня внизъ и приказалъ ему смотрѣть на нравственное состояніе людей на землѣ, и Сю-цюань увидѣлъ тогда такую степень нравственнаго растлѣнія и порока, что глаза его не могли смотрѣть, и языкъ не могъ произнести ни слова. Старецъ поручилъ при этомъ Сю-цюаню работу исправленія человѣчества.

Видѣнія эти, въ описаніи которыхъ наблюдатель легко увидитъ сходство съ выступленіемъ на дѣятельность ветхозавѣтныхъ пророковъ Исаіи, Іереміи и Іезекіиля, продолжались у Сю-цюаня во всѣ 40 дней хода болѣзни. Воображеніе больнаго рисовало ему повсюду мятежи и волненія. Онъ преслѣдовалъ демоновъ, принимавшихъ образы звѣрей и птицъ, и, если другія средства въ борьбѣ съ ними не помогали, печать его всегда давала ему побѣду.

Во всемъ округѣ онъ сталъ извѣстенъ тогда за сумасшедшаго, каковое мнѣніе особенно укрѣпилось въ обществѣ, когда у Сю-цюаня началось обнаруженіе своего рода маніи величія. Онъ началъ часто называть себя верховно-назначеннымъ императоромъ Китая и былъ очень радъ, когда кто-либо титуловалъ его подобнымъ образомъ. Такимъ образомъ иллюзіи изъ области религіозной начали переходить постепенно ближе къ практикѣ, и необходимъ былъ лишь ближайшій толчокъ, чтобы Сю-цюань изъ отвлеченнаго мечтателя сдѣлался практическимъ дѣятелемъ.

Но послѣднему не суждено еще осуществиться сейчасъ-же. Послѣ болѣзни Сю-цюань занимаетъ прежнее мѣсто бѣднаго сельскаго учителя, и до 1843 г. ничто не обнаруживаетъ въ немъ ни стремленія къ реформаторской дѣятельности, ни знакомства съ христіанствомъ, какъ ученіемъ „развращенныхъ" и „невѣжественныхъ" западныхъ варваровъ. Можно сомнѣваться даже, зналъ ли Хунъ-сю-цюань до 1840 г. что-либо объ европейцахъ. Изъ посѣщеній Кантона онъ могъ только усвоить себѣ свѣдѣнія, что нѣкоторымъ изъ нихъ позволено

Библиотека "Руниверс"

одну часть года проводить въ качествѣ торговцевъ въ особомъ кварталѣ города и всегда подъ строгимъ запрещеніемъ сноситься съ китайцами. Онъ, можетъ быть, даже посѣщалъ эту часть города, но знакомства съ европейцами, кромѣ внѣшняго, у него не было. Но послѣ 1840 года европейцы получили въ округѣ Кантона значеніе, благодаря настойчивому и вооруженному сопротивленію правительственнымъ мѣрамъ противъ торговли опіумомъ. Въ 1841 и 1842 гг. они получили въ глазахъ населенія совершенно особую характеристику, какъ люди, владѣющіе удивительными судами и орудіями войны, давшими имъ возможность побѣдить маньчжуровъ и продиктовать имъ безславный миръ. На родинѣ Сю-цюаня все это стало извѣстно въ 1843 г., когда одинъ изъ князей императорскаго дома Ци-инъ явился съ поклономъ къ европейцамъ, когда всѣ запрещенія съ торговли были сняты, и заключенный трактатъ объявилъ во всеуслышаніе объ открытіи 5-ти портовъ для внѣшней торговли. Неудивительно поэтому, если въ данный періодъ нѣкто Ли, одинъ изъ близкихъ друзей Сю-цюаня, роясь въ библіотекѣ послѣдняго и найдя трактаты Ланъ-а-фа о религіи европейцевъ, не преминулъ тщательно ознакомиться съ ними.

Къ большому изумленію его и Хунъ-сю-цюаня они нашли въ данныхъ сочиненіяхъ ключъ къ разгадкѣ всѣхъ видѣній послѣдняго, посѣщавшихъ его 6 лѣтъ назадъ во время болѣзни, и оба сразу увлеклись и съ жаромъ отдались новому ученію. Они обратились къ христіанству, сами себя крестили, какъ поняли этотъ обрядъ изъ книгъ, и начали проповѣдывать ученіе другимъ на подобіе Лянъ-а-фа, отчетъ о проповѣдническихъ трудахъ котораго они нашли въ тѣхъ же книгахъ.

Новая секта Хунъ-сю-цюаня. Первыми послѣдователями Хунъ-сю-цюаня были лица того круга, гдѣ онъ вращался, какъ школьный учитель. Важнѣйшимъ изъ нихъ для послѣдующихъ событій былъ нѣкто Фынъ-юнь-сань, а затѣмъ отецъ и мать съ братьями и сестрами Хунъ-сю-цюаня. Небольшое общество скоро образовало „секту богопоклонниковъ", которая начала быстро находить себѣ сторонниковъ въ Гуанъ-си (въ уѣздахъ: Пинъ-ань, У-сюань, Сянъ-чжоу, Гуй-сянь и въ сосѣднемъ департаментѣ У-чжоу-фу). Слѣдуя примѣру апостола Павла, Хунъ-сю-цюань и Фынъ-юнь-сань бродили изъ одного мѣста въ другое, подвергаясь различнымъ приключеніямъ. Въ апрѣлѣ 1848 года Хунъ-сю-цюань былъ въ Гуанъ-дунѣ, а Фынъ-юнь-сань попалъ въ тюрьму, изъ которой онъ однако скоро выбрался и присоединился къ своему учителю. Въ 1849 году они оба возвратились въ Гуанъ-си.

Библиотека "Руниверс"

Въ ихъ отсутствіе въ сектѣ богопоклонниковъ произошла нѣкоторая перемѣна: одинъ изъ членовъ ея, вѣроятно эпилептикъ, схваченный припадкомъ во время молитвы, упалъ на полъ и началъ кричать и бормотать безсвязныя слова. Принятыя за изліянія дара пророчества, слова эти были записаны, переложены въ стихи, и съ этого времени въ секту началъ проникать характеръ мистицизма, нашедшій себѣ быстро опору въ прежнихъ видѣніяхъ Хунъ-сю-цюаня. Событіе это представляется особенно важнымъ потому, что развитіе экзальтаціи, являющееся существеннымъ признакомъ всѣхъ мистическихъ сектъ, не мало способствовало росту и успѣху секты. До конца 1850 года однако богопоклонничество оставалось исключительно религіознымъ движеніемъ, осенью же этого года оно пришло въ столкновеніе съ мѣстными властями, и съ этихъ поръ почти немедленно приняло политическій характеръ самой острой и ожесточенной оппозиціи маньчжурскому правительству.

Въ 1850 году по нѣкоторымъ опредѣлившимся признакамъ Хунъ-сю-цюань понялъ, что онъ сдѣлался жертвою подозрѣнія мѣстныхъ властей и оказался вынужденнымъ взять въ руки оружіе для самозащиты. Первымъ пострадалъ одинъ изъ его послѣдователей сынъ его родственника, сильно работавшій противъ культа предковъ. Онъ былъ брошенъ властями въ тюрьму и скоро тамъ умеръ отъ пытокъ и звѣрскаго обращенія. Вслѣдъ затѣмъ власти сдѣлали попытку схватить Хунъ-сю-цюаня и Фынь-юнь-саня, „какъ иниціаторовъ и организаторовъ общества, которое не только вмѣшивается въ религіозныя дѣла другихъ лицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ научаетъ бездѣльниковъ и тайно развиваетъ мятежные замыслы противъ правительства“. Окруженный въ мѣстѣ своего убѣжища правительственными войсками, Хунъ-сю-цюань впервые проявилъ здѣсь свои способности въ воинскомъ дѣлѣ и нанесъ своимъ врагамъ пораженіе, воодушевивъ сторонниковъ своихъ тѣмъ состояніемъ экстаза, которое уже всѣми признавалось теперь вдохновеніемъ Божіимъ.

Точную дату начала этого мятежа установить трудно. Манифесты самихъ тай-пиновъ, біографъ Хунъ-сю-цюаня и пекинская газета (Цзинъ-бао) даютъ ее различно. Изъ свода ихъ получается средній выводъ—около начала октября 1850 года. Съ этой даты мы и будемъ считать начало религіозно-политической борьбы, конечныя цѣли которой вылились въ формѣ изгнанія маньчжуровъ повоустановленною династіею Тай-пиновъ, или Великаго мира.

Въ 1850 году послѣдователями Хунъ-сю-цюаня подняты были вол-

Библиотека "Руниверс"

ненія. Въ своей ревности противъ идолопоклонства богопоклонники начали разрушать храмы и возбуждали народъ къ неповиновенію властямъ. Къ загорѣвшейся распрѣ сейчасъ же примкнулъ давно уже упрочившійся на югѣ духъ вражды и ненависти между хакка и бэнь-ди. Сю-цюань и его послѣдователи, въ большинствѣ случаевъ принадлежавшіе къ партіи хакка, ревностно стояли за своихъ сторонниковъ, и повсюду, гдѣ бы ни испытывали хаккаскія поселенія угнетенія отъ бэнь-ди, они являлись на помощь, провозглашая въ то же время поклоненіе верховному богу (шанъ-ди) съ Хуанъ-сю-цюанемъ. Такимъ образомъ населеніе Гуанъ-си подѣлилось на партіи. Когда отрядъ правительственныхъ войскъ былъ посланъ захватить главарей движенія, и одинъ изъ сторонниковъ Сю-цюаня, Юнь-шань, былъ захваченъ, то партія богопоклонниковъ наполнилась энтузіазма и захватила Лянь-чжоу, значительное торговое мѣстечко въ уѣздѣ Гуйсянь, округа Синь-чжоу-фу, провинціи Гуанъ-си. Это происшествіе привлекло подъ знамена возставшихъ сразу всѣ тѣ бродящіе, недовольные, полуголодные и неимѣющіе средствъ къ жизни элементы населенія южнаго Китая, о которыхъ мы упоминали, и въ самое короткое время изъ незначительной партіи Сю-цюаня составилась уже банда, опасная для мѣстныхъ властей. Городокъ Лянь-чжоу скоро былъ ими укрѣпленъ, и вся обстановка начала принимать видъ военнаго лагеря, что не только не тяготило жителей Лянь-чжоу, но скорѣе было желательно для нихъ, такъ какъ давало имъ доходы. Хунъ-сю-цюань сразу объявилъ неприкосновенными жизнь и собственность мѣстныхъ жителей, и этотъ фактъ явился однимъ изъ лучшихъ залоговъ его успѣха. Въ противоположность ему правительственныя войска обрушились всею своею тяжестью на мирное населеніе провинціи, и тѣмъ еще болѣе способствовали увеличенію отряда Сю-цюаня. Послѣдній въ это же время убѣдилъ нѣсколькихъ богатыхъ членовъ общества Тріады сдѣлать денежные вклады въ пользу начатаго предпріятія и предоставить эти суммы въ его распоряженіе. Одинъ изъ религіозныхъ учителей былъ въ это время уличенъ въ расхищеніи новообразовавшагося фонда, но публичный судъ и смертная казнь послужили хорошимъ предостереженіемъ для лицъ, желавшихъ слѣдовать его примѣру, и ободрили всѣхъ вѣровавшихъ въ успѣхъ дѣла. Видя такую строгость, нѣкоторые изъ вождей общества Тріады отдѣлились отъ Сю-цюаня и примкнули къ правительственной партіи, каковое отпаденіе дало Сю-цюаню поводъ объявить свой разрывъ съ Тріадою и требовать, чтобы всякій изъ его послѣдователей прекра-

Библиотека "Руниверс"

щалъ всѣ сношенія съ этимъ обществомъ. Разроставшаяся сила войскъ Сю-цюаня не позволила ему долго оставаться бездѣятельнымъ, и изъ Лянь-чжоу онъ двинулся на Тай-цзунь, который былъ осажденъ имъ въ такомъ строгомъ китайскомъ военномъ стилѣ, что всѣ окрестные жители не могли надивиться его искусству.

Въ 1852 г. Сю-цюанемъ былъ взятъ городъ Юнъ-ань-чжоу, и отряды послѣ этого изъявляли все больше и больше тяготѣнія къ сѣверу. Нѣсколько пораженій, нанесенныхъ ими императорскимъ войскамъ, воодушевили ихъ и вдохнули имъ надежду на успѣхъ въ борьбѣ. Въ началѣ 1853 г. они аттаковали уже Гуй-линь-фу, главный городъ провинціи Гуанъ-си, но, будучи не въ силахъ взять укрѣпленнаго стѣною города, оставили его въ покоѣ, перешли границу провинціи и вошли въ Ху-нань. Здѣсь они захватили городъ Дань, который далъ имъ доступъ къ рѣкѣ Сянъ-цзянъ и средства къ передвиженію по рѣкѣ. Дальше путь для войскъ Сю-цюаня по долинѣ Сянъ-цзяня былъ открытый. Округа Бинь-чжоу, Гуй-янь-чжоу и Ань-жень одинъ за другимъ перешли въ ихъ руки, пока, наконецъ, 18-го сентября они не добрались до Чанъ-ша-фу, столицы Хунани. Чанъ-ша и Сянь-шань вмѣстѣ образуютъ огромный городъ, и защитники его очень хорошо сознавали и ту важность, которую обладаніе имъ представляетъ для мятежниковъ, и ту опасность, которая угрожаетъ имъ самимъ, если они окажутся во власти тай-пиновъ. 80 дней пытались войска Сю-цюаня овладѣть стѣнами города, но наконецъ 1-го декабря успѣли въ своихъ желаніяхъ, а 13-го декабря они добрались уже до Іо-чжоу-фу, которымъ и овладѣли безъ боя. Десятью днями позже, обогащенные и ободренные полученною ими добычей, они уже захватили Хань-янъ и Учанъ-фу, столицу провинціи Ху-бэй, лежащую на лѣвомъ берегу Янъ-цзы. Гарнизоны этихъ городовъ не успѣли убѣжать и во множествѣ были убиты. Ханъ-чжоу-фу и Цзю-цзянъ-фу, главные города префектуръ, были захвачены тай-пинами 12-го января и 18-го февраля, а Ань-цинъ-фу, столица провинціи Ань-хой, недѣлею позднѣе. Ничто, казалось, не было въ силахъ противостоять движенію инсургентовъ, и 8-го марта они уже расположились лагеремъ передъ Нанкиномъ. Гарнизонъ послѣдняго, состоявшій изъ китайцевъ и маньчжуровъ, не оказалъ однако бо́льшаго сопротивленія, чѣмъ китайскіе отряды въ другихъ городахъ. Въ 10-ть дней стѣны его были разрушены, защитники не сдавшіеся умерщвлены, включая самого Лу, генералъ-губернатора провинціи. Чжэнь-цзянъ и Янъ-чжоу скоро испытали ту же судьбу, лишивъ

Библиотека "Руниверс"

такимъ образомъ правительство Пекина возможности пользоваться Великимъ каналомъ.

О движеніи тай-пиновъ изъ Гуанъ-си къ Нанкину у насъ вообще имѣется немного извѣстій. Въ сентябрѣ 1852 г. пекинская Цзинъ-бао торжественно опубликовала извѣстіе о полной побѣдѣ императорскихъ войскъ надъ мятежниками и о взятіи въ плѣнъ самого Тянь-вана. Напечатана даже была его исповѣдь, въ которой Тянь-дэ сознавался въ своихъ грѣхахъ и объяснялъ причины возстанія. Онъ говорилъ, что неудачи на экзаменахъ и литературномъ поприщѣ вызвали въ немъ жестокое озлобленіе противъ правительства, и онъ началъ изучать стратегію, чтобы со временемъ поднять мятежъ противъ правительства. Два неудачника на экзаменахъ, горѣвшіе, какъ и онъ, жаждою мести, примкнули тогда къ обществу Сань-хэ-хуй или Тріады и предложили ему начальство надъ собранными у нихъ шайками негодяевъ, при чемъ одинъ изъ нихъ, Хунъ-сю-цюань, назвался его первымъ лейтенантомъ, съ именемъ Тай-пинъ. Благодаря помощи жителей Гуанъ-си и членовъ Тріады, Тянь-дэ имѣлъ сначала неожиданный успѣхъ, и тогда его приверженцы заставили его провозгласить себя претендентомъ на императорскій престолъ. Затѣмъ онъ былъ схваченъ.

Здѣсь мы видимъ совершенно новую исторію возстанія, — какую-то личность Тянь-дэ, совершенно отличную отъ Хунъ-сю-цюаня, захваченную якобы въ плѣнъ властями и подлежащую суду. Больше мы о ней ничего не знаемъ, и это просто потому, что весь разказъ Цзинъ-бао, сверху до низу,—вымыселъ, объясняемый одною привычкою китайскихъ чиновниковъ давать ложныя показанія въ своихъ видахъ, и отсутствіемъ возможности для центральнаго правительства контроля надъ ними. Подлогъ же въ данномъ случаѣ совершенно очевиденъ, такъ какъ Тянь-дэ — не больше какъ названіе годовъ правленія Тянь-вана, и мнимому пораженію тай-пиновъ противорѣчитъ все ихъ тріумфальное шествіе изъ Гуанъ-си въ долину Янъ-цзы-цзяна.

Совершенно иначе характеризуетъ положеніе дѣлъ и движеніе отрядовъ Хунъ-сю-цюаня современникъ событій, миссіонеръ de la Place въ своемъ донесеніи изъ Гуанъ-си отъ 6-го ноября 1852 года.

„Нужно признать, пишетъ онъ, что императоръ Сянь-фынъ и его министры совершенно, повидимому, сошли съ ума. Въ тотъ моментъ, когда имъ необходимо употребить всѣ старанія для успокоенія народа, они давятъ его налогами, вооружаютъ противъ себя назначеніемъ разныхъ тяжелыхъ работъ. Для снаряженія нѣсколькихъ правительствен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ солдатъ угнетаются сотни семей, у коихъ отнимаются волы и другое имущество. Предполагаемые защитники отечества—тѣ же разбойники, грабящіе мирныхъ гражданъ въ ихъ собственныхъ домахъ. Повсюду начинается ропотъ въ пользу мятежниковъ, и желанія прихода ихъ нигдѣ не скрываютъ. Сами мандарины, ожидая освобожденія отъ маньчжурскаго владычества, раздѣляютъ часто послѣднее желаніе. Мятежники же, въ контрастъ правительственнымъ войскамъ, ведутъ себя примѣрно. Ни грабительствъ, ни безчиній они не производятъ, и ихъ прокламаціи съ самаго начала ясно формулировали цѣль ихъ движенія:

„Мы не желаемъ маньчжурскаго владычества, и будемъ истреблять однихъ маньчжуръ. Чиновники китайцы, если они не покорятся раньше, да будутъ казнены. Народъ же уважается: купецъ пусть будетъ при своемъ дѣлѣ, и путешественникъ да будетъ спокоенъ въ дорогѣ".

Нѣсколькими мѣсяцами позднѣе викарій Ху-гуана,—то-есть провинцій Ху-бэй и Ху-нань, по которымъ прошли тай-пины,—отъ 28-го января 1853 года писалъ въ томъ же тонѣ:

„Революціонныя войска кажутся прекрасно дисциплинированными и гораздо высшими въ отношеніи военной тактики, чѣмъ правительственныя. Они провозглашаютъ вездѣ свое желаніе освободить Китай отъ маньчжурскаго ига. Императорскія войска падаютъ все ниже и ниже. Испуганныя рѣшительностью мятежниковъ, они, повидимому, избѣгаютъ всякихъ столкновеній съ ними и довольствуются отступленіемъ, предоставляя во власть непріятеля всю страну. Солдаты массами дезертируютъ, а офицеры придумываютъ тысячи поводовъ для оставленія службы. Таково же поведеніе и гражданскихъ чиновниковъ".

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, если при подобномъ поведеніи правительственной партіи все населеніе Китая естественно склонялось на сторону мятежниковъ и отдавало имъ свои земли, поселки и города безъ сопротивленія.

Тай-пинская экспедиція на сѣверъ къ Пекину. Спустя 2 мѣсяца послѣ взятія Нанкина и другихъ городовъ провинціи Цзянъ-су, тай-пины чувствовали уже такъ много вѣры въ себя, что они снарядили отрядъ для движенія на сѣверъ къ Пекину. Подробностей и свѣдѣній о составѣ этой дивизіи у насъ не имѣется, но данныя о ея походѣ передаетъ пекинская Цзинъ-бао. Тай-пинскіе отряды высадились съ джонокъ на Янъ-цзы близъ Хо-чжоу и двинулись къ Лю-хэ и Фынъ-янъ-фу, не встрѣтивъ нигдѣ серьезнаго сопротивленія. Послѣ

Библиотека "Руниверс"

пересѣченія провинціи Ань-хуй они вошли въ предѣлы Хэ-нани и быстро обложили столицу ея Кай-фынъ-фу. Три дня спустя они были отбиты отъ Кай-фына, и вожди отрядовъ двинулись по долинѣ Хуанъ-хэ къ западу и пересѣкли ее у Хуай-цинъ-фу. Здѣсь совершенно необычнымъ сопротивленіемъ правительственныхъ войскъ они были задержаны на два мѣсяца, затѣмъ вынуждены были снять осаду и пошли на западъ въ провинцію Шань-си, гдѣ взяли Пинъ-янъ-фу и обошли непріятеля, повернувъ къ востоку и сѣверо-востоку и пройдя черезъ перевалъ Лю-минъ въ провинцію Чжи-ли. У нихъ было намѣреніе идти по долинѣ рѣки Вэй-хэ на городъ Линъ-цинь-чжоу до Великаго канала, но имъ пришлось сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ въ обходъ, изъ долины Желтой рѣки по глубокимъ ущельямъ, ведущимъ на плато южнаго Шань-си. Въ октябрѣ 1853 года ими былъ взятъ въ Чжи-ли городъ Цзинь-чжоу, а отсюда одинъ изъ ихъ отрядовъ прошелъ къ Цзинъ-хай-сяню не вдалекѣ отъ Тянь-цзиня на Великомъ каналѣ. Отрядъ, посланный на Тянь-цзинь, былъ отраженъ, а вслѣдъ затѣмъ и весь этотъ сѣверный корпусъ повернулъ къ югу и, перейдя провинцію Ань-хуй, соединился въ мартѣ 1855 года съ главными силами Тянь-вана. Онъ, впрочемъ, оставался въ теченіе цѣлаго года въ Чжи-ли, но ничѣмъ не ознаменовалъ своего пребыванія тамъ. Походъ этого корпуса представляется не менѣе замѣчательнымъ фактомъ, чѣмъ движеніе самого Сю-цюаня къ Янъ-цзы-цзяну. За шесть мѣсяцевъ этотъ тай-пинскій корпусъ перешелъ черезъ 4 провинціи, взялъ 26 городовъ, продолжалъ все время наступленіе и безостановочно разбивалъ всѣ высылавшіеся противъ него правительственные отряды на протяженіи всѣхъ 1.500 англійскихъ миль своего похода. Причина возвращенія его остается доселѣ невыясненною, но, съ момента поворота его на югъ по каналу, Пекинъ и Дай-цинская династія могли считаться спасенными. Вторая подобная экспедиція была для тай-пиновъ невозможна.

Въ то же самое время, когда Пекину и долинѣ Хуанъ-хэ угрожалъ сѣверный корпусъ, упроченіе въ рукахъ тай-пиновъ Нанкина, Чжэнь-цзяна и Хо-чжоу съ основаніемъ огромной флотиліи на Янъ-цзы, доводившей свои джонки до И-чана въ Ху-бей на протяженіи свыше 600 англійскихъ миль, окончательно отдѣлило отъ власти богдыхана семь южныхъ провинцій Китая. Долина Янъ-цзы на 50—150 миль отъ русла постоянно посѣщалась отрядами Тянь-вана, искавшими себѣ фуража и запасовъ. Тай-пинскія джонки проникали до Нанъ-чанъ-фу въ Цзянъ-си и выше Чанъ-ша-фу по Сянъ-цзяну въ Ху-

Библиотека "Руниверс"

нани забирали отовсюду провіантъ или для Нанкина или для собственныхъ нуждъ.

Успѣхъ тай-пиновъ и Тянь-вана вызвалъ цѣлый рядъ подражаній и въ другихъ провинціяхъ Китая, и пекинскому правительству оказывалось совершенно уже не подъ силу бороться со всѣми волненіями и возстаніями въ имперіи. Въ Сы-чуани и Гуй-чжоу нѣкто Ши-та-кай образовалъ значительные отряды и вызвалъ провинціальныхъ властей на невѣроятныя усилія для борьбы съ собою. Въ Гуанъ-дунѣ огромная шайка всякаго сброда въ 1854 году нѣкоторое время держала въ осадѣ самый Кантонъ, но въ слѣдующемъ 1855 году она уже распалась. Разрушеніе Фо-шань-тина, Чжао-цинъ-фу и другихъ городовъ мятежниками свидѣтельствовало наглядно, что единственною цѣлью этого движенія былъ грабежъ, хотя вначалѣ и этихъ мятежниковъ считали за тай-пиновъ. За 14 мѣсяцевъ до августа 1856 года въ Кантонѣ было казнено до 100 тысячъ человѣкъ, потеря же жизней въ періодъ этихъ волненій исчитывается свыше милліона.

На Формозѣ и Хай-нанѣ, равно какъ въ Юнь-нани и Гань-су, мѣстныя власти также считались съ народными броженіями и часто имѣли столкновенія съ отрядами инсургентовъ, пытавшихся отложиться отъ центральнаго правительства.

Всѣ эти волненія въ разныхъ мѣстахъ Собственнаго Китая, способствуя ослабленію центральной власти, естественно должы были способствовать въ то же время упроченію владычества тай-пиновъ. Однако съ періода водворенія Тянь-вана въ долинѣ Янъ-цзы мы уже не видимъ роста его государства и укрѣпленія его власти, а констатируемъ совершенно обратное явленіе начала упадка и разложенія.

Причинъ этому нѣсколько.

Будемъ ли мы объяснять успѣхъ тай-пинскаго движенія выдающимися дарованіями племени хакка или только личными способностями Тянь-вана, но участіе южныхъ китайцевъ и ихъ первенствующая роль въ возстаніи не могутъ подлежать сомнѣнію. Это обстоятельство, скрѣплявшее тай-пинскіе отряды въ періодъ ихъ поступательнаго движенія на сѣверъ, оказалось одною изъ главныхъ причинъ упадка ихъ государства. Въ долинѣ Янъ-цзы южные китайцы оказались нелюбимымъ и часто даже ненавистнымъ элементомъ населенія, главенство котораго для китайцевъ представлялось на столько же позорнымъ, на сколько и самое главенство маньчжуровъ. Если одною изъ причинъ возвращенія сѣвернаго корпуса тай-пиновъ въ Нанкинъ признается

Библиотека "Руниверс"

крайняя затруднительность пребыванія для солдатъ этого отряда въ странѣ, гдѣ языкъ ихъ оказывался совершенно непонятнымъ, а населеніе совершенно имъ чуждымъ, то та же причина дѣйствовала несомнѣнно, хотя и въ болѣе слабой степени, и въ долинѣ Янъ-цзы. Вотъ почему тай-пиновъ принимали охотно за избавителей отъ маньчжуровъ, но никогда не трактовали ихъ какъ повелителей и завоевателей. Вотъ почему и сами главы ихъ движенія нигдѣ по завоеваннымъ городамъ не принимали на себя роли правительства, не установляли своей администраціи, не назначали опредѣленныхъ податей и налоговъ, не заботились объ урегулированіи воинскаго дѣла и не предпринимали никакихъ мѣръ для упроченія своей власти или закрѣпленія за собою отнятыхъ у маньчжурскаго правительства земель. Даже въ тѣхъ городахъ и округахъ, которые просили Тяньвана о помощи противъ пекинскаго правительства или другихъ враговъ, Тай-пины довольствовались однимъ освобожденіемъ населенія отъ ихъ угнетателей и затѣмъ предоставляли ихъ самимъ себѣ.

Кромѣ этой этнографической причины, способствовавшей разъединенію тай-пиновъ съ населеніемъ долины Янъ-цзы, подобнымъ же образомъ должна вліять на дѣло и доктрина богопоклонничества. Если въ тѣсномъ кружкѣ первыхъ послѣдователей Хунь-сю-цюаня эта доктрина являлась связующимъ звеномъ и давала поэтому молодому обществу силу, то перенесенная на почву обще-китайской жизни, она оказывалась совершенно несроднымъ для массы населенія ученіемъ. Скорѣе ненависть могло возбуждать это ученіе въ китайцахъ, если бы они могли понять, что въ основѣ данной доктрины лежатъ тѣ убѣжденія и вѣрованія, которыми живутъ и питаются „заморскіе черти“ (янъ-гуй-цзы). Посему то тай-пинское движеніе, какъ революція, имѣвшая своею задачею перестроить китайское общество по искаженнымъ принципамъ христіанства, потерпѣло неудачу немедленно же по завоеваніи Нанкина, и ни малѣйшаго отраженія въ китайскомъ обществѣ тѣхъ ученій, которыя излагались въ манифестахъ, приказахъ и сочиненіяхъ, исходившихъ отъ Нанкинскаго двора, мы не видимъ.

Такимъ образомъ, не имѣвшіе естественной связи съ мѣстнымъ населеніемъ и не желавшіе утверждать свою власть насильно, Тай-пины оказались не у мѣста въ центральномъ Китаѣ.

Не было также и надежды, чтобы какой либо изъ тай-пинскихъ главъ движенія развилъ въ себѣ и блестящимъ образомъ выказалъ способность иниціативы по введенію правильной администраціи и

Библиотека "Руниверс"

учрежденію должнаго и прочнаго государственнаго контроля, такъ какъ ни у одного изъ нихъ прежде всего не имѣлось практической опытности въ дѣлѣ государственнаго управленія, и самые простые вопросы объ обложеніяхъ и повинностяхъ представлялись для нихъ дѣломъ непреодолимой трудности. Набирая свои войска безпорядочно, тай-пины, по водвореніи въ Нанкинѣ, заставляли плѣнниковъ и недавнихъ сторонниковъ правительственной партіи сражаться на ряду съ своими приверженцами и тѣмъ естественно рисковали, въ случаѣ сомнительнаго исхода любой битвы, потерять значительное число солдатъ отъ дезертирства. При отсутствіи правильной системы пополненія центральнаго государственнаго казначейства главы движенія не всегда могли располагать достаточными средствами для найма солдатъ и покупки запасовъ, и это обстоятельство скоро вызвало усиленные поборы съ населенія, вооруживъ послѣднее противъ нанкинскихъ властей точно также, какъ оно раньше вооружало народъ противъ Пекина.

Наконецъ, продолжительность междоусобицы скоро стала тягостною для населенія. Въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ взятія Нанкина народъ въ бассейнѣ Янъ-цзы испытывалъ непрерывное бѣдствіе. Арміи той и другой изъ враждующихъ сторонъ постоянно пересѣкали долину и бродили по ней тамъ и здѣсь. Отказъ въ снабженіи солдатъ пищею, одеждою и скотомъ принимался послѣдними за принадлежность жителей къ враждебной партіи, и въ обоихъ случаяхъ разореніе и нищенство или смерть оказывались для мирныхъ обывателей результатомъ столкновенія съ войсками любой стороны.

Самъ Тянь-ванъ по завоеваніи Нанкина уже становится въ разрядъ обычныхъ китайскихъ императоровъ и перестаетъ играть роль, предоставляя дѣятельность своимъ ближайшимъ приверженцамъ. Но между послѣдними вскорѣ же начинаются раздоры, приводящіе для нѣкоторыхъ изъ главъ движенія даже къ смертному исходу.

Такимъ образомъ ни въ самомъ тѣлѣ, ни въ головѣ государственный организмъ новооснованнаго тай-пинскаго государства не обнаружилъ здоровыхъ задатковъ для долгаго и безопаснаго существованія. Но возможно, что при той безпорядочности государственной жизни и отсутствіи централизаціи, которыя всегда являются отличительною чертой Китая, а въ этотъ періодъ достигли своего высшаго развитія, возможно, что тай-пинское государство просуществовало бы еще долго. Но періодъ его жизни въ долинѣ Янъ-цзы совпалъ со временемъ второй европейской войны съ Китаемъ, по окончаніи которой англи-

Библиотека "Руниверс"

чане, французы и американцы вмѣшались въ дѣла Срединной имперіи. Противиться соединеннымъ силамъ пекинскаго правительства и европейцевъ съ ихъ дисциплинированными войсками у тай-пиновъ не стало силъ и умѣнья, и въ этотъ второй періодъ своего существованія, періодъ кратковременной борьбы съ европейцами, тай-пинское движеніе падаетъ и разрушается также легко и быстро, какъ оно создалось, а населеніе завоеванныхъ Тянь-ваномъ земель безъ всякаго сопротивленія, съ тою же пассивностью, переходитъ во власть своихъ прежнихъ повелителей маньчжуровъ, съ какою оно еще недавно отдало себя въ руки Хунъ-сю-цюаня.

Димитрій Поздѣевъ.

Библиотека "Руниверс"

ГРЕЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ О НАБѢГѢ КАЗАКОВЪ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА [1]).

Въ Аѳонскомъ Иверскомъ монастырѣ находится греческая рукопись XVII вѣка № 167, содержащая въ себѣ одну изъ редакцій Псевдодорофея (см. мой отчетъ о заграничныхъ занятіяхъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1896 г., № 11). На послѣднемъ (580) чистомъ листѣ сдѣлана слѣдующая приписка.

Κατὰ τῷ ϛζρλα ἐν μηνὶ ἰουλλίῳ εἰς τὴν θ̅ ἦλθον ἐκ τοῦ ξανθοῦ γένεος ἤγοον καζάκοι λεγόμενοι ἕως ρ̅ μονόξολα τὸν [2]) ἀριθμὸν [2]) ὄντα ἕως ἕξη χιλιάδες Ροῦσοι καὶ ἐκούρσευσαν τὸ κατάστενον ὅλον ἀπὸ τὸ Ἱερὸν ἕως τὸ Νεοχώρι καὶ εἰς [3]) Σωσθένιον [3]) καὶ τὰ περίχωρα ὅλα τοῦ Στενοῦ καὶ ἐποίησαν εἰς αὐτὰ αἰχμαλωτισμὸν μέγαν. καὶ ἦλθον εἰς χάραγμα τῆς ἡμέρας καὶ ἕως ὥρας ἕκτης ἐδιέβησαν εὐλαβεῖς μόνον ἕως ξ̅ ὀνόματα οἱ [4]) μισοὶ [4]) ἐκόπησαν. καὶ οἱ ἕτεροι ἐσκλαβώθησαν καὶ ἔβαλαν καὶ φωτίαν καὶ ἔκαυσαν δύο μαχαλάδες. καὶ διὰ τοῦτο [5]) ἔκτισαν τὰ νεόκαστρα εἰς τὸ Ἱερὸν ἀπάνω τῆς δύσεως καὶ τῆς ἀνατολῆς. Τὸν αὐτὸν χρόνον πατριαρχεύοντος τότε Κύριλλος ὁ μακαριώτατος καὶ παναγιώτατος ὁ ἐκ Κρήτης καὶ βασιλεύοντος τότε ἐκ τῆς Ἄγαρ ὁ σουλτὰν Μουράτης τοῦ σουλτὰν Ἀχμέτη ὁ υἱός, τοῦ σουλτὰν Οὐσμάνη ὁ ἀδελφός, ὁποῦ τὸν ἐσκότωσαν οἱ ἀνοιτζάροι. καὶ οὐχὶ μόνον τὸν βασιλέαν τους ἐσκότωσαν, ἀλλὰ καὶ τὸν βεζίρην καὶ ἡανειτζάραγαν καὶ ὅλλους τοὺς πασάδες καὶ με(γ)ιστάνους. καὶ ἔγινεν εἰς αὐ-

---

[1]) Библіографическія указанія о набѣгахъ казаковъ на Константинополь обязательно были сообщены мнѣ А. И. Маркевичемъ.

[2]) Въ рук. τῶν ἀριθμῶν.

[3]) Въ рук. εἰρωσθένειον.

[4]) Въ рук. ἡμησοί.

[5]) Въ рук. τούτου.

Библиотека "Руниверс"

τοὺς τὸν χρόνον ἐκεῖνον πολὴν καταδίκην καὶ ἔβαλαν ἀντ' αὐτοῦ βασιλέα τὸν σουλτὰν Μουσταφὰν λωλὸν καὶ πεπλανημένον [1]). Въ переводѣ это будетъ такъ: Въ лѣто 7131 (1623) въ іюлѣ мѣсяцѣ въ 9-й день пришли изъ бѣлокураго рода такъ называемые казаки на моноксилахъ числомъ около ста; на нихъ было до шести тысячъ руссовъ. Они ограбили весь Босфорскій проливъ, начиная отъ Гіерона до Неохора (Еникёи) и Сосфенія, и всѣ окрестности пролива и произвели тамъ большой захватъ плѣнныхъ. Пришли они на разсвѣтѣ и до шестаго часа осталось изъ нихъ только до 60 человѣкъ; половина же ихъ была изрублена, а остальные взяты въ плѣнъ. Но они успѣли бросить огонь и сожгли два квартала. Вслѣдствіе этого (турки) построили двѣ новыхъ башни въ Гіеронѣ, одну на европейскомъ берегу, другую—на азіатскомъ. Въ то время патріаршествовалъ блаженнѣйшій и святѣйшій Кириллъ критянинъ, а царствовалъ тогда агарянинъ султанъ Мурадъ, сынъ султана Ахмеда, братъ султана Османа. Послѣдняго убили янычары и не только своего султана они убили, но и визиря и своего главнокомандующаго, и всѣхъ пашей и знатныхъ. И было среди нихъ въ то время большая рѣзня. И посадили они вмѣсто него (то-есть, Османа) на царскій престолъ султана Мустафу, человѣка не въ полномъ разсудкѣ.

Описаніе нападенія казаковъ сопровождается нѣкоторыми историческими указаніями. Во время нападенія патріархомъ былъ Кириллъ. Дѣйствительно, въ первую половину 1623 года патріаршій престолъ занималъ Кириллъ I Лукарисъ, оставившій патріаршескій престолъ 17-го мая того же года [2]). Далѣе говорится, что въ то время царствовалъ султанъ Мурадъ, сынъ султана Ахмеда и братъ султана Османа. При этомъ сообщается, что султанъ Османъ былъ убитъ янычарами вмѣстѣ съ визиремъ и агой янычара и на султанскій престолъ посаженъ Мустафа. Провѣряя эти указанія, видимъ, что перечисленныя событія, дѣйствительно, имѣли мѣсто въ томъ же 1623 году, хотя и во второй половинѣ. Султанъ Ахмедъ I умеръ въ 1617 году и послѣ него царствовалъ Османъ II до 20-го мая 1622 года. Въ половинѣ мая этого года начались возмущенія среди янычаръ, оставшихся недовольными незадолго передъ этимъ бывшимъ азіатскимъ походомъ и требовавшихъ отрѣшенія своихъ начальниковъ. 19-го мая янычары повторили свое требованіе, но султанъ рѣшительно отказалъ. Улемы, переда-

---

[1]) При установленіи текста я пользовался помощью С. Д. Пападимитріу.

[2]) Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες, стр. 551.

Библиотека "Руниверс"

вавшіе султану требованіе янычаръ, возвратились къ послѣднимъ и сказали: „Наше слово не дѣйствуетъ, ступайте — говорите сами". Среди янычаръ раздался крикъ: „Хотимъ султана Мустафу!" Мустафа былъ сынъ Могамета III, братъ Ахмеда I и приходился слѣдовательно дядей Осману. Ему въ это время было тридцать лѣтъ, но это былъ слабоумный, чуть ли не идіотъ. Во время описываемыхъ событій онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Янычары съ крикомъ бросились къ мѣсту его заключенія, взломали крышу, и одинъ изъ нихъ спустился внизъ и нашелъ тамъ Мустафу. Когда онъ объявилъ Мустафѣ объ его избраніи, тотъ только отвѣтилъ: „Я хочу пить". Оказалось, что онъ уже три дня ни пилъ, ни ѣлъ. Янычары вытащили его изъ тюрьмы и, такъ какъ онъ отъ слабости не могъ сидѣть верхомъ на лошади, то его понесли на носилкахъ. Между тѣмъ султанъ Османъ совѣщался въ сераѣ съ великимъ визиремъ и другими, что дѣлать. Ему совѣтывали убѣжать на время въ Азію, но это сдѣлать не удалось, такъ какъ не оказалось ни одной лодки. На другой день ага янычаръ отправился было къ послѣднимъ съ деньгами, надѣясь ихъ усмирить этимъ, но едва лишь онъ сталъ говорить къ янычарамъ, какъ былъ тотчасъ сброшенъ и изрубленъ. Послѣ этого янычары бросились къ сераю и захватили тамъ султана Османа, который въ тотъ же день и былъ звѣрскимъ образомъ убитъ. Его преемникъ Мустафа царствовалъ не долго, и 10-го сентября 1623 года уступилъ престолъ Мураду IV [1]).

Въ прочитанной записи говорится о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ 1623 году и притомъ указывается даже время набѣга— 9-е іюля. Знаемъ ли мы что нибудь объ этомъ набѣгѣ изъ другихъ источниковъ? Въ отвѣтъ на это прежде всего нужно сказать, что относительно набѣговъ казаковъ на Константинополь наши свѣдѣнія оказываются недостаточными, а изслѣдованія, посвященныя этому вопросу, отличаются спутанностью. Гаммеръ въ своей Исторіи Османскаго государства ничего не говоритъ о нападеніи казаковъ въ 1623 г., а наоборотъ, повѣствуя про 1624 г., говоритъ, что 21-го іюля казаки въ первый разъ появились въ Босфорѣ въ виду Константинополя [2]). Наши русскіе историки даютъ довольно скудныя свѣдѣнія по тому же вопросу. Костомаровъ [3]) упоминаетъ только о

[1]) *Hammer*, Geschichte des Osmanischen Reiches, 2-е изд. (1834), т. II, стр. 793—835.

[2]) *Hammer*, Geschichte... т. II, стр. 40—42.

[3]) *Костомаровъ*, Богданъ Хмельницкій, изд. 3-е (1870), т. I, стр. LXVI.

Библиотека "Руниверс"

походѣ казаковъ въ 1622 и 1624 гг. Смирновъ въ своей книгѣ „Крымское Ханство", стр. 493 глухо говоритъ о набѣгѣ казаковъ въ 1624 г. Затѣмъ Эварницкій въ своей „Исторіи Запорожскихъ казаковъ" подробно говоритъ о нападеніи казаковъ на Константинополь именно въ 1623 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ. Въ виду того, что разсматриваемая греческая запись говоритъ именно о нападеніи 1623 г., я считаю нужнымъ нѣсколько остановиться на указанной страницѣ Исторіи г. Эварницкаго. Упомянувъ о нападеніи казаковъ на Молдаво-Валахію въ 1622—1623 гг., авторъ говоритъ, что въ томъ же году, то-есть, въ 1623, въ іюнѣ мѣсяцѣ казаки на ста чайкахъ пустились въ Черное море. Первоначально они направились къ Кафѣ, гдѣ стоялъ турецкій флотъ, присланный сюда для усмиренія возмутившагося крымскаго хана. Казаки помогли послѣднему. Послѣ этого они двинулись далѣе и 21-го іюля показались въ виду Константинополя. На другой день они ушли, но появились вновь чрезъ нѣсколько дней. Они сожгли босфорскій маякъ, разорили нѣсколько прибрежныхъ селеній и ушли опять въ открытое море. Но 7-го октября они снова ворвались въ самый Босфоръ, разграбили на берегу его селеніе Еникёи и благополучно возвратились назадъ [1]). Казалось бы, что это и есть тотъ самый набѣгъ, о которомъ говоритъ разсматриваемая запись. Оказывается—совершенно нѣтъ. Г. Эварницкій ссылается здѣсь на книгу Смирнова „Крымское ханство", стр. 493, но Смирновъ говоритъ о набѣгѣ казаковъ 1624 г. Эварницкій вслѣдъ за походомъ 1623 г. описываетъ походъ 1624, при чемъ источникомъ его является Исторія Османскаго государства Гаммера, причемъ онъ, переводя слово за словомъ свой источникъ, не умѣлъ прочитать даже названія мѣстечекъ, разграбленныхъ казаками: Іенікё у него является въ видѣ Зенике. Спрашивается все-таки, откуда же г. Эварницкій взялъ подробное описаніе набѣга 1623 года? Посмотримъ сначала, что говоритъ Костомаровъ. „По восточнымъ извѣстіямъ", говоритъ онъ „двадцать тысячъ войска вторгалось въ Молдавію и Валахію. То были своевольные казаки. Въ отплату за нарушеніе мира въ іюнѣ 1624 года Кентемиръ Мурза, вышедши изъ Молдавіи съ тридцатью тысячами изъ Бессарабіи, опустошилъ огнемъ и мечемъ дворы и села около Ярослава, Березина, Красна, Мекдишева и ушелъ со множествомъ плѣнниковъ. Въ отмщеніе за то, въ сентябрѣ того же года казаки на ста чайкахъ спустились въ Черное море. Турецкій флотъ

[1]) *Эварницкій*, Исторія Запорожскихъ казаковъ, т. II, стр. 205.

Библиотека "Руниверс"

стоялъ тогда въ Крыму въ Кафѣ, занятый укрощеніемъ тамошнихъ междоусобій. Казаки дошли до окрестностей Константинополя и 7-го октября ограбили и отчасти сожгли селеніе Еникіои на берегу Константинопольскаго пролива, потомъ ушли благополучно, избѣгнувъ погони" [1]). Итакъ, по Костомарову, все это происходило въ 1624 г. Но Гаммеръ про набѣгъ того же 1624 года разказываетъ нѣсколько иначе; онъ указываетъ на 21-е іюня, говоритъ о разграбленіи не только Еникёи, но и Буюкъ-дере и Сдегны, упоминаетъ, что для защиты столицы хотѣли было воспользоваться старой желѣзной цѣпью, и добавляетъ, что казаки ушли было въ открытое море, но вскорѣ вернулись, сожгли маякъ и съ добычей вернулись назадъ [2]). Какъ согласить подробности Костомарова и Гаммера? Г. Эварницкій дѣлаетъ очень просто: Гаммеру онъ вполнѣ уступаетъ набѣгъ 1624 г., перемѣняя только іюль на іюнь, а Костомаровскій набѣгъ того же года онъ передѣлываетъ на набѣгъ 1623 года. Костомаровъ говоритъ, что казаки разграбили Еникіои 7-го октября и г. Эварницкій также. Но тутъ на сцену выступилъ Смирновъ и тотъ же Гаммеръ, которые указываютъ на 21-е іюля (Смирновъ, впрочемъ на 20-е) какъ время появленія казаковъ. Слѣдовательно, надо полагать, что казаки куда то уходили. Г. Эварницкій и говоритъ, что казаки 21-го іюля постояли у столицы и ушли, но черезъ нѣсколько дней опять явились—это взято изъ Гаммеровскаго описанія 1624, описанія, которое далѣе вторично приведено цѣликомъ. Но такъ какъ по этимъ словамъ вторичное появленіе казаковъ все-таки приходилось на конецъ іюля, то до 7-го октября казаковъ надо было опять куда-нибудь спровадить, что г. Эварницкій и дѣлаетъ, говоря, что казаки „снова отошли въ открытое море", и спустя два мѣсяца, 7-го октября, опять появились въ виду Константинополя. Но этимъ дѣло не ограничивается. Костомаровъ говоритъ, что казаки вышли въ Черное море въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Г. Эварницкій, заставивъ, по Гаммеру, казаковъ явиться передъ Константинополемъ 21-го іюля, не могъ, конечно, выпустить казаковъ въ Черное море въ сентябрѣ; вмѣсто этого онъ выпускаетъ ихъ въ іюнѣ мѣсяцѣ: въ промежутокъ между іюнемъ и 21-го іюля казаки заходятъ въ Кафу и помогаютъ крымскимъ татарамъ противъ турецкаго флота, то-есть, дѣлаютъ у г. Эварницкаго

---

[1]) *Костомаровъ*, op. cit.

[2]) *Hammer*, т. II, 40—42; ср. также *Zinkeisen*, Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, IV Th. (1856), стр. 493—495.

Библиотека "Руниверс"

въ іюнѣ-іюлѣ 1623 г. то, что у Костомарова дѣлаютъ въ сентябрѣ-октябрѣ 1624 г.—Такимъ образомъ, получается полнѣйшая путаница. Никакого похода 1623 г. на Константинополь въ дѣйствительности нѣтъ. Въ виду, этого, и приведенная запись должна имѣть значеніе, какъ указывающая на лишній набѣгъ казаковъ въ іюлѣ 1623 года.

Но сопоставляя это извѣстіе съ тѣми историческими фактами, которые приводятся во второй половинѣ записи, видимъ спутанность въ хронологіи. Казаки пришли 9-го іюля, когда патріархомъ былъ Кириллъ, говоритъ запись: но Кириллъ I Лукарисъ оставилъ патріаршество уже 17-го мая. Далѣе, во время нападенія султаномъ былъ Мурадъ, говоритъ запись: но Мурадъ вступилъ на султанскій престолъ только 10-го сентября. Повидимому, все говоритъ противъ достовѣрности записи. Съ другой стороны запись, передаетъ довольно много подробностей, чтобы она могла считаться сдѣланной безъ всякого основанія. Она сдѣлана на чистомъ листѣ рукописи, рукою XVII вѣка и, по аналогіи съ другими подобными записями, должна считаться принадлежащей непремѣнно современнику или жившему немного позже записаннаго событія. На то, что событіе указанное въ записи, хорошо было извѣстно ея автору, указываетъ то, что приводится не только годъ, но и мѣсяцъ и число. На этомъ основаніи я думаю, что запись не можетъ считаться передающей не существовавшій фактъ, но что гдѣ нибудь кроется только ошибка. Проф. В. Г. Васильевскій въ письмѣ ко мнѣ видитъ ошибку въ годѣ записи, предполагая, что должно читать 7132 (҂ζρλβ = 1624), съ чѣмъ согласовалось бы упоминаніе о патріархѣ Кириллѣ, который въ 1624 г. вторично занималъ патріаршескій престолъ. Но нужно имѣть въ виду, что въ 1624 г. набѣгъ былъ 21-го іюля, а нашъ — 9-го; проф. Васильевскій высказываетъ соображеніе, что разница въ опредѣленіи дня, можетъ быть, объясняется разницею въ стилѣ, но прибавляетъ, что въ то время это различіе было только на 11 дней. Со всѣмъ этимъ можно бы согласиться, если бы результаты набѣга въ томъ и другомъ случаѣ были одинаковы, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ: набѣгъ 1624 г. былъ для казаковъ очень удаченъ, тогда какъ нашъ набѣгъ былъ рѣшительно неудаченъ. Съ другой стороны, еще менѣе возможности относить походъ ко времени предшествующему, то-есть, напримѣръ, къ 1622 году, ибо, хотя съ этимъ бы согласовывалось патріаршество Кирилла, но не сходилось бы упоминаніе о султанѣ, которымъ въ то время былъ Мустафа, посаженный на престолъ 20-го мая, и уже никакъ нельзя было сказать, что царствовалъ въ то время

Библиотека "Руниверс"

Мурадъ. Запись была сдѣлана, разумѣется, въ царствованіе Мурада и, чтобы согласить обѣ ея половины, мнѣ кажется, мы должны полагать, что она сдѣлана нѣсколько времени спустя, можетъ быть, даже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его вступленія на престолъ. Записывающій о набѣгѣ казаковъ легко могъ приписать его времени патріаршества Кирилла, ибо Кириллъ оставилъ патріаршество всего за полтора мѣсяца до набѣга [1]), а такъ какъ патріархи въ Константинополѣ смѣнялись часто, а иные патріаршествовали по нѣскольку разъ, то такая сбивчивость не будетъ казаться странной. Человѣкъ, стоящій вдали отъ политическихъ событій, легко могъ одного патріарха поставить вмѣсто другаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ казаться страннымъ и то, что султаномъ во время набѣга является Мурадъ, а не Мустафа. Запись сдѣлана въ царствованіе Мурада, и авторъ ея легко могъ нѣсколько удлинить царствованіе Мурада, такъ какъ Мустафа, какъ полуидіотъ, настоящимъ султаномъ никогда и не былъ, и съ апрѣля уже мѣсяца того года въ Константинополѣ происходило волненіе янычаръ. Для человѣка, стоявшаго вдали отъ политическихъ дѣлъ, царствованіе Мустафа очень легко могло быть сокращено на нѣсколько мѣсяцевъ, въ данномъ случаѣ — на два. Что запись была сдѣлана, дѣйствительно, нѣсколько позже самаго событія, указываетъ опредѣленіе времени во второй ея половинѣ чрезъ слово τότε = тогда.

В. Истринъ.

---

[1]) 17-го мая, а съ 17-го мая до 18-го іюня патріаршествовалъ Григорій IV, а съ 18-го іюня—Анѳимъ.

Библиотека "Руниверс"

ТРАГЕДІЯ ШИЛЛЕРА ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(Demetrius).

I.

Въ 1833 году, нашъ извѣстный критикъ Полевой въ своей статьѣ, посвященной разбору „Бориса Годунова“ Пушкина, указалъ, между прочимъ, „на мало извѣстное русскимъ читателямъ твореніе“ Шиллера. „Въ бумагахъ Шиллера“, писалъ онъ, „послѣ смерти его, найденъ былъ полный планъ трагедіи Димитрія Самозванца и нѣсколько сценъ, уже написанныхъ“... „Разсматривая этотъ планъ неоконченный, необработанный, согласимся“, замѣчаетъ Полевой, „что, какъ поэтъ драматическій, Шиллеръ хотѣлъ создать нѣчто великое и превосходное, что онъ умѣлъ дать дѣятельную жизнь своему созданію. Его Димитрій Самозванецъ сталъ бы выше Бориса Годунова, созданнаго нашимъ поэтомъ“ [1]).

Прошло 64 года съ тѣхъ поръ, какъ писаны эти строки, и „Димитрій Самозванецъ“ Шиллера, несмотря на вышеприведенный отзывъ Полеваго и сдѣланный Л. А. Меемъ переводъ Шиллеровскаго отрывка для Гербелевскаго изданія [2]) великаго нѣмецкаго поэта 1860 года, остается все тѣмъ же „мало извѣстнымъ твореніемъ для русскихъ читателей“.

---

[1]) *Н. Полевой.* „Очерки русской литературы“. С.-Пб. 1839. 1 ч., стр. 145—211.

[2]) „Димитрій Самозванецъ“ помѣщенъ въ 8-мъ томѣ этого изданія, озаглавленнаго „Разныя сочиненія Шиллера въ русскихъ переводахъ“. Въ томъ же томѣ помѣщена напечатанная первоначально въ *Москвитянинѣ* 1841 г., № 1, стр. 67 и переведенная *К. Павловой* одна сцена изъ драмы Шиллера, а именно сцена Іова съ Мареою.

Библиотека "Руниверс"

Въ Германіи драматическій отрывокъ Шиллера уже съ давнихъ поръ почитается однимъ изъ лучшихъ произведеній великаго поэта. По мнѣнію извѣстнаго историка литературы Германа Геттнера, „Димитрій Самозванецъ" — „истинная поэзія въ исторіи, законченный образецъ высокаго историческаго стиля" [1]). Авторъ очерка „Лже-Димитрій въ нѣмецкой поэзіи", Попекъ признаетъ интересующую насъ піесу достойною занять почетное мѣсто рядомъ съ „Вильгельмомъ Теллемъ". „Тѣ сцены, которыя Шиллеръ обработалъ уже въ окончательной формѣ", говоритъ онъ, „принадлежатъ къ лучшимъ твореніямъ всѣхъ народовъ" [2]). Аналогичныя сужденія мы находимъ у Готшаля, Штейна, Франца [3]) и др. И въ самомъ дѣлѣ, изученіе драматическаго отрывка Шиллера убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ высоко-художественнымъ произведеніемъ, которое, вѣроятно, было бы причислено къ шедеврамъ геніальнаго поэта, еслибы смерть не прервала его работы. Раздѣляя такимъ образомъ мнѣніе Полеваго о поэтическомъ значеніи неоконченной піесы Шиллера, мы воздержимся, однако, отъ утвержденія, какъ это дѣлаетъ нашъ критикъ, что драма нѣмецкаго поэта „стала бы выше „Бориса Годунова" Пушкина". Въ настоящемъ очеркѣ мы задаемся цѣлью познакомить русскаго читателя съ этимъ мало извѣстнымъ твореніемъ Шиллера.

Личность Лже-Димитрія I, которую, несмотря на многочисленныя изслѣдованія историковъ, до сихъ поръ приходится считать неразгаданною, издавна привлекаетъ вниманіе драматурговъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. И въ самомъ дѣлѣ трудно найдти болѣе благодарный и эффектный для драматизаціи историческій эпизодъ, какъ бурная жизнь перваго Самозванца, въ которой мы находимъ такъ много чудеснаго и волшебнаго, что порою онъ самъ намъ кажется какимъ-то сказочнымъ героемъ, а не дѣйствительно историческимъ лицомъ. Сама по себѣ таинственность, которая

---

[1]) *H. Hettner*, Geschichte der deutschen Literatur des XVIII Jahrh. 3-es Buch, 2-ter Abschnitt. 4-e Aufl. Braunschweig. 1894, p. 314, 315.

[2]) *Popeck*, Jahresbericht der K. K. Staatsgymnasiums zu Linz. 1893, 1894 и 1895, I, p. 19.

[3]) *Rudolf v. Gottschall*, Studien zur neuen deutschen Literatur, Berlin, 1892. (Dramaturgische Parallelen—Die Demetrius Dramen). *Stein*, Schillers Demetrius-Fragment und seine Fortsetzungen. Progr. der Gewerbeschule Mühlhausen, 1891 u. 1894, I, 7. *Rudolf Franz*, Jahresbericht über das Realgymnasium zu Halberstadt für das Schuljahr 1891—1892; 1892—1893.

Библиотека "Руниверс"

окружаетъ личность того, кто занималъ русскій престолъ послѣ Бориса Годунова и до князя Василія Ивановича Шуйскаго, представляется особенно заманчивою въ глазахъ поэтовъ, которымъ она даетъ широкій просторъ для свободнаго полета фантазіи и поэтическаго объясненія этой неразгаданной историками личности.

Изъ русскихъ піесъ, трактующихъ объ этомъ сюжетѣ, мы назовемъ, кромѣ извѣстныхъ всѣмъ и каждому драмъ Пушкина, графа А. Толстаго, Островскаго и Чаева, еще слѣдующія, принадлежащія второстепеннымъ и даже третьестепеннымъ авторамъ: „Димитрій Самозванецъ"—А. Сумарокова (1771 г.) [1]). „Димитрій Самозванецъ"—Вас. Нарѣжнаго (1804 г.), „Димитрій Самозванецъ" — Хомякова [2]) (1833 г.), „Борисъ Годуновъ"—М. Лобанова (1835 г.), „Исторія въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ"—Погодина (1835 г.), „Исторія въ лицахъ о царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ" (1868 г.) того же Погодина, „Лже-Димитрій", трагедія въ десяти былинахъ Г. Р—ева, Новгородъ (1854 г.)—„Димитрій Самозванецъ"—Н. Полозова (1858 г.), „Правитель Борисъ Годуновъ"—Эндогурова (1870 г.).

Иностранные драматурги также весьма рано обратили вниманіе на трагическую судьбу Лже-Димитрія I, какъ на весьма интересный сюжетъ для исторической драмы. Еще при жизни Димитрія Самозванца, знаменитый испанскій драматургъ Лопе-де-Вега написалъ піесу подъ заглавіемъ: „El Gran Duque di Moscovia y Emperador persequido", Madrid, 1617 г. Піеса эта, надо думать, была написана до трагическаго финала одиннадцати мѣсячнаго царствованія злополучнаго Димитрія I, такъ какъ едва ли возможно допустить, чтобы Лопе-де-Вега, поставленный въ извѣстность о кровавой народной расправѣ надъ Самозванцемъ, не внесъ бы ее въ свою драму, хотя бы ради одного сценическаго эффекта. Изъ Dictionnaire de Théatres de Paris 1756 г. мы узнаемъ о существованіи двухъ французскихъ піесъ о Димитріи Самозванцѣ. Одна принадлежитъ перу Jean Baptiste Aubry de Carrières и была пред-

---

[1]) Піеса Сумарокова была переведена на англійскій языкъ „Demetrius the Impostor", a tragedy by A. Sumarokow, transl. from the Russian. London. 1806.

[2]) Въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1834 г. (ч. 56, стр. 137—144) помѣщена статья о піесѣ Хомякова, въ которой авторъ (вѣроятно, самъ Полевой), перечисляя драмы Сумарокова и Нарѣжнаго о Самозванцѣ, а также піесу Пушкина о Борисѣ Годуновѣ, находитъ, „что ни одинъ изъ нихъ не представилъ Димитрія къ истинно-поэтическомъ видѣ". „Г. Хомяковъ", замѣчаетъ критикъ, „кажется, былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ".

Библиотека "Руниверс"

ставлена на сценѣ Théâtre Français 1689 г. [1]). Другая—французская передѣлка итальянской піесы D-r Boccabadati (Arlequin Demetrius, Canevas Italien en cinq actes tiré d'une comédie du Docteur Boccabadati. Aux Italiens, 1717).

Прежде чѣмъ перейдти къ главному предмету нашего очерка, то-есть, къ піесѣ Шиллера, мы должны упомянуть еще о двухъ драматизаціяхъ судьбы этого политическаго авантюриста: объ англійской піесѣ Ричарда Кумберлэнда „The False Demetrius" и о нѣмецкой драмѣ Августа Коцебу: Demetrius Ivanovitsch, Czar von Moskau, ein Russisches Original-Trauerspiel in fünf Acten von einem Liebhaber des Theaters (1782).

Ричардъ Кумберлэндъ [2]), англійскій драматургъ конца XVIII и начала XIX столѣтія, которому принадлежатъ пользовавшіяся въ свое время извѣстностью піесы „The Iew", „The Brothers", „The West-Indian", „The Wheel of Fortune", „The Mysterius Husband" и другія. Въ огромной массѣ его піесъ мы находимъ не совсѣмъ оконченную (пятое дѣйствіе обрывается на 2-й сценѣ) историческую драму о Димитріи Самозванцѣ, напечатанную во II томѣ его „посмертныхъ драматическихъ сочиненій" (1813 г.). Чтеніе піесы Кумберлэнда убѣждаетъ насъ въ томъ, что авторъ не совсѣмъ справился со своею задачею, не уяснилъ себѣ даже основныхъ чертъ характера своего героя. Въ началѣ Димитрій является у него, въ качествѣ дьякона Чудовскаго монастыря Отреньева (Otrenieff; Кумберлэндъ смѣшалъ, вѣроятно, русское *n* съ англійскимъ *n*), и надо замѣтить, что до той поры, пока онъ не скинулъ монашеское одѣянье, пока бывшая няня царевича Димитрія, жена его убійцы Петра Боссовича, на смертномъ одрѣ не признаетъ его (героя піесы) за истиннаго царевича, до той поры онъ представляется намъ человѣкомъ весьма не симпатичнымъ, грубымъ, циничнымъ, легкомысленно относящимся къ религіи. Съ этихъ поръ онъ становится совсѣмъ инымъ человѣкомъ и на нашихъ глазахъ превращается въ высоко просвѣщеннаго, гуманнаго монарха, который намѣренъ посвятить себя цѣликомъ на служеніе своему народу.

---

[1]) Въ Anecdotes Dramatiques 1775 г. по поводу этой піесы сказано: „Cette tragédie est la première qui ait parue comme pièce nouvelle sur le théâtre actuel de la Comédie Française, c'est peut être à cette circonstance qu'elle a dû tout son succès. Elle n'a point été imprimée", I vol., p. 248.

[2]) Объ этомъ писателѣ намъ приходилось говорить въ нашемъ очеркѣ объ „Англійской комедіи конца XVII и первой половины XVIII вѣка", напечатанномъ въ апрѣльской и майской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897 г.

Библиотека "Руниверс"

Въ піесѣ нѣтъ ни одного монолога Димитрія, ни одного діалога его съ какимъ нибудь близкимъ, довѣреннымъ лицомъ, въ которомъ герой піесы могъ бы раскрыть намъ свой внутренній міръ и этимъ дать намъ возможность уяснить себѣ, искренни ли всѣ его гуманныя рѣчи и обѣщанія облагодѣтельствовать народъ. Далѣе, какъ объяснить себѣ распространеніе молвы о томъ, что Димитрій живъ. Самъ ли герой распускаетъ эти слухи или кто нибудь, скрывающійся за его спиною? Мы позволили себѣ остановиться на піесѣ Кумберлэнда, потому что она совсѣмъ неизвѣстна русскимъ читателямъ, а также потому, что, насколько мы знаемъ, никто изъ изслѣдователей не упоминаетъ о ней въ перечнѣ піесъ о Димитріи Самозванцѣ.

Что касается до трагедіи Коцебу, то извѣстно, что эта піеса вызвала при представленіи ея въ петербургскомъ нѣмецкомъ казенномъ театрѣ вмѣшательство полиціи, потребовавшей отъ автора исключенія изъ заглавія словъ: „Czar von Moskau". Герой піесы Коцебу не Самозванецъ, а сынъ Ивана Грознаго, спасшійся чудеснымъ образомъ отъ руки подосланнаго убійцы. Зналъ ли Шиллеръ о піесѣ Коцебу? На этотъ вопросъ Рудольфъ фонъ-Готшаль отвѣчаетъ утвердительно. „Разумѣется", замѣчаетъ онъ, „Шиллеръ зналъ о существованіи этой трагедіи, потому что въ Веймарѣ кто съ любовью, а кто съ ненавистью, слѣдили за развитіемъ таланта Коцебу; со времени сближенія Русскаго и Веймарскаго дворовъ можно было имѣть свѣдѣнія о различныхъ русскихъ театральныхъ новинкахъ изъ самыхъ точныхъ источниковъ" [1]). Піеса Коцебу нигдѣ напечатана не была, а потому мы лишены возможности сравнить ее съ Шиллеровскою піесою [2]). Но едва ли великій поэтъ могъ чему нибудь научиться изъ этого незрѣлаго труда девятнадцатилѣтняго Коцебу.

II.

Трагедія Шиллера „Димитрій", или „Московская Кровавая свадьба" (Demetrius, oder die Bluthochzeit zu Moskau) [3]), дошла до насъ, къ

---

[1]) *Gottschall*, ibidem, p. 99.

[2]) Сохранились двѣ современныя газетныя рецензіи о представленіи піесы Коцебу. Въ *Гамбургской Газетѣ* (въ Петербургской корреспонденціи) отъ 10-го іюля 1782 года и въ *Берлинской Литературной и Театральной Газетѣ* отъ 2-го ноября того же 1782 г.

[3]) Заглавіе „Bluthochzeit zu Moskau" дано Шиллеромъ по аналогіи съ „Парижскою кровавою свадьбою". Кеттнеръ въ введеніи къ своему изданію Шил-

Библиотека "Руниверс"

сожалѣнію, въ неоконченномъ видѣ. Этотъ отрывокъ былъ послѣднимъ произведеніемъ великаго нѣмецкаго поэта, его „лебединою пѣснью". Онъ работалъ надъ этою драмою до самой кончины, въ предсмертномъ бреду онъ то и дѣло цитировалъ стихи изъ своей піесы; послѣ смерти на его письменномъ столѣ былъ найденъ прекраснѣйшій монологъ Марѳы (во 2-мъ актѣ). Шиллеру удалось обработать только первые два акта; во второмъ, однако, недостаетъ еще нѣсколькихъ сценъ, да и тѣ, которыя слѣдуютъ за монологомъ Марѳы, вѣроятно, подверглись бы еще переработкѣ: сравнительно съ другими сценами этихъ двухъ дѣйствій онѣ носятъ на себѣ слишкомъ эскизный характеръ. Но, кромѣ этихъ двухъ актовъ, мы имѣемъ въ распоряженіи еще богатѣйшій черновой матеріалъ, который даетъ намъ возможность глубоко проникнуть во внутренній міръ поэта, познакомиться съ самыми сокровенными его намѣреніями, въ которыя при жизни Шиллера посвящены были только самые близкіе къ нему люди, какъ Гёте и Кёрнеръ. Проникая съ невольнымъ благоговѣніемъ въ литературную лабораторію Шиллера, мы знакомимся съ процессомъ его творчества, видимъ, какъ поступившій въ нее историческій, сырой, такъ сказать, матеріалъ, переживаетъ, благодаря творческой фантазіи поэта, различныя стадіи развитія и принимаетъ наконецъ ту высокохудожественную форму, въ которую облечены первыя два дѣйствія; мы знакомимся съ различными проектами поэта создать остальныя три дѣйствія своей драмы.

Какіе же мотивы побудили Шиллера остановиться на сюжетѣ изъ нашей исторіи? Что привело его къ мысли изобразить трагическую судьбу Лже-Димитрія I? Припомнимъ, что въ первые годы XIX столѣтія въ Веймарѣ всѣ живо интересовались Россіею и ея исторіею, по случаю помолвки веймарскаго наслѣднаго принца Карла Фридриха

леровскаго отрывка указалъ на то, что это названіе упоминается у Мюллера въ его трудѣ „Sammlung der Russischen Geschichte", которымъ, какъ мы увидимъ ниже, Шиллеръ пользовался при разработкѣ плана своей драмы (Schiller's „Dramatischer Nachlass", Weimar, 1895 г., p. LXIV). Лейтцманъ въ своей рецензіи на изданіе Кеттнера дополнилъ указаніе послѣдняго тѣмъ, что о кровавой свадьбѣ перваго Димитрія говоритъ еще и Трейеръ въ своей Einleitung zur Moscovitischen Historie, p. 311 (Euphorion, IV Bd., 3-es Heft, p. 514). Въ Московской лѣтописи Мартина Бера, перев. Устряловымъ въ его „Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ", мы читаемъ по поводу свадьбы Димитрія: „Не худо было бы и другимъ остерегаться такой же свадьбы: она была не лучше парижской" (3-е изд., 1859, I ч., стр. 63).

Библиотека "Руниверс"

съ нашею великою княжною Маріею Павловною. Въ особенности интересъ къ Россіи былъ оживленъ въ домѣ фонъ-Вольцогена, зятя Шиллера, который съ 1800 г. ѣздилъ въ Петербургъ, въ качествѣ повѣреннаго веймарскаго двора по этому брачному дѣлу. Нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ выборъ Шиллера сюжета изъ русской исторіи для своей драмы чисто матеріальными соображеніями, желаніемъ поэта заручиться отъ императора Александра I денежною поддержкою для семьи или даже просто желаніемъ получить отъ русскаго государя бриллiантовое кольцо. Въ данномъ случаѣ эти изслѣдователи, въ подтвержденіе своего мнѣнія, ссылаются на письмо Кёрнера отъ 25-го сентября 1802 г. Въ отвѣтъ на увѣдомленіе Шиллера о пожалованіи ему шведскимъ королемъ бриллiантоваго кольца за его трудъ по тридцатилѣтней войнѣ, Кёрнеръ пишетъ ему: „Ты могъ бы легко добиться другаго бриллiантоваго кольца, еслибы оказалъ любезность императору Александру I". Не отрицая вполнѣ возможности, что Шиллеръ желалъ обратить на себя милостивое вниманіе русскаго государя, мы приведемъ здѣсь слѣдующія любопытныя строки изъ біографіи поэта, написанной Каролиною фонъ-Вольцогенъ (Leben Schiller's, II, p. 259): „Я имѣлъ бы очень удобный случай", замѣтилъ однажды вечеромъ Шиллеръ, „сказать много хорошаго по адресу царской фамиліи въ лицѣ молодаго Романова, который играетъ благородную роль въ „Димитріи". На другой день онъ сказалъ: „нѣтъ, я этого не сдѣлаю, поэзія должна быть свободна". Нельзя также не согласиться съ Кеттнеромъ въ томъ, что первоначальное заглавіе піесы „*Московская кровавая свадьба*", которое мы находимъ въ черновыхъ набросках 1802 г., въ числѣ другихъ названій задуманныхъ драмъ, „лучше всего доказываетъ, какъ далекъ былъ поэтъ при концепціи своей трагедіи отъ всякой мысли о соединеніи русскаго и веймарскаго дворовъ" [1]). Вспомнимъ, наконецъ, что начиная, съ 1799 г., Шиллеръ интересовался однимъ драматическимъ сюжетомъ, похожимъ на эпизодъ о Димитріи Самозванцѣ. Въ письмѣ отъ 20-го августа 1799 г. поэтъ увѣдомляетъ Гёте о своемъ намѣреніи написать трагедію изъ англійской исторіи. „Въ царствованіе Генриха VII въ Англіи", говоритъ онъ, „появился обманщикъ Варбекъ, выдававшій себя за одного изъ умерщвленныхъ въ Тоуерѣ, по распоряженію Ричарда III, сыновей Эдуарда IV; онъ съ умѣлъ привести убѣдительныя доказательства того, какъ онъ былъ спасенъ, нашелъ себѣ партію, которая его

---

[1]) *Kettner*, Schillers Demetrius. Weimar. 1895. Einleitung, p. XVII.

Библиотека "Руниверс"

признала и хотѣла возвести на престолъ. Принцесса того же Іоркскаго дома, изъ котораго происходилъ Эдуардъ и которая хотѣла завести ссору съ Генрихомъ VII, знала и поддерживала обманъ; ей принадлежала главная роль въ этомъ политическомъ предпріятіи. Послѣ того, какъ Варбекъ прожилъ нѣкоторое время, въ качествѣ принца, при ея дворѣ въ Бургундіи, весь замыселъ рухнулъ, обманщика разоблачили и предали казни". Изъ этого письма видно, что и тутъ, въ „Варбекѣ", мы имѣемъ дѣло съ самозванцемъ. „Оба плана (Варбека и Димитрія) до такой степени внутренно родственны", замѣчаетъ Геттнеръ, „что Шиллеръ могъ свободно изъ предварительной работы къ „Варбеку" переносить въ своего „Димитрія" не только мелкія, отдѣльныя черты, но съ нѣкоторыми измѣненіями и цѣльные характеры и положенія" [1]). Есть, однако, и существенное различіе между этими двумя драматическими планами. Димитрій, какъ мы увидимъ ниже, изображенъ Шиллеромъ, правда обманщикомъ, но обманщикомъ *обманутымъ*; тогда какъ его Варбекъ—обманщикъ *завѣдомый*. Обстоятельство, что герой его піесы долженъ быть изображенъ сознательнымъ обманщикомъ, съ самаго начала расхолаживало поэта. Уже въ указанномъ письмѣ къ Гёте Шиллеръ борется съ этимъ недостаткомъ задуманнаго имъ сюжета, заботится о томъ, какимъ бы образомъ скрасить его. Шиллеръ предполагаетъ изобразить Варбека такъ, „какъ будто бы онъ былъ рожденъ для своей роли, какъ будто бы обманъ указалъ ему только мѣсто, къ которому предназначила его сама природа". Мы укажемъ еще на одно любопытное письмо Шиллера къ Кёрнеру, отъ 13-го мая 1801 г., въ которомъ мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Punctum saliens этой трагедіи („Варбекъ") уже найденъ, но она представляетъ большія трудности для обработки, потому что герой піесы—обманщикъ, а мнѣ бы не хотѣлось допустить въ піесѣ хотя бы малѣйшую тѣнь безнравственности". Въ одномъ мѣстѣ своихъ черновыхъ матеріаловъ, относящихся уже къ „Димитрію", поэтъ высказывается еще опредѣленнѣе; по поводу „Варбека" онъ замѣчаетъ: „обманъ, какъ основаніе всей піесы, отталкиваетъ".

Несмотря, однако, на всѣ эти сомнѣнія и колебанія, Шиллеръ приступаетъ къ обработкѣ своего „Варбека". Въ его календарѣ мы находимъ слѣдующую замѣтку отъ 30-го сентября 1801 г.: „An den Warbeck gegangen und fortgefahren". Но работа у Шиллера все какъ-

---

[1]) *Hettner*, ibidem., p. 314.

Библиотека "Руниверс"

то не клеится, онъ охотно переходитъ къ другимъ темамъ, оставляя „Варбека“ въ сторонѣ, и наконецъ въ 1802 г., какъ мы уже видѣли, ему приходитъ мысль написать новую драму, подъ заглавіемъ „Московская кровавая свадьба“. По нашему мнѣнію, Кеттнеръ справедливо предполагаетъ, что главнымъ толчкомъ, побудившимъ поэта остановиться на сюжетѣ изъ русской исторіи, было чтеніе появившагося въ 1800 г. 2-мъ изданіемъ въ Гамбургѣ и въ Брауншвейгѣ сочиненія Левека Histoire de Russie (1-е изд. его въ 1782 г.), которое не могло пройдти для Шиллера незамѣченнымъ въ то время, когда, какъ уже было сказано выше, Россія была предметомъ всеобщаго вниманія въ Веймарѣ. Въ своемъ сочиненіи Левекъ весьма энергично возстаетъ противъ общераспространеннаго мнѣнія о томъ, что Димитрій I былъ обманщикъ, самозванецъ. Димитрій охарактеризованъ у него самыми идеальными чертами. „Если онъ не былъ рожденъ для престола“, говоритъ авторъ, „то по крайней мѣрѣ онъ казался достойнымъ вступить на него“. Естественно, что при чтеніи этого сочиненія Шиллеръ не могъ не обратить вниманія на близкое сходство задуманной имъ драмы „Варбекъ“ съ эпизодомъ изъ русской исторіи о Димитріи. И вотъ въ головѣ поэта складывается планъ новой трагедіи, трактующей также объ обманщикѣ, но не о такомъ, какимъ былъ Варбекъ. Идеальная характеристика Димитрія, какую онъ нашелъ у Левека, помогла Шиллеру выработать свой взглядъ на Самозванца, какъ на обманщика не сознательнаго, не наглаго, а такого, который самъ былъ вовлеченъ въ обманъ другими лицами, заботящимися о своихъ личныхъ интересахъ, повѣрилъ этому обману и началъ самъ обманывать другихъ, глубоко вѣруя въ законность своихъ претензій на русскій престолъ. Познакомившись съ книгою Левека, Шиллеръ сразу понялъ, какую благодарную для драматурга почву представляетъ этотъ любопытный историческій эпизодъ, дающій такой богатый матеріалъ для творческой фантазіи поэта; сколько готовыхъ уже эффектныхъ сценъ и положеній можно было взять для драматической обработки изъ самой исторіи о самозванцѣ, сравнительно съ которою исторія о Варбекѣ должна была показаться ему чрезвычайно бѣдною событіями, да и сама фигура англійскаго самозванца показалось ему, вѣроятно, тусклою рядомъ съ яркимъ образомъ Лже-Димитрія I, въ изображеніи Левека. Съ характеромъ Шиллеровскаго героя мы познакомимся ниже. Насъ интересуетъ теперь только вопросъ о переходѣ Шиллера отъ „Варбека“ къ „Димитрію“, который произошелъ, по нашему мнѣнію, подъ вліяніемъ книги Левека. Правда и раньше 1800 г. Шиллеръ имѣлъ

Библиотека "Руниверс"

возможность познакомиться съ судьбою Димитрія Самозванца. Такъ тотъ же Кеттнеръ указываетъ на сочиненіе Duport de Tertre: „Histoire des conjurations, conspirations et révolutions célèbres tant anciennes que modernes", въ V томѣ котораго находится и „Conjuration du Zuski (Шуйскаго) contre le Faux Demetrius". Шиллеръ читалъ это сочиненіе во время своей подготовительной работы къ „Фіеско", а 5-ый томъ, главное содержаніе котораго заключается въ исторіи отпаденія Нидерландовъ, Шиллеръ имѣлъ въ виду перевести вмѣстѣ съ Губеромъ на нѣмецкій языкъ въ 1786 г. Приготовляясь затѣмъ къ самостоятельному изслѣдованію, посвященному тому же вопросу, нашъ поэтъ познакомился съ сочиненіями Де-Ту (Jacob August Thuani historiarum sui temporis libri CXXXVIII, Parisiis, 1604—1619), въ послѣднемъ томѣ котораго Шиллеръ могъ прочесть сказанія о Годуновѣ и Лже-Димитріи (135 гл.). Кеттнеръ отмѣчаетъ сходство взглядовъ Шиллера на Димитрія Самозванца съ мнѣніемъ о немъ этого историка. По поводу молитвы Димитрія, произнесенной имъ на полѣ битвы, Де-Ту говоритъ: „Если дѣйствительно такъ было и если этотъ человѣкъ, зная ложь своихъ рѣчей, не боялся обманывать съ такою искренностью, ему надлежало быть самымъ безстыднымъ плутомъ; если же онъ, повѣривъ молвѣ неосновательной, дѣйствительно считалъ себя царевичемъ, нельзя не подивиться, какъ жестоко играла имъ судьба, въ урокъ смертнымъ: приласкала его, обрадовала престоломъ и низринула въ бездну". Де-Ту оканчиваетъ свою работу о Самозванцѣ слѣдующими характерными словами: „Доселѣ не рѣшено, былъ ли онъ Димитріемъ или обманщикомъ" (Устряловъ, Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ I, 332, 353). „Но, замѣчаетъ далѣе Кеттнеръ, ни самъ онъ (то-есть, Де-Ту) не преслѣдовалъ этой мысли, ни эта мысль не оказала, кажется, никакого вліянія на позднѣйшую литературу" (Einleitung, p. XIV). Кеттнеръ вообще сомнѣвается въ томъ, что при спѣшномъ характерѣ работы надъ этими источниками Шиллеръ могъ остановиться тогда на эпизодѣ о русскомъ Самозванцѣ. Можетъ быть, впослѣдствіи, конфликтъ между Варбекомъ и Димитріемъ кончился побѣдою послѣдняго, и Шиллеръ серьезно принялся за него, поэтъ вернулся къ той части указанныхъ выше сочиненій, которая касается судьбы Лже-Димитрія. Кеттнеръ указываетъ еще на одну работу о Димитріи, съ которою поэтъ могъ познакомиться въ 1789 г., а именно на очеркъ Архенхольца, помѣщенный въ *Neue Literatur und Völkerkunde* (октябрь того же года), такъ какъ въ этомъ томѣ журнала были напечатаны двѣ статьи, посвященныя Шил-

Библиотека "Руниверс"

леровскимъ „Богамъ Греціи“ [1]). Припомнимъ также, что въ 1782 г. на сценѣ С.-Петербургскаго нѣмецкаго театра была поставлена піеса Коцебу о Димитріи, существованіе которой, по предположенію фонъ-Готшаля, могло быть извѣстно нашему поэту. Но такъ или иначе всѣ эти сочиненія, если даже допустить, что они были извѣстны Шиллеру, видимо не оказали на него серьезнаго вліянія. Первый слѣдъ бродившей въ его головѣ мысли о драматической обработкѣ судьбы лже-Димитрія мы находимъ только въ 1802 г., и этотъ слѣдъ ведетъ насъ къ 1804 г., когда *10-го марта* Шиллеръ заноситъ въ свой календарь: „*Mich zum Demetrius entschlossen*“. Эти слова были записаны за нѣсколько дней до перваго представленія „Вильгельма Телля“, который шелъ 17-го марта. По свидѣтельству Каролины фонъ-Вольцогенъ, „еще при окончаніи Вильгельма Телля Шиллеръ носилъ въ головѣ образъ своего Димитрія. Поэтъ часто говорилъ о немъ и набрасывалъ планъ всей піесы и отдѣльныя сцены“ [2]). Варбекъ окончательно сдается въ архивъ. Правда, уже въ самомъ разгарѣ работы надъ Димитріемъ, поэтъ вспоминаетъ вдругъ своего англійскаго самозванца. Въ черновыхъ матеріалахъ Шиллера мы находимъ любопытную табличку, въ которой приведены мотивы за и противъ, какъ „Варбека“, такъ „Димитрія“. Новый сюжетъ, однако, слишкомъ мощно овладѣлъ фантазіею поэта, чтобы онъ могъ серьезно интересоваться сравнительно блѣдною фигурою Варбека.

Итакъ въ мартѣ 1804 года Шиллеръ принимается за работу надъ „Димитріемъ“. Онъ начинаетъ собирать матеріалы, обращается къ своему зятю фонъ-Вольцогену въ Петербургъ съ письмомъ, отъ 16-го іюня того же года, въ которомъ проситъ прислать ему, если возможно, изображенія костюмовъ и монетъ того времени, планы городовъ и вообще все, что можетъ касаться сюжета его драмы. „Это безумный (tolles) сюжетъ“, замѣчаетъ онъ, „но я принялся за него съ большою охотою и надѣюсь изъ него сдѣлать нѣчто хорошее“. Такимъ образомъ работа закипѣла, но не надолго. Поэту приходитъ мысль написать новую трагедію, не требующую такой усиленной, трудной работы, а именно „Die Herzogin von Zelle“, къ которой онъ и приступаетъ, но внезапная серьезная болѣзнь мѣшаетъ ему работать до октября. По выздоровленіи Шиллеръ снова колеблется между „Димитріемъ“ и „Герцогинею Целле“. Рѣшающимъ толч-

---

[1]) Ср. съ мнѣніемъ *Лейтцмана*, ibidem, p. 534.

[2]) Біографія Шиллера, II т., p. 254.

Библиотека "Руниверс"

комъ въ пользу „Димитрія“ слѣдуетъ считать пріѣздъ Веймарской кронпринцессы Маріи Павловны, по случаю чего въ Веймарѣ устраиваются различныя празднества, и Шиллеръ сочиняетъ въ честь новобрачныхъ „Die Huldigung der Künste“. Какъ только кончились эти празднества, Шиллеръ уже безъ всякихъ колебаній переходитъ къ своему „Димитрію“, но опять болѣзнь мѣшаетъ поэту и поневолѣ принуждаетъ его обратиться къ болѣе или менѣе легкому, такъ сказать, механическому труду—къ передѣлкѣ для нѣмецкой сцены „Британника“ и „Федры“ Расина. Нѣсколько оправившись въ январѣ 1805 года, Шиллеръ пишетъ Гёте, что намѣренъ снова попробовать свои силы и засѣсть за „Димитрія“. Скоро, однако, опять безжалостная болѣзнь заставляетъ его бросить „Димитрія“, требующаго большаго умственнаго напряженія, и перейдти къ давно уже задуманной имъ піесѣ „Kinder des Hauses“. Почувствовавъ нѣкоторое облегченіе въ концѣ февраля, Шиллеръ все-таки возвращается къ интересующей насъ драмѣ. Изъ письма къ Ифланду отъ 25-го числа этого мѣсяца мы видимъ, что поэтъ надѣялся окончить свою піесу къ осени. Въ его черновыхъ матеріалахъ мы находимъ любопытное исчисленіе, сколько именно времени потребуется ему для окончанія „Димитрія“. По его расчету выходило, что онъ надѣялся довершить его въ ноябрѣ того же года [1]). Но надежды поэта не сбылись. Онъ сошелъ въ могилу 9-го мая 1805 года.

Послѣ смерти поэта Гёте задумалъ окончить „Димитрія“. Начиная съ „Валленштейна“, Шиллеръ находился въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ великимъ авторомъ Фауста. Послѣдняя піеса Шиллера зачастую обсуждалась друзьями, и Гёте нерѣдко дѣлалъ свои замѣчанія, изъ которыхъ нѣкоторыя были приняты въ соображеніе нашимъ поэтомъ. Такъ, напримѣръ, Гёте находилъ планъ „Димитрія“ слишкомъ широкимъ и совѣтовалъ съузить его. Согласно этому замѣчанію, Шиллеръ выпустилъ почти уже отдѣланныя сцены въ Самборѣ, которыя должны были, по первоначальному плану, составлять содержаніе перваго акта или пролога (Vorspiel). „Піеса эта была мнѣ также ясна и близка, какъ и ему“, замѣчаетъ Гёте въ своихъ Annalen 1805 года, „и вотъ“, продолжаетъ онъ, „я возгорѣлъ желаніемъ продолжить на зло смерти наши бесѣды, сохранить всѣ до единой его мысли, взгляды, намѣренія и показать здѣсь въ послѣдній разъ, до какой высокой степени можетъ достигнуть совмѣстная работа“...

---

[1]) *Kettner*, Schillers „Demetrius“, p. 115—116.

Библиотека "Руниверс"

Но, вслѣдствіе встрѣтившихся препятствій, проектъ Гёте остался не осуществленнымъ. Однако его мысль не прошла безслѣдно, она была подхвачена другими поэтами. Начиная съ 1817 г. и кончая 1893 годомъ, тянется длинная вереница попытокъ окончить піесу Шиллера. На ряду съ ними мы должны упомянуть о существованіи нѣсколькихъ самостоятельныхъ піесъ, трактующихъ о судьбѣ лже-Димитрія. Обратимся теперь къ изданіямъ самаго текста Шиллеровскаго драматическаго отрывка. Первое такое изданіе принадлежитъ Кёрнеру, который напечаталъ часть текста въ 1815 году въ *Morgenblatt* (№№ 258, 259, 264), а вслѣдъ затѣмъ въ 12-мъ томѣ полнаго собранія сочиненій Шиллера (того же года). Къ первому акту и къ большей части втораго Кёрнеръ присоединилъ здѣсь извлеченія, правда, очень скудныя, изъ богатаго черноваго матеріала Шиллера, изъ которыхъ читатель могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствія этой піесы. Нѣкоторыя дополненія къ изданію Кёрнера были сдѣланы Гофмейстеромъ, въ 1840 году. Драматическій отрывокъ Шиллера со всею предварительною работою полностью былъ напечатанъ впервые Карломъ Гедеке въ 1876 году (Schillers Sämmtliche Schriften. Historisch-kritische Ausgabe. 15 Theil. II Bd.). Несмотря, однако, на эту полноту, изданіе Гедеке не представляетъ большой научной цѣнности. Вмѣсто того, чтобы напечатать черновыя тетради Шиллера въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ нашелъ, Гедеке распредѣляетъ весь матеріалъ по своей собственной системѣ, чѣмъ лишаетъ свое изданіе необходимой объективности. Первымъ, вполнѣ научнымъ изданіемъ драматическаго наслѣдія Шиллера, относящагося къ „Димитрію", слѣдуетъ признать изданіе Кеттнера, по которому мы и изучали послѣднее твореніе великаго нѣмецкаго поэта (Gustav Kettner, Schillers Dramatischer Nachlass, I Bd. „Demetrius" nach den Handschriften des Goethe — und Schiller-Archivs. Weimar, Hermann Böhlau, 1895). Однако и это изданіе не свободно отъ недостатковъ. Въ своей рецензіи, Лейтцманъ указалъ на рядъ ошибокъ и неточностей въ передачѣ текста, съ которыми ему не приходилось встрѣчаться у предшественника Кеттнера по изданію „Димитрія"—Гедеке, но мы не будемъ входить въ эти детали и отсылаемъ интересующихся этими вопросами къ содержательной статьѣ Лейтцмана [1]).

---

[1]) Euphorion, IV Bd., 3-es Heft, 1897, p. 528—533. Для полноты перечня изданій драматическаго отрывка Шиллера и относящихся къ нему черновыхъ матеріаловъ, мы укажемъ еще на слѣдующія работы:

1. *Minor*. Aus dem Schiller—Archiv. 1890 (p. 117). (Миноръ первый издалъ

Библиотека "Руниверс"

III.

Обратимся теперь къ ознакомленію съ черновымъ матеріаломъ Шиллера и прежде всего остановимся на его „Collectanea“ (изд. Кеттнера Dramatischer Nachlass „Demetrius“, p. 244—259). Знакомство съ этимъ отдѣломъ подготовительной работы поэта къ его „Димитрію“ убѣждаетъ насъ въ томъ, что, желая ближе освоиться со средою, въ которой должна была происходить задуманная имъ драма, Шиллеръ серьезно углубился въ изученіе, какъ политической, такъ и этнографической исторіи Россіи. Мы находимъ здѣсь самыя пестрыя свѣдѣнія, касающіяся прошлаго нашего отечества, русскихъ царей, придворнаго этикета, нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, одеждъ, жилищъ и церквей русскаго народа. Шиллеръ заноситъ въ свою черновую тетрадь и русскія имена, какъ Timoska, Ilia, отчества, какъ Danilovitz, Fedorovitz, поразившія его своею оригинальностью русскія слова, съ нѣмецкимъ переводомъ, sabak—Hund, kabak—Schänke, Monastir—Kloster и т. д. Здѣсь мы встрѣчаемъ замѣтки поэта о казачествѣ, этой, по его выраженію, военной демократіи, а также замѣтки о Польшѣ, о ея политическомъ устройствѣ, о національной ненависти поляковъ къ русскимъ и т. п.

Откуда почерпнулъ Шиллеръ всѣ эти свѣдѣнія о Россіи и о Польшѣ? Самъ поэтъ указываетъ намъ на пять своихъ главныхъ источниковъ: Трейеръ, Олеарій, Коннорь, Левекъ и Миллеръ [1]). Но

извѣстную сцену прощанія Димитрія съ Лодойскою перваго акта первоначальной редакціи).

2. *Suphan. Weimarer Vierteljahrschrift*, IV, 343.

3. *Düntzer. Vierteljahrschrift für Litteraturgeschichte*, 4, 173. (Тотъ же Дюнтцеръ — авторъ брошюрки Erläuterungen zu den Deutschen Klassikern. Schillers „Demetrius“. Bd. 57. Leipz. 1886).

4. *Boxberger*. Онъ издалъ текстъ „Димитрія“ и матеріалы къ нему въ Kürschners Deutsche National Litteratur (Bd. 125. Schiller's Werke. 8 Theil). Ему же принадлежитъ статья о „Димитріи“: *Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte*, Bd. V, Heft 1, 2. Berlin. 1892.

5. Драматическій отрывокъ Шиллера со всей подготовительною работою напечатанъ также въ новомъ изданіи Беллермана полнаго собранія сочиненій Шиллера, 1895—1897, Bibliogr. Institut Leipz.

[1]) 1. *Treuer*: Einleitung zur Moscovitischen Historie von der Zeit an da Moscov aus vielen kleinen Staaten zu einem grossen Reiche gediehen biss auf den Stolbowischen Frieden mit Schweden anno 1617. Leipzig und Wolffenbüttel. 1720.

2. *Olearius*: Vermehrte Neue Beschreibung der Moscovitischen und Persischen

Библиотека "Руниверс"

обильные черновые матеріалы поэта невольно заставляютъ насъ думать, что указанными пятью сочиненіями не исчерпывается начитанность Шиллера въ интересовавшей его области русской и польской исторіи. Припомнимъ письмо поэта къ своему зятю въ Петербургъ, въ которомъ онъ просилъ снабдить его необходимыми для піесы свѣдѣніями о Россіи. Въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ [1]) фонъ-Вольцогенъ рекомендуетъ Шиллеру прочесть извѣстные уже намъ труды Олеарія и Миллера, а также Гебенштрейта [2]), Кокса [3]), Бакмейстера [4]) и въ особенности мемуары Маржерета [5]), „который былъ однимъ изъ начальниковъ тѣлохранителей самого Димитрія Самозванца". Несторъ [6]), по мнѣнію Вольцогена, могъ также быть полезенъ Шиллеру. Кромѣ того, онъ обѣщаетъ привезти ему съ собою русскую трагедію о Са-

---

Reyse so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschaft an den Russischen Zar und König in Persien geschehen... Schleswig, 1656 (2-ое изд.).

3. *Connor*: Beschreibung des Königreichs Polen, und Gross-Herzogthums Litthauen... aus dem Englischen übersetzet. Leipzig. 1700.

4. *Pierre Charles Levesque*: Histoire de Russie, nouv. ed. Hambourg et Brunswick 1800. (III и IV томы).

5. *Gerhard Friedrich Müller*: Sammlung Russischer Geschichte. St. Petersburg, 1760. (IV и V томы).

[1]) Письма отъ 15-го и 25-го мая 1804 года адресованы на имя Каролины фонъ-Вольцогенъ, а письмо отъ 2-го августа того же года на имя самого Шиллера. Leitzmann, ibidem, p. 514—515.

[2]) Въ своемъ письмѣ отъ 15-го мая 1804 года фонъ-Вольцогенъ пишетъ, что Шиллеръ можетъ ознакомиться съ русскими нравами и обычаями того времени въ сочиненіяхъ Олеарія и Гебенштрейта. Между тѣмъ, по наведеннымъ нами справкамъ въ различныхъ библіографическихъ указателяхъ, никакого труда Hebenstreit'a „über Russland" не оказалось. Надо полагать, что Вольцогенъ ошибся также, какъ онъ ошибочно пишетъ въ одномъ письмѣ „Marcherais" а въ другомъ „Marcheret" вмѣсто „Margeret". Лейтцманъ также не знаетъ никакого труда Гебенштрейта о Россіи. Намъ казалось бы возможнымъ признать смѣшеніе имени Hebenstreit'a съ именемъ Heydenstein, извѣстнымъ польскимъ историкомъ, авторомъ сочиненія „Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII. Francof. ad Mönum, 1672.

[3]) *Coxe*, Voyage en Pologne, Russie, Suède, Danemarc, франц. пер. Mallet, т. 1—3, Génève, 1786 г.

[4]) *Bachmeister*, Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes in Russland. 12. B. Petersb., Riga und Leipzig. 1772—1789.

[5]) *Margeret*, Estat de l'Empire de Russie et Grand duché de Moscovie avec ce qui s'est passé de plus mémorable et tragique pendant le règne de quatre empereurs. Paris. 1607.

[6]) *Schlözer*, Nestor. Russische Annalen. Bd 1—4. Göttingen. 1802—1805.

Библиотека "Руниверс"

мозванцѣ Сумарокова и „русское описаніе“ Щербатова [1]) подъ заглавіемъ „Les Imposteurs“ или, по крайней мѣрѣ, выписки изъ этихъ сочиненій. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ совѣтуетъ Шиллеру обратить особенное вниманіе, при изученіи интересующаго его періода, на Польшу, „ибо“ замѣчаетъ онъ „всѣ броженія того времени въ Россіи шли изъ этой страны“.

Теперь возникаетъ вопросъ: воспользовался ли Шиллеръ указаніями своего зятя? Познакомился ли онъ, при посредствѣ разумѣется Ф. Вольцогена, съ нашимъ пресловутымъ „Димитріемъ Самозванцемъ“ Сумарокова, съ очеркомъ Щербатова? Прочиталъ ли онъ Шлецеровскаго „Нестора“, труды Кокса, Бакмейстера, Маржерета и др.? По мнѣнію Лейтцмана, на этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно лишь относительно мемуаровъ Маржерета, авторъ которыхъ самъ долженъ былъ фигурировать въ числѣ дѣйствующихъ лицъ драмы Шиллера (Scenar. 161). Что же касается до остальныхъ сочиненій, то, по его мнѣнію, едва ли возможно съ увѣренностью утверждать, что Шиллеръ былъ знакомъ съ ними. За отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, мы также принуждены оставить этотъ вопросъ открытымъ. Только съ большею увѣренностью можно сказать о „Несторѣ“ Шлёцера, что Шиллеръ съ нимъ не познакомился, такъ какъ еще въ февралѣ 1805 г. онъ просилъ Гёте прислать его, и надо думать, что онъ не получилъ его [2]). Кеттнеръ предполагаетъ, что, кромѣ указанныхъ самимъ Шиллеромъ 5 главныхъ источниковъ его драмы, поэту были извѣстны еще слѣдующія сочиненія:

1. *Grevenbruch*: Tragœdia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii, qui nuper apud Ruthenos imperium tenuit, narratio, Köln, 1608.

2. *Relation curieuse* Czar Demetrius, histoire moscovite. Paris. 1714.

3. *Larochelle* de l'estat présent de la Russie. Paris. 1679.

---

[1]) „Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи Самозванцахъ. С.-Пб. 1774“. Лейтцманъ даетъ ошибочное названіе, указанному Вольцогеномъ, труду Щербатова—Kurze Erzählung von den in Russland gewesenen Amtspersonen. Petersb. 1774. Щербатову дѣйствительно принадлежитъ работа о „Старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи, въ которыхъ благородные службу производили и какъ были изъ одной въ другую жалованы и т. д. М. 1784“. Но это сочиненіе ничего общаго съ самозванцемъ не имѣетъ. У Бакмейстера, на котораго ссылается Лейтцманъ, (Russische Bibliothek, 3, 244), мы находимъ главу CCCVIII, озаглавленную Kratkaja powjesti o bûwschich w Rossii Samoswantzach, w Sanktpeterburghie, 1774. Заглавіе это переведено слѣдующимъ образомъ: Kurze Erzähluug von den in Russland gewesenen Trugpersonen. St. Petersb. 1774.

[2]) *Leitzmann*, ibidem, p. 515—516.

Библиотека "Руниверс"

Особенно вліяніе на драму Шиллера оказала, по мнѣнію Кеттнера, повѣсть Ларошеля. И въ самомъ дѣлѣ, какъ въ повѣсти, такъ и въ драмѣ по первоначальному ея плану, мы знакомимся съ Димитріемъ въ измѣненномъ положеніи слуги, въ первой въ домѣ графа Вишневецкаго, во второй у Сендомирскаго воеводы; какъ тамъ, такъ и тутъ онъ влюбляется, такъ сказать, „не по чину", у Ларошеля въ младшую сестру графини Вишневецкой, у Шиллера въ дочь своего барина; какъ въ повѣсти, такъ и въ драмѣ Димитрій убиваетъ своего знатнаго соперника по любви, послѣ чего происходитъ открытіе его происхожденія. Кеттнеръ предполагаетъ, что прощаніе графини Вишневецкой съ Димитріемъ, въ котораго она влюблена, оказало несомнѣнное вліяніе на аналогичную же сцену прощанія Димитрія съ Лодоискою у Шиллера. Не отрицая возможности знакомства Шиллера съ повѣстью Ларошеля, Лейтцманъ не соглашается съ Кеттнеромъ насчетъ вліянія этой повѣсти на драму о „Димитріи". Могучая фантазія великаго нѣмецкаго поэта не нуждалась, по его мнѣнію, въ помощи скромнаго автора „L'Histoire Moscovite". Что касается до первыхъ двухъ сочиненій, отмѣченныхъ Кеттнеромъ, то Лейтцманъ относится къ этому указанію совсѣмъ скептически. И дѣйствительно предположеніе Кеттнера о знакомствѣ Шиллера съ этими двумя сочиненіями основано на совершенно случайной встрѣчѣ въ драмѣ о „Димитріи" нѣкоторыхъ выраженій, которыя мы находимъ у Гревенбруха и въ Relation curieuse [1]). Съ своей стороны Лейтцманъ еще указываетъ на источники Шиллеровской драмы, на которые Кеттнеръ не обратилъ вниманія. Такъ прежде всего, по мнѣнію Лейтцмана, приведенныя Шиллеромъ въ его „Collectanea" русскія пословицы взяты поэтомъ (при посредствѣ, разумѣется, его зятя) изъ появившейся въ С.-Петербургѣ въ 1783 г. брошюрки: „Выборныя россійскія пословицы" [2]). Далѣе онъ находитъ, что детальныя свѣдѣнія о Польшѣ вообще и о польскомъ сеймѣ въ частности почерпнуты Шиллеромъ не только изъ вышеуказаннаго сочиненія Коннора, но также изъ труда Лаутербаха и очерка Архенхольца „Sobiesky" [3]). Предпо-

---

[1]) *Kettner*, ibidem. Einleitung, p. XXIX, XXX, XXXIII, LXVII, LXVIII. *Leitzmann*, ibidem, p. 516—518.

[2]) *Leitzmann*, ibidem, p. 526 - 527.

[3]) *Samuel Friedrich Lauterbach*, Polnische Chronike oder Historische Nachricht von dem Leben und Thaten aller Herzoge und Könige in Polen. Frankfurt und Leipzig. 1727 (гл. о Сигизмундѣ III и Владиславѣ VI). Очеркъ *Архенхольца* im 12 Stück der Horen 1795 г., *Leitzmann*, ibidem, p. 519—523; 524—525.

Библиотека "Руниверс"

ложеніе Лейтцмана вполнѣ подтверждается фактическими данными. Порядокъ расположенія русскихъ пословицъ (Collectanea, p. 258 — 259), а также свѣдѣній о польскомъ сеймѣ (Polonica въ Studienheft, p. 242 — 243; Scenar, p. 134 — 137) убѣждаетъ насъ въ томъ, что эти пословицы и свѣдѣнія о Польшѣ взяты поэтомъ именно изъ указанныхъ Лейтцманомъ сочиненій.

Этимъ мы и заканчиваемъ наше разсмотрѣніе источниковъ Шиллеровскаго отрывка и переходимъ теперь къ другому отдѣлу подготовительной работы, озаглавленному въ изданіи Кеттнера „Studienheft" (p. 199—243). Здѣсь Шиллеръ дѣлаетъ попытку разобраться въ собранномъ имъ матеріалѣ, онъ даетъ бѣглую характеристику главныхъ дѣйствующихъ лицъ, задаетъ себѣ рядъ вопросовъ, необходимыхъ для выясненія драматическаго дѣйствія, изъ которыхъ на одни онъ отвѣчаетъ тутъ же, а другіе оставляетъ открытыми, не имѣя еще въ распоряженіи готовыхъ отвѣтовъ, онъ пытается опредѣлить содержаніе перваго дѣйствія, которое, по первоначальному плану, должно было происходить въ Самборѣ. Здѣсь мы находимъ распредѣленіе ролей между артистами, длинный списокъ достоинствъ задуманнаго имъ сюжета, озаглавленный „Pro". Наконецъ въ этомъ отдѣлѣ матеріаловъ Шиллера удѣлено большое мѣсто разсмотрѣнію принципіальнаго вопроса драмы: кто былъ лже-Димитрій? Въ самомъ началѣ своей подготовительной работы Шиллеръ признаетъ его то за „ein Boyaren Sohn" (p. 254), то за побочнаго сына польскаго короля Стефана Баторія (p. 199) [1]), а однажды даже за побочнаго сына царя Ивана Васильевича (p. 199). Наконецъ онъ останавливается на предположеніи, что Димитрій былъ просто сверстникомъ убитаго царевича, его Spielcamerad, быть можетъ, сынъ его няни. Кто же былъ руководителемъ этого мальчика, которому суждено было сдѣлаться Самозванцемъ? Кто былъ авторъ всего этого обмана? „Прежде всего необходимо придумать", замѣчаетъ Шиллеръ, „какимъ образомъ былъ признанъ Димитрій за царевича безъ всякаго съ его стороны обмана, а также какимъ образомъ онъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе? Непремѣнно долженъ быть нѣкто, который творитъ намѣренно этотъ обманъ, и это намѣреніе должно быть для всѣхъ ясно и понятно. Врагъ ли это Бориса? Честолюбецъ ли, который думаетъ этимъ выдвинуться, или это какой нибудь религіозный фанатикъ?" (p. 206). Послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ находитъ возможнымъ отвѣтить на

---

[1]) Такого же мнѣнія держится и Беръ въ „Московской лѣтописи".

Библиотека "Руниверс"

всѣ эти вопросы такъ: „Мысль выдать его за Димитрія Ивановича идетъ отъ одного мстительнаго духовнаго лица, котораго Борисъ жестоко обидѣлъ“ (p. 214). Случайно встрѣтивъ мальчика, этотъ „злой чернецъ“ пораженъ его сходствомъ съ убитымъ царевичемъ, и вотъ въ головѣ его рождается планъ воспользоваться этою игрою природы для того, чтобы отомстить Борису. Впослѣдствіи Шиллеръ дѣлаетъ руководителемъ своего героя самого убійцу Димитрія, который, вмѣсто обѣщанной Борисомъ награды, долженъ былъ подвергнуться смертной казни. Убійца рѣшается отомстить неблагодарному царю. Скрываясь отъ его преслѣдованій, онъ беретъ съ собою мальчика, поразительнаго сходства съ царевичемъ, захватываетъ и различныя драгоцѣнности, принадлежащія Димитрію. Покинувъ Угличъ, онъ энергично принимается за свое дѣло; онъ даетъ мальчику надлежащее воспитаніе и образованіе, намекаетъ воспитаннику, что онъ весьма знатнаго происхожденія; пользуясь тѣмъ, что царица-мать не видала трупа своего сына, а повѣрила только всеобщей молвѣ о его убійствѣ, онъ распускаетъ слухъ, что Димитрій царевичъ живъ, а вмѣсто него погибъ другой мальчикъ. Въ черновыхъ матеріалахъ Шиллера мы находимъ два параллельныхъ столбца, въ которыхъ разказывается о Димитріи „Die wahre Geschichte“ и „Die fingierte“. Содержаніе перваго разказа намъ уже извѣстно. Въ „вымышленной“ же исторіи, то-есть, въ разказѣ, придуманномъ самимъ обманщикомъ, идетъ рѣчь о томъ, что, вмѣсто царевича, погибъ другой мальчикъ, заранѣе подмѣненный вѣрнымъ дядькою Димитрія (p. 231—232) [1]).

Скажемъ теперь еще нѣсколько словъ о двухъ фазисахъ подготовительной работы Шиллера. Въ „Skizzenblätter“ (p. 83 — 113) поэтъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на сценахъ въ Самборѣ, которыя онъ обработываетъ въ цѣломъ рядѣ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, эскизовъ и повторяющихъ, въ сущности говоря, одно и то же

---

[1]) „Die fingierte Geschichte“ создалась, по мнѣнію Кеттнера, подъ вліяніемъ сочиненія Трейера и Гревенбрука, а также повѣсти Ларошеля (Einleitung, p. XXVIII — XXIX). Подобный же разказъ о спасеніи царевича наставникомъ Симеономъ, мы находимъ у Паерле (George Paerle, Versuch einer neuen Einleitung in die Russische Geschichte 1773 г.), см. *Устряловъ*, въ указанн. сочиненіи, I, p. 154. Что касается до „злаго чернеца“, который по первоначальному проекту Шиллера былъ главнымъ fabricator'омъ doli, то о немъ говорятъ Петрей, Беръ, Маржеретъ и Трейеръ, при чемъ послѣдніе три называютъ этого монаха Отрепьевымъ, тогда какъ Петрей зоветъ Griska Utrepeia самого самозванца. У Шиллера мы тоже встрѣчаемъ подобное искаженіе имени Отрепьева, p. 179, 232.

Библиотека "Руниверс"

содержаніе. Эти эскизы служатъ нагляднымъ доказательствомъ удивительной добросовѣстности и крайней строгости къ себѣ поэта. Малѣйшая недосказанность или неясность изложенія содержанія той или другой сцены заставляютъ Шиллера снова пересказывать и излагать ихъ. Такихъ пересказовъ содержанія сценъ въ Самборѣ мы насчитываемъ до десяти; они занимаютъ 19 страницъ изъ 29 этого отдѣла черновыхъ матеріаловъ; остальныя десять посвящены выясненію главнѣйшихъ моментовъ драматическаго дѣйствія послѣдующихъ актовъ.

Въ „Scenar" (pp. 114—167), Шиллеръ весьма обстоятельно излагаетъ содержаніе всей піесы въ формѣ эпическаго разказа, начиная опять таки съ пребыванія лже-Димитрія въ домѣ Сендомирскаго воеводы до самой его смерти. Весь этотъ разказъ представляетъ изъ себя рядъ, расположенныхъ въ строгой послѣдовательности, описаній, при чемъ каждое изъ нихъ, какъ законченное цѣлое, имѣетъ свое особое заглавіе: „Demetrius unerkannt zu Sambor", „Russische Ankömmlinge", „Das Kleinod", „Marfa im Kloster", „Boris stirbt", „Demetrius in Tula" etc. Шиллеръ имѣлъ въ виду, по первоначальному плану, начать свою піесу съ изображенія героя въ положеніи слуги у Сендомирскаго воеводы и приступилъ уже къ драматической обработкѣ „сценъ въ Самборѣ"—часть ихъ написана стихами — но, руководясь, вѣроятно, замѣчаніями Гёте, онъ рѣшается затѣмъ пожертвовать этими сценами ради стройности піесы и открыть ее прямо сценою на краковскомъ сеймѣ. По предположенію Кеттнера, къ этому рѣшенію Шиллеръ пришелъ въ мартѣ 1805 г. (Einleitung, p. XXI). Въ матеріалахъ Шиллера мы находимъ еще два наброска въ прозѣ (Entwürfe zum Act I und II, p. 168—196), которые легли въ основаніе стихотворной и, надо думать, окончательной редакціи перваго и большей части втораго актовъ драмы Шиллера.

IV.

Переходя теперь къ изложенію содержанія драмы Шиллера, мы остановимся прежде всего на „сценахъ въ Самборѣ", которыя хотя и были вычеркнуты самимъ авторомъ, но заслуживаютъ нашего вниманія уже по одному тому, что Шиллеръ такъ долго и съ такою любовью работалъ надъ ними. Кромѣ того, эти сцены заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для характеристики героя и героини, а потому намъ кажется, что Лейтцманъ справедливо сожалѣетъ, въ противоположность Кеттнеру, объ исключеніи изъ піесы этого „очаровательно

Библиотека "Руниверс"

задуманнаго и, въ сущности говоря, въ психологическомъ отношеніи необходимаго дѣйствія въ Самборѣ" (Samboract)[1]). Нашъ герой живетъ въ домѣ Сендомирскаго воеводы, въ качествѣ слуги, подъ названіемъ Гришки (Griska), но „служба, которую онъ здѣсь несетъ", замѣчаетъ Шиллеръ, „не должна быть унизительна". Никто не знаетъ, кто онъ, да и самъ Гришка имѣетъ весьма смутное представленіе о своемъ происхожденіи. Извѣстно только, что онъ русскій, и что онъ бѣжалъ въ Польшу изъ монастыря, аскетическій режимъ котораго слишкомъ стѣснялъ его бурную и страстную натуру. И въ самомъ дѣлѣ его характеръ, наклонности и вкусы находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ монашескимъ званіемъ. „Онъ смѣлъ и отваженъ, умъ его переполненъ самыми благородными стремленіями, онъ упрямъ и вѣжливъ. Въ немъ чувствуется неукротимый, дикій, независимый духъ, который вовсе не свойственъ тому положенію, въ которомъ мы его находимъ. Онъ былъ монахомъ, а выглядитъ рыцаремъ. Онъ является въ качествѣ слуги, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ проглядываетъ что-то царское, властное". „Онъ проявляетъ способность къ всевозможнымъ рыцарскимъ упражненіямъ, укрощаетъ самыхъ дикихъ коней, палитъ изъ пушекъ, знакомъ съ исторіею своей страны, освѣдомленъ о всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ... Этотъ юноша въ продолженіе дѣйствія піесы долженъ сдѣлаться русскимъ царемъ и сыномъ Грознаго" (p. 89). „Какъ иностранецъ и гражданинъ враждебной страны, какъ авантюристъ и бѣглый монахъ, онъ вызываетъ среди поляковъ самое презрительное къ себѣ отношеніе". На его сторонѣ только самъ воевода и женщины, которымъ нравится его храбрость и ловкость. Въ особенности горячо привязалась къ нему Лодоиска, дочь одного изъ служащихъ въ домѣ воеводы. Но герой нашъ не замѣчаетъ ея любви, онъ мѣтитъ выше и увлеченъ младшею дочерью воеводы, прекрасною Мариною. Гордая панна также не остается къ нему равнодушною вопреки насмѣшкамъ и упрекамъ старшихъ сестеръ, которыя не могутъ ей простить ея явнаго предпочтенія бѣглаго русскаго монаха и слугу передъ женихомъ-палатиномъ. А, по мнѣнію Марины, только два главныхъ интереса въ жизни: „любовь и величіе" (p. 223). „Кругъ, въ которомъ она живетъ, слишкомъ для нея тѣсенъ и малъ; она стремится вырваться изъ пустой повседневности жизни... Она подобна орлу, который видитъ себя пойманнымъ въ тѣсной клѣткѣ. Въ этомъ неспокойномъ

[1]) *Leitzmann*, ibidem, p. 533.

Библиотека "Руниверс"

настроеніи ее занимаетъ любовь Гришки. Она видитъ въ немъ существо, которымъ она можетъ повелѣвать; ей льститъ его преклоненіе, потому что онъ уменъ, всѣмъ нравится, между всѣми женщинами отличаетъ ее и изъ всѣхъ мужчинъ одинъ ее понимаетъ" (р. 107—108). Женихъ Марины замѣчаетъ любовь Гришки. Пораженный дерзостью слуги, онъ требуетъ, чтобы Гришка не смѣлъ попадаться ему на глаза, глумится надъ нимъ, собирается ударить его и наконецъ заставляетъ нашего героя выхватить шпагу, на которую палатинъ въ ярости самъ же натыкается и тутъ же падаетъ мертвымъ. На шумъ и крикъ сбѣгается вся челядь, а затѣмъ и самъ воевода, который даетъ приказъ о заключеніи Гришки въ темницу. Въ это время въ домъ воеводы, совершенно случайно, заходятъ нѣсколько русскихъ бояръ, которые разказываютъ, что ихъ принудили бѣжать изъ отечества на чужбину преслѣдованія царя Бориса. Воевода узнаетъ отъ русскихъ, что Борисъ велѣлъ убить царевича Димитрія, но что замыселъ его не удался — въ народѣ ходятъ слухи о томъ, что царевичъ живъ; и эти слухи приводятъ царя въ великое смущеніе. Ихъ разговоръ прерывается появленіемъ Марины и Лодоиски, которыя пришли показать нагрудный крестъ Гришки, подаренный имъ Лодоискѣ. Предметъ этотъ сразу обращаетъ на себя вниманіе русскихъ, которые признаютъ въ немъ крестъ царевича Димитрія. Воевода разказываетъ о только что случившемся съ его слугою Гришкою. Живо заинтересованные этимъ разказомъ, русскіе начинаютъ допрашивать, кто и откуда этотъ юноша, съ которыхъ поръ онъ живетъ здѣсь, въ Самборѣ. Воевода и дѣвушки съ трудомъ успѣваютъ отвѣчать на ихъ вопросы, и съ каждымъ отвѣтомъ удивленіе русскихъ все растетъ и растетъ. Они просятъ воеводу повести ихъ въ темницу къ заключенному юношѣ. При первомъ же взглядѣ на него русскіе замѣчаютъ его благородную внѣшность, поразительное сходство съ царевичемъ Димитріемъ. На него сыплется градъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчаетъ совершенно спокойно. Русскіе спрашиваютъ Гришку, какимъ образомъ попалъ къ нему этотъ крестъ, на что послѣдній отвѣчаетъ, что этотъ предметъ никогда не покидалъ его. Гришка показываетъ посѣтителямъ псалтирь, подаренный ему архимандритомъ, въ которомъ сдѣлана какая-то греческая надпись, для него непонятная, по незнанію греческаго языка. Одинъ изъ русскихъ лихорадочно схватываетъ псалтирь и читаетъ, что владѣлецъ этой книги и есть царевичъ Димитрій, чудесно спасенный отъ руки убійцы. „Послѣ случившагося признанія", замѣчаетъ Шиллеръ, „у присутствующихъ не должно оста-

Библиотека "Руниверс"

ваться никакаго сомнѣнія (въ томъ, что Гришка—истинный царевичъ Димитрій), и если возможно даже самъ зритель въ это мгновеніе долженъ вѣрить въ Димитрія. Въ особенности же долженъ быть убѣжденъ въ себѣ самъ герой, и эта вѣра имѣетъ такое дѣйствіе на зрителя, что, несмотря на его сомнѣнія, онъ поневолѣ увлекается ею" (p. 127). Димитрій ошеломленъ событіемъ, сдѣлавшимъ его изъ ничтожнаго слуги могучимъ монархомъ. Но онъ скоро приходитъ въ себя и все темное въ его прошедшемъ становится для него теперь яснымъ. Пелена спала съ глазъ. Онъ начинаетъ припоминать Угличскій пожаръ, свое бѣгство изъ этого города въ ту ужасную ночь, о томъ, что его неоднократно когда-то называли царскимъ сыномъ, но въ то время онъ принималъ эти слова за насмѣшку. Теперь признанный царевичемъ, онъ не находитъ нужнымъ скрывать своего чувства къ Маринѣ. Въ отвѣтъ на его горячее признаніе, Марина даетъ ему понять, что она готова быть его женою, но только тогда, когда онъ осуществитъ свои права на русскій престолъ. Съ этихъ поръ Марина становится главнымъ двигателемъ всего предпріятія. „Въ ней достаточно величія", замѣчаетъ Шиллеръ, „для трагическаго характера. Она воспринимаетъ смѣлыя идеи, умѣетъ пріискать средства для ихъ выполненія, не страшится никакого препятствія и заранѣе предвидитъ рядъ необходимыхъ мѣропріятій. Она даетъ рѣшимость колеблющимся, подбадриваетъ Димитрія, убѣждаетъ отца, увлекаетъ всѣхъ къ дѣйствію и однимъ словомъ являетъ себя рожденною для великой роли. Благодаря этой прекрасной сторонѣ ея характера, она представляется намъ въ высшей степени интересною и привлекательною, но, какъ гордое и честолюбивое существо. единственно занятое своими цѣлями, она не знаетъ любви, не знаетъ жалости"... (p. 107). Самъ Димитрій для нея только средство къ достиженію своихъ честолюбивыхъ цѣлей; ей не нужно вѣрить въ него.

Послѣ указанной сцены признанія героя царевичемъ, должны были слѣдовать сцена въ корчмѣ, гдѣ Марина убѣждаетъ шляхтичей принять участіе въ борьбѣ Димитрія съ Борисомъ за русскій престолъ, сцена заключенія брачнаго договора между Димитріемъ и Мариною, сцена между Мариною и ея отцомъ, котораго она уговариваетъ не безпокоиться насчетъ успѣха задуманнаго дѣла, и наконецъ заключительная сцена прощанія Димитрія съ Лодоискою. Первыя три изъ указанныхъ нами сценъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, включены въ первое дѣйствіе піесы окончательной редакціи — о нихъ будетъ рѣчь ниже. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о сценѣ про-

Библиотека "Руниверс"

щанія Димитрія съ Лодоиской, которая была обработана Шиллеромъ въ стихотворной формѣ. Лодоиска—полный контрастъ Марины; ея любовь къ Димитрію вполнѣ безкорыстна и безпритязательна. Во время прощанія съ нимъ у ней невольно вырывается робкое признаніе въ любви, которое удивляетъ и трогаетъ героя. Страстный порывъ охватываетъ его; онъ стремительно подходитъ, хочетъ обнять ее, но, вспомнивъ, что судьбою ему назначено быть московскимъ царемъ, быстро овладѣваетъ собою и поспѣшно удаляется. Лодоиска успѣваетъ только заручиться его обѣщаніемъ взять съ собою ея любимаго брата Казимира, съ которымъ она проситъ его никогда не разставаться. Таково содержаніе перваго дѣйствія или пролога по первоначальному замыслу поэта.

V.

При изложеніи содержанія перваго дѣйствія и большей части втораго въ окончательной редакціи, мы будемъ пользоваться переводомъ Л. А. Мея, который справедливо почитается однимъ изъ лучшихъ нашихъ переводчиковъ, но, къ сожалѣнію, онъ перевелъ драматическій отрывокъ Шиллера по единственно имѣвшемуся тогда изданію Кёрнера, многія неточности котораго были исправлены послѣдующими издателями Шиллеровскаго текста, Гедеке и Кеттнеромъ; кромѣ того въ переводѣ Мея мы нерѣдко встрѣчаемъ не вполнѣ точную передачу стиховъ великаго нѣмецкаго поэта, но эти погрѣшности переводчика, спѣшимъ оговориться, не настолько велики, чтобы лишить читателя возможности представить себѣ всю красоту и поэзію драматическаго отрывка Шиллера.

„При поднятіи занавѣса открывается большая зала сената, въ которой засѣдаетъ собраніе польскихъ государственныхъ чиновъ". Тутъ присутствуетъ и король и примасъ королевства—архіепископъ Гнѣзненскій, епископы, палатины, кастеланы и множество выборныхъ отъ шляхты. Сеймъ близится къ концу. Архіепископъ Гнѣзненскій предлагаетъ собранію выслушать Димитрія, претендующаго на русской престолъ. Всѣ согласны слушать его, за исключеніемъ Льва Сапѣги, который, въ качествѣ посла Рѣчи Посполитой, ѣздилъ въ Москву заключить съ царемъ Борисомъ мирный договоръ на 20 лѣтъ. Но вопреки протесту Сапѣги „великій коронный маршалъ даетъ придвернику знакъ своимъ жезломъ", и Димитрій входитъ. Рѣчь, которую онъ говоритъ здѣсь, не заключаетъ въ себѣ ничего

Библиотека "Руниверс"

для насъ новаго. Все то, что должно было произойдти на глазахъ у зрителей въ извѣстныхъ уже намъ сценахъ въ Самборѣ, дѣлается теперь предметомъ повѣствованія, влагается въ уста Димитрія. Замѣтимъ только, что признаніе героя царевичемъ Димитріемъ въ его рѣчи передъ сеймомъ происходитъ при нѣсколько иной обстановкѣ, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ уже нами Самборскихъ сценахъ. Димитрія признаютъ царевичемъ не въ тюрьмѣ, а въ тотъ моментъ, когда „онъ уже преклонилъ колѣна передъ плахою и шею подъ ударъ меча подставилъ". Присутствующіе при этомъ русскіе бояре замѣчаютъ на его шеѣ золотой крестъ, украшенный девятью изумрудами и аметистами, который тотчасъ же признаютъ за крестъ, возложенный на царевича Димитрія его крестнымъ отцомъ княземъ Мстиславскимъ. Рѣчь Димитрія, благодаря ея искреннему тону, глубокой вѣрѣ въ правоту своихъ стремленій, производитъ сильное впечатлѣніе на собраніе.

„Не по примѣтамъ, можетъ быть, обманнымъ, (говоритъ онъ)
„А по біенію собственнаго сердца,
„Я узнаю наслѣдственную кровь.
„И ужъ скорѣй ее пролью по каплѣ,
„Чѣмъ уступлю права на мой вѣнецъ".

Послѣ Димитрія, въ качествѣ оратора, выступаетъ предсѣдатель собранія, архіепископъ Гнѣзненскій; онъ даетъ заключеніе по этому дѣлу и первый высказывается въ пользу нашего героя. Все собраніе живо присоединяется къ своему предсѣдателю. Одинъ только голосъ Сапѣги раздается диссонансомъ въ этомъ согласномъ хорѣ. Послѣдній проситъ собраніе повременить, прежде чѣмъ сказать послѣднее слово. На это Одоевскій (у Шиллера Одовальскій) [1]) спѣшитъ возразить: „Здѣсь не Москва, страхъ предъ тираномъ здѣсь не сковываетъ свободныя души. Здѣсь правда можетъ выступать съ высокоподнятымъ челомъ. Я не хочу думать, благородные господа, что даже здѣсь, на польскомъ сеймѣ, въ Краковѣ, московскій царь имѣетъ своихъ холоповъ" (Demetrius, изд. Кеттнера, p. 15) [2]). Го-

---

[1]) Одоевскій—тайный клевретъ Марины на сеймѣ.

[2]) Здѣсь Мей уклоняется отъ текста Шиллера, который мы перевели дословно. Вотъ что у него говоритъ Одоевскій:

„Здѣсь не *орда;* здѣсь горло не затянетъ,
„За слово правды *ханская* веревка.
„Здѣсь истина чела не потупляетъ.
„Надѣюсь, что въ собраньи благородномъ

Библиотека "Руниверс"

лосъ Сапѣги оказался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Димитрій благодаритъ собраніе за „признанную истину", но одного признанія ему мало; ему нужна реальная помощь въ борьбѣ съ Борисомъ.

Онъ обращается къ королю, сенаторамъ, палатинамъ, кастеланамъ и говоритъ, что наступилъ „удобный мигъ слить два народа воедино". Онъ старается увлечь шляхтичей обѣщаніемъ щедрыхъ наградъ. Его зажигательныя слова, умѣло пущенныя въ эту жадную до добычи толпу шляхтичей, приводятъ ее въ неистовство. Со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „Война, война съ Москвою!" Сапѣга проситъ слова—онъ напоминаетъ обезумѣвшему собранію о двадцатилѣтнемъ перемиріи съ Москвою. Тогда Димитрій съ чувствомъ внутренняго убѣжденія гордо возражаетъ ему:

„Князь Левъ Сапѣга! Вы намъ говорите,
„Что миръ съ царемъ московскимъ заключили?
„Неправда: царь одинъ московскій—я.
„Во мнѣ Москвы величіе; за мною
„Наслѣдная держава Іоанна...
„Коль поляки миръ съ Русью заключатъ,
„Такъ заключатъ съ ея царемъ законнымъ".

Но Сапѣга не въ силахъ сдержать своего негодованія. Обманъ для него слишкомъ очевиденъ. Неужели, говоритъ онъ, всѣ такъ ослѣплены, а, можетъ быть, такъ искусно притворяются и не хотятъ видѣть, что все собраніе—игрушка въ рукахъ хитраго воеводы, „сочинившаго имъ русскаго царя". Что ему мнѣніе большинства? „Разумъ всегда былъ удѣломъ лишь немногихъ, голоса должно взвѣшивать, а не считать. Пусть всѣ согласны, я говорю—нѣтъ, я говорю—veto, я срываю сеймъ" [1]). Тутъ начинается въ собраніи невообразимый хаосъ. Король поспѣшно покидаетъ свой тронъ. Кричатъ: „долой Сапѣгу, долой его! Рубите на куски!" На него накидываются съ саблями. Сапѣга выхватываетъ свою. Архіепископъ Гнѣзненскій съ кре-

---

„Здѣсь, въ Краковѣ, на главномъ польскомъ сеймѣ,
„Ни одного нѣтъ *ханскаго* холопа"

Шиллеръ, какъ извѣстно, при обработкѣ сцены краковскаго сейма имѣлъ именно въ виду показать контрастъ между ограниченною властью польскаго короля и неограниченнымъ господствомъ русскаго царя. (Изд. Кеттнера, Scenar, p. 136). Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говоритъ: „Ungeheur Abstand der Pohlen und Russen ist darzustellen, jene frei unabhängig, diese knechtisch, unterwürfig". (Studienheft, p. 210).

[1]) Мей переводитъ слово Mehrzahl не большинство, а видимость.

Библиотека "Руниверс"

стомъ въ рукахъ становится между сражающимися. Едва, едва удается епископамъ удалить разсвирѣпѣвшаго Сапѣгу.

Залъ понемногу пустѣетъ. Остаются лишь Димитрій, Мнишекъ [1]), Одоевскій и казачій атаманъ. Входитъ король Сигизмундъ, который пришелъ обнять и поздравить Димитрія; онъ очень сожалѣетъ, что послѣднему не удалось добиться офиціальной поддержки Польши въ войнѣ съ Борисомъ, но, по его мнѣнію, царевичъ достаточно силенъ имѣя казаковъ и съ тѣмъ войскомъ, которое снарядитъ ему могучій Сендомирскій воевода. Между тѣмъ появляется Марина, и король соединяетъ руки невѣсты и жениха, который даетъ торжественную клятву [2]) возвести ее на московскій престолъ и принести ей въ даръ Псковъ и „Новый Городъ" со всѣми окрестными селами, а „благородному воеводѣ" за помощь „милліонъ дукатовъ польскаго чекана". Эта клятва, произнесенная Димитріемъ въ присутствіи короля, замѣняетъ сцену заключенія брачнаго договора, о которой мы упоминали выше при изученіи перваго дѣйствія въ первоначальной редакціи. Въ разговорѣ съ королемъ Димитрій высказываетъ намѣреніе перенести въ свое отечество ту свободу, съ которою онъ познакомился въ Польшѣ. По этому поводу старый король даетъ ему три совѣта: 1) уважать мѣстные обычаи, 2) не забывать услуги, оказанной Польшею, но, прибавляетъ онъ:

„Помните, что подражать не надо,
„Обычай чуждый для страны не въ прокъ.
и 3) „Къ чему-бъ ни приступали,
„У матери своей благословитесь".

Послѣднія сцены этого акта посвящены характеристикѣ Марины, съ которою, благодаря отсутствію сценъ въ Самборѣ, читатель еще не знакомъ. Мы видимъ Марину сначала съ Одоевскимъ, безумно влюбленнымъ въ нее шляхтичемъ, который поневолѣ долженъ довольствоваться ролью ея повѣреннаго. Изъ ея разговора съ нимъ

---

[1]) У Мея и Кернера мы читаемъ „Мнишекъ"; въ изданіи Гедеке и Кеттнера „Мейшекъ".

[2]) У Мея сказано м. п.

„Я лучшій фантъ теперь вамъ вынимаю,
„Богиню счастія...

У Шиллера сказано:

„So führ ich euch in diesem schönen Pfande
„Des Glückes heitre Göttinn zu".

Библиотека "Руниверс"

ясно, что она вовсе не убѣждена въ томъ, что ея женихъ истинный царевичъ. Ея пытливый умъ проникаетъ даже въ душу короля Сигизмунда:

„Король его считаетъ вовсе ложнымъ,
„Я вижу пресвѣтлѣйшаго насквозь,
„Игра съ Сапѣгой тайная, и только".

Марина даетъ Одоевскому приказъ вести войско въ Кіевъ, гдѣ оно должно присягнуть царевичу и ей, Маринѣ.

„Мнѣ, слышите, необходимо нужно".

Она требуетъ, чтобы Одоевскій не отлучался отъ Димитрія ни на шагъ, чтобы онъ обо всемъ доводилъ до ея свѣдѣнія. Сцена заканчивается восторженными криками собравшихся шляхтичей: „Vivat Maria, Russiae Regina!" Заключительная сцена 1-го акта происходитъ между Мариною и ея отцомъ, который упрекаетъ дочь за ея крайнее честолюбіе, вовлекшее его въ это рискованное предпріятіе. Марина успокаиваетъ воеводу, рисуя ему картины заманчиваго будущаго. Она находится въ состояніи крайней экзальтаціи. Честолюбивые замыслы не даютъ ей покоя. Она мечтаетъ присоединить къ своимъ владѣніямъ и Кіевъ, который въ то время принадлежалъ Польшѣ:

„Я лѣтопись старинную читала
„И вникла: онъ отъ русскаго княженія
„Оторванъ—надо и назадъ отдать".

VI.

„Послѣ оживленной картины польскаго сейма", говоритъ Шиллеръ, „непосредственно слѣдуетъ, составляя полнѣйшій контрастъ, картина пустынной, созерцательной и уединенной монастырской жизни на берегу Бѣлаго озера". Мы видимъ мать царевича Димитрія—инокиню Марѳу, въ тоскѣ склонившуюся надъ надгробнымъ памятникомъ. Монахиня Ольга увѣщеваетъ ее перестать „оплакивать потеряннаго сына и прежнее величіе", совѣтуетъ обратить свой взоръ на весеннее пробужденіе природы, которое вселяетъ въ сердца людей радость и бодрость. Но Марѳа остается неутѣшною; не даромъ, говоритъ она, „годы всю ее окаменили". Разговоръ ихъ прерывается появленіемъ маленькаго рыбака, который, благодаря открывшейся навигаціи, при-

Библиотека "Руниверс"

несъ въ монастырь свѣжія новости [1]): онъ сообщаетъ о томъ, что царевичъ Димитрій живъ. Эти слова рыбака долетаютъ до Марѳы и производятъ на нее сильное впечатлѣніе. Она знаетъ, что эта новость не болѣе, какъ греза, но даже, какъ обманъ, она тревожитъ ея духъ. Въ это время пріѣзжаетъ въ монастырь архіепископъ (патріархъ Іовъ), который, по повелѣнію царя Бориса, желаетъ говорить съ инокинею Марѳою. Ихъ діалогъ представляется въ высшей степени интереснымъ. Царь послалъ Іова увѣдомить Марѳу о томъ, что какой-то проходимецъ выдаетъ себя за ея умершаго сына, и проситъ ее, во избѣжаніе народныхъ волненій, объявить, что сынъ ея давно умеръ, а тотъ, который приближается къ Чернигову,—обманщикъ. Едва сдерживая свое волненіе, Марѳа задаетъ Іову рядъ вопросовъ о Самозванцѣ, на которые архіепископъ отвѣчаетъ все то, что намъ уже извѣстно изъ перваго дѣйствія. Каково же его удивленіе, когда изъ груди Марѳы вырывается радостный крикъ и когда она, вся охваченная энтузіазмомъ, восклицаетъ:

„Мнѣ сынъ онъ! Я по признакамъ всѣмъ знаю
„И признаю... хоть по боязни царской...
„Онъ, самый онъ! Онъ живъ! Онъ недалеко!
„Долой, тиранъ, съ престола! Трепещи!
„Въ конецъ не сгибла Рюрикова отрасль.
„И царь грядетъ, наслѣдный царь грядетъ,
„Спросить у вѣрноподданныхъ отчета“.

Она не въ силахъ сдержать всей злобы на Бориса, которая въ теченіе столькихъ лѣтъ накипѣла у нея на сердцѣ. Теперь Борисъ въ ея власти. Ему нужно ея слово, отъ котораго зависитъ успѣхъ предпріятія его врага. Неужели она пойдетъ противъ сына, котораго ей возвращаетъ небо? Она дѣйствительно шестнадцать лѣтъ оплакивала его, но мертвымъ его не видала, а повѣрила всеобщей молвѣ точно такъ же, какъ она теперь вѣритъ молвѣ о томъ, что онъ живъ.

„Но, еслибъ я“, говоритъ она, „подъ сердцемъ не носила
„Его, теперь подъ сердцемъ мщенье носитъ
„Его же“.

---

[1]) Рыбакъ разказываетъ также о прибытіи впервые англійскаго корабля въ Архангельскъ. Здѣсь Шиллеръ допустилъ анахронизмъ. Первый англійскій корабль появился въ Архангельскѣ еще при Іоаннѣ Грозномъ въ 1553 г., о чемъ поэтъ могъ узнать у Левека и Миллера (*Кеттнеръ*, ibidem, Einleitung, p. XL—XLI).

Библиотека "Руниверс"

Іовъ напоминаетъ Мареѣ, что борьба съ Борисомъ неровная, что и въ этой мирной обители ей не укрыться отъ его сильной руки. Эти угрозы ей не страшны. Борисъ можетъ убить ее, но онъ не въ силахъ заставить ее сказать то, чего она не хочетъ.

Оставшись одна, Мареа произноситъ монологъ удивительной силы и красоты, который, по справедливому мнѣнію изслѣдователей, почитается самымъ художественнымъ мѣстомъ въ драматическомъ отрывкѣ Шиллера. Бесѣда съ Іовомъ произвела въ Мареѣ огромную перемѣну. Изъ застывшей, „окаменѣлой", безучастной ко всѣмъ радостямъ жизни монахини она снова превращается въ жизнерадостную женщину и царицу. Ледяныя оковы, наложенныя на нее годами заточенія и безъисходнаго горя, таятъ подъ вліяніемъ блеснувшаго ей луча надежды увидѣть дорогаго сына. Жажда жизни, жажда власти, жажда мести пробуждается въ ней. Она находится въ состояніи высокой экзальтаціи:

„Онъ! Онъ! Идетъ сюда вооруженный,
„Спасти меня и отомстить врагу!..
„Я слышу звуки громкихъ трубъ и бубновъ!
„Сбирайтеся отъ сѣвера и юга,
„Изъ всѣхъ степей, изъ вѣковыхъ лѣсовъ,
„Всѣ языки державному навстрѣчу".

Она проситъ „солнце вѣковѣчное снести ему ея желанія"; она проситъ „воздухъ необъятный и летучій вѣять на него ея благословеніемъ"; она шлетъ „изъ глубины душевной" въ „высь неба" молитвы, чтобы небесныя воинства помогли ея „возлюбленному сыну".

„Изъ пасмурной монастырской обстановки мы непосредственно переносимся въ веселую открытую мѣстность, гдѣ Димитрій со своимъ войскомъ вступаетъ въ предѣлы Россіи" (р. 99). Чудная весенняя пора [1]). Димитрій смотритъ съ пригорка на разстилающуюся передъ его глазами безграничную даль широко развернувшейся Руси. Онъ видитъ вдали Черниговъ, даже Новгородъ-Сѣверскій (который виденъ ему, разумѣется, только благодаря не совсѣмъ точному представленію Шиллера о картѣ Россіи). Долго стоитъ онъ, очарованный роскошнымъ видомъ, а затѣмъ грустно задумавшись. Одоевскій спра-

---

[1]) Здѣсь Шиллеръ отступаетъ отъ исторіи. Димитрій вступилъ въ Россію не весною, а осенью 1604 г.

Библиотека "Руниверс"

шиваетъ о причинѣ его грусти. Димитрій отвѣчаетъ ему прекраснымъ монологомъ:

„...Послушай!
„Вѣдь ты полякъ, а я москвичъ природный.
„Вѣдь это все, все—родина моя".

Онъ проситъ свою отчизну простить его за то, „что съ оружіемъ враждебнымъ онъ насильственно входитъ въ мирный храмъ, чтобы возвратить свое законное право". На этомъ монологѣ обрывается второй выходъ втораго акта. Шиллеръ первоначально предполагалъ внести тутъ молитву Димитрія о ниспосланіи ему помощи, если небо считаетъ его притязанія справедливыми. Съ этою молитвою Шиллеръ могъ познакомиться у Миллера, у котораго Димитрій во всеуслышаніе произноситъ ее передъ своимъ войскомъ въ началѣ битвы [1]).

Эта молитва какъ нельзя болѣе подходитъ къ изображенному Шиллеромъ характеру Димитрія, который до Тульскаго свиданія съ fabricator'омъ doli самъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ законный наслѣдникъ русскаго престола. „Онъ вѣритъ въ самого себя", замѣчаетъ Шиллеръ, „съ этою вѣрою онъ дѣйствуетъ и отсюда вытекаетъ трагизмъ". Поэтъ предпочелъ, однако, перенести эту молитву въ другую сцену того же акта, передъ битвою (p. 143).

Третій выходъ II дѣйствія изображаетъ русское село. Звучитъ набатъ. Крестьяне собираются на сходку. Въ это время пробѣгаетъ толпа крестьянъ, спасающихся отъ поляковъ въ лагерь Бориса. Навстрѣчу имъ бѣгутъ крестьяне другой деревни съ крикомъ: „Да здравствуетъ на вѣки великій князь Димитрій!" На сценѣ страшное смятеніе. Въ изданіи Кернера, а также въ переводѣ Мея этою сценою заканчивается драматическій отрывокъ Шиллера. У Гедеке же и у Кеттнера въ этой сценѣ появляется еще посадникъ, который читаетъ народу манифестъ: „Божіею милостью Димитрія Ивановича, царевича всея Россіи". „Цѣль этой сцены", замѣчаетъ Шиллеръ, „показать, какъ быстро все волшебное и чудесное принимается простымъ народомъ... какъ здѣсь, такъ и по всей Россіи происходитъ то же самое" (p. 143).

Намъ остается еще упомянуть о двухъ сценахъ этого акта. Мы должны замѣтить, что съ этого момента при изложеніи содержанія піесы Шиллера намъ приходится оперировать уже не надъ сценами, обработанными въ окончательной формѣ, а надъ эскизами и набро-

---

[1]) *Kettner*, Einleitung, XLV. Де-Ту тоже говоритъ объ этой молитвѣ.

Библиотека "Руниверс"

скамя. Наше изложеніе поневолѣ принимаетъ нѣсколько гадательный характеръ. Въ первой изъ этихъ сценъ мы видимъ лагерь войска Бориса. Между полководцами идутъ ссоры и недоразумѣнія. Самъ Борисъ отсутствуетъ. Одинъ изъ полководцевъ, а именно Салтыковъ, который въ драмѣ Шиллера играетъ роль историческаго Басманова думаетъ о переходѣ на сторону Димитрія. Въ послѣдней сценѣ мы переносимся въ лагерь Димитрія. Армія Бориса только что нанесла ему пораженіе. Онъ самъ едва-едва спасся, и печальный исходъ первой же битвы производитъ на него самое тягостное впечатлѣніе. Онъ хочетъ покончить съ собою. Съ трудомъ удается Одоевскому и казачьему атаману удержать его отъ этого поступка. Съ переходомъ Салтыкова на сторону Димитрія, удача снова возвращается къ Самозванцу. Надо полагать, что въ эту именно сцену Шиллеръ и задумалъ внести молитву героя, о которой мы говорили выше.

VII.

Въ рамки III-го акта Шиллеръ предполагалъ включить сцены, группирующіяся вокругъ слѣдующихъ моментовъ драматическаго дѣйствія піесы: смерть царя Бориса, свиданіе Димитрія съ главнымъ авторомъ обмана, свиданіе его же съ Марѳою и торжественный въѣздъ нашего героя въ Москву. Въ черновыхъ матеріалахъ поэта мы находимъ перечень сценъ первыхъ трехъ дѣйствій его драмы, въ которомъ точно опредѣленъ порядокъ сценъ и этого дѣйствія. Самъ Борисъ не появляется въ первой сценѣ, но мы уже знакомимся съ нимъ, съ его тягостнымъ душевнымъ настроеніемъ. „Царь видитъ, что народъ измѣнился къ нему, армія невѣрна, бояре помышляютъ объ измѣнѣ, фортуна отвернулась отъ него и ему враждебна — онъ падаетъ духомъ“. Борисъ охотно поѣхалъ бы къ войску, но онъ считаетъ для себя унизительнымъ принять личное участіе въ борьбѣ съ какимъ-то бродягою, а затѣмъ онъ боится покинуть Москву, гдѣ, по дошедшимъ до него слухамъ, начинаютъ вѣрить тому, что этотъ бродяга—истинный царевичъ Димитрій. „Волшебность и чудовищность этого событія, которымъ онъ сначала пренебрегъ и которое такъ ужасно разростается“, замѣчаетъ Шиллеръ, „увеличиваетъ его гнѣвъ и отчаяніе“. „Во всемъ этомъ есть что-то непонятное и роковое, передъ которымъ безсильны его умъ и мужество“ (p. 148). Вѣсти одна другой грустнѣе приходятъ въ Москву съ театра войны, но никто не

Библиотека "Руниверс"

рѣшается объявить ихъ царю, который еще такъ недавно и такъ круто расправился съ однимъ изъ злополучныхъ вѣстниковъ. Но вотъ появляется самъ царь, окруженный рындами гордый и величавый, какъ подобаетъ неограниченному монарху. Робко и съ трепетомъ сообщаютъ ему о прибытіи вѣстниковъ. Къ всеобщему удивленію, Борисъ спокойно и безъ гнѣва выслушиваетъ ихъ и даже награждаетъ ихъ царскимъ подаркомъ. Великая перемѣна произошла въ царѣ. Онъ овладѣлъ собою, но спокойствіе его только наружное, показное точно такъ же, какъ и его царское величіе, которое, по выраженію Шиллера, „nur Schein und Schatten". Онъ смертельно уязвленъ. Въ состояніи крайней возбужденности, онъ пробуетъ остріе своего кинжала; ему приходитъ мысль о самоубійствѣ. Въ слѣдующей сценѣ съ Аксиньею Шиллеръ знакомитъ насъ съ симпатичною стороною характера Бориса, который является передъ нами любящимъ отцомъ. Аксинью смѣняетъ патріархъ Іовъ, которому страждущій открываетъ свою наболѣвшую душу и сознается въ своемъ тяжкомъ преступленіи, въ убійствѣ царевича Димитрія, но неужели, спрашиваетъ онъ, нельзя искупить эту вину годами неустанной работы на пользу своего народа и добросовѣстнымъ выполненіемъ долга? Неужели ему суждено погибнуть въ борьбѣ съ скоморохомъ и обманщикомъ. „Патріархъ", говоритъ онъ, „это меня съ ума сводитъ". Но вотъ снова появляется вѣстникъ съ еще болѣе грустною новостью. Быть можетъ, онъ пришелъ сообщить царю о тайномъ возвращеніи въ Москву боярина Романова, котораго Борисъ такъ несправедливо преслѣдовалъ и пребываніе котораго въ Москвѣ въ это тревожное время ему кажется опаснымъ. Какъ суевѣрному человѣку, Годунову представляется, что этотъ вѣстникъ принесъ ему приговоръ судьбы. Въ это время царю приходится выслушать еще нѣсколько оскорбленій со стороны бояръ. Чаша страданій полна. Отчаяніе, постоянно возраставшее, достигло, наконецъ, того предѣла, когда жизнь становится тягостнымъ бременемъ и въ смерти человѣкъ видитъ конецъ своимъ невыносимымъ страданіямъ. Облекшись въ монашеское одѣяніе и удаливъ всѣхъ, царь Борисъ отравляется. „По своему уму и положенію", говоритъ Шиллеръ, „Борисъ выше всего, что его окружаетъ. Продолжительное пользованіе верховною властію, привычка господствовать надъ людьми и сама неограниченная форма правленія развили въ немъ гордость до того, что онъ не въ силахъ пережить своего величія. Эта гордость и страстная привязанность къ власти составляютъ источникъ и причину всѣхъ его ошибокъ и не-

Библиотека "Руниверс"

счастій... Эта гордость одна поднимаетъ несчастіе въ его глазахъ до такой высоты, что онъ приходитъ въ отчаяніе" (p. 150).

Шиллеръ сравниваетъ положеніе царя Бориса съ ролью Тальбота въ „Орлеанской Дѣвѣ". Подобно Борису, Тальботъ относится сначала скептически къ успѣхамъ Жанны Д'Аркъ. „Неужели", говоритъ онъ, „призракъ, страшный для черни, можетъ пугать полководцевъ?" „Неужели эта комедіантка (Gauklerin), играющая лишь роль героини, способна вызывать страхъ у истинныхъ героевъ?" Но впослѣдствіи, уже смертельно раненый, онъ убѣждается въ своемъ безсиліи въ борьбѣ съ судьбою, которая тяготѣетъ надъ англичанами. По словамъ Кеттнера, „въ трагической катастрофѣ Бориса Шиллеръ подчеркнулъ не столько месть Немезиды за убійство царевича, какъ въ числѣ другихъ полагаетъ Трейеръ, сколько гибель человѣка въ борьбѣ съ непобѣдимою судьбою. Человѣкъ, обладающій всѣми необходимыми для правителя способностями, исполнявшій всѣ обязанности вполнѣ добросовѣстно, видитъ свое дѣло проиграннымъ, какъ только какой-то юноша предъявляетъ къ нему требованіе на престолъ" [1]).

---

[1]) *Kettner*, ibidem, Einleitung, XLVI—XLVII. Вспомнимъ по этому поводу мнѣніе Полеваго. Сопоставляя пушкинскаго Бориса съ шиллеровскою характеристикою его, съ которою Полевой познакомился въ кёрнеровскомъ изданіи подготовительной работы къ „Димитрію", нашъ критикъ находитъ, что Шиллеръ „глубоко и поэтически понялъ и хотѣлъ изобразить Бориса", тогда какъ Пушкинъ, рабски слѣдуя Карамзину, „забылъ истинную причину паденія Бориса и успѣховъ Самозванца—буйную русскую олигархію"... „Вмѣсто того, чтобы изъ жребія Годунова извлечь ужасную борьбу человѣка съ судьбою, мы видимъ только приготовленіе его къ казни и слышимъ только стоны умирающаго преступника". Такимъ образомъ въ драмѣ Пушкина, по мнѣнію Полеваго, не что иное, какъ „Le dernier jour d'un condamné". Какъ извѣстно, Бѣлинскій держался того же мнѣнія на Бориса Годунова Пушкина. Пушкинъ, по его словамъ, „не проникъ въ тайны личности Годунова и поэтическимъ инстинктомъ не разгадалъ тайну его историческаго значенія", „Годуновъ его вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучитъ совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ нашелъ себѣ кару". Пушкинъ не понялъ Бориса „оттого, что онъ увлекся авторитетомъ Карамзина и безусловно покорился ему". Профессоръ И. Н. Ждановъ указалъ на несостоятельность мнѣній Полеваго и Бѣлинскаго о рабской зависимости Пушкина отъ Карамзина. Рядомъ сопоставленій драмы Пушкина съ исторіею Карамзина, И. Н. Ждановъ весьма убѣдительно доказалъ, что послѣдняя не была единственнымъ источникомъ пушкинскаго „Бориса Годунова", что „въ изображеніи судьбы царя Бориса Пушкинъ шелъ своею дорогою,—дорогою, на которой Карамзинъ не былъ и не могъ быть путеводителемъ". „Несчастія карамзинскаго Бориса,—замѣчаетъ изслѣдователь,—объясняются его болѣзненною подозрительностью, вызвавшею общее недовольство. Несчастія пушкинскаго Бориса объясняются историческими усло-

Библиотека "Руниверс"

По первоначальному замыслу Шиллера, Романовъ долженъ былъ застать царя Бориса въ живыхъ, но впослѣдствіи онъ измѣнилъ этотъ планъ. Романовъ предварительно посылаетъ гонца къ Борису съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, самъ же онъ появляется на сценѣ уже послѣ смерти царя, у трупа котораго онъ, по словамъ

віями, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, настроеніемъ боярства и народа" (*И. И. Ждановъ*, О драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ". Лекціи въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. 1892 г., стр. 12, 16, 36 и 37).

Присматриваясь къ внутренней сторонѣ катастрофы царя Бориса, къ отраженію ея въ душѣ царя, къ испытываемымъ имъ страданіямъ, мы видимъ, что Шиллеръ отмѣтилъ одну изъ причинъ, которая усугубляетъ въ глазахъ Годунова всѣ ниспосланныя ему судьбою несчастія и приводятъ его, наконецъ, къ рѣшенію покончить съ собою. Это—повышенное представленіе о своемъ превосходствѣ надъ всѣми, кто его окружаетъ, это—безпредѣльная гордость, это—страстная привязанность къ той безграничной власти, которой онъ достигъ, правда, черезъ преступленіе, но пользуясь которою въ теченіе всего царствованія онъ всячески старался загладить свою вину неустанными трудами на пользу своихъ подданныхъ. Съ этою колоссальною гордостью, съ этою ревнивою любовью царской власти мы не встрѣчаемся въ пушкинской характеристикѣ Бориса Годунова. Укажемъ еще на догадку одного нѣмецкаго изслѣдователя, Попека, о возможности знакомства Пушкина съ драматическимъ отрывкомъ Шиллера. Въ извѣстномъ уже намъ очеркѣ, Попекъ, говоря о Борисѣ Годуновѣ Пушкина, замѣчаетъ: „Manches werden wir bei Schiller wieder treffen, und man kann vermuthen dass der Dichter (то-есть, Пушкинъ) dessen Fragment (то-есть, Шиллера) gelesen hat" (p. 6). Свое мнѣніе онъ подтверждаетъ ссылкою на сходство сцены на русской границѣ у Шиллера со сценою на литовской границѣ въ русской драмѣ, а также указаніемъ на сходство въ характеристикѣ Марины у обоихъ поэтовъ. Едва ли, однако, возможно, предположить, чтобы Пушкинъ читалъ „Димитрія" Шиллера. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ его знакомство съ послѣднимъ произведеніемъ нѣмецкаго поэта. Но отмѣченное Попекомъ сходство въ характеристикѣ Марины у обоихъ поэтовъ и близость по содержанію обѣихъ „пограничныхъ" сценъ отрицать нельзя. Профессоръ Ждановъ указалъ, между прочимъ, на сходство пушкинской Марины съ ея изображеніемъ въ „Краткой повѣсти о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ" Щербатова. Припомнимъ, что фонъ-Вольцогенъ, въ числѣ другихъ сочиненій, рекомендовалъ Шиллеру познакомиться и съ этимъ трудомъ русскаго историка. Намъ неизвѣстно, воспользовался ли поэтъ указаніемъ своего зятя, который обѣщалъ ему привезти эту книгу съ собою изъ Петербурга. Очень можетъ быть, что фонъ-Вольцогенъ разказалъ ему содержаніе этаго сочиненія, такъ какъ Шиллеръ не могъ прочесть ее въ подлинникѣ. Впрочемъ, съ главнѣйшими чертами характера Марины Шиллеръ могъ познакомиться и у Трейера. Что касается до несомнѣннаго сходства въ указанныхъ Попекомъ сценахъ въ обѣихъ піесахъ, то таковое можетъ быть объяснено либо совпаденіемъ, либо общностью источниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Шиллера, „чуждый мести и честолюбія“, клянется въ вѣрности царскимъ дѣтямъ и заставляетъ бояръ присягнуть имъ. Изъ этой сцены зритель долженъ былъ узнать о взаимной любви Романова и Аксиньи. Въ одномъ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ поэтъ называетъ ихъ: „die liebenden, die reinen“ (p. 84). Поручивъ Аксинью и Ѳеодора попеченію бояръ, Романовъ спѣшитъ на театръ войны, но пріѣзжаетъ онъ туда уже, когда вся армія Бориса успѣла перейдти на сторону Димитрія.

Пока происходили описанныя событія въ Москвѣ, Димитрій уже успѣлъ дойдти до Тулы. Онъ на вершинѣ счастія. Все ему улыбается. Всѣ города, кромѣ Москвы, гдѣ еще сильно вліяніе Романова, сдаются ему. Ему приносятъ ключи отъ городовъ, царскія регалія и одѣянія. Всѣ привѣтствуютъ его, какъ солнце земли Русской. Съ искреннимъ сокрушеніемъ принимаетъ онъ вѣсть о смерти царя Бориса. Все обѣщаетъ въ немъ Россіи гуманнаго правителя. Отсюда, изъ Тулы, шлетъ онъ гонцовъ къ Мареѣ и Маринѣ. И вотъ въ это самое время, когда цѣль, къ которой онъ такъ страстно стремился, почти достигнута, когда всѣ препятствія устранены, какъ разъ въ это время появляется тотъ fabricator doli, о которомъ мы говорили выше. Въ Scenar, въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „Demetrius erfährt seine Geburt“ онъ обозначенъ буквою X, тогда какъ въ первомъ дѣйствіи окончательной редакціи Димитрій въ своей рѣчи на сеймѣ называетъ своего спасителя и наставника дьякомъ Андреемъ. Димитрій встрѣчается съ тѣмъ лицомъ, которое его воспитало; онъ удаляетъ всѣхъ и остается съ нимъ наединѣ. Димитрій чрезвычайно радъ ему, благодаритъ за его заботы по воспитанію — вѣдь онъ своему наставнику обязанъ счастливою перемѣною въ его жизни. „Да“, отвѣчаетъ ему тотъ, „я достоинъ хорошаго царскаго подарка, потому что я далъ тебѣ то, чего ты никогда не имѣлъ, на что никогда не смѣлъ надѣяться, чего не дала тебѣ природа... Весь свѣтъ принимаетъ тебя за сына Ивана, да и ты самъ, увѣренный въ томъ же, намѣренъ возложить на себя царскую корону. Ты не сынъ Ивана. Твое рожденіе не даетъ тебѣ на нее никакого права. Сынъ Ивана въ могилѣ... Всемъ ты обязанъ мнѣ. Послушай, какъ все это случилось“... И онъ разказываетъ, какъ онъ создалъ весь этотъ обманъ. Во время разказа Андрея страшная перемѣна происходитъ въ Димитріи. Овладѣвъ собою, онъ спрашиваетъ своего собесѣдника, извѣстна ли кому нибудь эта тайна, и, получивъ отвѣтъ, что всѣ, которые знали объ этомъ, уже умерли, Димитрій на-

Библиотека "Руниверс"

носитъ ему смертельный ударъ. Этотъ ударъ былъ вызванъ не только необходимостью, чувствомъ самосохраненія, боязнью оглашенія тайны, но и глубокимъ, безысходнымъ отчаяніемъ, охватившимъ душу нашего героя. Андрей требуетъ благодарности и награды именно въ тотъ моментъ, когда черезъ него Димитрій почувствовалъ себя такимъ несчастнымъ. „Ты пронзилъ мое сердце, говоритъ онъ надъ трупомъ Андрея, отнялъ у меня вѣру въ самого себя. Прости, мужество и надежда, прости, радостная увѣренность въ себя! Меня поймали во лжи, мой внутренній міръ разрушенъ. Я врагъ людей. Мы съ правдой разлучены на вѣки. Но что же дѣлать? Неужели я самъ долженъ вывести народъ изъ заблужденія? Великіе народы вѣруютъ въ меня. Неужели ввергнуть ихъ въ несчастіе, въ анархію? Неужели я самъ долженъ назвать себя обманщикомъ? Эту тайну я долженъ нести одинъ. Впередъ! Твердо долженъ стоять я на своемъ мѣстѣ, но сила моя теперь уже не въ глубокомъ внутреннемъ убѣжденіи, какъ прежде! Убійство и кровь должны помочь мнѣ устоять. Какъ встрѣчусь я съ царицей, какъ въѣду я въ Москву съ этою ложью въ сердцѣ?“ (p. 101—102). Этотъ монологъ, который мы находимъ въ „Skizzenblätter“ и который Кеттнеръ сравниваетъ съ знаменитымъ прощаніемъ Отелло со всѣми радостями жизни послѣ разоблаченія Яго, почему-то не включенъ въ „Scenar“. Едва ли, однако, возможно предположить, чтобы поэтъ выпустилъ изъ драмы этотъ монологъ, который, мотивируетъ радикальную перемѣну въ характерѣ нашего героя. Эта сцена третьяго акта составляетъ переломъ всей трагедіи. До сихъ поръ Димитрій былъ обманутымъ обманщикомъ—теперь онъ становится обманщикомъ сознательнымъ. До сихъ поръ онъ былъ игралищемъ чужихъ страстей, которыя, подобно могучему потоку, подхватили его еще мальчикомъ въ Угличѣ, забросили въ монастырь, въ домъ Сендомирскаго воеводы, а оттуда, съ головокружительною быстротою, помчали его въ Краковъ на сеймъ, къ границѣ Россіи, къ самой Москвѣ. Съ этого момента онъ становится руководителемъ своей судьбы. Димитрій не хочетъ склонить своей головы передъ ударами рока, поднявшаго его, помимо его воли, на такую высоту лишь для того, чтобы потомъ, хорошенько поглумившись надъ нимъ, свергнуть его внизъ, въ пропасть. Въ мрачномъ и злобномъ отчаяніи, съ разрушеннымъ внутреннимъ міромъ, который еще недавно былъ такъ свѣтелъ и радостенъ, съ сознаніемъ, что до сихъ поръ онъ обманывалъ себя и другихъ, онъ дѣлаетъ гордый вызовъ судьбѣ. На свой страхъ, своими силами, безъ посторонней помощи,

Библиотека "Руниверс"

онъ добьется того, чего ему не дала природа. А средства, которыми будетъ достигнута эта цѣль,—„убійство и кровь". Какъ удивлены окружающіе, увидѣвъ его съ окровавленнымъ кинжаломъ въ рукѣ надъ трупомъ неизвѣстнаго человѣка. Имъ сразу бросается въ глаза перемѣна, происшедшая въ Димитріи; въ голосѣ, въ обращеніи съ ними чувствуется незнакомый для нихъ властный, деспотическій тонъ. Окружающіе царя стараются объяснить себѣ такую неожиданную въ немъ перемѣну. Ужъ не пурпуръ-ли царской мантіи такъ повліялъ на него, а, быть можетъ, въ немъ заговорила кровь его грознаго отца?

На наблюдаемой нами въ личности Шиллеровскаго Димитрія двойственности отразилось вліяніе источниковъ, которыми пользовался поэтъ во время своей подготовительной работы. Характеристика Левека совпадаетъ съ обрисовкою личности героя піесы до тульскаго свиданія съ fabricator'омъ doli, послѣ чего онъ изображается у Шиллера согласно традиціонному взгляду на лже-Димитрія I-го, съ которымъ поэтъ могъ познакомиться у Миллера [1]).

Превращеніе героя, въ 3-мъ дѣйствіи, изъ лица, руководимаго до сихъ поръ чужою волею, въ отвѣтственнаго и активнаго дѣятеля даетъ основаніе нѣкоторымъ изслѣдователямъ (Геттнеру, Штейну, Кеттнеру и др.) усматривать въ драмѣ Шиллера любопытное и весьма удачное сліяніе двухъ типовъ трагедіи, древней трагедіи рока и новой трагедіи личной отвѣтственности героя. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса и перейдемъ къ слѣдующей сценѣ этого дѣйствія.

Свиданіе Димитрія съ Мареою, сдѣлавшеюся опять царицею Маріею, находится въ самой тѣсной связи съ предшествующею сценою

---

[1]) Надо, однако, замѣтить, что хотя Миллеръ и далъ, по словамъ Кеттнера, „новыя и болѣе прочныя основанія" высказанному Петреемъ и Беромъ мнѣнію о личности лже-Димитрія I-го, но его взглядъ на послѣдняго, который мы находимъ въ его „Sammlung der Russischen Geschichte", былъ вызванъ обстоятельствами времени, тогда какъ, по внутреннему убѣжденію, онъ такъ же, какъ Маржеретъ, Левекъ и др., признавалъ такъ называемаго лже-Димитрія I-го за сына Іоанна Грознаго. Извѣстный англійскій путешественникъ Коксъ въ своихъ „Travels into Poland, Russia, Sweden and Danemark" передаетъ намъ свой разговоръ съ Миллеромъ, въ которомъ послѣдній, между прочимъ, заявилъ ему „о полнѣйшемъ убѣжденіи, что на московскомъ престолѣ царствовалъ настоящій Димитрій, но онъ не могъ высказать печатно своего настоящаго мнѣнія о Россіи, такъ какъ тутъ замѣшана религія" (*Русская Старина*, февраль 1877 г. „Россія сто лѣтъ тому назадъ, 1778").

Библиотека "Руниверс"

свиданія героя съ Андреемъ, составляя, такъ сказать, вторую часть перипетіи всей драмы. Слова Андрея несомнѣнно произвели на Димитрія потрясающее впечатлѣніе, но въ его душѣ остался еще слабый лучъ надежды на то, что Андрей и теперь обманулъ его. Съ этимъ слабымъ лучемъ надежды спѣшитъ онъ на свиданіе съ царицею, которая должна открыть ему истину. Большая пурпуровая ставка раскинута на сценѣ, открытая въ сторону зрителей и закрытая въ глубинѣ. Марія ожидаетъ Димитрія. Ея вѣра въ него почти исчезла. Во время длиннаго путешествія она имѣла достаточно времени обдумать случившееся, и тотъ энтузіазмъ, который охватилъ ее при первыхъ слухахъ о томъ, что сынъ ея живъ, смѣнился теперь сомнѣніемъ. Но вотъ гремятъ трубы. Салтыковъ открываетъ ставку, и Димитрій стоитъ передъ нею. „Этотъ моментъ", замѣчаетъ Шиллеръ, „принадлежитъ къ самымъ трагическимъ положеніямъ и, хорошо выполненный, не можетъ не оказать огромнаго впечатлѣнія на зрителя". Съ перваго же взгляда на Димитрія послѣдняя ея надежда исчезаетъ; она инстинктивно отшатывается отъ него. Наступаетъ зловѣщее молчаніе, прерванное восклицаніемъ царицы: „Ахъ, это не онъ!". „Такъ какъ Димитрій сознаетъ себя обманщикомъ, то онъ слишкомъ бы много потерялъ въ глазахъ зрителя, еслибы началъ лицемѣрно выказывать сыновнія чувства. Въ ихъ отношеніяхъ не должно быть лжи, только правда можетъ возвысить его. Димитрій поступаетъ здѣсь, какъ царь и какъ политическій дѣятель, а не какъ скоморохъ" (р. 158). „Тебѣ ничего не говоритъ твое сердце?" спрашиваетъ онъ царицу: „ты не узнаешь во мнѣ твоей крови?" Но Марія продолжаетъ молчать. „Голосъ природы", замѣчаетъ Димитрій, „святъ и свободенъ. Я не хочу его насиловать. Еслибы твое сердце, при взглядѣ на меня, заговорило, то и мое бы отвѣтило тебѣ". Всѣ теперь съ напряженнымъ вниманіемъ ожидаютъ сердечной встрѣчи сына съ матерью. Неужели она захочетъ обмануть ихъ ожиданія? Тутъ нѣтъ другаго исхода,—она должна покориться необходимости. Онъ слишкомъ далеко зашелъ, чтобы теперь у самой Москвы отказаться отъ плодовъ побѣды. „Обними меня, прижми твое сердце къ моему", говоритъ онъ, „соедини твою судьбу съ моею. Ты будешь имѣть во мнѣ почтительнаго сына. Чего тебѣ больше? Тотъ, который лежитъ въ гробу,—прахъ. У него нѣтъ сердца, чтобы любить тебя, нѣтъ глазъ, чтобы улыбаться тебѣ; онъ тебѣ ничего не дастъ, я же даю тебѣ все". Искренность этихъ словъ трогаетъ Марію до слезъ. Димитрій привѣтствуетъ эти слезы и хочетъ, чтобы она показалась народу именно въ этотъ моментъ. „Слѣдуй за

Библиотека "Руниверс"

мною, дай мнѣ твое благословеніе, назови меня твоимъ сыномъ, я введу тебя въ Московскій кремль".

Третье дѣйствіе заканчивается торжественнымъ въѣздомъ въ Москву. Несмотря на мрачное настроеніе и ужасный внутренній переворотъ, который произошелъ съ Димитріемъ, счастіе, повидимому, продолжаетъ ему улыбаться. Сцена должна была изображать одну изъ московскихъ улицъ, наводненную огромною толпою народа, восторженно привѣтствующею своего законнаго государя, который верхомъ, во главѣ своей свиты и войска, въѣзжаетъ въ столицу Россіи. По поводу этой сцены возникъ споръ между изслѣдователями. Штейнъ называетъ ее главною сценою піесы и подтверждаетъ свое сужденіе слѣдующими словами Шиллера: „Царскій въѣздъ лже-Димитрія въ Москву, съ сознаніемъ, что онъ обманщикъ, составляетъ кульминаціонный пунктъ или вершину всего дѣйствія. На эту часть піесы должно пасть наибольшее освѣщеніе. До сихъ поръ все—стремленіе и надежды, послѣ—страхъ и несчастіе" (p. 114). Съ этимъ мнѣніемъ Штейна не согласенъ Францъ [1]), который находитъ, что кульминаціонный пунктъ піесы составляетъ та сцена, когда Димитрію подносятъ въ Тулѣ царскія одѣянія, регаліи и ключи отъ городовъ. Возражая Францу, Штейнъ замѣчаетъ, что слѣдуетъ различать въ піесѣ двѣ интриги: политическую и историческую съ одной стороны, психологическую съ другой. Какъ та, такъ и другая, имѣетъ свою кульминаціонную сцену. Такъ въ психологическомъ конфликтѣ кульминаціонная сцена (der Höhepunkt) чествованіе Димитрія, какъ царя въ Тулѣ. Перипетія же этой интриги — свиданія Димитрія съ Андреемъ и царицею Маріею; тогда какъ въ исторической фабулѣ кульминаціонный пунктъ составляетъ въѣздъ въ Москву, а перипетію—начало недовольства подданныхъ своимъ новымъ царемъ и заговоръ Шуйскаго [2]).

Въ одномъ изъ писемъ Шиллера Кёрнеру, написанномъ имъ не задолго передъ смертью, а именно 25-го апрѣля 1805 года, Шиллеръ говоритъ между, прочимъ, о томъ, что его „Demetrius" обладаетъ вполнѣ трагическимъ величіемъ и до извѣстной степени можетъ быть сопоставленъ съ „Орлеанскою Дѣвой", хотя, прибавляетъ онъ, во многомъ онъ и отличается отъ нея". Шиллеръ указалъ намъ, какъ мы уже видѣли, на сходство положенія Бориса съ положеніемъ Тальбота.

---

[1]) *Franz*, Progr. des Realgymn. zu Halberstadt, 1892—1893.

[2]) *Stein*, Progr. der Ober-Realschule. Mülhausen. II, 1894, p. 7—9.

Библиотека "Руниверс"

Онъ же отмѣчаетъ сходство сценъ въѣзда въ Москву Димитрія съ Krönungszug въ Орлеанской Дѣвѣ. И въ самомъ дѣлѣ цѣль всѣхъ стремленій Димитрія и Жанны Д'Аркъ достигается уже послѣ того, какъ въ душѣ ихъ происходитъ страшный внутренній разладъ. Димитрій узнаетъ отъ Андрея роковую тайну своего происхожденія; Орлеанская Дѣва теряетъ вѣру въ себя послѣ встрѣчи съ Ліонелемъ. Но сцена въ разсматриваемой нами піесѣ отличается отъ аналогичной сцены въ Орлеанской Дѣвѣ болѣе воинственнымъ характеромъ. Въѣздъ Димитрія съ поляками и казаками, по словамъ самого поэта, напоминаетъ скорѣе въѣздъ завоевателя, чѣмъ мирнаго государя. Учиненная надъ дѣтьми Бориса расправа также придаетъ картинѣ мрачный оттѣнокъ. Мы говорили выше, что Романовъ, уѣзжая изъ Москвы на театръ войны, поручилъ Ѳеодора и Аксинью боярамъ. Но въ его отсутствіи агенты Димитрія сумѣли склонить народъ на сторону Самозванца и бояре принуждены были выдать дѣтей Бориса адептамъ Димитрія. Аксинья, спасаясь отъ преслѣдованія поляковъ, ищетъ заступничества у царицы Маріи. Можно предположить, что Аксинья обращается къ ней съ мольбою во время самаго въѣзда. По крайней мѣрѣ въ одномъ мѣстѣ своего Scenar Шиллеръ говоритъ: „Въѣздъ обманщика въ Москву. Аксинья бросается къ ногамъ царицы Маріи. Здѣсь впервые Димитрій встрѣчается съ нею" (p. 119). Въ другомъ мѣстѣ того же Scenar, озаглавленномъ: „Einzug in Moskau" сказано только, что „торжественное шествіе должно быть прервано какимъ-то событіемъ" (p. 161) [1]).

VIII.

Эта первая встрѣча Димитрія съ Аксиньей служитъ какъ бы введеніемъ къ слѣдующему дѣйствію. По собственному указанію Шиллера, „эта побочная интрига (любовь Димитрія къ Аксиньѣ) даетъ содержаніе 4-му дѣйствію и наполняетъ промежутокъ между царскимъ въѣздомъ и „зловреднымъ" (die unheilbringende Ankunft) прибытіемъ Марины" (p. 101). „Аксинья обнаруживаетъ въ своемъ несчастіи", говоритъ Шиллеръ, „трогательное величіе, чѣмъ завоевываетъ его сердце" (p. 100), но она всѣми силами души ненавидитъ Димитрія, какъ злѣйшаго врага всей ея семьи, и уже потому, что она любитъ Рома-

[1]) Одно время поэтъ предполагалъ устроить первую встрѣчу Димитрія съ Аксиньею въ шатрѣ у царицы.

Библиотека "Руниверс"

нова, Димитрій, который успѣлъ въ это время совсѣмъ охладѣть къ Маринѣ, страстно полюбилъ дочь Бориса. „Ему вдвойнѣ интересно овладѣть ея сердцемъ", замѣчаетъ поэтъ, „потому что черезъ нее онъ надѣется утвердиться на престолѣ" (100—101). Какъ разъ въ это время въ Москву пріѣзжаетъ Марина. Ей сразу бросается въ глаза перемѣна къ ней въ Димитріи, она замѣчаетъ его холодность и безъ труда узнаетъ причину ея. Она не задумывается надъ тѣмъ, какъ она должна обезопасить себя отъ этого увлеченія своего жениха. Ея холодный, политическій умъ диктуетъ ей смертный приговоръ несчастной царевнѣ, но смерть не страшна бѣдняжкѣ; она боялась худшей бѣды—сдѣлаться противъ воли женою ненавистнаго человѣка. Съ радостью принимаетъ она ядъ изъ руки ея врага (Марины или посланнаго ея):

„Bringst du mir den Tod! O sei willkommen!
„Ich fürchtete, es sei die Czarenkrone" (p. 120).

Съ невыразимою грустью принимаетъ Димитрій извѣстіе о смерти горячо имъ любимой дѣвушки. Мысль о предстоящемъ бракѣ съ честолюбивою Мариною холодитъ его душу. Этою любовною интригою, однако, не исчерпывается содержаніе IV дѣйствія. „Въ промежуткѣ времени, между въѣздомъ Димитрія въ Москву" говоритъ, Шиллеръ, „и прибытіемъ Марины, кромѣ любви къ Аксиньѣ, имѣютъ мѣсто еще отношенія лже-Димитрія къ его предполагаемой матери, происшествіе съ Шуйскимъ и зарождающееся недовольство русскихъ ихъ новымъ государемъ" (p. 161). Однимъ словомъ это дѣйствіе должно было приготовить, мотивировать катастрофу V акта. Димитрій достигъ своей цѣли. Онъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ, онъ признанный всею Россіей царь, но въ душѣ его живетъ сознаніе, что онъ обманщикъ, и это сознаніе мучитъ и терзаетъ его, развиваетъ въ немъ подозрительность, заставляетъ его порою быть даже жестокимъ и деспотичтымъ правителемъ („Mehrere Actus der höchsten Gewalt kommen vor, die sehr in's despotische fallen", p. 161). Димитрій сознаетъ, что наглое, высокомѣрное поведеніе поляковъ составляетъ главную причину растущей къ нему съ каждымъ днемъ антипатіи русскаго народа, но онъ не въ силахъ сбросить съ себя ихъ гнета. Поляки все захватили въ свои руки, и Кремль, и оружіе, и сокровища, и его самого—они полновластные хозяева Москвы. Пріѣздъ Марины въ сопровожденіи многочисленной вооруженной польской свиты производитъ на русскихъ самое неблагопріятное впечатлѣніе. Но, кромѣ симпатіи Димитрія къ полякамъ, Шиллеръ указываетъ еще на другія причины

Библиотека "Руниверс"

недовольства русскаго народа ихъ молодымъ монархомъ. Онъ не умѣлъ воспользоваться мудрыми совѣтами, преподанными ему Сигизмундомъ послѣ бурнаго Краковскаго сейма: пренебрегъ дорогими для русскихъ обычаями и забылъ царицу Марію. Такимъ образомъ почва для катастрофы готова. Достаточно было одной искры для взрыва народнаго негодованія. Объ этой искрѣ позаботился Шуйскій, который сумѣлъ подслушать глухой народный ропотъ и организовать заговоръ противъ Димитрія.

Въ послѣдней сценѣ IV дѣйствія мы видимъ Романова въ темницѣ, который послѣ неудачной поѣздки къ войску Бориса поспѣшилъ вернуться въ Москву съ тѣмъ, чтобы спасти Аксинью отъ грозящей ей опасности. Въ Москвѣ онъ узнаетъ, что царевна уже въ рукахъ Самозванца, и самъ онъ попадаетъ въ тюрьму, гдѣ, по словамъ Шиллера, „ему является или духъ Аксиньи или ясновидецъ отшельникъ, святой, который проливаетъ бальзамъ на его душевныя раны, открываетъ ему будущее и удерживаетъ его отъ участія въ кровавой расправѣ надъ Димитріемъ“ [1]).

IX.

Какъ извѣстно, свадьба Димитрія съ Мариною состоялась 8-го мая 1606 г., а трагическій финалъ злополучнаго царствованія Димитрія I наступилъ 17-го мая. Шиллеръ въ своей драмѣ уничтожилъ промежутокъ между этими двумя событіями. V дѣйствіе должно было начаться съ бесѣды Димитрія съ Мариною послѣ свадьбы. Послѣдняя признается своему мужу, что она никогда не считала его истиннымъ царевичемъ. Послѣ этого признанія она оставляетъ его одного. Грустное чувство охватываетъ нашего героя. Въ головѣ его вереницею проносятся воспоминанія изъ прошлаго; онъ призываетъ Казимира и спрашиваетъ его о томъ юношѣ, который когда-то жилъ въ домѣ Сендомирскаго воеводы, то-есть, о себѣ самомъ, какъ будто бы рѣчь идетъ о другомъ человѣкѣ, до такой степени онъ измѣнился съ тѣхъ поръ и такъ много пережилъ за это время. Надо, однако, думать, что эта сцена съ Казимиромъ была бы, вѣроятно, выпущена поэтомъ, при окончательной обработкѣ V дѣйствія, такъ какъ она находится въ неразрывной связи съ вычеркнутыми сценами въ Самборѣ.

---

[1]) „Diese Scene“, замѣчаетъ Шиллеръ, „erhebt über das Stück hinaus und beruhigt das Gemüth durch ein erhabenes Ahnden höherer Dinge“ (p. 154).

Библиотека "Руниверс"

Мы не будемъ подробно останавливаться на дальнѣйшемъ содержаніи V-го дѣйствія, потому что, насколько можно судить по относящемуся къ нему, надо замѣтить, сравнительно съ другими актами довольно скудному матеріалу, Шиллеръ предполагалъ обработать конецъ этого дѣйствія весьма близко къ исторіи. Трагическая катастрофа происходитъ въ помѣщеніи царицы Маріи, которая, по случаю бракосочетанія, осталась ночевать во дворцѣ, куда явился Димитрій, скрываясь отъ преслѣдованія заговорщиковъ, требовать отъ царицы всенароднаго подтвержденія ея перваго показанія о томъ, что онъ ея сынъ. Но подоспѣвшій сюда же съ заговорщиками Шуйскій, съ своей стороны, требуетъ отъ нея присяги. Марія въ нерѣшительности молчитъ. Тогда одинъ изъ заговорщиковъ замѣчаетъ, что это молчаніе весьма краснорѣчиво. Еслибы Димитрій былъ ея сынъ, она бы не молчала. При крикахъ: „умри же, обманщикъ", заговорщики кидаются на Димитрія и убиваютъ его [1]).

Тотчасъ послѣ убійства героя піесы вбѣгаетъ Марина. Разсчитывая возбудить къ себѣ сожалѣніе, она прикидывается обманутою Самозванцемъ. Обѣщанія щедрыхъ наградъ и угроза польской мести дѣйствуютъ на толпу. Шуйскій, озабоченный теперь уже иными цѣлями, желаніемъ проложить себѣ путь къ трону, приказываетъ оставить ее въ покоѣ. Всѣ понемногу удаляются. Остается одинъ казакъ, заявившій себя уже прежде храбростью и удальствомъ. Ему удалось захватить царскую печать, и онъ намѣренъ теперь продолжить дѣло Димитрія. „Монологъ второго Димитрія", замѣчаетъ Шиллеръ, „можетъ закончить трагедію, при чемъ онъ даетъ возможность предвидѣть новый рядъ волненій и съизнова начинаетъ старое" (p. 167).

Таково содержаніе первыхъ двухъ дѣйствій неоконченной драмы Шиллера. Таковы проекты и планы остальныхъ трехъ актовъ этой піесы. Очень вѣроятно, что, при окончательной обработкѣ этихъ проектовъ, они подвергнулись бы болѣе или менѣе значительнымъ видоизмѣненіямъ. Многое, можетъ быть, было бы выпущено, а многое, напротивъ того, было бы создано творческою фантазіею поэта.

X.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о продолженіяхъ драматическаго отрывка Шиллера, о попыткахъ окончить, прерванную

---

[1]) Казимиръ и Салтыковъ погибаютъ при защитѣ Димитрія.

Библиотека "Руниверс"

смертью, работу великаго поэта. Намъ извѣстны семь такихъ попытокъ: 1) *Franz v. Maltitz*, Karlsruhe und Baden, 1817 (1835), 2) *Gustav Kühne*, Dresden, 1860, 3) *O. F. Gruppe*, Berlin, 1861, 4) *H. Laube*, Leipzig, 1872, 5) *H. v. Zimmermann*, Prag, 1885, 6) *O. Sievers*, Braunschweig, 1888, и 7) *O. Weimar* (псевдонимъ писательницы Auguste Götze), Leipzig, 1893.

Мы ограничимся указаніемъ главнѣйшаго лишь отклоненія продолжателей Шиллера отъ его замысловъ, касающагося сценъ Димитрія съ Андреемъ и царицею Маріею (въ III дѣйствіи у Шиллера). По справедливому замѣчанію Ф. Готшаля, „въ мотивировкѣ этого превращенія" (героя изъ безсознательнаго обманщика въ сознательнаго) „и въ трагическихъ послѣдствіяхъ его лежитъ зерно трагедіи. Отъ того, какъ первое обосновано и какимъ образомъ послѣднія проведены, зависятъ характеръ и значеніе всѣхъ піесъ о Димитріи". Нѣкоторые продолжатели Шиллера, какъ, напримѣръ Кюне, придали рѣчамъ автора обмана („Iesimoff") такую убѣдительность, что Димитрій идетъ на свиданіе съ царицею, уже потерявъ всякую вѣру въ себя, безъ малѣйшей надежды услышать отъ нея что нибудь для себя утѣшительное, а потому вся сцена съ нею неизбѣжно превращается въ „Gaukelspiel", чего именно хотѣлъ избѣгнуть Шиллеръ.

Исправить ошибку Кюне берется берлинскій профессоръ Группе, но самъ, въ свою очередь, впадаетъ въ другую ошибку. Группе находитъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Димитрій узнаетъ о своемъ происхожденіи и дѣлается такимъ образомъ сознательнымъ обманщикомъ, онъ перестаетъ быть трагическимъ героемъ и неспособенъ уже болѣе интересовать насъ. Придерживаясь этого взгляда, Группе старается довести до minimum'а значеніе свиданія героя піесы съ Андреемъ. Его Димитрій не вѣритъ словамъ послѣдняго, смѣется ему прямо въ глаза и убиваетъ его за наглость и ложь. Это происходитъ въ III дѣйствіи. Только въ IV-омъ актѣ, а именно, въ сценѣ съ царицею, Димитрій убѣждается въ томъ, что онъ самозванецъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о продолженіяхъ Лаубе и Сиверса, которые пошли еще дальше въ своихъ отклоненіяхъ отъ замысла Шиллера. Оба они, руководясь желаніемъ придать больше искренности и теплоты объясненію Димитрія съ его предполагаемою матерью, предпосылаютъ эту сцену свиданію нашего героя съ fabricator'омъ doli, обязанности котораго у Лаубе исполняетъ казачій атаманъ Комла, а у Сиверса—Михаилъ Битяговскій. Какъ Лаубе, такъ и Сиверсъ коренным образомъ видоизмѣняютъ характеръ Димитрія.

Библиотека "Руниверс"

Убѣдившись въ томъ, что онъ—не царевичъ, а только побочный сынъ Іоанна Грознаго отъ жены Комлы, и что слѣдовательно всѣ его притязанія на русскій престолъ оказываются незаконными, Димитрій у Лаубе не только не находитъ возможнымъ продолжать начатое имъ дѣло, какъ предполагалъ Шиллеръ, но признаетъ себя даже достойнымъ смерти. Онъ даетъ приказъ нѣкоему Прокопу застрѣлить себя. Самъ Шуйскій пораженъ этимъ самопожертвованіемъ. „Дай Богъ, найдти намъ такого хорошаго царя", говоритъ онъ, „какъ этотъ юноша". Какъ видимъ, герой Лаубе весьма мало похожъ на шиллеровскаго Димитрія.

У Сиверса Димитрій послѣ объясненія съ Битяговскимъ, въ противоположность герою у Лаубе, вовсе не думаетъ отказываться отъ плодовъ своей побѣды и подчиниться судьбѣ. Въ этомъ отношеніи Сиверсъ не отклоняется отъ плана Шиллера, но, въ отличіе отъ Шиллеровскаго героя, Димитрій у Сиверса руководится при своемъ рѣшеніи соображеніями, вовсе неизвѣстными первому. Онъ хочетъ „облагородить обманъ", онъ, будетъ обманывать только для того, чтобы быть полезнымъ своему народу. „Если кровь, которая течетъ въ моихъ жилахъ", говоритъ онъ „и не кровь истиннаго царевича, то поступки мои будутъ истинно царскими". „Прійдите ко мнѣ, всѣ усталые, отягощенные горемъ... крѣпостные, мои братья, я поведу васъ къ свѣту и къ свободѣ". Піеса брауншвейгскаго профессора Сиверса признается многими изслѣдователями за лучшее продолженіе драматическаго отрывка Шиллера. И въ самомъ дѣлѣ, хотя его герой и не совсѣмъ похожъ на Шиллеровскаго Димитрія, но допущенное имъ видоизмѣненіе характера послѣдняго такъ симпатично, что нельзя не простить Сиверсу этого отклоненія отъ замысла великаго поэта.

Несмотря, однако, на всѣ достоинства этой піесы, критикѣ приходится сѣтовать, что до сихъ поръ нѣмецкая литература и театръ не имѣютъ еще вполнѣ безукоризненной и согласной съ замыслами Шиллера піесы о Димитріи. Это обстоятельство прежде всего объясняется тѣмъ, что большинство продолжателей Шиллера располагало однимъ лишь Кёрнеровскимъ изданіемъ интересующаго насъ драматическаго отрывка и относящихся къ нему матеріаловъ, забывая, что эти произвольныя извлеченія Кёрнера составляютъ только ничтожную часть огромнаго цѣлаго, при знакомствѣ съ которымъ они не отклонились бы такъ далеко отъ Шиллеровскаго плана. Любопытно то, что даже тѣ изъ нихъ, которые начали свою работу послѣ изданія Гедеке, по какимъ-то непонятнымъ мотивамъ, придерживались

Библиотека "Руниверс"

того же неполнаго изданія Кёрнера. Но главная, разумѣется, причина сравнительно малой удовлетворительности всѣхъ этихъ продолженій кроется въ томъ, что указанные нами поэты взялись за работу не по ихъ силамъ и дарованіямъ.

Въ виду этого нѣкоторые писатели, не считая себя способными довести до конца отрывокъ Шиллера, избрали иной путь, рѣшившись написать самостоятельныя драмы о Димитріи. „Невозможно продолжать сочинять тамъ,—говоритъ одинъ изъ этихъ поэтовъ, Геббель, гдѣ Шиллеръ пересталъ работать, точно такъ же, какъ нельзя начать любить тамъ, гдѣ другой пересталъ любить".

На всѣхъ этихъ піесахъ, которыя мы здѣсь перечислимъ, все-таки отразилось могучее вліяніе Шиллеровскаго отрывка: 1) *H. Grimm* (1853); 2) *Bodenstedt* (1856); 3) *F. Hebbel* (послѣдній умеръ, не окончивъ піесы, которая была окончена K. Goldbaum'омъ и представлена въ 1869 г., на сценѣ Берлинскаго театра); 4) *K. Hardt* (1869) и 5) *A. Wilhelmi* (1869). Для полноты перечня назовемъ еще французскую и чешскую передѣлки Шиллеровскаго фрагмента. Первая принадлежитъ Léon Halévy (Czar Démetrius, trag. ens actes et en vers) напечатана въ „Théâtre français moderne publié par J. Louis. 1831 и представлена въ Théâtre français 1 авг. 1829. Авторъ второй передѣлки: Ferd. Mikovec: „Dimitr Ivanovič (трагедія въ 6-ти дѣйствіяхъ), Prag, Pošpisil. 1856.

Интересующимся этими піесами, равно какъ и желающимъ ближе познакомиться съ упомянутыми выше продолженіями драматическаго отрывка Шиллера, мы рекомендуемъ прочесть очерки Рудольфа (*Herrig's Archiv*, 1865, XX Jahrg., 38 Bd., pp. 169 — 182), Готшаля, Штейна и Попека [1]).

А. Чебышевъ.

---

[1]) Означенные изслѣдователи не упоминаютъ вовсе о піесѣ Галеви. Краткій разборъ ея помѣщенъ въ Revue Encyclopédique 1829, t. 43, p. 520—522.

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПАПСТВА ВЪ XI ВѢКѢ.

I.

Начатки реформъ и папство при Григоріи VI.

Со времени преемниковъ Карла Великаго, давшаго народамъ запада мимолетный покой и порядокъ, западная Европа въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ переживала постоянныя невзгоды и бѣдствія, поражавшія всѣ слои населенія, а потому и внушавшія всему обществу жажду обновленія. Нападенія внѣшнихъ враговъ шли рука объ руку съ внутреннимъ разложеніемъ: хищныя орды сарацинъ и венгровъ, алчныя толпы норманскихъ пиратовъ вносили ужасъ и разграбленіе во всѣ концы западно-европейскаго міра; частныя войны, произволъ и насиліе царили повсюду; цѣлыя области были опустошены и обезлюдѣли; во многихъ мѣстахъ поля оставались невоздѣланными; торговыя сношенія почти совершенно прекратились; общеніе между областями, простое путешествіе сдѣлались въ высшей степени затруднительными, такъ какъ и безъ того плохіе и неудобные пути были перехвачены разбойниками и грабителями; у рѣчныхъ переправъ и горныхъ переваловъ высилились замки, владѣльцы которыхъ подстерегали путниковъ; даже короли не гнушались грабежемъ купцовъ. При такихъ условіяхъ негдѣ искать управы надъ насильниками; самоуправство вытѣснило законъ и люди сильные грубо и властно попирали справедливость; слабые изнывали подъ тяготѣвшимъ надъ ними гнетомъ; каждый думалъ только о себѣ и защитѣ своего достоянія хотя бы путемъ поддержки насилій надъ другими. При отсутствіи взаимопомощи естественныя бѣдствія, голодъ, заразительныя болѣзни разрастались до огромныхъ размѣровъ и сдѣлались самымъ зауряд-

Библиотека "Руниверс"

нымъ явленіемъ. Никто не могъ чувствовать себя увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ, никто не могъ считать обезпеченнымъ обладаніе своимъ имуществомъ.

Полная всевозможныхъ превратностей и постоянныхъ опасностей жизнь невольно наталкивала на сознаніе преходящей бренности всего земнаго, развивала и подкрѣпляла стремленія въ заоблачную высь, чуждую плача и воздыханій. Лишенный прочнаго счастья на землѣ, не могущій насладиться ея благами средневѣковой человѣкъ съ бо́льшимъ рвеніемъ ищетъ загробнаго блаженства, старается обезпечить за собой вѣчныя утѣхи въ царствѣ небесномъ. По общему мнѣнію, единственнымъ путемъ къ достиженію этой завѣтной цѣли были принадлежность къ совокупности вѣрныхъ, церкви, и точное соблюденіе божественныхъ предписаній. Но евангеліе не давало указаній, какъ поступать въ каждомъ житейскомъ случаѣ; оно выдвигало лишь общія заповѣди, не опредѣляя частностей, разрѣшеніе которыхъ предоставлялось свободному усмотрѣнію обновленнаго благодатью христіанина и вытекало изъ проникновенія завѣтами Спасителя. Варварское средневѣковье было неспособно къ такой самостоятельной дѣятельности и предъявляло совершенно иные запросы. Отвлеченныя и глубокія истины христіанскаго ученія остаются недоступными его пониманію, а потому своеобразно къ нему приспособляются путемъ овеществленія. Изъ внутренняго сокровеннѣйшаго союза человѣка съ божествомъ религія превращается въ рядъ узаконеній, регулирующихъ образъ дѣйствій въ повседневной жизни; молитва, свободный порывъ и возношеніе человѣческаго духа къ Богу, пріобрѣтаетъ характеръ таинственнаго заклинанія, произносимаго, вдобавокъ, на непонятномъ языкѣ; пастырь изъ руководителя душъ превращается въ жреца-вѣдуна, по мнѣнію толпы, способнаго привлечь на ослушниковъ гнѣвъ неба и милости на покорныхъ его предписаніямъ. Не созерцаніе вѣчной Правды, а грубыя, чувственныя утѣхи по народнымъ воззрѣніямъ являются удѣломъ праведниковъ; царство небесное представляется воображенію средневѣковаго человѣка сообразно условіямъ окружающей его дѣйствительности, и Богъ со святыми напоминаетъ варварскаго короля съ его дружинниками. Понятіе о неуклонномъ и безкорыстномъ правосудіи праведно карающаго и милосердно милующаго Бога затемняется перенесеніемъ своего рода „виры“ и въ область религіозную; грѣхъ и преступленіе смѣшиваются: щедрыми дареніями церкви можно искупить всякій проступокъ и обезпечить себѣ безнаказанность за гробомъ, по наивному, но широко распро-

Библиотека "Руниверс"

страненному убѣжденію „da terram, tolle coelum". Не внутреннимъ перерожденіемъ, не искреннимъ и сердечнымъ покаяніемъ грѣшникъ примирялся съ небомъ, а соблюденіемъ чисто внѣшнихъ обязательствъ, постомъ, посѣщеніемъ богослуженій, св. мѣстъ, поклоненіемъ мощамъ и св. предметамъ. Вотъ какіе пути вели, по средневѣковымъ понятіямъ, къ земному и небесному блаженству. Естественно, что точное указаніе этихъ „угодныхъ Богу" путей, подробное и обстоятельное опредѣленіе обязательствъ, нарушеніе которыхъ изливало чашу божественнаго гнѣва на человѣчество, было, поэтому, первостепенною. насущною потребностью средневѣковья. Всякое непонятное явленіе природы, всякое бѣдствіе народное считалось карой разгнѣваннаго Бога и лишній разъ показывало необходимость Его умилостивленія, такъ какъ въ средневѣковомъ обществѣ, невѣжественномъ и грубомъ, господствовала вѣра въ чудеса и знаменія, суевѣрное преклоненіе передъ буквой уставовъ. а не передъ духомъ евангельскихъ завѣтовъ. Вотъ почему малоразвитой въ умственномъ отношеніи средневѣковой человѣкъ ищетъ указки, которая наставляла бы его, какъ отклонить грозныя проявленія небеснаго гнѣва, какъ привлечь къ себѣ щедроты Бога и расположить въ свою пользу святыхъ. Такую указку давали сборники каноническихъ постановленій, устанавливавшихъ доступную пониманію огромнаго большинства норму обязанностей, лежащихъ на каждомъ вѣрномъ сынѣ церкви. Въ соблюденіи этой нормы средневѣковье усматривало лучшее средство къ устраненію коренной причины всѣхъ общественныхъ бѣдствій, къ отклоненію карающей десницы небеснаго судьи, разгнѣваннаго людскими прегрѣшеніями. По глубокому убѣжденію средневѣковыхъ мыслителей, „декреты св. отцовъ" „св. каноны", „постановленія соборовъ", „попранные и забытые, благодаря небрежности пастырей", должны занять руководящее положеніе, и тогда наступитъ вожделѣнное царство Бога на землѣ, сулящее полное благополучіе всѣмъ вѣрнымъ. Такое воззрѣніе, вытекающее изъ самой глубины средневѣковаго міросозерцанія, овладѣвало съ неудержимою силой умами, потому что давало простое и ясное объясненіе причинъ переживаемыхъ нестроеній, точно указывало надежный путь къ избавленію отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Современные памятники переполнены выраженіями подобнаго настроенія, соборныя постановленія то и дѣло повторяютъ, что грѣхи вызываютъ постоянныя бѣдствія, обусловленныя тѣмъ, что „нарушенъ законъ, попрано ученіе апостоловъ и постановленія кано-

Библиотека "Руниверс"

новъ" [1]). Для ознакомленія съ господствующей точкой зрѣнія достаточно привести отрывокъ изъ постановленій помѣстнаго собора въ Испаніи: онъ послужитъ достаточно характернымъ образцомъ. „Мы видѣли и видимъ, говорятъ епископы, ужасныя знаменія, мы претерпѣли за свои грѣхи великій голодъ, язвы и погромы, такъ какъ Господь глаголетъ: „если не послушаете Меня, сотру гордость вашу и упрямство ваше, напрасно будете сѣять сѣмя, не произраститъ его земля, не принесутъ деревья плодовъ своихъ, будете ѣсть и не насытитесь". Но въ то же время Господь даетъ обѣтованіе: „если будете ходить по предначертаннымъ мною путямъ, дамъ вамъ своевременно дождь и земля родитъ ростки свои, деревья переполнятся плодами, молотьба будетъ длиться до времени жатвы, жатва—до сбора винограда, сборъ винограда—до новаго посѣва, и вы будете вкушать хлѣбъ свой въ сытости" [2]).

Ясно, что всякое бѣдствіе способно было только еще болѣе усилить подобныя представленія, такъ какъ считалось непреложнымъ ихъ подтвержденіемъ. Вотъ почему постоянно раздаются голоса, требующіе „очищенія растущихъ со дня на день преступленій сообразно евангелію, апостоламъ и декретамъ каноновъ".. „Древніе обычаи", „декреты св. отцовъ", „св. каноны" становятся боевымъ кличемъ всѣхъ жаждущихъ преобразованія общества, потому что, по всеобщему убѣжденію, должны господствовать въ общественныхъ и частныхъ отношеніяхъ, руководить дѣятельностью всѣхъ и каждаго для обезпеченія на землѣ вожделѣннаго мира, для сохраненія единства въ церкви, для подготовленія къ небесному блаженству; все противное ихъ авторитету подлежало искорененію, дабы не навлекать праведнаго гнѣва божьяго. Отсюда вытекаетъ необходимость знать св. каноны, возникаетъ стремленіе изучать ихъ, равно какъ собрать воедино „вдохновенныя самимъ Богомъ", но остающіяся разрозненными каноническія предписанія и постановленія.

Уже лжеисидоровскій сборникъ преслѣдуетъ обще-преобразовательныя цѣли, но неблагопріятныя историческія условія помѣшали ихъ осуществленію. Понадобились два слишкомъ столѣтія почти непрерывныхъ испытаній и бѣдствій, чтобы для самого общества выяснилась необходимость преобразованій, чтобъ изъ обновленныхъ мо-

---

[1]) Ср. напр., Mansi XIX p. 535, 543, 546, 554, 735, 790—791, 849 и т. д.
[2]) Acta coyacensis concilii Mansi XIX p. 790—791.

Библиотека "Руниверс"

настырей и возстановленныхъ школъ вышли убѣжденные и непреклонные борцы за торжество каноническихъ идеаловъ. Отбившаяся отъ нападеній внѣшнихъ враговъ западная Европа вздохнула свободнѣе, получила возможность вдумчивѣе всмотрѣться въ свои внутренніе распорядки, сравнить ихъ съ завѣщанными св. отцами условіями водворенія на землѣ обѣтованнаго царства божьяго. Это сравненіе должно было произвести потрясающее впечатлѣніе: малѣйшее отступленіе отъ каноническихъ установленій считалось уже достаточнымъ для навлеченія небесной кары, а тутъ цѣлый рядъ укоренившихся явленій стоялъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ каноническими предписаніями и порождалъ соблазнъ всѣхъ ревнителей: даже самое поверхностное сопоставленіе современныхъ порядковъ съ „установленіями св. отцовъ" должно было встревожить совѣсть каждаго вдумчиваго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, каноны осуждали симонію, а она сдѣлалась обычнымъ путемъ для пріобрѣтенія духовныхъ сановъ. По словамъ современниковъ, трудно было найдти пастыря, не запятнаннаго этой ересью; она даже не считалась грѣхомъ, и въ Миланѣ, напр., была установлена своего рода такса за посвященіе; памятники говорятъ, что саны церковные продавались какъ товаръ, что между покупщиками происходили состязанія въ надбавкахъ за особенно выгодныя мѣста; уплаченныя при достиженіи сана деньги возмѣщались путемъ угнетенія паствы и раздачей церковнаго имущества. Каноны предназначали его на поддержку неимущимъ, нуждающимся, считали его „достояніемъ бѣдныхъ"; теперь, „благодаря симоніи, всѣ церковныя владѣнія переходили въ руки мірянъ", захватившихъ ихъ для своекорыстныхъ цѣлей. Пастыри, избраніе которыхъ было предоставлено канонами клиру и народу, превратились въ покорныхъ ставленниковъ сильныхъ міра сего, въ „псовъ, не умѣющихъ лаять", потому что паства потеряла всякій голосъ при избраніи своихъ духовныхъ руководителей, а свѣтскіе владѣтели присвоили себѣ право назначенія церковныхъ сановниковъ. Живая связь и общеніе между пастыремъ и пасомыми утратилась: для перваго прихожане были стадомъ, уступленнымъ ему въ пользованіе ради покрытія понесенныхъ расходовъ; для второй священнослужитель былъ совершенно чужимъ человѣкомъ, нерѣдко не понимающимъ даже языка своихъ духовныхъ чадъ. Такимъ образомъ, древне-христіанская община, основа церковнаго строя во времена апостоловъ и св. отцовъ, теперь заглохла и замѣнилась мертвящею, чисто внѣшнею связью подчиненія постороннимъ людямъ. Каноны отводили первое мѣсто въ церкви рим-

Библиотека "Руниверс"

скому первосвященнику, „какъ хранителю чистоты вѣры и церковнаго строя оберегателю“, защитнику слабыхъ, угнетенныхъ, невинныхъ, обличителю неправды, отвѣтственному передъ Богомъ судьѣ царей и императоровъ, тогда какъ на дѣлѣ „апостольскій престолъ“ попалъ въ позорную зависимость отъ римскихъ бароновъ и смѣнявшихъ ихъ нѣмецкихъ варваровъ. Померкъ ореолъ нравственной мощи, созданный Николаемъ I, и въ церкви замолкъ голосъ неустрашимаго и властнаго наставника, напоминающаго каждому о забытыхъ имъ обязанностяхъ, опредѣленныхъ канонами, исполненіе которыхъ представлялось необходимымъ для достиженія какъ личнаго блаженства въ загробной жизни и счастья на землѣ, такъ и для водворенія идеальнаго строя—царства божьяго. Между тѣмъ жизнь представлялась сплошнымъ нарушеніемъ долга каждаго вѣрующаго: уставы и посты не соблюдались; вмѣсто мира царила война, вмѣсто единства—раздробленность, вмѣсто правды—насиліе и захватъ; преступленія всякаго рода были обычнымъ явленіемъ. Особенно часто попирались священныя узы брака: ихъ расторгали по произволу; стѣснительныя запрещенія каноновъ относительно браковъ между родственниками и свойственниками вышли изъ употребленія; сами церковники, вопреки канонамъ, вступали въ запретныя сожительства съ женщинами. Однимъ словомъ, отступленія отъ нормы встрѣчались на каждомъ шагу и дѣлали совершенно понятными для руководителей общественнаго мнѣнія коренныя причины переживаемыхъ бѣдствій, такъ какъ даже „за проступокъ одного гнѣвъ божій изливается на многихъ“ [1]).

Такова идейная почва, на которой выросли церковнообщественныя преобразованія XI вѣка, когда все шире разливающаяся волна сознанія противозаконности укоренившихся порядковъ и стремленія къ возстановленію завѣтовъ первыхъ, идеально чистыхъ временъ христіанства, отожествленныхъ ревнителями съ каноническими предписаніями, достигла вершинъ тогдашняго міра и увлекла какъ императорство, такъ и папство своимъ мощнымъ розмахомъ. Въ нѣдрахъ самого общества одновременно сказывается очень сильно стремленіе къ искупленію содѣянныхъ прегрѣшеній путемъ щедрыхъ дареній церкви, путешествій въ Римъ и Іерусалимъ, постройки храмовъ и другихъ подвиговъ благочестія; „изъ страха передъ адскими мученіями“ [2]) основываютъ новыя обители, гдѣ-бы сонмы монаховъ днемъ и ночью

---

[1]) Mansi XIX p. 546.

[2]) Rodulfi Glabri Lib. II c. 4 p. 632.

Библиотека "Руниверс"

возносили моленія за душу основателей и ихъ сродниковъ; хищные грабители надѣваютъ рясу и, въ созданныхъ на награбленныя средства монастыряхъ, предаются аскетическимъ упражненіямъ. Въ самомъ характерѣ монашества происходитъ явственное измѣненіе: бенедиктинскій уставъ не удовлетворяетъ жаждущихъ изнуреніемъ плоти искупить прошлое, и строгое восточное отшельничество прокладываетъ себѣ широкій путь на западъ, куда еще во времена иконоборства бѣжали десятки тысячъ иноковъ, посѣявшихъ стремленіе къ подражанью ихъ строгой жизни въ средѣ западнаго общества. При основаніи новыхъ обителей міряне, уповая на большую дѣйствительность молитвъ подвижниковъ, отдавали предпочтеніе болѣе суровымъ требованіямъ отъ братіи. Монастыри, проникнутые строгимъ, подвижническимъ духомъ, были разсадниками обновленія: въ ихъ стѣнахъ изучались каноны, устанавливался кругъ обязанностей, лежащихъ на каждомъ сынѣ церкви, воспитывалось юношество въ духѣ противодѣйствія мірскимъ нестроеніямъ; изъ обителей выходили новые борцы съ царящимъ въ мірѣ зломъ, епископы, аббаты, духовники могущественныхъ свѣтскихъ владѣтелей, повелѣвавшіе сердцами своихъ повелителей и побуждавшіе ихъ содѣйствовать общему исправленію. Годъ за годомъ умножалось число поборниковъ преобразованій, возрастала ихъ сила, ихъ готовность приступить къ реформѣ въ широкихъ размѣрахъ. Ревнители мечтали овладѣть апостольскимъ престоломъ, и, опираясь на авторитетъ намѣстника св. Петра, повести непримиримую борьбу съ разъѣдающими церковь и общество нестроеніями. При этомъ они не задумывались передъ выборомъ средствъ: такъ епископъ Тедальдъ Арецкій, человѣкъ богобоязненный и сочувствующій всей душей преобразованіямъ, изъявлялъ готовность заплатить за тіару 1000 фунтовъ серебра, лишь-бы получить возможность „искоренить во всемъ мірѣ проклятыхъ симонистовъ“ [1]). Но тщетно мы бы искали въ источникахъ слѣдовъ обширной организаціи, поставившей своей задачей общепреобразовательныя цѣли. Повсюду изъ самыхъ нѣдръ общества пробивались струйки преобразовательнаго теченія, но оно оставалось раздѣленнымъ на небольшіе, скрытые ручейки, сліяніе которыхъ подготовлялось медленно и постепенно естественнымъ ростомъ преобразовательныхъ стремленій. Каждая обновленная обитель, каждый пастырь, сознающій свои обязанности, каждый благочестивый мірянинъ вносилъ свою лепту въ общее дѣло, но только общепризнанная власть

[1]) Donizonis, Vita Mathildis. Lib. II c. 5 p. 362.

Библиотека "Руниверс"

могла соединить разрозненныя силы и дать имъ опредѣленное направленіе, поставить ясныя и точныя, для всѣхъ одинаковыя задачи. Правда, прежніе изслѣдователи, въ особенности Гфререр и пошедшій по его стопамъ Гизебрехтъ, выдвигали Клюньи на первый планъ, какъ носителя выработаннаго плана реформы, установленной программы дѣйствій и объединителя всѣхъ ревнителей подъ своимъ знаменемъ. Но Сакуръ въ своемъ цѣнномъ изслѣдованіи показалъ, что подобное представленіе о роли Клюньи не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и не имѣетъ ни малѣйшей опоры въ источникахъ [1]). Само собою понятно, что Клюньи, несмотря на широкое развѣтвленіе своей конгрегаціи, не могло взять въ свои руки дѣло общихъ преобразованій въ церкви, начиная съ главы и кончая отдѣльными ея членами. Клюнійцы витали въ идеальныхъ сферахъ и не умѣли устранять съ своего пути практическихъ затрудненій, такъ какъ сами ясно не сознавали, насколько противорѣчивы были ихъ преобразовательныя стремленія. Они ограничивались частными улучшеніями и на старыхъ устояхъ хотѣли, безъ коренной ломки, обновить общественное зданіе. Они примыкали къ идеалистическому направленію, мечтавшему о возсозданіи золотаго вѣка апостоловъ, о возстановленіи благословенныхъ порядковъ чистой, первоначальной церкви. Эти идеалисты, не давая себѣ яснаго отчета о желательныхъ перемѣнахъ, о средствахъ къ ихъ проведенію, оказывали, однако, огромное обаяніе на умы современниковъ именно чистотою и безкорыстіемъ своихъ намѣреній. Они удовлетворяли нарождающимся запросамъ самого общества. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на еретическія броженія времени, яркій показатель оставшихся безъ удовлетворенія духовныхъ нуждъ общества, чтобы понять его господствующее настроеніе. Оказывается, что ереси XI вѣка отличаются крайне аскетическимъ характеромъ и предъявляютъ къ своимъ послѣдователямъ тѣ самыя требованія, какія ревнители считали обязательными для избранныхъ-клириковъ. Такъ, еретики отвергаютъ бракъ вообще, считая и брачныя сношенія съ женщиной дѣломъ грѣховнымъ; преобразователи возстаютъ противъ браковъ, запрещенныхъ канонами. Собственность представляется еретикамъ зломъ, такъ какъ міръ — общее достояніе; преобразователи провозглашаютъ, что имѣнія церкви принадлежатъ всѣмъ неимущимъ; да и каждый собственникъ является въ ихъ глазахъ управителемъ ввѣреннаго ему Богомъ имущества. Война и насиліе кажутся ерети-

---

[1]) Sackur, Die Cluniacenser B. II p. 449.

Библиотека "Руниверс"

камъ вопіющимъ нарушеніемъ завѣтовъ Спасителя; преобразователи признаютъ запретнымъ пролитіе крови духовенствомъ на полѣ брани и пытаются ограничить время и мѣсто совершенія насилій, назначивъ для войнъ опредѣленные дни и отстаивая неприкосновенность храмовъ и церковныхъ владѣній. Присяга и клятва для еретиковъ дѣло грѣховное; ревнители полагаютъ, что духовенство не должно приносить феодальной клятвы въ вѣрности. Еретики не вкушаютъ мясной пищи вообще, преобразователи требуютъ соблюденія строгихъ, многочисленныхъ постовъ, то-есть, лишь ограничиваютъ опредѣленными днями общее требованіе еретиковъ. Еретики выставляютъ спасительность бѣгства отъ соблазновъ міра, обузданія страстей и жизни отъ трудовъ рукъ своихъ; преобразователи съ неуклонною настойчивостью стремятся осуществить тѣ же мысли, возстаютъ противъ роскоши, тунеядства и распущенности въ особенности церковнослужителей. Еретики жаждутъ подвига, ищутъ мукъ здѣсь, ради небеснаго блаженства избѣгаютъ тихой, спокойной смерти; ревнители точно также истязаніями плоти, полнымъ самоотреченіемъ стремятся закрѣпить за собой утѣхи загробной жизни. Еретики обличаютъ невѣжество пастырей, стараются углубиться въ Писаніе, понять его таинственный смыслъ и раскрыть его своимъ собратьямъ; ревнители, въ свою очередь, стремятся поднять общій уровень свѣдѣній духовенства, хотя и ограничиваютъ клиромъ изученіе писанія. Еретики ставятъ цѣлью исканіе добродѣтели и высшей правды, вѣрятъ въ непосредственное свое общеніе съ Богомъ; ревнители хотятъ водворить царство божье, опираются на чудеса и знаменія, въ коихъ усматриваютъ раскрытіе воли Провидѣнія. Такимъ образомъ, ереси и церковныя преобразованія представляютъ собой родственныя проявленія одного и того же общественнаго броженія. Сдѣланное сопоставленіе ясно показываетъ, что въ различныхъ слояхъ, въ различныхъ мѣстностяхъ почва была подготовлена для воспріятія преобразовательныхъ идей, и необходимъ былъ лишь вождь, чтобы направить мѣстныя теченія въ одно общее русло. Такимъ вождемъ явилось папство.

Правда, въ первую половину XI вѣка папство само, какъ извѣстно, находилось въ положеніи, настойчиво требовавшемъ улучшенія. Оно не могло съ надлежащею силой и вліяніемъ преслѣдовать интересы всей церкви, оно сдѣлалось игрушкой въ рукахъ честолюбивыхъ и алчныхъ римскихъ бароновъ, притязавшихъ на „наслѣдственныя права“ по отношенію къ „апостольскому престолу“, но въ римскомъ духовенствѣ живы были властныя традиціи прежнихъ славныхъ временъ

Библиотека "Руниверс"

и мысль о папскомъ преобладаніи пустила слишкомъ глубокіе корни въ средѣ западноевропейскаго общества, чтобы годы униженія и безсилія могли вырвать изъ сердецъ прочныя представленія о главенствѣ папы. Даже Бенедиктъ IX, несмотря на всю свою распущенность, не порвалъ окончательно съ преданіями прошлаго и въ его посланіяхъ отражаются слѣды общественной жажды преобразованій [1]). Онъ все-таки оставался для вѣрующихъ духовнымъ главою христіанскаго міра. Естественно, что съ переходомъ „ключей св. Петра" въ другія болѣе чистыя и надежныя руки традиціонныя воззрѣнія должны были возобладать и союзъ между папствомъ и общественными теченіями, направленными къ преобразованіямъ, былъ лишь вопросомъ времени. Этотъ переходъ произошелъ быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, имѣя въ виду молодость Бенедикта, дѣлавшую вѣроятною значительную продолжительность его понтификата. Стеченіе крайне своеобразныхъ обстоятельствъ ускорило неизбѣжную развязку.

Соблазнительное поведеніе Бенедикта вызывало недовольство римлянъ, подогрѣваемое завистью части римской знати къ преобладанію тускуланцевъ, къ которымъ принадлежалъ молодой папа. Первое покушеніе противъ него не удалось, потому что суевѣрный страхъ передъ солнечнымъ затменіемъ помѣшалъ заговорщикамъ выполнить свой замыселъ и лишить Бенедикта жизни во время богослуженія [2]). Вскорѣ послѣ этого состоялась попытка выставить антипапу въ лицѣ Іоанна, епископа Сабинскаго, принявшаго имя Сильвестра III. Есть основаніе думать, что онъ былъ ставленникомъ противниковъ тускуланцевъ, кресценціевъ [3]); да и памятникъ говоритъ, что Сильвестра выдвинула часть римской знати [4]). Въ вѣчномъ городѣ началась уличная борьба и Бенедиктъ, вынужденный покинуть Римъ, укрылся въ одномъ изъ своихъ крѣпкихъ замковъ. Однако, это удаленіе оказалось кратковременнымъ: братья папы, Петръ и Григорій, носившій санъ римскаго патриція, въ союзѣ съ транстиберинцами и вельможами Кампаніи, поддержали вооруженною рукой свои „наслѣдственныя права" на тіару, и Сильвестръ возвратился въ свое епископство, сожалѣя о непроизводительно потраченныхъ деньгахъ [5]). Повидимому, между

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* 1898, февраль, стр. 291. Часть CCCXV.

[2]) Rodulfi Glabri Lib. IV c. 9 p. 684.

[3]) Hauck B. III p. 570. Gregorovius B. IV p. 14 и 47 пр. 2.

[4]) Bonithonis Lib. ad Amicum. Lib. V p. 626.

[5]) Desiderii Dialogorum. Lib. III p. 1004. Ср. Leonis Casinensis Lib. II c. 77 p. 682.

Библиотека "Руниверс"

нимъ и Бенедиктомъ состоялось соглашеніе, поведшее къ возстановленію прежняго положенія обоихъ соперниковъ: Сильвестръ отказался отъ притязаній на тіару, папа оставилъ за нимъ его сабинское епископство. Это соглашеніе необходимо для объясненія присутствія бывшаго антипапы на соборѣ по дѣлу архіепископа Градскаго (1044 г.), какъ показываютъ акты собора, скрѣпленные подписью Іоанна, епископа Сабинскаго [1]).

Отдѣлавшись отъ соперника, Бенедиктъ задумываетъ рѣшительный шагъ къ закрѣпленію папской каѳедры въ своемъ родѣ: онъ предполагаетъ вступить въ бракъ съ дочерью одного изъ главныхъ виновниковъ возвышенія Сильвестра [2]); быть можетъ, Бенедиктъ хотѣлъ сдѣлаться родоначальникомъ династіи папъ, удовлетворявшихъ притязаніямъ наиболѣе вліятельныхъ баронскихъ родовъ Рима. Въ этомъ намѣреніи нѣтъ ничего неправдоподобнаго, такъ какъ женатые епископы и даже аббаты встрѣчались въ то смутное время [3]). Но планы Бенедикта встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны отца его избранницы, который потребовалъ, чтобы женихъ предварительно отказался отъ сана намѣстника апостоловъ. Штейндорфъ и другіе изслѣдователи сомнѣваются въ правдивости разказа Бонитона о брачныхъ стремленіяхъ Бенедикта, указывая на молчаніе остальныхъ источниковъ. Однако, этотъ доводъ самъ по себѣ очень слабъ и имѣетъ доказательную силу только какъ подкрѣпленіе другихъ болѣе вѣскихъ соображеній. Кромѣ того, въ источникахъ есть указаніе, поддерживающее свидѣтельство Бонитона: алтаихскій лѣтописецъ, вообще хорошо освѣдомленный объ италіанскихъ событіяхъ, приписываетъ удаленіе Бенедикта съ каѳедры св. Петра „недозволенному браку“ [4]), въ который онъ намѣревался вступить. Наконецъ, въ характерѣ Бенедикта, молодаго, необузданнаго, страстнаго, нѣтъ чертъ, не допускающихъ подобнаго рода замыселъ. Санъ, принятый не по призванію не служилъ же помѣхой его скандальнымъ похожденіямъ, а потому

---

[1]) Mansi XIX p. 610. Cp. Sigiberti chronicon p. 358.

[2]) Bonithonis Lib. V p. 626.

[3]) Епископъ Лозанскій Бургардъ uxorem legitimam habuit; Видонъ епископъ Миланскій „concubinatus“ Bonithonis. Lib. VI p. 639. Cp. R. I, № 77, p. 96 и R. II, № 10, p. 124. Petri Damiani Op. 17 praef. p. 381. Desiderii Dialogorum Lib. III, 1003. Примѣромъ брачной жизни монаховъ можетъ служить Historiae Farfenses. Hugonis opuscula c. 6 p. 535. Образъ жизни такъ называемыхъ „мірскихъ аббатовъ“ достаточно характеризуютъ постоянныя жалобы соборовъ.

[4]) Annales Altahenses p. 803.

Библиотека "Руниверс"

онъ совершенно свободно могъ отважиться на новое сумасбродство. Не привыкнувъ сдерживать себя и отказывать въ удовлетвореніи своимъ прихотямъ, Бенедиктъ предпочелъ выполнить поставленное ему условіе, чѣмъ оставить мысль о бракѣ. Многое говорило ему за отказъ отъ тіары: онъ испыталъ недовольство римлянъ и отлично видѣлъ, что его власть не отличалась прочностью; памятникъ [1]) прямо говоритъ, что Бенедиктъ считалъ себя „всѣмъ ненавистнымъ"; его поведеніе рождало соблазнъ и въ средѣ ревнителей раздается голосъ, совѣтующій папѣ отказаться отъ сана ради искупленія совершенныхъ грѣховъ. Этотъ совѣтъ находитъ отзвукъ въ сердцѣ папы, повидимому, не чуждаго страха передъ загробными муками и обращавшагося къ подвижнику, св. Вареоломею, за указаніемъ пути для примиренія съ небомъ [2]). Да и Дезидерій [3]) говоритъ, что Бенедиктъ, видя презрѣніе къ себѣ клира и народа, обусловленное совершенными беззаконіями, сознавая, что толки о его проступкахъ достигаютъ все большаго распространенія, предпочелъ жить въ свое удовольствіе, какъ Эпикуръ, чѣмъ носить тіару.

Къ довершенію затрудненій Бенедикта часть недовольныхъ имъ римлянъ съ архидіакономъ Петромъ во главѣ обратилась къ Генриху III съ просьбой о скорѣйшей помощи св. матери церкви [4]). Папа не могъ разсчитывать на снисходительное отношеніе къ ихъ разоблаченіямъ со стороны короля, извѣстнаго своимъ аскетическимъ настроеніемъ, сторонника преобразованій въ церкви, задѣтаго вдобавокъ постановленіями послѣдняго собора по дѣлу градскаго архіепископа [5]).

Итакъ, Бенедиктъ, подъ вліяніемъ сложныхъ побужденій, остановился на мысли передать другому „апостольскій престолъ". Но молодой папа не хотѣлъ покидать его съ пустыми руками, да и родственники его, несомнѣнно, не пожелали бы безвозмездно разстаться съ благами, извлекаемыми ими изъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на каѳедру св. Петра. Естественно, что преемникъ Бенедикта долженъ былъ быть настолько богатъ, что могъ бы возмѣстить убытки тускуланцевъ и ихъ сторонниковъ, и въ то же время онъ по своему образу

---

[1]) Leonis Casinensis. Lib. II, c. 77, p, 682.

[2]) Vita et conversatio S. Bartholomaei, c. II p. 961. Martene et Durand, Veterum scriptorum et monumentorum amplissima collectio. Tomus VI. Parisiis 1729 г.

[3]) Desiderii Lib. III p. 1004.

[4]) Bonithonis. Lib. V p. 627.

[5]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 г. февраль. стр. 292.

Библиотека "Руниверс"

жизни долженъ былъ удовлетворить смущенную соблазнительнымъ поведеніемъ Бенедикта совѣсть ревнителей. Мало того, новый папа по каноническимъ требованіямъ долженъ былъ принадлежать къ римской церкви, и его возвышеніе должно было произойдти при участіи клира и народа.

По единогласному свидѣтельству источниковъ, только одинъ человѣкъ въ средѣ римскаго духовенства пользовался всеобщимъ уваженіемъ за чистоту своей жизни. Онъ же располагалъ и значительными денежными средствами. Это былъ архипресвитеръ Іоаннъ Граціанъ [1]), человѣкъ близкій къ тускуланцамъ, какъ крестный отецъ Бенедикта, имѣвшій связи съ ревнителями и накопившій огромныя сокровища съ благими цѣлями. Ему-то Бенедиктъ и передалъ санъ папы [2]) по особому документу [3]), скрѣпленному клятвеннымъ обязательствомъ римлянъ не признавать никого другаго первосвященникомъ при жизни Іоанна. Итакъ, Бенедиктъ добровольно сложилъ съ себя бремя папской тіары и самъ объявилъ себя недостойнымъ сана намѣстника апостоловъ, самъ осудилъ свое прошлое. Стало быть, идея неподсудности римскаго первосвященника, служившая однимъ изъ лозунговъ преобразовательной партіи, осталась неприкосновенною: каноническія предписанія были соблюдены, хотя и крайне своеобразнымъ путемъ. Отказъ отъ „наслѣдственныхъ правъ" тускуланцевъ былъ возмѣщенъ взносомъ огромной суммы денегъ [4]); кромѣ того, источникъ, восходящій здѣсь къ разказамъ римлянъ, но относящійся къ болѣе позднему времени, говоритъ, что Бенедиктъ удержалъ за собой доходы съ Англіи [5]).

Такимъ образомъ, человѣкъ, стоявшій въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ сторонниками преобразованій, овладѣлъ престоломъ св. Петра при помощи неслыханной сдѣлки: добродѣтели, личныя заслуги и серебро одинаково склонили къ нему симпатіи римлянъ. Новый папа не покупалъ себѣ посвященія, а потому и не испытывалъ сознанія предосудительности средствъ, давшихъ ему тіару: понятіе о симоніи не было еще раскрыто въ полномъ объемѣ, не было расширено до такихъ крайнихъ

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 г., февраль, стр. 293—294.

[2]) Desiderii Lib. III, p. 1004.

[3]) Annales Romani p. 468.

[3]) Bonithonis Lib. V, 626 и 629.

[4]) Benonis II, c. 7, p. 378; Catalogus, p. 93.

[5]) Ottonis chronicon. Lib. VI, c. 32, p. 244.

Библиотека "Руниверс"

предѣловъ, какіе были ему приданы впослѣдствіи. На зарѣ преобразованій итальянскіе ревнители не усмотрѣли въ избраніи Іоанна Граціана, принявшаго имя Григорія VI, по крайней мѣрѣ въ первый моментъ, ничего соблазнительнаго. Такъ, Петръ Даміани, одинъ изъ наиболѣе яркихъ выразителей общественной склонности къ аскетизму, привѣтствовалъ новаго папу восторженнымъ письмомъ, въ которомъ раскрывалъ воодушевлявшія его идеальныя стремленія: „Да возрадуется небо и да возвеселится земля и да возликуетъ св. церковь, возвратившая преимущества своихъ древнихъ правъ, да сотрется тысячеобразная глава ядоноснаго змія, да прекратится торговля и постыдныя сдѣлки, равно какъ дѣятельность Симона въ церкви. Да возвратится въ ковчегъ голубка съ зеленѣющими листами оливы и да возвѣститъ, что миръ вернулся на землю; да возстановится нынѣ золотой вѣкъ апостольскій и снова расцвѣтетъ церковное благочиніе подъ защитой вашей мудрости; да будетъ подавлена алчность стремящихся къ епископскимъ митрамъ; да будутъ низвергнуты сѣдалища мѣнялъ, продающихъ голубей". „Возрожденіе міра, ожидаемое всѣми народами" отъ Григорія, должно, по мнѣнію Даміани, начаться съ наказанія епископовъ Пезаро, Кастелло и Фана. Рѣшеніе папы въ этихъ трехъ случаяхъ покажетъ, на что можно надѣяться въ будущемъ. Посланіе къ „святѣйшему государю папѣ Григорію" заканчивается пожеланіемъ, чтобы Господь хранилъ Григорія для сохраненія правъ церкви и соизволилъ народу своему заслуженно ликовать подъ управленіемъ такого папы" [1]). Другое письмо Даміани [2]) показываетъ, что онъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на распоряженія папы Григорія, стало быть, не считалъ его и впослѣдствіи человѣкомъ запятнаннымъ и недостойнымъ.

Возвышеніе Григорія не возбудило соблазна и въ остальномъ западно-христіанскомъ мірѣ: сохранившіеся отъ кратковременнаго правленія его документы показываютъ, что его признавали главой и къ нему обращались съ просьбами изъ различныхъ странъ и областей западной Европы. Такъ аббатъ перуджійскаго монастыря въ честь св. Петра, Бонитонъ, обратился къ нему съ просьбой подтвердить привиллегіи и закрѣпить обладаніе владѣніями его обители [3]). Съ подобной же просьбой прибѣгнули къ Григорію фульдскій аббатъ [4]),

---

[1]) Petri Damiani. Ep. Lib. I, № 1, p. 205—206.
[2]) Ibid. № 2, p. 207.
[3]) Jaffé № 4123.
[4]) Jaffé № 4125.

Библиотека "Руниверс"

аббатъ знаменитой Фарфы Альмерихъ [1]), бывшій преподавателемъ Генриха III [2]), и король французскій Генрихъ [3]). Да и остальныя распоряженія Григорія [4]), касающіяся, главнымъ образомъ, церковныхъ имуществъ и привиллегій, свидѣтельствуютъ о всеобщемъ признаніи его авторитета, равно какъ и другія документальныя данныя [5]) устраняютъ всякую мысль о чьемъ-либо недовольствѣ перемѣной, происшедшей въ Римѣ. Въ высшей степени важно установить, какъ къ ней отнеслись вліятельные клюнійцы и король Генрихъ III.

Нѣмецкій изслѣдователь Гфререр [6]) усматриваетъ въ возвышеніи Григорія преобразовательную мѣру, задуманную и проведенную клюнійцами съ вѣдома и согласія Генриха III. Для правильнаго пониманія хода дальнѣйшихъ событій необходимо установить степень основательности утвержденій Гфререра путемъ разбора выдвигаемыхъ имъ основаній. Прежде всего онъ ссылается на современное свидѣтельство Родульфа Глабра, который говоритъ [7]), что Бенедиктъ „былъ, съ согласія всего римскаго народа и по предписанію императора, удаленъ съ апостольскаго престола и на мѣсто его возведенъ мужъ, набожнѣйшій и выдѣляющійся по святости жизни, Григорій, по происхожденію римлянинъ. Его добрая слава улучшила оскверненное предшественникомъ". Косвенное подтвержденіе своему мнѣнію Гфререр видитъ въ извѣстіи англійскаго хрониста (XII вѣка) Вильгельма Мальмесбюрійскаго [8]), сообщающаго, что Григорій обращался къ Генриху за вооруженной помощью для защиты римской церкви: „ясно, что Григорій не прибѣгалъ бы къ защитѣ Генриха, если бы его возвышеніе не произошло съ одобренія нѣмецкаго короля" [9]). Наконецъ, Гфререр указываетъ, что признаніе Григорія папой, засвидѣтельствованное его буллами, не могло состояться безъ согласія, даннаго предварительно нѣмецкимъ королемъ, какъ защитникомъ римской церкви.

Свидѣтельство Глабра не встрѣчаетъ довѣрія со стороны другихъ изслѣдователей: такъ, его отвергаютъ, между прочимъ, Штейндорфъ [10]),

---

[1]) Jaffé № 4126.
[2]) Historiae Farfenses c. 5, p. 559.
[3]) Jaffé № 4130.
[4]) Jaffé №№ 4124, 4128 и 4129.
[5]) Steindorff. I, p. 261, n. 2.
[6]) Gfrörer B. VI, p. 482 сл.
[7]) Rodulfi Glabri, monachi Cluniacensis, Historiarum. Lib. V, c. 5, p. 698.
[8]) Willelmi Malmesburiensis, Gesta regum Anglorum Lib. II, § 202, p. 1187.
[9]) Gfrörer B. VI, p. 483.
[10]) Steindorff I, p. 262.

Библиотека "Руниверс"

Лангенъ [1]) и Гаукъ [2]). Однако, предложенныя ими объясненія возникновенія ошибочнаго утвержденія Глабра нельзя счесть убѣдительными, равно какъ нельзя думать, что германское правительство, имѣвшее частыя сношенія съ Италіей, не было своевременно освѣдомлено о событіяхъ въ Римѣ. Такимъ образомъ, Генрихъ III съ самаго начала долженъ былъ такъ или иначе отнестить къ возвышенію Григорія. Данныя источниковъ показываютъ, что онъ признавалъ Іоанна Граціана дѣйствительнымъ намѣстникомъ апостоловъ [3]): такъ, современникъ событій, Германъ [4]) Разслабленный, отмѣчаетъ въ своей хроникѣ почетный пріемъ, оказанный Генрихомъ Григорію VI въ Піаченцѣ; по Дезидерію [5]), Льву Монтекассинскому [6]) и Бонитону [7]), Григорій предсѣдательствовалъ на Сутрійскомъ соборѣ, гдѣ присутствовалъ и король Генрихъ. Но признаніе папой Григорія VI еще не доказываетъ, что самое его возвышеніе состоялось по „предписанію императора", слѣдовательно опорой мнѣнія Гфререра остается одно свидѣтельство Глабра. Для его объясненія необходимо имѣть въ виду, что клюнійцы были сторонниками императора и въ свѣтской власти видѣли законнаго покровителя и защитника „апостольскаго престола", имѣющаго право вліять на его замѣщеніе: Григорій не встрѣтилъ противодѣйствія со стороны германскаго короля, будущаго императора, стало быть его возвышеніе произошло „по предписанію" послѣдняго; Глабръ не составилъ „басню", но, вѣрный раздѣляемымъ имъ клюнійскимъ воззрѣніямъ, просто далъ сообразное имъ толкованіе и освѣщеніе излагаемыхъ событій.

Итакъ, несомнѣнно, что Генрихъ III на первыхъ порахъ признавалъ Григорія папой, тогда какъ догадка Гфререра о коварныхъ расчетахъ, побудившихъ германскаго короля приказать возвести Іоанна Граціана, не имѣетъ подъ собой твердой почвы и только затрудняетъ правильное воспроизведеніе послѣдующихъ событій. Не могъ же Генрихъ III дѣйствовать противъ своего ставленника, не вселяя крайняго недовѣрія римлянамъ, которые, иначе, усмотрѣли бы въ немъ нарушителя своихъ собственныхъ „предписаній"; коварство,

---

[1]) Langen p. 448.
[2]) Hauck III, p. 583.
[3]) Cp. Chronicon S. Benigni Divionensis, p. 237.
[4]) Herimanni Chronicon, p. 126. Cp. Ottonis Frisingensis Lib. VI, c. 32, p. 244.
[5]) Desiderii Lib. III, p. 1005.
[6]) Leonis Lib. II, c. 77, p. 682.
[7]) Bonithonis Lib. V, p. 627.

Библиотека "Руниверс"

интрига и расчетъ меньше всего входили въ церковно-преобразовательные планы короля, глубоко и искренне преданнаго дѣлу реформы.

Въ какихъ отношеніяхъ находилось Клюньи къ перемѣнѣ, происшедшей въ Римѣ, благодаря отказу Бенедикта отъ тіары—вотъ второй вопросъ, подлежащій немедленному разсмотрѣнію. Для его разрѣшенія необходимо прежде всего установить кругъ памятниковъ, находящихся въ распоряженіи изслѣдователей.

Баксманъ [1]) въ доказательство связей Григорія съ Клюньи ссылается на буллу, выданную аббату Одилону въ подтвержденіе льготъ и владѣній клюнійской обители. Но Штейндорфъ неоспоримо доказалъ [2]), что эта булла принадлежитъ не Григорію VI, а Григорію V Соображенія Штейндорфа побудили издателей „Regesta pontificum romanorum" перенести эту грамоту изъ списка документовъ, выданныхъ Григоріемъ VI, куда она была включена въ первомъ изданіи, въ число буллъ Григорія V [3]). Да и Сакуръ [4]) согласился съ доводами Штейндорфа. Строго говоря, подобнаго рода документъ, если бы даже и былъ выданъ Григоріемъ VI, мало содѣйствовалъ бы уясненію его сношеній съ Клюньи, потому что обыкновенно при всякой перемѣнѣ на „апостольскомъ" и императорскомъ престолахъ клюнійскіе аббаты просили и получали возобновленіе и потвержденіе преимуществъ своей обители. Другихъ доказательствъ сторонники [5]) клюнійскихъ вліяній не приводятъ, такъ какъ въ сущности основываются на сочувственномъ отзывѣ Глабра. Конечно, и этотъ отзывъ не можетъ имѣть значенія, тѣмъ болѣе, что Родульфъ писалъ не въ Клюньи, а въ Оксеррѣ [6]) въ С.-Жерменской обители, стало быть его мнѣніе не является отголоскомъ взглядовъ клюнійскаго аббата Одилона. Такимъ образомъ, участіе клюнійцевъ въ возвышеніи Іоанна Граціана и связи Клюньи съ Григоріемъ VI не доказаны и представляются въ виду свидѣтельства жизнеописанія Одилона [7]) недопустимыми.

---

[1]) Baxmann, Die Politik der Päpste II, p. 201.

[2]) Steindorff I, p. 490—492.

[3]) Regesta Pontificum Romanorum № 3895 (3136).

[4]) Sackur I, p. 337.

[5]) Gfrörer VI, p. 568, и Giesebrecht II, 411 и 664. Ср. также Steindorff I, p. 262.

[6]) Sackur II, p. 203.

[7]) Vita Odilonis Lib. I, c. 7, p. 902, гдѣ перечисляются папы, съ которыми Одилонъ находился въ дружескихъ и близкихъ сношеніяхъ, и не упоминается Григорій VI.

Библиотека "Руниверс"

Правда, Гфререр[1]) полагаетъ, что Клюньи дало Григорію не только матеріальную поддержку, но и руководителя въ лицѣ Гильдебранда. Между тѣмъ, раннее пребываніе послѣдняго въ Клюньи не засвидѣтельствовано съ достаточной точностью, даже вѣроятностью [2]), стало быть клюнійцы, вообще далекіе отъ вмѣшательства въ римскія дѣла, не могли и посылать его своимъ уполномоченнымъ. Что касается денежной поддержки, то тутъ Гфререр создаетъ уже безъ всякихъ основаній гипотезу о „строительной казнѣ", составленной изъ сборовъ для преобразовательныхъ цѣлей и давшей будто бы Григорію возможность расплатиться съ Бенедиктомъ. Зерномъ, изъ котораго выросъ этотъ плодъ неудержимой фантазіи нѣмецкаго изслѣдователя, является отрывокъ папской буллы, напечатанный у Манзи [3]), откуда его заимствовалъ Минь [4]). Прежніе изслѣдователи, въ числѣ ихъ Яффе [5]) и Гизебрехтъ [6]), усматривали въ разсматриваемомъ документѣ посланіе папы Григорія VI, но Штейндорфъ [7]) возсталъ противъ общепринятаго мнѣнія, относя эту буллу ко времени Григорія VII. Выставленные имъ доводы убѣдили Гизебрехта [8]) и ученыхъ, занявшихся обработкой изданія Яффе [9]). Такимъ образомъ, догадка Штейндорфа вошла въ научный обиходъ. Однако, выставленные имъ доводы не имѣютъ рѣшающаго значенія и въ самой буллѣ есть указанія, не привлеченныя къ дѣлу. Въ виду того обстоятельства, что принадлежность посланія къ регистру Григорія VI или VII имѣетъ существенное значеніе для пополненія скудныхъ свѣдѣній о положеніи папства въ самомъ Римѣ, необходимо пересмотрѣть возбужденный Штейндорфомъ вопросъ.

Нѣмецкій изслѣдователь совершенно справедливо указываетъ, что сдѣланное буллой описаніе разграбленія церковныхъ имуществъ можетъ относиться и ко временамъ Григорія V и Григорія VII. Само по себѣ, слѣдовательно, оно не имѣетъ рѣшающаго значенія при разсмотрѣніи поставленнаго вопроса. Но уже Гфререр[10]) ставилъ извѣстіе

---

[1]) Gfrörer VI, p. 494.

[2]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898, февраль, стр. 295.

[3]) Mansi XIX, p. 611.

[4]) Migne T. 142, p. 573—574.

[5]) Jaffe Regesta № 3137.

[6]) Giesebrecht II, p. 413.

[7]) Steindorff I, p. 492—496.

[8]) Giesebrecht II, p. 664.

[9]) Regesta № 4916.

[10]) Gfrörer VI, p. 497.

Библиотека "Руниверс"

Вильгельма Мальмесбюрійскаго [1]) въ параллель съ показаніемъ буллы. Сообщеніе англійскаго хрониста, правда, заключаетъ въ себѣ черты явно недостовѣрныя, но въ немъ имѣется и зерно истины, такъ что Штейндорфъ впадаетъ въ ошибку, говоря, будто въ разказѣ Вильгельма нѣтъ „индивидуальныхъ", годныхъ для изслѣдованія данныхъ. Сообщаемая Вильгельмомъ частность — походъ Генриха III противъ Лютичей, подтверждается свидѣтельствомъ Германа Разслабленнаго [2]); прозвище „sanguinarius", данное, по Вильгельму, римскими баронами Григорію, находитъ соотвѣтствіе въ характеристикѣ „Catalogus Eccardi": „fuit factus homo armorum" [3]); напоминаніе о просвѣтительной дѣятельности и правахъ римской церкви, сдѣланное въ такихъ выраженіяхъ какъ: „notum vobis fieri volumus",... мало подходитъ къ временамъ Григорія VII, когда эти права уже давно сдѣлались вновь общеизвѣстными; еще неумѣстнѣе въ устахъ этого папы жалоба на то, что Римская церковь въ его время „et in religione friguit et terrenas opes majori ex parte amisit": годы Александра II поставили достаточно высоко, не говоря уже о Львѣ IX Святомъ, „добрую славу" папства, тогда какъ послѣ похожденій Бенедикта подобное сѣтованіе находитъ оправданіе въ недавно пережитыхъ скандалахъ. Наконецъ, послѣ дѣятельности Льва IX, Виктора II, самого Гильдебранда, опытнаго финансиста, трудно было бы назвать себя Григорію VII „nec rebus quidem divites", тогда какъ именно богатство Гильдебранда вызывало нареканія его враговъ [4]). Немыслимо допустить также, чтобы обновленное папство довело до разрушенія храмъ св. Апостоловъ, что совершенно естественно во времена Бенедикта, жившаго въ свое удовольствіе и за постоянными смутами и неурядицами не могущаго ни накопить достаточно средствъ, ни заняться возобновленіемъ храма. Брошенное мимоходомъ замѣчаніе Бонитона [5]), что Григорій VI намѣревался употребить собранныя деньги на поправку храмовъ, слѣдовательно, въ этомъ ощущалось нужда, нельзя упускать изъ виду именно вслѣдствіе его случайности; да и булла является свидѣтельствомъ, что Григорій приступилъ къ осуществленію своего намѣренія. Приведен-

---

[1]) Willelmi Malmesburiensis Lib. II, § 201, p. 1183—1184.

[2]) Herimanni p. 125.

[3]) Gregorovius IV, p. 52.

[4]) Bernaldi De damnatione scismaticorum, c. 11, p. 51; Benonis II, c. 11, p. 380; Cod. Ud. № 64, p. 134. Petri Crassi, p. 434. Benzonis Lib. III c. 10 p. 626. См. также Замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка, стр. 86.

[5]) Bonithonis Lib. V, p. 628.

Библиотека "Руниверс"

ныя соображенія кажутся достаточными для устраненія мнѣнія Штейндорфа, тѣмъ болѣе что онъ не приводитъ положительныхъ доказательствъ въ свою пользу; опроверженія же его, въ виду выставленныхъ данныхъ, не охватываютъ всего содержанія буллы и сводятся [1]) къ указанію чертъ, одинаково присущихъ, по мнѣнію Штейндорфа, и времени Григорія VII; слѣдовательно, на отличія не обращено должнаго вниманія.

Установленіе принадлежности разсматриваемаго отрывка папѣ Григорію VI даетъ возможность пріобрѣсти точку опоры для разсмотрѣнія скудныхъ и отрывочныхъ данныхъ о дѣятельности этого папы. Несомнѣнно, что онъ засталъ римскую церковь въ самомъ жалкомъ положеніи: годы самоуправнаго владычества своекорыстныхъ бароновъ должны были сказаться въ расхищеніи достоянія св. Петра. И вотъ булла говоритъ [2]): „нѣкоторые императоры, короли и князья, равно какъ лица другихъ сословій, охваченные злополучной алчностью, не побоялись подвергнуться проклятію своей матери, св. римской церкви, захватили и расточили ея владѣнія, обративъ ихъ на собственныя нужды. Отсюда возникли опустошенія, разбои, хищенія, направленныя противъ главы церкви, то-есть, блаженнаго Петра. Вотъ почему главный храмъ его и апостола Павла, извѣстный всему міру какъ хранилище мощей этихъ апостоловъ, привлекающій къ себѣ всѣ народы, уже, увы, о горе, грозитъ разрушеніемъ“. Вильгельмъ Мальмесбюрійскій, писатель болѣе поздняго времени [3]), но имѣвшій возможность хорошо ознакомиться съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Римѣ, благодаря частымъ путешествіямъ туда англійскаго духовенства, говоритъ [4]), что Григорій VI въ началѣ своего понтификата нашелъ средства римской церкви настолько уменьшенными, что, кромѣ немногихъ городковъ, сосѣднихъ Риму, и приношеній вѣрныхъ, онъ почти ничего не имѣлъ для поддержанія своего существованія. Болѣе отдаленныя владѣнія были захвачены грабителями; самыя дороги въ вѣчный городъ были переполнены разбойниками, которые не щадили никого, „такъ что только съ сильнымъ отрядомъ можно было безопасно совершить путешествіе. Богомольцы стали избѣгать опаснаго странствованія“, что, конечно, было равносильно умаленію доходовъ куріи.

---

[1]) Steindorff I, p. 496.
[2]) Migne 142, p. 574.
[3]) Умеръ 1142 г. Wattenbach II, p. 519.
[4]) Willelmi Malmesburiensis Lib. 11, § 201, p. 1183.

Библиотека "Руниверс"

Справедливость показанія Вильгельма подтверждаетъ письмо Канута Великаго [1]), въ которомъ сообщается, что „король выговорилъ для своихъ подданныхъ безопасность римскихъ богомоленій и освобожденіе отъ безчисленныхъ феодальныхъ поборовъ, взимаемыхъ владѣльцами земель, черезъ кои проходилъ путь въ Римъ. Разграбленіе же достоянія св. Петра" было прекращено и права римской церкви возстановлены совокупными усиліями преемниковъ Григорія VI. Достаточно припомнить, что они сохраняли за собой свои прежнія епископскія каѳедры, чтобъ имѣть какой-либо вѣрный источникъ доходовъ.

Крайнему обѣднѣнію римской куріи, увеличенному безчисленными дареніями, расточаемыми папами, соовѣтствовало паденіе авторитета ихъ въ стѣнахъ вѣчнаго города. Римское духовенство стяжало себѣ громкую извѣстность своею продажностью [2]), вело крайне распущенный образъ жизни [3]) и обыкновенно пріобрѣтало свои саны путемъ симонія.

„Въ средѣ римскихъ бароновъ царили безчисленныя распри, убійства и частныя войны, смуты и раздоры. Каждый, полагаясь на множество своихъ воиновъ и поддержку родственниковъ, похищалъ у римской церкви все, что могъ. Владѣнія римскаго престола растерзывали на безсчетное количество частей; для поддержанія покорности папа долженъ былъ раздавать деньги, иначе ему грозила постоянная опасность" [4]). Убійцы расхаживали по улицамъ города и безпощадно грабили богомольцевъ, съ опасностію жизни прибывшихъ на поклоненіе гробницѣ апостоловъ. По живописному выраженію Вильгельма Мальмесбюрійскаго [5]), „обнаженные мечи сверкали надъ мощами св. апостоловъ и мучениковъ и надъ святыней алтарей; едва положенныя приношенія вырывали изъ рукъ и обращали на пирушки и украшенія легкомысленныхъ женщинъ". Это извѣстіе позднѣйшаго писателя подтверждается сообщеніями Бонитона по поводу насилій Ценція и злоупотребленій сторожей храма св. Петра [6]).

Такое положеніе дѣлъ опредѣлило ближайшія задачи Григорія VI: онъ стремится возобновить римскія святыни и возвратить церкви св.

---

[1]) Epistola Canuti regis ad gentem Anglorum. Mansi XIX p. 499 сл. Пребываніе Канута въ Римѣ относится къ 1027 г.

[2]) Cosmae chronicon Bohemorum. Lib. II, c. 7, p. 71.

[3]) Bonithonis Lib. V, p. 628.

[4]) Widonis Ferrarensis Lib.

[5]) Willelmi Malmesburiensis. Lib. II, § 201, p. 1183—1184.

[6]) Bonithonis Lib. VII, p. 660—661, 665 и 674. О самовольствѣ и раздорахъ бароновъ см. также Annales Romani.

Библиотека "Руниверс"

Петра ея отторгнутое достояніе. На призывъ папы откликается аскетически настроенное дворянство южной Франціи: отрывокъ буллы Григорія VI говоритъ [1]), что богобоязненные клирики и очень многіе міряне рѣшили ежегодно жертвовать часть своего имущества на возобновленіе римскихъ храмовъ, „дабы Господь удостоилъ жертвователей соблюсти въ чистотѣ вѣру, исповѣданную при крещеніи, и уготовалъ бы имъ вѣчное блаженство". Несравненно труднѣе было возстановить поземельныя владѣнія римской церкви. Здѣсь дѣятельность папы затрагивала множество самыхъ чувствительныхъ и взаимно перепутанныхъ интересовъ. Захваченное уже считалось какъ бы наслѣдственной собственностью и разстаться съ нимъ римскіе бароны, не отличавшіеся особой религіозностью, не хотѣли изъ одного только страха передъ загробными муками и карой отлученія. Поэтому увѣщанія Григорія обречены были на полнѣйшую неудачу: его предложенія возвратить награбленное или доказать законнымъ порядкомъ свои права остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Религіозныя воззрѣнія ревнителей допускали, строго говоря, для папы лишь употребленіе духовнаго оружія. По началу папа пошелъ по обычному пути всѣхъ современныхъ соборовъ; онъ сталъ отлучать отъ церкви, но и эта мѣра не испугала привыкшихъ къ подобнымъ угрозамъ римлянъ: почти каждый соборъ, созванный папой, охранялъ анаѳемой свои постановленія; каждая дарственная церкви заканчивалась угрозами вѣчныхъ мукъ нарушителямъ. Постоянные захваты пріучили не обращать на сулимую кару особаго вниманія. Нуженъ былъ не страхъ передъ загробными муками, отъ коихъ можно было отдѣлаться предсмертнымъ покаяніемъ и пожертвованіями, а сознаніе немедленной, земной опасности, стало быть необходимо было противъ насильниковъ прибѣгнуть къ грубой силѣ.

Обязанность отстаивать вооруженною рукой права церкви и ея достояніе лежала, по всеобщему убѣжденію, на свѣтской власти. Каждая церковь имѣла своего покровителя и защитника. Патрономъ римскаго престола былъ императоръ или германскій король, какъ „наслѣдникъ императорской короны". И вотъ Григорій, если вѣрить Вильгельму Мальмесбюрійскому [2]), обращается къ Генриху III и послѣ его отказа въ немедленной помощи, обусловленнаго походомъ на Лютичей, самъ выступаетъ, подобно ветхозавѣтнымъ священникамъ,

---

[1]) Migne 142 p. 574.

[2]) Lib. II, § 202 p. 1187.

Библиотека "Руниверс"

противъ грабителей. Этотъ выходъ былъ опять-таки совершенно естественнымъ съ точки зрѣнія тогдашняго положенія дѣлъ: папство, не получая даже поддержки отъ германскаго правительства, вынуждено было для сохраненія своихъ владѣній выступать съ оружіемъ въ рукахъ, хотя и подвергало себя упрекамъ со стороны строгихъ ревнителей. Стоитъ припомнить борьбу Льва IX съ норманнами и осужденіе его похода Даміани.

Итакъ, служитель Бога любви и прощенія, учитель мира, сдѣлался „человѣкомъ оружія" [1]). Въ высшей степени важно опредѣлить тѣхъ лицъ, кто вдохновлялъ новаго папу на открытую борьбу, кто изъ „подвижника" сдѣлалъ практическаго дѣятеля. Трудно указать опредѣленное лицо; несомнѣнно, что на Григорія VI дѣйствовали общія традиціи римскаго престола, какъ извѣстно [2]), не прекращавшіяся даже въ мрачныя времена Бенедикта IX. Носителелемъ этихъ традицій была папская канцелярія, въ составѣ которой при Григоріи VI произошли нѣкоторыя измѣненія [3]): вмѣсто Сергія, „скриніарія и нотарія св. латеранскаго палаціума", выступаетъ Іоаннъ; обычай помѣчать буллы, не бывшій въ употребленіи при Бенедиктѣ, возстановленъ Григоріемъ, при которомъ „Петръ, діаконъ, библіотекарь и канцеллярій св. апостольскаго престола", помѣчаетъ дарственную каноникамъ флорентійской церкви и подтвержденіе владѣній монастыря въ честь св. Квинтина [4]). Оба эти сановника продолжаютъ свою дѣятельность при Климентѣ II, слѣдовательно, сохраняютъ свое положеніе и послѣ паденія папы Григорія. Петръ же остается библіотекаремъ и при папѣ Львѣ, когда только смерть положила конецъ его канцлерскимъ занятіямъ [5]). Это обстоятельство показываетъ, что и Петръ и Іоаннъ были люди достойные, сторонники преобразованій, а потому ихъ вліяніе могло только усилить рвеніе самого папы. За отсутствіемъ данныхъ нѣтъ возможности болѣе опредѣленно обрисовать ихъ отношеніе къ Григорію VI и степень участія въ событіяхъ его кратковременнаго понтификата. Столь же недостаточны прямыя ука-

---

[1]) Catalogus Eccardi. Gregorovius IV, p. 52.

[2]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, февраль 1898 г., стр. 291.

[3]) Jaffe Regesta Pontificum Romanorum I, p. 519 и 524.

[4]) Ibid., p. 525.

[5]) Jaffe I, p. 529. Петръ умеръ въ октябрѣ 1050 г., см. Chronicon Petri vivi p. 32. M. G. T. XXXI. Деляръ совершенно невѣрно отожествляетъ его съ префектомъ Петромъ (Delarc I, p. 130 и 141), тогда какъ памятники различаютъ ихъ. См. Jaffe I, № 4156 и Watterich I, p. 117.

Библиотека "Руниверс"

нія на положеніе, занятое Гильдебрандомъ при дворѣ его „учителя", Іоанна Граціана. Источники сохранили лишь нѣсколько открывочныхъ и разрозненныхъ чертъ по этому поводу. Какъ извѣстно [1]), Гильдебрандъ послѣдовалъ таинственнымъ указаніямъ свыше и, считая себя избранникомъ апостола Петра, остался въ вѣчномъ городѣ. Бонитонъ сообщаетъ [2]), что Гильдебрандъ былъ капелланомъ Іоанна Граціана, къ которому приблизился, „покинувъ свой монастырь" [3]), слѣдовательно молодой монахъ связалъ свою судьбу съ участью Григорія VI еще до начала его понтификата. Дѣятельный, энергичный, не останавливающійся ни передъ чѣмъ для возстановленія попранной истины, Гильдебрандъ долженъ былъ внести свою долю въ планы новаго папы и принять участіе въ ихъ осуществленіи. Сохранилось указаніе, заимствованное изъ обличительнаго посланія антипапы Виберта, что Гильдебрандъ еще въ ранній періодъ своей жизни прибѣгалъ къ поступкамъ, несвойственнымъ и неподходящимъ для людей его званія. Такъ Видонъ Феррарскій [4]) сообщаетъ: „съ юныхъ лѣтъ (a puero) Гильдебрандъ обнаруживалъ рвеніе къ земному воинству, постоянно занимался воинскими дѣлами, ибо, еще будучи молодымъ монахомъ, онъ собралъ на свои средства отрядъ воиновъ въ надеждѣ защитить и освободить римскую церковь". Эти строки находятъ себѣ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ современниковъ, показывающихъ, что Гильдебрандъ не разъ прибѣгалъ къ вооруженной силѣ и тѣмъ навлекалъ на себя порицанія [5]). Да и въ письмахъ Григорія VII не разъ высказывается [6]) готовность къ отстаиванію съ оружіемъ въ рукахъ „праваго дѣла". Видонъ же Феррарскій въ подвержденіе своихъ словъ ссылается на свидѣтельство всѣхъ современныхъ Гильдебранду римлянъ.

Итакъ, повидимому, Гильдебрандъ уже при Григоріи VI принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ насильниками, захватившими

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, февраль 1898 г., стр. 298.

[2]) Bonithonis Lib. V, p. 630. Ducange, II, p. 119.

[3]) Benonis II, c. 6 p. 377.

[4]) Widonis Ferrariensis Lib. II, c. 2 p. 169.

[5]) Wenrici c. 2 p. 286; Petri Crassi c. 4 p. 439; Bennonis I, c. 2 p. 379; Benzonis Lib. III, c. 10 p. 626; Walrami. Lib. II, c. 2 p. 212. Ср. Widonis I, c. 2 p. 155.

[6]) См. напримѣръ, Ep. col. № 13, p. 535 и R. № 11, p. 22. Гильдебрандъ покровительствуетъ борьбѣ патаровъ съ вальвассорами, завоеванію Англіи, вооруженной рукой смиряетъ Бенедикта X и Кадала, равно какъ защищаетъ Римъ отъ Генриха.

Библиотека "Руниверс"

достояніе римской церкви. Несомнѣнно, что эта борьба и преобразовательныя стремленія папы должны были возбудить сильнѣйшее недовольство какъ въ средѣ римской знати, такъ и среди римскаго духовенства, недовольство тѣмъ болѣе опасное, что часть населенія вѣчнаго города не приняла никакихъ клятвенныхъ обязательствъ передъ Іоанномъ Граціаномъ [1]). Крутыя мѣры, кровопролитіе и примѣненіе насилія внушало, вдобавокъ, сомнѣнія ревнителямъ, руководившимся завѣтами св. отцовъ и каноническими постановленіями [2]). Идеалисты, мечтавшіе о полномъ отстраненіи церкви отъ мірскихъ дѣлъ, естественно не могли одобрительно смотрѣть на примѣненіе оружія папой: по ихъ глубочайшему убѣжденію, свѣтская власть въ лицѣ ея главы императора, должна была блюсти земные интересы церкви. Все настойчивѣе раздавались голоса, требующіе отъ германскаго короля энергичнаго вмѣшательства въ римскія дѣла; многіе не могли себѣ достаточно уяснить даже, кто былъ дѣйствительнымъ папой; ходили толки о трехъ „намѣстникахъ апостоловъ", о расколѣ и соблазнѣ въ церкви.

Неизвѣстный пустынникъ [3]) обратился къ Генриху съ просьбой, „расторгнуть, въ качествѣ намѣстника всемогущаго Бога, сомнительный бракъ, въ который вступила Сунамита съ тремя мужьями". Подъ вліяніемъ этихъ обращеній Генрихъ III не могъ оставить безъ вниманія происходящія въ Римѣ нестроенія, пагубныя для единства и блага всей церкви Христовой. Воспитанный въ духѣ преобразовательныхъ стремленій времени Генрихъ сознавалъ тяжкую отвѣтственность, тяготѣвшую надъ нимъ, какъ наслѣдникомъ императорской короны [4]), блюстителемъ единства и мира въ земномъ царствѣ божьемъ; онъ, въ виду обращенныхъ на него отовсюду взоровъ, возлагаемыхъ надеждъ и упованій, долженъ былъ поспѣшить выполненіемъ лежащаго на немъ долга,—возстановить попранныя предписанія каноновъ и освятить въ глазахъ всего христіанскаго міра свое вмѣшательство возложеніемъ на свою главу императорскаго вѣнца. Генрихъ III свято и ненарушимо соблюдалъ обѣтъ, данный въ порывѣ раскаянія Конрадомъ II, и не бралъ „ни единаго обола за саны

---

[1]) Bonithonis Lib. V, p. 629.

[2]) Widonis Lib. II, p. 169—170. Willelmi Malmesburiensis 201, p. 1185.

[3]) Annalista Saxo p. 687. Annales Palidenses приписываютъ это обращеніе пустыннику Виперту p. 68.

[4]) „Rumanorum imperator in spe". Rodulfi Glabri, Lib. V c. 1, p. 698.

Библиотека "Руниверс"

церковные" [1]). Его смущала загробная участь отца, запятнаннаго симоніей; онъ ставилъ въ связь съ нарушеніемъ каноническихъ предписаній различныя общественныя бѣдствія, голодъ, моръ и войны [2]). Онъ думалъ исторгнуть душу отца изъ адскихъ мукъ и устранить корень переживаемыхъ проявленій божественнаго гнѣва—искорененіемъ симоніи, столь ненавистной всѣмъ сторонникамъ преобразованій. Именно его вражда къ „симоновой ереси" обусловила тѣ похвалы, какими его превозноситъ даже такой ярый папистъ, какъ Гумбертъ [3]), прямо утверждающій, что Генрихъ жаждалъ вполнѣ истребить симоніи. Самыми изысканными одобреніями и восхваленіями за „усѣкновеніе многихъ главъ гидры симоновой ереси" осыпаетъ [4]) Генриха и Петръ Даміани. Въ этой враждѣ германскаго короля къ симоніи, въ его неуклонномъ служеніи правдѣ [5]), стяжавшемъ ему прозваніе Linea justitiae, уже заключалось зловѣщее предзнаменованіе для папы Григорія. Дезидерій полагаетъ [6]), что король съ самаго своего выступленія въ римскій походъ рѣшилъ: устранить „всѣхъ трехъ несправедливо захватившихъ апостольскій престолъ, прибѣгнуть къ совѣту и авторитету собора и позаботиться о томъ, чтобы вмѣсто нихъ былъ избранъ клиромъ и народомъ, сообразно постановленіямъ св. отцовъ, единый пастырь Господняго стада". Очень возможно, что эта догадка Дезидерія коренится въ участи, постигшей Бенедикта, Сильвестра и Григорія; другими словами рѣшенія сутрійскаго и римскаго соборовъ внушили монтекассинскому аббату мысль, что Генрихъ заранѣе предначерталъ свой образъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ послѣ своего прибытія въ Италію король ничѣмъ не обнаружилъ своихъ враждебныхъ намѣреній противъ Григорія; наоборотъ обращался съ нимъ какъ съ дѣйствительнымъ намѣстникомъ апостоловъ. По единогласному свидѣтельству источниковъ, Григорію былъ оказанъ Генрихомъ почетный пріемъ въ Піаченцѣ, куда папа прибылъ по приглашенію короля. Затѣмъ, незадолго до римскаго похода Генрихъ не обнаружилъ никакого недовольства обращеніемъ къ Григорію VI одного изъ самыхъ главныхъ ревнителей преобразованій

---

[1]) Wiponis Vita Chuonradi, c. 8, p. 263.
[2]) Rodulfi Glabri Lib. V. c. 5, p. 697.
[3]) Humberti Lib. III, c. 7, p. 206.
[4]) Lib. Gratissimus c. 88, p. 71.
[5]) Wiponis Vita Chuonradi Prologus, p. 255.
[6]) Desiderii lib. 111, p. 1005.

Библиотека "Руниверс"

Галинарда, извѣстнаго знатока каноновъ и монастырскихъ уставовъ [1]). Галинардъ былъ избранъ клиромъ и народомъ въ архіепископы Ліонскіе; этотъ выборъ получилъ одобреніе Генриха, предписавшаго, чтобы состоялось посвященіе. Однако, Галинардъ отказался, ссылаясь на свое монашеское званіе, принять санъ, разъ не получитъ разрѣшенія папы. „Іоаннъ Граціанъ" приказалъ ему, въ силу своего первосвященническаго авторитета, исполнить просьбу клира и народа. Дальнѣйшее поведеніе Галинарда бросаетъ яркій свѣтъ на настроеніе умовъ современниковъ и обрисовываетъ образъ мыслей самого Генриха III. „По обычаю", Галинардъ, вмѣстѣ съ посольствомъ избирателей и представителями викарныхъ епископовъ ліонской епархіи прибылъ ко двору Генриха, который потребовалъ отъ вновь избраннаго архіепископа принесенія обычной присяги въ вѣрности. Галинардъ рѣшительно отказался, ссылаясь на запрещеніе Спасителя и предписаніе устава св. Венедикта. Угрозы не подтвердить избраніе, предложеніе какъ нибудь обойдти запрещеніе были отвергнуты Галинардомъ. Небывалая смѣлость произвела впечатлѣніе и на епископовъ; одни настаивали на исполненіи королевскаго требованія; другіе, именно епископы верхней Лотарингіи, очага канонически мыслящихъ ревнителей, поддерживали Галинарда; въ числѣ его сторонниковъ былъ и епископъ Тульскій, Брунонъ, впослѣдствіи папа Левъ IX. Въ концѣ концовъ Генрихъ III уступилъ и даже щедро одарилъ смѣлаго поборника каноническихъ предписаній. Да иначе и быть не могло: какой авторитетъ могъ противопоставить искренне и глубоковѣрующій сынъ св. церкви—Генрихъ, ясно выраженному завѣту Спасителя? Германскій король былъ безсиленъ разрѣшить глубокое противорѣчіе между идеальными требованіями религіи и „обычаями", созданными житейской дѣйствительностью. Нельзя было ему и закрывать глаза передъ этимъ противорѣчіемъ, въ особенности, когда на него настоятельно указывали и вполнѣ ясно раскрывали его неосновательность. Душою и сердцемъ Генрихъ раздѣлялъ всѣ идеалистическіе запросы времени, а потому и склонялся обыкновенно на сторону ревнителей, которые при немъ подняли голову и открыто заявляли свои стремленія. Такимъ образомъ, слѣдовало ожидать, что и въ дѣлѣ Григорія VI король поступитъ такъ, какъ ему укажутъ знатоки каноническихъ постановленій. Съ ихъ же образомъ мыслей знакомитъ въ достаточной степени исходъ дѣла равеннскаго архіепископа Видгера. Назначенный Генри-

[1]) Chronicon S. Benigni Divionensis p. 235—237.

Библиотека "Руниверс"

хомъ изъ кельнскихъ клириковъ [1]). Видгеръ навлекъ своимъ поведеніемъ недовольство ревнителей: Петръ Даміани прямо называетъ его [2])—„разбойникомъ", „грабителемъ", „насильникомъ", „мужемъ язвоноснымъ" и проситъ Генриха не внимать совѣтамъ „хищниковъ міра" и поставить въ равеннскую церковь добраго пастыря". Недовольство Видгеромъ повлекло за собой рядъ обвиненій противъ него и закончилось разборомъ его дѣла на имперскомъ сеймѣ въ Ахенѣ. Главное обвиненіе заключалось въ томъ, что Видгеръ въ теченіе двухъ лѣтъ не получилъ епископскаго посвященія и все-таки позволялъ себѣ совершать богослуженіе въ далматикѣ и сандаліяхъ. Такая „дерзость" вызвала особое негодованіе Генриха, но Видгеръ въ свое оправданіе сослался на „разрѣшеніе, дарованное авторитетомъ св. отцовъ пресвитерамъ равеннской церкви". Спрошенные по этому поводу епископы не дали дружнаго отвѣта: одни высказались за точку зрѣнія императора; другіе уклонялись отъ рѣшительнаго приговора. Между прочимъ, епископъ Люттихскій Вазонъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ и преподавателей каноновъ, указалъ, что нѣмецкіе епископы не должны судить итальянскаго прелата. Разгнѣванный Генрихъ потребовалъ, чтобы Вазонъ, „по долгу повиновенія королю", высказалъ опредѣленное сужденіе. Подъ давленіемъ принужденія епископъ откровенно выразилъ свои взгляды: „Мы обязаны повиноваться папѣ и быть вѣрными королю. Мы отвѣтственны по мірскимъ дѣламъ передъ королемъ, передъ папой—во всемъ, что относится къ божественному служенію. Вотъ почему мое мнѣніе таково: проступки Видгера противъ церковныхъ уставовъ подлежатъ суду только папы. Если бы Видгеръ небрежно или вѣроломно отнесся къ мірскимъ порученіямъ короля, то, безъ сомнѣнія, король въ правѣ привлечь его къ отвѣтственности". Остальные епископы согласились съ Вазономъ [3]), такъ что „никто не высказался бы за лишеніе Видгера сана, если бы онъ самъ не отдалъ добровольно Генриху посохъ и перстень". Итакъ, идея неподсудности духовныхъ дѣлъ свѣтскому суду была рѣшительно выражена незадолго до Сутрійскаго собора въ присутствіи германскаго короля и прелатовъ. Она встрѣтила, по словамъ біографа Вазона, Ансельма, всеобщее сочувствіе епископовъ и „добровольный" отказъ Видгера былъ, въ сущности, примиреніемъ обѣ-

---

[1]) Anselmi c. 58, p. 224. Herimanni Contracti p. 125.

[2]) Petri Damiani Ep. Lib. VII, № 2, p. 436.

[3]) Anselmi Lib. I, c. 58, p. 224.

Библиотека "Руниверс"

ихъ точекъ зрѣнія. Правда, Штейндорфъ отдаетъ [1]) предпочтеніе краткому извѣстію Германа Разслабленнаго, по которому Генрихъ „лишилъ епископства" еще не посвященнаго Видгера „за его безстыдныя и жестокія дѣянія" [2]). Несомнѣнно, однако, что Германъ имѣетъ въ виду лишь исходъ дѣла, а потому и приписываетъ рѣшающій голосъ нравственному виновнику низложенія Видгера, не заботясь о юридической точности и не останавливаясь на подробностяхъ. Поэтому краткость и сжатость выраженій нѣмецкаго хрониста, склоннаго выдвигать на первый планъ своего короля, не подрываетъ достовѣрности болѣе обстоятельнаго разказа. Вдобавокъ, Штейндорфъ совершенно напрасно видитъ въ письмѣ Даміани подтвержденіе своимъ сомнѣніямъ въ полной точности сообщенія Ансельма: Петръ своимъ обращеніемъ желаетъ предупредить воздѣйствіе дурныхъ вліяній на Генриха, боится, что Видгеръ возвратится снова въ Равенну и тѣмъ самымъ показываетъ, что не считаетъ дѣло окончательно рѣшеннымъ. Если бы Генрихъ дѣйствовалъ такъ самовластно, какъ подаетъ поводъ думать краткая замѣтка Германа, то Даміани нечего было бы выступать съ своимъ письмомъ. Наоборотъ, „добровольное" возвращеніе посоха и перстня подогрѣвало надежды Видгера и страхи Петра [3]). Несомнѣнно также, что настойчивое желаніе короля добиться отъ Вазона опредѣленнаго отвѣта коренится въ пристрастіи Генриха къ выполненію каноническихъ предписаній и въ славѣ знатока каноновъ, какой пользовался епископъ Люттихскій.

Генрихъ, вообще, любилъ привлекать къ себѣ для совѣта и содѣйствія ревнителей и привыкъ слѣдовать обыкновенно ихъ указаніямъ. Такъ, прежде чѣмъ приступить къ проведенію преобразованій въ средѣ итальянскаго духовенства, король отправилъ къ аббату Помпозскаго монастыря Гвидону посольство съ просьбой, чтобъ этотъ извѣстный поборникъ реформы оказалъ ему содѣйствіе. Правда, смерть помѣшала Гвидону исполнить желаніе Генриха, но вліятельный аббатъ оставилъ послѣ себя рядъ глубоко проникнутыхъ ненавистью къ современнымъ нестроеніямъ послѣдователей. Главною причиной золъ они считали симонію, какъ показываетъ одинъ изъ самыхъ раннихъ памятниковъ публицистической литературы, возникшій въ кругахъ

---

[1]) Steindorff I, p. 297.
[2]) Herimanni p. 126.
[3]) Petri Damiani Ep. Lib., VII, № 2, p. 436.
[4]) Vita Guidonis c. 14. Sackur II, p. 279.

Библиотека "Руниверс"

преобразователей: помпозскій монахъ Гвидонъ написалъ обличительное посланіе [1]) миланскому архіепископу, гдѣ возставалъ противъ симоніи, приводя выписки изъ твореній отцовъ и постановленій соборовъ съ цѣлью показать, что всякое лицо, замѣшанное въ пріобрѣтеніи духовнаго сана за деньги, подлежитъ карѣ. По убѣжденію Гвидона, молитвы симонистовъ-священнослужителей призывали на народъ гнѣвъ Божій, а не умилостивляли Создателя. А потому слѣдовало избѣгать богослуженій, совершаемыхъ симонистами, кто бы они ни были, дабы не навлечь на себя отлученіе за общеніе съ ними, тѣмъ болѣе, что они и „не священнослужители". Апостолъ Петръ осудилъ Симона за одну мысль купить за деньги даръ Божій, стало быть осужденіе простирается и на помышляющихъ, не говоря уже объ осуществляющихъ на дѣлѣ свои еретическія козни. Посланіе призываетъ къ окончательному искорененію симоніи всѣхъ вѣрныхъ Христу, если только они желаютъ имѣть часть съ Нимъ.

Такова была точка зрѣнія ревнителей, которыхъ самъ Генрихъ хотѣлъ привлечь къ себѣ въ сотрудники. Ясно, что возвышеніе Григорія VI, въ значительной степени деньгамъ обязаннаго саномъ римскаго епископа, должно было вызывать недоумѣнія и соблазнять всѣхъ противниковъ симоніи, понимаемой въ сколько-нибудь болѣе широкомъ смыслѣ. Даже въ письмѣ Петра Даміани, человѣка близкаго къ Помпозской обители проглядываетъ нѣкоторое разочарованіе и недовѣріе къ Григорію VI [2]).

Необходимо имѣть въ виду, что Петръ Даміани, усматривавшій въ уничтоженіи симоніи залогъ осуществленія всѣхъ своихъ упованій на возстановленіе золотаго вѣка апостоловъ, стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Генриху III и былъ призванъ имъ въ сотрудники преобразовательной дѣятельности Климента II [3]). Съ враждебнымъ настроеніемъ Генриха противъ симоніи знакомитъ его рѣчь, произнесенная на первомъ соборѣ, созванномъ на итальянской почвѣ, въ Павіи. Здѣсь въ присутствіи 6 архіепископовъ и 34 епископовъ Германіи, Бургундіи и Италіи, равно какъ многочисленныхъ клириковъ и аббатовъ король самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ симоніи и обнародовалъ эдиктъ, воспрещающій подъ страхомъ

---

[1]) Libelli I, p. 5—7. См. Замѣтки по исторіи полемической литературы, стр. 3—4.

[2]) Petri Damiani Ep. Lib. I, № 2, p. 206—207.

[3]) Petri Damiani Ep. Lib. I, № 3, p. 207 — 208. Ср. Lib. VII, № 1 и 2 p. 433—436.

Библиотека "Руниверс"

низложенія и анаѳемы продавать церковные саны; кара распространялась „и на дающаго и на берущаго“ [1]).

Вскорѣ послѣ павійскаго собора состоялось, какъ извѣстно, въ Піаченцѣ личное свиданіе Григорія съ Генрихомъ [2]). По свидѣтельству Бонитона король попросилъ папу выѣхать къ нему на встрѣчу и Григорій, „не чувствуя за собой ничего дурнаго“, исполнилъ эту просьбу. Ему былъ оказанъ приличный его сану почетный пріемъ, объясняемый тѣмъ, что и сопровождавшіе Генриха епископы не считали дѣломъ богобоязненнымъ осуждать безъ приговора какого-либо епископа, а тѣмъ болѣе папу. Дѣйствительно, открытое проявленіе непріязненныхъ отношеній къ Григорію знаменовало бы собой нарушеніе каноническихъ предписаній объ осужденіи послѣ настоящаго разслѣдованія, стало быть Григорія до выясненія дѣла и должны были принимать всюду и всѣ, какъ законнаго намѣстника апостоловъ. Съ другой стороны, Генрихъ долженъ былъ считаться и съ римлянами: Григорій былъ ихъ избранникомъ, пользовался ихъ уваженіемъ за чистоту своей жизни, связалъ ихъ клятвенными обязательствами. Обыкновенно, германскіе короли съ оружіемъ въ рукахъ прокладывали себѣ путь къ вѣчному городу и возстанія римлянъ противъ иноземнаго владычества были дѣломъ зауряднымъ. Генрихъ, какъ носитель идеи мира, какъ представитель божьяго царства, не долженъ былъ обострять отношеній. И онъ соблюдаетъ строгую постепенность. Медленно подвигается король къ Риму, какъ бы вглядываясь въ настроеніе умовъ, какъ бы подготовляя ихъ къ предстоящимъ событіямъ: почти два мѣсяца прошли между піаченской встрѣчей и сутрійскимъ соборомъ. Генрихъ еще разъ доказалъ, тѣмъ временемъ, что всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія церковниковъ: онъ осыпалъ щедрыми дареніями обители и захватилъ для перенесенія въ Шпейеръ мощи новаго святаго, недавно умершаго аббата Гвидона Помпозскаго, прославившіяся многими чудесами [3]). Набожное настроеніе короля, подготовлявшагося къ возложенію императорской короны, которую и впослѣдствіи онъ надѣвалъ послѣ покаянія, исповѣди и даже бичеваній [4]), неизбѣжно должно было усилиться подъ вліяніемъ сильнаго землетрясенія, въ которомъ

---

[1]) Rodulfi Glabri Lib. V. c. 5 p. 697—698. Cp. Steindorff I. 309 — 310 и 497—500.

[2]) Herimanni p. 126. Bonithonis, Lib. V p. 627. Arnulfi, Lib. III c. 3 p. 17.

[3]) Herimanni p. 127. Vita Guidonis c. 15 и 16. Steindorff, I p. 312.

[4]) Vita Annonis c. 6 p. 469.

Библиотека "Руниверс"

усматривали одно изъ проявленій божественнаго гнѣва [1]). Ужаснымъ опустошеніемъ, причиненнымъ землетрясеніемъ, какъ бы завершался рядъ бѣдствій, въ послѣднее время ежегодно терзавшихъ западную Европу. Естественно, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ указанія грознаго перста провидѣнія, всѣ должны были еще сильнѣе ощутить потребность въ возстановленіи попранныхъ завѣтовъ св. отцовъ. И вотъ Генрихъ проситъ папу созвать прелатовъ на соборъ въ Сутри, недалеко отъ Рима. Ясно, что самый выборъ мѣста какъ бы обезпечивалъ свободу засѣданій и рѣшеній отъ давленія со стороны римлянъ, да и Генрихъ долженъ былъ чувствовать себя здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ вѣчномъ городѣ.

Цѣлью собора было разсмотрѣніе вопроса о „трехъ папахъ, бывшихъ въ живыхъ" [2]), вопроса, имѣвшаго огромное значеніе въ виду предстоящаго коронованія Генриха III. Нельзя было не задуматься надъ тѣмъ, кто возложитъ на его главу вѣнецъ цезарей. Если за симонистами ревнители не признавали обладаніе благодатью, то какъ могъ Генрихъ принять императорскую діадему изъ рукъ, запятнанныхъ нечистой мздою? Всѣ три бывшіе на лицо „наслѣдники святаго Петра", по мнѣнію ревнителей, не могли призвать на главу новаго императора благословеніе Божіе, а потому необходимо было уяснить, какъ поступить въ такомъ запутанномъ случаѣ. Единственнымъ авторитетомъ былъ соборъ, который, по мнѣнію Петра Даміани, не остававшемуся одинокимъ, пользовался авторитетомъ даже при рѣшеніи дѣлъ о римскомъ епископѣ. Итакъ, соборъ долженъ былъ пересмотрѣть права Бенедикта, Сильвестра и Григорія на тіару. Всѣ они получили призывную грамоту, но явились только два послѣднихъ.

Григорій, получивъ приглашеніе короля и епископовъ, возымѣлъ надежду [3]) на благопріятный для себя исходъ и, какъ говорили въ Римѣ впослѣдствіи [4]), прибывъ въ Сутри съ императорской короной занялъ предсѣдательство на соборѣ [5]). Сильвестръ не счелъ для себя опаснымъ, въ виду обстоятельствъ своего возвышенія, явиться на приглашеніе, но Бенедиктъ, сознавая за собой множество проступ-

---

[1]) Annales Corbeienses p. 76. Annales s. Emmerammi p. 576.

[2]) Annales Altahenses, p. 803.

[3]) Desiderii Lib. III, p. 1005.

[4]) Ottonis Chronicon, Lib. VI, c. 32, p. 244. Ср. однако De ordinando pontifice, p. 13.

[5]) Leonis Lib. II, c. 77, p. 682. Bonithonis Lib. V, p. 627.

Библиотека "Руниверс"

ковъ и, опасаясь вполнѣ понятнаго недовольства Генриха [1]), предпочелъ уклониться отъ исполненія призыва. На соборѣ, открытомъ Григоріемъ, пригласившимъ участниковъ занять свои мѣста, прежде всего было отсрочено разсмотрѣніе дѣла Бенедикта, такъ какъ каноны запрещали осуждать заочно и онъ долженъ былъ получить троекратно призывъ къ отвѣту. Строго говоря, это была простая формальность, такъ какъ Бенедиктъ самъ документально отказался отъ тіары. Но въ то время ходило воззрѣніе, по которому только смерть расторгала мистическій союзъ епископа съ церковью. Очень можетъ быть, что сторонники этого взгляда хотѣли имѣть неоспоримыя основанія для принятія окончательнаго рѣшенія, а потому и сослались на отсутствіе Бенедикта. При разсмотрѣніи дѣла Сильвестра выяснилось, что онъ прибѣгнулъ къ подкупу и насилію, хотя и самъ былъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Знатоки каноновъ должны были подчеркнуть и то обстоятельство, что Сильвестръ, будучи епископомъ сабинскимъ, захватилъ римскую каѳедру, стало быть оказался какъ бы двоеженцемъ. Источники [2]) расходятся въ опредѣленіи кары, постигшей Сильвестра: Бонитонъ говоритъ, что его присудили какъ узурпатора къ лишенію епископскаго и священническаго сана и пожизненному заключенію въ монастырь [3]). Кардиналъ Бенонъ утверждаетъ, что Сильвестру было разрѣшено отправиться въ свое епископство, такъ какъ выяснилось, что не личные происки, а насилія другихъ возвели его на апостольскій престолъ [4]). Не имѣя подъ руками изданія Ughelli Italia sacra, нельзя опредѣлить, съ какого момента сабинская каѳедра сдѣлалась вакантной, а потому нельзя отдать предпочтеніе окончательно одному изъ извѣстій. Но въ пользу Бонитона говоритъ его бытность епископомъ сутрійскимъ: онъ могъ имѣть подъ рукой самые акты собора или слышать о его рѣшеніяхъ отъ современниковъ, очевидцевъ и участниковъ.

Оставалось разсмотрѣть, насколько основательны были права самого Григорія на тіару. Тутъ соборъ долженъ былъ идти противъ своего предсѣдателя, противъ идеи о полной неподсудности папства какой бы то ни было земной власти; противъ судьи нельзя было вы-

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 г. Февраль, стр. 291—293.

[2]) Cp. Desiderii Lib. III p. 1004.

[3]) Bonithonis Lib. V, p. 627.

[4]) Benonis II c. 8 p. 378.

Библиотека "Руниверс"

ступать ни свидѣтелемъ, ни обвинителемъ. Выходъ изъ затрудненія былъ найденъ въ просьбѣ, обращенной къ Григорію [1]); отъ лица отцовъ собора ему предложили изложить, какъ произошло его избраніе. Будучи человѣкомъ искреннимъ Григорій разказалъ сущую правду, что собранными, благодаря чистой жизни и доброй славѣ, приношеніями богомольцевъ онъ думалъ возвратить клиру и народу избирательныя права, отнятыя у нихъ тиранніей патриціевъ. Богобоязненные мужи, выслушавъ эту исповѣдь, стали указывать Григорію, что онъ сдѣлался жертвой козней древняго врага, ибо „все продажное не можетъ быть святымъ". „Прельщенный, по словамъ Бонитона [2]), вообще недовольнаго поведеніемъ Григорія, этими и подобными увѣщаніями, папа подумалъ, что на него нисходитъ св. Духъ, и, сознавая, что имѣлъ не по разуму рвенье божье, обратился къ собору съ такой рѣчью: „Братіе! призываю Бога во свидѣтели души моей, что я былъ твердо увѣренъ, будто за этотъ мой поступокъ получу отпущеніе грѣховъ и удостоюсь божественной благодати, но такъ какъ нынѣ познаю козни и ухищренія древняго врага, то посовѣтуйте, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить". Въ этой рѣчи сказывается весь Григорій, простодушный, чуждый житейской тонкости человѣкъ, глубоко воодушевленный стремленіемъ оказать содѣйствіе святой церкви и возстановить ея попранныя права. Онъ не останавливался передъ разсмотрѣніемъ подробностей принятаго рѣшенія, но, охваченный пришедшей или внушенной мыслью, ухватился за ея осуществленіе, какъ за дѣло богоугодное. Теперь передъ нимъ выяснилась несостоятельность его взгляда, и онъ, не задумываясь, не изворачиваясь, такъ же прямо отказывается отъ него, какъ настойчиво недавно шелъ къ выполненію своихъ расчетовъ. Но и епископы не могли выполнить просьбу Григорія, своего главы, плохо освѣдомленнаго о своихъ преимуществахъ, и они, вполнѣ послѣдовательно, придерживаясь каноническихъ предписаній, предложили папѣ „обдумать въ тайникѣ души своей свое дѣло и судить себя собственными устами"; „вѣдь лучше тебѣ жить здѣсь бѣднякомъ вмѣстѣ съ блаженнымъ Петромъ, изъ любви къ которому ты и поступилъ такъ, дабы быть богатымъ во вѣки, чѣмъ съ Симономъ магомъ, обманувшимъ тебя, блистать богатствомъ въ настоящемъ и погибнуть на вѣки". Ясно, что Григорію было сдѣлано соотвѣтствующее указаніе, данъ былъ этими словами косвенный отвѣтъ на его вопросъ. „Услы-

---

[1]) Bonithonis, Lib. V, p. 627.
[2]) Bonithonis, Lib. V, p. 628.

Библиотека "Руниверс"

шавъ это, папа произнесъ надъ собой приговоръ въ такихъ выраженіяхъ: „Я, Григорій епископъ, рабъ рабовъ божьихъ, присуждаю себя къ удаленію съ римскаго епископства, потому что корни древняго врага закрались въ мое избраніе". Вслѣдъ за этимъ самоосужденіемъ Григорій обратился къ собору съ вопросомъ, угодно ли это вамъ, на что получилъ отвѣтъ: „угодное тебѣ скрѣпляемъ и мы". Такимъ образомъ папа до самаго конца остался вѣренъ самъ себѣ, своимъ безкорыстнымъ, искреннимъ побужденіямъ и предпочелъ потерять тіару, чѣмъ удерживать санъ, въ незаконности способа пріобрѣтенія котораго убѣдился.

Сообщеніе Бонитона въ общемъ поддерживаютъ и другіе итальянскіе писатели и ревнители преобразованій, именно тѣ, которые нѣсколько подробнѣе говорятъ о постановленіяхъ сутрійскаго собора. Такъ, Дезидерій пишетъ [1]), что „Григорій, послѣ обсужденія и разсмотрѣнія дѣла, призналъ, что не можетъ по справедливости занимать столь почетный санъ, а потому сошелъ съ папскаго сѣдалища, снялъ съ себя первосвященническое облаченіе, испросилъ прощеніе и сложилъ съ себя достоинство верховнаго священства". Левъ Монтекассинскій [2]) сообщаетъ: „на соборѣ Григорій симонистъ, уличенный каноническими постановленіями, своей волею сошелъ съ своей каѳедры, снялъ съ себя епископскую митру и, простершись ницъ, смиренно просилъ прощенія за захваченный и купленный почетный санъ". Бернольдъ [3]) говоритъ, что Григорій „не неохотно сложилъ съ себя пастырскія обязанности", и считаетъ его низложеніе противнымъ канонамъ, вызваннымъ не какою либо его виною, но простымъ смиреніемъ. Однако, большинство извѣстій ставитъ рѣшеніе на каноническую почву [4]) и говоритъ о низложеніи Григорія въ общихъ выраженіяхъ. По канонамъ, онъ какъ симонистъ подлежалъ отлученію, равно какъ и продавшій ему тіару Бенедиктъ. Этимъ объясняются извѣстія объ анаѳемѣ, произнесенной и надъ тускуланскимъ папой на сутрійскомъ соборѣ [5]). Нѣтъ никакихъ

---

[1]) Desiderii, Lib. III. p. 1005.

[2]) Leonis, Lib. II, c. 77, p. 682.

[3]) Bernoldi Chronicon, p. 425.

[4]) Annales Romani: „canonice et juste judicando", p. 469. „Justo judicio". Benzonis, Lib. VII c. 2 p. 670. Sigiberti „canonica et imperiali censura", p. 358, „examinata culpa" Chronicon S. Benigni p. 237; „causaque erroneorum pontificum diligentius ventilata" Herimanni p. 126; „secundum instituta canonum" Annales Corbeienses p. 6 Benonis II c. 2 p. 378.

[5]) Annales Romani, p. 469.

Библиотека "Руниверс"

основаній относиться съ крайнимъ недовѣріемъ къ этимъ сообщеніямъ о самоосужденіи Григорія и выдвигать на первый планъ Генриха, какъ судью папы. Міряпинъ, по канонамъ, не могъ быть вершителемъ судьбы епископа, тѣмъ болѣе римскаго первосвященника. Яффе [1]), Ширмеръ [2]), Штейндорфъ [3]) отвергаютъ извѣстіе Бонитона и отдаютъ предпочтеніе краткимъ замѣткамъ далекихъ по мѣсту нѣмецкихъ лѣтописцевъ, не чуждыхъ, подобно и современнымъ своимъ соотечественникамъ, стремленія преувеличить вліяніе и могущество своего государя. Въ сущности между разказомъ италіанскихъ писателей и замѣткой, напримѣръ, Германна Разслабленнаго [4]), говорящаго, что „императоръ (?) отобралъ *послѣ тщательнаго разслѣдованія*, у уличеннаго Григорія посохъ и перстень" нѣтъ непримиримаго противорѣчія. Стало быть, и по главной опорѣ Штейндорфа разслѣдованіе и уличеніе предшествовали лишенію знаковъ епископскаго сана. Да и кому же долженъ былъ отдать ихъ Григорій, бывшій доселѣ признаннымъ папой и предсѣдателемъ собора, какъ не будущему императору, защитнику и охранителю мира и единства въ церкви? Краткость выраженій Германна и тутъ вводитъ въ неточное пониманіе. Германнъ имѣетъ въ виду исходъ собора, и считая короля виновникомъ, хотя бы и косвеннымъ, созванія собора, отводитъ ему, повидимому, рѣшающую роль. Но нельзя основываться на отдѣльныхъ выраженіяхъ, быть можетъ понимаемыхъ лѣтописцемъ въ болѣе частномъ смыслѣ. Вѣдь не думалъ же Германнъ, что его бѣглая замѣтка охватываетъ все происходившее на соборѣ. Кромѣ того, Корвейскіе анналы, которымъ Штейндорфъ и другіе изслѣдователи отводятъ первое мѣсто по точности, не говорятъ ничего о низложеніи Григорія королемъ: они только упоминаютъ, что соборъ состоялся въ присутствіи Генриха и прямо говорятъ, что низложеніе состоялось „сообразно каноническимъ постановленіямъ" [5]). Далѣе, Яффе усматриваетъ сходство въ разказѣ Бонитона о сутрійскомъ соборѣ съ сообщеніемъ о низложеніи папы Марцеллина, приводимомъ епископомъ сутрійскимъ въ другомъ сочиненіи [6]). Это сходство подаетъ Яффе основаніе думать, что Бонитонъ выдумалъ подробности сутрійскаго собора, перенеся дѣйствіе изъ

---

[1]) Bibliotheca rerum germanicorum II, p. 594.
[2]) Schirmer p. 13—26.
[3]) Steindorff I p. 500—506.
[4]) Herimanni, p. 126.
[5]) Annales Corbeienses, p. 6.
[6]) Jaffe, p. 598.

Библиотека "Руниверс"

четвертаго вѣка въ половину одиннадцатаго. Но сличеніе текстовъ не устанавливаетъ особеннаго сходства, которое замѣчается лишь въ нѣсколькихъ терминахъ, вошедшихъ въ обиходъ при церковномъ судопроизводствѣ. Конечно, отсюда нельзя вывести никакихъ заключеній въ духѣ Яффе, такъ какъ именно техническія выраженія отличаются крайней живучестью, въ особенности, когда разказъ ведется на томъ же латинскомъ языкѣ и рѣчь идетъ о приблизительно подобныхъ событіяхъ. Словомъ, если принять во вниманіе преданность Генриха каноническимъ предписаніямъ, неподсудность папъ, укрѣпившуюся въ сознаніи уже нѣсколько вѣковъ назадъ, общее положеніе дѣлъ и характеръ Григорія VI, то разказъ Бонитона едва-ли покажется „образцовымъ произведеніемъ лживыхъ дѣлъ мастера".

Самонизложеніе Григорія не устраняло, однако, всѣхъ препятствій и затрудненій: клятвенное обязательство римлянъ не признавать никого папой при его жизни оставалось въ полной силѣ и для безопасности своего дѣла, для устраненія поводовъ къ неурядицамъ и раздорамъ Генриху необходимо было устранить бывшаго папу съ общественнаго поприща. И вотъ, Бенонъ говоритъ [1]), что „король взялъ Григорія подъ стражу, а затѣмъ увелъ въ изгнаніе" [2]). Бонитонъ сообщаетъ [3]), что вмѣстѣ съ „достопочтеннымъ Іоанномъ отправился въ Германію и боголюбезный Гильдебрандъ, желая соблюсти уваженіе передъ своимъ господиномъ, у котораго былъ раньше капелланомъ". Наоборотъ, Бенонъ утверждаетъ, что осужденіе Григорія распространилось и на его ученика. Послѣднее извѣстіе находитъ поддержку въ свидѣтельствѣ самого Гильдебранда, всенародно заявившаго [4]), что онъ „неохотно отправился за горы вмѣстѣ съ государемъ папою Григоріемъ". Чѣмъ же объясняется это „невольное путешествіе", эта ссылка? Несомнѣнно тѣмъ, что Генрихъ, уже знавшій крайніе взгляды Гильдебранда, нашелъ его дальнѣйшее пребываніе въ Италіи для себя неудобнымъ, стало быть призналъ, что Гильдебрандъ приложилъ свои теоретическія воззрѣнія къ дѣлу и принималъ участіе въ событіяхъ послѣдняго времени. Молодой монахъ, вождь ополченія для защиты достоянія св. Петра, имѣвшій довольно широкія связи въ Римѣ, преданный Григорію VI, также могъ на-

---

[1]) Benonis, II, c. 8, p. 378.

[2]) Ср. Leonis, II, c. 78, p. 688. Historiae Farfenses c. 25, p. 573. Catalogus, p. 270.

[3]) Bonithonis, Lib., V, p. 630.

[4]) R. VII, № 14a, p. 401.

Библиотека "Руниверс"

дѣлать Генриху много хлопотъ, тѣмъ болѣе, что власть императоровъ въ вѣчномъ городѣ всегда покоилась на крайне зыбкой почвѣ и самъ Генрихъ не располагалъ достаточными средствами даже для обузданія Бенедикта IX. Вдобавокъ, Гильдебрандъ, не отличавшійся простодушіемъ Григорія VI, долженъ былъ отнестись вполнѣ отрицательно къ постановленію сутрійскаго собора. Онъ твердо усвоилъ себѣ правило, что ради блага св. римской церкви можно поступиться и личной надеждой на спасеніе. Григорій VI все-таки въ концѣ концовъ поставилъ собственное загробное блаженство выше „правъ апостольскаго престола". Гильдебрандъ и не думалъ признавать его отреченіе: несомнѣнно, что Гильдебрандъ, какъ „римскій монахъ", какъ капелланъ Григорія VI, прекрасно зналъ объ обстоятельствахъ его избранія, но онъ не выражаетъ нигдѣ своего неодобренія неслыханной сдѣлкѣ и даже высказываетъ свое сочувствіе ея виновнику, называя его „государемъ своимъ папою Григоріемъ", передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ обращаясь съ торжественною мольбой къ апостоламъ, „помочь ему сказать сущую правду, устранивъ всякую ложь". Слѣдовательно, по глубочайшему убѣжденію Гильдебранда, Григорій оставался законнымъ намѣстникомъ св. Петра. Да и самое имя, принятое великимъ папою впослѣдствіи, показываетъ, что сочувствіе его лежало на сторонѣ Іоанна Граціана [1]), сотрудничество которому оставило замѣтные слѣды въ пріемахъ знаменитаго архидіакона: подобно своему „учителю", онъ опирается на мощную силу денегъ и пускаетъ въ ходъ при случаѣ это страшное средство воздѣйствія на слабодушныхъ и алчныхъ. Мечъ также служитъ ему надежнымъ подспорьемъ наравнѣ съ отлученіемъ и клятвенными обязательствами въ вѣрности папѣ и папству. Наконецъ, „цѣль оправдываетъ средства", основное положеніе Григорія VII, явственно выступаетъ и въ дни его несчастнаго тезки.

Правда, Гильдебрандъ дѣйствовалъ на болѣе обширномъ поприщѣ, зналъ дни величія и славы, бывалъ близокъ къ побѣдѣ, но въ судьбѣ салернскаго изгнанника проглядываетъ скорбное совпаденіе съ участью его учителя. Однако, его труды не погибли даромъ: онъ все-таки вырвалъ церковь изъ цѣпкихъ объятій феодальнаго міра и отстоялъ ея свободу. Послѣ же сутрійскаго собора, послѣ крушенія первой попытки папства отстоять свои права путемъ самопомощи, положеніе дѣлъ сулило только осложненія и неурядицы: церковь утратила ду-

---

[1]) Ср. Ottonis Chronicon Lib., VI, c. 32, p. 244.

Библиотека "Руниверс"

ховнаго главу и не имѣла свѣтскаго; получилось небывалое явленіе: одновременное отсутствіе и папы и императора въ земномъ царствѣ божьемъ. Теперь Генрихъ III долженъ былъ приложить всѣ усилія, чтобъ устранить затрудненія, созданныя паденіемъ Григорія VI. Но несмотря на неудачу, постигшую начинанія Іоанна Граціана, его кратковременное управленіе „апостольскимъ престоломъ произвело сильное вліяніе на послѣдующія событія: оно опредѣлило ближайшія задачи папъ — возстановленіе власти „намѣстниковъ св. Петра" въ стѣнахъ вѣчнаго города, возвращеніе разграбленнаго „имущества св. Петра" его настоящему владѣльцу, преобразованіе порядковъ, царившихъ при замѣщеніи „каѳедры князя Апостоловъ", и реформа церкви, въ связи съ обновленіемъ состава римскаго духовенства—вотъ цѣли, намѣченныя папству Григоріемъ VI и пережитыми имъ превратностями. Сутрійскій же соборъ далъ толчекъ умственному броженію, направленному на уясненіе взаимныхъ отношеній властей, и долженъ былъ оставить глубокіе слѣды въ „ученикѣ Іоанна Граціана" Гильдебрандѣ, породивъ въ немъ рядъ новыхъ идей и поставивъ въ обстановку, чрезвычайно благопріятную для дальнѣйшаго и разносторонняго развитія его дарованій.

А. Визгинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

МАЛОИЗВѢСТНЫЯ ЗАПИСКИ О КАЗАНСКИХЪ ПОХОДАХЪ 1550 И 1552 ГОДА [1]).

Просматривая рукописи, имѣющія какое либо отношеніе къ такъ называемому казанскому лѣтописцу („Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI вѣка". С.-Пб. 1791 г.), я остановился невольно на однѣхъ запискахъ, разказывающихъ о двухъ походахъ царя Іоанна Васильевича подъ Казань, въ 1550 г. и въ 1552 г.

Записки эти находятся въ рукописи Императорской Публичной библіотеки (Q. XVII, 64), куда рукопись поступила изъ библіотеки гр. А. Ѳ. Толстого. На стр. 256 „Обстоятельнаго описанія славяно-русскихъ рукописей гр. А. Ѳ. Толстова (М. 1825. Издали К. Калайдовичъ и П. Строевъ)" читаемъ: „Отд. II, № 68. Рукопись, написанная полууставомъ, къ скорописи подходящимъ, архимандритомъ Новоспасскаго монастыря Нифонтомъ (съ 1554 г. бывшаго епископомъ сарскимъ и подонскимъ) и по его завѣщанію данная вкладомъ въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь; на 356 лл.".

Внизу этой рукописи по листамъ идетъ запись. Такъ какъ она не помѣщена въ „Обстоятельномъ описаніи", то мы ее приводимъ здѣсь въ ея теперешнемъ видѣ: „(1-й л. [2]) и писмо его (л. 2) а писа самъ ахимандри оу спса на крутица (л. 3) а ѡбѣщася хо сію книгу да во осифо манастырь (л. 4) и ка преставлю ѡ бга ра іса ха далі сію (л. 5) книгу во ѡсифо манасть и то мою (л. 6) грѣшную душу помануули".

Рукопись эта представляетъ сборникъ нѣсколькихъ рукописей, какъ можно видѣть изъ счета тетрадей, который идетъ внизу по ли-

---

[1]) Читано въ Императорскомъ Обществѣ Любителей древней Письменности 20-го марта 1898 г.

[2]) Нумерація позднѣйшая.

Библиотека "Руниверс"

стамъ и въ каждой рукописи особый, равно какъ и почеркъ рукописей. Но что сборникъ этотъ составленъ давно, на это указываютъ давніе знаки сырости, ровно лежащіе на листахъ смежныхъ рукописей [1]).

Записки о казанскихъ походахъ небольшія, съ л. 99 по 105, писаны сравнительно крупною скорописью не позже начала XVII вѣка.

Какъ можно видѣть, „Записки" раздѣляются на двѣ части: 1) разказъ о походѣ 1550 г. и 2) разказъ о походѣ 1552 г. и взятіи Казани; и тотъ и другой представляютъ нѣчто законченное, особенно первый разказъ. (Кромѣ этихъ разказовъ, на л. 350 об. начатъ снова разказъ о взятіи Казани, буквально сходный съ вторымъ разказомъ „Записокъ". Онъ кончается (л. 351) словами: „Сентября в 6 день. Царь государь великій князь посла воеводъ своихъ к Арску, князя Олександра Борисовича Горбатого да князя Семена Ивановича Микулиньскаго". По счету тетрадей видно, что этотъ начатый разказъ находится не въ той рукописи, гдѣ помѣщаются „Записки".

Вотъ содержаніе „Записокъ".

Первый разказъ (л. 99—102). „В лѣто 7058 всея Русіи в. кн. Иоанъ Василевичъ зело оскорбися отъ насилія агарянскихъ чадъ, отъ казанскихъ татаръ, что преже его возраста повоеваша грады украинныя—бѣ же тогда самъ 19-мъ лѣтомъ возраста своего—, и поиде самъ со многими людми на Казань". Казанцы еще раньше условились съ крымскимъ царемъ, чтобы онъ напалъ на Русь, какъ только русскій царь пойдетъ подъ Казань, и начали великаго князя „облыгати", обѣщая покориться, если онъ, великій князь, самъ придетъ. Состоялся походъ. Когда царь пришелъ во градъ Володимеръ, „иже бысть преже столныи градъ, и видѣвъ его запустѣніе и престоломъ обетщаніе и во всемъ небрегома, и зело оскорбися, яко прадедъніи грады столныи в такомъ небреженіи; и посла на Москву къ преосвящ. Макарію митр. всея Руси Андрѣя Александровича Квашнина, и посла с нимъ с великимъ смиреніемъ и моленіемъ, еже бы ѣхалъ во градъ Володимеръ и обновилъ обетшанныя престолы. Митрополитъ же, прочетъ посланіе, ни мало коснѣвъ и взя образъ Пречистыя писма Петра чюдотворца да изъ монастыря Симонова крестъ—животрящее древо, да из Ондроникова образъ Спасовъ Нерукотворенныи и повелѣ с собою ѣхати епископу Сарскому Саве, а на Мо-

[1]) На это обстоятельство мое вниманіе весьма обязательно обратилъ Ив. Ає. Бычковъ, за что я ему очень благодаренъ.

Библиотека "Руниверс"

сквѣ óстави архиеп. Ростовъского Никанора да Тверского еп. Акакия. А егда же приѣхалъ митрополитъ за седмь верстъ до Владимеря, тутъ же и суждалскіи епископъ пріѣхалъ Триѳанъ; и царь кн. вел. прислалъ къ митрополиту боярина своего князя Петра Михайловича Щенятева, съ челобитемъ и о здраве спросити. И митрополитъ послалъ ко царю и в. кн. епископа Саву, съ благословеніемъ и съ челобитемъ. И царь и в. кн. повелѣ епископу Саве престолъ украсити Пречистыя въ соборной церкви. А егда митрополитъ двигся съ стану, тогда встрѣтилъ его братъ вел. кн. князь Юри Василевичь, з бояры и со многими людми. А егда митрополитъ бысть близъ града, и царь князь великіи велѣлъ епископу Саве и всему священному собору со кресты и с образы в стрѣчю поити, а самъ с ними же поиде и вышедъ изъ града конецъ мосту. А митрополитъ и суждалскіи епископъ туто же пріидоша со образы иже с нимъ; а изъ девичя монятыря принесоша игуменія съ старицами образъ Пречистыя, и пѣша молебны". На слѣдующій день былъ крестный ходъ вокругъ города. Между тѣмъ подошелъ праздникъ Крещенія. „Царь в. кн. съ митрополитомъ на водѣ былъ". „На заутрия Крещенія", послѣ молебна, царь взялъ благословеніе у митрополита и „у всего собора", благословлено было и войско, „и поидоша на Казань". И взялъ царь съ собой спасскаго архимандрита Нифонта и воздвиженскаго игумена Сергія „со крестомъ". Когда пришли подъ Казань, то встрѣтили отчаянное сопротивленіе со стороны казанцевъ („вси захотѣша бьючись умрети"). Видя отчаяніе и ожесточеніе непріятелей, царь „уимаше свои воинство: не тако, рече, съ отчаянными и жадающихъ смерти братись, но смотря времени и повелѣнія ждати, и многихъ младыхъ ненаученыхъ, братись усердныхъ избави отъ напрасныя смерти". А между тѣмъ въ русской землѣ, не получая вѣстей отъ государя, всѣ были въ великой печали и скорби и „вси, воздыхся, со слезами молящася, дабы государь здравъ пришелъ, а митрополитъ со владыками по вся дни пѣли молебны соборомъ". Въ приступѣ ко граду русскіе „многа зла сотвориша, изъ пушекъ и изъ пищалеи многихъ побиша и царевича убиша и остроги поимаша по лѣсемъ". Изъ русскихъ лишь нѣкоторые изъ „мелкихъ людей" были убиты и ранены, „а болшия люди, далъ Богъ, всѣ здрави отидоша". Видя упорное сопротивленіе казанцевъ, православный царь и великій князь началъ совѣтоваться съ боярами и воеводами „глаголюще: аще ударити на нихъ вскоре, многимъ людямъ ýтеря будетъ со отчаянными битися, а ждати над ними время, ино рекою нелзѣ люден

Библиотека "Руниверс"

отвести — уже бо река Волга отъ дождевнаго снитія зело наводнишася—и совещашя з бояры еже отступити и люди отвести". На обратномъ пути, „егда поиде рекою Волгою назадъ, не яко царь учинися, но яко чадолюбивыи отецъ, всѣхъ людеи брѣгоша самъ, а егда кто отъ глада изнеможе, онъ же повелѣ ихъ отъ своего корму питати; тако же и отъ мраза изнемогшихъ повелѣ брещи. А сторожевому воеводѣ приказано на крепко еже бы никаковъ человѣкъ не изгибъ; и тако выведе всѣхъ людеи здорово. И бысть всѣмъ православ. христоименитымъ радость неизреченная и воздающе славу Христу Богу нашему, пречистой Его матери и святымъ вел. чюдотворцамъ, а царю и вел. князю всея Руси самодержьцу хвалу воздавающе".

Второй разказъ начинается такъ: „Лѣта 7060-го августа в 13 день на память преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника пришелъ царь государь в. кн. Иванъ к своеи отчине к новому граду Свияжкому. Того же мѣсяца въ 20 день, в четвергъ, по Оспожине дни царь государь в. кн. перевезся Волгу на луговую сторону противъ города новаго Свияжскаго. Того же мѣсяца в 23 день. Царь государь в. кн. пріиде подъ городъ подъ Казань, во вторникъ, и ста шатры подъ городомъ в лоску, обь страну города Казани, отъ Волги. Того же мѣсяца в 25 день. Царь государь в. кн. повелѣ обступати градъ Казань. И обступиша градъ, и прикатиша туры со всѣ страны града, и прикатиша пушки, и поставиша башню велику противъ Арьскихъ воротъ, выше города Казани, и уготовиша на неи пушки и пищали, и биша з башни день и нощь безпрестани". Далѣе разказъ „Записокъ" и разказъ Отрывка лѣтописи сходны (см. VI т. П. С. Р. Л., стр. 307, 309—313), только въ нашемъ разказѣ нѣтъ посланія митрополита къ царю (П. С. Р. Л., VI т., стр. 308—309), нѣтъ молитвъ царя предъ иконой Богоматери, Петра чудотворца, Сергія, словъ къ духовенству (ib., VI, 311) и вообще замѣтно меньше риторическихъ украшеній. Кромѣ того, въ разказѣ „Записокъ" есть нѣкоторыя мелкія, но характерныя подробности, которыя указаны ниже. Кончается второй разказъ такъ: „и тако царь в. кн. отдохнувъ отъ труда своего и утеръ поту лицъ своего, и похвали войско свое, возвратися с великою победою, благодаря истиннаго Бога, толику дав(шаго) ему побѣду на противныхъ ему, и возрадовася радостію великою зело. И въскоре вѣсть посылаетъ великой княгине и къ брату своему князю Юрью Василевичю боярина своего Данила Романовича Юрьева, тако же къ митрополиту и къ всѣмъ владыкамъ: Царь государ. кн. Иванъ Василевичъ всея Русіи здравствуетъ и отчину свою казанскую землю

Библиотека "Руниверс"

взялъ с великою победою и трудомъ, Богу нашему слава и присно и в вѣки вѣкомъ аминь".

Сравнивая содержаніе перваго разказа „Записокъ" съ тѣмъ, что имѣется о походѣ 1550 г. въ Царственной книгѣ (стр. 153—158), Никоновской лѣтописи („Русск. лѣтопись по Никонову списку, изд. Имп. Ак. Н., ч. VII по 1598 г., до преставленія царя Ѳеод. Ив., Въ С.-Пб. при Имп. Ак. Н. 1791 г.", стр. 66—69), и „Исторіей" Курбскаго (изд. 3-е. С.-Пб. 1868 г., стр. 12—в. кратко), можно замѣтить, что ни въ одномъ изъ указанныхъ источниковъ нѣтъ даже и упоминанія объ обновленіи церквей града Владимира, во время похода 1550 г., равно какъ и подробностей разказа о пріѣздѣ митрополита во Владиміръ и другихъ мелкихъ особенностей.

Что касается 2-й части „Записокъ", разказа о походѣ на Казань въ 1552 г. и взятіи Казани, то эта часть замѣчательна тѣмъ, что мѣстами представляетъ буквальное сходство съ тѣми частями „Отрывка русской лѣтописи", напечатаннаго въ VI т. П. С. Р. Л., стр. 277—315, который носятъ названія (стр. 306—309): „Сказаніе о великого князя хожении, православнаго царя, како поиде изъ Свіяжского города на Казанского царя Едигеря, Касымъ Салтанова сына" и (стр. 309—314) „О казанскомъ взятіи, како взята бысть Казань, бесерменскій градъ, благовѣрнымъ государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи" [1]).

Въ какомъ же отношеніи находятся „Записки" къ Отрывку русской лѣтописи и Царственной книги [2])? Не есть ли „Записки" только сокращеніе, экстрактъ ихъ [3])?

1) Что касается содержанія 1-го разказа, то его вовсе не находимъ въ Отрывкѣ русской лѣтописи. 2) Какъ можно видѣть при сличеніи, 1-й и 2-й разказы не представляютъ экстракта и соотвѣтствующихъ мѣстъ Царственный книги. (Приблизительно болѣе или менѣе близкими мѣстами изъ Царственной книги оказываются: по отношенію къ 1-му разказу, стр. 153—154, 155, 156—157, 159; по отно-

---

[1]) Во 2-й ч. „Записокъ" имѣется также заглавіе: „Ѿ взятіи казанскѣ. како ѿзята бы казань благовѣрнымъ црмъ. великиѥ кнзѣ иванъ васильевичѣ всеа русіи ѥдра самодержца". (л. 102 об.).

[2]) Русская лѣтопись по Никонову списку, изд. 1791 г. (стр. 66—68)=Царств. кн. (стр. 153—158), съ незначительными варіантами.

[3]) Объ „Исторіи" Курбскаго и „Исторіи о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI в. С.-Пб. 1791" не говорю: разница слишкомъ очевидна.

Библиотека "Руниверс"

шенію ко 2-му разказу, стр. 269, 270, 271, 273, 290, 291, 292—296, passim. Далѣе разказъ „Записокъ“ и Царственной книги расходятся настолько, что можно замѣтить лишь весьма отдаленное сходство дѣйствій, но не разказа). 3) Что же касается Отрывка русской лѣтописи, то первое, что бросается въ глаза даже при бѣгломъ сравненіи 2-го разказа и Отрывка лѣтописи,—это, что онъ, какъ раньше сказано, сходенъ съ Отрывкомъ, мѣстами буквально, но при этомъ Отрывокъ лѣтописи отличается риторическими амплификаціями и гораздо большимъ объемомъ, зависящимъ, между прочимъ, и отъ бо́льшаго количества источниковъ, напримѣръ, на стр. 308—309 въ Отрывкѣ лѣтописи помѣщено Посланіе митрополита Макарія къ царю.

При болѣе внимательномъ чтеніи замѣчается: I) что въ указанномъ разказѣ „Записокъ“ числа отдѣльныхъ дѣйствій подъ Казанью указаны вѣрнѣе, чѣмъ въ Отрывкѣ. Такъ, а) въ Отрывкѣ лѣтописи читаемъ, стр. 307: „Послѣди того, мѣсяца сентября въ *7* день, посла князь великій бояръ и воеводъ своихъ къ Арку...“. Въ Запискахъ, л. 102: „Сентября въ ѕ҃ дн҃ь. ц҃рь гдрь великій князь посла воеводъ своихъ въ арску...“. Это же число указано и въ Царственной книгѣ (стр. 287).

б) Еще въ Отрывкѣ, стр. 307: „И учиниша ко граду великъ зукъ, и подкопаша подкопъ у Арскихъ воротъ подъ тарасы, и поставиша въ подкопъ бочши съ пушечнымъ зельемъ: и абие того дни, *въ пятокъ*, мѣсяца сентября *въ 13 день*, вырваша отъ стѣны тарасы подкопомъ...“ (стр. 307).

Въ „Запискахъ“ находимъ: „И учиниша ко граду великій зукъ. И подкотиша въ подкопъ у Арскихъ воротъ подъ тарасы бочки съ пушечнымъ зеліемъ. Сентября *жъ въ 30 день, въ пятокъ*, вырваша отъ стѣнъ тарасы подкопомъ...“ (л. 102 об.).

Въ Царственной книгѣ (стр. 294) находимъ тоже, что тарасы были вырваны *30-го* сентября („Тогожъ мѣсяца сентября *въ 30 день въ пятокъ* велѣлъ Государь подъ тарасы зеліе подставити... И зажгоша зеліе, и взорвало тарасы...“).

Въ VI т. П. С. Р. Л., гдѣ изданъ Отрывокъ, на стр. 307, въ примѣч. „г.“ къ указанному числу 13-ти сказано: „въ 13 день—такъ въ В. (=Воскресенскомъ спискѣ); но это невѣрно, ибо въ сентябрѣ 1552 г. пятничные дни приходились 2, 9, 16, 23 и *30* чиселъ“.

30-е число и потому вѣрно, что въ самомъ же Отрывкѣ лѣтописи немного далѣе читаемъ (стр. 307): „мѣсяца сентября въ *13* день,

Библиотека "Руниверс"

вырваша отъ стѣны тарасы подкопомъ... стрѣлцы же в. князя и пищалники заметаша ровъ градный хвростиньемъ и землею, и тако скоро взыдоша на стѣну... и бишася на стѣнѣ день и нощь *до взятія града*".

Городъ былъ взятъ 2-го сентября.

Такимъ образомъ 2 хронологическія даты въ „Запискахъ" указаны вѣрнѣе, чѣмъ въ Отрывкѣ лѣтописи. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что и въ „Запискахъ" одно число указано невѣрно, именно въ началѣ 2-го разказа читаемъ: „Того же м҃ца въ к҃ день *въ четвергъ по оспожине дни* царь государь в. кн. перевезся Волгу...". Издатели VI т. П. С. Р. Л. замѣчаютъ (стр. 306, пр. г.), что 15-е августа въ 1552 г. приходилось въ понедѣльникъ, такъ что въ четвергъ 20-е быть не могло.

Въ Отрывкѣ лѣтописи (стр. 306) стоитъ 18-е августа. Это же число указано и въ Царственной книгѣ (стр. 260).

II) Въ Отрывкѣ лѣтописи мы встрѣчаемъ часто (именно *5* разъ) несомнѣнно позднѣйшія вставки. Такъ здѣсь читаемъ (стр. 310): „...единъ подкопъ подъ стѣну отъ Поганаго озера на углу подъ стрѣлнею на десной странѣ у Арскихъ воротъ, идѣже *нынѣ Спасскія ворота* именуются и *храмъ* у нихъ во градѣ поставиша св. мученикъ Кипреяна и Устиніи дѣвицы; а другой подкопъ на углу же подъ стрѣлнею, отъ Булака стрѣлбищо, по лѣву сторону, тутъ *были* Ногайскія ворота, *нынѣ* же зарѣшены отъ пѣшихъ людей... отъ Великія башни противу Арскихъ воротъ, и отъ Булака, идѣже стояла лѣвая рука и сторожевой полкъ, идѣже *нынѣ* именуются *Сергіевскіе* ворота и *храмъ* стоитъ внутри града во имя его... отъ Нижнихъ воротъ, отъ стараго городища, сирѣчь отъ Збойливыхъ воротъ, идѣже *нынѣ* стоитъ *храмъ Николы* чюдотворца...". Наконецъ, на стр. 312 въ Отрывкѣ читаемъ: „...ставъ противу Арскихъ воротъ, *нынѣ* же именуются *Спасскіе*, идѣже *нынѣ* стоитъ *храмъ* Господа Бога нашего Іисуса Хр. Нерукотворен. Образа...".

Въ „Запискахъ" только въ этомъ послѣднемъ случаѣ находимъ: „Ста жъ противъ Арскихъ воротъ, гдѣ жъ *нынѣ* стоитъ *храмъ* Господа Бога Спаса нашего Нерукотворен. образа...", во всѣхъ же другихъ (4-хъ) случаяхъ въ „Запискахъ" указанныхъ вставокъ *не* находимъ.

III) По сравненію съ Отрывкомъ лѣтописи, нѣкоторыя подробности въ „Запискахъ" имѣютъ болѣе смысла. Такъ, а) въ „Запискахъ" чи-

Библиотека "Руниверс"

таемъ: „Царь же государь в. кн. вскоре посылаетъ ко граду Казани, и повелѣ отволочи(ти) отъ города весь нарядъ: пушки *большіе* двѣ, единой имя кольцо, а другой ушатая, и иные пушки и огненные" (sic). Въ Отрывкѣ лѣтописи (стр. 312): „Кн. же великій скоро посылаетъ ко граду Казани, повелѣваетъ отволочити отъ града Казани снарядъ стенобитный, отъ *обоихъ подкоповъ большихъ*, пушки единой имя Колцо, а другой имя Ушатая, и огненныя пушки и весь нарядъ, такоже и Змѣй летячей, и Змѣй свертной и прочій снарядъ весь отволокоша..."

Слова „два" и „большой" въ „запискахъ" какъ будто поставлены болѣе удачно.

в) Въ „Запискахъ" читаемъ: „...овіи въ полые мѣста полезоша идѣжъ вирваша подкопомъ, иніи же *по стенѣ* възлѣзоша инии по прислономъ. И *тако вскоре* внидоша во градъ бьюще и секуще...". Въ Отрывкѣ лѣтописи (стр. 312): „...овіи въ полы мѣста полѣзоша, иніи же по лѣстницамъ, иные по прислономъ, а иные на обломки полѣзоша; и *тако черезъ стѣну* скоро взлѣзоша во градъ, бьюще по улицамъ татаръ...".

Есть и еще кой-какія мелкія подробности, которыя, по моему, въ общемъ имѣютъ значеніе. Такъ, с) въ Отрывкѣ лѣтописи на стр. 312: „И абіе загорѣся подкопъ въ первый часъ дни *въ недѣлю*...". Въ 1552 г. 2-е октября было въ *среду*. Въ „Запискахъ" слова „въ недѣлю" нѣтъ: „и загорася подкопъ въ а҃ часъ дни...".

d) Въ „Запискахъ" читаемъ: „того жъ мѣсяца въ 23 день ц. гдрь в. кн. пріиде подъ городъ подъ Казань, во вторникъ, и ста шатры подъ городомъ *въ лоску* обь страну города Казани отъ Волги". Въ Отрывкѣ лѣт. (с. 306—307) словъ „въ лоску" нѣтъ: „того жъ мѣсяца августа въ 23 день, на память св. мученика Луппа, во вторникъ, пріиде прав. царь государь в. кн. Иванъ Васильевичъ всея Русіи подъ Казань... и ста шатры противъ града Казани, объ одну страну отъ града, отъ Волги".—Какъ извѣстно, Казань на *луговой* сторонѣ Волги.

е) Въ „Запискахъ" читаемъ: „И прекрестивъ лицо свое крестообразно *вседаетъ* (*царь*) *на конь*. Тако же и братъ его Владимиръ Ондрѣевичъ и вси князи, и воеводы, и все воинство. Въ то жъ время даруетъ царю гдрю в. кн. старецъ живоначальныя Троица Сергіева мон. соборной именемъ Андрѣянъ Ангеловъ и свещенницы.... крестъ златъ..... Въ то жъ время и воздвиженскій игуменъ принесе гдрю

Библиотека "Руниверс"

крестъ..... Царь же гдрь в. кн., вземъ крестъ и образъ и приложись..... *И тако поиде* ко граду Казани....". Въ Отрывкѣ (стр. 312): „И тако прекрестивъ лице свое крестообразно и *поиде ко граду*, и братъ его кн. Володимеръ Ондрѣевичь и все воинство. Въ то же время даруетъ ему Троицы Живоначальные и чюдотворца Сергія соборной старецъ, именемъ Андрѣй Ангеловъ, и священницы... крестъ златъ..... Тако и игуменъ Дмитривскій принесе ему крестъ Кликелеевской. Князь же великій вземъ крестъ и образъ и приложися, и рече..... *И тако поиде ко* граду Казани....". Въ *приведенныхъ* мѣстахъ разница только въ словахъ: „поиде ко граду" и „всѣдаетъ на конь", но отъ этихъ словъ зависитъ бо́льшая послѣдовательность въ изображеніи дѣйствій разказа „Записокъ".

На основаніи всего сказаннаго, повидимому, скорѣе можно предположить, что 2-й разсказъ „Записокъ" не есть сокращеніе соотвѣтствующихъ мѣстъ Отрывка лѣтописи, а наоборотъ, быть можетъ, указанный разказъ есть одинъ изъ источниковъ Отрывка лѣтописи, въ той части его, гдѣ говорится о послѣднемъ походѣ на Казань и взятіи ея.

Если предположить обратное, то-есть, что Отрывокъ лѣтописи есть источникъ нашего разказа, который такимъ образомъ представляетъ лишь его сокращеніе, то являются вопросы:

1) Почему нѣкоторыя числа въ сокращеніи, экстрактѣ, вѣрнѣе, чѣмъ въ подлинникѣ? Поправка? Допустимъ такъ.

2) Почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелкія подробности имѣютъ больше смысла въ экстрактѣ? Хотя это и затруднительно, но допустимъ, что и это поправки.

3) Но почему же разказъ нашъ упоминаетъ лишь о церкви Спаса и умалчиваетъ, какъ бы намѣренно пропускаетъ въ *4-хъ* мѣстахъ указанія несомнѣнно позднѣйшаго времени?

4) Почему разказъ „Записокъ" въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквально сходенъ съ Отрывкомъ русской лѣтописи, а въ другихъ — нѣтъ, и уклоняется по изложенію на столько, что говорить о сокращеніи трудно? (Это въ самомъ началѣ).

Отрывокъ лѣтописи несомнѣнно составленъ на основаніи *нѣсколькихъ* источниковъ; и бѣглое чтеніе можетъ убѣдить въ этомъ.

Изъ всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, источниковъ Отрывокъ лѣтописи болѣе всего сходенъ, *мѣстами*, съ указаннымъ разказомъ.

Принимая въ соображеніе и все вышеизложенное, я не могъ не

Библиотека "Руниверс"

склониться скорѣе къ предположенію, что указанный разказъ есть одинъ изъ источниковъ Отрывка лѣтописи, а не наоборотъ.

Кому же принадлежатъ „Записки"?

Какъ уже было раньше сказано, мы имѣемъ рукописный *сборникъ*. „Записки" находятся не въ той рукописи (1-ой теперь по счету), которая имѣетъ внизу поля запись архимандрита (Нифонта, по указанію П. Строева: см. стр. „Обст. опис. рук. Толстова"), слѣдовательно, нѣтъ безусловно твердаго основанія полагать, что „Записки" были включены въ сборникъ *самимъ* архимандритомъ Нифонтомъ, даже болѣе, въ данномъ рукописномъ сборникѣ нѣтъ въ записи [1]) и имени Нифонта, такъ что о принадлежности этого сборника архимандриту *Нифонту* вѣримъ Строеву, который, вѣроятно, видѣлъ 1-е листы этого сборника, такъ какъ категорически говоритъ о принадлежности сборника Нифонту (см. „Описаніе", стр. 256).

Допустимъ, что самъ архимандритъ Нифонтъ составилъ *не весь* указанный сборникъ. Для насъ, въ данномъ случаѣ, важно и то, что архимандритъ Нифонтъ составилъ какой-то сборникъ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, мы имѣемъ свѣдѣніе, что архимандритъ Нифонтъ былъ въ Казанскомъ походѣ 1550 г. (см. 1-ый разказъ „Записокъ"). Въ-третьихъ, имѣемъ какія-то „Записки" о Казанскихъ походахъ 1550 г. и 1552 г., въ одномъ изъ которыхъ (походъ 1550 г.) упоминается архимандритъ Нифонтъ.

Такимъ образомъ, можно, кажется, съ достаточною вѣроятностью предположить, по крайней мѣрѣ, относительно 1-го разказа „Записокъ", что онъ былъ написанъ Нифонтомъ, архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, впослѣдствіи епископомъ Сарскимъ и Подонскимъ [2]).

Что касается 2-й части „Записокъ" (о походѣ 1552 г. и взятіи Казани), то ни здѣсь, ни въ другихъ источникахъ, извѣстныхъ мнѣ, нѣтъ свѣдѣнія, чтобы архимандритъ Нифонтъ былъ въ Казанскомъ походѣ 1552 г.; и принадлежитъ ли ему эта, 2-я, часть „Записокъ", сказать трудно, хотя однородность формы и одинаковый характеръ изложенія обѣихъ частей и то, что архимандритъ Нифонтъ, какъ

---

[1]) Какъ она теперь есть.

[2]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о Нифонтѣ см. въ „Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей россійскія церкви". Составилъ изъ достовѣрныхъ источниковъ П. Строевъ, С.-Пб., 1877 г., стр. 182, 142.

Библиотека "Руниверс"

участвовавшій въ Казанскомъ походѣ 1550 г., могъ живо интересоваться и походомъ 1552 г., а какъ человѣкъ, по своему общественному положенію, весьма вѣроятно, бывшій въ сношеніяхъ съ лицами, упоминаемыми въ разказѣ о походѣ 1552 г. (между прочимъ, Андреяномъ Ангеловымъ и игуменомъ Воздвиженскимъ), могъ имѣть свѣдѣнія о походѣ 1552 г. отъ очевидцевъ и, какъ любитель книжнаго дѣла, могъ изложить эти свѣдѣнія въ разказѣ, — эти обстоятельства какъ будто говорятъ въ пользу авторства архимандрита Нифонта.

Въ рукописномъ сборникѣ второй разказъ отдѣленъ отъ 1-го чистою страницей (л. 101 об.), но почеркъ того и другаго разказа одинаковый.

Г. Жущевичъ.

Библиотека "Руниверс"

ПАЛАЦКІЙ КАКЪ ИСТОРИКЪ СЛАВЯНСКАГО ПРАВА.

Дабы опредѣлить выдающееся значеніе Палацкаго, какъ историка славянскаго права, необходимо обратиться къ состоянію историко-юридическаго вѣдѣнія въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Цѣлый рядъ причинъ породилъ въ концѣ XVIII вѣка возрожденіе отдѣльныхъ славянскихъ національностей, что немедленно возбудило желаніе возстановить древнѣйшій общественный бытъ славянства. Однако, въ трудахъ различныхъ славянскихъ ученыхъ XVIII столѣтія еще не былъ отдѣленъ элементъ юридико-политическій; описанія носили на себѣ характеръ этнографическій; свѣдѣнія брались большею частію изъ иностранныхъ писателей, поверхностно знакомыхъ съ славянскимъ бытомъ; на самые юридическіе памятники почти не обращалось вниманія. Не ранѣе XIX вѣка появляются труды ученыхъ юристовъ, желавшихъ дать не только картины древнѣйшаго славянскаго общественнаго быта, но и прослѣдить дальнѣйшее его развитіе; у тѣхъ же писателей одновременно возникъ вопросъ о происхожденіи славянскаго права. Нѣкоторое сходство отдѣльныхъ законоположеній Русской Правды, статутовъ Казимира Великаго, Литовскихъ статутовъ съ постановленіями „законодательныхъ сборниковъ варварскихъ народовъ“ (leges barbarorum), а также близость нѣкоторыхъ славянскихъ учрежденій съ германскими и норманскими наводили на мысль о заимствованіяхъ. Эта мысль нашла себѣ систематическаго выразителя въ русскомъ академикѣ, нѣмцѣ Шлёцерѣ, который доказывалъ, что русскіе славяне стояли на очень низкой ступени развитія, что варяги, призванные въ Россію, не только положили начало прочной княжеской власти, но и всему юридическому порядку, что поэтому въ основѣ Русской Правды должны были естественно лежать скандинав-

Библиотека "Руниверс"

скіе обычаи. Мнѣнія объ иностранномъ происхожденіи славянскаго юридическаго и политическаго быта появились и въ Польшѣ (Нарушевичъ. Оссолинскій) и были раздѣляемы польскими учеными юристами Чацкимъ и Яномъ Викентіемъ Бантке. Очевидно, такіе взгляды опирались на теоретическомъ положеніи, тогда широко распространенномъ въ ученомъ мірѣ, о законодательствѣ, какъ единственномъ источникѣ права; вообще тогда считали возможнымъ перенесеніе права изъ одной страны въ другую цѣликомъ путемъ законодательнаго акта.

Въ противоположность писателямъ, отыскивающимъ основы славянскаго права у германскихъ народовъ, появился цѣлый рядъ ученыхъ, признававшихъ самобытность славянскихъ юридическихъ и политическихъ началъ. Эти ученые смотрѣли на все славянство, какъ на одно цѣлое, въ незапамятныя времена выдѣлившееся изъ обще-арійской семьи народовъ и еще сравнительно близкое къ древнимъ аріямъ. Отсюда мысль о возможности разъясненія славянскаго быта при помощи индусскихъ памятниковъ (Маевскій). Самобытность славянскаго общественнаго строя, очевидно, приводила къ желанію изучить нравы и обычаи, вѣрованія, языкъ. откопать вещественные памятники славянства (Маевскій, Янъ Потоцкій, Сапѣга, Суровецкій, Ходаковскій, Ганка, Юнгманъ и др.). Наконецъ, единство славянскаго племени, изъ котораго только со временемъ выдѣлились отдѣльные народы, наводило мысль на сравненія. Среди этихъ трудовъ особенно выдается сочиненіе Раковецкаго [1]), какъ первая попытка сравнить Русскую Правду съ другими славянскими памятниками и какъ первая работа, гдѣ говорится объ единомъ духѣ, проникающемъ законодательства славянъ. Однако, и въ этомъ сочиненіи мы не видимъ отдѣленія права отъ филологическихъ изысканій (большая половина втораго тома посвящена послѣднимъ, стр. 149—316), а теоретико-юридическія свѣдѣнія не идутъ далѣе Гуго Гроція и Монтескье [2]). Очевидно, сходство отдѣльныхъ славянскихъ законодательныхъ постановленій приводило къ мысли объ одномъ духѣ славянскаго права, который подъ вліяніемъ возрожденія надѣлялся самыми симпатичными качествами, міро-

---

[1]) Prawda Ruska czyli prawa w. x. Jarosława Władymirowicza tudzież traktaty Olga y Igora ww. xx. kiiowskich z cesarzami greckimi y Mscisława Dawidowicza x. smoleńskiego z Rygą, zawarte, których texta, obok z Polskiém tłomaczeniem poprzedza rys historyczny zwyczaiów, obyczaiów, religiy, praw y języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-ruskich narodow. Przez I. B. Rakowieckiego. tt. I и II. Warszawa. 1820 и 1822.

[2]) Тамъ же т. I, стр. 199, 200.

Библиотека "Руниверс"

любіемъ, трудолюбіемъ, уваженіемъ къ человѣческой личности, кротостью, гостепріимствомъ [1]).

Данныя, добытыя еще въ XVIII вѣкѣ издателями памятниковъ и историками, накопленныя въ началѣ XIX вѣка этнографами, путешественниками, археологами, собирателями народныхъ преданій и сопоставителями законовъ, привели къ предположенію одного духа въ славянскомъ общественномъ бытѣ. Но эта мысль, добытая индуктивно, не нашла еще себѣ философскаго обоснованія, и дѣйствительно мы видимъ у историковъ съ славянскимъ оттѣнкомъ (Антонъ Раковецкій) то желаніе сравнивать исключительно славянъ между собою и предположеніе о миролюбивомъ славянскомъ духѣ, рѣзко отличномъ отъ воинственнаго кровожаднаго духа нѣмцевъ, то мысль о простотѣ жизненныхъ отношеній на первобытной ступени культуры и отсюда происходящемъ сходствѣ славянскихъ законовъ съ законами аѳинянъ, римлянъ, франковъ, готовъ [2]). Переворотъ въ этомъ отношеніи наступилъ съ появленіемъ исторической школы въ Германіи. Дотолѣ всецѣло царило убѣжденіе, что умъ диктуетъ законодателю начала человѣческаго общежитія, которыя, какъ основанныя на разумѣ, пригодны для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Напротивъ, Савиньи въ 1814 году высказалъ мысль, что право есть результатъ народнаго духа, что оно, подобно языку, рождается, живетъ и умираетъ вмѣстѣ съ народомъ, его создавшимъ. Такимъ образомъ каждый народъ обладаетъ своимъ національнымъ правомъ, которое оживлено свойственнымъ ему національнымъ духомъ. Савиньи не остановился на болѣе точномъ опредѣленіи національнаго духа; онъ указывалъ только, что юридическіе обычаи—наиболѣе совершенная форма его проявленія и что въ древнѣйшемъ правѣ, въ его символахъ и формулахъ, наиболѣе полно и всесторонне выражается національный геній. Отсюда былъ уже одинъ шагъ до опредѣленія національнаго духа, какъ души, вложенной самимъ Богомъ въ національное тѣло, а не какъ единства убѣжденій, сложившихся въ данномъ обществѣ подъ вліяніемъ однообразныхъ условій жизни. Дѣйствительно, въ первыхъ представителяхъ исторической школы метафизическое пониманіе національнаго духа, то-есть, какъ души, вложенной самимъ Богомъ, было наиболѣе распространено. Подъ этими вліяніями заканчивали въ двадцатыхъ годахъ въ Берлинѣ свое образованіе нѣсколько польскихъ юристовъ, Вацлавъ Александръ

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 198—226, особенно стр. 241—254.

[2]) Смотри, напримѣръ, тамъ же, стр. 198—200.

Библиотека "Руниверс"

Мацѣевскій и братья Губе. Названныя лица были непосредственными учениками Савиньи и возвратились въ Варшаву полные самаго пламеннаго желанія раскрыть существо славянскаго національнаго духа; значеніе ихъ для славянскаго права громадно; всѣ они шли къ своей цѣли нѣсколько иными путями; къ нимъ впослѣдствіи примкнулъ болѣе старый, тогда уже извѣстный Лелевель.

В. А. Мацѣевскій почти непосредственно по своемъ возвращеніи изъ-заграницы занялся славянствомъ и плодомъ его трудовъ была знаменитая „Исторія славянскаго права" [1]). Думается мнѣ, что его научные пріемы проявились съ достаточною ясностію уже въ первомъ его научномъ трудѣ. Онъ прежде всего, подъ вліяніемъ существовавшей тогда ученой литературы, вызванной возрожденіемъ славянъ и потому идеализовавшей славянство, опредѣлилъ существо славянскаго національнаго духа, какъ свойственнаго миролюбивому, земледѣльческому, свободолюбивому народу, который наиболѣе охотно живетъ въ общинной формѣ правленія; затѣмъ онъ стремился подыскать среди славянъ страну, которая давала бы по своему географическому положенію наиболѣе ручательства въ своей самобытности; наконецъ, онъ взялъ развитіе права и государства этой страны за типичнаго представителя цѣлаго славянства и пользовался остальными славянскими правами, какъ пополненіемъ и лучшимъ освѣщеніемъ развитія славянскаго духа въ избранной имъ славянской національности. Уже въ первомъ изданіи своей исторіи онъ указываетъ на то, что иногда бываетъ очень трудно отдѣлить у славянъ, вслѣдствіе ихъ сосѣдства съ нѣмцами, свое отъ чужаго, что „исторія и *славянская народность*, изученная даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, должна зажечь факелъ правды изслѣдователю славянскихъ установленій" [2]). Тамъ же онъ указываетъ на Польшу, какъ на такую страну, гдѣ могъ лучше развиться духъ славянскаго права и славянскихъ политическихъ учрежденій, ибо она менѣе подлежала вліянію нѣмецкаго права и обстоятельствамъ, задерживающимъ просвѣщеніе. „Поэтому мы лучше поймемъ законодательство другихъ народовъ, ежели прежде ознакомимся съ польскимъ; тогда будетъ достаточно намекнуть только на подобныя, съ польскими сходныя учрежденія и у другихъ народовъ, какъ на вытекающія изъ того

---

[1]) Historya prawodawstw słowiańskich przez Wacława Alexandra Macieiowskiego Warsz. I — IV. 1832 — 1835. Въ предисловіи къ IV-ому тому В. А. Мацѣевскій самъ говоритъ, что начала исторической школы служили путеводною нитью.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 3 § 3.

Библиотека "Руниверс"

же самаго источника" [1]). Наконецъ, первобытный характеръ славянъ описывается имъ, какъ вообще, такъ и въ частности прекрасными, уже намъ извѣстными чертами [2]); а основныя черты славянскаго права добываются путемъ сопоставленія всѣхъ законодательствъ, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ славянъ, ибо каждое въ отдѣльности представляется чрезвычайно неполнымъ, отрывочнымъ [3]); въ теченіе вѣковъ первичный характеръ измѣняется въ томъ отношеніи, что народъ какъ бы раздваивается, крестьянство и мѣщанство портятся вслѣдствіе чрезвычайнаго гнета, такъ что настоящій славянскій характеръ можно наблюдать только въ высшихъ слояхъ общества [4]). Легко заключить изъ всего сказаннаго, что пріемы эти, которымъ нашъ авторъ остался вѣренъ до послѣднихъ моментовъ своей жизни, не научны. Въ нихъ совершенно произвольно, чисто метафизически, опредѣляется, такъ сказать, душа славянскаго тѣла и все несогласное съ характеристикою души отбрасывается, какъ иноземное; въ нихъ не менѣе произвольно сливаются всѣ славянскія законодательства въ одно цѣлое, такъ что совершенно утрачиваются индивидуально-національныя черты отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и получается нѣчто общее, никогда и нигдѣ не существовавшее; наконецъ, въ нихъ также произвольно выбирается одна страна, какъ специфически славянская. В. А. Мацѣевскій впослѣдствіи дошелъ въ этихъ своихъ произвольныхъ построеніяхъ до чрезвычайности; гдѣ бы онъ ни подмѣтилъ учрежденій, свойственныхъ миролюбивому и земледѣльческому характеру, онъ приписывалъ ихъ славянскимъ колонистамъ; такъ, англійскій судъ присяжныхъ въ его глазахъ зародился подъ славянскимъ вліяніемъ; такъ, общинное землевладѣніе, хотя бы оно находилось въ Голландіи, свидѣтельствуетъ о первобытномъ славянствѣ жителей. Если все-таки иногда Мацѣевскій освобождался отъ этихъ своихъ предвзятыхъ положеній, то это было слѣдствіемъ его громадной начитанности въ славянскимъ памятникахъ, невольно исправлявшей его предвзятыя воззрѣнія, а также нѣкоторой слабости

---

[1]) Тамъ же, стр. 35.

[2]) Тамъ же, стр. 70—78.

[3]) Тамъ же, т. II. Предисловіе стр. VI, VII.

[4]) Тамъ же, т. III, стр. 42 — 49. Необходимымъ дополненіемъ къ исторіи славянскаго права Мацѣевскаго было изданіе важнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ Кухарскаго (Antiquissima monumenta juris slovenici. Варшава. 1838); сами памятники съ переводомъ и объясненіями нѣкоторыхъ были доставлены изъ Праги.

Библиотека "Руниверс"

логическаго мышленія, которая дозволяла ему иногда уклоняться отъ строгой логической послѣдовательности.

Не менѣе произвольно, но съ большею силою логики построилъ свою систему славянскаго права Лелевель; его научные пріемы проявляются съ достаточною очевидностію въ его ученыхъ трудахъ. По его мнѣнію, народы обладаютъ прирожденными качествами, которымъ они остаются вѣрны въ теченіе всей своей жизни; эти качества особенно ярко выступаютъ въ первоначальной исторіи народовъ, когда они наименѣе подвергались иноземнымъ вліяніямъ. Основное устройство славянъ, вытекающее изъ ихъ народнаго характера, представляется Лелевелю въ видѣ общины, расположенной на своихъ собственныхъ земляхъ, состоящей только изъ свободныхъ земледѣльцевъ (кметовъ) управляющейся сама собою посредствомъ общихъ сходовъ и избираемыхъ на этихъ сходахъ правителей. Такъ жили славяне еще во времена Прокопія и таковъ ихъ идеалъ, пока они не сойдутъ съ исторической сцены. Народъ, который наиболѣе остался вѣренъ своимъ первоосновамъ, Лелевель находитъ въ полякахъ, но и тамъ государство процвѣтаетъ только тогда, когда оно наиболѣе приближается къ своему славянскому первообразу. Эти воззрѣнія проникаютъ всѣ произведенія Лелевеля, но съ особенною силою и послѣдовательностію они высказаны въ его „Разсужденіяхъ объ исторіи Польши и ея народа“ [1]). Какъ видно, нашъ авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе только на Польшѣ; остальныхъ славянъ онъ касается вскользь въ своихъ сочиненіяхъ; тѣмъ не менѣе онъ сильно возстаетъ противъ ученыхъ, высказавшихся за чужеземность славянскаго юридическаго и политическаго быта, и даетъ понять, что Польша особенно приковываетъ его вниманіе, какъ страна, въ которой чище всего выразился славянскій идеалъ.

Иною, болѣе правильною дорогою, чѣмъ Мацѣевскій и Лелевель, пошли братья Губе. Ромуальдъ помѣстилъ въ Ѳемидѣ Польской въ 1829 г. двѣ небольшія статьи: „О древнихъ сборникахъ чешскаго права“ и „Покора (примиреніе двухъ родовъ по случаю убійства) по правамъ чешскимъ и польскимъ“. Іосифъ представилъ на конкурсъ, объявленный Варшавскимъ Александровскимъ университетомъ въ 1830 году для занятія каѳедры исторіи права, сочиненіе о правѣ законнаго

---

[1]) Considerations sur l'état politique de l'ancienne Pologne. Lille. 1844. По-польски появились въ Познани въ 1855 г. подъ заглавіемъ: Uwagi nad dziejami Polski i ludu jéj въ III т., Polska, dzieje i rzeczy jej.

Библиотека "Руниверс"

наслѣдованія римлянъ, германцевъ и славянъ [1]). Этими работами оба брата какъ бы выразили свое несочувствіе дедуктивнымъ построеніямъ славянскаго права. Ромуальдъ желалъ разъяснить каждое славянское право въ отдѣльности. Іосифъ считалъ возможнымъ опредѣлить извѣстными признаками общеславянское понятіе о семьѣ и наслѣдованіи, но останавливался на нѣкоторыхъ институтахъ славянскаго права и притомъ еще на такихъ, которыя по свидѣтельству всемірной исторіи права отличаются неподвижностію.

Польское возстаніе 1830 г. оказало чрезвычайно вредное вліяніе и на начинающуюся развиваться въ Варшавѣ исторію славянскаго права. Только одинъ Мацѣевскій неуклонно шелъ по разъ избранному пути до самой своей смерти. Лелевель долженъ былъ оставить Польшу и поэтому былъ лишенъ возможности заниматься надъ рукописнымъ матеріаломъ и даже слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ польской ученой литературы. Іосифъ Губе тоже покинулъ отечество и даже поступилъ въ монастырь. Наконецъ Ромуальдъ Губе былъ вызванъ въ Петербургъ, долго всецѣло поглощенъ законодательными работами, а съ семидесятыхъ годовъ пріобрѣлъ громкую извѣстность своими трудами по исторіи польскаго права; другими славянскими правами онъ интересовался до самой своей смерти, писалъ критическія замѣтки, но самостоятельныхъ сочиненій о цѣломъ славянскомъ правѣ не оставилъ. Мало того, съ тридцатыхъ годовъ измѣнилось самое направленіе польскихъ историческихъ изслѣдованій. Уже въ 1847 г. начало появляться анонимно сочиненіе, гдѣ прямо заявлялось, что Польша христіанско-католическая, Польша, воспринявшая и усвоившая себѣ западноевропейскую цивилизацію, и есть настоящая Польша, что дохристіанская Польша исчезала въ славянскомъ мірѣ и даже самое имя поляковъ не было извѣстно [2]). Хотя это направленіе смѣнилось съ семидесятыхъ годовъ прекрасными, строго научными трудами, но и въ нихъ не удѣляется мѣста общеславянскому праву; напротивъ замѣтно страстное желаніе подчеркнуть все индивидуально-польское въ противоположность общеславянскому. Это исчезновеніе интереса къ

---

[1]) Часть этого сочиненія была помѣщена въ Themis polska въ 1832 г. подъ заглавіемъ: „Wywód praw spadkowych słowiańskich". Какъ важна была эта статья для своего времени, видно изъ того, что извѣстный знатокъ славянскаго права В. В. Богишичъ въ самомъ началѣ своей статьи о семейномъ правѣ дубровчанъ почти дословно повторяетъ выводы І. Губе (Rad jugosl. akad. т. V, стр. 123).

[2]) Przęglad posnański, 1847—1849, подъ заглавіемъ: Obraz rzadu i prawodawstwa dawnéj Polski.

Библиотека "Руниверс"

славянскому праву, очевидно, было слѣдствіемъ чисто политическихъ причинъ.

Одновременно съ появленіемъ славянской исторической литературы въ Варшавѣ, кружокъ славистовъ дѣйствовалъ въ чешской Прагѣ съ большимъ успѣхомъ съ Юнгманомъ и Ганкою во главѣ; его значеніе было громадно; онъ всегда стоялъ за самобытность славянскихъ учрежденій, побуждалъ польскихъ и русскихъ ученыхъ къ занятію славяновѣдѣніемъ и присылалъ превосходные переводы славянскихъ юридическихъ памятниковъ съ учеными филологическими объясненіями, которые затѣмъ и печатались въ Варшавѣ (Кухарскій). Но его дѣятельность не касалась спеціально права; она была поглощена славянствомъ вообще, его исторіею, литературою, языкомъ и носила на себѣ почти исключительно филологическій характеръ. Къ этому кружку принадлежалъ знаменитый Палацкій. Посвятивъ всю свою жизнь исторіи чешскаго народа, онъ долженъ былъ опредѣлить самое существо историческаго процесса, происходившаго въ Чехіи, а также изобразить развитіе чешскихъ юридико-политическихъ отношеній. Посмотримъ, какъ разрѣшилъ онъ этотъ вопросъ.

„Чешская исторія есть исторія *славянскаю* народа, живущаго далѣе всего на западъ, какъ бы въ сердцѣ Европы, сохранившаго свое существованіе въ родѣ полуострова въ *нѣмецкомъ* морѣ". Отсюда вытекалъ логическій выводъ, что на почвѣ чешскаго государства сталкиваются, борются и проникаютъ одинъ за другимъ досего дня два элемента, славянскій и нѣмецкій. Относительно характеристическихъ признаковъ обоихъ элементовъ Палацкій замѣчаетъ, что въ славянствѣ. въ моментъ его выступленія на историческое поприще, существовала свобода простаго народа; напротивъ, германизмъ во время его перваго столкновенія съ чехами отличался силою и политическою организаціей. Характеристическая черта славизма вытекала изъ народнаго характера. Славянинъ, какъ мирный земледѣлецъ, не стремился къ власти и чувствовалъ себя наиболѣе счастливымъ въ семьѣ и общинѣ; отсюда свобода и всеобщее равенство, но вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ высшаго авторитета, іерархіи, дисциплины, порядка. Итакъ, „главнымъ содержаніемъ и признакомъ чешской исторіи есть вѣковое столкновеніе славянъ и нѣмцевъ, а потому проникновеніе элементовъ нѣмецкихъ, которые принимались чехами, какъ добровольно, такъ и противъ воли, въ ихъ политическую и частную жизнь, слѣдовательно онѣмеченіе, но болѣе относительно учрежденій. правъ и отношеній государственныхъ и общественныхъ, чѣмъ относительно языка и народ-

Библиотека "Руниверс"

наго характера". Различныя ступени и причины этого онѣмеченія составляютъ также естественные раздѣлы чешской исторіи. Въ цѣломъ развитіи чешскаго народа выдѣляется, однако, болѣе чѣмъ двухсотлѣтній періодъ, въ которомъ примѣшивается къ народной жизни и царитъ въ ней начало религіозное, пробужденное тоже первоначально отпоромъ противъ онѣмеченія. Итакъ, періоды развитія чешскаго народа могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ:

1) съ древнѣйшихъ временъ до 1403 года содержаніемъ періода являются свѣтскія и государственныя дѣла, при чемъ съ 451 по 1253 годъ преобладаютъ внутри славянскіе, съ 1253 по 1403 годъ нѣмецкіе порядки;

2) съ 1403 года по 1627 годъ самый блестящій періодъ чешской исторіи; это время религіозныхъ споровъ съ преобладаніемъ утраквистовъ; королевская власть слаба, участіе народа въ верховной власти весьма значительно; феодальные нѣмецкіе порядки все болѣе и болѣе усиливаются и ведутъ къ образованію сословій и къ порабощенію простаго народа;

3) съ 1627 года Чехія и Моравія сдѣлались наслѣдственнымъ достояніемъ Габсбурговъ; римско-католическая церковь стала исключительно господствующей; законодательная, судебная и административная власть сосредоточивалась въ рукахъ короля; участіе народа въ общественной жизни значительно ограничилось [1]).

Такое опредѣленіе самаго существа историческаго процесса въ Чехіи кажется мнѣ чрезвычайно важнымъ для цѣлаго славянскаго права. Здѣсь примѣнительно къ одной, сравнительно небольшой славянской странѣ впервые высказана была мысль, могущая послужить съ небольшими измѣненіями руководящею нитью для группировки безконечнаго количества фактовъ юридической и политической жизни славянства. Въ основѣ опредѣленія существа чешской исторіи у Палацкаго, очевидно, лежало воззрѣніе, что народъ, только выступающій на историческое поприще, необходимо долженъ духовно подчиниться народу, уже усвоившему предшествующую культуру и потому болѣе дисциплинированному, организованному. Вмѣсто того, чтобы остановиться на болѣе внѣшнихъ признакахъ развитія, напримѣръ, на преобладаніи монархіи, аристократіи, рыцарства, или на значеніи личности, сословій, затѣмъ государства, или на формахъ правленія, нашъ авторъ

---

[1]) Radhost. Díl druhý. W Praze. 1872. стр. 488—493. Палацкаго Dejiny. Dílu I částka 1. W Praze. 1862. стр. 15—18.

Библиотека "Руниверс"

проникъ въ самую глубину историческаго процесса, подмѣтивъ, что онъ слагается у новыхъ народовъ преимущественно изъ двухъ факторовъ, изъ національныхъ представленій; сложившихся вслѣдствіе извѣстной матеріальной обстановки (климата, почвы и т. д.), и изъ тѣхъ вліяній культуры, надъ которою работало и работаетъ непрестанно все человѣчество.

Для бо́льшаго разъясненія сдѣланныхъ мною замѣчаній я кратко изложу единственно правильную, по моему убѣжденію, періодизацію славянскаго права, изъ которой читатель увидитъ, что она, собственно говоря, можетъ представляться обобщеніемъ мысли Палацкаго.

Славянство до принятія христіанства, хотя и розпилось нѣсколько подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій по своимъ нравамъ и обычаямъ, но составляло одно цѣлое съ однимъ языкомъ, одними въ своей основѣ религіозными, политическими и юридическими представленіями. Съ момента принятія христіанства славянство распадается на двѣ группы, ибо оно подчиняется культурнымъ идеямъ Запада въ одной и Востока въ другой половинѣ. Эти культурныя идеи развились различно, преимущественно вслѣдствіе особенностей образованности греческой съ одной, и образованности римской съ другой стороны. Обѣ образованности были до того могучи, что опредѣлили собою различіе въ организаціи христіанскихъ общинъ, а затѣмъ и въ догматахъ, и создали тѣмъ католичество и православіе. Ко всему этому присоединились еще особенныя условія, въ которыхъ развивались въ началѣ среднихъ вѣковъ народы западной Европы съ одной, и народы, входившіе въ сферу духовной жизни византійской имперіи съ другой стороны. Все это вмѣстѣ создало отличіе основныхъ взглядовъ на человѣческое общежитіе на Западѣ и на Востокѣ, а это отличіе еще болѣе обострилось вслѣдствіе чрезвычайнаго антагонизма обѣихъ половинъ Европы. Не имѣя мѣста для описанія образованія взглядовъ Запада и Востока, я ограничусь ихъ установленіемъ:

1) На Западѣ вслѣдствіе борьбы свѣтской власти съ духовною развилась идея, что государственная власть есть только *внѣшняя сила* для охраны отъ враговъ и для обезпеченія воспитанія народовъ въ христіанской нравственности, а потому она должна находиться подъ контролемъ духовной власти. Наоборотъ, на Востокѣ преобладало убѣжденіе, что духовная власть, какъ и всякая другая общественная власть, подчиняется главѣ государства, а управленіе церковью есть только часть управленія вообще.

2) На Западѣ во главѣ общества стоялъ вмѣстѣ съ духовенствомъ

Библиотека "Руниверс"

высшій классъ, какъ хранитель нравственныхъ и умственныхъ пріобрѣтеній человѣчества, ибо для усвоенія знаній необходимо было знакомство съ латинскимъ языкомъ, доступнымъ только зажиточному слою. На Востокѣ этого не замѣчалось, ибо хранительницею просвѣщенія была только церковь, обращавшаяся къ каждому народу на его родномъ языкѣ.

3) На Западѣ общество распадалось на сословія, глубоко различныя во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни, ибо различіе это вытекало изъ различія въ занятіяхъ и опиралось на различныхъ міросозерцаніяхъ. Итакъ, духовенство послѣ введенія целибата совершенно выдѣлилось изъ свѣтскаго общества и опиралось на началахъ каноническаго и римскаго права; аристократія была убѣждена, что самъ Богъ призвалъ ее къ управленію народами вмѣстѣ съ императоромъ и королями и опиралась на древнегерманскихъ воспоминаніяхъ о королѣ, какъ первомъ среди себѣ равныхъ; рыцарство составляло громадное общеевропейское общество съ особымъ характеромъ, въ которомъ своеобразно соединялись христіанскія начала съ восточною фантазіей, и опиралось на феодализмъ; горожане, занятые промышленностью и торговлею, обладали правами и учрежденіями, постепенно вырабатывавшимися на началахъ германскихъ и римскихъ и вполнѣ приспособленными къ городскимъ потребностямъ; наконецъ, крестьяне недалеко ушли въ своемъ развитіи отъ временъ языческихъ и считались болѣе рабочимъ скотомъ, чѣмъ людьми. Наоборотъ, Востокъ не зналъ сословныхъ различій и представлялъ собою общество, не разрозненное сословнымъ духомъ и связанное одною государственною религіей; при всей этнографической пестротѣ источникъ образованности былъ единъ, византійская литература, стремившаяся слить въ правѣ, политическихъ учрежденіяхъ, нравахъ и обычаяхъ древнегреческую мудрость съ христіанствомъ. Итакъ, образованіе народовъ, подпавшихъ духовному вліянію Византіи, чрезвычайно отличалось количественно, но не качественно.

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ обобщить наши положенія. Съ момента принятія христіанства духовенство, этотъ единственный органъ просвѣщенія въ средніе вѣка, хотя и поставило одинъ и тотъ же идеалъ для Запада и Востока, а именно громадную монархію, долженствующую охватить всѣхъ христіанъ въ одинъ союзъ, основанный на началахъ христіанской любви, взаимной помощи и вѣчной справедливости, но указывало совершенно иные пути къ его осуществленію въ обѣихъ половинахъ Европы. *На Западѣ* проповѣдывалось

Библиотека "Руниверс"

рѣзкое отличіе духовенства отъ свѣтскаго общества. Духовенство являлось единственнымъ хранителемъ религіозно-нравственныхъ началъ и вслѣдствіе этого должно было быть вполнѣ независимо отъ свѣтской власти; организованное іерархически, оно должно было быть обезпечено матеріально, дабы исключительно заботиться о религіозно-нравственномъ воспитаніи и умственномъ развитіи народовъ. Свѣтское общество должно было быть также іерархически организовано, дабы высшіе слои, какъ болѣе обезпеченные и лучше организованные, могли принять на себя часть заботъ о преуспѣваніи народныхъ массъ. Итакъ, западно-европейское общество въ средніе вѣка напоминало нѣсколько кастовое устройство древняго Египта. Наоборотъ, *Востокъ* представлялъ изъ себя общество, гдѣ не было рѣзкихъ различій даже между духовными и мірянами; государство считалось единственною Богомъ установленною формою общежитія, а вслѣдствіе невыдѣленности духовныхъ и свѣтскихъ отношеній сама государственная власть носила на себѣ не только свѣтскій, но и религіозный отпечатокъ. Вообще вслѣдствіе отсутствія противоположенія дѣлъ духовныхъ и свѣтскихъ государство сохранило здѣсь болѣе древнеклассическій характеръ и было возможно полнымъ общеніемъ всѣхъ жизненныхъ, какъ духовныхъ, такъ матеріальныхъ интересовъ гражданъ. Итакъ, передъ выступающимъ на историческое поприще славянствомъ были поставлены два образца для подражанія: могучее, вполнѣ расчлененное общество съ слабою государственною властію на Западѣ и всесильное государство съ неразвитымъ обществомъ на Востокѣ.

Дальнѣйшая исторія славянскаго права представляетъ постепенное усвоеніе этихъ образцовъ славянами-католиками и славянами-православными и результаты такого усвоенія. Славянинъ, только что оставившій язычество, не могъ вдругъ сдѣлаться западно-европейцемъ или византійцемъ, и потому мы видимъ длинный періодъ борьбы исконно славянскихъ началъ съ началами пришлыми. Періодъ этотъ у двухъ наиболѣе развитыхъ славяно-католическихъ народовъ, чеховъ и поляковъ, оканчивается въ Чехіи въ 1253, въ Польшѣ въ 1300 году побѣдою началъ иноземныхъ. На Руси этотъ періодъ съ такимъ же характеромъ и такимъ же результатомъ длится до образованія московскаго княжества. Второй періодъ отличается значительнымъ преобладаніемъ иноземныхъ образцовъ. Въ Чехіи это усвоеніе было до того полно, что вызвало страшную реакцію древнеславянскихъ началъ въ гуситствѣ, которое поэтому относится мною ко второму періоду. Постепенно изъ полной анархіи вырабатываются двѣ партіи, демократи-

Библиотека "Руниверс"

ческая и дворянская; ихъ взаимная борьба кончается въ 1434 году побѣдою шляхты. Такой исходъ чрезвычайно облегчалъ сближеніе съ западной Европой и укрѣплялъ ея вліяніе. Въ Польшѣ второй періодъ длится до 1505 года, то-есть, до окончательной организаціи польскаго государства на Радомскомъ сеймѣ. У славянъ восточныхъ Москва стремится сдѣлаться второю Византіею, особенно послѣ паденія Константинополя, и во всемъ подражаетъ павшей византійской имперіи. Дѣйствительно, во второмъ періодѣ у славянъ-католиковъ мы видимъ королей съ средневѣковымъ характеромъ, какъ помазанниковъ Божіихъ, долженствующихъ, однако, подчиняться церкви и слушаться аристократіи, и общество. расчлененное на сословія въ средневѣковомъ уже нами указанномъ смыслѣ. Наоборотъ; у славянъ православныхъ самодержавіе все болѣе и болѣе укрѣпляется и углубляется; государство становится идоломъ, которому жертвуется все, а это ведетъ къ полному подавленію личной свободы и закрѣпощенію всѣхъ сословій на служеніе государству; при всемъ томъ государство, преимущественно при помощи государственной религіи, создаетъ единство общества, а это общество, нераздѣльное и единое, и даетъ въ 1612 году нераздѣльную и единую государственную власть. Третій періодъ раскрываетъ намъ послѣдствія воспріятія чужихъ образцовъ. Въ Чехіи общество, уже сложившееся во второмъ періодѣ всецѣло по западно-европейскому примѣру и благополучно выдержавшее кризисъ гуситскихъ войнъ, разрушаетъ государство при посредствѣ иностранныхъ силъ (1627). Въ Польшѣ событія складываются только на первый взглядъ иначе: здѣсь рыцарство, вслѣдствіе преобладанія иноземныхъ элементовъ въ городахъ, одерживаетъ полную побѣду еще въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка надъ остальными частями общества. а въ XVI столѣтіи и надъ государственною властью и объявляетъ себя самодержавнымъ народомъ, который въ сеймѣ создаетъ для себя новую государственную власть; другія сословія превращаются въ полурабовъ, король—въ представителя исполнительной власти въ государствѣ и только въ одну третью часть верховной власти (1573 г.). Такое состояніе должно было привести неминуемо къ паденію, ибо государственная власть раздробилась окончательно и, наконецъ, совсѣмъ перестала существовать (1795). У восточныхъ славянъ (Россія) третій періодъ начинается полнымъ порабощеніемъ общества на служеніе государству при Петрѣ Великомъ; необходимо, однако, замѣтить, что еще во второмъ періодѣ вслѣдствіе присоединенія Малороссіи, гдѣ было черезъ Польшу сильно западноевропейское вліяніе, Западъ

Библиотека "Руниверс"

началъ подкапывать исключительное преобладаніе византійскихъ образцовъ; въ XVIII вѣкѣ западноевропейское вліяніе все болѣе и болѣе усиливается и приводитъ къ образованію дворянства въ западноевропейскомъ смыслѣ слова, то-есть, не какъ служилаго класса, отличнаго отъ другихъ общественныхъ слоевъ только качествомъ обязанностей въ пользу государства, а какъ свободнаго сословія, болѣе образованнаго и обезпеченнаго и потому обязаннаго заботиться о преуспѣваніи простаго народа; вслѣдъ за освобожденіемъ дворянства отъ государственной службы начинается освобожденіе и другихъ общественныхъ слоевъ, которое заканчивается освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости при Императорѣ Александрѣ II.

Окинувъ однимъ взглядомъ все сказанное, мы видимъ, что исторія славянскаго права до сихъ поръ была ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ усвоить западно-европейскіе или византійскіе образцы общественнаго устройства. Это было необходимо для славянства, ибо для самостоятельнаго развитія человѣческаго общежитія нужно было прежде всего всецѣло воспріять послѣдніе успѣхи обществовѣдѣнія. Поэтому этотъ тысячелѣтній періодъ напоминаетъ намъ нѣсколько такой же періодъ съ момента паденія западно-римской имперіи до момента открытія Америки; и у западныхъ народовъ это было временемъ усвоенія наиболѣе зрѣлыхъ плодовъ римской образованности и христіанства. Для славянства пройденный путь былъ какъ бы воспитаніемъ для самостоятельной, вполнѣ зрѣлой дѣятельности. Понятно, въ немъ нельзя было ожидать критической оцѣнки предлагаемыхъ образцовъ; ея мы почти не замѣчаемъ и на Западѣ въ теченіе средневѣковья. На нашихъ глазахъ только начинается такой анализъ (у поляковъ—пониманіе необходимости сильной государственной власти для общества, въ Россіи—критическое направленіе въ литературѣ). Эта критика чрезвычайно облегчается для славянъ-католиковъ указаніемъ слабыхъ сторонъ западно-европейскаго общественнаго строя радикалами, соціалистами и т. п., для славянъ-православныхъ—возможностію сравнить вліяніе западно-европейскихъ съ вліяніемъ византійскимъ образцовъ, что естественно можетъ навести на слабыя стороны и тѣхъ, и другихъ.

И такъ, большая заслуга Палацкаго передъ славянскимъ правомъ заключается въ томъ, что онъ впервые примѣнилъ отмѣченныя здѣсь начала къ исторіи чешскаго народа. Дѣйствительно, изъ внимательнаго чтенія его характеристики германизма очевидно, что, говоря о столкновеніи славянъ съ нѣмцами на чешской почвѣ, онъ имѣлъ въ

Библиотека "Руниверс"

виду не нѣмцевъ, какъ этнографическое цѣлое, а нѣмцевъ, какъ усвоившихъ римско-христіанскую образованность и поэтому организованныхъ и сильныхъ. Палацкій прекрасно понималъ, что западноевропейская культура слагается изъ двухъ элементовъ, романскаго и германскаго, и что именно послѣдній, вслѣдствіе близости, особенно вліялъ на чеховъ. Этимъ чешскій общественный бытъ значительно отличается отъ польскаго, въ которомъ романскіе элементы (католицизмъ, каноническое право, гуманизмъ) особенно преобладали. Наконецъ, не укрылось отъ его проницательнаго взгляда, что западноевропейскія начала, приводившія къ постепенному паденію государственной власти и къ чрезвычайной разрозненности сословій, не дали и не могли дать славянству ни внѣшняго могущества, ни внутренняго спокойствія.

Далѣе, вторая заслуга Палацкаго состояла въ томъ, что онъ проводилъ совершенно правильные взгляды на развитіе славянскаго права, какъ въ „Исторіи чешскаго народа", такъ и въ своихъ статьяхъ. По поводу частнаго вопроса о чешскихъ доскахъ онъ говоритъ, что современная научная критика требуетъ, чтобы при изслѣдованіи отдѣльныхъ учрежденій доходили „до того доисторическаго времени, когда всѣ славянскіе народы еще управлялись устройствомъ, унаслѣдованнымъ сообща отъ предковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ самороднымъ"; весьма естественно, что „послѣ своего распаденія отдѣльныя славянскія племена, не имѣвшія болѣе общей связи, воздѣлывали унаслѣдованные свои зародыши каждое своимъ особымъ образомъ" [1]). Въ этихъ словахъ и въ цѣломъ представленіи чешской исторіи нѣтъ помина о славянскомъ народномъ духѣ, который могъ выразиться болѣе или менѣе полно, смотря по тому, были ли постороннія вліянія и были ли обстоятельства, задерживающія просвѣщеніе, или таковыхъ не существовало (Мацѣевскій, Лелевель). Очевидно, Палацкій стоитъ на твердой, реальной почвѣ; онъ предполагаетъ единство славянства, какъ результатъ общихъ условій быта при одинаковой матеріальной обстановкѣ и отдаленномъ кровномъ родствѣ; ничего метафизическаго, въ родѣ особаго національнаго духа, онъ не допускаетъ. Развитіе славянства представлялось Палацкому совершенно правильно, какъ ростъ одного цѣлаго, которое именно вслѣдствіе этого роста все болѣе и болѣе расчленяется.

Третьею заслугою Палацкаго является небольшая, но мастерски

---

[1]) Radhost. Díl druhý. W. Praze, 1872, стр. 427.

Библиотека "Руниверс"

написанная статья подъ заглавіемъ: „Старославянское право или сравненіе законовъ сербскаго царя Стефана Душана съ древнѣйшими земскими учрежденіями въ Чехіи", напечатанная въ первый разъ въ 1837 г., то-есть, именно въ то время, когда утихала такъ сильно проявившаяся литературная дѣятельность на почвѣ исторіи славянскаго права въ Варшавѣ. Нашъ авторъ говоритъ, что появленіе нѣмецкаго населенія въ Чехіи XIII вѣка имѣло своимъ послѣдствіемъ забвеніе многихъ старо-чешскихъ юридическихъ началъ, такъ что приходится искать свѣта за предѣлами Чехіи. „Чешскій изслѣдователь особенно долженъ обратить свое вниманіе на родственные славянскіе народы; онъ долженъ разслѣдовать въ сходствѣ или различіи славянскихъ учрежденій и обычаевъ то, что всѣ они нѣкогда унаслѣдовали отъ общей матери своей Славы и затѣмъ отдѣлять отъ того, что позже различно славяне или сами для себя установили или приняли отъ своихъ сосѣдей". Такъ, напримѣръ, сходство многихъ постановленій царя Душана съ чешскими юридическими правилами и притомъ отсутствіе подобныхъ началъ у чужихъ народовъ указываетъ на стародавнее славянство, какъ на источникъ, ибо не было связи въ историческія времена между чехами и сербами [1]). Слѣдуя этому своему методу, Палацкій останавливается на круговой порукѣ, платахъ за убійство, „сводѣ", то-есть, сведеніи съ себя подозрѣнія въ воровствѣ посредствомъ указанія на продавца краденой вещи, на судахъ и ихъ компетенціи, на судѣ присяжныхъ и соприсяжникахъ, на третейскомъ судѣ, на убѣжищахъ, судебныхъ доказательствахъ, правѣ собственности, земскихъ повинностяхъ и крестьянахъ. Изъ этого перечисленія ясно видно, что Палацкій въ своей небольшой статьѣ затронулъ всѣ важнѣйшіе вопросы славянскаго права и притомъ такъ, что многія его положенія имѣютъ значеніе и до сего дня. Не оправдались только нѣкоторыя, а именно круговая порука оказалась хорошо извѣстною вообще всему человѣчеству на извѣстной ступени его развитія; въ платѣ за убійство трудно признать указанныя авторомъ тонкія различія между виерою и головщиною; „сводъ" также принадлежитъ къ учрежденіямъ общечеловѣческимъ, а не національно-славянскимъ. Но не въ этихъ спеціальныхъ предметахъ вижу я чрезвычайную важность этой статьи. Она заключается въ совершенно правильномъ установленіи метода для разработки славянскаго права и въ примѣненіи его къ отдѣльнымъ вопросамъ; въ этомъ именно ви-

[1]) Тамъ же, стр. 213—216, сравни также стр. 147—149.

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ значеніе своей работы и самъ авторъ [1]) Далекій отъ созданія идеала славянскаго общежитія, существовавшаго будто бы во времена доисторическія („гминовладство" Лелевеля, отчасти Мацѣевскаго), онъ предъявляетъ къ изслѣдователю славянскаго права слѣдующія требованія:

1) Установить исходные моменты для всѣхъ славянскихъ народовъ посредствомъ сравненія всѣхъ славянскихъ юридическихъ памятниковъ; тожественное у всѣхъ славянскихъ народовъ, несмотря на отдаленность ихъ одинъ отъ другаго, есть ихъ общее наслѣдіе отъ временъ доисторическихъ. Въ этомъ общемъ наслѣдствѣ далѣе можно выдѣлить элементы національные отъ элементовъ общечеловѣческихъ посредствомъ сравненія славянскихъ началъ съ началами, существовавшими у другихъ народовъ; очевидно, такое сравненіе лучше всего укажетъ на то, что свойственно только однимъ славянамъ.

2) Исходя изъ обще-славянскихъ воззрѣній на право и государство, разъяснить дальнѣйшее развитіе общественнаго быта въ каждой отдѣльной славянской національности. Необходимо замѣтить, что чешскіе ученые, а именно знаменитый Герменегильдъ Ирѣчекъ, въ противоположность дедуктивнымъ системамъ поляковъ и русскихъ (общинныя начала Хомякова, Ивана Кирѣевскаго, Самарина, К. Аксакова) [2]), и шли по этому, указанному Палацкимъ, единственно научному пути.

Теперь мы уже можемъ сформулировать въ немногихъ словахъ значеніе Палацкаго для исторіи славянскаго права. Нашъ авторъ останавливается на трехъ основныхъ вопросахъ этой возникающей на нашихъ глазахъ науки, а именно на томъ, что составляетъ главнѣйшую движущую силу въ развитіи чешскаго права, какъ объяснить себѣ происхожденіе отдѣльныхъ славянскихъ правъ изъ первобыт-

---

[1]) Тамъ же, стр. 258.

[2]) Русскихъ ученыхъ мы не коснулись потому, что они появились позже польскихъ и чешскихъ и притомъ не безъ ихъ вліянія. Они, какъ и поляки, видѣли въ общинѣ характеристическую особенность славянскаго духа; отличительная ихъ черта отъ поляковъ состоитъ только въ томъ, что они были убѣждены въ сохраненіи чистыхъ общинныхъ началъ только въ одной Россіи, какъ не подвергавшейся вліянію католицизма и римскаго права, вообще западно-европейскихъ началъ. См. о русскихъ ученыхъ И. М. Собѣстіанскаго: Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Харьковъ. 1892. стр. 148–187.

Библиотека "Руниверс"

наго единства славянскихъ воззрѣній на человѣческое общежитіе, и какого пріема изслѣдованія слѣдуетъ держаться при разработкѣ славянскаго права. Всѣ эти три вопроса ставились и разрѣшались и до Палацкаго, но онъ одинъ, думается мнѣ, предложилъ намъ на нихъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, дающій вмѣстѣ съ тѣмъ возможность существованія славянскаго права, какъ самостоятельнаго научнаго цѣлаго. Усвоеніе культурныхъ началъ, добытыхъ предшествующею жизнію человѣчества, представляется Палацкому содержаніемъ чешской исторіи; выдѣленіе изъ обще-славянскаго единства отдѣльныхъ славянскихъ правъ является результатомъ самостоятельной дѣятельности отдѣльныхъ народовъ, вызванной иноземнымъ вліяніемъ и измѣненіями въ обстановкѣ; наконецъ, методъ долженъ состоять, по мнѣнію Палацкаго, не въ опредѣленіи существа славянскаго духа, выведеніи изъ него посредствомъ логическаго мышленія извѣстныхъ положеній и затѣмъ въ наблюденіи, гдѣ такія положенія сохранились въ наибольшей чистотѣ, а въ изученіи отдѣльныхъ славянскихъ памятниковъ и въ установленіи такимъ путемъ общихъ воззрѣній славянъ на право и государство, какъ исходныхъ моментовъ для развитія правъ отдѣльныхъ славянскихъ національностей.

Ѳ. Зигель.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Всеобщая исторія въ четырехъ томахъ. Сочиненіе профессора *Оскара Іегера*. Переводъ подъ редакціею профессора *П. Н. Полеваго*. Съ многими снимками съ памятниковъ и отдѣльными приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками. Изданіе *А. Ф. Маркса*. Цѣна за все изданіе (въ двѣнадцати выпускахъ) 12 рублей.

Въ книго-издательскомъ объявленіи-рекламѣ, сопровождающей каждый изъ двѣнадцати выпусковъ русскаго перевода четырехтомнаго нѣмецкаго подлинника, объясняются побужденія, заставившія избрать трудъ О. Іегера, какъ лучшее пособіе для просвѣщенія русской публики въ познаніи Всемірной исторіи. „Нашъ великій исторіографъ Карамзинъ уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія въ предисловіи къ своему безсмертному историческому труду, называетъ исторію „главною и необходимѣйшею изъ книгъ". Въ данное время, когда образованіе и грамотность получили такое широкое распространеніе въ Россіи, мы, конечно, должны еще болѣе чувствовать силу и правоту словъ великаго мыслителя и историка; должны придавать еще болѣе значенія тѣмъ историческимъ трудамъ, которые въ общепонятной и общедоступной формѣ предлагаютъ намъ чтеніе полезное и назидательное, чтеніе просвѣщающее и возвышающее душу. Такимъ именно чтеніемъ для каждаго образованнаго русскаго человѣка можетъ служить нынѣ издаваемая нами въ свѣтъ „Всеобщая исторія" проф. Оскара Іегера—трудъ замѣчательный по своимъ достоинствамъ научнымъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала, которымъ авторъ владѣетъ въ совершенствѣ, а потому и передаетъ его въ удивительно простой, ясной

Библиотека "Руниверс"

и доступной формѣ. Благодаря именно этимъ достоинствамъ книги, она, уже при самомъ появленіи своемъ въ свѣтъ, заслуживъ весьма одобрительные отзывы ученой критики, успѣла въ короткое время выдержать въ Германіи три изданія и мало по малу сдѣлалась любимою книгою образованной семьи — необходимою принадлежностью каждой домашней и общественной библіотеки. Эту книгу мы и рѣшились представить русскимъ читателямъ въ полномъ ея объемѣ и во всей красотѣ той превосходной иллюстраціи, которая составляетъ драгоцѣнное дополненіе къ ея тексту".

Хотя все это сказано несовсѣмъ красиво и складно, пожалуй и несовсѣмъ грамотно, но по содержанію не противорѣчитъ истинѣ. Дѣйствительно д-ръ Оскаръ Іегеръ, не будучи самостоятельнымъ ученымъ историкомъ, даже не будучи университетскимъ преподавателемъ исторіи—*профессоромъ* онъ именуется по нѣмецкому обычаю давать такой титулъ лучшимъ и заслуженнымъ учителямъ гимназій (Gymnasial—professor),—принадлежитъ съ одной стороны къ наиболѣе выдающимся педагогамъ современной Германіи, а съ другой — онъ обладаетъ широкимъ образованіемъ, особенно въ области исторіи, и безспорнымъ литературнымъ талантомъ. То, что выработано ученою критикой и что изложено въ обширныхъ спеціальныхъ трудахъ, либо въ отдѣльныхъ выдающихся критическихъ изслѣдованіяхъ, онъ умѣетъ дѣлать доступнымъ и для школы, и для большей публики, — такъ какъ хорошо знаетъ дѣло, чуждъ сухаго педантизма, напротивъ, проникнутъ живымъ и благороднымъ чувствомъ симпатіи къ выдающимся собирательнымъ и отдѣльнымъ представителямъ и дѣятелемъ общечеловѣческаго и національнаго развитія. Въ нашей педагогической литературѣ давно извѣстны и пользуются большимъ успѣхомъ его греческая и римская исторія, предназначенныя именно для тѣхъ же цѣлей— популяризаціи и оживленія школьнаго преподаванія, какъ и подлежащая теперь разсмотрѣнію Всеобщая исторія. Такимъ образомъ, относительно перваго тома, и сомнѣнія быть не можетъ, что выборъ издателемъ „Нивы" былъ сдѣланъ хорошій. Тѣ же самыя достоинства, которыя отличали давно признанныя и одобренныя руководства по исторіи Греціи и Рима, несомнѣнно остаются и въ новой ихъ обработкѣ для (трехъ выпусковъ) перваго тома Всеобщей исторіи—правда, нѣсколько болѣе сжатой и краткой по изложенію, но за то сопровождающейся обильными и чрезвычайно внимательно подобранными иллюстраціями. Древняя исторія въ одинаковой степени есть общее достояніе всѣхъ образованныхъ народовъ и различіе какихъ-либо національныхъ предраспо-

Библиотека "Руниверс"

ложеній и взглядовъ тутъ не имѣетъ значенія и даже не имѣетъ мѣста. Но уже по отношенію къ Средней исторіи возникаетъ вопросъ о томъ, пригодна-ли книга общеобразовательнаго характера, назначавшаяся для нѣмецкой публики, въ такой же степени и для русской публики. Извѣстно, что въ нѣмецкихъ учебныхъ и популярныхъ сочиненіяхъ по исторіи среднихъ вѣковъ не только центръ тяжести переносится на Германію, на исторію борьбы имперіи и папства,—что̀ до извѣстной степени можетъ быть оправдываемо, но исторія другихъ странъ—даже западныхъ, Франціи и Англіи, почти игнорируется, либо сводится къ крайне скуднымъ размѣрамъ; о Славянствѣ и Византіи и говорить нечего: никакого самостоятельнаго интереса они будто бы не имѣютъ и упоминаются случайно только тамъ, гдѣ приходятъ въ соприкосновеніе съ германскимъ міромъ. Въ наукѣ такая точка зрѣнія отжила свой вѣкъ; Weltgeschichte Ранке представляетъ разительное доказательство того, что безъ Византіи не возможно составить себѣ правильнаго представленія о ходѣ и связи всемірно-историческихъ событій даже съ ихъ внѣшней политической стороны. Но то, что исчезаетъ въ наукѣ, долго держится въ популярныхъ сочиненіяхъ. Объ О. Іегерѣ мы можемъ сказать, что онъ не принадлежитъ къ исключительнымъ и крайнимъ германскимъ патріотамъ, всюду видящимъ одну свою Германію. Въ этомъ отношеніи любопытны его замѣчанія, къ сожалѣнію не совсѣмъ хорошо передаваемыя въ русскомъ переводѣ, объ излишней наклонности приписывать успѣшность человѣческаго прогресса тому, что называется національнымъ чувствомъ, замѣчаемой въ настоящее время, тогда какъ національное чувство содѣйствуетъ успѣхамъ культуры лишь при соединеніи своемъ съ извѣстнымъ гуманнымъ направленіемъ и т. д. (II т., стр. 211 русскаго перевода; ср. нѣмецкій подлинникъ II Band. S. 205). Тѣмъ не менѣе признается *естественный интересъ* къ исторіи *своей націи*, заставляющій автора ставить Германію на первый планъ при изображеніи средне-вѣковаго быта, хотя и въ соединеніи съ другими условіями; въ числѣ послѣднихъ главнымъ образомъ выдвигается идея преемственной и единой имперіи, носителями которой были нѣмецкіе короли-кесари: оговорки о томъ, что были и другіе носители этой идеи, восточные императоры, при этомъ не сдѣлано (стр. 199 русск. перев. S. 193 нѣм. подлинника). „При изложеніи исторіи среднихъ вѣковъ“ — читается въ другомъ мѣстѣ, „мы принимаемъ Германію за центръ, и разсматриваемъ прочія земли и народности въ мѣрѣ и степени ихъ тяготѣнія къ ней“, потому

Библиотека "Руниверс"

что „Римская имперія осуществляла собою идею связывающую воедино *всѣ* европейскія государства“ (стр. 453 русск. перев.). Но развѣ была *одна* только римская имперія? Развѣ *всѣ* европейскія государства тяготѣли къ Римской имперіи германскаго народа? Развѣ тѣ, которыя тяготѣли къ другой имперіи, не были поэтому европейскими? — Нѣкоторое уваженіе къ началу гуманности въ противоположности его къ націонализму заставляетъ Іегера удѣлить долю вниманія Франціи и Англіи — пожалуй, въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это дѣлается въ другихъ подобнаго рода нѣмецкихъ сочиненіяхъ, но все-таки не въ такой степени, чтобы французы и англичане могли считать себя удовлетворенными и въ состояніи были принять Всеобщую исторію Іегера какъ вполнѣ пригодную книгу для своей общеобразовательной школы и для своей образованной публики. Что же сказать намъ русскимъ? Издатель и редакторъ сознавали пробѣлъ: „примѣняясь къ потребностямъ русскихъ читателей, говорится въ проспектѣ, мы позволили себѣ нѣсколько видоизмѣнить воззрѣнія нѣмецкаго историка на событія обще-европейскаго значенія тамъ, гдѣ онъ излагаетъ ихъ съ своей національной точки зрѣнія; сверхъ того — мы дополнили II, III и IV томы „Всеобщей исторіи“ Іегера тѣми историческими свѣдѣніями о государствахъ славянскихъ и въ особенности о Россіи, скудость которыхъ составляетъ одинъ изъ важныхъ пробѣловъ въ прекрасномъ трудѣ О. Іегера“. — Если въ самомъ дѣлѣ редакторъ видоизмѣнялъ воззрѣнія автора книги, то едва-ли онъ имѣлъ на то право, удерживая въ заглавіи его имя; но на самомъ дѣлѣ, эти видоизмѣненія были, очевидно, на столько не существенны, что мы ихъ вовсе не ощущали при чтеніи книги; и теперь мы затрудняемся отыскать и указать таковыя; напротивъ, отъ начала до конца средней, новой и новѣйшей исторіи мы постоянно чувствовали, что читаемъ книгу нѣмецкаго писателя, хотя, правда, очень хорошую и умную,—въ нѣмецкомъ подлинникѣ вѣроятно, даже лучшую по изложенію, чѣмъ въ русскомъ переводѣ [1]). Что касается до восполненій, то едва-ли они много помогаютъ дѣлу. Они касаются

[1]) Въ древней исторіи вставлена довольно обширная глава о философіи Аристотеля, которой мысли нѣтъ въ подлинникѣ, а заимствована она переводчикомъ изъ философскаго лексикона Гогоцкаго (Кіевъ, 1857). Нужно замѣтить, что Іегеръ вообще не находилъ необходимымъ въ популярной книгѣ заниматься изложеніемъ философскаго развитія въ Греціи, а если бы онъ это нашелъ нужнымъ, то, конечно, не допустилъ бы такой непослѣдовательности, чтобы пропустить совсѣмъ Платона, а удѣлить цѣлыхъ четыре страницы Аристотелю.

Библиотека "Руниверс"

въ сущности одной русской исторіи, только слегка упоминаются западные славяне, поляки и чехи, а о восточныхъ славянахъ (болгарахъ и сербахъ) почти ничего нѣтъ, равно какъ и Византія вполнѣ отсутствуетъ. Такимъ образомъ, очерки русской исторіи въ средневѣковомъ отдѣлѣ имѣютъ характеръ чисто внѣшняго привѣска; они лишены органической связи съ цѣлымъ — именно потому, что нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, нѣтъ Византіи и южнаго славянства. Удѣльная и велико-княжеская Русь—одна и сама по себѣ — не можетъ быть съ успѣхомъ противопоставлена цѣлому германо-романскому міру. Да и былъ это напрасный трудъ. и совершенно суетное предположеніе, что какой-либо русскій читатель будетъ довольствоваться для ознакомленія съ судьбами своей родины довольно скудными и краткими очерками такого характера, какой только и возможно было имъ придать во Всеобщей исторіи, исходящей изъ западно-европейской точки зрѣнія и всецѣло наполненной германскими элементами и отчасти романскими. Было бы совершенно другое дѣло. если бы русскому ученому редактору удалось включить эти отдѣлы въ нѣмецкій подлинникъ для назиданія нѣмецкой публики. Тогда бы они имѣли нѣкоторый смыслъ.—Въ новой и новѣйшей исторіи опять дѣло другое. Русская имперія здѣсь играетъ такую видную роль и имѣетъ такое самостоятельное значеніе. что всяческія ея подробности легко могутъ быть введены въ общую рамку, и если въ самомъ дѣлѣ тутъ окажутся пробѣлы, то восполненіе ихъ будетъ прямою заслугой. Но за то и всякіе иностранные писатели, не исключая нѣмецкихъ, отводятъ здѣсь больше мѣста русскому народу. О Всеобщей исторіи Іегера это нужно сказать въ особенности: на самыхъ послѣднихъ страницахъ четвертаго тома въ нѣмецкомъ подлинникѣ мы находимъ портретъ покойнаго государя Александра III (слѣдуетъ еще только портретъ германскаго императора Вильгельма II)—съ соотвѣтствующимъ текстомъ о состояніи Россіи послѣ турецкой войны; выше (S. 667, 668) мы увидимъ портреты великаго князя Николая Николаевича и генерала Гурко — признакъ, что довольно подробно говорится о событіяхъ, въ которыхъ ихъ имена прославились; еще выше мы встрѣтимъ портретъ Александра I-го и рядъ иллюстрацій, относящихся къ нашей Отечественной исторіи. Въ русскомъ изданіи число иллюстрацій, преимущественно въ видѣ портретовъ русскихъ дѣятелей въ войнѣ и мирѣ, очень умножено, и это очень пріятно видѣть; но чтобы и русскій текстъ былъ расширенъ въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ, этого мы не находимъ...

Библиотека "Руниверс"

Все-таки книга Іегера есть книга хорошая и если не во всѣхъ своихъ частяхъ можетъ удовлетворять запросамъ русскаго читателя и русскаго педагога, то ради своихъ общихъ достоинствъ она и въ частной и въ общественной библіотекѣ будетъ желаннымъ пріобрѣтеніемъ. Вопросъ, однако, въ томъ, въ какой степени русское изданіе сохранило одно изъ главнѣйшихъ ея преимуществъ, заключающееся въ прекрасномъ литературномъ изложеніи. По видимому, имя редактора, проф. П. Н. Полеваго, выставляемое въ заглавіи каждаго выпуска, должно ручаться за безукоризненную правильность и надлежащую гладкость перевода. Но горькій опытъ вынуждаетъ насъ не довѣряться довольно неопредѣленному выраженію *„переводъ подъ редакціею“* такого-то.

При ближайшемъ ознакомленіи сейчасъ же обнаруживаются очень чувствительно недостатки, происходящія то отъ небрежности, то отъ малаго знакомства съ дѣломъ, то отъ недостаточнаго знанія нѣмецкаго языка. Такъ какъ всѣ такія свойства никакъ не могутъ быть приписаны редактору, то приходится думать, что наблюденіе его было поверхностнымъ и отчасти фиктивнымъ. Приводимъ нѣсколько примѣровъ—прежде всего изъ древней исторіи, гдѣ всего легче было бы избѣжать всякихъ промаховъ.

Стр. 92 „И въ Аѳинахъ исторія—начинается съ царей, которые собрали подъ своею рукой небольшое аттическое государство и основали свою резиденцію въ *низовьяхъ ручья Кефизосъ*“. Но въ нѣмецкомъ подлинникѣ: Auch hier beginnt die Landesgeschichte mit einem Königthum, welches die kleinen Gemeinwesen der Landschaft zu einem attischen Gesammtstaat vereinigt und seinen Sitz auf *einer mässigen aber beherschenden Höhe am* untern Lauf des Kephissosbaches — — aufgeschlagen habe. Итакъ, помимо всего прочаго, въ подлинникѣ резиденція находится не въ низовьяхъ ручья Кефисса, что̀ не соотвѣтствовало бы дѣйствительности, а на умѣренномъ, но господствующемъ возвышеніи при нижнемъ теченіи Кефисса. Переводчикъ не справился съ текстомъ, не особенно даже затруднительнымъ. Тутъ же слѣдуетъ приложенная въ видѣ иллюстраціи страница (IV столбецъ рукописи Британскаго музея) изъ недавно открытаго сочиненія Аристотеля объ аѳинской политіи. Есть и объяснительная страница, представляющая переводъ соотвѣтствующей греческой страницы, но переводъ этотъ, по прямому признанію переводчика, сдѣланъ не съ приложеннаго греческаго подлинника, а съ нѣмецкаго перевода Поланда; а что и еще того хуже, сдѣланъ неудовлетворительно — съ

Библиотека "Руниверс"

искаженіями смысла. Въ приводимыхъ Аристотелемъ отрывкахъ элегіи Солона, послѣдній говоритъ, что онъ старался быть одинаково справедливымъ и къ народной массѣ и къ богатымъ, не давая преобладанія ни той, ни другой сторонѣ и предупреждая прямое столкновеніе между ними.

„*Но отъ тѣхъ и другихъ я устранился, прекрываясь щитомъ*
И ни одному не далъ возможности торжествовать неправую побѣду".

По гречески:

ἔστην δ' ἀμφιβαλὼν κρατερὸν σάκος ἀμφοτέροισι,

что вовсе не значитъ „я устранился", а напротивъ—сталъ по срединѣ, разлучая борющихся своимъ сильнымъ щитомъ. — Греческій текстъ былъ какъ будто нѣмъ для русскаго переводчика, но и нѣмецкій *его* подлинникъ его не оправдываетъ

Beiden doch trat ich zur Seite, des Schildes gewaltige Rundung
Tragend und keinen liess ich unrechten Sieg's sich erfreu'n.

Далѣе на оборотной сторонѣ Солона заставляютъ говорить:

Законы далъ и для добраго (человѣка) и *для плута*
И каждому далъ возможность ими пользоваться.

Зачѣмъ такая заботливость о равенствѣ правъ порядочныхъ людей и негодяевъ? Дѣло въ томъ, что соотвѣтствующія греческія прилагательныя, отличающія хорошихъ и худыхъ людей, употребляются часто не въ смыслѣ нравственномъ, а сословномъ или соціальномъ, какъ и древне-русскія выраженія „лучшіе люди и подлые люди".

Θεσμοὺς δ' ὁμοίως τῷ κακῷ τε κἀγαθῷ,
Εὐθείαν εἰς ἕκαστον ἁρμόσας δίκην и т. д.

Русскаго переводчика сбилъ съ толку нѣмецкій:

Gesetze gab ich für den Guten, wie den *Schelm*,
Der ich geraden Rechtes Richtschnur jedem bot.

Но нѣмецкій переводчикъ стѣсненъ былъ своимъ стихотворнымъ размѣромъ, да и то, вѣроятно, не придавалъ выраженію „Schelm" значенія „плутъ".

Встрѣчаются и другія подобные промахи въ передачѣ аристотелевской страницы.

На страницахъ 155 и 156 русскаго текста читается характеристика поэтической дѣятельности Софокла; здѣсь тоже весьма много неловкаго, неяснаго, и все завершается прямымъ искаженіемъ смысла

Библиотека "Руниверс"

подлинника. Неловко сказано, что Софоклъ принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ смертнымъ, которымъ *судьба доставляетъ возможность* спокойно излить всю полноту своего значенія въ цѣломъ рядѣ *своихъ* художественныхъ произведеній. Лучше и ближе къ нѣмецкому подлиннику было бы сказать: которымъ *даровано было* и т. д.—Неудобопонятно переданъ смыслъ драмы „Антигона": „ничто не можетъ быть яснѣе, понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ *трогательнѣе*, какъ, напримѣръ, въ Антигонѣ это противоположеніе государственнаго права и дочерней обязанности, писаннаго и неписаннаго закона, которое и *приводитъ*, наконецъ, къ столкновенію". Въ подлинникѣ: Es kann nichts klareres, verständlicheres und dabei doch das sittliche Bewusstsein tiefer erregendes geben—вмѣсто *трогательнаго* то, что глубоко возбуждаетъ наше нравственное сознаніе; далѣе въ подлинникѣ *противоположеніе* приводитъ къ столкновенію не само по себѣ, а доводится до столкновенія durch die Masslosigkeit людей, дѣйствующихъ во имя того и другаго закона и затѣмъ погибающихъ вслѣдствіе преувеличенія того или другаго законнаго въ себѣ чувства и т. д. Наконецъ, въ отрывкѣ идетъ рѣчь о вознагражденіи драматическихъ писателей во время Софокла: Auch die Geldfrage, die Honorarfrage, wurde mit einiger Delicatesse behandelt: es bestand in einem ansehnlichen Ehrensold, den der Rat im Namen des Volkes dem Sieger auszahlte (S. 164). Въ русскомъ (стр. 156) это передано такъ: „и денежный вопросъ, вопросъ гонорара, *былъ обойденъ чрезвычайно деликатно*: онъ сводился къ довольно значительному, почетному вознагражденію *въ видѣ жалованья*, которое совѣтъ отъ имени народа выплачивалъ побѣдителю". „Въ видѣ жалованья" совсѣмъ лишнія слова, окончательно искажающія смыслъ подлинника.

Изложеніе надгробной рѣчи Перикла въ нѣмецкомъ подлинникѣ сдѣлано весьма искусно, хотя и можетъ вызвать нѣкоторыя возраженія; въ русскомъ переводѣ допущены произвольные пропуски и измѣненія, совсѣмъ не приводящія къ добру, то-есть, къ улучшенію: „Затѣмъ ораторъ хвалитъ свой городъ за его отношенія къ чужеземцамъ, порицаетъ въ этомъ смыслѣ Спарту за ея исключительность и добавляетъ: нашъ городъ открытъ для всѣхъ" (стр. 159). Но въ подлинномъ, то-есть, греческомъ текстѣ, нѣтъ *прямаго* порицанія Спартѣ и она тутъ не названа, что и понятно. Нѣмецкій оригиналъ, правда, гласитъ: Der Redner rühmt den grossen Sinn seines Gemeinwesens, das keine summarischen Fremdenausweisungen kenne, wie *sie zu Sparta geschehen*: wir bieten unsre Stadt allen dar" S. 167, но и

Библиотека "Руниверс"

здѣсь передается только смыслъ замѣчанія Перикла и все-таки въ иной болѣе смягченной по отношенію къ Спартѣ формѣ, а собственныя слова Перикла, отдѣленныя ковычками, представляютъ не *добавленіе*, а главное положеніе приведеннаго отрывка.

Стр. 217 о *Демосѳенѣ*: „Только такъ и могъ говорить истинный патріотъ того времени, незнакомый съ путями Провидѣнія; и думать могъ онъ только объ *общей коалиціи* многихъ, а если возможно, то и *всѣхъ элементовъ государства*, въ связи съ Персіей, какъ союзницей—противъ Македоніи".

Это уже совершенная безсмыслица. Въ подлинникѣ говорится о коалиціи многихъ, а если возможно *то и всѣхъ еллиновъ* (то-есть, отдѣльныхъ общинъ) одновременно съ персидскимъ союзомъ; еллины превращены въ элементы—въ элементы одного государства, то-есть, аѳинскаго, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, но — *общая коалиція* для элементовъ одного государства есть выраженіе неподходящее.

Отъ начала обратимся къ концу—отъ древней исторіи къ новѣйшей, къ тому четвертому.

На стр. 539 идетъ рѣчь о первомъ выступленіи Бисмарка на политическомъ министерскомъ поприщѣ и о прусскомъ конституціонномъ конфликтѣ. „Его *вмѣшательство* еще болѣе обострило недовѣріе, которое *вызвано* было ужъ однимъ его именемъ и *вызвало* столкновеніе". По нѣмецки: für den Augenblick schärfte sein Eintritt schon durch Mistrauen, das sein blosser Namen erweckte den Konflikt" (S. 560). Въ данный моментъ его появленіе (въ составѣ и во главѣ министерства) обостряло конфликтъ уже по причинѣ недовѣрія, возбуждаемаго однимъ его именемъ. Дальше еще хуже. „Три главныхъ фактора государственной власти не пришли въ финансовомъ вопросѣ къ обоюдному соглашенію, какъ того требовала конституція. Правительство и верховная палата были единодушны, а послѣдняя къ тому же еще и *оформила документомъ свое* противозаконное рѣшеніе. Превышая тѣмъ самымъ свои права, которыя допускали принятіе или непринятіе бюджета въ *цѣнности* (sic), палата приняла требованія правительства; но это рѣшеніе палата депутатовъ еще *успѣла отвергнуть* и признать недѣйствительнымъ". Въ подлинникѣ: (S. 561) „die Regierung und Herrenhaus waren einig und das letzere dokumentirte diese Einigkeit noch besonders durch einen verfassungs—widrigen Beschluss" и т. д. Послѣдняя (то-есть, палата господъ) формально выразила свое согласіе съ министерствомъ въ противномъ конституціи постановленіи. Дѣло въ томъ, что по конститу-

Библиотека "Руниверс"

ціи Верхняя палата могла только принять или отвергнуть бюджетъ въ *его цѣломъ*, какъ онъ былъ представленъ палатою депутатовъ, исключившею дополненія правительства, а вмѣсто того она (палата господъ) внесла поправки, соотвѣтствующія желаніямъ министерства; такое постановленіе Верхней палаты палата депутатовъ ранѣе своего распущенія имѣла время объявить недѣйствительнымъ съ точки зрѣнія права. — Все это довольно ясно выражено въ нѣмецкомъ оригиналѣ, но совсѣмъ не можетъ быть понято изъ русскаго перевода. „Противовѣчія ихъ (депутатовъ нижней палаты) поведенія съ горячимъ польскимъ вопросомъ Бисмаркъ презрительно не замѣчалъ, такъ какъ оно было недостаточно доказательно и ему не хотѣлось углубляться въ этотъ вопросъ". Опять безсмыслица. На самомъ дѣлѣ у Іегера говорится, что на возраженія депутатовъ противъ его (Бисмарка) отношенія къ польскому вопросу онъ (Бисмаркъ) отвѣчалъ презрительно, такъ какъ эти возраженія основывались де на недостаточномъ знакомствѣ съ дѣломъ, а онъ не имѣлъ особой охоты восполнять такія ихъ свѣдѣнія".

На слѣдующей (540) страницѣ равнымъ образомъ не обошлось безъ искаженій, ведущихъ къ безсмыслицѣ. „Но и въ этомъ отношеніи (то-есть. въ движеніи вопроса о германскомъ объединеніи) былъ сдѣланъ шагъ впередъ: основанія и правила этихъ съѣздовъ (разумѣются частные съѣзды — юристовъ, преподавателей, естествоиспытателей, келлнеровъ, портныхъ), были представлены въ сентябрѣ 1862-го года *депутатамъ германской палаты*, а въ октябрѣ 1863-го года и *представителямъ германскихъ городовъ*". Но если существовала германская палата и собраніе представителей германскихъ городовъ, то желанное единство было уже на лицо и хлопотать всѣмъ этимъ съѣздамъ было не о чемъ. Бѣда въ томъ, что въ нѣмецкомъ подлинникѣ говорится только о распространеніи принципа общихъ съѣздовъ на депутатовъ нѣмецкихъ камеръ (въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ) и на представителей нѣмецкихъ городовъ, то-есть, указывается, что предположены и для нихъ общіе съѣзды, открытые для всѣхъ желающихъ изъ той и другой среды.

Довольно существенныя недостатки русскаго изданія въ отношеніи къ тексту въ значительной степени искупаются обиліемъ и высокимъ достоинствомъ иллюстрацій, почти всецѣло перенесенныхъ изъ нѣмецкаго подлинника и еще умноженныхъ соотвѣтственно выставленной цѣли принаровленія къ потребностямъ нашей публики и нашей школы. Въ объявленіи справедливо указывается, что одно изъ

Библиотека "Руниверс"

важныхъ достоинствъ труда О. Іегера составляетъ чрезвычайное богатство иллюстрацій и что тщательный ихъ выборъ и тѣсная связь съ текстомъ способствуютъ ясности и наглядности изложенія, живо перенося воображеніе читателя къ временамъ минувшимъ.

В.

Новый трудъ по внутренней исторіи Литовской Руси.

А. Ярушевичъ. Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1461 — 1530) и православная Литовская Русь въ его время. Смоленскъ. 1897.

Въ предисловіи къ своей монографіи авторъ такимъ образомъ объясняетъ побужденія, заставившія его приняться за трудъ о князѣ Острожскомъ: „При научныхъ бесѣдахъ съ людьми интеллигентными", говоритъ онъ, „насъ нѣсколько удивлялъ тотъ фактъ, что подъ именемъ Константина Острожскаго обыкновенно подразумѣвался Константинъ Константиновичъ, извѣстный долголѣтнею борьбою за православіе воевода кіевскій. Отецъ же его Константинъ Ивановичъ всегда оставался и остается почти неизвѣстнымъ, а между тѣмъ онъ боролся за православіе не меньше сына и во всякомъ случаѣ гораздо успѣшнѣе. Только такія свѣтила русской исторической науки, какъ Карамзинъ, преосв. Макарій и Соловьевъ, удѣляютъ ему по нѣскольку строкъ, а для менѣе видныхъ ученыхъ Константинъ Ивановичъ остается большею частью въ тѣни, а иногда объединяется съ личностью сына " (стр. 5). Это заявленіе автора естественно должно расположить читателя къ мысли, что онъ имѣетъ дѣло съ книгою, которая трактуетъ о малоизвѣстномъ сюжетѣ и освѣщаетъ уголокъ, дотолѣ остававшійся темнымъ въ исторической наукѣ. *Дѣйствительность, однако, совершенно не соотвѣтствуетъ заявленію автора.* Можно вполнѣ вѣрить автору, что князь Константинъ Ивановичъ Острожскій неизвѣстенъ многимъ интеллигентнымъ лицамъ. До сихъ поръ наши элементарные учебники выдвигали на видъ дѣятельность его сына, а объ отцѣ упоминали только вскользь, по поводу битвы на Ведрошѣ и при Оршѣ, да и то не всегда. Но никакъ нельзя согласиться съ авторомъ въ томъ, что князь Константинъ Ивановичъ мало извѣстенъ *и въ наукѣ* русской исторіи, и что будто бы ему даже у свѣтилъ этой науки удѣлено всего нѣсколько строкъ. Правда, что Карамзинъ и Соловьевъ даютъ немного свѣдѣній о князѣ Констан-

Библиотека "Руниверс"

тинѣ Ивановичѣ, но преосвященный Макарій въ IX т. своей „Исторіи русской церкви“ посвятилъ князю Константину Ивановичу Острожскому не нѣсколько строкъ, а въ общей сложности около *восемнадцати страницъ*, что для общей исторіи русской церкви болѣе, чѣмъ достаточно. Въ своемъ трудѣ преосвященный Макарій не только отмѣтилъ *всѣ* крупныя и дѣйствительныя услуги князя православію, но и подвелъ общій итогъ его дѣятельности и значенію въ исторіи православія. Изъ этого итога можно только развѣ что нибудь отнять; но едва ли можно что нибудь прибавить къ нему по существу, какъ это и доказалъ г. Ярушевичъ своею книгою. По отношенію къ преосвященному Макарію заявленіе г. Ярушевича — литературный грѣхъ, тѣмъ болѣе непростительный, что преосвященному Макарію авторъ слишкомъ много обязанъ какъ въ цѣломъ, такъ и въ наиболѣе существенныхъ деталяхъ своей ученой конструкціи.

Работа г. Ярушевича о князѣ Острожскомъ есть не что иное, какъ подробное развитіе того, что сказано у преосвященнаго Макарія на 206 — 208 стр. девятаго тома „Исторіи русской церкви“. Во всѣхъ своихъ главныхъ выводахъ авторъ имѣетъ своимъ предшественникомъ преосвященнаго Макарія. Всѣ главныя основанія, на которыхъ построены эти выводы, даны уже преосвященнымъ Макаріемъ. Авторъ несправедливъ также и относительно капитальнаго и прекраснаго труда г. Вольфа „Kniaziowe Litewsko-Ruscy“. Онъ нашелъ нужнымъ сказать объ этомъ трудѣ только то, что имъ слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью, въ виду того, что авторъ не совсѣмъ разборчиво пользовался источниками (стр. 18, 19), и не упомянулъ того, что г. Вольфъ на пяти страницахъ убористаго quarto (смѣло могутъ быть приравнены къ 15 — 20 стр. книги Ярушевича) собралъ всѣ главныя данныя *первоисточниковъ* относительно государственной дѣятельности и служебной карьеры князя Константина Ивановича, данныя, которыми воспользовался *по его указанію* и г. Ярушевичъ. Самый недостатокъ труда г. Вольфа является въ указаніи г. Ярушевича сильно преувеличеннымъ. Вольфъ въ своемъ біографическомъ словарѣ литовско-русскихъ князей группировалъ *преимущественно данныя первоисточниковъ*, прибѣгая, и притомъ сравнительно рѣдко, къ даннымъ сомнительныхъ источниковъ лишь только при недостаткѣ данныхъ болѣе достовѣрныхъ. Г. Вольфа можно упрекнуть только за то, что онъ не оговорилъ этого въ предисловіи къ своему труду и не обозначилъ прямо источниковъ сомнительнаго свойства, чтобы не вводить въ заблужденіе несвѣдущихъ читателей. Г. Ярушевичъ не счелъ

Библиотека "Руниверс"

нужнымъ опредѣлить и то, что даетъ о князѣ Константинѣ Ивановичѣ книга Бонецкаго „Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem", несмотря на то, что и эта книга была въ его пользованіи. Между тѣмъ и въ этой книгѣ можно найдти о князѣ Острожскомъ не „нѣсколько только строкъ", хотя и меньше, чѣмъ въ книгѣ г. Вольфа. Изъ всего этого явствуетъ, что князь Константинъ Ивановичъ Острожскій вовсе уже не такая неизвѣстная и неоцѣненная въ наукѣ личность, какъ утверждаетъ г. Ярушевичъ. Что касается заявленія г. Ярушевича, будто „второстепенные писатели" иногда смѣшиваютъ князя Константина Ивановича съ его сыномъ, то остается только пожалѣть, что г. Ярушевичъ высказалъ это голословно, не подтвердивъ примѣрами.

Въ „Исторіи русской церкви" преосвященнаго Макарія подведенъ такой итогъ дѣятельности и значенію князя Константина Ивановича въ исторіи западнорусскаго православія: „Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (панъ виленскій, гетманъ наивысшій, староста Луцкій и Браславскій, маршалокъ Волынской земли), принявшій на себя ходатайство передъ королемъ и за угнетенныхъ галичанъ, былъ, во дни митрополита Іосифа Солтана, самымъ могущественнымъ покровителемъ и благотворителемъ западно-русской церкви. Потомокъ знаменитаго Даніила галицкаго или, какъ нынѣ догадываются, древнихъ князей Туровскихъ и Пинскихъ изъ племени св. Владиміра, князь Константинъ Острожскій оказалъ необыкновенныя заслуги отечеству, въ званіи полководца, не разъ удостоивался рѣдкихъ почестей и тріумфовъ за свои побѣды, пользовался всеобщимъ уваженіемъ соотечественниковъ и по воинской доблести не было ему равнаго не въ одной Литвѣ, но и въ Польшѣ. Очень естественно, если голосъ такого человѣка имѣлъ особенную силу предъ государемъ. И мы видѣли, что почти всѣ милости и льготы, болѣе значительныя, какія оказалъ Сигизмундъ православному митрополиту, епископамъ, церквамъ и монастырямъ, были оказаемы преимущественно ради наивысшаго гетмана, Константина Ивановича Острожскаго, и самъ король даже прямо свидѣтельствовалъ объ этомъ въ своихъ грамотахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отличаясь, по примѣру своихъ предковъ, высокимъ благочестіемъ и пламенною приверженностью къ православной вѣрѣ и обладая обширными имѣніями и богатствами, князь Константинъ не щадилъ для нея своихъ сокровищъ, строилъ и обновлялъ церкви, надѣлялъ монастыри землями и угодіями, дѣлалъ щедрыя приношенія архіерейскимъ каѳедрамъ, и въ этомъ отношеніи также превосходилъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ-соотечественниковъ. Православные іерархи

Библиотека "Руниверс"

питали къ нему глубокое уваженіе и довѣріе, особенно митрополитъ Іосифъ... Князь Константинъ пережилъ его на нѣсколько лѣтъ, и оставался опорою западно-русской церкви еще почти во все время служенія ей слѣдующаго митрополита" [1]). Всѣ эти положенія преосвященнаго Макарія и развиваетъ въ своей монографіи г. Ярушевичъ. Ими опредѣлилась большая часть его работы, которая состояла такимъ образомъ: во-первыхъ, въ собраніи генеалогическихъ данныхъ о князѣ Константинѣ Ивановичѣ; во-вторыхъ, въ собраніи данныхъ относительно его государственной дѣятельности и служебнаго возвышенія; въ-третьихъ, въ собраніи данныхъ объ имущественныхъ пріобрѣтеніяхъ князя Острожскаго по связи съ ростомъ его служебнаго положенія и богатства; въ-четвертыхъ, въ перечнѣ пожертвованій въ пользу церкви; въ-пятыхъ, въ перечнѣ моральныхъ услугъ, оказанныхъ княземъ православію, и, наконецъ, въ общей характеристикѣ личности князя Константина Ивановича и опредѣленіи его значенія въ исторіи западно-русской церкви. Всѣ эти данныя о князѣ Острожскомъ и отзывы о немъ автора переплетены въ простомъ хронологическомъ изложеніи и въ связи съ разказомъ объ общемъ ходѣ политической и церковной исторіи Литовской Руси того времени. Такое изложеніе опредѣлилось цѣлью и задачею труда, которая, по словамъ автора, состояла въ томъ, чтобы прослѣдить *шагъ за шагомъ* глухую борьбу за православіе и русскую народность, оцѣнить услуги православно-русскому дѣлу наиболѣе выдающагося дѣятеля этой эпохи, князя Константина Ивановича Острожскаго, обозрѣть его труды на пользу православной церкви и выяснить на положеніи его, какъ представителя западно-руссовъ, положеніе и значеніе русскихъ въ Литвѣ того времени (стр. 8). Изложеніе раздѣлено на четыре главы по главнымъ моментамъ политической исторіи Литовской Руси, отчасти служебной карьеры Острожскаго, оказывавшимъ вліяніе на церковную жизнь западной Руси. Главамъ, трактующимъ о князѣ Острожскомъ, предпослана вступительная глава, содержащая краткій очеркъ политическаго и общественнаго строя и церковной жизни Литовской Руси до Казимира и при этомъ государѣ.

Трудъ г. Ярушевича постигла общая участь ученыхъ работъ, предпринимаемыхъ о предметахъ, уже обстоятельно разработанныхъ въ наукѣ. Ему удалось составить новую комбинацію фактическихъ данныхъ, *выисканныхъ и подобранныхъ другими изслѣдователями.*

---

[1]) Исторія русской церкви, томъ IX, стр. 206—208.

Библиотека "Руниверс"

дополнить эти данныя нѣкоторыми второстепенными подробностями, намѣренно или ненамѣренно опущенными его предшественниками, кое-что измѣнить въ подробностяхъ, не всегда къ лучшему, — но не удалось внести вновь ничего существенно-важнаго въ науку. Нельзя сказать, чтобы г. Ярушевичъ не стремился къ этому, но какъ это сплошь и рядомъ случается съ учеными, подбирающими и прилаживающими факты къ готовымъ уже выводамъ, добытымъ другими, онъ только утрировалъ то, что было установлено преосвященнымъ Макаріемъ, и насильно подвелъ подъ его схему много такого, чего при отсутствіи предвзятой мысли никакъ нельзя уложить въ этой схемѣ. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить и того, что авторъ обратился къ изученію спеціальнаго сюжета изъ западно-русской исторіи, не ознакомившись предварительно въ достаточной мѣрѣ и съ надлежащею внимательностью съ данными научной литературы по исторіи Литовской Руси вообще. Съ этими данными, по всѣмъ признакамъ, онъ знакомился попутно, и притомъ бѣгло, уже во время своей работы надъ спеціальнымъ изслѣдованіемъ. Этимъ только и можно объяснить рядъ крупныхъ промаховъ, допущенныхъ авторомъ по предметамъ, имѣвшимъ косвенное отношеніе къ его сюжету, рядъ оригинальныхъ, но не обоснованныхъ фактами сужденій и заключеній автора.

Къ такимъ, къ сожалѣнію, выводамъ о книгѣ г. Ярушевича приводитъ разборъ ея въ подробностяхъ и сопоставленіе ея съ другими трудами изъ той же области. Для удобства читателей я расположу свой обзоръ въ той системѣ, по которой логически распредѣляется содержаніе книги г. Ярушевича, и которую я намѣтилъ выше.

Вступительная глава книги (стр. 21 — 45), содержащая краткій очеркъ политическаго и общественнаго строя и церковной жизни Литовской Руси до Казимира и при немъ,—самая слабая въ научномъ отношеніи. По характеру своему эта глава—компилятивная, и въ ней большею частью содержится то самое, что можно прочитать и въ другихъ сочиненіяхъ по исторіи Западной Руси. Компилятивный характеръ этой главы нельзя, понятно, поставить автору въ вину въ виду того, что эта глава является простымъ введеніемъ къ главному содержанію его книги. Но можно требовать, чтобы компиляція соотвѣтствовала современному состоянію научной литературы, чтобы изъ этой литературы авторъ не бралъ того, что уже устарѣло и опровергнуто новыми розысканіями, а съ другой стороны, чтобы авторъ не замѣнялъ произвольными догадками и необоснованными домыслами установленныхъ уже въ наукѣ положеній. Этимъ требованіямъ не удовлетворяетъ вступительная глава книги г. Ярушевича. Въ ней особенно

Библиотека "Руниверс"

ярко сказался недостатокъ предварительной должной подготовки къ спеціальному изслѣдованію.

Авторъ начинаетъ свое вступленіе съ опредѣленія количественнаго отношенія русской народности къ литовскому племени. Это ему понадобилось для того, чтобы выставить на видъ русскій характеръ великаго княжества Литовскаго. Не довольствуясь общимъ указаніемъ на количественное преобладаніе русскаго племени, авторъ въ цифрахъ опредѣляетъ это отношеніе, какъ 1 : 10, minimum 1 : 6. Первое опредѣленіе получено имъ путемъ принятія равномѣрной населенности для всей территоріи литовско-русскаго государства. Принимая величину всей территоріи этого государства въ 714.000 кв. верстъ, онъ относитъ на долю литовскаго племени 69.300 кв. верстъ, и отсюда уже выводитъ первое изъ вышеприведенныхъ отношеній. На чемъ основано второе, неизвѣстно. Но еслибы даже было вѣрно исчисленіе территоріальной распространенности Литвы и Руси въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, всеже принятіе равномѣрной населенности литовской государственной территоріи является произвольнымъ предположеніемъ. Не подкрѣпляютъ это предположеніе и соображенія, выдвинутыя авторомъ въ 1-мъ примѣчаніи. Онъ указываетъ на то, что Жмудь была сильно опустошена набѣгами ордена, а Волынь и Кіевщина татарами (съ 1482 г.). Но, во-первыхъ, мы не знаемъ *степени* опустошенія Жмуди и южно-русскихъ областей; во-вторыхъ, эти факты отстоятъ другъ отъ друга болѣе, чѣмъ на полустолѣтіе, въ теченіе котораго убыль населенія, Жмуди могла наполниться естественнымъ приростомъ; а, въ-третьихъ, и при этомъ остается неизвѣстною степень населенности верхней Литвы и смежной съ нею Руси. Въ свое время я приводилъ данныя политическія, историко-географическія и статистическія, указывающія на большую неравномѣрность въ распредѣленіи населенія великаго княжества Литовскаго въ началѣ второй четверти XVI вѣка, то-есть, въ концѣ періода, затрогиваемаго изслѣдованіемъ г. Ярушевича. Я не буду повторять здѣсь своихъ соображеній и сошлюсь только на объясненія къ политической картѣ Литовско-Русскаго государства, приложенной къ моей книгѣ „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“.

Разказывая о перемѣнѣ во внутренней жизни Литовско-Русскаго государства со времени династической уніи съ Польшею, г. Ярушевичъ говоритъ между прочимъ: „Главные правящіе жмудско-литовскіе роды почти вымираютъ; ихъ мѣсто занимаютъ литовско-русскіе окатоличенные и православные роды, получающіе все больше

Библиотека "Руниверс"

и больше силы со времени Витовта" (стр. 23). Въ 4-мъ примѣчаніи авторъ иллюстрируетъ это слѣдующимъ образомъ: „Къ концу XV в. какъ-то исчезаютъ роды Довгердовъ, Ромбовдовъ, Кезгайловъ, Гедигольдовъ, Минигайловъ, Сунигайловъ, а къ концу XVII вѣка большей части литовскихъ родовъ нѣтъ на исторической сценѣ (Монгерды, Монивиды, Монтовты, Лелюши-Костевичи, Остики, Судимонтовичи, Довойны и др.); остаются Радивилы, Сапѣги, Войны, Тальвойши (уже мелкая шляхта). Изъ окатоличенныхъ родовъ выступаютъ: Кишки, Заберезинскіе, князья Гольшанскіе, князья Свирскіе—изъ русской національности; Лелюши, Монтивиды, Сапѣги—изъ литовской". Можно только пожалѣть о томъ, что авторъ внесъ въ свою книгу это сообщеніе, которое въ сущности безполезно для его дѣла и попало въ книгу à propos, для ученаго украшенія ея и во свидѣтельство эрудиціи автора. Этимъ сообщеніемъ авторъ достигъ какъ разъ противоположнаго—показалъ, что онъ не просматривалъ, какъ слѣдуетъ, книгъ, которыя обозначилъ въ числѣ своихъ пособій. Въ числѣ этихъ пособій фигурируютъ между прочимъ книги Бенецкаго (Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem), Вольфа (Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego; Kniaziowie Litewsko-Ruscy), Любавскаго (Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства). Изъ этихъ книгъ документально явствуетъ: a) что литовскаго рода Ромбовдовъ не было, а былъ только одинъ Румбольдъ, староста жмудскій въ 1411 г., позже—маршалокъ земскій и староста витебскій, родной братъ Михаила Кезгайла [1]); b) родъ Кезгайловъ вовсе не исчезалъ къ концу XV вѣка [2]), какъ утверждаетъ г. Ярушевичъ; c) рода Минигайловъ не было, а былъ одинъ только Минигайло, староста виленскій въ 1393 г. и каштелянъ виленскій въ 1413, *изъ рода Гедигольдовичей* [3]); d) былъ ли родъ Сунигайловъ или нѣтъ, неизвѣстно, ибо документальныя свѣдѣнія имѣются про одного только Сунигайла, который былъ старостою ковенскимъ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка, а въ 1413 году сдѣланъ былъ каштеляномъ троцкимъ [4]); e) Монивидовичи и Судимонтовичи, по всѣмъ признакамъ, перемерли къ концу XV, а не къ концу XVII вѣка, какъ утверждаетъ авторъ [5]); f) За-

---

[1]) Poczet rodów, str. 118, 120, 285; Senatorowie i dygnitarze, str. 85, 91, 167.

[2]) Poczet rodów, str. 123; Senatorowie i dygnitarze, str. 63, 79, 91, 92, 149, 232, 290, 317.

[3]) Poczet rodów, str. 62; Senatorowie i dygnitarze, str. 71, 77.

[4]) Poczet rodów, str. 337; Senatorowie i dygnitarze, str. 62.

[5]) Senatorowie i dygnitarze, str. 34, 78, 300; Poczet rodów, str. 26.

Библиотека "Руниверс"

березинскіе, князья Гольшанскіе, князья Свирскіе по происхожденію своему вовсе не были русской національности, а литовской, и только подобно всей литовской знати въ извѣстное время обрусѣли: Заберезинскіе вели свое происхожденіе отъ литовскаго пана Римовида, сынъ котораго Юрій получилъ отъ великаго князя Сигизмунда Кейстутьевича имѣнія Заберезинъ, Кривичи и Жесну въ той части Литвы, гдѣ литовское племя сильно перемѣшано было съ русскимъ [1]); князья Гольшанскіе, имѣвшіе свое родовое гнѣздо въ глубинѣ собственной литовской земли, имѣли своимъ извѣстнымъ предкомъ литовскаго князя Ольгимунта [2]); князья Свирскіе также вели свое происхожденіе отъ литовскаго династа, и родовое гнѣздо ихъ находилось въ предѣлахъ собственной литовской земли [3]); *g*) но зато Сапѣги вовсе не были литовскаго происхожденія, а русскаго, изъ служилыхъ людей Смоленской земли, землевладѣльцами которой они и являются по древнѣйшимъ актамъ [4]). Впрочемъ, на стр. 25 и у г. Ярушевича они являются въ числѣ русскихъ родовъ.

Вслѣдъ за разобраннымъ нами сообщеніемъ о генеалогической смѣнѣ въ составѣ правящаго класса великаго княжества Литовскаго, г. Ярушевичъ говоритъ: „Собственная Литва (Аукстоте) совершенно обезличивается, сливаясь или съ бѣлоруссами и жмудью (простой народъ), или же превращаясь въ полякующихъ католиковъ (высшій слой).—Бѣлорусскія, составляя главную и существенную силу Литвы, долго и упорно выдерживаетъ напоръ латинства, чему содѣйствовали: сосѣдство съ Москвою, природа страны, характеръ населенія и древнекняжескія традиціи. Хуже было положеніе Волыни; съ двухъ сторонъ (черезъ Галицію и Подолье) на нее дѣйствовала Польша; внутреннія смуты (Свидригайло) и набѣги татаръ обезсилили ея народонаселеніе; благодаря этому, латинизація Волыни идетъ сравнительно быстрыми шагами. Хотя эти характерныя особенности трехъ названныхъ частей Литовско-Русскаго государства и не получили дальнѣйшаго развитія, но онѣ надолго удержали общій прогрессъ латинства въ Литвѣ и заставили радѣтелей Рима прибѣгнуть къ сдѣлкамъ и уступкамъ, то-

---

[1]) Poczet rodów, str. 391; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 117.

[2]) Poczet rodów, str. 76; Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 94, 95; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 116.

[3]) Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 505; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 111, 112.

[4]) Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 678—680; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 270, 271.

Библиотека "Руниверс"

есть, изобрѣсти унію" (стр. 23, 24). Трудно понять логику всѣхъ этихъ разсужденій автора. Какимъ образомъ могло надолго удержать прогрессъ латинства на Литвѣ превращеніе высшаго слоя литовскаго племени въ полякующихъ католиковъ или быстрая латинизація Волыни? Какимъ образомъ могло получить „дальнѣйшее развитіе", хотя въ дѣйствительности и не получило, „совершенное обезличеніе" собственной Литвы? Независимо отъ логическихъ несообразностей фактическая сторона приведенной выдержки возбуждаетъ рядъ недоумѣній. Что на Литвѣ совершался процессъ ассимиляціи литовскаго племени съ русскимъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Но непонятно, какимъ образомъ Литва-Аукстоте могла сливаться съ Жмудью и при этомъ обезличиваться, когда это было одно племя, одна національность, и названія Аукстоте и Жемойть были не племенныя, а географическія? Что это такъ, объ этомъ мы имѣемъ авторитетное свидѣтельство изъ устъ великаго князя Витовта, который по поводу притязаній Ордена на Жмудь писалъ въ 1412 г. императору Сигизмунду: terra Samaytarum... est hereditas et patermonium nostrum ex legitima attavorum et avorum nostrorum sucoessione quam et nunc possidemus, que eciam est et semper fuit *unum et idem cum terra Lythwaniae, nam unum ydeoma et uni homines.* Sed quod terra Samaytorum est terra inferior ad terram Lythwaniae, ideo Szomoyth vocatur, quod in lythwanico terra inferior interpretatur. Samoyte vero Lythwaniam appellant Auxstote, quod est terra superior respectu terre Samaytarum. Samagitte quoque homines se Lythwanos ab antiquis temporibus et nunquam Samaytas appellant" [1]). Затѣмъ справедливо, что высшій слой литовскаго племени принялъ католичество, но отсюда еще далеко было до превращенія его „въ полякующихъ католиковъ". До самой люблинской уніи среди литовской знати вообще мало замѣчается симпатіи къ Польшѣ и къ польскому. Только со времени Сигизмунда I-го замѣчаются признаки національно-культурнаго воздѣйствія Польши, и притомъ не столько на высшій слой, сколько на среднюю рядовую шляхту. Если гдѣ и замѣчается въ разсматриваемое время „полякованье", такъ это на Подляшьѣ, гдѣ поселилась масса поляковъ, и на Волыни и Подольѣ, гдѣ также селились поляки съ самаго конца XIV вѣка, а вовсе не на Литвѣ [2]). Недаромъ и позже подляшане

---

[1]) Codex epistolaris Vitoldi, № 861.

[2]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 18, 20, 543, 544. Źródła dziejowie, tom VI, str. LVIII, LXXI.

Библиотека "Руниверс"

и православные князья, паны и земяне волынскіе склонили вѣсы судьбы на сторону уніи великаго княжества съ Польшею. Авторъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи не принимаетъ всего этого въ расчетъ и толкуетъ о латино-польской партіи въ великомъ княжествѣ, о латино-польскихъ принципахъ, противопоставляя ихъ православной русской партіи, православно-русскимъ принципамъ, постоянно отожествляя понятіе „католическій и польскій", „православный и русскій". Разумѣется, и изображеніе внутренней исторіи великаго княжества Литовскаго не выигрываетъ отъ этого въ отношеніи научности и ясности.

На 24-й страницѣ, въ прим. 7, перечисляя важнѣйшія удѣльныя княжества на Литовской Руси, авторъ допускаетъ рядъ погрѣшностей и неточностей, показывающихъ, какъ невнимательно и спѣшно знакомился авторъ съ содержаніемъ даже главнѣйшихъ своихъ пособій. Такъ, онъ говоритъ, что Пинское княжество по смерти князя Василія Семеновича Олельковича перешло по мужу сестры Василія Александровича къ какимъ-то князьямъ ярославскимъ. Авторъ принялъ такимъ образомъ князя Ѳедора Ивановича Ярославича, внука московскаго удѣльнаго князя Василія Ярославича Боровского, за князя ярославскаго! Родъ Мстиславскихъ князей, по его словамъ, пресѣкся около 1525; въ дѣйствительности это случилось въ первой половинѣ 1529 г. Обо всемъ этомъ имѣются *данныя первоисточниковъ* все въ той же книгѣ Вольфа „Kniaziowie Litewsko-ruscy", которую авторъ подвергъ строгой критической расцѣнкѣ въ перечнѣ своихъ многочисленныхъ источниковъ и пособій.

На стр. 26 читаемъ у г. Ярушевича: „Отдѣльныя рускія области объединялись или главнымъ городомъ (Витебскъ), или епископомъ и боярами (Полоцкъ, Смоленскъ), или, наконецъ, епископомъ и главнымъ должностнымъ лицомъ области (Волынь, Кіевъ)". Значитъ, по г. Ярушевичу, Витебская земля не объединялась главнымъ должностнымъ лицомъ и боярами, Полоцкая и Смоленская главными городами и главными должностными лицами, Волынская и Кіевская главными городами. Но еслибы онъ внимательно прочиталъ привилеи этихъ областей и тѣ страницы второго очерка книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства", гдѣ говорится объ областномъ единствѣ западно-русскихъ областей, онъ увидалъ бы, что дѣло обстоитъ не такъ, какъ онъ написалъ. Витебская и Полоцкая земли объединялись и главными городами, которые были ихъ правительственными центрами, и боярами, которымъ раздавались волости и уряды въ этихъ земляхъ, и главнымъ должностнымъ ли-

Библиотека "Руниверс"

цомъ, котораго витебляне и полочане по привилегіямъ даже выбирали сами. То же самое, за исключеніемъ выбора воеводъ, было и въ Кіевской и Смоленской земляхъ. Что касается Волыни, то и для нея Луцкъ служилъ политическимъ центромъ, ибо тамъ отправлялись мѣстные сеймы [1]). Но Волынь вовсе не объединялась епископомъ, ибо на Волыни были двѣ епархіи, Луцкая и Владимірская. Говоря объ областномъ единствѣ западно-русскихъ земель, авторъ почему-то не упомянулъ о томъ, что объединяло всѣ эти земли,—объ особыхъ правахъ и привилегіяхъ, которыми пользовалась особо каждая земля.

На стр. 27 въ пр. 17 авторъ почему-то счелъ возможнымъ заимствовать изъ Стрыйковскаго спутанную генеалогію послѣдней жены короля Ягайлы—Софіи, вѣроятно, для того, чтобы породнить своего героя, князя Константина Ивановича, съ королевскимъ домомъ [2]). Королева Софія является у него дочерью какого-то небывалаго кіевскаго князя Андрея изъ рода князей Друцкихъ (у Стрыйковскаго, впрочемъ, нѣсколько иначе: кіевскій князь Андрей княжитъ въ Друцкѣ). Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ королева Софія была дочерью князя Андрея Ольгимунтовича Гольшанскаго, „какъ это явствуетъ изъ сообщенія пространной литовско-русской лѣтописи (такъ называемой лѣтописи Быховца). Обо всемъ этомъ г. Ярушевичъ могъ бы узнать все изъ той же книги г. Вольфа „Kniaziowie litewsko-ruscy" (стр. 57, 96). Что лѣтописецъ не ошибочно считаетъ королеву Софію княжною Гольшанскою, на это указываетъ руководящая роль, какую играли князья Гольшанскіе при возведеніи сына Софіи Казимира на литовскій престолъ и выдающееся положеніе, которое они занимали при Казимирѣ и его сыновьяхъ. Все по тѣмъ же книгамъ Бонецкаго и Вольфа можно выслѣдить, что за это время почти всѣ наиболѣе важныя государственныя должности занимались князьями Гольшанскими и ихъ роднею и пріятелями, которые всѣ вмѣстѣ и образовывали кругъ литовской аристократіи. Отлагая подробности до другаго раза, пойдемъ далѣе въ разборѣ книги г. Ярушевича.

„Смерть Свидригайлы,—говоритъ г. Ярушевичъ,—поставила крестъ

---

[1]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 869—873.

[2]) Стрыйковскій говоритъ про королеву Софію: a była wnuczka Witołtowa z siostry, córka Andrzeja Iwanowicza, przedtym zdawna z książąt Kijowskich idącego, na ten czas kniazia Druckiego (nie Holszanskiego iak Latopisiec kładzie), z którego też doma on swięty a sławny hetman Konstanti, xiąże Ostroskie, poszedł: bo xiążęta Ostroskie i Zasławskie z Kijowskich i z Druckich własną genealogią idą (Kronika, tom II, str. 261).

Библиотека "Руниверс"

на всѣхъ надеждахъ литовскихъ русскихъ, ихъ религіозно-культурномъ поступательномъ движеніи и открыла широкій просторъ пропагандѣ латинства... Дѣйствительно, едва Свидригайло потерялъ силу, какъ Сигизмундъ, ознаменовавшій свои побѣды постройкою костеловъ, прямо и рѣшительно началъ дѣйствовать противъ православныхъ западно-руссовъ. Но послѣдніе оказались слишкомъ сильными для того, чтобы можно было игнорировать ихъ законные интересы, и Сигизмундъ Кейстутьевичъ поплатился за свою ревность къ латинству жизнью, какъ жертва заговора князей Чорторыйскихъ" (стр. 30). Г. Ярушевичъ не соглашается не только съ мнѣніемъ историковъ, но и съ свидѣтельствомъ современниковъ — лѣтописцевъ, что Сигизмундъ Кейстутьевичъ поплатился жизнью за свою тираннію. „Князь того времени,—говоритъ онъ,—даже и не могъ быть жестокимъ по отношенію къ знати изъ княжеской среды. Да и при чемъ здѣсь волынецъ князь Чорторыйскій? Сомнительно также, чтобы тысячи волынянъ, никогда не видавшихъ Сигизмунда, шли противъ него только изъ-за жестокости заключившагося въ Трокахъ князя" (стр. 30). Можно только удивляться тому, какъ читалъ г. Ярушевичъ свои многочисленныя пособія. Изъ втораго тома „Исторіи Россіи" Иловайскаго (стр. 274—275) онъ могъ бы, кажется, увидать, что заговоръ противъ Сигизмунда Кейстутьевича устроенъ былъ на Литвѣ и литовскими вельможами (князь Чорторыйскій, воевода виленскій Довгердъ, воевода троицкій Лелюшъ), что ни о какихъ тысячахъ волынянъ, которые будто бы помогали Чорторыйскому противъ Сигизмунда, и рѣчи быть не можетъ, ибо заговорщики убили Сигизмунда Кейстутьевича налетомъ, „въ малѣ дружинѣ", если такъ можно выразиться. Еслибы г. Ярушевичъ внимательно прочиталъ 18 и 19 стр. книги Вольфа о литовско-русскихъ князьяхъ, тогда бы не сталъ недоумѣвать, при чемъ тутъ волынцы князья Чорторойскіе. Изъ книги г. Вольфа документально явствуетъ, что князья Чорторыйскіе проживали на Литвѣ при королевскомъ дворѣ и, слѣдовательно, естественно могли подвергаться непріятностямъ отъ великаго князя Сигизмунда Кейстутьевича вмѣстѣ съ другими литовскими панами. Разказъ объ убіеніи князя Сигизмунда Кейстутьевича, содержащійся въ пространной литовской лѣтописи, полонъ такихъ живыхъ подробностей, которыя ясно показываютъ, что написанъ онъ со словъ современника событій, и притомъ раздраженнаго поступками великаго князя. Конечно, нельзя ручаться вполнѣ за окраску, какая придана поступкамъ великаго князя въ разказѣ лѣтописи, но суть дѣла несомнѣнно

Библиотека "Руниверс"

передана вѣрно и вполнѣ согласно съ обстоятельствами времени. Сигизмундъ Кейстутьевичъ возведенъ былъ на великое княженіе одною партіею, при помощи со стороны, и подчинилъ себѣ противниковъ только силою, послѣ пораженія Свидригайла подъ Вилькомиромъ. Весьма возможно, что онъ, не питая къ нимъ довѣрія, сталъ преслѣдовать и казнить ихъ по мнимымъ, а, быть можетъ, и справедливымъ опасеніямъ, не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ. Можно только пожалѣть, что г. Ярушевичъ не вникъ, какъ слѣдуетъ, въ этотъ разказъ лѣтописи [1]) и предпочелъ своимъ домысломъ возвести на православныхъ волынянъ напрасное обвиненіе въ политическомъ убійствѣ. Да и откуда авторъ взялъ, что Сигизмундъ Кейстутьевичъ гналъ православіе? Неужели онъ, какъ католикъ, не могъ построить нѣсколько костеловъ, даже и не думая о преслѣдованіи православія? Извѣстно, правда, что въ 1436 году въ Литвѣ былъ учрежденъ трибуналъ святой инквизиціи подъ предсѣдательствомъ каноника Николая изъ Ленчицы съ правомъ отыскивать и карать еретиковъ и отщепенцевъ. Но эта мѣра была направлена противъ гусситовъ, которые въ то время массами проникали въ Польшу и Литву, а не православныхъ. По отношенію къ православнымъ Сигизмундъ держался примирительной политики, и въ 1434 году выхлопоталъ у сюзерена Литвы, короля Владислава III, привилей, коимъ православные въ великомъ княжествѣ уравнивались съ католиками [2]).

И въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Ярушевичъ заставляетъ православныхъ по религіознымъ побужденіямъ играть некрасивую роль, самъ не замѣчая этого. Конечно, еслибы въ своихъ утвержденіяхъ г. Ярушевичъ опирался на свидѣтельства источниковъ, можно было бы только похвалить его за то, что истина для него всего дороже. Но въ томъ-то и бѣда, что всѣ эти утвержденія — одни домыслы автора, и притомъ неудачные, такъ что все это выходитъ только напраслиною на православіе. Между прочимъ г. Ярушевичъ повѣствуетъ: „Тѣсное единеніе православныхъ выражалось иногда въ прямыхъ возмущеніяхъ противъ правительства, его цѣлей и дѣйствій. За недостаткомъ данныхъ мы не можемъ утверждать, что прямою причиною подобныхъ „мирныхъ“ смутъ было религіозное притѣсненіе. Но косвенныя соображенія говорятъ именно въ пользу такого пони-

---

[1]) Pomniki do dziejów litewskich, zebrane przez T. Narbutta, str. 48, 49. Wilno. 1846.

[2]) *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 155, 156, nota 68.

Библиотека "Руниверс"

манія дѣла, а прямой смыслъ фактовъ показываетъ, что возмущенія были результатомъ борьбы за византійско-русскую культуру. Первое темное свидѣтельство о смутахъ въ Литвѣ при Казимирѣ мы встрѣчаемъ около 1455—1459 года. Глухое недовольство королемъ обнаружилось, лишь только зашла рѣчь о томъ, кому владѣть Подольемъ. Казимиръ склонялся на сторону Польши. Тогда Янъ Гаштольдъ (sic), воевода Виленскій, составилъ планъ избранія въ великіе князья кіевскаго князя Семена Олельковича. Въ числѣ главарей заговора мы видимъ Юрія Острожскаго, Олехно Судимонтовича; къ нимъ примкнула „большая часть князей, пановъ и литовскаго дворянства". Казимиръ поспѣшилъ въ Литву, уговорами и обѣщаніями „на время" съумѣлъ удержать враждебную ему партію; но въ 1459 году вельможи опять принялись за этотъ же планъ и даже прямо просили короля, проживавшаго постоянно въ Польшѣ, согласиться на вокняженіе Семена Олельковича. Но и на этотъ разъ дѣло окончилось ничѣмъ" (стр. 42, 45). И это, по г. Ярушевичу, проявленіе борьбы за православіе или византійско-русскую культуру! Но даже и изъ тѣхъ подробностей, которыя онъ приводитъ, ясно видно, что это было движеніе совершенно другаго рода—проявленіе литовскаго государственнаго патріотизма князей и пановъ, недовольныхъ уступчивостью короля по отношенію къ Польшѣ. Изъ разказа Стрыйковскаго, на котораго ссылается г. Ярушевичъ, видно также, что литовская знать была недовольна постояннымъ отсутствіемъ короля изъ Литвы. Стрыйковскій на основаніи своихъ источниковъ прямо говоритъ: „A wszytka wina tych rozterków na ten czas wszczętych na Gasztolcie została, wszakiże o to karania nie wziął, iz był wielkiego zawolania i możnosci, dla gorszego zaburzenia" [1]). При чемъ же тутъ православіе, и какія косвенныя соображенія могутъ заставить видѣть въ этомъ движеніи религіозную борьбу?

Усматривая проявленіе религіозной борьбы тамъ, гдѣ въ дѣйствительности нѣтъ и признаковъ ея, г. Ярушевичъ не видитъ участія религіозныхъ факторовъ тамъ, гдѣ они на лицо. Такъ, про заговоръ кн. Михаила Олельковича онъ говоритъ, что причина его неизвѣстна. Между тѣмъ вотъ что говорилъ по порученію великаго князя Александра его посолъ королю польскому Владиславу въ началѣ 1501 г., прямо намекая на событія 1481 — 1482 г. „Тако бо отъ оныхъ лѣтъ (со времени распространенія католичества) ажъ до

[1]) Kroniks, tom II, str. 250, 251. Warszawa, 1846.

Библиотека "Руниверс"

нынѣшнихъ часовъ, Русь покушаються ее сказити и згладити, не только Москва, але и отъ подданныхъ княжатъ земли нашого милостивого пана нѣкоторые, *яко часу щастноѣ памяти отца вашое милости, короля Казимира, на его милость, не для иного, нижъ для вѣры святой, повстати умыслили*, такъ и на вашу милость, сыновъ его милости, пановъ нашихъ милостивыхъ. *О которыхъ же его милость своею мудростью и опатрностью то поразумѣлъ, и нѣкоторыхъ за нихъ за то скаралъ, а иные для тою къ тому жъ Москвитину збѣгли*" [1]). Такое объясненіе вполнѣ согласуется съ обстоятельствами дѣла, ибо какъ разъ за годъ предъ этимъ вышло извѣстное распоряженіе о запрещеніи русскимъ строить и возобновлять церкви. Любопытно, что главари заговора фигурируютъ въ извѣстной грамотѣ, адресованной къ папѣ Сиксту IV въ 1476 году „отъ духовенства и княжатъ, и пановъ русскихъ з Вилни". Это обстоятельство сильно говоритъ за то, что преосвященный Макарій правильно истолковалъ смыслъ этой грамоты, въ которой онъ видитъ не столько прямое прошеніе о возсоединеніи, сколько жалобу православныхъ на несправедливости и притѣсненія со стороны католиковъ, съ просьбою водворить между ними миръ, согласіе и любовь. Этимъ объясняется и то, что папа не далъ на грамоту никакого отвѣта [2]). Главари заговора поплатились жизнью. Но очевидно, попытки ихъ были не безъ результата, ибо распоряженіе 1481 г. либо вовсе не исполнялось, либо примѣнялось только на Литвѣ, среди католическаго населенія [3]).

Не только въ изложеніи политическихъ, но и въ изложеніи церковныхъ событій авторъ не обнаруживаетъ внимательнаго изученія своихъ источниковъ и пособій и безъ нужды прибѣгаетъ къ произвольнымъ гипотезамъ. Такъ, про митрополита Григорія Болгарина онъ говоритъ, что тотъ едва ли искренно сочувствовалъ уніи (стр. 37). Мы не знаемъ, искренно ли или неискренно Григорій сочувствовалъ уніи. Это дѣло совѣсти, которую вѣдаетъ Богъ. Изъ того, что онъ позднѣе отрекся отъ уніи, нисколько не слѣдуетъ, что и ранѣе онъ ей не сочувствовалъ. У преосвященнаго Макарія прекрасно изображены причины, заставившія Григорія повернуть фронтъ отъ Рима къ

---

[1]) Акты Зап. Россіи, I, № 188.

[2]) Исторія русской церкви, томъ IX, стр. 53—61.

[3]) См. факты, приводимые въ IX т. „Исторіи русской церкви", стр. 73, 79—81.

Библиотека "Руниверс"

Царьграду, и кто можетъ поручиться за то, что Григорій поступалъ искренно именно въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Да и для дѣла въ сущности не особенно важно рѣшеніе такого деликатнаго нравственнаго вопроса. Важно, что первосвятительство Григорія было связано съ попыткою церковной уніи, и что эта попытка не удалась по несочувствію ей въ православномъ западно-русскомъ обществѣ.

Отвергая утвержденіе преосвященнаго Макарія, что преемникъ Григорія—Мисаилъ, былъ изъ рода князей Пеструцкихъ, г. Ярушевичъ съ своей стороны полагаетъ, что онъ происходилъ изъ рода князей Друцкихъ (стр. 37), несмотря на то, что преосвященный Макарій документально устранилъ возможность такой генеалогіи [1]). Кромѣ того, все у того же Вольфа г. Ярушевичъ могъ бы найдти новыя документальныя данныя, подтверждающія, что митрополитъ Мисаилъ вовсе не былъ изъ князей Друцкихъ и вообще былъ не княжескаго рода, а боярскаго, что фамиліи Пеструцкихъ не было, а названіе Пестручъ было простымъ прозвищемъ митрополитова брата—Михаила [2]) Такъ много свѣдѣній разсѣяно въ этой прекрасной книгѣ, которая должна быть настольною для всякаго, занимающагося исторіею Литовской Руси.

Говоря о средствахъ защиты православія отъ посягательствъ латинства, г. Ярушевичъ причисляетъ къ нимъ и братства (стр. 41). Но такое утвержденіе для разсматриваемаго времени является преждевременнымъ. Организація братствъ въ разсматриваемое время, хотя и служила религіознымъ цѣлямъ, но не тѣмъ, какія намѣчаетъ г. Ярушевичъ, неизвѣстно почему пошедшій въ сторону отъ своего пособія—IX тома „Исторіи русской церкви" (стр. 32—35).

Мы обозрѣли вступительную главу книги г. Ярушевича. Кромѣ указанныхъ частныхъ недостатковъ, она страдаетъ еще неправильностью общаго взгляда на внутреннюю исторію литовско-русскаго государства. Вся эта исторія представлена г. Ярушевичемъ въ видѣ борьбы двухъ національно-религіозныхъ началъ — польскаго католичества и русскаго православія [3]). Разумѣется, такое изображеніе выиграло въ простотѣ, но не въ истинѣ, которая въ дѣйствительности была сложнѣе, чѣмъ полагаетъ авторъ. На дѣлѣ мы видимъ католи-

---

[1]) Исторія русской церкви, т. IX, стр. 41, примѣч. 30.

[2]) Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 669.

[3]) Авторъ констатируетъ далѣе существованіе латино-польскихъ „характеровъ". Такой характеръ, по его словамъ, былъ у Казимира (стр. 31).

Библиотека "Руниверс"

ковъ, идущихъ рука объ руку съ православными, православныхъ, помогающихъ католикамъ, католиковъ, борющихся другъ съ другомъ, католиковъ литовцевъ, ненавидящихъ поляковъ, и православныхъ русскихъ, льнущихъ къ полякамъ, и т. д. Въ этой пестротѣ и сложности явленій можно подмѣтить и выдѣлить дѣйствіе извѣстныхъ постоянныхъ причинъ, среди которыхъ извѣстная, но не единственная роль принадлежала и причинѣ, указываемой г. Ярушевичемъ. Къ такимъ общимъ причинамъ можно отнести: существованіе въ литовско-русскомъ государствѣ могущественной аристократіи, желавшей играть политическую роль, не желавшей приниженія и уменьшенія великаго княжества со стороны Польши; политическую гегемонію и различныя привилегіи Литвы, вызывавшія національный антагонизмъ къ ней русскихъ областей великаго княжества; и, наконецъ, аггрессивныя поползновенія со стороны католиковъ на религіозную совѣсть русскихъ людей.

Въ изображеніи общей исторіи литовско-русскаго государства, содержащемся въ послѣднихъ главахъ книги г. Ярушевича и служащемъ, такъ сказать, фономъ при обрисовкѣ личности, дѣяній и значенія кн. Константина Ивановича, приходится встрѣчаться съ недостатками, подобными указаннымъ выше.

На стр. 77, говоря объ отъѣздѣ западно-русскихъ князей въ Москву въ 1500 г., г. Ярушевичъ отвергаетъ мнѣніе Карамзина и Соловьева, что причиною этого отъѣзда было принужденіе къ латинству. „Мы знаемъ,—говоритъ онъ,—что областные князья пользовались въ своихъ волостяхъ значительною властью, особенно въ дѣлахъ церковныхъ. Поэтому едва ли они могли опасаться принужденія къ латинству. Опасались они не этого, а потери своей волости, своего удѣла, ибо ясно сознавали могущество Москвы, слабость Литвы. суровость Іоанна“. Г. Ярушевичъ не вѣритъ собственнымъ показаніямъ князей объ этомъ принужденіи: „Мы не придаемъ этимъ показнымъ фразамъ, — говоритъ онъ, — характера исторической достовѣрности. Князья спасали не свою вѣру, а свои „животы“, зная отъ шпіоновъ Іоанна о близкой войнѣ“ (стр. 140). „Болѣе честные князья такъ и объясняли свой отъѣздъ и не облачались въ хитонъ страдальцевъ за православіе“ (стр. 78). Г. Ярушевичъ вѣритъ показаніямъ другой стороны—объясненіямъ литовскаго правительства, даннымъ Іоанну, что будто бы никому понужденія въ вѣрѣ не было. Онъ отвергаетъ даже и извѣстное сообщеніе московскаго соглядатая Шостака о понужденіяхъ Елены къ латинству и о намѣреніяхъ

Библиотека "Руниверс"

литовскаго правительства обратить Русь „въ проклятую латинскую вѣру", несмотря на то, что это сообщеніе сходится въ общемъ и съ показаніями кн. Бѣльскаго. Хотя авторъ и сталъ въ данномъ случаѣ въ положеніе безпристрастнаго судьи, руководящагося правиломъ: audiatur et altera pars (стр. 79), но рѣшеніе его вышло одностороннимъ и потому не безпристрастнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что принужденія къ латинству не было, *но была попытка склонить къ уніи съ Римомъ*, къ признанію папы главою церкви согласно опредѣленію Флорентійскаго собора, и при томъ попытка, отличавшаяся настойчивостью и требовательностью. О стараніяхъ папы самъ же г. Ярушевичъ сообщаетъ свѣдѣнія на стр. 128, въ прим. 321, ссылаясь и на источники. Кромѣ того, объ этомъ же сообщаетъ данныя источниковъ и преосвященный Макарій (стр. 107 — 109 девятаго тома). О стараніяхъ литовскаго правительства сообщаетъ краковскій каноникъ Сакранъ, написавшій въ 1500 году сочиненіе „Истолкователь заблужденій русской вѣры". Само литовское правительство, старавшееся изо всѣхъ силъ обѣлить себя въ глазахъ Москвы, оговаривается, однако, признаніемъ, что попытка привести православныхъ къ уніи съ Римомъ была предпринимаема, и объ этомъ даже упоминается въ самой книгѣ г. Ярушевича (стр. 79) [1]. Въ Москвѣ не принимали во вниманіе или не хотѣли принять—различія между уніею и принятіемъ латинства и обвиняли литовское правительство въ насильственной пропагандѣ латинской вѣры. Негодованіе могло заставить и православныхъ Западной Россіи преувеличивать фактъ и толковать о насильственномъ крещеніи въ „проклятую латинскую вѣру".

Странно, почему г. Ярушевичъ не остановился на такомъ естественномъ объясненіи дѣла, когда самъ же призналъ современнаго митрополита Іосифа Болгариновича поборникомъ уніи (стр. 71, 72). На такое объясненіе прямо наводитъ свидѣтельство вышеупомянутаго каноника Сакрана, приводимое въ IX томѣ „Исторіи русской церкви" (стр. 140—147). Это свидѣтельство проливаетъ свѣтъ и на отъѣздъ князей 1500 г. Сакранъ говоритъ, что нѣтъ ни одного народа, который бы былъ такъ непоколебимъ въ защищеніи своего схизматическаго заблужденія, какъ народъ русскій. „Не упоминаемъ уже, какъ святотатственно поступили они съ Исидоромъ, митрополитомъ кіевскимъ, пришедшимъ къ нимъ съ Флорентійскаго собора, для насажденія между ними установленной тамъ уніи съ римскою церковью: всѣмъ извѣ-

[1]) Ср. Исторію русской церкви, т. IX, стр. 115.

Библиотека "Руниверс"

стенъ, у всѣхъ предъ глазами ихъ новый поступокъ, какой совершили они въ нынѣшнемъ 1500 г. *по отношенію къ той же самой уніи.* Едва только великій князь литовскій возъимѣлъ намѣреніе и началъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ кроткими убѣжденіями обращать ихъ—русскихъ, къ единству римской церкви, какъ князья и вожди ихъ съ яростью поспѣшили передаться къ московскому великому князю, защитнику ихъ схизмы; а этотъ послѣдній, считая намѣреніе Александра обидою для себя, обрадовался случаю напасть на литовскія области и произвелъ въ нихъ страшныя опустошенія. Русскіе до того ненавидятъ вѣру латинянъ, что желали бы не только всячески вредить ей, но даже искоренить ее во всемъ мірѣ". Эти показанія современника ясно говорятъ, что въ 1500 году въ литовско-русскомъ государствѣ было сильное возбужденіе религіозныхъ страстей, и вполнѣ согласуются съ донесеніемъ Шостака, который писалъ въ Москву: „Здѣсе, господине, у насъ сталося замятенье великое межи Латыны и межи нашего христіянства. Въ нашего владыку Смоленского діаволъ ся вселилъ, съ Сопѣгою, отметникомъ ихъ, на православную вѣру: князь великій неволилъ государыню нашу великую княгиню Олену, въ латынскую проклятую вѣру... да и все наше православное христіянство хотятъ окстити: ино наша Русь велми ся съ Литвою не любятъ" [1]). Судя по ненависти, которую возбудили „кроткія увѣщанія" литовскаго правительства, едва ли можно думать, что они были кроткія; во всякомъ случаѣ настойчивость и требованіе подчиненія духовнымъ властямъ, принявшимъ унію, въ данномъ случаѣ имѣли мѣсто. А если такъ, то и князья отъѣзжали въ Москву, спасая не „животы" свои только, какъ иронизируетъ г. Ярушевичъ, а также вѣру и совѣсть. Г. Ярушевичъ, на основаніи косвенныхъ соображеній усматривавшій проявленіе религіозной борьбы тамъ, гдѣ нельзя уловить никакихъ признаковъ ея, не видитъ ея тамъ, гдѣ объ ней говорятъ прямыя свидѣтельства участниковъ и стороннихъ наблюдателей. Къ такимъ странностямъ привело автора стремленіе быть оригинальнымъ во что бы то ни стало...

Преосвященный Макарій, констатируя перемѣну церковной политики литовскаго правительства, послѣдовавшую вслѣдъ за московскою войною, ставитъ ее въ связь съ этою войною. „Въ Литвѣ, — говоритъ онъ, — опытно теперь убѣдились, какъ велико могущество московскаго государя, и какъ грозно стоитъ онъ за греческую вѣру,

---

[1]) Акты Зап. Россіи, I, № 155.

Библиотека "Руниверс"

за православіе своей дочери и другихъ русскихъ литовцевъ, и не могли не понять, что онъ непремѣнно исполнитъ свои угрозы, если притѣсненія православнымъ въ Литвѣ не прекратятся и возобновятся" (op. cit., стр. 119). Но г. Ярушевичу это вполнѣ естественное объясненіе показалось неудовлетворительнымъ, и онъ придумалъ свое собственное. Изъ его словъ выходитъ, что король Александръ впалъ по окончаніи войны въ великодушную сантиментальность по отношенію къ русскимъ, которые де на своихъ плечахъ вынесли войну и преимущественно потерпѣли отъ нея: во вниманіе къ этимъ заслугамъ и потерямъ русскихъ король и сталъ благоволить къ нимъ. По поводу этого объясненія можно спросить г. Ярушевича: развѣ Александръ пропагандировалъ унію по какимъ либо дурнымъ чувствамъ по отношенію къ русскимъ, такъ что могъ прекратить эту пропаганду съ прекращеніемъ самыхъ чувствъ? Впрочемъ, на стр. 92 г. Ярушевичъ самъ признаетъ, что боязнь предъ русскою силою обусловливала отношенія Александра къ русскимъ.

„Но если,—продолжаетъ г. Ярушевичъ, — перемѣна Александра объясняется войною 1500—1503 г., то дальнѣйшее благоволеніе его къ православно-русской партіи весьма много зависѣло отъ новаго „собиннаго" друга великаго князя—умнаго и даровитаго князя Михаила Львовича Глинскаго" (стр. 88). Вліянію Глинскаго г. Ярушевичъ приписываетъ различныя милости короля Александра православнымъ русскимъ, между прочимъ, выдачу подтвердительныхъ привилеевъ на права и вольности землямъ Витебской и Смоленской. Едва ли тутъ дѣйствовало личное вліяніе Глинскаго. Скорѣе всего можно объяснить это стремленіемъ литовскаго правительства ублаготворить эти земли, вызваннымъ все тѣмъ же страхомъ предъ Москвою. Всѣ извѣстія о Глинскомъ согласно утверждаютъ, что въ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководился личными мотивами — честолюбіемъ, соображеніями родства, дружбы и т. п. Такъ какъ по рожденію и землевладѣнію онъ принадлежалъ къ Руси, то естественно, что кругъ его родныхъ и пріятелей состоялъ преимущественно изъ русскихъ. Но отсюда еще далеко до покровительства православнымъ русскимъ вообще. Глинскій покровительствовалъ только тѣмъ, кто ему нравился или былъ нуженъ. Поэтому научная осторожность не позволяетъ усматривать руку Глинскаго тамъ, гдѣ ея не показываютъ самые источники.

По поводу избранія Сигизмунда великимъ княземъ литовскимъ г. Ярушевичъ говоритъ между прочимъ: „Быстрота и согласность

Библиотека "Руниверс"

избранія Сигизмунда заставляютъ предполагать, что оно было подготовлено раньше латино-польскою партіей, при чемъ Сигизмундъ далъ ей нѣкоторыя обязательства въ ущербъ великокняжеской власти,—обязательства, содержаніе которыхъ намъ неизвѣстно, но которыя сильно ощущались въ первую половину царствованія этого короля" (стр. 92, 93). „Кромѣ необъяснимой иначе враждебности Сигизмунда къ Глинскому, благоволенія его на первыхъ порахъ къ католикамъ" [1])...—на это. по словамъ г. Ярушевича, указываетъ и характерная особенность въ титулѣ. Александръ писалъ:... „намъ оставши господаромъ на отчинѣ нашой на великомъ княжествѣ Литовскомъ"... Сигизмундъ:... „omnium Praelatorum et Procerum Regni, immo totius senatus, Nobilitatis et populi consensu diadema capiti nostro imponeretur" (прим. 192). Все это сочетаніе доказательствъ является страннымъ и малопонятнымъ. Неужели у Сигизмунда не могло быть личнаго нерасположенія къ зазнавшемуся временщику покойнаго брата, помимо какихъ-то обязательствъ, данныхъ имъ латино-польской партіи? И затѣмъ: какую особенность можно усмотрѣть въ титулѣ Сигизмунда по сравненію съ титуломъ великокняжескимъ Александра, когда приведенный титулъ Сигизмунда—не литовскій, а польскій?

Г. Ярушевичу захотѣлось быть оригинальнымъ и во взглядѣ на бунтъ Глинскаго безъ основательнаго изученія источниковъ, а просто на основаніи общихъ соображеній. Онъ не соглашается съ проф. Антоновичемъ, который считаетъ бунтъ Глинскаго „послѣдней реакціей русскихъ князей противъ польско-литовскаго направленія". „Въ движеніи,—говоритъ г. Ярушевичъ, — участвовало мало коренныхъ западно-русскихъ князей; Глинскаго же, родъ котораго культивировался въ Литвѣ только съ XV вѣка, невозможно мыслить носителемъ древне-русскихъ княжескихъ традицій, совершенно чуждыхъ его роду" (прим. 228). Но какой же историческій смыслъ былъ въ этомъ движеніи? „Дѣйствительно, это была реакція, но только не русскихъ князей и не противъ польско-литовскаго направленія, а реакція массы русскаго народа противъ латино-польскаго направленія, реакція, искусственно вздутая оскорбленнымъ честолюбіемъ Глинскихъ, поддержанная ихъ матеріальнымъ авторитетомъ, умѣлою группировкой недовольныхъ существующимъ порядкомъ, какихъ всегда бываетъ не мало, и завѣдомо ложнымъ преувеличеніемъ полонофильства новаго

---

[1]) Ниже, на стр. 95, г. Ярушевичъ свидѣтельствуетъ и о благоволеніи Сигизмунда I къ православнымъ съ самаго начала царствованія.

Библиотека "Руниверс"

короля" (стр. 101). По поводу всего это приходится сказать только. что смѣлость не всегда города беретъ, и что г. Антоновичъ все-таки стоитъ ближе къ истинѣ, чѣмъ опровергающій его г. Ярушевичъ. Составляя свой оригинальный взглядъ на бунтъ Глинскаго, г. Ярушевичъ не потрудился вникнуть, какъ слѣдуетъ, въ разказъ о бунтѣ хотя бы Стрыйковскаго, который въ перечнѣ его источниковъ аттестованъ съ самой лучшей стороны. Стрыйковскій, пользовавшійся и западно-русскими лѣтописями, и польскими хрониками, разказываетъ о бунтѣ Глинскаго вещи, которыя никакъ не позволяютъ видѣть въ этомъ движеніи „реакцію русской народной массы противъ латино-польскаго направленія". По отъѣздѣ короля Сигизмунда изъ Литвы въ Краковъ, Глинскій, „взбунтовавъ старыхъ товарищей и пособниковъ своихъ", съ семью стами вооруженныхъ людей нападаетъ на Заберезинскаго и убиваетъ его. Вскорѣ за тѣмъ, имѣя уже двѣ тысячи конницы, Глинскій часть ихъ разсылаетъ по Литвѣ — искать и избивать литовскихъ пановъ, а самъ, собравъ еще больше народа, отправляется въ Новгородокъ. Въ бытность свою тамъ онъ побиваетъ много шляхтичей, которыхъ считалъ своими противниками. „Видя затѣмъ, что такимъ жестокимъ поступкомъ онъ возбудилъ противъ себя короля и всю Литву въ стократъ больше, чѣмъ прежде, понимая, что̀ королю нельзя было спустить ему этого ради пріятелей Заберезинскаго, не надѣясь на помилованіе, Глинскій затѣялъ большую войну и вознамѣрился сопротивляться королю силою. Поэтому онъ привлекъ на свою сторону нѣсколько литовскихъ пановъ и русской шляхты обѣщаніями, дарами и надеждою овладѣть великимъ княжествомъ, въ частности соединилъ свою силу съ роднымъ братомъ Василіемъ Глинскимъ, который передалъ ему заразъ нѣсколько замковъ своихъ и королевскихъ, гдѣ онъ былъ начальникомъ". Послѣ неудачной осады Минска братья направляются подъ Клецкъ. Отсюда Василій идетъ къ пригородамъ кіевскимъ и пытается овладѣть Житомиромъ и Овручемъ. Онъ уговариваетъ шляхту и бояръ, чтобы они добровольно пристали къ его брату, „который де замыслилъ, — и въ томъ да поможетъ ему Богъ, внушившій ему это, — перенести съ Литвы на Русь великое княженіе, какъ было прежде". Этими обѣщаніями Василій соблазняетъ многихъ бояръ и принимаетъ отъ нихъ присягу. Самъ же Михаилъ Глинскій осаждаетъ Слуцкій замокъ, домогаясь руки вдовой княгини Слуцкой—Анастасіи. Женитьбою на ней онъ имѣлъ въ виду увеличить свои силы, свою казну и пріобрѣсти законныя основанія добиваться кіевскаго стола, который былъ нѣкогда

Библиотека "Руниверс"

удѣломъ предка князей Слуцкихъ—Владиміра Ольгердовича. Будучи не въ состояніи взять замокъ и пылая гнѣвомъ, Глинскій распускаетъ свое войско по волостямъ Слуцкимъ и Копыльскимъ, выжигаетъ и опустошаетъ ихъ хуже всякихъ татаръ. Послѣ того онъ добываетъ силою Туровъ и Мозырь и беретъ съ бояръ присягу. Здѣсь къ нему прибываетъ московская помощь — 20.000 конныхъ ратниковъ подъ предводительствомъ Остафья Дашковича. Съ ними онъ идетъ подъ другіе замки, и на сторону его переходятъ князья Друцкіе съ своимъ замкомъ Друцкомъ, поддаются ему Орша, Кричовъ, Гомель [1]). Дальнѣйшій разказъ Стрыйковскаго о военныхъ дѣйствіяхъ Глинскаго въ союзѣ съ московскими войсками уже не даетъ никакихъ характерныхъ подробностей для пониманія движенія, и потому нѣтъ нужды воспроизводить его здѣсь. Что же доказываютъ приведенныя подробности изъ разказа о мятежѣ Глинскаго? Онѣ доказываютъ, что въ этомъ движеніи „народная масса" не участвовала. Ядро войска Глинскаго составили его „старые товарищи и пособники" (stare towarzystwo i pomocniki), какъ выражается Стрыйковскій. Литовско-русская лѣтопись по списку Познанскому [2]) еще яснѣе обозначаетъ контингентъ первоначальнаго войска Глинскаго: „збиралъ прыятели одны кревные, другіе за пенези так зъ Руси, яко з Литвы"... Позже, какъ выше было указано, войско Глинскаго увеличивалось преимущественно русскими боярами и отчасти литовскою шляхтою. Всѣ эти люди шли подъ знамя Глинскаго не для того, чтобы бороться противъ латино-польскаго направленія и полонофильства короля. Однихъ Глинскій нанималъ за деньги, другихъ застращивалъ и увлекалъ за собою насильно (по этой причинѣ пристали къ нему князья Мстиславскій и и Друцкіе), третьихъ привлекалъ національно-политическими перспективами. Что касается русской народной массы, то въ бунтѣ Глинскаго она играла одну роль — была объектомъ грабежа и всяческаго насилія мятежниковъ. Бунтъ Глинскаго — чрезвычайно характерное явленіе, но не въ томъ родѣ, въ какомъ изображаетъ его г. Ярушевичъ. Это было проявленіе политическаго своеволія, выросшаго на почвѣ того феодализма, какимъ насквозь проникнуто было литовско-русское государство, съ его системою частнаго подданства, съ его многочисленными государями-землевладѣльцами, и отчасти—проявле-

---

[1]) *Stryjkowski*, II, str. 345—347.

[2]) За сообщеніе копіи отрывковъ изъ этой лѣтописи приношу благодарность проф. И. А. Линниченку.

Библиотека "Руниверс"

ніе національнаго антагонизма въ нѣдрахъ этого государства, русскія области котораго были недовольны политическою гегемоніею Литвы.

На этомъ мы кончимъ обзоръ общеисторической части книги г. Ярушевича и перейдемъ къ его спеціальному сюжету—къ біографіи князя К. И. Острожскаго.

Прежде всего остановимся на сообщеніяхъ г. Ярушевича о предкахъ князя К. И. Острожскаго (стр. 46—51) и на родословной таблицѣ князей Острожскихъ, составляющей № 1 приложеній къ книгѣ г. Ярушевича. Въ сообщеніяхъ о предкахъ князя Константина Ивановича г. Ярушевичъ большею частью повторяетъ Вольфа, дополняя его данныя кое-какими подробностями изъ Słownika geograficznego królewstwa Polskiégo, статьи Максимовича о князьяхъ Острожскихъ, „Волыни" Батюшкова и др. Собственныя добавленія автора не отличаются цѣнностью въ научномъ отношеніи, чтобы не сказать болѣе. Такъ, про князя Ѳедора Даниловича авторъ говоритъ, что „онъ ничѣмъ не брезговалъ" для достиженія благоволенія Ягайла. И это на основаніи того, что онъ основалъ въ Острогѣ доминиканскій монастырь! Но вѣдь неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ князь Ѳедоръ допустилъ основаніе католическаго монастыря: можетъ быть, просто потому, что, живя въ сосѣдствѣ съ Польшею, не относился враждебно къ католикамъ. „Благодаря такой политикѣ, — говоритъ г. Ярушевичъ, — Ѳедоръ Даниловичъ дѣлается богатымъ землевладѣльцемъ и принимаетъ у себя въ Острогѣ великихъ князей—Витовта въ 1427 г. и Свидригайла въ 1438 году". Но акты, на которые ссылается г. Ярушевичъ, не говорятъ ни о какомъ пріемѣ княземъ Ѳедоромъ Даниловичемъ великихъ князей, а только о бытности ихъ въ Острогѣ [1]). Мы не знаемъ даже, живъ былъ въ это время князь Ѳедоръ Даниловичъ или нѣтъ. Г. Ярушевичъ продолжаетъ житіе князя Ѳедора Даниловича до 1441 года, заставляетъ его вмѣстѣ съ Носомъ освобождать Свидригайла изъ Кременецкаго замка въ 1420 (1418 г.?) и сражаться за него съ поляками, быть посаженнымъ въ тюрьму отъ Свидригайла по несправедливому подозрѣнію и т. д. Онъ не соглашается съ Левицкимъ и Вольфомъ, которые считаютъ князя Ѳедора, сторонника Свидригайла, княземъ Несвицкимъ. По его словамъ, Левицкій и Вольфъ называютъ его такъ произвольно, не приводя основаній. На повѣрку, однако, выходитъ, что правы Вольфъ и Левицкій, а не г. Ярушевичъ. Свидригайла изъ Кременца освобождалъ не Ѳедоръ Да-

---

[1]) Акты Южн. и Западн. Россіи, I, № 17, 20.

Библиотека "Руниверс"

ниловичъ Острожскій, а князь Дашко Ѳедоровичъ Острожскій, вѣроятно, его сынъ [1]). Левицкій и Вольфъ называютъ князя Ѳедора, сторонника Свидригайла, Несвицкимъ потому, что такъ называютъ его *акты*, на которые и ссылаются названные ученые. Эти акты помѣщены въ изданіяхъ, которыя г. Ярушевичъ внесъ въ перечень своихъ источниковъ и пособій (Scarbieć dyplomatów, Zbiór dyplomatów Krupowicza), и можно только удивляться, какимъ образомъ г. Ярушевичъ, вступая въ полемику, отнесся такъ невнимательно къ оспариваемымъ положеніямъ и не предпринялъ документальной провѣрки ихъ. Точно также непонятно, почему г. Ярушевичъ рѣшился отвергать существованіе другаго князя Ѳедора, и именно Острожскаго, жившаго одновременно съ указаннымъ Ѳедькомъ Несвицкимъ, когда Вольфъ опять-таки документально доказалъ, что такой князь былъ, и что этотъ князь былъ товарищемъ по приключеніямъ извѣстнаго князя Сигизмунда Корибутовича [2]). Вообще нельзя сказать, чтобы г. Ярушевичъ внимательно знакомился съ содержаніемъ книги г. Вольфа. Въ дополненіе къ приведеннымъ доказательствамъ укажу еще на одинъ примѣръ. Высказавъ предположеніе о томъ, что князь Даніилъ Острожскій участвовалъ въ борьбѣ Либарта Гедиминовича съ Казимиромъ за Волынь въ 1349—1350 г., г. Ярушевичъ говоритъ далѣе: „но въ 1366 году мы его уже не видимъ, ибо, по договору Любарта съ Ольгердомъ, первый остается леннымъ владѣтелемъ, между прочимъ, и Острога". Но у Вольфа какъ разъ констатируется, что князь острожскій Даніилъ былъ живъ въ 1366 г. Вольфъ ссылается на тотъ же самый документъ, который неизвѣстно для чего поставленъ и г. Ярушевичемъ въ примѣчанія къ вышеприведенной фразѣ. Этотъ документъ издатели „Архива Сангушковъ" справедливо относятъ къ 1366 г. [3]); если же г. Ярушевичъ не согласился съ ними, онъ долженъ былъ бы опровергнуть ихъ въ примѣчаніи.

Свою родословную таблицу князей Острожскихъ г. Ярушевичъ рекомендуетъ предпочтительно предъ таблицами Вольфа, Бонецкаго и другихъ, какъ основанную на первоисточникахъ. Таблицы Вольфа и Бонецкаго онъ относитъ къ категоріи или неправильныхъ, или неполныхъ, или запутанныхъ. Но себѣ самому составитель предлагаетъ

---

[1]) Лѣтопись великихъ князей литовскихъ, стр. 48.

[2]) Kniaziowie Litewsko-rusey, str. 344.

[3]) Срав. *П. А. Иванова* Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка, стр. 244—246. Одесса. 1895.

Библиотека "Руниверс"

вѣрить на слово, ибо приводитъ только одну ссылку на первоисточникъ, совершенно не вскрывая своей черновой работы. Мы уже видѣли степень аккуратности и внимательности г. Ярушевича въ обращеніи съ первоисточниками. А посему и за таблицею его не можемъ признать никакого научнаго значенія, разъ она не оправдана ссылками на „первоисточники". Мало того, сличеніе ея съ таблицами Вольфа и Бонецкаго, дѣйствительно основанными преимущественно на первоисточникахъ и оправданными ссылками, приводитъ къ убѣжденію, что таблица г. Ярушевича по справедливости можетъ быть названа и неполною, и неправильною, и запутанною. Выше было указано на пропускъ князя Ѳедора Острожскаго, соратника Сигизмунда Корибутовича. Но даже, если считать этотъ пропускъ за выраженіе особаго мнѣнія автора, все равно нельзя оправдать пропускъ жены князя Василія Ѳедоровича — Агаѳьи, дочерей извѣстнаго ревнителя православія князя Константина Константиновича — Елизаветы и Александры, женъ его сына Януша—Суванны, Екатерины и Теофилы, дочери князя Кузьмы Заславскаго—Анны, вышедшей замужъ за князя Ивана Ѳедоровича Чорторыйскаго, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, относительно которыхъ, какъ это явствуетъ по ссылкамъ Вольфа и Бонецкаго, имѣются *актовыя свѣдѣнія*, а не только родословныхъ и помянниковъ. Князь Юрій Заславскій по родословной г. Ярушевича является сыномъ совершенно неизвѣстнаго князя Семена Ѳедоровича, тогда какъ акты называютъ его Юрьемъ Васильевичемъ, сыномъ извѣстнаго Василія Ѳедоровича Острожскаго, дѣда князя Константина Ивановича [1]). Сказаннаго, думаю, достаточно для того, чтобы судить, насколько можно довѣряться родословной г. Ярушевича, основанной яко бы на первоисточникахъ.

Теперь разсмотримъ, что даетъ книга г. Ярушевича относительно государственныхъ дѣяній, служебной карьеры и земельныхъ пріобрѣтеній кн. Константина Ивановича. Сличеніе относящихся сюда мѣстъ этой книги съ книгою Вольфа показываетъ, что г. Ярушевичъ большею частью повторяетъ Вольфа, стараясь только избѣгать сухости и краткости изложенія послѣдняго. Это стремленіе г. Ярушевича къ живости и полнотѣ нерѣдко переходитъ въ игру фантазіи. Вольфъ, напримѣръ, излагаетъ коротко содержаніе актовъ, въ которыхъ первоначально упоминается кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій. Акты эти относятся къ имущественнымъ сдѣлкамъ князей Михаила и Кон-

---

[1]) См., напримѣръ, Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków, I, № LXVI.

Библиотека "Руниверс"

стантина Острожскихъ. Это даетъ поводъ г. Ярушевичу сочинить слѣдующее: „Первое воспитаніе онъ получилъ подъ руководствомъ отцовскихъ бояръ и, отчасти, старшаго своего брата Михаила. Сохранившіяся свидѣтельства о жизни Константина Ивановича въ этотъ періодъ говорятъ преимущественно объ экономическихъ сдѣлкахъ: судя, по ихъ характеру, воспитатели молодыхъ князей выполняли только планы умершаго отца ихъ" (стр. 51). Но откуда все это? Быть можетъ, князей и не бояре воспитывали, а мать и родные; быть можетъ, князья Михаилъ и Константинъ были погодки или близнецы, а кн. Константинъ былъ умнѣе и энергичнѣе Михаила, такъ что не Михаилъ его воспитывалъ, а онъ Михаила; затѣмъ: изъ того, что кн. Иванъ Васильевичъ пріобрѣталъ и дѣти его пріобрѣтали, не слѣдуетъ, что воспитатели дѣтей спеціально обучали ихъ этому искусству и тѣмъ выполняли какіе-то „планы" отца... Съ большою неохотою вдаемся мы въ этотъ анализъ. Но, что же дѣлать, если подобнымъ творчествомъ наполнена значительная часть книги г. Ярушевича. Съ цѣлью подборки характерныхъ подробностей г. Ярушевичъ по временамъ дѣлаетъ самостоятельныя экскурсіи въ источники, на которые ссылается Вольфъ, но при этомъ нерѣдко извлекаетъ изъ нихъ то, чего въ нихъ совсѣмъ нѣтъ, или о чемъ говорится совершенно не такъ, какъ повѣствуетъ г. Ярушевичъ. До такой степени увлекаетъ его полетъ собственной фантазіи. Въ 1487 году князья Михаилъ и Константинъ Острожскіе, по словамъ автора, дали въ держанье имѣніе Межирѣчье семейству Чапличей, „очень дорожившихъ своею связью съ Острогомъ", подъ условіемъ военной земской службы. „Въ договорѣ Острожскихъ съ Чапличами,—утверждаетъ г. Ярушевичъ,—характерно то обстоятельство, что обѣ стороны сохраняютъ обязательства отцовъ, не смотря на очевидную ихъ невыгоду для обѣихъ сторонъ" (стр. 52). Пригласивъ читателя сравнить этотъ договоръ съ договоромъ кн. Ивана Васильевича съ отцомъ Чапличей, г. Ярушевичъ съ своей стороны указываетъ: „Чапличъ, промѣнивая свой дворъ Гольче на Межирѣчье, приплачиваетъ Ивану Васильевичу 30 копъ грошей и обязуется служить „до живота"; дѣти его ничего не приплачиваютъ, но обязуются служить цѣлою семьею" (прим. 76). Едва ли при какомъ либо усиліи воображенія возможно постигнуть на этомъ сопоставленіи, что князья Острожскіе и Чапличи заключали обоюдно невыгодный договоръ. Если же читатель въ недоумѣніи по поводу всего обратится къ источникамъ, на которые ссылается авторъ, онъ найдетъ въ нихъ да-

Библиотека "Руниверс"

леко не то, что говоритъ авторъ. Оказывается, что не Чапличъ приплачивалъ кн. Ивану Васильевичу, а князь Иванъ — Чапличу. По смерти Чаплича, отъѣзжавшаго отъ кн. Ивана Васильевича и тѣмъ нарушившаго договоръ, князья Михаилъ и Константинъ „припустили" его вдову и дѣтей къ имѣнью Межирѣчу и отдали имъ это имѣнье не въ держанье, а „вечно, непорушно" имъ самимъ и ихъ потомкамъ. „А пани Ескова Чаплича, — написали князья въ своей грамотѣ,—мает нам с того имеия служити и дѣти ее и унучата ее мают нам с того имеия служити вечисто" [1]). Это не значитъ, конечно, что Чапличи должны служить цѣлою семьею, а значитъ только то, что съ имѣнья должны служить всѣ, кто будетъ владѣть имъ на будущее время. Г. Ярушевичъ, держась ближе къ тексту акта, могъ бы извлечь изъ него гораздо болѣе для своей проникнутой теплымъ чувствомъ характеристики своего героя. Но онъ предпочелъ прямымъ свидѣтельствамъ акта какія-то совершенно непонятныя соображенія. Упомянувъ о покупкѣ князьями Острожскими „закладнымъ правомъ" имѣнья Тороканова, г. Ярушевичъ говоритъ: „Покупка эта замѣчательна по гуманности условій въ тотъ отдаленный періодъ времени, обычно считаемый періодомъ грубости и необразованности. Такъ, всѣмъ тяглымъ продаваемаго Тороканова предоставляется право ухода изъ имѣнья и наоборотъ — право осѣсть въ имѣньѣ подъ условіемъ внесенія владѣльцамъ одной копы грошей" (стр. 52, 53). Въ данномъ случаѣ стремленіе къ идеализаціи своего героя заставило г. Ярушевича увидать въ актѣ то, чего тамъ нѣтъ. Актъ, на который ссылается г. Ярушевичъ,—„сознанье" пана Гриба Ивешеневича въ „запродажѣ" имѣнья Тороканова кн. Острожскимъ. Такъ какъ „запродажа" предполагаетъ выкупъ, то на случай этого выкупа въ актъ и вносится слѣдующій договоръ о крестьянахъ: „А люди, которыи осадит княз Михайло и княз Костентин Иванович Острозскии на том имени, ино которыи усхотятъ осести у том имени, тыи мают дати князем их милости по копе грошей выходу; а которыи люди усхотят поити ис того села за князя Михаила и за князя Костентина Ивановичовъ Острозских, тыи мают пойти доброволно, а тотъ их не мает забавляти нивчемъ, кто мает тое имене выкупати" [2]). Въ чемъ тутъ можно усмотрѣть гуманность по отношенію къ крестьянамъ? Вѣдь право осѣсть въ имѣньѣ или уйдти предоставляется здѣсь не всѣмъ

[1]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXIV, XC.
[2]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków, I, № CXII.

Библиотека "Руниверс"

крестьянамъ, а „вольнымъ похожимъ“ людямъ, которыхъ осадятъ князья на имѣньѣ. Актъ и не крестьянскіе интересы собственно имѣетъ въ виду, а интересы князей Острожскихъ. Вышеприведенная оговорка имѣетъ въ виду вознагражденіе кн. Острожскимъ за трудъ и издержки „по осадѣ“ крестьянъ, и стоитъ эта оговорка вслѣдъ за условіемъ объ уплатѣ вознагражденія кн. Острожскимъ за „наклады“ на имѣнье при выкупѣ его.

Я не буду разбирать всѣ подробности біографіи кн. Константина Ивановича, подобныя только что приведеннымъ. Ихъ такъ много въ книгѣ г. Ярушевича, что такой разборъ былъ бы утомительною и непроизводительною затратою времени и рецензента, и читателей. Въ добавленіе къ вышеприведеннымъ остановлюсь на болѣе существенныхъ, и при томъ такихъ, по которымъ авторъ высказывается категорически.

На стр. 117, 123 и 124 г. Ярушевичъ даетъ оригинальное, но совершенно невѣрное, объясненіе тому факту, что кн. Константинъ Ивановичъ именуется въ актахъ „паномъ Виленскимъ“ ранѣе, чѣмъ онъ получилъ привилей на этотъ чинъ. „Въ началѣ 1510 г.,—говоритъ г. Ярушевичъ,—умеръ кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій, и мѣсто „пана Виленскаго“ освободилось. Впредь до общаго сейма офиціально нельзя было замѣстить этого почетнаго, второго по высотѣ, уряда, и король на свою отвѣтственность, *частнымъ образомъ*, отдалъ его кн. Острожскому,... далъ отъ себя лично, безъ рады, такъ что Острожскій не пользовался правами „пана Виленскаго“. Только черезъ два года, когда побѣда при Вишневцѣ давала сильное тому основаніе, король издалъ универсалъ (Вильна, 21-го сентября 1513 г.) о назначеніи гетмана за великія заслуги въ борьбѣ противъ Москвы и татаръ паномъ Виленскимъ „pleno et perpetuo jure“, при чемъ подъ универсаломъ подписалась вся рада“. Все это объясненіе грѣшитъ, во-первыхъ запутанностью, а, во-вторыхъ, фактическою невѣрностью. Сначала выходитъ, что король не могъ дать Острожскому званіе пана Виленскаго безъ сейма, а изъ послѣдующаго изложенія явствуетъ, что для этого требовалось только согласіе рады. Ни то, ни другое, однако, не вѣрно. Пожалованье „въ лавицу рады“ всегда было правомъ господаря, которымъ онъ не дѣлился ни съ сеймомъ, ни съ радою. Компетенція сейма въ разсматриваемое время признавалась только въ двухъ вопросахъ внутренняго управленія — въ „ухвалѣ“ серебщины на военныя издержки и въ опредѣленіи размѣровъ военной службы, съ какимъ „почтомъ“ ратниковъ должны

Библиотека "Руниверс"

выѣзжать на войну землевладѣльцы [1]). Что касается рады, то ея участіе въ раздачѣ должностей было опредѣлено въ земскомъ привилеѣ 1492 года такимъ образомъ: господарь раздаетъ по совѣту съ панами-радою пограничные замки въ держанье; остальныя державы раздаются господаремъ ad promotionem palatinorum, которые также были членами рады; наконецъ, уряды и державы не отнимаются безъ совѣта съ радою [2]). Здѣсь нѣтъ и рѣчи о вызвышеніи въ лавицу рады или въ предѣлахъ оной, и право господаря выбирать себѣ совѣтниковъ и приближать ихъ къ себѣ въ большей или меньшей степени оставалось незыблемымъ. Поэтому господарю вовсе не было надобности „частнымъ образомъ", „отъ себя" жаловать кн. Острожскаго званіемъ пана Виленскаго, когда онъ всегда могъ сдѣлать это офиціально, и дѣйствительно сдѣлалъ, ибо кн. Острожскій въ офиціальныхъ документахъ именуется паномъ Виленскимъ [3]). Но почему же съ этимъ именемъ онъ является ранѣе, чѣмъ выданъ ему привилей на званіе пана Виленскаго? Дѣло объясняется очень просто. Пожалованья сначала сказывались устно въ присутствіи членовъ рады и урядниковъ земскихъ и дворныхъ, какіе въ данное время были въ сборѣ при господарѣ; если же происходилъ сеймъ, тогда пожалованья объявлялись на сеймѣ. Объявленіе дѣлалъ обыкновенно *маршалокъ земскій*. Послѣ того уже выдавался дипломъ на пожалованное званіе. Между этими двумя моментами проходилъ извѣстный промежутокъ времени [4]). Въ настоящемъ случаѣ великокняжеская канцелярія не торопилась изготовленіемъ диплома, потому что пожалованье кн. Острожскаго, очевидно, было объявлено на Брестскомъ сеймѣ, и вездѣ такимъ образомъ уже должны были знать, въ какомъ

---

[1]) Акты Зап. Россіи, II, № 12; Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. I.

[2]) Zbiór praw litewskich, str. 63. Poznań, 1841.

[3]) Акты Зап. Россіи, II, № 102.

[4]) Въ привилеѣ, выданномъ пану Миколаю Криштофу Радзивилу на маршалковство дворное (20-го іюня 1569 г.), читаемъ между прочимъ: Quamobrem cum post ascensum Magnifici Eustachii Wołowicz Magni Ducatus Lithuaniae vice cancellarij et Marschalci curiae nostrae ad ampliorem castellanatum Trocensem gradum, Marschalcatus curiae nostrae Magni Ducatus Lithuaniae vaccaret, hic nobis occurrebat, cum illum hoc tempore mandandum arbitraremur. *Quod quidem paulo ante publice viva voce per Magnificum Ioannem Chodkiewicz Capitaneum Samogitiae et Magni Ducatus Lithuaniae suppremo Marschalco fecimus* et nunc hisce literis nostris facimus" (Литовск. Метр. кн. публич. дѣлъ, VIII, л. 62). См. то же самое въ привилеѣ на урядъ крайчаго, выданномъ тогда же Яну Кишкѣ (тамъ же, л. 64).

Библиотека "Руниверс"

званіи состоитъ кн. Константинъ Ивановичъ. Напрасно г. Ярушевичъ утверждаетъ, что на дипломѣ подписалась вся рада. Въ дипломѣ только *перечислены* паны рада, присутствовавшіе при совершеніи акта, и такой порядокъ соблюдался вообще по отношенію къ документамъ; подписывались же только господарь (на болѣе важныхъ документахъ) и писарь.

Незнаніе порядка назначенія на уряды породило цѣлый рядъ недоразумѣній въ объясненіяхъ, которыя г. Ярушевичъ далъ относительно назначенія кн. Константина Ивановича воеводою Троцкимъ. Здѣсь онъ также говоритъ о томъ, что этотъ вопросъ долженъ былъ рѣшиться на Гродненскомъ вольномъ сеймѣ 1522 г. (стр. 162); говоритъ о томъ, что король еще до сейма назначилъ его на эту должность, каковое самоуправство и вызвало оппозицію рады; эта оппозиція и послужила де зерномъ, изъ котораго и выросла извѣстная легенда Кояловича о противодѣйствіи литовскихъ пановъ по поводу назначенія въ раду схизматика (стр. 165). Г. Ярушевичъ подвергаетъ критикѣ это сказаніе, и насколько онъ развиваетъ въ ней доводы преосвященнаго Макарія, критика является сильною. Но собственныя соображенія автора ничего не вносятъ въ дѣло положительнаго и обогащаютъ книгу только новыми фактическими неточностями. Такъ, онъ отвергаетъ извѣстіе Кояловича между прочимъ на томъ основаніи, что въ этомъ извѣстіи говорится о сенаторскомъ достоинствѣ, котораго въ Литвѣ будто бы не было до 1562 (почему взятъ этотъ годъ, совершенно неизвѣстно; тутъ опять какое-то недоразумѣніе). „Историкъ-іезуитъ, — говоритъ г. Ярушевичъ, — забылъ, а, быть можетъ и не зналъ, что рада во многомъ отличалась отъ сената, котораго въ Литвѣ *не было* до 1562 года. Въ сенатъ не входили напримѣръ, старосты, подчашіе, королевскіе секретари и т. п., очень часто составлявшіе раду короля въ нашъ періодъ“ (стр. 167). Въ словахъ г. Ярушевича вѣрно только то, что составъ рады въ разсматриваемое время и ранѣе отличался нѣсколько отъ состава рады, какъ онъ сложился ко времени Люблинской уніи. Но учрежденіе въ сущности оставалось одно и то же и какъ до 1562, такъ и послѣ именовалось радою, а не сенатомъ [1]). Если же Кояловичъ говоритъ о „сенаторскихъ“ должностяхъ, такъ это просто потому, что пользуется терминами своего времени для обозначенія фактовъ прошлаго,

---

[1]) См., напримѣръ, Акты Зап. Россіи, III, № 34, 43; Статутъ 1566 г.

Библиотека "Руниверс"

ибо литовская рада, какъ извѣстно, вошла въ составъ сената соединенныхъ на Люблинскомъ сеймѣ Польши и Литвы.

Есть основаніе думать, что въ сказаніи Кояловича вообще большая доля истины, чѣмъ допускаетъ преосвященный Макарій и по его слѣдамъ г. Ярушевичъ. Въ январѣ 1522 года умеръ воевода виленскій панъ Миколай Миколаевичъ Радивилъ. По установившемуся значенію должностей и порядку ихъ мѣстъ въ лавицѣ рады освободилось первое мѣсто. На это мѣсто по заслугамъ слѣдовало сѣсть князю Острожскому, который и безъ того занималъ второе мѣсто въ званіи пана Виленскаго, а на его мѣсто долженъ былъ перейдти панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, занимавшій третье мѣсто—воеводы Троцкаго. Но кто такой былъ этотъ Альбрехтъ Мартиновичъ? Это былъ самый крупный землевладѣлецъ въ государствѣ, на основаніи сеймовой ухвалы 1528 г. выставлявшій въ поле 466 ратниковъ, на 40 человѣкъ болѣе самого кн. Константина, выставлявшаго 426 ратниковъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ вліятельнѣйшій человѣкъ какъ по своимъ личнымъ качествамъ — уму и образованности, такъ и по семейнымъ связямъ: по матери онъ былъ въ родствѣ съ князьями Гольшанскими, по бабкѣ съ кн. Трабскими, по сестрѣ въ свойствѣ съ Радзивилами и т. д. Большая часть его имѣній лежали въ Виленскомъ воеводствѣ [2]), и потому, какъ самый крупный панъ-землевладѣлецъ этого воеводства, онъ и въ своихъ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ литовскихъ пановъ былъ болѣе подходящимъ кандидатомъ на постъ воеводы виленскаго, чѣмъ самый крупный изъ волынскихъ князей [3]). Кромѣ того, ему, какъ великому стяжателю богатствъ [4]), не могла нравиться перспектива перейдти на болѣе высшее, но бездоходное мѣсто пана Виленскаго (званіе пана Виленскаго возвышало только въ радѣ господарской), и потому естественно, что онъ могъ заявить притязаніе на воеводство Виленское. Весьма возможно, что по этому поводу Сигизмунду пришлось выдержать цѣлый натискъ Гаштольда, его родни и пріятелей, при чемъ въ разгарѣ борьбы и могло быть пущено въ ходъ архивное оружіе—Городельскій земскій привилей. Что Гаштольдъ былъ великимъ зна-

---

[1]) Литовск. Метр. кн. Публ. дѣлъ, I, л. 1.

[2]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 114—116, 118, 119.

[3]) Ср. тамъ же, стр. 102, 202, 203 и др.

[4]) *Boniecki*ego Poczet rodów, str. 57, 58.

Библиотека "Руниверс"

токомъ подобныхъ документовъ, на это указываетъ сочиненная имъ похвала Сигизмунду I, гдѣ онъ говоритъ цѣлыми фразами изъ этого привилея [1]). Въ этомъ столкновеніи господаря съ своею радою нельзя видѣть проявленіе религіозной нетерпимости, которою литовскіе паны вообще не страдали, а проявленіе извѣстной національной обособленности Литвы и стремленіе къ ея поддержанію, противодѣйствіе нивеллирующему и ассимилирующему вліянію обще-государственной власти. Сигизмундъ рѣшилъ такъ, что могъ ублаготворить обоихъ: Острожскому онъ далъ доходную должность—воеводство Троцкое, но соединилъ съ нимъ и первое мѣсто въ родѣ, повысивъ, такимъ образомъ, Острожскаго во всѣхъ отношеніяхъ; Гаштольду далъ воеводство Виленское и такимъ образомъ также повысилъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Свое, можно сказать, Соломоново рѣшеніе Сигизмундъ закрѣпилъ тѣмъ, что тому и другому далъ право печататься краснымъ воскомъ и тѣмъ какъ бы поравнялъ обоихъ конкуррентовъ [2]). Такимъ путемъ состоялся компромисъ между національными литовскими стремленіями и общегосударственными требованіями.

Чтобы покончить съ разбираемою частью книги г. Ярушевича, укажемъ еще на *нѣкоторыя характерныя особенности его архивныхъ ссылокъ*. Даже и въ этихъ ссылкахъ онъ повторяетъ Вольфа, не замѣчая неодинаковости принятой Вольфомъ системы ссылокъ, вслѣдствіе чего ставитъ невѣрныя показанія или повторяетъ одно и то же показаніе въ одной ссылкѣ. Дѣло въ томъ, что Вольфъ, извлекая архивные матеріалы, помѣчалъ ихъ иногда нумерами страницъ, иногда нумерами листовъ той или другой книги Литовской Метрики. Такъ, выдержки изъ VI книги записей помѣчены у него нумерами страницъ, а выдержки изъ VIII, IX и XII книги записей нумерами листовъ. Г. Ярушевичъ, повторяя ссылки Вольфа, въ цыфрахъ, не дѣлаетъ различія между страницами и листами и указываетъ, какъ страницы—листы, давая такимъ образомъ невѣрныя показанія относительно книгъ VIII, IX, XII. Иногда наоборотъ—страницы VI книги обозначаетъ, какъ листы (прим. 115). Въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Ярушевичу приходится брать ссылку изъ другихъ книгъ, гдѣ помѣтка идетъ на листы (напримѣръ, изъ моей книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства"), онъ превращаетъ листы въ страницы. Такъ, напримѣръ, об-

---

[1]) Zbiór praw litewskich, str. 92—95.

[2]) Poczet rodów, str. 58; Kniaziowie Litewsko-ruscy, str. 350.

Библиотека "Руниверс"

стоитъ у него дѣло по отношенію къ подтвердительному привилею. выданному кн. Константину Ивановичу на имѣнье Шепле. Въ моей книгѣ этотъ привилей помѣченъ такимъ образомъ: Литовск. Метр. кн. Запис. VI, л. 103 (стр. 219). Г. Ярушевичъ ставитъ: Литовск. Метр. кн. Запис. VI, 103. Но такъ какъ и у Вольфа есть помѣтка этого документа: Литовск. Метр. кн. Запис. VI, 206. — г. Ярушевичъ беретъ и его помѣтку и ставитъ: Литовск. Метр. кн. Запис. VI, 103, 206, и къ невѣрному показанію присоединяется ненужное повтореніе. Все это можно объяснить только тѣмъ, что г. Ярушевичъ обращался къ книгамъ Литовской Метрики съ готовымъ текстомъ своей книги въ рукахъ и со ссылками на ихъ листы и страницы, выбранными изъ чужихъ изслѣдованій, съ цѣлью провѣрки и возможнаго пополненія архивныхъ данныхъ. Противъ провѣрки и дополненій, разумѣется, ничего нельзя сказать по существу. Но г. Ярушевичу не слѣдовало бы оставлять въ своей книгѣ чужихъ ссылокъ, а прямо указывать труды, откуда онъ почерпалъ фактическія данныя, давая собственныя архивныя показанія тамъ, гдѣ его предшественниками сдѣланы упущенія или неполныя и неправильныя извлеченія. Книга въ смыслѣ работы по первоисточникамъ отъ того только бы выиграла. Но совершенно непонятно, зачѣмъ г. Ярушевичъ ссылается на акты напечатанные и одновременно безъ всякой нужды на листы книгъ Литовской Метрики, откуда эти акты извлечены (напримѣръ, въ прим. 513, 516)?

Теперь разсмотримъ тѣ части книги, гдѣ выставляются услуги кн. Константина Ивановича православію, и прежде всего остановимся на пожертвованіяхъ въ пользу монастырей и церквей. И по этой части мы находимъ въ книгѣ г. Ярушевича почти только повтореніе того, что есть у преосвященнаго Макарія и отчасти у г. Вольфа. Здѣсь замѣчаются только двѣ новости: во-первыхъ, упоминаніе о пожертвованіи кн. Константиномъ Ивановичемъ Дерманскому монастырю рукописи поученій патріарха Калликста (стр. 82); во-вторыхъ, исправленіе хронологической даты фундуша, выданнаго Смолевичской церкви (стр. 183).

Что касается моральныхъ услугъ князя Константина Ивановича православію, то по этой части г. Ярушевичъ не столько повторяетъ. сколько утрируетъ то, что есть у преосвященнаго Макарія. Макарій очень точно обозначаетъ услуги князя православію, руководясь прямыми указаніями источниковъ. По его разказу, услуги эти сводятся къ слѣдующему: 1) князь Константинъ Ивановичъ стоялъ во главѣ

Библиотека "Руниверс"

православныхъ князей и пановъ, выпросившихъ у Сигизмунда подтвержденіе правъ и узаконеній православной церкви въ 1511 году (стр. 175, IX томъ); 2) облегчилъ положеніе православныхъ въ Галиціи, которымъ король, по его ходатайству, далъ разныя льготы (стр. 205, 206); между прочимъ, по его ходатайству, король освободилъ монастырь св. Онуфрія, состоявшій подъ покровительствомъ львовскаго братства, отъ платежа чинша въ 24 гроша (стр. 217). 3) По ходатайству князя Константина Ивановича, король подтвердилъ въ 1522 году грамоту своего брата, чтобы міряне въ Пинской епархіи не строили церквей и монастырей безъ воли владыки, не мѣшались въ церковные суды и другія духовныя дѣла (стр. 218). Преосвященный Макарій не отступаетъ далеко отъ источниковъ, и это вполнѣ понятно. Нельзя усматривать руку князя Константина Ивановича тамъ, гдѣ ея не видно, и всѣ милости, оказанныя православію со стороны короля и частныхъ лицъ, относить на его счетъ: во-первыхъ, были вліятельные ревнители православія и помимо князя Константина; во-вторыхъ, и настроеніе литовскаго католическаго правительства по обстоятельствомъ времени было благопріятное по отношенію къ православнымъ (стр. 201, 202). Но г. Ярушевичъ въ данномъ случаѣ поступаетъ иначе, вслѣдствіе чего получаются натяжки, противорѣчія, произвольныя гипотезы, и общая оцѣнка моральныхъ услугъ князя православію выходитъ неясною, неопредѣленною и въ то же время сильно преувеличенною.

Упомянувъ о томъ, что со времени возвращенія изъ плѣна князь Острожскій все выше и выше поднимался по ступенямъ служебной іерархіи, г. Ярушевичъ говоритъ: „вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе его сильнѣе и сильнѣе сказывается въ постепенномъ улучшеніи положенія западно-русскихъ православныхъ, устроеніи церкви, умноженіи храмовъ и увеличеніи юридическихъ прерогативъ православнаго духовенства. Ближайшими помощниками Константина Ивановича въ этомъ дѣлѣ были постепенно выдвигающіеся русскіе дѣятели, начиная съ Елены Ивановны митрополита Іосифа Солтана, Александра Ивановича Ходкевича и Богуша Боговитиновича, кончая мелкими служилыми дворянами и земянами“ (стр. 111). Выходитъ, такимъ образомъ, что князь Константинъ Ивановичъ былъ иниціаторомъ и главнымъ устроителемъ церкви, при чемъ даже митрополитъ стоялъ на второмъ планѣ. Князь Острожскій, по словамъ г. Ярушевича, стоялъ во главѣ православныхъ, испросившихъ у короля подтвержденіе правъ православной церкви на Брестскомъ сеймѣ 1511 года. Благодаря хло-

Библиотека "Руниверс"

потамъ, просьбамъ и ходатайствамъ князя Острожскаго, по словамъ г. Ярушевича, „было твердо установлено юридическое положеніе православной церкви, до него находившейся въ весьма неопредѣленномъ положеніи“ (стр. 219). Всѣ эти утвержденія отзываются, однако, сильнымъ преувеличеніемъ. Въ грамотѣ, подтверждающей права православной церкви, читаемъ: „Били намъ чоломъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Руси Іосифъ и епископы, которые суть подъ митрополіею Кіевскою и всея Руси, также съ ними и гетманъ нашъ, староста Луцкій и Бреславскій и Веницкій, маршалокъ Волынскоѣ земли князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій и иныи князи и панове Греческого закону“ [1]). Ясное дѣло, что инициатива челобитья вышла отъ лица высшаго духовенства, какъ это и естественно. Духовенство воспользовалось сборомъ вліятельныхъ православныхъ князей и пановъ, чтобы получить поддержку своему челобитью. Изъ всѣхъ православныхъ князей и пановъ самымъ сановнымъ и вліятельнымъ былъ князь Острожскій, который и сталъ во главѣ другихъ свѣтскихъ лицъ при подачѣ челобитья. Чтобы отступить отъ такого пониманія свидѣтельства грамоты, необходимо имѣть прямыя указанія, что инициатива челобитья вышла отъ князя Острожскаго, а разъ этихъ указаній нѣтъ, мы не имѣемъ права ставить князя Острожскаго на первомъ планѣ. Преувеличивъ роль князя Острожскаго, г. Ярушевичъ преувеличиваетъ и значеніе подтвердительной грамоты, выданной православной церкви въ 1511 году. Онъ соглашается, что грамота эта „почти ничѣмъ не разнится отъ грамоты 1499 г.“. „Но важно, — говоритъ онъ, — что вновь, и притомъ серьезною властью общаго сейма, подтверждались права митрополичьяго суда и всѣ права православной церкви“ (стр. 119). Все это—только одно недоразумѣніе: грамота выдана королемъ на сеймѣ, но не властью сейма, которая не простиралась въ данное время на такіе предметы.

Г. Ярушевичъ приписываетъ возвышенію князя Острожскаго общее улучшеніе „русскаго дѣла“ въ промежутокъ времени между 1508 и 1514 годами. „Цѣлый рядъ фактовъ, — говоритъ онъ, — заставляетъ насъ утверждать, что взаимоотношеніе между служебнымъ возвышеніемъ Константина Ивановича и общимъ улучшеніемъ русскаго дѣла было очень тѣсное и сказалось какъ въ наданьяхъ православнымъ со стороны короля, такъ и въ обезпеченіи церквей самими православными“ (стр. 124). Перечисливъ рядъ пожалованій короля православнымъ по

[1]) Акты Зап. Россіи, II, № 65.

Библиотека "Руниверс"

ходатайству или при административномъ участіи князя Острожскаго, г. Ярушевичъ перечисляетъ затѣмъ пожертвованія, сдѣланныя Острожскимъ „и его друзьями" православнымъ церквамъ и монастырямъ. Къ числу этихъ друзей онъ относитъ и короля, который также въ разсматриваемое время сдѣлалъ „многочисленныя наданья" церквамъ и монастырямъ. Такимъ путемъ г. Ярушевичъ думаетъ подтвердить свою мысль о томъ, что даже всѣ чужія пожертвованія—дѣло князя Острожскаго. Но, во-первыхъ, не видно, чтобы всѣ упоминаемыя имъ лица были друзья князя Острожскаго, напримѣръ, Александръ Ивановичъ Ходкевичъ! Во-вторыхъ, неизвѣстно, по чьему [1]) внушенію или примѣру они сдѣлали свои пожертвованія. Предположить, что во всемъ этомъ—заслуга князя Острожскаго, значитъ признать, что всѣ другіе неспособны были къ самостоятельному проявленію своего усердія къ церкви. На это, разумѣется, у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Впрочемъ, самъ г. Ярушевичъ нѣсколько ниже уже ограничиваетъ свое положеніе. „Это оживленіе русскаго дѣла,—говоритъ онъ,—обезпеченіе быта земянъ и духовенства, обезпеченіе церквей и послѣдовательное расширеніе правъ были слѣдствіемъ совмѣстной энергичной дѣятельности четырехъ выдающихся представителей русскаго народа: королевы и великой княгини Елены Ивановны, князя Острожскаго, митрополита Іосифа Солтана и Александра Ходкевича" (стр. 127). Такимъ образомъ Константинъ Ивоновичъ является уже не единственнымъ свѣтиломъ на православномъ горизонтѣ, а въ цѣлой группѣ такихъ же свѣтилъ. Въ другихъ мѣстахъ своей книги г. Ярушевичъ прибавляетъ къ этому созвѣздію и другихъ лицъ, напримѣръ, Богуша Боговитиновича (стр. 127), писарей великокняжескихъ—Ѳедьку Святошу, Ивана Горностая, Ивана Богдановича Сапѣгу, Ивана Андреевича Солтана (стр. 180), митрополита Іосифа III (стр. 174, 175) и современныхъ епископовъ (стр. 191), и тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждаетъ читателя, что нельзя такъ много приписывать князю Острожскому, какъ дѣлаетъ авторъ. Г. Ярушевичъ лучше бы сдѣлалъ, если бы ограничился тѣмъ, что сказалъ на 174 стр. своей книги, со словъ преосвященнаго Макарія: „Вѣрный и преданный сынъ своей церкви, Константинъ Ивановичъ всегда стоялъ на стражѣ православія и благочестія; близость его къ королю и постоянное участіе, какое князь оказывалъ всему церковному, сильно вліяли на общій ходъ и положеніе

---

[1]) См. разказъ г. Ярушевича о столкновеніи Ходкевича съ княземъ Острожскимъ (стр. 198).

Библиотека "Руниверс"

русскаго православнаго дѣла". Но даже и этого въ сущности много. Научная точность заставляетъ и изъ этихъ словъ исключить слова: „всегда", „и благочестія", „и постоянное".

Г. Ярушевичъ преувеличиваетъ не только заслуги князя Острожскаго, но и самое улучшеніе православія, связанное съ его возвышеніемъ. Онъ видитъ это улучшеніе въ фактахъ, которые только съ натяжкою можно подвести подъ эту категорію. Я разумѣю пожалованія имѣній православнымъ людямъ, которыя онъ перечисляетъ въ своей книгѣ. Чтобы увидать здѣсь улучшеніе православія, надо было бы произвести статистическій подсчетъ имѣньямъ, пожалованнымъ въ разное время православнымъ людямъ, сравнить ихъ количество съ количествомъ пожалованій католикамъ и показать, что на разсматриваемое время ихъ падаетъ больше всего. Но разъ такого подсчета и сравненія не сдѣлано, и перечень пожалованій православнымъ людямъ, сдѣланный въ книгѣ г. Ярушевича, ничего въ сущности не доказываетъ. Перечисливъ пожалованія короля православнымъ въ 1522 и 1523 гг., послѣ возведенія князя Острожскаго на первое мѣсто въ лавицѣ рады, г. Ярушевичъ говоритъ: „Ограничиваемся этими фактами, какъ доказательствомъ того, что при Сигизмундѣ въ Литвѣ происходило неслыханное дѣло: не только давалось королевское разрѣшеніе на постройку церквей и даже монастырей, но, что особенно удивительно, король самъ явился фундаторомъ святынь „схизматиковъ" и заботливымъ охранителемъ ихъ интересовъ" (стр. 177). Но изъ книги преосвященнаго Макарія авторъ, казалось бы, могъ узнать, что это дѣло вовсе не было „неслыханнымъ": фундаторомъ схизматическихъ святынь, не говоря уже объ Александрѣ, былъ даже король Казимиръ во дни митрополита Іоны, котораго самъ г. Ярушевичъ не считаетъ уніатомъ.

Изъ дѣйствительныхъ моральныхъ услугъ православной церкви, которыя можно отнести на счетъ князя Острожскаго, г. Ярушевичу сверхъ тѣхъ, которыя указаны у преосвященнаго Макарія, удалось отмѣтить въ сущности только одну—именно то, что по его ходатайству король пожаловалъ Жидичинскому монастырю привилей на учрежденіе общиннаго житія, при чемъ игумена выбираютъ князья, паны и земяне Волынской земли „посполу съ старци того монастыря" (стр. 121). Привилей этотъ, извлеченный изъ литовской метрики, г. Ярушевичъ напечаталъ въ числѣ приложеній къ своей книгѣ (№ 3).

Охарактеризовавъ періодъ 1514—1530 гг., какъ золотой вѣкъ православія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ (стр. 131), г. Яруше-

Библиотека "Руниверс"

вичъ говоритъ: „Причиною этого процвѣтанія служилъ рядъ хорошихъ митрополитовъ и Константинъ Ивановичъ Острожскій, принимавшій участіе во всѣхъ важнѣйшихъ перемѣнахъ въ церковной жизни православныхъ и привлекшій на нее милости Сигизмунда I. Ему и отчасти его сотрудникамъ—Іосифу Солтану, Богушу Боговитиновичу и Александру Ивановичу Ходкевичу, православная церковь обязана всѣмъ въ области правовой, политической, и очень многимъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ" (стр. 200). И это сказано послѣ того, какъ страницею выше г. Ярушевичъ отмѣтилъ дѣйствіе общихъ, болѣе могучихъ факторовъ, создавшихъ процвѣтаніе православія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Объясняя, почему не было пропаганды латинства на Литовской Руси при Сигизмундѣ I, г. Ярушевичъ говоритъ: „Вообще же, сначала войны съ Москвою, затѣмъ опасность отъ протестантства отвлекали вниманіе короля и латинскаго духовенства въ другую сторону" (стр. 201). Войны съ Москвою,—прибавимъ отъ себя,—не только отвлекали вниманіе, но и заставляли литовское правительство оказывать благоволеніе православнымъ подданнымъ великаго княжества Литовскаго, чтобы отвлекать ихъ всячески отъ Москвы, уже выставившей на своемъ знамени православіе и народность. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что католицизмъ въ Польшѣ и Литвѣ, какъ и въ остальной Европѣ, переживалъ тогда періодъ сомнѣній въ истинности своихъ догматовъ и установленій, неуваженія къ папскому авторитету. При такихъ условіяхъ не могла имѣть мѣсто и религіозная пропаганда въ смыслѣ католическаго правовѣрія. Стрыйковскій даетъ очень хорошее указаніе на этотъ переломъ въ религіозной жизни польскаго и литовскаго общества. Разказавъ о разныхъ событіяхъ въ Польшѣ и Литвѣ, случившихся въ 1516 году, Стрыйковскій говоритъ: Tegoż czassu Leo papież, wtóry raz miłościwe lato i odpusty do Polski przysłał, *ale ludzie na papieża jusz w ten czas mało dbać poczęli*, przeto przez dwie lecie w Polszce i w Litwie nie bardzo wielką summę legatowie zgromadzili [1])". На дѣйствіи этихъ общихъ и могучихъ условій времени г. Ярушевичу и слѣдовало бы остановить свое преимущественное вниманіе при объясненіи положенія православія при Сигизмундѣ I, отмѣчая роль личностей настолько, насколько ее показываютъ источники. Тогда, быть можетъ, и заслуги князя Острожскаго не разрослись бы въ его главахъ до такихъ громадныхъ размѣровъ.

---

[1]) Kronika, II, str. 390.

Библиотека "Руниверс"

Теперь скажемъ о приложеніяхъ въ книгѣ г. Ярушевича. Кромѣ уже указанныхъ выше, здѣсь помѣщены: таблица православныхъ, католическихъ и уніатскихъ монастырей и церквей, впервые упоминаемыхъ или вновь построенныхъ въ извѣстное царствованіе; грамота К. И. Острожскому на построеніе Троицкой и Никольской церквей въ Вильнѣ 1514 г. 30-го ноября; грамота Сигизмунда I о возведеніи К. И. Острожскаго въ званіе воеводы Троцкаго 1522 г. 25-го марта; списки должностныхъ лицъ Литовско-Русскаго государства за періодъ 1460—1530 гг. съ двумя таблицами, содержащими распредѣленіе ихъ по вѣроисповѣданіямъ за извѣстные промежутки времени; карта Литовско-Русскаго государства въ періодъ времени 1482—1530 г. съ показаніемъ имѣній князя Острожскаго, православныхъ и католическихъ монастырей и храмовъ, главныхъ дорогъ, татарскихъ шляховъ, путей русскихъ войскъ и походовъ князя К. И. Острожскаго. Всѣ эти приложенія, за исключеніемъ актовъ, представляютъ плоды особой работы автора, которая не показана въ книгѣ, и предлагаются читателямъ на вѣру или на повѣрку. Повѣрка приводитъ къ печальному выводу, что часть этихъ приложеній безполезна въ научномъ отношеніи, а часть даже вредна, ибо можетъ служить источникомъ ошибокъ и недоразумѣній для тѣхъ, кто будетъ черпать отсюда свѣдѣнія. Къ безполезнымъ принадлежитъ статистическая таблица церквей и монастырей. Правда, таблица эта показываетъ, что за время Сигизмунда I упоминается и вновь основано православныхъ церквей и монастырей въ общей сложности больше, чѣмъ при его предшественникахъ. Но никакого вывода о состояніи православной церкви при Сигизмундѣ I сдѣлать отсюда въ сущности нельзя. Вопервыхъ, быть можетъ, многіе изъ упоминаемыхъ впервые при Сигизмундѣ церквей и монастырей построены были гораздо ранѣе. Вовторыхъ, увеличеніе количества ихъ могло стоять въ связи съ ростомъ населенія и внутренней колонизаціи русскаго племени. Списокъ должностныхъ лицъ Литовско-Русскаго государства въ книгѣ г. Ярушевича можно отнести къ вреднымъ приложеніямъ. Списокъ этотъ, по словамъ г. Ярушевича, составленъ по источникамъ (?) и пособіямъ строго научнаго характера и предназначенъ для справокъ и оправданій хронологическихъ поправокъ, сдѣланныхъ г. Ярушевичемъ въ текстѣ книги. Мы не знаемъ, по какимъ источникамъ и пособіямъ работалъ г. Ярушевичъ. Но сопоставляя его списокъ со списками Бонецкаго и Вольфа, дѣйствительно имѣющими строго научный характеръ и притомъ бывшими въ рукахъ автора, мы прихо-

Библиотека "Руниверс"

димъ къ убѣжденію, что списокъ г. Ярушевича не можетъ годиться ни для какихъ справокъ. Вотъ каковъ, напримѣръ, перечень виленскихъ воеводъ въ книгѣ г. Ярушевича: Михаилъ Кезгайловичъ 1459—1470; Олехно Судимонтовичъ 1478 — 1490; Николай Николаевичъ Радивиловича 1492—1521; Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ 1522—1539. По актовымъ указаніямъ, приводимымъ у Бонецкаго и Вольфа, слѣдовало бы: Михаилъ Кезгайловичъ 1459—1476; Олехно Судимонтовичъ 1477—1491; Радивиловичъ Миколай 1491—1509; Радивиловичъ Миколай Миколаевичъ 1510 — 1522; Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ 1522—1539. Такія же неточности и пропуски встрѣчаемъ и въ перечнѣ троцкихъ воеводъ у г. Ярушевича. По Бонецкому и Вольфу, списокъ троцкихъ воеводъ является въ такомъ видѣ: Саковичъ Андрей около 1459 (?); Ивашевичъ (Вяжевичъ?) Ивашко 1460 (?) — 1466 (?); Остиковичъ Радивилъ 1466 — 1477; Судивоевичъ Станко 1478—1480; Гаштольдъ Мартинъ 1480 — 1486; Саковичъ Богданъ Андреевичъ 1486 — 1490; Монтыгирдовичъ Петръ Яновичъ 1491 — 1497; Янъ Юрьевичъ Заберезинскій 1498—1505; Радивилъ Миколай Миколаевичъ 1505—1510; Остикъ Григорій Станиславичъ 1510—1518; Гаштольдъ Альбрехтъ 1519—1522; Острожскій князь Константинъ Ивановичъ 1522—1530. Г. Ярушевичъ въ своемъ спискѣ пропускаетъ Ивашевича, Судивоевича Станька, замѣняетъ Остиковича Радивила какимъ-то Николаемъ Николаевичемъ Радивиломъ, даетъ невѣрныя даты относительно Миколая Миколаевича Радивиловича Младшаго (1505 — 1509), Григорія Станиславича Остиковича (1511 — 1518), Альбрехта Гаштольда (1520—1530). И въ такомъ же родѣ и другіе перечни должностныхъ лицъ въ книгѣ г. Ярушевича. Для насъ остается *прямою загадкою*, какимъ образомъ г. Ярушевичъ, имѣя подъ руками такія пособія, какъ книги Бонецкаго и Вольфа (Senatorowie i dygnitarze W. K. Litewskiego), могъ составить столь неправильный списокъ должностныхъ лицъ. Разумѣется, и составленныя на основаніи этого списка таблицы распредѣленія должностныхъ лицъ по вѣроисповѣданіямъ утрачиваютъ всякое значеніе, тѣмъ болѣе, что авторъ не показалъ, чѣмъ онъ руководился, когда относилъ то или другое лицо къ православнымъ или къ католикамъ, не показалъ, что онъ знаетъ составъ „высшей рады", которая фигурируетъ во второй его таблицѣ. Нисколько не лучше и карта, составленная г. Ярушевичемъ. Въ ней неправильны ни внѣшнія, ни внутреннія границы Литовско-Русскаго государства. Напримѣръ, граница съ Польшею по Западному Бугу проведена отъ Устилуга до Влодавы, тогда какъ въ

Библиотека "Руниверс"

дѣйствительности она отступала здѣсь на востокъ, захватывая къ Польшѣ Ратно и Любомль, уступленные при Казимирѣ. Воеводство Новгородское обведено такими границами, какихъ оно не имѣло ни въ разсматриваемое время, ни до, ни послѣ. Въ составѣ княжества Мстиславскаго показаны Могилевъ, Кричевъ, Пропойскъ и Чичерскъ, бывшіе въ разсматриваемое время господарскими волостями, и т. д., и т. д. Подборъ населенныхъ мѣстъ довольно случайный. Карта вся перечерчена цвѣтными линіями, изображающими всевозможные пути—русскихъ войскъ, князя Константина Ивановича и т. д. Едва ли какое научное примѣненіе могутъ имѣть эти линіи, тѣмъ болѣе, что и проведены онѣ приблизительно, гипотетически; а между тѣмъ эти многочисленныя линіи совершенно лишили карту отчетливости и изобразительности.

Обзоръ книги г. Ярушевича приводитъ къ выводу, что въ ней мы имѣемъ не столько самостоятельное изслѣдованіе, сколько литературную переработку того матеріала, который давали автору его пособія. Будучи обязана подборомъ наиболѣе цѣннаго фактическаго содержанія трудамъ преосвященнаго Макарія и г. Вольфа, а собственнымъ изысканіямъ автора только второстепенными и часто не идущими къ дѣлу подробностями, книга г. Ярушевича не внесла ничего въ пониманіе значенія личности князя Константина Ивановича Острожскаго и его эпохи въ исторіи западно-русскаго православія,—можно сказать даже дала менѣе, чѣмъ предшествующіе труды по этой части (преосвященнаго Макарія и отчасти Чистовича), свободные отъ натяжекъ, преувеличеній и ошибочныхъ сужденій, коими изобилуетъ книга г. Ярушевича. Такой отрицательный результатъ книги объясняется недостаточно внимательнымъ изученіемъ общихъ условій эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, предвзятостью основной идеи и неисполнимостью задачи, которую поставилъ себѣ авторъ — при скудныхъ данныхъ источниковъ написать детальную біографію и точно взвѣсить значеніе личности князя Острожскаго въ исторіи православія. По множеству фактическихъ ошибокъ и неточностей, по оставленнымъ въ примѣчаніяхъ чужимъ ссылкамъ книга г. Ярушевича оставляетъ впечатлѣніе черновой работы, преждевременно попавшей въ печать.

Матвѣй Любавскій.

Библиотека "Руниверс"

Дю-Прель. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. (С.-П. 1895 г. 612 + XIV стр. Цѣна 3 р. 50 коп.).

Появившійся на русскомъ языкѣ переводъ вышеозначеннаго сочиненія, изданный А. Н. Аксаковымъ, своевременно не обратилъ на себя должнаго вниманія, читающей публики. Между тѣмъ, отражая настроеніе извѣстной части современнаго намъ общества и затрогивая вопросы, близкіе всякому человѣку, эта книга заслуживаетъ полнаго интереса, а потому будетъ нелишнимъ произвести, хотя бы теперь, ея краткую оцѣнку.

Еслибы мы захотѣли дать обстоятельную критику сочиненія дю-Преля, то намъ пришлось бы, прежде всего, выдѣлить весь чисто-фактическій матеріалъ, заключенный въ этой книгѣ, и, затѣмъ, посмотрѣть, какимъ образомъ относятся къ нему всѣ выводы автора, то-есть, насколько вынуждаются они данными фактами и насколько обусловливаются лишь извѣстными предпосылками. Но, къ сожалѣнію, обиліе и пестрота приводимыхъ нашимъ авторомъ фактовъ не позволяютъ намъ въ скромныхъ предѣлахъ настоящей статьи, прослѣдить всю его работу шагъ за шагомъ. Поэтому мы ограничимся только общимъ очеркомъ содержанія даннаго сочиненія и указаніемъ его характерныхъ особенностей; ясное и добросовѣстное изложеніе научнаго труда часто является лучшею его критикой.

Вчитавшись въ сочиненіе дю-Преля, нетрудно понять, какіе вопросы волновали ея автора и что собственно хотѣлъ онъ разрѣшить въ своей книгѣ. Это были вѣчные вопросы о возможности познанія сверхчувственнаго, о томъ, что будетъ съ нами послѣ смерти; о значеніи всего, переживаемаго нами теперь. Что такое *я*, и существуетъ ли какой нибудь свехчувственный міръ, такъ или иначе доступный моему познанію? — вотъ основной пунктъ, около котораго вертятся всѣ разсужденія автора. Какъ же онъ разрѣшаетъ свою задачу?

Одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ дю-Преля написать сочиненіе о возможности мистики, несомнѣнно было его очевидное отвращеніе къ матеріализму, который представляется ему настолько же несостоятельнымъ въ теоретическомъ, насколько вреднымъ въ практическомъ отношеніи. Основнымъ заблужденіемъ матеріализма, по мнѣнію автора, служитъ предположеніе, что все дѣйствительное можетъ быть воспринято чувствами. Съ точки зрѣнія дю-Преля, это предположеніе совершенно не выдерживаетъ критики: „только потому, говоритъ онъ, — міръ и представляетъ неразрѣшенную задачу,

Библиотека "Руниверс"

что воспринимаемое и дѣйствительное не покрываютъ другъ друга; еслибы они были тожественны, то для открытія истины потребовалось бы всего на всего нѣсколько столѣтій" (стр. 6). Поэтому „*въ противоположность такому утвержденію матеріализма*" авторъ „Философіи мистики" разсуждаетъ такъ: „какъ существуютъ въ природѣ такія области, которыя незримы нами по недоступности ихъ нашему глазу—напримѣръ, микроскопическій міръ,—такъ есть въ ней и такія области, которыя не существуютъ для насъ по недоступности ихъ нашему организму, взятому во всей его цѣлости" (стр. 7). Эта аналогія невольно вызываетъ вопросъ: если человѣчеству удалось (при помощи телескопа и микроскопа) сдѣлать доступнымъ для зрѣнія прежде недоступный ему міръ, то не можетъ ли оно когда-нибудь дойдти до того, чтобы сдѣлать себѣ доступной и ту область, которая въ настоящее время превышаетъ его чувства? На этотъ вопросъ дю-Прель склоненъ отвѣчать утвердительно. Онъ указываетъ на то, что, согласно гипотезѣ Дарвина, наше сознаніе слѣдуетъ признать еще несовершеннымъ продуктомъ біологическаго развитія (стр. 6), и что въ насъ скрыты прозябающіе въ обыкновенное время и распускающіеся въ исключительныхъ случаяхъ задатки будущихъ нашихъ способностей (стр. 425). Эти способности, при помощи которыхъ человѣку становится доступнымъ совершенно особый, сверхчувственный міръ, обнаруживаются, между прочимъ въ извѣстныхъ явленіяхъ сна и сомнамбулизма, которыя, по мнѣнію дю-Преля, непосредственно вводятъ насъ въ царство мистики. Изъ этого видно, что понятіе „мистическаго" пріобрѣтаетъ у нашего автора своеобразный оттѣнокъ. А именно, онъ обозначаетъ этимъ терминомъ все то, что оказывается недоступнымъ для нашихъ способностей *въ данный моментъ*. Отсюда понятно, что въ концѣ концовъ, желая доказать возможность и необходимость мистики, дю-Прель невольно приходитъ къ ея отрицанію, утверждая, что „на самомъ дѣлѣ мистическихъ явленій не существуетъ въ природѣ, что они таковы только для насъ, и что даже Аристотель, несмотря на всю глубину своего ума, назвалъ бы, вѣроятно, мистикомъ того, кто сказалъ бы ему, что въ XIX вѣкѣ между жителями различныхъ частей свѣта будутъ существовать моментальныя сношенія" (стр. 429).

Такимъ образомъ, какъ можно видѣть изъ только что указанныхъ положеній, книга дю-Преля является выраженіемъ, съ одной стороны, чувства неудовлетворенности матеріалистическимъ принципомъ, не признающимъ никакой другой истины, кромѣ истины чувствен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ объектовъ, а съ другой, — желанія доказать бытіе сверхчувственныхъ предметовъ при помощи такихъ пріемовъ, которые, въ существѣ дѣла, сводятъ понятіе сверхчувственнаго къ тому, что недоступно нашимъ чувствамъ только въ данный моментъ, но можетъ быть воспринято посредствомъ болѣе развитыхъ способностей. Все это станетъ гораздо понятнѣе, если мы поближе разсмотримъ основное положеніе разбираемой книги, то-есть, ученіе дю-Преля „о двойственности человѣческаго существа".

Указавъ на то, что воспринимаемое и дѣйствительное — понятія далеко не тожественныя и что для каждаго живаго организма міръ дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ одна доступна, а другая недоступна его способностямъ, дю-Прель начинаетъ разсматривать содержаніе нашего внутренняго душевнаго міра по аналогіи съ внѣшнимъ, какъ будто бы наше „я" настолько же внѣшній объектъ нашего *самосознанія*, насколько внѣшними являются для нашего *сознанія* всѣ, напримѣръ, видимые предметы. „Какъ міръ, — говоритъ онъ,—составляетъ предметъ сознанія, такъ *я* составляетъ предметъ самосознанія. Подобно тому, какъ сознаніе старается логически пронизать (проникнуть въ?) свой предметъ, такъ и самосознаніе старается сдѣлать то же самое относительно я" (стр. 10). Разъ только эта аналогія признана, то ничего уже не стоитъ допустить существованіе такой области нашего *я* (или нашей души), которая въ настоящее время оказывается недоступною для нашего самосознанія. Это— область, о которой мы обыкновенно ничего не знаемъ, потому что наше обычное внутреннее чувство неспособно воспринять ее. Она подобна микроскопическому міру, недоступному для простаго глаза. Но подобно тому, какъ вооруженный микроскопомъ глазъ можетъ разсматривать такіе предметы, которыхъ нельзя увидѣть безъ оптическихъ стеколъ, такъ и наше самосознаніе, при нѣкоторыхъ исключительныхъ условіяхъ, можетъ проникать въ область „трансцендентальнаго" *я*, совершенно скрытаго отъ насъ въ обыкновенное время. Такими исключительными условіями, по мнѣнію дю-Преля, являются состоянія сна и сомнамбулизма. Авторъ убѣжденъ, что въ этихъ состояніяхъ человѣкъ познаетъ совершенно другую сторону своего *я*, чѣмъ та, съ которою онъ имѣетъ дѣло въ бодрствующемъ состояніи, и что эта другая сторона его *я* есть что-то сверхчувственное и „трансцендентальное". Образы, являющіеся во снѣ, по мнѣнію дю-Преля, до того странны и отличны отъ содержанія бодрственнаго сознанія, что они непремѣнно должны являться изъ области, вполнѣ

Библиотека "Руниверс"

скрытой отъ насъ во время бодрствованія (стр. 27); въ сомнамбулизмѣ обнаруживается чудесный корень нашего *я*, скрытый отъ бодрственнаго сознанія (стр. 41); съ исчезновеніемъ эмпирическаго *я*, является другое *я*, и наоборотъ, подобно тому, какъ съ восходомъ солнца, исчезаютъ для нашего глаза звѣзды, съ заходомъ же его снова являются (стр. 73).

Выше мы отмѣтили тотъ своеобразный смыслъ, который авторъ придаетъ термину „мистическій". Теперь мы видимъ, что и другіе два термина, „эмпирическій" и „трансцендентальный", употребляются дю-Прелемъ тоже въ нѣсколько необычномъ смыслѣ. Именно, эмпирическимъ выраженіемъ *я* онъ считаетъ самосознаніе бодрствующаго субъекта, а трансцендентальнымъ — самосознаніе сомнамбулы и сновидца. „Въ бодрственномъ состояніи, говоритъ онъ, мы ничего не знаемъ о другой сторонѣ нашего существа; эмпирическое самосознаніе не обнимаетъ трансцендентальнаго, но имъ обнимается. Во время сна существуетъ по крайней мѣрѣ отрицательное условіе къ наполненію самосознанія трансцендентальнымъ содержаніемъ, являющимся въ видѣ сновидѣнія" (стр. 76). Это различіе между самосознаніемъ бодрствущаго и спящаго человѣка дю-Прель объясняетъ перемѣщеніемъ во снѣ психофизическаго порога нашего сознанія (стр. 27). Такимъ образомъ, противоположность между эмпирическимъ и трансцендентальнымъ въ концѣ концовъ сводится у дю-Преля къ антитезу того, что превышаетъ и не превышаетъ обычнаго порога нашего сознанія. Это особенно ясно выражается имъ въ слѣдующей характеристикѣ сомнамбулизма: „Сомнамбулизмъ, — говоритъ онъ, — совершенно „новое въ себѣ" и вполнѣ своеобразное явленіе, о которомъ нельзя судить на старый ладъ, а именно по аналогіи съ психическими состояніями человѣка бодрствующаго, уже потому, что въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о душѣ, находящейся подъ порогомъ сознанія, въ послѣднемъ же случаѣ—о душѣ, находящейся надъ нимъ" (стр. 137).

Въ окончательномъ выводѣ разсужденій дю-Преля выступаетъ признаніе двойственной природы человѣка. „Въ явленіи чередованія сна и бодрствованія мы имѣемъ тожество субъекта и различіе лицъ. Значитъ, *мы одновременно граждане двухъ міровъ*, то обстоятельство, что эта одновременность представляется намъ въ видѣ послѣдовательности, основывается только на періодическомъ скрытіи одного изъ сознаній" (стр. 77). Это ученіе о двухъ одновременно существующихъ сторонахъ нашей психической жизни, изъ которыхъ одна со-

Библиотека "Руниверс"

знается нами, а другая лежитъ въ области безсознательнаго, поразительно напоминаетъ извѣстную теорію Гербартіанцевъ о представленіяхъ погружающихся за порогъ сознанія и реально тамъ пребывающихъ. Изъ сочиненія дю-Преля можно даже привести одно мѣсто, въ которомъ онъ, излагая свою теорію „трансцендентальнаго" и „эмпирическаго" сознанія, прямо пользуется Гербартовскими воззрѣніями. Именно, на стр. 420 онъ говоритъ слѣдующее: „когда какое нибудь представленіе нами забывается, оно въ насъ не уничтожается, но переходитъ безъ всякаго измѣненія въ трансцендентальное наше сознаніе, а когда оно нами вспоминается, оно въ насъ не рождается, но только вступаетъ снова въ чувственное наше сознаніе" (срав. Herbart, Psych. als Wissenschaft, § 48, Lehrb. d. Psych. §§ 11—16).

Но, оставляя въ сторонѣ сравненіе теоріи дю-Преля съ ученіемъ Гербарта, обратимъ вниманіе на то, какое значеніе нашъ авторъ приписываетъ признанію области безсознательной душевной жизни, существующей одновременно съ міромъ нашего эмпирическаго сознанія и представляющей собой другую сторону нашего *я*.

Дю-Прель считаетъ свое положеніе въ высшей степени важнымъ. По его мнѣнію, признавая въ человѣкѣ „двуединое существо" (единое, какъ субъектъ, и двойственное, какъ лицо), мы сразу разрѣшаемъ споръ между монистами и дуалистами (стр. 309). „Двойственность природы человѣка,—говоритъ онъ,—есть пунктъ въ которомъ какъ вѣрующіе въ духовъ, такъ и скептики могутъ протянуть другъ другу руку примиренія" (стр. 130).

Для того, чтобы оцѣнить послѣдній выводъ, надо поглубже вдуматься въ значеніе той двойственности, о которой говоритъ дю-Прель. Дѣло въ томъ, что существуютъ нѣкоторыя общія положенія, на которыхъ безспорно сойдутся представители самыхъ разнообразныхъ направленій и которыхъ, тѣмъ не менѣе, нельзя считать пунктомъ ихъ *примиренія*. Такъ, напримѣръ, и матеріалистъ, и идеалистъ, и кантіанецъ, конечно, согласятся съ тѣмъ, что „существуетъ нѣчто", но этого общаго признанія столь безразличнаго для нихъ положенія еще нельзя считать мирнымъ окончаніемъ ихъ спора. Точно также и въ данномъ случаѣ, какъ „вѣрующіе", такъ и „скептики", конечно, могутъ согласиться съ тѣмъ, что человѣческое сознаніе нерѣдко представляетъ собой раздвоеніе личности, но изъ обоюднаго признанія даннаго положенія все-таки еще ничего не слѣдуетъ, потому что самый споръ въ этомъ случаѣ идетъ не о томъ, возможна ли смѣна или хотя-бы сосуществованіе (при допущеніи гипотезы безсознатель-

Библиотека "Руниверс"

ной душевной жизни) въ человѣкѣ двухъ личностей, а о томъ, какую метафизическую цѣнность имѣютъ эти личности и возможно ли считать субъекта, сознающаго одну изъ нихъ, приближающимся къ той области трансцендентальнаго, которая совершенно недоступна для другой. Поэтому мы должны обратить особенное вниманіе на то, какъ слѣдуетъ, по ученію автора „Философіи мистики", понимать „другую сторону человѣческой личности", проявляющуюся во снѣ и сомнамбулизмѣ?

Вообще говоря, отвѣтъ дю-Преля на этотъ вопросъ представляетъ соединеніе того, что могутъ сказать въ данномъ случаѣ и „скептики" и „вѣрующіе" (то-есть, мистики). Послѣдніе вполнѣ убѣждены въ возможности для человѣка вступать въ непосредственное сношеніе съ потустороннимъ, сверхчувственнымъ міромъ, а первые — глубоко сомнѣваются въ этомъ и склонны думать, что въ явленіяхъ сомнамбулизма и сна не заключается ничего такого, что могло бы давать имъ большую метафизическую цѣнность сравнительно съ бодрственнымъ состояніемъ. Своеобразное пониманіе „мистическаго" и „сверхчувственнаго" (о чемъ рѣчь была выше) позволяетъ дю-Прелю, въ своемъ окончательномъ выводѣ, заразъ согласиться и съ тѣми и съ другими. Именно, согласно со „скептиками", онъ утверждаетъ, что было бы въ высшей степени неправдоподобнымъ думать, будто вышеупомянутыя двѣ личности, принадлежащія одному субъекту, раздѣлены непростою границей (стр. 42), и что мистическія явленія души человѣка, представляя собой предвареніе процесса біологическаго его развитія, объясняются подвижностью порога сознанія (стр. 434); но, съ другой стороны, согласно съ „вѣрующими", дю-Прель полагаетъ, что „всѣ такъ называемыя анормальныя состоянія человѣка доказываютъ, что между нимъ и природою существуетъ, хотя въ зачаточномъ видѣ, еще другое отношеніе, кромѣ отношенія, опосредствованнаго чувствами и головнымъ мозгомъ его, этимъ центральнымъ складомъ всего чувственно имъ воспринимаемаго" (стр. 582). Въ доказательство послѣдняго въ „Философіи мистики" приводится множество примѣровъ ясновидѣнія и пророчествъ сомнамбулъ, а также отмѣчается такъ называемое измѣненіе мѣры времени во снѣ.

Оставляя въ сторонѣ оцѣнку доказательной силы всѣхъ этихъ примѣровъ, обратимъ исключительное вниманіе на общую философскую постановку вопроса дю-Прелемъ.

Вопросъ таковъ: возможно ли для насъ непосредственное общеніе съ потустороннимъ міромъ? Дю-Прель говоритъ, что оно не

Библиотека "Руниверс"

только возможно, но и дѣйствительно происходитъ въ явленіяхъ сна и сомнамбулизма, когда человѣкъ сознаетъ сверхчувственную сторону своего *я*. Такимъ образомъ, „вѣрующіе" удовлетворены. „Скептики", конечно, съ перваго раза останутся недовольны, услышавъ отъ дю-Преля такое мистическое положеніе. Но онъ скоро ихъ успокоитъ, разъяснивъ, что потустороннимъ и сверхчувственнымъ называется только недоступное нашимъ чувствамъ въ данный моментъ и что, собственно говоря, мистическаго совсѣмъ не существуетъ въ природѣ. Тогда, разумѣется „скептики" перестанутъ спорить. Но не выступятъ ли, послѣ этого дю-Прелевскаго разъясненія, со своимъ протестомъ „вѣрующіе"?

Александръ Нечаевъ.

Alfred Gassier.—Le Théatre Espagnol. San Gil de portugal de Moreto. Paris. 1898 г. 512 стр.

Объемистый трудъ А. Гассье заслуживаетъ вниманія читающей публики, которая интересуется исторіей испанской драмы. Жалобы на трудность изученія испанскихъ драматурговъ XVI — XVII вѣка стали обычною іеремiадой любителей старинной поэзіи: и тексты могутъ быть добыты съ трудомъ, и понимать ихъ не всегда легко. Тѣмъ большую цѣнность имѣетъ работа, которая поставила своей задачей прослѣдить развитіе испанскаго театра отъ первыхъ проблесковъ болѣе или менѣе самостоятельнаго творчества до нашихъ дней. Конечно, лучшимъ пособіемъ въ этой области служитъ и въ самомъ дѣлѣ превосходная работа Шака, но, во-первыхъ, она стала почти библіографическою рѣдкостью, а, во-вторыхъ, выйдя вторымъ изданіемъ въ 1854 г., естественно, ничего не могла говорить о такихъ писателяхъ, какъ Хозé Эчегарай и другіе ново-кастильскіе поэты или драматурги Каталонской школы. Что же касается книги Ад. Шеффера „Geschichte des spanischen Nationaldramas" (Leipzig, 1890 г., 2 тома), то она скорѣе представляетъ изъ себя каталогъ избранныхъ—и при томъ безъ всякаго принципа—піесъ, чѣмъ строго-научную исторію литературныхъ явленій, хотя иныя главы обработаны съ нѣкоторымъ стараніемъ (напримѣръ, Антоніо де Солисъ, Antonio de Solis, или Хименесъ Энсисо, Jimenez Enciso). Поэтому съ немалымъ удовольствіемъ можно привѣтствовать сочиненіе, которое въ легкомъ и изящномъ изложеніи знакомитъ читателя съ ходомъ дра-

Библиотека "Руниверс"

матической поэзіи въ Испаніи. Мы должны здѣсь же оговориться, что работа Гассье имѣетъ характеръ болѣе литературный, чѣмъ ученый: авторъ даетъ очерки главнѣйшихъ поэтовъ XVI—XIX вѣковъ, рѣдко сообщая что-либо новое въ сравненіи съ Шакомъ и тѣми испанскими критиками, которые самостоятельно изучали исторію своего національнаго театра.

Сочиненіе Гассье раздѣляется на три части: въ первой (стр. 1—362) излагается исторія испанскаго театра; вторая (стр. 363—431) содержитъ отдѣльный этюдъ объ Августинѣ Морето; наконецъ, въ третьей помѣщенъ переводъ одной религіозной драмы Морето, написанной имъ вмѣстѣ съ двумя другими поэтами; въ этомъ переводѣ драма была представлена на сценѣ парижскаго театра Одеонъ 15-го апрѣля 1897 г.

Характеристики старинныхъ испанскихъ драматурговъ сдѣланы большею частію не дурно: намъ особенно понравились главы о Гильенъ де-Кастро (Guillen de-Castro, стр. 74—85), Тирсо де-Молина (Tirso de-Molina, стр. 112 — 129) и Кальдеронѣ (стр. 148 и слѣд.), хотя новаго тутъ не сообщается ничего. Отмѣтимъ, что на стр. 166—167 поставленъ, но не разрѣшенъ вопросъ о зависимости романтической драмы (Dumas père, d'Ennery и др.), а также и водевиля отъ комедіи Кальдерона: дѣйствительно, такъ называемаго „lances de Calderon" (Кальдероновы штучки) имѣютъ не мало общаго съ современными водевильными пріемами.

Гораздо интереснѣе тѣ главы работы Гассье, въ которыхъ излагается исторія испанской драмы въ теченіе XIX вѣка. Всѣ знаютъ, какое печальное зрѣлище представлялъ испанскій театръ въ XVIII вѣкѣ: французскіе вкусы господствовали одинаково и въ литературной критикѣ, и на сценѣ. Извѣстно, какъ относились къ старымъ поэтамъ Лузанъ, глава галлицистовъ, и Блазъ Назарре, испанскій Буало. Блазъ Назарре въ предисловіи къ комедіямъ Сервантеса (1743 г.) прямо насмѣхается надъ Лопе и Кальдерономъ, ставя ихъ ниже Уичерли, Маффеи и даже.... Риккобони. Монтіано и Луйандо (Montiano y Luyando) „изъ патріотизма" заявляетъ, что и Испанія имѣетъ „правильныя" піесы, что такой грубый поэтъ, какъ Лопе де Вега, не есть единственный представитель испанскаго Парнасса. Съ другой стороны въ театрахъ давались піесы Реньяра, Мольера, Расина, Вольтера, Метастазіо, Гольдони и, совершенно забытыхъ въ наше время, Нифо (Nifo) и Лавіано (Laviano). Собственныя піесы испанцевъ, написанныя въ подражаніе Расину, выходили, конечно,

Библиотека "Руниверс"

очень слабыми, и отъ прекраснаго французскаго поэта въ испанской передѣлкѣ не оставалось ничего. Попытка Висенте де ла Уерта (Vicente de la Huerta † 1787 г.) пробудить вкусъ къ старинному театру изданіемъ антологіи изъ піесъ классическаго репертуара, не имѣла успѣха. Весьма крупный литературный дѣятель Испаніи Моратинъ младшій († 1828 г.), хотя и заинтересовался подъ конецъ своей жизни стариннымъ испанскимъ театромъ, плодомъ чего остались его „Origines del Teatro Español", но до самой смерти остался строгимъ приверженцемъ французскаго классицизма. Романтизмъ, какъ вездѣ, такъ и въ Испаніи, внесъ новую струю въ потокъ литературной жизни, и въ результатѣ развитія драмы въ XIX вѣкѣ появились весьма крупные поэты. Не безъ вліянія нѣмецкихъ литераторовъ проснулась любовь къ корифеямъ стараго театра: стараніями Діонисія Солисъ знаменитая драма Рохаса (Rojas) „García del Castañar" вновь появилась на сценѣ; въ 1819 году наступила очередь Тирсо, которымъ, какъ извѣстно, страстно увлекался король Фердинандъ VII. Необходимо упомянуть съ похвалой о дѣятельности Мартинеца де ла Роза († 1862) и дона Анхела Сааведры († 1865), которые старались создать въ Испаніи и собственную романтическую драму, и привить къ испанской сценѣ произведенія В. Гюго, Казиміра Делавиня и др. Гораздо больше пользы возрожденію національной драмы принесла дѣятельность такихъ замѣчательныхъ лицъ, какъ Гарценбушъ († 1880), издатель многихъ томовъ знаменитой коллекціи Рибаденейра (Ribadeneyra) „Biblioteca de autores españoles" и авторъ превосходныхъ самостоятельныхъ драмъ (напримѣръ, извѣстная всей Европѣ „Los amantes de Teruel); оригинальный комическій писатель Бретонъ де лосъ Эрреросъ (Breton de los Herreros, † 1873), и цѣлый рядъ ученыхъ, потрудившихся надъ изданіемъ — въ вышеупомянутой коллекціи—произведеній старыхъ испанскихъ драматурговъ. Въ лицѣ Зоррильи (Zorrilla, род. 1817) связь съ національною драмой Лопе, Тирсо и Кальдерона, разорванная усиліями галлицистовъ XVIII вѣка, возстановлена окончательно, и съ этого времени начинается въ исторіи испанскаго театра блестящій періодъ, который продолжается и до нашихъ дней. Излагая исторію этого періода, Гассье (стр. 273) замѣчаетъ. что современные вопросы, занимающіе мысль писателей сѣвера, появляются и на испанской сценѣ. Но, несмотря на это, черты стариннаго національнаго театра сохраняются до нашихъ дней въ сочиненіяхъ лучшихъ современныхъ писателей, каковы Гимера, Эчегарай, Година и др. Иноземныя вліянія на испанскую драму до

Библиотека "Руниверс"

сихъ поръ, если исключить XVIII вѣкъ, всегда были весьма слабы; правда, въ наши дни многое переводится изъ французскаго репертуара, но, напримѣръ, натурализмъ Зола и его послѣдователей не могъ пустить глубокихъ корней въ испанской литературѣ. Причина этого послѣдняго явленія вполнѣ понятна: одинъ изъ признаковъ испанской драмы вообще — это реализмъ, струя котораго проходитъ отъ Энсина и Наарро до нашихъ дней. Зола и его послѣдователямъ нечего было дѣлать въ Испаніи, и Гассье совершенно правъ, замѣчая по этому поводу, что писателямъ-реалистамъ никогда не слѣдуетъ копировать реалистовъ чужой страны. Такъ же ничтожно въ Испаніи вліяніе прославленныхъ въ Европѣ и у насъ, въ Россіи, Ибсена, Гауптмана и нѣкоторыхъ русскихъ писателей, о которыхъ много толкуютъ въ журналахъ (напримѣръ, Писемскаго), но сочиненія которыхъ не отражаются на произведеніяхъ испанцевъ. Если у лучшаго изъ современныхъ кастильскихъ писателей, Хозé Эчегарая, на ряду съ романтическими драмами, которыя непосредственно примыкаютъ къ традиціи великихъ мастеровъ XVII вѣка, есть попытки психологической и соціальной драмы (напримѣръ, El gran Galeoto), сближающія его съ Ибсеномъ и Гауптманомъ, то и въ этомъ отношеніи можно указать ему предшественника—въ лицѣ Лопе де Вега, такъ какъ среди произведеній великаго кастильца есть драмы дидактическаго содержанія, конечно, менѣе сложныя, чѣмъ драмы того же типа въ XIX вѣкѣ, по причинамъ вполнѣ понятнымъ. Съ другой стороны, легкая водевильная поэзія, начатки которой совершенно правильно указываются въ произведеніяхъ Энсины и Лопе де Руэда, продолжаетъ жить и по-нынѣ въ такъ называемомъ zarzuelas, коротенькихъ пьесахъ съ пѣніемъ, составляющихъ любимое развлеченіе горожанъ въ современной Испаніи. Любопытную сторону современнаго испанскаго театра представляетъ развитіе діалектической драмы; на ряду съ драмой кастильскою существуетъ андалузская, валенсійская и особенно каталонская. Каталонія, какъ извѣстно, всегда имѣла свою собственную литературу, болѣе или менѣе независимую отъ сосѣднихъ—кастильской и провансальской: припомнимъ хотя бы превосходныя поэтическія хроники Рамона Мунтанера или короля Іакова; а въ наши дни она можетъ указать на такихъ замѣчательныхъ поэтовъ, какъ донъ Жозé Феліу и Година (don Jose Feliu y Godina, 1847—1897), авторъ оригинальной народной драмы Dolores (1892 г.), которая простотой и энергичнымъ развитіемъ дѣйствія напоминаетъ „Arlésienne“ Альфонса Доде, или еще Анжель Гимера (Angel Gui-

Библиотека "Руниверс"

mera), пьесы котораго, напримѣръ, Terre Basse, были представлены и въ Парижѣ.

Итакъ, что касается литературы и въ частности драмы, то Испаніи, не смотря на печальныя политическія обстоятельства, не слѣдуетъ унывать; не слѣдуетъ особенно печалиться и друзьямъ латинской цивилизаціи, ибо народу, имѣющему такую богатую литературу, далеко до окончательной гибели.

Въ приложеніи къ первой части своей работы Гассье дѣлаетъ краткій очеркъ вліянія испанскаго театра на французскій, не давая ничего существенно новаго по сравненію, напримѣръ, съ трудомъ Пюибюска (Puibusque, Histoire comparée des littératures française et espagnole; т. 2). Къ сожалѣнію, необходимо указать, что списокъ библіографіи, всегда очень желательный, въ книгѣ Гассье далеко не полонъ. Не упомянуты работы многихъ французскихъ и иностранныхъ ученыхъ, потрудившихся надъ исторіей испанской драмы; такъ не названы: А. Мореля-Фасьо: (A. Morel-Fatio): Études sur l'Espagne; La comédie espagnole au XVII siècle (Paris 1885 г.); критическое изданіе El Magico Prodigioso; L'Espagne au XVI et XVII siècles; пропущено Étude sur la vie et les oeuvres de Lope de Vega (Paris, 1857 г.) Лафона (E. Lafond)—пока единственная работа о всей литературной дѣятельности Лопе; далѣе: второй томъ Bibliothèque méridionale, гдѣ E. Merimée напечаталъ текстъ Las Mocedades del Cid съ обстоятельнымъ введеніемъ и, наконецъ, работа Ш. Дюмэна (Ch. Dumaine) „Lope de Vega, La Doratea, traduite de l'espagnol (Paris, 1892 г.). Повидимому А. Гассье очень мало знакомъ съ нѣмецкою ученою литературой: онъ упоминаетъ только совершенно устарѣлую книгу Бутервека и Шака, котораго вполнѣ основательно укоряетъ въ слѣпой ненависти къ французскому театру. Незнаніе нѣмецкой литературы заставляетъ Гассье дѣлать весьма грубыя ошибки, какова, напримѣръ, слѣдующая: авторъ не знакомъ съ превосходными изданіями нѣкоторыхъ комедій Кальдерона, которыя сдѣланы Кренкелемъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Klassische Bühnendichtungen der Spanier. I. Calderon. Leipzig. 1881 — 1887, въ трехъ томахъ. Третій томъ этой коллекціи даетъ намъ „El Alcalde de Zalamea", при чемъ въ приложеніи къ нему впервые напечатано одноименная драма Лопе де Вега. очевидно, послужившая источникомъ пьесы Кальдерона, который придалъ содержанію больше цѣлостности и художественной законченности. Гассье, не смотря на этотъ несомнѣнный фактъ, утверждаетъ, что „Саламейскій алькадъ" представ-

Библиотека "Руниверс"

ляетъ комбинацію двухъ драмъ Лопе „El mejor Alcaldo el rey“ и „Fuente ovejuna“! (стр. 388). Не упомянуты далѣе: Lemcke, Handbuch der spanischen Litteratur (3 тома. Leipzig. 1855), въ которомъ напечатаны цѣликомъ девять пьесъ испанскихъ классиковъ съ весьма обстоятельными введеніями о каждомъ писателѣ; Клейна (Klein) Geschichte des Dramas, томы 8 — 11; очень хорошій этюдъ А. Фаринелли (Farinelli) „Lope de Vega und Grillparzer“ (Berlin, 1894 г.); прекрасные очерки испанскаго театра самаго Грилльпарцера, напечатанные подъ общимъ заглавіемъ Studien zum spanischen Theater въ XVII томѣ полнаго собранія его сочиненій (5-е изд., Stuttgart); небезполезная для начинающихъ коллекція Кресснера Bibliothek der Spanischen Schriftsteller (т. 2, 5, 6, 8 и др.) и т. д., не говоря уже о громадной нѣмецкой литературѣ о Кальдеронѣ.

Вторая часть работы Гассье посвящена отдѣльному этюду о Морето. Въ отношеніи къ Морето одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ — это вопросъ о самостоятельности его творчества. Извѣстно, что Морето не имѣлъ того дара поэтической изобрѣтательности, какимъ были надѣлены въ высшей степени Лопе, Кальдеронъ, Тирсо и Аларконъ. Многое въ произведеніяхъ Морето заимствовано изъ предшествующей литературы, такъ что есть люди, обвиняющіе Морето въ неоднократномъ плагіатѣ. Гассье вполнѣ правъ, когда защищаетъ Морето отъ этого обвиненія, указывая, что передѣлки (refundiciones) чужихъ пьесъ были вполнѣ въ литературныхъ нравахъ старинной Испаніи.

Вообще надо замѣтить, что сложность композиціи идетъ параллельно съ развитіемъ литературы, иначе говоря: оригинальность замысла обратно пропорціональна времени, когда жилъ извѣстный авторъ. Если, придерживаясь психолого-біографическаго метода, проанализировать составъ какой-нибудь средне-вѣковой поэмы, имѣющей хотя нѣсколько личную окраску, напримѣръ, Генриха Сеттимелло „De adversitate fortunae et philosophiae consolatione“, то и здѣсь найдемъ весьма разнородные элементы, несмотря на всю бѣдность содержанія. Въ лирическихъ стихотвореніяхъ Камоэнса любовь дѣйствительная и литературная, навѣянная Петраркой, до того смѣшаны, что нужно большое стараніе, чтобы найдти искреннее выраженіе чувства поэта; а кто же считаетъ Камоэнса плагіаторомъ? Боккаччьо, Шекспиръ и прочіе великіе поэты очень свободно заимствовали изъ другихъ писателей. Поэтому Морето ни чуть не болѣе плагіаторъ, напримѣръ, въ „El valiente justiciero“ по отношенію къ

Библиотека "Руниверс"

пьесѣ Кларамонте „Infanzon de Illescas", чѣмъ Кальдеронъ, который цѣликомъ переписалъ второй актъ своей драмы „Los cabellos de Absalon" изъ пьесы Тирсо „Venganza de Tamar".

Послѣ вступительной характеристики Морето Гассье переходитъ къ анализу отдѣльныхъ пьесъ его, при чемъ по поводу „El desden con el desden" указываетъ цѣлый рядъ отраженій этой пьесы въ послѣдующей европейской литературѣ, напримѣръ, у Гоцци (въ „Turandot"), Гольдони (Locandiera), Мариво (Jeu de l'amour et du hasard) и А. де Мюссе (On ne badine pas avec l'amour). Между прочимъ, замѣтивъ, что „La Princesse d'Elide" представляетъ крайне неудачное подражаніе пьесѣ „El desden con el desden", Гассье ставитъ въ скобкахъ: можетъ быть, Мольеръ припомнилъ Діану Морето, когда создавалъ образъ своей Селимены („Мизантропъ"). Такихъ остроумныхъ замѣтокъ не мало въ книгѣ Гассье: такъ, на стр. 144 онъ сравниваетъ Аларкона, человѣка высокой души, но физически весьма безобразнаго, съ героями В. Гюго—Гуинпленомъ и Квазимодо.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ анализу религіозной драмы Морето, Фрагосо и Кансера „San Gil de Portugal" и дѣлаетъ характеристику дѣйствующихъ лицъ этого любопытнаго произведенія, основу котораго надо видѣть въ драмѣ Мира де Амескуа (Mira de Amescua) „Esclavo del demonio". Но вмѣстѣ съ этимъ Гассье правильно замѣчаетъ, что переведенную имъ пьесу можно считать однимъ изъ характерныхъ образцовъ старо-испанскаго театра вообще. Она какъ бы представляетъ мозаическую картину всего этого театра: принадлежа тремъ авторамъ — Морето, Фрагосо и Кансеру,— источникомъ своимъ имѣетъ пьесу Мира де Амескуа, заключаетъ въ себѣ немало сходнаго съ пьесами Кальдерона (El magico prodigioso) и Тирсо де Молина (El condenado por el desconfiado) и иногда напоминаетъ произведенія Сервантеса, Тарреги и Аларкона. Она начинается, какъ комедія плаща и шпаги, а заканчивается совершенно въ манерѣ auto sacramental, и т. д. Въ драмѣ Морето не малую роль играетъ демонъ, значеніе котораго при героѣ-святомъ состоитъ въ томъ, что онъ является какъ бы его дурными мыслями (conscience infernale), тогда какъ ангелъ представляетъ благородную половину его человѣческаго существа. Демонъ въ большинствѣ испанскихъ пьесъ XVI—XVII вѣковъ—искуситель человѣка, ибо мы находимся еще на почвѣ религіознаго міросозерцанія; въ позднѣйшей европейской литературѣ демонъ—подъ разными наименованіями — сдѣлался,

Библиотека "Руниверс"

какъ извѣстно, символомъ протеста противъ тиранніи всякаго рода. Но и испанцамъ XVI—XVII вѣковъ онъ представлялся иногда возбудителемъ свободной мысли и отцомъ различныхъ ересей.

Содержаніе пьесы Морето не очень сложно; это исторія Санъ Хиля, праведника, который поддался минутному искушенію, палъ и сдѣлался разбойникомъ и грабителемъ, но не въ духѣ Луиса Переса де Гальего (Luis Perez de Gallego у Кальдерона), который грабитъ только богатыхъ, а бѣдныхъ отпускаетъ на свободу безъ выкупа. Чтобы насладиться любовью женщины, которая избѣгаетъ его, онъ призываетъ на помощь дьявола и продаетъ ему свою душу. Но духъ тьмы не въ силахъ доставить ему ничего болѣе, какъ только адскаго двойника Леоноры, который, при попыткѣ Санъ Хиля обнять его, превращается въ отвратительный скелетъ. Постепенно, подъ вліяніемъ увѣщаній Инесы, прежней своей любовницы, которая теперь ведетъ жизнь кающейся Магдалины, и дона Діего, котораго онъ когда-то жестоко обидѣлъ, Санъ Хиль возвращается на путь истины.

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній видно, что книга Гассье заслуживаетъ полнаго вниманія и всякій, кто интересуется исторіей испанскаго театра, вѣроятно, прочтетъ ее съ пользой и удовольствіемъ.

Д. К. Петровъ.

„Артельная пашня".

(Замѣтка по поводу одного печальнаго недоразумѣнія).

Задумавъ въ концѣ прошлаго года работу о сибирскихъ городахъ XVII столѣтія, я принялся за изученіе подходящихъ документовъ Сибирскаго приказа, которые, какъ извѣстно, хранятся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Кромѣ того, я долженъ былъ, конечно, поближе познакомиться съ изслѣдованіемъ проф. Буцинскаго—„Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ" (Харьковъ, 1889). Читая это сочиненіе, я заинтересовался, между прочимъ, слѣдующимъ мѣстомъ: говоря о такъ называемыхъ пашенныхъ крестьянахъ Верхотурскаго уѣзда, авторъ рѣшительно заявляетъ, что „нѣкоторые крестьяне имѣли общую пашню, *которая называлась „артельной пашней"*, потому что она обработывалась сообща и сообща за нее крестьяне пахали на государя, а равнымъ образомъ имѣли и общія деревни.

Библиотека "Руниверс"

Такъ что на ряду съ личнымъ землевладѣніемъ *встрѣчается и общинное*" [1]). Это заявленіе г. Буцинскаго нельзя не признать очень важнымъ; онъ, какъ видимъ, безъ малѣйшаго колебанія устанавливаетъ фактъ существованія общиннаго землевладѣнія у сибирскихъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ, опираясь главнымъ образомъ на терминъ „артельная пашня". Въ виду этого упомянутый терминъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе—значеніе основнаго аргумента. Вмѣсто точнаго указанія на листъ рукописи, гдѣ онъ нашелъ этотъ любопытный терминъ, авторъ въ примѣчаніи глухо ссылается на двѣ книги Сибирскаго приказа за №№ 4 и 5. Я съ большимъ вниманіемъ прочиталъ обѣ эти книги, но, къ крайнему удивленію, не могъ отыскать тамъ термина „артельная пашня", и у меня невольно возникъ вопросъ: откуда же ученый изслѣдователь выкопалъ этотъ терминъ? При ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣло разъяснилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ книгѣ Сибирскаго приказа за № 4 (довольно ветхой) сохранился отрывокъ такъ называемой дозорной книги Верхотурскаго уѣзда 7132 г. Отрывокъ этотъ начинается словами: ...„*артельной пашни* па(ханые) до(б)р(ые) земли" и пр. [2]). Надо думать, что именно это мѣсто и побудило г. Буцинскаго создать терминъ „артельная пашня". Въ книгѣ Сибирскаго приказа за № 5 (лл. 181—269) сохранился другой болѣе исправный и совершенно цѣльный списокъ той же дозорной Верхотурской книги 7132 г. [3]). Здѣсь мы находимъ такое мѣсто: „Деревня Ерзовка на рѣчке на Ерзовке пашенныхъ крестьянъ: (в) Тренка Трошихинъ, (в) Онтонко Трошихинъ, (в) Матюшка Куткинъ, (в) Ѳедка Вахрушовъ, (в) Ѳедка Ивановъ, (в) *Васка* || *Артельной*. Пашни паханые добрые земли подъ деревнею и по дубровамъ и за рѣкою за Турою на лугахъ и на поймахъ 37 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву потому же, перелогу 50 чети, сѣна коситъ (sic) 600 копенъ, въ живущемъ полторы выти" [4]). Ясно, что слово „артельной" является здѣсь прозвищемъ крестьянина Васьки. а не опредѣленіемъ пашни, какъ думаетъ проф. Буцинскій. Чтобы не оставалось на этотъ счетъ никакого сомнѣнія, я позволю себѣ сослаться на списокъ пашенныхъ крестьянъ Верхотурскаго уѣзда, составленный въ 7134 г. Здѣсь мы читаемъ: „*Васька Артильной* пашетъ (на государя) четь десятины" [5]).

---

[1]) „Заселеніе Сибири" и пр., стр. 32.

[2]) А..М. Ю. Сиб. пр. кн. 4, л. 1(48).

[3]) Текстъ кн. 4 находится на лл. 224 об.—264 кн. 5.

[4]) А. М. Ю. Сиб. пр. кн. 5, лл. 224 об. и 225.

[5]) Ibid., кн. 10, л. 103 (205).

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, истиннымъ виновникомъ того, что почтенный профессоръ пустилъ въ оборотъ фантастическій терминъ „артельная пашня", былъ не кто иной, какъ верхотурскій Васька, по прозванію Артельный, жившій въ первой половинѣ XVII вѣка.

Гр. Шмелевъ.

Книжныя новости.

М. Фарадей. Его жизнь и научная дѣятельность. Біографическій очеркъ *Н. В. Абрамова*, съ портретомъ Фарадея. С.-Пб. 1892, 78 стр. Цѣна 25 коп. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека *Ф. Павленкова*).— Чтобы написать книгу о Фарадеѣ, необходимо основательно знать физику, чего очевидно нельзя сказать про автора разбираемой книги, въ которой встрѣчаются прямо непостижимыя мѣста. Достаточно привести нѣкоторые примѣры. На стр. 39-й авторъ разсматриваетъ опыты Фарадея, относящіеся къ земному магнетизму и въ видѣ примѣра приводитъ слѣдующее: „Въ другомъ опытѣ Фарадей соединялъ полюсъ магнитной полосы съ однимъ концомъ гальванометра, а экваторъ полосы съ другимъ, вѣшалъ полосу вертикально и начиналъ вертѣть ее вокругъ собственной оси,—и немедленно же токъ стремился отъ магнита къ гальванометру". Описанный здѣсь опытъ относится къ области явленій такъ называемой унипольной индукціи, и никакого отношенія къ земному магнетизму не имѣетъ. На стр. 43-й говорится о теоріяхъ электролиза; авторъ пишетъ: „Вопросъ остается открытымъ доселѣ и вѣроятно еще долго будетъ открытымъ, пока не уяснится наше пониманіе самой сущности электричества". Эти слова представляютъ нынѣ полнѣйшій анахронизмъ. На стр. 48-й читаемъ: „Именно Фарадей доказалъ въ 1837 г., что электрическое дѣйствіе происходитъ не по прямымъ линіямъ, а по кривымъ. Фарадей нашелъ, что можно индукціей наэлектризовать изолированный шаръ, помѣщенный въ тѣни отъ тѣла, непроводящаго электричество и защищающаго шаръ отъ электрическаго дѣйствія по прямому направленію. Онъ начертилъ линіи электрической силы, какъ онѣ огибаютъ края экрана и снова соединяются по другую сторону.... Какъ видимъ, отъ этихъ открытій къ открытію волнъ электричества, сдѣланному нѣсколько лѣтъ тому назадъ Герцомъ и надѣлавшему такъ много шума, только одинъ шагъ". Тутъ ровно столько же ошибокъ, сколько и отдѣльныхъ словъ. Безподобно описаніе на стр. 58 великаго открытія Фарадея вращенія плоскости поляризаціи въ тѣлахъ, находящихся въ магнитномъ полѣ. Вотъ, что пишетъ авторъ: „Сдѣлавъ чечевицу изъ этого стекла и помѣстивъ ее между двумя концами желѣзнаго подковообразнаго стержня, Фарадей пропускалъ въ стекло поляризованный лучъ свѣта отъ лампы и устанавливалъ стекло такимъ образомъ, чтобы наблюдатель не видѣлъ отраженія пламени лампы въ стеклѣ.. Такимъ образомъ было установлено, что подъ дѣйствіемъ магнита поляризованный лучъ свѣта измѣнялъ свое направленіе.. Отъ магнитовъ изслѣдо-

Библиотека "Руниверс"

ватель перешелъ къ электрическимъ токамъ, при чемъ убѣдился, что и они вызываютъ измѣненіе направленія луча поляризованнаго свѣта". Итакъ по мнѣнію автора вращеніе плоскости поляризаціи заключается въ томъ, что лучь свѣта, мѣняетъ свое направленіе. Крайняго предѣла извращенія истины достигаетъ авторъ на стр. 74 до 77. Всѣмъ извѣстно, что одна изъ величайшихъ заслугъ Фарадея заключается въ томъ, что онъ, не признавая дѣйствія силъ на разстояніе, первый указалъ на роль промежуточной среды въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ прежде допускалась actio in distans. Между тѣмъ мы читаемъ на указанныхъ страницахъ: „Любопытно, что Фарадей признавалъ дѣйствіе всѣхъ физическихъ силъ на разстояніи. Убѣжденіе это было въ немъ крѣпко, и онъ не разставался съ нимъ до конца своихъ дней". Нѣсколько дальше читаемъ слѣдующее: „Но у Фарадея было еще другое воззрѣніе, которое теперь въ загонѣ въ наукѣ, но которому суждено можетъ быть сдѣлаться рано или поздно господствующимъ. Воззрѣніе это дѣлаетъ совершенно излишнимъ существованіе какой-то особой, недоступной нашимъ чувствамъ, матеріи эфира. На основаніи этого воззрѣнія, сила дѣйствуетъ по линіямъ, имѣющимъ особую, опредѣленную для каждаго проявленія энергіи, форму, которой соотвѣтствуютъ превращенія одной формы энергіи въ другую. Направленія этихъ линій и ихъ колебаній постоянны для каждаго вида энергіи—силы тяготѣнія, свѣта, теплоты, электричества, магнитизма. Фарадей былъ сильно привязанъ къ этимъ „линіямъ силы" и сдѣлалъ многое для ихъ изученія..... Великій ученый работалъ также надъ изученіемъ линій электричества, и пользуясь ими, производилъ опыты, о которыхъ мы говорили выше и которые въ наше время повторены Герцемъ, какъ нѣчто новое. Къ сожалѣнію, послѣ Фарадея вопросъ о линіяхъ силы былъ оставленъ и остается доселѣ въ полномъ пренебреженіи". Всякій, знакомый съ элементами современной физики, понимаетъ, что въ этихъ тирадахъ гораздо больше ошибокъ, чѣмъ отдѣльныхъ словъ.

Астрономъ-наблюдатель. Руководство къ ознакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіями. *Евгенія Предтеченскаго*, дѣйствительнаго члена Русскаго астрономическаго общества. С.-Пб. 1895. Цѣна 50 коп. Стр. 198 + II. („Полезная библіотека". Изданіе *П. П. Сойкина*). — При помощи такого руководства каждый, получившій весьма неполное и элементарное образованіе и безъ всякой подготовки къ астрономическимъ работамъ, можетъ изучить небо, наблюдать происходящія на немъ явленія и не только извлекать изъ этихъ наблюденій пользу для себя, но даже и для науки. При этомъ, авторъ указываетъ такіе способы наблюденій, которыя или не будутъ сопряжены ни съ какими затратами или потребуютъ весьма не дорогихъ. Уже изъ небольшаго числа страницъ (21—49) первой главы [„Календарь"] читатель извлечетъ рядъ интереснѣйшихъ и полезныхъ свѣдѣній [„Времена года", „знаки Зодіака", „мѣстное время", „календарное четырехлѣтіе", „восходъ и закатъ солнца"] и удостовѣрится въ истинѣ сказаннаго авторомъ, что „календарь представляетъ собою первую книгу по астрономіи; это, такъ сказать, азбука и хрестоматія небесной науки". Кто будетъ производить тѣ простѣйшія и удобоисполнимыя наблюденія, которыя указаны авторомъ въ этой первой главѣ, тотъ уже пріобрѣтетъ разносторонній навыкъ и основательную под-

Библиотека "Руниверс"

готовку къ болѣе сложнымъ астрономическимъ работамъ и на самомъ себѣ оправдаетъ слова Кеплера, что „кто заинтересовался таблицею восхода и заката солнца, кого привлекаетъ вопросъ о вычисленіи часа, когда появляется предъ солнцемъ румяная заря, тотъ слышитъ уже божественный голосъ, влекущій его къ занятію астрономіей“... Всѣ дальнѣйшія главы [„Часы“, „Мѣстонаблюденія“, „Луна“, „Звѣздное небо“, „Астрономическая труба“] не уступаютъ въ достоинствѣ первой.

„Международная библіотека“, № 42. *І. Рейнке.* Приходъ и расходъ въ природѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1896. 46 стр. Цѣна 15 коп. (Изданіе *І. Юровскаго*).—Тема книги—„Приходъ и расходъ въ природѣ“, то-есть, выражаясь проще, принципъ сохраненія энергіи. Тема нѣсколько избитая, безподобно обработанная въ популярной формѣ Г. Гельмгольцемъ примѣрно 45 лѣтъ тому назадъ. Изложить нынѣ въ общедоступной формѣ принципъ сохраненія энергіи и привести соотвѣтствующіе примѣры, ужъ кажется нетрудно. Между тѣмъ книга І. Рейнке переполнена ошибками и курьезами; перечислять всѣ — значило бы перепечатать всю книгу. Приводимъ весьма малую ихъ часть. Стр. 3. „Мы только потому и замѣчаемъ міръ, что онъ движется. При этомъ мы разумѣемъ не его движеніе въ цѣломъ (послѣднее познается только наукой) и т. д.“. Какая же это наука познаетъ движеніе міра въ цѣломъ? Стр. 4. „Движеніе это..... чрезъ органы чувствъ проникаетъ въ насъ, гдѣ колебанія тончайшей матеріи распространяются до души и вызываютъ свойственный ей родъ движенія“. На той же страницѣ: „Движеніе проявляется въ видѣ силы тяжести, теплоты, свѣта, жизни животныхъ и растеній“. На той же страницѣ: „Кажущіеся случаи совершеннаго покоя (случаи равновѣсія тѣлъ) суть только формы *относительнаго* покоя,— или, какъ говорятъ, минимальной скорости“. Всѣ эти мѣста коментаріевъ не требуютъ. На стр. 5 авторъ характеризуетъ силы, какъ причины движенія, а на стр. 6-й говорится уже о передачѣ силы; на той же страницѣ читаемъ: „Живой силой физика называетъ силу, проявляющуюся въ движеніи“, что уже никакого смысла не имѣетъ. Наконецъ на стр. 7-й безо всякихъ объясненій вдругъ говорится о скрытой энергіи. На стр. 7-й авторъ называетъ запасъ работы, вложенной въ лукъ, упругостью и тутъ же пишетъ: „Упругое равновѣсіе называется неустойчивымъ, неупругое же, происходящее изъ перваго послѣ издержанія работы, устойчивымъ“. Читая подобныя изреченія, невольно спрашиваешь себя, не представляетъ ли вся книга просто шутку или мистификацію. Стр. 10-я. „Мы называемъ воздухъ холоднымъ, если его температура ниже температуры нашего тѣла“. Интересно знать, кому воздухъ при 30° кажется холоднымъ? На стр. 13-й авторъ утверждаетъ, что температура пламени сѣры выше температуры пламени фосфора и что еще выше лежитъ температура горящаго дерева. На той же страницѣ авторъ, говоря о паровой машинѣ, утверждаетъ, будто совершенная ею работа точно соотвѣтствуетъ затратѣ угля. На стр. 14-й авторъ раздѣляетъ силы на работающія и воздающія, что во всякомъ случаѣ ново. Стр. 15-я. „Эта способность..... есть одна изъ важнѣйшихъ ученій естествознанія“. Вмѣсто принятаго термина „тепловой“ авторъ вездѣ пишетъ „теплотный“. Стр. 19-я. „Лучи со среднимъ числомъ колебаній одни только и свѣтятъ, но они свѣтятъ только по-

Библиотека "Руниверс"

тому, что въ состояніи реагировать на нашъ глазъ". На стр. 24-й авторъ утверждаетъ, что ультра-красный свѣтъ лишь слабо реагируетъ на нашъ глазъ. Между тѣмъ ультра-красными называются именно тѣ лучи, которые на нашъ глазъ вовсе не дѣйствуютъ. На той же страницѣ читаемъ: „Еслибы земля не получала этой прибавки живой силы отъ солнца, она давно застыла бы на точкѣ замерзанія ртути". На стр. 26-й авторъ утверждаетъ, что всѣ части нашего тѣла состоятъ изъ углеродистыхъ соединеній. Авторъ непрерывно говоритъ объ образованіи въ растеніяхъ сахара изъ угольной кислоты, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности въ клѣткахъ растеній прежде всего образуются крахмальныя зерна, которыя затѣмъ уже превращаются въ другіе сахароподобные углеводы вродѣ глюкозы. На стр. 38-й авторъ утверждаетъ, что въ составъ солнечнаго ядра входитъ вода, а на стр. 39-й онъ пишетъ, что фотосфера сгущается въ капли и кристаллики и, наконецъ, что исходящіе отъ солнца лучи исходятъ отъ фотосферы и отъ хромосферы. Все это совершенно невѣрно. Весьма любопытна собственная метафизика автора, которую онъ развиваетъ на стр. 43 до 46. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „Математикъ опредѣляетъ точку, какъ элементъ пространства"; „нужно было бы дуновеніе колоссальной силы, чтобы превратившееся въ планету солнце снова разложилось". Тутъ же авторъ утверждаетъ, что нѣтъ даже гипотезъ для объясненія первоначальной причины солнечной теплоты.

Л. Фиже. Пять внѣшнихъ чувствъ. Перевелъ и дополнилъ д-ръ *Ю. Малисъ.* Съ 20 рисунками. („Полезная библіотека". Изданіе *П. П. Сойкина*). С.-Пб. 1894. Стр. 149 + II. Ц. 50 коп.

Разсматриваемая книга составлена довольно искусно; изложеніе довольно просто и относительно свободно отъ значительныхъ погрѣшностей, кромѣ развѣ довольно значительнаго числа неточностей, повидимому, неизбѣжныхъ при популярномъ изложеніи столь сложнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столь тонкаго предмета, какъ физіологія органовъ чувствъ [1]).

Позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько образчиковъ довольно значительныхъ погрѣшностей.

На стр. 25 авторъ говоритъ: „еслибы мы пожелали разсматривать въ глазномъ яблокѣ исключительно лишь его *зрительныя* [2]) функціи, редуцировали бы, упростили бы его въ смыслѣ его *физіологической* [1]) роли, то можно было бы сказать, что самый хрусталикъ уже представляетъ собою органъ зрѣнія". Слѣдуетъ тѣмъ болѣе удивляться этому утвержденію автора, что въ другомъ мѣстѣ онъ самъ говоритъ о глазахъ, лишенныхъ хрусталика (афакическихъ), которые однако сохраняютъ свойства органа зрѣнія.

На стр. 48 авторъ совершенно невѣрно описываетъ, такъ называемую, слѣпоту къ краснымъ лучамъ (дальтонизмъ). „Всѣ тѣ предметы, говоритъ онъ, которые нормальный глазъ видитъ красными, представятся для слѣпаго на красный цвѣтъ глаза черными. Лучи, идущіе отъ этихъ предметовъ, не вызываютъ въ глазу цвѣтоощущенія, и вслѣдствіе этого глазъ видитъ все чернымъ...

---

[1]) Само собою разумѣется, что отъ этого послѣдняго свойства свободны популярныя изложенія науки, принадлежащія ея дѣйствительнымъ мастерамъ.

[2]) Курсивъ рецензента.

Библиотека "Руниверс"

Смотря на вишневое дерево, увѣшанное спѣлыми плодами, страдающій красной слѣпотой не различаетъ вишенъ отъ листьевъ. Онъ видитъ зеленыя листья, но не видитъ красныхъ вишенъ". Въ дѣйствительности, страдающіе дальтонизмомъ не видятъ крайняго края красной части спектра, въ случаѣ малой интенсивности его свѣта, но они видятъ его при значительной интенсивности его свѣта; такимъ образомъ граница спектра со стороны краснаго обыкновенно представляется имъ тамъ, гдѣ нормальный глазъ видитъ еще слабый красный цвѣтъ. Существенная разница заключается въ томъ, что красная, оранжевая, желтая и зеленая части спектра представляются имъ различными тонами одного и того же цвѣта, который они обыкновенно называютъ желтымъ. Такимъ образомъ они видятъ и красныя вишни на деревьяхъ, но считаютъ ихъ цвѣтъ оттѣнкомъ того же цвѣта, который имѣютъ листья (послѣднія представляются имъ однако гораздо богаче бѣлымъ свѣтомъ). Несомнѣнно, что еслибы авторъ вникъ глубже въ сущность Юнгово-Гелмгольцовской теоріи ощущенія цвѣтовъ, которую онъ излагаетъ,—впрочемъ, довольно грубо,—то онъ не могъ бы сдѣлать приведенной характеристики дальтонизма; впрочемъ и анализъ его собственнаго изложенія этого предмета долженъ былъ бы возбудить у автора сомнѣніе въ вѣрности этого изложенія; въ самомъ дѣлѣ, по изложенію автора, оказывается, что глазъ, слѣпой къ красному цвѣту, видитъ красные предметы черными, далѣе оказывается, что такой глазъ не отличаетъ красныхъ вишенъ отъ листьевъ (значитъ, и листья должны представляться ему черными!), наконецъ, оказывается, что такой глазъ вовсе не видитъ красныхъ вишенъ!

На стр. 54 авторъ невѣрно утверждаетъ, что „зрительный нервъ такъ же. какъ и сѣтчатка, нечувствителенъ къ инымъ воздѣйствіямъ, кромѣ какъ къ свѣтовому". Во-первыхъ, самъ зрительный нервъ, безъ его приферическихъ окончаній, нечувствителенъ къ дѣйствію свѣта, какъ это видно и изъ явленія Маріоттова пятна, которое описывается и въ разбираемомъ сочиненіи; во-вторыхъ, зрительный нервъ очень чувствителенъ къ другимъ воздѣйствіямъ, кромѣ свѣтоваго,—онъ только отвѣчаетъ на самыя различныя воздѣйствія (механическія, электрическія и пр.) ощущеніемъ свѣта. Очевидно, авторъ не усвоилъ себѣ сущности ученія о специфической энергіи нервовъ органовъ чувствъ, что̀ видно и изъ другаго мѣста разбираемаго сочиненія (стр. 6).

На стр. 67 авторъ безусловно утверждаетъ, что „пройдя чрезъ двояковыпуклую чечевицу, лучи принимаютъ сходящееся направленіе", что̀ для извѣстныхъ положеній свѣтящейся точки относительно чечевицы невѣрно.

На стр. 71 авторъ утверждаетъ, что движенія глазнаго яблока сводятся къ движеніямъ въ обѣ стороны, къ носу и къ виску, и къ движеніямъ вверхъ и внизъ, совершенно забывая о столь существенныхъ для зрѣнія вращательныхъ движеніяхъ глаза около оси, идущей спереди назадъ.

На стр. 106, послѣ весьма поверхностнаго и неправильнаго изложенія теоріи Гелмгольца ощущенія тоновъ, авторъ замѣчаетъ: „противъ этой теоріи, достаточно увлекательной, можно сдѣлать то основное возраженіе, что лѣстница звуковъ, составленная изъ тоновъ и полутоновъ, заняла бы такое пространство, что представляется совершенно невозможнымъ, какъ умѣстилось бы во внутреннемъ ухѣ громадное количество нервныхъ волоконецъ (!),

Библиотека "Руниверс"

которыя должны отвѣчать на всякій гармоническій звукъ, идущій извнѣ". Изъ этого замѣчанія слѣдуетъ, что авторъ вовсе не вникъ въ сущность ученія Гелмгольца объ ощущеніяхъ тоновъ, — выводъ, подтверждающійся не только изложеніемъ автора этого ученія, но и нѣкоторыми дальнѣйшими замѣчаніями по этому предмету, особенно на стр. 110 — 111, гдѣ говорится о способности различенія отдѣльныхъ тоновъ среди множества одновременныхъ звуковъ. Этихъ образчиковъ я полагаю достаточно!

Цвѣтникъ Пѣшношскій. Подвижники благочестія Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря. М. 1898.—Какъ извѣстно, Пѣшношская обитель принадлежитъ къ весьма древнимъ русскимъ монастырямъ и въ числѣ ея подвижниковъ, игуменовъ и архимандритовъ было не мало выдающихся личностей. Болѣе чѣмъ пятисотлѣтняя жизнь монастыря привлекала не разъ и вниманіе историковъ и изслѣдователей. Наиболѣе извѣстны: „Описаніе монастыря св. Николая, что на Пѣшношѣ", Калайдовича. (М. 1837 г.); „Исторія Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря", напечатанная 4-мъ изданіемъ въ 1893 г., и „Описаніе монастыря св. Николая, что на Пѣшношѣ", протоіерея В. Руднева (М. 1893 г.). Многіе изъ игуменовъ и іеромонаховъ его занимались составленіемъ мемуаровъ, записокъ, разказывающихъ о событіяхъ и лицахъ, бывшихъ въ монастырѣ. Среди нихъ не послѣднее мѣсто долженъ занять іеромонахъ Іеронимъ († 1877 г.), „Воспоминанія" котораго, главнымъ образомъ, и послужили къ составленію разсматриваемаго нами „Цвѣтника", составленнаго В. Рудневымъ. Болѣе или менѣе подробныя біографіи его касаются преп. Меѳодія, игумена Пѣшношскаго, св. Варсонофія, хозинскаго чудотворца, архимандрита Макарія, настоятеля монастыря, строителя іеромонаха Максима, архимандрита Меѳодія и блаженнаго монаха Іоны. Нѣкоторыя изъ этихъ біографій были напечатаны также въ „Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія" (игумена Меѳодія) и въ „Душеполезномъ Чтеніи" (архимандрита Макарія, іеромонаха Максима), а остальныя составлены вновь.

Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя *П. И. Щукинымъ*. Ч. I и II, in 4°. М. 1897.—Первая часть названнаго сборника состоитъ, главнымъ образомъ, изъ подлинныхъ бумагъ, очевидно, составляющихъ собственность г. Щукина, и копій съ бумагъ московской управы благочинія (35 №№) и съ бумагъ московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ, и начинается „письмомъ москвича, очевидца событій 1812 года". Въ немъ среди подробностей о грабежахъ, убійствахъ и т. п., происходившихъ въ Москвѣ во время пребыванія въ ней французовъ, характерны упреки въ варварствѣ и жестокости „прославленныхъ" французовъ. За этимъ письмомъ слѣдуютъ „донесенія" князьямъ Голицынымъ ихъ прикащиковъ изъ подмосковныхъ деревень, болѣе всего изъ с. Гребнева, о состояніи послѣднихъ во время пребыванія французовъ въ Москвѣ и послѣ ихъ ухода, вмѣстѣ съ отчетами о расходахъ на снаряженіе солдатъ и ихъ обмундировку и описями похищеннаго имущества. Въ числѣ этихъ документовъ, относящихся до кн. Голицыныхъ, находится и „прошеніе" императору Александру I повѣреннаго Голицына „о вознагражденіи за убытки", причи-

Библиотека "Руниверс"

ненные въ селахъ и деревняхъ во время нашествія французовъ и простиравшіеся до 21.173 р. 50 коп. Изъ остальныхъ подлинныхъ „бумагъ"—по преимуществу писемъ и прошеній пострадавшихъ — болѣе обращаютъ вниманіе списки: „уцѣлѣвшихъ зданій, пушекъ и другихъ предметовъ, оставленныхъ французами послѣ ихъ ухода изъ Москвы", „русскихъ измѣнниковъ" („Загряцкой, Голицынъ Александръ, Щербатовъ, Бестужевъ-Рюминъ, Находкинъ, Фалеевъ и Бородинъ" (послѣдніе три изъ купеческаго сословія) и „сгорѣвшихъ и уцѣлѣвшихъ строеній". Любопытнѣе другихъ, во-первыхъ, письмо Сергѣя Мизина, отъ 2-го октября 1812 г., сообщающее о поджогахъ Москвы самимъ Ростопчинымъ и русскими, руководившимися при этомъ желаніемъ лишить французовъ продовольствія, и о дѣйствіяхъ партизанскихъ войскъ и, во-вторыхъ, письмо Ю. Н. Бартенева, довольно подробно останавливающагося на отступленіи русскихъ войскъ къ Москвѣ и на Бородинскомъ сраженіи. Нѣсколько ниже помѣщенъ въ числѣ подлинныхъ бумагъ г. Щукина, на стр. 129—143, любопытный „протоколъ французской военной комиссіи, судившей поджигателей", вмѣстѣ съ описаніемъ предметовъ, найденныхъ на дачѣ Воронцова, и русскими бюллетенями, найденными въ Москвѣ (на французскомъ и русскомъ языкахъ). Копіи съ бумагъ московской управы благочинія начинаются „Донесеніемъ кн. М. И. Кутузова императору Александру I, изъ с. Жилина, 4-го сентября 1812 г.", въ которомъ онъ говоритъ, что послѣ Бородинской битвы „Армія была весьма ослаблена... войска, съ которыми надѣялись мы соединиться, не могли еще придти, непріятель же пустилъ двѣ новыя колонны... а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли бы послѣдствіемъ не только разрушеніе арміи, но и кровопролитнѣйшую гибель и превращеніе въ пепелъ самой Москвы... Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи"... Затѣмъ идутъ предписанія гр. Растопчина московскому оберъ-полиціймейстеру Ивашкину и донесенія послѣдняго и полиціймеcтеровъ, открывающія нѣкоторыя подробности по устройству Москвы послѣ ухода французовъ и вознагражденію пострадавшихъ. Среди этихъ документовъ находятся и три дѣла: 1) о наказанномъ плетьми французѣ Петинетѣ, которому „за дерзкія слова и угрозы" гр. Растопчинъ приказалъ дать 50 ударовъ плетьми и отправить въ Сибирь (о ссылкѣ его въ Сибирь свѣдѣній нѣтъ), 2) о возвращеніи семьи купца Жданова и 3) „о рядовомъ, грабившемъ вмѣстѣ съ французами". Бумаги, извлеченныя изъ губернскаго архива старыхъ дѣлъ, заключаются въ краткихъ „отношеніяхъ" (3) нижегородскаго губернатора гр. Растопчину и „отпусковъ" послѣдняго первому. Заканчивается I часть двумя прокламаціями Лессепса къ жителямъ Москвы. Что касается II части сборника г. Щукина, то въ ней мы находимъ исключительно однѣ „бумаги" московской управы благочинія, разнаго рода донесенія, отношенія, дѣла о высылкѣ и наказаніи виновныхъ въ грабежахъ и измѣнѣ, письма, объявленія, прошенія, предписанія и т. п., свидѣтельствующія о страшно-напряженной дѣятельности московскихъ полицейскихъ властей послѣ ухода французовъ и о бѣдственномъ состояніи очень многихъ жителей Москвы, обращавшихся съ прошеніями въ управу благочинія. Тщательное съ внѣшней стороны это изданіе весьма не безполезно для историка Отечественной войны и по нѣкоторымъ подробно-

Библиотека "Руниверс"

стямъ сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній. Жаль только, что издатель поскупился предпослать ему какое-либо введеніе и ввести въ текстъ кой-гдѣ весьма не лишнія поясненія и примѣчанія.

Минусинскіе и ачинскіе инородцы. (Матеріалы для изслѣдованія). Статьи *А. А. Кузнецовой* и *П. Е. Кулакова.* Изданіе Енисейскаго губернскаго статистическаго комитета. Красноярскъ. 1898.—Названная книга состоитъ изъ двухъ статей г. Кулакова: „Къ новѣйшей исторіи минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ" и „Постоянное имущество, производство и потребленіе у минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ" и статьи г-жи Кузнецовой „Жилища, одежда и пища минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ". Цѣль ея появленія, по объясненію г. Кулакова,—собраніе матеріала для изученія характера, причинъ и значенія той эволюціи (быстраго процесса обрусѣнія инородцевъ), которая совершается въ настоящее время въ жизни минусинскихъ и ачинскихъ татаръ подъ вліяніемъ экономическихъ, административныхъ и бытовыхъ факторовъ. Составлена она на основаніи личныхъ наблюденій надъ жизнью татаръ и на основаніи архивныхъ данныхъ четырехъ управъ: Абаканской и Аскизской Минусинскаго округа, и Мелецкой и Кизыльской Ачинскаго округа. Кромѣ того, составители широко воспользовались, какъ видно изъ перечня пособій, и печатною литературою, относящеюся до интересующаго ихъ вопроса. Наиболѣе интересного изъ названныхъ статей является первая статья г. Кулакова. Въ ней, въ 4-хъ главахъ, онъ говоритъ о факторахъ, содѣйствовавшихъ обрусѣнію инородцевъ; о „движеніи населенія и измѣненіи разселенія" ихъ подъ вліяніемъ борьбы съ русскими изъ-за земли, лѣса, покосовъ и т. п. подъ вліяніемъ кочеванья — уклоненія отъ земледѣльческой культуры; о нежеланіи татаръ разстаться съ своимъ прежнимъ ясачнымъ и кочевымъ состояніемъ и уклоненіи отъ земледѣлія; о медленномъ распространеніи среди нихъ христіанства и о самомъ ничтожномъ вліяніи послѣдняго на внутренній и внѣшній бытъ татаръ и, наконецъ, о наибольшемъ сравнительно съ другими хозяйственно-экономическими формами развитія среди инородцевъ земледѣлія. Въ другой своей статьѣ г. Кулаковъ, на основаніи 124 подлинныхъ бюджетовъ, хранящихся въ Енисейскомъ статистическомъ комитетѣ, сообщаетъ любопытныя цифровыя данныя о хозяйствѣ татаръ, о ихъ расходахъ и приходахъ и въ приложеніи приводитъ „Сводныя таблицы о составѣ инородческихъ хозяйствъ, ихъ имуществѣ, приходѣ и расходѣ". Довольно интересна также и составленная преимущественно на основаніи личныхъ наблюденій автора и наблюденій предшествовавшихъ изслѣдователей статья г-жи Кузнецовой. Изъ нея мы узнаемъ, что вообще всѣ происшедшія измѣненія во внутреннемъ бытѣ инородцевъ находились въ зависимости отъ географическихъ условій, степени близости русскаго вліянія, а въ частности они наиболѣе обнаружились на жилищахъ и пищѣ. Одежда же, въ особенности—женская, сохранила свои національныя особенности, хотя и не во всѣхъ одинаково управахъ. Въ текстѣ статьи находится множество рисунковъ, чертежей и плановъ, что еще болѣе придаетъ ей интереса въ глазахъ читателя. Въ приложеніи къ ней г-жа Кузнецова помѣстила выборки изъ архивовъ управъ относительно цѣнъ на одежды, матеріи, мѣха, золотыя и серебряныя вещи и т. п., и нѣсколько описаній одеждъ, помѣщенныхъ по

Библиотека "Руниверс"

какому-либо случаю въ разныхъ донесеніяхъ и слѣдствіяхъ. Нельзя также не отмѣтить, что въ этой книгѣ очень много данныхъ для оцѣнки дѣйствій мѣстной администраціи, принимавшей свои мѣры къ обрусѣнію инородцевъ.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Ц. Балталонъ.* Эстетика В. Г. Бѣлинскаго. Избранныя статьи и отрывки съ вопросами и дополненіями. Москва. 1898. Цѣна 1 р.

— *И. Н. Захаринъ.* Хива. „Зимній походъ въ Хиву Перовскаго". С.-Пб. 1898.

— *А. Ф. Мевіусъ.* Техническій французско-русскій словарь. Харьковъ. 1898.

— *Н. П. Лихачева.* По поводу сборника *А. И. Юшкова*: Акты XIII—XVII вѣковъ представленные въ разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества. С.-Пб. 1898.

— *Мордовцевъ, Д. Л.* Послѣдніе дни Іерусалима, историческая повѣсть. С.-Пб. 1898.

— Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. 7-ая книга. Саратовъ. 1898. 8°.

— *М. Е. Соколовъ.* Великорусскія свадебныя пѣсни. Саратовъ. 1898.

— *Янковскій, Д. П.* Варшавская женская прогимназія. 1866—1898. Варшава. 1898.

— Отчетъ по минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ. за 1897 годъ. Минусинскъ. 1898.

— *Ланге, Н.* Учебникъ логики. Одесса. 1898.

— *Регельсбергеръ, О.* Общее ученіе о правѣ, переводъ *Базанова*, подъ редакціей проф. *Ю. С. Гамбарова.* Москва. 1897.

— *Уоллэсъ, Альфредъ Руссель.* Дарвинизмъ, переводъ проф. *М. А. Мензбира.* Москва. 1898.

— *Чичеринъ, Б. Н.* Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Выпускъ I и II. Москва. 1897.

— *Noikow, Peter.* Das Aktivitätsprincip in der Pädagogik Jean-Jacques Rousseaus. Leipzig. 1898.

— *Гусевъ, А.* Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ. Изд. 4-е. Москва. 1898.

— Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Книга третья. Издана *Е. В. Барсовымъ.* Москва. 1898.

— *Воеводскій.* Опытъ упрощенья русскаго правописанія. Одесса. 1898.

— Сборникъ учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ I. Юрьевъ. 1898.

Библиотека "Руниверс"

ОПЕЧАТКА.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ іюньской книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* статья „О началѣ греческой письменности“ по ошибкѣ помѣчена подписью О. Ѳ. Вульфа, вмѣсто Ф. Видемана.

Библиотека "Руниверс"

НАКАЗЫ 3-ГО СОСЛОВІЯ ВО ФРАНЦІИ ВЪ 1789 ГОДУ.

Этотъ огромный по объему и совершенно исключительный по своей цѣнности историческій источникъ все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Въ настоящее время ни одинъ историкъ, затрагивающій вопросъ о крушеніи стараго порядка во Франціи, не можетъ обойдтись безъ его изученія. Но если въ количественномъ отношеніи по этому вопросу написано очень много, то еще больше остается сдѣлать впереди. Къ тому же во многихъ отношеніяхъ слѣдуетъ начинать сначала, какъ будто бы ничего по этому предмету не было написано.

Ссылки на „Cahiers" можно найдти повсюду, и приводятся онѣ въ подкрѣпленіе самыхъ различныхъ взглядовъ, самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Между тѣмъ еще не разработанъ, мало того, совсѣмъ почти не затронутъ, вопросъ о степени достовѣрности всего этого необъятнаго матеріала.

Конечно, подъ достовѣрностью здѣсь нельзя разумѣть того, что подъ этимъ словомъ историкъ древности или изслѣдователь среднихъ вѣковъ. Въ новой исторіи этого перваго шага по большой части дѣлать не приходится, но зато остается производить сложную критическую работу на дальнѣйшихъ ея ступеняхъ.

Наказы 1789 г. можно изучать съ точки зрѣнія ихъ фактической достовѣрности. Вѣдь утверждаютъ же нѣкоторые историки, что эти „жалобы" (plaintes et doléances) сгущаютъ краски въ изображеніи нужды. Вѣдь возможны были, при лихорадочной спѣшности работы, всякаго рода оплошность и промахи, наконецъ прямая недобросовѣстность среди *десятковъ тысячъ* [1]) редакторовъ. Возможно было невни-

[1]) Число окружныхъ, сводныхъ наказовъ 3-го сословія можно принять около 500, а приходскихъ — около 40.000; впрочемъ, часть ихъ, особенно послѣднихъ,

Библиотека "Руниверс"

маніе среди сотенъ тысячъ лицъ, подписавшихъ или молча одобрившихъ эти наказы, какъ выраженіе ихъ желаній. Уже современники подмѣтили нѣкоторыя погрѣшности. Такъ интендантъ турскій указывалъ министру юстиціи въ наказахъ городскихъ корпорацій этого города на требованія объ отмѣнѣ несуществующихъ или давнымъ давно отмѣненныхъ злоупотребленій [1]). Онъ же усмотрѣлъ еще болѣе удивительную ошибку въ наказѣ лимузенскаго дворянства: тамъ помѣщена жалоба на неправильно взимаемыя изъ земскихъ суммъ этого генеральства 100.000 экю въ годъ. Между тѣмъ уже въ министерство Тюрго, постановленіемъ государственнаго совѣта, эта „surcharge" была снята съ Лимузена (уже въ 1775 году); интендантъ предполагаетъ, что редакторъ наказа нашелъ гдѣ-нибудь замѣтку объ этомъ отъ руки Тюрго, временъ интендантства его въ Лиможѣ, но не зналъ, что, сдѣлавшись министромъ, Тюрго принялъ соотвѣтствующія мѣры; дворянство же повѣрило редактору на слово [2]).

Историки еще не начинали разбора наказовъ по методу интенданта турскаго, хотя сомнѣнія въ этомъ отношеніи подняты недавно проф. И. В. Лучицкимъ, отрицающимъ цѣлесообразность пользованія наказами для опредѣленія размѣровъ крестьянской собственности [3]). Конечно, при современномъ состояніи нашихъ знаній касательно вопроса о „cahiers" сколько-нибудь систематическая работа въ смыслѣ

затеряна, но не сдѣлано еще инвентаря сохранившихся ворохов этихъ драгоцѣнныхъ писаній. См. статью автора въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (іюль 1895 г.) „Изданіе текстовъ по новой исторіи". Ссылка на эту замѣтку избавитъ отъ необходимости распространяться объ исторіографіи предмета и о капитальныхъ работахъ Бретта по настоящему вопросу.

[1]) B. III 150, 113—116. Bᵃ 83 l. 202. 4⁰. Письмо D' Aine (интендантъ) отъ 6-го марта. „la corporation des maçons à Tours demande la suppression des aides et gabelles, et en même temps celle des gardes du corps du Roi,... les serruriers... la suppression d'un fonds de 10.000 lrs, qu'ils supposent que le Roi fait annuellement dans les généralités pour defrayer une table que l' Intendant doit tenir pour les officiers... Les menuisiers demandent la suppression des suisses de porte, qu'ils supposent apparemment aussi que l'Etat paye aux Eglises, corps, et particuliers qui en ont"

[2]) B. III 731, 645—647. Bᵃ 47 l. 108. 1⁰. Письмо Неккеру 20-го апрѣля.

[3]) *И. В. Лучицкій*, Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи (Кіевъ, 1894) 10. По нашему крайнему разумѣнію профессоръ Лучицкій идетъ, можетъ быть, слишкомъ далеко въ своемъ отрицаніи надежности крестьянскихъ наказовъ, къ которымъ съ такимъ вниманіемъ отнесся М. М. Ковалевскій. Несомнѣнно однако, что добываемыя этимъ путемъ свѣдѣнія требуютъ провѣрки и сличенія съ матеріалами иной категоріи.

Библиотека "Руниверс"

провѣрки фактическаго матеріала, заключающагося въ наказахъ, представляется совершенно немыслимой. Но возможна нѣсколько иная постановка изученія „cahiers", какъ историческаго источника.

Токвиль называетъ наказы духовнымъ завѣщаніемъ старой Франціи. Это завѣщаніе, написанное въ десяткахъ тысячъ варіантовъ, грамотными или полуграмотными людьми отъ своего имени и отъ имени безграмотной массы, должно служить отраженіемъ того, что думала и чувствовала Франція наканунѣ переворота.

Но тутъ возникаетъ множество вопросовъ и недоумѣній. Точно-ли передана послѣдняя воля умирающаго, внимательно-ли онъ просмотрѣлъ текстъ завѣщанія, былъ-ли онъ въ состояніи объяснить редактору свою волю и понять затѣмъ ея письменное изложеніе [1]). Тэнъ утверждаетъ, что адвокаты переводили на литературный языкъ чувства мужика, одолживъ послѣднему свои метафоры и свои теоріи; но это надо еще доказать. Далѣе, не было-ли произведено давленія на волю завѣщателя? А кто такое самъ завѣщатель? Народъ. Если не придавать этому понятію мистическаго значенія, то народа, какъ цѣлаго, въ собственномъ смыслѣ не существуетъ. Есть люди, сословія и классы съ переплетающимися и часто непримиримыми между собою стремленіями. Третье сословіе подраздѣлялось на буржуазію и народъ въ собственномъ смыслѣ; послѣдній таилъ въ себѣ опять-таки множество дѣленій, основанныхъ на антагонизмѣ города и деревни, крупнаго и мелкаго фермера, самостоятельнаго хозяина и поденщика, покупателя и продавца хлѣба и т. д. Кто же высказался если не во всѣхъ, то въ большинствѣ наказовъ? Или, можетъ быть, всѣ сговорились выражать только тѣ желанія, которыми всѣ были одинаково проникнуты, не касаясь тѣхъ, въ которыхъ расходились между собою?

Прежде чѣмъ ссылаться на наказы 3-го сословія, какъ на выраженіе настроенія и воли большинства французскаго народа, необходимо изслѣдовать ихъ достовѣрность въ этомъ отношеніи. Для этого прежде всего нужно изучить обстановку ихъ составленія, иначе говоря, произвести систематическое изученіе выборовъ 1789 года съ цѣлью подготовки критическаго разбора „cahiers" 3-го сословія.

---

[1]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что около половины всего населенія Франціи не понимало того французскаго языка, на которомъ написаны наказы: тутъ были разные языки, какъ-то провансальскій, испанскій, нѣмецкій, бретонскій и множество мѣстныхъ говоровъ (patois).

Библиотека "Руниверс"

Такая работа должна производиться не столько вглубь, сколько въ ширь, по примѣру опытовъ, сдѣланныхъ по этому вопросу (но мимоходомъ) Шассеномъ, Н. И. Карѣевымъ и М. М. Ковалевскимъ, а также по слѣдамъ критическаго издателя части этихъ матеріаловъ— Бретта, единственнаго въ своемъ родѣ знатока и систематизатора источниковъ по созыву генеральныхъ штатовъ 1789 года.

Къ такому выводу приводитъ печальный опытъ провинціальныхъ монографій по этому предмету, представляющихъ по большей части почти ненужный ученый балластъ. Даже такія образцовыя, въ смыслѣ метода и вложеннаго труда, монографіи, какъ работы Вигье по выборамъ въ Провансѣ, поневолѣ впадаютъ въ промахи и ошибки вслѣдствіе крайней пестроты учрежденій и бытовыхъ условій стараго порядка. Провинціальныя монографіи о выборахъ 1789 г., даже немногія удачныя, впадаютъ въ односторонность, не имѣя матеріала для сличенія.

Итакъ, настоящее изслѣдованіе будетъ производиться не по областямъ, а по вопросамъ; въ немъ не будетъ дано общей картины выборовъ въ данной мѣстности, а будутъ разбираться разныя стороны избирательныхъ операцій, по возможности, по всей поверхности Франціи. Источники въ этомъ отношеніи очень обильны: въ одномъ только Парижскомъ главномъ архивѣ содержится 90 картоновъ и 174 фоліанта сырья, просмотрѣннаго Шассеномъ, Карѣевымъ и Бреттомъ [1]).

Въ связи съ поставленною цѣлью, изученіе это должно производиться, такъ сказать, подъ микроскопомъ. Въ наукѣ уже давно признано безспорнымъ, что крупныя событія слагаются изъ мелочей и, при условіи повторяемости, мелочные факты нерѣдко важнѣе для историка, чѣмъ такъ называемыя событія. При разборѣ выборовъ придется входить въ частности, не брезгать самыми незначительными на первый взглядъ подробностями, приводить инсинуаціи, обвиненія, клевету, которыя расточали другъ противъ друга честолюбивые участники выборовъ или враждующія партіи. Во всей этой мелкотѣ и грязи можно найдти данныя, позволяющія разобрать строеніе и составъ той почвы, на которой выросли наказы 1789 года и національное собраніе.

Созваніе генеральныхъ штатовъ было пріурочено къ судебной ор-

---

[1]) Описаніе этого матеріала, служащаго главнымъ источникомъ настоящей работы, можно найдти въ трудахъ названныхъ историковъ.

Библиотека "Руниверс"

ганизаціи старой Франціи и ввѣрено руководству хранителя печати, то-есть министра юстиціи.

Для составленія наказовъ и избранія депутатовъ Франція раздѣлена на округа, совпадающіе съ судебными,—бальяжи и сенешоссеи [1]). Здѣсь главный судья округа — лейтенантъ [2]) завѣдывалъ выборами 3-го сословія. Онъ разсылалъ судебныхъ приставовъ въ города и деревни для приглашенія избирателей составить первичное собраніе прихода (assemblée primaire, assemblée de paroisse [3])). Въ этихъ собраніяхъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго судьи или его замѣстителя, составлялся первичный наказъ и избирались представители прихода для отправки ихъ въ округъ, гдѣ происходило окружное собраніе подъ предсѣдательствомъ лейтенанта. Тутъ первичные наказы сводились въ общій окружной наказъ и избирались депутаты округа. Бальяжи и сенешоссеи раздѣлялись на главные и второстепенные; первые окончательно избирали депутатовъ прямо въ генеральные штаты, послѣдніе посылали своихъ представителей въ главный округъ [4]), избравъ для этого изъ своей среды четвертую часть (reduction au quart [5])).

Введена почти всеобщая подача голосовъ: право участія обусловлено внесеніемъ въ податной окладъ, и устраненными оказывались лишь немногіе бездомные люди, которые при тогдашнихъ условіяхъ все равно не воспользовались-бы этимъ правомъ. Въ главныхъ окружныхъ собраніяхъ установлена закрытая подача голосовъ, а въ второстепенныхъ окружныхъ и въ приходскихъ собраніяхъ—открытая.

Таковы главныя черты регламента 24-го января 1789 г. по отношенію къ 3-му сословію. Этотъ законъ представлялъ сочетаніе преданій послѣднихъ генеральныхъ штатовъ 1614 года, съ требованіями времени, какъ ихъ понимало правительство Людовика XVI, при мини-

---

[1]) Названіе бальяжей болѣе распространено на сѣверѣ, кромѣ Бретани, а сенешоссей—на югѣ.

[2]) „Lieutenant général“ или „lieutenant particulier“.

[3]) Въ крупныхъ городахъ единицами прихода считались городскія корпораціи, избранники которыхъ составляли избирательное собраніе всего города.

[4]) Кромѣ того, трехстепенная система введена также для очень мелкихъ округовъ, такъ называемыхъ bailliages à députation réduite. Они отличались отъ второстепенныхъ тѣмъ, что наказы ихъ не сливались въ общій наказъ главнаго округа, а считались окончательными.

[5]) Не слѣдуетъ смѣшивать ее съ réduction à 200, то-есть, сведеніемъ слишкомъ многолюдныхъ собраній къ 200 членамъ.

Библиотека "Руниверс"

стерствѣ Неккера. Недостатки этого закона, его сильныя и слабыя стороны будутъ выяснены въ свое время. Но въ такой странѣ, какъ дореформенная Франція, важенъ не столько самый законъ, сколько способъ его проведенія въ жизнь. Оттого первый вопросъ, требующій разработки, это роль правительственной власти, сдѣлавшей призывъ къ народу.

I.

Отношеніе власти къ избирателямъ.

Для выясненія отношенія власти къ избирателямъ необходимо принять во вниманіе особенности политическаго положенія и нравственнаго состоянія правительства и общества наканунѣ созыва генеральныхъ штатовъ 1789 года.

Рѣшившись допустить это новшество, въ которомъ старина Франціи слышалась, правительство знало, что большинство населенія на его сторонѣ. Къ тому же объ организованной оппозиціи, какъ въ парламентскомъ режимѣ, не могло быть и рѣчи, а въ частности къ 3-ему сословію питали особое довѣріе. Созваніе генеральныхъ штатовъ было вызвано необходимостью выйдти изъ финансовыхъ затрудненій, въ виду непрекращавшейся агитаціи и игры въ радикализмъ со стороны привилегированныхъ сословій. Это была цѣлая революція парламентовъ и отчасти помѣстнаго дворянства, сопровождаемая вспышками областнаго сепаратизма [1]).

Приходилось вѣдаться съ людьми, кричавшими противъ „министерскаго деспотизма" съ заднею мыслью помѣшать настоятельно необходимому для государственнаго хозяйства податному преобразованію, въ смыслѣ уравненія податнаго бремени. Эта необходимость взять курсъ влѣво выдвинула впередъ реформатора въ лицѣ министра финансовъ Неккера, которому приписываютъ планъ укрощенія расходившейся знати съ помощью уже вліятельнаго, но еще послушнаго „3-го состоянія людей". Правда, и буржуазія зашевелилась, слѣдуя примѣру другихъ сословій, но агитація городовъ въ пользу равномѣрнаго представительства — „vote par tête" и „doublement du tiers"—не была направлена противъ министерства. Напро-

---

[1]) Смыслъ этого движенія можетъ считаться окончательно разъясненнымъ въ изслѣдованіи „Chute de l'ancien régime" (Paris, 1884) Шере, одного изъ наиболѣе вдумчивыхъ и безпристрастныхъ историковъ крушенія „Ancien Régime".

Библиотека "Руниверс"

тивъ, она была ему скорѣе пріятна, какъ противовѣсъ требовательности дворянъ [1]).

Сама Марія Антуанета, въ отвѣтъ на возраженія своего личнаго секретаря противъ допущенія поголовнаго счета голосовъ, заявляла, что высшія сословія во многомъ виновны передъ монархомъ. Министръ Монморенъ писалъ по поводу волненій въ Бретани: „Король слишкомъ недоволенъ дворянствомъ и парламентомъ Бретани для того, чтобы поддерживать ихъ противъ буржуазіи, справедливо возбужденной ихъ надменностью и притѣсненіями; пусть ихъ разберутся между собою, но правительство не вмѣшается". Американскій посолъ доносилъ, что такъ какъ изъ народа выдавлены всѣ соки, то волей не волей приходится, при поддержкѣ буржуазіи, наложить руку на привилегіи и податныя изъятія высшихъ сословій.

Показаніе австрійскаго посла также мѣтко схватываетъ сущность дѣла: Неккеръ ищетъ въ угожденіи буржуазіи и пріобрѣтаемой этимъ путемъ популярности средствъ для казны.

Если изъ этого еще не вытекаетъ, что 3-ье сословіе было любимымъ дѣтищемъ министерства, то во всякомъ случаѣ особенности минуты побуждали правительство держаться дружественнаго нейтралитета между сословіями, слѣдуя давно забытымъ преданіямъ королей—собирателей французской земли.

Къ тому же къ массамъ народнымъ, къ „своему доброму народу" благодушный король Людовикъ XVI относился съ большимъ, хотя платоническимъ [2]) доброжелательствомъ. Люди XVIII вѣка не имѣли передъ глазами пугала народнаго возстанія, а чувствительная философія вѣка создала моду на простыхъ людей. Токвиль тонко подмѣтилъ [3]), что никто не боялся тогда смирной массы, а призракъ революціи не смущалъ сторонниковъ преобразованій и не носился въ воображеніи приверженцевъ старины. Простой народъ былъ въ модѣ даже у этихъ приверженцевъ старины и платонически-сентиментальное отношеніе къ низшей братіи одушевляло саму Марію Антуанету.

То была исключительная историческая минута, время розовыхъ

---

[1]) *М. М. Ковалевскій*, „Происхожденіе современной демократіи", II, 9, 10, приводитъ изъ мемуаровъ и донесеній пословъ любопытнѣйшія свидѣтельства объ этомъ настроеніи правящихъ сферъ. См. также *Cherest*, I, 506 — 508, 518, 523—525.

[2]) Онъ отказался, напримѣръ, отъ Тюрго, хотя заявлялъ, что только они оба любятъ народъ.

[3]) „L'ancien régime et la révolution" (1887), 265—275.

Библиотека "Руниверс"

надеждъ, радужныхъ ожиданій. Все общество, начиная съ образованныхъ его представителей и кончая темною массой, чаяло лучшаго будущаго. Глубокое и горячее монархическое чувство французовъ (не отрицаемое историками радикальнаго направленія), поселяло въ правящихъ сферахъ полнѣйшее довѣріе къ завтрашнему дню. Любовь къ популярному королю, этому новому Генриху IV, съ которымъ его такъ охотно сравнивали, казалась прочнымъ обезпеченіемъ отъ безпорядковъ на выборахъ и отъ систематическаго предпочтенія избирателями такъ называемыхъ безпокойныхъ людей.

Характеренъ тонъ, въ которомъ составлены торжественныя королевскія грамоты о созывѣ народныхъ представителей: онѣ полны цвѣтовъ чувствительнаго благожелательства. Въ „Lettres de Convocation" его величество взываетъ къ взаимному довѣрію монарха и подданыхъ, обѣщаетъ ихъ выслушать съ доброй волей и любовью, проситъ у нихъ совѣта для того, чтобы по искорененіи злоупотребленій „возвратить намъ въ частности, чувство успокоенія, котораго мы такъ давно лишены". Въ регламентѣ 24-го января 1789 г. говорится, что „его величество можетъ приблизиться только посредствомъ своей любви къ той части подданныхъ, которыхъ, повидимому, отдѣляетъ отъ него обширность королевства и пышность трона" и т. п.

Анонимный авторъ очень злой и умной брошюры [1]) называетъ даже тонъ королевскихъ грамоты и указа не отвѣчающимъ достоинству монарха. „Вмѣсто простаго, естественнаго тона, единственно достойнаго августѣйшей особы, я нахожу условный стиль ритора, цвѣты остроумія"... Фразу о любви онъ находитъ мистической и двусмысленной. „Не безъ горести слышалъ я, какъ злые перетолковывали рѣчь монарха слѣдующимъ образомъ: „Я разоренъ, потерялъ вслѣдствіе этого спокойствіе; я васъ собираю, дѣти мои, чтобы обсудить самые быстрые и самые дѣйствительные способы наполнить мою казну; я приму такія прекрасныя мѣры, что ее не такъ скоро опорожнятъ. Что касается васъ, то направьте ко мнѣ ваши челобитныя; я ихъ охотно выслушаю и въ свою очередь приму мѣры"...

Анонимный авторъ, можетъ быть, и правъ. но во всякомъ случаѣ тонъ этихъ актовъ свидѣтельствуетъ о довѣріи правительства къ обществу и о стремленіи возбудить къ себѣ въ отвѣтъ подобное же довѣріе. Зачѣмъ было при такихъ условіяхъ стѣснять свободу избира-

---

[1]) „Observations impartiales sur la lettre du roi etc." 8°, s. l. n. d. Національная Библіотека, L. b[33], 6884, стр. 5 и 6

Библиотека "Руниверс"

телей? И вотъ, когда 24-го января 1789 г. раздался торжественный призывъ народу, центральная власть намѣрена была дать полную свободу высказаться всѣмъ безъ исключенія французамъ, достигшимъ 25-ти лѣтняго возраста и внесеннымъ въ списки плательщиковъ налоговъ.

Правительство Людовика XVI не только не предпринимало ничего напоминающаго плебисцитъ Наполеона III, но избѣгало даже пріемовъ наиболѣе корректныхъ парламентскихъ государствъ нашихъ дней: никакой офиціальной программы не предлагалось и не проводилось. Это объясняется отчасти „духомъ времени", но въ значительной степени и тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство не боялось послѣдствій народнаго голосованія, такъ какъ не считало себя зависимымъ отъ воли народа. „Наивность" власти въ этомъ отношеніи сослужила великую службу дѣлу свободы, зависѣвшей тогда исключительно отъ изволенія свыше. Утомленный смутами послѣднихъ лѣтъ, какъ онъ самъ выражается, король желалъ узнать мнѣніе всѣхъ своихъ подданныхъ о ихъ нуждахъ и о средствахъ къ оздоровленію государственной машины, обѣщая принять все это къ свѣдѣнію. И больше ничего.

Поэтому административная переписка временъ министерства Неккера проникнута принципомъ невмѣшательства. Честный женевскій буржуа, бывшій душою всего дѣла, послѣдователенъ въ данномъ случаѣ до конца. Его современникъ Мунье [1]) заявляетъ, что не принято было никакихъ „предосторожностей, чтобы повліять" на наказы и выборы. Напрасно Малуе [2]), другой буржуа, игравшій видную роль въ этихъ событіяхъ, убѣждалъ Неккера установить хотя бы правительственную программу и горько сѣтовалъ впослѣдствіи на щепетильно-добросовѣстнаго или „наивнаго" министра. Многіе считаютъ даже эту пассивность и нерѣшительность преднамѣренной, чтобы незамѣтно дать усилиться 3-му сословію, и приписываютъ этому „ослѣпленію" отвѣтственность за событія послѣдующихъ лѣтъ.

Какъ бы то ни было, всѣ распоряженія правительства, вся переписка министровъ съ агентами мѣстной судебной и административной

---

[1]) *Mounier*, „Recherches sur les causes qui ont empêché les Français de devenir libres" (Paris, 1792) I 256: „Il ne parait pas que le ministère eût pris aucune précaution pour influer sur la rédaction des cahiers, ou sur la nomination des représentants".

[2]) См. *Chérest*, Chute de l'ancien régime II, 409—144 и passim.

Библиотека "Руниверс"

власти, все клонилось къ точному, безъ оговорокъ и недомолвокъ, проведенію начала невмѣшательства.

Циркуляръ статсъ-секретарей, членовъ государственнаго совѣта къ командующимъ войсками предписываетъ охраненіе порядка съ соблюденіемъ возможной свободы и величайшей умѣренности, дабы тщательно избѣгать давленія и „не возбуждать въ избирателяхъ страха вліянія власти". Циркуляръ министра юстиціи (хранителя печати) къ высшей на мѣстахъ административной власти—интендантамъ—поручаетъ имъ разъяснить администраціи (subdélégués), что на выборахъ должна царить полная свобода, безъ тѣни стѣсненія или воздѣйствія. То же повторяетъ циркуляръ министра къ лейтенантамъ—высшей на мѣстахъ судебной власти,—на которыхъ возложено главное завѣдываніе выборами въ 3-емъ сословіи. Подобныя же указанія получили бальи и сенешалы—будущіе предсѣдатели избирательныхъ собраній дворянства и общаго собранія—для принесенія присяги—соединенныхъ сословій. Конфиденціальность и офиціальность этихъ документовъ [1]) достаточно ясно свидѣтельствуетъ о намѣреніяхъ правительства.

Еще ярче выступаетъ эта черта въ административной перепискѣ, устраняющей всякія на этотъ счетъ сомнѣнія. Правительство внимательно слѣдило за выборами. Оно запрашивало свѣдѣній отовсюду, начиная съ бальи, сенешаловъ, лейтенантовъ, губернаторовъ, интендантовъ, и кончая subdélégués, мерами, консулами и частными лицами.

Министры отзывались на запросы, къ нимъ обращаемые, разъясняли недоумѣнія и недоразумѣнія, толковали законъ съ истинною подчасъ широтой взгляда, согласно рѣшеніямъ особой комиссіи, составленной изъ членовъ государственнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ хранителя печати, для разсмотрѣнія всѣхъ спорныхъ вопросовъ по созыву генеральныхъ штатовъ [2]).

---

[1]) См. тексты у *Brette*, „Recueil des documents relatifs à la convocation de 1789". 1, 320, 322, 325. *Chassin*. „Les élections et les cahiers de Paris" IV, 19, 20. „Eviter soigneusement tout ce qui, relativement aux délibérations et aux élections, pourrait avoir l'apparence de la contrainte on faire craindre l'influence de l'autorité..." „l'intention du Roi étant d'y faire régner une entière liberté..." „Elle (Sa Majesté) a spécialement recommandé qu'on évitât soigneusement tout ce qui pourrait présenter l'apparence de la contrainte, de la gêne ou *même de l'influence...*).

[2]) Commissaires dits de la Convocation nommés par Arrêt du Conseil du 4 Janvier 1789: 5 Conseillers d'Etat (de la Michodière, d'Ormesson, Vidaud de la Tour, de la Galaizière). Докладчикомъ былъ Delessart, maître des requêtes, а его помощникомъ Coster, premier commis des finances. *Brette*, 1 38, 367—370.

Библиотека "Руниверс"

По признанію радикальнаго Шассена, королевскій совѣтъ въ общемъ проникнутъ правильными взглядами и часто толкуетъ противорѣчивыя статьи регламента свободно и умно (avec une intelligence vraiment libérale) [1]).

По мысли правительства, обязанности мѣстныхъ властей сводились исключительно къ охраненію порядка и разъясненію избирателямъ сложнаго механизма избирательнаго дѣла. Предсѣдателямъ окружныхъ собраній предписано хлопотать о согласіи и единеніи между различными сословіями (union, harmonie), но вмѣшательство въ эти отношенія должно было сохранять, такъ сказать, дипломатическій, а не принудительный характеръ.

Личныя воззрѣнія Неккера не имѣли здѣсь рѣшающаго значенія [2]). Когда созваніе генеральныхъ штатовъ стало дѣломъ рѣшеннымъ, главное направленіе его возложено на хранителя печати (министра юстиціи Barentin), такъ какъ выборы пріурочены были къ судебной организаціи старой Франціи. Отвѣты Неккера и Барентена на запросы мѣстныхъ дѣятелей проникнуты однимъ общимъ духомъ.

„Охраняйте порядокъ, не стѣсняя свободы“ [3]). Это указаніе Неккера главному начальнику войскъ въ Безансонѣ, встревоженному броженіемъ умовъ, выражало руководящій принципъ тогдашней внутренней политики. Такъ понимали дѣло и мѣстныя власти, обѣщавшія, въ отвѣтъ на циркуляры и посланія, сообразовать свое поведеніе съ видами правительства. Такія обѣщанія даютъ интенданты: алансонскій [4]), аміенскій (пикардійскій) [5]), орлеанскій [6]) и т. д. Интендантъ канскій [7]) докладываетъ хранителю печати, что онъ передалъ нужныя указанія своимъ subdélégués; „я настоятельно имъ приказывалъ, чтобы въ этомъ важномъ и деликатномъ вопросѣ они проявляли свое рвеніе съ величайшею сдержанностью и съ самою скрупулезною осмотрительностью, дабы ихъ поведеніе не имѣло вида стѣсненія или принужденія, чтобы

---

[1]) *Chassin*, Génie de la Révolution, I 211.

[2]) Бреттъ упоминаетъ объ этомъ вскользь, въ противность общераспространенному взгляду. Оно вполнѣ подтверждается на дѣлѣ.

[3]) Неккеръ маркизу de Langeron commandant en chef en Franche-Comté 1-го апрѣля B III, 30, 369.

[4]) B III, 2, 497—499. Jullien хранителю печати 12-го февраля Ba 11 l. 5. 1°.

[5]) B III, 3, 264. D'Agay ему же 12-го февраля.

[6]) B III, 98, 201. 12-го февраля.

[7]) B III, 40, 54--56 (*Hippeau*, Les élections de de 1789 en Normandie,—99). 15-го февраля.

Библиотека "Руниверс"

выборы могли быть свободными и правильными". Интендантъ бордоскій [1]) прибавлялъ, что предписалъ имъ не только воздержаться отъ всякаго вліянія на выборы или редакцію наказовъ, но избѣгать даже всего, что могло бы возбудить такое подозрѣніе, такъ какъ это должны быть „акты абсолютно свободные". Интендантъ эсскій (Aix) [2]), обѣщавшій Неккеру устранить все „могущее стѣснять свободу", далъ приказъ въ этомъ смыслѣ своимъ subdélégués.

О содержаніи этихъ приказаній даетъ понятіе циркуляръ дѣятельнаго бургонскаго интенданта (Amelot) къ этимъ чиновникамъ, гласящій, что слѣдуетъ отказаться отъ личныхъ видовъ и предубѣжденій, не вмѣшиваться ни въ выборы, ни въ редакцію наказовъ, ни въ городахъ, ни въ деревняхъ, „самая широкая свобода должна существовать относительно этихъ двухъ предметовъ, она одна должна диктовать пожеланія націи" [3]).

Въ томъ же родѣ циркуляръ одного лейтенанта [4]) провинціи Maine къ городскимъ общественнымъ управленіямъ: воздерживайтесь не только отъ давленія и понужденія (gêne, contrainte), но даже отъ вліянія (influence) на выборы.

Если пересмотрѣть все относящееся до выборовъ въ 90 картонахъ серіи B[a] и 174 фоліантахъ серіи B III въ національномъ парижскомъ архивѣ, то нельзя найдти и слѣда тѣхъ макіавелистическихъ замысловъ правительства, какіе ему приписываются нѣкоторыми изслѣдователями. Говорилось о какихъ-то „monita secreta", тайно ослабляющихъ на дѣлѣ принципъ громко провозглашеннаго невмѣшательства, ходили слухи о какихъ-то высочайше утвержденныхъ образцахъ — cahiers ministeriels. Все это ни на чемъ не основано и отвергается серьезными изслѣдователями [5]). Бездоказательны также указанія на какія-то заднія мысли, не то двора, не то министровъ Людовика XVI, въ эту эпоху всеобщей растерянности, но полной розовыхъ упованій. Уже Мишле не совсѣмъ точно передаетъ сущность историческаго момента, приписывая правительству намѣ-

---

[1]) B III, 34, 190—194. *Proust*, Archives de l'Ouest III, 40. Nevil хранителю печати 6-го марта.

[2]) B III, 2, 95—97. B[a] 9 l. 3. 2°. M. Latour 11-го марта. Aix.

[3]) B III, 60, 91—95. 23-го февраля.

[4]) Lieutenant général de Beaumont le Vicomte (Maine) B III 79, 146—157.

[5]) *Cherest*, Chute de l'ancien régime II. *Карѣевъ*, Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ. *Brette*, Recueil de documents relatifs à la Convocation de 1789. I Introduction 59—62. См. также Шассена, Пру и друг.

Библиотека "Руниверс"

реніе приструнить привилегированныхъ, не давая вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ много воли народу [1]).

Организація выборовъ, во многихъ отношеніяхъ несостоятельная, основывалась на историческихъ прецедентахъ, добросовѣстно; но иногда не вполнѣ удачно приспособленныхъ къ потребностямъ минуты. И вотъ эти недостатки приписываются преднамѣренію. Одинъ провинціальный историкъ [2]) толкуетъ о „предубѣжденіяхъ противъ третьяго сословія", иронически замѣчаетъ, что король не упустилъ ничего для „обезпеченія себѣ хорошихъ выборовъ", открытая подача голосовъ въ первичныхъ собраніяхъ введена будто бы для облегченія подкуповъ и т. д.

Другой провинціальный историкъ [3]) обвиняетъ министерство въ коварныхъ замыслахъ по отношенію къ избирателямъ Аженскаго округа. Все дѣло сводится къ неправильно понятымъ текстамъ: лейтенантъ Лафиттъ обѣщаетъ исполнить предписанія хранителя печати съ усердіемъ и соблюденіемъ тайны. Авторъ спрашиваетъ, не игралъ ли министръ юстиціи, преданный двору, тайную игру противъ Неккера? Подтвержденіе тому онъ видитъ въ двусмысленномъ поведеніи лейтенанта на выборахъ и въ его запросѣ, получившемъ утвердительный отвѣтъ министра, на счетъ права баллотироваться въ депутаты;— „новый документъ въ подтвержденіе того взгляда, что тогдашнее правительство открыто побуждало всѣхъ своихъ агентовъ проникать въ избирательныя собранія третьяго сословія и при случаѣ попадать въ депутаты. Оно обезпечивало этимъ путемъ даже въ нѣдрахъ третьяго сословія вліяніе благопріятное видамъ двора". Это разсужденіе совершенно произвольно.

Одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ молодыхъ изслѣдователей мѣстной исторіи [4]) обвиняетъ правительство Людовика XVI въ отсутствіи

---

[1]) *Michelet*, Histoire de la Révolution, I. 136 (изд. 1887 г.).

[2]) *Cornillon*, Le Bourbonnais sous la Révolution (Vichy, 1888). I 16—28.

[3]) *Mondenard*, Cahiers de l'Agenois. 226, 227, 231, 232. В III, 1, 75. 19-го февраля письмо лейтенанта „Comptez, Monseigneur, sur le zèle et le secret; mais il est difficile de bien faire en si peu de temps. J'ai lu et pesé vos instructions: on peut embarasser les effets de l'influence; mais la couper c'est impossible, malgré le bref délai. On pourrait presque dire du temps que vous me donnez, que c'est trop ou trop peu". Дѣло идетъ о пресѣченіи вліянія мѣстныхъ воротилъ на избирателей.

[4]) *J. Viquier*, „La convocation des Etats généraux en Provence" (Paris, 1896), 358, 359, 379, 380.

Библиотека "Руниверс"

откровенности (franchise). Онъ спрашиваетъ, было ли оно вѣрно торжественно провозглашенному обязательству выслушать желанія націи? „Нѣтъ, королевское правительство не было вѣрно своему слову; нѣтъ, оно не было нейтрально между партіями; нѣтъ, оно не хотѣло, чтобы нація высказалась съ полной откровенностью"! Онъ видитъ „явно двусмысленное отношеніе" къ избирателямъ и не удивляется, что предсѣдатели, „указанные заранѣе", постараются конфисковать правду въ свою пользу. Этотъ выводъ основанъ на весьма обстоятельной, но, можетъ быть, нѣсколько придирчивой критикѣ регламента и его проведенія въ жизнь; однако, недостатки законодательства не могутъ сами по себѣ доказывать преднамѣренности со стороны законодателей.

Гораздо ближе къ истинѣ старый изслѣдователь архивовъ Пру, давшій слѣдующую мастерскую характеристику поведенія правительства въ 1789 году. „Что бы тамъ ни говорили, дворъ не оказывалъ вліянія на выборы по той простой причинѣ, что былъ заинтересованъ или считалъ себя заинтересованнымъ въ томъ, чтобы найдти какъ можно болѣе широкую точку опоры въ самомъ многочисленномъ сословіи. Многіе историки пошли тутъ по ложному слѣду: судя о намѣреніяхъ предшествующей минуты по событіямъ слѣдующаго дня, вообразили, что на выборахъ 1789 г. Людовикъ XVI боролся противъ 3-го сословія, что прямо противно истинѣ. Конечно, легко, на основаніи совершившагося потомъ, вообразить себѣ условнаго Неккера, Неккера—либерала, готовящаго революцію въ Версали и защищающаго третье сословіе противъ короля; но гдѣ доказательства для этого романа? Нигдѣ. Напротивъ, всѣ офиціальные документы свидѣтельствуютъ о полномъ ослѣпленіи короля и его министра". Созывъ третьяго сословія представлялся средствомъ выйдти изъ затрудненія и Людовикъ XVI считалъ его выгоднымъ для монархіи. Оба наивно думали, что, воспользовавшись услугами третьяго сословія, они легко потомъ отдѣлаются отъ неудобнаго союзника, путемъ поблажекъ. Неккеръ безпрестанно указывалъ королю на глубокое спокойствіе народа, Людовикъ XVI, довѣряясь этой внѣшности, спокойно и самымъ добросовѣстнымъ образомъ боролся съ аристократіей. Принципъ „divide et impera", казалось, приносилъ свои плоды. Привилегированные, требовавшіе генеральныхъ штатовъ, не ожидали „doublement du tiers", жалѣли, что кричали „да здравствуютъ штаты" и стремились сблизиться съ трономъ, который они только что потрясали, подавая руку буржуазіи Ренна и Визиля (Vizille). Совѣтъ забавлялся этими злоключеніями и король думалъ, что съ помощью такого покорнаго

Библиотека "Руниверс"

и такого преданнаго третьяго сословія останется только диктовать свою волю непокорнымъ. Только когда это оказалось иллюзіей, король сблизился съ привилегированными [1])...

А пока этотъ моментъ не наступилъ, либеральный Неккеръ (министръ финансовъ) и консервативный Барентенъ [2]) (министръ юстиціи) добросовѣстно заботились объ охраненіи свободы избирателей; правительство ни за что не хотѣло вторгаться въ эту область, не внимало искушеніямъ чрезмѣрно ретивыхъ администраторовъ, отвергало офиціальныя кандидатуры и искательства многочисленныхъ честолюбцевъ-охотниковъ попасть въ депутаты при содѣйствіи власти. „Надо отдать справедливость старой монархіи, говоритъ Легранъ, если она была самовластна, по крайней мѣрѣ она была честна“ [3])— въ данномъ случаѣ.

Не слѣдуетъ, однако, идти слишкомъ далеко въ этомъ заключеніи, въ родѣ риторической тирады Луи Блана о Неккерѣ: „онъ ждалъ съ безучастнымъ видомъ и взволнованнымъ сердцемъ; онъ хотѣлъ предоставить свободу выборамъ, устранить свою длань отъ этихъ многозначительныхъ урнъ“. Шассенъ, отдавая должное правительству, оставлявшему безъ отклика вопли нѣкоторыхъ администраторовъ о необходимости обуздать своеволіе избирателей, замѣчаетъ однако, что чудовище централизаціи, уже весьма сильно организованной, вперило свои тысячи глазъ и протянуло свои тысячи рукъ къ этимъ многозначительнымъ урнамъ [4]), къ тому же, вопреки намѣреніямъ короля и сановниковъ, мѣстныя власти безъ стѣсненія хозяйничали у себя дома, а сильные міра сего производили давленіе на зависимыхъ людей.

Вопросъ сводится къ тому, сумѣла ли центральная власть сообщить свою добрую волю мѣстному начальству, не находилось ли настроеніе правящихъ сферъ въ нѣкоторомъ разладѣ съ дѣйствительностью и могла ли власть оградить слабаго отъ произвола сильнаго?

Роль мѣстной власти и вопросъ о давленіи на избирателей 1789 г. не былъ изслѣдованъ во всей полнотѣ. До сихъ поръ историки рас-

---

[1]) *Proust*, Archives de l'Ouest. I 9, 10. Предисловіе къ изданію документовъ. Его разсужденіе приведено здѣсь, въ почти дословномъ переводѣ, цѣликомъ.

[2]) Бреттъ (статья Huot de Goncourt въ „Révolution Française“ 14-го ноября 1896 г. стр. 446) указываетъ на два теченія въ правящихъ сферахъ, отразившіяся на самомъ регламентѣ, причемъ Барентенъ былъ проводникомъ реакціоннаго направленія, ссылавшагося на прецеденты 1614 года.

[3]) *Legrand*, Senac de Meilhan, (Paris, 1868). 319.

[4]) *Chassin*, Génie de la Révolution, I 209.

Библиотека "Руниверс"

полагаютъ очень ограниченнымъ числомъ фактовъ въ этомъ отношеніи, приводятъ мимоходомъ единичные случаи, толкуя ихъ въ ту или другую сторону, но не имѣя подъ ногами достаточной почвы для всесторонняго освѣщенія предмета. Образчикомъ этой безпочвенности можетъ служить полемика консервативнаго Понсена съ радикальнымъ Шассеномъ. Послѣдній, въ доказательство существованія давленія, приводитъ всего три случая. Понсенъ, возражая ему, вмѣсто того, чтобы расширить поле изслѣдованія, побѣдоносно полемизируетъ на почвѣ одного изъ приведенныхъ фактовъ, а именно выборовъ въ провинціи Форе (Forez) [1]). При такихъ условіяхъ вопросъ впередъ не подвигается, а между тѣмъ картоны и фоліанты національнаго архива содержатъ богатѣйшій, почти нетронутый матеріалъ.

Первое, что поражаетъ, даже при бѣгломъ чтеніи источниковъ, это крайняя нерѣшительность и уступчивость центральной власти.

Правительство стараго порядка было въ ту пору чрезвычайно слабымъ и если во Франціи царилъ неограниченный произволъ, то во всякомъ случаѣ о дисциплинѣ не было и помину. Сущность деспотизма въ эту эпоху заключалась, по словамъ Шере [2]), не столько въ злоупотребленіи силой, сколько во всеобщей распущенности и государственномъ безсиліи. Если народъ былъ еще угнетенъ и приниженъ, то образованное общество, начиная съ средней буржуазіи, давно уже перестало дрожать передъ властью. Старое, нѣсколько мелодраматическое представленіе объ угнетенномъ настроеніи людей, боящихся изъ-за одного слова попасть въ Бастилію, не примѣнимо къ царствованію Людовика XVI, въ особенности къ данной минутѣ, когда между властью и обществомъ, послѣ крикливой оппозиціи послѣднихъ лѣтъ, установились довѣрчивыя отношенія въ ожиданіи давно желанныхъ генеральныхъ штатовъ. Къ тому же свойственное XVIII вѣку сентиментальное благодушіе одушевляло начальствующихъ и подчиненныхъ. Доступность министровъ была даже чрезмѣрной, такъ какъ приходилось удѣлять вниманіе мечтаніямъ наивныхъ проэктеровъ, вожделѣніямъ нахальныхъ честолюбцевъ и жалобамъ обиженныхъ неудачниковъ. Характеренъ при этомъ тонъ обращеній къ министрамъ какъ частныхъ лицъ, такъ и общественныхъ учрежденій. Крайняя его фамильярность свидѣтельствуетъ о малой степени возбуждаемаго страха. Особенно не стѣсняются съ популярнымъ Неккеромъ,

---

[1]) *Poncins*, Les cahiers de 89". 20—24 (изд. 1887 г.).

[2]) *Cherest*, La chute de l'ancien régime, (Paris, 1884). III, 349.

Библиотека "Руниверс"

которому городъ Condeau вотируетъ курьезный хвалебный адресъ [1]), а одинъ авторъ посвящаетъ любопытное „Посланіе генеральному директору финансовъ по поводу слуха, что онъ ѣстъ исключительно яства, приготовляемыя ему его добродѣтельною супругой“ [2]). Нѣкоторые корреспонденты Неккера извиняются, что не имѣли подъ рукой хорошей бумаги и чернилъ [3]), сапожникъ Guérin проситъ денегъ, чтобы пріѣхать къ нему изложить свой планъ реформъ, долженствующій переродить Францію [4]), нѣкій Goupy восклицаетъ: „Ахъ! мой дорогой г. Неккеръ, съ какимъ бы удовольствіемъ я васъ поцѣловалъ! Въ то время, когда фортуна, разсѣянная и капризная, обращала свои взоры на другіе предметы, я съ своей стороны громкимъ голосомъ (avec une voix de stentor) гордо поддерживалъ ваши интересы и, узнавъ о вашемъ вторичномъ призывѣ, мое сердце, это сердце, чьей пищей служитъ истина, встрепенулось отъ радости. Богу извѣстно, что это правда“! [5]) Просители безъ всякаго стѣсненія посвящаютъ министровъ въ свои семейныя дѣла и денежныя дрязги, искренне удивляются или негодуютъ, когда высшее начальство отказывается исполнить неисполнимыя требованія, при чемъ даетъ себѣ, однако, трудъ вѣжливо отвѣчать на подобные запросы и объяснять ихъ несостоятельность.

Въ Турени нѣкій Chenantais de Lofferrière [6]), мечтавшій попасть въ депутаты, сообщаетъ министру юстиціи, что уже избранъ въ второстепенномъ округѣ: „остается сдѣлать только одинъ шагъ“, чтобы попасть въ генеральные штаты. „Je l'obtiendrais surement, parce que j'ai déjà la voix publique, si vous vouliez vous en mêler“, рекомендуя просителя, какъ угоднаго правительству кандидата. При этомъ онъ посылалъ свою высокопарную брошюру „Hommage des plébeyens à l'Empereur des Gaules“. Но напрасный трудъ: министръ объяснилъ ему, что это невозможно, а избиратели провалили его кандидатуру, къ великому сожалѣнію, какъ онъ объяснялъ, добрыхъ патріотовъ,

---

[1]) Ba. 2 l, B. № 153.

[2]) Ba. 5 l, L № 124. Epître à Mgr. le Directeur Général des finances sur le bruit qui court qu'il ne mange que les mets que sa vertueuse épouse lui prépare.

[3]) Ba. 4. l. E. F. passim.

[4]) Ba. 4. l. G.

[5]) Goupy bourgeois résidant à Jagny Неккеру 17-го апрѣля B III. 102, 618—621.

[6]) B. III 150 f. 527. 534. Ba. 83. l. 202. 8°, 9°. B III 164, 786—807, письма его отъ 12-го марта и 27-го марта, отвѣты министра отъ 23-го марта и 1-го апрѣля.

Библиотека "Руниверс"

а также „самыхъ богатыхъ и самыхъ просвѣщенныхъ (lumineux) землевладѣльцевъ". Министръ же утѣшалъ его, прибавляя, что избиратели вольны въ своемъ выборѣ.

Въ Анжу, мелкій землевладѣлецъ Esnault de la Gaulterie [1]) объясняетъ министру, что король воленъ назначить добавочныхъ депутатовъ (addition des individus); такъ какъ проситель составилъ „краткій и разумный" наказъ своей деревни, то онъ ожидаетъ королевскаго приглашенія. Адвокатъ Camusat [2]) пишетъ Неккеру, что если еще не поздно просить добавочнаго депутата и министръ можетъ „самъ избрать его", то проситель съ удовольствіемъ укажетъ подходящаго кандидата.

По отношенію къ серьезнымъ запросамъ и основательнымъ жалобамъ эта доступность министровъ могла приводить къ самымъ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Она сопровождалось очень внимательнымъ отношеніемъ къ самому содержанію жалобъ. Поучителенъ въ этомъ смыслѣ случай съ деревней le Cannet въ Провансѣ, депутаты которой жаловались на злоупотребленія сеньера; хранитель печати пишетъ интенданту, чтобы тотъ разобралъ дѣло, успокоилъ деревню. „Вы провѣрьте факты, но такъ, чтобы не скомпрометировать тѣхъ, кто подписался подъ челобитною" [3]). Такимъ образомъ во всемъ сквозитъ взаимное благоволеніе. Недавніе крики противъ министерскаго деспотизма смѣнились обожаніемъ короля, этого новаго Генриха IV, Неккера—этого испытаннаго друга народа. Министерство въ цѣломъ своемъ составѣ возбуждаетъ къ себѣ довѣріе и стремится оправдать это довѣріе. Наряду съ этою внѣшней, такъ сказать праздничною, стороной дѣла, рѣшающее значеніе въ эту великую минуту имѣла оборотная сторона: власть была слишкомъ слаба, а общественное неравенство широкое поле для произвола, открываемое учрежденіями стараго порядка, представляло слишкомъ грозную силу. Логика жизни и наслѣдіе старыхъ политическихъ грѣховъ не всегда совпадали съ правительственной программой.

Возбуждая вопросъ о степени искренности избирательныхъ операцій, необходимо различать двоякаго рода насиліе, могущее направлять выборы и составленіе наказовъ въ духѣ противоположномъ волѣ

---

[1]) Приведено у Бретта (I, Introduction 55).

[2]) Ibidem B. III 79, 529. (Mamers) „et de le choisir vous même".

[3]) B III, 167, 219, 220.

Библиотека "Руниверс"

избирателей. Давленіе можетъ исходить отъ правительственной власти, придающей выборамъ окраску, согласную съ ея видами. Наряду съ подобнаго рода насиліемъ, которое можно назвать политическимъ, исторія представляетъ не мало примѣровъ принудительнаго воздѣйствія на избирателей, возникающаго въ нѣдрахъ самого общества, помимо воли правительства. Это давленіе соціальнаго, такъ сказать, характера, когда сильные міра сего, изъ личныхъ, сословныхъ, корпоративныхъ или, наконецъ, классовыхъ побужденій, производятъ на робкую массу прямое или косвенное понужденіе.

Между политическимъ и соціальнымъ давленіемъ возможно еще нѣчто среднее. Въ случаѣ неисправности правительственнаго механизма или несовершенства избирательнаго законодательства происходятъ злоупотребленія со стороны мѣстныхъ властей или избиратели недостаточно ограждены закономъ отъ внушеній и насилій сильныхъ міра. Тутъ мѣстный произволъ, идя противъ намѣреній власти, опирается, однако, на ея авторитетъ, а между тѣмъ этотъ самый авторитетъ не мѣшаетъ сильнымъ навязывать свою волю слабѣйшимъ. Что же происходило во Франціи въ 1789 году? Выборы 1789 года были пріурочены къ судебной организаціи Франціи, примѣнительно къ историческому прецеденту — генеральнымъ штатамъ 1614 года. Руководство выборами 3-го сословія по избирательнымъ округамъ (бальяжи и сенешоссеи) возложено было на высшую мѣстную судебную власть — лейтенантовъ [1]). Они были предсѣдателями по закону окружныхъ собраній 3-го сословія. При этомъ вся процедура носила характеръ судебнаго засѣданія: по производствѣ переклички, въ протоколъ заносились свѣдѣнія о явкѣ или неявкѣ депутатовъ, королевскій прокуроръ представлялъ предложенія, лейтенантъ давалъ заключенія.

Въ первичныхъ же собраніяхъ приходовъ и городскихъ корпорацій предсѣдательствовали опять-таки мѣстные судьи низшей инстанціи или ихъ замѣстители.

---

[1]) Слово „лейтенантъ" приводится здѣсь въ чисто условномъ значеніи. При страшной путаницѣ должностей, лейтенанты были самыхъ различныхъ категорій: lieutenant civil, lieutenant criminel, lieutenant de police и т. д. Лейтенанты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были lieutenant général или lieutenant particulier; какъ самое названіе показываетъ, это были замѣстители (locum tenens) старыхъ бальи и сенешаловъ, потерявшихъ мало-по-малу фактическую власть. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лейтенантовъ не было: тамъ предсѣдательствовали бальи, сенешалы или прево.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, сверху до низу, судьба выборовъ была въ рукахъ судебнаго сословія.

Это было сословіе въ общемъ весьма вліятельное и независимое. Судьи, пріобрѣтавшіе мѣста путемъ покупки, были несмѣняемы. Строптивость этой корпораціи, члены которой имѣли очень широкія права и довольно неопредѣленныя обязанности, была причиной множества смутъ и столкновеній разнаго рода. Стоитъ только вспомнить войну, какую вели парламенты съ пресловутымъ министерскимъ деспотизмомъ и даже съ самою королевской властью. Лейтенанты и другіе судейскіе, принимавшіе участіе въ выборныхъ операціяхъ, были подчинены въ этомъ отношеніи хранителю печати, но пересматривая ихъ переписку, приходится на каждомъ шагу удивляться тому духу независимости и той иногда рѣзкости тона, съ какою господа судьи относились къ министру. Подобныя отношенія подчиненныхъ къ высшей власти были бы совершенно немыслимы въ административной іерархіи современныхъ государствъ, но таково уже свойство стараго порядка, совмѣщавшаго произволъ и самовластіе съ едва вѣроятнымъ безсиліемъ власти. Тонъ лицъ, почему либо недовольныхъ рѣшеніемъ начальства, иногда прямо изумителенъ. Любопытна въ этомъ отношеніи переписка хранителя печати съ лейтенантомъ и королевскимъ прокуроромъ г. Суассона, между которыми произошло рѣзкое столкновеніе на окружномъ собраніи: сначала министръ мягко объяснилъ прокурору незаконность его поведенія, на что тотъ отвѣчалъ весьма рѣзко, затѣмъ лейтенантъ въ свою очередь обидѣлся на разспросы хранителя печати, который чуть ли не извинялся за это передъ нимъ,—такимъ образомъ оба соперника выступали въ роли обвинителей, а министръ долженъ былъ оправдываться въ томъ, что желалъ составить себѣ независимое мнѣніе объ этомъ спорѣ [1]).

Но это еще ничего. Лейтенанты позволяютъ себѣ скрывать отъ избирателей рѣшенія министра, которыя имъ не нравятся. Барентенъ и Неккеръ осудили поведеніе лейтенанта Понтамуссонскаго, но тотъ, не смущаясь, самъ докладываетъ министру, что скрылъ его отвѣтъ отъ избирателей! „Изъ опасенія возбудить ропотъ, жалобы, смуты, расколъ, вражду, я хранилъ молчаніе о письмѣ вашего превосходительства отъ 17-го числа, никто не знаетъ его содержанія и когда обнаружилось, что на почтѣ... былъ пакетъ по

[1]) В III, 144, 573 и passim B^a 80 l. 191.

Библиотека "Руниверс"

моему адресу съ надписью „отъ хранителя печати", я отвѣчалъ, что дѣйствительно ваше превосходительство сдѣлали мнѣ честь написать, но *безъ положительныхъ указаній на счетъ моего поведенія*. Судите меня!". Далѣе слѣдуетъ оправданіе этого поведенія, положительно не одобреннаго двумя министрами! [1]). Пріемъ этотъ очень простъ: затягиваютъ обнародованіе отвѣта министерства, непріятнаго для предсѣдателя и благопріятнаго оппозиціи, а затѣмъ ссылаются на совершившійся фактъ. Въ Тулѣ предсѣдатель не хотѣлъ удовлетворить основаннаго на законѣ требованія собранія о сокращеніи наличнаго числа его членовъ [2]). 18-го марта онъ получаетъ отзывъ министра (отъ 13-го), благопріятный требованію собранія и заключающій въ себѣ досадное для предсѣдателя рѣшеніе, что послѣдній можетъ голосовать, наравнѣ съ прочими избирателями, только въ томъ случаѣ, если былъ избранъ представителемъ какого-нибудь первичнаго приходскаго собранія [3]). Этотъ отвѣтъ предсѣдатель скрываетъ до 21-го числа, а затѣмъ доводитъ до свѣдѣнія собранія, въ виду обращенныхъ къ нему требованій; но тогда было уже поздно и оставалось только извиниться передъ хранителемъ печати за совершившійся фактъ, объясняя, что теперь уже его не передѣлать [4])...

Оправданіемъ такого отношенія мѣстной власти къ высшему начальству можетъ служить отчасти безпомощность, безтолковость и растерянность, обнаруженная парижскими министерскими чиновниками въ моментъ созыва народныхъ представителей. Правительство уступчивостью и уклончивостью своихъ распоряженій какъ бы само сознавалось въ своемъ безсиліи.

Послѣднее сказалось на первыхъ же порахъ въ фактѣ, повидимому, мелкомъ, но во всякомъ случаѣ наводящемъ на размышленія. Для созыва городовъ и деревень на первичныя избирательныя собранія министерство разсылало въ округа печатные экземпляры призывныхъ грамотъ и регламента, съ тѣмъ, чтобы лейтенантъ отправилъ судебныхъ приставовъ (huissier) въ каждое подлежащее при-

---

[1]) В III, 23, 300—306. Ba 19 l. 24, 24°. Pont-à-Mousson 23-го марта.

[2]) Такъ называемая „réduction au quart".

[3]) Въ первомъ случаѣ лейтенантъ—только руководитель собранія, во второмъ—также избиратель собранія второй степени.

[4]) В III, 147, 348—455. Письма лейтенанта къ хранителю печати, жалоба городскаго депутата Michelet Неккеру, mémoire муниципальнаго совѣта, жалоба 5 городскихъ депутатовъ. Ba 81, l. 196. Toul.

Библиотека "Руниверс"

зыву поселеніе, для распубликованія тамъ этихъ правительственныхъ распоряженій. Такимъ образомъ, нужно было по крайней мѣрѣ по одному экземпляру грамоты и регламента на каждый приходъ. Эти бумаги должны были быть своевременно доставлены изъ Парижа, такъ какъ заблаговременно было категорически запрещено перепечатывать эти афиши на мѣстахъ: высочайше утвержденная инструкція, преподанная государственнымъ совѣтомъ бальи и сенешалямъ мотивируетъ это запрещеніе тѣмъ, что будетъ прислано достаточное количество экземпляровъ изъ Парижа, „чтобы каждый приходъ получилъ по одному [1])".

Между тѣмъ доставка изъ Парижа въ округа совершилась такъ безтолково и безпорядочно, что выборы въ значительной части Франціи состоялись съ сильнымъ запозданіемъ, несмотря на крайнюю спѣшку и распорядительность мѣстныхъ властей.

Бреттъ [2]) приводитъ нѣсколько любопытныхъ образчиковъ небрежности и невѣжества парижскихъ чиновниковъ, перепутывавшихъ адреса, перевиравшихъ званія. Въ росписаніи округовъ, составленномъ законодательнымъ порядкомъ, попадается, напримѣръ, имя не существующаго въ Нормандіи бальяжа Gy (искаженіе имени Ezy, присоединеннаго къ другому округу) и т. п. Въ графство Commingeз отправлена посылка съ афишами по слѣдующему адресу: г. генеральному лейтенанту коммингжскаго бальяжа въ г. Commingeз. Между тѣмъ, говоритъ Бреттъ, въ этомъ графствѣ не было бальяжа, не было генеральнаго лейтенанта, не было даже города этого имени! Поэтому между судейскими вышли безконечныя пререканія относительно руководительства на выборахъ, при чемъ сенешалъ обзывалъ своего соперника сумасшедшимъ и т. д. Пакетъ, предназначенный для лейтенанта аміенскаго, адресованъ генеральному лейтенанту города Ham, гдѣ не было такого должностнаго лица: „вслѣдствіе небрежности корчмаря, королевскія грамоты пролежали 15-ть дней въ Ham'ѣ, въ то время какъ (всѣ) изнывали въ Аміенѣ". Въ Либурнъ были присланы грамоты безъ королевской подписи и печати.

Но это бы еще полъ-бѣды, такъ какъ вслѣдствіе всеобщаго запозданія дана была отсрочка. Хуже всего то, что въ присланныхъ посылкахъ оказалось слишкомъ мало экземпляровъ, такъ что не хватало афишъ на каждый поселокъ. Слишкомъ мало было отпечатано, а между тѣмъ

---

[1]) *Brette* I, 329. Fait et arrêté en Conseil d'Etat du Roi, Sa Majesté ytant.

[2]) *Brette* I, Introduction 20—23 и примѣчанія къ тексту регламента.

Библиотека "Руниверс"

перепечатка грамотъ на мѣстахъ была формально запрещена. Отъ этого могло пріостановиться все дѣло созыва народныхъ представителей: не могли же пристава являться въ деревню съ пустыми руками. И вотъ, въ этомъ по виду мелочномъ, но на дѣлѣ очень серіозномъ затрудненіи, независимость мѣстной власти оказала значительную услугу всему дѣлу, исправивъ небрежность центральной власти. По всей Франціи лейтенанты, какъ бы сговорившись, попросту игнорируютъ запрещеніе, преспокойно даютъ отпечатать необходимое число экземпляровъ [1]) и разсылаютъ ихъ избирателямъ. Затѣмъ они попросту извѣщаютъ объ этомъ министра юстиціи; одни сконфуженно извиняясь, большинство же—безъ смущенія, объясняя настоятельную необходимость такой мѣры. Одинъ изъ нихъ (Lafitte—лейтенантъ аженскій) черезчуръ даже поторопился нарушить предписаніе, боясь, что выборы затянутся вслѣдствіе ужасныхъ дорогъ, большихъ разстояній и дробности поселковъ. Между тѣмъ пакетъ прибылъ на мѣсто уже около 22-го февраля и лейтенантъ лаконически докладываетъ: „Я готовъ поплатиться за мою ошибку, я ее признаю, но излагаю мои мотивы [2])".

Надо отдать справедливость министерству, оно одобрило нарушеніе своихъ распоряженій и даже благодарило нарушителей. Мало того. единственный лейтенантъ, не рѣшившійся пренебречь запрещеніемъ, получилъ выговоръ за свое послушаніе. Это случилось въ Tartas, гдѣ лейтенантъ Laluque, безтолковый старикъ, страшно волновался, вслѣдствіе запозданія пакета, писалъ хранителю печати отчаянныя письма, жаловался еще 11-го апрѣля, что ничего не можетъ предпринять, что „всѣ кричатъ здѣсь противъ меня", обижался на своихъ согражданъ, негодовавшихъ на такое промедленіе, захворалъ отъ безпокойства, грозилъ все бросить и уѣхать въ деревню.... 14-го апрѣля онъ называлъ свое положеніе критическимъ въ виду рѣзкаго выступленія противъ него городской думы, корпорацій и королевскаго прокурора, выразившихъ ему свое неодобреніе офиціальнымъ протестомъ. Между тѣмъ, всю свою жизнь онъ привыкъ точно исполнять приказанія, а утвержденная совѣтомъ инструкція запрещаетъ

---

[1]) Въ Barcelonnette копіи были сдѣланы рукою, такъ какъ ближайшая типографія (въ Aix) была слишкомъ далека. *Viguier*, La Convocation en Provence (Paris, 1896), 98.

[2]) В III, 1 f. 8°. Bª 9, l. 2, 1°, письмо 22-го февраля. Mondenard (стр. 227), перепечатывая его текстъ, пропустилъ существенную фразу: „Pressé par le peu de temps, j'ai cru pouvoir outrepasser l'instruction".

Библиотека "Руниверс"

перепечатку грамотъ: „я ихъ жду и не вижу ничего, что могло бы ихъ замѣнить". Но хранитель печати иначе посмотрѣлъ на дѣло: „Васъ не должно было остановить запрещеніе перепечатки регламента, такъ какъ неудобства, какія имѣлось въ виду избѣжать этимъ запрещеніемъ, гораздо меньше, чѣмъ ваше бездѣйствіе. Вы единственный, кого оно остановило въ данномъ случаѣ"; министръ объяснялъ, что его коллеги въ другихъ округахъ „испытали то же препятствіе (contretemps)", но справились; повторялъ, что онъ единственный въ своемъ родѣ, давшій себя смутить clause prohibitive. Кончилось тѣмъ, что сенешалъ созвалъ окружное собраніе, а лейтенантъ, больной и обиженный, уѣхалъ въ деревню, протестуя противъ упрековъ министра за „самое слѣпое и самое полное повиновеніе". объясняя, что въ теченіе 34 лѣтъ дѣятельности не научился ослушаться и надѣется никогда этому не научиться. Хранитель печати съ своей стороны утѣшалъ старика, жаловавшагося, что честь его поругана этой исторіей... [1]).

Итакъ, само правительство одобрило почти повсемѣстное уклоненіе отъ исполненія одного изъ его распоряженій. Но это случай не единственный. Правительство, какъ это выяснилъ Бреттъ, допускало гораздо болѣе важныя отступленія, даже прямое нарушеніе положеній регламента 24-го января 1789 г., то-есть, основнаго законодательнаго акта о выборахъ. Началось съ того, что всѣ недовольные созваніемъ генеральныхъ штатовъ, часть аристократіи и высшаго духовенства, а также всѣ лица, задѣтыя въ своихъ личныхъ или мѣстныхъ привилегіяхъ, провозгласили фикцію, оправдывающую противодѣйствіе ясно выраженной въ законѣ королевской волѣ: регламентъ — не законъ, а простая инструкція, совѣтъ, но безъ всякаго принудительнаго характера [2]). Поэтому часть парижскаго дворянства, въ подписанномъ протоколѣ, не стѣсняясь, обзываетъ регламентъ вѣчнымъ памятникомъ окружающей ихъ несправедливости, а бордосское дворянство—противнымъ національнымъ правамъ и обычаямъ.

Либералы съ своей стороны считали нелишнимъ обезпечить себѣ подобную же оговорку. Аббатъ Сійесъ, въ извѣстной инструкціи „Déliberations à prendre dans les assemblées de bailliages", присо-

---

[1]) В III, 146, 102, 108, 117, 124, 126, 129, 132, и далѣе passim. B^a 80 l. 195. 6°. Письма хранителя печати отъ 10-го и 27-го апрѣля и т. д., письма лейтенанта отъ 11-го, 14-го и 18-го апрѣля и т. д.

[2]) „une instruction informe, dénuée de tout caractère obligatoire"... „instruction, dont les dispositions n' étaient nullement impératives".

Библиотека "Руниверс"

единенной къ открытому письму герцога Орлеанскаго, называетъ регламентъ указаніями, совѣтами, инструкціею, какіе его величеству угодно было преподать бальяжамъ для облегченія организаціи выборовъ. Аббатъ предлагаетъ принести королю всеподданнѣйшую благодарность за эти „instructions bienveillantes et paternelles", но затѣмъ, сразу перемѣнивъ тонъ, прибавляетъ: „я считаю очень важнымъ, чтобы окружныя собранія не придерживались точно пресловутыхъ (prétendus) регламентовъ", ибо исполнительная власть не должна имѣть права вліять на образующія составныя части (formes constitutives) представительныхъ собраній.

А что же правительство? Понятно, оно не могло санкціонировать подобнаго взгляда, но косвенно ему потворствовало [1]).

Вслѣдствіе многочисленныхъ недоразумѣній въ Немурскомъ бальяжѣ, бальи де Ноайль, отправившійся въ Парижъ для объясненій съ членами комиссіи по созыву генеральныхъ штатовъ (commissaires de la convocation), докладывалъ собранію, что на всѣ его замѣчанія отвѣчали „однимъ словомъ" (par ce seul mot), что регламентъ—простая инструкція, которою монархъ и его совѣтъ не думали сковывать волю націи.

Избиратели такъ и поняли. Хранитель печати получалъ письма въ родѣ слѣдующаго: „Такъ какъ регламентъ его величества не могъ всего предусмотрѣть и такъ какъ по вашимъ, монсеньеръ, словамъ, онъ—только инструкція"... Въ протоколѣ духовенства одного прихода заявлено, что вслѣдствіе недостатковъ регламента (inconvénients) правительство во многихъ округахъ „принуждено было объявить, что это простой совѣтъ".

Дѣйствительно, растерявшееся правительство, запутавшись въ собственныхъ противорѣчіяхъ, чувствуя свое безсиліе и сознавая непримѣнимость того или другаго постановленія, наконецъ, утомленное просьбами, запросами и протестами, выходило изъ затрудненія при помощи заявленія, что въ данномъ случаѣ регламентъ не имѣетъ обязательной силы (n' est pas de rigueur). Такая судьба постигла ст. 34, гласившую, что окончательныя окружныя собранія, въ случаѣ многолюдства, должны сократить наличное число членовъ до 200 (réduction à 200). Когда отовсюду посыпались протесты противъ подобной ампутаціи, правительство сдалось немедленно: лейтенанты получали отъ министра любезныя письма, что король обратилъ осо-

---

[1]) *Brette*, I, Introduction, 10—14.

Библиотека "Руниверс"

бенное вниманіе (considération particulière) на представленіе даннаго округа, а потому повелѣваетъ сообщить, что это сокращеніе не обязательно.

Надо отдать справедливость министерству юстиціи: оно удивительно аккуратно отвѣчало на безчисленные, часто мелочные запросы, къ нему обращаемые. Съ большимъ терпѣніемъ давались отвѣты на замѣчанія, часто безтолковыя, или совершенно ненужныя, или свидѣтельствующія о полной путаницѣ понятій и невнимательномъ прочтеніи регламента. Но эта доступность и это вниманіе были обманчивы. Вниманіе было поверхностнымъ и сводилось часто къ простой отпискѣ. Къ тому же Бреттомъ уловлено много случаевъ невѣроятной оплошности чиновниковъ, независимо отъ ошибокъ, неизбѣжныхъ въ такомъ сложномъ и спѣшномъ дѣлѣ. Отъ имени министра писались отвѣты, обнаруживавшіе незнаніе регламента, полную путаницу и невниманіе; это еще болѣе запутывало и безъ того запутанное дѣло [1]), такъ что многіе лейтенанты были въ полномъ недоумѣніи. Чаще всего министры отдѣлывались общими мѣстами и уклончивыми указаніями.

Изрѣдка на обращенныя къ нему слишкомъ громкія жалобы или такія, которыя поддерживались очень вліятельными лицами, правительство властно вмѣшивалось въ дѣло, предписывало новыя избирательныя собранія, кассировало распоряженія лейтенантовъ. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ участіе власти сводилось къ санкціонированію совершившагося факта. За малыми исключеніями правительство утверждало совершившееся, несмотря на то, что признавало наличность злоупотребленія или оплошности. При этомъ министръ, со свойственною тогдашней административной перепискѣ изысканною, даже приторною вѣжливостью, утѣшаетъ обиженныхъ и протестующихъ, объясняя, что минувшаго не воротить. Очень часто, порицая вопіющіе факты злоупотребленія властью, министръ, вмѣсто рѣзкой отповѣди, мягко и любезно разъясняетъ лейтенанту незаконность его поступковъ, заканчивая комплиментомъ или общимъ мѣстомъ, что избытокъ усердія, вызвавшій неправильное распоряженіе, свидѣтельствуетъ о горячей преданности престолу, что, можетъ быть, незаконный поступокъ вызванъ какими-нибудь обстоятельствами, правительству неизвѣстными, и т. п. Въ отвѣтъ на жалобы понтамуссонцевъ [2]) противъ беззаконій

---

[1]) *Бреттъ*, I, Introduction, 25—30 и passim.

[2]) В III, 23, 261—290, 305 и passim, Pont-à-Mousson.

Библиотека "Руниверс"

лейтенанта (того самаго, который имѣлъ дерзость скрыть отъ избирателей неодобреніе его дѣйствій со стороны правительства) министръ признаетъ нареканія справедливыми, но отказывается, за позднимъ временемъ, отъ назначенія новыхъ выборовъ, утѣшая ихъ „чистотой намѣреній" (pureté des intentions) лейтенанта!

Выраженія признательности и одобренія такъ и сыпались изъ-подъ пера министровъ. При чтеніи этой безконечной переписки поражаетъ, какъ они мало скупились на похвалы и съ какимъ трудомъ рѣшались на порицаніе.

Сенешалъ бордоскій, обнаружившій во время выборовъ невѣроятное невѣжество, полное презрѣніе къ закону и дикое самодурство, удостоился нѣсколько мѣсяцевъ спустя (въ сентябрѣ), конечно по недосмотру, извѣщенія отъ хранителя печати, что король, по докладу о его достохвальномъ поведеніи во время выборовъ, повелѣлъ выразить высочайшее одобреніе и увѣреніе въ особомъ покровительствѣ [1]).

При столкновеніяхъ между мѣстными властями и избирателями министерство посылало блѣдныя увѣщанія обѣимъ сторонамъ, при чемъ склонялось на сторону тѣхъ, отъ кого получено послѣднее по времени оправдательное письмо. Въ концѣ концовъ министръ утѣшалъ обиженныхъ и ободрялъ или мягко журилъ обидчиковъ. Когда предсѣдатель одерживалъ верхъ надъ избирателями, министерство радовалось твердости власти. Когда, наоборотъ, предсѣдатель вынужденъ былъ уступить избирателямъ, министерство поздравляло его за выказанную умѣренность, осторожность и т. п. добродѣтели (prudence, modération, esprit de conciliation, patience).

Въ Парижѣ [2]), на глазахъ у высшаго начальства, 3-е сословіе отказалось принять предсѣдателя и секретаря по назначенію; лейтенанту было предложено, что его изберутъ въ предсѣдатели, но онъ отказался, покинулъ залъ, вмѣстѣ съ королевскимъ прокуроромъ, предоставилъ собранію избрать по своему усмотрѣнію предсѣдателя (Target) и секретаря (Bailly). Это былъ настоящій бунтъ противъ регламента, но министръ двора „могъ только одобрить осторожность и умѣренность" этихъ должностныхъ лицъ и вмѣнилъ въ заслугу лейтенанту его безсильный протестъ, какъ „охраненіе принципа".

Такимъ образомъ, какъ ни развито было уже тогда 1000-глазое

---

[1]) Подробно изложено у Бретта (т. I, Introduction, 52—54).

[2]) Laurent de Villedeuil, secrétaire d'Etat au département de la maison du roi B^a. 61. l. 149. *Chassin*, „Elections de Paris", III, 11—17.

Библиотека "Руниверс"

чудовище централизаціи, о которомъ говоритъ Шассенъ, несомнѣнно, что въ рѣшительный часъ выборовъ центральная власть была не руководителемъ, а пассивнымъ зрителемъ того, что совершалось. Поэтому не слѣдуетъ придавать черезчуръ большаго значенія добрымъ намѣреніямъ Людовика XVI и его министровъ. Судьба выборовъ 1789 г. зависѣла гораздо больше отъ совокупности отношеній, складывающихся на мѣстѣ, отъ взаимодѣйствія различныхъ общественныхъ группъ и вліянія мѣстныхъ властей, иногда тѣмъ болѣе вліятельныхъ, чѣмъ онѣ были мельче и ближе къ народу.

Только послѣ изученія этихъ условій возможенъ будетъ отвѣтъ на вопросъ, насколько наказы 1789 г. выражаютъ настроеніе большинства французскаго народа и насколько депутаты національнаго собранія являются излюбленными людьми и избранниками этого большинства.

Необходимо прежде всего разсмотрѣть, была ли способна и согласна мѣстная власть, руководившая организаціей выборовъ, оправдать надежды благодушнаго Людовика и либеральнаго Неккера?

Далеко не всѣ лейтенанты раздѣляли принципы Неккера относительно полной свободы, долженствующей царить на выборахъ. Въ умахъ людей, власть имущихъ, а также многихъ обывателей господствовало значительное смѣшеніе понятій и путаница по этому предмету. У мѣстныхъ дѣятелей были иногда удивительныя представленія о прерогативѣ власти и правахъ избирателей. Предсѣдатели окружныхъ собраній, не попавшіе въ депутаты, просятъ министра, чтобы король своею властью назначилъ ихъ въ народные представители. При этомъ лейтенантъ бузонвильскій (Couturier) [1]) ссылается на то, что его неизбраніе „удивило многихъ", сенешалъ коминжскій (marquis d'Espagne) объясняетъ, что эта милость доставила бы ему живѣйшую радость, прево парижскій (Boulainvilliers), а также лейтенанты ланскій и камбрейскій провозглашаютъ себя депутатами по праву, въ связи съ занимаемыми ими должностями. Хранитель печати деликатно устранялъ эти вожделѣнія и объяснялъ прево парижскому, что представительство въ генеральныхъ штатахъ должно быть основано „исключительно на свободномъ избраніи".

Многіе не хотѣли понять, что король отказался отъ исконнаго своего права произвольно исключить изъ состава генеральныхъ шта-

---

[1]) Зато ему удалось попасть въ легислативу, конвентъ, совѣтъ 500 и т. д. *Brette*, I, 238.

Библиотека "Руниверс"

товъ неугодныхъ ему людей. Сенешалъ Анжуйскій (Barrin de la Galissonière), протестуя противъ избранія радикальнаго Вольнея (Volney), зажигательныя брошюры котораго незадолго до того были сожжены рукою палача, испрашиваетъ „положительное приказаніе" короля на этотъ предметъ. Честолюбивый лейтенантъ той же сенешоссеи (Milscent), самъ попавшій въ депутаты, поддерживаетъ это предложеніе, стыдясь, что народное избраніе поставило его рядомъ съ агитаторомъ: „честные люди стенаютъ, въ виду подобнаго выбора, именуемаго скандальнымъ. Я жестоко страдаю, видя мое имя рядомъ съ этимъ лицомъ".

Лейтенантъ Шатильонскій проситъ признать недѣйствительнымъ избраніе нѣкоего Frochot, „который не пользуется приличною репутаціей", и замѣнить его другимъ „по назначенію" (d' office) или запаснымъ депутатомъ (supléant) [1]).

Сенешалъ Нижней Марши (Basse Marche séant à Dorat) добивается того же по отношенію къ Lesterpt ainé, который „не достоинъ предстать въ почтенномъ собраніи націи; если король прикажетъ назначить другаго депутата, то я исполню приказаніе весьма быстро". Лейтенантъ кондомскій (Condom), домогавшійся исключенія Pelauque Beraut, получилъ отъ хранителя печати отвѣтъ, что если послушать его, то „полная свобода голосованія, предоставленная королемъ собраніямъ, стала бы иллюзіей" [2]). Лейтенантъ тартасскій разсуждалъ, что такъ какъ его сенешоссея не выбрала ни одного купца, то для неоставленія торговли безъ представителя необходимо назначить какого-нибудь почтеннаго негоціанта. Но за такое усердіе онъ удостоился слѣдующей отповѣди министра юстиціи: „Вы не должны себѣ позволять вмѣшиваться въ выборы, ни пытаться стѣснять голосованія, оставьте членамъ собраній свободу оказывать довѣріе тѣмъ, кого они сочтутъ наиболѣе достойнымъ"; министръ при-

---

[1]) В III 69, 430—439. 444—459. La Montagne, séant à Chatillon-sur-Seine. Для полноты картины необходимо остановиться на сдѣланной характеристикѣ Фрошо. Это молодой нотаріусъ и судья, внушившій „слѣпой энтузіазмъ деревенщинѣ". Онъ, правда, уменъ (ne manque pas d'intelligence), но очень безпокойная голова, да и какого прока можно ожидать отъ неопытнаго 28-ми-лѣтняго юноши, обвиняемаго въ дезертирствѣ, кражѣ, обремененнаго семьей, преданнаго азартной игрѣ, которая уже разорила его отца. Тутъ же присылается доносъ, но уже безъ подписи, самаго гнуснаго содержанія съ обвиненіями въ вытравленіи плода и т. п.

[2]) В III, 51, 282—284. Bª 33 I. 68. 3-го апрѣля.

Библиотека "Руниверс"

бавлялъ, что предложенія лейтенанта противорѣчатъ „безпристрастію, которое вы должны выказывать".

Центральное правительство не хотѣло оказывать никакого воздѣйствія на составленіе наказовъ. Это многимъ не нравилось. Лейтенантъ [1]) округа Uzerche (Bas Limousin) жаловался, что ни буржуа, ни священники не знаютъ, что такое генеральные штаты и въ какомъ направленіи руководить народомъ, а между тѣмъ правительство не хочетъ „оказать никакого давленія". И это говоритъ человѣкъ, мнящій себя либераломъ и обвиненный въ оскорбленіи дворянства въ проектѣ наказа, который онъ не утерпѣлъ послать всѣмъ приходскимъ священникамъ, вмѣстѣ съ призывными грамотами и регламентомъ.

Лейтенантъ округа Yèvres le Chatel (Orléanais) также думалъ, что безъ его воздѣйствія не обойдтись; заявлялъ министру, что будетъ руководить тѣми деревенскими жителями, кто окажется въ затрудненіи относительно избранія депутатовъ и составленія наказовъ [2]).

Въ графствѣ Бичъ (Bitche) въ Лотарингіи, гдѣ населеніе говорило исключительно по-нѣмецки, лейтенантъ разсылалъ по деревнямъ образцы наказовъ, а затѣмъ, когда отъ графства были избраны Я. Юнгъ (меръ и синдикъ Ралинга) и Ф. Витте (булочникъ изъ Бича), то всѣ деревни получили приказаніе произвести новые выборы „подъ тѣмъ предлогомъ, что эти избранные не знали французскаго языка". Многія деревни потребовали обратно свои наказы, но тщетно; ихъ произвели въ смутьяновъ и бунтовщиковъ „и, можетъ быть, въ этомъ свѣтѣ представили очамъ его величества". Однако, собраніе осталось при своемъ, „такъ какъ, впрочемъ, очень трудно найдти другихъ французовъ въ нѣмецкой Лотарингіи", за исключеніемъ судейскихъ, „а между тѣмъ имѣлись вѣскія причины, чтобы ихъ не выбирать, не говоря уже о ихъ незнакомствѣ съ нуждами деревни и потребностями земледѣлія" [3]).

---

[1]) *Seilhac*, Scènes et portraits de la révolution en Bas Limousin. Paris, 1878. 61. В III 78[2] lettre d'un magistrat à M. M. les curés de son ressort. О всей этой исторіи см. ниже.

[2]) В III, 99, 518—519. B[a] 59 l. 146 особая связка Yèvres le Chatel, „guiderai ceux des habitants de village qui pourraient se trouver embarassés".

[3]) В III, 139, 436—438. B[a] 77 l. 182. „Requête des habitants des communautés à M. Necker". Графство Bitche не избирало депутатовъ въ генеральные штаты, а посылало своихъ представителей въ Саргеминъ (députation reduite à Saarguemines).

Библиотека "Руниверс"

На основаніи регламента, въ бальяжахъ или сенешоссеяхъ, отъ которыхъ зависѣли еще второстепенные округа, окончательная редакція общаго наказа и избраніе депутатовъ въ генеральные штаты производились въ соединенномъ засѣданіи представителей главнаго округа вмѣстѣ съ второстепенными; но при этомъ, во избѣжаніе чрезмѣрнаго многолюдства и чтобы не слишкомъ затруднять представителей деревенскихъ захолустій, принужденныхъ являться вторично на соединенное засѣданіе, законъ постановилъ, что въ составъ этого послѣдняго входятъ не всѣ избиратели главнаго и второстепенныхъ округовъ, а избранная $^1/_4$ ихъ представителей. И вотъ. въ Орлеанѣ и Сенлисѣ лейтенанты признаютъ необязательною для себя эту „réduction au quart", издаютъ собственною властью ордоннансы въ отмѣну закона. Эта мѣра, не стѣснительная для представителей главнаго города, но крайне тягостная для жителей отдаленныхъ мѣстностей, возбудила настоящую бурю въ второстепенныхъ округахъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сокращеніе до четверти уже состоялось ко времени полученія ордоннанса, его отмѣняющаго. Посыпались горячіе протесты, а округъ Beaumont-sur Oise, входящій въ составъ Сенлисскаго бальяжа, отправилъ даже депутата въ Парижъ, чтобы лично жаловаться хранителю печати на это распоряженіе. При такихъ условіяхъ правительство не могло не выйдти изъ обычной пассивности. 8-го марта постановленіемъ государственнаго совѣта кассированъ ордоннансъ лейтенанта сенлисскаго, а 12-го марта—орлеанскаго. Замѣчательно въ этой исторіи то, что если въ Сенлисѣ произвольныя дѣйствія лейтенанта приняты были съ сочувствіемъ по крайней мѣрѣ представителями главнаго округа [1]), то въ Орлеанѣ и этого даже не случилось [2]). Когда бальи имѣлъ смѣлость заявить черезъ лейтенанта, что „réduction au quart" противна конституціи (anticonstitutionnelle) и необязательна, собраніе отказалось принять къ

---

[1]) Представители 20 приходовъ, во главѣ съ либеральнымъ дворяниномъ M. de Girardin, vicomte d'Ermenonville, протестовали противъ отмѣны ордоннанса и демонстративно вышли изъ состава соединеннаго собранія 3-хъ сословій.

[2]) В III, 142 passim, особенно f. 53, 72, 306, 344—348, 375—382, 384, 477, 502. В III, 98, 251—253. 256—301. В III, 99. 61—189. Ba, 79 l. 187, 2°, 3°, 6°, протоколы засѣданій въ Сенлисѣ и второстепенныхъ округахъ, протесты лейтенантовъ и т. д. Ba, 59 l. 146, протоколы Орлеана и второстепенныхъ его округовъ, рѣзкая переписка бальи, королевскаго прокурора и лейтенанта Орлеанскаго съ хранителемъ печати, протесты лейтенантовъ второстепенныхъ округовъ и протоколы засѣданій этихъ послѣднихъ. См. также для Сенлиса *Déjardins*, Le Beauvoisis, le Valois, le Vexin Français, le Noyonnais en 1789. (Beauvais, 1869).

Библиотека "Руниверс"

исполненію этотъ ордоннансъ и дѣло дошло до закрытія засѣданія, отсрочки продолженія выборовъ до 16-го марта (на цѣлую недѣлю), а недовольные избиратели, забравъ съ собою наказы и полномочія, отправились пока во-свояси. Замѣчательно, что лейтенанты орлеанскій и сенлисскій отдѣлались мягкими нотаціями, что же касается бальи орлеанскаго, то онъ запальчиво отвѣчалъ министру, который деликатно оправдывалъ кассированіе ордоннанса; судя по тону, министръ былъ обвиняемымъ, а нарушитель закона—обвинителемъ.

По смыслу регламента, предсѣдатель окружнаго собранія долженъ былъ руководить преніями и наблюдать за порядкомъ. Между тѣмъ бальи въ St-Pierre le Moustier [1]) дѣлаетъ подозрительный запросъ министру, не принадлежитъ ли предсѣдателю *исключительное* право иниціативы въ возбужденіи вопросовъ. Пришлось объяснять ему такую простую вещь: „нѣтъ исключительнаго права возбужденія вопросовъ въ собраніи, всякій депутатъ можетъ излагать свои мысли и дѣлать предложенія, какія сочтены приличными“; пришлось ему повторять о „свободѣ, какая должна царить во всемъ, что касается великой операціи, о которой идетъ рѣчь“.

Въ Камбрейской провинціи grand bailly не утруждалъ высшаго начальства разспросами, а на свой страхъ толковалъ королевскую волю по своему. Въ призывныя грамоты и въ регламентъ вкрались двусмысленныя выраженія, что король желаетъ видѣть около себя нотаблей [2]) каждой провинціи и округа, но затѣмъ разъяснялось, что руководить выборами избирателей должны честность и мудрость кандидатовъ. Когда въ Камбрези во время первичныхъ выборовъ возгорѣлась борьба относительно феодальныхъ правъ между предсѣдателями приходскихъ собраній (сеньеріальными агентами) и крестьянами, то бальи [3]) издалъ ордоннансъ 7-го апрѣля, предписывающій новые выборы тамъ, гдѣ одержали верхъ избиратели, и угрожалъ признать недѣйствительнымъ избраніе тѣхъ лицъ, кто „задались предвзятою цѣлью выбрать своихъ представителей изъ людей безъ репутаціи и нравы которыхъ мало извѣстны“.

---

[1]) В III, 138, 38—42. *Labot*, „Convocation des Etats Généraux de 1789“. (Paris, 1866), 406, 407.

[2]) „aucuns des plus notables personnages de chaque province, bailliage et sénéchaussée“. Высшія сословія и въ особенности буржуазія пользовались иногда этими словами противъ низшихъ слоевъ населенія.

[3]) Исправлявшій должность бальи маркизъ de'Estourmel, депутатъ дворянства на генеральныхъ штатахъ.

Библиотека "Руниверс"

Одинъ изъ недовольныхъ пишетъ Неккеру, что этотъ ордоннансъ представлялъ поддѣлку подъ призывныя грамоты; наверху было начертано „по указу его величества“ (de par le Roi), какъ будто бы оно шло прямо отъ монарха; сущность же его заключалась въ требованіи новыхъ избирательныхъ собраній тамъ, гдѣ они были бурны (tumultueux) и гдѣ избраны „люди безъ репутаціи и нравы коихъ мало извѣстны“. Тогда предсѣдатели, которымъ пришлось уступить (pliés), подняли голову, самыя мирныя собранія признаны бурными, представители большинства поруганы, ихъ полномочія отмѣнены, наказы замѣнены новыми. Такъ случилось, между прочимъ, въ деревнѣ Quiéri, откуда поступила жалоба, что новое собраніе, отмѣнившее первое, имѣло 80 голосовъ, а 150 человѣкъ не явилось, при чемъ челобитныя бѣдныхъ были вычеркнуты [1]). А что же правительство? Повидимому, оно осталось безучастнымъ.

Правда, насиліе надъ камбрейскими крестьянами представляетъ явленіе исключительное, единственное въ своемъ родѣ. Для историка гораздо поучительнѣе средняя бытовая картина, обыденная обстановка выборовъ. Исторія создается будничными мелочами, а не яркими случаями.

Разбирая матеріалы по выборамъ 1789 г., приходится наталкиваться на весьма многочисленные, самыхъ разнообразныхъ и часто неуловимыхъ оттѣнковъ, примѣры полунасильственнаго, а иногда и прямо принудительнаго воздѣйствія властей. Для этого совсѣмъ не было необходимости прямо нарушать законъ. Регламентъ открывалъ не мало удобныхъ путей и оставлялъ много лазеекъ для насилія, не говоря уже о неизбѣжномъ вліяніи присущей людямъ робости передъ властями предержащими, особенно при необезпеченности правъ личныхъ.

Законъ не допускалъ избранія предсѣдателей самими окружными собраніями, а по отношенію къ 3-ьему сословію не допускалъ даже избранія секретаря. Дворянству было легче отстаивать свою самостоятельность, такъ какъ бальи и сенешалы, назначенные предсѣдателями дворянскихъ избирательныхъ собраній и общаго собранія 3-хъ соединенныхъ сословій, представляли въ XVIII вѣкѣ простую фикцію, почетный титулъ, безъ всякаго фактическаго значенія: всѣ ихъ судебныя прерогативы перешли на лейтенантовъ. Послѣдніе (lieutenant

---

[1]) Bn 2 l. B № 31 письмо P. Ph. Baudouin Неккеру 29-го апрѣля: *Legrand* „Senac de Meilhan“ 372, „auraient même affecté de prendre et choisir leur députés parmi des gens sans réputation et dont les moeurs sont peu connues“.

Библиотека "Руниверс"

général или lieutenant particulier) были самыми сильными людьми въ округѣ и, назначая ихъ предсѣдателями 3-го сословія, регламентъ отдавалъ въ ихъ руки судьбу выборовъ большинства французскаго народа, какъ это прямо выражено въ циркулярѣ хранителя печати къ этимъ должностнымъ лицамъ [1]).

Между тѣмъ не всѣ лейтенанты заслуживали такого довѣрія. Выше было уже указано, какое смѣшеніе понятій царило иногда въ нѣкоторыхъ головахъ относительно правъ избирателей и прерогативъ власти, къ тому же и полицейская власть предсѣдателей, будучи оружіемъ обоюдоострымъ, могла завести очень далеко.

Предсѣдателю приходилось, само собою разумѣется, обезпечивать порядокъ, чтобы имѣть возможность руководить преніями. Но взгляды на то, что слѣдуетъ разумѣть подъ порядкомъ, были самые различные; многіе лейтенанты, безъ особой необходимости, вводятъ въ залъ совѣщаній вооруженную жандармерію—cavaliers de la maréchaussée. Появленіе вооруженной силы не могло не дѣйствовать устрашающе, тѣмъ болѣе, что солдаты, можетъ быть, не всегда стѣснялись съ господами избирателями. По крайней мѣрѣ сохранился юмористическій разказъ, какъ въ Chaumont послѣ обѣдни, отслуженной съ грѣхомъ пополамъ среди шума, всѣ бросились къ M. le grand bailly, чтобы насладиться его лицезрѣніемъ. Онъ шелъ предшествуемый двумя hallebardiers (солдаты, вооруженные сѣкирами), которые ударяли направо и налѣво, по слишкомъ любопытнымъ избирателямъ. Одного изъ нихъ бросили на землю и топтали ногами, а другіе за него заступились. Поднялся страшный шумъ и „суверенъ въ люлькѣ" то-есть, народъ, собирался уже показать себя, но одинъ изъ вліятельныхъ людей бросился на каѳедру, чтобы мечемъ словеснымъ разнять дерущихся. Ловкій ораторъ задѣлъ сначала чувствительную струнку собранія, распространялся о достоинствѣ и неприкосновенности избирателей, порицалъ солдатъ, обѣщалъ, что ихъ накажутъ, призывалъ всѣхъ къ миру и взаимному довѣрію; тогда апплодисменты смѣнили крики ярости и все успокоилось [2]).

Присутствіе вооруженной силы было иногда необходимо [3]), но лейтенанты безъ особой нужды любили вводить солдатъ въ избиратель-

---

[1]) C'est en quelque sorte entre vos mains qu'est remis le sort de la convocation.

[2]) *Beugnot*, Mémoires (Paris 1866), t. I., 107—108.

[3]) Въ Парижѣ и Иль-де-Франсѣ были приняты обширныя мѣры предосторожности, въ виду выборовъ. *Chassin*, „Élections de Paris" IV, 21.

Библиотека "Руниверс"

ныя собранія. Это составляло злобу дня во многихъ округахъ, напримѣръ Lixheim, Auray, Montmorillon, Beaumont-sur-Oise, Toulouse и т. д.

Въ Суассонѣ „вмѣсто свободы, которая должна была царить въ этомъ собраніи, подъ простымъ предсѣдательствомъ лейтенанта, мы имѣли зрѣлище внушительнаго засѣданія", точь въ точь торжественное судебное засѣданіе. Одинъ изъ депутатовъ—прокуроръ Gouillart—протестовалъ „противъ присутствія вооруженныхъ людей среди толпы, привыкшей дрожать передъ ними", объяснялъ, что жандармы „устрашаютъ многихъ гражданъ, которыхъ такъ легко смутить". Но его голосъ заглушили, не дали произнести рѣчи и онъ, протестуя, удалился, вмѣстѣ съ 6-ью единомышленниками [1]).

Право и обязанность предсѣдателя наблюдать за порядкомъ не подлежитъ сомнѣнію. Предсѣдатель избирательнаго собранія долженъ руководить преніями; при этомъ необходимъ извѣстный порядокъ и дисциплина. Это сознавали сами избиратели, изъ среды которыхъ исходили иногда предложенія въ этомъ смыслѣ [2]).

Весь вопросъ въ томъ, какъ понимать задачи руководительства. Нѣкоторые предсѣдатели понимали это очень своеобразно. Въ Пуату, во второстепенной сенешоссеѣ Montmorillon, крестьяне, „натравленные" (ameutés) противъ привилегированныхъ, не хотѣли допустить сеньеріальныхъ агентовъ къ редакціи наказовъ, но шумъ прекращенъ „мудрой предосторожностью г. генеральнаго лейтенанта", приславшаго жандармовъ [3]).

Въ Vitry le François [4]) во время обсужденія общаго наказа начальству надоѣли долгія пренія; королевскій прокуроръ предложилъ, чтобы никто изъ депутатовъ не имѣлъ права говорить, пока не дой-

---

[1]) Офиціальный протоколъ лейтенанта подтверждаетъ, что жалобщику не дали говорить, но приписываетъ это единодушному мнѣнію избирателей, заявившихъ, „что они видятъ съ удовольствіемъ жандармовъ", ничуть не стѣсняющихъ свободы, а напротивъ, старающихся быть полезными... В Ш, 144, 264—273, 431—547, Ba 80 l. 191. 3°. Протоколъ 18-го и 19-го марта, письма Gouillart Неккеру отъ 12-го и 14-го марта, его „réclamation", „mémoire" Неккеру и „protestations" недовольныхъ.

[2]) В Ш 1, Ba 9 l. 2, 3°, 4°. *Moudenard*, „Cahiers de l'Agenois" (Villeneuve-sur-Lot 1889) 245, предложеніе Falagret.

[3]) В Ш 124, 342, Ba 69 l., 16a—b, 2°. Collin de la Minière хранителю печати 13-го марта.

[4]) В Ш 157, 107, 108, протоколъ предварительнаго собранія (assemblée préliminaire) 10-го и 11-го марта.

Библиотека "Руниверс"

детъ очередь для подлежащаго прихода голосовать; предсѣдатель утвердилъ это предложеніе съ оговоркой, что всякъ можетъ дѣлать свои замѣчанія, по полученіи на то предварительнаго согласія предсѣдателя.

Въ Тулузѣ, при очень многолюдномъ собраніи, лейтенантъ [1]) по своему водворялъ порядокъ, не стѣсняясь ни протестами сенешала, ни жалобами вліятельныхъ представителей города. Зрители не были допущены въ залъ, но зато введены жандармы; изданъ былъ ordonnance 31-го марта, а послѣ протеста сенешала, второй „ordonnance concernant la discipline intérieure", въ которомъ съ удареніемъ (ordonne de plus fort) подтверждаются предыдущія распоряженія, „не взирая на повелѣнія сенешала". Трудно судить, насколько справедливы жалобы городскихъ депутатовъ съ ихъ предводителемъ Duroux, обвинявшихъ лейтенанта въ пристрастіи: тутъ разыгралось соперничество между требованіями главнаго города и интересами обширной области, разныхъ diocèses, составившихъ лигу противъ Тулузы. Несомнѣнно одно — сила власти лейтенанта и пассивное отношеніе министерства, не высказавшагося вполнѣ категорично между сенешаломъ и лейтенантомъ, прекративъ (на основаніи положенія королевскаго совѣта 19-го мая 1789 г.) слѣдствіе, возбужденное тулузскимъ парламентомъ противъ лейтенанта.

Въ Mende en Gévaudan лейтенантъ прибѣгъ къ простому средству, чтобы положить конецъ смутѣ, поднятой нѣсколькими дворянами— оставилъ избирателей въ темнотѣ [2]). Мѣры противъ наплыва постороннихъ зрителей принимались въ очень многихъ мѣстахъ. Если же любопытные въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ допускались въ залъ и даже вели себя чрезвычайно шумно, то это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда лейтенантъ пользовался поддержкой городской толпы, которая крикамв и угрозами приводила къ молчанію возражающихъ. Въ Montpellier засѣданіе было закрыто потому, что „чужихъ" набралось почти столько же, сколько депутатовъ, и не хотѣли разойдтись [3]), въ le

---

[1]) В III, 149. 6, 12—17, 60, 262—284, 703 и passim. *Brette*, I, 175. Въ отвѣтъ на жалобы сенешала, хранитель печати писалъ 14-го апрѣля, что обвиненія преувеличены, а если лейтенантъ не вполнѣ правъ, то это объясняется его усердіемъ и т. д.

[2]) В III, 85, 526—531. Письмо лейтенанта къ министру отъ 24-го марта: „j'ai refusé de faire porter de la lumière".

[3]) В III, 92, 238. B^a 55 l. 131. Procès verbal des 3 ordres.

Библиотека "Руниверс"

Puy en Velay приняты строгія мѣры противъ зрителей [1]), въ Ліонѣ устроенъ входъ по билетамъ, чтобы избѣжать давки [2]), въ Melun, по удаленіи любопытныхъ, избирателямъ были выданы именныя карточки для пропуска въ залъ [3]).

Трудно судить, насколько такія мѣры были необходимы [4]), но онѣ нерѣдко возбуждали неудовольствіе и во всякомъ случаѣ доказываютъ, что мѣстная власть вовсе не была расположена оставаться пассивной зрительницей или фиктивной только руководительницей избирательныхъ собраній. Напротивъ того, лейтенанты во все вмѣшивались, имѣли сильное вліяніе на ходъ выборовъ и иногда прямо навязывали свою волю избирателямъ. Вліяніе предсѣдателя по праву, а не по избранію, и притомъ лейтенанта, то-есть, сильнѣйшаго въ округѣ человѣка, дѣйствовало самыми различными путями, начиная отъ прямаго понужденія и кончая неуловимыми нитями косвеннаго воздѣйствія. Это вліяніе сказалось на редакціи знаменитыхъ наказовъ 1789 г.—завѣщанія старой Франціи. Тутъ затронута была существеннѣйшая сторона великаго дѣла.

Представители первичныхъ собраній (деревень и городовъ), собравшись на предварительное собраніе (assemblée préliminaire) бальяжа или сенешоссеи, должны были производить сводку (réduction) первичныхъ наказовъ въ одинъ общій наказъ округа (cahier général). Для упрощенія работы, невыполнимой въ многолюдныхъ собраніяхъ, избиратели могли назначить изъ своей среды комиссаровъ-редакторовъ окружнаго наказа. Этимъ правомъ они воспользовались почти повсемѣстно, причемъ проекты комиссаровъ прочитывались, обсуждались и утверждались собраніями.

Въ перепискѣ лейтенантовъ проглядываетъ живѣйшій интересъ къ содержанію наказовъ, при чемъ они всячески хлопотали о примиреніи требованій третьяго сословія съ интересами привилегированныхъ. Для этого они стремились, впрочемъ по большей части неудачно, къ сліянію наказовъ всѣхъ трехъ сословій во-едино. Въ послѣднемъ случаѣ комиссары всѣхъ сословій составляли совмѣстно

---

[1]) В III, 125, 185 и passim. Procès verbal des 3 ordres.

[2]) В III, 75, 593—595. Письмо лейтенанта министру 24-го февраля.

[3]) В III, 84, 544. Протоколъ.

[4]) Въ Бузонвилѣ жалуются „que l'élection s'est faite la nuit dans le tumulte, qu'il s'y est introduit des étrangers d'une manière indécente, la pipe à la bouche, qui sont venus presser, pérorer et suggérer les voix". В III, 134, 5, 6. (Procès verbal de protestation des curés 27 Mars).

Библиотека "Руниверс"

„cahier des 3 ordres réunis". Но это случалось рѣдко, хотя правительство поощряло такое сліяніе. Обыкновенно же, лейтенанты старались своимъ вліяніемъ достигнуть пониженія тона и смягченія требованій буржуазіи. Они считали себя чуть ли не отвѣтственными за содержаніе сводного наказа и запальчиво критиковали его редакцію, если она не сообразовалась съ ихъ видами и указаніями.

Въ Lixheim лейтенантъ [1]), оправдываясь въ обвиненіи относительно злоупотребленій на выборахъ, ставилъ себѣ въ заслугу, что наказъ соотвѣтствуетъ видамъ правительства (conforme aux vues du Gouvernement). Напротивъ того, лейтенантъ динанскій [2]) осуждалъ статьи наказа о введеніи королевскаго суда и отмѣнѣ голубятенъ, а прево мобежскій [3]) называлъ нѣкоторыя требованія своего округа смѣхотворными (ridicules).

Само собою разумѣется, что содержаніе наказа зависѣло отчасти отъ состава комиссаровъ. И вотъ наблюдается прямое вмѣшательство власти въ ихъ избраніе.

Бальи Сенъ-Пьера (Saint Pierre le Moustier), тотъ самый, который желалъ лишить депутатовъ всякаго права иниціативы, возбуждалъ передъ высшимъ начальствомъ подозрительный вопросъ о правѣ предсѣдателя попросту назначать комиссаровъ по своему усмотрѣнію. Отвѣтъ министра, хотя и отрицательный, подавалъ поводъ къ недоразумѣніямъ: „предсѣдатель *предложитъ* комиссаровъ, и если за нихъ выскажется большинство, то они будутъ считаться избранными".

Выходило, какъ будто право иниціативы въ предложеніи комиссаровъ принадлежитъ только предсѣдателю.

На дѣлѣ такъ оно и случилось въ нѣкоторыхъ округахъ, гдѣ комиссары назначались попросту лейтенантами.

Въ Carcassonne [4]) лейтенантъ ссылается при этомъ на неизбѣжный шумъ въ собраніи 450 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе половины было изъ низшихъ слоевъ общества, не говоря уже о любопытныхъ, затесавшихся въ собраніе. При такихъ условіяхъ невозможно было, по словамъ его, избирать комиссаровъ, а потому онъ назначилъ своею властью 36 человѣкъ и противъ этого протестовали только два депутата. Но интендантъ изъ Монпелье рисуетъ совсѣмъ другую кар-

---

[1]) В III, 134, 927.

[2]) В III, 38, 577—580.

[3]) В III, 19, 812, 813. Прево предсѣдательствовалъ.

[4]) В III, 41, 387—390 (письмо лейтенанта 18-го марта) 390—392 (письмо интенданта 20-го марта).

Библиотека "Руниверс"

тину: эта мѣра возбудила всеобщее неудовольствіе, вслѣдствіе чего назначенные комиссары выбрали другихъ на свое мѣсто, что все-таки очень многихъ не удовлетворило.

Подобнымъ же образомъ въ Chaumont en Bassigny лейтенантъ, въ виду разногласія по вопросу о способѣ избранія комиссаровъ, назначилъ ихъ собственной властью (d'office) изъ представителей главныхъ городовъ округа, такъ что въ комиссію не попало ни одного деревенскаго депутата. Кромѣ того, чтобы избавиться отъ многолюдства, онъ до обсужденія наказа распустилъ 1/2 наличнаго числа членовъ и на возраженія противъ этой мѣры „произнесены были священныя для каждаго француза слова—король разрѣшаетъ мнѣ привести васъ къ молчанію. Тогда всѣ умолкли". Въ дѣло вмѣшался бальи съ дворянскимъ и духовнымъ собраніями, по ходатайству которыхъ число комиссаровъ (70) было усилено 30 представителями земледѣлія, вопреки протестамъ лейтенанта и части комиссаровъ противъ вмѣшательства привилегированныхъ въ избирательныя дѣйствія 3-го сословія. Съ своей стороны министръ юстиціи призналъ объясненія лейтенанта неудовлетворительными, но по обыкновенію утвердилъ совершившійся фактъ, вмѣстѣ съ частичной поправкой, сдѣланной по иниціативѣ бальи, вмѣшавшагося, впрочемъ, не въ свое дѣло. Неудивительно, если деревня Valdampierre жаловалась Неккеру на невнесеніе въ окружной наказъ ея требованія объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ, подъ тѣмъ предлогомъ, „что это частное дѣло, касающееся жителей и сеньера и подлежащее разсмотрѣнію судебнымъ порядкомъ"... [1]). Въ Бузонвилѣ, при содѣйствіи лейтенанта [2]), въ комиссары попали всѣ представители этого города, такъ что онъ могъ обвинять ихъ въ неблагодарности за оказанную ему впослѣдствіи оппозицію и за свое неизбраніе.

Въ Limoux лейтенантъ [3]) самъ назначилъ 25 комиссаровъ, по

---

[1]) В III, 47, 34 — 888. Ba, 32, l. 63, 2°. Письма лейтенанта de Reuilly министру отъ 14-го и 17-го марта, 9-го и 24-го апрѣля; отвѣтъ министра 26-го марта; письма бальи Неккеру и хранителю печати отъ 31-го марта, жалоба sieur Pesme député de Dommartin le Coq (18-го марта), письмо адвоката Cottenet Неккеру (4-го апрѣля), челобитная деревни Valdampierre Неккеру, протоколы засѣданій трехъ сословій.

[2]) В III, 134, 23—25.

[3]) В III. 74, 79, 82, 83, 258. Министръ призналъ эти дѣйствія неправильными, въ отвѣтъ на оправданія растерявшагося лейтенанта, но все совершившееся осталось въ силѣ. Письма лейтенанта 2-го и 22-го марта. Отвѣтъ хранителя печати. Протоколы, жалобы St. Quintin et Cayra и Peyrat, la Bastide et le Villaret.

Библиотека "Руниверс"

большей части изъ сеньеріальныхъ агентовъ (агенты, фермеры, адвокаты и судьи). Это возбудило понятное неудовольствіе и хотя онъ имѣлъ осторожность, опасаясь возраженій, не присутствовать при занятіяхъ комиссаровъ, тѣмъ не менѣе составленный наказъ не былъ подписанъ большинствомъ собранія, послѣ того какъ 7/8 присутствующихъ, не понимавшіе по французски, тщетно добивались перевода наказа на мѣстное нарѣчіе. Недаромъ деревни Saint Quintin, Cayra, Peyrat, la Bastide, le Villaret жаловались, что статьи приходскихъ наказовъ о сеньеріальномъ судѣ и злоупотребленіяхъ сеньеровъ не попали въ сводный наказъ. Тотъ же лейтенантъ произвольно устранилъ кандидатуру въ депутаты королевскаго прокурора, которому дворяне грозили дать „100 ударовъ ногой въ животъ"...

Въ Прадѣ [1]) лейтенантъ Tixedor назначилъ большую часть комиссаровъ, а толпа, настроенная въ его пользу, заглушала оппозицію, угрожая побоями (assommer) возражающимъ.

Въ Bouchain протоколъ [2]) прямо признаетъ фактъ назначенія комиссаровъ лейтенантомъ, чтобы не терять золотаго времени, въ виду разногласій относительно способа ихъ избранія. Власть также опредѣлила процедуру избранія представителей (du quart) этого второстепеннаго округа въ бальяжѣ du Quesnoy. Конечно, время отъ этого выиграно было, но воля народа сводилась при такихъ условіяхъ къ очень сомнительной величинѣ.

Изъ Мулена, Тулузы, Шомона (Chaumont en Bassigny), Ликсгейма, Бомона (Beaumont sur Oise) и т. д. раздаются подобныя жалобы. Если вѣрить протоколамъ, то избиратели иногда сами этого желаютъ; такъ въ Carhaix „собраніе просило предсѣдателя указать этихъ комиссаровъ" [3]).

Въ Quesnoy лейтенантъ просилъ себѣ въ помощь комиссаровъ (значитъ онъ присваивалъ себѣ главную роль въ этомъ дѣлѣ). „Народъ предоставилъ ему выбирать; онъ настаивалъ и принялъ двухъ адвокатовъ, имена которыхъ были произнесены нѣсколькими голосами въ толпѣ (dans la cohue) [4]).

---

[1]) Prades, Viguerie de Conflans, secondaire de Perpignan. B. III, 120, 248, 279. Показанія двухъ свидѣтелей на слѣдствіи по этому дѣлу, наряженномъ въ Перпиньянѣ, отъ котораго зависѣлъ этотъ второстепенный округъ. „Information" 26-го апрѣля.

[2]) B III, 128, 374.

[3]) B III, 38, 270. Протоколъ 3-го апрѣля.

[4]) *Legrand*, Senac de Meilhan 343.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, между протоколами и дѣйствительностью лежитъ иногда цѣлая пропасть, но во всякомъ случаѣ это говоритъ о безпомощности избирателей, тяготящихся своимъ правомъ избирать истолкователей воли народа и призывающихъ начальство княжити и володѣти ими.

Наряду съ простымъ назначеніемъ комиссаровъ, лейтенанты могли въ менѣе грубой формѣ, косвенно вліять на подборъ редакторовъ сводного наказа, какъ явствуетъ изъ жалобъ Шинона, Бузонвиля и иныхъ мѣстъ.

Но этого мало. Предсѣдатель, въ видѣ общаго правила, руководилъ работой комиссаровъ, что прямо отражалось на содержаніи наказовъ. Опасность такого порядка въ смыслѣ свободы редакціи сводныхъ наказовъ очевидна сама собою. Уже при созваніи второй „assemblée des notables", (комиссіи для выработки основаній созыва генеральныхъ штатовъ), было замѣчено[1]), что лейтенантъ не долженъ даже присутствовать при редакціи наказа, не долженъ подписывать его, а долженъ только засвидѣтельствовать своей подписью его подлинность. Однако, регламентъ хранитъ молчаніе по этому предмету, а жизненныя отношенія сдѣлали свое дѣло въ прямо противоположномъ смыслѣ.

Иногда собраніе избирало лейтенанта въ комиссары [2]), но въ большей части случаевъ предсѣдатель безъ зова являлся на засѣданіе комиссаровъ и руководилъ ихъ работой.

Въ Neufchateau онъ былъ даже единственнымъ редакторомъ наказа („seul rédacteur"), а избранные собраніемъ комиссары—простыми докладчиками („rapporteurs") [3]). Въ Montreuil sur Mer присутствіе лейтенанта при сводкѣ наказовъ „стѣсняло" комиссаровъ; онъ „рѣшалъ всѣ возникавшіе вопросы окончательно" (souverainement), поддерживая требованія горожанъ противъ заявленій деревенскихъ депутатовъ, которые съ величайшимъ трудомъ добились внесенія въ сводный наказъ „различныхъ существенныхъ выраженій изъ первичныхъ наказовъ"; одинъ изъ комиссаровъ жаловался хранителю печати, что предсѣдатель посадилъ его силою, когда онъ всталъ, чтобы сдѣлать предложеніе собранію [4]).

Въ Ріомѣ предсѣдатель, поддерживая интересы главнаго города,

---

[1]) Archives Parlementaires, I, 479. Мнѣніе 6-го бюро.

[2]) Въ Appacé, Comminge, Semur en Auxois, Semur en Brionnois и мн. друг.

[3]) В III, 89, 579. Procès verbal 23 Mars. См. также Brette „Huot de Goncourt" (Révolution Française 14-го ноября 1896 г.), 444.

[4]) В III, 92, 260—272. J. Petit—дровяной торговецъ.

Библиотека "Руниверс"

далъ его представителямъ возможность составить сводный наказъ по своему усмотрѣнію, а затѣмъ не допустилъ никакихъ исправленій со стороны комиссаровъ, ни прочтенія проекта собранію. „Вы не должны удивляться, пишутъ представители города Ardes, если мы не выставили юридически оформленнаго протеста", такъ какъ главной причиной всему былъ самъ предсѣдатель; смѣльчаки, пытавшіеся жаловаться, были освистаны яростной толпой, съ дозволенія начальства, которое само громило и угрожало. „Вы знаете, насколько право предсѣдательства въ собраніи даетъ могущества тому, кто имѣетъ низость пользоваться этимъ. Мы видѣли тому жестокій примѣръ въ этихъ бурныхъ засѣданіяхъ".

Неудивительно, если болѣе строптивыя комиссіи не допускали присутствія лейтенанта при выработкѣ наказа. Лейтенантъ лошскій (Loches) жалуется, что въ видѣ благодарности за его уступчивость, комиссары отказались принять его во время работы и настояли на своемъ; затѣмъ принесли проектъ наказа не ему лично, а собранію „подъ тѣмъ предлогомъ, что они обязаны дать отчетъ только передъ депутатами, ихъ избравшими"; въ концѣ концовъ лейтенантъ призналъ совершившійся фактъ, хотя и съ протестовалъ [2]). Въ Limoux лейтенантъ, о беззаконіяхъ коего было упомянуто выше [3]), самъ не рѣшился явиться въ комиссію, такъ какъ это встрѣтило возраженія. Въ Carignan (Лотарингія) лейтенантъ самъ добровольно устранился отъ участія въ выработкѣ наказа, редакцію котораго онъ не одобряетъ [4]). Въ общемъ же, въ той или другой формѣ предсѣдатели повсюду оказывали извѣстное воздѣйствіе на редакцію сводныхъ наказовъ.

Въ Муленѣ [5]) лейтенантъ, распинаясь за дворянъ и за представителей этого города, бывшихъ по большей части сеньерами и привилегированными, добился исключенія изъ проекта наказа статьи от-

---

[1]) В III, 165, 223—240. Письмо Неккеру отъ 9-го апрѣля и „mémoire du tiers état de l'arrondissement des petites montagnes d'Auvergne, dont Ardes est le chef-lieu".

[2]) В III, 150, 771 — 775. Ba 83 l. 202, 14°. Письмо лейтенанта отъ 11-го марта.

[3]) В III. 74, 79, 80.

[4]) В III, 141, 426—431. Письмо его отъ 14-го апрѣля.

[5]) В III, 86, 573 — 578. Dénonciation contre l'assemblée de la sénéchaussée de Bourbonnais Неккеру 27-го марта. Безъ подписи съ припиской о мѣстѣ жительства: „изъ моей темной пещеры". Ср. *Chassin*, Génie de la Révolution I, 209. *Duval*, Cahiers de la Marche, 177.

Библиотека "Руниверс"

носительно выкупа ценза и сеньеріальныхъ рентъ. Для этого онъ разбилъ собраніе по шателеніямъ [1]), а въ комиссары заставилъ выбрать сеньеріальныхъ агентовъ; „затѣмъ онъ постарался почаще ихъ посѣщать и приглашалъ къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ дворянами. Тамъ имъ льстили и приходилось вносить въ наказъ желаемыя статьи". „Почему статья, требующая выкупа ценза и сеньеріальныхъ рентъ, была уничтожена?"—спрашиваетъ анонимный авторъ, не смѣющій подписаться. Подъ тѣмъ предлогомъ, что это значило подрывать права собственности и противно всѣмъ законамъ! Нѣсколько „честныхъ людей", въ томъ числѣ братья Raillard, депутаты прихода Nérondes, удалились изъ собранія, произнося слова: „О, Неккеръ! Вы не подозрѣваете, что здѣсь дѣлается для подрыва дѣла генеральныхъ штатовъ!"—восклицаніе, имѣвшее очень слабый успѣхъ.

Въ Шинонѣ, по словамъ интенданта Турскаго, лейтенантъ, въ союзѣ съ другими судейскими, „подчиняли себѣ (maitrisé) работу комиссаровъ, также какъ и ихъ избраніе" въ духѣ, противномъ преобразованію юстиціи, котораго единогласно требовали приходскіе наказы [2]). Въ Sens лейтенантъ [3]) добился своимъ вліяніемъ исключенія изъ наказа неугодной правительству статьи о такъ-называемыхъ mandat impératif, то-есть обязательныхъ инструкціяхъ, связывающихъ волю депутатовъ. Въ Alençon лейтенантъ [4]) стремился къ „примиренію" сословій, то-есть склонялъ 3-е сословіе къ уступкамъ. Интендантъ объясняетъ, что буржуазія, раздраженная неуступчивостью дворянства по вопросу о податныхъ изъятіяхъ, предъявила „немного крайнія требованія" (demandes un peu outrées), но послѣ усиленныхъ представленій лейтенанта, разгоряченныя головы сдались-таки по нѣкоторымъ пунктамъ, „упразднивъ" (suppression) нѣсколько статей въ наказѣ.

Лейтенантъ второстепеннаго округа Conches пишетъ хранителю печати [5]): „Мнѣ удалось пропустить въ наказъ моего бальяжа только тѣ пожеланія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ общее благо". Но

---

[1]) Châtelenies—феодальное дѣленіе по владѣльцамъ замковъ.

[2]) В III, 150, 703. Письмо 10-го марта.

[3]) В III, 148, 448—453. Его докладъ министру отъ 1-го апрѣля.

[4]) *Hippeau*, Elections de 1789 en Normandie (Paris 1869), стр. 55. Письмо интенданта Jullien герцогу d'Harcourt (генералъ-губернаторъ) 27-го марта.

[5]) *Boivin-Champeaux*, Notices sur la Révolution dans l'Eure. (Evreux 1868). 15, 16. Письмо лейтенанта отъ 9-го марта. „Cette pression étrangère se fait surtout sentir dans la rédaction des cahiers des bailliages secondaires qu'elle réussit à énerver. Aux axiomes rudes et hardis, énoncés par les cahiers des paroisses, more rusticorum, elle a fait substituer des formules timides et dubitatives".

Библиотека "Руниверс"

что понималъ онъ подъ общимъ благомъ? Послѣдующее покажетъ, что въ мартѣ и апрѣлѣ 1789 года подъ intérêt général разумѣлись часто почти исключительно туманныя общія мѣста о конституціи и ближайшія требованія высшей буржуазіи, конкретныя же требованія большинства населенія замѣнялись неопредѣленными жалобами на общую бѣдность, а затѣмъ отодвигались на задній планъ. Историкъ этой мѣстности видитъ слѣды посторонняго давленія въ наказахъ второстепенныхъ бальяжей, лишенныхъ жизненности и замѣняющихъ грубыя, смѣлыя заявленія первичныхъ наказовъ смутными и робкими формулами. Въ Бельфорѣ [1]) лейтенантъ жалѣетъ, что 3-е сословіе не приняло предложенія сговориться съ привилегированными на счетъ общихъ требованій: „Но наши нѣмецкія головы по большей части непреклонны". По рукамъ ходила рѣзкая брошюра противъ дворянства, идущая изъ Швейцаріи [2]). „Меня спросили, смѣютъ ли внести что-нибудь изъ этого писанія въ наказы"? Ни подъ какимъ видомъ (gardez vous en bien), сказалъ я, однако если это возможно—не отвѣчайте, монсеньеръ, а въ противномъ случаѣ одно слово—*veto*". Лейтенантъ высмѣивалъ также проектъ нѣкоего виконта, драгунскаго капитана, объ установленіи новыхъ основныхъ законовъ (loix fondamentales): „Я думалъ до сихъ поръ, Монсеньеръ, что королевство имѣло всѣ основные законы"... „Авторъ подписался капитаномъ драгунъ. Эта мысль дѣйствительно немного драгунская". По окончаніи выборовъ лейтенантъ сообщалъ о пріѣздѣ въ городъ генералъ-губернатора M. de Stainville, который рѣзко порицалъ агитаторовъ, внушившихъ деревенскому люду рѣзкій тонъ, разгорячившихъ головы „заявляя, что всякъ, кто бы онъ ни былъ, въ состояніи объяснить, отъ чего страдаетъ". Предсѣдатель прибавляетъ: „Правда, что у насъ были требованія всякаго рода, что *усилія, сдѣланныя нами для ихъ устраненія изъ общаго наказа*, возбудили противъ насъ толки", вся бѣда въ томъ, что народу внушали, „будто они могли просить, чего хотѣли, и что будутъ вынуждены имъ все это предоставить".

Въ малолюдномъ округѣ Mohon (Лотарингія) предсѣдатель [3]) безъ дальнихъ околичностей прочелъ составленный имъ заранѣе проектъ

---

[1]) В III, 27, 290—305, 322—324. Bª 20, l. 29, 6°. Districts réunis de Belfort et de Huningue. Письма lieutenant de bailly отъ 18-го и 30-го марта, 1-го и 13-го апрѣля.

[2]) „Cela est Hélvétique on ne peut pas plus, cette nation déteste la noblesse".

[3]) В III, 141, 553. Bª 78 l. 185, 2°, жалоба депутатовъ прихода Montcy-Notre-Dame 15-го сентября.

Библиотека "Руниверс"

наказа, принятіе котораго было заранѣе обезпечено, такъ что никакого *обсужденія* въ собраніи не состоялось.

Все это представляетъ злоупотребленія властью. Но помимо этого, слѣдуетъ имѣть въ виду, что предсѣдателямъ не нужно было прибѣгать къ прямому насилію для навязыванья своей воли: часто достаточно было одного ихъ присутствія, чтобы несогласно мыслящіе умолкали. Въ Mortagne [1]), при обсужденіи наказа, адвокатъ Fourmy защищалъ предложеніе, противъ котораго высказался лейтенантъ; никто не рѣшался поддерживать его, лейтенантъ упрекалъ строптиваго, что онъ идетъ противъ общаго мнѣнія, тогда тотъ заявилъ, что останется при своемъ особомъ мнѣніи. „Воцарилось молчаніе, я замѣтилъ шушуканье, прекратившееся, когда лейтенантъ приказалъ продолжать чтеніе наказа, переходя къ слѣдующей статьѣ". Позднѣе нѣкоторые депутаты пришли къ нему, высказались въ разговорѣ за него, объясняя, что ничего не сказали въ засѣданіи, думая, со словъ лейтенанта, что послѣдній выражаетъ общее мнѣніе. „Вамъ не безъизвѣстно, прибавляетъ жалобщикъ министру, какое рѣшающее значеніе имѣетъ мнѣніе генеральнаго лейтенанта, имѣющаго вліяніе, котораго боятся и который—единственный судья въ своемъ трибуналѣ".

Очень мѣтко характеризуетъ положеніе анонимный свидѣтель избирательнаго собранія въ Шалонѣ [2]). На собраніи были всѣ судейскіе города, въ качествѣ предсѣдателя и депутатовъ, а затѣмъ деревенщина; „часть этихъ избирателей были богатые землевладѣльцы или фермеры, нуждающіеся въ судьяхъ для понужденія своихъ должниковъ, а другіе—бѣдные или малосостоятельные, которымъ необходимо угодить этимъ судьямъ, чтобы обезпечить себѣ ихъ поддержку".

Мѣстный изслѣдователь Лотарингіи думаетъ [3]), что избиратели „почти боялись", видя предсѣдателями собраній тѣхъ самыхъ людей, которые судили ихъ тяжбы и приговаривали ихъ къ штрафамъ. Это сказано слишкомъ слабо. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ боязнь избирателей не могла остаться безъ вліянія на редакцію наказовъ и на самые выборы.

Въ партійной борьбѣ, сопровождавшей окончательное избраніе депутатовъ на генеральные штаты, вмѣшательство лейтенантовъ сказывалось особенно рѣзко. Тутъ они были прямо заинтересованы, ставя

---

[1]) В III, 116, 598—609, письмо Неккеру адвоката (procureur sindic du département de Mortagne) Fourmy 15-го марта.

[2]) В III, 44, 358—364. Châlons-sur-Saône.

[3]) *Mathieu*, L'ancien régime en Lorraine et Barrois (Paris, 1878) 417.

Библиотека "Руниверс"

свою кандидатуру, и многіе добились успѣха. Кромѣ того, личность избираемыхъ сама по себѣ, помимо даже частныхъ соображеній, живо занимала лейтенантовъ, какъ уже было показано выше: вся ихъ переписка изобилуетъ характеристиками депутатовъ и жалобами на интриги, если исходъ выборовъ не по душѣ предсѣдателю.

Вообще во всѣхъ дѣйствіяхъ избирателей видно участіе ока и руки мѣстной власти. Иногда это переходило въ прямыя и вопіющія злоупотребленія. Не обходилось, конечно, безъ борьбы и сопротивленія. Относительно нѣкоторыхъ особенно разительныхъ эпизодовъ ея сохранились въ высшей степени живыя показанія потерпѣвшихъ лицъ и остроумныя оправданія, какъ обидчиковъ, такъ и обиженныхъ.

Въ Анже (Angers) распорядительный Мильсанъ (Milscent) распредѣлилъ всѣхъ депутатовъ по номерамъ и выдалъ каждому по карточкѣ съ номеромъ, такъ что всякій могъ входить и выходить изъ зала собранія, а посторонніе не допускались. Избирателямъ пришлось выслушать его рѣчь, длившуюся, по собственному заявленію оратора, около 2-хъ часовъ, но затѣмъ тотъ же лейтенантъ, ссылаясь на краткость времени, разбилъ собраніе на группы и довелъ выборы до конца съ чисто военной выправкой. Онъ самъ извѣщалъ министра объ удивленіи, какое вызвала его распорядительность. „Могу васъ увѣрить, монсеньеръ, что трудно было бы видѣть сборище 800 человѣкъ изъ различныхъ слоевъ общества, которые другъ съ другомъ незнакомы, сохраняющимъ столько порядка и дисциплины; царило гробовое молчаніе (le plus grand silence) и никто не сходилъ съ мѣста. Меня предупредили, что предвидится много частныхъ заявленій и что спрашивать будутъ не моего заключенія, а рѣшенія собранія, которое одно, будто бы, имѣетъ силу закона. Я же заявилъ, что во всякомъ благоустроенномъ собраніи никто не имѣетъ права слова безъ разрѣшенія предсѣдателя, что всѣ будутъ выслушаны, причемъ я укажу подходящее время. Когда моя рѣчь была кончена и способъ веденія собранія установленъ (la marche tracée), я предложилъ несогласнымъ подойдти поближе ко мнѣ, чтобы я могъ лучше ихъ разслышать; многіе были удержаны страхомъ говорить при такихъ условіяхъ публично. Однако, одинъ изъ депутатовъ г. Шалонна (Chalonne) подошелъ и прочелъ предложеніе противъ допущенія сеньеріальныхъ агентовъ, требуя ихъ исключенія: двое сеньеріальныхъ судей протестовали, а депутаты Шалонна, поддержанные многими другими, настаивали на своемъ. Тутъ лейтенантъ, пользуясь своими предсѣдательскими и судебными правами, постановилъ заключеніе, что сеньеріальные

Библиотека "Руниверс"

судьи не устранены закономъ отъ участія въ выборахъ, хотя „всѣ воскликнули, по его же заявленію, что они ихъ не желаютъ"; въ концѣ концовъ многіе изъ этихъ судей попали даже въ комиссары по наказу, въ частности тѣ двое, которые возстали противъ предложенія шалонскаго демократа. Такимъ образомъ лейтенантъ могъ гордиться своимъ успѣхомъ и сообщить министру, что дворянство и духовенство „чрезвычайно тронуты его поведеніемъ: это будетъ хорошимъ примѣромъ для провинціи, совсѣмъ не кстати обвиненной въ смутахъ; все дѣло въ томъ, чтобы умѣть забрать въ руки (prendre) нашихъ согражданъ"; если не считать 3-хъ или 4-хъ смутьяновъ, „ни одна провинція не была бы такъ спокойна, какъ наша". Способный предсѣдатель объясняетъ министру, что надо умѣть для этого говорить съ толпой. Онъ же признаетъ, что не далъ удовлетворенія избирателямъ прихода Cressac, хотя тамъ доказана наличность избирательныхъ злоупотребленій со стороны сеньеріальныхъ судей; онъ мотивируетъ это тѣмъ, что протоколъ новаго, разрѣшеннаго имъ въ этомъ мѣстечкѣ, приходскаго собранія представленъ былъ позднѣе раздѣленія избирателей по группамъ для „réduction" (?), почему „я призналъ вопросъ исчерпаннымъ" и утвердилъ представителей перваго, незаконнаго собранія. Тѣмъ не менѣе, хранитель печати по обыкновенію одобряетъ (18-го марта) усердіе рѣшительнаго Мильсана [1]), а избиратели подавляющимъ большинствомъ голосовъ выбираютъ его своимъ представителемъ наряду съ радикаломъ Вольнеемъ.

Въ Булонѣ лейтенантъ [2]) обвиняется въ томъ, что не даетъ говорить представителямъ деревень, угрожая имъ тюрьмой, зато позволяетъ все булонскимъ адвокатамъ, особенно проводимому имъ въ депутаты другу своему Gros—человѣку, вышедшему изъ ничтожества, разжившемуся на заставныхъ пошлинахъ (octroi), и купленному привилегированными, а также администраціей.

Въ Кале [3]), напротивъ, лейтенантъ стѣсняетъ горожанъ, устраняя разныя вліятельныя корпораціи, вноситъ въ протоколъ свои распоряженія подъ видомъ рѣшенія собранія, но послѣднее протестуетъ и министръ отмѣняетъ его мѣропріятія.

---

[1]) В III 7, 117—126. Bᵃ. 13 l. 9. 3°. *Proust.* Archives de l'Ouest IV, 14—16. *Bougler*, Mouvement provincial en 1789. (Angers 1865), 136. 144.

[2]) В III 35, 773—775. Анонимный доносъ Неккеру.

[3]) *Loriquet*, Cahiers de 1789 dans le Pas-de-Calais (Arras 1891) I, введеніе стр. 30.

Библиотека "Руниверс"

Въ Beaumont sur Oise предсѣдатель (бальи Le Maître) открылъ засѣданіе въ красномъ парадномъ платьѣ и когда всѣ депутаты собрались, велѣлъ запереть входъ на замокъ; недалеко отъ себя онъ посадилъ жандармскаго офицера (officier de maréchausseé), а зданіе суда (auditoire) было извнѣ охраняемо жандармами. Затѣмъ депутатамъ предписано избрать комиссаровъ, а тѣмъ, кто просилъ обсудить сначала самый вопросъ объ избраніи комиссаровъ (по регламенту оно необязательно), приказано замолчать. Число комиссаровъ установлено имъ же—12. При редакціи наказа, онъ, несмотря на многочисленныя возраженія, присвоилъ себѣ главную роль, и текстъ принадлежитъ ему почти цѣликомъ, при содѣйствіи двухъ главныхъ его сторонниковъ, изъ представителей города Бомона. Таково содержаніе анонимнаго доноса, присланнаго Неккеру и хранителю печати. Послѣдній переслалъ подлинную бумагу самому обвиняемому! Тотъ патетически отвѣчаетъ, что онъ не деспотъ, никого не запугивалъ, предоставлялъ всѣмъ „свободу, полную свободу"—„даже сидѣть съ покрытой головой", бригадиръ вошелъ изъ чистаго любопытства, тонъ обращенія съ собраніемъ мягкій и патріотичный. Бальи прибавляетъ, что сличеніемъ почерковъ убѣдился въ принадлежности доноса перу прокурора Fillion, его врага и главнаго оппонента въ собраніи. Однако, обвиненія подтверждаются письмомъ, уже не анонимнымъ, другаго вліятельнаго лица, осторожно, но твердо повторяющимъ тоже самое и просящимъ министра не вѣрить оправданіямъ и даже протоколамъ, подписаннымъ или не подписаннымъ: „подписи часто добываются благодаря угодничеству, страху или недоразумѣнію" [1]). Къ тому же, въ Сенлисѣ, отъ котораго зависѣлъ этотъ второстепенный округъ, полномочія лейтенанта бомонскаго признаны недѣйствительными, такъ какъ онъ самъ, безъ всякаго избранія, включилъ себя произвольно въ число представителей округа.

Предсѣдатель въ Перпиньянской сенешоссеи (Terrats), окруживъ себя военной силой, распоряжался редакціей наказа по своему усмотрѣнію. Онъ явился на засѣданіе комиссаровъ съ готовымъ проектомъ, который и послужилъ основой для ихъ работы; затѣмъ общее собраніе слѣпо одобрило все это, несмотря на протесты депутатовъ глав-

---

[1]) В III 142, 299—355. B^a. 79, l. 187 особая связка въ дѣлахъ Сенлиса, отъ котораго зависѣлъ второстепенный округъ Бомонъ. Mémoire anonyme, письма: бальи министру отъ 14-го марта и M. de Mazières отъ 15-го марта. См. также протоколъ собранія въ Сенлисѣ.

Библиотека "Руниверс"

наго города и на ихъ обращеніе къ посредничеству дворянства и духовенства. Судя по показанію оратора оппозиціи (Tastu, procureur à Perpignan), дѣло произошло въ засѣданіи комиссаровъ слѣдующимъ образомъ. Лейтенантъ произнесъ рѣчь, а затѣмъ сталъ читать свой проектъ; на замѣчаніе, что слѣдуетъ сперва прочесть приходскіе наказы, большинство комиссаровъ отвѣчали, что надо дать говорить предсѣдателю, и то же повторялось при каждой новой попыткѣ перевести работу на почву изученія первичныхъ наказовъ: „le sieur Monyer не переставалъ повторять, что надо слушать M. Terrats и не запутываться въ наказахъ". Въ разгаръ перебранки между комиссарами обнаружилось, что въ городѣ идутъ неблагопріятные толки относительно вмѣшательства лейтенанта: „тогда г. Терра, сидѣвшій все время, подпирая голову, съ платкомъ въ рукѣ, выпрямился, произнесъ рѣчь и какъ своими словами, такъ и пролитыми слезами" окончательно растрогалъ большинство комиссаровъ. Чувствительность его (о слезахъ лейтенанта сохранились категорическія свидѣтельства многихъ лицъ) не помѣшала твердо отказаться принять протестъ представителей г. Perpignan.

Въ той же Руссильонской провинціи во второстепенномъ округѣ Conflent, предсѣдательствующій судья (Tixedor, juge de viguerie) дѣйствовалъ совмѣстно со сплоченнымъ кружкомъ представителей главнаго города (Prades): городскимъ бальи (Vilar), аптекаремъ (Roca) и адвокатомъ (Jaconnet). Передъ выборами распространялись по селамъ присланные аптекаремъ образцы наказовъ; это было тѣмъ легче, что населеніе пограничной съ Испаніей мѣстности говорило на особомъ нарѣчіи, такъ что многіе даже изъ депутатовъ на окружномъ собраніи, даже нѣкоторые комиссары ни слова не понимали по-французски. Рока и К°, предлагали деревенскимъ избирателямъ свои услуги для представительства, зато полномочія нѣкоего Бернара,—единственнаго человѣка въ дер. Taurinya, говорившаго по-французски,—были признаны недѣйствительными подъ совершенно неосновательнымъ предлогомъ, что онъ не имѣлъ собственности въ этой деревнѣ: (дѣло въ томъ, что Бернаръ отвергъ и раскритиковалъ присланный Рокомъ образецъ наказа). Далѣе, по мѣрѣ прибытія въ Прадъ представителей деревенскихъ приходовъ, главный судья вызывалъ ихъ къ себѣ по одиночкѣ, подъ видомъ предварительной провѣрки ихъ полномочій, а затѣмъ направлялъ къ аптекарю, который-де объяснитъ имъ въ подробности, что отъ нихъ требовалось. Вотъ показаніе одного изъ крестьянъ [1]): явившись

[1]) P. Roger, депутатъ дер. Eagonne.

Библиотека "Руниверс"

въ Прадъ 15-го апрѣля, наканунѣ собранія, онъ былъ немедленно вызванъ *черезъ полицейскаго* къ Року, гдѣ засталъ бальи и священника; обозрѣвъ наказъ его довѣрителей, они стали убѣждать его присоединиться къ требованіямъ главнаго города и выбрать въ комиссары депутатовъ послѣдняго; въ тотъ же день у свидѣтеля завязалась любопытная бесѣда съ главнымъ судьей, которому онъ принесъ показать свои полномочія: Tixedor совѣтовалъ избрать въ депутаты только честныхъ людей, а его, судью, можно также избрать, если считаютъ его честнымъ человѣкомъ... Неудивительно, что вся городская клика попала въ комиссары, а судья и аптекарь, кромѣ того, въ депутаты: городская толпа, поддерживавшая предсѣдателя, криками и угрозами вынуждала недовольныхъ подписывать и одобрять все происходившее; одинъ изъ нихъ въ ужасѣ улизнулъ изъ церкви, гдѣ происходило засѣданіе, „попросивъ одного жандарма пропустить его". Избраніе комиссаровъ происходило среди шума и сутолоки: предсѣдатель самъ выкликалъ нѣсколько именъ, толпа одобряла, затѣмъ къ ставленникамъ судьи (первымъ онъ назвалъ адвоката Jaconnet) присоединили нѣсколько человѣкъ, чьи имена произносились въ толпѣ. Работа комиссаровъ свелась къ нулю: кое-кто получилъ „для формы" нѣсколько первичныхъ наказовъ для обозрѣнія, остальные оставались для декораціи; самая же редакція произведена ночью, на квартирѣ у аптекаря, упомянутыми выше заправилами. На слѣдующій день, 18-го апрѣля, остальнымъ комиссарамъ оставалось только подписать; нѣкоторые изъ нихъ протестовали, что составленный сводный наказъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми первичными, на которыхъ онъ долженъ быть основанъ. Но съ одной стороны настоянія судьи и успокоительныя заявленія аптекаря, съ другой стороны угрожающее настроеніе толпы [1]) сломили ихъ упорство.

Оба приведенные случая, имѣвшіе мѣсто въ одной и той-же провинціи, не могли пройдти незамѣтными. Земско-сословное представительство Руссильона (conseil souverain de Roussillon) нарядило формальное слѣдствіе по выборамъ въ Перпиньянѣ и Прадѣ и подъ судомъ оказались оба предсѣдателя и аптекарь изъ Прада—уже депутаты національнаго собранія. Показанія свидѣтелей вполнѣ разъяснили вопію-

---

[1]) Недаромъ горожане грозили расправой (assommer) двухъ депутатамъ городка Villefranche (Besiau, Basset), изъ которыхъ одинъ предлагалъ, чтобы собраніе само установило способъ сводки наказовъ, а другой долго отказывался, въ качествѣ комиссара, подписаться подъ этой работой.

Библиотека "Руниверс"

щую картину выборовъ. Но разборъ дѣйствительности полномочій не входилъ въ компетенцію Руссильонскаго совѣта, и вотъ 6-го сентября 1789 года послѣдовало постановленіе королевскаго совѣта о прекращеніи дѣла противъ этихъ 3-хъ лицъ, „чье поведеніе кажется достойнымъ похвалы и которыя получили голоса и довѣріе своихъ согражданъ [1])".

Въ противоположномъ углу Франціи, въ мѣстности также съ инородческимъ населеніемъ, въ Лотарингіи, въ округѣ Lixheim произошло нѣчто подобное. Лейтенантъ Ricatte диктаторскими пріемами сокрушилъ всякую тѣнь сопротивленія и хвастался министру, что справилъ все въ 2-хъ засѣданіяхъ, чтобы дать возможность деревенскимъ депутатамъ вернуться къ домашнему очагу и полевымъ работамъ, а главное, чтобы разстроить интриги (déconcerter la cabale) своихъ враговъ, въ особенности кабатчика, его родственника и дровянаго торговца. Послѣдніе въ свою очередь жаловались на цѣлый рядъ злоупотребленій. Лейтенантъ оказалъ давленіе на деревенскихъ депутатовъ изъ меровъ, вызвавъ ихъ по одиночкѣ для соотвѣтствующихъ внушеній. Онъ запретилъ принимать членовъ окружнаго собранія въ 3-хъ кабакахъ [2]), которые могли служить въ качествѣ клубовъ, очагами сопротивленія; у входа поставлены жандармы, а посѣщеніе избирателями воспрещено подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Самъ лейтенантъ извѣщаетъ министра объ этомъ, объясняя, что эти кабатчики—друзья и родственники смутьяновъ, а самыя заведенія—мѣсто скопленія бунтовщиковъ. Совсѣмъ другаго мнѣнія объ этомъ интендантъ [3]) Лотарингіи, объясняющій все опасеніемъ лейтенанта передъ кандидатурой его соперника — нотаріуса Мартына Миллера. Послѣднему пришлось убѣдиться, что надзоръ жандармовъ распространяется и за предѣлы запрещенныхъ кабаковъ: онъ пробовалъ было говорить съ народомъ [4])

---

[1]) Текстъ постановленія государственнаго совѣта приведенъ Бреттомъ (I, 178, 179). Документы предварительнаго слѣдствія см. В III, 120, 107—224. (Information относительно Перпиньяна), 229—344 и далѣе (Information относительно Прада), 407—411, (письмо хранителя печати отъ 19-го мая президенту Руссильонскаго совѣта), 450—465 (Arrêté du Conseil souverain de Roussillon du 9 Mai 1789), 617—675, возраженія обвиняемыхъ.

[2]) Вальтеръ, Антонъ Миллеръ, Шмитъ.

[3]) Высшая административная власть въ генеральствахъ и провинціяхъ; нѣчто въ родѣ нашихъ губернаторовъ.

[4]) Онъ говорилъ рѣчь не только на французскомъ, но и на нѣмецкомъ языкѣ, единственно понятнымъ въ то время простонародью Лотарингіи.

Библиотека "Руниверс"

въ заведеніи Іереміи Ури, но былъ выведенъ оттуда жандармскимъ бригадиромъ, заявившимъ, что тамъ не мѣсто для подобныхъ разговоровъ. Въ залѣ, гдѣ происходили выборы, царилъ тотъ же своеобразный порядокъ. Комиссары назначены безъ голосованія: предсѣдатель назвалъ 7 человѣкъ, въ томъ числѣ королевскаго прокурора, и присоединился къ нимъ въ качествѣ 8-го. Самая работа сводки наказовъ произведена, по донесенію интенданта, также упрощеннымъ способомъ: пріѣзжій адвокатъ [1]) прочелъ проектъ, который и былъ утвержденъ, по разказу противной партіи, слѣдующимъ образомъ. Какъ только открылось засѣданіе, двери были немедленно затворены совсѣмъ. „Одинъ изъ насъ, одержимый самой неотложной нуждой, умоляетъ, чтобы ему дали возможность ее удовлетворить"; собраніе свободныхъ людей превратилось въ толпу преступниковъ, содержимыхъ подъ стражей; при малѣйшемъ шорохѣ (bourdonnement) королевскій прокуроръ произноситъ страшныя слова: „молчите, или тюрьма!". „Нѣкоторые изъ насъ переговариваются съ нотаріусомъ Миллеромъ, немедленно раздается запрещеніе съ нимъ говорить и формула—молчать или тюрьма!". Миллеръ требуетъ внесенія въ протоколъ, что предсѣдатель самъ по своему усмотрѣнію назначилъ комиссаровъ; грозятъ вывести его черезъ жандармовъ; Миллеръ настаиваетъ, ссылаясь на королевскую волю, но опять встрѣчаетъ отказъ. Проектъ кайе читается, правда, на 2-хъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ, чтобы всѣмъ было понятно, но когда депутаты пробуютъ вносить поправки, на основаніи первичныхъ наказовъ своихъ довѣрителей, раздается „глупое высмѣиваніе" (sot persiflage) и никакого удовлетворенія. Когда они протестуютъ, слово „тюрьма" служитъ вмѣсто отвѣта. Наконецъ, наказъ подносится къ подписанію. Тутъ одинъ изъ депутатовъ города, 73-лѣтній старикъ Люд. Гаанъ, не умѣющій говорить по-французски, отказывается приложить руку, а лейтенантъ кричитъ жандармамъ: „бросьте его въ тюрьму". Тотъ отвѣчаетъ, что и безъ того ихъ содержатъ подъ стражей, это только замѣна одной тюрьмы другою. Послѣ его ухода очередь за Миллеромъ—„та же сцена, тотъ же результатъ". По удаленіи строптивыхъ, собранію объявлено, что тѣ, кто уйдетъ изъ зала не подписавшись, будутъ арестованы. „Какъ было не подписать, если свобода покупалась этой цѣною". Затѣмъ произведены выборы,

---

[1]) Lacombe изъ города Сарребурга, явился въ качествѣ депутата одного изъ приходовъ, гдѣ состоялъ фискальнымъ прокуроромъ, то-есть агентомъ сеньера по сбору феодальныхъ повинностей.

Библиотека "Руниверс"

при чемъ секретарь уступаетъ мѣсто лейтенанту; Рикаттъ одинъ считаетъ голоса, пріѣзжій адвокатъ стоитъ тутъ же, но облокотился „вѣроятно по разсѣянности", такъ что ничего не могъ видѣть. И вотъ лейтенантъ провозглашаетъ себя избраннымъ. „Какъ было г. Рикатту не оказаться избраннымъ"!—восклицаютъ недовольные и заявленія ихъ въ общемъ подтверждены интендантомъ. Съ своей стороны лейтенантъ высказалъ въ свое оправданіе взгляды, выдающіе его головою: всѣ комиссары (имъ же избранные), за исключеніемъ пріѣзжаго адвоката и королевскаго прокурора, были безграмотны и неспособны составить сводный наказъ; адвокатъ и прокуроръ дали себѣ трудъ выбрать изъ первичныхъ наказовъ „все, что изъ нихъ можно предложить" (ce qu'il y avait de proposable). Лейтенантъ пояснялъ, что нельзя же помѣщать въ наказъ безсмыслицу (inepties), брань (invectives), личные нападки (personnalités) и мѣстныя требованія, которыми генеральные штаты, конечно, заниматься не будутъ. Благодаря его, лейтенанта, усиліямъ, во всей Франціи нѣтъ можетъ быть наказа, болѣе соотвѣтствующаго видамъ правительства; его вліяніемъ достигнуто выполненіе предначертаній его величества, а не „загроможденіе наказовъ и протоколовъ ненужными мелочными подробностями"; да и то пришлось, къ сожалѣнію, „закрыть глаза на многія нескромныя требованія деревенщины, считавшей себя въ правѣ говорить, требовать и исполнять все, внушаемое имъ врагами добраго порядка". То же повторяетъ и прокуроръ въ обвинительномъ актѣ, составленномъ по случаю начатаго было судебнаго преслѣдованія противниковъ лейтенанта: оказывается, что „нѣкоторыя сельскія общества не побоялись представить наказы, полные личныхъ нареканій", поэтому комиссары „устранили много нелѣпостей, не имѣющихъ смысла, да и то сохранили ихъ слишкомъ много, въ угоду этой черни".

Въ чемъ же заключалась нелѣпость первичныхъ наказовъ, противъ кого направлены были эти личности и эта брань? Изъ того же обвинительнаго акта видно, что въ деревняхъ велась дѣятельная пропаганда въ пользу кореннаго преобразованія суда [1]) въ смыслѣ самоуправленія, носились надежды на отмѣну налоговъ и сеньеріальныхъ правъ, рѣшено было избирать депутатовъ „только изъ своей среды", а не принимать кандидатовъ судей и сеньеровъ; „личности" же были направлены отчасти противъ судейскихъ [2]), отчасти противъ

---

[1]) Supprimer toute justice et de leur en confier à eux mêmes l'administration.
[2]) Officiers du bailliage.

Библиотека "Руниверс"

сеньеровъ [1]). Душою всего движенія былъ Мартынъ Миллеръ—редакторъ нѣсколькихъ деревенскихъ наказовъ, преступнымъ внушеніямъ котораго безсмысленно поддались, по словамъ лейтенанта, повально безграмотные и не понимающіе ни слова по-французски мужики. Комментаріи излишни. Неудивительно, что по окончаніи избирательныхъ операцій, въ которыхъ лейтенантъ такъ рѣшительно сломилъ всякое сопротивленіе, волненіе не улеглось. Въ городѣ недовольные собирались въ кабакѣ у Шмита и подписывали протесты. Рѣшено было созвать всѣхъ деревенскихъ депутатовъ на тайное совѣщаніе въ мѣстечкѣ Hilberheim, чтобы выяснить, какія деревенскія требованія были устранены при сводкѣ наказовъ, и взаимнымъ опросомъ о поданныхъ голосахъ доказать, что лейтенантъ не получилъ большинства избирательныхъ голосовъ. Тамъ, въ кабакѣ Фр. Штейна, подъ предсѣдательствомъ все того же Миллера, собрались представители почти всѣхъ 23 приходовъ (кромѣ города) округа, но подоспѣвшая жандармерія разогнала скопище и составила протоколъ. Лейтенантъ объяснялъ по этому поводу министру, что извѣстно, какъ легко мужики, возбужденные другъ другомъ и подъ вліяніемъ ложнаго стыда, поддаются на разрушеніе собственнаго дѣла, называетъ это собраніе запрещеннымъ сборищемъ [2]), такъ какъ собралось болѣе 3-хъ человѣкъ (sic), опаснымъ въ годину народнаго броженія, „особенно въ средѣ нѣмецкихъ головъ", среди крестьянъ, которые рѣдко разстаются безъ драки на ножахъ или убійствъ, особенно по кабакамъ, когда головы разгорячены виномъ. Тутъ лейтенантъ нѣсколько преувеличиваетъ: кабаки были опасны только въ томъ отношеніи, что замѣняли клубы. Впрочемъ, онъ и не обвиняетъ своихъ враговъ въ спаиваніи избирателей. Сохранилось даже показаніе, относящееся ко времени выборовъ, что въ кабакъ Ури зашелъ столяръ Ант. Ганъ, 21 года, бранилъ лейтенанта и сказалъ обѣдавшимъ тамъ депутатамъ не пить передъ выборами, чтобы произвести избраніе, какъ слѣдуетъ, изъ крестьянъ или горожанъ. Очевидно, упоминаніе о кабакахъ было полемическимъ пріемомъ зарвавшагося человѣка, чувствующаго, что теряетъ почву подъ ногами. И дѣйствительно, хотя въ бальяжѣ начатъ былъ процессъ противъ дѣйствій оппозиціи съ допросомъ свидѣтелей и громовой рѣчью

---

[1]) Графъ де-Кюстинъ (Custine) и его судья возбудили было дѣло противъ жителей Дольвинга (Dolving) за оскорбленіе ихъ въ наказѣ, а графъ de Saintignon—противъ депутатовъ Ниттинга (Nitting).

[2]) Assemblée illicite.

Библиотека "Руниверс"

королевскаго прокурора, тѣмъ не менѣе правда всплыла наружу. Докладъ интенданта,—составленный на основаніи разслѣдованія мѣстнаго subdélégué [1]), по всѣмъ пунктамъ осуждаетъ поведеніе лейтенанта. Послѣдній, впрочемъ, не складывалъ оружія: оказывается напримѣръ, что у старика Гаана, протестовавшаго противъ наказа, вынудили уклончивое показаніе, засадивъ его дочь въ тюрьму; старикъ подписалъ, что ему подсунули, хотя не зналъ французскаго языка.

А что же правительство? Хранитель печати выразилъ Рикатту свое неодобреніе, но тотъ рѣзко и дерзко возражалъ, приписывая показанія интенданта старой враждѣ и мести за проскочившую въ наказъ жалобу противъ администраціи. На этомъ и закончилась, судя по имѣющимся даннымъ, эпопея выборовъ въ Ликсгеймѣ [2]).

Добиваясь избранія въ депутаты, предсѣдатели пускали въ ходъ всевозможныя средства, начиная отъ избирательной пропаганды [3]) и кончая прямыми злоупотребленіями, какъ было указано выше. Неудивительно, если такъ много лейтенантовъ явились представителями приходскихъ и окружныхъ собраній. Около семидесяти предсѣдателей (лейтенантовъ или ихъ замѣстителей) были членами національнаго собранія [4]). Если присоединить къ этому лейтенантовъ, избранныхъ въ второстепенныхъ округахъ, но не попавшихъ въ представители главныхъ округовъ на генеральные штаты, то цифра эта вышла бы еще болѣе внушительною. Лейтенанты второстепенныхъ округовъ сплошь и рядомъ оказывались въ этомъ положеніи [5]). Случалось, что ихъ изби-

---

[1]) Изъ Fenestranges.

[2]) В III 134 (560—562, 566 — 569, 606, 608, 614 — 618, 624, 625, 639, 644, 645, 651, 652, 671, 673—675, 682, 688, 689, 698—701, 708, 709, 721, 725—732, 752, 772—776, 805—806, 803, 916—918, 924—928, 999—941). B. 77 l. 182. Письма лейтенанта 24-го марта, 30-го іюня, 1-го іюля; письмо интенданта отъ 14-го мая, жалобы городскаго управленія (мера и ешевеновъ), жалобы депутатовъ; affaire criminelle, начатая въ бальяжѣ противъ членовъ оппозиціи (особая связка № 4) и. т. д.

[3]) Въ Montreuil-sur-Mer лейтенанту вербовалъ голоса его фермеръ, попавшій въ комиссары. (В III, 92, 257—259, 262). Въ Бузонвилѣ лейтенантъ, тотъ самый, который желалъ попасть въ генеральные штаты депутатомъ „по назначенію", держалъ у себя на колѣняхъ столикъ, на который подавались избирательныя записки, и самъ велъ имъ счетъ. (В III, 134, 5, 6).

[4]) *Archives Parlementaires* I, liste alphabétique des députés. Этотъ списокъ неточенъ, поэтому цифра указана нами только приблизительно.

[5]) Nonancourt, Breteuil, Orbec-Bernay (secondaires d'Evreux), Bapaume, S-t Omer (sec. d'Arras), Valenciennes, Bellac (Dorat), Maubeuge (Avesnes), Concy La on), Pontarlier (Aval) и т. д.

Библиотека "Руниверс"

рали при этомъ „par acclamation", то-есть безъ голосованія, единогласно и они провозглашались первыми депутатами даннаго бальяжа [1]). Такіе выборы признавались иногда недѣйствительными въ главномъ округѣ, если лейтенантъ не былъ избранъ до того въ какомъ-либо первичномъ собраніи, участвовалъ же въ собраніяхъ только въ качествѣ предсѣдателя, а не депутата: вѣдь избраніе представителей второстепеннаго округа производилось посредствомъ „reduction au quart" депутатовъ этого округа, къ которымъ предсѣдатель, только какъ таковой, не могъ быть относимъ. Такъ, въ Сенлисѣ, съ одобренія Неккера. отвергнутъ лейтенантъ Beaumont-sur-Oise [2]), а въ Даксѣ сен-северскій [3]) предсѣдатель.

Добиваясь избранія, предсѣдатели нерѣдко заискиваютъ съ этой цѣлью передъ избирателями и эта зависимость отъ доброй воли послѣднихъ представляла подчасъ очень дѣйствительную преграду противъ произвола лейтенантовъ.

Лейтенантъ ланскій [4]), опечаленный своимъ неизбраніемъ, наивно объясняетъ министру юстиціи, что во время выборовъ черезъ день приглашалъ къ обѣду на 40—50 приборовъ дворянъ, духовныхъ и буржуа (3-е сословіе составляло всегда половину приглашенныхъ), чтобы добиться гармоніи между сословіями, а между тѣмъ городская ланская интрига не дала ему своихъ голосовъ и „бросилась" на кандидатуру мера (Le Carlier). Это, правда, человѣкъ достойный и образованный, краснорѣчивый, но все-таки его избраніе—дѣло интриги. „Безчисленное множество депутатовъ высказали мнѣ сожалѣніе за мой отказъ, отъ избранія, какъ это нѣсколько разъ было сообщаемо депутатамъ, (утверждали), что безъ этого я былъ бы назначенъ первымъ депутатомъ отъ большинства собранія. Я имъ отвѣчалъ, что это (мое нежеланіе)—ложь, распространенная для моего устраненія. Другіе увѣряли, что въ качествѣ предсѣдателя я не подлежу избранію; многіе сообщали мнѣ также и это ложное толкованіе". Впрочемъ, обиженный кандидатъ не выдержалъ до конца своего относительнаго безпристрастія къ счастливому сопернику: отказался выдать послѣднему подлинникъ своднаго наказа, но когда въ его отсут-

---

[1]) Premier député, premier du quart и т. д.

[2]) В III, 142, 327—364.

[3]) В III, 57, 332, 452. В. III, 58, 29, 36, 669, 675. Bª 36 l. 73. 6°.

[4]) В III, 154, 455—476 и passim Laon Bª 46 l. 103. 8°. *Brette* I, 149. См. также Introduction 57—58.

Библиотека "Руниверс"

ствіе это было сдѣлано, лейтенантъ издалъ ордоннансъ съ требованіемъ выдачи наказа обратно, подъ угрозой понудительныхъ мѣръ и даже лишенія свободы. Въ это нелѣпое столкновеніе пришлось вмѣшаться государственному совѣту (!), отмѣнившему ордоннансъ лейтенанта.

Въ Pont-à-Mousson [1]) по окончаніи выборовъ предсѣдателю былъ поданъ благодарственный адресъ за добрую комнату, добрый каминъ, добрую постель, добрый столъ, доброе вино и дессертъ; смущенный лейтенантъ объясняетъ хранителю печати, во избѣжаніе кривотолковъ, что это курьезное высокопарное посланіе было принято имъ въ полночь, въ день окончанія выборовъ отъ старика, 93-хъ лѣтъ, депутата деревни Corny; если въ адресѣ говорится, что депутаты получили у себя заранѣе циркулярное приглашеніе на даровые хлѣба, то не онъ послалъ этотъ циркуляръ, а королевскій адвокатъ и нѣкоторыя другія лица. Любопытно, однако, какъ могло возникнуть недоразумѣніе на счетъ участія лейтенанта въ этомъ широкомъ гостепріимствѣ, тѣмъ болѣе, что онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, въ надеждѣ быть избраннымъ, даже передъ утайкой отъ избирателей рѣшенія министра, ему невыгоднаго.

Лейтенанты [2]) меленскій (Melun) и мендскій (Mende en Gevaudan) обвиняются въ бездѣйствіи власти, но тутъ же указываются ихъ происки, чтобы попасть въ депутаты. Очевидно, то и другое находилось въ нѣкоторой связи.

Въ Мобежѣ [3]) предсѣдательствующій прево, рѣзко порицающій текстъ наказа съ его „articles extraordinaires et quelquefois presque ridicules“, не посмѣлъ противиться ихъ утвержденію, такъ какъ большинство деревенскихъ депутатовъ были изъ „людей, говорившихъ съ наибольшей дерзостью и упрямствомъ“, а ограничился „аргументами и замѣчаніями“. Вслѣдствіе такой „снисходительности“ все обошлось благополучно, по его объясненію, и онъ самъ вознагражденъ избраніемъ въ первые депутаты этого второстепеннаго округа.

---

[1]) В III, 23, 307—317, 329 députation réduite à Bar-le-Duc. (M-rs Rouyer avocat du roi et Viard). M-r Rouyer a hébergé 20 habitants. Віаръ былъ lieutenant de police и попалъ въ депутаты.

[2]) В III, 84, 694. В. III, 85, 696, 698.

[3]) В III, 19, 812, 814. B. 17 l. 20. 16°. Maubeuge secondaire d'Avesnes. 1-го апрѣля письмо прево Hennet къ хранителю печати. „Condescendance“—таково выраженіе прево. См. также *Legrand*, Senac de Meilhan, 336.

Библиотека "Руниверс"

Пересматривая отчеты лейтенантовъ о состоявшихся выборахъ, можно замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ даются лестныя [1]) для избирателей аттестаціи тамъ, гдѣ предсѣдатель получилъ большинство голосовъ, тамъ же, гдѣ его кандидатура провалилась, раздаются жалобы на стачку, интриги и т. д. (cabales, intrigues, brigues). Это показываетъ, какъ хотѣлось иногда лейтенантамъ попасть въ депутаты. Злобой дня въ нѣкоторыхъ окружныхъ собраніяхъ былъ вопросъ о правѣ предсѣдателя быть избраннымъ, при чемъ онъ высказывался утвердительно, а оппозиція—отрицательно [2]).

Въ Vernon (Rouen) [3]) бальи утверждалъ, что можетъ быть избранъ, хотя на это правъ не имѣлъ, какъ выше было указано относительно S-t Sever.

Въ Boiscommun (Orléans) [4]) собраніе высказалось противъ подобной же претензіи лейтенанта, который отказался вслѣдствіе этого участвовать въ засѣданіяхъ; но избиратели не смутились, избрали другаго предсѣдателя, а правительство высказалось въ ихъ пользу: хранитель печати, въ отвѣтъ на жалобы лейтенанта противъ двухъ агитаторовъ, поднявшихъ этотъ вопросъ, призналъ агитаторовъ совершенно правыми; Неккеръ, въ письмѣ къ бальи орлеанскому, назвалъ даже поведеніе собранія „мудрымъ".

Не менѣе характерны указанные выше призывы къ назначенію въ депутаты высочайшею волею, а не по избранію. Это—вѣрный показатель настроенія и поведенія соотвѣтствующихъ лицъ. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключеній: жизнь сложнѣе самыхъ осторожныхъ обобщеній.

Не всегда предсѣдатели злоупотребляютъ своей властью. Въ Nogent-sur-Seine [5]) лейтенантъ рѣшилъ заодно съ собраніемъ, что солдаты въ залъ засѣданій допущены не будутъ; онъ же спрашивалъ у собранія, нельзя ли ему пользоваться двумя голосами, въ качествѣ депутата первичнаго собранія и предсѣдателя, но получилъ отрицательный отвѣтъ и, повидимому, успокоился.

Не вездѣ они стремятся къ депутатству, напротивъ, иногда прямо

---

[1]) См. Civray, S-t Sever, Bellac, Aire, Bapaume и т. д.

[2]) Pont-à-Mousson, Aire, Bapaume, Epernay.

[3]) *Hippeau*, Elections de 1789. (70, 71).

[4]) В III, 99, 332—338 (жалоба лейтенанта), 339, 360 (отвѣты министра юстиціи отъ 14-го и 16-го марта), 362—364 (письмо Неккера 17-го марта). Въ 59. I, 146.

[5]) Secondaire de Troyes, В III, 151. Протоколъ.

Библиотека "Руниверс"

отказываются отъ избранія [1]) или заранѣе просятъ не ставить ихъ кандидатуры [2]). Лейтенантъ предсѣдательствовавшій окружнымъ собраніемъ [3]) Парижа „extra muros" (Angran), просилъ избирателей „не думать о немъ" въ качествѣ депутата, такъ какъ онъ не участвовалъ въ выработкѣ наказа и не согласенъ съ его принципами, колеблющими начала монархіи; по его мнѣнію, не нужно вырабатывать новой конституціи, ибо во Франціи она существуетъ уже 800 лѣтъ, злоупотребленія же бываютъ вездѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нужно было мѣнять форму правленія. Поэтому всякій разъ, какъ вынимался избирательный бюллетень съ его именемъ, Ангранъ повторялъ свое заявленіе, а въ концѣ операцій собраніе сдѣлало ему дружественную демонстрацію, при чемъ привѣтственную рѣчь говорилъ извѣстный либералъ Тарже.

Въ Гизѣ [4]) лейтенантъ, избранный единогласно, за исключеніемъ одного голоса, апплодировалъ этому голосу, какъ признаку свободы (comme au symbole de la liberté) и категорически отказался отъ избранія.

Иногда мотивомъ къ подобному отказу являлось желаніе имѣть возможность говорить свободно на собраніи, не завися отъ воли избирателей. Въ Nuits [5]) предсѣдатель отказался быть представителемъ, какъ города, такъ и бальяжа; „это дало мнѣ возможность говорить свободнѣе и быть выслушану съ бо́льшимъ довѣріемъ". Въ Ліонѣ генеральный лейтенантъ подалъ въ отставку (какъ депутатъ), такъ какъ между городомъ и представителями сенешоссеи произошли разногласія относительно сводного наказа, между тѣмъ, по его мнѣнію, деревенскія требованія далеко не представляли собой „шедевра". Затѣмъ, когда разногласіе устранилось, онъ настаивалъ на своемъ отказѣ, зная, что его депутатство не всѣмъ понравится; не принадлежа къ третьему сословію, „я предпочелъ остаться посредникомъ" [6]).

---

[1]) Roye (B III, 118, 682, Ornans (sec. de Dôle B III, 61, 244), Quimperlé—сенешалъ отказался отъ званія „premier électeur": въ этой сенешоссеи не производилось прямыхъ выборовъ въ генеральные штаты (B. III, 38, 772).

[2]) B III, 136, 450. Лейтенантъ хранителю печати 24-го марта (Aurillac sec. de St. Flour).

[3]) Подробная передача протокола у *Chassin*, Elections de Paris IV, 361—370.

[4]) B III, 154, 942. *Fleury*, Elections aux Etats Généraux de 1789. (Laon 1872). 246 Guise sec. de Laon Vermandois).

[5]) B III, 60, 200, 201. Lieutenant civil хранителю печати 24-го марта.

[6]) B III, 75, 930—932. B. III, 76, 525 — 529. Письма лейтенанта министру юстиціи отъ 28-го и 31-го марта

Библиотека "Руниверс"

Нѣкоторые лейтенанты, очень довольные своимъ назначеніемъ, сомнѣваются однако въ своемъ правѣ быть депутатами и смущенно не то извиняются, не то просятъ своего утвержденія или указаній министра. Лейтенантъ округа Breteuil увѣрялъ, что избраніе его произошло, „несмотря на сопротивленіе" его самого, а сосѣдъ [1]) его изъ Nonancourt сообщалъ, что отказался отъ избранія двумя приходами и не знаетъ, какъ это случилось, что избранъ „par acclamation" въ бальяжѣ.

Въ Валансьенѣ собраніе изъ 85-ти избирателей, по сведеніи ег къ 21 (réduction au quart), прибавило еще 22-го представителя, въ лицѣ предсѣдателя, выбраннаго „par acclamation"; у послѣдняго были сомнѣнія на этотъ счетъ и онъ запрашивалъ резолюціи министра [2]).

Изъ всего сказаннаго видно, что въ отношеніяхъ мѣстной власти и избирателей царитъ большое разнообразіе. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что мѣстная власть слишкомъ часто выходила изъ отведенныхъ ей регламентомъ рамокъ. Знаменитые наказы 1789 года, это, по словамъ Токвиля, духовное завѣщаніе старой Франціи, а также выборы въ будущее національное собраніе, носятъ на себѣ слѣдъ прямаго вмѣшательства судебной власти. Вмѣсто простаго руководительства, она проявлялась такъ или иначе въ формахъ, несоотвѣтствующихъ идеалу невмѣшательства, которое предписываетъ регламентъ и о которомъ такъ искренне мечталъ Неккеръ.

Впрочемъ, это, само собою разумѣется, рѣдко обходилось безъ борьбы и сопротивленія. Окружныя собранія далеко не всегда были овечками въ рукахъ предсѣдателей. Во многихъ мѣстахъ избиратели протестовали противъ самого факта назначенія предсѣдателей отъ правительства. Кромѣ того, третье сословіе обижалось, что секретаремъ въ засѣданіяхъ былъ по закону секретарь окружнаго суда (greffier du bailliage), между тѣмъ какъ привилегированные сами избирали своего секретаря.

Въ Парижѣ [3]) произошло всеобщее возстаніе противъ этихъ стѣсненій уже на первичныхъ выборахъ по 60 городскимъ участкамъ (districts), гдѣ населеніе протестовало противъ предсѣдателей по на-

---

[1]) Оба округа зависѣли отъ Evreux. B. III, 65, 306, 435 — 437. *Карѣевъ* „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи". (Приложеніе № 15).

[2]) *Legrand*, Senac de Meilhan, 351.

[3]) *Chassin*, Génie de la Révolution, I, 274, 275. *Idem.* Elections de Paris II, 291—293, 299 и далѣе passim. III, 11—17, 28—29. Paris intra muros. 11 предсѣдателей были переизбраны.

Библиотека "Руниверс"

значенію отъ городскаго управленія; если подлежащее лицо уступало, то его же иногда избирали „par acclamation" предсѣдателемъ даннаго собранія, въ случаѣ же сопротивленія, просто выгоняли.

Что же касается окружнаго собранія въ столицѣ, то, какъ выше было указано, тамъ лейтенантъ встрѣтилъ подобное же отношеніе и въ видѣ протеста отказался отъ чести быть избраннымъ въ предсѣдатели.

Въ провинціи дѣлались попытки въ томъ же направленіи, но впрочемъ безъ особеннаго успѣха. Въ Суассонѣ прокуроръ Gouillart внесъ предложеніе въ этомъ смыслѣ [1]). Въ Givet [2]) произведено фиктивное избраніе предсѣдателя и секретаря, то-есть избраны тѣ, кому о семъ вѣдать надлежало.

Выше былъ уже упомянутъ случай въ Boiscommun, гдѣ собраніе, отвергшее неосновательныя претензіи лейтенанта и избравшее, въ виду его упрямства, другаго предсѣдателя, удостоилось похвалы со стороны Неккера; тутъ избиратели признавали лейтенанта не только не имѣющимъ права баллотироваться (inéligible), но и не имѣющимъ права голоса (voix délibérative), ибо онъ не былъ представителемъ первичнаго прихода.

Въ Аженѣ избиратели съ большой твердостью встрѣтили попытки лейтенанта Лафитта сорвать засѣданіе; недаромъ онъ жаловался министру юстиціи, что съ гасконскими головами трудно сладить. Дѣло въ слѣдующемъ. По окончаніи баллотировки замѣчено было, что избраны въ депутаты лица, протестовавшія въ качествѣ комиссаровъ при обсужденіи наказа, противъ дополненій, сдѣланныхъ собраніемъ въ его текстѣ. Такъ какъ эти добавленія касались между прочимъ отмѣны нѣкоторыхъ феодальныхъ правъ, то предложено было, во избѣжаніе недоразумѣній, взять съ избранныхъ соотвѣтствующія обязательства. Это вызвало цѣлую бурю; шумъ стоялъ невыносимый, одни кричали „да", другіе „нѣтъ"; особенно волновавшійся совѣтникъ сенешоссеи, по словамъ протокола, почувствовалъ себя дурно и ему дали нюхать уксуса и выпить его въ смѣшеніи съ водой. Воспользовавшись всѣмъ этимъ, лейтенантъ „съ болью въ сердцѣ" закрылъ засѣданіе, а на слѣдующій день (28-го марта), ловко спрятавшись за спину дворянства и духовенства, прибѣгъ къ маневру, юмористически имъ описанному въ письмѣ къ министру. „Благодаря добрымъ совѣ-

---

[1]) В III, 144, 526—547.

[2]) Prévôté d'Agimont secondaire du Quesnoy. *Legrand*, Senac de Meilhan, 335.

Библиотека "Руниверс"

тамъ четырехъ старыхъ лисицъ, приведшихъ меня къ опушкѣ лѣса. я далъ дворянству и духовенству произвести на меня понужденіе"; эти сословія, по уговору, заявили, что у нихъ избирательныя дѣйствія завершены, пора устроить соединенное засѣданіе всѣхъ сословій для принесенія присяги и разойдтись, такъ какъ несправедливо заставлять другихъ ждать третьяго сословія, которое все не можетъ окончить своихъ пререканій. Опираясь на это, Лафиттъ заявилъ, „что недостатокъ разумности, царствующій въ этой камерѣ", не долженъ задерживать окончанія выборовъ, по собственному усмотрѣнію составилъ форму депутатскихъ обязанностей и полномочій, а затѣмъ закрылъ засѣданіе и, оставивъ на столѣ копію своего заявленія, удалился изъ собранія. Но избиратели не разошлись; „третье сословіе, обиженное моимъ нервнымъ поведеніемъ, избрало себѣ другаго предсѣдателя (c'est la tête chenue de Mr. d'Escourre!), выбрало два бюро для переписки съ генеральными штатами, исключивъ меня изъ ихъ состава, за это спасибо; наконецъ пяти ораторамъ поручено отчитать меня (me laver la cornette) въ субботу на собраніи всѣхъ сословій, передъ присягой... Вотъ появляются мои два оратора, гордо выступаютъ впередъ: „г. президентъ, мы просимъ слова". „Охотно, господа, но моя задача исполнена, все кончено, закрываю собраніе и удаляюсь. Говорите всѣ вмѣстѣ и сколько вамъ будетъ угодно". Я сажусь въ карету и ѣду домой. Вообразите себѣ, монсеньеръ, грустную позу этихъ ораторовъ, выступившихъ впередъ, въ виду 1.200 человѣкъ, съ разинутыми ртами, съ наказами въ рукахъ и — насмѣшники на моей сторонѣ. Картинка эта съ натуры. Слава Богу, вы увидите наказъ! ахъ, нѣтъ. монсеньеръ, лучше не смотрите, тошно станетъ"... Очевидно, что несмотря на такой шутливо-фельетонный тонъ, побѣда осталась за избирателями недаромъ лейтенантъ въ письмѣ къ Неккеру, сообщая о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ его вступительною рѣчью, прибавляетъ, что „пережилъ минуты, въ которыя чувствовалъ себя далеко не въ своей тарелкѣ". Дѣйствительно третье сословіе избрало депутатовъ. неугодныхъ лейтенанту, составило наказъ, его возмущающій, исключило его самого изъ „bureau de correspondence"—учрежденія, созданнаго избирателями во многихъ мѣстахъ Франціи для поддержанія связи между депутатами на генеральныхъ штатахъ и ихъ довѣрителями. Что же касается полномочій этихъ депутатовъ (mandats et pouvoirs). то Аженскіе избиратели выработали ихъ также по своему усмотрѣнію. заявивъ, что это право давать полномочія принадлежитъ исключи-

Библиотека "Руниверс"

тельно имъ, нераздѣльно и неограниченно [1])—утвержденія, въ которыхъ, по мнѣнію Монденара, заключалась въ зародышѣ вся революція.

Въ другомъ уголкѣ той же Гаскони, въ Mont-de-Marsan разыгралась настоящая усобица на почвѣ мѣстнаго антагонизма между главнымъ городомъ и деревней (les Bastilles), а также раздоровъ между сенешаломъ и лейтенантомъ. Послѣдній пытался разрубить гордіевъ узелъ распущеніемъ собранія и отдачей подъ судъ наиболѣе опасныхъ своихъ противниковъ, но это ни къ чему не повело: избиратели раскололись на двѣ половины, самостоятельно производившія выборы и редакцію наказовъ. Лейтенантъ самъ уговорилъ министра юстиціи санкціонировать это разрѣшеніемъ каждой партіи избрать по одному депутату особо. Любопытно, какъ объяснялъ лейтенантъ свое поведеніе въ началѣ борьбы. Онъ выгналъ изъ собранія своего главнаго соперника—доктора Dufau „по настоянію наиболѣе видныхъ (distingués) жителей и *въ особенности дворянства*"; этотъ Dufau былъ procureur sindic главнаго города, гдѣ онъ мутилъ подонки народа (la lie du peuple), особенно тѣхъ бѣдняковъ, которыхъ даромъ лечилъ; чернь же волновалась подъ вліяніемъ дороговизны зерна. Въ окружномъ собраніи 4 темныя личности (quatre quidams), стоя на стульяхъ въ 4-хъ углахъ зала, давали сигналъ апплодисментамъ, кричали „тише" (paix là), когда благомыслящіе граждане (ami du bien) пытались говорить; если послѣдніе упорствовали, то чернь выталкивала ихъ вонъ; полное молчаніе царило только во время рѣчей Дюфо и его приверженцевъ. Выборъ комиссаровъ былъ также не по душѣ лейтенанту: это прокуроръ, нотаріусъ, аптекарь и сапожникъ, между тѣмъ, какъ въ городѣ были буржуа, юрисконсульты, мелочные и оптовые торговцы, врачи и другіе, „которые, конечно, заслуживали предпочтеніе во всѣхъ отношеніяхъ". Вотъ почему собраніе было распущено изъ-за отсутствія покорности (subordination), изъ-за бунта, грубыхъ ругательствъ. Лейтенантъ возбудилъ даже судебное преслѣдованіе противъ Dufau, городскаго мера и мѣстнаго священника, за интриги, возмущеніе противъ закона, преступное непослушаніе и явное пристрастіе [2]). Съ своей стороны сенешалъ, негодуя на лейтенанта,

---

[1]) B, III, 1, 103—568. Ba 9, l. 2, 1°—7°. Особенно важны протоколы и письма Лафитта отъ 30-го марта и 2-го апрѣля. *Mondenard*, Cahiers de l'Agenois. (Villeneuvoe-sur-Lot 1889) 259—271, 331—353, 415.

[2]) Astuce, rébellion à la loi, désobéissance la plus criminelle, passion la plus caractérisée.

Библиотека "Руниверс"

покинулъ городъ. Но въ концѣ концовъ лейтенантъ самъ понялъ, что надо уступить [1]); расколъ въ сенешоссеи получилъ признаніе со стороны правительства.

И не одни упрямые гасконцы проявляли духъ независимости. Строптивые бретонцы въ Реннѣ (Rennes) потребовали исключенія дворянъ, сеньеріальныхъ агентовъ и тому подобныхъ людей, пользующихся привилегіями и изъятіями. Предсѣдательствующій сенешалъ опротестовалъ это требованіе, какъ не законное, противорѣчащее смыслу регламента. Но „ему отвѣчали, что регламентъ не законъ, что такое высокое значеніе можно придавать лишь постановленіямъ санкціонированнымъ народомъ", законодательная же власть принадлежитъ лишь генеральнымъ штатамъ.

Сенешалъ возразилъ, что его полномочіе исходитъ только отъ короля, да и неприлично (indiscret) ставить подобные вопросы, въ то время какъ земледѣльческія работы требуютъ возвращенія депутатовъ по домамъ. Но собраніе не расходилось. Тогда многіе сеньеріальные судьи и агенты торжественно отказались отъ права баллотировки, прося однако допущенія къ обсужденію cahiers и голосованію на выборахъ, а сенешалъ также отказался баллотироваться. Но это не помогало; три члена собранія, потребовавшіе слова одинъ послѣ другаго, заявили, что присутствіе королевскаго прокурора стѣсняетъ свободу мнѣній. Тотъ отказался отъ права баллотироваться и голосовать, съ оговоркой, что собраніе, пріуроченное къ судебному засѣданію, немыслимо безъ сенешала и прокурора. Тутъ шумъ и волненіе разрослись до того, что, по словамъ послѣдняго, „наша жизнь стала небезопасной"; сенешалъ, по его просьбѣ, закрылъ засѣданіе, но пока расходились, прокуроръ подвергся оскорбленіямъ и дѣло могло бы кончиться плохо, если бы не вмѣшательство предсѣдателя и нѣкоторыхъ депутатовъ. Сенешалъ называлъ это засѣданіе самымъ бурнымъ, какое онъ когда-либо видѣлъ; съ чувствомъ заявлялъ министру, что только очевидцы могутъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ тяжело положеніе руководителя подобнаго собранія. „Съ невыразимымъ изумленіемъ услышалъ я, въ отвѣтъ на свое замѣчаніе, заявленія, что такъ какъ предсѣдательствуемое мною собраніе есть составная часть

---

[1]) Bo 54 I. 130. В III, 91, 44—53, 163—169, 389—394 и passim. Письма лейтенанта хранителю печати отъ 19-го февраля, 3-го апрѣля и т. д. Любопытно, что возбужденное дѣло прекращено было постановленіемъ государственнаго совѣта только 19-го октября 1789 г. Въ декабрѣ того же года Дюфо избранъ въ депутаты взамѣнъ подавшаго въ отставку городскаго представителя. *Brette*, I, 141—143.

Библиотека "Руниверс"

(assemblée élémentaire) генеральныхъ штатовъ, то для него нѣтъ иныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, какіе оно само для себя издаетъ. По обязанности я опровергъ этотъ парадоксъ, но тщетно напрягалъ всѣ свои силы въ теченіе 4-хъ часовъ для противодѣйствія претензіямъ собранія". Съ своей стороны, представитель административной власти, интендантъ, одобряя рвеніе, талантъ и твердость сенешала, объяснялъ министру, что руководить подобнымъ собраніемъ—единственная въ своемъ родѣ обязанность [1]).

Не легко было также сладить съ бретонцами въ Auray, гдѣ побѣда осталась, однако, за предсѣдателемъ—сенешаломъ, который былъ, впрочемъ, кругомъ неправъ, вмѣшавшись въ городскіе выборы. Въ городѣ образовались двѣ партіи, избравшія каждая своихъ депутатовъ, причемъ муниципалитетъ являлся ядромъ оппозиціи. Въ окружномъ собраніи дѣло дошло почти до драки, несмотря на то, что сенешалъ, по его собственному заявленію, удалилъ любопытныхъ и ввелъ въ залъ четырехъ вооруженныхъ солдатъ [2]). Сенешалъ потребовалъ удаленія городскихъ представителей думской партіи съ меромъ Frogerays во главѣ; послѣ двухчасовыхъ преній, Фрожере съ товарищами удалился, произнося угрозы и ругательства, а залъ былъ очищенъ солдатами отъ нахлынувшихъ любопытныхъ. Но дума не сдалась. При звонѣ въ набатъ созвано населеніе, подписанъ протестъ и рѣшено продолжать борьбу. На слѣдующій день Фрожере и пять его товарищей, несмотря на сопротивленіе трехъ приставовъ, врываются въ залъ съ шумомъ и трескомъ [3]); тутъ, хотя былъ вызванъ уже цѣлый отрядъ солдатъ [4]), Фрожере съумѣлъ заставить себя выслушать, говоря рѣчь на мѣстномъ бретонскомъ нарѣчіи: „Друзья мои! васъ хотятъ обмануть! вы видите, что вы не свободны, несмотря на королевскую волю. Зачѣмъ эти солдаты?" По докладу сенешала, Фрожере задѣлъ тѣмъ чувствительную струнку „этихъ добрыхъ людей" и всѣ потребовали удаленія войскъ. Тогда Фрожере сталъ домогаться удаленія королевскаго прокурора. „Вонъ! кричалъ онъ, уходите, г. королевскій прокуроръ!", сообщники мера кричали заодно,

---

[1]) B. III, 37, 641—681. B. 26 l. 170 bis. 2°. Procès verbal (8 Avril) dressé par le procureur du roi sur son exclusion. Письма: интенданта министру юстиціи отъ 8-го и 10-го апрѣля, сенешала отъ 9-го и 19-го апрѣля и 15-го мая, сенешала Неккеру отъ 9-го и 22-го апрѣля.

[2]) Un piquet de 4 hommes du régiment de Bassigny.

[3]) Après beaucoup de fracas et de bruit.

[4]) Un détachement.

Библиотека "Руниверс"

такъ что невозможно было другъ друга разслышать. „Онъ объясняетъ этимъ добрымъ людямъ, что я, сенешалъ, не въ правѣ выгонять его изъ собранія, они одни имѣютъ это право и онъ не признаетъ себѣ инаго судьи, кромѣ ихъ. Можно себѣ представить, какою приманкой это было для наивныхъ душъ: слишкомъ польщенные оказываемою честью, они сразу попались на удочку и во избѣжаніе полнаго разстройства собранія, я оказался въ тягостной необходимости терпѣть ихъ присутствіе въ интересахъ мира“ [1]). Кончилось, однако, тѣмъ, что они принуждены были удалиться съ яростью и негодованіемъ, какъ „побитыя собаки“. Однако, министръ строго осудилъ сенешала, признавъ неосновательными его оправданія „такого произвольнаго и предосудительнаго поведенія“ и вполнѣ справедливыми „всеобщія жалобы жителей“. Но, какъ водится, сенешалъ не остался въ долгу, выставлялъ себя защитникомъ народа противъ алчной городской буржуазіи; какъ всегда, совершившійся фактъ рѣшилъ дѣло въ пользу мѣстной власти, вопреки безсильнымъ осужденіямъ центральнаго правительства [2]).

Въ другихъ случаяхъ одерживало верхъ собраніе. Въ Неракѣ [3]), послѣ бурнаго засѣданія, лейтенантъ долженъ былъ уступить, боясь, чтобы въ противномъ случаѣ всѣ избиратели не разошлись. Изъ Бомона (Beaumont le Roger) лейтенантъ [4]) докладываетъ, что сдѣлалъ все зависящее для соглашенія умовъ и смягченія ихъ упорства, но все было напрасно.

Выше уже было упомянуто о прево мобежскомъ, объяснявшемъ свою „снисходительность“ по отношенію къ редакціи наказа тѣмъ, что большинство приходовъ избрало „людей, говорившихъ съ наибольшею дерзостью и упрямствомъ“. Въ Бузонвилѣ [5]) провалили представленный лейтенантомъ проектъ опредѣленія депутатскихъ полно-

---

[1]) Pour avoir la paix.

[2]) В III, 37, 971—1124. B. 26 l. 201 bis. 4°. Письма сенешала и отвѣты министра, протоколы 13-го—17-го апрѣля, „Précis de ce qui s'est passé dans la Ville d'Auray relativement à l'élection des députés“.

[3]) Sénéchaussée d'Albret. В III, 94, 128—130. Его письмо хранителю печати 12-го марта, „séance orageuse“.

[4]) Secondaire d'Evreux. В III, 65, 208. Хранителю печати 10-го апрѣля „la crainte de l'objection les a fait se roidir“.

[5]) В III, 131; 23—25. (10—48) рапортъ „relations détaillées“. „Ce sont eux qui ont, pour ainsi dire, présidé, tant le lieutenant général leur marquait de déférence“.

Библиотека "Руниверс"

мочій; тутъ виноваты были неблагодарные горожане, которымъ онъ всячески покровительствовалъ при выработкѣ наказа.

Иногда особенно выдѣляются отдѣльныя личности, сильно досаждающія предсѣдателю. Въ Epernay избраніе лейтенанта въ представители этого округа, несмотря на то, что онъ не получилъ полномочій приходскаго собранія, вызвало протесты купца Le-Blanc. Предсѣдатель негодуетъ на эту шальную голову (mauvaise tête), на этого американца (sic), начавшаго возражать, хотя собраніе троекратно выразило удовольствіе по поводу его избранія довольно продолжительными рукоплесканіями; американецъ поднялъ шумъ, возбуждалъ крестьянъ и другихъ, „тащилъ за платье и за руки, чтобы заставить ихъ подписать" протестъ, отказывался подписать протоколъ засѣданія, а увлеченная имъ часть простонародья была въ нетрезвомъ состояніи. Однако шальная голова оказалась правой [1]); въ Vitry, отъ котораго зависѣлъ второстепенный Эпернейскій округъ, протестъ признанъ справедливымъ, а избраніе лейтенанта — незаконнымъ.

Подобнымъ же образомъ въ южномъ углу Франціи, въ Castellane [2]), предсѣдателю досаждалъ адвокатъ Lieutaud, меръ этого города. Онъ по свидѣтельству протокола громко (d'un ton élevé) прервалъ предсѣдателя, требуя назначенія трехъ человѣкъ для „помощи", то-есть, контроля, надъ дѣйствіями секретаря при счетѣ голосовъ, а также тщательной регистраціи записей. Предсѣдатель возражалъ, что это вызвало бы длинныя проволочки и должно быть отвергнуто, „какъ бросающее тѣнь на честность секретаря и оскорбительное для королевской власти, его назначившей". Но меръ не унимался „и хотя мы приказали ему молчать, продолжалъ тѣмъ же тономъ". Пользуясь своимъ правомъ издавать обязательныя постановленія [3]), лейтенантъ офиціально приказалъ Льето сѣсть на свое мѣсто и ждать своей очереди для подачи голоса. Но меръ всталъ и призвалъ собраніе въ свидѣтели, что ему отказано во внесеніи въ протоколъ его требова-

---

[1]) В III, 158, 554—578, 599—645. В° 86 l. 219, 3° (особая связка). Протоколъ, письма лейтенанта отъ 6-го, 12-го и 26-го марта и т. п.

[2]) В III, 63, 563—641. В° 39, l. 83. Протоколъ. Текстъ приведенъ у *Mireur*, États Généraux de 1789. (Draguignan 1891). 156—164; см. также *Viguier*, La convocation en Provence (Paris. 1896) 231, 232.

[3]) Ordonnances, имѣющія силу закона, впредь до ихъ отмѣны государственнымъ совѣтомъ.

Библиотека "Руниверс"

нія, послѣ чего умолкъ передъ угрозой принятія строгихъ мѣръ (sévir) и жалобы королю. Въ это время королевскій прокуроръ замѣтилъ, что одинъ изъ сторонниковъ мера [1]) у всѣхъ на глазахъ демонстративно записываетъ подаваемые голоса [2]), для контроля надъ записями секретаря. Когда очередь голосовать дошла до него, онъ громко заявилъ, что избираетъ прокурора потому, что тотъ самъ составилъ свою рѣчь, „причемъ по тону и сопровождающимъ жестамъ собраніе поняло намекъ, что мы (лейтенантъ) не сами составили свою рѣчь и черезъ это не заслуживаемъ ни занимаемаго нами мѣста, ни довѣрія собранія". Кончилось тѣмъ, что лейтенантъ, не попавъ первоначально въ число 12 представителей сенешоссеи, но избранный затѣмъ на мѣсто отказавшагося отъ этой чести прокурора, изъ самолюбія [3]) также отказался отъ избранія.

Разбирая подобные случаи избирательной борьбы въ бальяжахъ и сенешоссеяхъ, всякій разъ, какъ по дошедшимъ до насъ документамъ можно возстановить болѣе или менѣе полную картину столкновенія избирателей съ властью, во главѣ недовольныхъ выступаютъ сравнительно вліятельныя по своему общественному положенію личности: меры Льето (въ Провансѣ) и Фрожере (въ Бретани), докторъ прокуроръ Дюфо (въ Гаскони), помѣщикъ и королевскій нотаріусъ Карбонель, негоціантъ Лебланъ, нотаріусъ Миллеръ, кабатчики и т. д. Народный же элементъ играетъ въ этихъ столкновеніяхъ второстепенную роль; мужики какъ-то стушевываются, въ крайнемъ случаѣ ихъ соблазнили, обманули, напоили, въ общемъ же они уподобляются въ отзывахъ современниковъ хору въ классической трагедіи. На первомъ планѣ всегда агитаторъ, честолюбецъ, соперникъ лейтенанта. Историкъ долженъ быть поэтому остороженъ въ своихъ выводахъ. Не всякое столкновеніе предсѣдателя съ членами собранія было актомъ сопротивленія избирателей противъ захватовъ власти. Множество недоразумѣній чисто личнаго свойства разыгрывалось между лейтенантомъ, бальи или сенешаломъ, королевскимъ прокуромъ, городскими властями и т. д. Другія связаны были съ корпоративнымъ или мѣстнымъ антагонизмомъ, гдѣ пользовались выборами въ гене-

---

[1]) Carbonel (notaire royal, seigneur de Vaucroue et en partie du Bourguet).

[2]) Въ Кастелланѣ, гдѣ выборы не были окончательными, они производились открытою подачей голосовъ. (Députation réduite à Draguignan).

[3]) Такъ объясняетъ дѣло Вигье, историкъ Прованса, иронизирующій надъ предсѣдателемъ. Это весьма вѣроятно.

Библиотека "Руниверс"

ральные штаты для того, чтобы дать рѣшительную битву своимъ соперникамъ.

Понятно, что каждая партія старается драпироваться при этомъ въ какую-нибудь общественную идею, выставляетъ себя носительницей того или другаго общественнаго начала. Съ другой стороны нерѣдко борьба личныхъ самолюбій была только внѣшнею оболочкой, подъ которой таилось глубокое содержаніе политической или общественной борьбы.

Среди этой путаницы разобраться бываетъ очень трудно. Въ Тулузѣ и въ Mont-de Marsan борются лейтенантъ съ сенешаломъ, въ въ Remiremont — съ меромъ [1]), въ Verneuil съ королевскикъ прокуроромъ [2]) и т. д.

Впрочемъ, есть цѣлый разрядъ столкновеній, содержаніе которыхъ исчерпывается личными счетами и прямо должно быть изъято изъ разсмотрѣнія. Такъ, сенешалъ въ Бордо [3]), совершенно явно и беззаконно стремившійся всячески принизить лейтенанта, имѣлъ смѣлость писать Неккеру: „Мой лейтенантъ хотѣлъ явиться въ парадной формѣ (en robe) предсѣдательствовать въ третьемъ сословіи. Я же только разрѣшилъ ему явиться, но безъ формы, хотя онъ, собственно говоря, не членъ собранія“ (!). Сенешалъ велъ себя совершенно неприлично, приказалъ стражѣ не впускать лейтенанта въ залъ; когда тотъ всетаки вошелъ, сенешалъ требовалъ его удаленія, прерывалъ его рѣчь и т. д. „Если бы въ моихъ рукахъ было побольше власти, пишетъ онъ министру, то лейтенантъ не вошелъ бы ни въ формѣ, ни инымъ образомъ“. Если бы правительство было внимательно, сенешалъ, конечно, не получилъ бы одобренія свыше, какъ ранѣе было уже указано.

Но такіе простые случаи очень рѣдки, въ большей же части трудно бываетъ разобрать, среди интригъ и уколовъ самолюбій, сущность взаимныхъ отношеній власти и главнаго ядра избирателей въ окружныхъ собраніяхъ.

Гораздо болѣе извѣстна исторія столкновеній избирателей съ административною властью; но пресловутая война противъ низшихъ ея представителей—subdélégués—имѣла гораздо менѣе серьезное значеніе въ смыслѣ вліянія на исходъ избирательныхъ работъ.

---

[1]) В Ш, 89.

[2]) В Ш, 2, 1272—1275. Secondaire d'Alençon.

[3]) Приведено у *Brette*, I. Введеніе, стр. 52, 53.

Библиотека "Руниверс"

Казалось бы, въ странѣ централизаціи и административнаго произвола, роль администраціи въ минуту выборовъ должна быть громадною, на дѣлѣ же вышло наоборотъ.

Прежде всего, какъ выше указано, правительство само устранило администрацію отъ выборовъ и требовало отъ нея полнаго невмѣшательства.

Кромѣ того, общая ненависть къ администраціи побуждала избирателей съ рѣдкимъ единодушіемъ противиться всякимъ попыткамъ воздѣйствія со стороны интендантовъ (губернаторовъ) и subdélégués (въ родѣ нашихъ дореформенныхъ исправниковъ). Въ этомъ ихъ иногда не прочь были поддерживать хозяева избирательныхъ собраній — судейское сословіе, бывшее въ антагонизмѣ съ администраціей и во всякомъ случаѣ боявшееся ея соперничества.

Согласно данной имъ инструкціи, интенданты внимательно слѣдили за всѣмъ происходившимъ, и донесенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно Amelot бургонскаго и лимузенскаго Meulan d'Ablois, отличались большой толковостью и обстоятельностью.

Къ такому наблюденію избиратели относились съ неудовольствіемъ. Интендантъ аленсонскій (Jullien), интересовавшійся содержаніемъ окружныхъ наказовъ, съ трудомъ добылъ текстъ кайе третьяго сословія, что же касается привилегированныхъ, то онъ сомнѣвался добыть заблаговременно ихъ наказы, „вѣдь изъ всего дѣлаютъ тайну для интенданта". Между тѣмъ, онъ не былъ врагомъ дворянства. Во время редакціи наказа третьяго сословія интендантъ мечталъ о примиреніи сословій, иначе говоря, о смягченіи требованій буржуазіи, которая въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ бальяжахъ предъявила „преувеличенныя претензіи" [1]) и „несообразныя" требованія; онъ выражалъ тогда надежду, что, получивъ отъ привилегированныхъ согласіе на отмѣну податныхъ изъятій, то-есть, добившись того, чѣмъ она болѣе всего дорожила, буржуазія пойдетъ на уступки и сойдется на счетъ всего прочаго съ привилегированными сословіями [2]).

Интенданты чувствовали всю силу окружающаго ихъ недовѣрія. Ліонскій—(Terray) [3]) добровольно удалился на время выборовъ изъ

---

[1]) Prétentions un peu outrées... extravagants.

[2]) „Car on fait mystère de tout à un intendant". *Hippeau* Élections de 1789 en Normandie (Paris 1869) 42, 60. Письма интенданта къ генералъ-губернатору (d'Harcourt gouverneur général), 18-го и 29-го марта.

[3]) В III, 75, 532—534. Письмо отъ 17-го февраля.

Библиотека "Руниверс"

своей области, объясняя министру, что желаетъ избѣжать всякой возможности нареканій въ стѣсненіи избирателей. Бургонскій (Amelot)—о которомъ уже шла рѣчь, по поводу его циркуляра къ subdélégués о невмѣшательствѣ—обратился къ Неккеру съ слѣдующимъ вопросомъ. Subdélégués спрашивали, могутъ ли они, какъ прочіе граждане, принять участіе въ выборахъ; Амело предписалъ было имъ, а также своимъ канцелярскимъ чиновникамъ, совсѣмъ воздержаться отъ появленія въ избирательныхъ собраніяхъ, чтобы не возбуждать подозрѣній, но спрашивалъ на всякій случай мнѣнія министра. Тотъ отвѣчалъ, что всѣ граждане имѣютъ равное право голоса, а потому достаточно предписать имъ осторожность и умѣренность. Этотъ же выдающійся бургонскій администраторъ узнавъ, что избиратели въ Belley обезпокоены слухомъ, будто министръ юстиціи приказалъ лейтенанту доносить о всѣхъ заявленіяхъ, какія будутъ сдѣланы въ собраніи, и о ихъ авторахъ, поручилъ своему subdélegué офиціально опровергнуть это, разсѣять всякія сомнѣнія и убѣдить избирателей въ полной безопасности свободнаго высказыванія мнѣній [1]).

По странной ироніи судьбы, столь ненавистная публицистамъ эпохи администрація являлась иногда силою вещей чуть ли не поборницей свободы въ минуту выборовъ.

Въ качествѣ не заинтересованныхъ зрителей столкновеній между лейтенантами и избирателями, интенданты нерѣдко заступаются въ своихъ донесеніяхъ за этихъ послѣднихъ. Тутъ нѣкоторое вліяніе оказывало соперничество администраціи и судейскихъ. Интендантъ турскій толкуетъ о всеподавляющемъ господствѣ судейскихъ на выборахъ вообще и въ частности въ Шинонѣ, гдѣ въ отвѣтъ на требованія о преобразованіи судопроизводства раздавались формальныя угрозы. Интендантъ монпельескій осуждаетъ лейтенанта каркассонскаго, назначившаго комиссаровъ своею властью. Интендантъ Лотарингіи подтверждалъ жалобы противъ беззаконій лейтенанта въ Ликсгеймѣ, а послѣдній ссылался въ свое оправданіе на неудовольствіе, вызванное въ его „врагѣ“ интендантѣ попавшимъ въ наказъ требованіемъ отмѣны интендантовъ. Любопытно, что по поводу послѣдней исторіи произведено было формальное разслѣдованіе не судебною властью, а административною, въ лицѣ subdélégué.

Такое вмѣшательство было отчасти санкціонировано самимъ пра-

---

[1]) В III, 60, 328—329. (Supplément). Выдержка изъ офиціальнаго доклада. Ibidem 17, 118—121. Письмо Неккеру 17-го Февраля и отвѣтъ послѣдняго.

Библиотека "Руниверс"

вительствомъ: въ циркулярѣ [1]) хранителя печати къ интендантамъ предписано, наряду съ уваженіемъ къ свободѣ, давать „совѣты" предсѣдателямъ окружныхъ и приходскихъ собраній въ случаѣ затрудненій или недоумѣній.

На основаніи этого указанія, неопредѣленнаго и непродуманнаго, какъ все, исходившее отъ этого вялаго правительства, интенданты не прочь были можетъ быть руководить выборами и давать наставленія судебной власти, но они чувствовали себя связанными запрещеніемъ производить понужденіе и всеобщимъ народнымъ недовѣріемъ. Интендантъ бордосскій, обѣщая министру воздерживаться отъ давленія, прибавляетъ, что предписалъ своимъ subdélégués „не упускать случая просвѣтить (éclairer) тѣхъ, кто ошибочно понялъ бы смыслъ регламента, и предупреждать по возможности, но исключительно путемъ бесѣды и совѣтовъ, всякія возникающія недоразумѣнія." На сѣверѣ, въ Нормандіи, интендантъ канскій тоже предписывалъ своимъ агентамъ давать совѣты.

Передъ самыми выборами интендантъ Лотарингіи обѣщаетъ воздерживаться, вмѣстѣ съ своими subdélégués, отъ всякаго давленія и ограничиваться „подачей *совѣтовъ*, которыхъ у насъ будутъ свободно спрашивать", посредничествомъ въ случаяхъ затруднительныхъ и „разъясняя истинный духъ регламентовъ" тѣмъ изъ судейскихъ чиновъ или избирателей, „которые бы отъ него уклонились"; къ сожалѣнію, прибавляетъ онъ, престижъ subdélégués такъ сильно подорванъ, что вѣроятно никто къ ихъ совѣтамъ прибѣгать не станетъ [2]).

Въ приходскихъ и окружныхъ наказахъ нерѣдко раздаются требованія отмѣны власти интендантовъ или кореннаго пересмотра ихъ администраціи и искорененія злоупотребленій. Въ Марсели [3]) вооруженная молодежь, охранявшая порядокъ послѣ бывшихъ тамъ волненій, заставила внести въ наказъ личныя обвиненія (inculpations personnelles) противъ интенданта.

Особенно непопулярны были ближайшіе сотрудники и орудія интендантской власти—subdélégués. Передъ выборами 1789 г. радикальные публицисты очень боялись вліянія этихъ чиновниковъ, которые дѣйствительно могли быть опасны, вслѣдствіе повседневнаго соприкосновенія съ народомъ и страха, какой они по старой памяти

---

[1]) *Brette I*, 322 officiers des bailliages et des justices locales.

[2]) В III, 93, 73—74 „espèce de discrédit.". Письмо 23-го февраля.

[3]) В III, 82, 775. Письмо лейтенанта 3-го апрѣля.

Библиотека "Руниверс"

внушали населенію. Въ связи съ возгорѣвшеюся агитаціей относительно исключенія изъ собраній 3-го сословія людей, связанныхъ съ разнаго рода привилегіями и злоупотребленіями, поднятъ былъ вопросъ объ остракизмѣ по отношенію и къ subdélégués.

Подъ вліяніемъ обширной литературы эта пропаганда получила самое широкое распространеніе. Интенданты жаловались на полнѣйшій „discrédit" своихъ чиновниковъ, изъ которыхъ многіе подавали въ отставку, чтобы не стать отверженными въ своемъ сословіи или изъ желанія попасть въ депутаты.

Вышеупомянутый интендантъ Лотарингіи докладывалъ, что вслѣдствіе распространенія писаній разныхъ малоизвѣстныхъ лотарингскихъ писателей, эта должность subdélégués показалась „подозрительной"; поэтому всѣ subdélégéus, *которые совмѣщали съ этимъ судейскія обязанности*, отказались отъ своей должности по администраціи. Изъ другаго конца Франціи, Нормандіи, интендантъ канскій [1]) сообщалъ, что subdélégués незаслуженно потеряли вліяніе въ деревняхъ, кредитъ и уваженіе въ общественномъ мнѣніи; они въ „уныніи", собираются отказаться отъ своихъ обязанностей, „чтобы найдти себѣ въ современной системѣ политическое существованіе, болѣе отвѣчающее ихъ видамъ"; онъ, интендантъ, удерживаетъ ихъ отъ такого шага, но боится, какъ бы „побужденія личнаго интереса" не оказали рѣшающаго значенія, тѣмъ болѣе, что „*большинство subdélégués— вмѣстѣ съ тѣмъ лейтенанты бальяжей* и надо признать, что въ настоящую минуту ихъ положеніе весьма щекотливое".

Итакъ, судейскіе были иногда представителями также и административной власти. Конечно, подобное совмѣстительство не было явленіемъ повсемѣстнымъ. Но не слишкомъ ли поторопились публицисты сосредоточить всѣ свои громы противъ администраціи? А тѣмъ временемъ полновластнымъ хозяиномъ выступило судейское сословіе, устранивъ своего соперника — администрацію отъ избирательной работы.

Какъ бы то ни было, сообщничество судейскихъ проглядываетъ иногда въ извѣстной борьбѣ противъ subdélégués, въ той открытой войнѣ, которая была имъ объявлена въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ той травлѣ, которой они тамъ подверглись.

---

[1]) *Hippeau*. Élections 99. В III, 40, 54—56 (15-го февраля). De Launay хранителю печати.

Библиотека "Руниверс"

Въ западной Франціи, въ генеральствѣ Ларошели, это былъ настоящій крестовый походъ [1]).

Въ Saintes броженіе началось уже съ декабря 1788 г. Съ разрѣшенія либеральнаго генералъ-губернатора [2]) состоялось три „братскихъ собранія 3-хъ сословій", гдѣ постановлено требовать отмѣны власти интендантовъ, причемъ одинъ изъ subdélégués, пытавшійся войдти въ залъ, былъ освистанъ и принужденъ поспѣшно удалиться. Интендантъ (Маркизъ de-Reverseaux) жалуется, что это все произошло на глазахъ у представителя военной власти; оскорбленный 70-лѣтній чиновникъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и если отъ него не откажется, то не найдти честнаго человѣка для его замѣщенія, такъ какъ повсюду subdélégués были болѣе или менѣе „maltraités" и также собираются подать въ отставку, „Вы видите, что въ этомъ положеніи я не имѣю никакой возможности помогать совѣтами"; не будучи въ состояніи расчитывать на командующаго войсками, онъ поневолѣ долженъ ограничиться ролью зрителя и докладывать обо всемъ начальству (18-го февраля) [3]). Черезъ 3 недѣли (12-го марта) онъ повторялъ, что при всемъ стараніи не возможно было „помогать" въ избирательныхъ работахъ.

8-го марта начались избирательныя собранія. Въ двухъ городахъ (Saintes, Barbezieux) subdélégués были изгнаны изъ собраній, а въ двухъ другихъ—попали въ депутаты, но зато ихъ избраніе признано недѣйствительнымъ въ сенешоссеи (La Rochelle). Въ Aligre противъ избранія Savary протестовалъ купецъ Kermau „съ тремя такими же горячими головами"; въ Ларошели 16-го марта зашла рѣчь о незаконности этихъ выборовъ. По словамъ чиновника „меня тѣснятъ до послѣднихъ траншей и чтобы прекратить ропотъ, я вынужденъ заявить, что довольствуюсь званіемъ гражданина и отказываюсь отъ должности". Тѣмъ не менѣе, по предложенію королевскаго прокурора, избраніе признано недѣйствительнымъ при необычайно торжественной обстановкѣ: интендантъ жалуется, что „весь городъ былъ приглашенъ на засѣданіе, свѣтскія дамы наполняли залъ и ему пришлось проглотить бурные аплодисменты по адресу генеральнаго лейтенанта" [4]) (Griffon),

---

[1]) Документы по этому дѣлу перепечатаны *Proust*. Archives de l'Ouest II, 1—75.

[2]) Comte De la Tour du Pin; онъ былъ избранъ представителемъ дворянства и однимъ изъ первыхъ примкнулъ къ національному собранію, затѣмъ былъ военнымъ министромъ, а въ 1794 г. казненъ.

[3]) В III, 71, 35—39.

[4]) Id. 569—581, 141—147, 482—485. Письма Savary къ интенданту отъ 5-го и 17-го марта и докладъ послѣдняго министру 29-го марта.

Библиотека "Руниверс"

„не покраснѣвшаго", по словамъ обиженнаго, дать соотвѣтствующее заключеніе. Въ томъ же собраніи, на слѣдующій день, 17-го марта, поднятъ вопросъ о недѣйствительности избранія другаго такого же чиновника, Orceau, представителя второстепенной Рошфорской сенешоссеи. Тутъ исключеніе прямо мотивировано его должностью и, чтобы подчеркнуть это, предсѣдатель расхваливалъ его таланты и добродѣтели, такъ какъ вопросъ заключался не въ его личности, а „въ администраціи, которую стремились оскорбить въ его лицѣ"; заключеніе лейтенанта также было встрѣчено бурными рукоплесканіями и южныя головы расходились до того, что адвокатъ Morin предложилъ подстрѣливать subdélégués, какъ бѣшеныхъ волковъ. Замѣчательно, что такъ какъ рошфорцы протестовали противъ заключенія лейтенанта, то онъ обратился къ посредничеству дворянства и духовенства, согласно рѣшенію которыхъ исключеніе subdélégué было подтверждено сенешаломъ.

Такимъ образомъ, движеніе охватило всѣ сословія, соединивъ ихъ въ общемъ недовѣріи къ администраціи.

Въ Saintes на городскихъ выборахъ былъ снова изгнанъ subdélégué Gaudriaud [1]), несмотря на то, что онъ былъ пожизненнымъ меромъ этого города и долженъ былъ предсѣдательствовать въ этомъ собраніи (8-го марта). Главными его противниками были адвокатъ, книгопродавецъ и два хирурга; на вопросъ чиновника, почему его исключаютъ, послѣдовалъ отвѣтъ, что онъ самъ это долженъ знать, послѣ чего раздался громъ аплодисментовъ. Повторилось съ нимъ то же, что случилось за мѣсяцъ до того, 5-го февраля. Обиженный чиновникъ, припоминая эту первую свою неудачу, изображаетъ живую картину, какъ два адвоката на эстрадѣ переговаривались, что надо посмотрѣть, нѣтъ ли въ толпѣ подозрительныхъ лицъ; при этомъ одинъ изъ нихъ сказалъ въ полголоса „le subdélégué, le subdélégué"... Это было подхвачено книгопродавцемъ и черезъ минуту чиновнику оставалось только поспѣшно удалиться.

Понятно, что правительство не могло вполнѣ безучастно отнестись къ такому бунту противъ его чиновниковъ. Къ тому же исключенные послали въ Парижъ формальныя жалобы, а интендантъ подкрѣплялъ это сообщеніями далеко не успокоительнаго свойства, что никакая администрація не станетъ болѣе возможною, если не принять

---

[1]) Протестъ subdélégué въ городскомъ собраніи и Mémoire его къ королю и государственному совѣту.

Библиотека "Руниверс"

мѣръ. Въ Ларошели появились прокламаціи, что надо вѣшать subdélégués и жечь интендантовъ.

„Вы понимаете, что эти зажигательныя писанія не трогаютъ меня, но я перепуганъ тѣмъ, какъ выражаются относительно королевской власти". Онъ пересылалъ письмо своего подчиненнаго Savary, заявлявшаго, что все въ огнѣ, никто властей не признаетъ, все считается позволеннымъ; этотъ народъ, слышавшій, какъ, не стѣсняясь, громили администрацію въ собраніи и какъ предсѣдатель допускалъ и потворствовалъ этой неприличной декламаціи, „этотъ народъ, наконецъ, котораго самая малость можетъ воспламенить, который всегда готовъ отъ всего освободиться, разъ ему данъ примѣръ", народъ такъ возбужденъ, что чиновникъ опасается даже производить въ провинціи рекрутскій наборъ [1]). Въ итогѣ администрація взывала къ правительственному вмѣшательству. На этотъ разъ оно не долго заставило себя ждать. Постановленіемъ государственнаго совѣта отъ 28-го марта 1789 года кассировано заключеніе сенешала относительно Orceau и предписано произвести въ Ларошели новые выборы [2]). Замѣтимъ, что дѣло тутъ идетъ только объ одномъ subdélégué [3]); при этомъ тонъ всего акта чрезвычайно мягокъ и мотивировка въ высшей степени характерна: главными доводами выставляется свобода избирателей выбирать кого угодно, безъ различія положеній, и право второстепеннаго бальяжа (Rochefort) распоряжаться своими выборами безъ вмѣшательства и цензуры со стороны главнаго округа—однимъ словомъ только вскользь упомянуто о прерогативѣ власти, а центръ тяжести—въ правахъ тѣхъ же самыхъ избирателей. Таково ужъ было скоропреходящее настроеніе правящихъ сферъ въ министерство Неккера.

Неудивительно, что интендантъ встрѣтилъ это распоряженіе безъ особаго энтузіазма; онъ проситъ „отомстить" также за своего чиновника въ Saintes и т. д. „Думали, что совѣтъ предоставитъ на произволъ судьбы агентовъ администраціи; поведеніе M. de la Tour du Pin придало вѣроятность этой мысли; когда напротивъ увидятъ, что у нихъ есть поддержка, то все вернется къ порядку" [4]).

Тѣмъ временемъ и въ самой Ларошели отмщеніе было еще хуже прежней обиды. Если до прибытія постановленія государ-

---

[1]) Ib. 139—147, 482—485, 569—581.

[2]) Brette I, 132 полный текстъ.

[3]) Правда, исключеніе Savary было мотивировано злоупотребленіями на выборахъ, но онъ былъ не одинъ.

[4]) В III, 71, 593—595. 4-го апрѣля.

Библиотека "Руниверс"

ственнаго совѣта народъ выломалъ стекла въ квартирѣ subdélégué, помѣщавшейся въ самомъ зданіи интендантства, то послѣ обнародованія по стѣнамъ были крупными буквами сдѣланы надписи, съ обѣщаніемъ заплатить 10 луи тому, кто надаетъ subdélégué палочныхъ ударовъ. Чиновникъ оказался въ осадномъ положеніи и интенданту пришлось за него подписывать бумаги. По рукамъ ходили прокламаціи. Наконецъ, состоялось новое собраніе третьяго сословія, согласно повелѣнію, при чемъ командующій войсками стянулъ грозную военную силу для того, чтобы подчеркнуть, какъ думалъ интендантъ, народное озлобленіе, ставящее жизнь subdélégué въ опасность. Кончилось тѣмъ, что избраны тѣ же лица, какъ и въ первый разъ; администраціи пришлось проглотить новое выраженіе недовѣрія, а ночью вывѣшены прокламаціи, предлагающія дать чиновнику 20 палочныхъ ударовъ [1]).

Во всей этой исторіи любопытно полное безсиліе администраціи. Командующій войсками обвиняется интендантомъ въ исканіи популярности [2]): онъ отговаривалъ Gaudriaud являться въ собраніе, лично объѣзжалъ весь край, охотно принималъ прошенія, вмѣшивался въ пререканія между подрядчиками казны [3]) и рабочими, причемъ заступался за послѣднихъ и на одномъ ихъ прошеніи въ Saintes надписалъ, что рабочіе вполнѣ справедливо требуютъ должной имъ заработной платы.

Не менѣе категорично поведеніе судебной власти. Лейтенантъ Griffon [4]) (Ларошель), получивъ отъ хранителя печати неодобрительный отзывъ съ требованіемъ взять назадъ его ордоннансъ, во избѣжаніе кассированія, отвѣчалъ, что при всемъ желаніи быть пріятнымъ администраціи не имѣетъ права отречься отъ собственнаго распоряженія, имѣвшаго цѣлью смягчить порывъ цѣлаго народа, полагающаго, что наступилъ часъ высказывать свои тяготы и бѣдствія; онъ прибавлялъ, что старому должностному лицу съ чистою совѣстью не страшна кассація его ордоннансовъ, а нѣсколько дней спустя объяснялъ, что изъ 90 приходскихъ наказовъ, по крайней мѣрѣ 70

---

[1]) Id. 706—715, 748—751. Письма интенданта министру отъ 17-го и 19-го апрѣля.

[2]) Онъ и избранъ представителемъ дворянства.

[3]) Это было одной изъ язвъ стараго порядка, причемъ subdélégués обвинялись въ стачкѣ съ подрядчиками.

[4]) Id. 560, 584—587, 596—598, 602—604. Письмо хранителя печати 21-го марта, лейтенанта—30-го марта и 4-го апрѣля, сенешала 7-го апрѣля.

Библиотека "Руниверс"

содержатъ жалобы на администрацію; умы избирателей, и безъ того возбужденные, требовавшіе обѣщанной свободы голоса, не желали видѣть около себя свидѣтелями выработки наказовъ тѣхъ лицъ, кого они считали причиной своихъ бѣдствій. Въ концѣ концовъ лейтенантъ хвалилъ избирателей за умѣренность.

Съ своей стороны сенешалъ толковалъ о деспотизмѣ subdélégué, о его поведеніи, способномъ раздражать и возмутить умы, о трехъ сословіяхъ, требующихъ справедливаго къ нимъ отношенія.

Чрезвычайно рѣзко выступило также дворянство. Не говоря уже о томъ, что въ Ларошели и Рошфорѣ [1]) высшія сословія поддержали оппозицію, дворянство написало рѣзкій отвѣтъ противъ записки, представленной Orceau. Тамъ указано, что [2]) всѣ первичные наказы третьяго сословія жалуются на злоупотребленія администраціи, слѣдовательно прямо или косвенно требуютъ отмѣны интендантовъ и subdélégués; допускать участіе subdélégués на выборахъ значило бы дѣлать изъ нихъ судей и сторону въ томъ же процессѣ. Дворянство негодуетъ противъ одного мѣста записки, будто французы, давно потерявшіе привычку къ свободѣ, слишкомъ стремительно къ ней подвигаются, такъ что возможны злоупотребленія свободой. „Какъ! (возражаетъ дворянство) г. Орсо дерзаетъ признавать, что мы уже давно потеряли привычку къ свободѣ! Онъ— subdélégué и еще спрашиваетъ, почему его исключаютъ!..“ Негодованіе возбуждаетъ также заявленіе, что, нападая на чиновниковъ, избиратели косвенно оскорбляютъ самого короля, назначившаго администрацію; въ заключеніе дворянство язвитъ чиновника, находящаго, что Франція не созрѣла къ свободѣ и нуждается въ продолженіи режима, столь дорогаго сердцу г. Орсо.

Таковъ исключительный по своей рѣзкости эпизодъ борьбы съ администраціей. Въ меньшихъ размѣрахъ то же явленіе повторилось и въ другихъ мѣстностяхъ. Какъ на сѣверѣ Франціи, въ Bailleul (Фландрія) 3-е сословіе и присоединившееся къ нему духовенство и дворянство заявили, что subdélégués не имѣютъ право баллотироваться, такъ какъ наказы „бьютъ главнымъ образомъ противъ нихъ“. Интендантъ просилъ вмѣшательства правительства, покровительства короля тѣмъ,

---

[1]) Третье сословіе Рошфора заступилось за своего subdélégué, но высшія сословія этого бальяжа высказались противъ.

[2]) Id. 604—665. Observations et réflexions de M. Orceau. Mémoire de M. M. les commissaires de l'ordre de la noblesse du pays d'Aunis en réponse à celui du sieur Orceau.

Библиотека "Руниверс"

кто ему служитъ, находилъ вопіющую несправедливость въ лишеніи чиновниковъ того права, которымъ пользуются люди самыхъ низшихъ разрядовъ общества; съ своей стороны subdélégués составили коллективный протестъ въ томъ же смыслѣ [1]).

Вопросъ объ исключеніи subdélégués поднимался также въ Loudun [2]) и многихъ другихъ городахъ.

Тѣмъ не менѣе, эти чиновники во многихъ мѣстахъ попадали въ депутаты главныхъ и второстепенныхъ округовъ. Такъ въ Пуату нѣсколько subdélégués были избраны „du quart [3])", что подало поводъ упомянутому Орсо ссылаться въ своей запискѣ на эту сенешоссею, гдѣ не встрѣтило затрудненій избраніе 5-ти или 6-ти его коллегъ и 2-хъ секретарей интендантства. Въ Муленской сенешоссеи 3 subdélégués избраны представителями городовъ, гдѣ они находились [4]). Бургонскій интендантъ Амело [5]) въ докладѣ своемъ по поводу избранія такого чиновника въ Charolles, выражаетъ удовольствіе, что это не единственное свидѣтельство довѣрія избирателей „въ минуту, когда интрига напрягаетъ свои усилія, чтобы хулить мою администрацію и прикосновенныхъ къ ней лицъ".

Въ провинціи Керси subdélégués избраны представителями второстепенныхъ округовъ Lauzerte, Figeac [6]) и т. д. Подобнымъ же образомъ двое избраны въ Ланской, Авенской и другихъ сенешоссеяхъ. Въ Гизѣ subdélégué избранъ безъ голосованія (par acclamation) первымъ депутатомъ. Среди депутатовъ національнаго собранія сидѣло нѣсколько subdélégués. Ихъ число было бы еще значительнѣе, если бы многіе изъ нихъ не подали въ отставку передъ самыми выборами (чтобы не лишиться довѣрія избирателей) или не скрывали въ протоколахъ своего общественнаго положенія, набрасывающаго на нихъ тѣнь. Такъ Huot de Goncourt отмѣченъ въ протоколѣ Bourmont только какъ адвокатъ при парламентѣ и съ тѣмъ же прозвищемъ адвоката по-

---

[1]) В III, 20, 189—191, 260—270. B^a 18, 1. 21,8^o. Письмо интенданта 3-го апрѣля, „mémoire pour les subdélégués de la Flandre".

[2]) В III, 74, 68—100.

[3]) То-есть не попали въ генеральные штаты, но оказались избраны при сведеніи предварительныхъ собраній къ четверти ихъ состава.

[4]) В III, 36, 212, письмо интенданта 16-го марта. Онъ хвалитъ тишину и спокойствіе выборовъ.

[5]) В III, 60 (Suppl.), 437, 438.

[6]) *Combarieu*. Assemblées des sénéchaussées du Quercy. (Cahors 1889), перепечатка документовъ.

Библиотека "Руниверс"

палъ въ списокъ депутатовъ національнаго собранія [1]). Laboreys de Chateaufavier депутатъ округа Gueret—именуется въ томъ же спискѣ инспекторомъ мануфактуръ, но не subdélégué обюссонскимъ. Въ томъ же округѣ избраны чиновники или еще болѣе ненавистные откупщики, скрывшіе въ протоколѣ эти званія: таковы Tournyol du Clos, въ качествѣ—„ancien président de l'élection de Guéret", а не служащаго по соляному и табачному откупамъ. Bandis de la Chaux — замѣстителемъ мера, а не „correspondent de la subdélégation", Grellet de Beauregard—королевскимъ адвокатомъ, а не наслѣдникомъ должности своего отца по соляному откупу [2]).

Такъ или иначе, чиновники, несмотря на агитацію противъ администраціи, получали кое-гдѣ избирательные голоса. Это показываетъ, что вліяніе ихъ на народъ было еще значительнымъ.

Лейтенантъ кондомскій писалъ [3]) хранителю печати, что королевская мудрость тщетно предписывала слушаться лишь голоса совѣсти при выборахъ: креатура subdélégué, „произволъ котораго страшенъ въ провинціи", также чиновники по сбору и распредѣленію податей — „вотъ вдохновители, держащіе жителей деревень и мелкихъ городовъ въ страхѣ, отъ котораго предусмотрительность монарха не съумѣетъ излѣчить умы слабые и мало просвѣщенные"; безконечное разстояніе, раздѣляющее министра отъ жителей провинціи, „не позволяетъ ему оцѣнить обстоятельства, представляющіяся при дворѣ, какъ мелочныя, но имѣющія на дѣлѣ весьма важныя послѣдствія" — никто не знаетъ мѣстныхъ нуждъ!

Въ Авенѣ противники subdélégué жалуются на зависимость, въ какой онъ держалъ деревенскихъ представителей [4]).

---

[1]) Бреттъ (см. статью въ „Révolution Française", отъ 14-го ноября 1896 г.), замѣтившій эти умолчаніе, не далъ ему надлежащаго объясненія.

[2]) B^a 2, l. B. № 65, жалоба M. de La Rue хранителю печати 12-го апрѣля. На подлинномъ листѣ сдѣлана помѣтка „Belaire", по ошибкѣ вѣроятно чиновника, неправильно прочитавшаго надпись. Ссылку на этотъ документъ, см. у *Duval*. Cahiers de la Marche (Paris 1873) 192.

[3]) B III, 51, 277—281, 15-го марта. Не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія либерализму и смѣлости этой тирады, направленной противъ администраціи судейскимъ, который тутъ же жалуется, что въ избирательныя собранія допускаются всѣ безъ различія (indistinctement) и что „всѣ думаютъ, будто дозволено говорить что угодно, разъ король разрѣшилъ высказаться". Съ указанной оговоркой, письмо это представляетъ однако драгоцѣнное показаніе.

[4]) B III, 154, 465. 21-го марта.

Библиотека "Руниверс"

Ланскій лейтенантъ извѣщаетъ [1]) министра, что 2 subdélégués попали въ представители сенешоссеи; „еще subdélégués! скажете вы, монсеньеръ, какъ же этому удивляться", если изъ 324 избирателей, по крайней мѣрѣ 260—деревенскіе жители!

Помимо своихъ административныхъ обязанностей, эти чиновники были часто по своему положенію самыми сильными людьми въ околоткѣ. Въ Гизѣ Vlefville des Essarts былъ меромъ города. Въ Бургоніи, по свидѣтельству Амело, большая часть этихъ чиновниковъ были крупными землевладѣльцами [2]). Пресловутый Орсо былъ также землевладѣльцемъ, королевскимъ адвокатомъ и прокуроромъ бальяжа, независимо отъ административныхъ своихъ обязанностей. Нѣкоторые subdélégués были, какъ выше уже указано, одновременно также лейтенантами; въ старомъ порядкѣ возможно было самое широкое и странное для насъ совмѣстительство, такъ какъ судебныя должности пріобрѣтались покупкою. Очевидно, что subdélégués, какія бы должности они ни совмѣщали, принадлежали къ самымъ сильнымъ людямъ въ средѣ третьяго сословія.

Къ тому же эти сильные въ своемъ околоткѣ люди иногда не брезгали средствами для полученія избирательныхъ голосовъ и въ этомъ смыслѣ оправдывали травлю, предметомъ которой они были въ публицистикѣ и въ нѣкоторыхъ собраніяхъ. Въ Тарбѣ мало любимый Vergès, пользуясь тѣмъ, что многіе избиратели заходили къ нему въ присутствіе (en son hôtel) по дѣламъ, предлагалъ имъ себя въ депутаты и раздавалъ безграмотнымъ избирательныя записки съ своимъ именемъ. Кромѣ того, у него были избирательные агенты, продѣлывавшіе то же самое. Правда, въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ въ такомъ поступкѣ не было бы ничего предосудительнаго. Но слѣдуетъ считаться съ духомъ времени. У всякой эпохи своя политическая этика. Въ 1789 г. такія дѣйствія считались преступными и во всей Франціи не разъ служили причиной возобновленія выборовъ съ исключеніемъ уличенныхъ лицъ. Раздача billets безграмотнымъ считалась какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ рѣшительнымъ доводомъ въ пользу признанія выборовъ недѣйствительными. Неудивительно, что въ Тарбѣ возбуждено было цѣлое дѣло, причемъ лейтенантъ исключилъ изъ со-

---

[1]) В Ш, 19, 247. Совмѣстное посланіе нѣкоторыхъ депутатовъ министру юстиціи (Avesnes).

[2]) В Ш, 17, 119. Письмо Неккеру 7-го марта.

Библиотека "Руниверс"

бранія избирательнаго агента, а королевскій прокуроръ началъ даже форменное слѣдствіе [1]) по этому поводу.

Въ Авенскомъ бальяжѣ, въ особенности въ городахъ Givet, Fumay Révin, Maubeuge образовалась цѣлая партія сторонниковъ администраціи—parti de la subdélégation, противъ сеньера (comte de Bryas) и его сторонниковъ. При этомъ одни указывали на недостатки сеньеріальнаго режима, а другіе — на злоупотребленія администраціи. Въ ходъ было пущено, при случаѣ, давленіе, передержки при редакціи наказовъ и т. п. средства, если судить по обвиненіямъ, взводимымъ обѣими партіями другъ на друга. Достовѣрно одно—администрація въ этой мѣстности была силой, принявшею дѣятельное участіе въ избирательной борьбѣ [2]).

Тамъ, гдѣ subdélégués попадали въ избирательныя собранія, они, благодаря своему вліянію, играли далеко не послѣднюю роль. Орсо былъ первымъ комиссаромъ по редакціи Рошфорскаго наказа и лично составилъ нѣсколько статей его. Гонкуръ, въ составѣ комиссаровъ по Бурмонскому наказу, былъ однимъ изъ двухъ его главныхъ редакторовъ. Въ Fumay Реньяръ предъ выборами созвалъ къ себѣ частнымъ образомъ муниципальныя власти и на этомъ совѣщаніи ему поручено составить проектъ будущаго наказа, который послужилъ бы канвой для работы избирательнаго собранія.

Въ Aurillac [3]) чиновникъ вмѣшался въ дѣла собранія даже не какъ членъ его, а совсѣмъ со стороны. Когда тамъ образовалась партія, враждебная привилегированнымъ судейскимъ, требующая, чтобы королевскій прокуроръ не подлежалъ избранію и т. д., растерявшійся лейтенантъ, не имѣя возможности, за краткостью времени, дожидаться рѣшенія министра, обратился къ subdélégué, прося посредничества инденданта въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ отвѣтъ послѣдняго заста-

---

[1]) *Ricaud* (abbé). La Bigorre pendant la Révolution (Paris 1894), 199 — 205. В III, 32, 415—430, 467—478, и passim. Письма лейтенанта хранителю печати 9-го и 21-го апрѣля; „Information sur fait de subornation et distribution de billets". Чтобы сокрыть слѣды соучастія самого чиновника, пускались въ ходъ такія средства, какъ кража или утайка документовъ.

[2]) В, III, 19, 291, 277—279, 289—292, 864—875, 852—856. B° 17 l. 20, 6°—17° passim. Subdélégués были Harlet въ Авенѣ, Hennet въ Bavai, Реньяръ въ Fumay Révin.

[3]) В III, 136, 354 — 444, 450 — 456. B° 41, l. 87, 1°, 2° (особая связка въ дѣлѣ St. Flour). Протоколы subdélégués и лейтенанта; письмо послѣдняго министру юстиціи 24-го марта и прокурора Неккеру того же числа.

Библиотека "Руниверс"

вилъ себя ждать, а въ собраніи пошли такія несогласія, что одинъ изъ его членовъ (докторъ) послалъ за subdélégué, требуя составленія протокола относительно нарушенія порядка. Само собою разумѣется, что лейтенантъ и королевскій прокуроръ были крайне недовольны такимъ вмѣшательствомъ, тѣмъ болѣе, что subdélégué высказалъ въ собраніи взгляды расходившіеся съ ихъ мнѣніями.

Приведенныхъ фактовъ достаточно для уясненія того положенія, что значеніе администраціи, при всей относительной незначительности ея роли, должно быть принято во вниманіе при оцѣнкѣ различныхъ факторовъ воздѣйствія на избирателей. Что касается духа этого воздѣйствія, то вѣроятно чиновники не отличались особою широтою взгляда и стремленіемъ къ преобразованіямъ, которыя подрѣзали бы въ корнѣ денежныя злоупотребленія, бывшія основою ихъ благополучія.

Характерно, напримѣръ, посланіе абвильскаго subdélégué къ Неккеру, свидѣтельствующее, впрочемъ, о недюжинномъ дарованіи автора. Онъ говоритъ, что всѣ умы охвачены величайшимъ броженіемъ, провинція наводнена проектами наказовъ, „пресса стонетъ со всѣхъ сторонъ", всюду громкія слова, красивыя фразы! „Я subdélégué, мое увольненіе написано во всѣхъ наказахъ, заодно съ интендантами". Тѣмъ не менѣе къ нему обратились за совѣтами нѣсколько человѣкъ изъ созванныхъ приходовъ — на счетъ содержанія наказовъ. „Мой отвѣтъ былъ скоръ — пощупайте себя, не спрашиваютъ, гдѣ зло, когда его чувствуютъ,—видимо они затруднялись предлагать что-нибудь дѣльное, а бросились на общія мѣста" въ родѣ отмѣны таліи и т. п. „Но это все не идетъ къ цѣли и не даетъ правдиваго изображенія кантона, въ которыхъ я живу и за который только я намѣренъ говорить". Дѣло въ томъ, что арендныя цѣны страшно поднялись. „Всѣ признаютъ вѣрность этого, но прибавляютъ, что не слѣдуетъ сообщать этихъ фактовъ, что надо жаловаться, а не давать показанія, которыхъ не требуютъ; изъ этого я заключилъ, что народы еще не излѣчились отъ духа недовѣрія, такъ легко дѣлающаго людей несправедливыми". Тутъ администраторъ забываетъ, что обѣщалъ говорить лишь о кантонѣ, и перескакиваетъ также на общую тему: дефицитъ государственнаго казначейства зависитъ отъ несоотвѣтствія податей увеличившимся доходамъ, а не отъ бѣдности, которой нѣтъ. „Никогда подданные не были въ такихъ хорошихъ жилищахъ, такъ хорошо накормлены, такъ хорошо одѣты". Правда, бѣдняки остаются по прежнему несчастными, но и милліарды не по-

Библиотека "Руниверс"

могутъ имъ выйдти изъ своего положенія бѣдности и отверженности, въ которомъ они благодушествуютъ" [1]), ибо, заработавъ нѣсколько су и воспользовавшись поддержкой благотворительности, тратятъ сейчасъ все въ кабакѣ или на излишества въ родѣ нарядовъ, табаку и т. д. Простонародье (bas peuple) съ своей неразсудительностью (extravagance) постоянно бѣжитъ къ своей гибели, между тѣмъ цѣна земли и домовъ болѣе чѣмъ удвоилась, вездѣ выростаютъ новыя зданія, крестьяне на расхватъ разбираютъ продаваемыя земли и страшно поднимаютъ цѣну [2]).

Это разсужденіе въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ справедливо, какъ наблюденіе роста капитализма въ сѣверной Франціи—классической тогда области развитія крупнаго фермерства и обрабатывающей промышленности.

Но неудивительно, если большинству избирателей 1789 года, настойчиво жаловавшихся на всеобщую бѣдность, такія разсужденія были не по душѣ.

Въ Sens [3]), по свидѣтельству протокола горожанъ [4]), subdélégué (Baudry) имѣлъ безтактность и „дерзость" обозвать народъ канальей (canaille) по поводу поднявшаго цѣлую бурю вопроса объ исключеніи изъ собранія третьяго сословія привилегированныхъ его членовъ. Эта исторія приняла настолько серьезный оборотъ, что въ дѣло вмѣшался государственный совѣтъ, предписавшій „молчаніе" и запретившій отъ имени короля продолженіе споровъ, „которые его величество хочетъ потушить" (4-го апрѣля).

Въ Гизѣ [5]) упомянутый Vlefville des Essarts писалъ своему на-

---

[1]) De misère et d'abjection, dans lequel elle se plait.

[2]) B^a 9, l. 1. Ponthieu (Abbeville) очень неразборчивое письмо отъ 6-го апрѣля, съ подписью: Defresne.

[3]) B III. 143, 487—657 passim, особенно 643—646. B^a 79, l. 188, 2e. Текстъ постановленія 4-го апрѣля см. у Бретта. По словамъ горожанъ, одинъ привилегированный сказалъ про народъ: „Чего вы хотите отъ этихъ людей? Это звѣри, это лошади". Одинъ изъ горожанъ отвѣчалъ, что они не звѣри, а французы. M. de Lavernade возразилъ: „Мы также французы", но получилъ отвѣтъ: „Такъ докажите же это, отказавшись, какъ мы, для блага государства, славы монарха и поддержанія отечества, отъ вашихъ привилегій и избытка вашихъ богатствъ".

[4]) Городская дума и въ особенности меръ были на сторонѣ демократической партіи.

[5]) См. *Fleury*, Elections aux Etats Généraux de 1789. (Laon. 1872), предисловіе, стр. 30. Онъ былъ членомъ феодальнаго комитета, подалъ въ конгентъ записку противъ казни короля, самъ едва избѣжалъ смертной казни и получилъ баронство при имперіи.

Библиотека "Руниверс"

чальнику—интенданту суассонскому: „Такъ какъ голоса исчисляются, а не взвѣшиваются, такъ какъ голосъ послѣдняго гражданина составляетъ такую же цифру, какъ и голосъ перваго, то интриганъ всегда будетъ имѣть успѣхъ: легко будетъ привести съ собою кучу наемниковъ, которые своимъ числомъ подчинятъ видныхъ гражданъ. *Министръ долженъ былъ предвидѣть эти неудобства* и почувствовать, какъ несправедливо, что голосъ возчика нечистотъ (boueur), движимаго только данными ему импульсами и такъ-сказать не имѣющаго интереса въ общественномъ дѣлѣ, считается наравнѣ съ первымъ должностнымъ лицомъ". Такъ чиновникъ, будущій членъ національнаго собранія, осуждалъ программу большинства образованныхъ французовъ XVIII вѣка, проведенную Неккеромъ и одобренную Людовикомъ XVI.

Если придавать подобнымъ свидѣтельствамъ о настроеніи чиновниковъ распространительное толкованіе, то этимъ объясняется можетъ быть, нѣсколько преувеличенная ревность, съ которою передовые люди того времени противодѣйствовали администраціи въ избирательныхъ собраніяхъ. Вліяніе, оказанное лейтенантами, и вліяніе sub-délégués,—величины прямо несоизмѣримыя. Если говорить только о свободѣ, то радикальные публицисты просмотрѣли отчасти главную опасность для этой свободы — отдачу всего дѣла выборовъ подъ начало могущественнаго судебнаго сословія.

Разгадка въ томъ, что судейскіе подавали руку либеральному движенію и этимъ пускали пыль въ глаза. Въ высшей магистратурѣ очень сильны были оппозиціонныя традиціи парламентовъ, не такъ давно боровшихся съ „министерскимъ деспотизмомъ", выдвинувшихъ на этомъ поприщѣ своего рода героевъ и мучениковъ. Пусть источникъ этой оппозиціи былъ сословно-корпоративнаго характера—проявленія этого движенія были настоящей демагогіей и игрой въ крайній радикализмъ.

Къ тому же главнымъ ядромъ либеральнаго движенія были адвокаты, которымъ консервативные писатели и знаменитый Бёркъ приписывали отвѣтственность за оппозиціонное настроеніе національнаго собранія.

Среди предсѣдательствующихъ въ 3-мъ сословіи лейтенантовъ сказывалось два теченія. Нѣкоторые изъ нихъ шли заодно съ либералами крайняго оттѣнка, другіе наоборотъ представляли умѣренное начало. Въ St. Pierre le Moustier лейтенантъ (de Baudreuille) произнесъ длинную рѣчь. „зажигательную", оскорбительную по отношенію

Библиотека "Руниверс"

къ дворянству и духовенству, „неприличную“ по отношенію къ губернатору Ниверне [1]). А рядомъ, въ Неверѣ, лейтенантъ говорилъ умѣренно и „мудро“. Въ Mantes et Meulan бальи [2]) доносилъ на лейтенанта, произнесшаго рѣчь о притѣсненіи слабаго сильнымъ, о вяломъ раболѣпствѣ слабыхъ, объ исконныхъ правахъ націи, о полномъ равенствѣ лицъ разныхъ сословій; бальи не довольствовался отвѣтомъ на эту рѣчь, но прислалъ ея текстъ начальству, прося „положить предѣлъ горячности нѣкоторыхъ лицъ, жадныхъ до популярности“. Во время выборовъ [3]) поведеніе этого лейтенанта возбудило на него нареканія также со стороны интенданта, писавшаго министру, что предсѣдатель своимъ рѣзкимъ предложеніемъ былъ причиною рѣшенія не сливать во-едино наказовъ 3-хъ сословій (иначе говоря не поступаться желаніями 3-го сословія въ пользу высшихъ); „привилегированныя сословія, повидимому, недовольны его поведеніемъ и многіе благоразумные члены 3-го—громко на него жалуются“.

Понятно, что по такимъ единичнымъ фактамъ невозможно судить о настроеніи лейтенантовъ вообще, тѣмъ болѣе, что сен-пьерскій и мантскій либеральные предсѣдатели ставили свою кандидатуру въ депутаты и дѣйствительно были избраны, а первый изъ нихъ, кромѣ того, мстилъ правительству за отрицательное отношеніе къ претензіямъ этого округа на юрисдикцію въ Неверскомъ бальяжѣ. Насколько трудно принимать въ серьезъ подобнаго рода либерализмъ, видно изъ примѣра, бывшаго въ захолустномъ второстепенномъ округѣ Uzerche. Лейтенантъ de Chiniac, вопреки регламенту, разослалъ по всѣмъ приходамъ составленный имъ проектъ наказа, съ рѣзкою выходкой противъ дворянства. Но когда это сословіе потребовало удовлетворенія въ собраніи главнаго округа, куда Chiniac былъ избранъ однимъ изъ представителей своей сенешосеи, то лейтенантъ высказалъ свое сожалѣніе о случившемся, распространился о своемъ уваженіи къ дворянству, торжественно отрекся отъ своихъ словъ, какъ необдуманно

---

[1]) *Labot*, Convocation des Etats Généraux de 1789 (Paris 1866) 414. 415.

[2]) B III 80, 16—33. Бальи въ отвѣтъ говорилъ народу, что полное равенство несовмѣстимо съ монархіей, что слѣдуетъ всего ждать отъ благостыни короля, но ничего не требовать, призывалъ къ мудрой умѣренности. Лейтенантъ съ своей стороны жаловался, что бальи вмѣшивается не въ свое дѣло.

[3]) B III 81, 112—115. Письмо интенданта парижскаго отъ 17-го марта. Имя лейтенанта Meunier du Breuil.

Библиотека "Руниверс"

вышедшихъ изъ-подъ пера его „въ пылу сочинительства", въ спѣшкѣ работы, выполненной наскоро въ одну ночь [1]).

Такъ легко отказывался отъ своихъ словъ человѣкъ, которому грозило только исключеніе изъ избирательнаго собранія главной сенешоссеи, авторъ рѣзкаго писанія, порицаемаго Неккеромъ, помимо факта нарушенія закона, за преувеличенныя жалобы, рискованныя требованія, за огульное осужденіе всѣхъ частей администраціи.

Какъ видно изъ этого примѣра, не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія либеральнымъ рѣчамъ лейтенантовъ. Однако ихъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ признакъ настроенія этихъ должностныхъ лицъ и какъ объясненіе того обстоятельства, что сила ихъ воздѣйствія не была предусмотрѣна публицистами, недостаточно подмѣчена самими свидѣтелями событій. Главнымъ побужденіемъ лейтенантовъ было, какъ выяснено всѣмъ вышеизложеннымъ — властолюбіе. Оно побуждало ихъ говорить длинныя рѣчи во вкусѣ времени, въ надеждѣ попасть въ депутаты, оно же съ другой стороны заставляло ихъ ревниво относиться къ прерогативѣ своей власти. Такъ, въ Немурѣ лейтенантъ [2]) протестовалъ противъ бальи виконта ge Ноаля, отказавшагося быть на основаніи закона предсѣдателемъ соединеннаго засѣданія сословій и принявшаго, наконецъ, это званіе только по избраніи, послѣ усиленныхъ настояній и выраженій сочувствія со стороны избирателей.

Предсѣдатели собраній третьяго сословія постоянно колебались между желаніемъ снискать себѣ сочувствіе избирателей и рѣшимостью не поступаться своею властью.

Во всякомъ случаѣ, эта власть проявляла свою силу очень часто весьма дѣйствительно, подчасъ и довольно грубо. Поэтому каковы бы ни были намѣренія правительства, судьи, силою вещей, должны были оказать замѣтное вліяніе на окраску и содержаніе знаменитыхъ окружныхъ наказовъ 1789 г., и на общій ходъ выборовъ въ національное

---

[1]) Возбудившая бурю тирада касалась допущенія буржуазіи на офицерскія мѣста въ войскахъ. Большинство французскаго народа, то-есть крестьянство, этимъ требованіемъ весьма мало интересовалось. B. III 73², 449bis—450bis. 512—545, Письмо Неккера хранителю печати съ осужденіемъ поведенія лейтенанта, письмо послѣдняго, разбирательство дѣла объ оскорбленіи дворянства, брошюра лейтетенанта объ этомъ эпизодѣ. Оправданія Шиньяка передъ общественнымъ мнѣніемъ въ высшей степени жалки: онъ старается смягчить позоръ своего отреченія.

[2]) B III 95, 122. 124. 257. Протоколы.

Библиотека "Руниверс"

собраніе. Отъ того, что это происходило вопреки видамъ и безъ вѣдома короля и его министровъ, дѣло ничуть не мѣняется. Недаромъ Неккеру пишутъ, чтобы онъ не вѣрилъ протоколамъ, все равно подписаннымъ или не подписаннымъ, такъ какъ подписи часто добываются благодаря угодничеству, страху или недоразумѣнію [1]).

Но въ чемъ же заключалось содержаніе этого воздѣйствія судебной власти?

Особенно важно по своимъ послѣдствіямъ было то, что, въ общемъ, несмотря на разнообразіе личныхъ особенностей и мѣстныхъ условій, всѣ эти сплетающіяся нити воздѣйствія, начиная отъ насилія и кончая едва замѣтнымъ, неуловимымъ понужденіемъ, имѣли въ концѣ концовъ одно общее направленіе.

Если съ одной стороны корпоративный интересъ побуждалъ лейтенантовъ отстаивать судейскія привилегіи и затереть слишкомъ рѣзкіе проекты судебной реформы, то съ другой—„духъ времени" и честолюбіе предрасполагало ихъ къ разговорамъ о конституціи, одинаково дорогой всѣмъ сословіямъ. Что же касается соціальнаго вопроса, наиболѣе близкаго народу и отодвинутаго въ ту минуту на второй планъ, то лейтенанты были обыкновенно представителями умѣренной фракціи, высшихъ разрядовъ буржуазіи.

Буржуазія въ 1789 году была уже классомъ, вполнѣ выдѣлявшимся изъ народа, а такъ-называемый „haut tiers" гораздо болѣе близкимъ къ дворянству, ряды котораго онъ постоянно пополнялъ притокомъ свѣжей крови и крупныхъ денежныхъ средствъ, чѣмъ къ низшимъ слоямъ общества.

Пусть современники этихъ событій, въ родѣ радикальныхъ Сійеса и Вольнея, протестовали противъ различенія буржуазіи и народа, которымъ пользовалась тогда аристократія для того, чтобы посѣять разногласія въ рядахъ 3-го сословія. Пусть французскіе историки и республиканскіе публицисты нашихъ дней повторяютъ то же ретроспективное отрицаніе классоваго антагонизма, признаваемаго, однако, двумя крайними теченіями мысли—реакціонерами съ одной стороны и соціалистами съ другой.

Болѣе внимательное изученіе выборовъ покажетъ, что антагонизмъ

---

[1]) В Ш 142, 349—355. Bs. 79 l. 187. Beaumont sur Oise особая связка въ дѣлѣ Сенлиса 3°. Письмо M. de Maizières 15-го марта (l'on doit souvent les signatures ou à la complaisance, ou à la crainte, ou à la surprise).

Библиотека "Руниверс"

уже существовалъ и выступалъ не разъ въ эту великую историческую минуту, когда 3-е сословіе было само заинтересовано въ своемъ внутреннемъ единствѣ.

Основнымъ желаніемъ крестьянства, то-есть большинства населенія земледѣльческой страны со слабо развитою промышленностью — было устраненіе феодальныхъ правъ, того пережитка старины, который получалъ новую жизненность именно въ послѣдніе годы существованія стараго порядка — въ такъ-называемой феодальной реакціи. Между тѣмъ высшая буржуазія и сонмъ низшихъ агентовъ сеньеріальнаго режима, то-есть также представители 3-го сословія, были прямо заинтересованы въ сохраненіи феодальныхъ правъ.

Что же касается передовыхъ политическихъ дѣятелей буржуазіи, то они, неувѣренные въ своихъ силахъ, думали войдти въ сдѣлку съ высшими сословіями: послѣдніе откажутся отъ податныхъ изъятій, а буржуазія повременитъ съ удовлетвореніемъ крестьянскихъ желаній, чтобы соединенными усиліями всѣхъ сословій сломить административный произволъ и выработать конституцію.

Впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди. Для выясненія же роли мѣстной власти достаточно отмѣтить, что она, при всей своей насильственности, плыла по теченію, ничего новаго въ жизнь не вносила, а напротивъ, придавала новую силу тому, что было и безъ того уже сильно. Лейтенанты были союзниками высшей буржуазіи, искавшей союза, а не борьбы съ дворянствомъ, подъ условіемъ его отказа отъ податныхъ изъятій.

Предсѣдатели, мечтая о гармоніи (harmonie) между сословіями, добивались уступокъ со стороны „tiers Etat", противодѣйствовали травлѣ сеньеріальныхъ агентовъ, устраненію привилегированныхъ членовъ буржуазіи и главное—требованію отмѣны феодальныхъ правъ. За исключеніемъ личныхъ дрязгъ, мѣстныхъ интересовъ и борьбы разыгравшихся честолюбій, главное содержаніе избирательной борьбы въ бальяжахъ и сенещоссеяхъ заключалось въ проведеніи этой программы.

Но эта программа была непонятна простому народу, наполнявшему первичныя, приходскія избирательныя собранія. По теоріи, эти assemblées des paroisses должны были дать рѣшающее направленіе всему избирательному періоду. Приходъ составлялъ свой наказъ и посылалъ своихъ излюбленныхъ людей въ бальяжъ или сенешоссею, гдѣ этотъ наказъ сводился съ подобными же наказами и гдѣ излюбленные приходами люди избирали народныхъ представителей. Но на

Библиотека "Руниверс"

дѣлѣ вышло не такъ просто. Избиратель 1789 года, несмотря на благожелательно-разсѣянное отношеніе къ нему правящихъ сферъ, былъ въ тискахъ общественной организаціи стараго порядка. Регламентъ не только не противодѣйствовалъ вліянію этихъ условій, но еще крѣпче сжималъ эти тиски. Если благія намѣренія правительства оказывались подчасъ мертвою буквой даже въ окончательныхъ избирательныхъ собраніяхъ въ городахъ, на глазахъ у всѣхъ и при сравнительно независимомъ положеніи избирателей, то въ еще большей степени можно это сказать о деревенскомъ захолустьѣ, гдѣ мѣстному произволу былъ открытъ полный просторъ при встрѣчѣ съ темною и бѣдною массой, связанною жизненными отношеніями и самимъ регламентомъ по рукамъ и по ногамъ.

А. Фиу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

А. Н. МАЙКОВЪ КАКЪ ИСТОРИКЪ.

(Род. 23-го мая 1821 г., умеръ 8-го марта 1897 г.)

I.

Весьма многіе наши поэты—Пушкинъ, Лермонтовъ, гр. Ал. Толстой, Майковъ и др.—интересовались исторіей, и не только читали, но и писали сами историческія произведенія. А. Н. Майковъ не оставилъ послѣ себя крупныхъ историческихъ трудовъ, а между тѣмъ, знакомясь съ его жизнью, мы замѣчаемъ, что мысль его постоянно работала надъ исторіей, что главное его поэтическое произведеніе, интересовавшее его болѣе двадцати лѣтъ, появившееся въ нѣсколькихъ редакціяхъ, имѣетъ самое близкое отношеніе къ исторіи. Его убѣжденія, его міросозерцаніе, его художественное настроеніе, его литературное направленіе объясняются не столько его выборомъ знакомыхъ и друзей или окружающею средой, сколько выборомъ историческихъ книгъ для чтенія. Въ исторіи, какъ наукѣ, онъ находилъ для себя окончательное оправданіе въ выборѣ своего направленія. Разумѣется, А. Н. Майковъ прежде всего поэтъ, а не историкъ, но самыя задачи, которыя интересовали его въ мірѣ поэзіи и образовъ, сближали его съ исторіей. Историческій элементъ занимаетъ видное мѣсто въ его поэтическомъ творчествѣ. Изъ исторіи онъ бралъ для своихъ поэтическихъ произведеній характеристическія черты о людяхъ и жизни отдаленнаго прошлаго, исторія же давала ему колоритъ, краски, воздухъ въ исполненіи образовъ. Въ жизни А. Н. Майкова всего замѣтнѣе два направленія: сначала въ поэтическихъ своихъ произведеніяхъ онъ является грекомъ и римляниномъ, потомъ становится русскимъ и притомъ до нѣкоторой степени славянофиломъ, по-

Библиотека "Руниверс"

тому что, оставаясь такимъ, онъ въ то же время относился къ ученію славянофиловъ критически и нѣкоторыя убѣжденія ихъ, напримѣръ о Петрѣ Великомъ, вовсе отвергалъ. Онъ воспитался самъ на исторіи Карамзина и былъ современникомъ двухъ поколѣній русскихъ историковъ славянофиловъ. Въ молодыхъ годахъ А. Н. Майковъ думалъ заниматься живописью и, чтобы усовершенствоваться, уѣхалъ въ Италію, но здѣсь занимался болѣе изученіемъ жизни древнихъ народовъ, чѣмъ живописью, и чаще задумывался надъ смысломъ ея, надъ тѣмъ, выше-ли была эта жизнь нашей христіанской, или нѣтъ. Поэзія была безсильна разрѣшить ему такой вопросъ, и онъ обратился за разрѣшеніемъ къ исторіи. Результатомъ занятій его исторіей было то, что онъ сдѣлался изъ поклонника древнихъ грековъ и римлянъ христіаниномъ, а затѣмъ и русскимъ, въ смыслѣ православнаго славянофила. Такимъ образомъ, исторіи принадлежитъ довольно видное мѣсто въ ходѣ развитія внутренней жизни А. Н. Майкова. Вліяніе друзей его было тоже большею частью въ славянофильскомъ направленіи. Одни отыскивали въ жизни А. Н. Майкова слѣды различныхъ направленій, но самъ поэтъ призналъ для себя важными только указанныя нами выше направленія и отказался перепечатывать въ полномъ собраніи своихъ сочиненій пьесы, не отвѣчавшія имъ. Поэтическая сторона произведеній А. Н. Майкова не входитъ въ нашъ планъ и, намъ кажется, что подвести итогъ ей, прежде чѣмъ не будетъ вполнѣ разработана его біографія, прежде чѣмъ выяснится самая исторія послѣдняго времени, было бы преждевременнымъ. О Майковѣ, какъ историкѣ, мало кто знаетъ, знаютъ его, какъ поэта. Ему, какъ историку, пришлось высказаться, что въ ученіи славянофиловъ онъ нашелъ болѣе правды, чѣмъ въ западническомъ наклонѣ, что въ народѣ и въ допетровской Руси онъ видитъ тѣ начала, на которыя можетъ опереться жизнь и современнаго общества, и въ этихъ словахъ заключается разгадка многаго и въ поэтической дѣятельности А. Н. Майкова.

II.

Въ первый періодъ развитія своего творчества Майковъ былъ далеко не славянофилъ. Было даже время, когда онъ былъ западникомъ, былъ близокъ къ кружку Бѣлинскаго и участвовалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* и *Современникѣ*. Правда, обращеніе его въ западника было далеко не полное и Майковъ въ то же время былъ бли-

Библиотека "Руниверс"

зокъ и къ молодой редакціи *Москвитянина*, читалъ его и плѣнялся славянскимъ міромъ и гордился тѣмъ, что родомъ самъ москвичъ. Раннія его стихотворенія (1838 — 1841) были въ антологическомъ родѣ. Это былъ первый пробный камень артистическаго элемента въ поэтѣ. Они имѣли успѣхъ, тогда какъ другія не-антологическія стихотворенія успѣха не имѣли. Бѣлинскій уже тогда замѣтилъ, что исключительная преданность поэта древнему міру (и притомъ далеко не вполнѣ понятому), безъ всякаго живаго, кровнаго сочувствія къ современному міру, не можетъ сдѣлать великимъ или особенно замѣчательнымъ поэта нашего времени. Характеристика антологическихъ стихотвореній Майкова давно уже сдѣлана и намъ прибавить къ ней придется немного. Въ нихъ онъ воспѣвалъ жизнь безъ тревогъ, подобную свѣтлому дню, сладкозвучный шумъ ручья, ропотъ моря, красоту южной природы, картины вечера, виноградники богатаго Фалерна и розы Пестума—, „и Рима древняго священныя громады и утромъ ранній дымъ сабинскихъ деревень". Онъ воспѣвалъ любовь, дріадъ, увѣнчанныхъ дубовыми листами, купающихся нимфъ, и Феба свѣтлаго, Сильвана съ фавнами и Пана кроткаго. Онъ говорилъ и о призваніи поэта и о значеніи искусства: поэтъ сводитъ небо на землю и небесное, при помощи искусства, воскресаетъ на землѣ. Какъ это дѣлается,—навсегда останется то для насъ тайной: откуда берется стихъ поэта и для кого, почему онъ слагается такъ, а не иначе, — все будетъ тайной. А между тѣмъ одна поэзія дѣлаетъ жизнь поэта и прекрасною и милою, одно искусство помогаетъ ему въ томъ, какъ помогаетъ и музыканту изъ тростника, растущаго на прибрежьѣ моря, сдѣлавши отверстія, вызывать волшебные звуки. Въ слѣдующіе года (1841—1842) Майковъ увлекается поэзіей Горація, Овидія, Проперція, переводитъ ихъ, и наконецъ самъ ѣдетъ въ Римъ (1842). Здѣсь еще болѣе отдается онъ обаянію античной древности и становится по душѣ грекомъ и римляниномъ. Но здѣсь же расширяются рамки его творчества и среди впечатлѣній, навѣваемыхъ на душу чужою природой и чужою исторіей, поэтъ вспоминаетъ съ грустью и о своемъ родномъ убогомъ сѣверѣ, о бѣдной русской природѣ и ея лѣсахъ, не говорящихъ пока ничего его античной лирѣ. Въ Италіи на этотъ разъ А. Н. Майковъ прожилъ цѣлый годъ (1842—1843). Онъ былъ въ другой разъ въ Италіи позднѣе, въ 1858 г., но это второе путешествіе менѣе важно для насъ, чѣмъ первое. Майковъ тогда уже боболѣе занимался новогреческими пѣснями и Неаполемъ вмѣсто Рима. онъ посѣтилъ тогда Грецію и Архипелагъ. Слава прежнихъ дней

Библиотека "Руниверс"

Рима въ ея старинныхъ громадахъ, какъ привидѣніе, встаетъ теперь передъ нимъ изъ своихъ руинъ и для поэта все другое или теряется, или меркнетъ передъ ней. Памятники древняго Рима заставляютъ трепетать его и, увлеченный окружающимъ, онъ видитъ въ нихъ созданія боговъ, а не людей. Онъ понялъ лучше прежняго теперь эту поэзію прошедшаго, этотъ поэтическій элементъ въ исторіи. Увидѣвъ въ ватиканскомъ музеѣ Лаокоона, Майковъ слышалъ вопль и ревъ его и въ его ушахъ звенѣла вновь стрѣла изъ лука Аполлона. Въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндою аркадъ, предсталъ впервые его взорамъ Колизей. Майковъ видѣлъ и другія развалины водопроводовъ и цирковъ, опустѣлыя, заросшія полынью и терномъ, а прежде оживленныя народомъ; любовался и красотою сложенныхъ изъ тростника и глины домишекъ, прилѣпившихся гдѣ-нибудь къ старинной аркѣ. Для Майкова теперь и мраморъ, отысканный среди пепла и камней въ могилахъ, казался уже не простымъ мраморомъ, а хранилищемъ мыслей отжившихъ поколѣній. Для него и римляне, великіе въ бѣдахъ и въ битвѣ и въ сенатѣ, были великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ. Въ старомъ Римѣ, думалъ онъ, умѣли жить, умѣли умирать: созвавъ друзей, открывши себѣ жилы, вселенную учили, какъ должно умирать. Затѣмъ большая часть *Очерковъ Рима* Майкова, откуда мы беремъ эти подробности, посвящена описанію красавицъ и любви, которыя насъ не интересуютъ, такъ какъ мы имѣемъ въ виду опредѣлить одно историческое воздѣйствіе Италіи на душу поэта.

Величіе древняго Рима, всецѣло основанное на гордомъ сознаніи своей силы, на безпощадной суровости къ другимъ народамъ, даже на жестокости, глубоко поражаетъ воображеніе Майкова. Какъ случилось, что палъ этотъ вѣчный Римъ? Майковъ много думалъ надъ этимъ вопросомъ и обратился за его разрѣшеніемъ къ исторіи. Здѣсь онъ нашелъ то, чего искалъ; нашелъ объясненіе и другое лично для себя—какъ односторонне было его увлеченіе древнимъ міромъ. Затѣмъ крымская кампанія и паденіе Севастополя еще болѣе доказали ему, что его прежнее античное настроеніе не выдерживаетъ болѣе критики. Послѣ пораженія подъ Севастополемъ, когда была уязвлена наша патріотическая гордость, когда характеръ борьбы раскрылъ всю силу русскаго духа, онъ понялъ лучше прежняго „кто онъ", и сталъ измѣнять свое прежнее направленіе. Это собственное признаніе поэта очень важно, когда мы прослѣдимъ, какая внутренняя связь существуетъ между настроеніемъ молодаго поэта 40-хъ годовъ и идеалами, представлявшимися умственному взору его, какъ писателя позднѣйшихъ

Библиотека "Руниверс"

десятилѣтій. Какъ случилось, что пѣвецъ красоты становится писателемъ въ славянофильскомъ духѣ? Нельзя не вѣрить тому, что говоритъ объ этой перемѣнѣ самъ Майковъ, свидѣтельствуя, что она наступаетъ послѣ Севастопольской кампаніи, но позволяемъ себѣ представить относительно времени появленія ея и другія свои соображенія. Мы думаемъ, что, подъ вліяніемъ Жуковскаго и Плетнева, указаніе на необходимость перемѣны было дано Майкову ранѣе, чѣмъ совершился Севастопольскій погромъ. Плетневъ, знавшій Майкова еще студентомъ въ Петербургскомъ университетѣ (1837 — 1841), покровительствовалъ ему, устроилъ ему потомъ служебную карьеру и вообще по своему общественному положенію былъ для него авторитетомъ. Онъ былъ однимъ изъ стаи славной лебедей, спустившейся съ небесъ за стаею орловъ двѣнадцатаго года (П. А. Плетневу. 1855 г. А. Н. Майковъ). Черезъ Плетнева въ 1851 г. Жуковскій познакомился съ поэмой Майкова *Выборъ смерти*, извѣстною въ новой редакціи въ настоящее время подъ именемъ *Три смерти*, призналъ за Майковымъ истинный поэтическій талантъ и написалъ въ письмѣ къ Плетневу, что совѣтуетъ молодому поэту напитаться исторіей и знаніемъ природы и болѣе всего знаніемъ Руси, той Руси, которую намъ создала ея исторія, — Руси самодержавной, Руси христіанской (Сочиненія и переписка Плетнева. Т. III, стр. 716—717 и 723). Это письмо было прочитано Плетневымъ Майкову. Мы не будемъ выводить изъ этого факта дальнѣйшихъ заключеній въ такомъ родѣ, что совѣты Жуковскаго не прошли безслѣдно для Майкова и были приняты для руководства въ его поэтической дѣятельности, хотя это могло случиться, потому что и самъ Майковъ говоритъ о Жуковскомъ, что слова его падали какъ зерно въ сердца, уготовляя ихъ къ великому (Жуковскій, стихотв. 1883); мы говоримъ только, что переворотъ, совершившійся въ міросозерцаніи Майкова, совершился не вдругъ, а постепенно, и подробная біографія поэта не забудетъ всѣхъ промежуточныхъ его ступеней. И письмо Жуковскаго, и Севастопольскій погромъ, и вліяніе Ѳ. И. Тютчева, для котораго, по словамъ Майкова, былъ ясенъ настоящій мигъ и тайные грядущаго обѣты (Ѳ. И. Тютчеву. 1874), и другія вліянія, знакомство, напримѣръ, съ исторіей Карамзина, — все это могло, скопившись вмѣстѣ, выработать перемѣну въ міросозерцаніи Майкова, вслѣдствіе которой онъ болѣе не прежній художникъ-эпикуреецъ, склоняющійся предъ геніемъ античныхъ народовъ, удовлетворяющійся вполнѣ тѣмъ, что даетъ ему ихъ жизнь, а прежде всего русскій и съ русскими убѣжденіями. Рамки творче-

Библиотека "Руниверс"

ства Майкова сравнительно съ первыми годами его литературной дѣятельности впослѣдствіи значительно расширились, въ душѣ его съ образами древняго міра чередуются отраженія Запада и Востока, средневѣковой Европы, славянства и скандинавскаго сѣвера, онъ откликается и на поэтическіе мотивы иностранныхъ великихъ мастеровъ: Лонгфелло, Мицкевича, Гете и особенно Гейне, но при всемъ разнообразіи темъ и мотивовъ складъ убѣжденій поэта въ произведеніяхъ послѣдней эпохи его дѣятельности уступаетъ главное мѣсто тяготѣнію къ православному византійско-славянскому востоку. Земная, матеріальная красота, вдохновлявшая поэта въ молодости, мало по малу смѣнилась поклоненіемъ другой высшей духовной красотѣ; страстныя мелодіи, навѣянныя на него южнымъ небомъ, уступили мѣсто стройнымъ гимнамъ и строгимъ размышленіямъ; вмѣсто прежняго эпикурейскаго взгляда на жизнь появлялись по временамъ черты суроваго аскетизма. Осуществленіе христіанскаго идеала Майковъ находитъ не въ Римѣ, а въ городѣ Константина, истинной столицѣ Христовой вѣры. Отъ втораго Рима Майковъ переходитъ къ третьему, который долженъ стоять во вѣки, и послѣ котораго „четвертаго не будетъ", по горделивому заявленію русскихъ книжниковъ XV—XVI вѣковъ. Здѣсь мы видимъ уже не поэта Майкова, а Майкова историка. Опредѣленное русское міросозерцаніе Майкова прежде всего свидѣтельствуетъ намъ о близкомъ знакомствѣ его съ русскою исторіей. Никакого паденія таланта Майкова въ послѣднія двадцать пять лѣтъ его поэтической дѣятельности мы не замѣчаемъ: перемѣна только въ смѣнѣ убѣжденій. Мы можемъ не соглашаться съ возвеличеніемъ Майковымъ Москвы и златоглаваго Кремля, или памяти Іоанна Грознаго, если это не наше убѣжденіе, но должны признать его стихи прекрасными. И Майковъ далеко не односторонній поэтъ: москвофильство не помѣшало ему увлечься *Словомъ о Полку Игоревѣ* и изложить взглядъ на древнюю Кіевскую Русь вполнѣ благопріятный.

III.

Во всемірной исторіи, по разнообразію послѣдствій, по трагическому содержанію, нѣтъ другаго равнаго по важности событія, за исключеніемъ, быть можетъ, французской революціи, какъ враждебное столкновеніе древняго греко-римскаго міра съ христіанскимъ міромъ, и недаромъ Майковъ занимался изученіемъ его почти полжизни своей. То же случилось ранѣе съ знаменитымъ историкомъ Гиббономъ, ко-

Библиотека "Руниверс"

торый изъ-за своего увлеченія первоначальнымъ христіанствомъ перешелъ въ католицизмъ. Майковъ сначала отнесся къ этому событію какъ поэтъ, но потомъ понялъ недостаточность такого взгляда и обратился за разъясненіемъ его къ исторіи. Безъ помощи исторіи, безъ близкаго знакомства съ нею, одна поэзія была-бы безсильна разказать ему, какъ случилось, что древняя греко-римская цивилизація, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и началъ, должна была уступить мѣсто христіанской, съ ея новыми началами, совершенно противоположными и враждебными старымъ. Надобно было выбрать Майкову прежде всего самый моментъ, который всего лучше представилъ бы все разнообразіе этой борбы, затѣмъ тѣ дѣйствующія лица, которыя всего лучше характеризовали бы собою свое время. Въ первомъ опытѣ своего поэтическаго изображенія столкновенія двухъ міровъ,—умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго, — въ драматической поэмѣ *Олинѳъ и Эсѳиръ* (1840),—еще мало знакомый съ исторіей Майковъ сдѣлалъ большую ошибку въ выборѣ момента и лицъ. Онъ выбралъ съ своей поэмѣ римскія сцены изъ временъ пятаго вѣка, и это была ошибка. Бѣлинскій находилъ, что поэтъ неудачно выбралъ героя для своего произведенія: его Олинѳъ „только эпикуреецъ и больше ничего; собственно—онъ образъ безъ лица“,—тогда какъ въ противоположность христіанству слѣдовало бы избрать „послѣдняго римлянина“, который независимо отъ всего окружающаго его въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы, сколько стоическою жизнью и трагическою смертью, столько-же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ (Соч. Бѣлинскаго, ч. 6, 124). Бѣлинскій сурово отнесся къ *Олинѳу и Эсѳири*, находилъ, что въ этой поэмѣ все неглубоко, блѣдно, слабо, поверхностно и растянуто. Майковъ никогда потомъ не рѣшался перепечатывать это раннее произведеніе своей музы въ цѣльномъ видѣ. Въ лирической драмѣ *Два Міра*, несомнѣнно ведущей свое происхожденіе отъ ранняго опыта поэта, вмѣсто безличнаго эпикурейца Олинѳа представителемъ умирающаго языческаго Рима является достойный потомокъ древнихъ квиритовъ, „послѣдній римлянинъ“ Децій, боготворящій идею вѣчнаго города и безтрепетно осушающій чашу съ ядомъ, оставаясь до послѣдней минуты „на своемъ посту“. Такъ воспользовался Майковъ замѣчаніемъ критика. Еще болѣе полезныхъ для себя указаній Майковъ нашелъ въ изученіи исторіи избранной имъ эпохи. Безъ знакомства съ исторіей трудно было бы выбрать моментъ для поэтическаго изображенія борьбы двухъ

Библиотека "Руниверс"

міровъ не послѣднія времена римской имперіи, гдѣ тоже были своего рода „послѣдніе римляне", а время расцвѣта римской цивилизаціи. Только исторія могла указать Майкову, что послѣднія времена расчлененія римской имперіи,—четвертый и пятый вѣка,—не представляютъ уже болѣе ни одного крѣпкаго по убѣжденіямъ древняго римлянина, а представляютъ одно полное вырожденіе гражданскихъ доблестей и нравственной энергіи. Развратъ подкосилъ тогда силы верхнихъ и нижнихъ слоевъ населенія Рима и сдѣлалъ ихъ неспособными къ смѣлому акту самоотверженія. Въ послѣдующихъ редакціяхъ своей темы, въ поэмахъ *Три Смерти, Смерть Люція, Два Міра*, Майковъ, воспользовавшись всѣми указаніями и критики, и исторіи, выбираетъ уже другой моментъ, и другихъ дѣйствующихъ лицъ, и каждый разъ лучше и лучше. Въ трагедіи *Два Міра* поэтъ изображаетъ столкновеніе языческаго міра съ христіанскимъ въ первый вѣкъ нашей эры, во время перваго гоненія на христіанъ, въ тотъ моментъ, когда изъ настоящихъ римлянъ никто еще не сомнѣвался, что Римъ вѣченъ, а не пустая иллюзія. Тогда было еще много „послѣднихъ римлянъ". Языческій міръ, все разнообразіе элементовъ современнаго римскаго общества, легче давался пониманію Майкова, какъ самъ онъ говоритъ, чѣмъ изображеніе христіанскаго. „Какое-то внутреннее неудовлетворявшееся чувство не давало мнѣ успокоиться,— говоритъ Майковъ, — и я не пропускалъ ничего, что̀ могло познакомить меня съ духомъ, образомъ и исторіей первыхъ христіанъ, главное почерпая свѣдѣнія уже не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, а ища ихъ прямо въ литературѣ, во главѣ которой стоитъ св. Евангеліе". Такимъ образомъ справиться съ задачей и на этотъ разъ помогла Майкову исторія.

Полной исторической картины паденія древняго Рима въ борьбѣ міра римскаго и варварскаго у Майкова и теперь нѣтъ, но онъ брался за свою задачу прежде всего какъ поэтъ, а не историкъ. Какія же чисто историческія черты въ его поэтическихъ образахъ въ трагедіи *Два Міра* въ изображеніи борьбы двухъ міровоззрѣній, языческаго и христіанскаго? Майковъ представилъ намъ здѣсь истаго римлянина, носившаго въ себѣ идею Рима, гордаго патріота, могучаго духомъ, воплотившаго въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности, тѣмъ не менѣе смотрѣвшаго на рабовъ не какъ на людей, а какъ на вещи; Майковъ оттѣнилъ эту черту, чтобы болѣе обратить вниманіе на то, какъ христіанство возвысило раба до равенства съ господиномъ. Майковъ представилъ намъ затѣмъ и римскую

Библиотека "Руниверс"

религію съ обоготвореніемъ человѣка на землѣ въ параллели съ христіанствомъ, съ идеаломъ небеснаго царствія, передъ которымъ старый идеалъ блѣднѣетъ, что понимали и сами римляне, готовые на гибель; все разнообразіе элементовъ современнаго римскаго общества, „Римъ гетеръ, шута и мима", съ великими памятниками искусства, и Римъ подземный, въ катакомбахъ, съ очевидцами, разказывавшими о явленіяхъ Христа по воскресеніи и объ апостолѣ Павлѣ, съ молитвой христіанъ въ ожиданіи растерзанія въ циркѣ звѣрьми, съ чувствомъ взаимной любви, связывающей всѣхъ въ единое великое цѣлое, въ церковь. Въ то время, когда гордый римлянинъ, обвиняемый въ заговорѣ, окруженный друзьями, на послѣднемъ жизненномъ пиру, собирается, по приказанію Нерона, умирать,—выпить чашу съ ядомъ—и говоритъ, что все, чѣмъ могучъ и свѣтелъ его разумъ, то далъ ему Римъ, и онъ увѣренъ, что нѣтъ и не можетъ быть ничего другаго высшаго и лучшаго, чѣмъ этотъ разумъ, онъ видитъ при наступившемъ днѣ, при полномъ блескѣ солнца—изъ катакомбъ Христова рать, передъ которою рано или поздно должна была склониться гордыня Рима и его разумъ, идетъ смѣло изъ заточенья, какъ изъ тьмы на свѣтъ, на смерть, въ добычу львовъ и дикихъ звѣрей, съ полною вѣрою, что слезы и людское горе принимаются въ сердце самимъ Христомъ, „Богомъ всѣхъ скорбящихъ", тѣмъ самымъ, котораго видѣли здѣшніе очевидцы по воскресеніи, а одинъ старикъ, когда былъ зрячимъ, видѣлъ самъ, какъ выводилъ Его Пилатъ къ народу. Знакомство съ исторіей всего болѣе могло помочь Майкову выбрать для своихъ поэтическихъ образовъ смерть представителей „послѣднихъ" римлянъ, невинно осужденныхъ Нерономъ, какъ разказываетъ Тацитъ, по поводу Пизонова заговора, и указать на то, какъ человѣкъ умираетъ,—въ этомъ всего лучше высказывается его міросозерцаніе. Какъ же они умирали? Они ли вселенную учили, какъ должно умирать? Не долженъ ли былъ измѣнить здѣсь свое прежнее мнѣніе о томъ и поэтъ? Въ минуту смерти „послѣдніе римляне" его вполнѣ несчастны: теперь и Римъ для нихъ одно воспоминаніе, или одна мертвая идея, не имѣющая болѣе никакого соотвѣтствія, никакихъ нравственныхъ связей съ голою дѣйствительностью; самые друзья, собравшіеся къ нимъ на послѣдній ужинъ, заслуживаютъ съ ихъ стороны своимъ поведеніемъ одно презрѣніе. Одинокіе на свѣтѣ, случайная песчинка въ стихійномъ волненіи житейскаго моря, воздвигаемаго бурею, эти римляне—совершенная противоположность идущимъ смѣло на смерть на ихъ глазахъ, соединеннымъ чувствомъ любви,

Библиотека "Руниверс"

вѣры и надежды христіанамъ. Имъ недостаетъ того, что выросло уже въ катакомбахъ,—той силы любви, которая одна даетъ возможность человѣку побѣдить свое духовное одиночество, побѣдить и самую смерть. Въ минуту смерти они думаютъ еще о самихъ себѣ, даже хуже—о своемъ аппетитѣ, который смерть разитъ всего скорѣе. Проклиная весь міръ, они проклинаютъ прежде всего ту ненасытную ватагу, которая собрана на пиръ,—своихъ друзей, съ которыми дышатъ еще однимъ воздухомъ. Жалкіе эгоисты, смотрящіе на міръ, ихъ окружающій, съ отвращеніемъ, безъ утѣшенія, они, какъ актеры, только рисуются въ красивой позѣ съ чашей яду въ рукахъ, какъ-бы въ театрѣ, передъ публикой,—вотъ таковъ Децій, главный герой въ послѣдней піесѣ Майкова, вотъ таковы и „послѣдніе римляне"!

На чьей же сторонѣ симпатіи Майкова, какой изъ двухъ борющихся между собою міровъ болѣе близокъ его сердцу, какой итогъ подведенъ имъ въ его трагедіи и представляется ему, какъ культурно-историческій фактъ, увидимъ сейчасъ, когда обратимся къ нарисованной поэтомъ картинѣ, какъ умираютъ первые христіане.

Они говорятъ: Зоветъ насъ нынѣ Богъ на прославленіе Его любви, Его щедротъ, и на свидѣтельство предъ міромъ, что Онъ есть Духъ, и Онъ одинъ земли и неба властелинъ, что честь Ему, а не кумирамъ, кумиръ же, чей бы ни былъ онъ, рукою смертной сотворенъ... Повелѣваетъ намъ кесарь: Бога въ немъ признать, его жъ кумиру честь воздать какъ божеству лишь подобаетъ; ослушнымъ смерть.

Вотъ ихъ рѣшеніе: идти, идти къ Отцу небесному! Въ селенья Его святыхъ! Его узрѣть во славѣ, сложить съ души всѣ тяготы у ногъ Его!

И вотъ послѣдняя ихъ молитва:

О ты, сѣдяй въ эѳирѣ,
Во свѣтѣ вѣчномъ, со Отцомъ,
Прославленный и вознесенный
Лишь по любви неизреченной
Тобою поднятымъ крестомъ!
Ты пастырь, насъ въ едину паству
Овцу сбиравшій за овцой!
Ты насъ вспоилъ живой водой
И тучную намъ подалъ ясту,—
Когда бы, гдѣ-бъ ни прозвучалъ
Твой рогъ призывный—гдѣ преграды,
Гдѣ тѣ загоны, тѣ ограды,
Гдѣ та стѣна, тотъ ровъ, тотъ валъ,
Который насъ бы удержалъ

Библиотека "Руниверс"

На зовъ твой ринуться мгновенно,—
Свѣтъ бо свѣтяй намъ съ небеси,
Свѣтъ истинный, свѣтъ неистлѣнный,
Жизнь и Спасенье Ты еси!

Въ воображеніи поэта рисуются они, эти первые христіане и мученики, стоящими на колѣняхъ съ зажженными свѣчами, и словами слѣпаго старца онъ произноситъ свое послѣднее заключительное слово: Слава Тебѣ, побѣдившему міръ!

IV.

Четыре года занимался Майковъ *Словомъ о Полку Игоревѣ*, перевелъ его на современный языкъ стихами и написалъ къ нему введеніе. Переводъ Майковымъ *Слова* сдѣланъ хорошо и нѣкоторыми считается всего ближе передавшимъ поэзію подлинника. Насъ интересуетъ здѣсь тотъ фактъ, что Майковъ изучилъ все то, что относится къ пониманію *Слова* и къ исторіи его. Съ какой стати на полѣ, засѣянномъ пшеницей, выросъ пышный розанъ, то-есть, какъ могло появиться *Слово* среди памятниковъ письменности XII вѣка, рядомъ съ поученіями и житіями святыхъ, рядомъ съ лѣтописью, въ той средѣ, въ которой мы не находимъ ничего другаго похожаго?—спрашиваетъ Майковъ въ своемъ введеніи? Случайное появленіе *Слова* въ памятникахъ письменности XII вѣка не служитъ ли скорѣе доказательствомъ его поддѣлки? Нѣтъ, Майковъ не считаетъ *Слова* поддѣлкой. Онъ относитъ его къ устнымъ памятникамъ творчества нашей старины, къ тѣмъ народнымъ былинамъ, съ которыми *Слово* всего болѣе въ гармоніи. Былины, по мнѣнію Майкова, были сначала пѣснями о богахъ и сложились въ то отдаленное время, когда аріи находились на Иранской возвышенности, потому въ былинахъ упоминается о божествахъ Солнца и великой Матери Земли, о божествахъ, общихъ всѣмъ народамъ европейскаго семейства. Только позже, утративъ свой прежній миѳическій характеръ, былины стали воспѣвать и народныхъ богатырей и примѣнились къ новому, библейскому міросозерцанію, — такъ сказать переродились. Это случилось послѣ принятія русскими христіанства. Такая перемѣна произошла не вдругъ, такъ какъ принятое христіанство долгое еще время оставалось у насъ съ примѣсью язычества двоевѣрнымъ, но старыя вѣрованія въ Сварога и Стрибога вызываютъ теперь обличеніе со стороны духовенства. Только послѣ нашествія на Русь татаръ христіанство пустило у насъ болѣе глубокіе корни. Но

Библиотека "Руниверс"

и тогда нельзя еще сказать, чтобы не встрѣчалось въ былинахъ никакихъ остатковъ отъ прежняго языческаго воззрѣнія, особенно когда старыя пѣсни запоютъ какіе-нибудь люди вѣщіе и странники, или калики перехожіе. Въ то время, когда лѣтописецъ-христіанинъ выводитъ свой родъ, на основаніи византійскихъ хроникъ, отъ потомства Ноева, современники его, храбрые русичи въ *Словѣ*, смотрятъ еще на себя какъ на сыновъ Солнца, а князей своихъ считаютъ внуками Дажьбога. Міросозерцаніе былинъ въ ихъ первобытномъ видѣ, или одна изъ пѣсенъ о Дажьбожьихъ внукахъ, — и есть наше *Слово о Полку Игоревѣ*. Но *Слово* возникло не въ простонародной сферѣ, а въ другой, высшей,—въ той, гдѣ была уже грамотность, гдѣ пѣвцы съ незапамятныхъ временъ являлись необходимыми членами при дворѣ княжескомъ. Какъ скальды окружали сѣверныхъ конунговъ, а сербскіе гусляры своихъ князей, такъ и пѣвцы-баяны окружали нашихъ князей. Баяны знали политическую Русь знали всѣхъ ея князей, современныхъ и прежнихъ, ихъ дѣла и исторію, притомъ не по лѣтописямъ, а по пѣснямъ стараго времени, по разказамъ дружинниковъ, по памяти народной. Въ XII вѣкѣ ихъ пѣснь достигаетъ уже той высоты, какой мы дивимся въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*. Пѣвецъ его настолько силенъ въ книжномъ ученіи, что выражается о соловьѣ стараго времени, о Боянѣ, какъ о пѣвцѣ, принадлежащемъ къ совершенно другому литературному періоду, относится къ этой знаменитости съ уваженіемъ, не считаетъ ее устарѣлой, подобно тому какъ Пушкинъ относился къ барду Екатерининскаго вѣка—къ Державину. Новая поэма—*Слово*—очевидно уже писана, притомъ писана мѣрною прозой, приспособлявшеюся вѣроятно къ пѣнію, по образцу, можетъ быть, церковныхъ каноновъ и псалмовъ, только на другіе мотивы. Почти вся литература, изъ которой *Слово о Полку Игоревѣ* только отрывокъ, для насъ погибла, и конечно полуязыческій характеръ, не допускавшій ея въ монастырскія книгохранилища, былъ главною причиною ея гибели; но погибла не вся, потому что, разсматривая составъ лѣтописей, мы видимъ, что въ числѣ источниковъ ихъ во многихъ мѣстахъ слѣдуетъ признать свѣтскія сказанія, сквозящія и до сихъ поръ сквозь общій монастырскій лакъ, который наводилъ на нихъ инокъ въ своемъ пересказѣ. Кромѣ лѣтописей, слѣды этой литературы ощутимы далѣе въ народныхъ пѣсняхъ.

Мы не будемъ передавать о томъ, какъ понялъ Майковъ поэтическую сторону *Слова*, въ которой онъ видитъ, какъ хорошій знатокъ изящнаго, вѣрность и реальность красокъ; насъ интересуетъ болѣе

Библиотека "Руниверс"

онъ самъ, какъ историкъ. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ ясно будетъ, съ какимъ вниманіемъ относился онъ къ исторіи, какъ могла она при такомъ близкомъ съ нею знакомствѣ повліять на сформированіе его убѣжденій, и почему мы думаемъ, что занятіе наукой въ этомъ отношеніи не проходитъ безслѣдно для насъ. Во взглядѣ Майкова на происхожденіе *Слово о Полку Игоревѣ* выразилось вполнѣ современное положеніе науки исторіи—русской литературы—семидесятыхъ годовъ [1]). То же самое говорили по этому поводу ранѣе Буслаевъ, Аѳанасьевъ и другіе ученые: миѳическое восточное происхожденіе многихъ нашихъ былинъ тогда всѣми принималось. Гораздо позже доисторическое и индоевропейское наслѣдіе въ нихъ замѣнили догадками и гипотезами объ историческихъ пластахъ и слѣдахъ въ былинахъ, собираніемъ сказочныхъ бродячихъ сюжетовъ, такъ называемыхъ „параллелей", фолклоромъ европейскимъ и азіатскимъ и т. п. Новый методъ изслѣдованія былинъ не сдѣлалъ еще своего дѣла, новаго ученія о былинахъ, удовлетворящаго всѣмъ научнымъ требованіямъ, пока нѣтъ, и мы можемъ ждать только въ будущемъ выдѣленія тѣхъ политическихъ особенностей, которыя народность налагаетъ на обще-распространенные сюжеты. Во всякомъ случаѣ, Майкова слѣдуетъ назвать историкомъ вполнѣ освоившимся съ современнымъ положеніемъ науки и никакъ не отсталымъ.

V

Занимаясь русскою исторіей, Майковъ ближе знакомился съ особенностями нашего прошлаго, съ его устоями, какъ называлъ ихъ самъ; русскіе взгляды и русскія чувства становились болѣе близкими его душѣ; въ сдѣланныхъ имъ очеркахъ прошлаго онъ передаетъ свое сочувствіе былому, и исторія незамѣтно, но наравнѣ съ другими вліяніями на развитіе его міросозерцанія, дѣлается наставницею въ его жизни. Высказывая свой нравственный приговоръ надъ историческими событіями, Майковъ даетъ намъ возможность понять, какъ они отражались въ его душѣ. Съ этой точки зрѣнія особенно цѣнны тѣ художественныя его обращенія къ прошлому, въ которыхъ онъ болѣе поэтъ, чѣмъ историкъ. Онъ заставляетъ, напримѣръ, Грознаго (въ пьесѣ *У гроба Грознаго*) говорить цѣлую рѣчь въ свою защиту. Чтобы

---

[1]) Переводъ *Слова о Полку Игоревѣ* былъ первоначально помѣщенъ Майковымъ въ *Зарѣ* 1870 г., кн. I.

Библиотека "Руниверс"

такая рѣчь имѣла значеніе, необходимо было близко ознакомиться съ исторіей Грознаго, и Майковъ подвелъ въ ней итогъ всего, что было сказано у насъ о Грозномъ. „До сихъ поръ, говоритъ онъ о Грозномъ, сведенъ итогъ его винамъ и преступленіямъ, былъ спросъ свидѣтелей, поставленъ приговоръ, но нѣчто высшее все медлитъ утвержденьемъ, недоумѣнія толпа еще полна и тайной облаченъ досель сей гробъ безмолвный"—„Мой день еще прійдетъ, говоритъ Грозный!—Услышится какъ взвылъ испуганный народъ, когда возвѣщена царя была кончина,—и сей народный вой надъ гробомъ властелина—я вѣрую—въ вѣкахъ вотще не пропадетъ, и будетъ громче онъ, чѣмъ этотъ типъ подземный боярской клеветы и злобы иноземной".—Много вѣрнаго въ историческихъ своихъ взглядахъ высказалъ также Майковъ въ поэмѣ „Судъ предковъ", заключающей въ себѣ поэтическій очеркъ прошлаго вѣка; въ посланіи „Князю Друцкому-Любецкому", и по поводу польскаго возстанія 1863 года. Его чувства здѣсь навѣяны чтеніемъ исторіи или знакомствомъ съ современною дѣйствительностью, имѣющею тѣсную связь съ исторіей. Майковъ рисуетъ, напримѣръ, намъ великолѣпные костелы, гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь и раззолоченный, тяжелый, огнями залитый алтарь, и сравниваетъ такіе храмы пановъ съ храмами хлоповъ, съ этими жалкими лачугами съ погнутымъ крестомъ, гдѣ хамы съ подлымъ русскимъ языкомъ причащаются изъ оловяннаго потира, гдѣ въ крашенинной ризѣ попъ. Майковъ высказывается за эти убогія лачуги. Онъ чувствуетъ, что въ нихъ-то и дышетъ все духомъ церкви первобытной; тамъ молятся о томъ, чтобъ вспомнилъ хамовъ русскій царь и русскій людъ, который въ убогомъ нищемъ чтитъ Христа. Въ своемъ художественномъ обращеніи къ прошлому, въ своихъ поэтическихъ вѣяніяхъ надъ нимъ Майковъ останавливается на кончинѣ Александра Невскаго, въ 1263 году, въ Городцѣ, когда князь скончался здѣсь на возвратномъ своемъ пути изъ Орды. Передъ умирающимъ княземъ, въ кельѣ игуменской, тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ, тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ, тихо бояре стоятъ по угламъ. При такой обстановкѣ проносится передъ княземъ цѣлая цѣпь дорогихъ ему воспоминаній: смерть отца, мученическая кончина Михаила Черниговскаго, шумное вѣче въ Новгородѣ, и рисуется далекое будущее—берегъ Невы, на которомъ разилъ онъ врага, корабль, на которомъ кормчимъ самъ Петръ, и гробъ самого Александра; ему, при звонѣ колоколовъ, поютъ священные гимны, кладутъ земные поклоны; къ его мощамъ прикладывается народъ. Исторія же

Библиотека "Руниверс"

своими примѣрами любви къ родинѣ даетъ Майкову матеріалъ показать намъ, что такое это почти неуловимое для другихъ чувство, и какъ оно высоко и благородно. У него есть пьеса, озаглавленная *Емшанъ*, написанная въ 1874 году, въ основу которой положенъ слѣдующій текстъ, заимствованный изъ Волынской лѣтописи. Во времена Мономаха, два половецкихъ хана Отрóкъ и Сырчанъ, два брата, богатыри лихіе, должны были бросить свои степи и скрыться на чужбинѣ. Одинъ изъ нихъ, Отрóкъ, скрылся далеко, въ кавказскихъ горахъ. Пора была такая, Мономахъ совершилъ много походовъ на половцевъ, заставилъ не одного хана смириться и перестать, по прежнему, набѣгами тревожить русскую землю. Но вотъ Мономахъ умираетъ, на Руси наступаютъ другія, худшія времена: туга и горе, по выраженію современниковъ. Тогда одинъ изъ братьевъ, Сырчанъ, скрывавшійся въ донскихъ меляхъ, шлетъ къ другому на Кавказъ приглашеніе возобновить набѣгъ на Русь: „умеръ врагъ, и спали теперь съ половцевъ цѣпи". Посланному съ нимъ дается наказъ: „спой сначала брату нашу пѣсню, а не отзовется на нее онъ и не пойдетъ на Русь—свяжи въ пучокъ емшанъ степной (емшанъ—это трава степная, вѣроятно полынóкъ) и дай ему—тогда вернется". Пѣсня, оказывается, не подѣйствовала, зато подѣйствовалъ пучекъ степной травы, который посланный вручилъ Отрóку. „И смотритъ ханъ—и самъ не свой, почуя въ сердце рану, схватился за грудь, пучекъ травы цѣлуя, плачетъ"! Средство оказалось дѣйствительнымъ: Отрóкъ идетъ въ походъ и только ждетъ, когда начнется степь родная, все въ даль глядитъ, травы пучекъ изъ рукъ не выпуская.

Мы не будемъ говорить о всѣхъ историческихъ трудахъ Майкова въ формѣ художественнаго воспроизведенія прошлаго, въ формѣ посильной только талантливому поэту по ея высотѣ и изяществу, и остановимъ вниманіе читателей на слѣдующихъ разказахъ Майкова изъ русской исторіи, написанныхъ для дѣтей и народа прозой, а именно, на разказѣ: 1) „О святыхъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ", 2) „Москва — третій Римъ", 3) „Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, покореніе Казани и Астрахани", 4) „О завоеваніи Сибири" и 5) „Взятіе турками Константинополя". Эти разказы всего полнѣе ознакомятъ читателя съ историческими воззрѣніями Майкова.

Расширяя кругозоръ русскаго простолюдина, Майковъ выясняетъ новыми фактами значеніе православія не въ одной уже русской исторіи.

Библиотека "Руниверс"

Какъ въ этихъ историческихъ разказахъ, такъ и въ своей поэзіи, Майковъ видитъ въ русской исторіи выраженіе исконныхъ началъ русской жизни, и прежде всего православія и самодержавія. Это же самое мы находимъ и въ Исторіи Карамзина. Майковъ былъ поклонникомъ послѣдняго и раздѣлялъ вполнѣ его мнѣнія объ этихъ началахъ. Въ Карамзинѣ онъ видѣлъ не человѣка съ отсталыми идеями, какъ другіе, а историка, глубоко понявшаго и талантливо передавшаго намъ о тѣхъ завѣтахъ, какіе древняя Русь оставила новой. Мы не разбираемъ здѣсь, правъ ли Майковъ въ своемъ воззрѣніи, мы только констатируетъ фактъ, характеризуя поэта, какъ историка; и Карамзину, и Майкову досталось таки за эти убѣжденія. Въ своемъ стихотвореніи *Карамзинъ* Майковъ такъ опредѣлилъ значеніе исторіографа. Называя его своимъ наставникамъ, къ числу которыхъ онъ причисляетъ еще: Шекспира, Ломоносова, Крылова, Жуковскаго, Пушкина и Тютчева, Майковъ благодаритъ его за то, что Карамзинъ далъ ему почувствовать благоговѣніе къ московскому Кремлю, къ Москвѣ, къ ея завѣтамъ. Это чувство у насъ было не новымъ, но было время, и именно до появленія Исторіи Карамзина, когда оно многими было забыто. Было забыто тогда, когда чужіе пришлецы и русскіе вельможи ломали безъ стыда кремлевскія святыни, когда во времена Екатерины задумали было и самый Кремль съ его соборами, съ дворцами, съ рѣзными башнями,—все, все отдать на сломъ. Было забыто тогда, когда при Александрѣ I у насъ господствовалъ французскій вкусъ, французскія идеи конца XVIII вѣка, когда мечтали, что Россію можно передѣлать на всякій образецъ, насадить въ ней кому и что угодно—парламентъ съ лордами или республикъ рядъ, аркадскихъ пастуховъ или пахотныхъ солдатъ. Карамзинъ былъ одинъ изъ немногихъ тогда думавшихъ иначе, вышедшихъ изъ пережитаго водоворота съ здравымъ смысломъ. Сошедши во мракъ архивовъ, какъ исторіографъ, онъ увидѣлъ прежнихъ князей, лихихъ бойцовъ или ходатаевъ за Русь у грозныхъ хановъ, святыхъ подвижниковъ, строителей въ лѣсныхъ пустыняхъ общежитій и образъ земскаго царя, предъ коимъ всѣ равны, съ вельможи до псаря. Карамзинъ въ своей душѣ вмѣстилъ всѣхъ ихъ и, какъ изъ мѣди, отлилъ намъ въ своей Исторіи. Онъ воздвигъ, какъ Моисей, на поученіе народовъ и царей, свою скрижаль и пробудилъ тѣмъ въ насъ русскій духъ. Стихотвореніе *Карамзинъ* написано Майковымъ въ 1865 г. То же самое повторилъ потомъ Бестужевъ-Рюминъ въ своей рѣчи о Карамзинѣ, прочитан-

Библиотека "Руниверс"

ной въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго университета, 2-го декабря 1866 г.

Какъ поэтъ, и какъ историкъ, Майковъ въ слѣдующемъ стихотвореніи (*Къ портрету Государя Императора Александра Александровича*) высказалъ свой взглядъ на прошлое царствованіе, то-есть, свое пониманіе окружающей дѣйствительности за послѣдній періодъ своей жизни:

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что—Царь—Онъ вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская Земля,
Ихъ громко высказалъ—и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударитъ, и въ мгновеніе
Всѣ сорокъ сороковъ, въ Христово Воскресенье,
О Свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстятъ.—
Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъёмомъ,—
И, какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсъ,—
Воскресла духомъ Русь—сомнѣній мракъ исчезъ—
И то, что́ было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней закрѣплено сознаньемъ.

VI.

Въ заключеніе мы скажемъ, въ чемъ мы видимъ преемственную связь между историческимъ воззрѣніемъ Карамзина и его послѣдователей, въ числѣ которыхъ считаемъ Майкова. Ничего другаго столь великаго не создалъ нашъ народъ въ теченіе прошедшихъ вѣковъ своей жизни, какъ русское государство. Эта мысль Карамзина развивается теперь далѣе.

Государственное единство, говорятъ, есть единство только внѣшнее. Но уяснили ли мы себѣ и теперь сущность внутренняго единства русскаго народа, какъ оно сказывается на нашихъ глазахъ въ галичанахъ, или какъ оно сказывалось въ стремленіи къ единовѣрной Москвѣ Малороссіи, сначала одного берега, а потомъ другаго, а передъ тѣмъ еще ранѣе въ новгородцахъ, шедшихъ на судъ въ Москву и ни за что не хотѣвшихъ покориться литовскому королю? Факты эти мы знаемъ, какъ зналъ ихъ и Карамзинъ, но существенное пониманіе *тайны народной жизни*, выраженное въ нихъ, и те-

Библиотека "Руниверс"

перь еще далеко не понимаемъ [1]). До сихъ поръ мы не имѣемъ еще исторіи русскаго народа и потому, что еще недостаточно собрано и разработано матеріала для нея. Но уже знаемъ, что въ созданіи русскаго государства и его единства, то-есть, самодержавія, участвовали не одни московскіе князья, не одно духовенство и бояре, но весь русскій народъ, и только потому единство вышло прочнымъ, пережило всѣ бури и опасности, и только потому въ 1612 г., когда вновь возможно было устроить въ Россіи, что угодно, хоть республику, выборные отъ русской земли недаромъ предпочли всему прежнюю монархію. Самъ народъ не только понималъ, но и доказалъ тогда фактами, въ чемъ онъ видѣлъ свое спасеніе. Затѣмъ на глазахъ Майкова шли не разъ попытки внѣшнее единство, приданное русской исторіи Карамзинымъ, замѣнить другимъ — внутреннимъ — смѣною другихъ началъ. И что же? Соловьевъ въ своей *Исторіи Россіи* видѣлъ главное опять въ установленіи государственнаго порядка, въ борьбѣ государства со старыми родовыми отношеніями. Приложивши къ русской исторіи научный философскій взглядъ Гегеля объ органическомъ развитіи народа и государства, онъ провелъ только далѣе Карамзина установленіе и водвореніе наряда въ русской землѣ, до того времени, когда, создавши государство, возможно стало начать заботы о просвѣщеніи народа, то-есть, когда сама исторія обращается въ народное самосознаніе. Для Соловьева осталось также вѣрнымъ сказанное Карамзинымъ, что исторія государства есть главное дѣло русскаго народа, что государственное единство—ключъ ко всей русской исторіи, что собираніе русской земли—жизненный нервъ всего прошлаго, а православіе и самодержавіе составляютъ краеугольные камни въ сохраненіи этого наслѣдія. Это же самое повторилъ и Майковъ, и этимъ самымъ онъ всего болѣе характеризуется, какъ историкъ.

Славянофилы, къ мнѣніямъ которыхъ особенно сочувственно относится Майковъ, прошли также на его глазахъ. Что же они говорили по разбираемому вопросу? Они говорили одно, что каждый народъ имѣетъ право по своему развивать и свои учрежденія, и свою жизнь и только тѣмъ и можетъ выразить свое самосознаніе. Усвоивши лучшее у другихъ, самъ народъ пойдетъ по своей, а не по чужой дорогѣ, если онъ историческій и великій народъ. И въ настоящее время.

---

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ*, Сборникъ статей. Карамзинъ. стр. 224.

Библиотека "Руниверс"

когда наука русской исторіи разработана еще далѣе, правы ли тѣ, кто говоритъ, что въ одномъ западномъ строѣ жизни скрывается для насъ вся благодать, а самодержавіе—это выдумка какихъ-то московскихъ книжниковъ и дипломатовъ, притомъ никакъ не ранѣе XV вѣка, въ связи съ легендой о третьемъ Римѣ, о шапкѣ Мономаха, о царскихъ регаліяхъ? Правы ли тѣ, кто видитъ въ православіи одно безжизненное направленіе, старающееся собою прикрывать одну тупую приверженность къ застою и рутинѣ, и полагаетъ сущность его въ одномъ точнѣйшемъ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ безъ вниманія къ внутреннимъ началамъ духовной жизни? И рѣшенъ ли вопросъ, въ чемъ сущность христіанства? Можемъ ли мы не сочувствовать тому, кто не можетъ оставаться христіаниномъ безъ Христа, кто пріемлетъ со страхомъ и вѣрою всѣ тайны царствія Божія? И прежде, чѣмъ не будутъ разрѣшены подобные вопросы, намъ кажется, преждевременно будетъ высказывать свое окончательное сужденіе о Майковѣ, какъ о человѣкѣ, какъ объ историкѣ и о поэтѣ.

На сторону славянофиловъ влекло Майкова не одно знакомство его съ русскою исторіей, а также знакомство его съ настоящимъ положеніемъ славянскихъ народовъ. Для насъ важенъ тотъ фактъ въ жизни Майкова, что въ 1843 году Майковъ пробылъ въ чешской Прагѣ два мѣсяца, выучился по чешски, присмотрѣлся къ славянскому быту и въ тѣсномъ кругу патріотовъ (Ганки, Шафарика и др.) не разъ выслушивалъ одну и ту же рѣчь, что „спасеніе славянства отъ ига чуждой власти и чужой народности заключается всего болѣе въ Россіи". Важно для насъ также, что Майковъ переводилъ потомъ сербскія пѣсни, былины и преданія на русскій языкъ и выразилъ тѣмъ фактически свою любовь и свой интересъ къ изученію славянскаго міра.

Майковъ не можетъ быть названъ въ строгомъ смыслѣ слова историкомъ. Но въ ходѣ развитія внутренней его жизни, несомнѣнно, исторіи принадлежитъ довольно видное мѣсто. На это мы и старались обратить вниманіе въ нашей статьѣ.

Николай Овсянниковъ.

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПАПСТВА ВЪ XI ВѢКѢ [1]).

ГЛАВА III.

Пора преобладанія Генриха III надъ папствомъ (1046—1048).

Постановленія Сутрійскаго собора, повлекшія за собою полное крушеніе плановъ и надеждъ Григорія VI, окончательно устранившія Сильвестра III и предрѣшившія участь Бенедикта IX, выдвинули на первый планъ вопросъ объ избраніи новаго первосвященника для западно-христіанскаго міра, тѣмъ болѣе необходимаго, что ему предстояло немедленно возложить императорскій вѣнецъ на голову Генриха III.

При рѣшеніи этого вопроса сынъ Конрада II былъ поставленъ въ сравнительно благопріятныя условія. Обыкновенно германскіе короли съ оружіемъ въ рукахъ прокладывали себѣ кровавый путь къ вѣчному городу и, всходя на престолъ вселенной, покрывали грудами труповъ улицы Рима. Теперь Генрихъ приближался къ столицѣ міра какъ общепризнанный владыка: на его сторонѣ было сочувствіе ревнителей преобразованій; его сопровождало многочисленное ополченіе, дѣлавшее безумной попытку сопротивленія; противники нѣмецкаго преобладанія или укрылись въ своихъ горныхъ гнѣздахъ, или выступали, какъ маркграфъ Тосканскій [2]), покоряясь необходимости, подъ стягами могущественнаго короля. По свидѣтельству алтанхской лѣтописи [3]), римляне во множествѣ выходили на встрѣчу Генриху и присоединялись къ сопровождающему его воинству; приливу этому со-

---

[1]) *Продолженіе.* См. іюльскую кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

[2]) Benzonis, Lib. VII c. 2 p. 670.

[3]) Annales Altahenses, p. 803.

Библиотека "Руниверс"

дѣйствовало желаніе добиться разнаго рода подтвержденій прежнихъ льготъ, уладить распри и тяжбы, такъ какъ Генрихъ во время остановокъ чинилъ судъ и расправу. Вообще до Сутрійскаго собора онъ подвигался къ Риму медленно, какъ бы развѣдывая почву и подготавливая успѣхъ. Послѣ же самоосужденія Григорія VI, наоборотъ, Генрихъ обнаруживаетъ какую-то торопливость, видимо спѣшитъ завершить начатое дѣло прежде, чѣмъ обнаружится отношеніе общества къ происшедшимъ событіямъ и выяснятся послѣдствія принятыхъ въ Сутри рѣшеній: общее положеніе дѣлъ все-таки нельзя было считать вполнѣ безъоблачнымъ. Сторонники соблюденія предписаній лжеисидорова сборника не могли быть удовлетворены при предстоящемъ замѣщеніи апостольскаго престола, такъ какъ каноны отводили рѣшающій голосъ свободному избранію клиромъ и народомъ новаго пастыря, который долженъ былъ принадлежать къ числу дьяконовъ или пресвитеровъ римской церкви [1]). Между тѣмъ римскій клиръ не могъ выставить подходящаго кандидата, такъ какъ былъ запятнанъ почти поголовно симоніей, жилъ въ запрещенныхъ соборами брачныхъ узахъ и отличался невѣжествомъ [2]). Кромѣ того, въ его составъ обыкновенно входили члены знатныхъ римскихъ родовъ и предпочтеніе, оказанное одному, должно было вызвать противодѣйствіе и недовольство другихъ. Да и самъ Генрихъ не могъ сочувствовать избранію римлянина на престолъ св. Петра, такъ какъ въ этомъ случаѣ папа легко сдѣлался бы опорой всѣхъ недовольныхъ нѣмецкимъ преобладаніемъ на Аппенинскомъ полуостровѣ, вызывавшимъ постоянно противодѣйствіе и вражду въ средѣ кореннаго населенія.

Предстоящія трудности усугубляла клятва, отобранная Григоріемъ VI, какъ извѣстно, обязавшимъ римлянъ не признавать при его жизни никого папой. При такихъ условіяхъ соблюденіе каноническихъ требованій становилось немыслимымъ и необходимъ былъ какой-либо скорый выходъ. Знатоки каноновъ и тутъ нашлись, сославшись на „необходимость", допускающую отклоненія отъ общаго правила въ крайнихъ случаяхъ [3]). Стало быть, открывалась возможность обойдти стѣснительныя и неудобопримѣнимыя предписанія. Повиди-

---

[1]) Bonithonis, Lib. V p. 629.

[2]) Desiderii, Lib. III p. 1005—1006; Bonithonis Lib. V p. 629. Leonis Lib. II c. 77 p. 682.

[3]) Bonithonis, Lib. V p. 629.

Библиотека "Руниверс"

мому, уже въ Сутри былъ выработанъ планъ дѣйствій, выполненный безъ всякихъ промедленій въ Римѣ [1]).

Тотчасъ по прибытіи въ вѣчный городъ епископы нанесли окончательный ударъ дѣлу Бенедикта, признавъ его „канонически низложеннымъ". Въ тотъ же день произошло избраніе новаго папы: въ церкви св. Петра, „князя Апостоловъ", въ присутствіи многочисленныхъ епископовъ, герцоговъ, графовъ и прочей знати Генрихъ, изложивъ рѣшеніе Сутрійскаго собора [2]), обратился къ „римскимъ сеньорамъ" съ предложеніемъ избрать изъ предстоящаго собранія папу по установившемуся обычаю, которымъ они злоупотребляли. Сеньоры единодушно отвѣчали, что имъ не принадлежитъ право избранія въ присутствіи короля или его замѣстителя римскаго патриція; кромѣ того они выразили раскаяніе въ допущеніи на престолъ св. Петра людей глупыхъ и необразованныхъ [3]). По ихъ мнѣнію, на Генрихѣ лежало полномочіе улучшить положеніе государства римскаго путемъ законодательнымъ, украсить его добрыми правами и рукою защитника „управлять" св. апостольской церковью, дабы она не потерпѣла какого-либо ущерба [4]). Такимъ образомъ, римская знать отказалась отъ патриціата, который давалъ ей какъ бы „наслѣдственное право" на замѣщеніе апостольскаго престола [5]).

Событія послѣднихъ лѣтъ явственно показали всему христіанскому міру, что прежній способъ избранія папъ велъ лишь къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Общій голосъ законниковъ и ревнителей преобразованій безповоротно осудилъ поведеніе римскихъ бароновъ, имѣвшихъ въ виду не благо всей церкви, а служеніе своекорыстнымъ цѣлямъ. При такихъ обстоятельствахъ, при приближеніи огромной боевой силы германскаго короля бароны, естественно, не могли и думать о сохраненіи прежнихъ порядковъ. Ихъ ссылка на патриціатъ какъ нельзя болѣе подходила къ современному запутанному положенію дѣлъ: примѣненіе избирательныхъ правъ клира и народа, какъ извѣстно, сопряжено было съ большими неудобствами; императоръ, могущій

---

[1]) „Canonice et synodice depositus est papa Benedictus Romae". Annales Corbejenses p. 6.

[2]) Leonis Lib. II c. 77 p. 682.

[3]) Benzonis, Lib VII c. 2 p. 671 „fatuos atque hydiotos". Ср. отзывъ Бонитона о Григоріи VI: „ut erat idiota". Lib. V p. 628 и 627: „idiota et mirae simplicitis vir".

[4]) Benzonis, Lib. VII c. 2 p. 671.

[5]) Bonithonis, Lib. V p. 625.

Библиотека "Руниверс"

сослаться на засвидѣтельствованное исторіей право назначать папъ по своему усмотрѣнію, такъ же отсутствовалъ. Оставалось прибѣгнуть къ патриціату и воспользоваться связанными съ нимъ преимуществами. Другаго выхода не было, такъ какъ нѣмецкій король не имѣлъ никакихъ правъ на замѣщеніе папской каѳедры и не могъ сослаться ни на какія основанія, если бы выступилъ съ подобными притязаніями, не входившими въ кругъ полномочій его сана. Однако, въ современной литературѣ существуетъ большое разногласіе именно по данному поводу.

Огромное большинство изслѣдователей думаетъ, что Генрихъ III принялъ санъ патриція послѣ возложенія на его главу императорской діадемы; лишь сравнительно немногіе полагаютъ [1]), что коронаціи предшествовало принятіе полномочій патриція. Разногласіе идетъ дальше: одни придаютъ патриціату большое значеніе; другіе отрицаютъ за нимъ всякія дѣйствительныя преимущества [2]). Какъ обыкновенно бываетъ, такое разномысліе въ средѣ новѣйшихъ изслѣдователей коренится въ противорѣчивыхъ показаніяхъ источниковъ, поэтому необходимо остановиться на ихъ разсмотрѣніи съ нѣкоторою подробностью. Дѣло въ томъ, что отъ того или инаго воззрѣнія на патриціатъ зависитъ построеніе дальнѣйшихъ отношеній между папствомъ и имперіей, равно какъ пониманіе послѣдующихъ событій и ихъ освѣщеніе.

Противники широкихъ полномочій связанныхъ съ саномъ патриція, указываютъ [3]) на молчаніе современныхъ нѣмецкихъ хронистовъ о принятіи его Генрихомъ III. Но это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ лѣтописцы кратко и бѣгло отмѣчаютъ событія, не останавливаясь на подробностяхъ. Само собою понятно, что такой характеръ ихъ извѣстій неизбѣжно долженъ былъ повлечь за собой „молчаніе“ о многомъ.

---

[1]) *Höfler*, I, p. 233. *Floto*, I, p. 156. *Lorenz*, Papstwahl und Kaiserthum, p. 71.

[2]) Литература вопроса о патриціатѣ очень обширна. Заслуживаютъ упоминанія: *Weineck*. Der Patriciat Heinrichs III. Jena 1873. *Grashof*. Der Patriciat der deutschen Kaiser nach seiner Bedeutung und Geschichte. Mainz. 1879. *Martens*. Die Besetzung des päpstlichen Stuhls unter den Kaisern Heinrich III und Heinrich IV. Freiburg 1887. *Heinemann*. Der Patriciat der deutschen Könige. Wolfenbüttel 1888. *Niehues*. De imperatoris Heinrici III patriciatu romano. Monasterii Pars I, 1897; Pars II. 1898. Ср. также *Steindorff* I p. 506—510; *Fetser*. Voruntersuchungen zu einer Geschichte des Pontificats Alexanders II. Strassburg 1887, p. 38 — 43. *Steinhoff*. Das Königthum und Kaiserthum Heinrich III. Göttingen 1865, p. 41 – 48.

[3]) *Martens*, p. 49, *Niehues*, p. 12.

Библиотека "Руниверс"

Далѣе подчеркиваютъ неупотребленіе Генрихомъ этого титула въ офиціальныхъ документахъ [1]). Но уже Грегоровіусъ ссылается [2]) на римскую грамоту, помѣченную 1049 г., гдѣ Генрихъ называется „королемъ франковъ и патриціемъ римлянъ". Естественно, что въ Италіи, преимущественно въ Римѣ, титулъ этотъ обращаетъ вниманіе современниковъ и входитъ въ офиціальное употребленіе, потому что носитъ мѣстный характеръ и не увеличиваетъ власти германскаго короля въ его остальныхъ владѣніяхъ: тамъ онъ является чѣмъ то чуждымъ, здѣсь находитъ практическое примѣненіе. Если съ саномъ патриція связывались извѣстныя преимущества при замѣщеніи „апостольскаго престола", то конечно, не въ далекой Германіи, а наоборотъ, въ непосредственно освѣдомленной Италіи, въ кругахъ, заинтересованныхъ тѣмъ или инымъ способомъ избранія папъ, должны сохраниться слѣды правильной постановки вопроса о правахъ нѣмецкихъ государей имѣть рѣшающій голосъ при папскихъ выборахъ: нѣмецкіе источники и ограничиваются краткимъ упоминаніемъ о „назначеніи" императоромъ того или другаго „намѣстника Апостоловъ". Но и въ средѣ германскихъ лѣтописцевъ алтаихскій монахъ [3]), вообще хорошо освѣдомленный объ италіанскихъ событіяхъ, знаетъ о патриціатѣ и соединенномъ съ нимъ правѣ согласія на избраніе римлянами своего духовнаго главы. Стало быть, еще до разгара „борьбы за инвеституру" нѣмецкій памятникъ, чуждый публицистическихъ цѣлей, придаетъ значеніе патриціату. Равнымъ образомъ, жизнеописаніе Аннона, епископа кельнскаго, также вполнѣ далекое отъ полемики по поводу борьбы властей, называетъ Генриха III „римскимъ патриціемъ" и тѣмъ самымъ показываетъ, что въ кругахъ лицъ, дававшихъ автору свѣдѣнія о давно минувшемъ [4]), сохранилось воспоминаніе о титулѣ, принятомъ германскимъ королемъ. Слѣдовательно, имѣются документальныя данныя, опровергающія возраженія Мартенса и его послѣдователя.

Но приведенными доказательствами не исчерпываются критическія возраженія противниковъ значенія патриціата: они указываютъ на недостовѣрность свидѣтельствъ современниковъ, говорящихъ о правахъ, связанныхъ съ саномъ патриція. Первое мѣсто между ними

---

[1]) Martens, p. 49. Niehues, p. 11.
[2]) Gregorovius, B. IV, p. 64.
[3]) Annales Altahenses, p. 811 и 813.
[4]) Vita Annonis, c. 6, p. 469.

Библиотека "Руниверс"

занимаетъ, безспорно, извѣстный борецъ за церковно-общественныя преобразованія, Петръ Даміани, бывшій въ Римѣ во время коронаціи Генриха III [1]). Даміани говоритъ о патриціатѣ въ трактатѣ [2]), посвященномъ разбору и устраненію всѣхъ возраженій, выдвигаемыхъ противъ законности избранія папы Александра II. Королевскій адвокатъ ссылается, между прочимъ, на перешедшія къ Генриху IV отъ его отца наслѣдственныя права, скрѣпленныя послѣдующимъ постановленіемъ папы Николая: „verum tamen tu hoc negare non potes quod pater domini mei regis piae memoriae Heinricus imperator factus est patricius Romanorum, a quibus etiam accepit in electione semper ordinandi pontificis principatum“ [3]). Это прямое и ясное свидѣтельство толкуется Мартенсомъ [4]) и его союзникомъ совершенно превратно, что и побудило дать точную выписку. Прежде всего они стараются увѣрить, что Даміани отдѣляетъ отъ „почетнаго титула“ патриція право влiять на замѣщеніе римской каѳедры. Основаніемъ является употребленіе Петромъ слова „etiam“, которое въ данномъ случаѣ вовсе не вноситъ „отдѣленія“, а наоборотъ выражаетъ соединеніе, поясняя въ чемъ состояли преимущества патриціата. Если принять во вниманіе общую связь изложенія и ходъ мыслей Даміани, то послѣднее пониманіе оказывается *единственно* возможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, спрашивается, почему Даміани заговорилъ о патриціатѣ, если это былъ „пустой титулъ безъ всякаго реальнаго значенія“? Вѣдь рѣчь идетъ какъ разъ о попранныхъ правахъ Генриха IV на замѣщеніе апостольскаго престола. Очевидно, что сторонники преимуществъ имперіи ссылались на нихъ, указывая два ихъ источника: 1) перешедшія къ Генриху отъ отца („ex paterno jure“) [5]) права патриція, 2) подтвержденныя папой Николаемъ II. Мартенсъ совершенно упускаетъ изъ виду и возраженія, къ которымъ прибѣгаетъ „защитникъ римской церкви“. Вѣдь онъ не говоритъ, что патриціатъ не имѣетъ

---

[1]) Op. 42, c. 6, p. 672. О пребываніи Петра въ Римѣ извѣстно только благодаря его совершенно случайной замѣткѣ.

[2]) Disceptatio synodalis Libelli, I, p. 77—94. См. Замѣтки, стр.16—18.

[3]) Disceptatio synodalis, p. 80.

[4]) Martens, p. 47—49. Niehues, II, p. 30—32. Мартенсъ въ сущности повторяетъ возраженіе Штейнгофа, p. 44.

[5]) Мартенсъ p. 49, повидимому, проглядѣлъ это мѣсто, иначе онъ не выражалъ бы своего недоумѣнія, какъ можно говорить, со словъ Даміани, о наслѣдственности патриціата.

Библиотека "Руниверс"

ровно никакого значенія и является измышленіемъ имперіалистовъ. Нѣтъ, онъ и не думаетъ нападать на патриціатъ вообще, признаетъ даже переходъ связанныхъ съ нимъ правъ къ Генриху IV, но ограничиваетъ ихъ примѣненіе въ частности, именно къ избранію Александра, ссылаясь на молодость короля, побудившую „общую мать" римскую церковь взять на себя полномочія его опекуна и соблюсти принадлежащія ему права" [1]). Мало того, чувствуя слабость подобной увертки, „защитникъ римской церкви" указываетъ на опасности, сопряженныя съ ожиданіемъ рѣшающаго слова отъ короля, пребывавшаго за тридевять земель [2]). Однимъ словомъ, нѣтъ и тѣни отрицательнаго отношенія къ патриціату, потому что „мы сами также, говоритъ защитникъ римской церкви, отстаиваемъ привилегію непобѣдимѣйшаго короля нашего и чрезвычайно желаемъ, чтобы онъ обладалъ ею постоянно и въ полной неприкосновенности".

Хотя Мартенсъ и утверждаетъ [3]), что Даміани ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій, кромѣ приведеннаго мѣста, не говоритъ о патриціатѣ, однако необходимо имѣть въ виду другое произведеніе Петра, такъ называемую „Liber gratissimus", гдѣ указывается на полученную Генрихомъ награду за искорененіе симоніи, за возстановленіе забытыхъ каноническихъ постановленій объ этой ереси. По словамъ Даміани „награда, дарованная Генриху божественнымъ Провидѣніемъ", состояла въ томъ, что „ad ejus nutum sancta Romana ecclesia *nunc* ordinetur ac praeter ejus auctoritatem apostolicae sedi nemo prorsus eligat sacerdotem" [4]). Это свидѣтельство Петра тѣмъ болѣе цѣнно, что оно находится въ сочиненіи, написанномъ вскорѣ послѣ Сутрійскаго собора [5]), въ 1052 году, слѣдовательно еще при жизни императора, когда еще были свѣжи воспоминанія о его вѣнчаніи на царство и пріобрѣтенныхъ тогда преимуществахъ, неоднократно примѣняемыхъ за послѣдующія нѣсколько лѣтъ.

Опираясь на сопоставленіе этихъ двухъ показаній Даміани, возможно очертить права, соединяемыя имъ съ патриціатомъ. Гизебрехтъ [6])

---

[1]) Ibid. p. 81. „ipsa (Romana ecclesia) tutoris officium subiit et jus, quod illi (regi) competebat, implevit".

[2]) „de tam longinquis terrarum spatiis nequaquam regiae clementiae prestolari possemus oraculum", ibid., p. 81.

[3]) *Martens*, p. 48—49.

[4]) Lib. Gratissimus, c. 38, p. 71.

[5]) Замѣтки, стр. 11.

[6]) *Giesebrecht*, Die Gesetzgebung der römischen Kirche zur Zeit Gregors VII,

Библиотека "Руниверс"

усматриваетъ въ немъ—„право указать новаго папу; послѣ чего слѣдовали выборы, если только они вообще происходили". Нигуесъ [1]) толкуетъ слова Даміани въ томъ смыслѣ, что „Генриху было предоставлено право при замѣщеніи апостольскаго престола торжественно посадить избраннаго на престолѣ св. Петра". „Ни о правѣ избранія, ни о правѣ назначенія здѣсь у Даміани нѣтъ и рѣчи". Такое непримиримое противорѣчіе коренится въ толкованіи выраженія „accepit in electione semper *ordinandi* pontificis *principatum*". Глаголъ „ordinare" въ подобныхъ сочетаніяхъ имѣетъ техническій смыслъ и обозначаетъ, по Дюканжу [2]), „ordines sacros et ecclesiasticos conferre, quod faciunt episcopi". Очевидно, однако, что Генрихъ не могъ совершать рукоположенія и, слѣдовательно, здѣсь „ordinare" употреблено лишь по аналогіи. Какъ совершенно правильно замѣчаетъ князь Е. Н. Трубецкой [3]), въ разсматриваемую эпоху нѣтъ прочно установленныхъ и ясно очерченныхъ терминовъ для выраженія различныхъ юридическихъ понятій, а потому нѣтъ никакой возможности придерживаться при толкованіи мѣстъ памятниковъ одного и того же значенія терминовъ. Бывали случаи, когда неясность и спутанность вносились намѣренно, причемъ заинтересованныя стороны толковали спорное мѣсто каждая въ свою пользу. Поэтому значеніе и права патриціата у Петра Даміани опредѣляются его поясненіемъ, что сообразно волѣ Генриха нынѣ происходитъ замѣщеніе римской церкви и никто не избираетъ безъ его вѣдома и согласія впредь римскаго первосвященника [4]). Такое толкованіе подтверждаютъ и другіе источники. Такъ, авторъ хроники дижонскаго монастыря св. Бенигна, писавшій около 1050 г., [5]) сообщаетъ, что Генрихъ приказалъ рукоположить (ordinari jussit) папу

---

p. 163: „Dies Recht bestand in der Denomination des römischen Bischofs". Zöpffel въ своемъ извѣстномъ трудѣ, Die Papstwahlen und mit Ihnen im nächsten Zusammenhänge stehenden Ceremonien, Göttingen, 1872, идетъ дальше, отрицая за римлянами всякое участіе въ выборахъ, гдѣ единственный рѣшающій голосъ принадлежалъ Генриху какъ патрицію, p. 75 сл.

[1]) *Niehues*, II, 31.

[2]) Glossarium, IV, p. 60.

[3]) „Идея божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII", стр. 389, пр Какъ образецъ можно привести и свидѣтельство Луна Протоспаѳарія, p. 59: „Clemens consecratus est a praedicto imperatore".

[4]) Другими словами, Генрихъ, какъ патрицій, то-есть намѣстникъ императора, получилъ принадлежащее ему право на „jussio ordinationis". См. *Heinemann*, p. 7 и Liber diurnus, formula 58, p. 48.

[5]) *Wattenbach*, II, p. 213.

Библиотека "Руниверс"

Климента [1]). Сборникъ записей, названный издателями „Римскими лѣтописями", говоритъ [2]) о возвышеніи Климента на „апостольскій престолъ" въ такихъ выраженіяхъ: „Генрихъ, по божьему милосердію, благочестивый и милостивый король, предназначилъ (praeordinavit) св. римской церкви достойнаго удивленія, святаго и милостиваго епископа, по имени Климента". Наконецъ, епископъ люттихскій Вазонъ въ письмѣ [3]) къ Генриху III, написанномъ вскорѣ послѣ смерти Климента II (1047 г.), также указываетъ, что этого папу „приказалъ рукоположить" (ordinari jussistis) король. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что Генрихъ имѣлъ рѣшающій голосъ при возвышеніи Климента. Вотъ почему рядъ [4]) хронистовъ сводитъ исключительно къ нему происшедшее въ 1046 г. замѣщеніе римской каѳедры. Но нѣтъ никакихъ основаній, опираясь на ихъ краткія свидѣтельства, достаточно отдаленныя и по времени и по мѣсту, устранять всѣ остальныя данныя, какъ дѣлаетъ Мартенсъ. Слѣдовательно, за патриціатомъ необходимо признать большое вліяніе на исторію отношеній между папствомъ и имперіей въ XI вѣкѣ. Теперь остается разсмотрѣть, когда же нѣмецкій король сдѣлался „римскимъ патриціемъ".

По цѣнному показанію Бенцона, Генрихъ, уже выступая съ предложеніемъ избрать Климента, дѣйствовалъ въ качествѣ римскаго патриція. Лишь въ Annales Romani сохранилось указаніе [5]), что этотъ санъ былъ принятъ *королемъ* Генрихомъ, слѣдовательно до возложенія на него императорскаго вѣнца, тогда какъ Левъ въ хроникѣ монтекассинскаго монастыря не даетъ точнаго опредѣленія, когда „римляне удѣлили Генриху почетное званіе патриція" [6]). Однако, какъ было уже указано выше, чрезвычайныя обстоятельства требовали правовыхъ основъ для вмѣшательства Генриха въ замѣщеніе апостольскаго престола. Послѣ тщательнаго обсужденія обращены были взоры на старину и оттуда почерпнута руководящая идея: „епископы и зако-

---

[1]) Chronicon S. Benigni Divionensis, p. 237.

[2]) Annales romani, p. 332. Событія, связанныя съ коронованіемъ Генриха III, разказаны современникомъ при его жизни: „rex Heinricus, qui in praesentia habetur".

[3]) Anselmi, c. 65, p. 228.

[4]) „papam fecit" Annales S. Pauli Virdunensis. p. 500. „Papam consituit": Marianni Scotti, p. 557. Lamperti, p. 60. Vita Heinrici, II, Imperatoris, c. 16, p. 799. Historiae Farfenses, c. 25, p. 573. Annales Hildesheimenses, p. 104, „substituit". Arnulfi Lib. III, c. 3, p. 18. „imposuit" Anonymus Haserensis, c. 36, p. 264.

[5]) Annales Romani, p. 332.

[6]) Leonis, II, c. 77, p. 683, „tunc temporis".

Библиотека "Руниверс"

новѣды", о которыхъ говоритъ Бонитонъ [1]), сослались на примѣръ Карла Великаго, бывшаго „королемъ франковъ и лангобардовъ и патриціемъ римлянъ". Въ этой ссылкѣ нѣтъ ничего подозрительнаго, способнаго внушить недовѣріе къ извѣстію Бонитона, такъ какъ документально засвидѣтельствовано употребленіе Генрихомъ подобнаго же титула [2]). Наконецъ, коренной и непримиримый противникъ іерократическихъ воззрѣній, Бенцонъ [3]), епископъ альбскій, поддерживаетъ епископа сутрійскаго, ихъ горячаго поборника, говоря, что Генрихъ со всѣми своими преемниками получилъ санъ патриція, подобно тому, „какъ мы читаемъ о Карлѣ". Да и въ „Римскихъ лѣтописяхъ" сохранилось указаніе [4]), что въ данномъ случаѣ оказывало воздѣйствіе воспоминаніе о Карлѣ и папѣ Адріанѣ. Въ высшей степени естественно, что при отсутствіи обоихъ главъ западно-христіанскаго міра „епископы и законовѣды" начали искать въ прошломъ приблизительно подобнаго положенія дѣлъ и остановили свое вниманіе на великомъ франкскомъ государѣ. Сходство напрашивалось невольно, такъ какъ Генрихъ какъ и Карлъ Великій, получилъ императорскую корону на Рождество при очень смутномъ положеніи дѣлъ [5]).

Итакъ, въ силу воздѣйствія прошлаго и затруднительнаго положенія дѣлъ въ настоящемъ Генрихъ принялъ санъ патриція до возложенія на свою главу императорской короны и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ принадлежащее патрицію, какъ намѣстнику императора [6]), право на рѣшающій голосъ при предстоящихъ выборахъ папы [7]). Нѣмецкіе изслѣдователи, съ Штейндорфомъ во главѣ, упускаютъ и зъ виду именно крайнюю необходимость для Генриха занять правовое, освященное „стариннымъ обычаемъ" и скрѣпленное примѣрами прошлаго положеніе по отношенію къ замѣщенію апостольскаго престола. Какъ извѣстно, для германскаго короля далеко не было безразлично, кто возложитъ на него „діадему міра", а потому онъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть руководства избраніемъ римскаго первосвященника. Задача Генриха сводилась къ тому, чтобы, не покидая почвы общепризнанныхъ каноническихъ постановленій,

---

[1]) Bonithonis, Lib. V, p. 630.
[2]) См. выше.
[3]) Benzonis, Lib. VII, c. 2, p. 671.
[4]) Annales Romani, p. 332, cp. Leges II. B., p. 167.
[5]) Cp. Hauck, IV, p. 590—1.
[6]) „Vicarius imperatoris" Benzonis Lib. VII, c. 2, p. 671.
[7]) Cp. Steindorff, I, p. 316 и 508.

Библиотека "Руниверс"

оставить за собой рѣшающій голосъ. Патриціатъ и далъ ему желанное право. Но оно должно было, хотя бы только формально, не нарушить избирательныхъ преимуществъ римскаго клира и народа, вотъ почему источники и говорятъ объ ихъ участіи въ возвышеніи Климента.

Вполнѣ понятно, что Генрихъ желалъ видѣть на престолѣ св. Петра человѣка испытанной преданности, способнаго обуздать римскую знать, искоренить нестроенія въ церкви и поставить великое дѣло преобразованій на прочную и надежную почву. Сохранилось извѣстіе [1]), что онъ первоначально думалъ выдвинуть кандидатомъ Адальберта бременскаго, на котораго смѣло могъ положиться въ виду его „неутомимой твердости", доказанной въ длинномъ рядѣ походовъ и трудовъ. Но епископъ этотъ былъ самымъ ярымъ сторонникомъ свободы церкви отъ феодальнаго гнета; ему вовсе не улыбалась мысль о предстоящей борьбѣ съ римскими баронами въ незнакомой, вдобавокъ, обстановкѣ. На родинѣ онъ занималъ выдающееся положеніе, пользовался вліяніемъ, имѣлъ полную возможность дѣйствовать съ большей самостоятельностью, чѣмъ на чужбинѣ; у него не было разсчета мѣнять вѣрное на призрачное, а потому поглощенный своими широкими планами относительно созданія сѣвернаго патріаршества, и онъ отклонилъ отъ себя почетное, но и опасное избраніе, указавъ на своего друга епископа бамбергскаго Свидгера.

Это былъ наиболѣе подходящій человѣкъ: капелланъ Генриха III [2]), стало быть ему лично хорошо извѣстный и преданный. онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ пользовался безупречной славой; кромѣ того, какъ епископъ бамбергскій онъ принадлежалъ отчасти къ римскому клиру, такъ какъ епископство бамбергское „было пожертвовано" римской церкви по дарственной его основателя, императора Генриха II [3]). Это обстоятельство могло до нѣкоторой степени устранить сомнѣнія и колебанія законниковъ. Самъ же Свидгеръ не хотѣлъ нарушать свой мистическій бракъ съ бамбергской церковью [4]) и отклонялъ отъ себя „обрученіе съ другою невѣстою". Въ его сѣтованіяхъ и жалобахъ, обращенныхъ къ бамбергскому клиру, видно нѣчто большее, чѣмъ дань „обычаю сопротивленія". Дѣйствительно,

---

[1]) Adami, Lib. III, c. 7, p. 337—338.

[2]) Annalista Saxo, p. 684.

[3]) Epistolae et decreta Benedicti VIII papae, p. 16245, № 25. Ср. Vita Heinrici, c. 27. p. 809.

[4]) Epistolae Clementis papae; II, № VIII, p. 588—590; Herimanni, p. 126.

Библиотека "Руниверс"

придерживаясь строго каноновъ, онъ долженъ былъ остаться „вѣрнымъ супругомъ“ и избѣгать духовнаго „двоеженства“. Но глубокая вѣра въ божественное предопредѣленіе, возводящее его на апостольскій престолъ, „повелѣвающій надъ небомъ и землей“, и стремленіе услужить „главѣ міра“, „матери всѣхъ церквей“, побудили его уступить настояніямъ избирателей, признавшихъ папой указаннаго Генрихомъ пастыря. Такимъ своеобразнымъ путемъ было соблюдено каноническое предписаніе, требовавшее избранія епископа клиромъ и народомъ.

Правда, Цöпфель [1]) самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ значеніе избирателей въ возвышеніи Климента, но современные памятники находятъ необходимымъ отмѣтить участіе клира и народа. Такъ, корвейскій лѣтописецъ, за которымъ Штейндорфъ [2]) признаетъ полную достовѣрность и современность, ни единымъ словомъ не обмолвился даже объ участіи Генриха III и приписываетъ [3]) возвышеніе Климента „единодушному избранію клира и народа“. Кардиналъ Бенонъ [4]) говоритъ, что „римская церковь, при помощи Генриха, избрала Климента“. Германъ Разслабленный упоминаетъ [5]) „о согласіи римлянъ и всѣхъ остальныхъ“, стало быть отводитъ и другимъ епископамъ голосъ въ избраніи общаго главы. Наконецъ, алтаихскій лѣтописецъ сообщаетъ [6]), что Климентъ получилъ „одобреніе всего клира и народа“, тогда какъ Дезидерій полагаетъ [7]), что онъ былъ „избранъ по общему рѣшенію“.

Само собой понятно, что Генрихъ вовсе не былъ склоненъ дѣйствовать совершенно самовластно: онъ нуждался въ поддержкѣ собора, въ сочувствіи и расположеніи римлянъ и относился къ предстоящему избранію съ полнымъ благоговѣніемъ: Бенцонъ сообщаетъ [8]), что по приказанію Генриха былъ отслуженъ молебенъ „съ пролитіемъ слезъ“ передъ тѣмъ какъ Генрихъ воспользовался правами патриція. Такимъ образомъ, благодаря вмѣшательству свѣтской власти, западно-христіанскій міръ получилъ духовнаго главу и „снова расцвѣло

---

[1]) Zöpffel, p. 81.
[2]) Steindorff, I, 480—481.
[3]) Annales Corbeienses, p. 6.
[4]) Benonis, II, c. 8, p. 378.
[5]) Herimanni, p. 126, Cp. Ottonis Chronicon Lib. VI, c. 32, p. 244.
[6]) Annales Altahenses, p. 803.
[7]) Desiderii, III, p. 1005. Cp. Bonithonis, Lib. V, p. 629.
[8]) Benzonis, VII, c. 2, p. 671.

Библиотека "Руниверс"

единство церкви" [1]), терзаемой расколомъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Но далеко не всѣ остались довольны возвышеніемъ Климента. Законниковъ смущало [2]), между прочимъ, то, что онъ „первый изъ столькихъ римскихъ епископовъ получилъ вторично посвященіе" [3]). Бернольдъ [4]) прямо называетъ избраніе Климента „неканоническимъ" и видитъ въ „ужасныхъ землетрясеніяхъ, постигшихъ преимущественно Италію", кару за это нарушеніе каноновъ. Рѣшительное и рѣзкое осужденіе образа дѣйствій Генриха высказываетъ и неизвѣстный авторъ сохранившагося лишь въ отрывкѣ посланія [5]). Левъ въ хроникѣ монтекассинскаго монастыря считаетъ [6]) возвышеніе епископа бамбергскаго „скорѣе необходимымъ, чѣмъ каноническимъ". На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Бонитонъ [7]).

Стало быть, въ средѣ поборниковъ каноническихъ предписаній, другими словами въ средѣ наиболѣе вліятельной и имѣющей самую твердую точку опоры въ общемъ настроеніи, избраніе Климента не считалось вполнѣ правомѣрнымъ. Съ другой стороны, возвышеніе на апостольскій престолъ второстепеннаго нѣмецкаго прелата задѣвало гордость жителей вѣчнаго города, по свидѣтельству Бонитона, оставшихся вѣрными клятвѣ, данной Григорію VI. Въ особенности должны были чувствовать недовольство тускуланцы, лишенные „своихъ правъ", а потому и готовые постоять за нихъ при первомъ же удобномъ случаѣ. Такъ обстоятельства, при которыхъ вступалъ на престолъ новый намѣстникъ апостоловъ, сулили въ будущемъ неурядицы, крамолы и козни, жертвой которыхъ онъ и долженъ былъ пасть.

Уже самая поспѣшность, съ какою дѣйствовали Генрихъ III и его папа, показываетъ, что они опасались неблагопріятнаго броженія умовъ какъ среди населенія вѣчнаго города, такъ и въ рядахъ нѣмецкаго ополченія, руководимаго главнымъ образомъ епископами. На другой день послѣ избранія Климента состоялось торжественное воз-

---

[1]) Benonis, II, c. 8, p. 378.

[2]) Bonithonis, Lib. V, p. 629.

[3]) Ср. Herimanni, p. 126; Benzonis Lib. VII, c. 2, p. 671; Annales Corbeienses, p. 6. Свидѣтельство ихъ дѣлаетъ излишними сомнѣнія Мартенса, такъ какъ они прямо говорятъ, что перемѣна имени была связана съ „посвященіемъ".

[4]) Bernoldi, p. 425.

[5]) Libelli I, p. 8—14. Ср. Замѣтки, стр. 4 - 8.

[6]) Leonis, Lib. II, c. 77, p. 682.

[7]) Bonithonis, Lib. V, p. 629.

Библиотека "Руниверс"

веденіе его на апостольскій престолъ, вслѣдъ за которымъ Генрихъ и Агнесса были увѣнчаны императорской короной въ храмѣ св. Петра. Такимъ образомъ исполнилось божественное „предопредѣленіе“ [1]); въ силу молитвъ св. Петра [2]) благодать претворила нѣмецкаго короля въ божьяго помазанника, возложила на него обязанность защищать чистоту вѣроученія и имущества церкви, отстаивать слабыхъ мечемъ, дарованнымъ Богомъ, обуздывать произволъ и насиліе для водворенія мира и единства, явныхъ признаковъ земнаго царствія Бога. „По обычаю“ императоръ и папа особымъ документомъ упорядочили взаимныя отношенія властей. Папа, въ качествѣ свѣтскаго владѣтеля, входилъ въ феодальный организмъ, а потому и несъ обязательства передъ императоромъ, какъ верховнымъ сюзереномъ. Поэтому Климентъ признаетъ императорское подтвержденіе необходимымъ предварительнымъ условіемъ посвященія не только папъ, но и другихъ епископовъ, которымъ на феодальныхъ началахъ были уступлены имперіей различныя права и преимущества [3]).

Генрихъ немедленно примѣнилъ къ дѣлу полномочія своего новаго положенія: вслѣдъ за коронаціей имъ былъ замѣщенъ рядъ вакантныхъ епископовъ. Такъ получили посвященіе отъ Климента нѣмецъ Гумфридъ, назначенный архіепископомъ равенскимъ, Видонъ, родственникъ императрицы, получившій санъ епископа піаченцскаго, и аббатъ Фульдскій [4]). Около этого же времени Генрихъ назначилъ своихъ ставленниковъ, по преимуществу изъ придворныхъ капелланов, въ Констанцъ, Страсбургъ и Вердюнъ [5]). Эти пополненія пробѣловъ въ средѣ нѣмецкаго епископата людьми, преданными и воспитанными въ духѣ преобладанія императорства, имѣли большое значеніе, такъ какъ отъ вѣрности епископовъ въ сущности зависѣло самое могущество нѣмецкаго императора.

Закрѣпивъ за собой новыми назначеніями поддержку столькихъ епископствъ Германіи и Италіи. Генрихъ, въ интересахъ своего сана и ожидаемаго наслѣдника [6]), долженъ былъ обезпечить свое положеніе въ вѣчномъ городѣ. Правда, онъ уже соединялъ въ своемъ лицѣ преимущества императора и могъ не назначать „императорскаго на-

---

[1]) Watterich, I, p. 23.
[2]) Benzonis, Lib. I, c. 10, p. 603.
[3]) Annales Romani, p. 332.
[4]) Annales Altahenses, p. 803.
[5]) Herimanni, p. 126.
[6]) Annales Altahenses, p. 803; Herimanni, p. 127.

Библиотека "Руниверс"

мѣстника"—патриція, оставляя за собой и этотъ санъ. Но уже въ пору слабости императорства въ Римѣ изъ среды мѣстной знати выдвинулся „городской патрицій", на котораго перешли права „защитника храма св. Петра", что и открыло возможность сильнѣйшимъ образомъ вліять на замѣщеніе апостольскаго престола. Въ послѣднее время этотъ санъ сдѣлался достояніемъ тускуланскихъ бароновъ [1]), которые въ качествѣ уполномоченныхъ римлянъ и назначали папъ „помимо выборовъ клиромъ и народомъ [2]). Такимъ патриціемъ былъ родной братъ Бенедикта IX Григорій, который и впослѣдствіи носилъ этотъ титулъ и предъявлялъ притязанія на связанныя съ нимъ права [3]). Императоръ былъ достаточно хорошо освѣдомленъ о положеніи дѣлъ въ Римѣ и долженъ былъ принять соотвѣтствующія мѣры для искорененія нестроеній. Выполненіе торжественно и всенародно принятыхъ обязательствъ защищать римскую церковь отъ всевозможныхъ посягательствъ требовало отъ Генриха устраненія „тиранніи тускуланцевъ". Но нельзя было обманывать себя надеждой на усмиреніе ихъ вооруженной рукой. Феодальное ополченіе, пришедшее въ Римъ исключительно въ видѣ почетной рати для обезпеченія коронаціи, считало уже цѣль похода достигнутой и торопилось возвратиться домой. Генриху и пришлось отпустить большую его часть на родину [4]). Оставшимися силами нечего было и думать одолѣть родовыя твердыни римской знати, не разъ уже заливаемыя нѣмецкой кровью.

Слѣдовательно, нужно было прибѣгнуть къ инымъ средствамъ. Наиболѣе простымъ и дѣйствительнымъ было—сосредоточить на своей особѣ преимущества и „городского патриція". И вотъ Генрихъ старается войдти съ римлянами въ новое соглашеніе и дѣйствуетъ на населеніе вѣчнаго города наиболѣе понятнымъ для него путемъ: щедрая раздача денегъ подготовила [5]) умы алчныхъ римлянъ въ желанномъ для императора направленіи. „Городской патрицій" былъ какъ бы ихъ представителемъ, ихъ уполномоченнымъ, естественно, что они могли избрать любое лицо по своему усмотрѣнію и передать ему отводимое клиру и народу право избранія римскаго первосвященника.

Политическая мудрость такимъ образомъ совмѣстно съ каноническе-

---

[1]) См. ихъ генеалогію M. G. T. VII, p. 563.

[2]) Bonithonis, Lib. V, p. 628; Heinemann, p. 16—18.

[3]) Bonithonis, Lib. V, p. 625 и Lib. VI, 642. Ср. Leonis Lib. II, c. 99, p. 695.

[4]) Herimanni, p. 127.

[5]) Chronicon S. Benigni Divionensis, p. 237.

Библиотека "Руниверс"

скими предписаніями внушали Генриху стремленіе сдѣлаться избранникомъ римлянъ. Упоенная блескомъ и пышностью празднествъ, польщенная домогательствами „владыки міра", толпа не замедлила провозгласить его своимъ патриціемъ и возложить на него знаки новаго сана [1]): источникъ говоритъ, что Генрихъ по волѣ римлянъ былъ увѣнчанъ золотымъ ободомъ [2]), который, по народному постановленію, онъ долженъ былъ носить и при императорской діадемѣ [3]). Бонитонъ выражаетъ свое явное неодобреніе этому переходу „тиранніи патриціевъ" въ новыя руки и удивляется, какъ Генрихъ, „имѣвшій высшее (императорскій санъ), можетъ добиваться „низшаго" (патриціатъ), какъ будто между мірскими санами есть какое-либо достоинство, обладающее большими полномочіями, чѣмъ императорское величество" [4]). По мнѣнію же епископа сутрійскаго, „умъ столь даровитаго мужа вовлекла въ заблужденіе увѣренность въ томъ, что онъ, благодаря этому сану, можетъ назначать римскаго первосвященника, тогда какъ нельзя императору, располагающему высшей властью, вмѣшиваться въ избраніе папы, тѣмъ болѣе нельзя человѣку подвластному „выступать съ подобными притязаніями". Несомнѣнно, что на такой же точкѣ зрѣнія стояли и всѣ законники, проникнувшіеся духомъ лжеисидоровыхъ декреталій, но Генрихъ былъ пока далекъ отъ подобныхъ сомнѣній. Онъ выполнилъ, какъ понималъ, лежавшій на немъ долгъ защитника римской церкви, тѣмъ, что, сострадая къ ея бѣдствіямъ, освободилъ вѣчный городъ отъ тиранніи (тускуланскихъ) патриціевъ. Даже у Бонитона это освобожденіе вызываетъ одобреніе и похвалу. Извѣстный энтузіастъ, Петръ Даміани [5]), изливается въ восторженномъ восхваленіи преобразовательной дѣятельности императора, о которомъ и „римская лѣтопись" говоритъ [6]), что онъ „вознесъ и прославилъ св. римскую церковь, искоренивъ, по божьему милосердію, терзавшую ее огромную ересь".

Дѣйствительно, первые шаги Генриха и Климента II направлены къ борьбѣ съ нестроеніями и закрѣпленію добытыхъ уже результа-

---

[1]) Ср. *Heinemann*, 20—22. Гейнеманнъ, отдѣляя „городской патриціатъ" отъ „установленнаго папой Стефаномъ" ничего не говоритъ о двукратномъ принятіи Генрихомъ сана патриція.

[2]) Annales Romani, p. 332.

[3]) Leonis II, c. 77, p. 683.

[4]) Bonithonis, Lib. V, p. 629—630.

[5]) Petri Damiani, Lib. Gratis., c. 38, p. 71.

[6]) Annales Romani, p. 332.

Библиотека "Руниверс"

товъ. Сохранилось указаніе [1]), что тускуланцы были „осуждены" и „понесли наказаніе" за свою „тираннію". Съ этой цѣлью императоръ покинулъ Римъ и взялъ нѣсколько мятежныхъ замковъ [2]): вскорѣ послѣ коронаціи, 1-го января 1047 года онъ пребывалъ въ самомъ центрѣ владѣній тускуланцевъ [3]), но уже 3-го возвратился въ вѣчный городъ [4]), гдѣ спустя два дня состоялся торжественный соборъ [5]). Стало быть, помимо матеріальнаго меча въ дѣло былъ пущенъ и духовный. Главнымъ предметомъ соборныхъ совѣщаній являлся вопросъ о симоніи и симонистахъ. Принятыя мѣры объявляли рѣшительную борьбу вторгшемуся въ самыя нѣдра церкви феодализму: соборъ призналъ подлежащими анаѳемѣ не только тѣхъ, „кто бралъ деньги за освященіе церквей и рукоположеніе клириковъ, но тѣхъ, кто продавалъ благочинія [6]), аббатства и „препозитуры" [7]), отдавалъ въ бенефицію „доходы съ алтарей" и самыя церкви" [8]). Такимъ образомъ не только продажа духовнаго сана за деньги, но и небезвозмездная передача храмовъ считалась симоніей, а потому не только церковники, но и міряне, извлекавшіе выгоды изъ построенныхъ ими церквей и учрежденныхъ монастырей, подлежали суровой карѣ. Преобразованія совершенно явственно становились на экономическую почву и защищали церковное достояніе отъ злоупотребленій, тѣмъ болѣе пагубныхъ, что права императора открывали широкій просторъ вмѣшательству мірянъ въ распоряженія церковными имуществами. На ряду съ ихъ расхищеніями свѣтскими владѣтелями шла продолжительная борьба между монахами и епископами, сопряженная съ вопросомъ о распредѣленіи монастырскихъ доходовъ и раздачей въ лены принадлежавшихъ обителямъ земель. Климентъ идетъ тутъ вслѣдъ за современными теченіями, отдававшими предпочтеніе самостоятельности монастырей: ему принадлежитъ рядъ грамотъ, подтверждающихъ за монастырями ихъ льготы и владѣнія, равно какъ и

---

[1]) Bonithonis Lib. V, p. 630.

[2]) Herimanni p. 127.

[3]) См. грамоту у Бемера № 1553, p. 78.

[4]) Boehmer № 1554 p. 78.

[5]) Iaffe p. 526.

[6]) «archipresbyratus» Ducange F. I, p. 368.

[7]) «Munus eccelesiasticum in ecclesiis cathedralibus, ad quod ecclesiarum praestationes et reditus praediorum recipiendi et administrandi cura pertinebat». Ducange T. VI, p. 462.

[8]) См. текстъ постановленія у Mansi XIX p. 627.

Библиотека "Руниверс"

утверждающихъ ихъ независимость отъ мѣстныхъ епископовъ [1]). Но и тутъ Климентъ старается стоять на почвѣ каноническихъ постановленій, а потому и возстаетъ противъ присвоеннаго аббатами нѣкоторыхъ монастырей преимущества выступать въ сандаліяхъ, поножахъ и далматикахъ. Въ грамотѣ, выданной фульдскому аббату. онъ прямо называетъ это присвоеніе запрещеннымъ св. канонами, а потому и не разрѣшаетъ употребленіе далматика и сандалій не только фульдскому аббату и его пріемникамъ, но и всѣмъ аббатамъ, настоящимъ и будущимъ, какіе только существуютъ на свѣтѣ". За нарушеніе грозило проклятіе св. Петра и анаѳема на страшномъ судѣ. Трудно видѣть въ этомъ распоряженіи Климента вліяніе Генриха, пожелавшаго возстановить мѣру, принятую его отцомъ относительно рейхенаусскаго аббатства [2]). Климентъ не „оправдываетъ" Конрада, а возстановляетъ попранныя предписанія каноновъ [3]). признавая дарованныя папами льготы „вынужденными тираніей злыхъ людей". Конрадъ вступился за попранныя права епископа костанцкаго [4]), тогда какъ Климентъ предоставляетъ [5]) фульдскому аббату и его преемникамъ, подобно епископамъ, episcoporum more, аппеллировать къ апостольскому престолу, слѣдовательно о защитѣ, въ данномъ случаѣ, правъ майнцскаго епископа нѣтъ и рѣчи.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошли акты созваннаго Климентомъ собора и его постановленія извѣстны лишь изъ отрывочныхъ выписокъ и не полнаго списка, перепечатаннаго Манзи. Если придать вѣру сохраненной Герохомъ [6]) редакціи запрещенія симоніи, то кара распространялась не только на продавцовъ, но и на нанимателей и покупателей. Нельзя не замѣтить. что Герохъ дѣлаетъ выписку съ сохраненіемъ характера соборнаго постановленія: рѣшеніе папы, сославшагося на авторитетъ древности, торжественно скрѣпляется общимъ согласіемъ. Стало быть, по редакціи [7]), сохраненной Герохомъ и болѣе полной, еще рѣзче выступаетъ стремленіе защитить церковное

---

[1]) Jaffe, № 4132, 4134, 4135, 4136, 4138, 4139, 4144, 4145, 4147.

[2]) Hauck, III, p. 592 и Трубецкой, стр. 392.

[3]) „Sanctorum patrum sanctionibus diversum". Migne, 142, p, 580.

[4]) „Sacris canonibus interdicitur". Herimanni, p. 121.

[5]) Migne, 142 № 11, p. 580.

[6]) Liber de simoniacis p. 250 и Commentarius in Psalmum XXV p. 425.

[7]) Противъ ея подлинности ничего не возражаетъ Сакуръ, принимающій, наоборотъ, испорченность текста, напечатаннаго у Манзи.

Библиотека "Руниверс"

достояніе отъ произвола мірянъ и искоренить всякія злоупотребленія, вызванныя перенесеніемъ феодальныхъ отношеній въ область церковную. Въ пользу Героха говоритъ и то обстоятельство, что самый ранній публицистическій трактатъ, посвященный симоніи, не отдѣляетъ продавцевъ отъ покупателей и церковные саны отъ имуществъ [1]). Равнымъ образомъ въ соборныхъ постановленіяхъ уже давно замѣчается желаніе отстоять, подъ угрозой духовныхъ каръ, церковные имущества и доходы отъ захвата ихъ, въ той или иной формѣ, мірянами.

Помимо вопроса о церковныхъ имуществахъ борьба съ симоніей выдвигала разсмотрѣніе дѣйствительности таинствъ, совершенныхъ симонистами. Тутъ мнѣнія знатоковъ каноническихъ постановленій разошлись въ совершенно противоположныя стороны. Одни, какъ авторъ упомянутаго публицистическаго посланія, считали, что симонисты, какъ еретики, не обладаютъ силой благодати, а потому ихъ богослуженія вызываютъ только гнѣвъ неба; общеніе съ ними ведетъ къ отлученію; само собою понятно, что и ихъ рукоположеніе не дѣлало никого служителемъ алтаря. Представителемъ инаго воззрѣнія является Петръ Даміани [2]), хорошо изучившій каноны и творенія отцовъ. Онъ признавалъ дѣйствительными таинства, совершенныя еретиками, и указывалъ на рядъ практическихъ затрудненій, вызываемыхъ осуществленіемъ крайняго требованія ревнителей. По его мнѣнію, симонія была распространена по царствамъ запада до такой степени, что не считалась подлежащей карѣ, признавалась совершенно правильнымъ явленіемъ, освященнымъ какъ бы законодательными постановленіями. „Въ виду этого, спрашиваетъ Петръ, въ чемъ прегрѣшилъ пришедшій въ душевной простотѣ въ свою мать церковь и получившій посвященіе тамъ же, гдѣ былъ возрожденъ крещеніемъ? Вѣдь не его дѣло было разсуждать о личныхъ свойствахъ посвящающаго, а потому онъ и считалъ правильнымъ получить рукоположеніе отъ своего епископа. Да и что ему было дѣлать, когда запрещено обращаться къ епископу другой епархіи“ [3]). Даміани требовалъ при рѣше-

---

[1]) Widonis monachi ad Heribertum archiepiscopum Mediolanensiem epistola p. 5—7. Cp. Rodulfi Glabri Lib. V, c. 5 p. 198.

[2]) См. главнымъ образомъ, его „Liber gratissimus“. Libelli I p. 17—75. „Замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка“. стр. 10—16 и „Петръ Даміани“ стр. 19 слѣд.

[3]) Lib. Gratissimus c. 27, p. 56.

Библиотека "Руниверс"

ніи этого вопроса „тщательнаго углубленія въ дѣянія и наставленія древнихъ отцовъ".

Папа Климентъ послѣ „продолжительнаго разслѣдованія" и преній постановилъ [1]), что, всякій, посвященный симонистомъ, даже если зналъ во время своего рукоположенія за симониста того, къ кому прибѣгнулъ для посвященія, карается сорокадневнымъ покаяніемъ и сохраняетъ полученный санъ". Такимъ образомъ восторжествовало болѣе умѣренное мнѣніе Даміани, бывшаго, какъ извѣстно, въ это время въ Римѣ и рукоположеннаго запятнаннымъ симоніею архіепископомъ равеннскимъ [2]). Слѣдовательно, и въ средѣ итальянскаго духовенства не было единства взглядовъ на участь посвященныхъ симонистами, а потому Гаукъ [3]) вполнѣ неосновательно противопоставляетъ „нѣмецкое воззрѣніе" крайнимъ требованіямъ Видона Арецскаго, единственно на томъ основаніи, что Бурхардъ Вормсскій въ своемъ собраніи приводитъ [4]) соборныя постановленія, признающія таинствомъ крещеніе, совершенное еретиками. Однако, эти же постановленія требуютъ возложенія рукъ на крещеныхъ еретиками, стало быть стоятъ ближе къ точкѣ зрѣнія ревнителей, а не Даміани.

Принятыя Климентомъ рѣшенія относительно симоніи открывали собой пору борьбы съ этою внѣдрившеюся въ тѣло церкви язвой. Оба руководителя западно-европейскаго міра выступали теперь противъ общаго зла. Правда, они съ первыхъ же шаговъ должны были сдѣлать уступки, принимая во вниманіе его распространенность. Но Генрихъ, считая симонію причиною различныхъ бѣдствій, голода, мора, войнъ, обнаруживалъ твердое намѣреніе искоренить продажу сановъ церковныхъ. Безвозмездное полученіе императорской діадемы укрѣпляло его въ принятомъ рѣшеніи и онъ обѣщалъ „даромъ раздавать духовныя должности" [5]). Само собою понятно, что ревнители должны были воспользоваться подобнымъ настроеніемъ и возобновлять свои крайнія требованія при удобныхъ случаяхъ, такъ какъ въ силу необходимости они преклонились передъ рѣшеніемъ папы, но остались глубоко убѣжденными въ своей правотѣ. Климентъ же, поставленный въ совершенно чуждыя и незнакомыя условія, не могъ проявлять самостоятельныхъ

---

[1]) Lib. Gratis., c. 37, p. 70.

[2]) Lib. Gratis., c. 29, p. 60. Любопытно, что эту главу опускали прежніе издатели.

[3]) Hauck III, p. 593.

[4]) Burchardi, Decretorum Lib. IV, cap. 39 cx. p. 754. Migne T. 140.

[5]) Rodulfi Glabri, Lib. V, c. 5, p. 697—8.

Библиотека "Руниверс"

воззрѣній и постоянно долженъ былъ считаться съ обычаями, укоренившимися при апостольскомъ престолѣ, и планами императора Генриха. Стало быть, при своей кротости, добротѣ и прекрасныхъ нравственныхъ качествахъ, онъ могъ содѣйствовать возстановленію нравственнаго величія апостольскаго престола, но не идти по собственному пути.

Такъ въ первый же день собора произошло препирательство между архіепископами миланскимъ и равеннскимъ и патріархомъ аквилейскимъ о почетномъ мѣстѣ по правую руку папы. Климентъ не зналъ, кто изъ соперниковъ правъ, и подвергъ ихъ притязанія соборному разсмотрѣнію. Всѣ они ссылались на древнія льготы и привиллегіи, предоставленныя ихъ церквамъ папами и засвидѣтельствованныя документально. Выслушавъ ихъ, папа предоставилъ высказаться сначала „римскимъ епископамъ (то-есть викаріямъ) и римскому клиру, такъ какъ за ними признавался большій авторитетъ и имъ было дѣло болѣе извѣстно". Тогда епископъ Іоаннъ портскій и канцелярій апостольскаго престола Петръ отдали предпочтеніе Равеннѣ. То же сдѣлалъ и извѣстный своей ученостью епископъ бриксенскій Попонъ, съ мнѣніемъ котораго согласился и соборъ, постановившій подъ страхомъ денежной пени и отлученія навсегда, что архіепископъ равенскій, въ отсутствіи императора, засѣдаетъ по правую руку папы „сообразно авторитету древняго установленія" [1]). Любопытно, что и тутъ, какъ и въ запрещеніи употребленія аббатамъ епископскаго облаченія, Климентъ нарушаетъ выданныя папой Іоанномъ XIX привиллегіи [2]). Предпочтеніе, оказанное Равеннѣ, оскорбляло Миланъ, гордившійся всегда своею церковью, основанною Варнавою и украшенною св. Амвросіемъ. Оно задѣвало и національную щепетильность итальянцевъ, тѣмъ болѣе что большинство епископовъ, засѣдавшихъ на соборѣ, были нѣмецкими прелатами и на ихъ рѣшеніе могло повліять непріязненное отношеніе къ распоряженію одного изъ тускуланскихъ папъ, равно какъ стремленіе поддержать притязанія своего собрата, вновь избраннаго архіепископа Равенны. Наконецъ, здѣсь очень возможно предположить извѣстную долю вліянія Генриха, явно стремившагося замѣщать итальянскія каѳедры нѣмцами и предоставлять имъ почетныя преимущества [3]). Воздѣйствіе императора сказывается, между про-

[1]) Clementis epistolae et privilegia № 3, p. 581—582.

[2]) Arnulfi, Lib. II, c. 5, p. 12.

[3]) Ср. постановленія Павійскаго собора 1046 г. о преимуществахъ Вероны Mansi XIX p. 617.

Библиотека "Руниверс"

чимъ, и въ признаніи святою затворницы Виборады, пострадавшей во время венгерскаго набѣга въ 926 году. Двумъ предшественникамъ Климента не удалось канонизовать нѣмецкую мученицу. Теперь аббатъ С. Галленскаго монастыря при поддержкѣ Генриха и Агнессы обратился къ папѣ съ просьбой причислить Виборaду къ лику святыхъ и представилъ ея житіе вмѣстѣ съ спискомъ совершенныхъ ею чудесъ. Климентъ не замедлилъ исполнить желаніе императора и даже выразилъ недовольство медлительностью аббата, не настоявшаго ранѣе на признаніи подвижницы святою [1]). Эта канонизація служитъ выраженіемъ стремленія людей XI вѣка обладать св. мощами въ возможно большемъ количествѣ, какъ наилучшимъ прибѣжищемъ въ бѣдахъ и напастяхъ. Неудача предшествующихъ попытокъ находитъ свое вѣроятное объясненіе въ недовольствѣ римскаго духовенства, бывшаго поставщикомъ св. предметовъ и мощей для всего запада. Мѣстныя святыни грозили уменьшеніемъ прилива богомольцевъ въ вѣчный городъ. Такимъ образомъ постановленія перваго римскаго собора, на которомъ присутствовалъ новый императоръ, показываютъ, что онъ готовъ былъ всею душою поддержать дѣло церковно-общественныхъ преобразованій, видя въ нихъ выполненіе одной изъ обязанностей своего сана.

Раздѣляя общее мистическое настроеніе, Генрихъ, однако, не придерживается въ своей дѣятельности опредѣленныхъ, строго выдержанныхъ плановъ: то онъ осыпаетъ [2]) щедрыми дареніями и разными льготами обители съ цѣлью обезпечить спасеніе своей души, и слѣдуя завѣтамъ Евангелія торжественно прощаетъ своимъ врагамъ и недругамъ [3]), то, подъ вліяніемъ случайныхъ побужденій обрушивается съ проявленіями своего гнѣва на фарфскаго аббата [4]), по проискамъ недовольныхъ бароновъ не доставившаго въ достаточномъ количествѣ припасы для содержанія двора и войска, то-есть, не отбывшаго надлежащимъ образомъ ту самую феодальную повинность (fodrum), отъ которой Генрихъ освободилъ перуджійскій монастырь въ честь св. Петра [5]). Императоръ наказалъ аббата Фарфы лишеніемъ сана и собственною властью назначилъ ему преемника, не озаботившись даже тщательнымъ разслѣдованіемъ дѣла, такъ какъ для него вопросъ о продовольствіи мно-

---

[1]) Casus S. Galli c. 3 p. 107 и Continuatio secunda c. 6, p. 156.
[2]) См. *Boehmer* p. 78. *Steindorff* I, p. 321—322.
[3]) Annales Altahenses p. 804.
[4]) Gregorii catinensis c. 6, p. 560.
[5]) *Boehmer* № 1554, p. 78.

Библиотека "Руниверс"

гочисленнаго ополченія, не помѣстившагося даже въ Римѣ [1]), имѣлъ огромную важность [2]). Пышныя празднества, пиры и торжественныя раздачи во время коронаціи требовали большихъ расходовъ, тяжелый итальянскій походъ былъ сопряженъ съ крупными издержками для участниковъ [3]) и Генрихъ, естественно, старался пополнить свою казну на счетъ богатаго имперскаго аббатства. Да и его дальнѣйшее поведеніе на югѣ Италіи, куда онъ предпринялъ, слѣдуя примѣру своихъ вѣнчанныхъ предшественниковъ, походъ, показываетъ, что для новаго императора „финансовыя соображенія" имѣли теперь рѣшающее значеніе.

Отпустивъ домой большую часть своего войска, Генрихъ, въ сопровожденіи Климента, выступилъ изъ Рима и уже въ концѣ января прибылъ въ Монтекассинскій монастырь. „Щедрые подарки обители и нѣсколько фунтовъ золота" [4]) братьи еще болѣе опустошили императорскую казну. Но одновременно происходило и ея пополненіе: недаромъ итальянцы запирали передъ „владыками міра" ворота своихъ городовъ, недаромъ они съ оружіемъ въ рукахъ боевыми кликами привѣтствовали „помощниковъ божьихъ"; обыкновенно нѣмцы предавались всякимъ излишествамъ въ богатой и прекрасной странѣ, обыкновенно ихъ государи извлекали изъ своего вѣнца матеріальную пользу и раздачей имперскихъ леновъ новымъ лицамъ поправляли свои разстроенныя средства. Генрихъ не представляетъ въ данномъ случаѣ исключенія: одною рукой онъ дѣлаетъ щедрыя подачки монастырямъ, другою грабитъ церковь, передавая въ лены ея достояніе. Тутъ онъ не считается съ традиціями императорской политики, не продолжаетъ дѣла своего отца, не вдумывается въ общее положеніе вещей, грозящее затрудненіями въ недалекомъ будущемъ, а извлекаетъ [5]) выгоды только въ настоящемъ: Конрадъ II отнялъ Капую у мѣстнаго тирана Пандульфа, угнетавшаго монтекассинцевъ [6]), и передалъ ее въ ленъ Ваймару. Теперь Генрихъ, получивъ отъ Пандульфа и его сына „много золота", возстановилъ ихъ въ прежнемъ владѣніи, не-

---

[1]) Annales Romani p. 332.

[2]) Herimanni, p. 126, Benzonis, Lib. I, c. 9—12 p. 602—603.

[3]) Adami, Lib. III, c. p. 337.

[4]) Leonis, Lib II c. 78, p. 683. Cp. Boehmer № 1556 p. 78.

[5]) Cp. *Hirsch*, Amatus von Monte Cassino und seine Geschichte der Normannen. Forsch z. d. Gesch. B. VIII, p. 279.

[6]) Leonis, Lib. II, c. 63, p. 671. Annales Altahenses p. 793.

Библиотека "Руниверс"

смотря на видимое недовольство капуанцевъ [1]). На югѣ Италіи осѣлись разбойники норманны, еще не получившіе правоваго положенія, грабившіе и терзавшіе святыни; даже монтекассинскій монастырь [2]) не разъ подвергался огромной опасности отъ ихъ хищныхъ нападеній. Теперь Генрихъ, скрѣпляя особою грамотой владѣнія древней обители, вводитъ грабителей въ число имперскихъ владѣтелей, получивъ отъ нихъ обильные дары: „Дрогонъ Апулійскій и Райнульфъ Аверсскій прибыли къ императору и преподнесли ему множество лошадей и огромную сумму денегъ", за что и получили императорскую инвеституру на всѣ захваченныя земли [3]).

Такое поведеніе защитника слабыхъ и угнетенныхъ понесло заслуженное возмездіе: жители города Беневента подвергли оскорбленіямъ тещу Генриха и при его приближеніи заперли свои ворота. И вотъ „могущественный императоръ" пытается наказать дерзкихъ, предпринимаетъ приступъ, но терпитъ неудачу, сжигаетъ предмѣстье [4]) и передаетъ Беневентъ „въ силу своего императорскаго авторитета" норманнамъ [5]), создавая тѣмъ самымъ яблоко раздора между Германіей, папствомъ и норманнами. Такимъ образомъ, Адамъ [6]) Бременскій имѣлъ основаніе считать германскій походъ „неудачнымъ".

Генрихъ не удовольствовался передачей Беневента „на потокъ и разграбленіе" хищникамъ и жестокосердымъ грабителямъ, онъ пустилъ въ дѣло и свое вліяніе на папу, „заставивъ его предать непокорныхъ беневентцевъ" отлученію [7]). Стало быть, Климентъ въ данномъ случаѣ оказался покорнымъ орудіемъ въ рукахъ императора.

Пребываніе Генриха на югѣ Италіи ознаменовалось въ то же время мѣрами противъ столь ненавистной ему симоніи. При его прибытіи въ Капую аббатъ мѣстнаго монастыря въ честь св. Викентія, запятнанный симоніей, бѣжалъ; на его мѣсто, по просьбѣ монаховъ, Генрихъ назначилъ нѣмца Ліутфрида [8]). Въ несомнѣнной связи съ постановленіями послѣдняго Римскаго собора стоитъ и разслѣдованіе обстоятельствъ возвышенія архіепископа салернскаго Іоанна, какъ

---

[1]) Leonis, Lib. II, c. 78, p. 683, Amati Lib. III, c. 3, p. 72.
[2]) Cp. Leonis, Lib. II. c. 69, p. 677 и c. 75, p. 681.
[3]) Leonis, Lib. II, c. 78, p. 683. Herimanni p. 126.
[4]) Herimani, p. 126. Annales Beneventani, p. 179.
[5]) Leonis, Lib. II, c. 78, p. 683.
[6]) Adami, Lib. III. c. 5, p. 337.
[7]) Annales Beneventani, p. 179. Leonis, Lib. II, c. 78, p. 683.
[8]) Steindorff, I, p. 328.

Библиотека "Руниверс"

показываетъ булла папы Климента II [1]). Тутъ папа вынужденъ былъ высказаться по вопросу, связанному съ обстоятельствами его собственнаго возвышенія: Іоаннъ былъ по желанію Ваймара, скрѣпленному „единодушнымъ избраніемъ клира и народа", переведенъ съ пестумскаго епископства на архіепископскій престолъ въ Салерно, слѣдовательно, и тутъ были нарушены каноны, запрещающіе переходъ епископовъ съ одной каѳедры на другую. Климентъ, подобно Бонитону и другимъ папистамъ, ссылается на „требованія необходимости" и большія выгоды для церкви, сопряженныя съ переходомъ, и признаетъ его законнымъ, если не было происковъ со стороны Іоанна или симонистической сдѣлки.

Разслѣдованіе показало чистоту побужденій и высокія нравственныя качества новаго архіепископа салернскаго, который и получилъ отъ папы палліумъ и подтвержденіе преимуществъ его каѳедры. И тутъ Климентъ не остался на стражѣ интересовъ „апостольскаго престола", такъ какъ подъ страхомъ анаѳемы запретилъ своимъ преемникамъ посвящать викарныхъ епископовъ Салерно, предоставивъ это право Іоанну и его преемникамъ; лишь ради посвященія и полученія палліума они должны были обращаться къ папамъ. Слѣдовательно, югъ Италіи, благодаря мѣропріятіямъ Генриха и Климента, сдѣлался и въ политическомъ и въ духовномъ отношеніи почти независимымъ отъ папства, имѣвшаго здѣсь множество поземельныхъ владѣній и монастырей. Само собою понятно, что болѣе энергичные и стойкіе „намѣстники Апостоловъ" должны были, въ силу своихъ жизненныхъ интересовъ, стремиться такъ или иначе вернуть утраченное. Такимъ образомъ, своекорыстная политика Генриха III подготовила послѣдующія событія, имѣвшія всемірно-историческое значеніе, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи императоръ стоялъ по прежнему на крайне узкой точкѣ зрѣнія.

Отступивъ отъ Беневента, Генрихъ предпринялъ обратный походъ въ Германію, щедро осыпая льготами и преимуществами различныя обители и епископства [2]). Онъ даже закрѣпилъ за однимъ изъ имперскихъ монастырей право свободнаго избранія аббата [3]). Обильныя даренія послужили также вознагражденіемъ за увозъ въ Германію мо-

---

[1]) Clementis Epistolae, № 7, p. 586—588.
[2]) *Boehmer*, p. 78.
[3]) *Steindorff*, B. I, p. 329.

Библиотека "Руниверс"

щей Видона Помпозскаго [1]). Епископу Кадалу пармскому были предоставлены полномочія графа [2]).

Однимъ словомъ, ничто въ поведеніи императора не обнаруживаетъ опасеній столкновенія между его собственными интересами и духовенствомъ. Онъ даже издаетъ общее постановленіе огромной важности, показывающее совершенно ясно, насколько чужда была Генриху идея государства и какъ охотно онъ дѣлалъ уступки первостепенной важности церковникамъ. Ссылаясь на постановленіе божественнаго Юстиніана, признавшаго за канонами силу законовъ, и на указъ Ѳеодосія, Генрихъ освободилъ „и въ гражданскихъ и въ уголовныхъ дѣлахъ" все духовенство, начиная съ епископовъ и кончая монахами и монахинями отъ принесенія присягъ [3]).

Здѣсь важно и признаніе за канонами одинаковаго значенія съ законами и ссылка на римское право, только начавшее выходить изъ забвенія, и широкая льгота церкви. При общемъ увлеченіи канонами логическія послѣдствія признанія ихъ государственной властью для себя обязательными открывали широкій просторъ вліянію законниковъ и идеаловъ лжеисидорова сборника.

Каноническое право, выросшее на почвѣ римскаго, содержало въ себѣ несравненно болѣе точекъ соприкосновенія съ нимъ, чѣмъ съ еще не сложившимся въ окончательной формѣ германскимъ. Предпочтеніе, оказанное Генрихомъ, установленіямъ „обоихъ законовъ, божескаго и человѣческаго", какъ бы исключало германскіе правовые обычаи изъ государственнаго обихода. Клирикъ, по лангобардской правдѣ, не пользовался исключительнымъ положеніемъ по отношенію къ присягѣ, но законъ Ѳеодосія запрещалъ клирикамъ приносить ее, ни одинъ канонъ не разрѣшалъ имъ произносить клятвы и Генрихъ всецѣло становится на точку зрѣнія, чуждую его племеннымъ законамъ; теперь все духовенство имѣло полное основаніе слѣдовать уже извѣстному примѣру архіепископа ліонскаго Галинарда.

Изъ пестрой смѣси феодальнаго міра обособлялось могущественное сословіе и его общія преимущества находили признаніе и поддержку со стороны государственной власти. Такая близорукая политика не замедлила повлечь за собой самыя плачевныя послѣдствія для свѣтской власти.

---

[1]) Herimanni, p. 127.

[2]) *Boehmer*, № 1562.

[3]) Constitutio de juramento calumniae, Leg. II, p. 41.

Библиотека "Руниверс"

Очевидно, что шагъ за шагомъ императорство должно было отступать и очищать временно занятое положеніе по слабости и недостатку свѣдѣній о своихъ правахъ у настоящаго „владыки міра". Генрихъ отворачивался отъ германскихъ правовыхъ воззрѣній, римскихъ не зналъ, какъ и почти всѣ его современники; что же онъ могъ противопоставить напору законниковъ, ссылавшихся на постановленія тѣхъ самыхъ каноновъ, которые были возведены на степень законовъ? Конечно, не разрозненныя правовыя нормы обычая, не въ сущности почти невѣдомый сводъ постановленій римскихъ императоровъ, а уже объединенныя и тщательно изучаемыя рѣшенія соборовъ и св. отцовъ, признаваемыя всѣми за истину, должны были служить руководствомъ въ путаницѣ существовавшихъ отношеній и нетрудно предвидѣть, чьи притязанія должны были взять верхъ, если борьба пріиметъ характеръ оцѣнки правъ столкнувшихся сторонъ.

При своемъ преклоненіи передъ канонами Генрихъ могъ занимать властное положеніе по отношенію къ папству лишь до тѣхъ поръ, пока ему не подчеркнули „декреты св. отцовъ и постановленія соборовъ", указывающіе на незаконность его мнимыхъ правъ, на опасность примѣнять ихъ для его загробнаго блаженства. Правда, императоръ пока ведетъ себя какъ полновластный господинъ; папа, его ставленникъ, лишь оказываетъ услуги. Но такой порядокъ вещей былъ все-таки, съ точки зрѣнія средневѣковаго человѣка, явленіемъ исключительнымъ, не имѣвшимъ опоры въ прошломъ, а стало быть и будущемъ [1]). Онъ существуетъ временно, въ зависимости отъ личныхъ особенностей „намѣстника Апостоловъ", не подготовленнаго къ управленію міромъ, къ пониманію предстоящей роли папства. Повидимому, даже оно должно занять, вслѣдствіе слабости его представителя еще болѣе второстепенное положеніе: продолжая оставаться несамостоятельнымъ, Климентъ II, спутникъ Генриха, дѣлаетъ новую уступку въ ущербъ „апостольскому престолу", мало склонному къ поддержкѣ митрополитовъ: архіепископъ бременскій Адальбертъ, мечтавшій изъ своего Гамбурга сдѣлать „сѣверный Римъ", получилъ отъ папы не только подтвержденіе всѣхъ привилегій гамбургской церкви, но и по „просьбѣ императора Генриха" право на особое отличіе [2]). Это было закрѣпленіемъ самостоятельности гамбургской церкви, краеугольнымъ камнемъ

---

[1]) Cp. Petri Damiani, Lib. Gratis., c. 38, p. 71.

[2]) Jaffe, № 4146, p. 527, „super baccum equitandi licentiam". См. Du Cange, T. V, p. 565.

Библиотека "Руниверс"

для выполненія широкихъ плановъ Адальберта. Точно также, „по просьбѣ Генриха", были закрѣплены и преимущества трирской архіепископіи [1]).

Слѣдовательно, нѣмецкія епископства получали широкія права, нѣмецкіе прелаты занимали высшія духовныя должности въ Италіи, гдѣ нѣмцы сидѣли теперь, не говоря о Римѣ, въ Равеннѣ, Веронѣ, Монтекассино и другихъ менѣе важныхъ городахъ и аббатствахъ. Такой образъ дѣйствій папы ухудшилъ его положеніе. Лишенный личнаго почета Климентъ не внушалъ уже къ себѣ прежняго чувства, какъ представитель поры обновленія. Въ ряды даже умѣренно настроенныхъ ревнителей закрадывается недовольство, ярко сказывающееся въ письмѣ Петра Даміани къ папѣ. Оказывается, что Генрихъ неоднократно просилъ Даміани доводить до свѣдѣнія папы о положеніи церковныхъ дѣлъ въ окрестныхъ областяхъ и лично совѣтовать ему, какія необходимо принять мѣры. Но настойчивыя даже просьбы вызвали отговорки, затѣмъ прямой отказъ и императору пришлось отдать рѣшительное повелѣніе, которое, однако, не было выполнено Петромъ. Получивъ отъ Генриха письма для передачи папѣ, онъ отправилъ ихъ къ Клименту съ яснымъ выраженіемъ нежеланія быть при „намѣстникѣ Апостоловъ" и своеобразнымъ выясненіемъ своего поведенія. Даміани прямо спрашиваетъ у Климента, „что пользы, государь мой, если мы говоримъ, будто апостольскій престолъ возратился отъ мрака къ свѣту, разъ сами остаемся въ томъ же мракѣ? Что толку, если кто-либо держитъ подъ запоромъ множество жизненныхъ припасовъ, а самъ погибаетъ отъ голода? Что толку, если кто-либо опоясывается прекрасно сдѣланнымъ мечемъ и не поражаетъ имъ отряды враговъ? Вѣдь тебя всемогущій Богъ вмѣсто себя положилъ въ народъ какъ нѣкую пищу; посредствомъ тебя Онъ вооружилъ силы своей церкви противъ напора всѣхъ ея противниковъ, дабы ты постарался съ небесною доблестью пронзить грудь возстающихъ на Бога и насытить дарами св. слова насъ, смиренныхъ и голодныхъ. Но видя фанскаго разбойника, проклятаго и отлученнагó даже тѣми, кто не былъ, а лишь назывался папой, озимскаго епископа, погрязшаго въ столь многочисленныя и столь неслыханныя преступленія, равно какъ и другихъ, подлежащихъ подобному же приговору, возвратившимися отъ васъ съ такимъ наглымъ ликованіемъ, мы были вынуждены перемѣнить на скорбь свои радостныя надежды. Вѣдь мы

[1]) Jaffe, № 4151, p. 528.

Библиотека "Руниверс"

надѣялись, что ты долженъ избавить Израиля. Вотъ почему, блаженнѣйшій государь, постарайся поднять столь попранную и униженную правду" [1]).

Стало быть, глава средне-итальянскаго преобразовательнаго движенія громогласно выражалъ разочарованіе въ Климентѣ и не оказывалъ ему ни словомъ, ни дѣломъ поддержки. Повидимому, въ Римѣ также не все было благополучно, такъ какъ Климентъ избѣгалъ оставаться въ его стѣнахъ послѣ удаленія Генриха. Несчастный папа утратилъ теперь свою единственную опору: крайніе законники, умѣренные преобразователи, сторонники независимости отъ нѣмецкаго вліянія—всѣ были настроены противъ Климента. Его возвышеніе не вернуло золотой апостольскій вѣкъ, на что намекала самая перемѣна имени; выборъ Генриха не оправдалъ общихъ ожиданій: Климентъ II не оказался достойнымъ носителемъ имени своего тезки, ученика св. Петра, противника Симона волхва [2]). „Добрый и милостивый", но неэнергичный папа самъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ [3]). Его душевное настроеніе прекрасно обрисовываетъ одно изъ послѣднихъ его посланій, письмо къ клиру и народу бамбергской церкви [4]). Здѣсь Климентъ изливается въ своихъ чувствахъ къ своей „законной невѣстѣ": „ни одинъ супругъ не бываетъ такъ безукоризненно вѣренъ своей женѣ, не любитъ ее такъ пламенно, какъ я васъ". „Оторванный отъ сладчайшей невѣсты", онъ затрудняется выразить словами свое горе и свою глубокую скорбь и на высотѣ апостольскаго престола помнитъ „свою подругу, свою сестру, свою невѣсту, свою голубицу", желая, чтобъ его величіе, незаслуженное, но Богомъ дарованное, послужило ей на пользу, а потому и закрѣпляетъ за „дражайшей невѣстой, цѣломудреннѣйшей дѣвой, прекраснѣйшей бамбергской церковью" ея теперешнія и будущія владѣнія отъ всякихъ посягательствъ императоровъ, королей, герцоговъ, маркграфовъ и другихъ свѣтскихъ владѣтелей, равно какъ архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ. Отлученіе и адскія муки ждали нарушителей ея привиллегій, тогда какъ на ея защитника призывалось божье благословеніе. Это было почти предсмертное распоряженіе папы, впавшаго въ тяжкую болѣзнь [5]) и вскорѣ перешедшаго въ лучшій міръ. Въ итальянскихъ лѣтописяхъ

---

[1]) Petri Damiani Epist. Lib. I, № 3, p. 208.
[2]) Ср. Langen, p. 441.
[3]) Benzonis, Lib. VII c. 2, p. 671.
[4]) Clementis epistolae, № VIII, p. 588—590.
[5]) *Jaffe*, № 4148, p. 527.

Библиотека "Руниверс"

сохранилось извѣстіе [1]) о насильственной смерти Климента, отравленнаго Бенедиктомъ IX, и Грегоровіусъ находитъ [2]), что „было бы глупо сомнѣваться въ этомъ". Штейндорфъ, однако, относитъ разказъ о кубкѣ съ ядомъ къ области басенъ [3]), но нельзя придавать „римскимъ лихорадкамъ" слишкомъ преувеличеннаго значенія, тогда какъ именно смерть Климента послужила первою ступенью для предпринятой тускуланцами попытки снова добиться преобладанія въ вѣчномъ городѣ. Умирая Климентъ больше чувствовалъ себя епископомъ бамбергскимъ, чѣмъ папой и выразилъ желаніе, чтобы его прахъ былъ перенесенъ въ Бамбергъ [4]). Впрочемъ, римскія событія исключали самую мысль о погребеніи нѣмецкаго папы въ стѣнахъ „столицы міра". Итакъ, первый „намѣстникъ Апостоловъ", вступившій на „престолъ св. Петра" по желанію Генриха, палъ искупительною жертвой и даже отдаленное потомство считало его „безумцемъ" за согласіе принять тіару при жизни Григорія VI [5]).

Смерть Климента открывала вопросъ, кто и какимъ путемъ займетъ осиротѣвшій „престолъ вселенной". Клятвенное обязательство римлянъ заставляло ихъ быть вѣрными Генриху. Санъ патриція передавалъ дѣло въ руки императора. Сторонники „каноническихъ выборовъ" должны были отстаивать избирательныя права клира и народа. Не всѣ, какъ извѣстно, признавали законнымъ самоотреченіе Григорія, считая его дѣйствовавшимъ по принужденію лицъ, не имѣвшихъ никакого права судить папу. Наконецъ, и у Бенедикта были сторонники. Съ точки зрѣнія строгихъ законниковъ онъ не смѣлъ слагать съ себя санъ папы [6]) и оставался, пока жилъ, дѣйствительнымъ епископомъ Рима. Да и его родственники, тускуланскіе бароны, продолжали считать себя полномочными распорядителями „каѳедры св. Петра". Будучи ближе всѣхъ къ Риму, располагая силой золота и меча, они первые приняли рѣшительныя мѣры для возрожденія прежняго, излюбленнаго порядка вещей. Къ нимъ примкнулъ старый противникъ нѣмецкаго преобладанія, могущественный маркграфъ тосканскій, Бони-

---

[1]) Lupi p. 59. Annales Romualdi, p. 404.

[2]) *Gregorovius*, IV, p. 67.

[3]) *Steindorff*, II, p. 28.

[4]) *Jaffe*, № 4152, p. 528. Хотя эта булла и считается подложной, но желаніе Климента быть погребеннымъ въ Бамбергѣ весьма правдоподобно. Ср. Herimanni p. 127. Epistolae Leonis IX, № 75, p. 699. Annales Altahenses p. 804.

[5]) *Watterich*, I, p. 716.

[6]) „Benedictus sepsum *injuste* privans". *Watterich*, I p. 714.

Библиотека "Руниверс"

фацій [1]), съ помощью котораго Бенедиктъ снова овладѣлъ „апостольскимъ престоломъ". Алчные римляне раздѣлились и большая часть ихъ признала совершившійся переворотъ [2]). Другая отправила къ Генриху легатовъ съ усиленными просьбами, какъ „рабы господина и какъ сыновья отца, о дарованіи святой римской церкви и всему міру пастыря, цѣломудреннаго, милостиваго, украшеннаго добрыми нравами". Очевидно, предстояло столкновеніе между итальянскими вельможами и ихъ ставленникомъ и могущественнымъ императоромъ, такъ какъ нельзя было расчитывать на признаніе имъ Бенедикта.

Римское посольство застало Генриха въ Фульдѣ, получило вполнѣ почетный пріемъ и было осыпано подарками [3]), но въ душѣ „римскаго патриція" уже лежали сѣмена колебанія и неувѣренности въ своихъ правахъ: онъ обратился за совѣтомъ къ лучшему знатоку каноновъ въ средѣ германскаго духовенства, епископу люттихскому, Вазону, съ указаніемъ, что выборы римскаго первосвященника послѣдуютъ въ день Рождества Христова [4]). Вазонъ, „по обыкновенію, обратился къ изслѣдованію дѣяній римскихъ первосвященниковъ, ихъ декретовъ, подлинныхъ каноновъ и капитуляріевъ". Тщательно ихъ пересмотрѣвъ, „онъ не нашелъ ничего другаго", какъ, что „верховному первосвященнику слѣдуетъ оказывать величайшую честь, какой бы жизни онъ ни былъ"; никто не имѣетъ права его судить, да и вообще „нельзя принимать обвиненій отъ низшихъ, взведенныхъ ими на высшихъ". Руководясь этимъ, „отважнѣйшій защитникъ чистой истины", рѣшилъ дать императору „непріятный отвѣтъ": „Пусть подумаетъ ваша свѣтлость, не по божьей ли волѣ престолъ верховнаго первосвященника, низложеннаго тѣми, кому не надлежало, сохраненъ для него, такъ какъ поставленный по вашему повелѣнію на его мѣсто своею смертію какъ бы очистилъ путь для оставшагося въ живыхъ. Разъ вамъ было угодно обратиться ко мнѣ за совѣтомъ, то пусть перестанетъ ваше величество питать желаніе поставить кого либо на мѣсто того, кто еще живъ, ибо этого не дозволяютъ ни божескіе, ни человѣческіе законы, а св. отцы и словесно и письменно единогласно утверждаютъ, что верховнаго первосвященника никто не можетъ судить, кромѣ одного только Бога. Свидѣтельствую Богомъ и клятвой, которую я,

---

[1]) Annales Romani p. 333 „qui papam canonice depositum in pontificem reduxisti".

[2]) Liber pontificalis p. 272. Leonis ostiensis Lib. II c. 78 p. 683.

[3]) Annales Romani p. 332.

[4]) Anselmi, c. 65 p. 228.

Библиотека "Руниверс"

недостойный священнослужитель, принесъ вамъ, что въ этомъ дѣлѣ я не могъ ни придумать, ни отыскать болѣе справедливаго, болѣе правильнаго рѣшенія".

Спрашивается, кого имѣлъ въ виду Вазонъ, Бенедикта ли IX или Григорія VI? Ни одинъ изслѣдователь, однако, не поднималъ этого вопроса, ограничиваясь утвержденіемъ, что епископъ люттихскій заступался за несчастнаго Іоанна Граціана. Но въ пользу этого общераспространеннаго мнѣнія не было приведено никакихъ доводовъ. Неизвѣстно даже съ точностью, живъ ли былъ Григорій VI въ моментъ кончины Климента, такъ какъ Бонитонъ неопредѣленно говоритъ [1]): „спустя немного времени послѣ прибытія къ берегамъ Рейна Іоаннъ заболѣлъ и скончался." Изъ показанія же Бенона [2]) скорѣе можно заключить, что Григорій VI не пережилъ Климента: кардиналъ сообщаетъ мимоходомъ, что „Григорій VI умеръ въ изгнаніи, а Гильдебрандъ остался наслѣдникомъ его вѣроломства и его денегъ. *Въ то же время* умеръ папа Климентъ". Повидимому, Бенонъ, подобно Бонитону, считаетъ кончину Григорія послѣдовавшею ранѣе смерти Климента. Стало быть, Вазонъ не могъ указывать Генриху на Іоанна Граціана. Наоборотъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Бенедиктъ пережилъ Климента. Далѣе, личная жизнь Григорія VI не имѣла ни малѣйшаго пятна, преступленія Бенедикта общеизвѣстны, слѣдовательно ссылка на неподсудность папы, *каковъ бы ни былъ его образъ жизни*, умѣстна только при намекѣ на тускуланскаго папу. Обыкновенно считаютъ, что Генрихъ назначилъ преемника Григорію VI, но, какъ извѣстно, послѣднимъ былъ низложенъ на римскомъ соборѣ Бенедиктъ, такъ что Вазонъ могъ считать Климента его преемникомъ. Наконецъ, возможная ссылка на добровольный отказъ отъ тіары Бенедикта, исключающій рѣчь о низложеніи, опровергается словами самого Генриха, писавшаго Бонифацію, что Бенедиктъ „канонически низложенъ" [3]). Итакъ, несравненно вѣроятнѣе, что Вазонъ высказался въ пользу тускуланскаго папы. Епископъ люттихскій не былъ одинокимъ: дошедшее, къ крайнему сожалѣнію, лишь въ отрывкѣ посланіе неизвѣстнаго автора, возникшее около этого времени [4]), также находитъ законнымъ возстановленіе Бенедикта, основываясь на примѣрѣ папы

[1]) Bonithonis, lib. V p. 630. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ идетъ сообщеніе о смерти Климента, p. 631.

[2]) Benonis, II c. 8 p. 378.

[3]) Annales Romani: „canonice depositum", p. 333.

[4]) Замѣтки стр. 6.

Библиотека "Руниверс"

Либерія и другихъ соображеніяхъ [1]). Въ высшей степени важно, что по этому посланію Григорій VI уже умеръ во время возвращенія Бенедикта [2]). Очень можетъ быть, что тускуланцы отважились на захватъ тіары ихъ ставленникомъ, лишь узнавъ изъ писемъ Гильдебранда [3]) о кончинѣ Іоанна Граціана, освобождавшей римскій народъ отъ данныхъ ему клятвенныхъ обязательствъ.

Но Генрихъ III не дождался отвѣта Вазона [4]): римскія событія не позволяли откладывать дѣло и руководиться приходилось стремленіемъ сохранить занятое положеніе. Снова былъ выдвинутъ на первый планъ санъ патриція [5]) и Генрихъ назначилъ [6]) Поппона, епископа бриксенскаго, римскимъ первосвященникомъ въ присутствіи „великаго множества епископовъ, аббатовъ, графовъ, маркграфовъ и другихъ вельможъ". Римская лѣтопись считаетъ, что и это избраніе произошло „сообразно декретамъ св. отцовъ" [7]). Послѣ указанія императора на торжественномъ собраніи посольство прибѣгло къ просьбамъ о назначеніи именно Поппона и, такимъ образомъ, пыталось сохранить обликъ каноническаго избранія [8]). Просьба римлянъ была уважена и имперскіе вельможи выразили свое согласіе на возвышеніе Поппона.

Въ виду этого согласія Генрихъ могъ смѣло расчитывать на поддержку своихъ свѣтскихъ и духовныхъ вассаловъ въ случаѣ, если ихъ общій избранникъ встрѣтитъ какія-либо затрудненія. Для ихъ устраненія впередъ направилось римское посольство въ сопровожденіи нѣсколькихъ епископовъ [9]). Бонифацію тосканскому было предписано проводить новаго папу въ Римъ и возвести его на престолъ св. Петра [10]). Но едва Поппонъ прибылъ къ маркграфу, какъ тотъ сталъ уклоняться отъ выполненія возложеннаго на него Генрихомъ порученія: онъ сослался на свою старость и на возвращеніе римлянами прежняго папы, который умиротворилъ всѣхъ и пользуется тою же властью, какою обладалъ. Епископу бриксенскому пришлось обратно возвра-

---

[1]) Libelli T. I p. 9 сл.
[2]) Ibid p. 12: „vocatione mortis excesserit".
[3]) Ср. Benonis, II c. 8 p. 378.
[4]) Anselmi c. 65 p. 229.
[5]) Bonithonis, Lib. V p. 631.
[6]) Lamperti, p. 61.
[7]) Annales Romani, p. 333.
[8]) Annales Altahenses, p. 804.
[9]) Annales Romani, p. 333. Annales Altahenses, p. 804.
[10]) Bonithonis, lib. V p. 631.

Библиотека "Руниверс"

титься къ императору съ извѣстіями объ отказѣ Бонифація. Генрихъ пригрозилъ немедленнымъ своимъ походомъ, если маркграфъ не устранитъ плоды своей алчности, сказавшейся въ поддержкѣ канонически низложеннаго папы. Согласіе князей дѣлало не пустою эту угрозу и по неволѣ пришлось приступить къ выполненію непріятныхъ повелѣній. Легатъ Бонифація выгналъ Бенедикта, а Поппонъ въ сопровожденіи маркграфа вступилъ въ Римъ и занялъ апостольскій престолъ подъ именемемъ Дамаза. Снова было избрано имя папы первыхъ вѣковъ христіанства, какъ залогъ возвращенія къ порядкамъ первоначальной апостольской церкви и искорененія закравшихся нестроеній.

Но Дамазъ, человѣкъ ученый [1]) и гордый [2]), овладѣлъ тіарой, „опираясь на императорскій авторитетъ" [3]); онъ не располагалъ единодушнымъ согласіемъ римлянъ и даже былъ обязанъ насилію своимъ высокимъ саномъ. Побѣжденнымъ оставалось только мщеніе и Дамазъ могъ оставаться въ Римѣ, пока съ нимъ были приведшіе его отряды. Вскорѣ послѣ своего возведенія на „апостольскій престолъ" новый папа уже ищетъ убѣжища у враговъ тускуланцевъ кресценціевъ: въ занятой ими Палестринѣ Дамаза постигла внезапная смерть [4]). Опять пошли толки объ отравленіи, такъ какъ не прошло и мѣсяца послѣ его прибытія въ Римъ. Прахъ Дамаза не нашелъ себѣ мѣста въ стѣнахъ вѣчнаго города и былъ погребенъ внѣ его стѣнъ въ храмѣ св. Лаврентія [5]).

Смерть Дамаза устрашила римлянъ [6]) и они поспѣшили новымъ посольствомъ отклонить отъ себя проявленія императорскаго гнѣва. За Альпы вновь было отправлено посольство. Римляне думали положить предѣлъ частымъ перемѣнамъ выборомъ лица, стяжавшаго любовь среди жителей „столицы міра" и уважаемаго за свою подвижническую жизнь. Ихъ кандидатомъ былъ архіепископъ ліонскій, Галинардъ, извѣстный своимъ краснорѣчіемъ и знаніемъ мѣстнаго нарѣчія [7]). Уже этотъ выборъ показываетъ, что итальянцы желали имѣть папу, до-

---

[1]) Benzonis, Lib. VII, c. 2, p. 671.
[2]) Bonithonis, Lib. V, p. 631.
[3]) Disiderii, Lib. III, p. 1006.
[4]) Leonis, Lib. II, c. 79, p. 683.
[5]) Benonis, II, c. 8, p. 378. Liber pontificalis, p. 274. Herimanni p. 128.
[6]) Bonithonis, Lib. V, p. 631.
[7]) Cronicon S. Benigni Divionensis, p. 237.

Библиотека "Руниверс"

ступнаго ихъ просьбамъ, могущаго вступить въ личныя сношенія съ своею паствой, а не чужеземца, непонимающаго даже языка своихъ духовныхъ чадъ.

Выразивъ свое желаніе, римляне предоставляли окончательное рѣшеніе императору, въ которомъ даже встрѣтили сочувствіе своему выбору. Но Галинардъ самъ уклонился отъ опаснаго сана. Да и изъ нѣмецкихъ епископовъ никто не желалъ занять смертоносную каѳедру [1]). Замѣщеніе „апостольскаго престола" затянулось, благодаря этимъ отказамъ, почти на полгода и Генрихъ изъ Саксоніи, куда къ нему прибыло посольство, направился во Франконію, расчитывая „найдти въ Лотарингіи епископа, котораго можно было бы дать римлянамъ въ качествѣ верховнаго первосвященника". Въ этой полуроманской, полугерманской области скорѣе можно было найдти прелата, удовлетворяющаго желанію римлянъ, чтобъ ихъ пастырь разумѣлъ языкъ своей паствы.

Въ Вормсѣ Генрихъ назначилъ имперскій сеймъ, куда во множествѣ явились духовные и свѣтскіе сановники [2]). Римское посольство, повидимому, сопровождало императора во время его переѣзда изъ Саксоніи къ берегамъ Рейна, такъ какъ присутствіе его въ Вормсѣ засвидѣтельствовано нашими источниками [3]). Въ виду отказовъ епископовъ и крайней необходимости покончить съ затянувшимся замѣщеніемъ „престола вселенной", Генрихъ обратился за совѣтомъ къ вельможамъ [4]) и выдвинулъ кандидатуру своего родственника епископа тульскаго Брунона, извѣстнаго римлянамъ по своимъ путешествіямъ въ вѣчный городъ, человѣка строгой жизни, хорошо образованнаго и глубокаго сторонника церковно-общественныхъ преобразованій. Этотъ выборъ встрѣтилъ всеобщее одобреніе. Но Брунонъ, уклонявшійся вообще отъ сопряженныхъ съ видными каѳедрами хлопотъ и нареканій, отклонилъ отъ себя общее избраніе и только въ виду настойчивыхъ просьбъ попросилъ себѣ трехдневной отсрочки. Аскетически настроенный епископъ тульскій провелъ это время въ безусловномъ воздержаніи отъ пищи и питья и предавался пламенной молитвѣ. Когда же возобновились просьбы, Брунонъ открыто исповѣдалъ свои грѣхи, думая ихъ „чу-

---

[1]) Bonithonis, Lib., V, p. 631. Brunonis, c. 2, p. 547.

[2]) Anselmi monachi Remensis, p. 113. Wiberti II, c. 2, p. 149.

[3]) Wiberti II, c. 2, p. 150. Brunonis, c. 2, p. 547. Anselmi, monachi Remensis, p. 113. Lamperti, p. 62. Bonithonis, Lib. V, p. 631. Bozonis, p. 355.

[4]) Anselmi, monachi Remensis, p. 113. Annales Romani, p. 333. Diversorum sententiae patrum, p. 191.

Библиотека "Руниверс"

довищностью "отклонить отъ себя почетное избраніе. Но его искренность, его вопли и стенанія, его глубокое сокрушеніе и смиреніе исторгли изъ очей присутствующихъ обильные потоки слезъ, чему въ средніе вѣка придавали огромное значеніе и лица, обладающія „donum lacrimarum", предпочтительно считались людьми богоугодными. Вотъ почему изъ устъ собранія раздался единодушный крикъ: „Не хочетъ Богъ, дабы погибъ сынъ столькихъ слезъ"! [1]) и съ удвоенною настойчивостью возобновились просьбы „изъ любви къ князьямъ апостоловъ, Петру и Павлу, помочь римской церкви и безбоязненно встрѣтить опасность ради вѣры христіанской" [2]). Приказанія императора, мольбы римскаго посольства, уговоры епископовъ, общій видъ единодушнаго желанія возложить на него тіару подѣйствовали на Брунона и онъ изъявилъ свое согласіе подъ условіемъ, чтобы весь клиръ и римскій народъ выразили согласіе [3]), добровольно избравъ его первосвященникомъ; другими словами, Брунонъ принималъ санъ папы, если взойдетъ на апостольскій престолъ такимъ же каноническомъ путемъ, какимъ достигъ тульской каѳедры [4]).

Генрихъ вмѣстѣ съ остальными присутствавшими могли только одобрить такое желаніе Брунона вступить на престолъ св. Петра „сообразно церковнымъ установленіямъ", такъ какъ въ ихъ соблюденіи видѣли залогъ успѣха борьбы съ нестроеніями, навлекающими на христіанскій міръ гнѣвъ Божій [5]). Такимъ образомъ, Брунонъ „былъ вынужденъ" прекратить свое сопротивленіе и повиноваться державной волѣ своего государя, поддержанной согласіемъ императорскихъ князей, епископовъ и римскаго посольства. Здѣсь же, въ Вормсѣ ему были дарованы „знаки апостольскаго достоинства" [6]) вмѣстѣ съ „императорскимъ повелѣніемъ идти въ Римъ для ихъ полученія сообразно церковнымъ установленіямъ". Это распоряженіе Генриха, конечно, уже предрѣшало исходъ избирательнаго собранія римскаго клира и народа, обязаннаго принять ставленника своего патриція. Съ другой стороны и Брунонъ долженъ былъ получить отъ императора видимое выраже-

---

[1]) Wiberti II, c. 2, p. 149.

[2]) Brunonis, c. 2, p. 547. Cp. Bonithonis Lib. V, p. 631. Anselmi, monachi Remensis, p. 113. Brunonis, II, c. 9, p. 379.

[3]) Wiberti II, c. 2, p. 149. Brunonis, c. 2, p. 547.

[4]) Wiberti I, c. 8, p. 135.

[5]) Anselmi, monachi Remensis, p. 113. Brunonis, c. 1, p. 547.

[6]) Anselmi, monachi Remensis, p. 113, о значеніи „adjudicare" см. Du Cange, t. 1, p. 79 и t. IV, p. 440.

Библиотека "Руниверс"

ніе его воли, то-есть, знаки папскаго сана, и, нося ихъ, тѣмъ самымъ показывать, что выступаетъ кандидатомъ императора.

Вновь избранный папа не поѣхалъ немедленно въ Римъ, а предпочелъ провести праздникъ Рождества въ своемъ епархіальномъ городѣ Тулѣ [1]). Вмѣстѣ съ нимъ отправились римскій легатъ, Гугонъ, епископъ ассизскій, Эбергардъ, архіепископъ трирскій, Адальберонъ мецскій и Теодорихъ вердюнскій старонники преобразованій и друзья избраннаго „намѣстника Апостоловъ". По примѣру Климента и Дамаза, Брунонъ оставилъ за собой свое прежнее епископство, и послѣ торжественнаго отпразднованія Рождества, началъ свое путешествіе въ Римъ. Въ это время происходитъ его встрѣча съ Гильдебрандомъ, оказавшая самое рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу послѣдняго.

Какъ извѣстно [2]), Гильдебрандъ былъ взятъ Генрихомъ III въ качествѣ имперскаго узника и раздѣлилъ участь Григорія VI. Но съ плѣнниками не обращались сурово и Бенонъ [3]) упрекаетъ даже императора за предоставленіе Григорію и Гильдебранду „слишкомъ широкой свободы вмѣсто заточенія въ вѣчное заключеніе", полагая, что Генрихъ „былъ обманутъ ихъ чрезмѣрнымъ благочестіемъ". Несомнѣнно, что строгая, подвижническая жизнь молодаго монаха, его проникнутая глубокимъ убѣжденіемъ рѣчь, его знаніе римскихъ дѣлъ, широкіе замыслы и умѣнье найдти средства для ихъ достиженія, не задумываясь надъ ихъ нравственною стороной, дѣлали Гильдебранда замѣтнымъ и при императорскомъ дворѣ, тѣмъ болѣе что онъ уже успѣлъ раньше привлечь вниманіе императора и его супруги [4]). Но теперь Гильдебрандъ, потерпѣвъ неудачу во время своей первой попытки, долженъ былъ еще пристальнѣе присматриваться къ раскрывшемуся передъ нимъ величественному кругозору, охватывавшему дѣйствительно тогдашній міръ со всѣмъ разнообразіемъ и даже противоположностью интересовъ, цѣлей, выгодъ и стремленій отдѣльныхъ частей; слабыя стороны имперіи, недовольство и возстанія имперскихъ вассаловъ, отсутствіе дѣйствительной силы, дѣлавшее призрачнымъ и непрочнымъ все, повидимому, непреодолимое могущество „владыки міра", „наслѣдника римскихъ цезарей", явственно открыва-

---

[1]) Aselmi, monachi Remensis, p. 113. Wiberti II, c. 2, p. 150.

[2]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, іюль 1899.

[3]) Benonis II, c. 8 p. 378.

[4]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898 г., февраль, стр. 298 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

лись пытливому взору наблюдателя. Оказываемый Гильдебранду почетъ и уваженіе со стороны самого монарха пріурочивали его положеніе какъ бы къ заложникамъ, представителямъ различныхъ владѣтельныхъ домовъ, обреченнымъ порою на невольное пребываніе при императорскомъ дворѣ. Тутъ Гильдебрандъ могъ завязать обширныя, очень полезныя и пригодившіяся ему въ будущемъ связи, равно какъ ознакомиться съ состояніемъ и настроеніемъ различныхъ странъ. Вѣроятно, въ это время онъ сблизился съ братомъ чешскаго герцога, Яроміромъ, бывшимъ, по собственному выраженію Григорія, его „другомъ“ [1]).

Еще больше имѣло значеніе знакомство Гильдебранда съ составомъ германскаго духовенства, съ его недостатками и разнорѣчивыми воззрѣніями. Онъ долженъ былъ подмѣтить, что наряду съ вѣрными и покорными вассалами оно насчитывало въ своихъ рядахъ не мало поборниковъ преобразовательныхъ стремленій и сторонниковъ идеи папскаго преобладанія.

Но этимъ не исчерпывается вліяніе невольнаго пребыванія Гильдебранда въ Германіи. Онъ жилъ въ прирейнскихъ областяхъ, гдѣ процвѣтало изученіе каноновъ. Пережитыя событія должны были натолкнуть на мысль тщательнымъ ознакомленіемъ съ этими общепризнанными нормами уяснить себѣ, какъ надо смотрѣть на преобладаніе императора надъ „апостольскимъ престоломъ“. Здѣсь смутныя представленія должны были найдти надежную точку опоры въ неоспоримыхъ каноническихъ данныхъ, служившихъ предметомъ преподаванія въ прирейнскихъ школахъ: извѣстный составитель сборника каноновъ епископъ вормсскій Бурхардъ предназначаетъ [2]) свой трудъ, по его словамъ, для изученія мальчикамъ, „дабы они по началу сдѣлались прекрасными учениками, а потомъ достойными учителями и наставниками народа, усвоивъ въ школахъ, чему и когда они должны учить ввѣренную имъ паству“. Въ виду огромнаго значенія каноновъ и широкаго распространенія сборника Бурхарда необходимо ознакомиться съ его руководящими воззрѣніями для уясненія особенностей преобразовательнаго движенія и среды, въ которой вращался Гильдебрандъ. Прежде всего надо отмѣтить, что Бурхардъ [3]) возводитъ по-

[1]) R. I, № 17 p. 30: „olim noster amicus“. Cp. Cosmae Lib. II, c. 15, p. 77 и c. 18, p. 79.

[2]) См. письмо Бурхарда къ Брунихону. Migne 140, p. 500.

[3]) О Бурхардѣ см. *Grosch*, Burchard I, Bischof zu Worms. Jena 1890. *Hauck*, Ueber d. Liber decretorum Burchards v. Worms. 1894. Cp. Hauck III, p. 435 сл.

Библиотека "Руниверс"

чтеніе передъ канонами въ долгъ и обязанность каждаго: за пренебреженіе ими міряне подлежатъ отлученію, клирики—утратѣ сана [1]). Постановленія, нарушающія каноны или декреты римскихъ епископовъ, не имѣютъ никакого значенія и силы [2]), ибо законы даже императоровъ стоятъ не выше, а ниже закона Бога [3]), и самимъ императорамъ надлежитъ повиноваться наставленіямъ „апостольскаго престола" [4]).

Вообще въ 20-ти книгахъ сборника Бурхарда разсѣяно множество цѣнныхъ указаній на то, что онъ раздѣлялъ вполнѣ идеалы, требовавшіе, чтобы духовное начало стояло выше свѣтскаго. Хотя дѣйствительность самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчила этимъ стремленіямъ, но они не умирали, переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію какъ священный завѣтъ и постепенно пріобрѣтали все большее число приверженцевъ. Чрезвычайно знаменательно распредѣленіе Бурхардомъ своего матеріала, не совсѣмъ стройное и удачное, но несомнѣнно скрывающее очень опредѣленную мысль автора.

Очевидно, онъ недаромъ поставилъ во главѣ своего сборника выписки изъ лжеисидоровыхъ декреталій [5]), по которымъ „права Петра перешли къ его преемникамъ, а потому важнѣйшія дѣла должны стекаться къ престолу блаженнаго князя апостоловъ, дабы получать окончательный приговоръ тамъ, откуда получены первоначальныя установленія, и тѣмъ самымъ избѣгать разногласій съ своимъ главою". Папа является судьею епископовъ [6]) и „по божественному установленію всѣ церкви управляются авторитетомъ св. престола" [7]). Соборныя постановленія не имѣютъ надлежащей силы безъ скрѣпленія ихъ папой. „Это свидѣтельствуетъ авторитетъ св. каноновъ, это скрѣпляетъ церковная исторія, это подтверждаютъ св. отцы" [8]). Ни одинъ епископъ ни по гражданскому, ни по уголовному дѣлу не долженъ быть вызываемъ въ свѣтскій судъ [9]). При замѣщеніи епископскихъ

Сдѣланная Гаукомъ характеристика руководящихъ воззрѣній сборника Бурхарда опровергается провѣркой соотвѣтствующихъ мѣстъ.

[1]) Burchardi, Lib. XV, c. 6, p. 896.

[2]) Burchardi, Lib. XV, c. 9, p. 896, cp. ibid. c. 7 и 8.

[3]) Burchardi, Lib. XV, c. 10, p. 896.

[4]) Burchardi, Lib. XV, c. 15, p. 897.

[5]) Burchardi, Lib. I, c. 2, p. 549—550.

[6]) Burchardi, Lib. I, c. 144, p. 591; c. 175, p. 601; c. 176, p. 601; c. 192, p. 606.

[7]) Burchardi, Lib. I, c. 178, p. 601.

[8]) Burchardi, Lib. I, c. 179, p. 601, cp. Lib. I, c. 42, p, 561.

[9]) Lib. I, c. 167 и 168, p. 598.

Библиотека "Руниверс"

каѳедръ рѣшающій голосъ принадлежалъ митрополиту и соепископамъ [1]); согласіе клира и народа было необходимо для посвященія [2]). Симонія была запрещена какъ епископамъ, такъ и королямъ и другимъ владѣтелямъ; помимо личной раздачи денегъ или купли черезъ посредниковъ подъ симонію подводились партійные происки, хитрость, обѣщанія и угодливость [3]). Церковными имуществами не смѣютъ распоряжаться міряне [4]); кто выпрашиваетъ церковныя имѣнія у королей или, побуждаемый алчностью, грабитъ собственность неимущихъ—тотъ исключается изъ церковнаго общенія и его захваты признаются недѣйствительными [5]). Вообще имущества церковниковъ—божье достояніе, принадлежатъ только церкви [6]). Основатели церквей не имѣютъ никакой власти ни надъ церковью, ни надъ ея имуществомъ [7]). Духовенству было воспрещено выступать противъ враговъ съ оружіемъ въ рукахъ, покидать ради походовъ свою паству, чинить судъ и расправу по предписанію мірянъ, принимать участіе въ управленіи ихъ имуществомъ и содѣйствовать ихъ обогащенію [8]). Запрещались жалобы императору и церковники подлежали суду церковному даже при смѣшанныхъ тяжбахъ [9]).

Вторженіе мірянъ въ церковныя дѣла подлежало духовной карѣ. Епископъ, при помощи мірскихъ владѣтелей, захватившій церковь, подлежалъ низложенію; его пособники отлучались [10]). Священникамъ и дьяконамъ воспрещалось жениться; это запрещеніе распространялось и на низшихъ клириковъ [11]). Вообще „все, переданное княземъ апостоловъ Петромъ римской церкви и сохраняемое ею донынѣ, должно соблюдаться всѣми; нельзя ничего ни прибавлять, ни убавлять; нельзя и брать примѣры изъ другихъ мѣстъ, такъ какъ во всей Италіи, Гал-

---

[1]) Lib. I, c. 9, p. 552 и c. 20, p. 554.

[2]) Lib. I, c. 10, p. 552.

[3]) Lib. I, c. 21—23, p. 555, c. 112 и 113, p. 583. Lib. III, c. 110 и 114, p. 695.

[4]) Lib. XV, c. 35, p. 904.

[5]) Lib. XV, c. 36, p. 904.

[6]) Lib. I, c. 210, p. 610; c. 213, p. 611; c. 214—215, p. 611; c. 217, p. 612; c. 227, p. 614. Lib. XI, c. 18, p. 863.

[7]) Lib. III, c. 203, p. 713.

[8]) Lib. I, c. 218 и 219, p. 612—613. Lib. II, c. 146, p. 649 сл.

[9]) Lib. II, c. 177, p. 654; c. 180, p. 655; c. 182, p. 655; c. 183, p. 655—656; c. 200, p. 659.

[10]) Lib. III, c. 109, p. 695; c. 111 и 112, p. 695.

[11]) Lib. II, c. 108, p. 645. Lib. II, c. 148, p. 650.

Библиотека "Руниверс"

ліи, Испаніи, Африкѣ, Сициліи и прилежащихъ островахъ церкви установлены святителями, рукоположенными достопочтеннымъ апостоломъ Петромъ или его преемниками [1]). Въ случаѣ недостаточности данныхъ св. Писанія и твореній отцовъ слѣдуетъ обращаться къ канонамъ апостольскаго престола [2]). Даже римскіе богослужебные обряды обязательны [3]).

Такимъ образомъ, уже Бурхардъ, стоя на почвѣ декреталій, отдѣляетъ мірское отъ духовнаго и подчиняетъ мірянъ церковникамъ [4]). Уже онъ является проводникомъ строгой централизаціи: все населеніе данной области съ княземъ во главѣ, не исключая монаховъ и низшаго духовенства, обязано повиноваться епископу; епископы подчинены митрополитамъ, и въ особенности, какъ и вся церковь, римскому первосвященнику. Ясно, что Бурхардъ сѣетъ сѣмена жатвы, собранной въ недалекомъ будущемъ папствомъ.

Не довольствуясь изученіемъ каноническихъ предписаній въ школахъ, Бурхардъ предписываетъ священнослужителямъ читать и понимать каноны, жить и проповѣдывать сообразно ихъ завѣтамъ, считая необходимымъ, чтобы каноническія постановленія, касающіяся вѣры, искорененія пороковъ и насажденія добродѣтелей, часто читались, хорошо понимались и проповѣдывались народу [5]). Слѣдовательно, идеи и требованія сборника должны были постоянно проникать въ общество и расчищать почву для развитія преобразовательнаго движенія: изобличеніе противозаконности существовавшихъ порядковъ неизбѣжно вытекало изъ углубленія въ сборникъ, такъ какъ каноны неоспоримо устанавливали существованіе цѣлаго ряда вопіющихъ нестроеній, и уже дѣломъ совѣсти каждаго было, или вступать въ борьбу съ обнаруженнымъ зломъ, или поддерживать осужденные самимъ Богомъ порядки.

Конечно, для Гильдебранда такого выбора не существовало и онъ долженъ былъ безъ колебаній идти по пути, предназначенному ему, по его глубокому убѣжденію, божественнымъ избраніемъ. По свойству человѣческой природы онъ, естественно, придавалъ больше

---

[1]) Lib. III, c. 125, p. 697.

[2]) Lib. III, c. 128, p. 698.

[3]) Lib. III, c. 69, p. 687—8, о преимуществахъ римской церкви см. также Lib. III, c. 220, p. 717 сл.

[4]) Ср. Lib. XV, c. 2—4, p. 895. Lib. III, c. 139, p. 701. Lib. I, c. 124, p. 586 сл.

[5]) Lib. XIX, c. 147, p. 1011.

Библиотека "Руниверс"

значенія тѣмъ людямъ и тѣмъ постановленіямъ, въ которыхъ встрѣчалъ сочувствіе своимъ излюбленнымъ мыслямъ. Поэтому его пребываніе въ мѣстности, имѣвшей широкія связи съ другими очагами подготовлявшагося переворота, могло только убѣдить его въ правильности его прежней точки зрѣнія. Кельнская и вормсская школы находились въ постоянномъ общеніи съ Люттихомъ, Реймсомъ и Шартромъ. Въ этихъ просвѣтительныхъ центрахъ проводились приблизительно тѣ же идеи; изученіе лжеисидоровыхъ декреталій, хотя бы и въ разрозненномъ видѣ, дѣлало изъ ихъ учениковъ преданныхъ церкви, убѣжденныхъ борцовъ противъ захватовъ свѣтской власти; идея папскаго преобладанія надъ всѣмъ міромъ пускала въ ихъ сердцахъ глубокіе и прочные корни. Достаточно назвать извѣстнаго врага симонистовъ и расхищенія мірянами церковныхъ имуществъ, кардинала Гумберта, яраго паписта Манегольда, канонистовъ Фульберта и Ивона, чтобы понять, какіе взгляды преимущественно приходилось выслушивать Гильдебранду. Если же припомнить, что въ это время еще былъ живъ создатель гремѣвшей по всему западу славы люттихской школы, Вазонъ, къ которому стекались ученики со всѣхъ концовъ Западной Европы, то легко представить, какимъ вліяніямъ долженъ былъ подпасть „молодой римскій монахъ, жаждавшій науки“ [1]). Громкая извѣстность Вазона и его воззрѣнія, не признававшія многихъ уже укоренившихся явленій, должны были неизбѣжно привлечь вниманіе Гильдебранда и отразиться на его умственномъ складѣ: такъ магнитъ притягиваетъ желѣзо и передаетъ ему свои свойства.

Въ Люттихѣ на школьной скамьѣ внушалось уже при первоначальномъ обученіи отвращеніе къ самому распространенному злу времени— симоніи [2]). Съ преданіями люттихской каѳедры знакомитъ поступокъ епископа Регинарда, купившаго свой санъ у Конрада, при которомъ, какъ извѣстно, симонія вошла въ правительственную систему. Однако, угрызенія совѣсти мучили епископа и побудили его предпринять паломничество въ Римъ къ „папѣ, имѣющему, вмѣсто апостоловъ, власть вязать и разрѣшать“. Здѣсь онъ всенародно покаялся въ своемъ грѣхѣ и изъ страха передъ адскими муками отказался отъ епископскаго сана, положивъ пастырскій жезлъ на алтарь св. Петра. Папа приказалъ было ему, по отпущеніи грѣха, идти домой частнымъ че-

---

[1]) Ср. Brunonis c. 2, p. 547: „discendi gratia“.

[2]) Egberts von Lüttich. Fecunda Ratis, zum ersten Mal herausgegeben von E. Voigt. Halle, 1889 v. 949.

Библиотека "Руниверс"

ловѣкомъ, но потомъ возвратилъ ему въ виду его раскаянія посохъ. Такъ по благословенію папы „купецъ" превратился въ „законнаго пастыря [1])". Въ поведеніи Регинарда важно не его сознаніе въ грѣховности симоніи, а именно обращеніе къ „апостольскому престолу" и торжественное признаніе его полномочій: грѣшникъ, купецъ, вовлеченный императоромъ въ опасную для вѣчнаго спасенія сдѣлку, властнымъ словомъ „намѣстника апостоловъ" получилъ санъ „законнаго пастыря".

Вотъ эти то преданія о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтскою и о главенствѣ папы воодушевляли и „втораго Соломона", епископа Вазона. Это былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнѣйшій изъ прелатовъ XI вѣка. Онъ велъ самую строгую, подвижническую жизнь и своимъ воздержаніемъ превосходилъ монаховъ, изнурялъ свою плоть бичеваніемъ [2]), предавался днемъ и ночью молитвѣ, ходилъ босымъ даже зимою, не мылся въ теченіе ряда лѣтъ, бодрствовалъ, постился, избѣгалъ женщинъ, отличался строгостью и серіозностью рѣчи, щедро раздавалъ милостыню [3]). Стало быть, нѣкоторыми чертами жизни онъ напоминаетъ восточныхъ отшельниковъ, подражаніе которымъ процвѣтало въ то время въ Лотарингіи. Вазонъ стремился къ полному соблюденію каноническихъ предписаній и монастырскихъ уставовъ даже въ частныхъ мелкихъ подробностяхъ [4]). Онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобъ быть, подобно идеальному пастырю „окомъ—слѣпому, ногою—хромому, отцомъ—сиротамъ, супругомъ—вдовамъ". Ссылаясь на преданіе св. отцовъ, онъ считалъ по крайней мѣрѣ половину церковнаго имущества принадлежащею бѣднымъ и странникамъ [5]). Онъ поддерживалъ госпитали и тщательно сохранялъ доходы епископства для оказанія поддержки неимущимъ [6]). Во время голода выдавалъ каждому поселянину по два денарія еженедѣльно, чтобъ они, „подъ гнетомъ нужды не продавали своихъ быковъ и не оставляли въ силу отъ этого поля свои не запаханными, что сулило нищенство или смерть отъ голода". Избранный въ епископы Варонъ натолкнулся на рядъ нестроеній. Церковныя имущества были или опустошены свѣтскими

---

[1]) Ruperti chronicon S. Laurentii Leodiensis, c. 30—31, 272—273. Ср. Reineri Vita Reginardi, c. 8 p., 573—4.

[2]) Anselmi, c. 48, p. 218.

[3]) Anselmi, c. 68, p. 231 и c. 69, p. 231—232.

[4]) Anselmi, c. 46, p. 217.

[5]) Anselmi, c. 47, p. 217.

[6]) Anselmi, c. 53, p. 221.

Библиотека "Руниверс"

грабителями или захвачены ими. Поселяне находились въ невыносимомъ рабствѣ. Построенные въ болотахъ или на недоступныхъ утесахъ замки служили притономъ грабителямъ [1]). Съ ними Вазонъ вступилъ въ непримиримую, упорную борьбу, засыпалъ болота, выравнивалъ дороги, строилъ машины и потрясалъ ими стѣны разбойничьихъ гнѣздъ. Самъ епископъ руководилъ осадными работами и съ крестомъ въ рукахъ бросался въ ряды непріятелей, „желая положить душу за овцы своя [2])". Одинъ за другимъ сдавались замки и были разрушены. Увѣщаніями, угрозами, силой Вазонъ мало-по-малу водворилъ порядокъ и безопасность въ своей епархіи. „Но онъ принимался за мірскія дѣла скорѣе по необходимости, чѣмъ по желанію, такъ какъ всячески боялся не угодить Создателю".

Такъ вполнѣ естественнымъ путемъ реформа становилась не только религіознымъ, но и политическимъ, экономическимъ дѣломъ: преобразователи неизбѣжно сближались съ низшими, неимущими и подавленными слоями населенія, ибо каноны требовали защиты слабыхъ отъ произвола сильныхъ, обличали сытаго богача и настаивали на облегченіи судьбы бѣдняка. Волею неволею борцы за преобразованія церкви становились нападающими на существовавшій общественный строй. Между пастырями и паствой завязывались узы, обезпечивающія небесное блаженство и земное благоустройство. Вотъ почему возстановленіе избирательныхъ правъ клира и народа, одинъ изъ боевыхъ кличей преобразователей, было вопросомъ первостепенной важности, такъ какъ избранные пастыри сливались съ интересами своей паствы. Вазонъ также стоялъ за избирательное начало и даже въ трудныя времена Конрада II сумѣлъ отклонить отъ себя санъ, предлагаемый императоромъ вопреки общему голосу люттихцевъ, избравшихъ, по совѣту Вазона, Нитарда [3]). При Генрихѣ III главный преподаватель люттихской школы былъ избранъ клиромъ и народомъ епископомъ. Это избраніе, несмотря на посланіе къ королю люттихской церкви, едва не было неутверждено Генрихомъ, такъ какъ придворные его совѣтники настаивали на назначеніи кого-либо изъ капеллановъ. За избирательное начало высказались Германъ Кельнскій и Брунонъ Вюрцбургскій, сторонники преобразованій, и Вазонъ получилъ инвеституру [4]). Его воззрѣнія на отношенія властей

[1]) Anselmi, c. 55, p. 221—222.
[2]) Anselmi, c. 56, p. 223.
[3]) Anselmi, c. 49, p. 218—219.
[4]) Anselmi, c. 50, p. 219—220.

Библиотека "Руниверс"

въ высшей степени характерны для тогдашняго настроенія умовъ. Онъ признавалъ за собой обязанности вѣрноподданнаго, но считалъ императора міряниномъ, не имѣющимъ права рѣшать чисто церковныя дѣла, подсудныя только римскому первосвященнику [1]), который въ свою очередь отвѣчаетъ передъ единымъ Богомъ [2]). „На основаніи приговоровъ всѣхъ учителей церкви", Вазонъ считалъ, что избраніе и возвышеніе папъ должно происходить помимо свѣтской власти при посредствѣ церковно-служителей [3]), ибо „апостолы поставили Матѳія вмѣсто Іуды-предателя помимо какой бы то ни было свѣтской власти". Эти взгляды вызывали неудовольствіе Генриха, стремившагося захватить „слишкомъ плотски власть надъ епископами" и Вазону пришлось вынести тяжелое испытаніе: на него взведено было обвиненіе въ невыполненіи императорскихъ повелѣній и, по рѣшенію епископовъ, онъ долженъ былъ пасть къ ногамъ императора и заплатить ему въ видѣ наказанія 300 фунтовъ серебра. До конца жизни Вазонъ сожалѣлъ, что поддался слабости, унизилъ епископскій санъ, а не отстаивалъ свою невинность даже передъ страхомъ смерти. Біографъ его Ансельмъ разказываетъ, однако, что на томъ же сеймѣ разыгралась въ высшей степени характерная сцена: во время продолжительныхъ пререканій и даваемыхъ Вазономъ объясненій онъ долженъ былъ все время стоять и въ концѣ концовъ указалъ Генриху на свои престарѣлые года, свою болѣзнь и свой санъ, „ибо неприлично такъ постыдно утомлять святителя, помазаннаго муромъ". Императоръ возразилъ: „Я также помазанъ св. елеемъ, при чемъ мнѣ дарована преимущественно передъ остальными власть повелѣвать". „Воспламененный рвеніемъ къ истинѣ и справедливости, епископъ не замедлилъ дать ему такой урокъ: „Ваше помазаніе совершенно инаго свойства и далеко отличается отъ святительскаго, ибо имъ, по волѣ Бога, мы отличены для оживленія, вы же — для умерщвленія. Безъ сомнѣнія, отсюда вытекаетъ такое заключеніе: насколько жизнь превосходитъ смерть, настолько наше помазаніе выше вашего". Такимъ образомъ, еще задолго до открытой борьбы столкнулись двѣ теоріи, царскаго и святительскаго помазанія. Сила была еще на сторонѣ свѣтской власти и поборникъ преобладанія духовнаго сана вынужденъ былъ

---

[1]) Anselmi, c. 57, p. 224.

[2]) Anselmi, c 65, p. 228—229.

[3]) Anselmi, p. 117. Разночтенія, помѣщенныя Вайтцемъ въ XIV томѣ M. G. S. S

Библиотека "Руниверс"

противъ воли и убѣжденія преклониться передъ нею, но вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ властей былъ поставленъ, и при дворѣ Генриха находился какъ плѣнникъ тотъ самый Григорій VII, который увидѣлъ у ногъ своихъ сына могущественнаго императора. Очень возможно, что Гильдебрандъ былъ свидѣтелемъ пережитаго Вазономъ униженія и всею душою склонялся къ убѣленному сѣдинами старцу, нашедшему въ себѣ достаточно мужества послѣ вынесеннаго наказанія высказать свои убѣжденія съ благородной прямотой [1]).

Памятники не сохранили точныхъ и ясныхъ указаній на личное знакомство епископа Люттихскаго съ Гильдебрандомъ. Но нѣтъ ни малѣйшей возможности отрицать вліянія проводимыхъ Вазономъ идей на будущаго Григорія VII. Вазона отлично зналъ Левъ IX и Стефанъ IX, его другомъ былъ Германъ Кельнскій, который также не разъ сталкивался съ Гильдебрандомъ. Наконецъ, жизнеописаніе [2]) аббата монастыря св. Губерта, Теодориха, вращавшагося въ близкихъ Вазону преобразовательныхъ кругахъ, говоритъ, что Теодорихъ съ своихъ молодыхъ лѣтъ (ab adolescentia) былъ весьма друженъ съ преемникомъ Александра II. Да и въ воззрѣніяхъ Григорія VII на отношенія властей, на церковныя имущества, на борьбу съ ихъ грабителями, на превосходство святителей видна связь съ взглядами, преподаваемыми и проводимыми люттихскимъ епископомъ. Даже отношеніе Григорія къ ереси Беренгара находитъ соотвѣтствіе съ совѣтомъ Вазона епископу шалонскому Рожеру—терпѣливо и кротко обращаться съ еретиками, могущими обратиться на путь истинный. Еще болѣе сближаетъ Гильдебранда съ Вазономъ усвоеніе теорій лженсидоровыхъ декреталій. Это усвоеніе было совершенно естественнымъ явленіемъ и влекло за собой въ высшей степени важныя послѣдствія. Въ то грубое, варварское время, время слабости и почти отсутствія гражданскаго закона, какъ об-

---

[1]) Anselmi c. 66, p. 229—30. Обыкновенно это событіе относятъ къ 1046 г., то-есть ко времени перваго похода Генриха противъ мятежнаго Теодориха Голландскаго, но основаніе (alio tempore) очень слабо. На Вазонѣ тяготѣло обвиненіе не только въ невыполненіи императорскаго повелѣнія, но и „въ другихъ небрежныхъ или вѣроломныхъ дѣяніяхъ". Слѣдовательно, скорѣе надо имѣть въ виду второй, неудачный походъ Генриха въ 1047 г., когда на Вазона могли возвести обвиненіе и за сношенія съ Готфридомъ лотарингскимъ и Генрихъ былъ раздраженъ неудачей. Да и ссылка императора на помазаніе предполагаетъ, что коронація уже совершилась.

[2]) Vita Theodorici abbatis Andaginensis, c. 25, p. 51. Аббатъ родился въ 1007 г., c. 4, p. 39, слѣдовательно его дружба съ Гильдебрандомъ завязалась во время перваго пребыванія послѣдняго въ прирейнскихъ областяхъ.

Библиотека "Руниверс"

щепризнанной, для всѣхъ обязательной нормы, постановленія соборовъ и папскія декреталіи служили обуздывающимъ началомъ. Законники и знатоки ихъ занимали руководящее положеніе и Вазонъ по обширности своего вліянія является предтечею и подготовителемъ послѣдующаго мощнаго умственнаго движенія. Обращаясь въ затруднительныхъ случаяхъ къ папскимъ декреталіямъ, онъ тѣмъ самымъ прокладывалъ путь, по которому пошло ближайшее поколѣніе. Стоя на точкѣ зрѣнія лжеисидорова сборника, онъ вносилъ въ среду нѣмецкихъ прелатовъ, привыкшихъ быть орудіями императорства, новыя струи. Теоріи императорскаго всемогущества и въ церковныхъ дѣлахъ, усвоенной Карломъ и Оттонами въ подражаніе своему византійскому образцу, Вазонъ, какъ извѣстно, противопоставляетъ ученіе о строгомъ раздѣленіи властей, при чемъ ставитъ свѣтскую несравненно ниже духовной. Сила и быстрое распространеніе этой идеи заключается въ ея родствѣ съ самыми основными чертами средневѣковаго міровоззрѣнія. Она была плодомъ неотразимо логичнаго заключенія, вытекающаго съ неоспоримой для людей XI вѣка, очевидностью изъ самыхъ глубинъ ихъ вѣрованій въ цѣль и смыслъ земной жизни. Въ тѣсной связи между ученіемъ о безконечномъ превосходствѣ духа надъ плотью и его прямымъ послѣдствіемъ, взглядомъ на духовенство, какъ на представителей и носителей даровъ духа, безгранично стоящихъ выше мірянъ, сыновъ плоти, необладающихъ полной благодатію св. Духа, и коренится главная причина побѣды папства надъ имперіей. Императоры сами признавали двойственность плоти и духа, сами исповѣдовали первенство послѣдняго и грѣховность первой, а потому въ спорѣ съ папами, пока онъ вращался въ кругѣ средневѣковыхъ понятій, не имѣли подъ ногами почвы и неизбѣжно должны были проиграть свое дѣло. Правда, они пытались найдти выходъ въ теоріи священства императорскаго сана, въ пріобщеніи императоровъ къ числу помазанниковъ божьихъ и членовъ клира, но подобное воззрѣніе, занесенное изъ той же Византіи, не отличалось особымъ распространеніемъ и силою на западѣ. Мало того, оно сдѣлалось, въ силу историческихъ условій возстановленія имперіи Карломъ, положительно обоюдо-острымъ, опаснымъ оружіемъ: лишь благодаря помазанію, совершаемому папой, лишь получая изъ его рукъ діадему цезарей, императоръ становился причастнымъ благодати священства и получалъ власть владыки міра на очень опредѣленныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, источникъ святости императорской власти находился у его соперника, а самъ императоръ былъ прежде всего слугою Христа и его намѣстника, защит-

Библиотека "Руниверс"

никомъ церкви, отнюдь не всесильнымъ самодержцемъ, носителемъ идеи государства или полномочій народа. Правда, не разъ защитники дѣлались властителями, но все-таки ихъ преобладаніе было и оставалось лишь захватомъ. Мірской намѣстникъ Бога стоялъ въ глазахъ современниковъ ниже настоящаго уполномоченнаго представителя Бога на землѣ—папы, потому что не пользовался всѣми преимуществами духовнаго владыки: онъ повелѣвалъ лишь тѣломъ, въ его рукахъ была смерть, тогда какъ папа былъ властелиномъ надъ душою, раздавалъ вѣчное блаженство и вѣчныя муки. Какъ верховный пастырь, онъ долженъ былъ наблюдать за выполненіемъ императорами обязанностей, сопряженныхъ съ ихъ саномъ, и карать за ихъ небрежность и нерадивость. Къ кому же должно было примкнуть вѣрующее средневѣковье? Между временнымъ, преходящимъ и между вѣчнымъ и неизмѣннымъ не было выбора для истыхъ его сыновъ. Конечно, и они не брезгали земными выгодами, и они увлекались земными утѣхами и радостями, но сами смотрѣли на свое увлеченіе какъ на тяжкій грѣхъ, какъ на измѣну своему назначенію, и въ страстномъ порывѣ раскаянія, или охваченные страхомъ передъ грозными проявленіями божьяго гнѣва и ужасомъ адскихъ мукъ, они отметали суетныя блага и бросались въ объятія единственной матери и владычицы—церкви, располагавшей нетлѣнными сокровищами. Страшная власть надъ душами, надъ ихъ загробной участью приводила въ трепетъ невѣжественное и суевѣрное средневѣковье, еще не могущее отличить злоупотребленій и вымысловъ, наслоеній и прибавокъ, накопленныхъ вѣками, затемнившихъ свѣтлое Христово ученіе и исказившихъ дѣйствительные завѣты евангелія.

Мистически настроенный съ ранняго дѣтства, жаждавшій чудесъ и знаменій Гильдебрандъ твердо, подобно тысячамъ своихъ современниковъ, усвоилъ себѣ мысль, что надо болѣе угождать Богу, а не людямъ, творить Его волю, а не земныхъ повелителей. Кружокъ Вазона указывалъ, гдѣ надо искать выраженіе небесныхъ велѣній, гдѣ скрывается истина, поборникомъ которой выступалъ люттихскій епископъ, бывшій, по выраженію папы Льва, „мѣриломъ справедливости, образцомъ каѳолической религіи и канонической степенности“ [1]). Въ высшей степени понятно, что его воззрѣнія должны были находить многочисленныхъ и ревностныхъ послѣдователей; въ особенности они находили отзвукъ въ сердцахъ, подобныхъ Гильдебранду. Но самъ Ва-

[1]) Ср. Anselmi c. 73, p. 234, и пр. 23. Cauchie p. 81.

Библиотека "Руниверс"

зонъ до конца жизни оставался вѣренъ императору и повиновался его свѣтскимъ распоряженіямъ [1]). Гильдебрандъ былъ также не чуждъ признанія правъ свѣтской власти и, какъ извѣстно, не могъ разобраться въ противорѣчивыхъ воззрѣніяхъ на ея происхожденіе до такой степени, что въ одномъ и томъ же письмѣ къ Герману Мецскому развиваетъ совершенно противоположныя мысли по этому поводу [2]). Это происходитъ отъ того, что Григорій VII не былъ мыслителемъ, теоретикомъ, строившимъ зданіе своего міровоззрѣнія, тщательно устраняя противорѣчія и заботясь о подведеніи частностей къ высшему единству. Онъ жаждалъ и искалъ руководящихъ началъ для жизни; дѣятельное служеніе законамъ Бога было для него, въ общемъ, главною цѣлью жизни. Поэтому въ его сближеніи съ клиромъ Лотарингіи слѣдуетъ искать объясненія высказываемыхъ имъ взглядовъ на свѣтскую власть. Именно въ этой области какой-то клирикъ, пользовавшійся уваженіемъ за свою ученость, самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ вмѣшательство Генриха III въ церковныя дѣла. Онъ обнаруживаетъ несомнѣнное сходство съ взглядами Вазона, но только рѣзче ихъ выражаетъ. Такъ, онъ полагаетъ, что младшимъ не слѣдуетъ выступать съ обвиненіями противъ старшихъ [3]), находитъ законнымъ возвращеніе Бенедикта IX [4]), признаетъ необходимымъ участіе всѣхъ епископовъ въ избраніи папы [5]), считаетъ совершенно незаконнымъ императорское вмѣшательство въ дѣло Григорія VI, потому что императоръ самъ подчиненъ епископамъ, тѣмъ болѣе папѣ, подсудному только Богу [6]). Но въ сравненіи императора съ Христомъ, папы съ головой, въ взглядѣ на назначеніе свѣтской власти „кровью и мечемъ служить дьяволу“ видно существенное отличіе отъ Вазона и сходство съ крайностями, въ какія впадалъ Григорій VII. Знаменательно отношеніе неизвѣстнаго автора къ Генриху III, осыпаемому обыкновенно похвалами современниками за спасеніе церкви отъ Симона волхва. Помимо осужденія вмѣшательства Генриха въ церковныя дѣла, авторъ иначе не называетъ его какъ „нечестивѣйшій“, „Богу ненавистный“ и объявляетъ даже, что онъ вслѣдствіе своего брака съ родственницей потерялъ право даже судить мірянъ. Такой способъ вы-

---

[1]) Anselmi c. 70, p. 233, и c. 60 p. 225.

[2]) R. VIII, № 21, p. 453—467. Ср. *Трубецкой*, стр. 302 сл.

[3]) De ordinando Pontifice, p. 8.

[4]) Ibid., p. 9 сл

[5]) Ibid,, p. 11.

[6]) Ibid p. 12—14.

Библиотека "Руниверс"

раженій и порицаніе женитьбы Генриха на Агнессѣ заставляютъ усматривать въ авторѣ подданаго мятежнаго герцога Лотарингскаго, а не французскаго клирика, тѣмъ болѣе, что именно въ Лотарингіи ревнители выступали съ обличеніями противъ запрещеннаго канонами брака германскаго короля. Извѣстенъ протестъ противъ него Зигфрида, аббата Горзе [1]). Вообще рвеніе къ выполненію каноническихъ постановленій о степеняхъ родства, дозволяющихъ вступать въ бракъ, было одной изъ отличительныхъ чертъ преобразовательнаго теченія [2]), которой впослѣдствіи пользуется Гильдебрандъ для воздѣйстія на свѣтскихъ владѣтелей [3]).

Стало быть, пребываніе въ прирейнскихъ областяхъ, связи съ кружкомъ учениковъ и единомышленниковъ Вазона Люттихскаго и сношенія съ очагомъ крайняго направленія—Лотарингіей, положили извѣстный отпечатокъ на воззрѣнія Гильдебранда и содѣйствовали усвоенію имъ лжеисидоровыхъ традицій. Повидимому, онъ раздѣлялъ питаемое здѣсь сочувствіе къ возстановленію Бенедикта IX, такъ какъ сохранилось указаніе, что письма Гильдебранда, какъ извѣстно, бывшаго при императорскомъ дворѣ, доводятъ до свѣдѣнія римлянъ о планахъ и намѣреніяхъ Генриха [4]).

Но въ складѣ взглядовъ знаменитаго борца за свободу церкви, какъ извѣстно, замѣчаются наслоенія, нѣкоторыя отступленія отъ проводимыхъ крайними ревнителями построеній. Несомнѣнно, что на него оказали воздѣйствіе и другія вліянія. Помимо личныхъ отношеній къ правящему въ Германіи дому и извѣстной доли подражанія общему взгляду умѣряюще подѣйствовали на Гильдебранда переживаемыя имъ превратности. Кончина Григорія VI дала иной толчокъ его мыслямъ и должна была оставить глубокіе слѣды въ его внутренней жизни. Смерть близкаго и дорогаго лица всегда съ особенной силой подчеркиваетъ для религіозно настроенныхъ людей

---

[1]) *Giesebrecht*, B. II, Documente № 11, письмо Зигфрида къ Бруллану Тульскому p. 719.

[2]) *Giesebrecht*, B. II, Documente № 11, письмо Зигфрида къ Поппону, аббату Стабло p. 714 сл. Petri Damiani. Op. VIII „De parentelae gradibus", p. 192—293. „De gradibus cognationis", p. 204—207.

[3]) R. II, № 1 p. 109, № 9, p. 123, № 35, p. 149, № 36, p. 150, cp. R. I, № 57 p. 76. R. VI, № 56 p. 331, № 20, p. 357. R. VII, № 9 p. 390. R. VIII, № 3 p. 431. Отношенія Матильды къ ея мужу также объясняются во многомъ ихъ родствомъ.

[4]) Benonis II c. 8 p. 378.

Библиотека "Руниверс"

бренность нашего существованія, суету и тщету всѣхъ житейскихъ благъ, всѣхъ земныхъ стремленій; душа, измученная и утомленная, утрачиваетъ значительную долю жизнерадостности и все представляется окрашеннымъ въ мрачный цвѣтъ. Неудивительно, если въ такія минуты принимаются рѣшенія отречься совершенно отъ міра, его пагубныхъ соблазновъ и мимолетныхъ утѣхъ. Вдобавокъ, вскорѣ послѣ смерти Григорія послѣдовало окончательное крушеніе надеждъ римлянъ имѣть своего папу. Борьба съ существующимъ порядкомъ должна была показаться Гильдебранду непосильной, препятствія къ осуществленію завѣтныхъ думъ—непреодолимыми. И вотъ стремленіе къ тихой, созерцательной жизни въ уединеніи монастыря, къ борьбѣ съ несовершенствами собственной природы ради подготовленія къ личному спасенію беретъ перевѣсъ надъ потребностью въ дѣятельности, въ примѣненіи сознаваемыхъ въ себѣ силъ къ великому дѣлу общаго усовершенствованія, такъ какъ предвѣщаемый знаменіями часъ еще не пробилъ и избраннику небесъ еще не наступила пора приступить къ выполненію своего назначенія.

Въ поискахъ болѣе суроваго подвижничества, въ поискахъ жизни, наиболѣе совпадавшей съ уставами св. Бенедикта и согрѣтой болѣе религіознымъ духомъ [1]), Гильдебрандъ, естественно, долженъ былъ остановиться на Клюньи, привлекавшемъ въ свои стѣны жаждавшихъ духовнаго обновленія со всѣхъ концовъ Европы. Въ особенности такой выборъ долженъ былъ сдѣлать питомецъ Авентинскаго монастыря, какъ извѣстно [2]), находившагося въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ клюнійской обителью.

Показаніе Бонитона Сутрійскаго о пребываніи Гильдебранда въ Клюньи сдѣлалось, однако, предметомъ отрицаній со стороны новѣйшихъ нѣмецкихъ изслѣдователей. Первымъ его отвергнулъ Ширмеръ [3]), къ которому примкнули, между прочими, Мартенсъ [4]) и Гревингъ [5]), въ сущности почти повторившіе приведенные имъ доводы.

---

[1]) Ср. Brunonis c. 2 p. 547.

[2]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 года, февраль, стр. 283.

[3]) *Schirmer*, De Hildebrando subdiacono ecclesiae Romanae. Berolini 1860, p. 31—35. Ср. Steindorff II, p. 72 n. 6.

[4]) *Martens*, War Gregor VII Mönch? Danzig 1891, p. 24 — 27. Gregor VII sein Leben und Wirken B. II p. 281 — 285. Leipzig 1894. Sackur II p. 303 n. 1 соглашается съ доводами Мартенса относительно Клюньи.

[5]) *Greving*, Pauls von Bernried Vita Gregorii VII papae. Münster 1893. p. 161—167. Противъ принятій монашескихъ обѣтовъ въ Клюньи высказывается и L'Huillier, Vie de S. Hugues p. 46 s.

Библиотека "Руниверс"

Прежде всего указываютъ, что показаніе Бонитона стоитъ одиноко. Ни самъ папа, ни его ближайшіе современники ни слова не говорятъ въ поддержку этого свидѣтельства. Не слѣдуетъ забывать, однако, что Григорій роняетъ буквально нѣсколько бѣглыхъ, мимолетныхъ замѣчаній о своей предшествующей жизни, которая вообще остается почти совершенно неизвѣстной и незатронутой ближайшими по времени источниками. При такихъ условіяхъ „молчаніе другихъ писателей" не можетъ служить рѣшающимъ доводомъ противъ яснаго утвержденія Бонитона [1]); даже почти въ каждомъ источникѣ въ отдѣльности попадаются свѣдѣнія, не встрѣчающіяся у другихъ, но это вовсе не доказываетъ ихъ недостовѣрности и не служитъ достаточнымъ основаніемъ для ихъ устраненія изъ историческаго обихода. Необходимы болѣе вѣсскія соображенія, чтобъ исключить изъ столь скудно освѣщеннаго прошлаго Григорія такое драгоцѣнное обстоятельство.

И вотъ Мартенсъ выдвигаетъ внутреннія несообразности въ разказѣ Бонитона: „исторійка книги къ другу не только вымышлена, но даже является исторической невозможностью": [2]) „Гильдебрандъ оставался въ Кельнѣ, гдѣ вѣроятно умеръ Григорій: онъ не могъ [3]) сдѣлать даже бѣглой поѣздки въ отдаленное Клюньи. Кромѣ того во время первой встрѣчи Гильдебранда со Львомъ IX въ Клюньи не было аббата [4]) и Бонитонъ, зная объ этомъ, не называетъ по имени аббата, разрѣшившаго Гильдебранду отправиться въ Италію: Одилонъ умеръ 1-го января 1049 г. Гугонъ былъ избранъ лишь въ февралѣ, когда Левъ IX вмѣстѣ съ Гильдебрандомъ были уже въ Римѣ". Первое возраженіе основывается на общепризнанномъ предположеніи, что Григорій VI былъ живъ во время избранія Дамаза. Но нѣтъ основаній принимать подобное толкованіе извѣстнаго письма Вазона Люттихскаго. Какъ извѣстно, Григорій умеръ еще при жизни Климента. Слѣдовательно, Гильдебрандъ располагалъ полной возможностью провести весь 1048 годъ въ Клюньи. Да ему вовсе не было необходимости выполнять требованіе устава, предписывающаго до произнесенія вѣчнаго обѣта провести годъ послушникомъ [5]), во-первыхъ, потому, что онъ былъ „puer oblatus", слѣдовательно съ дѣтства уже несъ послушничество, во-вто-

---

[1]) Bonithonis Lib. V, p. 630—631. Ср. *Smedt*, Principes de la critique historique, p. 213—237. *Bernheim*, Lehrbuch [der historischen Methode, p. 417—419.

[2]) В. II, p. 283.

[3]) Ср. *Schirmer*, p. 33.

[4]) Cd. *Schirmer*, p. 37. *Delarc*, T. I, p. 107.

[5]) *Hauck* III, p. 596—597.

Библиотека "Руниверс"

рыхъ, приводимое требованіе устава не соблюдалось всегда съ полной строгостью, какъ показываютъ примѣры Петра Даміани [1]) и Ансельма Луккскаго [2]). Мартенсъ ничѣмъ не можетъ доказать присутствія Гильдебранда въ Кельнѣ именно въ данное время, тогда какъ самъ Григорій говоритъ [3]), что „хотѣлъ окончить жизнь свою въ монастырѣ", слѣдовательно косвенно поддерживаетъ показаніе Бонитона.

Дальнѣйшія возраженія Мартенса носятъ явный характеръ пустыхъ и неосновательныхъ придирокъ: Бонитонъ вовсе не намѣренно скрываетъ имя аббата, отпустившаго Гильдебранда въ Римъ, а постоянно называетъ [4]) Гугона только „abbas Cluniacensis", что нерѣдко дѣлаютъ и другіе современники [5]). Затѣмъ, епископъ Сутрійскій имѣлъ основаніе назвать Гугона „аббатомъ" до его формальнаго избранія. Дѣло въ томъ, что Гугонъ еще при жизни Одилона занималъ въ высшей степени важный постъ великаго пріора [6]), который, по уставамъ [7]), пользовался правами аббата, „во всѣхъ дѣлахъ касающихся монастыря, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ"; „безъ его вѣдома и разрѣшенія ни одинъ инокъ не могъ сдѣлать ни малѣйшаго шага внѣ обыденной монастырской жизни". Такія огромныя полномочія послужили основаніемъ для утвержденія [8]), что Гугонъ управлялъ клюнійской обителью 64 года, тогда какъ аббатомъ онъ былъ всего 60 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Въ послѣдніе годы жизни престарѣлый Одилонъ передалъ многосложныя дѣла по управленію обителью своему молодому пріору, такъ что во время кончины аббата Гугонъ находился на пути въ Германію, куда былъ посланъ для улаживанія вопроса о Петерлингенскомъ монастырѣ [9]), служившемъ обыкновенно поводомъ къ недоразумѣніямъ между Клюньи и дворомъ. Въ это же время Брунонъ изъ Туля ѣхалъ въ Римъ, куда ближайшій путь шелъ черезъ Безансонъ [10]). Нѣтъ ничего удивительнаго, если глава вліятельнаго братства, зная расположеніе къ нему Брунона, постарался встрѣтиться съ избраннымъ

---

[1]) Vita Damiani, c. 4 p., 120—121.

[2]) Vita Anselmi, c. 4, p. 14.

[3]) R III № 10a p. 224 ср. Замѣтки, стр. 83 слѣд.

[4]) Bonithonis, Lib. IX, p. 678.

[5]) Ср. напр. Lamperti, p. 290—294. Bertholdi, p. 289. Arnulfi Lib. III c. 8 p. 80. Brunonis c. 3 p. 549. Gregorii VII Epistolae collectae № 37 p. 565 R IV № 12 p. 258 R IV № 12a p. 259 и т. д.

[6]) Vita Hugonis, p. 649.

[7]) Consuetudo Cluniacensis. Lib III, c. 4, p. 737—738.

[8]) Orderici Vitalis. Lib. IX, c. 20, p. 843.

[9]) Vita Hugonis, p. 416.

[10]) Lamperti, p. 285; Bertholdi, p. 288.

Библиотека "Руниверс"

папой въ Безансонѣ, куда прибылъ вмѣстѣ съ Гильдебрандомъ, о посѣщеніи которымъ императорскаго двора вмѣстѣ съ своимъ аббатомъ сохранились воспоминанія въ источникахъ [1]). Слѣдовательно, общее положеніе дѣлъ складывается такъ, что въ показаніи Бонитона нельзя усматривать вымысла: оно вполнѣ правдоподобно и отвѣчаетъ подробностямъ, извѣстнымъ изъ совершенно другихъ памятниковъ. Что же касается присвоенія Бонитономъ Гугону званія, еще ему не принадлежащаго, то и отсюда нельзя дѣлать ровно никакихъ выводовъ: епископъ сутрійскій называетъ Гугона такъ, какъ привыкъ, какъ говорили о немъ въ 1086 году всѣ. Это вполнѣ заурядное неточное выраженіе служитъ очень плохой опорой для Мартенса, ибо съ такимъ же правомъ онъ долженъ накинуться на Григорія VII, который говоритъ [2]), что „вернулся въ Римъ съ папой Львомъ". Въ дѣйствительности же, если требовать отъ писателей XI вѣка самой щепетильной точности, Брунонъ, епископъ Тульскій, могъ быть названъ лишь „избраннымъ въ папы", такъ какъ до его посвященія, перемѣнившаго самое имя, никто не имѣлъ права и основанія называть его „папой Львомъ". Само собой понятно, что изъ такой простой и легко объяснимой обмолвки никакъ нельзя вывести цѣлый ворохъ обвиненій, предположеній, увѣреній и откровеній, какимъ угощаетъ Мартенсъ, увлеченный своей излюбленной, но вполнѣ неосновательной идеей. Далѣе, противъ Бонитона нѣмецкій изслѣдователь [3]) выдвигаетъ отношенія, существовавшія между Гугономъ и клюнійцами съ одной стороны и Гильдебрандомъ съ другой: „папа не обращается къ клюнійцамъ какъ „къ братьямъ и между нимъ и Гугономъ существовали „лишь бѣглыя соціальныя отношенія". И тутъ Мартенсъ съ товарищами впадаетъ въ свою обычную ошибку: ослѣпленный предвзятой мыслью онъ упускаетъ изъ виду чрезвычайно сердечное, задушевное письмо Григорія къ Гугону, настоящую исповѣдь, въ которой папа изливаетъ душу свою. Здѣсь рѣчь идетъ, между прочимъ, о „братскомъ состраданіи" и „братской любви". Вообще все письмо проникнуто такой пріязнью и откровенностью, съ какими можно обращаться только къ очень близкимъ людямъ [4]). Такимъ же дружескимъ характеромъ отличаются и другія письма [5]). Къ Гугону клюнійскому Григорій

[1]) Annales Palidenses, p. 69.
[2]) R. VII № 14a, p. 401.
[3]) *Martens* II p. 283—4.
[4]) R. II № 49, p. 163—165.
[5]) R. V № 21. p. 317—318 R. VIII № 2, p. 429, № 3, p. 431.

Библиотека "Руниверс"

обращается какъ къ „возлюбленнѣйшему брату“ [1]); въ письмѣ [2]) къ Джеральду Остійскому, бывшему монахомъ въ Клюньи [3]), онъ называетъ Гугона клюнійскаго „нашимъ собратомъ“, равно какъ въ посланіи [4]) къ Гугону клюнійскому Джеральдъ Остійскій получаетъ то же названіе. Наконецъ, Мартенсъ [5]) придаетъ рѣшающее значеніе слѣдующему „въ высшей степени важному соображенію, до сихъ поръ непривлеченному къ дѣлу: „Даміани въ одномъ изъ писемъ [6]) къ Гильдебранду ссылается, какъ на свидѣтеля въ свою пользу, на „клюнійскаго аббата, который тебѣ не безъизвѣстенъ“. Съ жадностью хватается за это выраженіе нѣмецкій изслѣдователь и съ торжествомъ восклицаетъ: „развѣ не показываетъ оборотъ „не безъизвѣстенъ“, что между Гугономъ и Гильдебрандомъ существовали лишь бѣглыя соціальныя отношенія“? Но съ какой стати сталъ бы въ такомъ случаѣ опираться на свидѣтельство Гугона Петръ Даміани? Все ухищреніе Мартенса основывается на забвеніи правила, по которому два отрицанія въ латинскомъ языкѣ составляютъ утвержденіе и употребляются для усиленія, для подчеркиванія положительнаго сужденія: оборотъ „не безъизвѣстенъ“ въ такомъ сочетаніи, какъ у Даміани, обозначаетъ „очень хорошо извѣстенъ“. Слѣдовательно, въ „высшей степени важное соображеніе“ оказывается простымъ недоразумѣніемъ, въ какое впадаетъ нѣмецкій ученый.

Итакъ, доводы, приведенные новѣйшею критикою противъ свидѣтельства Бонитона, не отличаются доказательной силой и убѣдительностью. Кромѣ того, строго говоря, показаніе епископа сутрійскаго не является вполнѣ одинокимъ: его поддерживаютъ сохранявшіяся въ Клюньи преданія и сообщенія позднѣйшихъ источниковъ, равно какъ и нѣкоторыя побочныя обстоятельства. Жизнеописанія [7]) аббата клюнійскаго Гугона сообщаютъ [8]), что Гильдебрандъ былъ

---

[1]) R. VI № 17, p. 350. Ср. R. IV № 22, p. 274.

[2]) R. I № 6 p. 15.

[3]) Bertholdi, p. 275.

[4]) R. I № 62, p. 81.

[5]) B. II p. 284.

[6]) Petri Damiani Epist. Lib. II № 8 p. 273: „domnum Cluniacensem, qui tibi non est ignotus“.

[7]) Древнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ считать жизнеописаніе, составленное вскорѣ послѣ смерти Гугона Гилономъ. Ср. *L'Huillier*, Vie de Saint Hugues p. 565 ss.

[8]) Vita Hugonis p. 583. Ср. Vitae Hugonis p. 939—940 и Pauli Bernriedensis c. 119 p. 543—4.

Библиотека "Руниверс"

допущенъ въ капитулъ клюнійской обители [1]), но это обстоятельство еще не имѣетъ рѣшающаго значенія и относится ко времени посольства Гильдебранда во Францію: какъ „монахъ и легатъ", онъ и засѣдалъ въ капитулѣ [2]). Болѣе поздніе клюнійскіе памятники называютъ Гильдебранда даже „ученикомъ Гугона и пріоромъ въ Клюньи". Оттонъ Фрейзингенскій въ свою очередь передаетъ [3]) мнѣніе, будто Гильдебрандъ былъ пріоромъ въ Клюньи. Еще Мабильонъ устранилъ, на основаніи списковъ пріоровъ клюнійской обители, эту неточность, признавъ, однако, его принадлежность къ числу клюнійскихъ монаховъ. Памятники, возникшіе въ зальцбургской епархіи въ обителяхъ, имѣвшихъ ближайшія связи съ Клюньи, также называютъ Гильдебранда „клюнійскимъ монахомъ" [4]). Въ Адмунтской же обители въ первой половинѣ XII вѣка составленъ любопытный и поучительный „Разговоръ между клюнійцемъ и цистерціанцемъ". Здѣсь, между прочимъ, говорится [5]), что „кукуль" считалась особымъ отличіемъ клюнійцевъ и ставилась имъ въ упрекъ, какъ одежда, противная уставу [6]). Необходимо припомнить, что постоянное ея ношеніе объясняетъ презрительную кличку „Cucullatus", „falsa cuculla" [7]), которую даетъ Бенцонъ Альбскій своему противнику, Гильдебранду, и тѣмъ самымъ какъ бы укоряетъ его за позоръ, причиняемый извѣстной обители своими проступками.

Совокупность высказанныхъ соображеній и приведенныхъ доводовъ заставляетъ признать вполнѣ достовѣрнымъ оспариваемое извѣстіе Бонитона [8]): „послѣ смерти и погребенія Іоанна достопочтенный Гильдебрандъ направился въ Клюньи, сдѣлался тамъ истымъ монахомъ и подвизался съ особымъ усердіемъ въ средѣ богобоязненныхъ мужей въ занятіяхъ науками". Другими словами, Гильдебрандъ выполнялъ свое желаніе, о которомъ говорилъ Брунону, епископу Сегньи [9]), удовлетворялъ своему стремленію—„учиться и ратовать въ богобоязненномъ мѣстѣ, подчиняясь уставу бл. Бенедикта" [10]).

---

[1]) Consuetudines Cluniacenses Lib. III, c. 22, p. 764—765.

[2]) Biblioth. Cluniacensis Col. 1642 c. Greving, p. 163 n. 1.

[3]) Ottonis Chronicon Lib. VI c. 33, p. 245.

[4]) Auctarium Garstense, p. 568; Annales Admuntenses, p. 575; Annales S. Rudberti Salisburgensis, p. 773.

[5]) Dialogus inter Cluniacensem et Cisterciensem, p. Cp. 1593. Disciplina Farfensis.

[6]) Cp. Sackur, I, p. 58—59.

[7]) Benzonis, Lib. VI praef. c. 2, p. 660, c. 4, p. 661. Lib. VII, c. 2, p. 673.

[8]) Bonithonis, Lib. V, p. 630—631.

[9]) Brunonis, c. 3, p. 546.

[10]) Brunonis, c. 2, p. 547.

Библиотека "Руниверс"

„Римскій монахъ" имѣлъ полное основаніе разсчитывать на пріемъ въ Клюнійскую обитель [1]), въ виду тѣсныхъ связей съ нею Авентинскаго монастыря. Эти связи равно, какъ временное вступленіе Гильдебранда въ Клюньи, и подали поводъ считать его „клюнійскимъ монахомъ", тогда какъ непродолжительность его пребыванія объясняетъ молчаніе другихъ источниковъ.

Само собою понятно, что даже кратковременное пребываніе въ центрѣ преобразовательнаго движенія, направленнаго къ нравственному усовершенствованію современнаго общества, близкое соприкосновеніе съ клюнійскими воззрѣніями и знакомство съ удивительно стройною и мощною организаціей братства должны были оказать сильнѣйшее воздѣйствіе на Гильдебранда.

Въ Клюньи искони опирались на содѣйствіе свѣтскихъ владѣтелей для проведенія отстаиваемыхъ преобразованій. Клюнійскій аббатъ Одилонъ былъ въ Римѣ во время возложенія на главу Генриха III императорской короны и сталъ въ очень близкія отношенія къ Клименту, слѣдовательно не раздѣлялъ крайнихъ воззрѣній ревнителей [2]). На умѣренной точкѣ зрѣнія стоялъ и преемникъ Одилона, Гугонъ, не разъ выступавшій посредникомъ и примирителемъ во время борьбы Генриха IV съ Григоріемъ VII. Порою и этотъ великій папа допускалъ право царей „управлять церковью" и тѣмъ самымъ показывалъ, что и въ немъ уцѣлѣли отголоски клюнійскихъ взглядовъ. Болѣе прочно долженъ былъ здѣсь усвоить Гильдебрандъ идеалы монашества вообще и практическія послѣдствія, къ которымъ приводило ихъ осуществленіе. Три главныхъ обѣта, какъ извѣстно, давали иноки: бѣдность, цѣломудріе и повиновеніе были ихъ главными обязательствами. Въ сущности преобразователи послѣдовательнымъ распространеніемъ этихъ трехъ чисто нравственныхъ обязательствъ на мірскія отношенія придали реформѣ ея своеобразныя черты. Обѣтъ бѣдности строго соблюдался въ Клюньи [3]); частная собственность была изгнана изъ его стѣнъ и братіи было запрещено даже употреблять слова „мой", „твой" [4]). Все было общимъ, все было „наше".

Распространить эту точку зрѣнія на весь клиръ было легко, ибо каноны учили, что церковная собственность—„достояніе бѣдныхъ", но никакъ не пастырей. Даже церковнослужители должны состав-

---

[1]) Consuetudines Cluniacenses Lib. II, c. 1, p. 701.
[2]) Vita Odilonis Lib. I, c. 14, p. 909.
[3]) Consuetudo Cluniacensis Lib. III, c. 4, p. 738.
[4]) Consuetudo Cluniacensis Lib. II, c. 20, p. 709.

Библиотека "Руниверс"

лять общежитія и имѣть общую собственность. Естественно, что всякій симонистъ нарушалъ самымъ явнымъ образомъ эти требованія: опираясь на собственность, онъ пріобрѣталъ съ корыстными видами незаконныя права на общее достояніе; при помощи ненавистнаго богатства онъ стремился стяжать еще большія сокровища, посягалъ на „Божіе имущество". Съ увеличеніемъ числа монаховъ, занимавшихъ епископскія каѳедры, должна была расти ненависть къ симоніи, то-есть, уясняться одна изъ отличительныхъ чертъ преобразовательнаго теченія.

Цѣломудріе, второй обѣтъ иноковъ, коренилось въ природѣ средневѣковья, смотрѣвшаго на женщину какъ на вмѣстилище грѣха и соблазна, виновницу утраты райскаго блаженства. Бракъ былъ лишь уступкою человѣческой слабости. Какъ же можно было признать посредника между Богомъ и людьми—клирика, имѣющимъ тѣ же грѣховныя страсти? Само собою понятно, что распространеніе монашескихъ идеаловъ должно было привести къ ожесточенной борьбѣ съ второй язвой времени—браками священнослужителей, ведущими къ умаленію ихъ благодатной силы и расхищенію „общаго достоянія" въ пользу частныхъ лицъ—потомства и родственниковъ женатыхъ клириковъ.

Еще болѣе имѣлъ значенія третій обѣтъ—повиновеніе старшимъ. Какъ въ стѣнахъ обители соблюдалось строгое подчиненіе низшихъ высшимъ [1]), такъ и въ лонѣ церкви клирику подчиненъ мірянинъ, епископамъ—духовенство, епископы—архіепископамъ и всѣ—папѣ, главному пастырю, единственному „вселенскопу епископу". Въ Клюньи, съ основанія подчиненномъ только римскому первосвященнику, это послѣдовательное подчиненіе находило благодатную почву. Раздѣляя общее стремленіе къ возстановленію завѣтовъ старины, клюнійцы считали свой уставъ „древнѣйшимъ закономъ", „уставомъ отцовъ" и тщательно соблюдали всѣ его предписанія.

Попавъ въ ихъ среду, Гильдебрандъ долженъ былъ замѣтить, насколько власть „клюнійскаго царя Одилона" по своей прочности превосходила мощь императора. Наглядный, живой примѣръ показывалъ, что господствующій надъ душами сильнѣе властвующаго надъ тѣломъ. Не грубое насиліе, а добровольное подчиненіе всѣхъ единой волѣ было основой страшнаго могущества аббата. Недаромъ его впослѣд-

---

[1]) Ср. Consuetudo Cluniacensis Lib. III, c. II, p. 733—734; c. IV, p. 738; c. V—IX, p. 739—748.

Библиотека "Руниверс"

ствіи Григорій называлъ „blandus tyrannus“ [1]). Такое же вольное подчиненіе всѣхъ „апостольскому престолу“ сдѣлалось для Гильдебранда завѣтною мечтой. Связь ея съ монашескими воззрѣніями очень ясна и несомнѣнна: монастырскіе уставы считали „неповиновеніе идолопоклонствомъ“; эту же мысль постоянно проводитъ Григорій въ своихъ письмахъ: для него „всякій, не повинующійся апостольскому престолу, впадаетъ въ преступленіе идолопоклонства“ [2]). Повиновеніе является для него необходимымъ условіемъ полученія апостольскаго благословенія [3]). Монашескіе обѣты обнаруживаютъ свое вліяніе и на другихъ взглядахъ Гильдебранда: онъ полагаетъ [4]), что всѣ добродѣтели безъ цѣломудрія не имѣютъ силы передъ Богомъ. Какъ извѣстно, его желѣзной настойчивости католическая церковь обязана упорною борьбой за безбрачіе духовенства во имя аскетическихъ идеаловъ и насущныхъ интересовъ самой церкви: подобно монахамъ весь клиръ долженъ вести цѣломудренную жизнь [6]), подобно монахамъ всѣ церковники не должны имѣть частной собственности [7]). Какъ монастырское имущество неприкосновенно, такъ вообще церковныя владѣнія священны, не подлежатъ ни въ коемъ случаѣ отчужденію; только для выкупа плѣнныхъ и помощи бѣднымъ можно расточать церковное достояніе [8]).

Необходимымъ же условіемъ возстановленія правъ церкви на ея имущества было и для Григорія искорененіе симоніи. Какъ для иноковъ были обязательны послушаніе, бѣдность и цѣломудріе, такъ и для церковнослужителей необходимо повиноваться апостольскому престолу, не впадать въ грѣхъ любостяжанія путемъ симоніи и вести безбрачную жизнь [9]). Подобно тому какъ всѣ монахи въ тиши монастырской кельи вели упорную борьбу съ дьяволомъ и, соблюдая свято уставъ, торжествовали побѣду надъ древнимъ врагомъ, такъ и весь остальной міръ для своего спасенія долженъ былъ покорствовать ка-

---

[1]) Vita Hugonis, p. 583.

[2]) R. II, № 45, p. 159; № 66, p. 186; № 75, p. 199; R. IV, № 1, p. 240; № 2 p. 244; № 11, p. 256 и т. д.

[3]) R. I, № 65, p. 84; № 67, p. 86; R. III, № 8, p. 214; № 10, p. 218; R. V, № 309.

[4]) R. II, № 25, p. 138.

[5]) Ср. кн. *Трубецкой*, стр. 148 сл.

[6]) Ep. col. № 8, p. 529.

[7]) Bonithonis, Lib. VII, p. 660.

[8]) R. V, № 20, p. 316.

[9]) R. II, № 45, p. 159.

Библиотека "Руниверс"

ническимъ постановленіямъ, хранить ихъ и слѣдовать завѣтамъ св. отцовъ.

Таковы наиболѣе выпуклыя черты, сближающія преобразовательное теченіе, выразителемъ котораго былъ Григорій VII, съ монашескими идеалами. Отрекшіеся отъ міра были обречены властвовать надъ міромъ, пока господствовало средневѣковое міросозерцаніе.

Изъ уединенія лѣсовъ и пустынь отшельники руководили міромъ не разъ бывали противъ воли вынуждены покинуть созерцательную жизнь и во имя служенія ближнимъ и общей матери церкви впутаться въ грѣшный омутъ міра.

Гильдебрандъ не избѣжалъ этой общей участи носителей средневѣковаго идеала. Ему не удалось окончить свои дни въ монастырской тиши: направляясь въ Германію, великій пріоръ, слѣдуя уставу [1]), долженъ былъ взять съ собой нѣсколько иноковъ. Въ ихъ число попалъ и Гильдебрандъ, извѣстный расположеніемъ къ нему Генриха и Агнессы: можно было разсчитывать, что доля его вліянія поможетъ дать дѣламъ братства желанный оборотъ. Какъ было уже упомянуто, во время путешествія въ Германію Гугонъ узналъ о проѣздѣ избраннаго въ папы Брунона и поспѣшилъ повидаться съ нимъ, подобно множеству другихъ лицъ, искавшихъ встрѣчи съ новымъ намѣстникомъ апостоловъ [2]). Для пріора было важно, согласно установившемуся обычаю, получить отъ апостольскаго престола новое подтвержденіе правъ и преимуществъ клюнійской обители [3]). И вотъ Гугонъ сворачиваетъ въ Безансонъ [4]) съ цѣлью свиданія съ Бруноном.

Гильдебрандъ, по словамъ Бонитона, узнавъ объ этомъ намѣреніи своего пріора, началъ просить своего настоятеля не искать встрѣчи съ ставленникомъ императора. По его мнѣнію Брунонъ, „былъ не намѣстникомъ апостоловъ, а отступникомъ, такъ какъ пытался по приказанію императора захватить римское епископство“. Гугонъ оставилъ эти просьбы

---

[1]) Consuetudines cluniacenses Lib. III, c. VI, p. 738.

[2]) Wiberti, Lib. II, c. 2, p. 150. Ср. *Lehmann*, Forschungen zur Geschichte des Abtes Hugo I von Cluny p. 77—79.

[3]) Ср. Jaffe № 4169. p. 531.

[4]) Bonithonis, Lib. VI, p. 631. Обыкновенно (Sackur II, 302) думаютъ, что встрѣча Гугона съ Бруноном произошла во время возвращенія перваго въ Клюни, но такое пониманіе извѣстій житія и Бонитона исключаетъ возможность, по хронологическимъ соображеніямъ, свиданія. См. L'Huillier, p. 44 сл. Его возраженія, однако, упускаютъ изъ виду возможность встрѣчи на пути Гугона въ Германію.

Библиотека "Руниверс"

безъ отвѣта, но, прибывъ въ Безансонъ, поспѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія „достопочтеннаго епископа", присовокупивъ, что Гильдебрандъ отличается чистотою нравовъ и безукоризненностью своей монашеской жизни. Брунонъ заинтересовался переданнымъ и пожелалъ переговорить съ ревнителемъ, слѣдуя совѣту котораго, снялъ съ себя знаки папскаго достоинства, надѣлъ суму и направился къ гробницѣ апостоловъ [1]).

Новѣйшая критика [2]) крайне отрицательно относится къ этому разказу епископа сутрійскаго. Однако, приводимыя ею возраженія не имѣютъ неоспоримо доказательной силы и коренятся въ стремленіи отыскать противорѣчія даже тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, стремленіи, порожденномъ предвзятымъ отношеніемъ къ пресловутой недостовѣрности Бонитона.

Сопоставленіе его данныхъ съ свидѣтельствами другихъ источниковъ показываетъ, что между ними нѣтъ непримиримыхъ противорѣчій. Такъ противъ Бонитона выдвигаютъ показанія житій Льва IX. Одно изъ нихъ написано архидіакономъ тульской церкви Вибертомъ, современникомъ Льва, человѣкомъ хорошо освѣдомленнымъ [3]). Что же касается другаго автора, Брунона сегнійскаго, то онъ основывался на сообщеніяхъ самого Григорія VII [4]). Слѣдовательно, если окажется, что разказъ Бонитона находитъ подтвержденіе у этихъ и другихъ современныхъ писателей, то необходимо отказаться отъ крайностей критическихъ увлеченій.

Какъ извѣстно, Вибертъ отводитъ [5]) „императорскому приказу" видное мѣсто, какъ причинѣ, преодолѣвшей нежеланіе Брунона, стало быть Гильдебрандъ имѣлъ основаніе говорить объ „императорскомъ повелѣніи", что онъ и дѣлаетъ, по Бонитону. Далѣе, Штейндорфъ говоритъ, будто Брунонъ по собственному побужденію выѣхалъ изъ Туля въ одеждѣ пилигрима. Но Вибертъ, на котораго ссылается въ данномъ случаѣ нѣмецкій изслѣдователь, не опредѣляетъ точно момента и обстоятельствъ, когда его герой, „вопреки обычаю всѣхъ папъ", надѣлъ одежду богомольца, ука-

---

[1]) Bonithonis, Lib. V, p. 631—632. О значеніи слова „conversatio" см. Ducange, T. III, p. 546.

[2]) См. напр. Steindorff II, p. 74—75. Martens I, p. 41—42. Langen, p. 447. Schirmer, 36—37.

[3]) Giesebrecht II, p. 597.

[4]) Brunonis c. 3, p. 548.

[5]) Wiberti, Lib. II, c. 2, p. 150.

Библиотека "Руниверс"

зывая, что онъ „руководился смиреніемъ [1])“. Несомнѣнно, однако, что на Брунона въ присутствіи императора надѣли папское облаченіе [2]); кромѣ того, и изъ сообщенія Виберта вытекаетъ, что избранникъ императора лишь послѣ пребыванія въ Тулѣ надѣлъ одежду богомольца. Если Бонитонъ и говоритъ о подробностяхъ, при которыхъ Брунонъ снялъ съ себя „знаки апостольскаго достоинства“, то отсюда не слѣдуетъ, что его сообщеніе стоитъ въ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Мало того, Брунонъ, епископъ Сегньи, которому Штейндорфъ отводитъ рѣшающій голосъ, подкрѣпляетъ показаніе Бонитона. Онъ вовсе не утверждаетъ, что Левъ призвалъ къ себѣ Гильдебранда въ Вормсѣ, какъ полагаетъ большинство изслѣдователей, не сообщаетъ, почему папа обратился къ „римскому монаху“, но зато почти дословно воспроизводитъ соображенія, влагаемыя Бонитономъ въ уста Гильдебранда [3]), который отказывается сопровождать Льва, потому что тотъ „не по каноническимъ постановленіямъ, а благодаря свѣтской, королевской власти направляется для захвата римской церкви“. Далѣе, тотъ же Брунонъ утверждаетъ, что Левъ, „весьма кроткій и простой по природѣ терпѣливо удовлетворилъ Гильдебранда, поступивъ во всемъ сообразно его желаніямъ [4])“.

Наконецъ, Бенонъ прямо говоритъ, что его врагъ присоединился къ папѣ Льву не въ Вормсѣ, а во время путешествія [5]) въ Римъ. Такимъ образомъ, Бонитонъ лишь пополняетъ своимъ разказомъ извѣстія другихъ источниковъ, но не стоитъ въ противорѣчіи съ ними. Его свидѣтельство помогаетъ лучше понять и разобраться въ недомолвкахъ и пробѣлахъ остальныхъ писателей: Гильдебрандъ, приверженецъ освобожденія папскаго престола отъ гнета свѣтской власти, окрѣпшій въ своихъ убѣжденіяхъ, благодаря знакомству съ лжеисидоровскимъ сборникомъ, ярый поборникъ точнаго выполненія каноническихъ предписаній, не могъ признать обстоятельствъ возвышенія Льва сообразными завѣтамъ каноновъ, а потому съ обычной рѣзкостью и прямо-

---

[1]) Ср. Wiberti, Lib. II, c. 2, p. 150. „Romanum arripuit iter“ и Bonithonis, Lib. V, p. 632 „usque ad limina Apostolorum properavit“.

[2]) Anselmi Remensis p. 113. Ср. Ottonis Chronicon Lib. VI, c. 32, p. 245.

[3]) Brunonis, c. 2, p. 548: „per secularem et regiam potestatem Romanam ecclesiam arripere vadis“. Ср. Bonithonis, Lib. V, p. 631: „jussu imperatoris Romanum conaretur arripere pontificatum“.

[4]) Bruonis, c. 2, p. 548. Ср. Catalogus, p. 275: „Hic (Leo) Ildebrandi consilio omni in itinere et in hac civitate fecit“. Bozonis, p. 355.

[5]) Benonis II, c. 9 p. 379.

Библиотека "Руниверс"

тою высказалъ папѣ свои взгляды. Брунонъ, какъ епископъ одного изъ лотарингскихъ городовъ, и самъ склонялся къ подобнымъ же воззрѣніямъ и самъ считалъ согласіе клира и народа необходимымъ условіемъ своего вступленія на римскую каѳедру. Однако укоренившаяся привычка повиноваться волѣ императора заставила его преклониться передъ приказаніемъ Генриха, удовлетворивъ свою совѣсть выговореннымъ правомъ создать болѣе каноническіе выборы. Нежеланіе разгнѣвать императора побудило носить папское облаченіе; теперь обличенія Гильдебранда, хорошо знавшаго римскія дѣла, должны были заставить отказаться отъ мысли предстать передъ избирателями какъ императорскій кандидатъ: какъ грозное предзнаменованіе выступала участь Климента и Дамаза. Необходимо было примирить римлянъ, даже ту ихъ часть, которая питала неудовольствіе по поводу императорскаго преобладанія, съ „нѣмецкимъ папой".

И вотъ Левъ идетъ въ качествѣ богомольца на поклоненіе святынямъ вѣчнаго города и беретъ съ собой „подателя столь спасительнаго совѣта". Бонитонъ говоритъ [1]), что папѣ едва удалось получить, послѣ настойчивыхъ просьбъ, отъ аббата разрѣшеніе взять съ собой Гильдебранда. Впослѣдствіи и Григорій VII, не разъ утверждалъ [2]), что онъ крайне неохотно вернулся въ Римъ вмѣстѣ съ папой Львомъ. Нѣтъ ничего подозрительнаго въ этихъ извѣстіяхъ. Гугонъ не могъ своею властію отпустить молодаго монаха въ полный соблазновъ міръ [3]), откуда тотъ бѣжалъ въ поискахъ тихой пристани въ стѣны клюнійской обители. Самъ Гильдебрандъ горѣлъ желаніемъ окончить свои дни въ монастырѣ. Онъ горькимъ опытомъ убѣдился, какъ трудно было бороться съ существовавшими нестроеніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ съ ними примириться. Онъ сознавалъ, что, направляясь въ Римъ, беретъ на себя чрезвычайно тяжелое бремя, что не разъ будетъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ мѣрамъ, противорѣчащимъ монашескимъ обѣтамъ, долженъ вырвать изъ своей груди влеченіе къ тихой, созерцательной жизни. Лишь надежда принести пользу святой церкви и, устоявъ отъ искушеній среди тысячи соблазновъ, вести еще болѣе строгій образъ жизни побудили его поддаться увѣщаніямъ Брунона [4]), который взялъ на себя, по словамъ Дезидерія,

---

[1]) Bonithonis, Lib. V, p. 632. Brunonis, c. 2, p. 548. Benonis II. c. 8, p. 378. Ottonis Chronicon Lib VI, c. 32, p. 245.

[2]) R. VII, № 14a, p. 401. Ср. II, № 49, p. 164.

[3]) Нарушались обѣты „stabilitatis" и „taciturnitatis".

[4]) Ср. R. II, № 49, p. 164.

Библиотека "Руниверс"

руководство Гильдебрандомъ [1]) подобно тому, какъ Григорій VII считался наставникомъ возвращеннаго имъ изъ Клюньи Ансельма Луккскаго [2]). Твердая вѣра въ предуготованный ему провидѣніемъ путь и на этотъ разъ побудила Гильдебранда покориться принужденію и отказаться отъ собственной воли: разъ Гугонъ уступая волѣ „избраннаго въ папы" согласился исполнить желаніе Льва, долгъ повиновенія побуждалъ монаха идти въ Римъ. Хорошо зная тщеславіе жителей вѣчнаго города и стремясь придать каноническій характеръ возвышенію Льва, Гильдебрандъ посовѣтовалъ ему „соблюсти римскіе обычаи при предстоящемъ выраженіи клиромъ и народомъ согласія признать императорскаго ставленника" намѣстникомъ апостоловъ.

Дѣйствительно, прибывъ въ Римъ, Брунонъ, по сообщеніямъ нашихъ источниковъ, подвергъ себя переизбранію клира и народа: въ своей рѣчи къ римлянамъ онъ указалъ, что избранъ императоромъ, тогда какъ авторитетъ каноновъ требуетъ, чтобъ распоряженіямъ другихъ лицъ предшествовало избраніе клира и народа. Вынужденный принять столь тяжкое бремя, Левъ утверждалъ, что онъ охотно возвратится домой, если не послѣдуетъ избранія, скрѣпленнаго общимъ одобреніемъ" [3]). По словамъ Бонитона [4]), Брунонъ напомнилъ римлянамъ, что уступилъ просьбамъ ихъ посольства и прибылъ въ Римъ, выполняя данный обѣтъ и желая повиноваться ихъ волѣ. Какъ извѣстно, римское посольство присутствовало при избраніи Льва въ Вормсѣ и своими просьбами не мало содѣйствовало устраненію его колебаній. Ссылка на это обстоятельство была совершенно умѣстна: она дѣлала Брунона уже избранникомъ римскихъ уполномоченныхъ, а стало быть и клиръ и народъ, видя въ новомъ папѣ человѣка, желавшаго стать къ нимъ въ болѣе близкія отношенія, не полагавшагося всецѣло на императорское приказаніе, должны были выразить ему свое полное сочувствіе и одобрить выборъ своихъ пословъ. Послѣ этого состоялось „сообразно римскимъ обычаямъ" возведеніе Брунона на апостольскій престолъ, сопряженное съ посвященіемъ и перемѣной имени [5]).

Такимъ образомъ, Левъ IX при самомъ своемъ вступленіи показалъ, что главною руководящей нитью его поступковъ будетъ стрем-

---

[1]) Desiderii, Lib. III, p. 1006.

[2]) Vita Anselmi, c. 12, p. 17. Ср. c. 4, p. 14.

[3]) Wiberti, Lib. II. c. 2, p. 151.

[4]) Bonithonis, Lib. V, p. 362, ср. Bozonis, p. 275.

[5]) Brunonis, c. 2, p. 548, ср. Bonithonis, Lib. V, p. 632, и Leonis casinensis Lib. II, c. 79, p. 683.

Библиотека "Руниверс"

леніе къ соблюденію каноническихъ предписаній. Если, по мнѣнію самого императора, замѣщеніе апостольскаго престола не могло происходить по одному приказанію императора, а нуждалось прежде всего въ дружномъ согласіи клира и народа, въ крайнемъ случаѣ избиравшихъ черезъ уполномоченныхъ своего пастыря и потомъ выражавшихъ одобреніе и признаніе сдѣланнаго ими выбора, то очевидно, что императорская мощь не могла удержать захваченнаго ею положенія. Отнынѣ окончательное освобожденіе апостольскаго престола было лишь вопросомъ времени. Оно должно было повести вообще къ „свободѣ церкви", къ устраненію свѣтскихъ владѣтелей отъ захваченнаго ими права распоряжаться церковными санами. Брунонъ, въ присутствіи императорскаго посланца, архіепископа Трирскаго Эбергарда [1]), поставилъ волю клира и народа выше императорскихъ повелѣній и такое заявленіе не вызвало гнѣва со стороны Генриха, потому что и онъ раздѣлялъ, какъ извѣстно, преклоненіе передъ канонами. Примѣру императора слѣдовали и другіе владѣтели, не предчувствуя и не сознавая пока, куда заведетъ ихъ послѣдовательное и строгое выполненіе каноническихъ предписаній. Левъ удачно примирилъ императорское назначеніе съ народнымъ избраніемъ, стало быть могъ опираться и на поддержку своего государя и на сочувствіе ревнителей. По выраженію Дезидерія [2]), съ его возвышеніемъ „были возобновлены и возстановлены всѣ церковныя стремленія, показалась міру новая заря". Дѣйствительно, благодаря мірообъемлющей дѣятельности „новаго намѣстника св. Петра", папство стало на небывалую высоту, окрѣпило дѣло церковно-общественныхъ преобразованій и воспитался подъ вліяніемъ живаго, нагляднаго примѣра великій духъ Гильдебранда.

Итакъ, Генрихъ III не удержалъ въ своихъ рукахъ безусловное право назначать римскихъ папъ по своему усмотрѣнію. Онъ пошелъ на уступки могущественному духу времени и шагъ за шагомъ отступалъ передъ дружнымъ натискомъ поборниковъ каноническихъ идеаловъ. Въ его лицѣ императорство добилось временнаго преобладанія надъ папствомъ, но это преобладаніе было мимолетно, не привело ни къ какимъ существеннымъ измѣненіямъ; наоборотъ даже усилило противодѣйствіе законниковъ „захватамъ свѣтской власти". Вѣчно борющійся съ возстаніями вельможъ, съ непокорными сосѣдями, не рас-

---

[1]) Mansi XIX, p. 723.

[2]) Desiderii Lib. III, p. 1006.

Библиотека "Руниверс"

полагавшій ни постояннымъ войскомъ, ни прочными доходами въ видѣ всеобщихъ денежныхъ повинностей, лишенный даже права судить всѣхъ подвластныхъ по единому закону, императоръ могъ лишь притязать на главенство надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. У папы было несравненно болѣе данныхъ для проведенія въ жизнь своихъ правъ на руководство тогдашнимъ человѣчествомъ. За римскаго первосвященника была общая вѣра въ его учительскія полномочія, затѣмъ въ лицѣ монаховъ и прочаго духовенства онъ располагалъ настоящимъ воинствомъ, онъ имѣлъ возможность судить всѣхъ по общему и для всѣхъ одинаковому закону, онъ имѣлъ въ щедрыхъ дареніяхъ и въ огромной собственности церковной постоянный источникъ доходовъ. Правда, духовенство не все еще прониклось покорностью велѣніямъ римскаго престола, каноны еще не вошли въ всеобщее употребленіе, имущества были захвачены, но при настойчивомъ стремленіи къ разъ намѣченной цѣли всѣ эти уклоненія отъ правильнаго, „опредѣленнаго самимъ Богомъ" порядка вещей должны были уменьшиться, разъ на апостольскій престолъ взойдетъ человѣкъ, сознающій свои права и обязанности, а не жалкое орудіе, безличное и безвольное, какимъ былъ Климентъ II. Поэтому съ Льва IX, проникнутаго, подобно другимъ лотарингскимъ епископамъ, идеалами лжеисидорова сборника, чаша вѣсовъ все болѣе и болѣе начинаетъ склоняться въ пользу папства, тогда какъ обаяніе императорства все болѣе и болѣе меркнетъ.

А. Вязигинъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОНЯТІЕ КРАСОТЫ [1]).

Понятіе красоты принадлежитъ къ числу тѣхъ понятій, которыя обнимаютъ собою предметы не только весьма разнообразные, но и претерпѣвающіе процессы измѣненія независимо отъ требованій нашего разсудка. А свойство всѣхъ такихъ понятій состоитъ въ томъ, что создаваемое ими разграниченіе предметовъ въ *дѣйствительномъ* существованіи этихъ предметовъ постоянно нарушается. Само по себѣ это фактическое нарушеніе границъ, установленныхъ нами для предметовъ, конечно, еще не мѣшало бы ихъ разграниченію для нашей мысли, если бы измѣненіе предметовъ происходило независимо отъ свойствъ, указываемыхъ ихъ понятіями. Но дѣло въ томъ, что, совершаясь даже при участіи внѣшнихъ причинъ, такое измѣненіе непремѣнно свидѣтельствуетъ и о благопріятныхъ для него задаткахъ въ самой природѣ предмета. Мы различаемъ, напримѣръ, *движущееся* отъ *покоящагося*, *теплое* отъ *холоднаго*, *живое* отъ *мертваго*. Но на нашихъ глазахъ движущееся дѣло останавливается, теплое охлаждается, живое умираетъ. Такое превращеніе, и притомъ по большей части превращеніе даже *видимо* постепенное, доказываетъ, что есть *нѣчто общее*, взаимно-переходящее, въ движеніи и покоѣ, теплѣ и холодѣ, жизни и смерти; то-есть, что необходимо опредѣлять эти понятія такъ, чтобы въ содержаніи каждаго изъ нихъ оставалась *возможность* перехода въ его противоположность. Если, поэтому, первое, непосредственное опредѣленіе понятій есть опредѣленіе *отличающее*, *разграничивающее* ихъ, то послѣднее, окончательное ихъ опредѣленіе есть опредѣленіе

---

[1]) Сообщеніе, читанное въ философскомъ обществѣ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 27-го марта 1898 года.

Библиотека "Руниверс"

связывающее, примиряющее. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ результатѣ развитія науки получаются такія понятія, въ которыхъ разрѣшаются первоначальныя противоположности ихъ, или, по крайней мѣрѣ, открывается надежда на такое разрѣшеніе. Пріобрѣтеніе, сохраненіе и потеря движенія оказываются частными случаями одного и того же общаго закона; то же справедливо о согрѣваніи и охлажденіи тѣлъ; и, можетъ быть, будетъ найденъ напослѣдокъ и такой общій законъ, слѣдовательно такое общее понятіе, которое свяжетъ и примиритъ, какъ свои частные случаи, понятія живаго и мертваго.

Обращаясь къ понятіямъ, считающимся наиболѣе родственными понятію красоты, мы находимъ и въ нихъ, во-первыхъ, первоначальную ступень рѣзкаго раздѣленія противоположностей и, во-вторыхъ, если не достигнутую, то, по крайней мѣрѣ, желаемую и чаемую ступень конечнаго разрѣшенія и примиренія этихъ противоположностей. Эти понятія суть понятія *истины* и *добра*. Что для непосредственнаго, ближайшаго опредѣленія можетъ быть рѣзче противоположностей *истины* и *заблужденія*, *добра* и *зла*? И, безъ сомнѣнія, истина не есть заблужденіе, добро не есть зло, также точно, какъ движеніе не есть покой, а жизнь не есть смерть. Но какъ въ дѣйствительномъ существованіи вещей движеніе переходитъ въ покой, а жизнь въ смерть, такъ въ дѣйствительномъ существованіи человѣческаго духа совершается непрерывный кругооборотъ истины и заблужденія, добра и зла, который былъ бы непонятенъ, если бы между истиною и заблужденіемъ, добромъ и зломъ не было общенія и взаимнаго перехода. Живая, присущая человѣку истина есть истина становящаяся или развивающаяся, то-есть переходящая изъ состоянія менѣе совершеннаго въ состояніе болѣе совершенное. Сама по себѣ несовершенная истина еще не есть заблужденіе, если человѣкъ ясно отдаетъ себѣ отчетъ въ степени ея несовершенства. Но такое мудрое самоограниченіе мысли возможно лишь въ отношеніи къ истинамъ частнымъ, съ которыми имѣетъ дѣло спеціальная наука. Въ области же философіи всякая истина непремѣнно стремится получить значеніе всеобщее, обнять собою весь кругъ познанія. Стремленіе это необходимо, такъ какъ безъ него нѣтъ философіи. Но будучи необходимо, оно съ необходимостью же приводитъ къ заблужденіямъ, расширяя приложеніе ученій, вѣрныхъ для нѣкоторой части явленій, на всю ихъ область. По *положительному* своему содержанію каждое философское ученіе истинно; но оно становится ложнымъ по расширенію своему далѣе своихъ законныхъ границъ. И, однако, это рас-

Библиотека "Руниверс"

ширеніе необходимо вытекаетъ изъ самой задачи философіи, вслѣдствіе чего въ ея исторіи истина постоянно порождаетъ заблужденіе. Съ другой стороны, заблужденіе, необходимо возникающее на данной ступени развитія философіи, столь же необходимо становится задаткомъ новой, болѣе совершенной истины, такъ какъ сознаніе этого заблужденія приводитъ къ необходимости отречься отъ мнимой всеобщности прежняго ученія и, сохраняя его положительную цѣнность, ввести его въ составъ ученія болѣе широкаго, болѣе удачно разрѣшающаго и примиряющаго противоположности прежнихъ ученій. Поэтому, если мы предположимъ достиженіе философіею ея конечной цѣли — установленіе дѣйствительно-всеобщей, всеразрѣшающей истины, — то отношеніе послѣдней къ заблужденію окажется иное, чѣмъ то, которое такъ ясно для первоначальнаго, непосредственнаго понятія истины. Первоначальное понятіе истины отстраняетъ, отрѣшаетъ отъ нея заблужденіе. Конечное же понятіе объясняетъ необходимость происхожденія заблужденія изъ самаго развитія истины и вмѣстѣ разрѣшаетъ это заблужденіе, то-есть дѣлаетъ его невозможнымъ. Заблужденіе оказывается необходимымъ сопутникомъ спора между частными истинами, изъ которыхъ каждая стремится — и *должна* стремиться, такъ какъ въ этомъ *жизнь* философіи — стать истиною всеобщею. Коль скоро такая всеобщность дѣйствительно достигнута, или въ той мѣрѣ, въ какой она достигнута, этотъ споръ разрѣшается, а съ нимъ вмѣстѣ разрѣшается и противоположность истины и заблужденія.

Едва ли нужно подробно доказывать, что такого же конечнаго разрѣшенія и примиренія требуетъ и первоначальная, непосредственная противоположность понятій добра и зла. Доброе есть то, что *должно* быть, а злое—то, чего *не должно* быть. Но уклоненіе отъ должнаго, какъ бы оно ни было преступно, во всякомъ случаѣ имѣетъ одно неотъемлемое право—право на объясненіе его причинъ. Вдаваясь же въ это объясненіе, мы находимъ, что свойства и мѣра такого уклоненія всегда строго соразмѣрны степени несовершенства того, что въ данное время считается должнымъ, добрымъ. Чѣмъ несовершеннѣе теоретическія основы и практическія приложенія существующаго въ данное время круга нравственныхъ обязанностей, то-есть, съ одной стороны, чѣмъ произвольнѣе и догматичнѣе выставляются ихъ правила, а съ другой—чѣмъ менѣе обращается вниманіе на воспитаніе и поддержку незрѣлой и слабой воли къ соблюденію этихъ правилъ, тѣмъ болѣе и уклоненій отъ должнаго, то-есть тѣмъ болѣе зла. И это

Библиотека "Руниверс"

зло служитъ такъ же условіемъ усовершенствованія теоріи и практики добра, какъ философское заблужденіе служитъ стимуломъ развитія и усовершенствованія философской истины. Поэтому, какъ совершенная истина не только отстраняетъ заблужденіе, но объясняетъ и разрѣшаетъ его, такъ и совершенное добро не только отрицаетъ и преслѣдуетъ зло, но разрѣшаетъ его и исторически оправдываетъ его, какъ условіе усовершенствованія самаго добра.

Итакъ въ понятіяхъ, сопредѣльныхъ понятію красоты и обыкновенно поставляемыхъ съ нимъ въ связь, мы несомнѣнно должны различать ступень первоначальной, непосредственной отдѣльности отъ того, что имъ противоположно, и ступень конечнаго разрѣшенія и примиренія этой противоположности. Назовемъ первую ступень *понятіемъ* въ собственномъ значеніи этого слова, а для второй ступени—не гоняясь за историческою точностью такого словоупотребленія—примемъ терминъ *идея*. Тогда мы можемъ сказать: въ *понятіяхъ* добра и истины мы мыслимъ ихъ отрѣшенными, отдѣленными отъ зла и заблужденія; въ *идеяхъ* же ихъ мы мыслимъ ихъ объяснившими, разрѣшившими и побѣдившими зло и заблужденіе. Вопросъ теперь не въ томъ, въ какой мѣрѣ эти идеи осуществимы, то-есть достижима ли такая полнота добра и истины, при которой совершенно подсѣкаются корни зла и заблужденія. Если—по крайней мѣрѣ для человѣчества въ его земной жизни—она достижима лишь отчасти, то это все же нисколько не препятствуетъ мыслить идеи добра и истины, какъ тѣ цѣли, къ которымъ направляется развитіе человѣческой мысли и воли, постоянно и въ предѣлахъ возможнаго приближаясь къ ихъ осуществленію. Занимающій насъ теперь вопросъ сводится лишь къ тому, въ правѣ ли мы допустить такое же различіе двухъ ступеней и въ понятіи красоты.

Какъ истина противополагается заблужденію, а добро—злу, такъ *красота* противополагается *безобразію*. Отличеніе и раздѣленіе этихъ двухъ понятій логически необходимо. Но осуществить рѣзкость этого раздѣленія въ живой дѣйствительности и въ самомъ процессѣ развитія эстетическихъ опредѣленій оказывается столь же невозможно, какъ и въ области нравственной и познавательной. Развитіе красоты также необходимо происходитъ отъ несовершеннаго къ совершенному; и какъ несовершенство истины и добра, не будучи еще само по себѣ заблужденіемъ и зломъ, порождаетъ заблужденіе и зло, такъ и несовершенная красота, не будучи еще сама по себѣ безобразіемъ, заключаетъ въ себѣ источникъ его происхожденія. Несовершенная красота, полагаясь нормою для эстетическаго сужденія, непремѣнно огра-

Библиотека "Руниверс"

ничиваетъ его, исключая изъ своего круга такое содержаніе, котораго она не въ состояніи осилить. Такимъ образомъ, это содержаніе осуждается на безобразіе вслѣдствіе ограниченности существующей эстетической нормы, которая, останавливая тѣмъ самымъ прогрессъ искусства, сама становится преградою развитія красоты. И эта противоположность, необходимо возникающая, требуетъ своего разрѣшенія въ болѣе высокой эстетической ступени, примиряющей въ себѣ то, что для низшей ступени было порознено, и претворяющей прежнее безобразіе въ новую, высшую красоту. Исторія искусства полна примѣровъ такого принятія въ новый канонъ красоты того, что съ точки зрѣнія прежняго канона было объявляемо за безобразіе. И отсюда естественно также возникаетъ понятіе всесовершенной, всепримиряющей красоты, какъ въ областяхъ истиннаго и добраго возникаютъ понятія всесовершенныхъ истины и добра; то-есть, возникаетъ различіе *идеи* красоты отъ *понятія* ея въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Къ сказанному я считаю нужнымъ прибавить, что это различіе въ двухъ способахъ пониманія красоты—съ одной стороны, какъ чего-то исключающаго изъ себя безобразіе, а съ другой—какъ принимающаго въ себя, разрѣшающаго и претворяющаго его въ высшую красоту, не представляетъ собою въ эстетикѣ ничего новаго. Его можно найдти въ сочиненіяхъ, написанныхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и, притомъ, принадлежащихъ авторамъ разнообразныхъ направленій. Такъ, напримѣръ, *Вейссе*, ученіе котораго представляетъ собою гегеліанизмъ, видоизмѣненный и восполненный вліяніемъ Шеллинга, различаетъ собственно *красоту*, какъ первоначальный продуктъ безсознательно-дѣйствующей фантазіи, отъ *идеала*, какъ красоты, прошедшей чрезъ отрицаніе ея въ безобразіи и преодолѣвшей это отрицаніе. Эстетика Вейссе вышла въ свѣтъ въ 1830 году. Съ другой стороны, гербартіанецъ *Циммерманъ*, эстетика котораго относится къ 1865 году, выражается такъ: „Прекрасное въ процессѣ гармоническаго одухотворенія принимаетъ въ себя безобразное, какъ видимость, которая сама себя разрушаетъ". По *Гартману*, который въ этомъ случаѣ слѣдуетъ руководству *Шаслера*, всякая низшая ступень красоты, чрезъ преодолѣніе соотвѣтствующаго ей безобразія, поднимается на высшую степень, воспринимая въ себя большее число *характеристическихъ* чертъ. Поэтому, если въ новѣйшее время слышатся голоса, указывающіе на то, что искусство не можетъ остановиться на красотѣ, какъ она опредѣляется ея непосредственнымъ,

Библиотека "Руниверс"

первоначальнымъ понятіемъ, то это совершенно вѣрно: такое искусство было бы лишено серьезной цѣли и истинно-идеальнаго характера. Но это мнѣніе нисколько не ново, потому что оно было высказано уже десятки лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны, выводить отсюда, какъ это дѣлаетъ *графъ Толстой*, что искусство вовсе не имѣетъ цѣлью красоты, значитъ останавливаться на первоначальномъ, низшемъ пониманіи красоты, не пытаясь возвыситься до ея идеи.

Все сказанное мною клонится собственно къ тому, чтобы опредѣлить границы моего сегодняшняго сообщенія. Это сообщеніе имѣетъ своимъ предметомъ не *идею* красоты, а ея *понятіе* въ собственномъ значеніи этого слова; то-есть задача его состоитъ не въ томъ, чтобы всестороннимъ и всеразрѣшающимъ образомъ обнять всѣ противоположности, возникающія въ человѣческомъ духѣ, когда въ немъ совершается процессъ эстетическаго развитія, а въ томъ, чтобы указать признаки, которыми отличается красота отъ своей противоположности— безобразія. Это пониманіе красоты есть первоначальное или низшее; но оно необходимо, какъ *начало* эстетики, точно также, какъ *идея* красоты необходима, какъ ея *конецъ* или *результатъ*. Предполагая ввести присутствующее собраніе въ кругъ моихъ мыслей объ эстетикѣ, я, конечно, долженъ начать съ *начала*, а не съ *конца*.

Природа есть *являющійся* намъ міръ, то-есть міръ, какъ предметъ нашей чувственности. Содержаніемъ чувственности, то-есть тѣмъ, въ чемъ намъ даны явленія міра, служатъ разнообразныя *качества* природы, какъ-то цвѣта, фигуры, движенія, звуки, вкусы, запахи, состоянія температуры и т. п. Эти качества природы, въ ихъ существованіи *для насъ*, какъ воспринимающихъ существъ, называются *ощущеніями*. Такимъ образомъ, природа, кратко, можетъ быть опредѣлена какъ то, что нами ощущается [1]). Ощущеніе, какъ таковое, есть, однако, лишь *начальная ступень* нашего отношенія къ природѣ. Второю ступенью этого отношенія является возникающее въ насъ различеніе *ощущающаго* и *ощущаемаго*, *вещества* и *души*. Поводомъ къ такому различенію служитъ то, что въ числѣ ощущаемыхъ нами качествъ

[1]) Это опредѣленіе природы нисколько не измѣняется отъ того, что мы имѣемъ съ нею дѣло не только черезъ непосредственное воспріятіе ощущеній, но и чрезъ воспроизведеніе ихъ въ представленіяхъ, такъ какъ и въ послѣднемъ случаѣ мы относимся къ природѣ, какъ къ предмету нашего ощущенія, только не настоящаго, а прошлаго.

Библиотека "Руниверс"

имѣется соединенное съ ними въ общемъ актѣ воспріятія качество *сопротивленія*, которое внушаетъ намъ убѣжденіе въ существованіи нѣкоторой внѣшней, отдѣльной и независимой отъ насъ среды, а тѣмъ самымъ вызываетъ представленіе и *о насъ*, какъ дѣйствующихъ въ этой средѣ существахъ, *воля* которыхъ то преодолѣваетъ ея сопротивленіе, то подавляется имъ. Вслѣдствіе того, первоначальная непосредственная цѣлостность ощущенія, а съ нею вмѣстѣ и первоначальная цѣлостность природы, разлагаются для нашего мышленія на два фактора—*вещественный* и *психическій*. Образовавши же ихъ понятія, мы лишаемъ самое ощущаемое качество его самостоятельности, понимая его, какъ результатъ взаимодѣйствія вещества и души. Такъ слагается опытный взглядъ на природу, какъ на состоящую изъ *вещей* и изъ *душъ*, ощущающихъ эти вещи подъ символами извѣстныхъ качественныхъ состояній [1]).

Позволительно, однако, задать себѣ вопросъ, мыслимы ли такія условія, при которыхъ воспріятіе ощущаемыхъ качествъ природы не приводило бы непремѣнно къ потерѣ ихъ самостоятельности, но они продолжали бы существовать въ своей непосредственной цѣлостности. Предположимъ, что ощущеніе дано нашему сознанію безъ всякаго *сознаваемаго* нами вмѣстѣ съ нимъ сопротивленія, а стало быть и безъ сознаваемаго нами усилія. Въ такомъ случаѣ оно представилось бы намъ *безвещественнымъ*, а равно не вызывающимъ и напряженія нашей *воли*, какъ бы предносящимся намъ *чистымъ призракомъ*. Качество такого ощущенія не разложится, какъ таковое, для нашего сознанія на вещество и душу, но останется для насъ чистымъ и цѣлостнымъ чувственнымъ состояніемъ.

Существуютъ ли такія чувственныя состоянія, мы пока не рѣшаемъ. Но *если* они существуютъ, и въ той мѣрѣ, въ какой они существуютъ, то, поскольку они, какъ таковыя, не вызываютъ дальнѣйшаго движенія мышленія и воли въ смыслѣ раздѣленія ощущаемаго на вещественный и психическій элементы, на содержаніи этихъ чувственныхъ состояній мы *удовлетворяемся*, то-есть довольствуемся его *созерцаніемъ*, не спрашивая о дальнѣйшихъ его результатахъ. Ибо въ томъ и состоитъ свойство сказанныхъ состояній, что они не приво-

---

[1]) Это раздѣленіе, очевидно, нисколько не зависитъ отъ того, *какія* теоріи мы образуемъ о веществѣ, то-есть признаемъ ли въ немъ постоянный пассивный субстрактъ, именуемый *матеріею*, или же объемлемъ всѣ его свойства общимъ терминомъ „энергія“.

Библиотека "Руниверс"

дятъ ни къ теоретическому вопросу о ихъ вещественныхъ и духовныхъ причинахъ, ни къ практическому вопросу о столкновеніи интересовъ нашихъ души и тѣла съ другими душами и тѣлами. Мы просто *довольствуемся* ими, то-есть, поскольку довольствоваться можно лишь тѣмъ, что намъ пріятно, *наслаждаемся* погруженіемъ въ *ихъ созерцаніе*. Вполнѣ возможно, что такой предметъ непосредственнаго (по *Канту* „незаинтересованнаго") наслажденія вмѣстѣ съ тѣмъ и теоретически поучителенъ и практически полезенъ; но эти результаты могутъ выясниться лишь для послѣдующихъ мышленія или дѣятельности, самое же воспріятіе предмета, какъ таковое, не заключаетъ въ себѣ повода къ выходу изъ непосредственнаго, цѣлостнаго его созерцанія.

Такое отношеніе наше къ предмету воспріятія есть отношеніе эстетическое, а свойство предмета вызывать это отношеніе — есть красота.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что, эстетически относясь къ предмету, мы имѣемъ дѣло не съ его *дѣйствительностью*, какъ она устанавливается *опытною наукою*. Быть можетъ—я пока не останавливаюсь на этомъ вопросѣ — мы имѣемъ тутъ дѣло съ какою-нибудь *другою* дѣйствительностью; но эта другая дѣйствительность не та, которая существуетъ для опытной физики или психологіи. Опытная дѣйствительность ощущаемаго состоитъ въ его *вещественномъ* или *психическомъ* характерѣ. Но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мы въ данномъ случаѣ не сталкиваемся, такъ какъ предметъ эстетическаго созерцанія не сознается нами, какъ сопротивляющійся намъ, а стало быть и отъ насъ не требуетъ сознательнаго усилія для преодолѣванія его сопротивленія. Слѣдовательно, онъ *невеществен*ъ и, не сопровождаясь сознательнымъ актомъ нашей воли, не внушаетъ намъ понятія и о *душевной дѣятельности*. Поэтому, въ актѣ эстетическаго созерцанія мы имѣемъ дѣло не съ тѣмъ, что́, съ точки зрѣнія опытной науки, дѣйствительно существуетъ, а лишь съ тѣмъ, что́ *является* или *показывается*, съ *видимостью* или *показностью* (Schein). На такомъ свойствѣ красоты основано и дѣйствіе *искусства*, которое создаетъ *кажущіеся* предметы или, иначе, *изображенія* предметовъ. Коль скоро является интересъ къ опытной дѣйствительности предмета, то эстетическое отношеніе къ нему прекращается. Такъ, напримѣръ, морская буря или сраженіе не могутъ быть предметами эстетическаго наслажденія, если ихъ *дѣйствительность* вызываетъ въ насъ чувство страха за себя или за другихъ. Но если въ насъ есть настолько душевной

Библиотека "Руниверс"

силы, что мы свободны отъ страха во время бури или сраженія, или если мы созерцаемъ ихъ изъ безопаснаго мѣста и совершенно равнодушны къ участи погибающихъ людей, то это зрѣлище можетъ быть для насъ предметомъ эстетическаго наслажденія.

То, что невещественно и не вызываетъ напряженія нашей воли, съ опытною *дѣйствительностью* чего мы не должны сталкиваться и считаться ни теоретически, ни практически, есть, по этой самой причинѣ, нѣчто совершенно отрѣшенное отъ нашего тѣлеснаго и духовнаго существа, то-есть нѣчто *совершенно объективное*. *Прекрасное есть совершенный* или *чистый объектъ*. Въ созерцаніи этого чистаго объекта наша субъективность, содержаніе нашего „я", какъ бы исчезаетъ, поглощаясь въ цѣлостномъ удовлетвореніи предметомъ созерцанія. Если бы красота не оказывала на насъ такого захватывающаго, поглощающаго дѣйствія, то-есть если бы содержаніе нашего „я", сохраняясь въ актѣ ея созерцанія, противостояло ей въ нашемъ сознаніи, какъ нѣчто самостоятельное, то въ этомъ актѣ сохранялась бы наша субъективность, съ которою прекрасное должно бы было вступать въ нѣкоторыя отношенія, само проникаясь вслѣдствіе того субъективными оттѣнками. Такимъ образомъ, въ понятіи красоты, какъ чистаго объекта, данъ непремѣнно признакъ поглощающаго, захватывающаго насъ дѣйствія, *забвенія себя чрезъ погруженіе въ созерцаніе прекраснаго*.

Совершенная объективность, совершенный захватъ насъ самихъ красотою, таковы не для нашей *мысли*, но для нашего *чувственнаго созерцанія*. Предметъ этого созерцанія, не будучи вещественъ и поглощая нашу волю, предстоитъ намъ, именно по такому поглощающему своему дѣйствію, какъ нѣчто *внѣшнее*, предносящееся намъ, не объемлемое нашею объективною жизнью съ ея страстями и волненіями. Поэтому, хотя прекрасный предметъ не вещественъ, онъ непремѣнно *тѣлесенъ*, онъ есть часть *внѣшней* относительно насъ природы, занимаетъ мѣсто въ *ея* пространствѣ. *Показывать* что-либо чувственному созерцанію можно лишь изъ области тѣлеснаго. *Духовная* красота можетъ быть такою по (привносимому въ нее по ассоціаціи) *содержанію*, но не по *изображенію*, которое непремѣнно тѣлесно. Можно, поэтому, сказать, что красота всегда дана намъ въ *тѣлесномъ образѣ*, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы подъ словомъ „образъ" не подразумѣвать непремѣнно *фигуры*. Звуки, напримѣръ, не имѣютъ фигуръ; да и цвѣта, хотя связаны съ фигурами, сами по себѣ представляютъ нѣчто отъ нихъ особое. При такомъ ограниченіи, нѣтъ препятствія сказать, что красота всегда дана въ тѣлесномъ образѣ.

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, выяснившіеся теперь признаки красоты суть *показность, совершенная объективность* и *тѣлесный образъ*. Прежде, чѣмъ пойдти далѣе, я считаю нужнымъ прибавить нѣсколько словъ въ поясненіе изложеннаго опредѣленія красоты:

1) Относя прекрасное къ области показности, я имѣю въ виду *составъ* красоты изъ ея чувственныхъ элементовъ. Если несомнѣнно, что эти чувственные элементы, то-есть ощущаемыя качества, суть не принадлежности вещей и душъ, какъ таковыхъ, а лишь способы созерцанія вещей душами, то несомнѣнно, что эти элементы существуютъ лишь въ показности. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы красота, по ассоціаціи, не могла вступать въ связь съ дѣйствительностью и служить для ея характеристики. Такъ постоянно происходитъ въ искусствѣ, изображенія котораго, безъ сомнѣнія, знакомятъ насъ съ дѣйствительными состояніями и свойствами вещей и душъ. Отсюда нерѣдко дѣлается выводъ, что самое опредѣленіе красоты, какъ показности, ложно, но что необходимо въ ея опредѣленіи принимать во вниманіе и дѣйствительность. Но на это я замѣчу, что возникновеніе искусства и послѣдствія его въ отношеніи измѣненія понятія красоты выходятъ за предѣлы моего теперешняго сообщенія. Я имѣю теперь въ виду красоту въ ея первоначальномъ, элементарномъ видѣ, не осложненномъ ассоціаціонными прибавками; только къ такой красотѣ относится непосредственно изложенное мною опредѣленіе.

2) Признакъ совершенной объективности красоты, повидимому, не ладится съ ея поглощающимъ дѣйствіемъ на субъекта. Если субъектъ поглощенъ, то-есть его больше нѣтъ, то, повидимому, нѣтъ больше и объекта, такъ какъ объектъ соотносителенъ субъекту и данъ всегда въ противоположности съ нимъ. Но нужно имѣть въ виду, что признакъ поглощащаго или захватывающаго дѣйствія красоты на субъекта выражаетъ собою не столько совершившійся фактъ, сколько общую тенденцію эстетическаго созерцанія, или, выражаясь точнѣе, тотъ предѣлъ, до котораго стремится дорасти это созерцаніе. Полное фактическое достиженіе этого предѣла едва ли осуществимо въ дѣйствительности, а если и осуществимо, то развѣ на весьма краткій срокъ. Но чѣмъ совершеннѣе красота, тѣмъ болѣе мы погружаемся въ нее, отрѣшаясь отъ своихъ субъективныхъ состояній; и потому мысля красоту всесовершенную, вполнѣ соотвѣтствующую своему понятію, мы мыслимъ полное исчезновеніе въ ней нашей субъективности. Поэтому, хотя вмѣстѣ съ исчезновеніемъ субъекта исчезаетъ и объектъ,

Библиотека "Руниверс"

но поскольку это исчезновеніе мыслится нами, какъ предѣлъ или высшая ступень исчезанія субъекта въ объектѣ, мы характеризуемъ красоту названіемъ совершеннаго объекта, дабы выразить то взаимное отношеніе, которое существуетъ между объектомъ и субъектомъ въ самомъ *процессѣ* наростающаго эстетическаго созерцанія.

3) Отрицаніе вещественности красоты нисколько не есть отрицаніе ея тѣлесности. Признакъ тѣлесности нисколько не сопряженъ неразрывно съ вещественностью. Мы можемъ, напримѣръ, мыслить геометрическое тѣло, то-есть тѣло безъ вещества. Можемъ мыслить и *видимые призраки*, лишенные всякой вещественности. Съ другой стороны, признаніе всякой красоты тѣлесною есть необходимое послѣдствіе признанія ея чувственнаго характера, а также необходимое условіе сколько нибудь опредѣленнаго ограниченія эстетической области. Если распространять терминъ красоты на предметы, не данные намъ въ тѣлесныхъ образахъ, то исчезаетъ различіе между красотою, съ одной стороны, и истиною и добромъ съ другой, потому что тогда не окажется препятствія находить красоту и въ отвлеченныхъ истинахъ науки и въ правилахъ добраго поведенія. Истина и добро могутъ быть и прекрасны, но лишь при томъ условіи, если онѣ показаны намъ *наглядно*, то-есть въ *образѣ*, въ *тѣлесномъ очертаніи*.

Сказанные признаки красоты были выведены изъ предположенія существованія такихъ ощущеній, воспріятіе которыхъ не связано съ *сознаваемымъ* нами усиліемъ. Я прошу обратить вниманіе на прибавку слова „сознаваемымъ". Всякое воспріятіе предполагаетъ непремѣнно работу организма, слѣдовательно, усиліе. Но это усиліе можетъ не быть сознательнымъ. Теперь естественно возникаетъ вопросъ, возможны ли такія ощущенія. Отвѣчать на этотъ вопросъ безусловнымъ утвержденіемъ психологія едва-ли въ правѣ. Правда, могутъ быть—и въ каждый данный моментъ во множествѣ бываютъ — бѣглыя и случайныя ощущенія, не останавливающія на себѣ нашего вниманія, слѣдовательно, такія, въ теченіе которыхъ элементъ сознательнаго усилія можетъ считаться величиною, не стоящею принятія въ расчетъ. Но эстетическія ощущенія не таковы: какъ прекрасныя, привлекательныя, они, напротивъ того, въ высшей степени сосредоточиваютъ на себѣ наше вниманіе. Поэтому, если эстетическое созерцаніе не сопровождается *сознаваемымъ* нами напряженіемъ воли, то это можетъ зависѣть не отъ бѣглости входящихъ въ составъ такого созерцанія ощущеній, а отъ указаннаго выше захватывающаго, поглощающаго его дѣйствія на волю. Мы не сознаемъ

Библиотека "Руниверс"

совершаемаго нами усилія во время созерцанія красоты по той причинѣ, что сознаніе этого усилія исчезаетъ въ испытываемомъ нами полномъ и цѣлостномъ удовлетворенія. Что состояніе эстетическаго содержанія заглушаетъ лишь *сознаніе* работы, сама же она совершается при этомъ нерѣдко даже съ усиленною напряженностью, доказывается какъ *усталостью*, испытываемою нами послѣ мощнаго, властнаго и продолжительнаго впечатлѣнія красоты, такъ и возбужденіемъ къ усиленнымъ движеніямъ подъ вліяніемъ музыкальнаго ритма. Музыка облегчаетъ и даже вызываетъ ритмическія движенія именно потому, что при ней они требуютъ *меньшаго напряженія произвольнаго вниманія къ ихъ совершенію*, но происходятъ какъ бы сами собою, машинально, дѣйствіемъ непроизвольной ассоціаціи.

Засимъ, рѣшеніе вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ это поглощеніе сознательнаго усилія красотою можетъ быть полнымъ, и не остается ли *всегда* въ актѣ эстетическаго созерцанія извѣстная примѣсь такого сознательнаго усилія,—есть уже дѣло опытной психологіи. Вполнѣ возможно, и даже правдоподобно, что для насъ, по условіямъ нашей организаціи, мыслимо лишь *приближеніе* къ эстетическому созерцанію, но не полное его достиженіе. Если это такъ, то красота оказывается, стало быть, нѣкоторымъ *идеаломъ*, допускающимъ лишь приблизительное его осуществленіе; или, иными словами, по условіямъ нашей организаціи, мы должны, вмѣсто безусловной красоты, довольствоваться красотою лишь приблизительною, всегда осложненною примѣсями не-эстетическаго свойства. Если во всѣхъ прочихъ областяхъ своей духовной жизни, и въ наукѣ, и въ нравственности, человѣкъ осужденъ лишь на *приближеніе* къ идеалу, то нѣтъ причины требовать бо́льшаго и въ области эстетической. Неосуществимость идеала указываетъ на его ложность только тогда, когда эта неосуществимость зависитъ отъ его неопредѣленной расширяемости; ибо въ этомъ случаѣ всякая достигнутая ступень остается по прежнему безконечно далека отъ окончательной цѣли. Но *приближеніе* къ идеалу есть *дѣйствительное достиженіе* его, только *неполное*. Идеалъ оказывается при этомъ цѣлью *возможною*, но только между имъ и всякою достигнутою его степенью всегда остается нѣкоторая разность, проистекающая отъ реальныхъ препятствій человѣческой природы.

Предполагая, что идеалъ красоты достигнутъ настолько, насколько то возможно для человѣческой природы, мы должны теперь обратиться къ разсмотрѣнію вопроса, отъ того или иного разрѣшенія котораго

Библиотека "Руниверс"

зависитъ пониманіе какъ самого внутренняго смысла красоты, такъ и положенія эстетики въ кругу другихъ наукъ.

Въ красотѣ мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительностью, а съ показностью той природы, которая признается опытною наукою; то-есть если мы, согласно съ этою наукою, скажемъ, что природа состоитъ изъ *вещей* и *душъ*, то въ этой природѣ, какъ таковой, красоты не окажется. Она окажется явленіемъ, возникающимъ въ моментъ созерцанія вещей душами и внѣ условій этого созерцанія не имѣющимъ никакого смысла. Правда, въ этомъ отношеніи не всѣ виды красоты одинаковы: цвѣта и звуки дѣйствительно не существуютъ въ природѣ независимо отъ нашего ощущенія [1]), но пространство и время съ точки зрѣнія опытной науки принадлежатъ самимъ вещамъ и, слѣдовательно, красота фигуръ, движеній и та часть музыкальной красоты, которая зависитъ отъ ритма, повидимому, не можетъ быть отнесена въ область чистой показности. Однако, необходимо имѣть въ виду, что красота пространственныхъ и временныхъ свойствъ предмета также обусловлена ихъ показываніемъ, въ моментъ котораго въ наблюдателѣ возникаетъ психическая дѣятельность сравненія, измѣренія, воспроизведенія и ожиданія. При отсутствіи сравненія и измѣренія исчезаетъ красота фигуры, опредѣляемая относительнымъ размѣромъ ея частей. При отсутствіи воспроизведенія и ожиданія исчезаетъ красота движенія и ритма, такъ какъ ихъ послѣдующія части оказываются внѣ связи съ предыдущими. Такимъ образомъ вся красота сводится къ показности, то-есть не содержитъ въ себѣ *истины* о природѣ, ни въ чемъ не умножаетъ нашего познанія о *дѣйствительныхъ* свойствахъ *вещей* и *душъ*. Конечно, сама показность, какъ нѣкоторый *фактъ*, можетъ составить предметъ изученія; и этому предмету ничто не препятствуетъ дать наименованіе *эстетики*. Но задача эстетики, при такомъ предположеніи, очевидно, можетъ состоять лишь въ опредѣленіи тѣхъ условій, при которыхъ въ нашей душѣ возникаетъ сознаніе красоты, равно какъ органическихъ и психическихъ послѣдствій такого состоянія сознанія; попытка же въ самомъ содержаніи этого сознанія найдти что-либо, кромѣ показности,

---

[1]) Правда, и въ новѣйшее время были высказываемы мнѣнія о независимомъ отъ нашего ощущенія существованіи цвѣтовъ и звуковъ, (напр. *Фехнеромъ*). Но это мнѣніе есть во всякомъ случаѣ гипотеза, выходящая за предѣлы возможности повѣрки ея опытомъ, слѣдовательно, не относящаяся къ опытному пониманію природы.

Библиотека "Руниверс"

должна быть оставлена, коль скоро дѣйствительность природы опредѣляется такъ, какъ это дѣлается опытною наукою. Другими словами, эстетика становится при этомъ одною изъ вѣтвей, или, если угодно, приложеній опытной психологіи. Такое опытно-психологическое направленіе дѣйствительно стало господствующимъ въ новѣйшей эстетикѣ, смѣнивъ собою господство прежняго, метафизическаго, направленія, для котораго, въ самой показности своей, красота есть органъ нѣкоторой высшей истины, средство, если не познанія, то созерцательнаго постиженія подлинно-существующаго.

Необходимо согласиться съ тѣмъ, что отрицаніе метафизической эстетики является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ опытнаго пониманія природы. Но является вопросъ, есть-ли это послѣднее пониманіе высшее или окончальное ея пониманіе. Отвѣтъ на этотъ вопросъ для лицъ, хотя мимоходомъ воспринявшихъ современныя философскія вѣянія, повидимому, не представляетъ затрудненія. Я едва-ли рискую ошибиться, если скажу, что даже большинство натуралистовъ согласится съ тѣмъ, что опытная наука имѣетъ дѣло съ природою, какъ съ *явленіемъ*, а не какъ съ дѣйствительностью въ самой себѣ; то-есть, что сама природа въ цѣломъ сводится къ нѣкоторой показности, только показности болѣе постоянной, чѣмъ та показность, которая составляетъ собою красоту. Далѣе, уже меньшимъ, но все-таки значительнымъ большинствомъ будетъ признано, что за природою, какъ явленіемъ, вѣроятно скрывается нѣчто подлинное, не являющееся, именуемое обыкновенно „вещью въ себѣ“ По крайней мѣрѣ, сравнительно весьма немногіе изъ современныхъ мыслителей рѣшительно воспрещаютъ употребленіе этого понятія и требуютъ строгаго ограниченія лишь тѣмъ, что дано на опытѣ. Такимъ образомъ современное сознаніе несомнѣнно склоняется къ тому, чтобы признать опытно-научное пониманіе природы, хотя необходимымъ и плодотворнымъ, но не окончательнымъ ея пониманіемъ; и въ этомъ смыслѣ отвѣтъ на поставленный мною вопросъ, какъ сказано, не представляется затруднительнымъ. Но собственно въ такой общей и отвлеченной формѣ этотъ отвѣтъ не содержитъ въ себѣ ничего, что бросало бы малѣйшій свѣтъ на вопросъ о возможности матафизической эстетики. Положимъ, что есть нѣкоторая подлинная дѣйствительность, дѣйствительность въ себѣ, служащая основою или подкладкою опытной, являющейся дѣйствительности и совершенно превышающая компетенцію опытной науки. Конечно, признавъ это, мы должны будемъ признать, что изъ этой дѣйствительности проистекаютъ всѣ явленія

Библиотека "Руниверс"

природы, въ томъ числѣ и явленіе красоты. Но на какомъ основаніи можемъ мы утверждать, что въ фактѣ красоты намъ эта подлинная дѣйствительность обнаруживается ближе и лучше, чѣмъ въ прочихъ фактахъ природы? Такого основанія, очевидно, нѣтъ. Напротивъ, гораздо правдоподобнѣе выводъ, что постоянный порядокъ природы, какъ онъ установляется опытною наукою, гораздо болѣе знакомитъ насъ, если не со свойствами вещей въ себѣ, то, по крайней мѣрѣ, съ ихъ закономѣрностью. Такъ смотритъ, напримѣръ, на этотъ предметъ *Герб. Спенсеръ*, утверждающій, что область познаваемаго съ ея законами находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ областью непознаваемаго, и что, такимъ образомъ, опытная наука даетъ намъ, правда преобразованное, но соотвѣтственное представленіе объ этомъ непознаваемомъ. Поэтому, съ точки зрѣнія, напримѣръ, названнаго мыслителя ожиданіе отъ красоты какого-либо особаго откровенія истины, какого нѣтъ въ опытной науки, было-бы, конечно, чистою нелѣпостью.

Итакъ, для того, чтобы защитить права метафизической эстетики, не довольно еще сказать: сама природа, какъ предметъ опытной науки, есть лишь явленіе, за которымъ скрывается нѣкоторая подлинная дѣйствительность. Для этого необходимо удостовѣрить, что въ содержаніи красоты мы схватываемъ эту дѣйствительность въ нѣкоторомъ отношеніи лучше, вѣрнѣе, чѣмъ то дѣлаетъ точная, опытная наука. И повести это удостовѣреніе мы можетъ лишь такимъ путемъ. Допустимъ, что подлинная дѣйствительность природы, природа сама въ себѣ, намъ совершенно неизвѣстна въ ея *положительномъ* содержаніи. Но уже то обстоятельство, что мы говоримъ: „природа, какъ предметъ опыта, не есть природа сама въ себѣ", доказываетъ, что мы считаемъ себя въ правѣ образовать сужденіе о природѣ въ самой себѣ со стороны *отрицательной*. Мы не знаемъ, *что такое есть* эта природа; но говоря, что она не есть наша опытная природа, мы высказываемъ сужденіе о томъ, *что́ она не есть*, *чѣмъ* она *не можетъ* быть. Другими словами, въ предметахъ нашего опытнаго знанія, хотя бы мы предположили это знаніе доведеннымъ до высшей возможной степени его усовершенствованія, мы находимъ такіе коренные *недостатки*, которыхъ не можетъ быть въ подлинной дѣйствительности природы; и эти недостатки мы можемъ съ точностью указать. Указавъ же эти недостатки, мы отдаемъ себѣ ясный отчетъ, почему опытная наука всегда осуждена вращаться въ мірѣ явленій и никогда не можетъ достигнуть подлинной дѣйствительности природы.

Библиотека "Руниверс"

Предположимъ теперь, съ другой стороны, что въ созерцаніи красоты если не совсѣмъ устранены, то, по крайней мѣрѣ, весьма смягчены, уменьшены именно эти недостатки опытно-научнаго знанія. Не въ правѣ ли мы будемъ тогда сказать, что какія бы преимущества ни принадлежали опытно-научному познанію о природѣ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ *этомъ* отношеніи эстетическое созерцаніе *ближе* къ высшей истинѣ о природѣ, къ той истинѣ, которую опытная наука должна признать для себя недоступною. Положимъ, что передъ точнымъ и строгимъ голосомъ науки рѣчь эстетическаго созерцанія есть младенческій лепетъ; но вѣдь мы знаемъ изъ словъ Св. Писанія, что сокрытое отъ мудрыхъ и разумныхъ можетъ быть открыто младенцамъ. Если бы оказалось то же и въ примѣненіи къ красотѣ, то были бы возстановлены права отрицаемой и унижаемой нынѣ метафизической эстетики; потому что ея предметъ, красота, представился бы содержащимъ въ себѣ нѣкоторую высшую, философскую истину. И анализъ этого предмета убѣдилъ бы насъ въ томъ, что его содержаніе сводится теоретически не къ одной *иллюзіи*, а практически—не къ одной *забавѣ*; но что въ немъ, въ *чувственномъ*, и потому всѣмъ непосредственно-доступномъ видѣ, преломляется и отражается таинственная для разсудка. но ясно говорящая сердцу, высшая сила природы.

Коренная недостаточность опытно-научнаго пониманія природы заключается въ его ничѣмъ неискоренимомъ дуализмѣ *внѣшняго и внутренняго*, *вещественнаго* и *психическаго*. Сама опытная наука и не задается попыткою разрѣшить этотъ дуализмъ, но относится къ нему просто, какъ къ факту. Но попытки такого разрѣшенія дѣлаются нерѣдко, хотя не самою опытною наукою, а тою философіею, которая вращается въ области опытнаго пониманія природы, то-есть философіею матеріализма и спиритуализма. Однако, всѣ такія попытки въ концѣ концовъ оказываются неудачными. Матеріализмъ, стремящійся вывести *душу* изъ *вещества*, не можетъ объяснить, какимъ образомъ *внѣшнее*, *объективное*, можетъ стать *внутреннимъ*, *субъективнымъ*, проникнуться *чувствомъ*, *мыслію*, *сознаніемъ*. Могутъ, пожалуй, сказать, что это затрудненіе возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, если смотрѣть на всякій внѣшній, вещественный процессъ, какъ на движеніе, такъ какъ дѣйствительно непонятно, какимъ образомъ движеніе можетъ стать сознаніемъ. Но если понимать вещественную силу вообще въ смыслѣ энергіи, не сводя послѣднюю непремѣнно къ энер-

Библиотека "Руниверс"

гіи механической, то, повидимому, нѣтъ препятствія подвести психическое и вещественное подъ единое общее начало, уразумѣть душу какъ особый видъ энергіи, эквивалентный другимъ ея видамъ. Но очевидно, что такая эквивалентность съ внѣшними явленіями природы можетъ принадлежать психическимъ явленіямъ лишь въ ихъ *объективной* сторонѣ, то-есть поскольку они неразрывно связаны съ извѣстными внѣшними состояніями, служащими имъ какъ бы объективною оболочкою, а не въ ихъ специфической *качественности*, которая постигается лишь самонаблюденіемъ и не имѣетъ въ себѣ ничего внѣшняго, пребывающаго въ пространствѣ и времени внѣшняго міра. Кажется ясно, что считаемъ ли мы свѣтъ видомъ движенія, или же, отказываясь отъ всякаго опредѣленія его физической сущности, ограничиваемся только установленіемъ его эквивалентности съ другими явленіями, *субъективная*, *психическая* сторона свѣтоваго ощущенія остается для физика по прежнему внѣ этой эквивалентности. Но, быть можетъ, послѣдняя возстановляется для физіолога, поскольку, напримѣръ, иная мѣра физіологической энергіи свойственна ощущенію *зеленаго* и иная—ощущенію *краснаго* цвѣта? Размышленіе показываетъ, что это качественное различіе опять таки стоитъ *внѣ* счета, ибо такое различіе энергіи принадлежитъ лишь *внѣшнему*, *нервному* процессу, сопряженному съ ощущеніямъ, — и эта истина опять-таки стоитъ совершенно твердо, независимо отъ того, понимаемъ ли мы нервный процессъ, какъ движеніе, или даемъ ему какое-либо иное истолкованіе [1]).

---

[1]) Для распространенія на душевныя явленія начала сохраненія энергіи въ общепринятомъ его видѣ требуется, чтобы они въ какомъ-либо *мѣстѣ* соприкасались съ явленіями внѣшней природы, то-есть имѣли существованіе въ ея, объективномъ, пространствѣ. Но такое существованіе можетъ принадлежать лишь объективнымъ коррелятамъ душевныхъ состояній, а не имъ самимъ, какъ таковымъ. Возможно, конечно, что защитники распространенія на душу начала сохраненія энергіи возразятъ, что понятіе „соприкасанія" само нуждается въ расширеніи, такъ какъ самая способность наполненія пространства есть одинъ изъ видовъ энергіи, и, стало быть, мыслимы другіе ея виды, безпространственные, относительно которыхъ „соприкасаніе" и „мѣсто" должны быть понимаемы лишь въ смыслѣ переносномъ. Но все же, и при такомъ предположеніи, остается различіе субъективнаго и объективнаго, перваго, какъ существующаго лишь для меня, и втораго, какъ существующаго для всѣхъ. Несомнѣнно, что начало сохраненія энергіи имѣетъ значеніе *объективное*. Слѣдовательно, если между субъективными и объективными состояніями совершается обмѣнъ энергій, то субъективныя состоянія не только субъективны, но имѣютъ объективную сторону, коею

Библиотека "Руниверс"

Равнымъ образомъ, и вещество не можетъ быть сведено на душу. Въ исторіи философіи были двоякія попытки такого сведенія. *Берклей*, исходя изъ того положенія, что всякое бытіе есть бытіе воспринимаемое (esse=percipi), заключалъ отсюда, что вещество цѣликомъ разлагается на наши ощущенія, и что, слѣдовательно, вещества, какъ таковаго, нѣтъ, но существуютъ одни духи. Но такъ какъ и душа, согласно такому взгляду, можетъ существовать, лишь поскольку она воспринимается, то души при этомъ также не оказывается, какъ и вещества, а оказываются одни ощущенія, какъ элементы всего существующаго. Объединеніе вещественнаго и психическаго дѣйствительно достигается, но такимъ путемъ, который, уничтожая то и другое, дѣлаетъ непонятными самыя явленія вещественной и психической природы. А именно, такъ какъ ощущеніе существуетъ только для *меня*, то становится непонятною *общая среда* между *мною* и *тобою*; ибо если даже допустить, что мы устроены такъ, что при извѣстныхъ условіяхъ возникаетъ согласіе между нашими ощущеніями, то все же остается непонятнымъ, какимъ способомъ мы можемъ убѣдиться въ этомъ согласіи, если каждый изъ насъ безусловно ограниченъ кругомъ своихъ собственныхъ ощущеній. При такомъ воззрѣніи *ты* для *меня* и *я* для *тебя* суть не болѣе, какъ совокупности,—для меня *моихъ*, для тебя *твоихъ* ощущеній; то-есть каждый изъ насъ совершенно замкнутъ въ самомъ себѣ и о другихъ, отличныхъ отъ себя, существахъ ничего не знаетъ. Достовѣрно существую лишь *я*. а прочіе субъекты, если даже предположить ихъ существованіе, находятся внѣ всякаго общенія со мною, ибо нѣтъ никакой общей среды, которая бы насъ связывала. Итакъ, внѣшняя природа при этомъ не объясняется, а просто отрицается. Но не менѣе того отрицается и внутренняя природа или душа. Допустимъ, что мы безпрекословно и съ полною послѣдовательностью примемъ такое

вступаютъ въ общеніе съ состояніями внѣшней природы. До послѣдняго времени эту объективную сторону душевныхъ состояній называли *веществомъ*, именно, въ частности, веществомъ *мозга*. Нынѣ возникло стремленіе растворить понятіе вещества въ понятіи энергіи. Если такое стремленіе увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то единственнымъ *объективнымъ* субстратомъ всей природы окажется *энергія*; при этомъ условіи сказать, что *есть* психическая энергія, будетъ то же самое, что сказать, что душѣ свойственъ объективный субстратъ, коимъ она участвуетъ въ общемъ процессѣ обмѣна энергіи; то-есть въ концѣ концовъ сохраненіе энергіи окажется, по прежнему, принадлежностью не души, какъ таковой, въ ея субъективномъ существованіи, а лишь ея объективнаго обнаруженія въ объективной же природѣ.

Библиотека "Руниверс"

положеніе: *существуютъ лишь мои собственныя субъективныя состоянія.* Если эти состоянія *субъективны*, то, значитъ, есть *субъектъ* или *я*, которому они даны. Но субъектъ не можетъ возникнуть изъ *сложенія* отдѣльныхъ субъективныхъ состояній, потому что при этомъ оказывалось бы, что́ каждое такое состояніе первоначально *не* субъективно, что́ противорѣчитъ условію. Итакъ, для того, чтобы существовало *я*, необходимо, чтобы оно изначала присутствовало при данныхъ ему состояніяхъ. Въ какомъ же видѣ можетъ оно присутствовать? Если въ качествѣ *имманентнаго* элемента каждаго отдѣльнаго состоянія, то-есть такъ, что каждое отдѣльное состояніе обладаетъ своимъ особымъ субъектомъ, то мое *я* окажется суммою множества *я*, суммою такого ихъ числа, сколько есть отдѣльныхъ моихъ состояній. Каждое изъ этихъ *я*, какъ таковое, погружено исключительно въ себя и ни въ какое общее съ другими *я* вступать не можетъ, такъ какъ никакой *общей* связующей ихъ среды, какъ сказано, нѣтъ. Слѣдовательно, какъ же могутъ эти *я* сложиться въ общій непрерывный потокъ сознательной жизни, образовать одинъ *общій* субъектъ? И такъ, при этомъ предположеніи, существованіе меня, какъ единой *души*, непонятно. Отринувъ вещество, мы отринули и душу, и вмѣсто объединенія ихъ погрузились въ полный философскій нигилизмъ. Для того, чтобы, отрицая вещество, сохранить душу, какъ объединяющее начало представляется, такимъ образомъ, необходимымъ понимать мое *я* не какъ результатъ сложенія отдѣльныхъ субъективныхъ состояній, но какъ нѣчто самостоятельное и единое, данное *вмѣстѣ* съ совокупностью этихъ состояній, но изъ нихъ не проистекающее. Однако, при такомъ предположеніи, также не получается никакой выгоды отъ разбираемаго теперь спиритуалистическаго взгляда въ смыслѣ объединяющемъ явленія вещественнаго и духовнаго міра. Природа понимается при этомъ, какъ рядъ субъективныхъ состояній, предстоящихъ нѣкоторому, данному вмѣстѣ съ ними, но ни въ чемъ съ ними внутренне не связанному и ничѣмъ не управляющему субъекту; то-есть тотъ дуализмъ, который первоначально данъ между *веществомъ* и *душою*, возстановляется въ равной силѣ въ сферѣ моей субъективной жизни между отдѣльными состояніями этой жизни и мною, какъ субъектомъ. Задачею спиритуализма было вывести или объяснить вещество изъ души. Но превративши послѣднюю въ чисто-формальное начало, какимъ представляется мое *я*, онъ ничего вывести изъ него не можетъ и поэтому, говоря: „вещество есть лишь *мое* ощущеніе", самое это „ощущеніе" оставляетъ въ прежней отдѣльности и независимости отъ „меня". Какое же оно *мое*, когда ни

Библиотека "Руниверс"

происхожденіемъ, ни теченіемъ его мое *я* не управляетъ? Сказать ли, что вещественный міръ есть извѣстный порядокъ *атомовъ*, или что онъ есть извѣстный порядокъ *ощущеній*, для *меня* все равно, коль скоро этотъ порядокъ есть въ отношеніи *меня* нѣчто внѣшнее, независимое и непонятное.

Для спиритуализма, коль скоро онъ имѣетъ въ виду объяснить или вывести вещество изъ начала духовнаго, необходимо поэтому понимать послѣднее начало не какъ только познающее или содержащее, но какъ дѣятельное, производящее. Начало этого взгляда было положено въ новой философіи *Лейбницемъ*, по которому всѣ вещи состоятъ изъ *монадъ*, особой психической природы, одаренныхъ способностью стремленія и самодѣятельно производящихъ изъ себя все свое содержаніе.

Но полнаго расцвѣта динамическій спиритуализмъ достигъ въ послѣ-кантовской философіи, пріобрѣтя наибольшую популярность въ ученіяхъ *Шопенгауэра* и *Гартмана* о *волѣ*, какъ о единственной *силѣ*, производящей не только духовныя, но и вещественныя явленія. Это ученіе дѣйствительно разрѣшало бы задачу принципіальнаго объединенія вещества и духа, если бы терминъ „воля" въ данномъ случаѣ хотя что-нибудь объяснялъ. Но внутренній опытъ не указываетъ намъ, чтобы „воля", то-есть сознаваемое нами состояніе усилія, *производила* хотя какое-либо явленіе нашей души, не говоря уже о томъ, что самая природа „сознанія усилія", то-есть: есть ли это состояніе сознанія простое или сложное, основное или производное, психологіею еще далеко не выяснена, да и неизвѣстно, будетъ ли она когда нибудь выяснена. Поэтому, если въ области прямаго наблюденія надъ волею мы не усматриваемъ въ ней никакой производящей силы, то непонятно, чего же достигаемъ мы, когда, перенося понятіе „воли" на внѣшнюю природу, объявляемъ, что всякая ея сила не что иное, какъ воля. Вещество съ его явленіями остается при этомъ при прежней необъясненности, и разрѣшеніе дуализма внѣшней и внутренней природы получается лишь кажущееся, словесное.

Такимъ образомъ всѣ попытки объединить понятіе природы въ общемъ для вещества и души началѣ на основаніи категорій, почерпнутыхъ изъ опыта, не приводятъ къ удовлетворительному результату.

И однако, мышленіе предъявляетъ требованіе объединяющаго взгляда на природу, постиженія такой ея *причины*, которая порождала бы и вещество, и душу. Ибо если нѣтъ такой общей причины, то нѣтъ и *дѣйствительной* связи между вещами и душами, нѣтъ

Библиотека "Руниверс"

никакого между ними взаимодѣйствія, а слѣдовательно, непонятна и самая *чувственность*, которая есть результатъ такого взаимодѣйствія. Опытное пониманіе природы, исходя отъ факта ея чувственнаго воспріятіе, приводитъ къ *непонятности* этого факта, стало быть, оставляетъ непонятнымъ возможность самого этого пониманія. Для того, чтобы понять возможность чувственности, необходимо понять возможность перехода вещественнаго въ духовное; но при рѣзкомъ дуализмѣ, установляемомъ между ними опытною наукою, такая возможность непонятна; и слѣдовагельно, пониманіе природы *этою* наукою не удовлетворяетъ высшему требованію мышленія.

Намъ могутъ возразить, что взаимодѣйствія между вещами и душами, быть можетъ, и нѣтъ, но существуетъ лишь параллелизмъ или соотвѣтствіе между вещественными и психическими процессами природы, вслѣдствіе котораго состоянія вещества отражаются въ душѣ и наоборотъ. Это ученіе, носящее названіе *окказіонализма*, было высказано уже давно; и дѣйствительно, для опытной науки иного рѣшенія занимающаго насъ теперь вопроса не можетъ и быть. Но именно такая необходимость этого рѣшенія и доказываетъ, что *надъ* опытнымъ пониманіемъ природы должно стоять ея высшее, умозрительное пониманіе. Положимъ, что вещи и души такъ приспособлены однѣ къ другимъ, что, безъ всякаго между ними взаимодѣйствія, въ душахъ возникаютъ образы вещей, а движенія вещей выражаютъ собою воленыя состоянія душъ. Но этотъ порядокъ, проникнутый столь удивительною цѣлесообразностью, не свидѣтельствуетъ ли о разумной цѣлесообразности всего строя природы, то-есть о *высшемъ началѣ*, общемъ и вещамъ и душамъ и управляющемъ ими? А это высшее начало очевидно не составляетъ предмета опыта. Такимъ образомъ попытка укрыться подъ сѣнь окказіонализма прямо приводитъ насъ отъ опытнаго пониманія природы къ ея *умозрительному* пониманію, какъ *единаго цѣлаго*.

Несомнѣнно, что признаніе высшаго начала, объединяющаго вещество и душу, есть необходимое требованіе нашей мысли. Несомнѣнно также, что это требованіе *неисполнимо* въ предѣлахъ и средствами *нашего опытнаго знанія*. Такое высшее пониманіе природы можетъ быть лишь *умозрительнымъ*, въ *идеѣ*, то-есть совершаться чрезъ понятія, въ которыхъ совершенно отвлечено отъ всякаго опытнаго содержанія, отъ всего воспринимаемаго и представляемаго. Это пониманіе можетъ быть раскрыто лишь въ *результатѣ* философствованія о природѣ, а не выставлено предварительно, какъ нѣчто готовое и окончательное. Находя, поэтому, что *изложеніе идеи природы* было

Библиотека "Руниверс"

бы преждевременно и не обосновано, мы можемъ, однако, установить *чисто формальныя*, не касающіяся содержанія понятій, отношенія природы, понимаемой съ высшей точки зрѣнія, къ свойству *красоты*. Это отношеніе, съ одной стороны, повидимому, еще отдаленнѣе, чѣмъ отношеніе къ красотѣ природы въ ея опытно-научномъ опредѣленіи. Хотя вещи и души, какъ таковыя, не прекрасны, но все же онѣ характеризуются чувственными свойствами, и въ этомъ смыслѣ созерцаніе ихъ родственно содержанію нашего эстетическаго содержанія. Природа же, какъ предметъ умозрѣнія, мыслимая въ ея *идеѣ*, лишена всякой чувственной представимости, стало быть, даже отдаленнаго подобія съ чѣмъ-либо, что мы именуемъ красотою. Поэтому, умозрительное пониманіе природы, повидимому, еще далѣе отъ эстетическаго ея пониманія, чѣмъ пониманіе опытное. Но ближайшее изслѣдованіе вопроса обнаруживаетъ неправильность такого заключенія.

Прежде всего надлежитъ имѣть въ виду, что идея *природы* не есть идея Бога. Бога мы мыслимъ, какъ безусловно-первое, въ которомъ, поэтому, и все содержаніе вполнѣ обосновано въ Немъ же самомъ. Природа же, какъ произведеніе Бога, имѣетъ содержаніе, Имъ обоснованное, а въ отношеніи къ природѣ *данное* ей. Слѣдовательно, и тогда, когда мы мыслимъ природу не такъ, какъ она представляется нашему опыту, а такъ, какъ она есть *сама въ себѣ*, мы мыслимъ ее все же съ нѣкоторымъ *даннымъ* въ ней содержаніемъ, какъ бы съ нѣкоторою первичною ея *чувственностью*, хотя для насъ и не представимою. Здѣсь открывается извѣстная аналогія съ красотою, хотя и не дающая намъ права сказать, что природа въ себѣ, въ своемъ умопостигаемомъ содержаніи, прекрасна, но позволяющая намъ утверждать, что въ эстетическомъ созерцаніи мы имѣемъ нѣкоторое подобіе того, какъ относится природа въ себѣ къ данному въ ней содержанію.

Далѣе, считая теперь невозможнымъ излагать самое содержаніе идеи природы, мы можемъ, однако, сказать, что въ этомъ содержаніи долженъ разрѣшаться тотъ дуализмъ вещества и души, вслѣдствіе котораго красота опытныхъ предметовъ оказывается не ихъ собственною принадлежностью, а лишь внѣшнимъ покровомъ, наложеннымъ на нихъ нашимъ созерцаніемъ. Слѣдовательно, умопостигаемое въ идеѣ содержаніе природы мыслится нами какъ возвращеніе къ той непорозненности вещественнаго и психическаго, которая составляетъ основной аттрибутъ красоты. Въ созерцаніи красоты дано какъ бы предварительное предчувствіе той истины единства вещественнаго и психическаго, къ которой мы затѣмъ приходимъ умозрительно. Та-

Библиотека "Руниверс"

кимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, эстетическое созерцаніе, хотя еще въ примитивномъ и невыработанномъ видѣ, содержитъ въ себѣ *болѣе* истины о природѣ, чѣмъ послѣдующее опытное знаніе.

Итакъ мы приходимъ теперь къ слѣдующему выводу: въ красотѣ мы имѣемъ дѣло съ *еще* непорозненнымъ на вещество и душу, цѣлостнымъ образомъ природы; это воззрѣніе на природу разлагается опытнымъ знаніемъ, для котораго природа есть совокупность вещей и душъ, а красота есть субъективный миражъ, возникающій чрезъ созерцаніе вещей душами; затѣмъ, умозрительное пониманіе природы возстановляетъ ея цѣлостность, уже какъ окончательную, и обнаруживаетъ, поэтому, такой смыслъ красоты:

Красота есть чаемая и любимая нами, въ чувственномъ образѣ природы, ея сверхчувственная цѣлостность.

Какое же заключеніе вытекаетъ изъ сказаннаго *о мѣстѣ эстетики*, какъ науки о прекрасномъ, въ кругу прочихъ наукъ? Мы уже говорили о возможности двухъ направленій въ эстетикѣ: *психологическаго* и *метафизическаго* (философскаго). На основаніи полученныхъ нами выводовъ мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что эти два направленія должны находиться не въ отношеніи *антагонизма*, а въ отношеніи *правильнаго подчиненія*, именно подчиненія психологическаго направленія, какъ низшаго, метафизическому направленію, какъ высшему. Задачи психологической эстетики совершенно законны и выполненіе ихъ необходимо. Психологія въ правѣ и обязана изслѣдовать тѣ душевныя состоянія, которыя составляютъ собою эстетическое созерцаніе, а также являются его результатами, и чѣмъ болѣе будетъ произведено въ этомъ направленіи опытныхъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе будетъ пользы для науки, для художественной техники и для эстетическаго воспитанія. Но эти изслѣдованія все же не даютъ ключа къ самому *понятію* красоты и къ вполнѣ обоснованной, принципіальной ея оцѣнкѣ, такъ какъ *высшая истина* красоты и смыслъ влекущей насъ къ ней *идеальной цѣли* находятся *надъ* областью опытнаго знанія и для него непонятны и недоступны. Поэтому, въ высшемъ своемъ значеніи эстетика должна быть наукою метафизическою, какою она и была у лучшихъ своихъ представителей.

Обращаясь теперь къ вопросу о томъ, какое мѣсто должно принадлежать эстетикѣ въ системѣ *философскихъ* наукъ, мы, не вдаваясь въ критику существующихъ на этотъ предметъ разнообразныхъ взглядовъ, постараемся выяснить его въ связи съ сказаннымъ выше о *понятіи* красоты. Если, какъ мы старались выяснить, въ красотѣ дана—въ формѣ *чаянія*—нѣкоторая *истина о природѣ*, то мѣсто эсте-

Библиотека "Руниверс"

тики, какъ науки о красотѣ,—*въ системѣ философіи природы*; и именно, въ этой системѣ эстетика составляетъ *первую* часть. Въ поясненіе и оправданіе сказаннаго я позволю себѣ привести слѣдующія соображенія.

Философія, какъ наука о *сущемъ* въ широкомъ значеніи этого слова, то-есть не только о безусловно-сущемъ, но и объ условно-сущемъ (поскольку послѣднее приводится къ первому, какъ къ своему источнику), разсматриваетъ сущее въ *трехъ* послѣдовательно развивающихся въ мышленіи его опредѣленіяхъ. Во-первыхъ, она разсматриваетъ сущее въ его цѣлостномъ, еще не порозненномъ мыслію видѣ, относится къ сущему *положительно*, не вводя въ его понятіе никакихъ моментовъ различія и отрицанія: въ этомъ смыслѣ сущее я обозначаю терминомъ *сущность*. Во-вторыхъ, такъ какъ требованіе мышленія состоитъ въ проникновеніи въ его предметъ, что предполагаетъ различеніе предмета по его элементамъ, ихъ противоположеніе одного другому, выражающееся логически функціею *отрицанія*, то мышленіе совершаетъ анализъ, раздѣленіе понятія сущаго, отличая въ немъ *постоянное* отъ *измѣнчиваго*, первое какъ *субстанцію*, второе—какъ ея *модусы*, возникающіе черезъ *процессъ* ея измѣненія. Въ-третьихъ, мышленіе возстановляетъ первоначальное единство сущаго, но уже не какъ непосредственное, чуждое всякаго различія, а какъ преодолѣвшее, примирившее въ себѣ различія, какъ членораздѣльный, многообразный и вмѣстѣ цѣлостный организмъ, объединенный понятіемъ *причиняющей, производящей силы*. *Сущность*, *субстанція* съ процессомъ ея *модификаціи* и дѣятельная, *всесвязующая и всепроизводящая сила*—таковы тѣ ступени, по которымъ мышленіе развиваетъ или изслѣдуетъ понятіе сущаго.

Такая же послѣдовательность частей должна принадлежать и *системѣ философіи природы*. *Содержаніе* понятія природы доставляется чувственностью, но мышленіе стремится внести въ это содержаніе начала ума, возвести понятіе природы къ ея *идеѣ*, то-есть понять ея чувственный строй, какъ порожденіе или произведеніе сверхчувственной силы. Эта сила составляетъ то *сущее*, которое должно быть постигнуто мыслію за многообразіемъ чувственнаго содержанія природы, какъ высшее, основное единство и дѣйствительная связь этого содержанія, и постигнуто по тѣмъ же ступенямъ, какія вообще существуютъ для мысли при изслѣдованіи сущаго. На первой ступени это содержаніе открывается мысли въ своей непорозненности, въ которой субъектъ еще погруженъ въ объектъ и слитъ съ нимъ, вещество не отдѣлено отъ духа, воля не заявляетъ своихъ стремленій за полнымъ

Библиотека "Руниверс"

удовлетвореніемъ чувства въ чувственномъ воспріятіи: эта ступень есть ступень *эстетическаго созерцанія*, ступень отношенія къ природѣ, какъ къ *прекрасной*. Вторая ступень есть ступень необходимо возникающаго *анализа* и *борьбы* въ природѣ. Непосредственная ея цѣлостность разлагается въ процессѣ многообразныхъ модификацій ея элементовъ (субстанцій), вещественныхъ и психическихъ, составляющихъ для мышленія какъ предметъ теоретическаго изслѣдованія (въ опытной наукѣ), такъ и предметъ выработки практическаго руководства для воли въ ея состязаніи съ природою (въ руководимой этою наукою технической и общественной дѣятельности).

Въ результатѣ такого отношенія къ природѣ получается извѣстная система *законовъ* и *правилъ*, служащая для предвидѣнія явленій природы и для наставленія въ томъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать при ихъ наступленіи. Но—какъ и было объяснено выше—цѣлостнаго и единаго взгляда на природу, а стало быть и на положеніе въ ней человѣка, при этомъ получиться не можетъ, такъ какъ произведенный этимъ путемъ анализъ природы не восходитъ къ ея сверхъопытнымъ началамъ, къ той *дѣйствительной* силѣ, которая производитъ и связываетъ ея явленія. Отсюда возникаетъ необходимость *третьей*, заключительной и высшей части философіи природы, которая и составляетъ эту философію въ тѣсномъ значеніи такого слова, и которая разрѣшаетъ въ себѣ противоположность первыхъ двухъ частей—воззрѣнія на природу, какъ на цѣлостную, и пониманія элементарной связи и закономѣрности ея процессовъ.

Итакъ, эстетика есть *первая* часть философіи природы, разсматривающая ее по категоріи *непорозненнаго еще ея единства* или *сущности. Сущность природы, открывающаяся чрезъ любовное созерцательное въ нее погруженіе, и дана намъ въ красотѣ*, а наука, имѣющая это погруженіе предметомъ своего познанія и размышленія, есть *эстетика*.

Красота, какъ чувственное чаяніе сверхчувственнаго, какъ сущность природы, постигаемая чрезъ непосредственное чувственное ея созерцаніе, заключаетъ въ себѣ какъ бы въ невыясненномъ, не раскрывшемся для мысли видѣ, какъ бы въ намекахъ для нея, всю совокупность познанія о природѣ. Именно это обстоятельство и дѣлаетъ столь трудною науку о красотѣ. Чѣмъ болѣе наша мысль погружается въ изслѣдованіе красоты, тѣмъ болѣе поражаемся мы обиліемъ и глубиною даннаго въ послѣдней содержанія; но это содержаніе дано не въ ясно-очерченныхъ, отчетливыхъ понятіяхъ, а въ намекахъ для мысли, сливающихся въ своихъ границахъ и ускользающихъ отъ точ-

Библиотека "Руниверс"

наго опредѣленія. Если красота есть *радость* для созерцанія, то она есть *му́ка* для мысли, потому что она всесторонне возбуждаетъ ее и не даетъ ей удовлетворенія. А такъ какъ всякій человѣкъ не только созерцаетъ прекрасное, но и мыслитъ о немъ, то для всего человѣческаго духа въ его совокупности оно одновременно есть источникъ и полнаго насыщенія и ненасытимой жажды. Природа является намъ въ красотѣ и наивнымъ младенцемъ, дающимъ открытый и полный отвѣтъ, и вѣчнымъ сфинксомъ, стоящимъ передъ нами, какъ не разрѣшенная загадка.

Загадка красоты не только *не разрѣшена* для ея *мыслящаго* созерцанія, но она *въ своей полнотѣ* вообще *неразрѣшима* и для *умозрѣнія*. Вполнѣ разрѣшить эту загадку умозрительно значило бы *построить*, *создать* красоту изъ сверхчувственныхъ началъ или элементовъ природы. Но такой силы наше умозрѣніе не имѣетъ; оно *постигаетъ* эти начала въ ихъ *идеѣ*, но не имѣетъ силы превратить ихъ *идеальное бытіе* въ *чувственное существованіе*. И, однако, такое превращеніе, недостижимое для мысли, *фактически дано намъ въ созерцаніи*. Поэтому наше мышленіе стоитъ предъ красотою не только какъ предъ *низшею* сравнительно съ нимъ ступенью въ познаніи природы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ предъ чѣмъ то *высшимъ* и *таинственнымъ*.

Красота есть для мысли *великая тайна природы*, такъ какъ въ красотѣ таинственною и сокровенною для насъ силою *сверхчувственное созерцается чувственно*. Она влечетъ мышленіе въ неизслѣдимую для него глубину. Но эта глубина *ясна*, *свѣтла* и *прозрачна* для созерцанія. Поэтому именно въ прекрасномъ мы находимъ законную область *мистики*, требованіе которой — „не только *мысли*, но *созерцай* сверхчувственное“—исполняется единственно въ созерцаніи красоты. Только нужно имѣть въ виду, что это созерцаніе имѣетъ своимъ предметомъ не Бога, а природу. Правильнѣе, впрочемъ, сказать, что поскольку основное начало и вѣчная тайна природы заложены также въ Богѣ, это созерцаніе имѣетъ своимъ предметомъ *откровеніе Бога въ природѣ и чрезъ природу*.

Поэтому, окончательное опредѣленіе красоты таково:

Созерцаніе красоты есть мистическое погруженіе въ сущность природы.

Н. Г. Дебольскій.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Шведскій фольклоръ въ Финляндіи.

„*Nyland*". Samlingar utgifna af Nyländska afdelningen: I т. Samlingar af ord ur nyländska allmogemålet ordnade af *H. Vendell* 1884 г. (284 стр.). II т. Nyländska folksagor, ordnade af *G. A. Aberg*, 1887 г. (453 стр.). III т. Nyländska folkvisor, ordnade och utgifna af *E. Lagus*, 1887 г. (404 стр.). IV т. Nyländska folkseder och bruk, vidskepelse m. m. framstälda af *A. Allardt*, 1889 г. (140 стр.). V т. Nyländska folkvisor, ordnade och utgifna af *E. Lagus*, 1893 г. (208 стр.). VI т. Nyländska folksagor och-sägner, ordnade af *A. Allardt* och *S. Perklén*, 1896 г. (326 стр.).

Землячество нюландскихъ студентовъ задалось цѣлью собрать фольклоръ своей родины и издать его подъ общимъ заглавіемъ „Nyland". Уже раньше въ альбомахъ даннаго землячества появлялись фольклористическія статьи и обнародованія. Въ томъ же духѣ дѣйствуетъ съ 1885 г. Шведское Литературное Общество въ Гельсингфорсѣ. Также приходилось пользоваться рукописною библіотекой Общества для изученія шведскихъ говоровъ (Landsmålsföreningen). Nyland'а вышло уже шесть томовъ, составленныхъ и напечатанныхъ весьма добросовѣстно: къ пѣснямъ приложенъ всегда мотивъ, въ сказкахъ сохраненъ мѣстный говоръ. Первый томъ обнимаетъ словарь нюландской рѣчи, одинъ томъ (IV) отведенъ на обряды и повѣрья, два (III и V) на пѣсни, балладныя, любовныя, матросскія, хороводныя и др. и, наконецъ, на сказки и преданія два большихъ тома (II и VI).

Уже издревле прибрежье Финскаго и Ботническаго заливовъ, Аландскіе острова и шеры заселены скандинавами, которые, по свидѣ-

Библиотека "Руниверс"

тельству епископа Микаэля Агриколы, жившаго въ первой половинѣ XVI вѣка и переведшаго Новый Завѣтъ на финскій языкъ, родственны съ жителями острова Готланда. Они выработали говоръ, допускающій много весьма любопытныхъ сближеній съ древнесѣверною рѣчью, и сохранили фольклоръ, примыкающій къ общимъ всѣмъ германскимъ племенамъ повѣрьямъ и преданіямъ. Когда произошло ихъ переселеніе, до сихъ поръ не удалось установить хотя бы только приблизительно, но во всякомъ случаѣ, судя по раскопкамъ и по разбору мѣстныхъ названій, приходится отнести это событіе ко временамъ дохристіанскимъ и даже доисторическимъ. Извѣстный археологъ Монтеліусъ въ публичной лекціи, читанной въ Гельсингфорсѣ 7-го апрѣля 1897 г., неоднократно указывалъ на то, что многія находки, и при томъ самыя древнія, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отличаются отъ скандинавскихъ орудій и тѣмъ наводятъ на мысль о самостоятельномъ развитіи въ Финляндіи шведской культуры въ очень древнюю пору. Одно названіе той мѣстности, съ фольклоромъ которой я имѣю въ виду познакомить читателей, показываетъ также, что шведы нашли ее неприспособленною къ посѣву; это и есть Nyland-Neuland, новина. Этнографическая область Nyland простирается отъ Hangö'скаго мыса вплоть до устьевъ рѣки Кулямене прибрежною полосой въ 2—3 мили шириной, которая городомъ Гельсингфорсомъ дѣлится на двѣ части, восточную и западную.

I.

О нюландскихъ пѣсняхъ.

Въ народномъ пѣснопѣніи Nyland'a, по моему предположенію, наблюдаются два довольно различныхъ направленія: однѣ пѣсни принадлежатъ къ исконному достоянію народа, служатъ его развлеченіемъ въ часахъ досуга, на работѣ, на игрищахъ; другія сочинены въ сравнительно очень недавнюю пору и „обнародовались" благодаря письменной или устной передачѣ отъ автора ко второму, третьему и другимъ лицамъ. Первыя болѣе повѣствовательнаго содержанія и исполнялись при содѣйствіи хора, вторыя—изліянія личныхъ чувствъ, жалобы на невѣрность возлюбленной или на горести разлуки, и уже изъ этого обстоятельства ясно, что хору негдѣ было отвести мѣста. Такъ какъ хоровое начало выражалось въ припѣвѣ, то большая часть пѣсенъ первой группы и надѣлена припѣвомъ (или нѣсколькими при-

Библиотека "Руниверс"

пѣвами), изъ которыхъ мы и узнаемъ, при какихъ случаяхъ вообще пѣлись пѣсни. Понятно, прежде всего, когда послѣ тяжелаго рабочаго дня парни и дѣвушки сходились для взаимнаго развлеченія. На то—лаконическій припѣвъ: Och de lekte—а они играли (III стр. 97). На танцы указываетъ припѣвъ: Och jänka du och jänka jag och jänka trallallej (III, стр. 367). Глаголъ „jänka" означаетъ собственно „улаживать", но подъ этимъ же словомъ понимается и танецъ (см., впрочемъ, V стр. 81). Или, проще, хоръ подхватываетъ: Такъ споемъ-те!—Sen sjungom vi alla fallerallera! (III, стр. 367). Если спросить, гдѣ происходило все это веселье, то на это отвѣтитъ припѣвъ: I lunden—въ рощѣ!(III, стр. 93), или еще точнѣе: Alt under den gröna linden—подъ зеленою липой! (III, стр. 114). Роща служитъ также мѣстомъ тайнаго свиданія, и часто не простая, а „розовая"; липа же, особенно въ нѣмецкихъ пѣсняхъ, неразлучный другъ всѣхъ влюбленныхъ, и въ одной балладѣ (III, стр. 95) оказывается даже заколдованною красавицей. Въ лѣсу приходится не только плясать, но и работать; и вотъ дѣвица, „скорбящая подобно птицѣ, которой стрѣлокъ подстрѣлилъ супруга", работая въ рощѣ, припѣваетъ: Iag bryter löf och bäddar, lägger mig därpå—я рву листву и стелю, ложусь на ней! (III, стр. 263). Молодежь, живущая у берега или въ шерахъ, рѣзвилась не только въ лѣсу; совершая долгія поѣздки по морю, отправляясь, напримѣръ, каждое воскресенье съ отдаленнаго острова въ церковь, весело было, подъ однообразный стукъ веселъ, затянуть лихую пѣсенку. Такъ сложились припѣвы: Hej, ro i land — эй, греби къ берегу! (III, стр. 378):

Halli och hallå :/:
Till stranden vi segla.
Halli och hallå :/:
Vi segla och vi ro. (III, стр. 365 [1])).

Если обратимся ко второму типу пѣсенъ, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы прямо сможемъ указать на опредѣленнаго автора. Такъ № 95 (III, стр. 202) сочиненъ молодою дѣвушкой въ Снаппертунѣ въ 1855 г.; № 204 (III, стр. 341) двумя моряками изъ Ловизы въ 1871 г. Или же авторъ охраняетъ право литературной собственности, вплетая свое имя въ акростихъ, часто нарушаемый послѣдующей традиціей. Изъ начальныхъ буквъ каждой строфы (III, стр. 227) получается имя автора Oskar Rosén и (III, стр. 189) Erik Lindkvist (строфа 4—16).

---

[1]) Сл. *Steenstrup*, Vore Folkeviser fra Middelalderen 1891 г., стр. 75 и сл.

Библиотека "Руниверс"

Если подобныя указанія въ пѣснѣ иногда и становятся типичнымъ мѣстомъ, то это не должно смущать насъ: хотя мы лишены ключа для отысканія автора, тѣмъ не менѣе относительно происхожденія пѣсни не можетъ быть сомнѣнія. Такъ III, стр. 149, мы читаемъ:

Gif akt på femton verser och på det första ord,
Så får ni namnet veta, hvem visan hafver gjort.
Обратите вниманіе на 15 строфъ и на первое слово,
Тогда вы узнаете имя того, кто сочинилъ пѣсню.

Но загадку эту наврядъ ли кому нибудь удастся разрѣшить. Зато просто и коротко выразился сочинитель весьма популярной и красивой пѣсни о добрыхъ мо́лодцахъ-матросахъ (III, стр. 330):

Viljen J nu veta hvem visan diktat har,
Så står hans namn så skrifvit med bokstäfver C och A
Det var den yngsta jungman, som uppå skeppet var [1]).
Och denna visa lemna han åt den som sjunga kan.
Хотите ли вы знать, кто сочинилъ пѣсню:
Его имя пишется буквами С и А,
То былъ самый младшій юнгманъ на кораблѣ,
И эту пѣснь онъ оставилъ всякому, кто умѣетъ пѣть.

Въ самой пѣснѣ очень часто указывается на то, что стихотвореніе было написано и при какихъ обстоятельствахъ. Вотъ какъ начинаетъ пѣсню авторъ подобныхъ народныхъ стиховъ:

Med ängslan sätter jag mig ner,
Att skrifva några ord... (III, стр. 211).
Съ робостью я сажусь
Писать нѣсколько словъ...

Послѣдняя строфа начинается стихомъ (III, стр. 204):

Nu slutar jag min visa, jag vill ej längre skrifva!
Теперь я кончаю свою пѣсню, не хочу я дольше писать!

Въ горестномъ настроеніи то же выражается картинно (III, стр. 151):

Med tårar jag skrifver i stället för bläck,
Och ängslan har varit min penna.
Слезами я писалъ на мѣстѣ чернилъ,
И робость служила перомъ мнѣ.

(Ср. III, стр. 167, 169, 208, 227 и 252).

---

[1]) Варіантъ:
Det var en hurtig sjöman, som segla på salt vand
То былъ лихой морякъ, плавающій по соленому морю.

Библиотека "Руниверс"

Переходъ отъ комнатнаго стихотворства къ живому пѣснопѣнію намѣчается въ строкахъ:

Nu har jag visan *sjungen*,
Den själf jag *diktat* har... (III, стр. 186).
Теперь мною *спѣта* пѣсня,
Которую я самъ *сочинилъ*...

Распространеніе и дальнѣйшее развитіе среди народа такого продукта личнаго творчества предусматриваетъ слѣдующая строфа (III, стр. 370):

Sjung nu visan hvem som vill,
Tag ej ifrån, sätt mera till!
Det pryder den som diktat har,
Jag tror den låter bra.
Пойте теперь пѣснь, кто хочетъ;
Не упускайте ничего, но прибавьте еще!
Это льститъ тому, кто ее сочинилъ;
Я думаю, она звучитъ хорошо.

Передача пѣсни могла состояться или устнымъ путемъ, или посредствомъ пересылки письма. Ср. III стр., 196.

Och denna visan skickar uti din egen hand,
И эту пѣснь посылаю въ твои собственныя руки...

Въ предыдущемъ я пытался прослѣдить различіе между двумя теченіями въ нюландскомъ пѣснопѣніи, имѣя въ виду то, что пѣсни одной группы возникли сравнительно поздно и подъ вліяніемъ школы, бо́льшая часть же пѣсенъ второй окажется захожимъ добромъ. Здѣсь мы встрѣтимъ прежде всего варіанты средне-скандинавскихъ балладъ, распространенныхъ по всѣмъ сѣвернымъ странамъ, содержаніемъ которыхъ служатъ отчасти мѣстныя преданія, отчасти общеизвѣстные мотивы. Такимъ мѣстнымъ героемъ, пѣснь о которомъ перешла и въ Нюландъ, является Ramunder. (Ср. Arwidsson, I, стр. 116). Онъ, очевидно, низкаго происхожденія, но отличается необыкновенною силой. Встрѣтившись съ главнымъ великаномъ (storjätten), онъ дернулъ его за бороду такъ, что десны отдѣлились отъ зубовъ...

Och Ramunder rykte i jättens skägg,
Så att tandköttet lossa från tänder... (III, стр. 109).

Такой же подвигъ разказывается въ интерполяціи Орвародсаги, относимой Boer'омъ въ его большомъ изданіи (1888 г.) ко второй половинѣ XIV вѣка (стр. XIII).—Oddr борется съ Qgmund'омъ. Oddr greip þá báðum hǫndum i skegg honum med svá míklu afli, at hann

Библиотека "Руниверс"

reif af alt skeggit ok skeggstaðiun niðr at beini ok þar með alla ásjónuna med báðum vengafillunum ok svá gekk upp um ennit ok aptr á miðjan haus ok þar skilði með því, at svǫrðrinn slitnaði, en Oddr hafði þat er hann helt (*Boer*, стр. 136, 24—29). „Oddr схватился обѣими руками за его бороду съ такою силою, что оторвалъ ему всю бороду и подбородокъ вплоть до костей и вмѣстѣ съ тѣмъ все лицо съ обѣими щеками и затѣмъ вверхъ по лбу и далѣе до средины черепа, и кончилось тѣмъ, что кожа треснула, а у Odd'a осталось въ рукахъ то, что онъ держалъ". Въ такой утрировкѣ сага расписываетъ то, что баллада передаетъ парой стиховъ. Если *Schüchk* (Svensk literaturhist., стр. 371) правъ, считая эту балладу исконно норвежскою, то получается любопытное сближеніе.

Къ „общимъ" мотивамъ относится пѣснь о двухъ сестрахъ (III, № 7. Сл. Islenzk Fornkvaði, I, № 13; Arwidsson, II, № 99; Kristensen, Jyske Folkeminder, I, № 96, и X, № 19). Старшая, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе красивою, толкаетъ въ воду младшую сестру, разсчитывая выйдти за жениха утопленною. Пѣвецъ находитъ трупъ и дѣлаетъ изъ ея груди арфу; пальцы дѣвицы служатъ ему винтами, волосы—струнами. Съ этой арфой пѣвецъ является на свадьбу старшей сестры. При первыхъ же звукахъ она блѣднѣетъ и падаетъ замертво на полъ. Этому сюжету Köhler посвятилъ особую статью (Aufsätze über Märchen und Volkslieder, стр. 79—99), въ которой онъ останавливается не только на многочисленныхъ сѣверныхъ, но и на нѣмецкихъ, сицильскихъ, польскихъ, эстонскихъ и латышскихъ варіантахъ. Къ нимъ можно еще прибавить № 938 изъ „Сборника антропологическихъ и этнографическихъ статей" Дашкова, II т. Какъ уже отмѣтилъ Köhler (стр. 96) въ латышскихъ пѣсняхъ не упоминается объ убійствѣ, а лишь о несчастіи:

Ходитъ моя суженая
Вдоль по рѣчкѣ припѣваючи...
Собирая черемуховые цвѣты...
Роняетъ золотое колечко,
Хватаясь за колечко,
Падаетъ сама въ рѣчку;
Рѣка несла, но не удержала
И понесла ее въ Гаую;
Гауя несла, но не удержала
И понесла ее въ море;
Море несло, но не удержало
И выкинуло ее на берегъ.
На томъ мѣстѣ выросла липа,

Библиотека "Руниверс"

Развѣсистая о девяти сукахъ.
Изъ девятаго, изъ сука
Рижскіе молодцы сдѣлали гусли;
Играя на гусляхъ, молодцы говорятъ:
Жалобно звучатъ эти гусли,
Точно суженая одинокая.
(Переводъ у Дашкова, op. cit.).

Въ общемъ представленіе о чудесной арфѣ напоминаетъ сказочный мотивъ о поющей кости. Мнѣ думается, что содержаніе баллады могло получиться изъ контаминаціи двухъ мотивовъ. Схема перваго намѣчена въ латышской пѣснѣ: дѣвица утопаетъ, желая доставать потерянное колечко (или вѣнокъ); возлѣ ея трупа выростаетъ дерево, изъ котораго затѣмъ готовятъ чудесный инструментъ. Въ балладѣ посредствующее звено—дерево—опущено, и къ арфѣ приспособляютъ прямо различныя части трупа. Другой мотивъ состоитъ въ ссорѣ двухъ сестеръ, въ гибели одной и въ обнаруженіи ея участи посредствомъ какого-то таинственнаго голоса, раздающагося на мѣстѣ преступленія. Замѣчу кстати, что у Кастрена (Ethnol. Vorles., стр. 168—169) приводится довольно схожая сказка, записанная у самоѣдовъ. Тутъ сестра прячетъ убитую въ волчью яму, но мужъ ея, проѣзжая мимо, слышитъ плачъ, и жена должна сознаться въ томъ, что это жалуется ея сестра (ср. также *Kreutzwald*, Ehstn. Märch., стр. 12).

Изложу еще содержаніе балладъ, имѣющихъ общій мотивъ съ былинами о Садкѣ. Уже академикъ Веселовскій привлекалъ къ сравненію морскую поѣздку Peder'a [1]). Причесавшись и напудривъ волосы, Peder входитъ къ своей матушкѣ и спрашиваетъ, какая ему предстоитъ судьбина. Мать отвѣчаетъ, что умретъ онъ не на войнѣ, не дома, но пусть опасается синихъ волнъ. Несмотря на такое предвѣщаніе, Peder снаряжается въ путь-дорогу и строитъ корабль изъ одной пробки, мачты изъ китовыхъ костей, а вымпелъ изъ чистаго золота (III, стр. 58):

Och skeppet det byg des utaf baraste kork,
Och mästerna af hvalfiskeben,
Och vimpelen skall vara utaf rödaste gull,
Och flaggorna likaså med.

Съ этою строфой можно сравнить описаніе былины:

Носъ-корму кладите по-звѣриному,

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCXLVIII, стр. 269 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Бока-то сведите по-змѣиному,
Машты кладите краснаго деревца,
Блочики кладите все кизюльные,
Канатики кладите все шелковые...
и т. д. (*Гильфердингъ*, № 146).

Отъѣхавъ на 500 миль, корабль останавливается. Тщетно экипажъ молится Богу. Капитанъ предлагаетъ рѣшить жребіемъ, кто изъ нихъ наибольшій грѣшникъ. Три раза подъ рядъ жребій указываетъ на Peder'a. Тогда Peder кается: „я грабилъ монастыри, сжигалъ церкви и обманывалъ дѣвицъ. Если вы достигнете берега, и моя матушка спроситъ обо мнѣ, скажите, что я служу на чужбинѣ, и что мнѣ и хорошо, и весело. И если вы достигнете берега, и моя невѣста спроситъ обо мнѣ, скажите, что я лежу на глубинѣ синихъ водъ, и пусть она выходитъ за другаго...". Какъ только Peder сталъ погружаться въ воду, корабль пошелъ, развѣваясь по синимъ волнамъ.

Такое же несчастье случается и въ той балладѣ, гдѣ невѣста ѣдетъ на свою свадьбу, къ жениху, черезъ Аландское море. Она приказываетъ выбросить за бортъ гнѣдаго коня съ сѣдломъ изъ золота, золотой ларчикъ и корону, но всѣ драгоцѣнности всплываютъ на поверхности. Тогда дѣвица видитъ, что нѣтъ другаго исхода, а нужно умереть. Передъ смертью она шлетъ жениху столько „добрыхъ утръ", сколько лилій растутъ въ розовой рощѣ, и столько „добрыхъ ночей", сколько на небѣ звѣздъ (III, № 38). Въ первой балладѣ о Peder'ѣ сразу начинаютъ метать жребій, кому броситься въ воду, въ другой о погибающей невѣстѣ сперва думаютъ умилостивить морскаго владыку дорогими дарами. Въ былинѣ о Садкѣ соединенъ и тотъ и другой моментъ:

А й какъ тутъ дружина да хоробрая
А й какъ брали бочку сороковку краснаго золота,
А мётали бочку въ синё морё.
А й какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й ломать черны кáрабли да на синём мори,
Всё не йдутъ съ мѣста кáрабли да на синём мори.

Тогда бросаютъ другую бочку „чистаго сéребра" и наконецъ „третью бочку да крупнаго мелкаго скатнаго жемчугу". Когда и тутъ „не йдутъ съ мѣста кáрабли", то Садко говоритъ:

„А, видно, Морской-то Царь требуе какъ живой головы у насъ въ синё морё.

Ай же ты, дружина хоробрая!

Библиотека "Руниверс"

А й возьмите-тко, ужъ какъ дѣлайте
А й да жéребья да себѣ вóлжаны..."
(*Гильфердингъ*, № 70, стр. 392).

Вчитываясь въ балладную поэзію, все болѣе и болѣе проникаешься сознаніемъ о важности пріема повторительнаго описанія. Повсюду, за немногими исключеніями, имъ руководится композиція и опредѣляется форма баллады. Пріемъ этотъ употребляется для подчеркиванія какой нибудь особенно характерной подробности пѣсни или же при повѣствованіи о продолжительномъ дѣйствіи (ср. III, стр. 9, 96, 105 и др.). Если дѣйствіе можетъ разнообразиться или слѣдствія его постепенно усиливаться, другими словами, если каждая строфа можетъ пріобрѣсть свое собственное содержаніе, независимо отъ другихъ членовъ параллелизма, сохраняя при этомъ повтореніе выраженія, то-есть, одной формы, то пріемъ произведетъ по-истинѣ художественное впечатлѣніе. Король Valdemo увезъ царскую дочь, но его догоняетъ царь съ дружиною. Valdemo, пожелавшій только что отдохнуть съ возлюбленною, вскакиваетъ на коня, вступаетъ въ бой и остается побѣдителемъ, убивъ родителей своей невѣсты. Самъ онъ смертельно раненъ, но ничего не даетъ объ этомъ знать и спѣшитъ доставить свою невѣсту къ себѣ, въ замокъ отца. Вотъ какъ описывается его поѣздка:

28 Kung Valdemo han red sig genom tolfmilars skog,
Men aldrig talte han det ringaste ord.
29 Kung Valdemo han red sig öfver tolfmilars äng,
Men aldrig var han glad mot sin lilla små vän.
30 Kung Valdemo han red sig genom tolfmilars by,
Men aldrig så förde han den ringaste gny.
31 Kung Valdemo han red sig genom tolfmilars stad,
Men aldrig så var han mot lilla vännen glad.
(III, стр. 3)

Король Valdemo помчался черезъ лѣсъ въ 12 миль,
Но не промолвилъ онъ ни единаго слова.
Король Valdemo помчался черезъ лугъ въ 12 миль,
Но не былъ онъ веселъ со своей миленькой подругой.
Король Valdemo помчался черезъ селеніе въ 12 миль,
Но не издалъ онъ ни единаго звука.
Король Valdemo помчался черезъ городъ въ 12 миль,
Но не былъ онъ съ миленькой подругой веселъ.

Въ предыдущемъ примѣрѣ параллелизмъ поддерживается разновидностью дѣйствія, то-есть, тѣмъ, что король скачетъ черезъ лѣсъ, лугъ, селеніе, городъ. Тѣмъ не менѣе многіе параллелизмы могли возникнуть такимъ образомъ, что варіанты какой нибудь одной строфы

Библиотека "Руниверс"

вошли въ составъ пѣсни одинъ за другимъ. Такъ, въ приведенномъ уже отрывкѣ 31 строфа, по всей вѣроятности, возникла на основаніи 29-ой. Доказать это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ за недостаткомъ записей наврядъ ли удастся. Въ слѣдующемъ примѣрѣ мы познакомимся съ замѣчательною градаціей эффекта. Пастушка выгоняетъ овечье стадо и поетъ,—поетъ такъ чудно, что король освѣдомляется о ней и приказываетъ, чтобъ она пѣла во дворцѣ.

Valkulla hon spelar nu danserna två,
Att konungen själf på golfvet månd gå;
Valkulla hon spelar nu danserna fem,
Då dansade konungen och alla hans män;
Valkulla hon spelar nu danserna sju,
Då dansade kungen och hans unga brud. (III, стр. 86).
Пастушка сыграла танца два,
Такъ король самъ выступилъ на полъ;
Пастушка сыграла танцевъ пять,
Тогда плясалъ король и всѣ его мужи;
Пастушка сыграла танцевъ семь,
Тогда плясали король и его молодая невѣста.

И какъ ни злились принцессы и барышни, а пастушка стала супругой короля.

Даже шуточныя пѣсни не брезгаютъ этимъ пріемомъ. Мужикъ какъ-то поѣхалъ въ лѣсъ и увидѣлъ громадную ворону. Боясь, что она его укуситъ, онъ возвращается домой, но жена насмѣхается надъ нимъ. Тогда онъ собирается съ духомъ и убиваетъ ворону. Перьями кроютъ крышу и изъ остатка набиваютъ тюфякъ, такой большой, что на немъ помѣщалась дѣвка съ парнемъ. Кожа хватила на 15 паръ башмаковъ, кромѣ туфль, предназначенныхъ для хозяйки. Крылья годились для вѣеровъ, что́ дѣвицы употребляютъ при хорошей погодѣ. Ноги пошли на навозныя вилы, а изъ остова вышелъ линейный корабль, наилучшій, что шелъ по́ морю. Голову помѣстили на куполъ церкви, изъ клюва получилась втулка, и, наконецъ, изъ задняго прохода сдѣлали кольцо для портнаго. Словомъ, ворона пригодилась. Но убить такую птицу дѣло непростое:

Bonden satt bössan för sitt bröst,
Så sköt han den kråkan så att hon blef töst.
Bonden satt bössan för sitt knä,
Så sköt han den kråkan i högsta trä.
Bonden satt bössan för sin fot,
Så sköt han den kråkan att hon dansa till jord.
(III, стр. 350).

Библиотека "Руниверс"

Мужикъ приставилъ ружье къ груди
И выстрѣлилъ въ ворону такъ, что она смолкла.
Мужикъ приставилъ ружье къ колѣну
И выстрѣлилъ въ ворону на верхушкѣ дерева.
Мужикъ приставилъ ружье къ ногѣ
И выстрѣлилъ въ ворону такъ, что она упала ôземь.

Удачно тутъ подмѣчены моменты смолканія, смерти и паденія вороны, которые всѣ три сопровождаются соотвѣтствующимъ движеніемъ мужика. Соотношеніе между двумя идущими параллельно дѣйствіями и ихъ фазисами не столько выражено союзами, сколько подразумѣвается въ простомъ сопоставленіи. Вообще параллелизмъ мыслимъ только при полной координаціи отдѣльныхъ частей описанія. Развитіе синтаксиса устраняетъ потребность и отчасти и возможность пріемовъ повторенія.

Что касается лирическихъ стихотвореній, то нѣкоторыя изъ нихъ свидѣтельствуютъ о дѣйствительной даровитости сочинителей, сумѣвшихъ образно и непосредственно передать тяготившее ихъ настроеніе, а то обстоятельство, что они, сами выходя изъ простаго народа, по формѣ примыкали къ своей собственной традиціонной поэзіи, придаетъ ихъ стихамъ особую безыскусственность и мелодичность. Основная ихъ тема—любовь.

„Когда наступаетъ весна, и ласточка напѣваетъ, и трава начинаетъ прозябать, тогда листва выростаетъ на липѣ, тогда я нахожу себѣ вѣрнаго друга“ (III, стр. 222). „Тогда мы пойдемъ въ зеленѣющій лѣсъ, устроимся и поселимся тамъ съ птицами, соорудимъ себѣ хижину изъ вѣтвей и мха, и укроемся въ ней, мы сами съ любимцемъ. И если взголодаемъ, то будемъ собирать ягоды, тамъ-то проживемъ счастливо, проживемъ тамъ счастливо, будемъ цѣловаться и и ласкаться и плясать каждый вечеръ“ (III, стр. 173). Но счастье на землѣ недостижимо, и мечта о беззавѣтной любви прерывается разлукой или, чего хуже, измѣной. „Птички улетаютъ, и вновь возвращаются, но потерянный другъ никогда не придетъ болѣе“ (III, стр. 219). „Когда друзья разстаются съ горемъ и плачемъ, то Богъ наградитъ того, кто вызвалъ разлуку! Не слѣдуетъ ему жить среди друзей на землѣ,—онъ совершилъ худшее преступленіе, нежели убійца“ (III, стр. 224). Особенно ненадежны въ этомъ отношеніи моряки. „Если у тебя другъ на морѣ, то не полагайся на него никогда, когда онъ пріѣзжаетъ въ чужія страны, то найдетъ тамъ многихъ друзей“ (III, стр. 326). Встрѣча и разлука, любовь и разрывъ, поцѣлуи и

Библиотека "Руниверс"

слезы—вотъ темы, исчерпывающія содержаніе этихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. Къ наилучшимъ относятся тѣ, въ которыхъ одинокая дѣвица тоскуетъ о возлюбленномъ. Или онъ умеръ, и она стоитъ у его могилы и обращается въ своемъ плачѣ къ „милому блеску звѣздъ", къ „другу-зефиру, навѣрно знающему, кого она любила", къ „цвѣточкамъ на могилѣ, нѣжно скрывшимъ ея горе" (III, стр. 207), или же онъ уплылъ,—уплылъ и не возвратился:

„Съ влажными глазами я гляжу на синія волны; угрожая и съ ревомъ онѣ ударяются о крутую скалу. Далеко на чужбинѣ мой возлюбленный, и я, блѣдная его лилія, дожидаюсь его здѣсь на берегу.

„Осенью я возвращусь, моя прекрасная, юная жена!—такъ сказалъ онъ и искренно прижалъ меня къ груди. Но волны плещутъ и валы шумятъ; никогда не возвратится другъ мой, сколько бы я ни ждала.

„Я плачу, и я жалуюсь, я вздыхаю и молюсь, и подобно соколу всматриваюсь въ даль по морю. Но волны плещутъ и валы шумятъ; никогда не возвратится другъ мой, сколько бы я ни ждала.

„Если бы у меня оказались крылья, какъ у птички въ воздухѣ, то я навѣрное улетѣла бы въ чужіе края. Далеко на чужбинѣ мой возлюбленный, и я, блѣдная его лилія, дожидаюсь его здѣсь, на берегу.

„Уже долго я ждала, уже нѣтъ у меня утѣшенія; когда сердце не можетъ больше биться въ моей груди, когда волны ужъ не плещутъ и валы не шумятъ, то встрѣчусь я съ другомъ на небѣ голубомъ" (III, № 103, стр. 210).

Подобно лейтмотивамъ, припѣвы повторяются и сплетаются, твердя слушателю одно общее главное, основное представленіе. Но, кромѣ этого формальнаго повторенія, нюландскія пѣсни не лишены и метафорическаго параллелизма. Напримѣръ:

„Никогда яблоко не растетъ такъ высоко, всегда оно упадетъ на землю; но если мой другъ меня обманетъ, то обманутъ меня всѣ" (III, стр. 151).

„На небосклонѣ мерцаютъ звѣздочки; кого я полюбила, того я не могу получить" (III, стр. 152).

„Любовь дѣвицъ и красивыя лиліи украшаютъ зеленую землю" (III, стр. 173).

Или параллелизмъ уже сократился, слились отдѣльные его члены, и получилась чистая аллегорія:

„Въ долинѣ росла лилія, — лилія та была красна, какъ роза; я остановился и смотрѣлъ на лилію, и слезы полились по моимъ щекамъ" (III, стр. 290).

Библиотека "Руниверс"

И хороводныя пѣсни изобилуютъ поэтическими сопоставленіями:

„Яблоко снаружи и красно и зелено, внутри же черви; сердце парня такъ красиво, но въ немъ коренится измѣна“ (V, стр. 53).

„Красная роза украшаетъ зеленый кустъ; милый ротикъ украшаетъ красивую дѣвушку“ (V, стр. 151. ср. стр. 118).

Иногда сама хороводная игра есть не что иное, какъ метафора. Такъ одинъ изъ парней становится окунемъ, а другіе всѣ изображаютъ собою сѣть. При игрѣ поютъ:

„Окунь играетъ, а сѣть порвана. Окунь пролѣзаетъ, гдѣ увидитъ дыру. Окунь, отыщи дыру“! (V, стр. 26).

Нужно думать, что хороводы когда-то обладали болѣе вѣскимъ содержаніемъ, ибо, вѣроятно, народныя пѣсни исполнялись раньше хорически и даже драматически. Такимъ остаткомъ является рыцарская пѣсня, которая еще до сего дня служитъ хороводною игрой (V, стр. 44—47). Курьезно, когда одну и ту же пѣснь можетъ пѣть либо мальчикъ, либо дѣвочка, при чемъ мѣняются одни мѣстоименія (III, стр. 165).

Относительно № 245, на стр. 389, могу замѣтить, что читалъ эти же стишки въ старомъ азбуковникѣ подъ буквою R. Такъ какъ мелодія къ нимъ не нашлась, а назидательный тонъ равно наводитъ на мысль о книжномъ происхожденіи, то имѣемъ ли мы тутъ вообще дѣло съ народною пѣсней? Сожалѣю, что циничность № 223 (III, стр. 264) помѣшала издателю напечатать ее всю: начало, по крайней мѣрѣ, вполнѣ совпадаетъ съ фабулой, также ужасно скабрезною, французскаго фабльо. Одинаково странное литературное вліяніе показываетъ четверостишіе хоровода № 382 (V, стр. 129) со стороны куплета Bellman'a.

ПѢСНЯ:

Käraste gossar dansen på tå,
Hatten i hand och handskarna på,
Se uppå jungfruns röda band i sko.
Strumporna himmelsblå.
Fredmans epistel, № 9:
Käraste bröder, dansa på tå!
Handskar i hand och hattarna på [1]).

---

[1]) Bellman, очевидно, нарочно выразился: съ перчатками въ рукѣ и въ шляпѣ, желая этимъ характеризовать непониманіе у танцоровъ свѣтскихъ приличій; но народъ не понялъ этой тонкости и переставилъ, какъ слѣдуетъ: с шляпой въ рукѣ и въ перчаткахъ.

Библиотека "Руниверс"

Se på jungfru Lona,
Röda band i skona,
Nya strumpor, himmelsblå.

Равнымъ образомъ и № 4 (V, стр. 4) возникъ при дворѣ Густава III и, вѣроятно, даже подражаніе какому-нибудь французскому образцу, хотя я въ данную минуту точныхъ указаній дать не могу.

II.

О нюландскихъ сказкахъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ.

При перелистываніи большаго сборника сказокъ получаешь впечатлѣніе замѣчательной пестроты, неисчерпаемаго богатства сюжетовъ, но, вчитавшись въ нихъ, приходишь къ убѣжденію, что въ сущности все повторяется довольно ограниченное количество мотивовъ, различное сочетаніе которыхъ и вызываетъ кажущееся разнообразіе. Ahlström насчиталъ въ Швеціи всего около 200 мотивовъ (Sv. landsm. 1895 г.), и въ томъ же смыслѣ высказался раньше и Köhler. Излюбленные сюжеты, напримѣръ, красавица на стеклянной горѣ, поѣздка черезъ мѣдный, серебряный и золотой лѣсъ, потерянный башмакъ красавицы, яблоки, отъ которыхъ носы удлиняются, и др. Но не только отдѣльные мотивы, цѣлый планъ сказки можетъ быть предусмотрѣнъ. Основой большихъ сказокъ чаще всего служитъ слѣдующая схема: три брата должны добывать или живой воды, или три волоса изъ бороды великана, или жаръ-птицу; младшій ихъ получаетъ, но старшіе подстерегаютъ его и временно торжествуютъ, пока обольщенная красавица не пріѣзжаетъ въ страну и обличаетъ обманъ. Такъ какъ ни эти схемы, ни общіе мотивы не сложились въ Нюландѣ, ни даже въ Швеціи, то мнѣ на нихъ останавливаться нечего: насъ будутъ занимать тѣ явленія, которыя могутъ быть наблюдаемы и изслѣжены по даннымъ Нюланда. Тутъ, какъ уже было сказано, прежде всего бросится въ глаза разнообразная смѣна мотивовъ и различное ихъ сочетаніе. Для примѣра я выбираю какую нибудь группу сказокъ.

Герой въ нихъ такъ или иначе добываетъ ружье, которымъ убиваетъ все, во что прицѣливается, и скрипку, подъ звуки которой всѣ должны плясать. Ею онъ заставляетъ пастора, издѣвавшагося надъ нимъ, танцовать до изнеможенія. За это его собираются казнить, но передъ казнью онъ выпрашиваетъ себѣ позволеніе играть и этимъ спасается. Посмотримъ сперва, какъ эти черты искази-

Библиотека "Руниверс"

лись въ разныхъ пересказахъ. Разъ была забыта и ненужна скрипка (II, № 233), то недолго удержалось и ружье. Превосходство его переносится на собаку; она пригоняетъ всевозможную дичь, ружье же у стрѣлка обыкновенное (II, № 232). Далѣе же карликъ приказываетъ дверямъ въ замкѣ вращаться съ музыкой, напѣвая мелодію,—не есть ли это отзвукъ исчезнувшей чудесной скрипки? Не замѣненъ ли онъ и въ другой сказкѣ свистулькой, созывающею звѣрей? (VI, № 141). Къ этимъ двумъ вещамъ, встрѣчающимся въ большинствѣ сказокъ, присоединяется еще третья (такъ какъ народное творчество всегда стремится къ троичности) и повсюду различная. Или дается палка: если ею ударить во что нибудь, она отвѣтитъ на предлагаемый вопросъ касательно ударяемаго предмета. Получается новый эпизодъ, повторяющійся, благодаря геминаціи, два раза: герой хочетъ жениться, но заблаговременно при помощи своей палки справляется, сколько у невѣсты было любовниковъ; палка отвѣчаетъ: посчитай-ка тарелки на полкѣ!—Ихъ 24, и свадьба, понятно, разстраивается (VI, № 142). Либо герой получаетъ шпагу: при обладаніи ею всѣ его пожеланія будутъ исполнены (II, № 232), или же запросто ему обѣщаютъ: что-бы онъ ни выпрашивалъ себѣ, все получитъ (VI, № 143). Однако, его просьбы довольно скромны; онъ нуждается лишь въ костюмѣ, въ сапогахъ и въ конѣ. Или третій даръ обозначается весьма неопредѣленно, какъ небо (въ смыслѣ блаженства) (VI, № 144), либо какъ фокусы (Konster) (II, № 278). Если въ одной версіи камбала даритъ эти три вещи, то тутъ сказалось воспоминаніе о золотой рыбкѣ (VI, №144). Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ такаго представленія былъ вотъ какой разказъ: на ночь нужно отнести ружье и скрипку къ водопаду; тамъ онѣ пріобрѣтутъ чудесную силу (VI, № 145). Проще всего, когда старикъ приноситъ эти вещи (VI, № 142); если же выступаютъ три старика (VI, № 143), то это не столько потому, что приходится раздавать три вещи, сколько подъ вліяніемъ другаго мотива, съ которымъ слилась наша сказка. Мотивъ этотъ еще распространеннѣе перваго: молодой человѣкъ спасаетъ царскую дочь, убивая дракона; затѣмъ онъ уѣзжаетъ на годъ; капитанъ (kaftén, VI, № 141) или генералъ (ginďrál, II, № 232) или—lat not least—русскій солдатъ (rýss-soldát II № 233) выдаютъ себя за того, кто совершилъ сей подвигъ; но въ день свадьбы возвращается настоящій побѣдитель и получаетъ свою награду. При убіеніи дракона юношѣ помогаютъ три собаки, которыхъ онъ вымѣнялъ себѣ за трехъ овецъ отъ трехъ старцевъ. Въ сокращенномъ варіантѣ (II,

Библиотека "Руниверс"

№ 278) объ этой контаминаціи сохранилась смутная память: пасторъ, убѣдившись въ искусствѣ мальчика стрѣлять и играть, везетъ его ко двору и предлагаетъ ему царскую дочь въ жены; но юноша отвергаетъ ее, и за это оскорбленіе его приговариваютъ къ смерти. Я отмѣчу еще третій мотивъ, сплетшійся съ предыдущими: до похожденія съ дракономъ юноша живетъ съ первою женой—бѣдною дѣвицей; та влюбляется въ разбойника и по его совѣту старается отравить мужа. Разбойникъ этотъ могъ и слиться со старцемъ, который даетъ собакъ и проч., въ одно лицо (VI, № 142). Собаки, почуявъ ядъ, не ѣдятъ пищи; онѣ же разрываютъ мнимаго побѣдителя дракона. По смѣшенію жертвой ихъ становится и разбойникъ (II, № 233). При предыдущемъ разборѣ данныхъ 8 сказокъ (II, №№ 232, 233, 278; VI, №№ 141—145) я прежде всего прослѣдилъ разновидности основной сказочной темы; затѣмъ я указалъ на контаминаціи съ двумя другими мотивами; но, кромѣ того, почти въ каждой сказкѣ этой группы еще наблюдаются такія черты, происхожденіе которыхъ понять трудно. Такими чертами будетъ таинственный замокъ въ лѣсу съ роковымъ колодцемъ въ одной (II, № 232) и звѣри: медвѣдь, волкъ и левъ, замѣнившіе трехъ собакъ и содѣйствующіе своему хозяину многостороннѣе, чѣмъ онѣ, въ другой сказкѣ (VI, № 141). Тамъ же жена требуетъ, чтобы мужъ ей добылъ волчье, медвѣжье и львиное молоко, надѣясь, что онъ тогда погибнетъ. Спрашивается: есть ли эта черта слѣдствіе или причина по отношенію къ замѣнѣ собакъ этими тремя звѣрями? Легче объясняется появленіе таинственнаго замка: первоначально онъ былъ менѣе гостепріименъ, это былъ вертепъ разбойника. Жизненность сказки доказывается не только многообразіемъ ея версій и обиліемъ новыхъ чертъ, не намѣченныхъ первичною схемой, но и тѣмъ, что въ трехъ деревняхъ записаны по два варіанта (Tenala—VI, №№ 141 и 142, Liljendal,—VI, №№ 143 и 144, Strömfors—II, № 233, и VI, № 278).

Сказка о котѣ въ сапогахъ стала извѣстною въ Нюландѣ въ очень смутной редакціи. Ближе всего къ типу этой сказки подходитъ разказъ (II, № 276), гдѣ, однако, дѣйствующимъ лицомъ является дѣвушка-сирота. Котъ ей помогаетъ сшить разныя рукодѣлія и, наконецъ, выдаетъ ее за царевича. Мотивъ купанія здѣсь совсѣмъ забытъ, въ то время, какъ въ другой сказкѣ (VI, № 69) онъ замѣненъ другимъ, схожимъ мотивомъ. Лицо, которому служитъ котъ, должно быть застигнутымъ царемъ въ безпомощномъ положеніи и нагимъ. Часто въ сказкахъ провинившуюся дѣвушку гонятъ въ лѣсъ, гдѣ она пря-

Библиотека "Руниверс"

чется въ листвѣ дерева въ одной сорочкѣ. Тутъ ее и застаетъ царевичъ. Такую же сцену въ нашей сказкѣ устраиваетъ котъ. Интересно, какъ котъ овладѣваетъ замкомъ, принадлежащимъ чародѣю (troll); послѣ восхода солнца чародѣй не могъ попасть въ замокъ; такъ говорится въ сказкѣ, но вѣроятнѣе всего, что при первыхъ лучахъ солнца troll погибъ бы и долженъ поэтому укрыться. Вотъ котъ и бесѣдуетъ съ troll'омъ до тѣхъ поръ, пока солнце не восходитъ, и troll безвреденъ. Въ третьемъ пересказѣ (VI, № 106) первичное содержаніе совсѣмъ забыто. Бѣдный мальчикъ женится на своей сосѣдкѣ. Оба они сиротки; котъ же добываетъ имъ богатства, избавляя государство отъ мышей и крысъ. Еслибы какъ-разъ въ этой сказкѣ не упоминалось нарочно о сапогахъ кота, то можно было бы подумать, что она принадлежитъ къ другому типу, по которому мальчикъ богатѣетъ, прибывъ въ страну, опустошенную крысами, съ единственнымъ своимъ добромъ — котомъ (II, № 182). Теперь мы знаемъ, что тутъ произошло своеобразное сочетаніе: планъ одной сказки былъ приноровленъ къ мотиву другой.

Любопытное развитіе сюжета вслѣдствіе забвенія первичнаго его смысла наблюдается при пересказахъ сказки о громадномъ кочанѣ. Сказка эта сохранена во вполнѣ правильномъ видѣ (II, № 344), какъ двое мастеровыхъ хвастаются другъ предъ другомъ. Въ варіантѣ разказывается, что въ какой-то деревнѣ дѣйствительно росъ небывалой величины кочанъ; крестьяне собираются варить его и вотъ куютъ такихъ же размѣровъ котелъ (II, № 345). Еще въ другой версіи на кораблѣ въ необычайно большомъ котлѣ варятъ горохъ и когда выливаютъ остатки въ море, то образуется островъ (II, № 343). Если тутъ лишь осталось воспоминаніе о котлѣ, то въ другомъ мѣстѣ помнили одинъ кочанъ, подъ листьями котораго большое количество народа находитъ пріютъ отъ солнечныхъ лучей. Кочанъ этотъ замѣняется и шляпой съ широкими полями (II, № 346). Остроумная шутка превращается въ событіе,—въ настоящее происшествіе, а послѣ разложенія послѣдняго еще остаются извѣстные образы, вызывающіе чудовищныя представленія.

Мѣсто, неясное по мотивировкѣ, будетъ особенно воспріимчивымъ для различныхъ версій и толкованій. Въ сказкѣ о жадномъ пасторѣ дьячекъ ведетъ его на охоту и, якобы заблудившись, моритъ его голодомъ цѣлый день; наконецъ, они находятъ хату, но пасторъ не долженъ и тутъ ѣсть. Это мотивируется различно. Неубѣдителенъ совѣтъ дьячка,—не показывать своего апетита (II, № 297). Болѣе уда-

Библиотека "Руниверс"

ченъ разказъ, что пасторъ не дожидается ужина и при уходѣ хозяйки руками лѣзетъ въ тѣсто; когда хозяйка входитъ, дьячекъ толкаетъ пастора локтемъ, такъ что тотъ всей рукой попадаетъ въ тѣсто, и вотъ онъ во время всего ужина долженъ держать свои руки въ карманѣ и не можетъ ѣсть (II, № 296). Но больше всего юмора въ варіантѣ, не вошедшемъ въ сборникъ, но извѣстномъ мнѣ по личному опыту. Онъ относится къ восточной части Нюланда. Въ прежнее время считалось неприличнымъ слѣдовать за первымъ приглашеніемъ хозяйки: гость безъ конца отнѣкивался, хозяева не менѣе упорно упрашивали. Эта манера сказывается еще понынѣ у старыхъ людей. Такъ и пасторъ, несмотря на свой мучительный голодъ, отказывается, и такъ какъ хозяева—простолюдины, не понимающіе тонкостей обращенія, то пастора такъ и оставляютъ въ покоѣ. Сцена эта дѣлаетъ честь своимъ изобрѣтателямъ.

Но иногда замѣтно и извѣстное опошленіе сказки, хотя бы въ описаніи стекляной горы: она такъ высока, что развѣ птица можетъ взлетѣть на нее (VI, № 66). Въ варіантѣ ея высота опредѣляется тѣмъ, что только мухи да комары летаютъ такъ высоко (VI, № 67). Въ той же сказкѣ вѣдьма даетъ молодцу зелье, чтобы птичье сердце вылетѣло изъ его груди. Въ варіантѣ парень въ припадкѣ смѣха выплевываетъ сердце.

Схема сказки можетъ остаться неизмѣнною, но зато чередуются различныя дѣйствующія лица. Сказка, извѣстная по сборнику Гриммовъ подъ заглавіемъ Bremer Stadtmusikanten, допускаетъ большое разнообразіе участвующихъ животныхъ. Причиной, отчего они покидаютъ свой домъ и отправляются на странствіе, служитъ намѣреніе хозяевъ зарѣзать ихъ. Понятно, что пока удержалось такое вступленіе, то могли подразумѣваться лишь домашнія животныя; когда же участники сходились инымъ путемъ, то присоединились и лѣсные звѣри, и число ихъ разрослось до 9 (ср. VI, № 103, II, №№ 5, 183 и II № 104, 105). Къ домашнимъ животнымъ страннымъ образомъ причисляется и медвѣдь (II, № 5). Лишь въ двухъ пересказахъ они подвергаются нападенію со стороны разбойниковъ (II, № 188; VI, № 103); въ другихъ сказкахъ послѣдніе замѣнены домовымъ, который послѣ непріятной для себя встрѣчи съ животными покидаетъ домъ (II, №№ 4, 5; VI, 104). „Но многіе утверждаютъ, говорится въ сказкѣ, что собственно не домовой тамъ шумѣлъ, а подземный карликъ“ (VI, № 104). А то и главная роль передана путешественнику, который пріѣзжаетъ въ заколдованный замокъ и для самозащиты разставляетъ звѣрей по

Библиотека "Руниверс"

разнымъ мѣстамъ (II, № 4). Въ другой группѣ сказокъ на погоню за настоящимъ мужчиною отправляются левъ и медвѣдь (II, №№ 173, 174) или левъ и волкъ (II, № 175) или медвѣдь и домовой (II, № 1) или мальчуганъ и домовой (VI, № 2). Въ сказкѣ о мудромъ простолюдинѣ хвастается своей беззаботностью то мельникъ (VI, №№ 157 и 158), то епископъ (II, №№ 285 и 286) или пасторъ (II, № 287). Въ сказкѣ о сильномъ батракѣ выступаетъ то великанъ (VI, № 54), то домовой (VI № 1) и въ большинствѣ случаевъ чортъ (VI, №№ 91 и 92; II, №№ 127—129, 132, 137. Докторомъ Allwissend становится крестьянинъ (II, №№ 309 и 310), либо пастухъ (VI, № 197), либо портной (II, № 311); его наводитъ на мысль стать докторомъ обыкновенно лѣкарь (II, №№ 310 и 311), но и пасторъ (II № 309) или лиса (VI, № 197). Въ одной сказкѣ (II. № 310) украли не деньщики, а служанки; въ другой мужику предлагаютъ не три блюда, но кофе. Такъ какъ это дѣйствіе должно повторяться, то мужика сажаютъ въ отдѣльную комнату на три дня; каждое утро другой деньщикъ приноситъ кофе (II, № 309). При одной смѣнѣ дѣйствующаго лица, несмотря на сохраненіе мотивовъ, получаются разновидности сказокъ. Контрактъ съ чортомъ о томъ, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не мыться, не бриться и не стричься, заключается то мальчикомъ (II, № 115), то крестьяниномъ (II, № 117), то батракомъ, кепающимъ межу (Dikisbultarn, II. № 116), то, наконецъ, солдатомъ (II, №№ 118 и 119). Каждый разъ какъ будто получается новая сказка.

При соединеніи двухъ разныхъ мотивовъ не всегда происходитъ сліяніе, но иногда одно сопоставленіе. Такъ сказка о крестьянинѣ, бросающемъ всѣ свои деньги въ лужу къ квакающимъ лягушкамъ, безъ всякаго перехода приставлена къ другой, гдѣ мальчикъ заключаетъ сдѣлку съ чортомъ (II, № 115; ср. II, № 336, и VI, № 193).

Всѣ предыдущія измѣненія первоначальнаго вида сказки указываютъ лишь на ея жизненность, на ея процвѣтаніе; но нѣтъ ли и такихъ чертъ, которыя предшествуютъ забвенію мотивовъ и сопутствуютъ разложенію сказки? Для рѣшенія этого вопроса любопытны нѣкоторыя подробности въ пересказахъ похожденій необычайнаго силача, рожденнаго лѣсною женщиной. Введеніемъ въ сказку служитъ разказъ, какъ лѣсная женщина прельщаетъ угольщика (II, №№ 42—147; VI, №№ 32—34). Иногда этотъ эпизодъ еще распространенъ другимъ мотивомъ (II, № 45), или троекратнымъ повтореніемъ (VI, № 32). Тѣмъ болѣе мы поражены, когда этотъ эпизодъ забытъ, и когда воспоминаніе о немъ сохранилось лишь въ краткомъ упоминаніи. Одинъ

Библиотека "Руниверс"

варіантъ начинается: въ прежнія времена, когда сынъ лѣсной дѣвицы и т. д. Стóитъ лишь опустить это одно слово, первоначальная черта утрачена, и приходится заполнить лакуну другими сочетаніями (VI, №№ 49—51). Отецъ узнáетъ своего ребенка по топору, который онъ оставляетъ въ лѣсу до тѣхъ поръ, пока сынъ будетъ такъ силенъ, что самъ сможетъ вытащить топоръ изъ ствола. И эта черта забылась. Но странно, что когда силачъ нанимается у кузнеца, то онъ начинаетъ ковать топоръ (VI, № 32). Утраченная черта возвратилась въ другой совсѣмъ связи. И служба въ кузницѣ была забыта. Вотъ какъ о ней разказывается: „Сперва онъ попытался у кузнеца. Недолго онъ пробылъ у него, ибо кузнецъ сказалъ, что онъ такъ лѣнивъ, что его держать нечего, и такъ ему пришлось уйдти" (VI, № 34). Полонъ юмора разказъ о томъ, какъ силачъ ведетъ себя на войнѣ. Иногда онъ получаетъ извѣстный эпическій оттѣнокъ, благодаря трижды повторенной угрозѣ (II, № 44). Совсѣмъ сухо, наоборотъ, отзывается другой пересказъ: „король отправилъ его на войну; но тамъ онъ убилъ какъ враговъ, такъ и войско своего короля" (II, № 47). Понятно, что такія сжатыя упоминанія недолго удержатся, не представляя ровно никакого интереса, исключая развѣ для изслѣдователей. Другая сказка, разказанная на двухъ (II, № 231) и даже трехъ страницахъ (II, № 234), забыта такъ, что еле занимаетъ полстранички. Самовольно разказчикъ также оборвалъ ее: герой ни съ того ни сего рѣшаетъ ѣхать въ Англію (II, № 269). Конецъ сказки объ Aschenbrödel'ѣ, занимающій въ обыкновенномъ видѣ болѣе двухъ страницъ (II, № 19), разказывается и въ 11 строкахъ (II, № 159). Извѣстная сказка о кузнецѣ и Спасителѣ передана въ 7 строкахъ (II, № 155).

Не всегда, однако, краткость служитъ признакомъ забвенія. Такъ въ нѣсколькихъ строкахъ передано содержаніе сказки о прекрасной Мелюзинѣ: въ первообразной простотѣ тутъ сообщено представленіе, послужившее основой для цѣлаго сказанія (VI, № 42).

Отъ вопросовъ забвенія и разложенія перейдемъ къ причинамъ распространенія и зарожденія сказки. Въ разказѣ объ опусканіи церковнаго колокола въ озеро нѣкто находилъ отголосокъ древняго языческаго миѳа; вѣроятнѣе же, что основой ея послужилъ дѣйствительный обычай. Распространенію ея способствовало воспоминаніе о вражескомъ нашествіи. Захожій разказъ сливался съ историческимъ преданіемъ, и повсюду, гдѣ помнили о какомъ нибудь непріятельскомъ нападеніи, тамъ онъ пріурочился. По всему прибрежью, во всѣхъ деревняхъ разказывается одно и то же преданіе съ мѣстнымъ пріуроченіемъ (VI, №№

Библиотека "Руниверс"

269, 270, 272—275 [1]). Врагами, отъ которыхъ прячутъ церковное добро, являются русскіе. Но когда опять вытаскиваютъ колоколъ, то раздается непочтительный возгласъ какой нибудь бабы, и тутъ обрывается канатъ или цѣпь, и колоколъ погружается въ глубину уже навсегда. Равнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ ходитъ одно и то же преданіе о построеніи тамошней церкви. Сперва нечистая сила разрушаетъ ночью все, что сооружалось днемъ, пока строителямъ не удалось найдти болѣе благопріятнаго мѣста (VI, №№ 252, 257, 260—262). Но если извѣстныя историческія воспоминанія поддерживаютъ сохраненіе и способствуютъ распространенію нѣкоторыхъ преданій, то другія сказанія прямо возбуждаются жизненными условіями, вызывающими всеобщее удивленіе. Всякій, кто впервые посѣтитъ нюландское прибрежье, будетъ пораженъ безчисленностью камней и скалъ, разсѣянныхъ и по заливамъ, и по берегамъ, и въ лѣсу, и на поляхъ. Иногда груды камней достигаютъ порядочной высоты и протягиваются на нѣсколько верстъ. Геологи думаютъ, что это русла старыхъ рѣкъ, образовавшихся къ концу ледниковаго періода (*Ramsay*, Finlands geolog. utveckel. стр. 45). Какъ бы тамъ ни было, но многочисленность скалъ подала поводъ къ разказамъ, пріуроченнымъ повсюду, о томъ, что великаны метали ихъ (IV, стр. 108—110; VI, № 55). Находки каменныхъ орудій вызвали опять же особый родъ повѣрій; такія древности народъ называетъ åskpilar—громовыми стрѣлами, думая, что онѣ брошены самимъ божествомъ и черезъ 7 или 9 лѣтъ послѣ ниспаденія сами собою выходятъ изъ земли. Крестьяне приписываютъ имъ таинственную силу и употребляютъ ихъ при разныхъ случаяхъ: при болѣзни, при посѣвѣ и, главное, пожарѣ (IV, стр. 106—107). Любопытную аналогію представляютъ черемисскія преданія объ онарахъ— человѣкообразныхъ существахъ „такого громаднаго роста, что, когда они ходили по землѣ черезъ лѣса, то самыя высокія деревья едва доходили имъ до колѣнъ. Кости ихъ и зубы и теперь находятъ иногда въ землѣ,—рѣчь идетъ о костяхъ мамонта“ (Изв. Общ. Археол. при Каз. ун. 1888 г. стр. 175).

Разказы объ историческихъ лицахъ либо только пріурочены къ ихъ имени, либо отличаются обыденностью и простотою фабулы. Это скорѣе анекдоты, чѣмъ сказки, входящія въ кругъ чистонародныхъ преданій. Таковы прибаутки дьячка Сискандера, жившаго еще во времена шведскаго владычества. (II № 300, и VI, № 180). Но рядомъ

[1]) Мнѣ лично еще извѣстенъ пересказъ изъ Pyttis'a.

Библиотека "Руниверс"

съ ними мы находимъ разказъ (VI № 179), повторяющійся на западѣ Нюланда безъ пріуроченія (II, № 303), а также и въ Швеціи. Сискандеръ былъ пономаремъ въ Лаптрескѣ, и сказанія о немъ наврядъ ли переходили за границы восточной части Нюланда. Болѣе выдающимися лицами, упоминаемыми въ разказахъ Нюланда, будетъ король Густавъ III и его придворный шутъ Bellman. Народъ могъ отлично знать и помнить Густава III. Онъ много разъѣзжалъ по разнымъ мѣстностямъ по поводу войнъ съ русскими. Но и тутъ народъ предпочитаетъ пріуроченіе къ имени короля какого нибудь общеизвѣстнаго, правда, подходящаго сказочнаго мотива. Гдѣ король ночуетъ, тамъ рождается ребенокъ, „прибываетъ, по словамъ сказки, еще болѣе важный путешественникъ", крестнымъ отцомъ котораго становится король. Король выступаетъ всегда i sivila klaeder, то-есть, инкогнито (VI, №№ 302, 311, 312). Что касается Bellman'a, то странно уже то, что Bellman никогда и не думалъ быть придворнымъ шутомъ, но лишь какъ веселый собесѣдникъ и неподражаемый исполнитель своихъ собственныхъ куплетовъ часто бывалъ при дворѣ. Но популярность жизнерадостнаго поэта обусловила созданіе среди народа особаго типа, наиболѣе подходящаго къ образу жизни и характеру Bellman'a. Такъ онъ превратился въ придворнаго шута, и вокругъ него собрался цѣлый циклъ анекдотовъ и розказней. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны и на Руси въ видѣ шутокъ и похожденій Балакирева. Превращеніе Bellman'a въ придворнаго шута состоялось въ Швеціи, но разказы о немъ перешли и въ Финляндію (VI, №№ 188—192). Тутъ, однако, ему приписали еще рядъ каламбурныхъ отвѣтовъ, подходящихъ несомнѣнно лишь къ смѣтливому мальчугану-крестьянину (II, № 202; VI, №№ 159, 187). Имена популярныхъ личностей обладаютъ притягательною силой и, подобно магниту, привлекаютъ къ себѣ мелкіе обрубки. Явленіе это обусловливаетъ собою возникновеніе эпическихъ цикловъ и особенно близко къ сложенію такъ называемаго прозаическаго эпоса, каковымъ его представляетъ исландская сага. Интересно сравнить шведскія сказанія о Tufve Jönsson i Dufvestubbe (Wigström, Folkdigtning i Skåne, стр. 81), а также и о грозномъ хозяинѣ Birkebjerg'a (Sv. landsm. № 57, 1896 г.), которымъ для эпической саги недостаетъ одной традиціонно-художественной формы.

Памятны еще во многихъ разказахъ два выдающихся полководца финновъ — Класъ [1]) Флемингъ и Понтусъ де-ла-Гарди, жившіе оба

[1]) Сокращенное отъ Николай, соотвѣтствующее нѣмецкому Klaus.

Библиотека "Руниверс"

въ XVI вѣкѣ. Флемингъ до своей смерти отстаивалъ права Сигизмунда Польскаго противъ притязаній герцога Карла; при немъ же была буйная крестьянская война, извѣстная подъ названіемъ Klubbekriget. Нюландскіе разказы не только сохранили воспоминанія о притѣсненіяхъ крестьянъ со стороны Флеминга (VI. №№ 292—295), но и памятуютъ его политическое положеніе: шведскій король неоднократно зоветъ къ себѣ Флеминга, но тотъ не ѣдетъ; когда король идетъ на него войною, и войско короля развернуло свое знамя, то финны, находящіеся подъ предводительствомъ Флеминга, увидѣли, что это и ихъ знамя (VI, № 222). Но и тутъ не отсутствуетъ сказочное начало: я отмѣчу лишь котелъ, въ которомъ Флемингъ якобы варилъ людей; онъ теперь зарытъ въ землю и лишь по временамъ выступаетъ на свѣтъ Божій (VI, №№ 292—293). Понтусъ де-ла-Гарди успѣшно воевалъ съ русскими, и вотъ всѣ сказанія о немъ ясно показываютъ, какъ о вполнѣ исторической личности могли быть придуманы всевозможныя похожденія. Его иноземное имя было забыто и замѣнено финскимъ прозвищемъ Laiska Jako—Лѣнивый Яковъ. Но еще любопытнѣе порча одного мотива: де-ла-Гарди попадаетъ въ плѣнъ къ русскимъ; передъ казнью онъ проситъ позволенія рисовать, чертитъ корабль, превращаетъ свой рисунокъ въ дѣйствительное судно и на немъ уплываетъ въ Швецію (VI, №№ 286, 290). Въ варіантѣ же московскій царь не казнитъ де-ла-Гарди, надѣясь, что онъ научитъ русскихъ кораблестроительному искусству. Всѣ генералы отправляются на берегъ, по предложенію де-ла-Гарди всходятъ на доски, и вотъ онъ отвозитъ ихъ на этихъ доскахъ въ Швецію (VI, № 296). Не есть ли это желаніе московскаго царя едва уловимый отголосокъ замысловъ и стремленій Петра Великаго? Не было ли старое преданіе дополнено слухомъ, пронесшимся съ ближайшаго востока въ началѣ XVIII вѣка?

Почти самая объемистая часть обоихъ томовъ (II, №№ 1 — 124; VI, №№ 1 — 81) отведена на сказки языческо-миѳическаго содержанія [1]). Вся миѳологія ихъ состоитъ въ демонологіи и ex silentio доказываетъ, сколь неизвѣстнымъ среди народа было то, что мы понимаемъ подъ миѳами о богахъ, въ этомъ случаѣ — эддическіе миѳы. Единственное по цѣнности свидѣтельство вотъ каково: по стародавней памяти молились деревяннымъ истуканамъ, совсѣмъ уже изъѣден-

---

[1]) И изъ другихъ отдѣловъ многія сказки относятся къ разряду миѳическихъ; вообще дѣленіе не совсѣмъ удачное, да и трудно было соблюсти его.

Библиотека "Руниверс"

нымъ червями; одного звали Tori. Празднества въ честь ихъ справлялись на холмахъ и лугахъ, и при этомъ плясали и скакали (II, № 82). Важны въ миѳологическомъ отношеніи и сказки о мельницѣ, моловшей все, что желаешь, важны для сопоставленія съ финскими разказами и съ пѣснями Калевалы о Сампо и, наконецъ, со староскандинавскимъ преданіемъ о мельницѣ Grotti. Мельницу эту увозятъ, и приходится насильно вернуть ее; на обратномъ пути она падаетъ въ море, меля соль; съ тѣхъ поръ морская вода отзывается солью (II, №№ 86 — 87, менѣе характерно VI, № 105). Если эстляндская сказка, такая же (у Kreutzwald'a) несомнѣнно вмѣстѣ съ финскою восходятъ къ общему началу, то неизвѣстно, можно ли норвежскую (у Asbjörnsen'a и мое) поставить въ связь съ нюландскими; когда же будетъ выяснено отношеніе современныхъ пересказовъ другъ къ другу, то остается еще опредѣлить степень ихъ родства съ древними эпическими образами. Я позволю себѣ далѣе указать на, быть можетъ, мелкія, но любопытныя черты древне-языческихъ повѣрій. Изъ пяти разказовъ (II, №№ 91—95) о томъ, какъ скряга, умирая, вздумалъ запрятать свои деньги, и какъ оставшіеся въ живыхъ вновь добываютъ ихъ, явствуетъ вотъ что: для добыванія клада нужно принести извѣстную жертву, зарѣзать 5 или 9 пѣтуховъ, тогда драконъ не помѣшаетъ похитителю сокровищъ. Драконъ, берегущій сокровища, не что иное, какъ обликъ души умершаго скряги. Не менѣе древняя черта вотъ гдѣ: обыкновенно лошадь или лиса, помогавшая парню, превращается въ царевича; парень отрубаетъ тогда ей голову. Болѣе таинственный пріемъ вотъ каковъ: парень беретъ коня за переднія ноги и бросаетъ его черезъ свою голову. Бросаніе за спину имѣетъ, вѣроятно, недюжинное значеніе. Когда подчеркивается, что лѣсныя дѣвицы спереди очаровательны, но сзади созданы, какъ гнилой пень, то это результатъ извѣстнаго опыта: суевѣрный глазъ примиряется съ болѣе трезвымъ и здравымъ взглядомъ на вещи (II, № 41). Въ томъ же духѣ попу удалось надоумить вотяка, пожелавшаго жениться на дѣвкѣ Вожо, убѣдивъ его, что это вовсе не дѣвка, а деревянный чурбанъ (Изв. Общ. Археол. при Каз. ун. VIII, стр. 195).

Это даетъ мнѣ поводъ говорить о намѣренномъ извращеніи сказки. Такъ сказка о золотомъ гусѣ, къ которому прицѣпляются всѣ проходящіе мимо длинною вереницею (II, № 333), измѣнена въ томъ смыслѣ, что по приказанію мужа къ преступной женѣ прицѣпляется сперва ея любовникъ—пасторъ!—и затѣмъ всѣ остальные (II, №№ 305 и 332). Чисто сказочный мотивъ не удовлетворяетъ

Библиотека "Руниверс"

болѣе умонастроенію народа и поэтому подвергается болѣе житейскому направленію. Тутъ важно не пикантное, но практическое приложеніе сказочнаго мотива. Попытку дѣловой мотивировки мы читаемъ и въ сказкѣ о чудесной скрипкѣ (VI, № 143). Мальчикъ заставляетъ земскаго начальника плясать до смерти, потому что тотъ его мучилъ и принудилъ служить и работать за незначительное вознагражденіе. Слѣдовало бы различать два большихъ періода въ развитіи сказки: въ первомъ всѣ мотивы понимаются наивно, на вѣру, безъ желанія толковать и исправить то, что кажется неяснымъ; во второмъ выступаютъ наружу задачи жизни и дѣйствительность и начинаютъ оттѣснять воздушныя творенія миѳической сказки. Въ этой стадіи особенно процвѣтаютъ сказки шуточныя и прибаутки. Тогда-то короли сказки превращались въ простолюдиновъ, а принцессы въ деревенскихъ красавицъ. Въ наши дни наступилъ какъ будто третій періодъ: народъ съ извѣстнымъ или полнымъ сознаніемъ отрицаетъ свои повѣрія,—черта, на которую я уже имѣлъ случай указать при разборѣ Sv. landsm. (*Живая Старина* 1897 г.). „Nyland" подтверждаетъ мое тогдашнее предположеніе. При сѣяніи для лучшей жатвы соблюдается обычай примѣшивать ко ржи куски хлѣба; но уже теперь случается, что крестьянинъ при видѣ такого поступка спрашиваетъ сосѣда, не надѣется ли онъ, что изъ этихъ кусковъ выростутъ готовые хлѣба (IV, стр. 76). Но помимо безобидной шутки можно изъ суевѣрій другихъ извлечь и пользу. Такъ болѣе раціональный парень обкрадываетъ священный источникъ, достаетъ деньги, брошенныя туда въ видѣ жертвоприношеній, и пропиваетъ ихъ (VI, стр. 111). Другой ночью ѣздилъ на свиданіе ко своей возлюбленной и увѣрялъ хозяина, что продѣлки домоваго взмылили коня (IV, стр. 68). На томъ же основаніи разказчикъ вставляетъ въ сказку оговорки: dom säjjer = говорятъ, или: folki prátar, om de senn å sannt, så vét ja int = народъ болтаетъ, но правда ли это, я знать не знаю (VI, № 10).

Взаимодѣйствіе нюландскаго фольклора на финскій и обратно представляется мнѣ весьма интересною задачей, обѣщающею поучительныя параллели, но вмѣстѣ съ тѣмъ требующею спеціальныхъ изслѣдованій на основаніи болѣе богатаго матеріала, нежели отмѣченнаго понынѣ мною. Предположить непосредственное вліяніе со стороны русскаго народа, мнѣ кажется, нѣтъ достаточно основанія; оно сводится къ поверхностнымъ и болѣе или менѣе случайнымъ фактамъ. Въ одной записи парень восклицаетъ: „отчего ты выпустилъ волковъ короля?" (II, № 49), въ другой: „русскаго царя!"—и прибавляетъ:

Библиотека "Руниверс"

„за это я тебя отправлю прямо въ Сибирь!“ (VI, № 35). Яблоня, приносившая раньше хорошіе плоды, вянетъ, потому что подъ ней похоронили „русскаго“ (II, № 58). Крестьянинъ, ѣхавши по лѣсу, ругнулъ лошадь: Bjyörnamát = медвѣжья пища! Это слышитъ медвѣдь (II, № 171). Уже Bellmann подмѣтилъ сходство этого шведскаго слова съ общеупотребительнымъ русскимъ ругательствомъ, примѣнивъ его при описаніи пестрой и оживленной народной толпы (Fredmans Epistel, № 59, во второй строфѣ). „Gebjörnamat. Hej! blås i trumpeterna. God dam you!“ и т. д. Отмѣчу еще, что въ сказкахъ я нашелъ два русскихъ слова: skásko = сказка (VI, стр. 78) и dúratji = дуракъ (II, стр. 245).

К. Піандеръ.

Sächsische Volkstrachten und Bauernhäuser. Herausgegeben von dem Ausschuss für das Sächsische Volkstrachtenfest zu Dresden 1896. Landbauinspektor Schmidt, Maler Q. Seyffert, Dr. Sponsel. Dresden. 1897. 8 стр. текста + 40 таблицъ. Folio.

Лѣтомъ 1896 года открыта была въ Дрезденѣ Саксонская ремесленная и художественно-промышленная выставка. На этой выставкѣ устроено было, между прочимъ, небольшое лужицко-сербское народописное отдѣленіе. Впервые здѣсь представлена была въ извѣстной степени полная и цѣльная картина жизни и быта лужицко-сербскаго народа. Заботы и хлопоты по устройству этой въ высокой степени интересной и поучительной лужицко-сербской этнографической выставки въ значительной мѣрѣ лежали на извѣстномъ лужицкомъ ученомъ, редакторѣ Časopisa Mácicy Serbskeje, Эрнестѣ Мукѣ и его вѣрномъ сотрудникѣ, учителѣ Будишинскаго городскаго училища Адольфѣ Зоммерѣ. При любезномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи строительнаго инспектора Карла Шмидта и архитектора Гроте (оба нѣмца) и цѣлой группы лужицкихъ сербовъ изъ Дрездена и разныхъ уголковъ обѣихъ Лужицъ выставку удалось оборудовать, можно сказать, блестяще, если примемъ во вниманіе незначительность средствъ и времени, коимъ располагали устроители.

Лужицко-сербское отдѣленіе состояло изъ выставки типическихъ народныхъ построекъ и изъ небольшаго народописнаго музея. Мысль устроить подобнаго рода выставку въ Дрезденѣ возникла и осуществилась слѣдующимъ образомъ. Строительный инспекторъ К. Шмидтъ, вслѣдствіе предложенія саксонскаго правительства, заботящагося объ

Библиотека "Руниверс"

охраненія все болѣе и болѣе исчезающихъ оригинальныхъ народныхъ построекъ, приступилъ къ собиранію матеріаловъ для исторіи народнаго зодчества. Вмѣстѣ съ архитекторомъ Гроте, тоже занявшимся изученіемъ народныхъ лужицко-сербскихъ построекъ, онъ рѣшилъ при первой возможности, то-есть на ближайшей выставкѣ, устроить сербскую хату, особенно интересную своею стариной. Д-ръ Э. Мука, видя глубокое значеніе осуществленія этой мысли, посовѣтовалъ архитектору Шмидту посѣтить чешкославянскую этнографическую выставку въ Прагѣ, гдѣ была устроена цѣлая деревня типическихъ славянскихъ построекъ Чехіи, Моравіи, Слезіи и Словенска, и устроить по этому образцу сербскую деревню и народописный музей на выставкѣ дрезденской.

При энергіи устроителей и благопріятныхъ условіяхъ мысль эта приведена была въ исполненіе. Выставка пользовалась, какъ отмѣчено было и нѣмецкою печатью, особенными симпатіями и вниманіемъ общества, а одинъ изъ членовъ королевскаго саксонскаго дома принялъ ее подъ свой протекторатъ [1]).

Типическія народныя постройки и собранныя съ большими затрудненіями этнографическія коллекціи были интересны уже сами по себѣ, — послѣднія впервые являлись предъ посѣтителями въ такой полнотѣ и цѣльности на дрезденской выставкѣ, за отсутствіемъ пока этнографическаго музея у лужицкихъ сербовъ.

Но особенный интересъ и оживленіе придавали лужицкой деревнѣ живыя групы сербовъ, собранныхъ сюда изъ разныхъ уголковъ миніатюрной ихъ родины, устраивавшіеся здѣсь различные народные праздники и торжества, свадебныя шествія, музыку, танцы и т. п. Вспомнимъ, какой живой интересъ возбуждали въ чешскомъ обществѣ и вообще посѣтителяхъ чешско-славянской этнографической выставки въ Прагѣ постоянные жители выставочной деревни и наѣзжавшія многочисленныя группы народа изъ разныхъ концовъ Чехіи и особенно Моравіи и Словенска, въ ихъ разнообразнѣйшихъ живописныхъ костюмахъ; какъ много содѣйствовали подобнаго рода массовыя посѣщенія выставки сельскимъ людомъ ознакомленію чешскаго обще-

---

[1]) О лужицко-сербской народописной выставкѣ подробный рефератъ см. въ журналѣ „*Český Lid*“, VI, 1896—1897, 321—345: „Norodopisná výstava lužicko-serbská v Drážďanech“, Ad. Černý. То же и въ журналѣ „*Světozor*“ за 1896 годъ и газетѣ *Národní Listy*, 1896, № 178, 185, 187, 188, 195, 196, 197. Ср. еще журналъ „*Luzica*“, 1896 годъ.

Библиотека "Руниверс"

ства съ родною страной и ея обитателями, поучавшія лучше всякихъ описаній, картинъ, альбомовъ и пр. Такъ же въ высокой степени занимательною и поучительною была и выставка лужицко-сербской деревни, впервые здѣсь представшей предъ глазами большинства ея посѣтителей.

Труды устроителей лужицко-сербской этнографической выставки не пропали безслѣдно. Предметы маленькаго лужицко-сербскаго музея выставки со временемъ, когда Матица докончитъ начатый уже постройкой Народный домъ въ Будишинѣ, послужатъ основаніемъ будущаго лужицко-сербскаго народописнаго музея и, такимъ образомъ, будутъ сохранены для науки; типы населенія обѣихъ Лужицъ, группы и сцены, изображающія важнѣйшіе моменты жизни сельскаго жителя, оригинальные народные костюмы — все это заботливо сохранено въ прекрасномъ изданіи, заглавіе котораго мы привели выше.

Хотя въ предисловіи къ этому изданію и сказано, что описаніе лужицко-сербскихъ костюмовъ „любезно принялъ на себя" д-ръ Э. Мука, однако по странному какому-то недоразумѣнію имя его вовсе не фигурируетъ въ числѣ именъ составителей этого альбома. Умолчаніе это должно казаться тѣмъ болѣе страннымъ, что значительная часть таблицъ изданія и приложеннаго къ нимъ описанія посвящены собственно лужицкимъ сербамъ; заслуга же устройства лужицкаго этнографическаго отдѣленія, воспоминаніемъ о которомъ долженъ быть названный альбомъ, принадлежитъ прежде всего д-ру Э. Мукѣ, безъ хлопотъ, посредничества и убѣжденій коего сербы лужицкіе, навѣрно можно сказать, не явились бы на выставку въ такомъ большомъ числѣ, а безъ содѣйствія столь глубокаго знатока жизни Лужицъ не удалось бы такъ прекрасно устроить всю этнографическую выставку.

„Заслуги д-ра Э. Муки въ дѣлѣ устройства лужицко-сербской этнографической выставки такъ велики, что безъ всякаго преувеличенія мы можемъ назвать его творцомъ ея", говоритъ одинъ изъ близко знакомыхъ съ исторіей возникновенія и устройства ея обозрѣватель. Только благодаря авторитету д-ра Э. Муки и его необыкновенной популярности въ обѣихъ Лужицахъ удалось собрать сербовъ въ Дрезденъ, но объ этомъ и вообще заслугахъ д-ра Э. Муки и рѣчи нѣтъ въ предисловіи. По-истинѣ удивительное отношеніе къ славянскому ученому!

Подробное описаніе лужицко-сербскихъ народныхъ костюмовъ впервые сдѣлано было I. Э. Смолеромъ въ приложеніи III-емъ: „Serbow žiwe-

Библиотека "Руниверс"

nje, stare psiwuknenja a wašnja" (стр. 209—211: „Kleidung") къ его капитальному сборнику: „Pjesnički hornych a del'nych Luziskich Serbow" (Grymi, 1841). Къ этому сборнику приложены три раскрашенныя таблицы изображеній сербскихъ народныхъ костюмовъ, нарисованныхъ съ натуры I. Э. Веланомъ. Кое-что по этому предмету находится въ нѣмецкихъ описаніяхъ Саксоніи, особенно въ извѣстныхъ „Wendische Wanderstudien" Рихарда Андрее [1]).

Разсматриваемое нами изданіе даетъ обильный матеріалъ для исторіи лужицко-сербскихъ народныхъ костюмовъ. На первыхъ (I — IV) таблицахъ его изображены группы альтенбургскихъ жителей, сохранившихъ и типичныя славянскія черты физическія, и кое-что изъ славянской старины въ костюмахъ и обычаяхъ. Сравненіе послѣднихъ съ славянскими напрашивается само собою.

Сербы лужицкіе не имѣютъ, подобно жителямъ Альтенбурга, всюду однообразнаго костюма, напротивъ, они отличаются разнообразіемъ его, при чемъ, какъ и всюду, онъ сохранился и у нихъ больше у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Величайшее разнообразіе костюмовъ господствуетъ особенно въ Нижней Лужицѣ, а также въ смежныхъ селеніяхъ окрестностей Мужакова (Muskau), гдѣ въ каждой общинѣ костюмъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ языкъ, имѣетъ свои отличительныя черты, такъ что знатокъ, напримѣръ, на большихъ торжествахъ и собраніяхъ или на ярмаркахъ въ Хотѣбузѣ (Cottbus), Гродкѣ (Spremberg), Мужаковѣ (Muskau) тотчасъ же по этому можетъ опредѣлить, изъ какого прихода та или другая женщина.

Главныя отличительныя черты женскаго костюма заключаются въ головномъ уборѣ, нагрудныхъ украшеніяхъ и количествѣ и цвѣтахъ украшающихъ платье лентъ. Принимая во вниманіе только наиболѣе крупныя, существенныя различія, народные костюмы лужицкихъ сербовъ, или точнѣе—сербокъ, можно раздѣлить на слѣдующія шесть группъ:

А) Въ саксонской Верхней Лужицѣ: 1) костюмъ католическихъ сербовъ окрестностей Каменца и Будишина, а также нѣкоторыхъ общинъ католическаго прихода Кулова (Wittichenau) въ прусской Верхней Лужицѣ; 2) костюмъ евангелическихъ сербовъ, къ сожалѣнію, постепенно уже исчезнувшій въ нѣкоторыхъ западныхъ и южныхъ приходахъ.

---

[1]) Литературу этого вопроса см. *Český Lid.* I, 266: Adolf Černy, Rozhled po lužické folkloristice.

Библиотека "Руниверс"

B) Въ прусской Верхней Лужицѣ: 3) костюмъ сербовъ уѣзда Wojerecy (Hoyerswerda). а также смежныхъ общинъ Kljetno (Klitten), Rychwalda (Reichwalde) и Krjebja (Creba) Ротенбургскаго уѣзда; 4) костюмъ сербовъ окрестностей Мужакова.

C) Въ Нижней Лужицѣ: 5) костюмъ сербовъ уѣзда Gródk (Spremberg), а также смежныхъ на западѣ частей уѣзда Kalawa (Kalau): 6) костюмъ сербовъ Хотѣбузскаго уѣзда. а также смежныхъ частей уѣздовъ Gubin (Guben). Lubin (Lübben), Kalawa и особенно въ Блотахъ (Spreewald).

Всѣ представленные на таблицахъ XIV—XXV сербскіе костюмы (drasta) въ употребленіи среди сельскаго населенія еще и въ настоящее время.

Листъ XIV заключаетъ слѣдующія изображенія: 1) Свадебное шествіе католическихъ сербовъ (прихода Ратиборъ у Будишина). Женихъ и невѣста окружены провожающими ихъ въ церковь „слонками“ (słoncy. sg. słonka). дружками (družki). необходимымъ на каждой свадьбѣ, типичнымъ „брашкой“ (braška) съ обоими сватами (swataj. sg. swat), музыкантами (hercy) и свадебными гостями. Невѣста (njewěsta) въ оригинальномъ черномъ бархатномъ высокомъ колпакѣ (borta), съ золоченымъ украшеніемъ на немъ (slěbornik) и вѣнкомъ изъ руты на верхушкѣ „борты“. На шеѣ у невѣсты нитки коралловъ или жемчуга, на груди особое украшеніе изъ многочисленныхъ старинныхъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ. У жениха головной уборъ составляетъ треугольная шляпа (теперь уже обыкновенно цилиндръ), украшенная вѣночкомъ руты; въ рукѣ у него разубранная лентами палка. „Braška“. одна изъ типичнѣйшихъ фигуръ и принадлежностей лужицкой свадьбы, свадебный герольдъ и ораторъ. отличается тѣмъ, что на лѣвой сторонѣ треуголки имѣетъ букетикъ цвѣтовъ съ широкою спускающеюся на плечо шелковою лентой („bant“), и съ правой стороны на груди пестрый шелковый платокъ. „Слонка“, замѣняя мать, подаетъ невѣстѣ помощь и совѣты. она какъ-бы заслоняетъ, защищаетъ невѣсту своимъ авторитетомъ („zasłonjaca žona“). „Слонка“ на свадьбѣ бываетъ только въ Верхней Лужицѣ; обыкновенно это бываетъ крестная мать или, по крайней мѣрѣ, старшая изъ родственницъ жениха или невѣсты. Женихъ также имѣетъ свою „слонку“. Она не имѣетъ нагрудныхъ украшеній, какія носитъ невѣста. и, вмѣсто высокой „борты“, имѣетъ бархатный чепецъ съ черными широкими кружевами надъ челомъ и по бокамъ. Эта „cankata

Библиотека "Руниверс"

šěca" (кружевная шапочка) совершенно похожа на обыденный головной уборъ католическихъ сербокъ.

„Swaty" (въ Верхней Лужицѣ второй сватъ называетъ „towařš"; въ Нижней ихъ бываетъ обыкновенно три.—первый изъ нихъ называется „družba") одѣты такъ же, какъ женихъ, но букетики и банты имѣютъ на правой сторонѣ шляпы и пестрые шелковые платки на лѣвой сторонѣ груди.

2) Свадебное шествіе евангелическихъ сербовъ (прихода окрестностей Hodźija), изображенное на томъ же XIV листѣ, нѣсколько отличается отъ описаннаго выше. „Брашка", идущій впереди шествія, одѣтъ такъ же, какъ у католическихъ сербовъ; за нимъ слѣдуютъ двѣ маленькія дѣвочки, „družčički" невѣсты, съ корзинками цвѣтовъ; далѣе—невѣста и женихъ, у котораго на шляпѣ букетъ руты и бантъ изъ зеленой шелковой матеріи и на лѣвой сторонѣ груди букетикъ цвѣтовъ, за ними — обѣ „слонки" (słoncy), сопровождаемыя своими мужьями, вмѣсто обоихъ „сватовъ", „towařš" жениха, сопровождающій его мать, двѣ „družki" въ голубыхъ шелковыхъ платьяхъ, тогда какъ невѣста имѣетъ черное шелковое платье, и, наконецъ, замыкаютъ шествіе незамужнія подруги невѣсты (towariški). Всѣ женщины этого свадебнаго шествія имѣютъ букетики цвѣтовъ на лѣвой сторонѣ груди, при чемъ дѣвушки имѣютъ еще вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ на непокрытой головѣ, невѣста же имѣетъ вѣночекъ изъ руты. 3) Третья группа того же XIV листа изображаетъ майскій праздникъ въ деревнѣ Khrosćicy (католическіе сербы): парни и дѣвушки въ праздничныхъ нарядахъ, въ срединѣ группы парень съ „майскимъ деревомъ".

Интересную свадебную группу изъ прихода Kljetno (Klitten, въ прусской Верхней Лужицѣ) находимъ на листѣ XVIII. Шествіе начинаетъ распорядитель торжества „družba", за нимъ слѣдуютъ женихъ (nawoženja) и невѣста (njewěsta), далѣе—двѣ „družki" невѣсты, двѣ почетныя „towariški" жениха, двѣ „słonki", за ними оба свата (swataj) и оба „towarišej", почетные пажи невѣсты, которые въ то же время являются спутниками и танцорами обѣихъ „товаришекъ". Всѣ мужчины имѣютъ низкіе широкіе цилиндры, различающіеся цвѣтными лентами. Женихъ и „дружба" имѣютъ букетики цвѣтовъ на лѣвой сторонѣ шляпы, прочіе — по обѣимъ сторонамъ; всѣ, кромѣ того, имѣютъ еще букетики на лѣвой сторонѣ груди, а „дружба" черезъ лѣвое плечо широкое, вышитое невѣстой, полотенце (twjelco). Невѣста отличается отъ обѣихъ дружекъ, прежде всего, большимъ бѣлымъ

Библиотека "Руниверс"

полотнянымъ платкомъ, которымъ она покрыта; на головѣ у нея и у дружекъ „borta", но у невѣсты на „бортѣ" еще „slěbornik" и вѣночекъ руты. „Towariški" жениха имѣютъ на головѣ большой вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. У остальныхъ женщинъ, свадебныхъ гостей, оригинальны бѣлые головные уборы: свѣтлыя повязки на лбу у замужнихъ, пестрыя — у дѣвушекъ, по обѣимъ сторонамъ лица выступаютъ бѣлыя крылья повязки; вся повязка завязывается бантомъ подъ подбородкомъ.

Свадебныя шествія находимъ еще на листахъ XIX (уѣзды Wojerecy въ прусской Верхней Лужицѣ) и XXIII (изъ Lipje, Leipa, въ Блотахъ, въ Нижней Лужицѣ) [1]).

Листы XV и XVIII даютъ намъ наглядное представленіе о костюмахъ, употребляющихся у католическихъ сербовъ при крещеніи младенцевъ. Замужнія „kmotry" одѣты подобно „слонкамъ" на свадьбахъ: онѣ имѣютъ поверхъ черной кофты (kožuch), съ широкими у плечъ рукавами, обильно выложенными съ этой цѣлью ватою, изящно вышитый бѣлый платокъ; на головѣ у нихъ черные шелковые, плотно прилегающіе въ волосамъ чепцы. Дѣвушки „kmotry" употребляютъ въ такихъ случаяхъ тотъ же костюмъ, что и „дружки" невѣсты на свадьбахъ. Надо замѣтить при этомъ, что у католическихъ сербовъ при крещеніи бываетъ трое кумовей, какъ было прежде и у евангелическихъ сербовъ, а именно: при крещеніи мальчика двое мужчинъ и одна женщина и при крещеніи дѣвочки — двѣ женщины и одинъ мужчина. При обрядѣ крещенія присутствуетъ обыкновенно и повивальная бабка, которая несетъ младенца изъ дому и обратно.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя, болѣе интересныя изображенія.

Листъ XIX (№ 2) даетъ изображеніе пасхальныхъ пѣвицъ изъ деревни Ямна (Jamno, Jahmen), прихода Клетно. Въ Нижней Лужицѣ и прусской Верхней Лужицѣ, гдѣ еще до сего времени по деревнямъ много прядутъ, молодыя крестьянскія дѣвушки въ каждой деревнѣ образуютъ особыя общества пряхъ и пѣвицъ, при чемъ избираютъ одну изъ своихъ подругъ руководительницей и запѣвалой (kantorka). Подъ ея руководствомъ, во время зимнихъ посидѣлокъ, распѣваютъ онѣ излюбленныя свои старыя народныя пѣсни; во время постовъ поются обыкновенно пѣсни духовныя и старинныя легенды. Отъ начала великаго поста до Пасхи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и

---

[1]) Подробное описаніе свадьбы у лужицкихъ сербовъ — въ очеркѣ *Ад. Чернаго*, „Svatba u Lužických Srbů". Praha, 1893.

Библиотека "Руниверс"

до Троицына дня, въ каждый воскресный и праздничный день въ послѣобѣденное время, а особенно въ Пасхальную ночь, онѣ торжественно ходятъ по деревнѣ, распѣвая духовныя пѣсни, сложенныя въ чисто народной формѣ. Костюмъ ихъ напоминаетъ собою нарядъ женщинъ, свадебныхъ гостей, прихода Клетно (см. листъ XVIII).

Еще одну такую группу пѣвицъ въ чрезвычайно однообразныхъ костюмахъ (изъ деревни Slero, Schleife, въ прусской Верхней Лужицѣ) находимъ на листѣ XXI. Оригинальными головными уборами отличаются пряхи изъ Борковъ (Bórkowy, Burg, въ Блотахъ). Дѣвушки изображены (листъ XXIII) въ тѣхъ обычныхъ своихъ костюмахъ, въ которыхъ онѣ прядутъ въ длинные зимніе вечера: на головѣ большой, болѣе или менѣе пестрый, иногда также темный, большею частью шерстяной платокъ (lapa); онъ искусно завязанъ сзади, длинными и широкими концами (rogi), украшенными бахромой и выступающими на обѣ стороны; короткіе рукава рубашки, широкіе, свѣтлые, пестрые, иногда темные платки, украшенные бахромой или кружевами и завязывающіеся крестообразно на груди (концами назадъ); короткія, большею частью темнаго цвѣта (зеленыя или синія) толстыя, прежде обыкновенно самодѣльныя, юбки, съ широкими пестрыми шелковыми лентами по нижнему краю, пестрые узорчатые или полосатые передники, такъ же длинные и почти столь же широкіе, какъ юбки; наконецъ, на ногахъ длинные, обыкновенно бѣлые и большею частью собственнаго издѣлія, чулки и низкія туфли изъ кожи, бархата или плюша.

Траурнымъ цвѣтомъ у лужицкихъ сербовъ былъ и до сихъ поръ во всей прусской Верхней Лужицѣ и въ большей части сербской Нижней Лужицѣ считается бѣлый цвѣтъ. На листѣ XX изображены двѣ женщины въ полномъ траурѣ: онѣ закутаны съ головы до ногъ въ бѣлыя, тонкаго полотна покрывала (cĕlna plăchta); рядомъ съ ними двѣ женщины въ полутраурѣ: онѣ покрыты бѣлыми платками только на половину. Отличительный признакъ полутраура составляетъ бѣлая полоска (plătk), проходящая по челу и соединяющая края плахты. Въ прежнее время употреблялись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ двѣ такія полоски при полномъ траурѣ. Полный трауръ носятъ по близкимъ родственникамъ; полутрауръ—по родственникамъ болѣе отдаленнымъ. Нѣсколько иначе носятся тѣ же бѣлыя плахты, но уже изъ болѣе грубаго полотна, въ приходѣ Slepo (Schleife, около Мужакова). Мужчины при траурѣ носятъ бѣлые гастухи, вмѣсто обычныхъ цвѣтныхъ

Библиотека "Руниверс"

и черныхъ, и длинные черные суконные сюртуки, вмѣсто обычныхъ праздничныхъ темно-или свѣтло-синихъ.

На листѣ XXII находимъ чрезвычайно оригинальные, уже исчезающіе типы странствующихъ музыкантовъ: дударъ (dudak) съ маленькою дудой (měchawa), скрипачъ съ маленькою трехструнною скрипкой (guslicki) и третій—съ кларнетомъ, замѣнившимъ прежнюю таракаву (tarakawa). Тутъ же встрѣчаемъ изображеніе странствующаго продавца масла (wolejkař), разъѣзжающаго обыкновенно съ бочкой масла по лужицкимъ деревнямъ, и при обходѣ крестьянскихъ домовъ наполняющаго имъ большую бутыль, которую носитъ на груди на скрученной изъ соломы перевязи.

Листы XXIV и XXV даютъ рядъ изображеній отдѣльныхъ типовъ, въ большинствѣ, извѣстныхъ по описаннымъ раньше группамъ. Листъ XXVII заключаетъ рядъ снимковъ съ предметовъ домашняго убранства, утвари, посуды; тутъ же изображена „smjertna heja", закривленный жезлъ, при помощи котораго жители деревни извѣщаются о смерти односельчанина. Изъ дома, гдѣ есть покойникъ, она передается влѣво ближайшему сосѣду и затѣмъ снова возвращается обратно. На ней видна карточка съ обозначеніемъ имени покойника. Обычай этотъ, въ прежнее время широко у сербовъ распространенный, сохранился теперь только въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Отъ жезла, созывающаго крестьянъ на сходки („gmejnska heja"). „smjertna heja" отличается кривымъ своимъ видомъ и тѣмъ, что по срединѣ она сломана и затѣмъ сколочена вновь гвоздями (символъ смерти), тогда какъ первая состоитъ изъ цѣльнаго куска и прямая [1]).

Народные музыкальные инструменты, о которыхъ была уже рѣчь выше, здѣсь собраны всѣ, какіе еще сохранились: „kozol" (Dudelsack) съ мѣхомъ (mech) и двумя дудками (piscele), одна впереди, съ девятью ладами, другая, свѣшивающаяся обыкновенно за спину дударя (dudak); далѣе—двѣ такъ называемыя „таракавы" (tarakawa): одна побольше (изъ окр. Мужакова), напоминающая, по звуку гобой, другая меньше (изъ области католическихъ сербовъ, окр. монастыря Marina Hwjezda), теперь уже не употребляющаяся, напоминаетъ болѣе кларнетъ; обѣ отличаются крикливымъ тономъ; пастушья свирѣль (piscalka), еще лѣтъ 30 тому назадъ очень распространенная, теперь уже рѣдко встрѣчающаяся, такъ какъ скотъ почти не выго-

---

[1]) Ср. очеркъ *Ч. Зибрта*, „Rychtářské právo, palice, kluka". Věstník Král. Spol. nauk, 1896, č. VIII.

Библиотека "Руниверс"

няется въ поле; рукописныя ноты сербскаго народнаго музыканта (Краля изъ Цемеpицъ, Temmritz, около Будишина) начала нынѣшняго столѣтія; двѣ типичныя лужицкія трехструнныя скрипки, одна обыкновенныхъ размѣровъ (gusle) и другая маленькая (guslićki); особенность ихъ составляютъ три струны, настроенныя въ d, a, e, совершенно плоское и тонкое дно и сильно выгнутая верхняя дека, имѣющая три резонатора.

Послѣдніе листы этого изданія (XXVI — XL) даютъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи лужицко-сербскаго дома и вообще славянскаго жилища. Оригинальныя деревянныя народныя постройки все болѣе и болѣе исчезающія, отчасти и вслѣдствіе запрещенія воздвигать новыя деревянныя строенія, сохранены будутъ для будущаго историка частью и въ этомъ изданіи.

Описаніе лужицко-сербскаго дома сдѣлано было уже Смолеромъ, во второй части названнаго выше сборника лужицко-сербскихъ народныхъ пѣсенъ („Wohnung", стр. 211—213). Это первое точное и вполнѣ надежное, но недостаточно полное и посвященное при этомъ только верхнелужицкому дому, описаніе. Краткіе очерки находимъ у Рихарда Андрее въ его „Wendische Wanderstudien" (1874), въ прекрасной монографіи W. von Schulenburg'a: „Das Spreewaldhaus" (*Zeitschrift für Ethnologie*, Berlin, 1886 123—144) и слабой, особенно въ лингвистическомъ отношеніи, работѣ M. Müschnera: „Das Spreewaldhaus (*Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft*, 1887, 98—105). Лучше по полнотѣ, обстоятельности и систематичности описаніе сдѣлано было чешскимъ изслѣдователемъ лужицко-сербской народной жизни Ад. Чернымъ, составившимъ на основаніи матеріаловъ, лично имъ собранныхъ во время многократныхъ путешествій по Лужицамъ, обширный очеркъ, подъ заглавіемъ: „Zagroda Lužycka", напечатанный въ варшавскомъ журналѣ „*Wisła*" (III., 1889, стр. 338—369). Тотъ же очеркъ вышелъ затѣмъ и въ Часописи Матицы Сербской и отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „Wobydlenje Lužiskich serbow" (Rudyšin, 1889). Къ тѣмъ рисункамъ и планамъ, которые приложены къ очерку А. Чернаго, настоящее изданіе даетъ въ дополненіе рядъ прекрасныхъ снимковъ типичныхъ лужицко-сербскихъ построекъ. Къ сожалѣнію, къ этимъ таблицамъ не приложено никакого описанія, кромѣ обозначенія мѣстности, нѣтъ характеристики типовъ лужицко-сербскихъ построекъ, а еще болѣе жалко, что нѣтъ ни одного снимка, который давалъ бы намъ наглядное и вѣрное представленіе о внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ

Библиотека "Руниверс"

типичной сербской хаты. Подъ инымъ, болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительному содержанію, заглавіемъ изданіе это получило бы болѣе широкую извѣстность въ славянскихъ странахъ, чего нельзя не пожелать ему вполнѣ искренно.

В. А Францевъ.

Нѣсколько словъ по поводу отзыва проф. Н. П. Некрасова о VI изданіи составленнаго мною учебника древняго церковно-славянскаго языка.

Проф. Н. П. Некрасовъ на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ (апрѣль) напечаталъ подробную рецензію VI изданія составленнаго мною для среднихъ учебныхъ заведеній руководства по грамматикѣ древняго церковно-славянскаго языка. Эта рецензія, имѣющая въ виду дать нѣсколько замѣчаній, могущихъ содѣйствовать дальнѣйшему улучшенію моей книги, вполнѣ отвѣчаетъ и моему желанію, высказанному въ предисловіи къ I-му изданію грамматики, чтобы люди свѣдущіе не оставили моей книги безъ замѣчаній и указаній, каковыя при дальнѣйшихъ изданіяхъ будутъ подвергнуты самому внимательному обсужденію. Принося свою глубокую благодарность проф. Некрасову за сдѣланныя замѣчанія, не могу, однако, нѣкоторыхъ изъ нихъ признать достаточно серьезными и поэтому въ видахъ чисто научныхъ и педагогическихъ нахожу нужнымъ нѣсколько остановиться на нихъ.

Прежде всего меня довольно удивило слѣдующее замѣчаніе: „На страницѣ 6-ой... странно читать въ книгѣ, написанной *профессоромъ*, ученіе о *произношеніи* (не звуковъ, а) *буквъ*!“ Конечно, съ логической точки зрѣнія точнѣе выразиться такъ: „произношеніе звуковъ, обозначаемыхъ церковно-славянскими буквами“, или „звуки, соотвѣтствующіе буквамъ древней церковно-славянской азбуки“. Однако же допущенное мною выраженіе, вслѣдствіе своей краткости и полной примѣнимости къ языку мертвому, какимъ является древній церковно-славянскій, употребительнѣе всякихъ другихъ. Могу сослаться на переводъ грамматики Лескина, сдѣланный академикомъ А. А. Шахматовымъ (см. стр. VII или 3: „произношеніе знаковъ ъ, ѣ, ь, ѣ не можетъ быть опредѣлено съ точностью“), на „Руководство къ изученію санскрита, составленное проф. В. Ѳ. Миллеромъ и проф. Ѳ. И. Кнау-

Библиотека "Руниверс"

эромъ" (см. стр. 2: „Гласные і. ї. ū произносятся, какъ соотвѣтствующія латинскія буквы"). Но меня больше всего поразило, когда то же самое я прочелъ въ „Очеркѣ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка", составленнаго самимъ проф. Некрасовымъ (ср. стр. III: „произношеніе буквъ древнихъ церковно-славянскихъ азбукъ"; 16: „числовое значеніе буквъ.—Произношеніе ихъ"; 18: „ѕ произносилось какъ ѧ̀з" и т. д.). По всей вѣроятности, проф. Некрасовъ въ настоящее время (послѣ рецензіи на его книгу А. С. Будиловича, помѣщенной въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ*, т. XXII, за 1889 г., стр. 145—164) отказался отъ многихъ положеній своего „Очерка", но все-таки слѣдуетъ принять въ расчетъ, что я употребилъ поразившее моего рецензента выраженіе еще въ 1888 году (тогда вышло I изданіе моей грамматики), будучи начинающимъ преподавателемъ гимназіи, тогда какъ проф. Некрасовъ, выпуская свой „Очеркъ" съ тѣмъ же выраженіемъ годомъ позже (въ 1889 году), былъ извѣстнымъ уже профессоромъ, ставшимъ вскорѣ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ.

Мое замѣчаніе о томъ, что ъ и ь въ русскомъ языкѣ подъ удареніемъ замѣняются чистыми гласными *о* и *е*, и что такая же замѣна иногда бываетъ и безъ ударенія,—признано формулированнымъ неправильно: „автору учебника должно быть извѣстно, что эта мѣна бываетъ тогда, когда открытый слогъ съ глухимъ гласнымъ въ словахъ древняго церковно-славянскаго языка становится слогомъ закрытымъ въ русскомъ языкѣ" (440 стр.). Но, не говоря уже о томъ, что ученики IV класса въ началѣ курса не знаютъ, какіе слоги открытые и закрытые, такъ какъ рѣчь объ этомъ обыкновенно бываетъ въ словообразованіи, и само объясненіе, выставленное проф. Некрасовымъ, не отличается правильностью. Какъ, напримѣръ, держась его, можно объяснить появленіе чистыхъ гласныхъ въ такихъ русскихъ словахъ, какъ мертвецá (мрьтвьца), черницá (чрьньца), въ крови́ (въ кръви), кровáвый (кръвавъ), дровá (дрѣва), совѣтъ (съвѣтъ), собóръ (съборъ) и т. п.? Исторія языка намъ укажетъ, что въ подобныхъ случаяхъ проявляется дѣйствіе многихъ причинъ: стремленія къ удобству произношенія, аналогіи другихъ формъ отмѣченныхъ словъ, гдѣ гласнымъ ъ и ь приходится стоять подъ удареніемъ и под. (ср. объ этомъ еще у проф. *А. И. Соболевскаго*: „Древній церковно-славянскій языкъ", М., 1891, стр. 138). Но кто станетъ разсуждать обо всемъ этомъ въ началѣ курса церковно-славянской грамматики, когда рѣчь идетъ о

Библиотека "Руниверс"

звукахъ, соотвѣтствующихъ древнимъ церковно-славянскимъ буквамъ ѣ и ѣ?

По поводу замѣчанія въ § 11 грамматики относительно того, что „появленіе такихъ формъ, какъ тобой, своей изъ тобою, своею, моей изъ моея, слѣдуетъ объяснять стремленіемъ языка къ краткимъ формамъ", то-есть, дѣйствіемъ аналогіи большинства односложныхъ окончаній,—въ разборѣ помѣщено замѣчаніе такого рода, будто я вижу здѣсь сокращеніе звуковъ *ю* и *я* (я бы сказалъ слоговъ ју и ја), а не отпаденіе ихъ. Въ этомъ случаѣ на меня взводится напраслина, въ чемъ легко убѣдиться изъ приведеннаго мѣста. Я преднамѣренно умалчиваю о томъ, куда дѣвался конечный звукъ, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ формъ, напримѣръ, моей при моѥ́ю, древне-русское моеѣ́, съ удареніемъ на концѣ, рѣшительно невозможно утверждать, чтобы здѣсь было фонетическое исчезновеніе конечнаго ударяемаго звука.

Нѣсколько сильно замѣчаніе относительнаго моего положенія, что сочетаніе губныхъ съ ј необычно. Вѣдь у меня идетъ рѣчь о появленіи *л* на мѣстѣ ј послѣ *б, п, в, м* въ языкѣ Остромирова Евангелія, гдѣ сочетаніе отмѣченныхъ согласныхъ съ ј именно необычно. То же слѣдуетъ сказать и относительно древнѣйшихъ образованій русскаго языка. Наконецъ, въ корняхъ сочетаніе указанныхъ звуковъ съ ј невозможно во всѣхъ памятникахъ древняго церковно-славянскаго языка (плюѭ, блюдо), что указываетъ на древность появленія *л* мягкаго на мѣстѣ ј послѣ *б, п, в, м*.

Совершенно напрасно признано невѣрнымъ мое замѣчаніе о томъ, что „если звукамъ к и г предшествуютъ с и з, то ск и зг смягчаются не въ сц и зз, а въ ст и зд". Тутъ неточность лишь въ томъ, что вмѣсто зз слѣдовало бы написать зѕ, но вѣдь, какъ и въ другихъ случаяхъ, рѣчь идетъ здѣсь о языкѣ Остромирова Евангеліе, которое „Учебными планами" положено въ основу преподаванія древняго церковно-славянскаго языка, а въ Остромировомъ Евангеліи ѕ въ роли показателя звука не встрѣчается. Далѣе, изъ того, что въ памятникахъ встрѣчаются формы и съ сц, которыя несомнѣнно являются переходными къ ст, не слѣдуетъ, чтобы эти образованія считались типическими: въ большинствѣ случаевъ памятники знаютъ въ окончаніяхъ словъ ст. Въ томъ же мѣстѣ, откуда взяты приведенныя проф. Некрасовымъ слова изъ Остромирова Евангелія съ сц, находимъ и списокъ словъ съ ст, сопровождаемый при этомъ замѣча-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ: „какъ видимъ, Остромирово Евангеліе даетъ предпочтеніе сочетанію ст“ (*Козловскій*: О языкѣ Остромирова Евангелія, 53). Да, наконецъ, то же, что у меня, читаемъ и въ „Очеркѣ“ проф. Некрасова: зг передъ и (вмѣсто ѣ=осн. a_2i, ai) и передъ ѣ (=āi) измѣняется въ зд, а звукосочетаніе ск въ ст“ (стр. 73).

Положеніе, что „передъ шипящими свистящіе переходятъ въ шипящіе и наоборотъ“, подтвержденное примѣрами изъ древняго церковно-славянскаго языка и русскаго, вызвало цѣлую страницу замѣчаній (445). Проф. Некрасовъ утверждаетъ, а) что „въ русскомъ языкѣ образованнаго общества звуки свистящіе обыкновенно въ данномъ случаѣ не переходятъ въ шипящіе“; но всякій внимательно слѣдящій за своимъ произношеніемъ, а также наблюдающій за другими и не опирающійся исключительно на нашей орѳографіи, убѣдится въ противоположномъ, именно, что „свистящіе *з* и *с* передъ шипящими *ж*, *ш*, *ч* произносятся, какъ шипящіе: изжарить—ижжарить, сшедшій—шшедшій, извозчикъ—извошчикъ и т. д.“ (ср. хоть академика *Я. К. Грота*: Русское правописаніе, § 20, II б). А вотъ и нѣсколько примѣровъ изъ древне-русскаго языка, указывающихъ на исконность этого закона: ижьженуть, ижжившю, ражьжегъся, рашьширяють и т. д. (ср. Лекціи по исторіи русскаго языка[2] проф. *А. И. Соболевскаго*, 130—131). б) Далѣе находимъ утвержденіе, что „обратный переходъ, то-есть, шипящихъ въ свистящіе передъ свистящими“, неизвѣстенъ какъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, такъ и въ русскомъ. Производить подобное уподобленіе, по мнѣнію моего рецензента, могутъ лишь лица, не говорящія правильно по-русски или вовсе не произносящія шипящихъ звуковъ. И по поводу этого замѣчанія могу сказать, что оно основано лишь на привычкѣ смѣшивать орѳографію съ произношеніемъ. Чтобы произнести вполнѣ отчетливо *ш* въ какомъ либо *несешься*, необходимо послѣ этого звука сдѣлать нѣкоторую паузу, или точнѣе — произнести частичный гласный, близкій къ ь, чего на самомъ дѣлѣ въ обыкновенной рѣчи не бываетъ: слышится лишь долгій *с*, достаточно мягкій, но не такой, какъ, напримѣръ, въ словѣ *сяду*. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе высказаннаго положенія, отошлю читателя, напримѣръ, къ „Лекціямъ по исторической грамматикѣ русскаго языка“ проф. *Р. Ѳ. Брандта*, М., 1892, 134—135, гдѣ приводятся обосновывающія соображенія; или къ „Лекціямъ по исторіи русскаго языка“[2] проф. *А. И. Соболевскаго* (100—101), гдѣ относительно разсматриваемаго явленія читаемъ слѣдующее: „великорусское и бѣлорусское нарѣчія... на мѣстѣ древнихъ

Библиотека "Руниверс"

жъс, шьс имѣютъ обыкновенно одно мягкое или твердое *с* (сѣверновеликорусскіе говоры: риськой и т. п.), другіе—двойное твердое (московскій говоръ: рисскый)". Что этотъ законъ не новый и тѣмъ болѣе не обусловливаемый физіологическими особенностями произношенія отдѣльныхъ лицъ, можно подтвердить фактами, взятыми изъ исторіи древняго церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. Вотъ въ какомъ положеніи было дѣло въ ту эпоху древняго церковно-славянскаго языка, отъ которой дошли до насъ древнѣйшіе памятники: „Эпоха послѣ—кирилло-меѳодіевская началась исчезновеніемъ глухихъ и *и* въ концѣ и серединѣ словъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они были безъ ударенія, и гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало сохраненія между ними гласныхъ" (*Соболевскій*: Древній церковно-славянскій языкъ, 138).... „Согласные, нѣкогда отдѣленные другъ отъ друга глухими, послѣ исчезновенія этихъ послѣднихъ, соприкоснулись и оказали взаимное воздѣйствіе" (ibid., 145). Слѣдствіемъ этого воздѣйствія были случаи „полнаго измѣненія согласныхъ, а иногда также и опущенія. Это — бѣство Зогр. 71, Мар. 88, 169 и др., бѣсство Асс. 99, изъ бѣ*ж*ьство, розьства Клоц. Сб. 23, Мар. Ев. 48, изъ ро*жд*ьство, невѣзьства Син. пс. 46 изъ невѣ*жд*ьства" (ibid., 145—146). Сюда же относится и забракованное проф. Некрасовымъ послоустство изъ послоу*ш*ьство и др. Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что переходъ шипящихъ въ свистящіе въ извѣстныхъ случаяхъ свойственъ самымъ древнимъ памятникамъ церковно-славянскаго языка [1]). Онъ же наблюдается и въ памятникахъ древне-русскаго языка: ризкии=рижьскии Смол. гр. 1229 г., варязьская Новгородская лѣтопись XIV вѣка, мъностьвы=мъножьствы Лѣств. XII вѣка и др. (*Соболевскій*, Лекціи [2], 100). Такимъ образомъ приведенный въ моемъ учебникѣ законъ наблюдается въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, въ древне-русскомъ и въ теперешнемъ не только „по словамъ" моимъ, но и на самомъ дѣлѣ. Понятно, въ древнѣйшую эпоху церковно-славянскаго языка, отъ которой до насъ не дошли памятники, когда ъ и ь во всѣхъ случаяхъ произносились, такъ какъ тогда не могли встрѣтиться *ж*, *ч*, *ш*, *щ* непосредственно со свистящими, въ приведенныхъ выше словахъ этого перехода не было; не обозначался онъ,

---

[1]) Считаю нужнымъ замѣтить, что примѣровъ, подобныхъ приведеннымъ, я не смѣшиваю съ такими, какъ встрѣчающіеся въ „Кіевскихъ листкахъ", писанныхъ въ западныхъ областяхъ, гдѣ имѣемъ: ѻгрѣждщѣ, тазе, подазь, прежлѣще, такозе, ѻбѣщѣние и т. д. (Denkschriften d. k. Akad., Wien, 1890).

Библиотека "Руниверс"

по традиціи письма, обыкновенно и въ то время, отъ котораго до насъ дошли памятники; о немъ приходится судить лишь по исключительнымъ случаямъ; вслѣдствіе этого у меня въ учебникѣ и прибавлено „*иногда* и на письмѣ".

Отпаденіе согласныхъ въ русскомъ языкѣ далеко не ограничивается однимъ *л* въ причастіяхъ мужескаго рода, въ родѣ *могъ*. Не говоря уже о чисто народныхъ словахъ, въ которыхъ не рѣдкость образованія, какъ кась вм. казнь, жись вм. жизнь, гось вм. гость, могу сослаться еще на очень обычное произношеніе многихъ лицъ: кора́пь вм. корабль, рупь вм. рубль и под. Въ элементарномъ учебникѣ я естественно ограничился лишь ссылкой на причастіе на *-лъ*, такъ какъ это послѣднее отпаденіе обозначается и въ нашей орѳографіи.

Вопросъ о русскомъ полногласіи, конечно, очень важенъ, и я счелъ нужнымъ коснуться его, хотя въ „Учебныхъ планахъ" онъ и опущенъ. Однако же я не нашелъ возможнымъ подробно останавливаться на вопросѣ: „когда же именно въ русскомъ языкѣ возможно полногласіе и когда невозможно", ограничиваясь лишь констатированіемъ фактовъ, такъ какъ гг. преподавателямъ гимназіи эти условія несомнѣнно всѣмъ извѣстны, а ученикамъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, безъ привлеченія примѣровъ изъ родственныхъ языковъ (хотя бы только латинскаго, греческаго, литовскаго, нѣмецкаго), объяснить ихъ и невозможно; а вѣдь самъ же проф. Некрасовъ ставитъ мнѣ въ вину сопоставленіе русскихъ и церковно-славянскихъ звуковъ съ родственными (ср. стр. 441). Впрочемъ, о формулировкѣ П. А. Лавровскимъ условій, когда бываетъ полногласіе въ русскомъ языкѣ, сдѣланной 37 лѣтъ тому назадъ („Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики", т. V. С.-Пб., 1861 г., стр. 227 и слѣд.), въ примѣчаніи можно напомнить хотя бы гг. преподавателямъ, съ предупрежденіемъ, однако, что Лавровскій не умѣлъ правильно объяснить своего вѣрнаго наблюденія.

Мое разсужденіе о составныхъ частяхъ слова, конечно, не во всѣхъ мѣстахъ отличается достаточною точностью, и я очень благодаренъ проф. Некрасову за сдѣланныя указанія. Впрочемъ, промахи, допущенные мною, не настолько важны, какъ это можетъ показаться при чтеніи ихъ разбора. Дѣло въ томъ, что совершенно точно разсуждать о составныхъ частяхъ словъ можно только на почвѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и при томъ исторической, въ добавокъ съ лицами, получившими по крайней мѣрѣ среднее образованіе, а не съ учениками,

Библиотека "Руниверс"

прошедшими только 3 класса, приступающими къ изученію древняго церковно-славянскаго языка съ тѣми свѣдѣніями, которыя они вынесли изъ грамматики Кирпичникова. Поясню сказанное примѣромъ. Проф. Некрасову не понравилось, что я относительно корня слова выразился между прочимъ, какъ о части слова, „обыкновенно неизмѣняемой", а затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи прибавилъ въ поясненіе, что „корень не можетъ больше расчленяться и подвергаться особенно значительнымъ перемѣнамъ". Все это не представляетъ противорѣчія, а только для удобства пониманія учениковъ IV класса изложено по тому логическому методу, по которому въ основу кладется ходячее объясненіе и затѣмъ постепенно ограничивается, пока не дойдетъ до самаго точнаго опредѣленія (ср. *М. Владиславлева*: Учебникъ логики, С.-Пб., 1882, стр. 21). Въ данномъ случаѣ въ основу положено уже извѣстное ученику IV класса опредѣленіе корня въ русской грамматикѣ, гдѣ, напримѣръ, въ самой распространенной А. Кирпичникова, читаемъ: „корень есть неизмѣняемая часть слова, состоящая изъ одного слога" (§ 60 этимологіи). Я лично убѣжденъ, напримѣръ, въ томъ, что опредѣленіе корня, данное въ учебникѣ г. Флёрова, дважды прочитанномъ еще въ рукописи проф. Некрасовымъ (стр. XI 1-го изд.), повторяющее въ сокращеніи мысли „Очерка" (стр. 78), непонятно ученикамъ и можетъ быть усвоено только памятью, но не сознательно. Вотъ это опредѣленіе: „Корнемъ называется составная часть слова въ своей первообразной формѣ, лежащая въ основѣ образованія многихъ словъ въ языкѣ и выражающая общее всѣмъ имъ основное значеніе" (§ 23 1-го изд.). Тутъ между прочимъ при выраженіи „лежащая въ основѣ образованія многихъ словъ въ языкѣ" слѣдуетъ прибавить что либо, въ родѣ забракованнаго у меня „цѣлаго семейства словъ". Иное дѣло разсматривать подобные вопросы въ университетскомъ курсѣ, а иное съ учениками низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Недоразумѣніе проф. Некрасова по поводу того, что относительно происхожденія суффикса—*еньк-* изъ ѧ+ьк я выразился не категорически, разсѣется, если я напомню, что по поводу этого объясненія я въ свое время написалъ статейку, въ которой рѣшительно не соглашаюсь съ ходячими объясненіями этого суффикса (ср. „О суффиксахъ въ въ русскихъ словахъ типа *теленокъ*, *Васенька*, *рученька*, *бѣленькій*", *Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1889 г., № 3, т. XXII). Я привелъ однако отмѣченное толкованіе, такъ какъ оно поддерживалось такими учеными, какъ Ѳ. И. Буслаевъ и Я. К. Гротъ.

Библиотека "Руниверс"

На двухъ страницахъ (448—449) идетъ разборъ опредѣленія флексіи и глагольныхъ основъ, при чемъ для примѣра проф. Некрасовъ беретъ (не изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ моей грамматики) формы глагола быти и ѥсмь. Изложеніе ведется такимъ образомъ, чтобы представить у меня полнѣйшую путаницу. Однако, на самомъ дѣлѣ выходитъ далеко не такъ. 1) У меня о спряженіи сказано, что оно „состоитъ въ соединеніи глагольныхъ основъ съ флексіями [1]), показывающими лицо, число, время и наклоненіе". Съ точки зрѣнія сравнительнаго языковѣдѣнія здѣсь не можетъ быть рѣчи о флексіяхъ, а только о суффиксахъ. Вѣдь языкъ вообще не знаетъ падежей и глагольныхъ формъ, а знаетъ только слова, находящіяся въ большей или меньшей близости между собою. Каждое слово имѣетъ реальное значеніе, заключенное въ корнѣ, и формальное, обусловленные разными наставками, которыя и указываютъ на степень близости словъ между собою. Дѣло морфологіи группировать слова по этимъ ихъ формальнымъ свойствамъ и указывать ихъ соотношеніе между собою, такъ что, собственно говоря, ни въ одномъ словѣ не мѣняются окончанія, а только находящіяся въ извѣстной близости слова́ ставятся въ соотношеніе между собою; значитъ и флексій, какъ показателей измѣненій словъ, нѣтъ. Такъ представляется дѣло при сужденіи объ „органическомъ" происхожденіи словъ. Но въ грамматикахъ, стремящихся научить языку болѣе легкимъ способомъ, изслѣдующихъ при томъ явленія отдѣльныхъ языковъ, дѣло обстоитъ иначе. Тутъ, особенно въ грамматикѣ для IV класса, нужно указать ученику, какъ образовать форму; какъ получить основу, неизмѣняемую, напримѣръ, во всемъ склоненіи слова или при образованіи извѣстнаго разряда формъ въ спряженіи (въ данномъ случаѣ примѣнительно къ ученію о двухъ основахъ глагола); нужно, наконецъ, указать, какіе слѣдуетъ прибавлять флексивные суффиксы въ именахъ для формъ единственнаго и множественнаго чиселъ, а въ глаголахъ для показанія лицъ, временъ и наклоненій. Въ этомъ случаѣ очень раціональный взглядъ высказалъ А. С. Будиловичъ въ рецензіи на „Очеркъ" проф. Некрасова (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, т. XXII, 160): „намъ думается, что меха-

---

[1]) Употребленъ терминъ, извѣстный ученикамъ еще изъ 2-го класса. Ср. въ грамматикѣ Кирпичникова: „Флексія есть часть окончанія, измѣняемая въ склоненіи и спряженіи" (§ 60). Въ научномъ смыслѣ флексія обозначаетъ самую *перемѣну* суффиксовъ при склоненіи и спряженіи словъ (ср. *K. Brugmann*: Grundriss d. vergl. Grammatik d. indgr. Sprachen, I², 32 и слѣд.).

Библиотека "Руниверс"

низмъ темо- и словообразованія церковно-славянскаго долженъ опредѣляться духомъ и привычками этого языка, а не какого либо другаго, напримѣръ, праарійскаго или „основнаго". Если, слѣдовательно, какой либо звукъ принадлежалъ „праязычно" къ суффиксу, въ смыслѣ тематическаго элемента, но впослѣдствіи приросъ къ флексіи и употребляется въ данномъ случаѣ въ составѣ послѣдней, то-есть, при образованіи категоріи рода, числа и падежа въ имени, а наклоненія, числа и лица въ глаголѣ, то онъ долженъ въ этомъ языкѣ считаться элементомъ флексивнымъ, а не суффиксным, или однимъ изъ образователей слова, а не темы". 2) При стремленіи проф. Некрасова ограничить, напримѣръ, глагольныя флексіи только показателями лицъ, ученіе о двухъ основахъ глагола, признаваемое имъ совершенно правильнымъ, съ точки зрѣнія исторической окажется совершенно ложнымъ. Не говоря уже о томъ, что основой неопредѣленнаго, напримѣръ, нєсти, съ послѣдней точки зрѣнія не будетъ нєс-, а нєсти, такъ какъ это такое же именное образованіе, какъ пти, мы должны будемъ совершенно естественно отмѣтить основы аористовъ, имперфекта, къ нимъ присоединимъ еще основу настоящаго времени, то-есть, не двѣ глагольныя основы, а нѣсколько. А вѣдь все это нисколько не облегчитъ знакомства съ формами глагола. 3) Чтобы показать недостаточную точность моего изложенія, проф. Некрасовъ взялъ для примѣра формы глагола бѫти и производитъ ихъ отъ основъ неопредѣленнаго бѫ- и настоящаго бѫдє-. Но вѣдь ни для кого не тайна, что въ образованіи формъ глагола бѫти участвуютъ далеко не двѣ основы бѫ- и бѫдє-, а еще бѣ-, би-(бимь); связь между этими основами несомнѣнно есть, но до сихъ поръ она еще никѣмъ не объяснена удовлетворительно. Слѣдовательно, при сужденіи объ образованіи формъ глагола ссылаться на бѫти такъ же не раціонально, какъ, напримѣръ, при сужденіи объ именныхъ основахъ и флексіяхъ ссылаться на формы азъ, мєнє и т. д. 4) Измѣненія основы съ присоединеніемъ къ ней флексивныхъ суффисковъ чисто фонетическаго характера, какъ измѣненіе основы нєс- (глагола нєсмь) во 2-мъ лицѣ въ нє-(нєси) вслѣдствіе слитія двухъ *с*, или различіе въ русскихъ *взять* и *возьму*, въ морфологіи не должны имѣть мѣста. Здѣсь можно бы говорить о такихъ измѣненіяхъ основы, какія видимъ въ склоненіи греч ἀνήρ или πατήρ, но языкъ древній церковно-славянскій такихъ измѣненій уже не зналъ. Его сѫтъ и нєсмь и т. д. не представляютъ явленія древняго церковно-славянскаго языка, а отражаютъ лишь праязычное чередованіе въ

Библиотека "Руниверс"

спряженіи этого слова сильныхъ и слабыхъ формъ, насколько можно судить объ этомъ по формамъ санскритскимъ: ásmi, ási, ásti, smás, stha, sánti или готскимъ im, is, ist, sijum, sijuth, siund и др. Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго можно прійдти къ заключенію, что слѣдующій выводъ, сдѣланный проф. Некрасовымъ: „противополагать флексію, какъ часть измѣняемую слова, основѣ, какъ части неизмѣняемой слова въ склоненіи и спряженіи, значитъ вносить въ грамматику флексивнаго языка нѣчто совершенно несообразное съ его природою",—совершенно невѣренъ въ примѣненіи, напримѣръ, къ языку древнему церковно-славянскому или русскому. Онъ имѣлъ бы отношеніе лишь къ индо-европейскому праязыку.

Я преднамѣренно умолчалъ о томъ, въ формѣ какихъ падежей совпалъ въ русскомъ языкѣ именительный и винительный столи и столы, корабли и корабльѩ, такъ какъ если форма *столы* и есть винительный падежъ множественнаго числа, то этого нельзя сказать относительно *корабли*, потому что по своему окончанію оно не равно ни церковно-славянскому винительному корабльѩ, ни древне-русскому *корабль*, а развило свое *и* въ подражаніе *ы* твердаго различія уже тогда, когда какое либо *столы* было общею формой именительнаго и винительнаго безъ перевѣса въ ту или другую сторону. Наконецъ, на формы, въ родѣ *корабли*, можно взглянуть и иначе—какъ на старинный именительный, замѣнившій и винительный; тогда въ именительномъ *столы* пришлось бы видѣть подражаніе ему. Въ случаѣ сообщенія ученикамъ того или другаго взгляда дѣло нисколько не выиграетъ.

Замѣчаніе относительно *-и* послѣ задненебныхъ въ формахъ: книги, руки, сохи, не на мѣстѣ: оно должно быть въ фонетикѣ. Въ морфологіи я умолчалъ объ этомъ явленіи, такъ какъ оно извѣстно уже ученикамъ изъ фонетики. Впрочемъ, въ вопросахъ, приложенныхъ къ разсматриваемому §-у, читаемъ у меня: „крики, грѣхи, боги—съ окончаніемъ *и* во множественномъ числѣ архаизмъ или нѣтъ?" (стр. 46). Сказанное относится и къ замѣчанію проф. Некрасова въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

На вопросъ: „Развѣ форма творительнаго падежа единственнаго числа отъ именъ существительныхъ на -ā, напримѣръ, водоѭ, есть форма именнаго склоненія, а не мѣстоименнаго (какъ тоѭ)?"—отвѣчу: неизвѣстно. Въ этомъ падежѣ и имена и мѣстоименія либо пользуются *основой, распространенною прибавкой* -ja, либо, по другому мнѣнію, и тѣ и другія формы образованы отъ основъ на дифтонгъ, восходя-

Библиотека "Руниверс"

щихъ еще къ основному индоевропейскому языку, насколько можно судить объ этомъ по подобному же распространенію основы въ санскритскомъ áçvayā (послѣ *ā* отпало *n*, какъ въ rājā отъ основы rājān; предполагаемое ān и отражается въ нашемъ ѫ). Правда, имена знаютъ и форму на -ѫ, не только на -оѭ, но, какъ убѣдительно доказалъ Миклошичъ, отказавшись отъ своего прежняго мнѣнія, высказаннаго въ морфологіи славянскихъ языковъ, въ формѣ на -ѫ слѣдуетъ видѣть стяженіе изъ оѭ. Миклошичъ въ статьѣ: „Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen, Wien, 1879“ (Denkschriften d. kais. Akad. der Wissenschaften), выходитъ изъ того соображенія, что отраженіе творительнаго на -ѫ въ новыхъ славянскихъ языкахъ (чешскомъ и польскомъ) отличается по своей формѣ отъ винительнаго, замѣняющаго также древнюю церковно-славянскую форму на -ѫ, при чемъ въ творительномъ является гласный долгій, чего нѣтъ въ винительномъ, хотя происхожденіе ихъ (винительный = ām), повидимому, одинаковое. Такъ въ чешскомъ винительный hlavū, а творительный hlavú изъ старочешскаго hlavou; въ польскомъ, не различающемъ долготы гласныхъ, винительный głowę, а творительный głową, при чемъ чередованіе ę и ą соотвѣтствуетъ чередованію краткихъ и долгихъ гласныхъ въ чешскомъ. Значитъ, основная славянская форма для творительнаго была водѫ съ юсомъ долгимъ, а это возможно было только въ томъ случаѣ, если допустить здѣсь стяженіе изъ оѭ.

Что касается недопущенія возможности происхожденія нетъшати изъ *ветъхѣти, то по этому поводу замѣчу слѣдующее: если бы нетъшати, согласно взгляду проф. Некрасова, было образовано съ суффиксомъ *-а-* при посредствѣ нетъшити, какъ хаждати отъ ходити, то оно обозначало бы видъ многократный, а не средній залогъ.

Дальше въ разсматриваемой рецензіи дѣлается предположеніе о моемъ взглядѣ относительно суффикса повелительнаго, при чемъ дѣло представляется въ совершенно ложномъ освѣщеніи (будто бы я предполагаю, что *неси* образовалось на славянской почвѣ изъ *несе* + *и*). Смѣю увѣрить проф. Некрасова, что не только я, но и ни одинъ изъ моихъ слушателей не усомнится въ томъ, что древній церковно-славянскій суффиксъ повелительнаго и—ѣ равенъ основному -oi (ср. и въ моемъ учебникѣ стр. 7, гдѣ берѣмъ сопоставлено съ φέροιμεν). Другое дѣло, почему на мѣстѣ дифтонга -oi въ единственномъ числѣ имѣемъ и, а не ѣ, но этого нельзя уяснить ученикамъ гимназіи на почвѣ только древняго церковно-славянскаго языка. Далѣе проф. Не-

Библиотека "Руниверс"

красову показалось неправильнымъ замѣчаніе о томъ, что суффиксъ повелительнаго -ѣ- во II спряженіи, а также послѣ гласныхъ въ I переходитъ въ и. Въ качествѣ возраженія приведена форма ищате Остромирова Евангелія, л. 275, в. Хотѣлъ бы я знать, только ли затѣмъ приведено это возраженіе, чтобы увеличить число недостатковъ моей книги, или же дѣйствительно проф. Некрасовъ знаетъ какой либо особый способъ объясненія подобныхъ позднѣйшихъ и далеко не типичныхъ явленій, какъ ꙗ въ повелительномъ вмѣсто и. Предположенное имъ объясненіе этого явленія въ „Очеркѣ" (стр. 167) не можетъ считаться научнымъ, такъ какъ а появляется на мѣстѣ ѣ, только равнаго основному ē, а не дифтонгу. Единственно правильнымъ объясненіемъ должно быть признано слѣдующее (*Лескинъ*: Грамматика старославянскаго языка, М., 1890, стр. 140): „Первоначально въ этой формѣ возможна только гласная -и- (= *(j)oi*): биимъ, глаголимъ и т. д. Но вслѣдствіе склонности, распространенной во всѣхъ памятникахъ, подъ вліяніемъ аналогіи... несѣмъ, двигнѣмъ, появляется ѣ, вмѣсто котораго послѣ *j*... стоитъ а: биамъ"... А въ виду того, что подобныя формы вторичныя и довольно рѣдкія, о нихъ лучше и не упоминать въ учебникѣ для низшихъ классовъ гимназій. Ихъ можно коснуться лишь въ примѣчаніяхъ къ читаемымъ въ гимназіяхъ отрывкамъ изъ Остромирова Евангелія.

На основаніи всего сказаннаго можно придти къ заключенію, что замѣчанія проф. Некрасова часто отражаютъ его личный вкусъ, а не являются поправками по существу. Особеннымъ нападкамъ подверглось въ моей грамматикѣ *образованіе словъ*, но вотъ что объ этомъ же отдѣлѣ говоритъ прежній рецензентъ ученаго комитета (забраковавшій, кстати сказать, учебникъ г. Флёрова, впослѣдствіи новою комиссіей подъ предсѣдательствомъ проф. Некрасова даже премированный. Ср. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1894 г., ноябрь: „Наша учебная литература"): „За фонетикой слѣдуетъ „*образованіе словъ*" — разсматриваются корни, префиксы и суффиксы. Эта статья *прекрасно составлена;* русское словопроизводство поставлено въ связь съ разъясненіемъ церковнославянскихъ суффиксовъ и префиксовъ. Полъ-страницы отдано на слова сложныя; съ умѣньемъ и опытностью сгруппированы способы сложенія двухъ словъ въ одно... Образованіе глагольныхъ формъ: наклоненій и временъ—изложено ясно и съ должною полнотою"... Заключеніе изъ всего разбора таково: „Какъ „compendium" выводовъ о законахъ языка, съ своими табличками и пол-

Библиотека "Руниверс"

ными образцами склоненій и спряженій, грамматика г. Карскаго, благодаря ея краткости—дѣйствительно хорошая книга" (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889 г., май: „Наша учебная литература)".

Е. Карскій.

Отвѣтъ профессору Е. Ѳ. Карскому.

Профессоръ Карскій, не признавъ нѣкоторыхъ замѣчаній въ моей рецензіи на его учебникъ древняго церковно-славянскаго языка „достаточно серьезными", нашелъ нужнымъ нѣсколько остановиться на нихъ *„въ видахъ чисто научныхъ и педагогическихъ"*. Мысль автора выяснить съ такою прекрасною цѣлью *„недостаточную серьезность"* нѣкоторыхъ моихъ замѣчаній заслуживаетъ, конечно, полнаго сочувствія, если только она выражается вполнѣ безпристрастно. Къ сожалѣнію, статья проф. Карскаго содержитъ въ себѣ много такого, что не имѣетъ ничего общаго съ „видами чисто научными и педагогическими" и преисполнена такими качествами, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ предположенной авторомъ прекрасной цѣли. Посмотримъ же, какой смыслъ имѣютъ „чисто научные и педагогическіе виды" проф. Карскаго.

Въ моей рецензіи сказано: „На стран. 6-й *и на другихъ* странно читать въ книгѣ, написанной профессоромъ, ученіе *о произношеніи* (не звуковъ) *а буквъ!* Такъ, на стран. 7-й въ § 4-мъ: *„буква ѣ* передающая" (а не обозначающая?) „въ настоящее время въ русскомъ *языкѣ*" (! — а не въ русской азбукѣ?) „звукъ тожественный съ *е*, въ древнее время *имѣла свое особое произношеніе*" (! — а не обозначала особый звукъ?), или далѣе: „Думаютъ, что ѣ *передавалъ* звукъ — *широкое е* (нѣмецкое *ä*, французское *è*) притомъ *довольно мягкое!*" (!). Языкъ— не пригодный для учебника, притомъ, мало ли что *думаютъ* о звукѣ *ѣ*;— въ учебникѣ это *„думаютъ"* — неумѣстно. Кажется, ясно, что это замѣчаніе направлено не противъ заглавія „произношеніе буквъ", стоящаго на 6-й страницѣ, а противъ того смысла, который придается ему самимъ ученіемъ о произношеніи буквъ, небрежно излагаемымъ въ учебникѣ. На это указываютъ, какъ мое выраженіе *„на стран. 6-й и на другихъ"* (то-есть, страницахъ), такъ и приведенныя мною мѣста изъ учебника проф. Карскаго, въ которыхъ ученіе о произно-

Библиотека "Руниверс"

шеніи буквъ изложено неудачно и небрежно. Какъ же возражаетъ противъ этого замѣчанія проф. Карскій? Онъ выписываетъ изъ него только то, что можетъ относиться къ заглавію и доказываетъ, что выраженіе „произношеніе буквъ" употребительно во многихъ ученыхъ сочиненіяхъ. „Прежде всего", говоритъ проф. Карскій, „меня довольно удивило слѣдующее замѣчаніе: „на стран. 6-й... странно читать въ книгѣ, написанной *профессоромъ*, ученіе о произношеніи (не звуковъ а) буквъ!" Конечно, съ логической точки зрѣнія точнѣе выразиться такъ: „произношеніе звуковъ, обозначаемыхъ церковно-славянскими буквами", или „звуки, соотвѣтствующіе буквамъ древней церковно-славянской азбуки" (это послѣднее выраженіе едва ли точнѣе выраженія „произношеніе буквъ!"). „Однако допущенное мною выраженіе вслѣдствіе своей краткости и полной примѣнимости къ языку мертвому, какимъ является древній церковно-славянскій, употребительнѣе всякихъ другихъ". Далѣе проф. Карскій ссылается на нѣкоторые ученые труды, въ которыхъ также говорится о произношеніи буквъ, между прочимъ и на мой „Очеркъ", и заканчиваетъ свое возраженіе слѣдующею, можно сказать, классическою по своей наивности выходкою противъ меня: „По всей вѣроятности, проф. Некрасовъ въ настоящее время (послѣ рецензіи на его книгу А. С. Будиловича, помѣщенной въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ* т. XXII за 1889 годъ стр. 145—164) отказался отъ многихъ положеній своего „Очерка"; *но все-таки слѣдуетъ принять въ расчетъ, что я употребилъ поразившее моего рецензента выраженіе еще въ 1888 году* (тогда вышло I изданіе моей грамматики) [1]), *будучи начинающимъ преподавателемъ гимназіи, тогда какъ проф. Некрасовъ, выпуская свой „Очеркъ" съ тѣмъ же выраженіемъ годомъ позже (въ 1889 году), былъ извѣстнымъ уже профессоромъ, ставшимъ вскорѣ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ" (!)*... Къ тѣмъ трудамъ, на которые указалъ проф. Карскій, можно было бы прибавить еще трудъ ученаго, стоящаго въ настоящее время во главѣ новой грамматической школы, именно: Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen проф. Лейпцигскаго университета Карла Бругмана. Въ первомъ изданіи этого труда 1886 года въ отдѣлѣ фонетики (Lautlehre) есть также нѣсколько параграфовъ подъ заглавіемъ: „Zur Aussprache der Buchstaben", которое во второмъ изданіи 1897 года замѣнено слѣдующимъ выраженіемъ: „Die schriftliche Darstellung der Laute bei den einzel-

[1]) Моя рецензія написана по поводу VI изданія 1898 года.

Библиотека "Руниверс"

nen idg. Völkern". Но мое замѣчаніе относится не къ выраженію заглавія, а къ ученію, которое излагается подъ этимъ заглавіемъ. Извѣстно, что ученіе о произношеніи буквъ можетъ быть двоякое: *правильное*, когда буквы признаются въ немъ лишь письменными знаками для звуковъ, и *неправильное*, когда буквы отожествляются въ немъ съ звуками. Въ первомъ случаѣ ученіе о произношеніи буквъ будетъ въ сущности ученіемъ о произношеніи звуковъ, или о звукахъ, такъ какъ въ немъ подъ буквою разумѣется лишь знакъ звука, который при различныхъ условіяхъ своего положенія въ словѣ можетъ произноситься различно; этимъ ученіемъ о произношеніи буквъ не уничтожается независимая отъ нихъ жизнь звуковъ въ языкѣ; напротивъ, во второмъ случаѣ, то-есть при отожествленіи буквъ со звуками, ученіе о произношеніи буквъ будетъ въ сущности именно только ученіемъ о произношеніи буквъ, а не звуковъ, такъ какъ оно даетъ основаніе думать, что въ языкѣ столько звуковъ, сколько буквъ въ азбукѣ, и звуки представляются какъ бы лишенными самостоятельной жизни въ языкѣ: отъ существованія буквы въ азбукѣ дѣлается заключеніе о существованіи звука въ языкѣ. Вотъ этотъ послѣдній характеръ проф. Карскій и сообщилъ ученію о произношеніи буквъ въ своей грамматикѣ, какъ показываетъ вышеприведенное изъ нея мѣсто въ моей рецензіи. Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе „*Буква ѣ*, передающая въ настоящее время въ русскомъ *языкѣ* звукъ тожественный съ *е*, въ древнее время *имѣла свое особое произношеніе*", едва ли можетъ быть понято ученикомъ правильнымъ образомъ. Ему можетъ быть извѣстно, что въ настоящее время звуки, слова, пѣніе передается по телефону, и что тотъ, кто передаетъ ихъ, самъ и произноситъ звуки, и говоритъ слова, и поетъ; слѣдовательно, если буква передаетъ звукъ, то въ головѣ у ученика можетъ возникнуть мысль, что она звучитъ сама и въ настоящее время передаетъ свой звукъ иначе, нежели передавала его въ древнее время, когда „*она имѣла свое особое произношеніе*". Понятно, что подобное изложеніе ученія о произношеніи буквъ въ учебникѣ не могло быть одобрено, такъ какъ въ вышеприведенномъ положеніи несомнѣнно буква отожествляется съ звукомъ, а на стр. 20 въ § 19 въ выраженіи, заканчивающемъ собою ученіе о переходѣ звука *з* въ *с* въ русскомъ языкѣ, „*измѣненія з въ с на письмѣ не бываетъ*", очевидно, звукъ отожествляется съ буквою. Такого рода выраженія, встрѣчающіяся въ учебникѣ, и заставили меня сдѣлать то замѣчаніе, которое „довольно удивило" проф. Карскаго.

Библиотека "Руниверс"

По поводу словъ проф. Карскаго (см. его Грамматику стр. 8, § 5 въ концѣ 3-го положенія): „Въ русскомъ языкѣ *подъ удареніемъ* они" (то-есть гласные ъ и ь) „замѣняются чистыми гласными о и е; иногда это бываетъ *и безъ ударенія: бра́тецъ, сладокъ*"; — въ рецензіи сказано: „Во-первыхъ, для ясности необходимо при русскихъ формахъ поставить древнія церковно-славянскія формы; во-вторыхъ, положеніе выражено крайне неопредѣленно: если въ русскомъ языкѣ древніе церковно-славянскія глухіе гласные ъ и ь замѣняются чистыми гласными о и е *и подъ удареніемъ и безъ ударенія*, то когда же именно происходитъ эта замѣна? Неизвѣстно. Но автору учебника должно быть извѣстно, что эта замѣна бываетъ тогда, когда открытый слогъ съ глухимъ гласнымъ въ словахъ древняго церковно-славянскаго языка становится слогомъ закрытымъ въ русскомъ языкѣ; напримѣръ, древне-церковно-славянское сла-дъ-къ, русское сла-док-(ъ)". На это замѣчаніе проф. Карскій возражаетъ: „Не говоря уже о томъ, что ученики IV класса въ началѣ курса не знаютъ, какіе слоги открытые и закрытые, такъ какъ рѣчь объ этомъ обыкновенно бываетъ въ словообразованіи, и само объясненіе, выставленное проф. Некрасовымъ, не отличается правильностью. Какъ, напримѣръ, держась его, можно объяснить появленіе чистыхъ гласныхъ въ такихъ русскихъ словахъ, какъ: мертвеца́ (мрьтвьца), чернеца́ (чрьньца), въ крови́ (въ крьви), крова́вый (крьвавъ), дрова́ (дрьва), сове́тъ (съвѣтъ), собо́ръ (съборъ), т. п.?" Но, во-первыхъ, кажется не трудно понять ученикамъ IV класса и въ началѣ курса, что *открытыми* называются слоги, оканчивающіеся гласными звуками, а *закрытыми* называются слоги, оканчивающіеся согласными звуками,—если еще объяснить имъ это на примѣрахъ; во-вторыхъ, объясненіе, „выставленное" мною, нисколько не теряетъ своего значенія относительно „правильности", если оно и не обнимаетъ собою всѣхъ явленій въ языкѣ: достаточно, если оно примѣнимо къ большинству изъ нихъ. Такъ, держась его, можно объяснить многіе изъ предложенныхъ проф. Карскимъ примѣровъ: *е* въ мертвеца́ отъ формы мертве́цъ, гдѣ подударный звукъ *е* изъ *ь* вслѣдствіе перехода древне-церковно-славянскаго *открытаго* слога -твь- (въ мрь-твь-ца), по исчезновеніи глухаго гласнаго ь въ концѣ слова (въ слогѣ -ць), образовался въ русскомъ языкѣ слогъ *закрытый -твец-* (въ мер-*твéц*-(ъ)). Точно также объясняется явленіе чистаго гласнаго *е* въ русской формѣ *чернеца́* отъ формы *чер-нéц*-(ъ) (древне-церковно-славянское чрь-нь-ць); чистый гласный звукъ *о* въ русской формѣ въ крови́ удерживается отъ формы *кровь*.

Библиотека "Руниверс"

вслѣдствіе перехода въ этой послѣдней древне-церковно-славянскаго *открытаго* слоги кръ- (въ кръ-вь—два слога), по исчезновеніи глухаго гласнаго ь въ концѣ слова, въ слогъ *закрытый кров-* (въ *кров-*(ь)). Форма *кровь* встрѣчается въ надписи на крестѣ 1161 г. (см. Лекціи по исторіи русскаго языка[2] (то-есть 2-е изданіе) проф. А. И. Соболевскаго 1891 г. стр. 58); отсюда и *кровавый*; въ формѣ *дрова́* гласный *о* изъ формы родительнаго падежа *дровъ* (то-есть, *дров-*(ъ)=древне-церковно-славянскому дръ-въ); о словахъ: *собо́ръ* и *совѣтъ* см. въ той же книгѣ стр. 50. Такимъ образомъ „правильность" „выставленнаго" мною объясненія скорѣе подтверждается, чѣмъ отрицается тѣми примѣрами, которые указаны проф. Карскимъ. Не обнимая собою всѣхъ явленій замѣны въ русскихъ словахъ древне-церковно-славянскихъ глухихъ ъ и ь чистыми гласными *о* и *е*, оно тѣмъ не менѣе даетъ возможность объяснить многія изъ нихъ и потому представляется болѣе полезнымъ въ учебникѣ, нежели то положеніе въ грамматикѣ проф. Карскаго, по поводу котораго оно высказано мною.

Проф. Карскій говоритъ: „По поводу замѣчанія въ § 11 грамматики относительно того, что „появленіе такихъ формъ, какъ то*бой*, сво*ей* изъ тобо*ю*, сво*ею*, мое*й* изъ мо*ея*, слѣдуетъ объяснять стремленіемъ языка къ краткимъ формамъ", то-есть дѣйствіемъ аналогіи большинства односложныхъ окончаній, — въ разборѣ помѣщено замѣчаніе такого рода, будто я вижу здѣсь сокращеніе звуковъ *ю* и *я* (я бы сказалъ слоговъ ju и ja), а не отпаденіе ихъ. Въ этомъ случаѣ *на меня взводится напраслина*, въ чемъ легко убѣдиться изъ *приведеннаго мѣста*". Однако, это „приведенное мѣсто" есть лишь конецъ, оторванный отъ цѣлаго параграфа, въ которомъ говорится именно *о сокращеніи* звуковъ; поэтому, если привести это мѣсто въ полной его обстановкѣ, то легко будетъ убѣдиться въ совершенно противномъ тому, что говоритъ проф. Карскій; а именно: въ томъ, что *никакой напраслины не взводится на нею* въ моей рецензіи относительно образованія формъ тобо*й* изъ тобо*ю*, сво*ей* изъ сво*ею* и пр. Вотъ что говорится на 12 страницѣ учебника проф. Карскаго въ 11 параграфѣ: „Совершенно отлично *отъ чередованія гласныхъ*, происходящаго въ корняхъ, особое измѣненіе ихъ, наблюдаемое въ русскомъ языкѣ, которое состоитъ *въ сокращеніи звуковъ*. Таково сокращеніе *и* въ *й*: не*й*детъ изъ не *и*детъ, добры*й* изъ добры*и*, дѣлаи изъ дѣлаи; *и* въ *ь* (это на письмѣ, а въ произношеніи j, или онъ (?) совершенно опускается съ сохраненіемъ однако мягкости согласнаго звука): пь*ю* изъ пі*ю*, копь*е* изъ коп*іе*, стань изъ

Библиотека "Руниверс"

стан*и*, оставь изъ остав*и*; *ы* въ *ъ* (на письмѣ; въ произношеніи *ы* совсѣмъ теряется): чтобъ изъ чтоб*ы*; *у* въ *в*: зав*т*ра изъ за*у*тра. *Также* и появленіе такихъ формъ, какъ тобо*й*, свое*й* изъ тобо*ю*, свое*ю*, мое*й* изъ мое*я*, жено*й* изъ жено*ю* слѣдуетъ объяснять стремленіемъ языка къ краткимъ формамъ: двусложныя окончанія, въ подражаніе другимъ, совершенно естественно замѣнились односложными". Прочитавъ этотъ параграфъ о *сокращеніи* звуковъ, какъ объ особомъ измѣненіи гласныхъ, чѣмъ чередованіе ихъ, каждый пойметъ, что образованіе формъ: тобо*й* изъ тобо*ю*, свое*й* изъ свое*ю*, мое*й* изъ мое*я* и пр. должно объясняться на основаніи всего сказаннаго въ § 11-мъ не иначе, какъ *сокращеніемъ* звуковъ, то-есть *такъ же*, какъ объясняются формы: не*й*детъ изъ не *и*детъ, оставь изъ остав*и*, чтобъ изъ чтоб*ы*; потому что объ всѣхъ этихъ формахъ, какъ о разнообразныхъ случаяхъ одного и того же рода, говорится въ одномъ и томъ же параграфѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если образованіе формъ: тобо*й*, свое*й*, мое*й* и проч. изъ тобо*ю*, свое*ю*, мое*я* и проч. слѣдуетъ объяснять стремленіемъ языка къ краткимъ формамъ, то тѣмъ же стремленіемъ языка слѣдуетъ объяснять и образованіе формъ: не*й*детъ, добры*й*, дѣла*й*, пью, оставь, стань, чтобъ и проч. изъ формъ: не *и*детъ, добры*и*, дѣла*и*, пі*ю*, став*и*, стан*и*, чтоб*ы* и друг. Какъ въ формахъ: тобо*й* изъ тобо*ю*, мое*й* изъ мое*я* и друг. „совершенно естественно" замѣнились двусложныя окончанія односложными, такъ и въ формахъ: добры*й* изъ добры*и*, дѣла*й* изъ дѣла*и*, копь*е* изъ копі*е* и друг. „совершенно естественно" замѣнились двусложныя окончанія односложными. Но, вопросъ въ томъ: какъ, какимъ способомъ происходитъ въ языкѣ эта замѣна? Какъ объяснить ее въ явленіяхъ, относящихся къ стремленію языка къ краткимъ формамъ? Въ данномъ параграфѣ проф. Карскій другаго способа, кромѣ *сокращенія* звуковъ, не предлагаетъ. Выраженія: „*въ подражаніе другимъ* (то-есть формамъ)", или „*дѣйствіемъ аналогіи большинства односложныхъ окончаній*" ровно ничего не объясняютъ. Вопросъ: какъ же образовались формы *тобой* изъ *тобою*, *моей* изъ *моея* и проч. „въ подражаніе другимъ", или „дѣйствіемъ аналогіи большинства односложныхъ окончаній", остается въ силѣ. Проф. Карскій ни въ своей грамматикѣ, ни въ своемъ возраженіи не даетъ въ сущности никакого другаго объясненія для образованія формъ тобо*й* изъ тобо*ю* и друг., кромѣ указаннаго имъ въ § 11-мъ *сокращенія* звуковъ. Мало того, онъ въ своемъ возраженіи говоритъ еще: „Я *преднамѣренно умалчиваю* о томъ, куда дѣвался конечный звукъ, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ формъ, напримѣръ, *моей*,

Библиотека "Руниверс"

при моѥѩ, древне-русской *моеѣ* съ удареніемъ на концѣ *рѣшительно невозможно утверждать*, чтобы здѣсь было фонетическое исчезновеніе конечнаго ударяемаго звука". Будто? А въ *нести*, и *несть*?.. И такъ, если рѣшительно невозможно утверждать, чтобы въ случаяхъ подобныхъ *моей* изъ мое*я*, древне-церковно-славянск. моѥѩ, древне-русск. *моеѣ* было фонетическое исчезновеніе конечнаго ударяемаго звука; то, очевидно, приходится волею или неволею объяснять формы подобныя мое*й* изъ мое*я*, за неимѣніемъ ничего другаго, *сокращеніемъ* звуковъ! Словомъ, какъ ни поверни, все выходитъ, что по грамматикѣ проф. Карскаго образованіе формъ съ односложными окончаніями изъ двусложныхъ можетъ быть объяснено, согласно съ § 11-мъ, только *сокращеніемъ* звуковъ. Послѣ всего этого, полагаю, нетрудно убѣдиться, что никакой напраслины на проф. Карскаго въ моей рецензіи нѣтъ, и обвинять меня въ сочиненіи этой напраслины проф. Карскій не имѣлъ никакого основанія.

Оставляя безъ отвѣта возраженіе проф. Карскаго на мое замѣчаніе, по поводу смягченія губныхъ согласныхъ, указывающее во-первыхъ, на небрежность языка въ приведенномъ мною изъ грамматики мѣстѣ, во-вторыхъ, на неясность того, что проф. Карскій разумѣетъ подъ *необычностью* сочетанія губныхъ согласныхъ съ j-томъ, я обращусь къ *другой напраслинѣ*, которую я сочинилъ на проф. Карскаго, или къ такому его возраженію на мою рецензію, которое ясно выражаетъ собою ту степень безпристрастія, до которой можетъ возвыситься проф. Карскій въ своихъ возраженіяхъ. Въ рецензіи сказано: „на стран. 19-й читаемъ: „Если звукамъ к и г предшествуетъ с и з, то ск и зг смягчаются не въ сц и зз, а въ ст и зд: дъксадъстѣ, дрѧзга (лѣсъ)—дрѧздѣ". Это невѣрно. Въ Остромировомъ евангеліи встрѣчаются формы съ звукосочетаніемъ сц изъ ск, напримѣръ: въ єрданьсцѣи рѣцѣ л. 254, в. Матв. III, 6; старьци людьсци л. 162 а. Матв. XXVI, 57; на синаисцѣи горѣ л. 262 а. Въ Зограф. ев. горѣ єлеоньсцѣ—Марк. XI. 1; єлеонсцѣ—Марк. XIII, 3; старьци людьсцні—Матв. XXVII, 1; Лук. XXII, 66. Въ Маріинск. ев. горѣ єлеоньсцѣ—Матв. XXI, 1; Марк. XI, 1; Матв. XXIV, 3 и друг. Извѣстно, что ск измѣняется въ сц, потомъ въ ст; а звукосочетаніе зг измѣняется въ зз (а не въ зз) то-есть въ зд̂з потомъ въ зд". Очевидно, промахъ указанъ несомнѣнный, и каждый поспѣшилъ бы сознаться въ немъ и исправить его въ своей книгѣ при первомъ удобномъ случаѣ. А какъ же поступаетъ проф. Карскій? Онъ признаетъ свое положе-

Библиотека "Руниверс"

ніе, что ск не смягчается въ сц, *вѣрнымъ*, и еще обвиняетъ меня въ новой напраслинѣ! „*Совершенно напрасно* признано невѣрнымъ", говоритъ проф. Карскій, — „мое замѣчаніе о томъ, что если звукамъ к и г предшествуютъ с и з, то ск и зг смягчаются *не въ* сц *и* зз, а въ ст и зд". Тутъ неточность лишь въ томъ, что вмѣсто зз слѣдовало бы написать зѕ, *но вѣдь, какъ и въ другихъ случаяхъ, рѣчь идетъ о языкѣ Остромирова евангелія*, которое „Учебными планами" положено въ основу преподаванія древняго церковно-славянскаго языка; *а въ Остромировомъ евангеліи* ѕ *въ роли показателя звука не встрѣчается*". При чтеніи этого невольно возникаетъ въ умѣ вопросъ: для кого и для чего пишетъ это проф. Карскій? Во-первыхъ, развѣ въ заглавіи его книги значится „грамматика языка Остромирова евангелія", а не „грамматика древняго церковно-славянскаго языка", да еще „сравнительно съ русскимъ?" и, во-вторыхъ, развѣ ему неизвѣстно, что того ѕ, о которомъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ (то-есть въ звукосочетаніи зѕ изъ зг передъ и и ѣ), нѣтъ не только въ Остромировомъ евангеліи, но что до сихъ поръ онъ не указанъ и въ другихъ памятникахъ древней церковно-славянской письменности, за исключеніемъ развѣ формы дрѧзѕѣ (dręzdzê), указанной Миклошичемъ въ Супральской рукописи (см. „Lautlehre". Wien. 1878, s. 289)? При чемъ же тутъ Остромирово евангеліе? Но дальше еще лучше. Проф. Карскій продолжаетъ: „Далѣе изъ того, что въ памятникахъ *встрѣчаются формы и съ* сц" (ему неизвѣстно, что есть памятники, которые кромѣ сц не знаютъ другаго звукосочетанія изъ ск передъ гласными узкими и и ѣ!), „которыя несомнѣнно являются переходными къ ст, не слѣдуетъ, чтобы эти образованія считались *типичными* (!): *въ большинствѣ случаевъ памятники знаютъ въ окончаніяхъ словъ* ст." (!!) „Въ томъ же мѣстѣ, откуда взяты приведенныя проф. Некрасовымъ слова изъ Остромирова евангелія съ сц, находимъ и списокъ словъ съ ст, сопровождаемый при этомъ замѣчаніемъ: „какъ видимъ, Остромирово евангеліе даетъ предпочтеніе сочетанію ст". (*Козловскій*, Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова евангелія, 53). Очевидно, проф. Карскій изложилъ дѣло такъ, что какъ будто бы г. Козловскій своимъ „Изслѣдованіемъ о языкѣ Остромирова евангелія" подтверждаетъ его положеніе, что „въ большинствѣ случаевъ памятники знаютъ въ окончаніяхъ словъ ст". Но г. Козловскій не говоритъ ничего подобнаго въ своемъ „Изслѣдованіи". Напротивъ того, онъ говоритъ, что въ однихъ памятникахъ

Библиотека "Руниверс"

преобладаетъ звукосочетаніе сц, въ другихъ ст, а „Остромирово евангеліе заключаетъ въ себѣ оба сказанные вида". Вотъ его слова: „Сочетаніе ск при смягченіи, большею частью передъ гласными и и ѣ, въ однихъ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ глаголическихъ, такъ и кирилловскихъ, *обыкновенно переходитъ въ* сц, по такому же закону, какой вообще существуетъ въ славянскомъ языкѣ для гортанныхъ звуковъ к, χ, г, переходящихъ въ ц, с, з (s), и строго соблюдается всѣми древними памятниками. Въ данномъ случаѣ только *Саввина книга вездѣ сохранила* сц, въ *Зографскомъ можно указать на два-три примѣра отступленія.* Отступленія эти заключаются въ другомъ видѣ смягченія ск, именно въ ст. И тутъ есть памятники, которые употребляютъ исключительно только ст, къ каковымъ памятникамъ относятся Супрасльская рукопись и Ассеманово евангеліе. *Остромирово евангеліе заключаетъ въ себѣ оба сказанные вида смягченія.* Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ примѣровъ, имѣющихся въ нашемъ памятникѣ" (Изслѣдованія о языкѣ Остромирова евангелія 1885, стр. 52). Выписавъ слова съ сц (12 словъ) и съ ст (14 словъ), г. Козловскій говоритъ: „какъ видимъ, Остромирово евангеніе даетъ предпочтеніе сочетанію ст, *хотя это предпочтеніе и весьма незначительное, именно примѣровъ съ* сц — 12, *съ* ст — 14" (ibid., стр. 53). Понятно, что г. Козловскій сдѣлалъ это замѣчаніе о предпочтеніи въ Остромировомъ евангеліи звукосочетанія ст звукосочетанію сц только въ качествѣ оговорки по чувству добросовѣстности ученаго, желающаго быть точнымъ въ своихъ положеніяхъ. Но какъ бы то ни было, ясно, что проф. Карскій не могъ свое ложное положеніе подкрѣплять ссылкою на примѣчаніе г. Козловскаго, не искажая его смысла; притомъ изъ вышеприведенныхъ словъ г. Козловскаго видно, что въ его трудѣ случаи смягченія ск передъ и и ѣ въ сц считаются *обыкновенными* и вполнѣ законными, случаи же смягченія ск въ ст относятся *къ отступленіямъ*,—что также противорѣчитъ слѣдующимъ словамъ проф. Карскаго: „изъ того, что въ памятникахъ встрѣчаются *формы и съ* сц, которыя несомнѣнно являются переходными къ ст, не слѣдуетъ, чтобы эти образованія считались *типичными*" (!). И что такое *типичныя образованія?* — Въ довершеніе всего проф. Карскій ссылается даже на мою книгу „Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка" 1889 г. и увѣряетъ, что въ ней онъ читаетъ то же,

Библиотека "Руниверс"

что сказано и въ его грамматикѣ, то-есть что „ск *не смягчается въ* сц“! Онъ говоритъ: „Да, наконецъ, то же, что у меня, читаемъ и въ „Очеркѣ“ проф. Некрасова: зг передъ и (вм. ѣ=основн. a_2i, ai) и передъ ѣ (=основн. āi) измѣняется въ зд, а звукосочетаніе ск въ ст“, (стр. 73). Нужно знать, что проф. Карскій для оправданія своихъ словъ, ссылаясь на труды другихъ, имѣетъ обыкновеніе, какъ это можно было замѣтить изъ всего предыдущаго, выписывать только то, что подходитъ къ его словамъ, и отбрасывать все то, что имъ противорѣчитъ; обыкновенно онъ выписываетъ однѣ, такъ сказать, *верхнія* строчки, не обращая вниманія на тотъ смыслъ, который онѣ имѣютъ въ связи со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ. Вотъ то мѣсто моей книги, на которое ссылается проф. Карскій: „зг передъ и (вм. ѣ=осн. a_2i, ai) и передъ ѣ (=āi) измѣняется въ зд, а звукосочетаніе ск въ ст; ходъ измѣненія слѣдующій: зг—*зд͡з (или зѕ)—*ззд—зд; ск—*сс͡с (или сц)—*сст—ст. Такъ отъ дрѧзга ὕλη, silva дат. и мѣстн. падежи дрѧздѣ чрезъ форму *дрѧзздѣ изъ формы дрѧзд̂зѣ или дрѧзѕѣ; отъ елеоньскъ: на горѣ елеоньстѣ чрезъ форму *елеоньсстѣ изъ формы: елеоньсцѣ или елеоньсс͡сѣ; въ Мар. еванг. даже: елеоньстцѣи Лук. XIX, 73; кънѧзи людьстии и людьсции, то есть *людьсс͡сии и т. п.“ Кажется, ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что конечными измѣненіями звукосочетаній зг и ск являются звукосочетанія зд и ст, для чего и указывается самый ходъ измѣненій зг въ зд и ск въ ст; а вовсе не о томъ, что звукосочетаніе „ск смягчается не въ сц, а въ ст“, что говорится въ грамматикѣ проф. Карскаго. Напротивъ, въ вышеприведенномъ мѣстѣ моей книги указаны даже примѣры перехода ск въ сц, за которымъ слѣдуетъ конечный переходъ ск въ ст. Слѣдовательно, смыслъ словъ, выписанныхъ изъ моей книги проф. Карскимъ, — вовсе не тотъ, который онъ имъ придаетъ. Но откуда проф. Карскій могъ заимствовать положеніе, что „ск *смягчается не въ* сц, *а* въ ст“?—Въ сравнит. грамматикѣ Миклошича, въ его Lautlehre[3]. Wien. 1878, стр. 284, 286 и 289, проф. Карскій могъ бы прочесть слѣдующее о смягченіи зг и ск передъ гласными и и ѣ: *skê, zgê* wird in *stê, zdê* verwandelt: *eleonьstê, drężdê* formen, neben denen auch die älteren *eleonьscê, drężdzê*, (стр. 284). „A. *Ski* wird nicht nur *sci* sondern auch *sti*: farisejsci ljudьscii ninevьgitьscii *zogr.* zemъctii im jüngeren teile derselben quelle. poganьscii *cloz.* 1.843. ijudejstii *assem.* nebesьscêj *glag. kiov.* 533.

Библиотека "Руниверс"

koprъsti i kjurinejsti *slêpí*. kiprьscü i kizinějscir *šiš*. *act*. 11, 20 (стран. 286).—*Zgê* geht in zdzê, zdê über: dręzdzê *supr*. 9, 6, dręzdê *lam*. 1, 98. izv. 454" (стран. 289). — У Лескина въ его "Handbuch der Altbulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache². Weimar. 1886, стр. 46, слѣдующее".

b) *sk* } vor и ѣ (=oi, ai), oder+j { *sc*=sts, daraus *st*
zg } { *zdz*, daraus *zd*.

z. B. zu дъска Brett loc. sq. дъстѣ (z. B. Supr. 75, 21) aus *dъscê*, zu чловѣчьскъ menschlich loc. sg. msc. чловѣчьстѣ n. pl. чловѣчьсти aus — *scê*, — *sci*; zü дрѫзга Wald loc. sg. дрѫздѣ Supr. 9, 6, aus *dręzdzê*. Neben *st* kann *sc* erhalten bleiben und die Denkmäler sind darin verschieden: Supr. hat consequent *st* (vereinzelte Ausnahme ѯоумиганьсцѣ 12, 12), Savaev. consequent *sc*, ebenso Cloz. Euch., in den anderen (Zogr. Mar. Psat.) kommen beide Formen vor; z B loc. sg. der Adj. auf—скъ, als—ьсцѣ und — ьстѣ, nom. pl. m. als — ьсци und—ьсти". У проф. А. И. Соболевскаго въ его книгѣ: „Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. Москва, 1891, стр. 113,—слѣдующее: „Группа ск перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *сц* (съ мягкими *с* и *ц*), откуда, съ одной стороны, черезъ переходъ *ц* въ мягкое *т*,—обще-славянское мягкое *ст*, съ другой—обще-славянское мягкое *сц*: церковно-славянское и древне-русское *стѣ*нь (вѣроятно, изъ скѣнь; сравн. σκιά); дъстѣ и дъ*сц*ѣ (отъ дъска); людь*сти* и людь*сци* (отъ людьскъ, им. мн.). Большая часть церковно-славянскихъ памятниковъ имѣетъ въ окончаніяхъ падежныхъ формъ (не въ корняхъ) и *ст*, и *сц*; меньшая только *сц* (Савв. Ев., Син. Тр., Кл. Сб.)".—„Группа зг перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *здз* (*з* и *д* мягкія), откуда съ одной стороны обще-славянское *зд* (*з* и *д* мягкія): церковно-славянская дрѫздѣ (дат.—мѣстн. отъ дрѫзга, Супр. р. 9),—съ другой обще-славянскаго дрѫзѕѣ, древне-русскаго дрѫзѣ. Форма съ зѕ не засвидѣтельствована памятниками".—Нигдѣ не говорится, что „ск передъ и и ѣ смягчается не въ сц, а въ ст".(!) Вѣроятно, проф. Карскій, когда сочинялъ свою грамматику древняго церковно-славянскаго языка въ 1888 году, не читалъ ни сравнительной грамматики Миклошича, ни руководства древне-болгарскаго языка Лескина! Но чѣмъ руководился онъ, когда выпускалъ VI изданіе своей грамматики уже въ 1898г., не пересмотрѣвъ, все ли въ ней обстоитъ благополучно? И чѣмъ, наконецъ, руководился онъ въ своихъ возраженіяхъ на мою рецензію, рѣшаясь доказывать, что

Библиотека "Руниверс"

я „*совершенно напрасно*“ призналъ *невѣрнымъ* его положеніе въ грамматикѣ, что „ск передъ и и ѣ смягчается не въ сц, а въ ст“?

Но пойдемъ дальше. Проф. Карскій говоритъ: „Положеніе, что „передъ шипящими свистящіе переходятъ въ шипящіе и наоборотъ“, *подтвержденное примѣрами изъ древне-церковно-славянскаго языка* и русскаго, вызвало цѣлую страницу замѣчаній“. Опять невѣрно! Вотъ положеніе проф. Карскаго въ полномъ видѣ, какъ оно изложено на 21 страницѣ его грамматики въ § 19 подъ буквою В: „Въ русскомъ языкѣ въ произношеніи, а въ староцерковномъ *иногда и на письмѣ*, соблюдается слѣдующій законъ: *передъ шипящими свистящіе переходятъ въ шипящіе и наоборотъ;* при чемъ *два одинаковые звука сливаются въ одинъ*. Такимъ образомъ изъ безчисльнъ имѣемъ бешчисльнъ“ (ошибочно, вм. бештисльнъ), изъ „исшьдъ—ишьдъ (при чемъ переходною ступенью было ишшьдъ), исчєхъ—ищєхъ; тоже видимъ въ русскомъ произношеніи: проишшествіе (пишется происшествіе), бежжалостный (пишется безжалостный); *несесся* (пишется *несешься*) и т. п.“ Гдѣ же здѣсь примѣры изъ древняго церковно-славянскаго языка, подтверждающіе *переходъ передъ свистящими шипящихъ въ свистящіе*? Указанъ одинъ примѣръ изъ русскаго языка *несесся*, но и то не вполнѣ согласно съ вышеизложеннымъ закономъ, по которому „*два одинаковые звука сливаются въ одинъ*“, слѣдовательно должна быть форма *несеся*, а не *несесся*! (Проф. Брандтъ пишетъ ѝсо с̄с̄а (Лекціи по историч. грам. рус. языка 1892, стр. 135) съ твердымъ *с*). Проф. Карскій напрасно ссылается и на „Русское правописаніе“ академика Я. К. Грота, и на „Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка“ проф. Р. О. Брандта, и на „Лекціи по исторіи русскаго языка“ профессора А. И. Соболевскаго, и на его книгу: „Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика“ въ доказательство того, что переходъ передъ свистящими шипящихъ въ свистящіе есть *законъ* и притомъ „законъ не новый и тѣмъ болѣе необусловливаемый физіологическими особенностями произношенія отдѣльныхъ лицъ“. Никто изъ поименованныхъ имъ ученыхъ не говоритъ о „*законѣ измѣненія передъ свистящими шипящихъ въ свистящіе*“. Миклошичъ въ „Уподобленіи“ согласныхъ говоритъ лишь: „*c) ein* c—*laut geht vor einem* č—*laut in den letzteren über*: besteda *beruht auf* beštšęda *und dieses auf* bezčęda seite 284 (то-есть свистящій звукъ передъ шипящимъ переходитъ въ шипящій: бештѧда основывается на бештшѧда, а эта форма на безчѧда стран. 284) (Lautlehre³ Wien. 1878 г. стран. 295. А.

Библиотека "Руниверс"

Assimilation). А на 284 страницѣ читаемъ: „зč, зž *ergibt* št. žd: beštьsti, iždeną; *neben* beštьsti *findet man* bečьsti. *Dabei ist das etwas seltene* št *aus* sš *nicht zu vergessen*: išьdъ *neben* išьdъ *qui exiit*. зс *wird* st: istêliti: *daneben besteht ausser* iscêliti *auch* icêlitі und *isêliti*" (то-есть зч, зж даетъ шт, жд: бештьсти, иждена; при бештьсти встрѣчается бечьсти. Притомъ нельзя не упомянуть о рѣдко встрѣчающемся шт изъ сш (ошибочно, вм. зш): иштьдъ при ишьдъ— изшедшій. зц въ ст: истѣлити; при которой кромѣ исцѣлити встрѣчается также ицѣлити и исѣлити"). Объ *обратномъ уподобленіи*. то-есть объ уподобленіи передъ свистящими шипящихъ свистящимъ въ сравнительной грамматикѣ Миклошича не говорится ни слова. Въ ней говорится лишь, что звукосочетаніе шьс переходитъ въ с: послоусто вм. послоушьство (Срезн. древ. слав. пам. юсов. письма 317), а также, что ждьс измѣняется въ з: роздво. древнее церковно-славянское рождьство при формѣ розьство, которая, вѣроятно, произносилась *роство* (стр. 292). Точно также въ руководствѣ Лескина на стр. 50 въ § 35 говорится лишь объ уподобленіи звука *з* предлоговъ въз, без, из, раз передъ шипящими этимъ послѣднимъ; но объ обратномъ уподобленіи нѣтъ и помину. Да въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ и нѣтъ такихъ звукосочетаній, въ которыхъ бы за звуками ж, ч, ш, щ непосредственно слѣдовали звуки з, с, ц, слѣдовательно, объ уподобленіи первыхъ послѣднимъ и рѣчи быть не можетъ. Форма бѣство, встрѣчающаяся въ Остромировомъ, Зограф., Мар., Савв. евв. (вм. бѣжьсто) можетъ быть объясняема опущеніемъ согласнаго г до образованія слога жь, на что указываетъ рѣдкая форма бѣйство (Миклошича Lautlehre [3], 244) изъ бѣ+ьство съ опущеніемъ г; начертаніе бѣсство въ Ассем. ев. указываетъ, можетъ быть, на долготу звука с въ замѣнъ опущенія согласнаго г. Подобнымъ же образомъ можетъ быть объясняема и форма послоусто (вм. послоушьство), то-есть опущеніемъ звука χ до образованія слога шь. Проф. Соболевскій говоритъ: „Согласные, нѣкогда отдѣленные другъ отъ друга глухими, послѣ исчезновенія этихъ послѣднихъ соприкоснулись и оказали взаимное воздѣйствіе. Результатомъ его было прежде всего ихъ отвердѣніе и смягченіе... Сверхъ того, мы видимъ въ памятникахъ *небольшое количество случаевъ полнаго измѣненія согласныхъ, а иногда также и опущенія*. Это—бѣство Зогр. 71, Мар. 88, 169 и др., бѣсство Асс. 99, изъ бѣжьство, розьство Кл. Сб. 23. Мар.

Библиотека "Руниверс"

Ев. 48, изъ *рождьство* и пр.". (Древній церковно-славянскій языкъ Фонетика. Москва. 1891, стр. 145). Словомъ, возводить весьма рѣдко встрѣчающуюся въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской письменности замѣну звукосочетаній жьс, шьс звукомъ с въ законъ перехода въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ передъ свистящими шипящихъ звуковъ въ свистящіе не дозволяетъ уже сосуществованіе въ огромномъ большинствѣ случаевъ самихъ звукосочетаній жьс, шьс, въ которыхъ глухой гласный ь, раздѣляющій собою шипящіе звуки отъ свистящаго с, сохранялъ свою гласность. Что же касается до русскаго языка, то и въ немъ замѣна шипящаго звука свистящимъ передъ свистящимъ представляется лишь возможною въ русскихъ говорахъ, но не обязательнымъ закономъ русскаго языка во всѣхъ случаяхъ. Вотъ что говоритъ проф. Брандтъ въ своихъ „Лекціяхъ по исторической грамматикѣ русскаго языка" (Москва. 1892 г., стр. 134—135): „Случаи, гдѣ бы приходились *шипящіе передъ свистящими*, рѣдки. Это бываетъ во 2 л. ед. ч. возвратныхъ глаголовъ, гдѣ *шс* является въ видѣ усиленнаго средняго *с*: стримисса, нисосса. При чисто звуковомъ развитіи окончаніе ши или *шь+сѧ должно быть дало бы шса и далѣе сса съ мягкимъ *с*, но здѣсь могло повліять отвердѣніе *с* послѣ *т* въ инфинитивѣ и въ третьеличьяхъ. Еще мы встрѣчаемъ такія сочетанія въ прилагательныхъ на *ской*, напримѣръ *волгискій*, *пражскій*, *мужской*, *петербургскій* (если въ послѣднемъ словѣ пишутъ *ѵ*, то это только невѣрное правописаніе, срв. *петербуржецъ*)—здѣсь *шс* и *жс*, *передъ твердымъ согласнымъ переходятъ въ простой и твердый с*. Ч, сливаясь со слѣдующимъ *с*, даетъ *ц*, что бываетъ у тѣхъ же прилагательныхъ на *ской*, напримѣръ, мъладатскъй, *игратскъй, мъскватскъй = *младьчьскъи, *игрьчьскъи, *москворѣчьскъи; таково же *народное* купатскъи при *литературномъ* купетшьскъи. Для оправданія двоякости окончанія атскъи и етшьскъй можно сослаться на то, что ь между ч и с не всегда долженъ былъ онѣмѣть, а именно подлежалъ проясненію въ безчленной формѣ муж. р. коупьчьскъ, что дало *купеческ* и въ именахъ на *ство*—*коупьчьство, откуда *купечество*". Изъ этихъ словъ видно, во-первыхъ, что *шь+сѧ при чисто звуковомъ развитіи сначала дало бы шса, потомъ сса и наконецъ сса, то-есть возможно произношеніе нисошса и нисосса и нисосса, что дѣйствительно и замѣчается въ произношеніи окончанія 2-го л. ед. ч. *шься* разными ли-

Библиотека "Руниверс"

цами; во-вторыхъ, что звукосочетанія *жс* и *шс* въ прилагательныхъ на *ской* только передъ твердымъ согласнымъ *к* переходятъ въ простой и твердый *с*, какъ, напримѣръ, форма *мужскóй* слышится въ произношеніи *мускóй*; но въ произношеніи формъ *волóшскій*, *пражскій*, съ мягкимъ согласнымъ *к*, звукосочетанія *жс* и *шс* не переходятъ въ простой и твердый *с*. Проф. А. И. Соболевскій въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка" (стр. 100—101) говоритъ, что „одни говоры великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій на мѣстѣ древнихъ *жъс*, *шьс* имѣютъ обыкновенно одно мягкое или твердое *с* (сѣверно-великорусскій риськой и т. п.), другіе—двойное твердое *с* (московскій говоръ: рисскый)". Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что и въ русскомъ языкѣ случаи замѣны звукосочетаній *жс* и *шс* звукомъ *с*, не будучи одинаковыми во всѣхъ говорахъ и общеобязательными при всѣхъ условіяхъ своего положенія въ словѣ, также не могутъ быть возведены на степень закона. Притомъ, такъ какъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ изъ всѣхъ свистящихъ звуковъ только за однимъ звукомъ ʒ въ предлогахъ и приставкахъ бєʒ, вѫʒ, иʒ, рѧʒ, утратившихъ въ концѣ глухой гласный ъ, могутъ непосредственно слѣдовать шипящіе звуки ж, ч, ш, которыми могутъ начинаться слова; то въ грамматикѣ древняго церковно-славянскаго языка и можно говорить объ измѣненіяхъ одного только свистящаго звука ʒ передъ шипящими ж, ч, ш въ звукосочетаніяхъ ʒж, ʒч, ʒш, представляемыхъ указаннымъ опредѣленнымъ случаемъ. Случаевъ, же, въ которыхъ бы, наоборотъ, за шипящими согласными *ж*, *ч*, *ш* непосредственно слѣдовалъ (не только) свистящій ʒ (но и звукъ *с*), въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ нѣтъ. Слѣдовательно, и закона измѣненія передъ свистящими шипящихъ звуковъ въ свистящіе для древняго церковно-славянскаго языка не существуетъ. Въ русскомъ языкѣ видимъ иное: въ немъ не только за свистящими *з* и *с* могутъ непосредственно слѣдовать шипящіе ж, ч, ш, но и за шипящими *ж* и *ш* можетъ непосредственно слѣдовать, впрочемъ, одинъ только свистящій звукъ *с* (въ древнихъ звукосочетаніяхъ *жъс* и *шьс*); другими словами, въ русскомъ языкѣ возможны звукосочетанія: зж, зч, зш; сж, сч, сш, и звукосочетанія *жс*, *шс*. Но какъ бы то ни было, и въ русскомъ языкѣ, какъ видно, возможными являются непосредственныя сочетанія не всѣхъ согласныхъ свистящихъ со всѣми шипящими и наоборотъ, не всѣхъ шипящихъ со всѣми свистящими. Принимая все это въ соображеніе, я нахожу, что положеніе проф. Карскаго, изложенное на 21-й страницѣ

Библиотека "Руниверс"

его грамматики въ § 19 подъ буквою В и выписанное мною выше, не можетъ быть признано пригоднымъ для учебника. Оно выражено въ такой общей, неопредѣленной формѣ, что въ немъ сглаживаются всѣ особенности, которыми отличается древній церковно-славянскій языкъ отъ русскаго въ сочетаніи свистящихъ согласныхъ звуковъ съ шипящими въ прямомъ и обратномъ отношеніи ихъ между собою. Мое замѣчаніе объ этомъ положеніи грамматики проф. Карскаго относится къ числу тѣхъ, о которыхъ я сказалъ въ началѣ своей рецензіи слѣдующее: „Нѣкоторыя замѣчанія вызваны преимущественно тѣмъ, что разсматриваемая книга есть руководство, предназначаемое для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; а въ руководствѣ, какъ извѣстно, все должно быть опредѣленно, ясно, точно и вѣрно относительно фактическихъ данныхъ".

Въ рецензіи сказано: „На стр. 23-й неизвѣстно, по какой причинѣ § 22-й начинается союзомъ „наконецъ":" „§ 22. *Наконецъ* въ русскомъ языкѣ бываетъ *отпаденіе согласныхъ* на концѣ словъ и проч.". А это *отпаденіе согласныхъ* ограничивается лишь отпаденіемъ одного звука *л* послѣ другихъ согласныхъ въ причастіяхъ муж. рода, напримѣръ: *могъ* вм. *моглъ*, *несъ* вм. *неслъ* и т. п.". Очевидно, это замѣчаніе указываетъ съ одной стороны неумѣстность союза „наконецъ" въ началѣ новаго параграфа; съ другой, на неумѣстность формы множественнаго числа „согласныхъ", когда имѣлось въ виду говорить объ отпаденіи только одного согласнаго *л*. Словомъ, оно направлено противъ неудачной редакціи параграфа. А проф. Карскій возражаетъ: „отпаденіе согласныхъ въ русскомъ языкѣ далеко не ограничивается однимъ *л* въ причастіяхъ муж. рода, въ родѣ *могъ*. Не говоря уже о чисто народныхъ словахъ, въ которыхъ нерѣдкость образованія, какъ *кась* вм. казнь, жись вм. жизнь, гось вм. гость, могу сослаться еще на очень обычное произношеніе многихъ лицъ: кора́пь вм. корабль, рупь вм. рубль и под. Въ элементарномъ учебникѣ я естественно ограничился лишь ссылкой на причастіе на—*лъ*, такъ какъ это послѣднее отпаденіе обозначается и въ нашей орѳографіи" Прекрасно! Никто и не обвиняетъ проф. Карскаго въ томъ, что онъ ограничился ссылкой на одно только отпаденіе согласнаго *л*, а указываютъ на неумѣстность союза „наконецъ" въ началѣ параграфа и на неумѣстность формы множественнаго числа „согласныхъ" вм. формы единственнаго числа „согласнаго *л*". Если же проф. Карскому желательно было сдѣлать намекъ на то, что въ русскомъ языкѣ въ концѣ словъ могутъ отпадать многіе согласные послѣ согласныхъ, и несмотря на это

Библиотека "Руниверс"

все-таки ограничиться указаніемъ лишь на отпаденіе одного согласнаго *л* для примѣра; то слѣдовало бы хоть въ концѣ параграфа между словами: „это бываетъ въ причастіи прош. вр. и т. д.“ вставить выраженіе „напримѣръ“, сказавши такимъ образомъ: „это бываетъ, напримѣръ, въ причастіи прош. вр. и пр.“.

Проф. Карскій прекрасно сдѣлалъ, что въ своей сравнительной грамматикѣ древняго церковно-славянскаго языка съ русскимъ коснулся вопроса о русскомъ полногласіи, „хотя въ „учебныхъ планахъ“ онъ и опущенъ“; но далеко непрекрасно то, что проф. Карскій, коснувшись вопроса о томъ, когда возможно полногласіе въ русскомъ языкѣ, предложилъ въ учебникѣ два объясненія, непосредственно слѣдующія одно за другимъ и другъ друга опровергающія. Вмѣсто этихъ двухъ взаимно другъ друга уничтожающихъ положеній, лучше было бы предложить въ учебникѣ одно, дѣйствительно объясняющее, когда возможно въ русскомъ языкѣ полногласіе и когда невозможно, сказавъ, напримѣръ, такъ: „Древне-церковно-славянскимъ слогомъ ра, ла, рѣ, лѣ въ корняхъ между согласными соотвѣтствуютъ въ рускомъ языкѣ звукосочетанія *оро*, *ере*, *оло* въ корняхъ же тѣхъ же словъ въ томъ случаѣ, если въ соотвѣтствующихъ имъ корняхъ словъ родственныхъ индоевропейскихъ языковъ гласный звукъ предшествуетъ звукамъ r, l между согласными; въ противномъ случаѣ, то-есть, если гласный звукъ корня слѣдуетъ за согласнымъ *r*, *l*, то въ русскомъ языкѣ получаются такія же формы неполногласныя, какія въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ; напримѣръ, латинское barb-a, нѣмецкое bart, древне-церковно-славянское брад-а, русское бород-а, нѣмецкій корень *berg* въ словѣ *Berg*, глаголѣ *bergen*, древне-церковно-славянскія фф. брѣг-ъ, брѣг-ѫ и пр. русскія, (фф.) *берег-ъ* *берег-ѹ* и пр.; латинское frat-er, древне-церковно-славянское брат-ъ, русское *брат-ъ*; греческое ἕλκω (ϝέλκω), древне-церковно-славянское влѣк-ѫ, русское *волок-у* и др.“. Проф. Карскій говоритъ: „я не нашелъ возможнымъ *подробно останавливаться* на вопросѣ: „когда же именно въ русскомъ языкѣ возможно полногласіе и когда невозможно“, ограничиваясь лишь констатированіемъ фактовъ, *такъ какъ и преподавателямъ гимназіи эти условія несомнѣнно всѣмъ извѣстны*, а ученикамъ *низшихъ* классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, безъ привлеченія примѣровъ изъ родственныхъ языковъ (хотя бы только латинскаго, греческаго, литовскаго, нѣмецкаго), объяснять ихъ и невозможно; а вѣдь самъ же проф. Некрасовъ ставитъ мнѣ въ вину сопоставленіе

Библиотека "Руниверс"

русскихъ и церковно-славянскихъ звуковъ съ родственными (стр. 441)". Во 1-хъ), *останавливаться подробно* на вопросѣ: когда же именно въ русскомъ языкѣ возможно полногласіе и когда невозможно, нѣтъ никакой надобности: никто этого и не требуетъ; во 2-хъ, невѣрно, что проф. Карскій нашелъ нужнымъ будто бы ограничиться только констатированіемъ фактовъ: каждый можетъ прочесть на 24 страницѣ его грамматики вслѣдъ за фактами, или за примѣрами слѣдующія объясненія: „Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, *полногласныя формы возможны лишь въ томъ случаѣ*, когда слогамъ ра-ла, рѣ-лѣ предшествуетъ согласный звукъ; въ противномъ случаѣ полногласія не бываетъ: *радость, рѣка; ласкать, лѣнивый*".—„*Не всегда однако бываютъ полногласныя формы*, если и предшествуетъ указаннымъ слогамъ согласный звукъ; достаточно отмѣтить такія формы, какъ *братъ, кладъ, грѣхъ, хлѣбъ*, которыя свойственны и русскому и церковно-славянскому языкамъ". Спрашивается: развѣ этими положеніями проф. Карскій не желалъ объяснить, когда возможны и невозможны полногласныя формы въ русскомъ языкѣ? Но очевидно, что онъ не могъ только привести своего желанія въ исполненіе надлежащимъ образомъ. Въ 3-хъ, IV классъ гимназіи, въ которомъ проходится грамматика древняго церковно-славянскаго языка, принадлежитъ не къ низшимъ, а къ среднимъ классамъ, и такъ какъ въ немъ ученики знакомы со многими словами греческаго и латинскаго языковъ, то объяснить имъ на примѣрахъ, когда возможны и невозможны полногласныя формы въ русскомъ языкѣ посредствомъ сравненія или сопоставленія древне-церковно-славянскихъ и русскихъ словъ съ соотвѣтствующими имъ греческими и латинскими—дѣло, не представляющее въ сущности никакихъ затрудненій. Въ 4-хъ, невѣрно, что будто бы я ставлю въ вину проф. Карскому сопоставленіе русскихъ и церковно-славянскихъ звуковъ съ родственными. На стран. 441 моей рецензіи сказано: „На стран. 9-й § 6 оканчивается слѣдующимъ вопросомъ:" „Изъ чего образовались *у* и *я* въ словахъ: уголъ (angulus), узокъ (angustus, eng), суть (sunt), десять (decem), ягненокъ (agnus), уста (os), ухо (auris), юнъ (jung), зять (gener), взять (возьму), декабрь (δεκέμβριος)?" Во-первыхъ, вѣрнѣе, или, по крайней мѣрѣ, осторожнѣе было бы вмѣсто „изъ чего образовались" спросить „чему соотвѣтствуютъ русскіе звуки *у* и *я* въ словахъ" и пр.; во-вторыхъ, лучше было бы вовсе не предлагать этого вопроса, такъ какъ онъ *по своей формѣ* относится къ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ, а не къ учебнику древняго церковно-славянскаго

Библиотека "Руниверс"

языка сравнительно съ русскимъ". Ясно, что здѣсь ставится въ вину проф. Карскому не „сопоставленіе русскихъ и церковно-славянскихъ звуковъ съ родственными", а *та форма*, въ которой проф. Карскій предложилъ вышеприведенный вопросъ. Въ грамматикѣ его нерѣдко встрѣчаются сопоставленія древне-церковно-славянскихъ формъ съ греческими, латинскими и др. (см. напримѣръ стр. 7, 8, 9, 14, 15, 20, 27, 53, 55, 56 и др.) и ни одно изъ нихъ не поставлено въ вину автору. Словомъ, все то, что наговорилъ проф. Карскій въ вышеприведенныхъ словахъ своего возраженія на сдѣланное ему замѣчаніе, нисколько не ослабляетъ основательности послѣдняго. А конецъ возраженія заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, нѣкоторое противорѣчіе тому, что было сказано имъ прежде, съ другой, нѣчто совершенно неумѣстное въ учебникѣ. Вотъ этотъ конецъ: „Впрочемъ о формулировкѣ П. А. Лавровскимъ условій, когда бываетъ полногласіе въ русскомъ языкѣ, сдѣланный 37 лѣтъ тому назадъ (Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики, Т. V С.-Пб. 1861 г., стр. 227 и слѣд.) въ примѣчаніи *можно напомнить хотя бы г. преподавателямъ*, съ предупрежденіемъ, однако, что Лавровскій не умѣлъ правильно объяснить своего вѣрнаго наблюденія". Выше было сказано, что *г. преподавателямъ эти условія несомнѣнно „всѣмъ извѣстны*:" зачѣмъ же еще напоминать имъ объ этихъ условіяхъ въ учебникѣ, который пишется, конечно, для учениковъ, а не для преподавателей? А какой смыслъ можетъ имѣть въ учебникѣ „*предупрежденіе*" для преподавателей, что „Лавровскій не умѣлъ правильно объяснить своего вѣрнаго наблюденія?" По моему мнѣнію, оно въ учебникѣ—совершенно неумѣстно и безцѣльно: входить въ объясненія открытаго Лавровскимъ закона русскаго полногласія—не дѣло преподаванія въ средней школѣ.

Въ рецензіи сказано: „На стр. 26, въ § 24 рѣчь идетъ о составныхъ частяхъ слова. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Если мы будемъ разсматривать цѣлое семейство словъ и расчленять каждое изъ нихъ на части, то увидимъ, что всякое слово содержитъ въ себѣ такую часть, которая не можетъ быть уже дальше расчленяема; эта часть слова, *обыкновенно неизмѣняемая*, называется *корнемъ*. Тѣ же звуки производственные, которые присоединяются къ слову сначала, называются *префиксами*, или приставками, и которые прибавляются къ концу (чего? слова?)—*суффиксами*, или наставками". Въ этомъ объясненіи многое неясно: что слѣдуетъ разумѣть подъ *цѣлымъ семействомъ словъ?* Какъ расчленять каждое слово на части?

Библиотека "Руниверс"

И на *какія части?* Одну ли такую часть, которая не можетъ быть дальше расчленяема, содержитъ „всякое“ слово, или не одну, а нѣсколько? Если же одну, то почему именно одну? и проч. Самое изложеніе не отличается точностію. Такъ, напримѣръ, выходитъ, что *суффиксами* называются „звуки, которые прибавляются къ концу“, а чего?—не сказано. Судя по предыдущему опредѣленію *префиксовъ*, нужно было бы добавить такъ: „къ концу слова“. Но тогда получается нѣчто въ родѣ безсмыслицы: суффиксы не прибавляются къ къ концу слова. Наконецъ, и опредѣленіе *корня*, какъ части слова, *обыкновенно неизмѣняемой*,—невѣрно. Правда, ниже самъ авторъ дѣлаетъ оговорку относительно предложеннаго имъ опредѣленія корня; но этою оговоркою опредѣленіе не столько оправдывается, сколько опровергается. Онъ говоритъ: „Если выше было сказано, что корень не подвергается измѣненію, то тамъ разумѣлось только то, что корень не можетъ больше расчленяться и подвергаться *особенно значительнымъ перемѣнамъ*“. Но это не такъ. Въ вышеприведенномъ опредѣленіи указывается мѣстоименіемъ „*эта*“ на корень, какъ на нерасчленяемую дальше часть слова, а словами „*обыкновенно неизмѣняемая*“ ясно указывается на другой, особый признакъ корня, какъ части слова дальше нерасчленяемой, именно, на неизмѣняемость корня. А что слѣдуетъ разумѣть подъ „*особенно значительными перемѣнами*“ корня? Неизвѣстно. Самъ авторъ приводитъ далѣе примѣры на такія „перемѣны“ въ звукахъ корня, которыя по всей справедливости должны быть признаны „*особенно значительными*“. Онъ говоритъ: „Вообще же какъ гласные, такъ и согласные корня могутъ измѣняться; напримѣръ погонѧ (?), гѫнати жєнєши—слова, имѣющія одинъ и тотъ же корень гѫн—; также одинъ корень и въ словахъ ѭходити и шьдъ и т. д.“. Спрашивается: позволительно ли признать „перемѣны“ въ корняхъ гѫн и жєн, ѭход и шьд „*особенно значительными*“, или нѣтъ? Далѣе относительно русскаго языка читаемъ слѣдующее: „Особенно въ русскомъ языкѣ корни часто становятся неузнаваемыми вслѣдствіе потери въ произношеніи глухихъ гласныхъ ъ и ь или слитія гласныхъ“. Итакъ: если въ русскомъ языкѣ корни подвергаются такимъ измѣненіямъ, что „*часто становятся неузнаваемыми*“; то не справедливо ли признать, что перемѣны въ нихъ могутъ быть „*особенно значительными?*“ Ясно, что оправданіе вышепредложеннаго опредѣленія корня въ учебникѣ такъ же неудачно, какъ и самое опредѣленіе“. На это замѣчаніе проф. Карскій говоритъ: „*Мое разсужденіе* о

Библиотека "Руниверс"

составныхъ частяхъ слова, конечно, не во всѣхъ мѣстахъ отличается достаточной точностью, и я очень благодаренъ проф. Некрасову за сдѣланныя указанія". Прекрасно! На этомъ бы и слѣдовало остановиться; но проф. Карскій тотчасъ же беретъ свою благодарность назадъ, стараясь представить сдѣланные имъ промахи неважными и указать для нихъ даже основанія въ учебникѣ логики Владиславлева, въ грамматикахъ гг. Кирпичникова и Флерова. „Впрочемъ", такъ продолжаетъ свое возраженіе проф. Карскій, „промахи, допущенные мною, не настолько важны, какъ это можетъ показаться при чтеніи ихъ разбора. Дѣло въ томъ, что *совершенно точно разсуждать о составныхъ частяхъ слова можно только* на почвѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и притомъ исторической, въ добавокъ съ лицами, получившими по крайней мѣрѣ среднее образованіе, а не съ учениками, прошедшими только 3 класса, приступающими къ изученію древняго церковно-славянскаго языка съ тѣми свѣдѣніями, которыя они вынесли изъ грамматики Кирпичникова". По моему мнѣнію, и съ тѣми, и съ другими, если *разсуждать* о составныхъ частяхъ слова, слѣдуетъ разсуждать одинаково *точно*, и ни какъ не дозволять себѣ съ одними разсуждать „*совершенно точно*", а съ другими, *совершенно неточно*, такъ какъ подобное различеніе лицъ, съ которыми приходится разсуждать о составныхъ частяхъ слова, едва-ли будетъ согласно съ „чисто научными и педагогическими видами". Но вѣдь въ учебникѣ нужно писать не „разсужденія" о составныхъ частяхъ слова, а нужно предложить правильное опредѣленіе ихъ съ объяснительными примѣрами. Это далеко не одно и тоже. Но вотъ проф. Карскій говоритъ: „Поясню сказанное примѣромъ. Проф. Некрасову *не понравилось*, что я относительно корня словъ выразился между прочимъ какъ о части слова, „обыкновенно неизмѣняемой", а затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи *прибавилъ въ поясненіе*, что „корень не можетъ больше расчленяться и подвергаться особенно значительнымъ измѣненіямъ". Изъ буквально выписаннаго мною выше замѣчанія изъ моей рецензіи читатель знаетъ, что мнѣ „*не понравилось*" въ „разсужденіи" проф. Карскаго о составныхъ частяхъ слова, и ясно понимаетъ, что не понравилось мнѣ совсѣмъ не тó, на что указываетъ въ своемъ возраженіи проф. Карскій. „Все это", говоритъ проф. Карскій, „не представляетъ противорѣчія, а только *для удобства пониманія учениковъ IV класса изложено по тому логическому методу, по которому въ основу кладется ходячее объясненіе и затѣмъ постепенно ограничивается пока не дойдетъ до самаго точнаго опредѣленія* (см. *М. Владиславлева*: Учебникъ

Библиотека "Руниверс"

логики. С.-Пб. 1882, стр. 21)". Мы видѣли, что въ учебникѣ проф. Карскаго *корень* слова сначала представляется *неизмѣняемою* частью слова, потомъ—*неподвергающеюся особенно значительнымъ измѣненіямъ*, а наконецъ въ русскомъ языкѣ—частью слова, часто *неузнаваемою* въ своихъ формахъ. Положимъ, что проф. Карскій, излагая ученіе о корнѣ, какъ о составной части слова *неизмѣняемой* и *измѣняемой до неузнаваемости*, слѣдовалъ методу по логикѣ Владиславлева; но гдѣ же то „*самое точное опредѣленіе*" корня, до котораго обязательно долженъ былъ довести проф. Карскаго избранный имъ въ своемъ разсужденіи методъ? „Въ данномъ случаѣ", поясняетъ далѣе проф. Карскій, „въ основу положено уже извѣстное ученику IV класса опредѣленіе корня въ русской грамматикѣ, гдѣ, напримѣръ, въ самой распространенной А. Кирпичникова читаемъ: „Корень есть неизмѣняемая часть слова, состоящая изъ одного слога" (§ 60 этимологіи). Прекрасно! Но тѣмъ не менѣе въ учебникѣ проф. Карскаго все-таки нѣтъ „самаго-то точнаго опредѣленія" корня, до котораго проф. Карскій долженъ былъ дойдти по избранному имъ методу разсужденія для удобства пониманія учениковъ IV класса, положивъ въ основу ходячее опредѣленіе корня изъ грамматики Кирпичникова. Въ учебникѣ находится опроверженіе этого ходячаго опредѣленія — и только! Въ концѣ возраженія проф. Карскій ссылается на свое личное свидѣтельство, что правильное опредѣленіе корня въ грамматикѣ г. Флерова ученикамъ будто бы непонятно; но оно—неубѣдительно. „Я лично убѣжденъ", говоритъ проф. Карскій, „напримѣръ, въ томъ, что опредѣленіе корня, данное въ учебникѣ г. Флерова, дважды прочитанномъ еще въ рукописи проф. Некрасовымъ (ср. стр. XI, 1-го изд.), повторяющее въ сокращеніи мысли „Очерка" (стран. 78), непонятно ученикамъ, и можетъ быть усвоено только памятью, но не сознательно. Вотъ это опредѣленіе: „Корнемъ называется составная часть слова въ своей первообразной формѣ, лежащая въ основѣ образованія многихъ словъ въ языкѣ и выражающая общее всѣмъ имъ основное значеніе". (§ 23 1-го изд.)". Тутъ между прочимъ при выраженіи „лежащая въ основѣ образованія многихъ словъ въ языкѣ" слѣдуетъ прибавить что-либо въ родѣ забракованнаго у меня „цѣлаго семейства словъ". Иное дѣло разсматривать подобные вопросы („какіе же это?") въ университетскомъ курсѣ, а иное съ учениками низшихъ (?) классовъ среднихъ учебныхъ заведеній". Этою послѣднею фразою нисколько не устраняется необходимость предлагать въ учебникахъ вѣрныя, а не кое-какія, опредѣленія научныхъ терминовъ. Но кромѣ того по по-

Библиотека "Руниверс"

воду словъ проф. Карскаго считаю необходимымъ прибавить еще слѣдующее: во-первыхъ, получаемыя мною свѣдѣнія отъ тѣхъ учителей, которые преподаютъ по учебнику г. Флерова, совершенно противорѣчатъ выше приведенному личному убѣжденію проф Карскаго; во-вторыхъ, къ выраженію „лежащая въ основѣ образованія многихъ словъ въ языкѣ" вовсе не слѣдуетъ прибавлять чего-либо въ родѣ „цѣлаго семейства словъ"; потому что терминъ „семейство словъ" требуетъ особаго опредѣленія.

Проф. Карскій говоритъ: „На двухъ страницахъ (448—449) идетъ разборъ опредѣленія флексіи и глагольныхъ основъ, при чемъ для примѣра проф. Некрасовъ беретъ (не изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ моей грамматики) формы глагола бѣти и ѥсмь. Изложеніе ведется такимъ образомъ, чтобы представить у меня полнѣйшую путаницу. Однако на самомъ дѣлѣ выходитъ далеко не такъ". Во-первыхъ, сущность моего замѣчанія, котораго я не выписываю здѣсь вполнѣ только по значительности его объема, относится *къ опредѣленіямъ склоненія и спряженія*, предложеннымъ проф. Карскимъ на стр. 31 въ § 28, а не къ опредѣленію флексіи и глагольныхъ основъ: послѣднее вошло въ содержаніе моего замѣчанія лишь по поводу *опредѣленій склоненія и спряженія* и служило основаніемъ, даннымъ мнѣ самимъ авторомъ, для доказательства ихъ несостоятельности; во-вторыхъ, изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ грамматики проф. Карскаго я не могъ взять примѣра по самой простой причинѣ, именно, потому что въ нихъ нѣтъ никакихъ примѣровъ, слѣдовательно, я имѣлъ полное право выбрать такой примѣръ, на которомъ моя мысль получила бо́льшую ясность, или наглядность. Вотъ эти соотвѣтствующія мѣста изъ грамматики проф. Карскаго: 1) стр. 31, § 28: „Корень, соединенный съ приставками и суффиксами, но безъ флексіи, называется *основой*, или *темой* слова. *Естественно*, что если слово будетъ первообразное, то *основа его равна корню*, но *чаще она отличается отъ корня*". (Нѣтъ-ли тутъ противорѣчія?). „Прибавленіе къ именнымъ основамъ флексій называется *склоненіемъ*, а присоединеніе флексій къ глагольнымъ основамъ называется *спряженіемъ*. Въ склоненіи имя измѣняется по падежамъ и числамъ, а въ спряженіи глаголъ—по лицамъ, числамъ, временамъ и наклоненіямъ". Вотъ весь 28-й параграфъ! Какой я могъ взять изъ него примѣръ? 2) Другое соотвѣтствующее мѣсто находится въ § 50 грамматики и заключаетъ въ себѣ только то, что выписано мною въ рецензіи, а именно: „спряженіе состоитъ въ соединеніи глагольныхъ основъ *съ флексіями, показывающими лицо, число, время и наклоне-*

Библиотека "Руниверс"

ніе". Это мѣсто въ § 50 также не имѣетъ ни одного примѣра. Но весь § 50 изложенъ на стр. 57—59 и содержитъ въ себѣ, кромѣ опредѣленія спряженія съ опредѣленіемъ флексій, свѣдѣнія о двухъ глагольныхъ основахъ: объ основѣ неопредѣленнаго наклоненія и объ основѣ настоящаго времени, о дѣленіи глаголовъ на классы по основѣ неопредѣленнаго наклоненія, о суффиксахъ, служащихъ для образованія залоговъ и видовъ глагола, о дѣленіи основъ настоящаго времени по способу присоединенія къ нимъ личныхъ окончаній и о дѣленіи глаголовъ на спряженія, гдѣ между примѣрами встрѣчается глаголъ ѥс-мь; а въ задачѣ, которою оканчивается § 50-й, есть и глаголъ быти, при которомъ въ скобкахъ сказано „форма настоящаго бѫдѫ—по значенію будущее". Въ третьихъ, у меня изложеніе того, что находится въ грамматикѣ проф. Карскаго, ведется вовсе не въ искаженномъ видѣ съ цѣлію будто бы представить полнѣйшую путаницу, а такъ, какъ требуетъ смыслъ самого содержанія грамматики. Проф. Карскій говоритъ: „У меня о спряженіи сказано, что оно состоитъ въ соединеніи глагольныхъ основъ съ флексіями, показывающими лицо, число, время и наклоненіе" И у меня въ рецензіи сказано буквально то же самое. Проф. Карскій при словѣ „флексіями" дѣлаетъ слѣдующую сноску: „Употребленъ терминъ, извѣстный ученикамъ еще изъ II класса. Ср. въ грамматикѣ Кирпичникова: „флексія есть часть окончанія, измѣняемая въ склоненіи и спряженіи" (§ 60). Въ научномъ смыслѣ флексія обозначаетъ самое перемѣну суффиксовъ при склоненіи и спряженіи словъ (ср. *K. Brugmann:* Grundriss d. vergl. Grammatik d. indgr. Sprachen. I², 32 и слѣд.)". Въ I томѣ втораго изданія на стр. 32—40 говорится о строеніи индогерманскихъ языковъ вообще, о корнѣ и суффиксѣ (§§ 22—24), но изъ этой статьи, состоящей изъ трехъ параграфовъ, не видно, чтобы *„флексія въ научномъ смыслѣ обозначала самую перемѣну суффиксовъ въ склоненіи и спряженіи"*. Вотъ тѣ мѣста статьи, въ которыхъ встрѣчается терминъ *флексія:* 1) Was manunter *Wortbildung und Flexion* zusammenfasst, entstand, so weit wir schauen können, im Wesentlichen durch Composition, d. h. dadurch, dass eine Wortgruppe, die ein syntaktisches Gefüge bildete, zu einer Einheit verschmolz, bei der das Ganze seinen Elementen gegenüber in irgend einer Weise isoliert wurde" стр. 33). 2) „Wenn es (hiernach) ursprünglich nur einfache Wörter gegeben hat, so gehört es unzweifelhaft zu den Aufgaben der idg. Sprachwissenschaft, die Compositionsprocesse, die sich im Lauf der Zeit ereignet haben, im Einzelnen nachzuweisen, *die Čassussuffixe* und

Библиотека "Руниверс"

s. w. auf Wörter zurückzufuhren. Diese Aufgabe zu lösen ist aber die Wissenschaft nur zu einem geringen Teil im Stande, fast nur bezüglich solcher Elemente, die erst nach der Herausbildung der einzelnen Sprachzweige die Natur von *Flexionselementen* angenommen haben". (ibid). Къ этимъ словамъ слѣдуетъ отнести еще слѣдующія: „Am ehesten scheinen von den suffixalen Elementen die *Personalendungen und die Casussuffixe* der etymologischen Ursprungsbestimmung zugänglich"... „Anders ist es mit den sogen. *stammbildenden Elementen*". (стр. 35). 3) § 23. „Wenn auch *Wortableitung und Flexion* durch das Zusammenwachsen selbstständiger Elemente geschaffen worden sind, so beruhen doch die allermeisten Wortformen der idg. Sprachen... nicht unmittelbar auf diesem Process" (стр. 34). 4) „Die *mit der Ausbildung der Flexion* verschwundenen Wörter der *vorflexivischen* Periode wurden von Bopp und seinen nächsten Nachfolgern alle alls einsilbig gedacht" (стр. 36). Отсюда видно, что терминъ *флексія* въ научномъ смыслѣ можетъ употребляться въ двоякомъ значеніи: *обширномъ* и *тѣсномъ*. Въ первомъ значеніи подъ флексіею можно разумѣть вообще тѣ измѣненія словъ въ ихъ этимологическихъ составныхъ частяхъ, которымъ они подвергаются въ историческомъ развитіи языковъ индоевропейской отрасли (см. №№ 1, 5, 4); во второмъ значеніи подъ флексіею можно разумѣть падежные и личные суффиксы (№ 2). Это особенно видно изъ слѣдующихъ словъ К. Бругманна въ его сравнительной грамматикѣ 1-го изданія, 1886 года, стр. 15: „Die Suffixe theilt man ein in *Wortbildungssuffixe* oder *Flexionssuffixe* im engeren Sinne, wozu einerseits *die Casusendungen*, andererseits *die Personalendungen* gehören, und *Stammbildungssuffixe*. Eine scharfe Grenze zwischen beiden Suffixgattungen ist nicht zu ziehen und s. w.". Ясно, что подъ флексіею въ научномъ смыслѣ не разумѣется „самая перемѣна суффиксовъ въ склоненіи и спряженіи"; потому что, съ одной стороны, въ склоненіи и спряженіи перемѣна можетъ происходить не въ однихъ только суффиксахъ, но и въ корняхъ; съ другой, остается неизвѣстнымъ, о перемѣнѣ *какихъ именно суффиксовъ* идетъ рѣчь въ представленномъ проф. Карскимъ опредѣленіи флексіи въ научномъ смыслѣ. Далѣе проф. Карскій, сказавъ, что „съ точки зрѣнія сравнительнаго языковѣдѣнія здѣсь (?) не можетъ быть рѣчи о флексіяхъ, а только о суффиксахъ", и изложивъ, какъ ему „представляется дѣло при сужденіи объ „органическомъ" происхожденіи словъ, продолжаетъ: „Но въ грамматикахъ стремящихся научить языку болѣе легкимъ способомъ" (чѣмъ какой?), „изслѣдующихъ притомъ явленія отдѣльныхъ языковъ, дѣло

Библиотека "Руниверс"

обстоитъ иначе. Тутъ, особенно въ грамматикѣ для IV класса, нужно указать ученику, какъ образовать форму, какъ получить основу, неизмѣняемую, напримѣръ, во всемъ склоненіи слова, или при образованіи извѣстнаго разряда формъ въ спряженіи (въ данномъ случаѣ примѣнительно къ ученію о двухъ основахъ глагола); нужно, наконецъ, указать, *какіе слѣдуетъ прибавлять*" (къ чему же?) „*флексивные суффиксы въ именахъ для формъ единственнаго и множественнаго чиселъ, а въ глаголахъ для показанія лицъ, временъ и наклоненій*" При этомъ проф. Карскій приводитъ во свидѣтельство „очень раціональный взглядъ" А. С. Будиловича изъ рецензіи на мою книгу „Очеркъ". На основаніи этихъ словъ позволительно спросить: какіе же флексивные суффиксы слѣдуетъ прибавлять къ неизмѣняемой основѣ въ именахъ для образованія формъ родительнаго, дательнаго, творительнаго и мѣстнаго падежей въ единственномъ и множественномъ числахъ? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ окажется, что для образованія одного только падежа, напримѣръ, родительнаго именъ существительныхъ слѣдуетъ, указать нѣсколько различныхъ „флексивныхъ суффиксовъ", и это въ грамматикѣ, стремящейся научить языку „болѣе легкимъ способомъ"! Въ иномъ падежѣ эти „флексивные суффиксы" могутъ оказаться съ такими звуковыми элементами, которые присущи „флексивнымъ суффиксамъ" другихъ падежей. Спрашивается: откуда эти звуковые элементы, и что собственно обозначается ими въ словѣ? обозначается ли ими тотъ падежъ, въ формѣ котораго они находятся, или что другое? Напримѣръ, въ формахъ: вод-*амъ*, вод-*ами*, вод-*ахъ* и вод-*а* звукъ *а*, какъ общій для всѣхъ этихъ формъ, очевидно, не обозначаетъ собою формы какого-либо падежа, и въ словѣ вод-*а* звукъ *а* не обозначаетъ собою именительнаго падежа единственнаго числа, а беретъ на себя въ рѣчи лишь функцію этого послѣдняго, какъ, напримѣръ, и въ словѣ *имя*, древне-церковно-славянское имѧ звукъ русскій *я*, древне-церковно-славянскій ѧ не есть показатель падежной формы, а есть лишь такое окончаніе слова, съ которымъ оно употребляется въ рѣчи съ грамматическимъ значеніемъ именительнаго и винительнаго падежей единственнаго числа; слѣдовательно, оно принадлежитъ не падежу, или не суффиксу падежа, а основѣ или темѣ слова. Такимъ образомъ, если подъ флексіею въ склоненіи словъ разумѣть часть слова измѣняемую; то спрашивается: вся ли эта измѣняемая часть слова, входящая въ форму какого-либо падежа, будетъ обозначать собою эту форму, или не вся? Другими словами: вся ли измѣняемая часть слова въ формѣ какого-

Библиотека "Руниверс"

либо падежа должна считаться суффиксомъ, или показателемъ этого падежа, или не вся? Напримѣръ, въ древне-церковно-славянской формѣ вод-ами при формахъ вод-и, вод-ѣ и др. все ли окончаніе -ами обозначаетъ собою форму творительнаго падежа, или не все? Сравни кост-ьми при формѣ кост-и. Если все окончаніе -ами должно считаться суффиксомъ творительнаго падежа множественнаго числа; то почему же оно не встрѣчается въ формѣ кост-ьми? и почему звукъ а окончанія -ами встрѣчается и въ другихъ падежахъ, напримѣръ, въ именительномъ падежѣ единственнаго числа вод-а, въ дательномъ множественнаго числа вод-амъ, въ мѣстномъ множественнаго числа вод-ахъ, точно такъ же, какъ гласный звукъ ь встрѣчается и въ формѣ именительнаго и винительнаго падежей единственнаго числа кост-ь и въ формахъ дательнаго и мѣстнаго падежей множественнаго числа: кост-ьмъ, кост-ьхъ? Очевидно, что звуки а и ь не могутъ относиться къ суффиксамъ падежей. А если такъ, то къ чему же слѣдуетъ отнести ихъ: къ основамъ ли словъ: вода и кость, или къ ихъ падежнымъ окончаніямъ? Но какъ бы то ни было, такъ ли это или не такъ, дѣло въ томъ, что, если проф. Карскій, опредѣляя флексіи въ спряженіи, говоритъ, что „онѣ показываютъ *лицо*, *число*, *время* и *наклоненіе*", и тѣмъ ясно указываетъ на ихъ грамматическое значеніе въ глагольныхъ формахъ; то, говоря о флексіяхъ въ склоненіи, онъ долженъ былъ бы также ясно указать и на ихъ грамматическое значеніе въ формахъ именныхъ, а не ограничиваться фразою, что „флексія, для показанія разныхъ отношеній слова, измѣняется". Какое же грамматическое значеніе флексія имѣетъ сама по себѣ въ склоненіи именъ? Что она показываетъ: *падежъ*, *число*, *родъ*, что именно? Вотъ этого-то и не сказано въ грамматикѣ проф. Карскаго. Далѣе проф. Карскій говоритъ: „При стремленіи проф. Некрасова ограничить, напримѣръ, глагольныя флексіи только показателями лицъ, ученіе о двухъ основахъ глагола, признаваемое имъ совершенно правильнымъ, съ точки зрѣнія исторической окажется совершенно ложнымъ. Не говоря уже о томъ, что основой неопредѣленнаго, напримѣръ, нести, съ послѣдней точки зрѣнія не будетъ нес-, а нести, такъ какъ это такое же именное образованіе, какъ пѧти, мы должны будемъ совершенно естественно отмѣтить основы аористовъ, имперфекта, къ нимъ присоединимъ еще основу настоящаго времени, то-есть, не двѣ глагольныя основы, а нѣсколько. А вѣдь все это нисколько не облегчаетъ знакомства съ формами глагола". Во-первыхъ, смѣю увѣрить проф. Карскаго,

Библиотека "Руниверс"

что во мнѣ нѣтъ никакого стремленія ограничить глагольныя флексіи только показателями лицъ, а это стремленіе заключается въ той сущности, которою характеризуется измѣненіе глагола, какъ слова, обозначающаго дѣйствіе; во-вторыхъ, основъ глагольныхъ, конечно, столько, сколько различныхъ формъ въ спряженіи глагола; но между ними признаются главными для спряженія глагола въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ двѣ основы и только потому, что образованіе всѣхъ формъ въ спряженіи какого-либо глагола можетъ быть объясняемо помощію или основы, такъ называемаго, настоящаго времени, или—основы неопредѣленнаго наклоненія, суффиксомъ котораго служитъ звукосочетаніе ти. Въ данномъ случаѣ обѣ эти основы представляются *основами не словъ*, а *грамматическихъ категорій* или основами различныхъ формъ глагольныхъ. Основа слова и основа грамматической категоріи—не одно и то же, несмотря на то, что первая можетъ иногда совпадать со второю. Основа слова есть такая часть его, которая предшествуетъ суффиксу лица, или суффиксу падежа; основа грамматической категоріи есть такая часть его, которая предшествуетъ суффиксу грамматической категоріи; напримѣръ въ древнемъ церковно-славянскомъ нести основа слова есть нест(ь) съ суффиксомъ ь=основ. ĭ; основа же грамматической категоріи неопредѣленнаго наклоненія есть нес-, предшествующая суффиксу данной категоріи ти. Основа для формы неопредѣленнаго наклоненія, какъ особой грамматической категоріи, опредѣляется такъ же, какъ, напримѣръ, опредѣляется основа для формы сравнительной степени прилагательныхъ; напримѣръ, основою для формы сравнительной степени глѫблии, глѫбльши, глѫблѥ будетъ корень прилагательнаго глѫб-, а суффиксомъ -ии, ьши, -ѥ; для формы сравнительной степени глѫбъчаи, глѫбъчаиши, глѫбъчаѥ основою будетъ служить: глѫбък-, а суффиксомъ -ѣи, -ѣиши, -ѣѥ. Подобнымъ образомъ и для формы неопредѣленнаго наклоненія, характеризуемой суффиксомъ ти, въ глаголѣ нести, основою будетъ корень нес-. Что форма неопредѣленнаго наклоненія, съ точки зрѣнія сравнительно-исторической, есть въ сущности форма косвеннаго падежа (дат. или мѣстн.) отъ именной основы на -ĭ,—это нисколько не препятствуетъ внести ее, въ качествѣ новой грамматической категоріи, въ число глагольныхъ формъ, входящихъ въ спряженіе и получающихъ въ немъ особое функціональное значеніе на ряду съ другими формами.—Проф. Карскій продолжаетъ: „3) Чтобы показать недостаточную точность моего изложенія, проф. Некрасовъ взялъ для при-

Библиотека "Руниверс"

мѣра формы глагола бꙑти и производитъ ихъ отъ основъ неопредѣленнаго наклоненія бꙑ- и настоящаго бѫдє-". Не совсѣмъ такъ: мною взяты не *формы*, а *одна только форма* имперфекта бѣахъ и производится она согласно съ положеніемъ проф. Карскаго, выраженнымъ на стр. 59, отъ той основы, отъ которой ему угодно; потому что проф. Карскій, слѣдуя мнѣнію Миклошича, учитъ, что форма imperfect'а въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ можетъ образоваться и *отъ основы настоящаго времени*, и *отъ основы неопредѣленнаго наклоненія*. Вотъ его собственныя слова: „Однѣ формы глагола производятся *отъ основы неопредѣленнаго наклоненія*, другія же *отъ основы настоящаго времени. Отъ первой* образуются слѣдующія глагольныя формы: 1) неопредѣленное наклоненіе, 2) достигательное наклоненіе или супинъ, 3) аористъ, 4) *у нѣкоторыхъ глаголовъ—прошедшее несовершенное*, 5) причастія прошедшаго времени. *Отъ основы настоящаго времени* производятся: 1) настоящее время, 2) повелительное наклоненіе, 3) *прошедшее несовершенное*, 4) причастія настоящаго времени". Слѣдовательно, я представилъ объясненіе образованія формы прошедшаго несовершеннаго бѣахъ такъ, какъ требуетъ грамматика проф. Карскаго. Но онъ недоволенъ этимъ и говоритъ: „Но вѣдь ни для кого не тайна, что въ образованіи формъ глагола бꙑти участвуютъ далеко не двѣ основы бꙑ и бѫдє-, а еще бѣ-, би- (бимь); связь между этими основами несомнѣнно есть, но до сихъ поръ она еще никѣмъ не объяснена удовлетворительно". Положимъ, что такъ; тѣмъ не менѣе эти же основы, несомнѣнно представляя собою видоизмѣненія одной и той же основы въ спряженіи, самымъ нагляднымъ образомъ доказываютъ, что *основа* въ спряженіи *измѣняема*. Но проф. Карскій говоритъ: „Слѣдовательно, при сужденіи объ образованіи формъ глагола ссылаться на быти такъ же не раціонально, какъ, напримѣръ, при сужденіи объ именныхъ основахъ и флексіяхъ ссылаться на формы азъ, мєнє и т. д." Да такъ ли! При сужденіи объ образованіи формы имперфекта въ глаголахъ древняго церковно-славянскаго языка сослаться на форму бѣахъ отъ глагола быти такъ же раціонально, какъ и на форму, напр. любѣахъ отъ глагола любити, въ которомъ основы настоящаго времени и неопредѣленнаго наклоненія—фонетически тожественны (люби-). И въ томъ, и въ другомъ глаголѣ основа imperfect'а представляетъ собою видоизмѣненіе той основы, отъ которой она образовалась. Слѣдовательно, это не то же, что ссылаться на азъ, мєнє и др., гдѣ, очевидно, основы—фонетически совершенно различны. Невѣрно и то,

Библиотека "Руниверс"

что говоритъ дальше проф. Карскій, а именно: „4) измѣненія основы съ присоединеніемъ къ ней флексивныхъ суффиксовъ чисто фонетическаго характера“ (а какого же другаго характера въ этомъ случаѣ бываютъ измѣненія основы?), „какъ измѣненіе основы ѥс- (глагола ѥс-мь) во 2-мъ лицѣ въ ѥ (ѥси) вслѣдствіе слитія двухъ *с*, или различіе въ русскихъ *взять* и *возьму*, въ морфологіи не должны имѣть мѣста“. Это почему? Измѣненіе основы вслѣдствіе причинъ какого бы то ни было характера даетъ полное право основывать на немъ заключеніе объ измѣняемости основъ въ спряженіи глаголовъ. Въ морфологіи нельзя умолчать о томъ, что основа ѥс глагола ѥсмь въ спряженіи измѣняется. „Здѣсь“, продолжаетъ проф. Карскій, „можно бы говорить о такихъ измѣненіяхъ основы, какія видимъ въ склоненіи греческаго ἀνήρ или πατήρ, но языкъ древне-церковно-славянскій такихъ измѣненій уже не зналъ. Его сѫтъ и ѥ-смь и т. д. не представляютъ явленія древне-церковно-славянскаго языка, а *отражаютъ лишь праязычное чередованіе въ спряженіи этого слова сильныхъ и слабыхъ формъ*, насколько можно судить объ этомъ по формамъ санскритскимъ: ásmi, ási, ásti, smás, stha, sánti или готскимъ: im, is, ist, sijum, sijuth, siund и др.“. Насколько древне-церковно-славянскія формы: ѥс-вѣ, ѥс-та, ѥс-тє, ѥс-мъ, ѥс-тє, сохранившія свою полную основу ѥс, согласуются съ санскритскими: *s-vas*, *s-thas*, *s-tas*, *s-mas*, *s-tha* и съ готскими: *siju*, *sijuts*; *sijum*, *sijuth*, чтобы можно было видѣть въ личныхъ формахъ древне-церковно-славянскаго глагола ѥс-мь отраженіе праязычнаго чередованія сильныхъ и слабыхъ формъ, это — ясно изъ простаго ихъ сопоставленія. На основаніи подобнаго рода возраженій проф. Карскій дѣлаетъ такое заключеніе: „Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго можно придти къ заключенію, что слѣдующій выводъ, сдѣланный проф. Некрасовымъ: „противополагать флексію, какъ часть измѣняемую слова, основѣ, какъ части неизмѣняемой слова въ склоненіи и спряженіи, значитъ вносить въ грамматику флексивнаго языка нѣчто совершенно несообразное съ его природой“ — совершенно невѣренъ въ примѣненіи, напримѣръ, къ языку древне-церковно-славянскому или русскому. Онъ имѣлъ бы отношеніе лишь къ индоевропейскому праязыку“. Изъ моего отвѣта на возраженія проф. Карскаго видно, насколько основательно его заключеніе о моемъ замѣчаніи въ рецензіи, какъ относительно опредѣленій, предложенныхъ имъ въ учебникѣ для склоненія и спряженія, такъ и относительно его ученія объ основахъ и флексіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

На мое замѣчаніе къ § 39 на стр. 43 грамматики проф. Карскаго, что въ ней нѣтъ никакихъ объясненій по вопросу о томъ, формы какихъ именно падежей представляютъ собою русскія формы: *столы* и *корабли*, въ которыхъ совпали древне-церковно-славянскія формы именительнаго и винительнаго падежей: столи и столѫ, корабли и кораблѭ, проф. Карскій возражаетъ: „Я преднамѣренно умолчалъ о томъ, въ формѣ какихъ падежей совпалъ въ русскомъ языкѣ именительный и винительный столи и столѫ, корабли и кораблѭ, такъ какъ если форма *столы* и есть винительный падежъ множественнаго числа, то этого нельзя сказать относительно *корабли*, потому что по своему окончанію оно не равно ни церковно-славянскому винительному кораблѭ, ни древне-русскому *кораблѣ*, а развило свое *и* въ подражаніе *ы* твердаго различія уже тогда, когда какое либо *столы* было общей формой именительнаго и винительнаго безъ перевѣса въ ту или другую сторону. Наконецъ, на формы, въ родѣ *корабли*, можно взглянуть и иначе—какъ на старинный именительный, замѣнившій и винительный; тогда въ именительномъ *столы* пришлось бы видѣть подражаніе ему. Въ случаѣ сообщенія ученикамъ того или другаго взгляда, дѣло нисколько не выиграетъ“. Будто бы? По моему, дѣло очень много выиграетъ, если въ учебникѣ будетъ дано надлежащее объясненіе на вышепоставленный вопросъ. Какъ *столы* есть древняя форма винительнаго падежа множественнаго числа, такъ и *корабли* есть форма винительнаго падежа множественнаго числа, зашедшая изъ склоненія именъ мужскаго рода съ древними основами на *ъ* (какъ *пути*=древне-церковно-славянскому пѫти) вслѣдствіе смѣшенія въ склоненіи древнихъ основъ мужскаго рода на *о* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или—на-*jo*-, съ древними основами мужскаго рода на ь (=осн. *ĭ*). На это указываетъ форма родительнаго падежа множественнаго числа: *кораблей* (какъ древне-церковно-славянская пѫтьи). Формы: *сосѣди—сосѣдей* („онъ попалъ *въ сосѣди* ко мнѣ“), *черти—чертей*, принимаемыя обыкновенно за остатки древней формы именительнаго падежа множественнаго числа отъ основы на—*о*, вѣроятнѣе представляютъ собою также формы винительнаго падежа множественнаго числа отъ неупотребительныхъ основъ на *ь*, какъ форма *люди* отъ неупотребительной основы *людь. Вообще въ современномъ русскомъ языкѣ въ именахъ мужескаго рода форма именительнаго падежа множественнаго числа на *и*, употребляемая иногда въ рѣчи съ значеніемъ и винительнаго падежа (какъ: „вышелъ *въ люди*“, „по-

Библиотека "Руниверс"

палъ *въ сосѣди*"), помимо древнихъ основъ на *о* съ предшествующими заднеязычными или гортанными *г*, *к*, *х*, заимствована изъ древней формы винительнаго падежа множественнаго числа отъ именъ мужескаго рода съ древними основами на ь (=осн. ĭ).

На мое замѣчаніе: „На стр. 44 по *поводу родительнаго падежа* читаемъ: „Во II склоненіи (на *а* и *я*) у словъ *мягкаго различія* на мѣстѣ ѧ находимъ окончаніе *и*. Тоже видимъ и въ именительномъ падежѣ множественаго числа". Не совсѣмъ точно: слова *книга*, *рука*, *соха* принадлежатъ не къ мягкому склоненію, а имѣютъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа и въ именительномъ падежѣ множественнаго числа окончаніе *и*: *книги*, *руки*, *сохи*. Но чѣмъ же объясняется замѣна ѧ русскимъ окончаніемъ *и* въ этихъ формахъ? Неизвѣстно".—Ясно, что это замѣчаніе направлено, во 1-хъ, противъ неточности положенія; во 2-хъ, противъ отсутствія объясненія въ немъ замѣны древне-церковно-славянскаго ѧ русскимъ окончаніемъ *и*. Проф. Карскій возражаетъ: „Замѣчаніе относительно—*и*, послѣ задненебныхъ въ формахъ: *книги*, *руки*, *сохи* не на мѣстѣ: оно должно быть въ фонетикѣ. Въ морфологіи я умолчалъ" (не „преднамѣренно" ли?) объ этомъ явленіи, такъ какъ оно извѣстно уже ученикамъ изъ фонетики. Впрочемъ, въ вопросахъ, приложенныхъ къ разсматриваемому §, читаемъ у меня: „крики, грѣхи, бóги—съ окончаніемъ *и* во множественномъ числѣ архаизмъ или нѣтъ?" (стр. 46). Сказанное относится и къ замѣчанію проф. Некрасова въ слѣдующемъ отдѣлѣ". Не разъ въ своихъ возраженіяхъ проф. Карскій доказываетъ несправедливость моихъ замѣчаній на его книгу тѣмъ, что онъ „умолчалъ", иногда даже „преднамѣренно умолчалъ" о томъ, о чемъ, по моему мнѣнію, не слѣдовало бы умалчивать въ учебникѣ, гдѣ каждое положеніе должно быть выражаемо такъ, чтобы въ немъ все было ясно и точно, и не было бы ничего недосказаннаго. Такъ, въ данномъ случаѣ, говоря о фонетической замѣнѣ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа у словъ мягкаго различія древне-церковно-славянскаго ѧ русскимъ звукомъ *и*, онъ „умолчалъ" о томъ, что въ русскомъ языкѣ этотъ звукъ *и* въ родительномъ падежѣ единственнаго числа является и у словъ не мягкаго различія, такъ какъ-де это относится къ фонетикѣ, а не къ морфологіи!.. Но любопытно бы знать, какого отвѣта ожидаетъ отъ ученика проф. Карскій на предложенный имъ въ концѣ § (стр. 46) вопросъ: „Крики, грѣхи, боги—съ окончаніемъ *и* во множественномъ числѣ архаизмъ или нѣтъ?" Судя по смыслу его возраженія, вѣроятно,—*отрицательнаго*.

Библиотека "Руниверс"

На стр. 50-й своей грамматики проф. Карскій объясняетъ, между прочимъ, образованіе формы творительнаго падежа въ склоненіи именъ прилагательныхъ полныхъ женскаго рода такъ: „новоѭ + ѥѭ — новоіѭ + ѭ, а послѣ слитія двухъ юсовъ въ одинъ — новоіѭ, *получается форма сходная съ именною*". По поводу этого послѣдняго выраженія, въ которомъ форма новоіѭ несомнѣнно признается *именною*, я въ своей рецензіи ограничился слѣдующимъ вопросомъ: „развѣ форма творительнаго падежа единственнаго числа отъ именъ существительныхъ на *а*, напримѣръ, водоіѭ есть форма именнаго склоненія, а не мѣстоименнаго (какъ тоіѭ)?"—Проф. Карскій въ своемъ возраженіи на этотъ вопросъ говоритъ: „Отвѣчу: неизвѣстно!" А если „неизвѣстно". то для чего же онъ учитъ, что форма творительнаго падежа новоіѭ сходна съ *именною* формою? Вѣдь, можетъ быть, она сходна и не съ именною, а съ мѣстоименною? Но далѣе онъ старается доказать, что форма новоіѭ есть *именная* форма. Онъ говоритъ: „Въ этомъ падежѣ и имена и мѣстоименія либо пользуются основой распространенной прибавкой—ja, либо, по другому мнѣнію, и тѣ и другія формы образованы отъ основъ на дифтонгъ (какой?), восходящихъ еще къ основному индоевропейскому языку, насколько можно судить объ этомъ по подобному же распространенію основы въ санскритскомъ áçvayā послѣ *ā* отпало *n*, какъ въ rājā отъ основы rājān; предполагаемое ān и отражается въ нашемъ ѭ)". Пусть это все разберетъ, кто можетъ. У К. Бругмана (въ Grundriss d. vergl. Grammatik d. idg. Sprachen II, 2, 1892, стр. 629 instrument. sg. въ основахъ на *-ā*). *Arisch.* Im Ved. erscheint beim Nomen seltener als *-ā* der Ausgang *-ayā*, wie *áśvayā*, in der späteren Sprache die einzig übliche Form... Vgl. aksl. *rąkojǫ* (рѫкоіѭ) neben *rąką* (рѫкѫ), *ebenfalls eine Neubildung nach der. pronominaleu Declination tojǫ* (тоіѭ). На стр. 630: „*Lit. rankā* (aus **rankā*, die alte Länge noch in *gerá ja* neben *gerà* 'cum bona') lautet in gewissen Mundarten *runku*, im Lett. *růku*, woraus sich **rankān *rankām* als balt. Grundform ergibt. Hiermit stimmt das aksl. *rąka* (рѫкѫ) eine Form, die zwar in den aksl. Denkmälern selten ist, aber durch *ihr Vorhandensein auch im Westslavischen sich als urslavisch erweist.* Die gewöhnliche Instrumentalform des Aksl. war *rąkojǫ* (рѫкоіѭ), *eine Neubildung nach den Pronomina wie tojǫ* (тоіѭ) (§ 422), Vgl. ai. *áśvayā* nach. *tájā*". На стр. 783 въ § 422 (относящемся къ образованію падежей въ мѣстоименномъ склоненіи): „Die *ā* — Stämme hatten *-aiā*. Ai.

Библиотека "Руниверс"

táyā av. *aę-taya*, ai. *ayā*, av. *ayā āya*. Aksl. *toją* тоѭ (mit Partikel *-m*), wozu alit. *taja*, jetzt dialektisch taĭ". и проч. Кажется, ясно! Если все это извѣстно проф. Карскому, то могъ ли онъ на вопросъ: „развѣ форма творительнаго падежа единственнаго числа именъ существительныхъ на *-a*, напримѣръ водоѭ, есть форма именнаго склоненія, а не мѣстоименнаго (какъ тоѭ) ?" добросовѣстно отвѣчать: „неизвѣстно!"?—Но мало того, проф. Карскій, желая доказать, что форма водоѭ можетъ быть именнаго склоненія, смѣло утверждаетъ, что будто-бы Миклошичъ въ статьѣ: Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen. Wien, 1879, отказался отъ своего прежняго мнѣнія, высказаннаго въ морфологіи славянскихъ языковъ (то-есть, что формы въ родѣ водоѭ- мѣстоименнаго образованія). и убѣдительно доказалъ, что въ формѣ творительнаго падежа ѫ (рѫкѫ) слѣдуетъ видѣть стяженіе изъ-оѭ. Въ дѣйствительности же Миклошичъ не отказывался въ своей статьѣ „Ueber die lang. Vocale" отъ своего прежняго мнѣнія о мѣстоименномъ образованіи формы творительнаго падежа на оѫ- отъ основъ на *a* и не доказывалъ убѣдительно, что форма творительнаго падежа рѫкѫ образовалась посредствомъ стяженія изъ формы рѫкоѭ. Вотъ что говоритъ Миклошичъ въ этой статьѣ на стр. 22: „Aus dem über das nsl. s. Kr. Gesagten kann mit einiger Wahrscheinlichkeit gefolgert werden, dass im aslov. die durch Contraction entstandenen Vocale lang waren daher *dobrêmь* (добрѣмь), *imêhъ* (имѣхъ), mit langem ê (ѣ). *dobrūgo* (добраго), *imātь* (имамь). *poslêdьnītь* (послѣдьнимь). *pogrebenī* (погребени) sg. loc. *dobrumu* (доброумоу). *rybā* (рыбѫ) sg. nstr., *wenn es wirklich aus ryboją* (рыбоѭ) *entstanden*, im Gegensatze zu *rybą* (рыбѫ) sg. acc. *dobrītь* (добритьмь). *sądī* (сѫди) usw. Vergl gramm. 1, 196". А въ грамматикѣ Lautlehre, 1878. I, 197) читаемъ: *oą aus oją wird* ą (то-есть посредствомъ стяженія): *diese contraction wird häufig im sg. i. der a-stämme angenommen:* rybą, *aus* ryboą, ryboją: ryboją *soll. das ursprüngliche sein: nach meiner ansicht sind beide auf verschiedenen stümmen beruhende formen gleich alt*", то-есть одна (рыбѫ) на *именной* основѣ, а другая (рыбоѭ) на *мѣстоименной*. Поэтому Миклошичъ и выразился въ своей статьѣ объ отношеніи этихъ двухъ формъ между собою „wenn es (то-есть форма рыбѫ) wirklich aus рыбоѭ entstanden". Но если-бы даже форма творительнаго падежа рыбѫ дѣйствительно образовалась посредствомъ стяженія изъ формы рыбоѭ, то и въ этомъ случаѣ

Библиотека "Руниверс"

нѣтъ основанія отказываться отъ мнѣнія, что форма рыбоѭ мѣстоименнаго образованія, а не именного. Извѣстно однако, что форма творительнаго падежа на -ѫ встрѣчается рѣдко въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской письменности, а форма на -оѭ представляется обыкновенною; поэтому трудно думать, что первая образовалась изъ второй, то-есть, что она по отношенію къ послѣдней есть позднѣйшая форма [1]). Какъ бы то ни было, Миклошичъ не отказывался отъ своего мнѣнія о мѣстоименномъ, а не именномъ, образованіи формы творительнаго падежа единственаго числа на -оѭ отъ именъ существительныхъ съ основами на -*а*. Да если бы Миклошичъ отказался отъ этого мнѣнія, то проф. Брандтъ, подъ редакціею котораго издана въ 1884 году въ русскомъ переводѣ г. Шлякова „Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ" Миклошича, навѣрное сдѣлалъ бы объ этомъ примѣчаніе въ книгѣ, сославшись на статью „Ueber die langen Vocale in den slavichen Sprachen". Wien, 1879 г.; но никакого подобнаго примѣчанія проф. Брандтъ не сдѣлалъ. Очевидно, что проф. Карскій, желая оправдать свои промахи, рѣшается на такія доказательства, которыя не имѣютъ ничего общаго съ „чисто научными и педагогическими видами", ради которыхъ отъ пишетъ свои возраженія.

Въ рецензіи замѣчено: „На стр. 58-й проф. Карскій объясняетъ форму вєтъшати изъ формы *вєтъхѣти". Это невѣрно: форма вєтъшати, подобно формѣ слоушати, имѣетъ суффиксомъ *а*, а не ѣ, и образовалась чрезъ форму *вєтъшити отъ вєтъхъ точно такъ же, какъ форма, напримѣръ, хаждати чрезъ форму ходити отъ существительнаго ходъ". Замѣчаніе вполнѣ справедливое. На это указываютъ личныя формы вєтъшаѭ-вєтъшаєши и пр., какъ слоушаѭ-слоушаєши и пр. Если бы форма вєтъшати образовалась посредствомъ суффикса ѣ изъ *вєтъхѣти, какъ учитъ проф. Карскій, то личныя формы были-бы *вєтъшѫ - *вєтъшиши и пр. подобно формамъ: слышѫ-слышиши и пр. отъ глагола слышати вмѣсто *слыхѣти и т. п. Проф. Карскій возражаетъ противъ моего замѣчанія такъ: „Что касается недопущенія возможности происхожденія вєтъшати изъ *вєтъхѣти, то по этому поводу замѣчу слѣдующее: если-бы вєтъшати, согласно взгляду проф. Некрасова, было образовано съ суффиксомъ -*а*- при посредствѣ вєтъшити, какъ хаждати отъ

---

[1]) Мы видѣли, что Бругманъ и считаетъ форму на ѫ (рыбѫ) творительнаго падежа *первоначальною*.

Библиотека "Руниверс"

ходити, то оно обозначало бы видъ многократный, а не средній залогъ". Такъ, чтожъ за бѣда, если бы оно (то-есть, слово нетъшати) и обозначало видъ многократный, а не средній залогъ? Но развѣ посредствомъ суффикса *а* непремѣнно всегда образуется только видъ многократный? Развѣ глаголы съ суффиксомъ *а* не могутъ имѣть значенія средняго залога? Развѣ глаголу многократнаго вида воспрещается имѣть значеніе средняго залога? Какого же залога глаголы съ суффиксами а: бѣгати, падати, стенати, стѫпати, сѣдати, лѣгати и др.?

По поводу объясненія образованія формы повелительнаго наклоненія въ рецензіи сказано: „На стр. 62-й образованіе *формъ повелительнаго наклоненія* объясняется слѣдующимъ образомъ: „Для того, чтобы получить единственное число" (а не формы единственнаго числа повелительнаго наклоненія?) „къ основамъ" (то-есть настоящаго времени) „на гласные", (очевидно, *е* и *и*) „прибавляется — *и*, которое сливается съ окончаніемъ темы: неси, люби; для образованія же двойственнаго и множественнаго числа суффиксомъ служитъ—ѣ, который во II спряженіи, а также послѣ гласныхъ въ I переходитъ въ и" (а форма ищате? Остр. ев. л. 275,в); „кромѣ того, прибавляются личныя окончанія для двойственнаго числа -вѣ и -та, а для множественнаго -мъ и -те". Неясно! На основаніи этого объясненія можно думать, что формы повелительнаго наклоненія въ глаголахъ древняго церковно-славянскаго языка I и II спряженія характеризуются двумя суффиксами: для единственнаго суффиксомъ и, а для двойственнаго и множественнаго чиселъ суффиксомъ ѣ; что первый сливается въ одинъ звукъ съ окончаніемъ (то-есть съ гласнымъ *е* или *и*), судя по примѣрамъ: неси, люби въ звукъ и (то-есть несе+и=неси, люби+и=люби); но что происходитъ съ другимъ суффиксомъ ѣ, то-есть къ чему онъ присоединяется въ темѣ настоящаго времени на гласные звуки *е* и *и* и что происходитъ вслѣдствіе его присоединенія, обо всемъ этомъ нѣтъ ни слова въ объясненіи. Въ виду этого можно думать и такъ, что формы повелительнаго наклоненія характеризуются собственно однимъ суффиксомъ, но суффиксъ этотъ въ единственномъ числѣ принимаетъ форму и, а въ двойственномъ и множественномъ числахъ форму ѣ, но который изъ нихъ основной, неизвѣстно. Словомъ, объясненіе — крайне неясно. Впрочемъ, изъ нихъ видно, по крайней мѣрѣ, то, что основы или темы настоящаго времени въ глаголахъ древняго церковно-славянскаго языка I и II спряженій *оканчиваются на гласные звуки е или и*, которые поэтому представляются

Библиотека "Руниверс"

тематическими окончаніями настоящаго времени. Но на стр. 57 въ въ § 50 читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „*основы настоящаго времени* получаются, если отбросить окончаніе 3-го лица единственнаго числа ть". Слѣдовательно, если мы отбросимъ отъ формъ 3-го лица: несеть и любить окончаніе -ть, то получимъ основы настоящаго времени: несе и люби. Однако, въ учебникѣ далѣе говорится, что „*къ основѣ настоящаго времени* обыкновенно присоединяются е—о (соединительные гласные), чѣмъ она и отличается отъ основы неопредѣленнаго наклоненія и пр.". Слѣдовательно, въ морфемѣ несе за основу настоящаго времени собственно должно признать звукосочетаніе нес, а звукъ е, слѣдующій за этимъ звукосочетаніемъ, есть не тематическій, а *соединительный гласный*, который въ парадигмахъ настоящаго времени на стр. 61 проф. Карскій и отдѣляетъ отъ основы. Итакъ, что же слѣдуетъ признать за основу настоящаго времени въ глаголѣ нести: звукосочетаніе нес, или несе? Очевидная сбивчивость въ изложеніи. Этимъ замѣчаніемъ, конечно, имѣлось въ виду указать автору учебника, съ одной стороны, на *неясность* его ученія объ образованіи формъ повелительнаго наклоненія; съ другой, — на *сбивчивость* его ученія о формахъ основы настоящаго времени, которое встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ учебника. А проф. Карскій говоритъ, что „въ разсматриваемой рецензіи дѣлается *предположеніе о моемъ взглядѣ* относительно суффикса повелительнаго, при чемъ дѣло представляется *въ совершенно ложномъ освѣщеніи* (будто бы я предполагаю, что неси образовалось на славянской почвѣ изъ несе+и)". Въ рецензіи слова проф. Карскаго выписаны мною изъ учебника *буквально*. „Смѣю увѣрить проф. Некрасова", продолжаетъ проф. Карскій, „что не только я, но и ни одинъ изъ моихъ слушателей не усумнится въ томъ, что древне-церковно-славянскій суффиксъ повелительнаго и—ѣ равенъ основному — oi (ср. и въ моемъ учебникѣ стр. 7, гдѣ берѣмъ сопоставлено съ φέρομεν). Другое дѣло, почему на мѣстѣ дифтонга—oi въ единственномъ числѣ имѣемъ и, а не ѣ, но этого нельзя уяснить ученикамъ гимназіи на почвѣ только древняго церковно-славянскаго языка". Но вѣдь дѣло не въ этомъ, а въ неясности изложенія того, что говорится въ грамматикѣ объ образованіи формъ повелительнаго наклоненія. Эта неясность изложенія и выяснена мною въ рецензіи. Но проф. Карскій не обращаетъ вниманія на это, а говоритъ дальше: „Проф. Некрасову показалось неправильнымъ замѣчаніе о томъ, что суффиксъ повелительнаго накло-

Библиотека "Руниверс"

нія ѣ во II спряженіи, а также послѣ гласныхъ въ I переходитъ въ и". Нѣтъ! ничего неправильнаго мнѣ не показалось въ этомъ. Изъ словъ моей рецензіи, приведенныхъ выше, не видно ничего подобнаго, и проф. Карскій напрасно въ данномъ случаѣ указываетъ на форму ищате, говоря: „Въ качествѣ возраженія приведена форма ищате Остром. л. 275,в. Хотѣлъ бы я знать, только ли за тѣмъ приведено это возраженіе, чтобы увеличить число недостатковъ въ моей книгѣ" (число недостатковъ книги проф. Карскаго безъ особеннаго труда можно было бы увеличить и безъ этого) „или же дѣйствительно проф. Некрасовъ знаетъ какой-либо особый способъ объясненія подобныхъ *позднѣйшихъ* и далеко не *типичныхъ* явленій, какъ ꙗ въ повелительномъ вмѣсто и". Ни то, ни другое. Выраженіе: „а форма ищате?", поставленное въ скобкахъ, указываетъ лишь на то, что къ словамъ учебника: „для образованія же двойственнаго и множественнаго чиселъ суффиксомъ служитъ ѣ, который во II спряженіи, а также послѣ гласныхъ въ I переходитъ въ и" можно было бы прибавить: „а въ нѣкоторыхъ глаголахъ послѣ небныхъ согласныхъ и j-та вмѣсто и встрѣчается *а*". Слѣдовательно, форма ищате приведена въ рецензіи не „въ качествѣ возраженія", а въ качествѣ напоминанія. Проф. Карскій напрасно называетъ безъ всякой оговорки формы, въ родѣ ищате, *позднѣйшими* и *вторичными*, давая этимъ поводъ думать, что онѣ встрѣчаются лишь въ позднѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской письменности, и считаетъ ихъ (то-есть формы) до того маловажными, что лучше и не упоминать о нихъ въ учебникѣ. Не такъ думаетъ о тѣхъ же формахъ проф. Лескинъ. Во-первыхъ, онъ считаетъ ихъ позднѣйшими и вторичными (umgebildete) не по времени появленія ихъ въ памятникахъ древне-церковно-славянской письменности, а по образованію ихъ сравнительно съ формами, имѣющими суффиксъ и, что, конечно, далеко не одно и то же; во-вторыхъ, онъ посвящаетъ имъ особый параграфъ въ своемъ учебномъ руководствѣ (Handbuch der altbulgarischen (alt kirchenslavischen) Sprache. 2 Auflage. Weimar. 1886. 131 a, Seite 138) и выписываетъ въ немъ значительное число примѣровъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянской письменности; именно изъ Зографскаго евангелія, изъ Супрасльской рукописи и Синайской Псалтыри, раздѣливъ примѣры на *первичныя* формы (ursprüngliche) съ суффиксомъ и (напримѣръ пиите, покажите) и *вторичныя* (umgebildese) съ суффиксами ѣ и а (напримѣръ вапиамъ, пока-

Библиотека "Руниверс"

жатє, покажѣтє и др.). Далѣе проф. Карскій говоритъ: „Предложенное имъ (то-есть проф. Некрасовымъ) объясненіе этого явленія (то-есть ꙗ вм. и) въ „Очеркѣ“ (стр. 167) не можетъ считаться научнымъ, такъ какъ а появляется на мѣстѣ ѣ только равнаго основному ě, а не дифтонгу. Единственно правильнымъ объясненіемъ должно быть признано слѣдующее (Лескинъ: Грамматика старославянскаго языка. М. 1890, стр. 140): „Первоначально въ этой формѣ возможна только гласная—и—(=(j)oi): бинмъ, глаголимъ и т. д. Но вслѣдствіе склонности, распространенной во всѣхъ памятникахъ, подъ вліяніемъ аналогіи... несѣмъ, двигнѣмъ, появляется ѣ, *вм. котораго послѣ j... стоитъ* а: биꙗмъ“. Прекрасно! А въ моемъ „Очеркѣ“ сказано такъ: „*послѣ согласныхъ небныхъ звукъ ѣ чередуется съ звукомъ а или и*, напримѣръ ищатє вм. ищѣтє, покажатє вм. покажѣтє, биꙗтє, биѣтє и биитє“. Почему же это выраженіе „не можетъ считаться научнымъ“, а выраженіе, что „вмѣсто ѣ послѣ j-та стоитъ а“—вполнѣ научно? Развѣ въ данномъ мѣстѣ моего „Очерка“ говорится вообще о чередованіи звука ѣ звукомъ а, а не о томъ только случаѣ, когда ѣ долженъ слѣдовать за небными согласными?

Свои возраженія проф. Карскій оканчиваетъ слѣдующимъ заключеніемъ: „На основаніи всего сказаннаго“, говоритъ онъ, „можно придти къ заключенію, что замѣчанія проф. Некрасова *часто отражаютъ его личный вкусъ*, а не являются поправками по существу. Особеннымъ нападкамъ подверглось въ моей грамматикѣ *образованіе словъ*, но вотъ что объ этомъ же отдѣлѣ говоритъ прежній рецензентъ ученаго комитета (забраковавшій, кстати сказать, учебникъ г. Флерова, впослѣдствіи новой комиссіей подъ предсѣдательствомъ проф. Некрасова даже премированный. Ср. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1894 г., Ноябрь: „Наша учебная литература“)“. Слѣдуетъ самый отзывъ. На все это въ отвѣтъ я скажу, что проф. Карскій при новомъ VII изданіи своей грамматики навѣрное рѣшитъ не въ свою пользу вопросъ, гдѣ больше правды: въ *моемъ ли личномъ вкусѣ*, подъ вліяніемъ котораго будто бы я писалъ свою весьма снисходительную рецензію на его книгу съ цѣлію помочь автору въ ея исправленіи, или въ его „*чисто научныхъ и педагогическихъ видахъ*“, ради которыхъ онъ писалъ свои возраженія съ цѣлью оправдать явные промахи, указанные мною въ его книгѣ, такъ какъ многое онъ долженъ будетъ исправить въ ней по моимъ указаніямъ.

Н. Некрасовъ.

Библиотека "Руниверс"

Книжныя новости.

Н. М. Терновскій. Историко-литературные очерки. Житоміръ, 1898.— Содержаніемъ названныхъ очерковъ послужили статьи: „О вліяніи просвѣтительной дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія на развитіе славянскаго самосознанія и культурнаго движенія у западныхъ славянскихъ народовъ", „Д. И. Фонвизинъ", „И. И. Хемницеръ", „В. А. Жуковскій", „М. Ю. Лермонтовъ", „А. В. Кольцовъ", „И. С. Тургеневъ" и „И. А. Гончаровъ". Нѣкоторыя изъ названныхъ статей были уже напечатаны ранѣе и отдѣльными брошюрами и въ періодическихъ изданіяхъ. Хотя съ научной стороны въ своихъ „Очеркахъ" г. Терновскій не вноситъ ничего новаго, но въ виду того, что онъ обращаетъ наибольшее вниманіе на причины, „создавшія умственно-нравственную физіономію" писателя, и на тѣ общественные вопросы и типы, которые онъ поднимаетъ и изображаетъ, „Очерки" представляютъ свой интересъ и по малой разработанности этихъ вопросовъ въ литературѣ и по удачному ихъ изложенію. При этомъ нельзя не отмѣтить довольно легкаго и вполнѣ литературнаго за весьма ничтожными исключеніями языка „Очерковъ"; для среднеучебныхъ заведеній и для самообразованія они могутъ послужить весьма недурнымъ пособіемъ.

Акты Нижегородскаго Печерскаго Вознесенскаго монастыря. Съ предисловіемъ *А. А. Титова.* М. 1898.—Въ 1850 г. возникла въ Нижнемъ-Новгородѣ археографическая комиссія для разбора древнихъ актовъ. Хотя непродолжительная ея дѣятельность была весьма незначительна, но одному изъ главныхъ ея дѣятелей П. И. Мельникову удалось еще ранѣе 1850 г. разобрать вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими акты Нижегородскаго Печерскаго монастыря и часть ихъ—около 140—отпечатать въ Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1848 г. Кромѣ того при помощи о. Макарія и Добротворскаго Мельникову удалось снять копіи или „списки" со всѣхъ документовъ этого монастыря, подлинники которыхъ въ 1849 г. были вытребованы въ С.-Пб. археографическую комиссію. Послѣдняя въ 1875 г. напечатала въ своей „Библіотекѣ" 42 №№ изъ этихъ документовъ. Въ настоящее время А. А. Титову, въ рукахъ котораго очутились всѣ „списки" Мельникова, пришла мысль издать всѣ документы Печерскаго монастыря по этимъ „спискамъ". „Въ издаваемый первый томъ, говоритъ онъ, вошли всѣ документы, помѣщенные въ первыхъ двухъ томахъ списковъ Мельникова" (всѣхъ ихъ шесть томовъ), за весьма небольшими исключеніями. „Акты напечатаны въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ въ рукописи П. И. Мельникова, съ удержаніемъ и тѣхъ рубрикъ, на которыя они здѣсь подраздѣляются,... заголовковъ, сдѣланныхъ П. И. Мельниковымъ... и съ сохраненіемъ стилистическихъ и орѳографическихъ особенностей текста". Въ этотъ томъ вошли и акты, уже напечатанные Мельниковымъ въ „Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ" (по крайней мѣрѣ большинство ихъ) и до 26 актовъ изъ напечатанныхъ археографическою комиссіею. Большинство изъ помѣщенныхъ актовъ болѣе или менѣе точно пріурочивается къ опредѣленному году и лишь немногіе не имѣютъ вѣрныхъ

Библиотека "Руниверс"

хронологическихъ указаній. По своему характеру и содержанію документы Печерскаго монастыря весьма разнообразны; „можно сказать", читаемъ въ предисловіи г. Титова (стр. XII), „что они, въ своей области, обнимаютъ собою всѣ стороны стариннаго дѣлопроизводства, начиная отъ царскихъ грамотъ и кончая мелкими записями". Тутъ есть письма, грамоты и указы царей, патріарховъ и нижегородскихъ митрополитовъ, наказныя памяти воеводъ, архимандритовъ и др., челобитныя, донесенія и отписки, дѣла слѣдственныя и спорныя, допросныя и отвѣтныя рѣчи, росписи, выписи и т. п. Большинство актовъ относится къ XVII вѣку. По содержанію наибольшій интересъ изъ нихъ представляютъ письма, такъ какъ въ нихъ нашли свое выраженіе многія явленія монастырской жизни во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ; затѣмъ акты, относящіеся къ управленію монастыремъ, приписными монастырями и вотчинами (въ числѣ ихъ находится и несудимая грамота съ подписью царя Михаила Ѳедоровича, стр. 142—143); далѣе акты, касающіеся монастырскаго имущества вообще (наиболѣе любопытны прошенія о построеніи храмовъ при архимандритѣ Рафаилѣ), и наконецъ акты общегосударственнаго значенія, напримѣръ офиціальная переписка о совершеніи молебствія по поводу рожденія великой княжны Ѳеодоры Алексѣевны; наказъ о задержаніи и присылкѣ поджигателей; царскій указъ о приготовленіи къ защитѣ противъ турецкаго султана и крымскаго хана и др. Конечно, напечатаніе этихъ актовъ является весьма важнымъ явленіемъ для будущаго историка Печерскаго монастыря; въ нихъ найдутся матеріалы и для исторіи всего нижегородскаго края, но надо признаться, что цѣнность ихъ была-бы еще значительнѣе, если бы „списки" П. И. Мельникова были провѣрены по подлинникамъ, хранящимся въ С.-Пб. археологической комиссіи. Мы просмотрѣли царскія челобитныя въ книгѣ г. Титова и встрѣтились тутъ съ довольно путанною орѳографіею нижегородскихъ семинаристовъ, а не подъячихъ, которые, какъ извѣстно, писали по своему правильно и весьма однообразно, и съ несомнѣнными ошибками. Затѣмъ, конечно, врядъ-ли можетъ вполнѣ удобной показаться и система П. И. Мельникова, столь тщательно удерживаемая издателемъ, болѣе, какъ говоритъ онъ самъ, „для характеристики работъ комиссіи" (стр. IV). Въ текстѣ нѣкоторыхъ документовъ имѣются значительные пропуски, которые, быть можетъ, можно было-бы восполнить при сравненіи „списка" съ подлинникомъ. Нелегко, пожалуй, было отличить и приписки и вставки переписчиковъ отъ подлинныхъ словъ документа по однимъ только „спискамъ", особенно плохо сохранившимся. Вотъ почему намъ казалось-бы и цѣлесообразнѣе и научнѣе не пренебрегать издателю при продолженіи своего труда подлинниками археографической комиссіи.

— Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Соч. д-ра *Любора Нидерле.* Перев. съ чешскаго Ѳ. К. Волковъ, подъ ред. Д. Н. Анучина. С.-Пб. 1898. Послѣ извѣстнаго сочиненія Леббока, появившагося въ русскомъ переводѣ въ 1875 г. и трактующаго о первобытныхъ древностяхъ только нѣкоторыхъ западноевропейскихъ странъ и отчасти С. Америки, переводъ вышесказаннаго труда проф. Чешскаго университета въ Прагѣ Нидерлеявляется важнѣйшимъ вкла-

Библиотека "Руниверс"

домъ въ русскую археологическую литературу. Онъ восполняетъ прежній недостатокъ въ руководствѣ по доисторическимъ древностямъ, которое знакомило бы читателя съ современнымъ состояніемъ археологической науки на Западѣ и съ научною классификаціей археологическаго матеріала въ связи съ фактами археологическими, добытыми на почвѣ Россіи. Проф. Нидерле, какъ говоритъ въ своемъ предисловіи редакторъ перевода, давно уже занимающійся антропологіей и археологіей, хорошо знакомый съ древностями Австро-Венгріи и вообще всей Западной Европы, а также ознакомленный и съ русскою археологическою литературой и русскими музеями, удачно соединилъ въ одномъ обзорѣ западную доисторическую старину съ восточною и связалъ древнѣйшую культуру романо-германской Европы съ соотвѣтственными культурными эпохами славяно-восточнаго міра. Его сочиненіе подъ заглавіемъ „Lidstvo v dobe predhistoricke" появилось еще въ 1893 г., но въ настоящемъ изданіи авторомъ были сдѣланы нѣкоторыя добавленія и поправки, такъ что оно является вполнѣ соотвѣтствующимъ новѣйшимъ даннымъ науки. Въ введеніи авторъ разсуждаетъ о томъ, что такое доисторическая археологія; опредѣляетъ ея отношеніе къ антропологіи и исторіи, ея задачи и методы, и затѣмъ даетъ очеркъ развитія доисторической археологіи, болѣе подробно останавливаясь на современномъ ея состояніи. Затѣмъ, раздѣливъ свое сочиненіе на двѣ части: *періодъ дометаллическій* и *эпоху металловъ* и каждую часть на главы, онъ начинаетъ съ краткаго обзора геологическихъ измѣненій земной поверхности, послѣдовавшихъ ранѣе появленія на ней человѣка; далѣе знакомитъ съ новѣйшими теоріями о происхожденіи человѣка и его древности и особенно подробно останавливается на ледниковомъ періодѣ и палеолитической эпохѣ человѣческой культуры (гл. 2-я). Въ третьей главѣ („Человѣчество въ неолитическую эпоху") сначала приводитъ подраздѣленія ея, затѣмъ обозрѣваетъ главные неолитическія находки, дѣля ихъ на двѣ главныхъ группы: остатки человѣческихъ поселеній неолитическія мѣста погребенія. Въ послѣдней (IV) главѣ этой части проф. Нидерле говоритъ и о доисторическихъ племенахъ каменнаго вѣка въ Европѣ. Вторая часть—*эпоха металловъ*—начинается объясненіями автора о значеніи металловъ для исторіи культуры; затѣмъ идутъ описанія мѣднаго и бронзоваго вѣковъ, причемъ подробнѣе говорится о послѣднемъ, съ приведеніемъ различныхъ научныхъ теорій о немъ. Тутъ же авторъ говоритъ и о развитіи торговли янтаремъ, добывавшимся на берегахъ Балтійскаго моря, относя эту торговлю къ бронзовому вѣку. Глава VII — „древнѣйшій желѣзный вѣкъ" — изобилуетъ данными, относящимися къ западнымъ славянамъ и Россіи, и содержитъ систематическое описаніе могильниковъ и кургановъ. Начало же ея занято подробной характеристикой гальштатской культуры съ опредѣленіемъ границъ ея распространенія. Въ слѣдующихъ главахъ VIII и IX („Расцвѣтъ желѣзнаго вѣка") подробно обозрѣвается латинская культура и римская, причемъ особое вниманіе обращается авторомъ на эпоху великаго переселенія народовъ, содѣйствовавшаго появленію новыхъ типовъ вещей и ихъ дальнѣйшему развитію. Обозрѣвъ затѣмъ культуру германскую, ея развитіе на сѣверѣ Россіи и позднѣйшую эпоху „позднѣйшаго желѣзнаго вѣка" — эпоху викинговъ, проф. Нидерле переходитъ къ славянамъ и обстоятельно

Библиотека "Руниверс"

описываетъ ихъ распредѣленіе, распространеніе и предметы ихъ первобытной культуры, особенно городища и могилы, вводя сюда и характеристику русскихъ языческихъ погребеній. Заканчивается IX глава очеркомъ торговли съ арабами и появленія христіанства. Заключительная X глава говоритъ о европейскихъ племенахъ въ концѣ доисторической эпохи и представляетъ антропологическія данныя для выясненія и сравненія первоначальныхъ типовъ и славянъ. По своему характеру изложенія книга проф. Нидерле можетъ назваться вполнѣ объективнымъ, безпристрастнымъ компендіумомъ почти всѣхъ новѣйшихъ археологическихъ теорій, для оцѣнки которыхъ читателю предоставляется широкое поле. Переводъ сдѣланъ довольно легкимъ литературнымъ языкомъ, доступнымъ для большинства читателей. Въ текстѣ 459 рисунковъ и въ концѣ книги карта Европы въ ледниковый періодъ. Въ видѣ приложенія къ книгѣ имѣются „Библіографическія примѣчанія", числомъ 411, и алфавитный указатель.

— Вкладная книга Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Съ предисловіемъ *А. А. Титова.* М. 1898.—Напечатанная г. А. А. Титовымъ вкладная книга представляетъ собою запись, мѣстами очень подробную, вкладовъ всякаго рода, поступившихъ въ казну Печерскаго монастыря въ теченіе 1641—1738 гг. Подобнаго рода матеріалъ, какъ извѣстно, въ связи съ другими источниками, играетъ весьма значительную роль при изученіи внутренней монастырской жизни. Настоящая вкладная книга имѣетъ еще тѣмъ большій интересъ, что захватываетъ послѣдній періодъ самостоятельной экономической жизни монастырей передъ введеніемъ духовныхъ штатовъ въ 1764 г. Знакомясь ближе съ содержаніемъ книги, находимъ, что Печерскій монастырь не былъ богатъ обычными въ то время боярскими вкладами: жертвовали больше нижегородцы, духовенство, пріѣзжіе торговые люди и крестьяне, да и то больше при условіи,—„буде похочутъ постричися". Большинство вкладовъ сдѣлано деньгами и лошадьми; затѣмъ идутъ предметы, непосредственно относящіеся къ церковно-богослужебной практикѣ: иконы книги духовнаго содержанія, ризы и т. п.; вообще не были забыты вкладчиками и всѣ остальныя стороны монастырскаго обихода. Любопытно при этомъ, какъ монастырь, принимая у себя бѣглыхъ крестьянъ, посредствомъ вкладовъ, къ которымъ уговаривали владѣльцевъ, устранялъ судебную волокиту. Кромѣ этого въ названной вкладной книгѣ, говоритъ г. Титовъ, „находятся и историческія данныя, имѣющія значеніе для общей русской церковной исторіи", но таковыхъ имъ указано слишкомъ немного. Вкладная книга напечатана по хорошо сохранившейся рукописи XVII вѣка (на 192 листахъ) и, по словамъ г. Титова, использована была однажды и то отчасти авторомъ „Описанія Печерскаго монастыря" (въ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", за 1845—49 гг.).

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Оглоблинъ, Н. Н.* Обозрѣніе документовъ Чарондской земской избы. Къ исторіи крестьянскихъ общинъ въ XVII вѣкѣ. С.-Пб. 1898.

— Писцовыя книги Рязанскаго края. Подъ редакціей члена комиссіи *В. Н. Сторожева.* I. Изданіе Ряз. учен. Арх. Ком.—Рязань. 1898.

Библиотека "Руниверс"

— Семь статей В. Г. Бѣлинскаго. Юбилейное изданіе. Подъ редакціей *П. А. Ефремова* и *В. Е. Якушкина*. Изданіе *М.* и *С. Сабашниковыхъ*. М. 1898.

— Труды сѣверной комиссіи. (Комитетъ для помощи поморамъ русскаго сѣвера). 1897—1898. I. Научно-промысловыя морскія изслѣдованія Мурмана. II. Учрежденіе инспекцій рыболовства, научно-промысловыхъ станцій и рыбацкихъ школъ на сѣверѣ. С.-Пб. 1898.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Выпускъ III. Содержаніе: *Вестманъ*, Германскія колоніи въ Новой Гвинеи.—*Бакунинъ*, Нидерландская колонизація Новой Гвинеи. — *Прозоръ*. Ввозъ русскаго хлѣба въ Швейцарію. — *Пиларъ фонъ-Пильхау*, баронъ, Мелкій кредитъ въ Ирландіи.—*Чахотинъ*, Русскіе отхожіе промыслы въ Сербіи. — *Гукъ*, Торговля и промышленность Гетеборга.— *Исславинъ*, Сокращеніе рабочаго дня для желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Англіи.—*Вейнеръ*, Торговля хмѣлемъ въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. Въ приложеніи: Донесенія посланника въ Мюнхенѣ, А. Извольскаго. С.-Пб. 1898.

— Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ XXIV. Тифлисъ, 1898.

— *Сторожевъ, В. Н.*—Къ вопросу о необходимости коренного обновленія состава брошюръ для народныхъ чтеній.

— *Цвѣтаевъ, Дм.*—Закрытіе варшавскаго монастыря доминиканъ-обсервантовъ (бывшей московской каплицы) Варшава 1898.

— Отчетъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства за 1897 г. С.-Пб. 1898.

— *Неклепевичъ, К.* Методическое рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ изъ курса I—III классовъ. Елисаветградъ. 1898.

— *Суворовъ, Н.* Вопросъ о номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ. По поводу книги проф. А. С. Павлова: „Номоканонъ при большомъ требникѣ" изд. 1897.—Ярославль. 1898.

— *Модзалевскій Б. Л.*—Пушкинъ и Ефимъ Петровичъ Люценко. Историко-литературная замѣтка. С.-Пб. 1898.

— Сводъ постановленій и распоряженій о спеціальныхъ испытаніяхъ на учительскія званія. По порученію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа составилъ *П. Изволскій*, окружной инспекторъ того же округа. Кіевъ 1898.

— Таврида. Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической губерніи вообще. Составилъ *Арсеній Маркевичъ*. Выпускъ второй. Симферополь. 1898.

— The Philadelphia Museums. The Philadelphia Commercial Museum.

— The Philadelphia Commercial Museum.—American Trade with Australia. A Report by Col. Geo. W. Bell.

— Los Museos de Tiladelfia. Museo Comercial y Económico... por. *J. B. Calvo*. Washington.

Библиотека "Руниверс"

— Národopisný Sborník Československý, Vydává Národopisná společnost československá a Národopisné Museum Československé. Redactor Prof. dr. *František Pastrnek*. V Praze. 1898. Svazek třetí.

— *Родинъ, Е. К.* — Ѳ. И. Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства. Харьковъ. 1898.

— *Комонъ, Н.* Грозы въ Европейской Россіи и на Кавказѣ за 1889 г. Съ двумя таблицами. (Записки Императорской Академіи Наукъ. Mémoires VIII série, T. VI. № 3). С.-Пб. 1898.

— *Марковъ, А. А.* О предѣльныхъ величинахъ интеграловъ въ связи съ интерполированіемъ (Записки Императорской Академіи Наукъ. Mémoires... VIII-e série. T. VI. № 5. С.-Пб. 1898.

— Труды восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества. Т. XXII.—Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изданы подъ редакціей *И. И Веселовскаго*. Т. III. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича (продолженіе) С.Пб. 1898.

— Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. X. Вып. I и II. Новая серія.—Труды отдѣленія славянской и русской археологіи. Подъ ред. *С. Ѳ. Платонова*. Книга III. С.-Пб. 1898. Содержаніе: *Тыжновъ. И. И.*, Замѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири.—*Васильевъ, Н. И.*, Археологическій указатель Пскова и его окрестностей. *Бобринскій А. А.*, графъ, Нѣсколько неизданныхъ змѣевиковъ; *его-же*—Шлемъ Іоанна Грознаго.—Матеріалы по донсторической археологіи Россіи.—*Спицынъ, А. А.*, Разборъ, обработка и изданіе археологическаго матеріала—Мелкія сообщенія.—Протоколы отдѣленія русской и славянской археологіи, протоколы общихъ собраній общества и пр.

— Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1898. Книга III. 186-я. Издана подъ завѣдываніемъ *Е. И. Барсова*. М. 1898. Содержаніе: *Юшковъ, А. И.*, Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ.—*Ляцкій, Е. А.*—Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ —*Муркосъ, Г. А.*, Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, въ половинѣ XVII вѣка.—*Дмитріевъ Мамоновъ, А. И*, Пугачевщина въ Сибири.—Смѣсь.

— Византійскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею *В. Г. Васильевскаго* и *В. Э. Регеля*. Т. V, вып. 3. Содержаніе: Отд. I. О времени св. Софіи Солунской. *Я. Смирнова*; Еще къ вопросу о Вичинѣ. *Ю. Кулаковскаго*; Левъ Мудрый, или Левъ Исавръ былъ авторомъ „Тактики"? *Ю. Кулаковскаго*; Славяне въ Греціи. *А. Васильева*; Къ критикѣ текста второй тетради „Ὑπὲρ τῶν πολέμων" Прокопія Кесарійскаго. *М. Крашенинникова*. Аоонскія грамоты. *Александра Лаврскаго*. Отд. II. *Schlumberger*. L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. Рец. *А. Васильева*; Μαργαρίτης Γ. Δήμιτσας. Ἡ Μακεδονία ἐν λίθοις φθεγγομένοις καὶ μνημείοις σωζομένοις. Рец. *А. Никитинскаго*. *А. Павлова*: Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. Рец. *Пл. Соколова*. Библіографія. Отд. III. Мелкія замѣтки и извѣстія.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Вопросникъ къ „учебному курсу теоріи словесности" *В. А. Яковлева* (примѣнительно къ 3-му изданію. Составилъ *А. Пыльневъ*. Рекомендовано Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, какъ пособіе при самостоятельныхъ занятіяхъ кадетъ. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. С.-Пб. 1896, 68 стр. Цѣна не обозначена.

„Учебный курсъ теоріи словесности" г. Яковлева,—книжка, безъ сомнѣнія, содержательная и полезная; но она, можно сказать, подавляетъ читателя массою теоретическихъ свѣдѣній разнаго научнаго характера, изложеніе которыхъ не всегда отличается надлежащею ясностью, а система—послѣдовательностью; притомъ, не всѣ свѣдѣнія имѣютъ въ ней одинаковую научную достовѣрность и одинаковую важность для учащихся въ средней школѣ. Опознаться среди заключающагося въ ней теоретическаго учебнаго матеріала, то-есть отдѣлить въ немъ важное отъ неважнаго, достовѣрное отъ менѣе достовѣрнаго—не легко; поэтому при чтеніи книга г. Яковлева требуетъ значительнаго напряженія отъ вниманія даже такого читателя, который знакомъ съ предметомъ ея содержанія; тѣмъ труднѣе справиться съ нею учащимся, которые должны пользоваться ею въ качествѣ руководства. Чтобы облегчить учащимся трудъ пользованія книгою г. Яковлева, какъ руководствомъ при занятіяхъ словесностью, г. Пыльневъ составилъ къ ней „Вопросникъ", о назначеніи котораго онъ говоритъ въ предисловіи къ нему, подъ заглавіемъ „Отъ составителя", слѣдующее: „Главное назначеніе „Вопросника" состоитъ въ томъ, чтобы помогать учащимся во время приготовленія урока уяснить себѣ планъ

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

каждаго отдѣльнаго параграфа (что важно не только для усвоенія его содержанія, но и вообще для развитія умѣнья излагать), а за тѣмъ провѣрить, усвоено-ли его содержаніе съ надлежащею полнотою; кромѣ того, „Вопросникъ" этотъ можетъ служить нѣмымъ конспектомъ при повторенія, а также пособіемъ при выполненіи учащимися письменныхъ работъ по содержанію пройденнаго ими курса".

Вопросникъ г. Пыльнева составленъ весьма подробно: каждая частная мысль, входящая въ содержаніе отдѣльнаго параграфа книги г. Яковлева, отмѣчена въ немъ особымъ вопросомъ. Онъ заключаетъ въ себѣ 1116 вопросовъ, раздѣленныхъ на 109 параграфовъ, согласно съ „учебнымъ курсомъ теоріи словесности" г. Яковлева. Число вопросовъ къ каждому параграфу опредѣляется числомъ мыслей, входящихъ въ его содержаніе; такъ напримѣръ, къ §§ 10, 104 и 107 учебнаго курса въ „Вопросникѣ" находится по одному вопросу, къ § 68, изложенному почти на пяти страницахъ (136—141), предлагается 49 вопросовъ. Чтобы пользоваться „Вопросникомъ" г. Пыльнева, необходимо имѣть подъ рукою книгу г. Яковлева: иначе, многіе вопросы покажутся непонятными, или крайне неопредѣленными и загадочными; какъ, напримѣръ, вопросъ 336 къ § 42: „Что представляетъ собою повѣствованіе о человѣкѣ", или: вопросъ 356 къ § 46: „Что необходимо для всякаго различенія?" или: вопросъ 783 къ § 77: „Какимъ путемъ можетъ возникнуть рѣшеніе драматическаго героя?" и т. п. При составленіи „Вопросника" г. Пыльневъ, очевидно, заботился, съ одной стороны, о соблюденіи той послѣдовательности въ вопросахъ, которою обусловливается изложеніе частныхъ мыслей въ каждомъ отдѣльномъ параграфѣ; съ другой, о томъ, чтобы не пропустить какой-либо частной мысли безъ соотвѣтствующаго для нея вопроса. Вслѣдствіе этого иногда одинъ и тотъ же вопросъ предлагается два раза для одного и того же параграфа, такъ, напримѣръ, къ § 54 вопросъ, „Въ чемъ еще можетъ выражаться идеализація?" встрѣчается два раза подъ №№ 434 и 441; потому что на этотъ вопросъ подъ № 434 въ § 54 книги г. Яковлева отвѣтомъ служитъ слѣдующая мысль: „Идеализація выражается прежде всего *въ переработкѣ единичныхъ предметовъ и явленій* жизни соотвѣтственно характеру идеи и пр.; а на тотъ же вопросъ подъ № 441 въ § 54 книги г. Яковлева служитъ отвѣтомъ слѣдующая мысль: „Далѣе идеализація выражается *въ обобщеніи предметовъ и явленій жизни*" Но кое-гдѣ встрѣчаются вопросы, которые или не вполнѣ соотвѣтствуютъ мыслямъ, отвѣчающимъ на нихъ въ книгѣ г. Яковлева, или противорѣчатъ взгляду автора учебнаго

Библиотека "Руниверс"

курса теоріи словесности; или, наконецъ, вовсе не имѣютъ въ курсѣ соотвѣтствующаго себѣ отвѣта. Такъ, напримѣръ, на 57-й вопросъ къ § 5-му: „На чемъ можетъ *основываться* связь между понятіями?“ въ книгѣ г. Яковлева читаемъ (стран. 13) слѣдующій отвѣтъ: „А связь между понятіями можетъ *зависѣть*: во 1-хъ, отъ *сходства* самихъ предметовъ; во 2-хъ, отъ ихъ постоянныхъ другъ къ другу *отношеній*“. Основаніе и зависимость—не одно и тоже. На 83-й вопросъ къ § 9-му: „Что такое *сужденіе?*“ отвѣтомъ служитъ слѣдующее положеніе: (стр. 17) „*Сужденіе* слагается изъ соединенія двухъ понятій и пр.“. Очевидно, это положеніе должно было бы отвѣчать на вопросъ: „Изъ чего слагается сужденіе?“, а не на вопросъ: „Что такое сужденіе?“ На 340 вопросъ къ § 43-му: „Какія цѣли могутъ преслѣдоваться въ разсужденіяхъ?“—отвѣтомъ служитъ слѣдующее положеніе (стр. 67): „Одни виды разсужденія занимаются *изслѣдованіемъ* причинной зависимости между предметами, ихъ признаками и состояніями; другіе излагаютъ только *результаты* этихъ изслѣдованій“. Ни о какихъ цѣляхъ здѣсь не говорится. — Вопросы: 54-й „какъ называется *образованіе новыхъ словъ* путемъ присоединенія префиксовъ и суффиксовъ?“ и 55-й: „какъ называется образованіе *новыхъ словъ* путемъ прибавленія (къ чему?) знаменательныхъ реченій?“ противорѣчатъ по своему содержанію взгляду автора „учебнаго курса“, такъ какъ онъ не признаетъ словъ, образовавшихся тѣмъ или другимъ путемъ, *новыми словами*. На стран. 12-й въ § 5-мъ объясняя развитіе слова съ внутренней стороны въ живыхъ языкахъ двумя способами: въ 1-хъ, съ *измѣненіемъ* внѣшней стороны (то-есть звуковой формы слова); во 2-хъ, *безъ измѣненія*, г. Яковлевъ говоритъ: „Въ первомъ случаѣ къ знаменательному слову прибавляются префиксы и суффиксы (словопроизводство), или другое знаменательное реченіе (словосочиненіе) (!);—вслѣдствіе чего данное слово, измѣняя свою звуковую форму, расширяетъ содержаніе, то-есть, становится способнымъ къ обозначенію нѣсколькихъ или многихъ понятій. Напримѣръ, отъ первоначальнаго слова „ду“ путемъ словопроизводства и словосочиненія можно получить цѣлый разрядъ производныхъ и составныхъ словъ (дуть, задуть, духъ, духовный, духовенство, воздухъ, душить, душный, душа и т. д.), которыя являются *не новыми, самостоятельными реченіями, но тѣмъ же самымъ основнымъ словомъ* („*ду*“), *которое только приноровило свою форму къ новымъ понятіямъ, вошедшимъ въ его содержаніе.*—На вопросъ 927: „Что служитъ возмездіемъ за ошибку, соединенную съ нравственной провинностью?“ въ § 92

Библиотека "Руниверс"

книги г. Яковлева нѣтъ собственно отвѣта: тамъ говорится только то, что если ошибка соединяется съ нравственной провинностью, то „осмѣяніе не всегда бываетъ достаточнымъ возмездіемъ за вину", (стран. 191).—На вопросъ 1110 къ § 108-му: „какія произведенія въ частности относятся къ поучительной прозѣ?" въ книгѣ г. Яковлева нѣтъ отвѣта. — Неизвѣстно, почему г. Пыльневъ въ 22-мъ вопросѣ къ § 2-му вмѣсто „*единичныхъ понятій*" употребилъ терминъ „*одиночныя* понятія", выразившись такимъ образомъ: „какія понятія называются *одиночными* и какія *общими?*"

1) Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Часть I. Этимологія. Правописаніе согласно съ руководствомъ Грота. Составилъ *В. Покровскій*. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Москва. 1897. XIII+163. Цѣна 40 коп.

2) Систематическій диктантъ. Часть 2-я. Синтаксисъ. Составилъ *В. Покровскій*. Изданіе второе, дополненное. Москва. 1897. XI—256. Цѣна 60 коп.

3) Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. *В. Покровскаго*. Москва. 1896. V+33. Цѣна 20 коп.

4) Справочный орѳографическій словарь. Пособіе для учащихся. Составилъ *В. Покровскій*. Москва. 1897. 126. Цѣна въ папкѣ 20 коп.

Начну съ брошюры г. Покровскаго подъ заглавіемъ „Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія", такъ какъ она даетъ надлежащую точку зрѣнія на прочіе вышепоименованные труды его. Эта брошюра, какъ говоритъ авторъ, „есть рефератъ, читанный имъ въ Комиссіи учителей русскаго языка, состоящей при Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія знаній". Въ предисловіи къ ней г. Покровскій излагаетъ главныя положенія своего реферата и поименовываетъ тѣ сборники диктантовъ (числомъ 33), изъ разсмотрѣнія которыхъ они были выведены. Основная мысль реферата—та, что для диктантовъ, какъ и для другихъ практическихъ упражненій при изученіи русскаго языка въ школѣ, необходимо всегда избирать примѣры изъ литературнаго языка образцовыхъ русскихъ писателей и иногда изреченія безыскусственной поэзіи, главнымъ образомъ, пословицы. Тѣ и другіе должны отличаться доступностью своего содержанія для пониманія учениковъ, благородствомъ мыслей и изяществомъ формы. Въ IV положеніи предисловія авторъ совершенно вѣрно говоритъ, что „искаженіе, по грамматическимъ соображеніямъ, произведеній образцовыхъ писателей, особенно поэтическихъ,—дѣло антиэстетическое, котораго не должна допускать ни при какихъ условіяхъ школа".

Библиотека "Руниверс"

Конечно, нельзя не признать особенной педагогической важности въ томъ, чтобы на урокахъ отечественнаго языка умъ учащихся постоянно находилъ для себя здоровую пищу въ содержаніи примѣровъ, взятыхъ изъ образцовыхъ произведеній русской словесности и народной мудрости, а слухъ постоянно пріучался къ изящной и благозвучной формѣ выраженій. Поэтому г. Покровскій справедливо вооружается противъ всякой самодѣльщины въ примѣрахъ и безсмысленныхъ стихотворныхъ подборахъ словъ на извѣстное правило, и противъ разнаго рода искаженій языка произведеній русскихъ писателей ради грамматическихъ цѣлей, какъ-то: противъ вставки и опущенія словъ въ выраженіяхъ, противъ передѣлки стиховъ въ прозу, или противъ пересказа какого либо поэтическаго стихотворенія „своими словами". Вообще, какъ основная мысль реферата г. Покровскаго, такъ и тѣ положенія, которыя доказываются въ немъ, заслуживаютъ полнаго сочувствія и кромѣ того—желанія, чтобы они нашли себѣ возможно большее распространеніе между преподавателями. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что вышеприведенное IV положеніе предисловія не проведено вполнѣ, логически строго, авторомъ ни въ рефератѣ, ни въ его собственныхъ сборникахъ диктантовъ: г. Покровскій, какъ видно, не считаетъ искаженіемъ писать стихи въ сплошную строку, такъ же, какъ и прозу. По моему мнѣнію, такое обращеніе съ стихами, какъ съ высшею по изяществу и благозвучію поэтическою формою рѣчи, должно быть признано совершенно непозволительнымъ искаженіемъ произведенія не только относительно формы, но иногда даже и относительно красоты его смысла. Замѣна стихотворной формы рѣчи на письмѣ прозаическою формою сглаживаетъ въ умѣ учащихся всякое различіе между тою и другою и ведетъ къ полному заблужденію. А между тѣмъ многое, что въ стихахъ, какъ въ поэтической формѣ рѣчи,—прекрасно, можетъ оказаться въ прозаической формѣ безобразнымъ. Вотъ, напримѣръ, выраженіе „летитъ кибитка удалая", которое г. Покровскій приводитъ два раза въ своихъ систематическихъ диктантахъ: одинъ разъ, какъ простое предложеніе, заключающее въ себѣ слово, обозначающее качество съ окончаніемъ на „*ая*" (I, стр. 13, § 22); другой разъ, какъ предложеніе сложное, въ которомъ ставится запятая между главнымъ и придаточнымъ, въ слѣдующей формѣ: „Бразды пушистыя взрывая, летитъ кибитка удалая" (II, стр. 36, § 11). Прочитавъ, или прослушавъ эти примѣры, ученикъ непремѣнно подумаетъ: „какія такія бразды пушистыя"? Какъ это взрываетъ ихъ кибитка? и притомъ еще: что это за удалая

Библиотека "Руниверс"

кибитка? Можетъ ли быть кибитка удалой? и проч. Словомъ, эти выраженія, написанныя въ прозаической формѣ рѣчи, теряютъ всякій смыслъ и всю свою поэтическую прелесть, которую легко почувствуетъ каждый въ слѣдующихъ стихахъ Пушкина:

Зима... Крестьянинъ торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая:
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.

Или въ выраженіи „на встрѣчу дѣвочка мнѣ шла" (I, стр. 102, статья 27), взятомъ изъ стихотворенія Козлова, написанномъ вмѣстѣ съ слѣдующими тремя стихами въ прозаической формѣ, развѣ порядокъ словъ свойственъ этой послѣдней? Никакія типографоэкономическія соображенія не могутъ оправдать это искаженіе стихотворной поэтической формы рѣчи въ учебныхъ книгахъ. Замѣчательно, что ни въ первой, ни во второй части систематическаго диктанта, гдѣ предлагаются связныя статьи для диктантовъ, нѣтъ ни одного поэтическаго произведенія въ стихотворной формѣ; тогда какъ въ отрывочныхъ примѣрахъ безпрестанно встрѣчаются стихи въ прозаической формѣ. Развѣ не слѣдуетъ пріучать учащихся узнавать стихи и ихъ размѣры, гдѣ нѣтъ риѳмы? Въ этомъ обращеніи со стихами нашихъ поэтовъ, по моему мнѣнію, состоитъ единственный важный недостатокъ въ сборникахъ г. Покровскаго, которые отличаются вообще обиліемъ матеріала и хорошимъ выборомъ примѣровъ, за исключеніемъ весьма немногихъ въ родѣ, напримѣръ, такихъ, какъ „Аѳанасій Ивановичъ ходилъ въ бараньемъ тулупѣ" (I, стр. 44, § 60), или: „пробужденный отъ сна, Петръ I выскочилъ въ одной сорочкѣ" (II, стр. 51, примѣръ 25). Въ связной рѣчи подобные примѣры производятъ иное впечатлѣніе, не такое озадачивающее, какое производятъ они сами по себѣ, взятые отдѣльно. Существенное различіе между обѣими частями систематическаго диктанта г. Покровскаго состоитъ въ томъ, что въ 1-й части предлагается матеріалъ для упражненія въ правильномъ употребленіи буквъ для обозначенія звуковъ въ словахъ, въ ихъ грамматическихъ формахъ и окончаніяхъ; а во 2-й предлагается матеріалъ для упражненія въ употребленіи знаковъ препинанія между словами и предложеніями въ рѣчи. Въ 1-й части „матеріалъ

Библиотека "Руниверс"

расположенъ въ такомъ порядкѣ: сначала даются отдѣльныя предложенія на извѣстныя правила. затѣмъ—связныя статьи на тѣ же правила, наконецъ—связныя статьи на всѣ части рѣчи" (см. предисловіе). Во 2-й части:—„сначала даются примѣры на употребленіе знаковъ препинанія въ простомъ предложеніи, потомъ въ сложно-слитномъ и, наконецъ, въ сложно-составномъ (сложно-подчиненномъ и сложно-сочиненномъ)" (см. предисловіе). Обѣ части снабжены подробными и обстоятельными оглавленіями. Опечатокъ, можно сказать, почти нѣтъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ удалось замѣтить не болѣе двухъ-трехъ и то неважныхъ въ обѣихъ частяхъ систематическаго диктанта, а именно: въ 1-й части на стр. 137 въ 86 статьѣ подъ заглавіемъ „Кобчикъ" послѣ слова „молнія" запятая не нужна; на стр. 154 въ 109 статьѣ „впреди", вѣроятно, вм. „впереди"; во 2-й части, на стр. 111 въ 7 статьѣ на 4-й строкѣ снизу напечатано „зянятій" вм. „занятій". Но есть ошибки слѣдующія: на стр. 107 въ 25 примѣрѣ πόιησες вм. ποίησις; ποιέο вм. ποιέω; ποιήτης вм. ποιητής; на стр. 216 въ сноскѣ говорится: „*База* (лат. basis)—основаніе". Слово basis—не латинское, а греческое.

Что касается до „справочнаго орѳографическаго словаря", то онъ составленъ довольно полно и по лучшимъ пособіямъ. При собственныхъ именахъ лицъ указаны народныя формы; при именахъ существительныхъ нарицательныхъ указаны, гдѣ нужно, падежныя формы; при глаголахъ указаны формы неопредѣленнаго наклоненія и 3-го лица множ. числа, а иногда и формы другихъ лицъ; при словахъ сложныхъ изъ предложныхъ префиксовъ и именъ приведены примѣры, объясняющіе, когда слѣдуетъ писать отдѣльно предлогъ, когда — вмѣстѣ съ именемъ. Вообще книжка составлена удовлетворительно.

Курсъ наглядной геометріи для трехъ низшихъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія. Съ 116 чертежами. Составилъ *М. Малыхинъ*. Москва. 1897. Цѣна 45 коп. Стр. 72.

По утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія учебнымъ планамъ и программамъ женскихъ гимназій, въ трехъ младшихъ классахъ этихъ учебныхъ заведеній и прогимназій проходится наглядный курсъ геометріи, служащій подготовкою къ систематическому изученію этой науки, начинающемуся съ IV класса, и сообщающій вмѣстѣ съ тѣмъ краткія свѣдѣнія по геометріи, необходимыя для другихъ наукъ (въ особенности для физики), изученіе которыхъ начинается прежде окончанія систематическаго курса геометріи. Со-

Библиотека "Руниверс"

ставленный М. Малыхинымъ курсъ наглядной геометріи соотвѣтствуетъ такому предназначенію и былъ бы удовлетворительнымъ, если бы былъ надлежащимъ образомъ разработанъ; но авторъ не обратилъ должнаго вниманія на необходимость тщательной обработки всѣхъ деталей и упустилъ изъ виду, что въ учебникѣ — и въ особенности въ предназначенномъ для младшихъ классовъ — всякая мысль должна быть выражена точно и ясно, а конструкція каждой фразы должна быть грамматически и логически правильна. А потому учебникъ этотъ представляетъ какъ бы черновой набросокъ, требующій весьма многихъ редакціонныхъ исправленій. Было бы излишне подвергать подробному разбору недостатки этого учебника: достаточно нѣсколькихъ выписокъ изъ разныхъ его мѣстъ.

На первыхъ строкахъ „Введенія" бросается въ глаза такое преувеличеніе: „Земной шаръ *со всѣми его морями и океанами, высочайшими горами и глубочайшими оврагами* измѣренъ и *измѣренъ самымъ точнымъ образомъ*".

Вслѣдъ за тѣмъ дано такое опредѣленіе геометріи; „это измѣреніе сдѣланное съ помощью знанія особой науки, которая называется геометріей. Геометріей называется наука объ измѣреніи не только одной земли, но вообще всевозможныхъ предметовъ, или пространствъ, занимаемыхъ этими предметами".

На 7-й стр. читаемъ: „Говорятъ: поверхность пола, луга и т. д. Могутъ ли быть взяты поле или лугъ и перенесены на другое мѣсто, или нѣтъ? Значитъ, поверхность отъ тѣла отдѣлена быть не можетъ".

На стр. 40-й: „Если измѣримъ *въ нѣсколькихъ треугольникахъ* съ помощью транспортира всѣ внутренніе углы, то окажется, что сумма *ихъ* въ каждомъ треугольникѣ всегда равна 180°, или двумъ прямымъ угламъ". Это неудачно выраженное свойство треугольника не пояснено чертежемъ, напримѣръ — проведеніемъ чрезъ вершину разносторонняго треугольника линіи, параллельной его основанію и указаніемъ равенства на-крестъ лежащихъ угловъ.

На 43-й стр. дано такое опредѣленіе подобія фигуръ: „Всякія фигуры, равномѣрно уменьшенныя или увеличенныя *во всѣхъ своихъ частяхъ* (?), называются подобными между собою".

На стр. 49-й построены равновеликія, но не равныя между собою фигуры, различными соединеніями двухъ равныхъ прямоугольныхъ треугольниковъ; одна изъ этихъ фигуръ—прямоугольная, а другая—имѣющій такое же основаніе и такую же высоту параллелограммъ, и сказано: „они равновелики, отсюда заключаемъ, что всякій

Библиотека "Руниверс"

параллелограммъ и прямоугольникъ, имѣющіе равныя основанія и высоты, равновелики". Но очевидно, что такого общаго вывода изъ частнаго случая сдѣлать нельзя, а надо было или дополнить объясненіе или сдѣлать надлежащую оговорку.

Стр. 61: „Призма, имѣющая въ основаніи правильный многоугольникъ, называется правильною". Но, вѣдь, не всякая такая призма называется правильною, а только *прямая* призма.

Стр. 70; „Шаръ можно разсматривать какъ тѣло, состоящее изъ безчисленнаго множества *равныхъ* пирамидъ, соединенныхъ своими вершинами въ центрѣ". Но если даже подъ словомъ *пирамида* подразумѣвать пирамидальное тѣло, имѣющее основаніемъ сферическій многоугольникъ, то и тогда нельзя сказать, что шаръ можно разсматривать какъ состоящій изъ *безчисленнаго множества* такихъ *равныхъ* пирамидальныхъ тѣлъ.

Полчаса съ микроскопомъ. Популярное руководство къ употребленію микроскопа, какъ средства для удовольствія и поученія. Составилъ *Эдвинъ Ланкестеръ*. Переводъ съ англійскаго (съ 19-го изданія). Москва. 1897. Изданіе К. И. Тихомирова. 214 стр. съ VIII таблицами четкихъ рисунковъ, одною литографированною таблицею и 30 политипажами.

Трудно понять, чѣмъ объясняется успѣхъ этой маленькой книжки, заслужившей 19 изданій. Судя по названію, она должна бы имѣть популярный характеръ, но этого не замѣчается. Она заключаетъ 7-мь слѣдующихъ главъ:

1) полчаса объ устройствѣ микроскопа,
2) въ саду,
3) за городомъ,
4) на берегу пруда,
5) на берегу моря,
6) въ домѣ,
7) полчаса о поляризаціи свѣта.

Въ заключеніе приложена статья о приготовленіи и сохраненіи предметовъ другаго автора (Кеттернигэмъ), гдѣ дается много полезныхъ практическихъ свѣдѣній.

Первая и седьмая глава имѣютъ нѣсколько спеціальный характеръ и написаны не во всѣхъ мѣстахъ понятнымъ языкомъ; сомнительно, чтобы незнакомый съ устройствомъ микроскопа и поляризаціей вынесъ ясное о нихъ представленіе. Въ прочихъ главахъ сообщается много матеріала, но слишкомъ кратко; при нѣкоторыхъ предметахъ

Библиотека "Руниверс"

попутно еще даютъ кой-какія свѣдѣнія, при другихъ же ограничиваются только одною номенклатурою: безпрестанно попадаются латинскія названія животныхъ и растеній, которыя не понятны для неспеціалистовъ, напримѣръ на стр. 68: Pandorina Morum, Volvox glolator, на стр. 69 Plumatella repens и т. под. Что касается до самаго содержанія, то съ нѣкоторыми изъ данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ, нельзя согласиться.

Такъ напримѣръ на стр. 69 говорится, что „къ частямъ растеній, которыя можно изслѣдовать только подъ микроскопомъ, слѣдуетъ отнесть и тычинки"; но вѣдь и простымъ глазомъ хорошо видны тычинки.

На стр. 73 говорится, что „у различныхъ формъ устройство зонтичныхъ растеній сѣмена находятся въ плодѣ"; но спрашивается у какихъ же растеній, за исключеніемъ только хвойныхъ, сѣмена не находятся въ плодѣ?

На стр. 75. Водоросль, придающій снѣгу красноватый цвѣтъ, названъ Uredo vivalis; но Uredo одинъ изъ представителей микроскопическихъ грибковъ, водоросль же носитъ названіе Protococcus vivalis.

Стр. 82. Совершенно ошибочно авторъ полагаетъ, что органы, производящіе споры, замѣняютъ пестики высшихъ растеній; ихъ слѣдуетъ сравнивать съ плодами, пестикамъ же соотвѣтствуютъ архегоніи.

Стр. 102. Классъ Rotatoria отнесенъ къ инфузоріямъ; но такого мнѣнія держался Эренбергъ слишкомъ полстолѣтія тому назадъ, теперь же этотъ классъ относятъ къ отдѣлу червей.

Стр. 120. „Рыбьи чешуйки называются гакоидными, плакоидными, циклоидными и ктеноидными, смотря по семейству, къ которому рыбы принадлежатъ". Не обратно ли? группы рыбъ носятъ извѣстное названіе, смотря по строеніи чешуекъ.

Но если противъ оригинала можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній, то тѣмъ болѣе противъ перевода. Повидимому книга переводилась не однимъ лицемъ, а двумя; по крайней мѣрѣ послѣднія главы переведены гораздо лучше первыхъ, гдѣ встрѣчается много ошибокъ, непонятныхъ и неправильныхъ выраженій. Укажу хотя на нѣкоторыя ошибки:

Стр. 49 утолщенная часть рѣпы названа клубнемъ, а не корнемъ.

Стр. 54. Неизвѣстно, почему деревянистая ткань у хвойныхъ названа желѣзковою.

На стр. 82 говорится, что у мужской особи папоротниковъ споры круглы; по всей вѣроятности не у мужской особи, такъ какъ она не

Библиотека "Руниверс"

даетъ споръ, а у такъ называемаго мужскаго папоротника (Aspidium filix mas).

На стр. 67 читаемъ: „Послѣднее (движеніе) происходитъ посреди атомовъ, движущихся по стѣнкамъ клѣточекъ. Его можно также замѣтить въ листьяхъ Anacharis". Что это за атомы, движущіеся по стѣнкамъ! Что это за растеніе Anacharis—не Hydrocharis ли и т. д.; у послѣдняго растенія дѣйствительно замѣчается движеніе протоплазмы въ клѣточкахъ.

Неправильныя выраженія стр. 54. „Эти крапины суть результатъ отложеній, происходящихъ внутри трубы". Крапинами переводчикъ называетъ поры, но онѣ образуются не вслѣдствіе отложеній; кромѣ того странно называть микроскопическіе канальцы, входящіе въ составъ растеній, трубами.

Стр. 57. „Клѣточки... бываютъ кубическія... часто представляются нѣсколько изрытыми (?)".

Стр. 57—58: „Для любителя не такъ легко произвести разсѣченье угля".

Стр. 63. „Внѣшняя поверхность (?) отдѣльныхъ частей всѣхъ растеній представляетъ занимающемуся микроскопомъ богатое поле для удовольствія (?) и поученія". Во-первыхъ не поверхность, а кожица растеній, во-вторыхъ странное выраженіе: „поле для удовольствія".

Стр. 70: „Когда хотятъ изслѣдовать пыльниковыя коробочки, то слѣдуетъ вытрясти (?) на пластинку немного пыли". Въ ботаникѣ нѣтъ термина: „пыльниковая коробочка"—просто пыльникъ, вмѣсто же: „вытрясти немного пыли" слѣдовало бы сказать: „высыпать немного пыли".

Стр. 74: „Сложный микроскопъ трудно переносить и располагать въ полѣ, но произведенья (?) дорогъ и придорожья (?) легко принести къ микроскопу". Затѣмъ далѣе: „Сухіе предметы, которые можно положить въ ящики, отличаются отъ тѣхъ, которые слѣдуетъ нести домой въ бутылкахъ".—Странныя выраженія!

Стр. 82: „Часть, содержащая споры, находится на небольшомъ стебелькѣ и называется урной. Покрываетъ (?) урну и находится на ней подобно ночному колпаку чехолъ (?).

Стр. 172: „При постепенномъ охлажденіи соль уничтожаетъ (?) влажность окружающаго воздуха и тогда въ разныхъ (?) мѣстахъ начинается кристаллизація"—непонятно.

Библиотека "Руниверс"

Б. Федченко и *А. Флеровъ*. Водяныя растенія средней Россіи. Иллюстрированный опредѣлитель водяныхъ растеній, дикорастущихъ въ средней Россіи. Изданіе авторовъ. Съ 32 фотоциякографіями. Москва. 1897. 63. 40 коп.

Это сочиненіе представляетъ ключъ къ опредѣленію среднероссійскихъ водяныхъ растеній въ числѣ 80 видовъ.

Составленъ онъ толково и можетъ служить хорошимъ пособіемъ, тѣмъ болѣе, что обыкновенно, водяныя растенія въ другихъ опредѣлителяхъ играютъ второстепенную роль. При нѣкоторыхъ растеніяхъ мелкимъ шрифтомъ обозначены различныя данныя, относящіяся къ нимъ, въ особенности касательно опыленія растеній.

Напрасно только авторы употребляютъ выраженія, правда, научныя, но совершенно излишнія въ особенности при пользованіи ключемъ учащимися. На страницѣ 11 читаемъ „цвѣты протогиническіе", на 19-й: „клейстогамически", на 41-й: „цвѣты протандрическіе". Первый терминъ по крайней мѣрѣ объясненъ, другіе же два оставлены безъ разъясненія.

Тоже едва ли будутъ понятны для учащихся выраженія, подобныя которымъ читаемъ мы на страницѣ 17-й.

„Вегетативно роголистникъ очень быстро размножается". При каждомъ растеніи дано родовое и видовое названіе на латинскомъ и русскомъ языкахъ; но почему то на страницѣ 9: „Telmatophace gibba" переведено не ряска горбатая, а ряска гибба.

При слѣдущемъ изданіи слѣдовало бы точнѣе раздѣлить, что это такое значитъ: „опыленіе при содѣйствіи воды (стр. 17-й)": или на стр. 26-й: „Зимуетъ при помощи укороченныхъ вѣтвей съ густо сдвинутыми листьями"..

А. Ѳ. Флеровъ и *Б. А. Федченко*. Краткое руководство къ собиранію растеній и составленію научнаго гербарія. Изданіе авторовъ. Москва. 1896. 23. Цѣна 10 коп.

Брошюра кратко указываетъ, какъ составляется коллекція растеній, какъ они откапываются, какія данныя слѣдуетъ отмѣтить при каждомъ растеніи. Необходимо на картѣ той мѣстности, на которой собираются растенія, нанести цвѣтными карандашами или красками распространеніе растительныхъ формацій, а потому въ брошюрѣ перечислены главнѣйшія семь формацій и указаны, какіе каждой изъ нихъ свойственны лѣса. Въ заключеніе говорится о сушкѣ растеній.

Конечно всѣ эти данныя очень важны при собираніи растеній и

Библиотека "Руниверс"

въ этомъ отношеніи брошюра далеко не лишняя. Можно сдѣлать только одно замѣчаніе. На 1-й страницѣ читаемъ мы, что „почти полное отсутствіе краткихъ доступныхъ и понятныхъ наставленій къ собиранію растеній съ научною цѣлью побудило къ изданію этой небольшой брошюрки“; между тѣмъ, во всѣхъ подобныхъ изданіяхъ, за исключеніемъ только растительныхъ формацій, гораздо подробнѣе разсматриваются различные способы собиранія и сушки растеній. Притомъ, если имѣть въ виду научную цѣль, то помимо папоротниковъ, мимоевъ, плауновъ, хвощей и мховъ, которые предлагаютъ авторы собирать изъ отдѣла безцвѣтковыхъ растеній, слѣдовало бы упомянуть, что и грибы и водоросли тоже должны входить въ составъ коллекціи.

Карлъ Крепелинъ. Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества. Перевелъ съ нѣмецкаго *Н. А. Холодковскій*, профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1897. II+184 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ сочиненіи 14 статей, которыя озаглавлены вечерами. Первый вечеръ посвященъ образованію льда, ледникамъ и водѣ; второй паукамъ, третій поваренной соли, четвертый описанію обыкновенныхъ минераловъ; пятый устройству ноги у птицъ; шестой значенію свѣта и тепла для растеній и странствованію сѣмянъ; седьмой устройству рыбъ; восьмой каменному углю и торфу; девятый устройству мухъ; десятый микроскопическимъ грибкамъ; одиннадцатый глистамъ; двѣнадцатый комнатнымъ растеніямъ; тринадцатый животнымъ, обитающимъ въ комнатѣ, и четырнадцатый различнымъ вопросамъ.

Авторъ задался цѣлью познакомить читателя съ тѣлами и явленіями, которыя могутъ быть наблюдаемы повсюду, и не въ видѣ связнаго разказа, а рядомъ наводящихъ вопросовъ. На сцену выступаетъ профессоръ Петровъ съ тремя сыновьями различнаго возраста и различныхъ познаній. Онъ обращаетъ вниманіе своихъ сыновей на извѣстное тѣло или явленіе и по поводу ихъ предлагаетъ нѣсколько вопросовъ, на которые получаются то толковые, то неумѣлые отвѣты. Въ послѣднемъ случаѣ предлагается новый рядъ наводящихъ вопросовъ и понемногу авторъ доводитъ ими до точнаго объясненія того или другаго явленія. Безспорно такой пріемъ приковываетъ вниманіе читателя, заставляетъ его слѣдить за вопросами и отвѣтами, обращать вниманіе на такія явленія, которыя безъ этого ускользали бы отъ наблюденія, и серьезно вдумываться въ нихъ.

Но съ успѣхомъ этотъ пріемъ можетъ быть примѣненъ только

Библиотека "Руниверс"

тамъ, гдѣ разсматривается какое либо явленіе; а гдѣ описываются различныя животныя и растенія и приводятся характерные ихъ признаки, тамъ онъ совсѣмъ не умѣстенъ. Укажу примѣръ:

На страницѣ 70-ой въ шестомъ вечерѣ задается вопросъ, „какъ устроенъ плодъ гераніевыхъ растеній"? На страницѣ 156 въ двѣнадцатомъ вечерѣ: „какъ называется семейство, къ которому относится растеніе Calla?" Но если ученики раньше не знакомы съ признаками гераніевыхъ растеній или съ растеніемъ Calla (бѣлокрыльникъ), то вѣдь они не будутъ въ состояніи отвѣтить на заданный вопросъ.

Въ общемъ сочиненіе изложено хорошо, переводъ его безукоризненный, издано оно на отличной бумагѣ, только рисунки, пожалуй, могли быть лучше. Факты и объясненія приводятся все вѣрные; вопросы и отвѣты поставлены умѣло; мѣстами только попадаются излишнія выраженія въ родѣ того: „ну молодецъ, что ты скажешь" или „Ахъ ты плутяга (стр. 5).

Встрѣчаются и такіе вопросы, которые невольно вызываютъ замѣчанія. Примѣръ: стр. 4 „когда глетчеръ, странствуя, достигаетъ болѣе глубокихъ областей, гдѣ лѣто теплѣе и т. д."—непонятно, что это за глубокія области".

Стр. 8: „Рыбы могутъ дышать водою"—не водою, а воздухомъ, заключеннымъ въ ней.

Стр. 12: „Вѣтры и воздушныя теченія понесутъ его (то-есть водяной паръ)".—Какія же спрашивается, кромѣ вѣтровъ, существуютъ еще въ воздухѣ теченія?

Стр. 13: „Куда дѣвается дождь? Онъ впитывается въ землю". Слѣдовало бы вмѣсто дождя сказать дождевая вода.

Стр. 16: Слишкомъ смѣло сказать, что „красиво то, что цѣлесообразно". Въ такомъ случаѣ не будетъ въ природѣ ни одного некрасиваго существа, такъ какъ каждый организмъ наилучшимъ образомъ приспособленъ къ тѣмъ условіямъ, посреди которыхъ живетъ.

На стр. 25: профессоръ говоритъ о способности нѣкоторыхъ пауковъ ткать паутину, летающую по воздуху. На это одинъ изъ его сыновей отвѣчаетъ: „Ахъ, это, вѣроятно, такъ называемое „бабье лѣто". Далѣе профессоръ говоритъ: „Бабье лѣто—это дѣло молодыхъ паучковъ и мелкихъ породъ ихъ". Мнѣ кажется бабьимъ лѣтомъ называется періодъ ясныхъ осеннихъ дней въ началѣ сентября, а никакъ не летающая паутина.

Стр. 35: „Современныя моря содержатъ на 1000 частей воды 35 частей поваренной соли; но это не такъ. Извѣстно, напримѣръ, что

Библиотека "Руниверс"

въ Красномъ морѣ 4% соли, въ Балтійскомъ же 1%, въ Финскомъ заливѣ у Кронштадта 0,1%.

Стр. 39: „Люди, не получающіе достаточно соли въ пищѣ, становятся малокровны и наконецъ погибаютъ". Не слишкомъ ли это категорично высказано. Недостатокъ соли можетъ вызвать разстройство пищеваренія и быть можетъ, какъ одно изъ его послѣдствій, малокровіе; непосредственно же послѣднее, какъ извѣстно, можетъ явиться при недостаткѣ въ организмѣ не соли, а желѣза.

На стр. 42 читаемъ такой отвѣтъ одного изъ сыновей: „Изъ за селитры Перу и Чили нѣсколько лѣтъ тому назадъ вели войну"; но едва ли возможенъ такой отвѣтъ, вѣдь для этого требуется слишкомъ большое знаніе со стороны учащагося.

Стр. 52: „Едва ли какая нибудь страна представляетъ для собирателя минераловъ и горныхъ породъ такія удобства, какъ Россія". Трудно съ этимъ согласиться; вѣрно это развѣ только для Урала, Кавказа и другихъ горныхъ странъ, но никакъ не для равнинъ. какова бóльшая часть Россіи.

Не мало въ сочиненіи такихъ мѣстъ, которыя по своему положенію не подходятъ подъ общій тонъ популярнаго сочиненія или сомнительны въ научномъ отношеніи. Примѣръ. Стр. 60: слишкомъ ученое выраженіе: „теплота нашего тѣла вообще вызывается совершаемою имъ работою".

На стр. 88 читаемъ такой отвѣтъ: „Хрусталикъ довольно плоскій у наземныхъ животныхъ, у рыбъ почти шарообразенъ, такъ какъ условія преломленія свѣта въ водѣ и въ воздухѣ совершенно различны".

Стр. 110. „Если опредѣлить высоту этого звука съ помощью камертона (это mi или fa первой октавы нашего фортепіано), то, зная число колебаній этого тона (которое для камертона уже вычислено). можно прямо судить о числѣ крыловыхъ взмаховъ, производящихъ этотъ звукъ".

Стр. 76. „Простое наблюденіе не указываетъ намъ никакого различія между формами и явленіями движенія низшихъ животныхъ и растеній. Такъ какъ кромѣ того, и другія различія, которыя прежде устанавливались между животнымъ и растительнымъ царствами, оказались недостаточными, то лучше всего признать, что животныя и растенія въ своихъ низшихъ формахъ переходятъ другъ въ друга безъ рѣзкой границы"—не совсѣмъ убѣдительно.

Стр. 142. На вопросъ: „не развился ли человѣческій языкъ изъ

Библиотека "Руниверс"

отдѣльныхъ звуковъ въ родѣ такихъ, какіе приписываются обезьянамъ" дается очень сложный отвѣтъ, а именно: „По выводамъ языковѣдовъ почти навѣрное было такъ; даже въ настоящее время и въ самыхъ совершенныхъ языкахъ многія слова ясно сохранили слѣдъ своего происхожденія отъ подобныхъ простыхъ звуковъ и т. д." едва ли съ этимъ можно согласиться.

Стр. 143—144: филодендръ, аралія, пальма неудачно называются листоносными растеніями; „вѣдь всѣ растенія имѣютъ листья". Мнѣ кажется тутъ есть недоразумѣніе: по-нѣмецки подобныя растенія называются „Blatt-pflanzen", что въ переводѣ скорѣе значитъ листовыя растенія, иначе сказать съ сильно развитыми листьями, чѣмъ листоносныя.

Стр. 145: „У финиковой пальмы половина деревьевъ не приноситъ плодовъ, такъ какъ на нихъ всѣ цвѣты содержатъ только тычинки". Дѣйствительно, у одной финиковой пальмы въ цвѣтахъ содержатся однѣ тычинки, а у другой одни плодники, но не вѣрно, чтобы ровно половина всѣхъ деревьевъ была съ тычинковыми цвѣтами, другая съ плодниковыми. Наконецъ укажемъ еще на одно мѣсто, которое вызываетъ замѣчаніе. Профессоръ Петровъ говоритъ (стр. 17), что отецъ знаменитаго астронома Медлера разъ сказалъ своему сыну, что естествоиспытатель долженъ быть молодцомъ и не брезговать ничѣмъ", и тотъ, какъ бы въ отвѣтъ ему, взялъ бутербродъ, положилъ на него пауковъ и откусилъ кусокъ". Изъ этого мальчика впослѣдствіи, „сказалъ профессоръ", дѣйствительно вышло нѣчто великое. Мнѣ кажется, совершенно излишне было приводить это мѣсто; неужели въ самомъ дѣлѣ Медлеръ сталъ великимъ астрономомъ отъ того, что наѣлся пауковъ?

Немолодышевъ, Ст. Взглядъ на воспитаніе и обученіе въ Россіи. Краткій историческій очеркъ. Съ 6-ю портретами въ текстѣ. Харьковъ. 1898. Цѣна 60 коп. Стр. II+118.

Книга г. Немолодышева раздѣлена на пять главъ; въ этихъ главахъ разсматривается весьма обширный, даже слишкомъ обширный матеріалъ;—слишкомъ обширный,—ибо авторъ начинаетъ, какъ самъ говоритъ „съ *первыхъ причинъ* возникновенія школъ въ Россіи" (см. оглавленіе) и кончаетъ свое изложеніе началомъ XIX вѣка. Авторъ знакомъ съ сочиненіями, по которымъ можно составить себѣ понятіе объ исторіи образованія въ Россіи; изъ этихъ сочиненій авторъ усердно дѣлаетъ выписки; въ общемъ книга г. Немолодышева представляетъ

Библиотека "Руниверс"

интересную и полезную работу, въ которой ошибокъ, въ родѣ встрѣчаемой на стр. 42 (гдѣ Декартъ названъ германскимъ философомъ)— весьма немного, однако, трудъ г. Немолодышева могъ бы быть гораздо болѣе полезнымъ, ежели бы въ немъ не было слѣдующихъ недостатковъ:

1) Авторъ не составилъ себѣ строго опредѣленнаго плана, руководствуясь коимъ слѣдовало распредѣлить и выбрать матеріалъ. Авторъ обѣщаетъ трактовать о воспитаніи и обученіи въ Россіи, между тѣмъ вся третья глава (стр. 42—58) посвящена изложенію педагогическихъ теорій Запада. Г. Немолодышевъ говоритъ не только о педагогическихъ теоріяхъ, но и о практикѣ; разказываетъ исторію возникновенія Академіи наукъ, университетовъ, спеціальныхъ школъ—въ родѣ горнаго института, морскаго корпуса, корпуса инженеровъ путей сообщенія, женскихъ институтовъ, городскихъ школъ и гимназій; но сверхъ этого онъ вноситъ еще и бытовой и культурно-историческій матеріалъ; напримѣръ, онъ разказываетъ о томъ, какъ въ военно-сиротскомъ отдѣленіи производилось по субботамъ сѣченіе (стр. 106); онъ довольно подробно останавливается на мистицизмѣ, распространившемся въ обществѣ во время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія кн. Голицынымъ, а также на дѣятельности библейскаго общества. Такое разнообразіе матеріала невыгодно отражается на изложеніи; авторъ не можетъ удѣлить сколько слѣдовало бы мѣста тому, что представляетъ наибольшую важность: напримѣръ, о духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, которые въ исторіи образованія Россіи играютъ не маловажную роль, авторъ почти вовсе не останавливается (если не считать того что г. Немолодышевъ сообщаетъ на стр. 17 и 110—111). Напротивъ того, о педагогической дѣятельности Панина авторъ, на нашъ взглядъ, говоритъ слишкомъ пространно.

2) Обширный матеріалъ, которымъ располагаетъ г. Немолодышевъ, недостаточно обработанъ. Авторъ обладаетъ большой начитанностью; при чтеніи различныхъ книгъ, касающихся исторіи просвѣщенія въ Россіи, авторъ дѣлалъ многочисленныя выписки; эти выписки онъ и помѣстилъ въ свою книгу, благодаря чему, при чтеніи книги г. Немолодышева, иногда получается впечатлѣніе, что имѣешь дѣло съ сырымъ матеріаломъ; это впечатлѣніе усиливается еще и тѣмъ, что авторъ, дѣлая выписку, иногда прибавляетъ къ ней нѣсколько словъ отъ себя, забывая о грамматическомъ согласованіи ихъ съ предложеніемъ выписки. Напримѣръ, на стр. 107 читаемъ: „Любитель ботаники въ подмосковномъ великолѣпномъ помѣстьѣ своемъ Горенкахъ,

Библиотека "Руниверс"

среди царской роскоши, заперся онъ одинъ съ своими растеніями..." Такая конструкція фразы получилась благодаря тому, что авторъ въ выпискѣ прибавилъ слова „любитель ботаники", чѣмъ и нарушилъ грамматическій строй фразы.

3) Главный недостатокъ книги заключается въ способѣ изложенія автора. Книгу нужно съ начала до конца передѣлать, исправивъ изложеніе. Въ доказательство этого мнѣнія приведемъ нѣсколько примѣровъ дурнаго изложенія автора.

На стр. 86 говорится: „Предметы, введенные въ народныхъ школахъ, указываютъ на реальность этихъ училищъ"; авторъ смѣшалъ реальное училище съ реальностью училища!

Стр. 109. „Театръ былъ закрытъ послѣ его основанія". Но вѣдь до основанія нѣтъ возможности закрыть театра.

Стр. 106. „Военное образованіе, бывшее въ предыдущія царствованія преимущественно достояніемъ дворянъ, продолжало и въ это время оставаться въ томъ же духѣ".—Въ какомъ же это духѣ?

Стр. 103. „Въ этомъ же университетѣ преподавалъ учитель извѣстнаго ученика Гауса Бартельсъ, который, по словамъ Лапласа, былъ лучшимъ математикомъ въ мірѣ". Никакъ нельзя понять, кто былъ учителемъ, кто ученикомъ.

Стр. 93. „Въ началѣ своего царствованія Екатерина II держалась *свободнаго образа мыслей*... но со времени *французскихъ событій* послѣдней четверти XVIII вѣка, направленіе ея рѣзко измѣняется, многія изъ чтимыхъ ею философовъ лишились въ ея глазахъ *своихъ пьедесталовъ*". — Свободный образъ мыслей, французскія событія и пьедесталы—этого слишкомъ много для одной фразы.

Стр. 91. „Къ недостаткамъ народныхъ училищъ относится уже одно то, что они не могли быть перенесены съ австрійской почвы на русскую въ полной ихъ неизмѣнности".

Стр. 69. Авторъ вмѣсто геральдика пишетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ герольдика.

Стр. 43. О Мюлькастерѣ говорится, что онъ указывалъ на то „что каждая часть нашего тѣла, каждая способность нашей души, должны быть доведены до высшаго своего развитія". Мюлькастеръ въ общей исторіи педагогическихъ идей не играетъ роли, посему и незачѣмъ было помѣщать рискованной мысли, что каждая часть нашего тѣла должна быть доведена до высшаго своего развитія. — На этой же страницѣ Абеляру приписывается мысль, что „всеобщее существуетъ не раньше и не послѣ объектовъ? „Отсюда читатель можетъ

Библиотека "Руниверс"

сдѣлать неправильное заключеніе, что общее по мнѣнію Абеляра вовсе не существуетъ.

Стр. 21. „За побѣгъ изъ школы недорослямъ *обѣщалась* смертная казнь". Странное *обѣщаніе*!

Приведенныхъ примѣровъ дурнаго изложенія достаточно, чтобы вывести заключеніе о необходимости переработки книги въ стилистическомъ отношеніи. Укажемъ, впрочемъ, еще на введеніе, которое сплошь написано дурнымъ языкомъ, а также на стр. 104, которая изобилуетъ неправильными оборотами рѣчи.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Зоологическій атласъ *Г. Лейтемана* съ текстомъ *К. Сентъ-Илера.* 24 хромолитографированныя таблицы, содержащія 225 изображеній, 93 рисунка въ текстѣ. 2-ое исправленное изданіе товарищества М. О. Вольфа. С.-Пб. и М. 1897. Цѣна не обозначена. Стр. 45+IV+XXIV табл.

Въ атласѣ изображены представители всѣхъ отдѣловъ животнаго царства, а изъ позвоночныхъ также и представители отрядовъ, въ особенности изъ класса млекопитающихъ. Большинство изображеній выполнены хорошо, но есть и не совсѣмъ удачныя, напр. на табл. IV неясно видно, кого несетъ волкъ въ зубахъ, на табл. VIII плохое изображеніе морской свинки, на табл. XIV—кита. Лишнею является первая таблица, изображающая человѣческія племена, за которою тотчасъ же слѣдуютъ обезьяны; мѣсто ей не въ зоологическомъ атласѣ, а въ этнографическомъ. За то въ текстѣ совершенно правильно описаніе человѣческихъ племенъ выдѣлено въ особую главу отъ животнаго царства.

Текстъ написанъ простымъ удобопонятнымъ языкомъ, касается не только описанія наружнаго вида животныхъ, но отчасти и внутренняго устройства, что не мало помогаетъ пользованію таблицами. Нельзя только согласиться съ мнѣніемъ автора, высказаннымъ имъ въ предисловіи, что текстъ можетъ замѣнить всѣ необходимыя свѣдѣнія по зоологіи въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ курсъ ея краткій. Какъ разъ въ послѣднихъ и слѣдуетъ знакомить не съ множествомъ различныхъ формъ, а только съ нѣсколькими наиболѣе характерными представи-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

телями животнаго царства, за то остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Текстъ даетъ вообще вѣрное описаніе изображенныхъ животныхъ, приходится указать только на нѣкоторыя не совсѣмъ удачныя опредѣленія и выраженія.

Такъ на стр. 3-й говорится, что „мартышками называютъ небольшихъ обезьянъ, которыя чаще всего привозятся въ Европу; у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть хвостъ, у другихъ нѣтъ", между тѣмъ вѣдь существуютъ отличительные признаки рода мартышекъ (Inuus).

На стр. 13: „Жирафъ не можетъ быть отнесенъ къ мозоленогимъ"; но раньше не сказано, что это за группа.

На стр. 14. При описаніи косули почему то не говорится, гдѣ она живетъ; бросается это въ глаза, потому что при всѣхъ прочихъ животныхъ упоминается объ ихъ мѣстожительствѣ.

Стр. 24. Странно встрѣтить между зубчатоклювыми или насѣкомоядными птицами жаворонка, главную пищу котораго составляютъ зерна.

Стр. 31. „Удавъ достигаетъ иногда 4-хъ саженей длины и соотвѣтствующей толщины".—непонятно, что означаетъ соотвѣтственная толщина.

Напрасно нѣкоторыя заглавныя названія животныхъ, отпечатанныя крупнымъ шрифтомъ, поставлены не въ именительномъ падежѣ, какъ прочія, такъ на стр. 35 читаемъ: „Акулу называютъ..."; при бѣгломъ просматриваніи иной пожалуй подумаетъ, что таково названіе этой рыбы; то же на стр. 3-й: „Мартышками называютъ...; стр. 23: „Сивоворонку".

Послѣднее замѣчаніе наше касается того мѣста (на стр. 19), гдѣ говорится, что у утконоса половые органы имѣютъ одно отверстіе съ пищеварительными и мочевыми органами. Лучше было бы это выпустить, тѣмъ болѣе, что затѣмъ нигдѣ въ текстѣ не говорится ни о половыхъ, ни о мочевыхъ органахъ.

„Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человѣка. (Опытъ народной гигіены). Съ 21 рис. въ текстѣ. *С. А. Бобровскаго.* Изданіе пятое, исправленное и дополненное. Москва, 1896. Стр. IV+110+II. Ц. 35 коп.

Въ разсматриваемомъ сочиненіи г. Бобровскій касается лишь весьма немногихъ научныхъ данныхъ по анатоміи, физіологіи и гигіенѣ; но онъ обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ разбавлять эти данныя и многократно повторять ихъ. Такое изложеніе едва ли можетъ быть

Библиотека "Руниверс"

признано популярнымъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, и достоинство такого изложенія едва ли выигрываетъ отъ прибаутокъ, въ родѣ: „не думайте, что все это я сочиняю, придумываю изъ своей головы; я вамъ сообщаю только то, что хорошо узнали ученые люди" (стр. 10), или: „вы мнѣ, пожалуй, не повѣрите и скажете, что я все сочиняю, изъ своей головы придумываю" (стр. 96) и пр.

Болѣе важно впрочемъ то обстоятельство, что авторъ не даетъ точныхъ опредѣленій и описаній предметовъ и явленій, которыхъ онъ касается. Приведемъ нѣсколько образчиковъ этого рода.

На стр. 3 авторъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ поверхность: „поверхностью предмета, говоритъ онъ, называются тѣ части его, которыя обращены къ наружи и соприкасаются съ воздухомъ или другими предметами", изъ чего слѣдуетъ, что, напримѣръ, внутренняя поверхность шара или какихъ нибудь другихъ геометрическихъ тѣлъ не можетъ быть признана поверхностью, что̀ совершенно невѣрно.

На стр. 14 авторъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ органъ тѣла: „каждая часть тѣла, говоритъ онъ, назначенная для какой-либо цѣли, называется *органомъ*",—и такъ какъ въ организмѣ нѣтъ частей тѣла, не назначенныхъ для какой либо цѣли, то изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что каждая часть тѣла называется органомъ, что̀ совершенно невѣрно.

На стр. 19 авторъ утверждаетъ, что діафрагма, при своемъ разслабленіи, „опускаетъ книзу концы реберъ", но трудно усмотрѣть, какимъ образомъ она производитъ такое дѣйствіе. На этой же стр. 19 авторъ категорически утверждаетъ, что „надъ дыханіемъ мы не имѣемъ никакой власти", между тѣмъ какъ всякій по опыту знаетъ, что мы можемъ по произволу,—правда, лишь на нѣкоторое время,—измѣнять силу и частоту дыхательныхъ движеній.

На стр. 38 авторъ утверждаетъ, что движеніе крови „продолжается съ тою же скоростью (5 сажень въ минуту)" по артеріальной системѣ. Но съ одной стороны, 5 сажень въ минуту слишкомъ малая величина для скорости движенія крови въ большихъ артеріяхъ человѣка, и для нея необходимо принять величину по крайней мѣрѣ около 15 метровъ, а съ другой стороны скорость движенія крови въ артеріальной системѣ далеко не одинакова; такъ, въ a. carotis лошади Вирордтъ нашелъ среднюю скорость движенія крови въ 300 мм. въ секунду, между тѣмъ какъ въ a. metatarsea этого животнаго Фолькманъ опредѣлилъ эту скорость лишь въ 56 мм. въ секунду. На стр. 39 авторъ опредѣляетъ затѣмъ скорость движенія крови въ волосныхъ сосудахъ при-

Библиотека "Руниверс"

близительно въ $1^3/_4$ сажени въ минуту, то-есть приблизительно въ $^1/_3$ скорости движенія крови въ большихъ артеріальныхъ стволахъ, что совершенно невѣрно, такъ какъ скорость движенія крови даже въ осевомъ цилиндрѣ волосныхъ сосудовъ млекопитающихъ обыкновенно принимается лишь въ 0,8 мм. въ секунду, что составляетъ лишь около $^1/_{300}$ скорости движенія крови въ большихъ артеріальныхъ стволахъ. Вообще же объясненіе движенія крови въ волосныхъ сосудахъ, представленное авторомъ на стр. 39—41, совершенно ложно и убѣждаетъ, что авторъ недостаточно выяснилъ себѣ относящіяся сюда явленія, даже насколько они представлены въ извѣстной схемѣ Э. Г. Вебера.

На стр. 74 авторъ утверждаетъ, что желчь сначала собирается „въ одну очень толстую трубку, а черезъ нее въ особый пузырекъ—желчный", изъ котораго затѣмъ „идетъ трубочка въ тонкую кишку" для перехода туда желчи; это невѣрно, такъ какъ главная масса желчи идетъ въ двѣнадцатиперстную кишку прямо черезъ ductus hepaticus и лишь часть ея изливается въ желчный пузырь черезъ ductus cysticus.

На стр. 85 авторъ категорически утверждаетъ образованіе въ организмѣ жира изъ сахара,—взглядъ, уже давно оставленный въ наукѣ.

Въ лѣсу и въ полѣ. Очерки изъ жизни животныхъ и растеній *Павла Волковорскаго*. Съ 137 рисунками въ текстѣ и отдѣльной раскрашенной таблицей. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Девріена*. 1897. Стр. 399. Ц. 2 р. 75 коп.

Это сочиненіе содержитъ 14 главъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ по естествознанію, цѣль которыхъ главнымъ образомъ возбудить въ читателяхъ интересъ къ наблюденію природы. Главы расположены по временамъ года.

Подъ рубрикою: „Весна" разсматриваются чужеядныя растенія и птицы, отличающіяся постройкою гнѣздъ. Послѣ того идетъ: „Лѣто". Здѣсь въ статьѣ: „Оружіе растенія" описываются средства, которыми растенія спасаются отъ истребленія насѣкомыми и другими животными. „Страничка изъ жизни лѣса" посвящена описанію образа жизни муравьевъ. Въ статьѣ „Маскарады насѣкомыхъ и пауковъ" указываются на различныя приспособленія насѣкомыхъ и пауковъ, имѣющія цѣлью скрыть ихъ отъ преслѣдованія враговъ, „Осьминогіе-хищники", — говорится объ устройствѣ пауковъ и наконецъ, въ статьѣ: „Лѣтнею ночью" толкуется о томъ, какъ животныя ло-

Библиотека "Руниверс"

вять добычу въ темнотѣ, о свѣченіи низшихъ растеній и морскихъ животныхъ.

Подъ рубрикою: „Осень“ помѣщены четыре статьи: „Листопадъ“, гдѣ разсматривается устройство листьевъ, перемѣна въ ихъ окрашиваніи осенью и опаданіе; „Бабье лѣто“, гдѣ говорится о томъ, какъ приготовляется паутина, которая летаетъ въ воздухѣ; „Паутина“, гдѣ описываются различныя способы раскидыванія тенетъ пауками и „Исчезающія животныя“, гдѣ сообщается о животныхъ мало-помалу исчезнувшихъ или исчезающихъ на глазахъ человѣка.

Наконецъ, подъ рубрикою „Зима“ помѣщены три статьи: „Зимняя прогулка“, „Подземные жители“ и „Подъ снѣгомъ“.

Изъ приведеннаго перечня видно, какой обильный матеріалъ предлагается авторомъ въ разбираемомъ нами сочиненіи. Изложены статьи ясно, интересно и хорошимъ, хотя подъ часъ напыщеннымъ, языкомъ. Жаль только, что авторъ не съузилъ своей задачи, не посвятилъ статей описанію явленій преимущественно нашей природы; а то слишкомъ частыя ссылки на тропическія растенія и животныя едва ли могутъ возбудить въ читателѣ интересъ къ наблюденію окружающей его природы. Замѣтимъ также, что нельзя одобрить выбора статьи для начала „о чужеядныхъ растеніяхъ“ Повилика (Cuscuta europaea), о которой подробно говорится въ этой статьѣ, растеніе довольно рѣдкое и наблюдать за ея развитіемъ и ростомъ не такъ то легко. Ужъ если говорить о веснѣ, то можно было бы остановиться на такихъ вопросахъ, въ которыхъ ясно и наглядно выступаетъ пробужденіе природы въ нашихъ лѣсахъ; первыя распустившіяся весеннія растенія, разбуханіе почекъ на деревьяхъ и т. п. не мало дали бы матеріала для описанія.

Излишнее, по нашему мнѣнію, въ такомъ популярномъ сочиненіи приведеніе на латинскомъ языкѣ названій такихъ растеній и животныхъ, которыя понятны только спеціалистамъ. Укажемъ, напримѣръ, на стр. 162-ю, гдѣ перечисляются пауки, лишенныя органовъ зрѣнія, каковы: Blothrus spaeleus, Stalita taenaria, Stalytes tegenarioides, Anthrobia Mamuthi, Nycthalops; съ другой стороны и одно русское названіе не всегда указываетъ, про какое растеніе и животное говоритъ авторъ; напримѣръ, на стр. 232 читаемъ „пурпуровые листья Атласнаго дерева“; но безъ латинскаго названія трудно сказать, про какое здѣсь растеніе говорится.

Изъ частныхъ замѣчаній укажемъ слѣдующія:

На стр. 213 читаемъ: „Клѣточками эти кирпичики называются

Библиотека "Руниверс"

потому, что каждый изъ нихъ имѣетъ видъ пузырька, наполненнаго полужидкою тягучею массой"—совершенно не ясно, почему же клѣточки носятъ такое названіе.

Стр. 215. Авторъ почему то приводитъ мнѣніе проф. Бородина о значеніи устьицъ, но вѣдь то же самое можно найдти во всѣхъ учебникахъ ботаники.

Стр. 175. Статья: „Лѣтнею ночью" начинается такъ: „Чудная ароматная лѣтняя ночь! Напоенный благоуханіемъ воздухъ широкой волной врывается въ окно и освѣжаетъ душную комнату. Ароматъ жасмина доносится изъ сада и, смѣшиваясь съ сладкимъ запахомъ липъ" и т. д. Положимъ, что это очень поэтичное введеніе, но только сомнительно, чтобы жасминъ и липа цвѣли въ одно время; у послѣдней обыкновенно цвѣты распускаются позже, чѣмъ у жасмина.

Стр. 392. „Въ Иркутскѣ и Верхоянскѣ, въ восточной Сибири, гдѣ средняя температура января достигаетъ — 42°Ц., даже 49°Ц."; но послѣдняя температура свойственна только Верхоянску, въ Иркутскѣ же она гораздо выше; вообще два эти города никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены рядомъ въ климатическомъ отношеніи.

Стр. 393 — 394. Авторъ напрасно называетъ бѣлкомъ ту часть сѣмени, которая помѣщается внѣ зачаточнаго растенія, или внутри его: въ стеблѣ и мѣшечкахъ. Обыкновенно бѣлкомъ называютъ часть сѣмени, которая лежитъ внѣ зародыша, а потому опредѣленіе, котораго держится авторъ, можетъ сбить читателя. Кромѣ того непонятно, что это за мѣшечки, о которыхъ говоритъ авторъ; можно только догадываться, что это сѣменодоли; спрашивается, зачѣмъ придумывать еще новый терминъ.

Издано сочиненіе превосходно, бумага очень хорошая, шрифтъ ясный, рисунки отчетливые; жаль только, что мѣстами попадаются опечатки, такъ, напримѣръ, стр. 29: поистиннѣ, 104 основы ваютъ, 125—труппъ (вмѣсто группъ), 176 съ самомъ устройствѣ, 232 пурпуровыя листья и т. д.

В. И. Виноградовъ. Начальная химія для школъ и самообразованія. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1897. VI + 203. 65 коп.

Въ предисловіи авторъ пишетъ: „Я принужденъ былъ обойдти молчаніемъ нѣкоторыя, важныя въ теоретическомъ отношеніи, ученія, напримѣръ ученіе о періодичности элементовъ". Этими словами ав-

Библиотека "Руниверс"

торъ самъ указываетъ на существенный недостатокъ своей книги. Учебникъ, содержащій 203 страницы, на которыхъ разсмотрѣно не малое число весьма серьезныхъ вопросовъ, и однако ни слова не сказано о періодической системѣ Мендѣлева, нынѣ представляетъ анахронизмъ, въ особенности когда этотъ учебникъ русскій. Книга г. Виноградова содержитъ довольно большое количество матеріала, вообще хорошо подобраннаго и группированнаго. Изложеніе ясное, хотя и не вездѣ послѣдовательное: нѣкоторыя понятія вводятся слишкомъ рано и безъ надлежащаго разъясненія. Книга не свободна отъ мелкихъ промаховъ разнаго рода. Вотъ нѣкоторые примѣры болѣе или менѣе мелкихъ ошибокъ.

На стр. 1-й авторъ утверждаетъ, что „минеральныя тѣла отъ жара совсѣмъ или очень мало измѣняются", что конечно невѣрно.

На стр. 11-й сказано, что свинцовый сахаръ есть соединеніе свинца съ уксусною кислотой, и та же ошибка повторена на стр. 17-й.

Стр. 13-я „Всякое вещество можно раздѣлить на частицы или молекулы физическими способами". Такое дѣленіе врядъ ли возможно.

На стр. 14-й атомы названы безконечно малыми количествами.

Авторъ объясняетъ на стр. 15-й распредѣленіе окрашенной капли по всей массѣ воды, налитой въ стаканъ, тѣмъ, что „частички воды, окрашенной краскою, не остаются въ покоѣ, а передвигаются по всей жидкости". Въ дѣйствительности разсмотрѣнное явленіе доказываетъ только распространеніе самаго красящаго вещества.

Весьма удивительно, что на стр. 36-й авторъ утверждаетъ, будто сѣрная кислота прибавляется къ водѣ для лучшаго прохожденія тока, что, какъ извѣстно, совершенно невѣрно.

Стр. 13-я. „Негодныя, отжившія и разложившіяся вещества тѣла (напримѣръ животныхъ) не иначе могутъ быть удалены изъ него, какъ опять-таки въ видѣ воднаго раствора (моча, потъ)". Авторъ повидимому совершенно забылъ объ одномъ весьма извѣстномъ физіологическомъ отправленіи животныхъ.

На стр. 56-й авторъ нѣсколько разъ называетъ безводныя соли сухими, что заставляетъ читателя думать, будто всѣ соли, содержащія кристаллизаціонную воду, влажны.

То, что авторъ говоритъ на стр. 76-й—77-й объ образованіи солей, также введетъ читателя, незнакомаго съ химіей, въ заблужденіе.

Недостатокъ послѣдовательности и несоотвѣтствіе нашимъ учебнымъ планамъ замѣтны во многихъ мѣстахъ.

На стр. 3-й говорится о гальваническомъ токѣ; на стр. 9-й о по-

Библиотека "Руниверс"

лученіи нѣкоторыхъ соединеній „кружнымъ путемъ"; на стр. 20-й— о кислотахъ, на стр. 35-й о химической энергіи и т. д.

Весьма странно, что авторъ постоянно ставитъ глаголы въ будущемъ времени; это дѣйствуетъ какъ-то утомительно при чтеніи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: „сахаръ, крахмалъ, масла будутъ вещества болѣе или менѣе однородные (стр. 12); всѣ же орудія будутъ тѣла сложныя (стр. 6); если солей и газовъ въ водѣ будетъ содержаться немного, то она будетъ пригодна и т. д. (стр. 60); чѣмъ энергичнѣе они соединяются съ водою, тѣмъ прочнѣе и сильнѣе будетъ кислота (стр. 73); наиважнѣйшія соединенія галоидовъ будутъ съ металлами и водородомъ (стр. 82); всѣ они будутъ газы (стр. 84), наиболѣе дешевымъ изъ такихъ веществъ будетъ перекись марганца (стр. 85)".

Приведемъ нѣкоторыя несовсѣмъ удачно редактированныя мѣста.

Стр. 12-я. „Взаимодѣйствуютъ такъ или иначе другъ на друга".

Стр. 29-я. Авторъ говоритъ о томъ, что можно сохранить неопредѣленно долгое время неизмѣнными самыя нѣжныя и легко подвергающіяся порчѣ вещества, если ихъ защищать отъ доступа зародышей низшихъ организмовъ и продолжаетъ: „Само собою разумѣется, что предъ покрытіемъ ватою нужно убить тѣ зародыши, которые успѣли попасть, что обыкновенно достигается при помощи высокой температуры". Неизвѣстно кого подвергать высокой температурѣ: вату или охраняемыя вещества.

Стр. 34-я. „Въ 100 граммахъ воздуха 76,9% азота и 23,1% кислорода". Указаніе на 100 граммовъ здѣсь совершенно излишне.

Стр. 59-я. „Упавши на землю, частью скатывается по поверхности и здѣсь загрязняется". (Рѣчь идетъ о дождевой водѣ).

Стр. 60-я. „Всю известь, а также и магнезію, можно удалить изъ воды содой при нагрѣваніи".

Стр. 66-я. Соединеніе съ кислородомъ вообще называется окисленіемъ, а тѣла происходящія называются окислами".

Стр. 90-я „.....употребляются въ медицинѣ и фотографіяхъ".

Авторъ любитъ странныя выраженія, въ родѣ: напихать (стр. 6), раскаливаніе (вмѣсто накаливаніе, стр. 9), совнутри (стр. 19), мелкоячеистая сѣтка (стр. 47), растворъ..... зовется плавиковой кислотой (стр. 89) и т. д.

На стр. 26-й напечатано 5% вмѣсто 25%.

Библиотека "Руниверс"

Нашъ дальній Востокъ. (Три года въ Уссурійскомъ краѣ). Съ 36 рисунками въ текстѣ и картою Уссурійскаго края. *Д. И. Шрейдера.* С.-Пб. Изд. *А. Девріена.* 1897. Стр. XI+468. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Авторъ настоящаго сочиненія, Д. И. Шрейдеръ, провелъ въ Уссурійскомъ краѣ 1891, 1892 и 1893 гг. и уже ранѣе печаталъ въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ свои очерки изъ жизни и быта нашего отдаленнаго Востока; въ настоящемъ изданіи онъ придалъ очеркамъ бо̀льшую полноту и округленность, пополнивъ свои наблюденія свѣдѣніями изъ другихъ литературныхъ источниковъ.

Схема, по которой располагается въ книгѣ матеріалъ, такая: Послѣ краткихъ набросковъ о 45-тидневномъ плаваніи на кораблѣ „Кострома", г. Шрейдеръ посвящаетъ почти 2 главы описанію прошлаго и настоящаго положенія Владивостока, послужившаго для него главнымъ мѣстопребываніемъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ. Изъ Владивостока онъ совершалъ экскурсіи морскія и сухопутныя въ мѣстности и урочища, въ какомъ-либо отношеніи достопримѣчательныя и находящіяся преимущественно въ южной части Уссурійскаго края. Эти поѣздки описываются имъ, смотря по объему и по свойству матеріала, или въ одной главѣ, или въ двухъ и трехъ главахъ, такъ что почти каждую экскурсію можно прочесть отдѣльно отъ другихъ главъ. Физическая природа, естественныя произведенія почвы, царства растительное и животное занимаютъ автора меньше, чѣмъ населеніе; но все-таки въ книгѣ дается не мало описаній красивыхъ или же величественныхъ ландшафтовъ, грозныхъ и наводящихъ ужасъ на людей метеорологическихъ явленій, какъ-то: суйфуна, тумана, истребляющаго цѣлые лѣса и портящаго хлѣбные злаки („пьяный хлѣбъ"), описаніе минеральныхъ богатствъ, растительности и особенно тѣхъ видовъ, которые наиболѣе привлекаютъ китайцевъ и корейцевъ, какъ-то: жень-шень и морская капуста; далѣе описаніе „гнуса"— бича животныхъ и людей, и полезныхъ и вредныхъ для жителей животныхъ, птицъ и рыбъ. Но образнѣе и рельефнѣе картину природы съ ея растительностью и животнымъ царствомъ раскрываетъ авторъ въ двухъ главахъ: „Въ Тайгѣ" (глава 17) и „Палъ" (глава 19), гдѣ, между прочимъ, читателя, съ одной стороны, поразятъ разныя аномаліи въ формахъ растеній и лѣсовъ, а съ другой стороны—картины ужасающаго лѣсоистребленія въ краѣ посредствомъ топора и особенно пожаровъ, намѣренно производимыхъ пришлыми поселенцами и въ числѣ ихъ русскими.

Библиотека "Руниверс"

Что касается до этнографическаго матеріала, то г. Шрейдеръ аборигеновъ края обходитъ и только вымирающему племени орочей посвящаетъ одну интересную главу подъ названіемъ „Угасающее племя“ (глава 24). Но за то очень и очень много авторъ занимается болѣе культурными мѣстными народностями, именно корейцами и уссурійскими китайцами, или манзами, и при томъ манзами, живущими въ населенныхъ мѣстахъ и живущими въ тайгѣ, которыхъ нашъ авторъ называетъ „тайными“, или „безпаспортными“. Сообщенныя имъ подробности о характерѣ, нравахъ и религіи обѣихъ народностей, о ихъ домашнемъ бытѣ, занятіяхъ, о ихъ пользѣ и вредѣ для края, даютъ читателю возможность составить себѣ достаточно ясное понятіе о томъ, съ чѣмъ приходится ежечасно имѣть дѣло нашимъ соплеменникамъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Особенно важно въ этихъ очеркахъ то, что авторъ пытается наиболѣе рѣзко оттѣнить тѣ изъ индивидуальныхъ особенностей въ характерѣ и бытовыхъ привычкахъ манзъ и корейцевъ, которыя препятствуютъ или способствуютъ сближенію ихъ съ господствующимъ населеніемъ края. Выводъ, къ которому пришелъ авторъ въ этомъ отношеніи, тотъ, что манзы и теперь чуждаются и будутъ чуждаться русскаго населенія; изъ корейцевъ же, по его мнѣнію, можетъ выработаться трудолюбивый, симпатичный слой населенія. Оригинальную психическую оцѣнку послѣдней народности г. Шрейдеръ даетъ на стр. 162, держась, впрочемъ, болѣе мнѣнія какого-то старожила-англичанина.

По связи съ манзами и корейцами, авторъ останавливается на разбойничьихъ обитателяхъ тайги, хунъ-хузахъ, сообщая нѣкоторыя небезынтересныя черты изъ ихъ внутренней организаціи. Вопреки преобладающимъ въ краѣ и въ литературѣ, впрочемъ, противорѣчивымъ одно другому мнѣніямъ, г. Шрейдеръ доказываетъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій и мнѣній нѣкоторыхъ старожиловъ и офиціальныхъ лицъ, что хунъ-хузы не составляютъ какой-либо политической ассоціаціи, направленной противъ русскаго господства или какой-либо наслѣдственной ассоціаціи разбойничьей, а представляетъ ихъ шайками, состоящими изъ китайскихъ и манчжурскихъ дезертировъ, а равно изъ лицъ, спасающихся отъ неправосудія и жестокихъ наказаній въ Китаѣ. Главнѣйшія средства для освобожденія отъ нихъ края, по мнѣнію автора, не казни, какъ это существуетъ теперь, а воздѣйствіе на сосѣднюю Манчжурію въ смыслѣ смягченія существующихъ тамъ правосудія, военныхъ порядковъ и т. п. Сверхъ того, г. Шрейдеръ пытается нѣсколько обѣлить хунъ-хузовъ, съ одной стороны, пред-

Библиотека "Руниверс"

ставляя факты, положительно свидѣтельствующіе, что хунъ-хузы, служа бичемъ для манзъ и корейцевъ, русскимъ вредятъ рѣдко, только изъ мести, а съ другой, доказывая, что общественная и мѣстная молва часто приписываетъ хунъ-хузамъ злодѣянія, совершаемыя не ими, а бѣглыми ссыльно-каторжными.

Собственно русскимъ поселенцамъ нашъ авторъ отводитъ 4 полныхъ главы, именно: „Первое впечатлѣніе" (глава 2), „Страничка изъ недавняго прошлаго" (глава 3), „По Сучану" (глава 20), „Зеленый Клынъ" (глава 23) и нѣсколько статей въ главахъ: „Въ Тайгѣ" (глава 17), „Палъ" (глава 19) и „Въ долинѣ Суйфуна" (глава 22). Какъ видно изъ предисловія, авторъ готовитъ къ печати самостоятельное сочиненіе объ условіяхъ и бытѣ нашихъ переселенцевъ въ Уссурійскомъ краѣ и въ виду, вѣроятно, этого ограничивается только краткими очерками, пользуясь помимо своихъ наблюденій „Пріамурскими Вѣдомостями" и такими компетентными сочиненіями, какъ Буссе и Пальчевскаго. Но и въ этихъ краткихъ очеркахъ достаточно разъясняется, что въ Южно-Уссурійскомъ краѣ есть русскіе переселенцы, бѣдствующіе несмотря на многоземеліе и на другія естественныя богатства края; какъ, напримѣръ, переселившіеся изъ Астрахани рыболовы. Но есть и такіе старожилы-переселенцы, которые, успѣвъ приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ, живутъ въ достаткѣ въ томъ случаѣ, если не успѣли еще выпахать свои поля. Вообще же, г. Шрейдеръ о нашихъ переселенцахъ передаетъ почти такія же неутѣшительныя свѣдѣнія, какія сообщаются и нѣкоторыми другими туристами. Особенно же густыя, мрачныя краски наложены при описаніи богатаго, изобилующаго естественными произведеніями, но теперь забытаго и пренебреженнаго края, именно района залива св. Ольги; такъ онъ свидѣтельствуетъ, что русскіе крестьяне влачатъ тамъ печальное существованіе, занимаясь охотою и рыболовствомъ, тогда какъ сосѣди ихъ, манзы, благоденствуютъ, и причина этого, по мнѣнію автора, заключается не въ мѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, а „въ инертности, любви къ рутинѣ, антипатіи къ новшествамъ и отсутствіи предпріимчивости, главнымъ же образомъ въ темнотѣ и безпросвѣтномъ невѣжествѣ русскаго человѣка" (стр. 341).

Что же касается до другихъ классовъ населенія и даже администраціи, то авторъ останавливается на нихъ только вскользь; но за то, онъ часто упоминаетъ о хабаровскихъ съѣздахъ, о предметахъ разсужденія ихъ, въ совокупности которыхъ болѣе или менѣе отражаются картина хозяйственнаго состоянія края, желанія и надежды русскаго

Библиотека "Руниверс"

населенія и т. п. Кромѣ того, въ поименованныхъ главахъ нашъ авторъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ разсуждаетъ о томъ, дѣйствительно ли Уссурійскій край такъ быстро растетъ и развивается, какъ иногда думаютъ жители Европейской Россіи, судящіе о краѣ по извѣстіямъ, отъ времени до времени появляющимся на страницахъ періодической печати, и на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ отрицательный, обстоятельно доказывая, что даже въ будущемъ для быстраго развитія края не существуетъ еще необходимыхъ для этого условій, какъ-то: достаточности населенія, постоянныхъ путей сообщенія, мѣстной производительности, даже земледѣльческой, школъ и т. д. и т. д. Въ числѣ грустныхъ и прискорбныхъ явленій, отличающихъ жизнь въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и на которыя ссылается нашъ авторъ, составляютъ чрезвычайно частыя самоубійства между интеллигентными лицами, обреченными жить на окраинѣ болѣе или менѣе продолжительное время.

Но пріятно встрѣтить въ книгѣ указанія на два утѣшительныхъ явленія въ краѣ. Во-первыхъ, на успѣшную дѣятельность кружка образованныхъ людей, составившихъ „Общество изученія Амурскаго края", преобразованное въ 1894 году въ филіальное отдѣленіе Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, существующаго въ Хабаровскѣ. „Общество изученія Амурскаго края" много лѣтъ обладало такими ничтожными средствами, что платнымъ лицомъ былъ только сторожъ; члены правленія Общества засѣдали въ неотопленномъ зданіи, одѣтые въ теплыя шубы, мѣховыя шапки, а секретарю приходилось записывать протоколы въ теплыхъ перчаткахъ. Но, несмотря на матеріальную скудость, Общество въ тѣ-же годы, благодаря частнымъ пожертвованіямъ снаряжало экспедиціи для изслѣдованія края и издало цѣлый рядъ сочиненій, знакомящихъ съ естественными богатствами, съ географіею и археологіею края, составило обширную библіотеку и коллекцію для музея. Во-вторыхъ, указаніе, встрѣчающееся чуть-ли не впервые, на заслуги для культуры края русскаго солдата, сдѣланныя авторомъ въ 3-ей главѣ подъ названіемъ „Роль русскаго солдата".

Хотя по исторіи открытія Амурскаго края у насъ существуютъ уже популярныя книжки и недавно вышла біографія главнаго виновника этого открытія Г. И. Невельского, составленная по запискамъ его дочери, но тѣмъ не менѣе, г. Шрейдеръ, считалъ нужнымъ посвятить этому предмету цѣлую главу „Амурскимъ заливомъ" (глава 8), и она весьма не лишняя.

Библиотека "Руниверс"

Заканчивается книга 25-ю главою, подъ заглавіемъ „Экскурсія на каторгу", или, точнѣе говоря, посѣщеніе каторжныхъ командъ, огряженныхъ на работы при Уссурійской желѣзной дорогѣ.

Изложена книга г. Шрейдера хорошо, мѣстами картинно и вообще читается съ непрерывающимся интересомъ.

Рисунки, иллюстрирующіе книгу г. Шрейдера, частью представляютъ фотографическіе снимки, вывезенные авторомъ изъ Уссурійскаго края, частью же заимствованы изъ другихъ альбомовъ и сочиненій, напримѣръ, изъ 4-й части книги князя Ухтомскаго „Путешествіе Государя Императора Николая II на Востокъ".

Въ общемъ, сочиненіе г. Шрейдера нужно признать хорошимъ вкладомъ въ нашу географическую литературу и особенно по отношенію къ Уссурійскому краю, о которомъ популярныхъ сочиненій,— если исключить 2—3 незначительныя брошюры, а равно журнальную статью, самую, впрочемъ, лучшую объ этомъ предметѣ, доктора Елисѣева,—повторяемъ, мы не имѣемъ, и настоящій трудъ можно сказать весьма удачно пополняетъ этотъ недостатокъ.

Учебникъ началъ математики. Составленъ по министерскимъ программамъ для средне-учебныхъ заведеній *А. Н. Воробьевымъ*, преподавателемъ въ Сарапульскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ и Сарапульской женской гимназіи. Часть II. Геометрія. Планиметрія, Тригонометрія, Стереометрія. Съ приложеніемъ: 1) главнѣйшихъ методовъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе (приложеніе алгебры къ геометріи) и 2) элементовъ теоріи доказательства. Казань. 1897. — Цѣна 1 р.—Стр. VII+VIII+298.

Названный учебникъ содержитъ: 1) широковѣщательное предисловіе, приводящее къ ошибочному предположенію о намѣреніи автора произвести капитальную реформу курса геометріи; 2) плохое компилятивное исполненіе ординарнаго учебника, особенность котораго заключается въ нѣкоторыхъ вполнѣ безполезныхъ новаторствахъ въ знакахъ, терминахъ и т. п. и 3) обиліе грубыхъ опечатокъ, почти на каждой страницѣ. Критическій разборъ этой книги занялъ бы много мѣста и она его не заслуживаетъ, поэтому ограничимся нѣкоторыми, взятыми почти на удачу, выписками и указаніями.

„Мы не принимали аксіомы безъ разсужденій, а старались доказать индуктивно" (Пред. стр. I). „Что старо-евклидовское изложеніе для школы непригодно, кажется, доказывать не приходится; въ этомъ согласны почти всѣ. Но и обычное изложеніе (назовемъ его

Библиотека "Руниверс"

ново-евклидовскимъ) нельзя считать удовлетворительнымъ (Пред. стр. V).

(Стр. 16) „*Постулатъ* (*требованіе*). Чрезъ всякую точку плоскости можно провести окружность какимъ угодно радіусомъ. *Проблема.* Провести окружность даннаго радіуса около данной точки. *Первый способъ.*—Отъ руки (очень не точенъ). *Второй способъ*... если вращать какое-нибудь *тѣло*, укрѣпивъ неподвижно *одну изъ его точекъ*, то всякая другая его точка опишетъ *кругъ* (?);... *Третій способъ.* Такъ какъ форма вращающагося тѣла не важна (!), а важно только сохранять разстояніе между точкою укрѣпленія и чертящею точкою, то было сдѣлано много попытокъ къ улучшенію прибора... Окончательное усовершенствованіе называется *циркулемъ*...“

(Стр. 21) „Итакъ, чтобы углы были равны достаточно ихъ совпаденія при наложеніи; докажемъ, что это есть условіе также и необходимое, то-есть, что *равные углы не могутъ не совпадать*“. Въ примѣчаніи, однако, сказано: „Если только наложеніе будетъ выполнено правильно, то-есть вершина въ вершину, а сторона на сторону“. Но, очевидно, этого недостаточно, такъ какъ подобнымъ же образомъ углы могутъ быть не наложены, а приложены одинъ къ другому.—На этой и на предыдущей страницѣ, равно какъ и на многихъ, слѣдующихъ поражаетъ пестрота знаковъ: кромѣ общепринятыхъ знаковъ $=$, $+$, $>$, $<$, введены еще такіе: $\approx$ (геометрическое равенство), $\equiv$ (тождество), $\mathcal{S}$ (геометрическое сложеніе), $\frown$ (геометрическое вычитаніе), $\gtrless$ (этотъ послѣдній знакъ не объясненъ, но можно догадаться, что онъ означаетъ неравенство).

(Стр. 23) „Но $\angle AOC_8 = \angle AOC = 0$, слѣдовательно уголъ есть величина измѣняющаяся періодически или, какъ иногда говорятъ короче: періодическая величина“. Во-первыхъ, текстъ не соотвѣтствуетъ чертежу, такъ какъ сдѣланы двѣ опечатки: не $\angle AOC_8 = \angle AOC$, а $\angle AOC_9 = AOC_0$. Во-вторыхъ, понятіе о періодичности не совмѣстимо съ опредѣленіемъ угла, даннымъ на стр. 20: „Плоскимъ угломъ (то-есть, угломъ между двумя пересѣкающимися линіями) называется отклоненіе одной линіи отъ другой“.

(Стр. 24). „Два угла, имѣющіе общими одну сторону и вершину, называются *послѣдовательными*“. А если одинъ изъ нихъ лежитъ внутри другого? Вообще это названіе излишнее.

(Стр. 30). „*Опредѣленіе.* Стороны прямого угла называются *перпендикулярами* и обозначаются такъ: $\perp$—Значитъ, если уголъ $AOC_4 = \pi$

Библиотека "Руниверс"

(рис. 17), то $AO \perp C_4O$". Опечатка — π вмѣсто $\frac{\pi}{2}$, можетъ ввести ученика въ недоразумѣніе.

(Къ книгѣ приложенъ длинный списокъ опечатокъ. Упоминаемъ, конечно, только о неуказанныхъ въ спискѣ).

(Стр. 31). Приведено такое доказательство возможности къ данной прямой изъ данной точки возставить перпендикуляръ (авторъ вездѣ говоритъ „*возстановить*", вмѣсто „*возставить*"): „Выпрямленный уголъ, существованіе которого неоспоримо, всегда можно *раздѣлить на части* (см. § 25), слѣдовательно возможно найдти $\angle COA$ такой, чтобы $\angle COA = \angle COD = \frac{\angle AOB}{2} = \frac{\pi}{2}$, но тогда $CO + AB$ (ч. т. д.)". Здѣсь, во-первыхъ, опечатка: знакъ $+$ вмѣсто знака перпендикулярности. Притомъ, какое же это доказательство? сдѣлана ссылка на § 25, но въ этомъ § („Дѣйствія надъ углами") сказано только, что внутри угла AOC можно привести прямую OK и если $\angle AOK = \angle KOC$, то $\angle AOK \frac{\angle AOC}{2}$. [Кстати, и здѣсь также опечатка, а именно напечатано $AOK = \frac{AOK}{2}$]. „Отсюда убѣждаемся, что углы, какъ и отрѣзки, можно не только складывать и вычитать, но и умножать и *дѣлить* на отвлеченное число". Въ убѣдительности послѣдняго заключенія, (въ смыслѣ геометрическаго доказательства) то-есть относительно дѣленія угловъ, позволительно усомниться.

(Стр. 36). Въ доказательствѣ 1-го случая теоремы 12, (рис. 35) говорится о точкахъ C, D, C_1, а на чертежѣ ни одной изъ этихъ точекъ нѣтъ.

(Стр. 39) „Если углы обозначаются одною буквою только при вершинѣ, то часто для обозначенія *внѣшняго* угла ставятъ внизу маленькую букву *i*, а для обозначенія *внѣшняго* угла, букву *e*..."

На стр. 43 сдѣлана ссылка на рис. 47 и 48. а на стр. 44 на рис. 49, но ни одного изъ этихъ трехъ *рисунковъ* нѣтъ.

(Стр. 45) „Внѣшняя ломанная больше *всякой* внутренней имѣющей съ ней одинаковое число изломовъ". Не оговорено что подразумѣвается выпуклая ломаная и излишне сказанное о числѣ изломовъ.

(Стр. 84) „*Опредѣленіе*. Площадью фигуры называется ея протяженность".

(Стр. 95 и 96). „Пусть A_0 A_1 A_2 A_n — будутъ центральные углы.

a_0 a_1 a_2 a_n — ихъ дуги.

Библиотека "Руниверс"

Тогда (по теор. 53) получимъ $\frac{A_1}{A_0}=\frac{a_1}{a_0}$ или $\frac{A_1}{a_1}=\frac{A_0}{a_0}$". Хотя въ примѣчаніи и сказано: „Переходъ къ алгебраическому смыслу равенства", но эти не разъясненныя авторомъ слова не освобождаютъ отъ обязанности руководствоваться указаніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ „объяснительной запискѣ къ учебному плану математики", что можно писать $\frac{\angle ABC}{\angle DEF}=\frac{\smile AC}{\smile DF}$ и нельзя писать $\frac{\angle ABC}{\smile AC}=\frac{\angle DEF}{\smile DF}$ и т. п. Правило это вообще не соблюдается авторомъ.

(Стр. 96). „Если за единицу угловъ принимать выпрямленный уголъ, то за единицу дугъ надо принимать четверть окружности".

(Стр. 106). „Чтобы два треугольника были подобны, необходимо и достаточно, чтобы имѣло мѣсто одно изъ слѣдующихъ шести условій: 1) Три угла одного равны тремъ угламъ другаго; 2) два угла одного равны двумъ угламъ другаго;.." Достаточность каждаго изъ этихъ шести условій (слѣдовательно 1-го и 2-го) доказывается; непонятно, поэтому, почему авторъ ограничился только шестью условіями, а не присоединилъ къ нимъ, напримѣръ, такого: „если три стороны пропорціональны тремъ сторонамъ другаго и одинъ уголъ одного равенъ одному углу второго — и многихъ другихъ подобныхъ.

(Стр. 112). Въ концѣ § 105 („центръ подобія") помѣщено такое примѣчаніе безъ всякаго разъясненія: „Подобіе можетъ быть и *обратнымъ*, если *нѣкоторыя стороны многоугольниковъ антипараллельны*, то-есть образуютъ съ лучами подобія углы одинаковые, но обращенные въ различныя стороны (рис. 130)". Ни слова не сказано о томъ, что подразумѣвается подъ терминами *обратное подобіе*, *антипараллельныя стороны*, *углы обращенные въ различныя стороны*. Поэтому, изъ сказаннаго примѣчанія и изъ „рисунка" 130—на которомъ обозначена буквою только одна точка S—можно догадаться лишь о томъ, что авторъ употребляетъ упомянутые термины не въ ихъ общепринятомъ смыслѣ, а въ какомъ то неизвѣстномъ другомъ.

Элементарный курсъ нѣмецкаго языка (Erstes deutsches Lesebuch). Составилъ *Л. К. Якобсонъ*. С.-Пб. 1898. Стр. 152. Цѣна 70 коп.

Предлагаемая книга авторомъ предназначается главнымъ образомъ для младшихъ классовъ мужскихъ гимназій и прогимназій министер-

Библиотека "Руниверс"

ства народнаго просвѣщенія. Она раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ нѣмецкія статьи для перевода на русскій языкъ, — вторая — слова, грамматику и упражненія. На первыхъ 11 страницахъ учебника даются звуки и буквы нѣмецкаго алфавита, какъ печатныя, такъ и рукописныя. При этомъ буквы раздѣляются на небольшія группы съ относящимися къ нимъ упражненіями въ чтеніи и письмѣ. Такой пріемъ, при которомъ дается не разомъ весь алфавитъ, но послѣдній раздѣленъ на нѣсколько частей, въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ трудности произношенія отдѣльныхъ звуковъ изучаемаго языка, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго одобренія, такъ какъ онъ безъ всякаго сомнѣнія русскимъ дѣтямъ доставитъ не малое облегченіе при изученіи ими иностраннаго языка.

Такъ ученики, изучающіе нѣмецкій языкъ по учебнику г. Якобсона, знакомятся прежде всего съ самыми простыми гласными звуками этого языка, какъ: a, e, i, o, u, потомъ съ нѣкоторыми согласными, ничѣмъ не отличающимися своимъ произношеніемъ отъ соотвѣтствующихъ согласныхъ русскаго языка, какъ напримѣръ: m, n, v, w, b, p, t, k.; затѣмъ слѣдуютъ болѣе трудные звуки, какъ y, l, c, z; за ними идутъ смягченныя гласныя и двугласныя, а потомъ сложныя согласныя, которыми и оканчивается первый отдѣлъ первой части учебника. При всѣхъ упражненіяхъ для чтенія и письма вездѣ дается русское значеніе нѣмецкихъ словъ, такъ что всякая механическая работа учениковъ, съ перваго же урока, совершенно исключается, какъ этого и требуетъ объяснительная записка къ учебном уплану по нѣмецкому языку.

Число нѣмецкихъ статей для перевода на русскій языкъ — 106. Выборъ этихъ статей можно назвать довольно удачнымъ: языкъ ихъ хорошій и не слишкомъ трудный, содержаніе вполнѣ доступно пониманію учениковъ младшихъ классовъ. Такому пониманію много способствуетъ данный во второй части учебника постатейный словарь, достаточно полный и весьма тщательно составленный. Кромѣ постатейнаго словаря въ книгѣ есть и краткій алфавитный словарь, вполнѣ удовлетворяющій своему назначенію.

Грамматическій матеріалъ, примыкающій къ чтенію и выводимый изъ данныхъ примѣровъ, заключаетъ въ себѣ какъ всѣ правила, относящіяся къ склоненіямъ и спряженіямъ нѣмецкаго языка, такъ и самыя главныя статьи о числительныхъ, мѣстоименіяхъ и союзахъ.

Библиотека "Руниверс"

Очерки по греческой литературѣ. Выпускъ второй. О Софоклѣ. Содержаніе: I. Введеніе. II. Жизнь Софокла. Его воспитаніе. Изученіе Гомера. Заслуги Софокла. III. Софоклъ какъ гражданинъ. IV. Продолжительность поэтической дѣятельности Софокла. Періоды въ развитіи драматическаго таланта. Антигона. V. Электра. Содержаніе и характеристика. Лирическіе элементы въ трагедіи. Эантъ. VI. Трахиняки. VII. Эдипъ царь. Сравненіе трагедіи съ Шекспировской драмой „Король Лиръ". VIII. Филоктетъ. Взгляды Шиллера и Лессинга на трагедію. IX. Эдипъ въ Колонѣ. X. Стиль Софокла. Обрисовка характеровъ. Критическое отношеніе къ матеріалу. Группировка матеріала. Заключеніе. *А. Тиховъ*. Черниговъ. 1897. Стр. 133. Цѣна 75 коп.

Глубокое уваженіе и живой интересъ къ образовательной силѣ древне-греческой словесности заставили г. Тихова приступить къ составленію своихъ очерковъ, второй выпускъ которыхъ нынѣ вышелъ въ свѣтъ. Въ немъ авторъ обнаруживаетъ тотъ же одушевленный энтузіазмъ по своему предмету, какъ и въ первомъ, появившемся въ 1895 году, выпускѣ о Гомерѣ и Геродотѣ. Но нельзя не замѣтить, что г. Тиховъ въ своемъ благоговѣніи предъ геніальностью греческой музы уже слишкомъ увлекается, утверждая (см. введеніе, стр. 6), что „одно только изящное искусство есть единственно (sic!) сильное и вѣрное орудіе для смягченія грубости и закоченѣлости человѣческой чувственности и въ то же время самое надежное средство для развитія въ человѣкѣ идеальныхъ и гуманныхъ сторонъ его природы". Спрашивается, какое мѣсто въ культурѣ человѣчества авторъ удѣляетъ религіи и наукѣ. Въ самомъ крайнемъ случаѣ изящное искусство можетъ быть признано однимъ изъ главныхъ средствъ для усовершенствованія человѣка. Тѣмъ не менѣе, благодаря такому энтузіазму г. Тиховъ успѣлъ составить трудъ не лишенный ни живости, ни содержательности. Богатый разработанный матеріалъ усматривается изъ указаній, помѣщенныхъ на самомъ заглавномъ листѣ. На основаніи благонадежныхъ источниковъ, перечень которыхъ на особомъ листкѣ предпосланъ тексту, г. Тиховъ въ 9 отдѣлахъ сообщаетъ приблизительно все то, что намъ извѣстно о знаменитомъ драматическомъ поэтѣ, излагаетъ его жизнь въ отцовской семьѣ, въ обществѣ и въ государствѣ, характеризуетъ его какъ человѣка и художника, весьма часто приводитъ мнѣнія другихъ ученыхъ о немъ и его трудахъ, подчасъ въ видѣ выдержекъ изъ ихъ сочиненій, и наконецъ подвергаетъ всѣ семь сохранившихся до нашихъ временъ драмъ Софокла подробному анализу, разбирая порознь содержаніе каждой трагедіи,

Библиотека "Руниверс"

показываетъ ходъ дѣйствія, повѣряетъ психологическія черты дѣйствующихъ лицъ и опредѣляетъ эстетическое достоинство драмы, подчасъ сравнивая ее съ твореніями новѣйшихъ драматическихъ поэтовъ и иллюстрируя свои положенія многочисленными выдержками изъ драматическаго текста въ русскомъ переводѣ. Все сообщаемое составителемъ вообще вѣрно и соотвѣтствуетъ уровню современной науки. Относительно же формы изложенія слѣдуетъ сказать, что второй выпускъ „Очерковъ" не производитъ впечатлѣнія труда, за одинъ разъ созданнаго и подвергшагося окончательной отдѣлкѣ. Случайное упоминаніе объ общихъ для всѣхъ драмъ моментахъ въ анализѣ одной только трагедіи (см. стр. 66 о значеніи хора; стр. 88 описаніе декоративной обстановки, чего нѣтъ въ другихъ отдѣлахъ; стр. 100 мнѣніе Аристотеля, относящееся ко всѣмъ произведеніямъ драматической поэзіи и т. д.); различіе разбора то по группировкѣ, то по объему; лишнія повторенія, встрѣчающіяся въ изложеніи (см. стр. 45 и 48; стр. 60 и 61; стр. 132 и 133, даже на одной и той же страницѣ 123, строка 2 сверху „Софоклъ прекрасно владѣетъ языкомъ" и строка 16 „Софоклъ вполнѣ владѣетъ языкомъ" и т, д.), все это показываетъ непосредственное вліяніе источниковъ на редакцію того или другаго отдѣла и подтверждаетъ предположеніе объ отсутствіи окончательной корректуры, что впрочемъ не умаляетъ научнаго достоинства сообщаемаго.

Но есть нѣкоторыя мѣста, которыя даютъ поводъ для критики реальнаго свойства.

Стр. 13. „Софоклъ родился въ 496 году". Осторожнѣе было бы сказать: „около 496 года", такъ какъ по древней біографіи поэта (Σοφοκλέους βίος) Софоклъ родился въ 495 году, а по надписи Паросскаго мрамора (Marm Par.)—въ 497 году.

Стр. 15. „Отецъ Софокла былъ гражданинъ средняго состоянія". Анонимный біографъ (1, см. Soph. Electra cur. Michaelis), отрицая показанія Аристоксена и Истра, продолжаетъ: οὐ γὰρ εἰκὸς ἦν τὸν ἐκ τοιούτου γενόμενον στρατηγίας ἀξιωθῆναι σὺν Περικλεῖ καὶ Θουκυδίδῃ; а Plin. hist. nat. 37. 40, principe loco genitus.

Ibid. Ссылка: „Плутархъ. Жизнеописаніе, 3, 7—9. οὕτω δὲ φιλαθηναιότατος ἦν, ὥστε πολλῶν βασιλέων μεταπεμπομένων αὐτόν, οὐκ ἠθέλησε τὴν πατρίδα καταλιπεῖν". Извѣстно, что между сочиненіями Плутарха существуютъ βίοι παραλληλοι, представляющіе 23 біографическихъ параллелей, которыя въ цитатахъ обозначаются именемъ того лица, ко-

Библиотека "Руниверс"

торому посвящена біографія, но сочиненія Плутарха, имѣющаго просто заглавіе: Жизнеописаніе (βίος) вовсе нѣтъ Поэтому „Плутархъ. Жизнеописаніе, 3, 7—9“ не имѣетъ никакого смысла; кромѣ того цитируемыя г. Тиховымъ слова вовсе не принадлежатъ Плутарху, но встрѣчаются въ составленной неизвѣстнымъ лицомъ компиляціи о Софоклѣ, извѣстной въ филологическомъ мірѣ подъ названіемъ Βίος Σοφοκλέους или Vita Sophoclis (O, Jahn. Electra. cur. Michaelis; Bonnae, 1882. pg. 8), Г. Тиховъ приписалъ это жизнеописаніе Плутарху. Откуда, наконецъ, взялись показанныя цифры главы и пунктовъ несуществующаго сочиненія, совершенно загадочно, тѣмъ болѣе что жизнеописаніе Софокла вовсе не дѣлится на главы и пункты.

Стр. 29. Ссылка: Плутархъ, Периклъ. 8. φασὶ δὲ τὸν Σοφοκλέα ἠξιῶσθαι τῆς ἐν Σάμῳ στρατηγίας, εὐδοκιμήσαντα ἐν τῇ διδασκαλίᾳ τῆς Ἀντιγόνης. Приведенныя слова не находятся у Плутарха, но читаются въ Argum. Antig. (см. E. Wunder. Sophoclis tragaediae. vol. 1. Soct IV. Ἀριστοφάνους γραμματικοῦ ὑπόθεσις), тогда какъ въ указанномъ г. Тиховымъ жизнеописаніи Перикла сообщается отвѣтъ, который Периклъ далъ своему товарищу—поэту, увлекшемуся красотою какого-то юноши: Οὐ μόνον, ἔφη, τὰς χεῖρας, ὦ Σοφόκλεις, δεῖ καθαρὰς ἔχειν τὸν στρατηγόν, ἀλλὰ καὶ τὰς ὄψεις.

Стр. 16. Ссылка: „Dind. vol. 5. Θαμύρας καὶ Ναυσικάα и Плутархъ жизнеописаніе (опять!) 2, 12—14 совершенно непонятна; но помѣщенныя въ текстѣ слова, къ которымъ относится ссылка (τὸν Θαμυραν διδάσκων αὐτὸς ἐκαθάριζεν, ἀκρῶς δὲ ἐσφαίρισεν, ὅτε τὴν Ναυσικάαν καθῆκεν) находятся у Аѳенея 1, 37.

Стр, 131. „Французскій драматургъ Альфьери“. Графъ Витторіо Альфьери, уроженецъ города Асти, не французъ, но итальянецъ и извѣстенъ въ итальянской литературѣ какъ драматургъ.

Какъ бы то ни было, справедливость требуетъ заявить, что указанные недосмотры, не касаясь сущности изложеннаго въ трудѣ предмета, не мѣшаютъ съ пользою читать русскій текстъ и не только извлечь изъ него интересныя данныя для ознакомленія съ великимъ поэтомъ, но раздѣлить благородное одушевленіе автора идеальными произведеніями греческаго генія.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВОСТОКОВѢДѢНІЕ ВЪ НОВЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Какъ извѣстно, за послѣднее время въ жизни французскихъ высшихъ учебныхъ заведеній произошли крупныя перемѣны—на смѣну старымъ разрозненнымъ факультетамъ являются университеты. И вотъ раздаются съ разныхъ сторонъ голоса, указывающіе на тѣ или другіе пробѣлы въ прежнемъ факультетскомъ устройствѣ, которые необходимо должны быть восполнены въ новыхъ университетахъ. Въ числѣ такихъ заявленій есть одно, не лишенное значительнаго практическаго интереса и для насъ; мы имѣемъ въ виду постановленіе французской академіи надписей отъ 17-го декабря 1897 года: обратить вниманіе французскаго министерства народнаго просвѣщенія на печальное положеніе востоковѣдѣнія въ высшемъ образованіи и на необходимость немедленнаго измѣненія этого положенія. Постановленіе это было вызвано докладомъ академиковъ, извѣстныхъ оріенталистовъ *Э. Сенара* и *А. Барта* [1]). Докладъ заключаетъ въ себѣ замѣчанія, которыя, на нашъ взглядъ, имѣютъ несомнѣнно отношеніе и къ положенію востоковѣдѣнія въ нашихъ университетахъ, и потому мы позволяемъ себѣ изложить здѣсь мнѣнія почтенныхъ академиковъ.

---

[1]) 10-го декабря 1897 года Французское азіатское общество сдѣлало постановленіе о желательности учрежденія во французскихъ университетахъ нѣкотораго числа каѳедръ по исторіи, языкамъ и археологіи востока. Comptes Rendus Acad. d. Inscript. et Belles-Lettres. Nov. Déc. 1897, pp. 705—712.

Библиотека "Руниверс"

При современномъ состояніи науки никакой университетъ, который вполнѣ заслуживалъ бы этого названія, не можетъ обойдтись безъ востоковѣдѣнія въ своемъ преподаваніи. Франція слишкомъ долго забывала это, сосредоточивая изученіе востока исключительно почти въ одномъ Парижѣ. Отсутствіе возможности найдти примѣненіе своимъ знаніямъ для молодаго французскаго оріенталиста создало совершенно особенное положеніе для востоковѣдѣнія во Франціи. Отъ времени до времени появлялись блестящіе таланты, которыхъ правительство считало долгомъ поддерживать, создавая для нихъ каѳедры, которыя часто прекращали свое существованіе съ первымъ же ихъ представителемъ, не имѣвшимъ учениковъ. Не образовывалось школы, не было научнаго преемства, и оріентализмъ во Франціи не зналъ и не знаетъ того постепеннаго развитія, которое замѣчается въ другихъ странахъ. Для успѣха дѣла за генералами должна необходимо стоять армія, которая бы исполняла ихъ планы и вела бы ту скромную, но необходимую работу, которая составляетъ непремѣнное условіе научнаго прогресса. Новые французскіе университеты должны найдти средства и мѣсто въ своей средѣ для каѳедръ по народамъ арійскаго востока, индійцамъ и персамъ, по семитскимъ народамъ, для исторіи востока, для египтологіи и языковъ крайняго востока.

Такъ говоритъ г. Сенаръ, требуя скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о судьбахъ слабѣющаго нынѣ во Франціи оріентализма. Г. Бартъ прибавляетъ нѣсколько статистическихъ данныхъ, мало утѣшительныхъ для Франціи. Кромѣ Парижа, къ которому въ весьма значительной мѣрѣ примѣнимо сказанное г. Сенаромъ объ отсутствіи школъ и научной преемственности, Франція имѣетъ только: каѳедру санскрита и каѳедру египтологіи въ Ліонѣ; курсъ индійской литературы въ частномъ католическомъ университетѣ въ Анжэ; каѳедру еврейскаго языка и библейской экзегеты въ Монтобанѣ.

Перечень замѣчательно краткій, а если къ этому прибавить, что научныя пособія для этихъ каѳедръ болѣе чѣмъ скудны, то можно несомнѣнно сказать, что, кромѣ Парижа, востоковѣдѣніе нигдѣ въ высшемъ образованіи Франціи не поставлено на надлежащую почву: иная картина получается при разсмотрѣніи положенія оріентализма въ другихъ странахъ. Германія имѣетъ 21 университетъ (включая академію въ Мюнстерѣ) и во всѣхъ изъ нихъ, кромѣ Ростокскаго (432 студента), гдѣ одна восточная каѳедра, по нѣскольку каѳедръ, посвященныхъ востоковѣдѣнію. Въ пяти голландскихъ университетахъ насчитывается *двадцать двѣ* каѳедры восточныхъ языковъ и литера-

Библиотека "Руниверс"

туръ. Маленькая Бельгія имѣетъ девять каѳедръ, Швейцарія двадцать три. Та же картина въ Англіи, Австріи, Италіи. Можно, конечно, возразить, что количество не всегда соотвѣтствуетъ качеству, но, какъ справедливо заканчиваетъ свою замѣтку г. Бартъ, качество часто ухудшается, когда количество становится недостаточнымъ.

Для насъ, какъ было уже замѣчено выше, записка почтенныхъ академиковъ и постановленіе академіи надписей представляютъ большой интересъ: если у насъ нѣтъ въ настоящее время кризиса въ положеніи востоковѣдѣнія въ университетскомъ преподаваніи, то есть настоятельная нужда въ немедленномъ его расширеніи. Конечно, теперь на первомъ планѣ стоитъ практическое изученіе Востока, которое должно явиться на помощь при выполненіи всѣхъ тѣхъ новыхъ задачъ, какія выпали на долю Россіи, и первымъ шагомъ въ этомъ направленіи слѣдуетъ привѣтствовать открытіе института восточныхъ языковъ въ Владивостокѣ или въ другомъ мѣстѣ на восточной окраинѣ, за которымъ, вѣроятно, послѣдуетъ открытіе въ Одессѣ или какомъ-нибудь изъ южныхъ городовъ подобнаго же института для практическаго ознакомленія съ передней Азіей. Учрежденіе двухъ этихъ институтовъ, которые охватятъ такимъ образомъ всю Азію, несомнѣнно удовлетворитъ потребности въ практическомъ знаніи Востока.

Но удовлетвореніе практическихъ потребностей не есть, конечно, полное разрѣшеніе вопроса: Россія, болѣе можетъ быть чѣмъ какая другая страна, нуждается и въ теоретическомъ знаніи Востока, между тѣмъ и въ этомъ отношеніи у насъ дѣлается очень мало. Лазаревскій институтъ въ Москвѣ имѣетъ главнымъ образомъ практическое направленіе, а Институтъ Восточныхъ Языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ предназначается исключительно для практической подготовки дипломатовъ на мусульманскомъ востокѣ; практическое же, конечно, назначеніе имѣетъ и офицерское отдѣленіе института.

Такимъ образомъ для научнаго изученія Востока предназначается почти исключительно одинъ факультетъ Восточныхъ Языковъ Петербургскаго университета и двѣ каѳедры, тюркская и финская, на историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета; каѳедры санскрита на филологическихъ факультетахъ не могутъ быть приняты здѣсь въ расчетъ, такъ какъ на нихъ преподаваніе санскрита имѣетъ лишь вспомогательное значеніе при изученіи сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. Факультетъ Восточныхъ Языковъ по уставу 1884 года имѣетъ каѳедры слѣдующихъ „словесностей“: 1. *Санскритской*. 2. *Арабской*. 3. *Персидской*. 4. *Турецко-татар-*

Библиотека "Руниверс"

ской. 5. *Китайской и Маньчжурской*. 6. *Монгольской и Калмыцкой*. 7. *Еврейской*, *Сирійской*, *Халдейской*. 8. *Армянской* и *Грузинской*; а также 9-ую каѳедру *Исторіи Востока*; къ этимъ девяти каѳедрамъ должна прибавиться десятая, учреждаемая нынѣ, каѳедра *японской* словесности. Этого числа каѳедръ, конечно, недостаточно для всесторонняго изученія Востока, а также и для того, чтобы дать способнымъ молодымъ людямъ возможность примѣнить на дѣлѣ свой научный интересъ къ востоковѣдѣнію.

На страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* уже раньше указывалось [1]) на желательность расширенія преподаванія восточныхъ языковъ въ нашихъ университетахъ путемъ учрежденія каѳедръ этихъ языковъ при филологическихъ факультетахъ. Вполнѣ раздѣляя это мнѣніе, мы думаемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было бы теперь же расширить бюджетъ факультета Восточныхъ Языковъ и дать ему такимъ образомъ возможность стать въ болѣе нормальное положеніе. Въ то время какъ другія страны обращаютъ все большее и большее вниманіе на изученіе Востока, хотѣлось бы думать, что и Россія не отстанетъ, по крайней мѣрѣ, въ этихъ стремленіяхъ.

Сергѣй Ольденбургъ.

---

[1]) Баронъ *В. Р. Розенъ*. О Восточномъ факультетѣ и восточныхъ каѳедрахъ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. CCLXXIII. 159—165 (1891).

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Іюнь 1898 года.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французское правительство основало колоніальную школу; мнѣ еще не случилось писать вамъ о ней, а между тѣмъ значеніе ея съ каждымъ днемъ увеличивается. Школа эта существуетъ съ 1885 года, но тогда она не имѣла программы, данной ей теперь. Въ то время она предназначалась для инородцевъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ для полученія французскаго образованія, и называлась Камбоджійскою школой. Въ 1888 году ее переименовали въ колоніальную, но она продолжала служить для тѣхъ же инородцевъ, и только съ 1889 года ея назначеніе измѣнилось. Въ то время, когда Франція все болѣе и болѣе стремилась сдѣлаться колоніальною державой, сознана была необходимость создать для управленія колоніями вполнѣ подходящій составъ лицъ. Должностныя лица, посылаемыя въ колоніи, пріѣзжали туда большею частію съ полнымъ незнаніемъ исторіи, языка и нравовъ страны, которою должны были управлять, и употребляли слишкомъ много времени, чтобъ освоиться тамъ, а когда наконецъ достигали возможности приносить пользу, то чувствовали утомленіе отъ убійственнаго климата, заставлявшее ихъ возвращаться во Францію. Цѣль школы—доставлять нашимъ колоніямъ опытныхъ администраторовъ. Молодые люди, поступающіе въ школу, должны быть не моложе 18-ти и не старше 23-хъ лѣтъ, должны имѣть аттестатъ зрѣлости или аттестатъ высшаго коммерческаго училища и медицинское свидѣтельство о томъ, что ихъ здоровье позволяетъ имъ переносить суровыя условія службы въ колоніяхъ. Кромѣ того, они

Библиотека "Руниверс"

должны выдержать спеціальный экзаменъ изъ политической экономіи, исторіи французской и иностранной колонизаціи до 1815 года, изъ физической географіи преимущественно французскихъ колоній, изъ топографіи, англійскаго, нѣмецкаго или испанскаго языка.

Допущенные къ поступленію въ школу проходятъ курсъ, раздѣленный на два отдѣла; одинъ составляютъ науки, общія для всѣхъ учащихся, другой — спеціальныя знанія по тому или другому предмету. Науки, общія для обоихъ отдѣловъ, слѣдующія: гражданское право, административно-колоніальное право, экономическое положеніе и управленіе различныхъ французскихъ колоній, изученіе иностранныхъ колоніальныхъ системъ, общая организація колоній, колоніальная гигіена и свѣдѣнія изъ практической медицины, колоніальная производительность, практическія постройки, живые языки, физическія и военныя упражненія. Воспитанники обязаны ежегодно представлять краткій отчетъ объ иностранныхъ изданіяхъ, напечатанныхъ на томъ языкѣ, который они изучаютъ. Курсъ продолжается два года, но ученики могутъ, по опредѣленію совѣта школы, оставаться еще на одинъ годъ. Физическія и военныя упражненія, верховая ѣзда обязательны для всѣхъ учащихся.

Спеціальныя занятія раздѣляются слѣдующимъ образомъ: a) колоніальное комисарство (только магистры права могутъ слушать эти лекціи, имѣющія характеръ исключительно юридическій и административный); b) индо-китайское отдѣленіе: исторія, нравы и религіи Индо-Китая (1 годъ); законодательство и администрація Индо-Китая (2 года); аннамскій языкъ (2 года); языкъ камбоджійскій (1 годъ); чтеніе и объясненіе китайскихъ и аннамскихъ сочиненій (1 годъ); c) африканское отдѣленіе: подробная географія Африки; законодательство и администрація африканскихъ колоній; спеціальное устройство Мадагаскара; мусульманское право въ сравненіи съ индусскимъ правомъ; арабскій языкъ; малгашскій языкъ; d) центральное управленіе: кандидаты должны прослушать, кромѣ общаго курса, одну изъ спеціальныхъ серій.

Въ школѣ есть еще коммерческое отдѣленіе, питомцы котораго проходятъ общій курсъ, изучаютъ систему иностранныхъ колоній и практическое устройство ихъ. Кромѣ того, они обязаны изучить одинъ изъ колоніальныхъ языковъ — аннамскій, арабскій или малгашскій. Кромѣ постоянныхъ воспитанниковъ, въ школу допускаются еще вольнослушатели съ разрѣшенія совѣта. Наконецъ, школа имѣетъ интернатъ для инородцевъ, присылаемыхъ изъ колоній или изъ странъ,

Библиотека "Руниверс"

состоящихъ подъ протекторатомъ Франціи, для дополненія ихъ образованія, въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ. По возвращеніи на родину они знакомятъ своихъ соотечественниковъ съ Франціей и служатъ прекраснымъ орудіемъ для ассимиляціи. Школа имѣетъ прекрасныхъ профессоровъ изъ школы правовѣдѣнія, министерства колоній, школы восточныхъ языковъ, государственнаго совѣта и парижскихъ лицеевъ. Она находится подъ наблюденіемъ совѣта, состоящаго изъ высшихъ чиновниковъ министерствъ колоній, морскаго и иностранныхъ дѣлъ, изъ представителей колоніальной арміи, ученыхъ и публицистовъ. Директоръ школы — Омонье, человѣкъ выдающійся, бывшій морской офицеръ, составившій собраніе надписей Камбоджи, дѣльный ученый и въ то же время почтенный практическій дѣятель.

Министерство народнаго просвѣщенія издало общую статистику студентовъ факультетовъ и школъ высшаго преподаванія по 15-е января 1898 года. Изъ этого отчета видно, что составъ учащихся въ нашихъ факультетахъ за это время простирался до 28.782 человѣкъ; изъ нихъ 27.911 мужчинъ (26.419 французовъ и 1.492 иностранца) и 871 женщина (579 француженокъ и 292 иностранки).

Вотъ цифры, приходящіяся на долю каждаго большаго отдѣла высшаго преподаванія:

Факультеты протестантскаго богословія насчитываютъ 137 студентовъ, и, разумѣется, тутъ нѣтъ ни одной женщины; изъ нихъ только пять студентовъ иностранцевъ. 9.107 молодыхъ людей, въ томъ числѣ 9.102 мужчинъ, изучаютъ право, и въ томъ числѣ 475 иностранца. Медицинскія школы насчитываютъ огромное число женщинъ-студентокъ: 399 изъ общаго числа 8.064; 168 иностранокъ и 734 иностранцевъ. Но собственно говоря, словесныя науки привлекаютъ наибольшее число молодыхъ дѣвушекъ: 240 посѣщаютъ словесные факультеты, въ томъ числѣ 57 иностранокъ и 183 француженки; изъ 3.118 студентовъ словесныхъ факультетовъ — только 80 иностранцевъ. Физико-математическія науки изучаютъ 3.497 студентовъ; изъ нихъ 80 женщинъ и 161 студентовъ-иностранцевъ. Фармацевтическія школы насчитываютъ 2.817 французовъ и 50 француженокъ, изъ нихъ 27 иностранцевъ и 3 иностранки.

Кромѣ университетовъ, вольныя медицинскія и алжирскія школы посѣщаютъ 949 (70 женщинъ) и 763 (24 женщины) молодыхъ людей.

Это школьное населеніе географически распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Парижѣ находится 11.647 студентовъ и 400 студентокъ, почти половина общаго числа всѣхъ студентовъ Франціи.

Библиотека "Руниверс"

Протестантское богословіе изучаютъ 70 человѣкъ, право 3.635, медицину 3.971, физико-математическія науки 1.273, словесныя 1.697, фармацевтику 1.401. Ліонъ по количеству школьнаго населенія занимаетъ послѣ Парижа первое мѣсто. Тамъ насчитывается 2.335 студентовъ, и изъ нихъ посѣщаютъ медицинскую школу 1.106 человѣкъ, въ томъ числѣ 38 женщины. Юридическія науки изучаются 436 лицами, физико-математическія 321 (изъ нихъ 5 женщинъ), фармацевтика 272 (изъ нихъ 1 женщина); наконецъ, 177 молодыхъ людей и 23 женщины изучаютъ словесныя науки. Третье мѣсто принадлежитъ Бордо: изъ 2.144 студентовъ 773 изучаютъ право, 737 медицину, 224 физико-математическія науки, 153 словесныя, 257 фармацевтику; на все число студентовъ приходится только 29 женщинъ. Тулуза, Монпелье, Лилль, Реннъ, Нанси насчитываютъ болѣе 1000 студентовъ. Въ Тулузѣ изъ 1.885 учащихся 12 женщинъ, въ Монпелье изъ 1.496 — 83 женщины, въ Лиллѣ изъ 1354 — 18 женщинъ, въ Реннѣ изъ 1.063—23 женщины, въ Нанси изъ 1.001 — 38 женщинъ. Прочіе университетскіе города насчитываютъ: Э-Марсель 849 студентовъ, Пуатье 764, Дижонъ 604, Канъ 598, Гренобль 474, и Безансонъ 197.

Классическому образованію все болѣе и болѣе грозитъ опасность; въ нашихъ лицеяхъ оно уже терпитъ немало отъ конкуренціи такъ-называемаго „новаго" образованія. На него нападаютъ не только математики, инженеры, экономисты, но и словесники — Жюль Леметръ, членъ Французской академіи, бывшій профессоръ лицея въ Гаврѣ, и Эмиль Жебаръ, членъ академіи нравственныхъ наукъ и профессоръ словеснаго факультета въ Парижѣ. Въ *Фигаро*, газетѣ наиболѣе распространенной, Леметръ помѣстилъ недавно двѣ статьи: „Противъ классическаго образованія", которыя въ слѣдъ затѣмъ были перепечатаны въ *Revue Encyclopédique* (№ отъ 26-го марта 1898 года). Онѣ представляютъ собою настоящій обвинительный актъ противъ классическаго образованія. Леметръ говоритъ, что, поставленное въ настоящія условія, оно вполнѣ безполезно для юношей, его получающихъ: „Все измѣнилось въ нашемъ обществѣ", говоритъ авторъ;— „открытія прикладныхъ наукъ глубоко измѣнили условія жизни частныхъ лицъ и народа; рѣшительно настало царство промышленности, торговли и денегъ; мы образуемъ общество демократическое и промышленное, намъ угрожаетъ и на половину разорила насъ конкуренція могущественныхъ державъ, а дѣти нашей буржуазіи и много дѣтей изъ народа проводятъ восемь или десять лѣтъ надъ плохимъ за-

Библиотека "Руниверс"

учиваніемъ того, что̀ нѣкогда весьма хорошо преподавали отцы іезуиты монархическому обществу, дѣтямъ привилегированныхъ сословій, дворянскому, судейскому".

Леметру въ настоящее время 45 лѣтъ, онъ много лѣтъ занимался преподаваніемъ и говоритъ, что теперь онъ не знаетъ ни слова по гречески, а что на латинскомъ языкѣ ему приходится читать всего раза три въ годъ; что греческій языкъ не даетъ нашимъ учащимся ни одной возвышенной идеи, такъ какъ они не узнаютъ его (къ сожалѣнію, это вполнѣ справедливо), латинскіе классики не сообщаютъ ничего такого, чего не нашлось бы въ сочиненіяхъ Монтаня и нашихъ классиковъ XVII вѣка. Онъ указываетъ на Луи Вельо и Жоржъ Занда, двухъ знаменитыхъ писателей, не получившихъ классическаго образованія. По его мнѣнію, для образованія ума также полезно изучать нѣмецкую грамматику, какъ и греческій языкъ. Въ заключеніе онъ желаетъ сокращенія числа классическихъ лицеевъ, чтобы „новое" образованіе служило для большинства французовъ, и чтобы питомцы его могли дѣлаться докторами и адвокатами безъ знанія латыни. Наконецъ, онъ требуетъ полнаго уничтоженія не только званія баккалавра словесности, но и всякаго другаго.

Жебаръ менѣе радикаленъ. Въ весьма умно написанной статьѣ, помѣщенной въ *Journal des Debats*, онъ нападаетъ только на маленькія провинціальныя коллегіи, вступающія въ соперничество съ классическими лицеями, что̀ дается имъ весьма трудно. Онъ требуетъ преобразованія этихъ коллегій въ областныя школы съ преподаваніемъ практическихъ знаній—французскаго языка, географіи, ариѳметики, геометріи, физики, химіи, исторіи Франціи, землевѣдѣнія, сельскаго хозяйства, одного изъ новыхъ языковъ, примѣнимаго къ данной области, англійскаго на западѣ, нѣмецкаго на востокѣ, испанскаго и италіанскаго на югѣ. Онъ полагаетъ, что такого рода школы дадутъ государству полезныхъ гражданъ и сократятъ огромное число неудачниковъ, недовольныхъ и вызывающихъ революціи. Доказательство это любопытно, такъ какъ принадлежитъ одному изъ нашихъ наиболѣе выдающихся словесниковъ.

II.

Лѣтъ двадцать тому назадъ я писалъ вамъ о „Всеобщемъ словарѣ литературъ", изданномъ Вапро. Не смотря на неточности и пробѣлы, этотъ трудъ и теперь еще драгоцѣненъ для справокъ, особенно въ

Библиотека "Руниверс"

отношеніи исторіи французской и англійской литературъ. Издатель Коленъ напечаталъ въ болѣе скромныхъ размѣрахъ „Иллюстрированный словарь писателей и литературъ" (Dictionnaire-manuel illustré des écrivains et des littératures. 1 томъ въ 12-ю д. л. въ 900 страницъ). Изданіе редактировано Жиделемъ, извѣстнымъ по своимъ прекраснымъ сочиненіямъ о французской литературѣ, и молодымъ писателемъ Лолье. Менѣе обширный, чѣмъ трудъ Вапро, этотъ словарь даетъ понятіе о современныхъ писателяхъ, чего нѣтъ у Вапро, и снабженъ иллюстраціями. Неизбѣжныя въ такого рода сложномъ трудѣ опущенія и погрѣшности не вредятъ его значительному успѣху въ средѣ учащихся; онъ разошелся уже во многихъ тысячахъ экземпляровъ.

Вамъ извѣстна любопытная серія небольшихъ книжекъ: „La vie privée d'autrefois", издаваемыхъ Альфредомъ Франкленомъ. Она обогатилась двумя новыми томиками: „La vie de Paris sous Louis XIV, tenue de maison et domesticité" (Жизнь въ Парижѣ при Людовикѣ XIV, управленіе домомъ и домашняя челядь). Это — не оригинальное сочиненіе Франклена, а перепечатка двухъ любопытныхъ сочиненій XVII вѣка. Первое изъ нихъ „La maison réglée et l' art de diriger la maison d' un grand seigneur et autre, tant à la ville qu' à la campagne" par Audiger. Этотъ Одижеръ управлялъ домами разныхъ важныхъ особъ и славился какъ искусный кондитеръ. Въ книгѣ своей о хозяйствѣ большихъ домовъ онъ даетъ множество подробностей, которыхъ тщетно стали бы искать у авторовъ записокъ и историческихъ сочиненій. Это въ своемъ родѣ „Домострой", не менѣе интересный, чѣмъ вашъ русскій „Домострой". Другое сочиненіе написано болѣе извѣстнымъ лицемъ — Клодомъ Флёри; ему принадлежитъ знаменитая „Исторія церкви"; онъ былъ духовникомъ короля Людовика XV и членомъ Французской академіи. Кромѣ своей „Исторіи", аббатъ Флёри написалъ много богословскихъ и нравоучительныхъ сочиненій. Его трактатъ „Объ обязанностяхъ господъ и служителей" есть въ сущности трактатъ о нравственности и, подобно труду Одижера, можетъ считаться историческимъ документомъ первой важности.

Второй томикъ Франклена продолжаетъ серію описанія магазиновъ модныхъ издѣлій; по счету это уже четвертый. Въ немъ говорится о бѣльѣ, о торговлѣ полотномъ, о стиркѣ, о башмачныхъ лавкахъ и мѣховыхъ магазинахъ, о торговлѣ тростями и зонтиками. Всѣ главы

Библиотека "Руниверс"

этой книжки полны цѣнными указаніями. Любопытныя иллюстраціи сопровождаютъ текстъ этого легко написаннаго сочиненія.

За послѣдніе годы появилось у насъ множество военныхъ воспоминаній о временахъ первой революціи и имперіи; о наиболѣе интересныхъ я сообщалъ вамъ въ свое время, особенно объ описаніяхъ похода 1812 года. Къ этой послѣдней категоріи принадлежатъ „Мемуары сержанта Бургоня" (1812 — 1813 гг.), напечатанные Полемъ Коттеномъ, издателемъ историческаго журнала *Nouvelle Revue Retrospective*. Вступивъ въ 1805 году въ императорскую гвардію, Бургонь участвовалъ въ походѣ 1806 года, затѣмъ въ походахъ въ Австрію, Испанію, Португалію и Россію. Получивъ нѣкоторое образованіе, онъ могъ, по возвращеніи во Францію, описать, въ свободное отъ занятій время, походъ въ Россію. Не будучи литераторомъ, онъ и не писалъ какъ Сегюръ, извѣстный историкъ этой войны, но разказъ его болѣе жизненный, болѣе картинный; онъ живо передаетъ всѣ бѣдствія солдатъ во время этой несчастной кампаніи. Скромное положеніе его, какъ простаго унтеръ-офицера, позволяло ему видѣть близко много того, что ускользало отъ вниманія офицеровъ. Его описанія пожара Москвы, бѣдствій отступленія, переправы черезъ Березину навсегда врѣзываются въ памяти. Рекомендую вамъ эту книгу; ее слѣдовало бы перевести на русскій языкъ; во Франціи въ короткое время она вышла уже вторымъ изданіемъ; въ Россіи она пользовалась бы не меньшимъ успѣхомъ.

Сочиненіе Франциска Функъ-Брентано „Légendes et Archives de la Bastille", съ написаннымъ къ нему введеніемъ Викторьена Сарду, пользуется также большимъ успѣхомъ. Авторъ состоитъ хранителемъ Арсенальской библіотеки, владѣющей частью архива Бастиліи (другая часть находится въ С.-Петербургѣ). Въ исторіи знаменитой крѣпости, взятіе которой было сигналомъ къ революціи, онъ приводитъ множество существующихъ о ней легендъ, которыми историки революціи (Луи Бланъ, Мишле) злоупотребляли прискорбнымъ образомъ. Въ XVIII вѣкѣ въ Бастиліи почти не было заключенныхъ; это была тюрьма, въ высшей степени удобно обставленная. Функъ-Брентано доказываетъ это неопровержимыми документами, даетъ рѣшительное разъясненіе легенды о *желѣзной маскѣ*, разказываетъ о жизни литераторовъ въ Бастиліи, о приключеніяхъ знаменитаго Латюда, отчаяннаго мошенника и притомъ временами помѣшаннаго, наконецъ даетъ точныя объясненія обстоятельствъ, при которыхъ крѣпость была взята народомъ. Эта книга, написанная хорошо и по доку-

Библиотека "Руниверс"

ментамъ, возбудитъ негодованіе изступленныхъ фанатиковъ революціи, но въ замѣнъ того вызоветъ восторгъ считающихъ правду главною обязанностію историка.

Гюставъ Шленберже, отдыхая отъ своихъ большихъ работъ по византійской исторіи, занимается исторіей франковъ на Востокѣ. Послѣ своего объемистаго сочиненія „О византійской эпопеѣ" онъ издалъ небольшую книжку: „Рено де-Шатильонъ, князь Антіохійскій владѣтель Заіорданской страны" (Renaud de Chatillon, prince d' Antioche, seigneur de la terre d'outre-Jourdan). Рено де-Шатильонъ, родомъ изъ семьи съ береговъ Луары, участвовалъ во второмъ крестовомъ походѣ въ свитѣ короля Людовика VII; присутствіе его при осадѣ Аскалона въ 1153 году удостовѣрено; онъ вступилъ въ бракъ съ Констанціей Антіохійскою, сдѣлался владѣтелемъ этого города, служилъ Константинопольскому императору, былъ взятъ въ плѣнъ въ 1160 году братомъ славнаго Нуръ-Эддина и выкупленъ только въ 1176 году; поселился въ знаменитомъ замкѣ Кракѣ или Каракѣ, могущественной крѣпости христіанъ на Востокѣ; организовалъ походъ для разграбленія Мекки и Медины, снова былъ взятъ въ плѣнъ сарацинами и палъ въ 1187 году отъ руки Саладина. О жизни этого эпическаго героя находятъ свидѣтельства какъ во французскихъ лѣтописяхъ, такъ и у историковъ и поэтовъ арабскихъ. Авторъ, пользуясь ими, старался возстановить личность Шатильона въ окружавшей его средѣ. Своими выводами онъ пополняетъ не досказанное историками, а въ разказѣ своемъ удачно рисуетъ картины военныхъ эпизодовъ и духовныхъ празднествъ; интересующіеся исторіей греческаго и латинскаго Востока временъ крестовыхъ походовъ съ пользою и удовольствіемъ прочтутъ этотъ любопытный трудъ.

Французскій писатель польскаго происхожденія К. Валишевскій посвящаетъ свои труды исторіи Польши и Россіи. Написавъ о Россіи три тома, пользующіеся большимъ успѣхомъ во Франціи и въ Англіи, онъ снова занялся Польшей. Новая книга его носитъ заглавіе: „Марисенька, Марія де-ла Гранжъ д'Аркіенъ, королева Польская, жена Собѣсскаго (1641 — 1716)". Исторія этой знаменитой женщины, внушившей истинную страсть Іоанну Собѣсскому, имѣетъ во многихъ отношеніяхъ романическій характеръ; историческій интересъ ея біографіи выражается тѣмъ, что Собѣсскій игралъ въ свое время большую роль, а также тѣмъ, что Франція обнаруживала въ то время замыслы на первостепенное вліяніе въ Польшѣ. Двѣ француженки этой эпохи царствовали тамъ: Марія Гонзаго, супруга Влади-

Библиотека "Руниверс"

слава Вазы и Іоанна-Казимира. и Марія д'Аркіенъ (названная Собѣсскимъ Марисенькою), жена Собѣсскаго. Обѣ пользовались въ Польшѣ большимъ значеніемъ. Казалось, исторія ихъ извѣстна, но Валишевскому посчастливилось найдти новые любопытные документы. Людовикъ XIV стремился. какъ извѣстно, получить польскую корону для одного изъ принцевъ Ангіенскихъ, именно для великаго Конде. Архивы этого семейства собраны были герцогомъ Омальскимъ въ замкѣ Шантильи, и пользованіе ими было предоставлено Валишевскому; другіе документы найдены были имъ въ архивѣ дома Монморанси, въ департаментѣ Ніевры, на родинѣ героини. Валишевскій не считаетъ себя историкомъ-дипломатомъ; онъ пишетъ не *ad narrandum* и не *ad probandum*, а скорѣе *ad delectandum*. Нѣкоторыя страницы его книги походятъ на романъ,—тѣмъ не менѣе она удивительно поучительна и заслуживаетъ занять мѣсто въ библіотекахъ серьезныхъ историковъ.

Теодоръ де-Визева, собственно полякъ Выжевскій, занялъ въ послѣдніе годы мѣсто въ ряду нашихъ выдающихся критиковъ. Не смотря на свое польское происхожденіе, онъ прежде всего—космополитъ; печатаетъ въ журналахъ и газетахъ критическія статьи преимущественно о нѣмецкой, англійской и русской литературѣ и затѣмъ собираетъ ихъ въ отдѣльные томы. Такимъ образомъ онъ выпустилъ въ свѣтъ вторую серію своихъ этюдовъ объ „Иностранныхъ писателяхъ". Не вдаваясь въ глубокое изученіе, онъ даетъ о разныхъ писателяхъ только нѣкоторое понятіе, а потому опыты его обыкновенно бываютъ кратки; но въ чтеніи они пріятны и побуждаютъ къ большему знакомству съ авторами, о которыхъ въ нихъ говорится. Нынѣ вышедшій томъ содержитъ въ себѣ этюды о нѣкоторыхъ англійскихъ писательницахъ. о литературѣ женщинъ, теперь процвѣтающей, о Клопштокѣ, Фонтанѣ, Гейне, о вторженіи русскихъ писателей во французскую литературу, о Гоголѣ, Гончаровѣ, Толстомъ, объ англійскомъ романѣ, о Спинозѣ.

Цѣнители болѣе глубокихъ изслѣдованій литературной психологіи предпочтутъ легкимъ набросками де-Визева серьезные и хорошо документированные литературные опыты писателя, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Арведа Барина. Настоящее имя этого автора или, лучше сказать, писательницы — г-жа Венсенъ; по тонкости анализа, осторожности въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ угадываешь женщину, но дѣльность ея и основательныя знанія заставляютъ въ томъ сомнѣваться. О ней можно сказать то же, что говорили объ Екатеринѣ II: „Femine sexu. ingenio vir". Четыре сбор-

Библиотека "Руниверс"

ника ея статей, уже выпущенные въ свѣтъ, и замѣчательныя монографіи, посвященныя Бернардену де-Сенъ-Пьеру и Альфреду де-Мюссэ, ставятъ Арведа Барина на ряду съ лучшими нашими современными критиками. Ей принадлежало бы наибольшее право сдѣлаться членомъ Французской академіи, но женщины не пользуются имъ. Изданный ею недавно томъ подъ заглавіемъ „Les Nevrosés" заключаетъ въ себѣ четыре этюда о писателяхъ четырехъ различныхъ національностей— о нѣмцѣ Гофманѣ, англичанинѣ Кенси (Quincey), американцѣ Эдгарѣ По и французѣ Жерарѣ де-Нервалѣ. Первый изображаетъ талантъ, погибшій отъ вина, второй — отъ опіума, третій — отъ алкоголя, четвертый отъ безумія. Это не только литературные, но и психологическіе этюды. Авторъ знакомъ съ новѣйшими сочиненіями медицинской литературы по этой части и не пренебрегаетъ ни одною мелочью въ природѣ, чтобы не освѣтить ея въ описаніи моральнаго недуга писателей, имъ изучаемыхъ. Книга г-жи Венсенъ любопытна не только для литераторовъ,—психологи и психіатры также извлекутъ изъ нея пользу для себя.

Изъ сочиненій, посвященныхъ въ послѣдніе годы Германіи, наиболѣе значительное написано Годфруа Кавеньякомъ: „Образованіе современной Пруссіи" (La formation de la Prusse contemporaine). Депутатъ и бывшій министръ, Кавеньякъ не считается настоящимъ историкомъ, но вполнѣ достоинъ этого названія. Первый его томъ— о министерствѣ Штейна—появился въ 1891 году; второй, надъ которымъ онъ трудился въ теченіе восьми лѣтъ, обнимаетъ собою время съ 1808 по 1813 годъ и повѣствуетъ о министерствѣ Гарденберга, о происхожденіи военныхъ учрежденій современной Пруссіи и о началѣ возстанія противъ владычества Наполеона. Этюдъ о министерствѣ Гарденберга отличается большою тщательностію; вторая часть его, заключающая въ себѣ разказъ о военномъ возрожденіи Пруссіи, весьма подробна и поучительна. Авторъ не пропустилъ ни одного нѣмецкаго документа по исторіи прусской арміи, даже малѣйшаго прибавленія къ *Militär-Wochenblatt*. Не только французы, но и нѣмцы встрѣтятъ много полезнаго въ этомъ серьезномъ трудѣ, написанномъ сильнымъ и изящнымъ языкомъ.

Антуанъ Тома, бывшій профессоръ старо-французскаго языка въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ, считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ романскихъ языковъ. Послѣ кончины всѣми сожалѣемаго Арсеня Дармштеттера ему поручено было продолжать словарь французскаго языка, начатый этимъ ученымъ при участіи Гацфельда.

Библиотека "Руниверс"

Онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ журналѣ *Romania*. Недавно онъ соединилъ въ одну книгу подъ заглавіемъ „Essais de philologie française“ нѣсколько своихъ этюдовъ, помѣщенныхъ въ этомъ и другихъ журналахъ, именно замѣтки о французскомъ языкѣ, разсужденія о вопросахъ этимологіи и этюды объ ученыхъ филологахъ, каковы Бреаль и Гастонъ Пари. Въ числѣ этихъ опытовъ есть одинъ, имѣющій особенный интересъ для вашихъ читателей: о подписи королевы Анны, дочери великаго князя Ярослава I, на одномъ документѣ изъ временъ короля Филиппа I, помѣченномъ 1063 годомъ. Подпись королевы АНА РЕИНА объясняли желаніемъ ея подписать на латинскомъ языкѣ Anna Regina, но Тома приводитъ аргументъ, убѣждающій въ томъ, что она желала написать по французски Ana reina. Академія надписей и изящной словесности увѣнчала трудъ А. Тома преміей. Авторъ вполнѣ заслужилъ это отличіе; онъ—одинъ изъ нашихъ наиболѣе скромныхъ и добросовѣстныхъ ученыхъ.

Эмиль Дешанель, профессоръ французской литературы во Французской коллегіи, — ученый и умный критикъ. Написанныя имъ сочиненія: „Le romantisme des classiques“, „Ламартинъ“ и др. весьма уважаются. Давно занимаясь комментированіемъ произведеній нашихъ великихъ писателей, онъ много размышлялъ о языкѣ и теперь собралъ въ одно цѣлое нѣсколько замѣтокъ подъ заглавіемъ: „Les déformations de la langue française“. Онъ утверждаетъ, что французскій языкъ портится и что истинный смыслъ словъ дѣлается непонятнымъ, и приводитъ тому любопытные примѣры. Къ сожалѣнію, въ наблюденіяхъ Дешанеля немало правды; а если наши дѣти не будутъ болѣе изучать латинскій языкъ, то искаженія еще болѣе увеличатся въ числѣ.

Въ Римѣ уже лѣтъ двадцать существуетъ французская археологическая школа; учениковъ, вышедшихъ изъ нея, нельзя обвинить, въ незнаніи топографіи древняго города. Гастонъ Буассье, одинъ изъ старѣйшихъ ея питомцевъ, издалъ интересныя „Promenades archéologiques“. Теперь директоромъ ея состоитъ ученый аббатъ Дюшенъ. Бывшему ученику школы, отцу Тедена, профессору католическаго института, поручено было написать статью *forum* для „Словоря греческихъ и римскихъ древностей“ Сальо; онъ возымѣлъ счастливую мысль расширить свою статью въ цѣлое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Le forum romain et les forums impériaux“. Описавъ для туристовъ нынѣшнее состояніе римскаго форума, онъ даетъ указанія о происхожденіи этой знаменитой площади, о ея расширеніи и по-

Библиотека "Руниверс"

степенномъ украшеніи, исторіи ея памятниковъ отъ древнихъ временъ до нашихъ дней и объ уничтоженіи императорскихъ форумовъ. Это—одно изъ замѣчательныхъ ученыхъ сочиненій, написанное безъ всякаго педантизма, но съ очень богатымъ содержаніемъ. Аббатъ Теденà избранъ недавно членомъ Академіи надписей, равно какъ Бушэ-Леклеркъ, извѣстный своими прекрасными трудами о греческихъ и римскихъ древностяхъ. Оба они считаются также кандидатами во Французскую академію.

Л. Л—ръ.

Библиотека "Руниверс"

Г. Д. ФИЛИМОНОВЪ.

Некрологъ.

26-го мая сего года въ Сухумѣ скончался на 73-мъ году отъ роду извѣстный археологъ и знатокъ церковныхъ древностей Георгій (Юрій) Дмитріевичъ Филимоновъ. Покойный, по окончаніи въ 1849 году курса въ Московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, поступилъ библіотекаремъ при Харьковскомъ университетѣ; но въ 1856 г. перешелъ оттуда въ Московскую оружейную палату, гдѣ впослѣдствіи занималъ должность помощника директора. Съ устройствомъ въ Москвѣ Румянцевскаго публичнаго музея, Филимоновъ занималъ въ немъ съ 1870 г. должность хранителя отдѣленія донсторическихъ христіанскихъ и русскихъ древностей и употребилъ не мало труда на его устройство и увеличеніе коллекцій. На всемірной парижской выставкѣ онъ былъ устроителемъ русскаго археологическаго отдѣла; дѣятельное участіе принималъ и въ устройствѣ политехнической выставки въ Москвѣ и былъ членомъ-основателемъ Московскаго археологическаго общества. Ему также вмѣстѣ съ другими обязано своихъ происхожденіемъ и Общество древнерусскаго искусства, оба органа котораго—„Сборникъ“ (2 тома, 1866 и 1873 г.), и „Вѣстникъ“ (12 вып., 1874 — 1877 г.) — издавались подъ его редакціей. Кромѣ того, Филимоновъ былъ почетнымъ членомъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ и Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи и дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей россійской словесности.

Главнѣйшіе печатные труды покойнаго относятся къ области русскихъ церковныхъ древностей. Въ 1859 г. появилось его изслѣдова-

Библиотека "Руниверс"

ніе „Церковь св. Николая Чудотворца на Липкѣ“ (Новгородской губ.); въ немъ авторомъ впервые была высказана мысль, что древнѣйшіе новгородскіе храмы не имѣли иконостасовъ,—это вполнѣ подтвердилось позднѣйшими изслѣдованіями. — точно были изслѣдованы новгородскіе фрески XII вѣка и съ нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы снимки, имѣющіе особую цѣнность, такъ какъ подъ вліяніемъ послѣдующей реставраціи эти фрески исчезли. Въ слѣдующемъ году Филимоновъ напечаталъ обстоятельную статью объ „Окладѣ Мстиславова евангелія“ въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древн. Росс.“ (1860 г., кн. IV), гдѣ за годъ предъ тѣмъ помѣстилъ „Дополнительныя свѣдѣнія о Мстиславовомъ Евангеліи“, съ замѣчаніями О. Бодянскаго, крайне необходимыя при ознакомленіи съ этимъ памятникомъ по труду К. И. Невоструева („Описаніе Мстиславова Евангелія“, напечатанному въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ“, т. IX). Въ 1874 г. появилось въ свѣтъ его изслѣдованіе: „Симонъ Ушаковъ и современная школа русскаго иконописанія“, въ которомъ онъ вполнѣ опредѣлилъ значеніе этого новатора въ дѣлѣ русскаго иконописанія и разсмотрѣлъ произведенія, его учениковъ и подражателей, указавъ въ то же время и на вліяніе, какое эта школа имѣла на послѣдующихъ иконописцевъ. Выводы Филимонова до сихъ поръ считаются по этому вопросу правильными. Любопытно, что до него только Ѳ. И. Буслаевъ въ своихъ „Очеркахъ“ слегка коснулся въ небольшой замѣткѣ жизни и трудовъ Ушакова.

Изъ другихъ трудовъ покойнаго, относящихся къ указанной области, назовемъ его статьи, напечатанныя въ „Сборникѣ“ и „Вѣстникѣ“— изданіяхъ Общества древне-русскаго искусства: „Значеніе луны подъ крестомъ“; „Византійская архитектура“, по соч. Токсье; „Очерки русской иконографіи. Софія премудрости Божія“. по рукописямъ библіотекъ Синодальной, Императорской публичной, Московскаго публичнаго музея и принадлежащимъ автору (эта статья представляетъ необходимое дополненіе къ статьѣ священника Богословскаго „Св. Софія въ Великомъ Новгородѣ“, напечатанной въ „Христіанскомъ Чтеніи“, за 1877 г., т. I); „Древнѣйшія западныя эмали въ Россіи, приписываемыя св. Антонію Римлянину и Андрею Боголюбскому“; „Иконные портреты русскихъ царей“; „Объ иконныхъ портретахъ Архангельскаго собора“; „Зміевикъ Суздальскаго Рождественскаго собора“; „Объ образѣ благовѣрныя великія княгини Анны Кашинскія“ (эта статья напечатана въ „Чтеніяхъ Московскаго общества истор. и древн. росс.“, 1872 г., т. I) и др.

Библиотека "Руниверс"

Еще въ 1870-хъ годахъ Филимоновъ одновременно съ церковными древностями сталъ изучать и доисторическія древности, результатомъ чего были статьи: „Древнія каменныя изваянія въ Пятигорскѣ“ (въ „Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства“); „Сванетія въ археологическомъ отношеніи“ (ib. и отдѣльно); „Какое мѣсто должны занять доисторическія древности въ нашихъ собраніяхъ“ (въ „Трудахъ I археологическаго съѣзда“, т. I); „О раскопкахъ, произведенныхъ имъ на станціи „Казбекъ“ („Труды V археологическаго съѣзда“), и др.

Довольно значительный отдѣлъ печатныхъ трудовъ Филимонова составляютъ также „Описанія“ разныхъ музеевъ, какъ-то: „Описаніе памятниковъ древняго церковнаго и гражданскаго быта русскаго музея Карабанова“ (Москва 1849 г.). Кстати замѣтимъ здѣсь, что это была уже вторая печатная работа покойнаго; первая же—подъ заглавіемъ „Археологическое изслѣдованіе о статуѣ Таврической Венеры и акты, относящіеся къ ея пріобрѣтенію“—появилась въ „Чтеніяхъ Московскаго общества истор. и древн. росс.“, за 1848 г., кн. 7, за подписью: Ю. Ф.; „Подробная опись рукописей Московской Оружейной палаты“ (Москва 1865 г.); „Патріаршая ризница по указателю епископа Саввы“ (въ „Сборникѣ общ. др.-русс. искусства“ на 1866 г.); „Каталогъ отдѣленія доисторическихъ древностей Московскаго публичнаго музея“ (Москва 1874 г.).

Далѣе, не касаясь статей и замѣтокъ Филимонова, помѣщаемыхъ въ газетахъ и по преимуществу въ „Современной Лѣтописи“, по поводу археологическихъ новинокъ, укажемъ еще на два его біографическихъ очерка: „Графъ Н. П. Румянцевъ, какъ археологъ-собиратель“ (въ „Сборникѣ матеріаловъ исторіи Румянцевскаго музея“, вып. I, Москва 1882 г.) и „Характеристика археологической дѣятельности П. И. Севастьянова“ (въ „Вѣстникѣ общ. др. русс. искусства“, 1874 г.).

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще реферата покойнаго: „О времени и происхожденіи знаменитой шапки Мономаха“ (о немъ „Чтенія Моск. общ. ист. и др. росс.“, 1898 г., т. II), въ которомъ онъ доказываетъ, что эта шапка—произведеніе арабскаго искусства, сдѣлана въ Каирѣ и прислана султаномъ Эль-Меликъ-Энъ-Насиръ-Обнъ-Калауномъ въ 1317 г. родственнику своему золотоордынскому хану Узбеку, а этимъ послѣднимъ передана Іоанну Калитѣ.

В. Рудановъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ АКТУАРІЕВЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Среди различныхъ съѣздовъ, мѣстныхъ и международныхъ, имѣющихъ цѣлью путемъ личнаго ознакомленія представителей одной и той же отрасли знанія облегчить имъ дальнѣйшія занятія и тѣмъ способствовать успѣху самой науки, позволено будетъ намъ отмѣтить и состоявшійся въ маѣ сего года въ Лондонѣ второй международный конгрессъ актуаріевъ, посвященный различнымъ вопросамъ теоріи страхованія жизни.

Значеніе страхованія вообще, и особенно страхованія жизни, съ каждымъ годомъ все растетъ и растетъ. Достаточно въ этомъ отношеніи, съ одной стороны, указать, что къ началу 1897 г. въ однихъ только частныхъ страховыхъ обществахъ 10-ти странъ [1]) болѣе чѣмъ 6.100.000 лицами было застраховано капиталовъ на сумму свыше 22 мильярдовъ рублей и рентъ свыше 50 мильоновъ рублей въ годъ. За симъ, въ англійскихъ только компаніяхъ было въ силѣ до $15^1/_2$ мильоновъ мелкихъ страхованій на сумму до $1^1/_2$ мильярда рублей; почти все рабочее населеніе Германіи (до 17 мил. лицъ) и значительная его часть въ Австріи участвуетъ въ государственномъ страхованіи. Съ другой стороны, въ теченіе послѣдней

[1]) Англіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи, трехъ скандинавскихъ государствъ, Швейцаріи, Россіи и штата Нью-Іоркъ.

Библиотека "Руниверс"

парламентской сессіи во Франціи проведены два закона, имѣющіе самую тѣсную связь со страхованіемъ (о вознагражденіи рабочихъ при несчастныхъ случаяхъ—26-го марта новаго стиля и объ обществахъ взаимнаго вспоможенія—11-го апрѣля новаго стиля 1898 г.), и одинъ въ Англіи (The Workmen's compensation Act 1897), а въ ближайшихъ сессіяхъ законодательныя учрежденія Германіи, Бельгіи и Швейцаріи будутъ обсуждать четыре проекта соотвѣтственнаго содержанія, по одному въ первыхъ двухъ странахъ и два въ третьей (объ организаціи правительственнаго надзора за частными страховыми обществами, о вознагражденіи рабочихъ за несчастные случаи, въ связи съ дѣятельностью страховыхъ обществъ (въ Бельгіи и Швейцаріи), и о нормальныхъ условіяхъ договора по страхованію жизни).

Широкое распространеніе страховыхъ операцій естественно выдвинуло цѣлый рядъ относящихся сюда теоретическихъ вопросовъ и заставило многихъ лицъ заняться спеціально изученіемъ теоріи страхованія жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникли и отдѣльныя корпораціи, имѣющія цѣлью научную разработку страховыхъ вопросовъ и подготовленіе молодыхъ людей для занятій въ страховыхъ учрежденіяхъ.

Такихъ корпорацій въ Англіи, гдѣ и само страхованіе, и теорія его получили наибольшее развитіе, существуетъ въ настоящее время до 10, изъ коихъ одно (Institute of Actuaries) въ Лондонѣ недавно отпраздновало свой пятидесятилѣтній юбилей и насчитываетъ свыше 800 членовъ. Подобныя же учрежденія возникли и во Франціи, Бельгіи, Австріи, Италіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Область актуарныхъ знаній (science actuarielle, actuarial science) установлена теперь программами институтовъ актуаріевъ, ихъ журналами, темами диссертацій и т.д. довольно опредѣленно и заключаетъ отдѣлы трехъ обширныхъ отраслей человѣческаго знанія—высшей математики, статистики и политической экономіи.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что страховые разчеты основаны на приложеніи теоріи вѣроятностей, которая, такимъ образомъ, и является главнымъ фундаментомъ актуарныхъ знаній; при производствѣ же этихъ разчетовъ естественнымъ образомъ находятъ широкое примѣненіе нѣкоторыя другія части высшей математики—теорія конечныхъ разностей, интерполированіе и приближенное вычисленіе опредѣленныхъ интеграловъ; потребности тѣхъ же разчетовъ въ свою очередь вызываютъ разработку актуаріями названныхъ предметовъ. Вторымъ существеннымъ элементомъ разчетовъ актуаріевъ служатъ таблицы смертности, неспособности къ труду и другихъ явленій, свя-

Библиотека "Руниверс"

занныхъ съ обстоятельствами человѣческой жизни. Собираніе и критика матеріаловъ, разработка и исправленіе всѣхъ этихъ таблицъ ставятъ актуарію въ близкое соприкосновеніе со статистикой. Далѣе страхованіе жизни въ настоящее время самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ соціальною экономическою политикой государствъ (борьба съ пауперизмомъ, вознагражденіе рабочихъ за несчастные случаи, пенсіонныя кассы и т.д.); вмѣстѣ съ тѣмъ накопленіе въ страховыхъ учрежденіяхъ огромныхъ капиталовъ [1]) вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ, для разрѣшенія коихъ недостаточно одной только биржевой опытности, а требуются и серьезныя теоретическія соображенія. Такимъ образомъ указанные отдѣлы высшей математики, статистики и политической экономіи являются главными составными предметами актуарныхъ знаній; среди нихъ же производятся актуаріями научныя изслѣдованія. Счетоводство и практика биржевыхъ операцій составляютъ дополнительныя свѣдѣнія, вводимыя въ упомянутыя программы институтовъ актуаріевъ.

Расширеніе приложеній теоріи страхованія жизни, съ одной стороны, распространеніе дѣятельности страховыхъ компаній за предѣлы ихъ отечественныхъ странъ и переходъ страховыхъ операцій изъ области коммерческихъ предпріятій въ сферы общественной и государственной дѣятельности—съ другой, вызвали потребность въ международномъ обсужденіи нѣкоторыхъ страховыхъ вопросовъ и въ личномъ сближеніи актуаріевъ различныхъ странъ. Подъ вліяніемъ этой потребности и былъ устроенъ въ 1895 г. въ Брюсселѣ первый, а въ маѣ текущаго года въ Лондонѣ второй международный конгрессъ актуріевъ. Въ соотвѣтствіе съ общею задачей конгресса, организаціонный комитетъ его устроилъ въ періодъ между 4-го и 10-го мая сего года пять публичныхъ засѣданій конгресса и рядъ частныхъ собраній, изъ коихъ одно въ помѣщеніи величайшаго въ мірѣ по числу страхователей страховаго общества Prudential [2]).

Число лицъ, записавшихся членами конгресса, дошло до 390, изъ коихъ 185 англичанъ, 20 представителей англійской колоніи (Канады, Капланда, Австраліи и Новой Зеландіи) и 142 представителя 13 евро-

---

[1]) Къ концу 1896 г. частныя страховыя общества располагали болѣе чѣмъ 6½ мильярдами рублей.

[2]) Общество имѣетъ нынѣ до 13½ мильоновъ страхователей, при чемъ операціи свои распространяетъ только на Соединенныя королевства Англіи, Шотландіи и Ирландіи.

Библиотека "Руниверс"

пейскихъ государствъ [1]), и 43 двухъ внѣевропейскихъ (Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Японіи). Непосредственное же участіе въ конгрессѣ приняло около половины записавшихся членами англичанъ и болѣе $^1/_3$ представителей другихъ странъ [2]).

Предсѣдателемъ былъ избранъ Т. Е. Юнгъ, предсѣдатель института актуаріевъ въ Лондонѣ.

Доклады, представленные конгрессу, распадались на двѣ неравныя части; къ первой—болѣе обширной—должны быть отнесены доклады, касавшіеся вопросовъ, поставленныхъ самимъ организаціоннымъ комитетомъ, а ко второй—возбужденные по собственной иниціативѣ докладчиковъ.

Вопросы, внесенные въ программу конгресса организаціоннымъ комитетомъ, имѣли цѣлью, главнымъ образомъ, выясненіе современнаго положенія страховаго дѣла во всѣхъ странахъ земнаго шара и касались слѣдующихъ пунктовъ: а) дѣйствующаго законодательства относительно государственнаго контроля надъ дѣятельностью частныхъ и общественыхъ страховыхъ учрежденій и относительно обязательныхъ условій договора по страхованію жизни; б) дѣятельности обществъ взаимопомощи (friendly societies, sociétés de secours mutuels и т.д.); в) порядка вознагражденія рабочихъ за несчастные случаи; г) дѣятельности пенсіонныхъ кассъ разныхъ видовъ. По всѣмъ этимъ предметамъ организаціонному комитету удалось получить болѣе или менѣе обстоятельныя данныя относительно не только почти всѣхъ европейскихъ государствъ, но и относительно многихъ странъ другихъ частей свѣта. По обсужденіи этихъ докладовъ конгрессъ, въ виду своего частнаго и чисто теоретическаго характера, никакихъ постановленій по затрагиваемымъ докладчиками вопросамъ не принималъ и ограничился лишь рѣшеніемъ о напечатаніи въ трудахъ его не только самихъ докладовъ, но и бывшихъ въ немъ преній.

Кромѣ указанныхъ выше вопросовъ, организаціонный комитетъ поставилъ на очередь еще два—о введеніи международной системы обозначеній въ сочиненіяхъ по теоріи страхованія жизни и о составленіи международнаго толковаго словаря страховыхъ терминовъ.

Первый пунктъ уже обсуждался на Брюссельскомъ конгрессѣ и оказался нынѣ на столько подготовленнымъ, что конгрессъ одобрилъ совершенною опредѣленную систему обозначеній наиболѣе употреби-

---

[1]) Въ томъ числѣ изъ Россіи 10.

[2]) Въ томъ числѣ изъ Россіи 4.

Библиотека "Руниверс"

тельныхъ въ страховыхъ разчетахъ величинъ, которая и будетъ напечатана въ трудахъ его.

Второй вопросъ—о словарѣ—конгрессъ поручилъ разработать установленному еще первымъ конгрессомъ постоянному комитету международныхъ конгрессовъ актуаріевъ.

Доклады, представленные самостоятельно отдѣльными актуаріями, касались большею частью математической части теоріи страхованія, какъ-то: методовъ выравниванія таблицъ смертности, составленныхъ по непосредственнымъ наблюденіямъ, опредѣленія высшаго предѣла отдѣльнаго риска, которое данное страховое общество можетъ на себя принять, составленіе формулъ для вычисленія выкупныхъ суммъ, разсмотрѣнія различныхъ методовъ вычисленія резервовъ премій и т. д.; кромѣ того, были представлены изслѣдованія смертности среди англійской арміи и флота, съ группировкою по причинамъ смерти, среди населенія австралійскихъ колоній и другія болѣе мелкія замѣчанія.

Библиотека "Руниверс"

Е. М. ѲЕОКТИСТОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

16-го іюня текущаго года скончался въ Царскомъ Селѣ, послѣ долгой и тяжкой болѣзни, Евгеній Михайловичъ Ѳеоктистовъ. Имя его такъ тѣсно связано съ *Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, редакторомъ котораго онъ былъ въ теченіе почти двѣнадцати лѣтъ (1871—1883), что на страницахъ этого изданія особенно умѣстно сообщеніе свѣдѣній о его жизни и дѣятельности въ формѣ нѣсколько болѣе подробной, чѣмъ это могло быть сдѣлано въ газетныхъ статьяхъ.

Е. М. Ѳеоктистовъ родился въ 1828 году, воспитывался въ одной изъ московскихъ гимназій и по окончаніи въ ней курса поступилъ въ 1847 году на юридическій факультетъ Московскаго университета. „Въ ту эпоху"— такъ говоритъ сверстникъ покойнаго, скончавшійся въ 1897 году академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ біографіи ихъ общаго товарища, профессора С. В. Ешевскаго,— „наша alma mater была общимъ чаяніемъ почти всего, что̀ было мыслящаго въ Россіи, верховнымъ ареопагомъ въ дѣлѣ науки. Московскій университетъ, когда мы вступили въ него, блисталъ плеядою талантовъ въ разныхъ родахъ и разныхъ направленіяхъ: Соловьевъ и Шевыревъ, Катковъ и Рѣдкинъ, Грановскій и Крыловъ, Кавелинъ и Морошкинъ, Кудрявцевъ и Чивилевъ—что̀ можетъ быть противоположнѣе по таланту и направленію, по складу ума и характера? Но надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ умовъ, характеровъ и даже направленій подымалось одно общее свойство. Если въ Московскомъ университетѣ возникла распря, то причину надо было искать не въ томъ, что профессора добивались какихъ-нибудь матеріальныхъ выгодъ и ставили другъ другу западни, а въ разницѣ направленій: одинъ считалъ вреднымъ

Библиотека "Руниверс"

то, что̀ другой признавалъ полезнымъ; тогда вся Россія это знала и вѣрила Московскому университету... Даже въ то время, когда сѣкира положена была у корня дерева, когда закрыты были нѣкоторыя каѳедры, а другія сужены, и число студентовъ уменьшено до нормы 300 человѣкъ (кромѣ медиковъ), и тогда къ Московскому университету можно было вполнѣ отнести слова поэта:

Ты твердо свѣточъ свой держалъ" [1]).

Е. М. Ѳеоктистову пришлось быть въ университетѣ какъ разъ въ эту печальную пору стѣсненій, но они не коснулись его, и изъ университетскаго преподаванія и общенія со своими наставниками онъ успѣлъ взять все то добро, какое способна была воспринять его счастливая натура.

Въ сороковыхъ годахъ университетское преподаваніе, не смотря на давнее раздѣленіе на факультеты, еще сохраняло до нѣкоторой степени общеобразовательный характеръ. Въ особенности это можно сказать о юридическомъ факультетѣ: на немъ читались тогда не только различныя отрасли юриспруденціи, и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ людьми обширныхъ познаній и блестящихъ дарованій, какъ Н. И. Крыловъ (римское право), П. Г. Рѣдкинъ (юридическая энциклопедія), К. Д. Кавелинъ (исторія русскаго права), — на немъ преподавались также политическая экономія, русская словесность и исторія русская и всеобщая. Такимъ образомъ студенты этого факультета не были сразу замыкаемы въ предѣлы одной спеціальности.

Е. М. Ѳеоктистовъ, не чувствуя охоты сдѣлаться настоящимъ юристомъ, еще на университетской скамьѣ обнаружилъ склонность къ историческимъ занятіямъ. Это было естественнымъ результатомъ чтеній, которыя онъ слушалъ у Т. Н. Грановскаго и П. Н. Кудрявцева. Они дѣлили между собою каѳедру всеобщей исторіи, но не было двухъ преподавателей, которые дѣйствовали бы на одномъ поприщѣ съ бо̀льшимъ согласіемъ и единодушіемъ, всегда сохраняя взаимное уваженіе и вѣрное пониманіе другъ друга. По словамъ Бестужева-Рюмина, который, подобно Евгенію Михайловичу, принадлежалъ къ числу преданнѣйшихъ слушателей Грановскаго и Кудрявцева, эти два лица какъ бы дополняли другъ друга: Грановскій, съ его живымъ, открытымъ характеромъ, не затруднялся находить, что Кудрявцевъ

---

[1]) *К. Бестужевъ-Рюминъ*. Біографіи и характеристики, С.-Пб. 1882, стр. 289. Далѣе мы пользуемся также „Воспоминаніями" покойнаго академика, еще не изданными.

Библиотека "Руниверс"

ученѣе его, а сосредоточенный меланхоликъ Кудрявцевъ, въ свою очередь, охотно признавалъ превосходство дарованій старшаго товарища надъ своими собственными. Знакомство съ историческою литературой было очень обширно и основательно у обоихъ, но ни тотъ, ни другой не задавались мыслью передѣлывать результаты, добытые учеными западной Европы; рѣдко вносили они въ свои чтенія плоды самостоятельныхъ изслѣдованій и довольствовались тѣмъ, что передавали слушателямъ господствующія въ наукѣ изображенія прошлаго и воззрѣнія на него: Грановскій—въ сжатыхъ, но стройныхъ и картинныхъ очеркахъ, а Кудрявцевъ—въ подробномъ фактическомъ изложеніи, съ тщательною характеристикой историческихъ дѣятелей и явленій, преимущественно культурнаго свойства. За то оба высоко цѣнили присутствіе нравственнаго элемента въ исторической наукѣ. Въ рѣчи Грановскаго „О современномъ состояніи и значеніи исторіи" есть объ этомъ поучительная и прекрасная страница; какъ только эта рѣчь была напечатана, Кудрявцевъ поспѣшилъ отозваться на высказанныя Грановскимъ мысли и выразить свое сочувствіе его „живому пониманію лучшей стороны исторіи, ея благотворнаго дѣйствія на умъ и сердце человѣка" [1]). Эта идея постоянно воодушевляла преподаваніе двухъ друзей и сообщала ему благородный воспитательный смыслъ; подъ его гуманнымъ вліяніемъ нравственно укрѣплялись молодыя поколѣнія.

Въ тѣ годы, когда Ѳеоктистовъ находился въ университетѣ, Грановскій постоянно читалъ древнюю исторію, въ курсахъ же исторіи среднихъ вѣковъ и новой чередовался съ Кудрявцевымъ. Но увлеченные ихъ преподаваніемъ студенты посѣщали ихъ лекціи и тогда, когда онѣ не были уже обязательными для извѣстнаго курса. Такъ было и съ Ѳеоктистовымъ, хотя—слѣдуетъ прибавить—Грановскаго онъ все-таки цѣнилъ выше, чѣмъ его товарища. Не позже, какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ Евгенія Михайловича изъ университета, ему представился случай высказать публично свое уваженіе къ любимому профессору: въ февральской книжкѣ *Современника* 1852 года появилась небольшая критическая статья о публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ Грановскимъ весной 1851 года и заключавшихъ въ себѣ характеристики Тимура, Александра Великаго, Людовика IX и канцлера Бэкона; это былъ, если не ошибаемся, первый трудъ Ѳеоктистова, нашедшій себѣ мѣсто въ печати. „По нашему мнѣнію",

[1]) Сочиненія Кудрявцева, т. I, стр. 68.

Библиотека "Руниверс"

писалъ начинающій авторъ,—„въ этихъ чтеніяхъ наиболѣе высказываются всѣ главныя особенности таланта г. Грановскаго. Безъ сомнѣнія, по нимъ не возможно вполнѣ ознакомиться съ его историческимъ взглядомъ, но можно хорошо узнать манеру и способъ его изложенія. Если бы намъ нужно было въ краткихъ словахъ объяснить отличительныя достоинства того и другого, то мы указали бы на то широкое значеніе, которое даетъ онъ участію личности въ судьбахъ человѣчества. Кто знакомъ съ ходомъ исторической науки нашего времени, тотъ пойметъ, сколько въ этомъ взглядѣ важнаго и утѣшительнаго... Четыре лекціи, лежащія передъ нами, могутъ служить доказательствомъ умѣнья ярко и блистательно освѣтить физіономію каждаго историческаго дѣятеля, объяснить читателю вполнѣ его характеръ и показать его отношенія къ современному ему обществу. При внимательномъ чтеніи этихъ лекцій нельзя упустить особенно двухъ качествъ: глубокаго нравственнаго чувства и поэтическаго колорита, лежащаго на каждой изъ нихъ. Достоинства эти ставятъ предлагаемыя лекціи на степень художественныхъ произведеній. Кромѣ научнаго, онѣ получаютъ еще литературное значеніе". Конечно, изложенное въ этихъ строкахъ сужденіе о чтеніяхъ Грановскаго не представляется особенно оригинальнымъ; такъ думали и говорили тогда всѣ его многочисленные почитатели; но все же нельзя не признать, что въ первомъ своемъ литературномъ опытѣ Е. М. Ѳеоктистовъ очень удачно и мѣтко формулировалъ оцѣнку дарованій своего знаменитаго учителя.

Мы сказали выше, что Евгеній Михайловичъ обладалъ счастливою натурой; этими выраженіями хотѣли мы указать на одно свойство его характера, особенно драгоцѣнное въ молодые годы: въ немъ не было ни излишней робости, ни чрезмѣрной самоувѣренности; онъ умѣлъ найтись съ людьми разныхъ возрастовъ безъ особаго смущенія и въ то же время не впадая въ неумѣстную развязность: это облегчало ему возможность сближенія не только со сверстниками или вообще съ лицами скромнаго общественнаго положенія, но и съ представителями старшихъ поколѣній, уже занявшими въ обществѣ болѣе или менѣе видное мѣсто; а кто узнавалъ Ѳеоктистова хоть немного, тотъ не могъ не отдавать справедливости его трезвому, ясному уму и его чуткости къ высшимъ интересамъ, не могъ не цѣнить въ немъ чрезвычайно занимательнаго и пріятнаго собесѣдника. Изъ университетскихъ товарищей Е. М. Ѳеоктистовъ всего короче сошелся съ А. В. Лохвицкимъ, извѣстнымъ впослѣдствіи профессоромъ и адвокатомъ, и съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Съ послѣднимъ они обыкновенно го-

Библиотека "Руниверс"

товились къ экзаменамъ, а въ 1851 году всѣ трое одновременно окончили университетскій курсъ кандидатами. Вмѣстѣ съ Бестужевымъ вступилъ Ѳеоктистовъ въ московскіе литературные кружки, и при своей общительности вскорѣ освоился въ нихъ очень свободно.

Сближенію Ѳеоктистова съ литературнымъ міромъ въ особенности способствовало то обстоятельство, что на половинѣ университетскаго курса онъ поступилъ учителемъ въ домъ графини Е. В. Саліасъ. Эта замѣчательно умная женщина начинала тогда свою литературную дѣятельность (подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ); домъ ея посѣщали многіе московскіе литераторы и ученые, между прочимъ Грановскій, Кудрявцевъ, Катковъ, Галаховъ, Боткинъ, а также Тургеневъ во время своихъ пріѣздовъ въ Москву. Лѣтомъ и осенью графиня обыкновенно жила на Выксѣ, въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи (отецъ графини былъ однимъ изъ опекуновъ Шепелевыхъ, владѣльцевъ Выксунскихъ заводовъ); сюда же отправлялся Ѳеоктистовъ, и сюда же пріѣзжали гостить нѣкоторые изъ московскихъ знакомыхъ графини— Кудрявцевъ съ женой, Бестужевъ-Рюминъ и др. Зиму 1850—1851 годовъ почти всю провелъ въ Москвѣ Тургеневъ; въ это-то время Ѳеоктистовъ коротко сблизился съ нимъ и съ В. П. Боткинымъ, а затѣмъ, когда авторъ „Записокъ охотника" уѣхалъ, между нимъ и Евгеніемъ Михайловичемъ завязалась переписка, особенно дѣятельно поддерживаемая со стороны послѣдняго; Ѳеоктистовъ сообщалъ Тургеневу московскія литературныя новости, а также писалъ ему о своихъ занятіяхъ, намѣреніяхъ и планахъ.

Какое направленіе дать своей дѣятельности, этотъ вопросъ представился Евгенію Михайловичу особенно настоятельно по выходѣ его изъ университета. Трудъ былъ для него не только потребностью, но и необходимостью, потому что онъ не имѣлъ матеріальнаго обезпеченія; но надо было выбрать родъ труда, наиболѣе соотвѣтствующій его умственнымъ интересамъ. Ѳеоктистовъ продолжалъ нести учительскія обязанности въ семействѣ графини Саліасъ, но считалъ нужнымъ пріобрѣсти себѣ еще другое дѣло. Всего менѣе манила его канцелярская служба, и онъ предпочелъ искать занятій педагогическихъ и литературныхъ. Съ осени онъ устроился преподавателемъ въ пансіонѣ Эннеса, а пріѣзжавшій въ Москву редакторъ *Современника* И. И. Панаевъ пригласилъ его къ сотрудничеству въ своемъ журналѣ. Здѣсь и появились, въ первые мѣсяцы 1852 года, первыя литературныя работы Ѳеоктистова: выше упомянутая рецензія публичныхъ чтеній Грановскаго и статья о Маріи Стюартъ. Около того же времени напеча-

Библиотека "Руниверс"

таны были два небольшіе его перевода изъ К. Риттера; они нашли себѣ мѣсто въ предпринятомъ Н. Г. Фроловымъ изданіи *Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій*, т. I [1]).

Къ своимъ литературнымъ занятіямъ Ѳеоктистовъ относился съ большою скромностью. Тургеневъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ въ концѣ 1852 года, предложилъ ему вопросъ: въ чемъ онъ видитъ свое литературное „призваніе"? Евгеній Михайловичъ не замедлилъ отвѣчать: „Призваніе" свое я уже давно понялъ. Таланта литературнаго у меня нѣтъ; страсть къ историческимъ занятіямъ большая. Собственно „ученаго" изъ меня никогда не выйдетъ, ибо во мнѣ нѣтъ силы на кропотливый трудъ, нѣтъ нужной усидчивости и неусыпнаго постоянства въ занятіяхъ; но, не смотря на то, занятія исторіей, и слѣдовательно, литературою (то-есть, исторіей ея) я не оставлю и думаю, что могу принести съ этой стороны нѣкоторую пользу, какъ можетъ принести пользу всякій съ любовью и безкорыстно занимающійся чѣмъ-нибудь серьезнымъ въ жизни". Эти слова, сказанныя въ началѣ 1853 года, составляютъ какъ бы предисловіе ко всей литературной дѣятельности Ѳеоктистова, продолжавшейся слишкомъ сорокъ лѣтъ; но само собою разумѣется, мы проявили бы крайнюю несправедливость, если бы вздумали согласиться съ оцѣнкой, которую Ѳеоктистовъ дѣлаетъ своимъ способностямъ. Быть можетъ, ему въ самомъ дѣлѣ недоставало терпѣнія и настойчивости, чтобы вести обширныя научныя разысканія на основаніи сырыхъ матеріаловъ; онъ не позаботился развить въ себѣ способность къ научной критикѣ; но несомнѣнно, историческая любознательность была возбуждена въ немъ чрезвычайно, онъ питалъ ее постояннымъ и разнообразнымъ чтеніемъ, а врожденный тактъ давалъ ему возможность отчетливо и безпристрастно разбираться въ этомъ богатомъ матеріалѣ и выработывать опредѣленныя историческія воззрѣнія. Въ этомъ смыслѣ Ѳеоктистовъ является вѣрнымъ ученикомъ своего знаменитаго учителя Грановскаго. Въ одной изъ своихъ статей, посвященной разбору диссертаціи Медовикова:

---

[1]) Составить полную библіографію всего, что было напечатано Е. М. Ѳеоктистовымъ въ теченіе его многолѣтней литературной дѣятельности, крайне трудно, тѣмъ болѣе, что не всѣ свои статьи онъ подписывалъ: нѣкоторыя появлялись подъ псевдонимами или вовсе безъ подписи. Сравнительно наиболѣе полныя указанія о литературныхъ трудахъ Ѳеоктистова даны Д. Д. Языковымъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* текущаго года, № 165. Въ настоящемъ некрологѣ также означены нѣкоторыя статьи Евгенія Михайловича, не указанныя другими лицами, о немъ писавшими.

Библиотека "Руниверс"

„Латинскіе императоры въ Константинополѣ“ (Москва. 1850), Грановскій говорилъ: „Странны люди, толкующіе о самостоятельномъ творчествѣ и оригинальности по поводу какого-нибудь разсужденія; но нельзя не пожалѣть о силахъ и времени, употребленныхъ на составленіе книги совершенно безполезной, между тѣмъ какъ мы такъ нуждаемся въ добросовѣстныхъ труженикахъ. Масса совершенныхъ въ теченіе прошедшаго полустолѣтія историческихъ изслѣдованій достигла до колоссальныхъ размѣровъ. Мы не знаемъ сами, какими богатствами располагаемъ. Свести итоги по отдѣльнымъ частямъ, сказать русской публикѣ: вотъ до чего дошла европейская наука въ данномъ вопросѣ, не такъ легко, какъ думаютъ многіе. Не говоримъ уже о пользѣ... Въ чемъ же заключаются успѣхъ и органическій ростъ науки, если каждому поколѣнію и каждому народу должно сызнова передѣлывать все сдѣланное прежде его предшественниками? Нужно, слѣдовательно, опредѣлить пункты, до которыхъ доведены отдѣльныя изслѣдованія, и указать требующія дальнѣйшей разработки стороны предметовъ... Труды такого рода не исключаютъ оригинальности и самостоятельности“... Мысли эти были твердымъ убѣжденіемъ автора, который подкрѣплялъ ихъ многими своими статьями и университетскимъ преподаваніемъ: и въ печатныхъ трудахъ, и въ лекціяхъ Грановскій не рѣдко ограничивался передачей чужихъ изысканій, но дѣлалъ это съ большимъ искусствомъ, опираясь на дѣйствительно основательное знакомство свое съ исторической литературой. открывавшее ему широкіе кругозоры въ наукѣ, и облекая свое изложеніе въ изящную форму. Слушатели его не могли, конечно, усвоить себѣ то, что̀ принадлежало его рѣдкому таланту, но подъ руководствомъ опытнаго профессора они научались умѣнью толково пользоваться историческими сочиненіями, отличать въ нихъ важное отъ неважнаго, прочное отъ случайнаго, внушенное какимъ-нибудь исключительнымъ воззрѣніемъ и духомъ партій отъ того, что̀ составляетъ надежный результатъ безпристрастныхъ научныхъ изслѣдованій. Эти пріемы историческихъ занятій были прекрасно усвоены Ѳеоктистовымъ и постоянно примѣнялись къ дѣлу въ его многочисленныхъ историческихъ этюдахъ. Если—какъ онъ самъ сознавалъ—онъ никогда не могъ выработаться въ строго-ученаго изслѣдователя, то все же нѣтъ поводовъ считать его только компиляторомъ. Онъ рѣшился ограничиться ролью историка-повѣствователя, пересказывающаго результаты, добытые другими; но онъ избиралъ предметомъ своихъ очерковъ только такихъ историческихъ лицъ и такія явленія, съ которыми успѣлъ

Библиотека "Руниверс"

коротко ознакомиться, и о которыхъ у него сложилось отчетливое сужденіе. Съ воззрѣніями его можно не соглашаться, но они не подрываютъ себя своею внутреннею несостоятельностью.

Черты, здѣсь отмѣченныя, характеризуютъ вообще историческія работы Ѳеоктистова; онѣ относятся не только къ его трудамъ, писаннымъ въ болѣе позднее время, но могутъ быть указаны и въ его раннихъ опытахъ; такъ напримѣръ, уже упомянутый нами очеркъ жизни Маріи Стюартъ, предпринятый въ 1852 году по поводу незадолго предъ тѣмъ изданныхъ сочиненій Минье и Даргò, свидѣтельствуетъ, что Ѳеоктистовъ, готовясь къ нему, далъ себѣ трудъ ознакомиться и съ другими, ранѣе напечатанными біографіями знаменитой Шотландской королевы и съ относящимися до нея документами. Можно пожалѣть, что эта статья, писанная съ очевиднымъ интересомъ къ предмету, осталась не конченною; это случилось по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ автора и совершенно для него неожиданнымъ.

Извѣстно, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на русское общество и литературу послѣдовавшая 21-го февраля 1852 года кончина Гоголя. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этого событія находившійся въ то время въ Петербургѣ И. С. Тургеневъ написалъ небольшую статью и отдалъ ее для напечатанія въ одинъ изъ здѣшнихъ журналовъ, но петербургская цензура, или лучше сказать, тогдашній начальникъ ея, попечитель учебнаго округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, не согласился пропустить эту замѣтку. Тургеневъ переслалъ свою рукопись въ Москву — не для того впрочемъ, чтобы напечатать ее, а какъ доказательство стѣснительныхъ мѣръ цензуры. По тогдашнему цензурному уставу, статья, не одобренная къ печати однимъ цензоромъ, могла быть представлена на разсмотрѣніе другаго. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались въ Москвѣ: Боткинъ и Ѳеоктистовъ передали статейку Тургенева тогдашнему редактору *Московскихъ Вѣдомостей* Каткову. „Катковъ"—разказывается въ „Воспоминаніяхъ" Бестужева-Рюмина—„доложилъ изъ осторожности Назимову (московскому попечителю), который сказалъ: „Пушкинъ не пропустилъ, такъ я пропущу". Въ статьѣ было только сказано, что Гоголь — великій писатель; Пушкинъ, находя, что онъ—писатель „лакейскій", не позволилъ статьи. Началась буря; Назимовъ отрекся, его какъ-то выгородилъ Катковъ, а Ѳеоктистовъ и Боткинъ отданы подъ надзоръ полиціи, Ѳеоктистовъ—съ обязанностью поступить на службу". Эти карательныя мѣры были приняты по распоряженію московскаго генералъ-губернатора графа А. А. Закревскаго, которому сообщилъ о томъ на-

Библиотека "Руниверс"

чальникъ третьяго отдѣленія графъ А. Ѳ. Орловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомившій его о высылкѣ Тургенева изъ Петербурга на родину [1]).

Всѣ эти обстоятельства послѣдовали въ теченіе марта и апрѣля мѣсяцевъ, въ то время, когда графиня Саліасъ собиралась уѣхать съ съ дѣтьми на южный берегъ Крыма, куда долженъ былъ сопровождать ее и Евгеній Михайловичъ. „По щучьему велѣнью, по моему прошенью я вдругъ перенесся въ Крымъ", писалъ онъ Тургеневу въ сентябрѣ 1852 года.—„Все это было сдѣлано такъ вдругъ и такъ неожиданно, что я не могу теперь опомниться хорошенько". Покинувъ Москву, Ѳеоктистовъ принужденъ былъ прервать всѣ свои тамошнія занятія—поэтому между прочимъ осталась не дописанною его статья о Маріи Стюартъ — и по пріѣздѣ въ Крымъ опредѣлился на службу въ Таврическую палату государственныхъ имуществъ. На югѣ онъ прожилъ около года, дѣля время между Симферополемъ, мѣстомъ служенія, и Кучукъ-Ламбатомъ на южномъ берегу, гдѣ проживала графиня Саліасъ съ семействомъ. Этими мѣсяцами уединенія Евгеній Михайловичъ воспользовался, чтобы выучиться по англійски. и кромѣ того, продолжалъ свое историческое чтеніе, преимущественно по XVI вѣку, который особенно занималъ его въ то время.

Наконецъ, осенью 1853 года, Ѳеоктистову представилась возможность возвратиться въ Москву: онъ былъ причисленъ къ канцеляріи Московскаго гражданскаго губернатора и назначенъ преподавателемъ исторіи въ Александровскомъ сиротскомъ кадетскомъ корпусѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились и его литературныя работы: онъ пишетъ небольшія статьи для *Московскихъ Вѣдомостей*, печатаетъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1854 г., т. XCII) статью о Франціи XV вѣка. а въ *Современникѣ* (1855 г., т. LIII) помѣщаетъ обширную рецензію на диссертацію Ешевскаго: „К. С. Аполлинарій Сидоній. Эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка". Этотъ послѣдній трудъ Ѳеоктистова въ особенности заслуживаетъ вниманія; заключающаяся въ немъ оцѣнка сочиненія Ешевскаго съ исторической стороны не уступитъ въ обстоятельности другому, одновременно появившемуся разбору той же книги, сдѣланному болѣе опытнымъ перомъ Кудрявцева.

---

[1]) Кромѣ „Воспоминаній" Бестужева-Рюмина, объ этомъ происшествіи разказывается еще въ воспоминаніяхъ самого Тургенева (см. собраніе его сочиненій, изд. 1884 г., т. X, стр. 72 — 77), а въ *Русскомъ Архивѣ* 1895 г., т. I, стр. 276, напечатаны два письма по тому же дѣлу отъ графа А. Ѳ. Орлова къ министру народнаго просвѣщенія князю П. А. Ширинскому-Шихматову.

Библиотека "Руниверс"

Съ 1856 года появленіе *Русскаго Вѣстника* дало еще большій просторъ учено-литературной дѣятельности Ѳеоктистова. Новый журналъ, основанный бывшимъ московскимъ профессоромъ при содѣйствіи и участіи многихъ своихъ товарищей, какъ бы призванъ былъ выражать то высоко-культурное направленіе, представителемъ котораго считался въ то время Московскій университетъ; изданіе Каткова между прочимъ ставило себѣ цѣлью знакомить русское общество съ умственнымъ движеніемъ западной Европы, и для работъ по этой части сотрудничество Ѳеоктистова могло быть очень полезно Каткову; къ тому же личныя отношенія между ними были самыя лучшія. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за первый годъ его существованія Евгеній Михайловичъ помѣстилъ пять статей; четыре изъ нихъ вызваны текущими явленіями нѣмецкой и французской исторической литературы и не выдѣляются ничѣмъ особеннымъ изъ трудовъ автора; за то пятая статья подала поводъ къ нѣкоторымъ общественнымъ толкамъ. Она написана по случаю изданія книги князя Н. А. Орлова: „Очеркъ трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году"; это сочиненіе встрѣчено было блестящимъ успѣхомъ: въ положеніи Прусскаго королевства предъ войной 1806 года, какъ оно изображается княземъ Орловымъ, находили аналогіи съ внутреннимъ состояніемъ Россіи предъ Крымскою кампаніей; такова и есть тема, развиваемая въ статьѣ Ѳеоктистова и привлекшая къ ней вниманіе читателей. Для автора это былъ первый опытъ на поприщѣ публицистики; до сихъ поръ мы видѣли Евгенія Михайловича занятымъ историческими вопросами, не имѣющими непосредственнаго отношенія къ современности; теперь, съ наступленіемъ новаго царствованія, пробужденіе долго подавленныхъ общественныхъ интересовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оживленіе журналистики отчасти измѣняютъ характеръ его литературныхъ работъ: рядомъ съ выполненіемъ трудовъ чисто-историческаго свойства, онъ принимаетъ на себя по временамъ нелегкія обязанности публициста.

Въ концѣ 1856 года Ѳеоктистовъ предпринялъ продолжительное путешествіе за границу; слишкомъ полтора года провелъ онъ въ Италіи и Франціи, и это наглядное знакомство съ западною жизнью существенно дополнило его образованіе, остававшееся до сихъ поръ исключительно книжнымъ. Изъ своей заграничной поѣздки Евгеній Михайловичъ, въ теченіе 1857 года, посылалъ постоянныя корреспонденціи въ *Московскія Вѣдомости*, — редакторомъ ихъ былъ въ то время В. Ѳ. Коршъ,—но эти письма вовсе не были только хроникой

Библиотека "Руниверс"

текущихъ событій, преимущественно политическихъ, какъ то бываетъ обыкновенно у газетныхъ корреспондентовъ; Ѳеоктистовъ излагалъ свои путевыя впечатлѣнія, отводя притомъ значительное мѣсто очеркамъ италіанскихъ нравовъ и характеристикѣ произведеній искусства, которыми такъ богата Италія. Въ корреспонденціяхъ мы узнаемъ Евгенія Михайловича съ новой стороны — какъ умнаго наблюдателя современной дѣйствительности и какъ тонкаго любителя и цѣнителя произведеній стараго италіанскаго художества. Въ то время политическое возрожденіе Италіи еще не начиналось, и она жила еще подъ чужимъ гнетомъ, лишь въ тайнѣ питая надежды на освобожденіе. Въ письмахъ Ѳеоктистова удачно очерчено это тревожное состояніе италіанскаго общества.

Въ концѣ лѣта 1858 года Ѳеоктистовъ снова былъ въ Москвѣ и снова принялся за преподаваніе въ Александровскомъ сиротскомъ корпусѣ и за работы для *Русскаго Вѣстника*. „Уже мѣсяцъ, какъ возвратился я изъ-за границы", писалъ онъ Тургеневу 26-го сентября 1858 года,—„и заграничная жизнь представляется теперь мнѣ какъ смутный сонъ. Столько занятій, что буквально голова идетъ кругомъ. Начальство Московскаго университета предложило мнѣ—безъ всякаго съ моей стороны ходатайства—мѣсто приватъ-доцента, съ тѣмъ чтобы чрезъ годъ быть утвержденнымъ профессоромъ. Приготовленія къ этому и занятія по журналу отнимаютъ у меня все время". Но мысль о преподаваніи въ университетѣ осуществлена не была, и Ѳеоктистовъ ограничился дѣятельнымъ сотрудничествомъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*; въ теченіе 1858 и 1859 годовъ имъ помѣщено здѣсь не менѣе девяти статей, посвященныхъ новѣйшей исторіи и политикѣ, какъ напримѣръ: „Піемонтъ и Австрія съ исхода XVIII вѣка" (по италіанскимъ источникамъ), извлеченія изъ записокъ Гизо, изъ книги Э. Абу о современномъ (папскомъ) Римѣ, этюды о Токвиллѣ, о стачкахъ рабочихъ въ Лондонѣ и проч.; кромѣ этихъ статей, явившихся за подписью автора, Евгеній Михайловичъ давалъ тому же журналу небольшія анонимныя замѣтки и участвовалъ въ составленіи ежемѣсячнаго политическаго обозрѣнія.

Какъ извѣстно, редакція *Русскаго Вѣстника* проявляла нѣкоторую строптивость по отношенію къ своимъ сотрудникамъ; въ первые же годы существованія журнала нѣкоторые изъ его первоначальныхъ участниковъ принуждены были отказаться отъ сотрудничества, и затѣмъ такіе же отказы повторялись неоднократно со стороны разныхъ лицъ, при чемъ редакція имѣла безтактность придавать всѣмъ по-

Библиотека "Руниверс"

добнымъ столкновеніямъ печатную гласность. Въ исходѣ 1859 года наступила очередь графини Саліасъ: редакція *Русскаго Вѣстника* разошлась и съ нею. Тогда графиня возымѣла намѣреніе основать свой журналъ, въ которомъ Евгеній Михайловичъ, по своимъ давнимъ отношеніямъ къ издательницѣ, не могъ не принять дѣятельнаго участія. Въ приготовленіяхъ къ новому изданію прошелъ весь 1860 годъ, и по видимому, они на столько заняли Ѳеоктистова, что въ это время онъ успѣлъ написать только одну статью—о внутреннемъ управленіи Фридриха II, которая нашла себѣ мѣсто въ *Отечественныхъ Запискахъ* (№ 10). Новый журналъ сталъ появляться съ января 1861 года еженедѣльно подъ названіемъ *Русской Рѣчи*; сперва онъ выходилъ подъ редакціей Евгеніи Туръ, а съ мая мѣсяца, когда ему позволено было завести политическій отдѣлъ, — подъ редакціей Ѳеоктистова. Само собою разумѣется, что онъ былъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ журнала: кромѣ составленія политической хроники и разныхъ мелкихъ анонимныхъ замѣтокъ, Евгеній Михайловичъ помѣстилъ въ *Русской Рѣчи* три большія статьи— о новѣйшей исторіи Венгріи, о графѣ Сперанскомъ и о Жозефѣ де-Местрѣ въ Петербургѣ,—изъ которыхъ особенно интересна послѣдняя. Какъ ни тщательно составлялись нумера *Русской Рѣчи*, какъ ни выгодно отличалась она отъ другихъ періодическихъ изданій своимъ просвѣщеннымъ характеромъ и благороднымъ тономъ, однако журналъ не имѣлъ успѣха и долженъ былъ прекратиться въ январѣ 1862 года. Эта неудача имѣла большое вліяніе на Евгенія Михайловича и содѣйствовала перемѣнѣ въ его судьбѣ: онъ рѣшился оставить Москву, переселиться въ Петербургъ, и не отказываясь отъ литературныхъ занятій, но и не отдаваясь имъ исключительно, посвятить себя государственной службѣ.

Впрочемъ, въ теченіе 1862 года эта служба была только номинальною: Евгеній Михайловичъ состоялъ лишь причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія, и пользуясь досугомъ, продолжалъ по прежнему работать для литературы; онъ снова возвратился къ чисто-историческимъ трудамъ, но съ этого времени они посвящаются почти исключительно двумъ послѣднимъ столѣтіямъ, и преимущественно такимъ явленіямъ, гдѣ мы видимъ соприкосновеніе нашего отечества съ западомъ Европы; такъ, между прочимъ, рядъ его статей касается разныхъ сторонъ и моментовъ восточнаго вопроса; самыми ранними изъ относящихся сюда очерковъ были два помѣ-

Библиотека "Руниверс"

щенные въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1862 года: „Каннингъ и его время“ (№ 3) и „Борьба Греціи за независимость (№№ 7, 9, 10 и 11). Этотъ послѣдній трудъ былъ изданъ тогда же и отдѣльною книгой. Въ 1863 году послѣдовало назначеніе Ѳеоктистова чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ народнаго просвѣщенія, и въ этомъ качествѣ, въ періодъ управленія министерствомъ А. В. Головнина, Евгеній Михайловичъ принималъ участіе въ законодательныхъ работахъ по вѣдомству печати, а при графѣ Толстомъ былъ командированъ въ царство Польское для обозрѣнія тамошнихъ народныхъ училищъ и имѣлъ порученіе составлять отчеты по министерству. Оба министра вообще придавали большое значеніе литературнымъ способностямъ Ѳеоктистова: А. В. Головнинъ открылъ ему доступъ въ архивъ министерства, и результатомъ этихъ занятій Евгенія Михайловича была обширная его монографія о Магницкомъ, напечатанная въ 1864 году сперва въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и затѣмъ отдѣльно. По порученію графа Толстаго Ѳеоктистовымъ былъ составленъ „Очеркъ народнаго образованія въ Британской Индіи“, помѣщенный въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1869 годъ (№ 1).

Статья о Магницкомъ заключаетъ въ себѣ очеркъ его дѣятельности какъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, гдѣ онъ вздумалъ явиться гонителемъ науки и просвѣщенія вмѣсто того, чтобы быть ихъ проводникомъ и защитникомъ. Ѳеоктистовъ вѣрно понялъ и удачно изобразилъ жалкую личность этого легкомысленнаго и вреднаго фантазера и въ статьѣ своей сообщилъ большое количество документальныхъ свѣдѣній объ его намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ; въ этомъ заключается ея главное достоинство, сохраняющее за нею значительную цѣну до сихъ поръ, не смотря на обнародованіе еще новыхъ свѣдѣній по предмету сочиненія Ѳеоктистова. Въ отдѣльномъ изданіи очеркъ о Магницкомъ явился какъ первый выпускъ задуманнаго авторомъ труда: „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи“; въ предисловіи къ этой книгѣ было сообщено, что для второго выпуска составитель занимается разработкой документовъ, относящихся къ дѣятельности князя Адама Чарторижскаго по Виленскому учебному округу; къ сожалѣнію, разработка эта не была доведена до конца, и вообще продолженіе „Матеріаловъ“ не состоялось. Впрочемъ, ознакомленіе съ исторіей русско-польскихъ отношеній дало Евгенію Михайловичу возможность написать двѣ интересныя статьи, для которыхъ ему пригодилось и изученіе личности князя Адама: „Польскія интриги въ первой четверти нынѣшняго столѣтія“ и „Польша

Библиотека "Руниверс"

послѣ 1815 года"; обѣ онѣ были помѣщены въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1865 года (№№ 7 и 8).

Одновременно со службой по министерству народнаго просвѣщенія Евгеній Михайловичъ получилъ приглашеніе читать лекціи всеобщей исторіи въ Николаевской академіи генеральнаго штаба; какъ предметъ этихъ чтеній—политическая исторія послѣднихъ столѣтій, такъ и самый характеръ преподаванія, обращеннаго къ взрослымъ молодымъ людямъ, вполнѣ соотвѣтствовали склонностямъ Ѳеоктистова, а его основательное знакомство съ литературой по новой исторіи, его постоянное вниманіе къ новымъ явленіямъ въ этой научной области должны были придавать его курсамъ особый интересъ. Онъ искренне радовался успѣхамъ русской исторической науки по разработкѣ нашего недавняго прошлаго. „Слава Богу, наша историческая литература не перестаетъ дѣлать весьма важныя пріобрѣтенія", писалъ онъ въ одной изъ своихъ статей въ 1867 году. — „Архивы различныхъ вѣдомствъ уже не очерчены какимъ-то заколдованнымъ кругомъ, куда тщетно старался проникнуть изслѣдователь старины. Мы радуемся этому, ибо намъ нечего стыдиться нашего прошедшаго,—напротивъ, оно должно составлять для насъ предметъ гордости; если мы найдемъ въ немъ много ошибокъ и много такого, за что̀ приходилось тяжко расплачиваться впослѣдствіи, то сколько же поучительныхъ уроковъ, сколько доблестныхъ примѣровъ геройства, самоотверженія и безкорыстія завѣщало оно намъ! Нерѣдко слышатся жалобы, что иностранцы, толкуя о русской политикѣ, прибѣгаютъ къ самымъ недобросовѣстнымъ искаженіямъ истины; но что̀ же могли бы мы противопоставить имъ, кромѣ этихъ безплодныхъ жалобъ? Мы сами только что начинаемъ знакомиться понемногу съ исторіей Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. До весьма недавняго времени вѣкъ Екатерины и Александра I составлялъ почти недоступную область для нашихъ ученыхъ и публицистовъ: англичане не стыдились писать исторію своего владычества въ Ирландіи, а намъ страшно было даже коснуться Польши, какъ будто намъ слѣдовало краснѣть за свой образъ дѣйствій, когда мы отторгали отъ нея свое кровное историческое достояніе, и когда, подъ вліяніемъ пагубнаго великодушія, спѣшили надѣлить ее благами, за которыя она отплатила намъ измѣной. Стоитъ ли же удивляться, если иноземные писатели стали выставлять русскую политику чуть не синонимомъ ненасытной алчности и вопіющаго презрѣнія къ законности и праву? Кончилось дѣло тѣмъ, что насъ тараются увѣрить, будто бы даже и на Кавказѣ мы попираемъ

Библиотека "Руниверс"

принципъ національностей и являемся врагами цивилизаціи и прогресса...“ При такихъ воззрѣніяхъ Ѳеоктистовъ, очевидно, не могъ быть простымъ пересказчикомъ чужихъ, особенно иностранныхъ историческихъ сочиненій. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ новой исторіи онъ, безъ сомнѣнія, могъ считаться знатокомъ какъ по богатству своихъ свѣдѣній, такъ и вѣрному взгляду на вещи; къ числу такихъ областей принадлежала, какъ мы уже замѣтили выше, обширная сфера восточнаго вопроса; Евгеній Михайловичъ возвращался къ ней неоднократно въ своихъ трудахъ и между прочимъ посвятилъ ей, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, цѣлый рядъ дѣльныхъ и живыхъ статей, каковы: „Начало русскаго владычества на Кавказѣ“, „Русская политика на востокѣ передъ Крымскою войной“, „Русская дипломатія въ борьбѣ за независимость Греціи“, „Эпизодъ изъ исторіи русской политики на востокѣ“, „Россія и Сербія передъ войной 1853—1856 годовъ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1867 г. № 1, 1868 г. №№ 1, 5 и 10, 1869 г. № 12) и „Замѣтки о пребываніи графа Каподистріи въ Россіи“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1868 г. № 2). Статьи эти вызваны не столько русскими, сколько иностранными сочиненіями по восточнымъ дѣламъ; Ѳеоктистовъ не затруднялся отдавать справедливость весьма важному фактическому матеріалу, который находилъ въ этихъ книгахъ, но, передавая его въ своихъ статьяхъ, онъ постоянно встрѣчалъ необходимость перерабатывать его и освѣщать съ русской точки зрѣнія. Это-то обстоятельство и сообщаетъ его очеркамъ по исторіи восточнаго вопроса самостоятельное значеніе. То же слѣдуетъ сказать и объ его статьяхъ изъ исторіи русско-польскихъ отношеній. Позволяемъ себѣ поэтому думать, что переизданіе историческихъ очерковъ Ѳеоктистова по означеннымъ предметамъ могло бы быть весьма нелишнимъ явленіемъ въ нашей литературѣ.

Въ іюнѣ 1871 года послѣдовало распоряженіе графа Д. А Толстого о назначеніи Е. М. Ѳеоктистова редакторомъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Лучшаго выбора на эту должность нельзя было сдѣлать послѣ того, какъ ее оставилъ А. И. Георгіевскій. Основательное образованіе, опытность въ журнальномъ дѣлѣ, критическій тактъ, всѣ эти условія счастливымъ образомъ соединялись въ личности Евгенія Михайловича и обезпечивали журналу, при новомъ редакторѣ, прочное сохраненіе того почетнаго положенія, которое при его предшественникѣ уже было пріобрѣтено этимъ изданіемъ. Самою программой своею предназначенный служить главнымъ

Библиотека "Руниверс"

образомъ интересамъ отечественной науки, журналъ, какъ прежде, такъ и теперь, совмѣщалъ на своихъ страницахъ труды достойнѣйшихъ нашихъ ученыхъ, преимущественно изъ круга гуманныхъ наукъ. Рядомъ со статьями лицъ, уже давно установившихъ свою ученую извѣстность, здѣсь находили себѣ мѣсто и произведенія выдающихся ученыхъ изъ болѣе молодого поколѣнія; нѣкоторые изъ послѣднихъ печатали свои труды почти исключительно въ редактируемомъ Ѳеоктистовымъ изданіи и здѣсь составили себѣ уважаемое имя въ ученомъ мірѣ. Дѣятельность редактора была усиленная, особенно въ первые годы завѣдыванія журналомъ; Евгеній Михайловичъ съ большимъ вниманіемъ просматривалъ поступавшія въ редакцію рукописи и относился съ живымъ сочувствіемъ ко всякому дѣльному и обстоятельному труду, хотя бы онъ принадлежалъ лицу совершенно неизвѣстному. Не сомнѣваемся, что авторы, печатавшіе свои статьи въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ семидесятыхъ годахъ, съ признательностью вспоминаютъ какъ о неизмѣнной привѣтливости Евгенія Михайловича въ личныхъ сношеніяхъ, такъ и о тѣхъ полезныхъ совѣтахъ и указаніяхъ, которые онъ охотно предлагалъ, когда замѣчалъ въ начинающемъ даровитомъ авторѣ извѣстную, весьма впрочемъ понятную, неопытность въ литературномъ дѣлѣ. Пишущій эти строки, бывшій помощникомъ Е. М. Ѳеоктистова все время, пока онъ завѣдывалъ редакціей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, считаетъ пріятнымъ долгомъ сказать здѣсь, что совмѣстный съ Евгеніемъ Михайловичемъ трудъ по журналу никогда не былъ обременительнымъ, а напротивъ, облегчался тѣми внимательными и любезными отношеніями, которыя редакторъ умѣлъ установить къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ.

Дѣятельность Е. М. Ѳеоктистова по редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* была по справедливости оцѣнена графомъ Д. А. Толстымъ, и когда онъ былъ вторично призванъ на министерскій постъ, уже по вѣдомству внутреннихъ дѣлъ, то не замедлилъ снова обратиться къ содѣйствію своего прежняго даровитаго сотрудника: 1-го января 1883 года Е. М. Ѳеоктистовъ былъ высочайше назначенъ на должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Эти трудныя и отвѣтственныя обязанности онъ несъ въ теченіе тринадцати слишкомъ лѣтъ, и притомъ исполнялъ ихъ не только съ неусыпною бдительностью, но и съ яснымъ, опредѣленнымъ взглядомъ разумнаго и просвѣщеннаго человѣка, отчетливо понимающаго обстоятельства и требованія времени. Русская наука, особливо

Библиотека "Руниверс"

историческая, можетъ по справедливости признать, что ея изслѣдованія не встрѣчали стѣсненій въ періодъ цензурнаго управленія Е. М. Ѳеоктистова, и что область ея изысканій могла быть даже значительно расширена въ это время. 23-го мая 1896 года послѣдовало увольненіе Е. М. Ѳеоктистова изъ цензурнаго вѣдомства, съ назначеніемъ его сенаторомъ по гражданскому кассаціонному департаменту.

Какъ завѣдываніе *Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, такъ въ особенности управленіе дѣлами печати, поглощали у Евгенія Михайловича почти все свободное время, пока онъ состоялъ въ означенныхъ должностяхъ; но и въ эту по преимуществу дѣятельную пору своей жизни онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи возвращаться по возможности къ тѣмъ историческимъ занятіямъ, которыя составляли предметъ его живаго интереса и горячаго увлеченія въ болѣе молодые годы: онъ продолжалъ усердно слѣдить за новостями исторической литературы и по временамъ давалъ о нихъ отчеты—сперва на страницахъ редактируемаго имъ журнала, а затѣмъ на столбцахъ *Правительственнаго Вѣстника*; кромѣ того, до самой смерти М. Н. Каткова онъ оставался вѣрнымъ сотрудникомъ *Русскаго Вѣстника*, гдѣ по прежнему появлялись иногда его историческіе очерки; только послѣдній трудъ его въ этомъ родѣ былъ помѣщенъ въ 1893 году въ *Русскомъ Обозрѣніи* (№ 10). Не будемъ однако перечислять всѣ статьи Е. М. Ѳеоктистова, относящіяся къ этому періоду времени, да и не имѣемъ къ тому возможности, такъ какъ многія изъ нихъ выходили въ свѣтъ безъ подписи автора; но изъ числа ихъ считаемъ умѣстнымъ указать на два труда, въ которыхъ всего нагляднѣе выступаютъ достоинства Е. М. Ѳеоктистова, какъ историческаго писателя: одинъ изъ нихъ — небольшая статья подъ заглавіемъ: „Интимная переписка послѣдняго короля Польскаго“ (за подписью *V. W.* въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1875 г. № 11), а другой — довольно значительная монографія, подъ названіемъ: „Отношенія Россіи и Пруссіи въ царствованіе Елисаветы Петровны“ (тамъ же въ 1882 г.). Первый изъ названныхъ очерковъ посвященъ перепискѣ Станислава-Августа съ г-жею Жоффренъ; авторъ даетъ въ немъ сперва общую характеристику обоихъ корреспондентовъ, а затѣмъ сообщаетъ извлеченія изъ писемъ короля; конечно, самый предметъ этого очерка имѣетъ лишь второстепенное и даже мелкое значеніе, но матеріалъ, которымъ располагалъ Е. М. Ѳеоктистовъ, отличается богатствомъ, и авторъ очень искусно воспользовался имъ, чтобъ изобразить живыми чертами личность добродушнаго и

Библиотека "Руниверс"

просвѣщеннаго, но слабаго и легкомысленнаго государя, которому не удалось сдѣлать ничего полезнаго для своей страны, но было суждено видѣть гибель ея самостоятельности. Гораздо болѣе важному вопросу посвященъ второй очеркъ: онъ касается одного изъ важнѣйшихъ моментовъ въ политической исторіи XVIII столѣтія и одной изъ самыхъ крупныхъ личностей этого вѣка; избравъ Фридриха Великаго, такъ-сказать, героемъ своей монографіи, Е. М. Ѳеоктистовъ— кстати замѣтимъ, что онъ но разъ обращался къ изученію знаменитаго Прусскаго короля,—изображаетъ его политику на основаніи его „Политической корреспонденціи", издаваемой нынѣ прусскимъ правительствомъ. Откровенія, которыя авторъ нашелъ въ этомъ драгоцѣнномъ сборникѣ, въ общемъ подтверждаютъ ту картину русско-прусскихъ отношеній и вообще политики Елисаветинскаго времени, которая была дана С. М. Соловьевымъ въ XXI—XXIV томахъ его „Исторіи Россіи", но вмѣстѣ съ тѣмъ существенно дополняютъ это изображеніе; кромѣ „Политической корреспонденціи" Фридриха II, авторъ воспользовался рядомъ другихъ новыхъ сочиненій и изданій русскихъ и иностранныхъ, которыя еще не могли быть доступны Соловьеву; на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Евгеній Михайловичъ представляетъ политическую борьбу Елисаветинскаго царствованія — вѣрно разчитанныя стремленія нашихъ тогдашнихъ дипломатовъ и невсегда успѣшное ихъ осуществленіе — съ замѣчательною ясностью и безпристрастіемъ; въ этомъ отношеніи монографія Е. М. Ѳеоктистова можетъ служить прекраснымъ, вполнѣ достойнымъ подражанія образцемъ историческаго изслѣдованія и изложенія.

Кромѣ упомянутыхъ учено-литературныхъ работъ, Евгеній Михайловичъ посвящалъ немногіе досуги своихъ зрѣлыхъ лѣтъ еще одному труду—составленію своихъ воспоминаній. Онъ былъ большой любитель мемуарной литературы и еще болѣе десяти лѣтъ тому назадъ говорилъ намъ, что намѣренъ писать свои записки; не знаемъ, до какой эпохи доведено его повѣствованіе, но слышали отъ автора, что читанные имъ отрывки были выслушаны съ интересомъ. Не можемъ въ этомъ сомнѣваться, припоминая занимательность и тонкій юморъ его разказовъ. Онъ обладалъ большою наблюдательностью и прекрасною памятью, а по обстоятельствамъ своей жизни находился въ сношеніяхъ съ замѣчательными людьми изъ разныхъ слоевъ нашего общества. Все это даетъ право думать, что воспоминанія Е. М. Ѳеоктистова даже и въ своемъ не оконченномъ видѣ составятъ дорогое пріобрѣтеніе для нашей литературы.

Библиотека "Руниверс"

Болѣе года тому назадъ крѣпкое дотолѣ здоровье Евгенія Михайловича стало приходить въ разстройство, противъ котораго принятыя врачебныя мѣры оказывались безсильными. Въ началѣ нынѣшняго лѣта больной былъ перевезенъ въ Царское Село, гдѣ и наступилъ для него послѣдній часъ.

Всѣ, кто зналъ Евгенія Михайловича Ѳеоктистова, съ глубокимъ уваженіемъ почтутъ память этого умнаго и даровитаго, добраго и благожелательнаго человѣка. Миръ его праху!

Л. Майковъ.

Библиотека "Руниверс"

ДВѢ ОДЫ ГОРАЦІЯ.

I, 11.

Не развѣдывай ты
(Знать это грѣхъ).
Мнѣ и тебѣ какой
Богомъ жизни предѣлъ,
Дѣва моя,
Опредѣленъ; оставь
Тайны цыфръ узнавать.
Лучше вѣдь все
Чтó ни случись, снести,
Много-ль зимъ впереди
Рокъ намъ судилъ,
Или въ послѣдній разъ
Эту видимъ мы, какъ
Силу морскихъ
Волнъ о тирренскій брегъ
Крушитъ. Будь же умна,
Вина цѣди
И, какъ коротокъ срокъ
Жизни, дальнихъ надеждъ
Впредъ не питай:
Время бѣжитъ, пока
Мы съ тобой говоримъ;
Пользуйся днемъ,
Завтрашнему не вѣрь.

Библиотека "Руниверс"

I, 22.

Фускъ, чья жизнь чиста, кто злодѣйствъ не знаетъ,
Нѣтъ нужды тому въ мавританскихъ копьяхъ,
Въ лукѣ нѣтъ нужды и въ колчанѣ, полномъ
Стрѣлъ ядовитыхъ,

Путь ли будетъ онъ совершать чрезъ Сирты,
Или чрезъ Кавказъ негостепріимный,
Или гдѣ Гидаспъ баснословный катитъ
Быстрыя воды.

Такъ, когда въ лѣсу я гулялъ сабинскомъ
И безпечно пѣлъ про любовь къ Лалагѣ,
Встрѣтилъ за межой, безоружный, волка, —
Прочь побѣжалъ онъ.

Чудищъ нѣтъ такихъ ни въ лѣсахъ обширныхъ
Давновой страны, гдѣ народъ воитель,
Ни въ отчизнѣ львовъ, изсушенной солнцемъ
Области Юбы.

Буду ль средь равнинъ я безплодныхъ, тамъ, гдѣ
Нѣтъ и деревца, что́ бы освѣжалось
Лѣтнимъ вѣтеркомъ, гдѣ царятъ туманы
Вѣчно и холодъ;

Тамъ ли буду, гдѣ слишкомъ близко солнце
Ходитъ, гдѣ жилищъ никакихъ нѣтъ вовсе,—
Сладкій смѣхъ любить я Лалаги буду,
Сладкія рѣчи.

В. Зубковъ.

Библиотека "Руниверс"

О НѢКОТОРЫХЪ ТИПАХЪ РИМСКИХЪ МЕТРИЧЕСКИХЪ НАДГРОБІЙ [1]).

II.

Погребенный и путникъ.

И этотъ шаблонъ [2]), какъ и раньше разобранный *hic situs est ille*, можетъ быть причисленъ къ весьма распространеннымъ [3])—и по мѣстностямъ, и по эпохамъ. Представляя собою весьма древнее явленіе на почвѣ греческой погребальной эпиграфики [4]), названный латинскій шаблонъ, повидимому, не сразу принимаетъ тотъ типическій видъ обращенія къ *hospes* или *viator*, который мы встрѣчаемъ такъ часто въ первые вѣка имперіи. Въ этомъ отношеніи на себя должны обратить наше вниманіе два старшихъ члена семьи „elogia Scipionum", надгробіе Барбата и его сына (пп. 941, 942) [5]), третьей четверти III вѣка до Р. Хр. Въ обоихъ элогіяхъ нужно отмѣтить фразу: *consol*, *censor*, *aidilis hic* (*quei*) *fuet* (*fuit*) *apud vos* [6]).

---

[1]) См. декабрьскую книжку за 1897 годъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, отд. класс. фил.

[2]) Hospes resiste, tu qui praeteriens legeris..., viator remane и т. п.; наиболѣе употребительныхъ разновидностей этого шаблона однако не очень много.

[3]) Въ нашемъ сборникѣ его болѣе 250 примѣровъ, то-есть около 18%; а если прибавить сюда еще не изданныя у насъ надгробія, то это отношеніе должно возрасти до 20%; въ прозаическихъ надгробіяхъ отношеніе это значительно меньше, 1—2%.

[4]) Встрѣчается уже въ архаическихъ надгробіяхъ — до начала V вѣка, см. *Loch*, de titulis graecis sep. p. 5.

[5]) Что обѣ надписи старше Эннія, мы упоминали выше, въ гл. I (декабрьская кн. за 1897 г., стр. 105, прим. 2).

[6]) Довольно глухо говорятъ намъ авторы объ единоизводномъ элогіи Калатина, консула 258 и 254 гг. до Р. Хр. Намъ думается однако, что въ этомъ

Библиотека "Руниверс"

Саркофаги Сципіоновъ были помѣщены въ ипогеѣ [1]), слѣдовательно, не были непосредственно *подъ глазами* мимоидущихъ, *praetereuntes*, *hospites*, *viatores*, *meatores*; но, конечно, это обстоятельство могло только отчасти вліять на композицію элогіевъ: *vos*=*Romani*, и аппелляція къ „римлянамъ" болѣе въ духѣ такого надгробія, чѣмъ обращеніе къ случайнымъ путникамъ.

Иной принципъ чувствуется почти столѣтіемъ позже въ надгробіи малоизвѣстнаго 20-лѣтняго юноши Сципіона (n. 943): *ne quairatis* уже не имѣетъ того національно-политическаго оттѣнка, какъ *apud vos*, и уже ближе къ обычному типу бесѣды съ любознательнымъ путникомъ, который *quaerit*, *requirit*, *volt scire* и т. п. что-либо о личности погребеннаго, напримѣръ:

n. 105, 112: si quis forte—nomen—*requirit;*
n. 108: tu quicumque—*vis scire*, viator;
n. 131: si quis forte *velit*—*cognoscere*;
n. 182:—*quaerite*;
n. 227: si *quaeris*, quae sim;
n. 253: quid—*scire laboras*;

надгробія было болѣе традиціонныхъ двухъ стиховъ, совпадающихъ почти дословно съ двумя же начальными стихами сына Барбата. Оставляя въ сторонѣ мѣсто Цицерона Fin. II 35, 116, гдѣ знаменитая надпись процитована по памяти (*unum hunc* вм. *hunc unum*), и изъ котораго можно только отчасти вывести, что элогій Калатина былъ *не единственнымъ* въ такой формѣ („elogia monumentorum"), укажемъ только на извѣстное параллельное мѣсто того же автора, Sen. § 61: apex est autem senectutis auctoritas. Quanta fuit in L. Caecilio Metello, quanta in A. Atilio Calatino, in quem illud elogium: hunc unum plurimae consentiunt gentes populi primarium fuisse virum [=honc oino ploirumai cosentiont gentis | populi primario(m) fuise viro(m)]; † notum est totum carmen incisum in sepulcro. Мы согласны съ Флекейзеномъ и Беренсомъ (Frgm. p. 8 not.), что рукописное *totum* врядъ ли диттографія, и что его слѣдуетъ принять въ текстъ; но мы не находимъ нужнымъ, подобно Беренсу, дополнять словомъ *notum* второй стихъ, въ дополненіи не нуждающійся (см. *Buecheler*, Carm. epigraph. ad n. 6); „illud elogium" можетъ быть и обозначеніемъ „извѣстнаго" надгробія по начальнымъ стихамъ, а „notum est totum carmen incisum (esse) in sepulcro" можно съ большою вѣроятностью понимать такъ, что Цицеронъ привелъ именно только иллюстрирующее его мысль *начало* элогія, указавъ, что „все стихотвореніе" вырѣзано на самой гробницѣ. Въ виду же общности фразы *hic fuit apud vos* элогіямъ обоихъ Сципіоновъ (родство здѣсь, конечно, могло быть и не при чемъ), мы можемъ заключить, что таковая же, или подобная, была и въ элогіи Калатина, или точнѣе—въ общемъ всѣмъ этимъ элогіямъ архетипѣ.

[1]) C. I, p. 11 sq.; *Marquardt*, Privatleben. d. Röm. I, p. 362 + not. 10.

Библиотека "Руниверс"

n. 581: si nomen *queres*;—*queritas*;
n. 611: tu quicumque *requiris*;
n. 785: quid *quaeris*?
n. 939: qui *scire cupis*;
n. 1083: si *quaeras*;
n. 1145: *inquiritis* patrata?
n. 1160: nomen si *quaeris*; и др.

Конечно, несмотря на сравнительно большой промежутокъ времени, захватываемый въ III—II вѣкахъ элогіями Сципіоновъ, ихъ количество всеже не настолько велико, чтобы дать твердую почву для выводовъ о господствующемъ въ ихъ группѣ типѣ [1]): мы думаемъ однако, что и при большемъ ихъ количествѣ мы врядъ-ли нашли бы среди нихъ шаблонъ „обращенія къ путнику"

Если мы внимательнѣе присмотримся къ употребленію нашего шаблона по *классамъ* погребенныхъ, то увидимъ, что значительная часть случаевъ его приложенія—надгробія *отпущенниковъ*:

n. 1: M. Helvius W. lib. Marsua;
n. 9: C. Juli Olympiani Terentia — Terentiae — lib. sibi et suo coniugi;
n. 83: lib. carissimis;
n. 93: Atimetus, Pamphili Ti. Caesaris Aug. l. l., Anterotianus;
n. 94: P. Atti P. l. Hermenis;
n. 108: T. Aelius Aug. lib. Stephanus;
n. 112: Hedia C. l. Nardis;
n. 135: Rusticelia M. l. Cytheris;
n. 140: Suetrius Hermes.... cultor domini;
n. 141: .....a. C. l. Fortunata;
n. 219: Caninia L. l. Rufa;
n. 230: C. Acellius C. et L. l. Syneros;

---

[1]) Изъ нихъ nn. 941, 942, 943, 944—*tituli narrativi*; nn. 1087, 1088—*tituli autobiographi*; n. 1171—*adloquium*; такимъ образомъ, повидимому, преобладаетъ типъ *повѣсти* о покойномъ, типъ, несомнѣнно, изъ наиболѣе древнихъ, какъ и раньше разобранный *hic situs est*: легко быть можетъ, что онъ и былъ какъ впослѣдствіи преобладающимъ въ такъ называемыхъ „clarorum virorum elogia" (C. I, p. 277 sqq.), такъ и наиболѣе древнимъ въ *tituli honorarii*; что обѣ эти формы надписей совпадаютъ съ *повѣствовательнымъ* типомъ надгробій, давно извѣстно: cf. *Mommsen*, C. I, p. 277; *Hübner*, Röm. Epigr. (Iw. Müller's Handb. I), p. 692, § 54; *Cagnat*, Cours d'épigraphie, p. 224 sq. § 2; *Egbert*, Introd. to the study of Lat. inscr. p. 243.

Библиотека "Руниверс"

n. 253: Cocceiae Thallusae—Coccetus Coeranus uxori; въ текстѣ погребенная называетъ себя *liberta*;
n. 273: Tettiae L. l. Tigridi;
n. 299: Vernaclus Maternae lib.;
n. 395: Eucharis, Liciniae l.;
n. 396: Ti. Claudius—Aug. l.;
n. 435: Julia C. l. Ape[leutheris];
n. 437: fecit M. Junius M. l. Euphrosynus;
n. 447: lius P. et Clodiae l. Optatus;
n. 508: Laetus Accepti, regius Jubae l(iberti) f.;
n. 534: M. Ennius M. l. Macedo;
n. 549: Quarta Senenia C. l.;
n. 699: Sabidia O. l. Fusca;
n. 731: Plotia, L. Ploti et Fufiae l.;
n. 780: T. Statilius, T. lib. Eros;
n. 806: T. Flavio T. l. Antiocho;
n. 819: C. Ofillius C. l. Pal. Arimnestus;
n. 824: ставитъ отпущенница Heria Helpis *патрону*: C. Herio Felici, по всей вѣроятности тоже отпущеннику;
n. 844: vixdum servili colla levata iugo;
n. 870: двое отпущенниковъ нѣкоего T. Cocceius: *Gaa* и *Patiens*;
n. 910: M. Publici M. lib. Unionis;
n. 950: C. Ateilius Serrani l. Euhodus;
n. 1021: C. Gavius C. l. Idonius;
n. 1083: C. Paguri C. l. Gelotis (схоронена рабыня Salvia);
n. 1094: C. Gargilius Haemon Proculi—l.;
n. 1095: Ti. Claudius Pardalas;
n. 1117: Scribonius Eudaemo (cf. Buechel. ad n. 1013);
n. 1127: Atticus.... T. lib.;
n. 1152: sum libertinis ego nata parentibus;
n. 1191: Vedusia Tauri sororis l. Auge;
n. 1219: M. Acilius M. l. Eros;
n. 1233: Fructo l(iberto);
n. 1239: Avonio Sex. Martialis l. Justo;
n. 1244: Gavia P. l. So....;
n. 1273: Staberiae P. l. Florae;
n. 1290: M. Statius M. l. Chilo;
n. 1303: C. Poblicius C. l. Am.....;
n. 1321: Camidia M. l. Aprhodisia;

Библиотека "Руниверс"

n. 1325: M. Vitelius M. l. Theodorus;

Къ отпущенникамъ же или къ ихъ потомству [1]) съ вѣроятностью могутъ быть причислены nn. 3, 73, 100, 105, 124, 142, 143, 201, 227, 231, 302, 309, 365, 464, 466, 488, 611, 612, 617, 649, 677, 711a, 755, 815, 840, 853, 861, 888, 996, 1017, 1061 [2]), 1062, 1109, 1110, 1145, 1160, 1206, 1223, 1237, 1250, 1274, 1305 [3]).

Нѣсколько рѣже, но и рабы пользуются тѣмъ же типомъ:

n. 216: Severa Aug. serva;

n. 364: Atiliae.... contubernalis;

n. 422: *отецъ* Euhodus, *дочь* Euhodia;

n. 510: Philo, L. Vibi Secundi verna;

n. 652: Palinuro L. Aponi (servo);

n. 721: verna Rufria;

n. 767: Urbana Juli Salvi (serva), Atimetus conservae fecit;

n. 779: Heracla Catulli, Tauri l., servos;

n. 784: Pagus puer, delicium domini;

n. 785: Pistus, N. Vibi Sereni tonsor;

n. 821: Venustus—dispensator;

n. 828: Pylades, Anni Novati patris (servus);

n. 918: Antisporus a. VIII;

n. 1063: Hermia s(ervus) r. p. Val(eriensis) filio;

n. 1066: Eutycheti—servo b. m.

n. 1120: *отецъ* Telephus, *сынъ* Telephus;

n. 1124: Zelotos—имя той же категоріи, какъ и Abascantus, Felix, Venustus и т. п.

n. 1205: Helena, ann. XVIII;

n. 1215: Muscillus, ann. IIII;

n. 1216: Romana, ann. XX;

Довольно употребителенъ этотъ типъ и вообще среди представителей низшихъ классовъ общества:

Солдаты:

n. 23: Julius Victorinus beneficiarius cos. (cf. n. 22 — того же лагеря);

n. 35: T. Aelius Justus, hydraularius salariarius leg. II Ad.;

---

[1]) Ср. *Hübner*, Roem. Epigr. (Jw. Müller I), p. 670, § 33; p. 673, § 35; p. 679, § 40 + not. 2.

[2]) См. „Commentationes philologicae", p. 144, 1.

[3]) *Cagnat*, Man., p. 57—58.

Библиотека "Руниверс"

n. 376: Julius Valens (centurio) leg.;
n. 1011: Q. Annaeus—Balbus—meiles leg. V;
n. 1065: Pausanias miles;
n. 1073: P. Fannius—eq. leg. XI;
n. 1075: Q. Baebius—miles leg. VII;
n. 1204: L. Valeri Nepotis, militis leg. VII Geminae;
n. 1311: ... Flaminius—mil. leg. XIIII Gem.;
n. 1324: T. Vettius—Nepos milit....;

Гладіаторы:

n. 683: Urbico secutori;
n. 1157: Justus (qui) gladiantes in arma vocavit [1]).

Plebs promiscua: nn. 131, 132, 168, 178, 182, 240, 242, 272, 276 (praeco), 304, 306, 307, 340, 353, 386, 403, 408, 409, 412, 418, 450, 464, 527, 539, 551, 555, 587, 613, 634, 663, 688, 691, 701, 703, 712, 717, 729, 730, 761, 763, 803, 829, 858 (faber navalis), 868 (negotiator), 896 (praeco), 904, 913 (venator), 917, 922, 931, 933, 937, 973, 1023, 1029, 1064, 1119, 1130, 1140, 1148 (negotiator), 1153 („notus in urbe sacra vendenda pelle caprina"), 1162, 1168, 1202, 1203, 1209, 1210, 1211, 1213, 1225, 1228 (scriba), 1229, 1230, 1258, 1262, 1270, 1283, 1287 (actor), 1314, 1316, 1323 1334, 1373.

Несравненно рѣже пользуются разбираемымъ типомъ лица болѣе или менѣе привилегированнаго общественнаго положенія:

n. 267: мавзолей (oboos), воздвигнутый нѣкоей Atiliae Pomptillae ея супругомъ Филиппомъ въ Сардиніи (Carales), куда она послѣдовала за мужемъ-изгнанникомъ изъ Рима; постройка украшена греческими и *семью* латинскими стихотвореніями, гдѣ мы находимъ 2 „tituli autobiographi" (одинъ съ обращеніемъ къ *путнику*, viator), 4 „tituli narrativi" (изъ нихъ 2 въ видѣ разказа отъ лица мужа покойной) и 1 „adloquium" къ зрителямъ вообще („cernite cuncti"); такимъ образомъ здѣсь нашъ типъ употребленъ только *между прочимъ* среди другихъ также довольно употребительныхъ;

n. 373: Q. Fabius Q. f. Quir. Felix proc(urator) Aug., гдѣ впрочемъ Бюхелеръ (1513) не видитъ обращенія къ *путнику*, такъ какъ покойный (заживо) обращается къ *turba*, а его можно отнести и къ *parentes*;

---

[1]) „Martios ancentu stimulans gladiantes in arma vocavi", v. 7.

Библиотека "Руниверс"

n. 483: мавзолейная надпись, гдѣ однако обращеніе къ путнику не вполнѣ удостовѣрено;

n. 491: Caecilius Creticus, sacerdos Saturni, надпись, гдѣ, во 1-хъ, обращеніе къ путнику ограничивается только короткой шаблонной просьбой пожеланія s. t. t. l., во 2-хъ, муниципальныя жречества были доступны если не либертинамъ, что рѣдко, то ихъ потомству [1]);

n. 512: надгробіе C. Caeli Sedati, сына C. Caeli Donati „patris duoviri qn(a)estoris въ городѣ Oppidum Novum въ Африкѣ; композиція надгробія (ритмическая проза) и языкъ (paulumper, hic positus loculo iaceo, questore, patre(m)) весьма невысокаго достоинства;

n. 569: Fisio Sereno Rutilio Caesiano, II viro, auguri—изъ Нолы: по достоинству метрики (ст. 7) и языка (iuenis)—на уровнѣ предыдущаго;

n. 599: надгробіе C. Longini Proculi, поставленное отцомъ: C. Longinius Priscus, trierarca cl. pr. Mis.—недурно, даже съ нѣкоторой претензіей на „ученость“ (Eolgena, Telluris sedes, umbra nec umbra, mortis sepulchrum, Acherontis labitur undis и др.) составленный „tit. autobiographus“ съ обращеніемъ къ путнику въ концѣ, всего же 14 гекзаметровъ и 1 пентаметръ (шаблоннаго типа).

n. 667: M. Calpurnius Lucius decurio изъ Бетики; по метрикѣ и языку значительно ниже посредственности.

n. 863: мавзолей Секста Петронія Проба консула 371 г. по Р. Х.—два надгробія, одно съ обращеніемъ къ *зрителю* (quisquis miraberis), выдержанное въ „языческомъ“ типѣ; другое, не помѣщенное въ нашемъ сборникѣ (n. 1347 B у Бюхелера)—чисто христіанской композиціи.

n. 872: надгробіе нѣкоего *плебея* Maarcus Caicilius на Via Appia;

n. 879: африканскій (Cillium) мавзолей Петроніевъ; строитель его, Petronius Fortunatus—служилъ *центуріономъ* въ Пареянскомъ походѣ 199 г. по Р. Хр.

n. 883: тоже Африканскій (Thugga) мавзолей Iullii Felicis—довольно ученое надгробіе, съ обращеніемъ *въ срединѣ* поэмы не къ путнику, а къ читателямъ (vos qui legitis);

n. 906: Q. Vibius L. f. Sca(ptia) Maximus Smintius, aerarius, sexvir—изъ Флоренціи,—камень украшенъ инструментами operis aerarii: напоминаетъ Петроніевскаго „Habinnas sevir (est) idemque lapidarius“, c. 65; метрика (2 гекз. + 1 пент. + 3 гекз. + 1 пент.; hiatus

---

[1]) *М. Крашенинниковъ*, Римск. муницип. жр., стр. 28, § 32; стр. 104 сл. § 76.

Библиотека "Руниверс"

въ ст. 6-мъ; post mortē cavemus—ст. 8, ср. ст. 5; et finē laborum—ст. 10; discē ponere—ст. 11) и языкъ (at manes=ad m.; aliquit=aliquid)—тоже Хабинновскіе.

n. 923: надгробіе нѣкоего Flavius, „clarum militiae decus, poeta, ortus nobilitate Flaviorum"—изъ Аеинъ, съ обращеніемъ къ „cives (?) Remi et Quirini", слѣдовательно не собственно къ *путникамъ;*

n. 995: Мадаурійская надпись T. Clodi Loquellae, aedilis, II viri, quaestoris, flaminis perpetui, sacerdotis Liberi patris: *акростихъ* съ обращеніемъ въ концѣ тоже не собственно къ *путнику*, а къ *читателю* (lector) этого произведенія;

n. 1108: Римская надпись какого-то „эпикурейца", Flavii Agricolae, котораго жена Flavia Primitiva была „cultrix deae Phariaes" (Изиды),—весьма плохая по метрикѣ и языку;

n. 1137: Aemilius C. fil. Rogatus—vir ornatus—pagique magister—изъ Африки („origine Cirtensis")—конечно ничего общаго съ дѣйствительными *Aemilii*—не имѣетъ;

n. 1138: самодѣльный акростихъ нѣкоего Praecilius, *argentarius* изъ Цирты—съ обращеніемъ въ концѣ къ людямъ его же класса и профессіи (tales); языкъ и метрика—весьма плохи;

n. 1152: Ninniae Q. f. Primillae, sacerdoti Cereriae; но, какъ мы выше видѣли, сама покойная называетъ себя дочерью либертиновъ, ср. *М. Крашенинниковъ*, Римск. муниц. жр., стр. 105;

n. 1214: Гадитанское надгробіе L. Antoni C. f. Gal(eria) Antulli sacerdotis съ краткой просьбой къ мимоидущему о „s. t. t. l."; ср. выше n. 491 + not.

n. 1269: Egnatio C. f. Gal. mag. Mercurialis—изъ Abellinum,—можетъ быть и отпущеннику;

n. 1331: тоже можетъ быть отпущенникъ .....s VI vir Aug. изъ Остіи.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ этой категоріи погребенныхъ нашъ типъ „обращенія къ путнику", во-первыхъ, далеко не играетъ такой видной роли, какъ въ средѣ либертиновъ и плебса, а чередуется, какъ и тамъ, съ обращеніями къ „зрителю", „читателю" и др.; во-вторыхъ, что заправскихъ аристократовъ среди этихъ лицъ почти *нѣтъ*: такая „титулованная особа", какъ Веттій Агорій Претекстатъ (19 титуловъ), избралъ весьма изящную форму поэтическаго *діалога* съ супругой Паулиной (n. 55), хотя въ его время „обращеніе къ путнику" еще было въ употребленіи въ довольно чистой формѣ, напримѣръ, n. 34 („depositio Ursi—indic. XV").

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ того, и подобныя поименованнымъ въ приведенномъ перечнѣ лица прибѣгаютъ обыкновенно къ *другимъ* типамъ надгробій, а не къ *обращенію къ путнику*, напримѣръ:

n. 8: VI vir Aug.;
n. 14: Fronto Augg. nn. dispensator Moes. inf.;
n. 18: M. Iul. Felix ab ratione fisci;
n. 22: decurio alae I Thracum;
n. 25: Fl. Dalmatius v. p. ex pro.;
n. 28: Ael. Valentinus, dec. col. Apul., flamen col.;
n. 33: Constantius v. cl.;
n. 56: Eurysaces, pistor redemptor;
n. 57: M. Ulpius Maximus, eques Rom.;
n. 97: Bassa, vatis Laberi coniuga;
n. 175: Aelius Proculinus, tr. leg. III Aug.;
n. 185: L. Corvinius L. f. Quir. Flaminalis;
n. 206: Kal. Flavia—decenviri Kal. Tancini filia;
n. 220: Plancina—genere regio;
n. 235: L. Cassio Hermodoro, nauclero;
n. 363: VI vir Mediolaniensis;
n. 368: q. aed. et II vir;
n. 374: C. Julio Severo et C. Julio Gracili, eqq. rom.;
n. 394: L. Aeli Terti causidici;
n. 501: Geminius Clemens a mil. col. pat.;
n. 502: Ulpianus b. m. v. omnib. honorib. perfunctus;
n. 592: decurioni coloniae;
n. 669: trib. mil. leg. VII G. P. F.;
n. 679: dec. equit. praep. coh. III Alpinae;
n. 771: Telephus VI vir;
n. 875: monumentum M. Luccei M. f. Nepotis;
n. 878: mausolaeum Flaviorum;
n. 880: mausolaeum Juliorum;
n. 884: L. Calpurnius Flamininus—„oravi causas felix“;
n. 915: L. Sulpicius Q. f. Q. n. Col.;
n. 927: Sossius—Successus iure peritus;
n. 929: Eusebius, „dux—sociusque sui cum milite regis“;
n. 952: Julio Juliano, viro magno, philosopo primo;
n. 990: Marcellus—„medica nobilis arte“;
n. 1038: поставлена Г. Квинкціемъ Вальгомъ своему либерту;
n. 1078: VI vir Aug.;

Библиотека "Руниверс"

n. 1079: VI vir Aug.;
n. 1086: Laetilio C. f. Gallo decurioni;
n. 1089: Cassius Agrippinus—praetor;
n. 1090: T. Fl.—Varus, v. c. cos.;
n. 1091: надробіе Прокула, консула 340 г. по Р. Х.; („dic" и „videas"—не къ *путнику*).
n. 1097: Marius Fidens, grammaticus;
n. 1098: Pudens, M. Lepidi l., grammaticus;
n. 1142: знаменитый elogium messoris;
n. 1150: надробіе поэта Помпонія Бассула;
n. 1156: bis sexvir;
n. 1161: VI vir Aug. idem qq.;
n. 1165: sacerdoti—Matris d. m.;
n. 1186: M. Oppius M. f.—„forensis ars";
n. 1195: equiti Romano;
n. 1263: Zopyrus—ex XI primis;
n. 1292: P. Atili—Septiciani grammatici Latini;
n. 1335: T. Titius—Tappo, XXVI vir;
n. 1344: M. Antonii Antii Lupi pr.;
n. 1385: Appuleio Sex. f. Gal. Sex. n. Sex. pron.

И выслужившійся либертинъ Тримальхіонъ (Petr. c. 71 fin.) сочиняетъ себѣ не „обращеніе къ путнику", а *titulus narativus*, напоминающій почетную надпись древнѣйшаго типа, или „elogium clari viri", и только въ концѣ у него проскользнуло шаблонное либертинское „vale": „et tu!" [1]).

Послѣ этого хотя и бѣглаго обзора мы, кажется, въ правѣ думать, что въ группѣ elogiorum Scipionum „обращеніе къ путнику" не находитъ себѣ мѣста по своей, такъ сказать, неаристократичности. Конечно, мы въ своемъ обзорѣ располагали по самой сути дѣла далеко не полнымъ матеріаломъ; но что разбираемымъ шаблономъ какъ будто „брезгаютъ" лица болѣе или менѣе высокопоставленныя,

---

[1]) Изъ народнаго языка оно взято въ языкъ комедіи: *Ter. Haut. 167*: Ch. „Bene vale".—Me. „Et tu"; *Eun. 190*: Ph. „Mea Thais, vale".—Th. „Mi Phaedria, et tu"; полную форму даетъ *Hec. 197*; Ph. „Vale". — Pa. „Et tu bene vale, Philotium".—Что Тримальхіонъ въ своемъ надгробіи желаетъ вообще какъ бы возвыситься („sich über den Stand hinausheben"), давно уже замѣтилъ *Моммсенъ* Hermes II, 158), указавъ особенно на четырехчленность его имени: C. Pompeius Trimalchio Maecenatianus.

Библиотека "Руниверс"

и не только въ Римѣ, но и въ провинціяхъ,—этого всеже нельзя не замѣтить [1]).

Затѣмъ по времени послѣ Сципіоновъ можно было бы поставить, къ сожалѣнію весьма спорное и хронологически и по принадлежности „надгробіе Эннія": *adspicite o cives* etc. Мы уже упоминали въ предыдущемъ очеркѣ, что сообщаемыя А. Гелліемъ [2]) „надгробія" Невія, Плавта и Пакувія относятся учеными къ болѣе позднему времени, между прочимъ приписываются Варрону (Беренсъ, Борманнъ), причемъ дѣлается исключеніе только для Пакувіевой эпиграммы, которая могла относиться ко времени самого поэта (Борманнъ), можетъ быть даже ему и принадлежать (Бюхелеръ); однимъ изъ наиболѣе сильныхъ аргументовъ выставляется „искусственность", „литературность" („litterarischer Charakter") композиціи этихъ надробій, которыя и считаются „in der Form der Grabschriften elogia" (Борманнъ), или, нѣсколько иными словами, „epideiktische Gedichte nach dem Vorbilde der Alexandriner" (О. Янъ) [3]). Не лучше обстоитъ дѣло и относительно „надгробія" Эннія, хотя здѣсь, думается намъ, нѣсколько менѣе основаній для такого рѣшительнаго отрицанія автентичности, какъ относительно Невія и Плавта [4]).

Для большей ясности приведемъ извѣстное свидѣтельство Цицерона (Tuscul. I, 15, 33) in extenso: licuit esse otioso Themistocli, licuit Epaminondae, licuit, ne et vetera et externa quaeram, mihi, sed nescio quo modo inhaeret in mentibus quasi saeclorum quoddam augurium futurorum, idque in maximis ingeniis altissimisque animis et ex-

---

[1]) Несмотря на раннее вынесеніе некрополей за черту города (для Рима—XII досокъ, для провинцій—lex Ursonensis, cap. 73: ne quis *intra fines oppidi colon(iae)ve*, qua aratro circumductum erit, hominem mortuom inferto, neve ibi humato, neve urito, neve hominis mortui monimentum aedificato; cap. 74: ne quis ustrinam novam, ubi homo mortuus combustus non erit, *propius oppidum* passus D facito) и такъ сказать апріорную возможность и *очень раннюю* употребленія нашего шаблона, мы его находимъ однако же *позже* другихъ, позже, напримѣръ, раньше разсмотрѣннаго *hic situs est*, позже *нарративно-элогіальной формы*, одной изъ древнѣйшихъ, какъ мы выше замѣтили.

[2]) N. A. I, 24 H.

[3]) Hermes II, p. 243.

[4]) Что и въ греческой антологіи рядомъ къ искусственными эпидиктическими эпиграммами находилось не мало *дѣйствительно надгробій*, списанныхъ съ *дѣйствительно надгробныхъ* памятниковъ,—давно уже доказано *Hecker*'омъ, Comment. crit. de Anth. Gr., Leid. 1852, и особенно *Weisshäupl*'емъ въ Abhandl. des arch.-epigr. Semin. der Univ. Wien, VII (die Grabgedichte der gr. Anth.) p. 28 sqq.

Библиотека "Руниверс"

sistit maxime, et adparet facillime; quo quidem dempto quis tam esset amens, qui semper in laboribus et periculis viveret? loquor de principibus. quid poetae? [1]) nonne post mortem nobilitari volunt? unde ergo illud:

adspicite, o cives, senis Enni imaginis [2]) formam
hic vestrum pinxit [3]) maxima facta patrum.

mercedem gloriae flagitat ab iis, quorum patres adfecerat gloria; idemque:

nemo me lacrumis [4]) decoret nec funere fletu
faxit. cur? volito vivos per ora virum [5]).

Съ этимъ мѣстомъ сопоставляются обыкновенно еще два:

ib. § 117: si supremus ille dies non exstinctionem, sed commutationem adfert loci, quid optabilius? sin autem perimit ac delet omnino, quid melius, quam in mediis vitae laboribus obdormiscere, et ita conviventem somno consopiri sempiterno? quod si fiat, *melior Ennii quam Solonis oratio*. hic enim noster:

„nemo me lacrimis decoret" inquit „nec funere fletu
faxit";

at vero ille sapiens [6]):

mors mea ne careat lacrimis: linquamus amicis
maerorem, ut celebrent funera cum gemitu!

Cato m. § 72 fin.: ita fit, ut illud breve vitae reliquum nec avide adpetendum senibus, nec sine causa deserendum sit; vetatque Pythagoras iniussu imperatoris, id est dei, de praesidio et statione vitae decedere. *Solonis quidem sapientis est elogium*, quo se negat velle suam

---

[1]) *Quid? poetae* C. F. W. Müller; *quid p.?* vulgo.

[2]) *Enni in imagine*, Baehrens.

[3]) *Pinxit* рукописи, Heine; *panxit* vulgo.

[4]) *Lacrimis* рукописи, Heine; *lacrumis* cod. Monac. Cat. m.; *dacrumis* Bergk, L. Müller, Bährens.

[5]) *Virum* L. Müller, Heine; *hominum* O. Jahn, Bährens; cf. Verg. Georg. III, 8 sq:

temptanda via est, qua me quoque possim
tollere humo victorque virum volitare per ora.

[6]) Solon. frgm. 21 Schneid.:

μηδέ μοι ἄκλαυστος θάν τος μόλοι, ἀλλὰ φίλοι
ποιήσαιμι θανὼν ἄλγεα καὶ στοναχάς.

Библиотека "Руниверс"

mortem dolore amicorum et lamentis vacare; volt, credo, se esse carum suis; sed haud scio an *melius Ennius*:

nemo me lacrumis decoret neque funera fletu
faxit;

non censet lugendam esse mortem, quam immortalitas censequatur.

Разсуждая безъ всякой предвзятой мысли, какъ, быть можетъ, разсуждалъ въ данномъ случаѣ и Скалигеръ, мы видимъ слѣдующее: *дважды* Цицеронъ сопоставляетъ *двустишіе*, въ его глазахъ *несомнѣнно* Энніевское, съ эпиграммой Солона, которую (или ея *часть*) онъ въ „Тускуланахъ" цитуетъ въ переводѣ въ видѣ *двустишія* же, а въ „Катонѣ", называя ее *elogium*, приводитъ только ея содержаніе (или *часть* его). Если бы мы *навѣрное* знали, что въ этомъ *elogium* Солона было *навѣрное* не болѣе *одною* дистиха, то, безспорно, много вѣроятія было бы, что и соотвѣтствующая Энніевская эпиграмма (не надобно забывать, что дѣло идетъ именно о *дистихѣ*, въ который древніе элегики такъ охотно укладывали *цѣлую* мысль) заключала въ себѣ *не болѣе дистиха*. Но изъ главнаго свидѣтельства о Солоновой эпиграммѣ—Plutarch. Solonis et Poplicolae comparatio, c. I (ed. Doehner, Par. 1846, p. 131) — этого вывести нельзя. Вотъ слова Плутарха: καὶ Τέλλος [1]) μὲν ὑπὸ τῶν πολεμίων ὡς ἀνὴρ ἀγαθὸς ἐν τάξει μένων καὶ μαχόμενος κατέστρεψε. Ποπλικόλας δὲ τοὺς μὲν πολεμίους κτείνας, δ'τοῦ πεσεῖν εὐτυχέστερόν ἐστι, τὴν δὲ πατρίδα νικῶσαν ἐπιδὼν δι' αὐτὸν τὸν ἄρχοντα καὶ στρατηγοῦντα, τιμηθεὶς δὲ καὶ θριαμβεύσας ἔτυχε τῆς ζηλουμένης ὑπὸ Σόλωνος καὶ μακαριζομένης τελευτῆς. Ἔτι τοίνυν ἃ τοῖς περὶ Μίμνερμον ἀντειπὼν περὶ χρόνου ζωῆς ἐπιπεφώνηκε·

μηδέ μοι ἄκλαυστος θάνατος μόλοι, ἀλλὰ φίλοισι
ποιήσαιμι θανὼν ἄλγεα καὶ στοναχάς,

εὐδαίμονα τὸν Ποπλικόλαν ποιεῖ. Τελευτήσας γὰρ οὐ φίλοις οὐδ' οἰκείοις μόνον ἀλλὰ τῇ πόλει πάσῃ, μυριάσι πολλαῖς, δάκρυα καὶ πόθον καὶ κατήρειαν ἐφ' αὐτῷ παρέσχεν.

Отсюда видно только, что у Солона была *эпиграмма*, гдѣ онъ „περὶ χρόνου ζωῆς" полемизировалъ съ Мимнермомъ, и что приведенный дистихъ былъ *заключительнымъ* [2]) (ἐπιπεφώνηκε), слѣдовательно *не единственнымъ* (μηδέ). Соотвѣтственной эпиграммы Мимнерма не со-

---

[1]) Plut. Sol. c. 27.

[2]) По мысли его это предположеніе очень естественно.

Библиотека "Руниверс"

хранилось, но и въ ней очень могло быть *болѣе одного* дистиха [1]). Намъ думается, нѣтъ особенной надобности полагать, что разбираемое двустишіе Эннія непосредственно, какъ думаетъ Валенъ, взято имъ изъ Мимнерма: обѣ эпиграммы, вѣроятно, были хорошо извѣстны Эннію, который могъ такъ же „ἀντειπεῖν" Солону, какъ этотъ послѣдній Мимнерму [2]).

Такимъ образомъ въ эпиграммѣ Эннія *очень могло быть болѣе одного дистиха*. Если же Цицеронъ дважды цитуетъ только *одно* двустишіе, то, какъ видно изъ обоихъ контекстовъ, потому только, что для него въ обоихъ случаяхъ важна отдѣльная *мысль о небходимости* или *ненеобходимости* сѣтованія по умершемъ, которая и раздѣляла Солона отъ Эннія. Другія части обѣихъ эпиграммъ, какъ не имѣвшія къ этой мысли непосредственнаго отношенія. Цицерономъ опущены.

Теперь обратимъ вниманіе на первое, основное мѣсто Тускуланъ. „Желаніе жить послѣ смерти въ будущемъ, въ благодарной памяти потомства", говоритъ ораторъ, „свойственно крупнымъ государственнымъ дѣятелямъ (principibus). А поэты? Развѣ они не желаютъ *посмертнаго* прославленія? Чѣмъ же объяснить слѣдующіе стихи (adspicite...)?" — Приводится цѣлый дистихъ. Мы спросимъ — „чей?". — „Incerti epigramma" отвѣчаетъ Беренсъ (frgm. p. 137); „Pacuvii, sive quod magis probabile — Lampadionis vel Varguntei" рѣшаетъ Л. Миллеръ (Q. Enni carm. reli., p. 248): „Ciceroni autem, qui litterarum monumentorum saepe iudex est parum accuratus, fraudi fuit epigramma, ut solebat fieri, sine nomine auctoris imagini illi [3]) subscriptum", прибавляетъ онъ.

Итакъ великій ораторъ запросто „ошибся" и довольно непростительнымъ образомъ: увидавъ въ посмертномъ изданіи „портретъ" Эннія—а существованіе этого „портрета" вовсе не доказано и не необходимо—и подъ нимъ двустишіе „incerti auctoris", онъ приписалъ его

---

[1]) Cf. *Vahlen*, Quaest. Enn. p. XC, который, кажется, склоненъ думать, что эпиграмма Мимнерма была всего дистихомъ.

[2]) Въ старинныхъ изданіяхъ, напримѣръ у *Баха* (Bonn, 1825), двустишіе Солона соединялось съ предыдущей антимимнермовской эпиграммой въ одну; у *Бухгольца* и *Шнейдевина* онѣ правильнѣе отдѣлены (№№ 20 и 21); если даже выводить изъ Плутарха, что полемической эпиграммой Солона былъ № 20 Schneid., то во всякомъ случаѣ слова μηδέ μοι... не непосредственно примыкали къ сохранившейся части этой эпиграммы.

[3]) То-есть подъ *портретомъ Эннія*, украшавшимъ посмертное изданіе его „Annales", сдѣланное „Пакувіемъ, Лампадіономъ и Варгунтеемъ".

Библиотека "Руниверс"

Эннію и самъ приклеилъ къ нему „довольно неловко“ второй, несомнѣнно уже Энніевскій дистихъ. Вѣроятно ли все это?

Первый, кто подошелъ къ этому вопросу еще сравнительно болѣе научнымъ образомъ, былъ О. Янъ [1]) 13-ю годами послѣ Валена, соединявшаго еще, по примѣру Скалигера, оба дистиха въ одну эпиграмму. „Ихъ слѣдуетъ раздѣлить“ [2]), говоритъ О. Янъ, „по слѣдующимъ причинамъ:

1) слова *mercedem gloriae* отнюдь не связаны со вторымъ дистихомъ, потому что запрещеніе плакать по усопшемъ не есть merces gloriae;

2) *idemque* — тоже не говоритъ въ пользу связи, ибо можетъ значить „derselbe Dichter an einer anderen Stelle“;

3) если даже соединять оба дистиха въ одну эпиграмму, то она выйдетъ „keineswegs lobenswerth“: нехорошо чередованіе 3-го и 1-го лицъ (senis *Enni—hic* pinxit и nemo *me* decoret);

4) связи мысли между обоими дистихами тоже нѣтъ: къ чему запрещать плакать (funera fletu facere) *взирающему* на изображеніе Эннія, *хотя бы надгробное?* [3]). Вѣдь это можетъ имѣть мѣсто только при погребеніи (?!)“.

Итакъ это — два отдѣльныхъ дистиха, второй Энніевскій [4]), а первый болѣе поздняго происхожденія, украшавшій собою изображеніе (можетъ быть статую) Эннія, стоявшее не непремѣнно на его гробницѣ. Тутъ же О. Янъ разбираетъ извѣстныя свидѣтельства Плинія Старшаго, Ливія и Цицерона [5]) о мѣстѣ погребенія или, точнѣе, о мѣстѣ нахожденія изображенія Эннія, и приходитъ къ выводу, что собственно „надгробія“ Эннія въ Римѣ нигдѣ не было, и что второй дистихъ, несомнѣнно Энніевскій, есть только (что и правильно)—какъ и соотвѣтствующіе стихи Солона и Мимнерма,—*часть* болѣе обширной пьесы, которую можно помѣстить между *Saturae*.

Эта аргументація допускаетъ однако нѣкоторыя возраженія.

1) Объяснять слова *mercedem gloriae* — *gloria* можно трояко, конечно съ большей или меньшей степенью вѣроятности: а) это

---

[1]) Hermes, l. c.

[2]) Л. Миллеръ (Q. Enn. p. 247) склоненъ, кажется, приписать это раздѣленіе себѣ.

[3]) Курсивы наши.

[4]) Его разбираетъ и сопоставляетъ съ Гораціемъ (Од. II, 20) О. Янъ въ слѣдующей гл. 12-й, ib. p. 243 sqq.

[5]) Plin. N. H. VII 114; Liv. XXXVIII 55; Cic. Arch. 9 + Schol.

Библиотека "Руниверс"

резюме содержанія опущеннаго Цицерономъ *втораго*, средняго дистиха: 1) *вотъ изображеніе Эннія, описавшаго подвиги вашихъ отцовъ*; 2) *за это прославленіе я требую и себѣ почета въ будущемъ у васъ*; 3) *но не плача и рыданій: живущему въ произведеніяхъ своихъ поэту они не подходятъ;* толкованіе это не абсолютно нелѣпо, но въ данномъ случаѣ только *наименѣе* вѣроятно; b) *mercedem* etc. относятся ко второму дистиху [1]): „награда"—въ томъ, что о поэтѣ не будутъ плакать, какъ объ обыкновенномъ, хотя и близкомъ покойникѣ, а будутъ „имѣть на устахъ" его произведенія, не дадутъ ему „умереть" литературной смертью; тогда *volito*—praesens о близкомъ и несомнѣнно имѣющемъ осуществиться будущемъ,—толкованіе, не много болѣе вѣроятное, чѣмъ предыдущее; c) *mercedem* etc. относится къ первому дистиху: это видно уже изъ того, что pinxit (или panxit) maxima facta patrum—есть синонимъ къ patres adfecerat gloria; тогда *merces gloriae* удобно связать съ *aspicite — hic pinxit*: „воззрите — вотъ кто прославилъ и т. д.", лаконизмъ, нѣсколько напоминающій наше: „здѣсь лежитъ Суворовъ"; всякій „взирающій" (aspicions), значитъ, долженъ сказать: а, это нашъ *славный* Эннiй",—толкованіе наиболѣе вѣроятное.

2) Тогда *idemque* значитъ—„и тотъ же поэтъ", но не въ другомъ мѣстѣ, конечно, а въ „слѣдующемъ" дистихѣ ἐπιφωνεῖ: „я умеръ, какъ человѣкъ, но не плачьте: я живъ, какъ поэтъ".

3) Мы не видимъ, чѣмъ плоха такимъ образомъ составленная эпиграмма; однимъ изъ главныхъ упрековъ, служитъ, по О. Яну, „die dritte Person *senis Enni—hic panxit* und—*nemo me decoret—volito*, ohne jede Veranlassung zu einem solchen Wechsel". Но такой Wechsel въ *эпитафіяхъ* не безъ примѣровъ:

n. 4: uxor cara viro monumentum *fecit* amanti;
optaram in manibus coniugis occidere;
n. 23: hoc *iacet* in lapide Aurelia Marcellina, pientissima coniux,
v. 9: et quicumque legis *nostros* (составителя) imitare dolores;
n. 60: hic *sita est* Paterna post annos VIIII et XX,
v. 8: *me* Germana creat tellus myseram, etc.;
n. 64: Julia Erotis — — hic sitast;
nullum dolorem ad inferos mecum tuli;

---

[1]) *Idemque* въ этомъ случаѣ не нужно исправлять ни въ *idem qui*, ни въ *ideoque*; заключительный оттѣнокъ можетъ быть въ немъ и по связи рѣчи, напримѣръ, Cic. Brut. 84: non omnes, qui Attice, iidem (=поэтому и) bene; id. Tusc. II, 23: ingemiscere nonnumquam viro concessum est, idque (= поэтому) raro.

Библиотека "Руниверс"

n. 267: ...templum... Pomptillae cineres... tegit.
Sardoa tellure *premor* etc.;
n. 304: Nome *fuit*... *vixi* parum etc.;
n. 409: Antonius—hic iacet... studia amavi, etc.;
n. 422: finitum Euhodiae fatum qui conspicis hospes,
desine mirari: corpus inane *iacet*;
Euhodus ut valeat pater optumus, *opto*;
n. 457: три раза мѣняются лица 3-е и 1-е.
n. 648: ossa sub hoc tumulo pia *sunt*, sed acerba parenti:
Amphio *mi* frater hoc titulum posuit;
n. 832: o quanta pietas *fuerat in hac adulescentia*...
noli dolere, amica, eventum *meum*;
n. 853: os... cum *decidit*,.. *componimur* ossa;
n. 946: ossa T. Quincti hic sita sunt, Stabilio cognomine *vixit*,
multiplici cura defessus nunc securus *quiesco*;
n. 1029: iuvenis... *occidit*... *atvixsi*;
n. 1066: hoc rudis aurigae *requiescunt ossa* sepulchro...
iam qui quadriiugos *auderem* scandere currus;
n. 1083: quo *continentur ossa*... sepulta heic *sita sum*;
n. 1111: Manlia—haec *est*, quae *vixsit* semper natura proba,
clientes *habui* multos, etc. [1]).

4) Что между обоими дистихами нѣтъ связи, и что непонятно запрещеніе *взирающему* плакать о поэтѣ—сказать тоже нельзя. Лучшимъ опроверженіемъ этого довода служатъ надписи въ родѣ n. 481, гдѣ именно отъ *взиранія* (videndo) на изображеніе покойнаго взирающій *integrat et fletum et gemitus*. то-есть другими словами *funera fletu facit*—конечно *послѣ* погребенія. Такого плача поэтъ себѣ и не желаетъ: „вотъ, граждане, Энній, увѣковѣчившій славные подвиги вашихъ отцовъ: меня уже нѣтъ, но не плачьте обо мнѣ: я живу у народа на устахъ". На такую связь мысли, думается намъ, врядъ-ли можно что-либо возразить; а что покойный въ началѣ надписи вмѣсто *hic ego sum* употребляетъ свое *собственное имя*, тому и кромѣ вышеприведенныхъ есть примѣры:

---

[1]) Мы могли бы указать еще на надгробіе нѣкоего *Ursus pilicrepus*, n. 1099, гдѣ наблюдается такой же „Wechsel", только въ обратномъ порядкѣ:

Ursus, togatus vitrea *qui* primus pila
lusi decenter...
v. 12: Ursumque canite voce concordi senem,
qui vicit omnes antecessores suos.

Библиотека "Руниверс"

n. 105: si quis forte legit titulum nomenve requirit,
Dorchadis inveniet ossa sepulta loco:
dum *vixi*, fui cara viro, etc. = n. 112.
n. 309: hospes, consiste et *Thoracis* perlege nomen:
inmatura iacent ossa relata *mea*.
n. 462: *Sophron* hic situs est... Saturnina soror, salve!
n. 834: desinite, aequales, *Plocami* lugere sepulti
fata *frequentatis funeris exequiis*: [1])
in requiem *excessi* etc.
n. 872: hoc est factum monumentum *Maarco Caicilio*;
hospes, gratum est, quom apud *meas* restitistei seedes;
n. 1107: *Aulus Palateina Egnatius Priscilianus*...
dum *vixi*, *didici*, quae mors, quae vita homini esset;
n. 1146: *C. Cornelius Fortunatianus* quondam de nomine patris...
suficiunt tituli: non ego solus *obi*; и др.

Итакъ, всѣ главные доводы О. Яна допускаютъ возраженія, и мы полагаемъ, что ему не удалось доказать необходимость раздѣлять оба дистиха. Въ такомъ же родѣ аргументація и Л. Миллера [2]).

1) „Зачѣмъ", спрашиваетъ онъ, „Цицеронъ самъ отдѣляетъ дистихи вставкой *mercedem etc.*, если оба они приводятся для одной цѣли?"—Но мы указали выше, что *mercedem* etc. относится ближе къ *первому* дистиху, а потому и вполнѣ умѣстно послѣ этого дистиха.

2) „Связи мысли между обоими дистихами нѣтъ потому уже, что первый обличаетъ въ составителѣ своемъ довольно тщеславнаго человѣка (homo qui multum tribueret honoribus vanis et quales vulgus amat; at verus Ennius prorsus abhorrebat a nugis talibus)".—Но спрашивается, что же тщеславнаго въ скромномъ названіи себя *senex Ennius* и въ констатированіи лишь факта, что онъ *pinxit maxima facta patrum*? Ужъ если на то пошло, то во второмъ, несомнѣнно Энніевскомъ дистихѣ „нескромности" и „тщеславія" побольше. И если бы мы имѣли Annales цѣликомъ, то, быть можетъ, нашли бы побольше мѣстъ, показывающихъ, что Энній былъ къ этимъ *nugae* не весьма равнодушенъ,—въ родѣ *nostra Latinos* | *per populos terrasque poemata clara cluebunt* (I, 4*c*), *ante hunc* (VII, 2*b*: „ait [Ennius] ipse de se, nec mentitur in gloriando", говоритъ Цицеронъ, Brut. 18), *nos ausi reserare* (ibid.; Цицеронъ, Orat. 51, и здѣсь отмѣчаетъ нѣкоторое тще-

---

[1]) Очень близко къ Энніевскому *funera fletu facere*.
[2]) Q. Enn. p. 247 sq.

Библиотека "Руниверс"

славіе), *собственная характеристика* (VIII, 12 *m*), *nos sumus Romani, qui fuimus ante Rudini* (XVI, 3*c*) и др. [1]). Да и самое обращеніе къ *cives*—въ манерѣ Эннія (ср. XVII, 5).—„Отчего же Энній не упомянулъ въ этомъ 1-мъ дистихѣ о своихъ драмахъ и сатурахъ? Ergo—1-й дистихъ не его произведеніе".—Достаточно указать на то, что главнѣйшая *слава* Эннія лежала именно въ „Анналахъ"; о другихъ трудахъ можно было смѣло не упоминать [2]). На другихъ доводахъ Л. Миллера, въ родѣ того, что Эннію врядъ-ли была поставлена *заживо* статуя, что *Enni imaginis* даетъ неловкій hiatus, что онъ не имѣлъ права назвать себя *senex* сейчасъ послѣ окончанія „Анналовъ"—мы останавливаться не будемъ въ виду ихъ несерьезности.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе тоже весьма спорнаго вопроса, была-ли въ Римѣ дѣйствительно *гробница* Эннія [3]), что для нашей задачи не особенно существенно, удовольствуемся допущеніемъ вмѣстѣ съ О. Яномъ, что въ Римѣ могла быть, напримѣръ, *статуя* Эннія [4]), украшенная упомянутой эпиграммой; О. Янъ полагаетъ, какъ мы видѣли, что надписью этой былъ или могъ быть лишь 1-й дистихъ, и то впослѣдствіи лишь нанесенный на памятникъ, мы же въ виду вышеизложеннаго не видимъ поводовъ къ раздѣленію обоихъ дистиховъ, и хотя конечно не считаемъ Эннія за „beatus Fannius ultro delatis capsis et imagine", но всеже думаетъ, что такую эпиграмму онъ *могъ* написать, и что послѣ его смерти она попала въ литературный обиходъ, со статуи ли поэта, или черезъ его читателей и почитателей. На дѣйствительныя надписи древніе, какъ извѣстно, безъ крайней надобности не ссылаются, а потому и не удивительно, что, говоря о статуѣ Эннія, они не говорятъ о ея надписи [5]).

Итакъ, въ своей эпиграммѣ, могущей быть вполнѣ причисленной къ сепулькральнымъ [6]), Эннiй, *какъ и его друзья аристократы* Сципіоны, аппеллируетъ къ *cives*, а не къ *путникамъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова.

---

[1]) Ср. *Teuffel*, Roem. Litter. I[6], p. 172, 2.

[2]) *Teuffel*, l. c. p. 169, 4.

[3]) *Teuffel*, l. c. p. 167, 3. 6.

[4]) О. Янъ ссылается совершенно справедливо на Аттія, послѣдовавшаго, какъ онъ полагаетъ, примѣру Эннія.

[5]) О ней говоритъ довольно глухо только Плиній, H. N. VII 114.

[6]) Ср. въ нашемъ сборникѣ nn. 166, 267, 481, 1108 и др.; *Weisshäupl*, Die Grabgedichte, cap. IV, p. 95 и особенно ib. p. 104 sp.; *Norton*, Greek gravereliefs, „Harvard Studies", VIII, 1897, p. 41 sqq.; *aspice*, *aspicite*—употребительно въ надгробіяхъ, напримѣръ nn. 149, 1049, 1284; *aspecto—tumulo*, n. 240.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ Энніевой эпиграммы слѣдуетъ поставить elogium 20-лѣтняго юноши Сципіона, съ его *ne quairatis*, обращеннымъ тоже къ cives, хотя, какъ мы выше замѣтили, не совсѣмъ въ тонѣ первыхъ двухъ элогіевъ, Барбата и его сына Луція.

И *впервые* дается разбираемый шаблонъ извѣстной эпиграммой Пакувія: adolescens, tametsi properas, etc. [1]), съ ея дублетомъ, надгробіемъ Филотима [2]); мы уже говорили въ предыдущемъ очеркѣ, что надпись Филотима по палеографіи своей относится скорѣе ко 2-ой половинѣ II вѣка до Р. Хр., чѣмъ къ началу слѣдующаго столѣтія, то-есть, приблизительно современна обыкновенно принимаемому году кончины Пакувія [3]), или немного позже ея, такъ что между ними *хронологически* возможна преемственность оригинала и подражанія [4]).

Эпиграмма Пакувія уже много отличается отъ Сципіоновскихъ и Энніевой. Она носитъ уже несомнѣнно *сепулькральный* характеръ [5]), обращается къ *путнику*, а не къ *cives*, и писана *языкомъ, близкимъ къ народному*. Въ ней характерна прежде всего apostrophe *adolescens*, крайне рѣдкая во все послѣдующее время, когда путникъ сталъ называться hospes, viator, praeteriens и т. п. [6]), и замѣненная въ близкой по времени эпиграммѣ Авла Гранія—шаблоннымъ *hospes*. Что въ обыкновенномъ, *житейскомъ*, такъ сказать, употребленіи терминъ этотъ прилагался къ людямъ сравнительно и довольно почтеннаго, обыкновенно средняго возраста—давно извѣстно [7]); особенно это свойственно языку *драмы* и въ частности *комедіи*, напримѣръ, у Плавта:

---

[1]) *Buecheler*, Carm. Epigr. ad n. 848.

[2]) *id.* ibid. n. 848.

[3]) *Teuffel*, Roem. Litter. I[1], p. 174, 1; *Schanz*, Roem. Litter. (Iw. Müller, VIII), p. 59 sq.; *O. Ribbeck*, Gesch. d. röm. Dichtung, I[1] p. 167.

[4]) Арритмія въ собственномъ имени подражанія соотвѣтствуетъ, какъ и обыкновенно,—евритмія того же мѣста оригинала.

[5]) Юноша Сципіонъ говоритъ о *saxum*, скромный Пакувій только о *saxulum* („der milde, liebenswürdige Greis"—*Ribbeck*, l. c.; „graceful modesty"—*Conington*, *Wordsworth*, Fragm. p. 594).

[6]) Къ такимъ рѣдкимъ надгробіямъ принадлежитъ Аквесекстійская надпись (n. 1160) нѣкоего Sex. Iulius Felicissimus, конца II вѣка по Р. Хр. („litteris bonis s. fere II exeuntis"): paulo siste gradum, iuvenis pie, quaeso, viator; но въ другой эпиграммѣ *того же* лица, помѣщенной *на томъ же камнѣ*, путникъ названъ просто „читателемъ": tu quicumque legis titulum feralem sepulti; въ n. 65 *iuvenis*—о влюбленномъ юношѣ: tu quicumque legis titulum, iuvenis, quoi sua carast; въ nn. 149, 699 *iuvenes*—молодежь; въ n. 882—*iuvenis* = „въ молодости, заблаговременно".

[7]) *Forcellini—de Vit* s. v.

Библиотека "Руниверс"

Men. 285—Менэхмъ II обращается къ *повару*, человѣку неопредѣленнаго, скорѣе средняго возраста: quem tu parasitum quaeris, adulescens, meum?

ib. 494—онъ же къ *паразиту*, который по собственному заявленію (v. 446) „plus triginta annis natus“: adulescens, quaeso, quid tibi mecumst rei?

ib. 1007—Менэхмъ I къ Мессеніону, *рабу* Менэхма II, неопредѣленнаго возраста, но по характеру не весьма молодому (этому не противорѣчитъ стихъ 268): opsecro te, quisquis es, adulescens, operam mi ut duis;

Trin. 871—Харидъ, старикъ, къ *сикофанту*, человѣку не первой молодости [1]): quid, adulescens, quaeris?

Curc. 399—паразитъ къ *банкиру*: adulescens, quaeso ne me incomities.

Epid. 436—Перифанъ къ „солдату“, неопредѣленнаго (средняго) возраста: adulescens, si istunc hominem etc.

Terent. Phorm. 378—Демифонтъ къ *паразиту*: adulescens, primum abs te hoc bona venia peto etc. и др.

Такимъ образомъ и въ эпиграммѣ Пакувія покойный обращается къ путнику тѣмъ же обычнымъ житейскимъ терминомъ, хорошо подходящимъ къ языку остальнаго текста.

Этотъ „adolescens“ *properat*, частная характерная черта *путника*, довольно обычная и въ послѣдующее время:

n. 1: tu qui *carpis* iter gressu *properante* viator;
n. 355: quisquis iter *carpis*, versos hos respice, quaeso;
n. 396: supprime *festinum*, quaeso, viator, iter;
n. 527: pergere qui] *properas*, rogo... requiesce;
n. 534: quicumque Albana tendis *properasque*, viator; cf. n. 1269;
n. 555: qui *properas*, viator, ire;
n. 580: carpis iter gressu rog]o qui *properante*, [viator;
n. 699: tu qui tendes iter *properatim*, siste parumper;
n. 761: *carpis* si qui vias, paulum hunc depone laborem;
n. 1023: tu qui *proper*]*as*, resiste et perlege hunc titulum;
n. 1140: qui *properas*, quaeso, tarda, viator, iter.
n. 1157: substa, precor, paulum, *festina(n)s* ire, viator;
n. 1219: quisquis in has partes, quisquis *percurris* in illas,
n. 1268: tu] qui *cu*[*rris* iter...; и др.

---

[1]) Ср. ib. v. 905 sq.

Библиотека "Руниверс"

Гораздо рѣже *путникъ* идетъ спокойно и неторопливо:

n. 93: tu qui secura *procedis* mente;

n. 108: ut qui praeteriens *gressu tardante* viator;

n. 227: tu qui secura *spatiarus* mente viator.

Затѣмъ въ разбираемой эпиграммѣ скромное *saxulum* [1]) „проситъ" путника „взглянуть и прочесть"; если *aspicere* (и его синонимы) и *legere* въ такихъ надгробіяхъ естественны и нерѣдки, то *просящій камень*—сравнительно *не частое* явленіе; его мы встрѣчаемъ въ зависимой отъ Пакувіевой эпиграммѣ Авла Гранія, В. 53:

rogat ut resistas, hospes, te hic tacitus lapis,

а впослѣдствіи подобное олицетвореніе [2]) очень рѣдко; въ весьма напыщенной эпитафіи мавзолея Флавіевъ, n. 878—II вѣка по Р. Хр. находимъ ст. 86:

lapis ecce foratus
luminibus multis *hortatur* currere blandas
intus apes et cerineos componere nidos,—

примѣръ, конечно, не совсѣмъ аналогичный Пакувіевскому; въ Антипольской эпиграммѣ n. 1400—*tabula* est aena, *quae* te cunta *perdocet*, но это по всей вѣроятности не надгробіе. Вообще же „могила" не выходитъ за предѣлы обычной, шаблонной personificatio, въ родѣ:

n. 310: *contegit* hic tumulus duo pignora cara parentum;

n. 343: iste tuum *loquitur*, Petronia, nomen
iam titulus nono vixdum lacrimabilis anno;

n. 510: hic lapis ossa *tegit* miseri collecta Philonis;

n. 551: eheu, quos fletus *retinet* crudele sepulcrum;

n. 828: subductum primae Pyladem haec ara inventae | *indicat*;

n. 879: titulus tibi talia *dicat*;

n. 906: hic lapis et *tutamen erit* post mortem sepulcri
et *dabit indicium* obitos hic esse sepultos;

n. 1160: nomen si quaeris, titulus tibi vera *fatetur*, и др.

Довольно рѣдко олицетворяются и *ossa*, находящіяся въ могилѣ:

n. 853: pondere subiecto Thetidis *componimur* ossa
grata magis terrae, quam tibe, dure lapis;

n. 1230: hospes, ad hunctumulum ne meias, ossa *precantur*.

---

[1]) Уменьшительное—признакъ нѣкоторой rusticitas.

[2]) Въ греческой эпиграфикѣ такое олицетвореніе „могилы" въ провинціальныхъ надробіяхъ значительно *древнѣе*, чѣмъ въ Аттикѣ—*Loch* l. c. p. 10, 46—но и въ ней эта форма очень древнее явленіе, ib., p. 7.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдовательно, нѣкоторой оригинальности въ разбираемомъ выраженіи мы отрицать не въ правѣ, а ее уже нужно будетъ отнести къ слѣдамъ личнаго творчества поэта. Что Пакувій называетъ себя *поэтомъ*, не есть признакъ „искусственности", а слѣдовательно поздняго происхожденія эпиграммы; у насъ есть примѣры несомнѣнно оригинальныхъ надгробій „поэтовъ", напримѣръ:

n. 1028: Nardus poeta pudens hoc tegitur tumulo;

n. 1150: знаменитое надгробіе поэта Помпонія Бассула;

сюда же нужно отнести надгробіе Бассы, жены поэта Лаберія, n. 97, гдѣ послѣдніе два дистиха составляютъ надгробіе самого „vates Laberius", имъ, конечно, и сочиненное, что видно отчасти изъ самой полиметріи надгробія: 3 septenarii trochaici + 2 senarii iambici + 7 heroici + 2 дистиха.

Заключается эпиграмма Пакувія вторичнымъ обращеніемъ къ путнику *vale*!, на что обыкновенно путникъ отвѣчаетъ впослѣдствіи: *et tu* (vale). Такимъ образомъ мы съ своей стороны также не видимъ основанія сомнѣваться съ оригинальности Пакувіевой эпиграммы, и даже, пока не найдется несомнѣннаго примѣра разбираемаго шаблона изъ времени *до Пакувія*, мы склонны думать, что онъ нѣкоторымъ образомъ иниціаторъ этого шаблона на почвѣ римской надгробной эпиграфики.

Послѣ Пакувіевой идутъ эпиграммы Филотима — сколокъ съ Пакувіевскаго оригинала,—и Авла Гранія, его перифраза, осложненная нѣсколькими деталями, ставшими впослѣдствіи тоже шаблонными, въ родѣ: lapis ostendit (id), quod mandavit (is), quoius umbram tegit, ср. nn. 271, 775 и др., — или pudentis hominis, frugi, cum magna fide, ср. nn. 756, 950 и др.—Въ этомъ надгробіи мы находимъ уже и шаблонное *hospes*, довольно рано однако начавшее вытѣсняться тоже шаблоннымъ *viator* съ его синонимами [1]).

---

[1]) Одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ употребленія *viator* — Беневентская надпись Гельвія Примы, n. 227 (tu qui secura spatiarus mente, viator), относящаяся къ 1-й половинѣ I вѣка до Р. Хр. (*Buecheler* ad n. 960); къ этому же періоду можно отнести и тѣ надписи, гдѣ оба они, *hospes* и *viator*, встрѣчаются *вмѣстѣ*, напримѣръ, n. 950 (hospes resiste — rogo te, viator); ко 2-й половинѣ того же столѣтія относится n. 1117: si grave non, hospes, fuerit, remorare viator; въ императорскій періодъ *hospes* уже очень рѣдко, напримѣръ nn. 73, 253, 539 и др., хотя попадается спорадически еще довольно поздно: n. 422 („aet. Commod." Hübner), и изрѣдка въ соединеніи съ *viator*: n. 1152 (hospes, si non est lasso tibi forte molestum — tu qui preteriens legisti, lasse viator — соединеніе двухъ разновременныхъ шаблоновъ).

Библиотека "Руниверс"

Далѣе мы поставимъ надгробіе нѣкоего Maarcus Caicilius, n. 872, палеографически и орѳографически связанное съ эпохой Аттія, и представляющее вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ послѣднихъ по времени примѣровъ сатурнія [1]) въ надгробіяхъ. Надпись даетъ не чистый шаблонъ „обращенія къ путнику", а соединеніе болѣе древней нарративной формы съ разбираемымъ болѣе позднимъ шаблономъ, слѣдовательно, такъ сказать, въ хронологическомъ порядкѣ [2]); впослѣдствіи, какъ увидимъ, порядокъ сталъ, какъ это и естественнѣе, обратнымъ.

Болѣе сходства съ Пакувіевой представляетъ слѣдующая по времени эпиграмма „красавицы Клавдіи",

n. 100: hospes, quod deico, paullum est, etc.,

относимая къ „эпохѣ Гракховъ" (Buecheler ad n. 52), хотя она можетъ быть и немного позже, но врядъ-ли позже конца II вѣка до Р. Хр. И въ ней ясно видны тѣ-же три составныхъ части, какъ и въ Пакувіевой: 1) собственно шаблонъ — „обращеніе къ путнику": hospes — pellege; 2) нарративная часть, значительно впрочемъ бо́льшаго объема противъ Пакувіевой [3]): heic est—lanam fecit; 3) вторичное, заключительное обращеніе къ путнику: dixi, abei. Первая и третья части коротки, даже короче чѣмъ въ эпиграммѣ Пакувія; зато *средняя, повѣствовательная* часть развита въ цѣлый элогій, и именно эта форма нашего типа стала впослѣдствіи очень употребительной, напримѣръ nn. *34* (I часть—2 стиха, II—10, III—1), *83* (I—1, II—5, III—2), *108* (I—3, II—12, III—3), *142* (I—4, II—5, III—3)- *364* (I—2, II—4, III — 1), *395* (I — 4, II — 15 [autobiogr.], III—1), *412* (I—2, II—7 [autobiogr.], III—2), *497* (I — 3, II — 4, III — 1), *587* (I—2, II—3 [autobiogr.], III—1), *699* (I—2, II—7 [autobiogr.] [4]), III—2), *840* (I—2, II—7 [autobiogr.], III — 1), *896* (I — 1, II — 4, III—1), *918* (I—1, II—1 [8-милѣтній ребенокъ], III—1), *1017* (I—2, II—2 [autobiogr., либертъ?], III—1), *1064* (I—2, II—8 [autobiogr.], III—4), *1075* (1—2, II—3 [autobiogr.], III — 1), *1083* (I—1, II—5 [autobiogr.], III—1), *1140* (I—2, II—11 [autobiogr.], III — 1), *1148*

[1]) Въ надписи n. 1273 болѣе поздняго времени сатурній *не необходимъ*.

[2]) Какъ въ надписи n. 1247, вѣроятно I вѣка до Р. Хр.

[3]) Что объемъ этотъ весьма нерѣдко обратно пропорціоналенъ дѣйствительнымъ заслугамъ покойнаго, замѣтитъ всякій внимательный читатель подобныхъ надгробій.

[4]) Средняя часть въ этомъ надгробіи носитъ названіе „elogium" въ самой надписи: hoc lecto elogio, iuvenes, miserete iacentis.

Библиотека "Руниверс"

(I—1, II—9 [autobiogr.], III—2), *1152* (I—2 [1]), II—6 [autobigr.], III—2), *1160* (I—2, II—8 [autobiogr.], III—1), и др. [2]).

Затѣмъ слѣдуетъ упомянутое выше надгробіе „ювелира" (margaritarius) Атилія Евада, n. 950, 1-й половины I вѣка до Р. Хр., гдѣ встрѣчаются, какъ мы сказали, оба шаблонныхъ термина, *hospes* и *viator*. Надпись представляетъ механическое сочетаніе двухъ типическихъ текстовъ, *поэтическаго* съ тремя упомянутыми элементами, и *прозаическаго*, гдѣ на лицо 2-я и 3-я часть, но опущена 1-я, такъ какъ она приходится послѣ втораго „обращенія къ путнику" перваго текста; надгробіе, слѣдовательно, построено по схемѣ a+b+a(+a)+b+a.

Приблизительно современно ему надгробіе прэкона .... ius L. f., n. 896, представляющее, какъ мы выше замѣтили, тѣ-же три типическихъ элемента, какъ и эпиграмма Клавдіи, близко сходная съ Пакувіевой, и надпись коллеги по профессіи—Гранія. Безымянный прэконъ, поставившій себѣ гробницу еще заживо, долженъ былъ, конечно, замѣнить нарративно-элогіальную часть соотвѣтствующимъ текстомъ.

Затѣмъ къ I вѣку до Р. Хр. могутъ быть отнесены nn. 381, 395 (надгробіе отпущенницы Лициніи Евхариды, „quae graeca in scaena prima populo apparuit"), 549, 721, 731, 840, 1273, 1290; съ Августа „обращеніе къ путнику" уже довольно обычный типъ надгробія, особенно въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій; съ IV вѣка онъ уже рѣдокъ, и въ этотъ періодъ „путникъ" замѣняется „зрителемъ" (n. 863) или „читателемъ" (n. 1027), встрѣчающимися впрочемъ и раньше.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ устройствѣ нашего типа.

Поскольку раньше разобранный шаблонъ *hic situs est* можетъ вполнѣ быть *достаточнымъ для надгробія* самъ по себѣ, безъ соединенія съ другими, постольку же само по себѣ „обращеніе къ путнику", понятное дѣло, шаблонъ *несамостоятельный*, для составленія надгробія недостаточный. Поэтому весьма рѣдкіе примѣры его, повидимому, самостоятельнаго употребленія должны быть объясняемы или недостаточностью самого текста надписи или другими причинами, напримѣръ:

n. 580—или часть болѣе полнаго текста, въ родѣ n. 869, гдѣ надгробіе разбито на двѣ части: a) „обращеніе къ путнику" и b) собственно

---

[1]) Слова sancta—merenti не относятся къ шаблону.

[2]) Исключенія, въ родѣ n. 1073—довольно рѣдки; ср. еще nn. 376 (обращеніе къ cultores manium), 569 (рѣдкое meator), 950 (извѣстное надгробіе „margaritarius"—см. ниже), 1108, 1155.

Библиотека "Руниверс"

надгробіе,—писанныя и разными размѣрами; такія части текста могли быть помѣщаемы и на отдѣльныхъ камняхъ (въ n. 869 это *одинъ* cippus);—или же, если только вѣрно предложенное нами дополненіе, здѣсь нарративная часть вплетена, такъ сказать, въ самый шаблонъ, какъ въ n. 168;

n. 1229 — шаблонъ развитъ въ холіямбическое четырехстишіе; присутствіе имени собственнаго покойницы даетъ эпиграммѣ однако нѣкоторую законченность;

n. 1264—несомнѣнный фрагментъ, ср. n. 1268;

n. 1400—врядъ-ли надгробіе.

Иное дѣло, конечно, когда „обращеніе къ путнику", не составляя собственно надгробія, оттѣнено однакоже такими элементами, которые даютъ ему до извѣстной степени законченный смыслъ; въ такихъ случаяхъ надгробіе дается нерѣдко отдѣльнымъ, прозаическимъ текстомъ [1]), напримѣръ:

покойный проситъ путника пожелать ему мира, покоя, terram levem и т. п.: nn. 1, 3, 6, 219, 299, 302, 491, 711a, 729, 755, 888 [2]), 918 [3]), 1202, 1203 (опущено *dic*), 1204, 1205, 1206, 1207, 1208, 1209, 1210, 1211, 1213, 1214, 1215, 1219, 1239, 1241, 1258, 1265, 1269 (но ср. болѣе полный типъ n. 534), 1276 (неполный текстъ), 1280, 1334, (рѣдкій примѣръ „равнодушія" погребеннаго къ пожеланію путника), 1349 (фрагментъ), 1373;

покойный и самъ обращается съ пожеланіемъ къ путнику: nn. 1216, 1223, 1225, 1228, 1244, 1259 (вмѣсто шаблоннаго „путника"—*pater*), 1260, 1262, 1270, 1274, 1283, 1316, 1321.

покойный проситъ не тревожить его праха или могилы [4]): nn. 450, 652, 691, 754, 1221, 1230, 1232, 1233, 1234 (христіанская: шаблонный „путникъ" замѣненъ *fratres boni*), 1236, 1237, 1247 (архаич.), 1250 (добавленъ довольно шаблонный θρῆνος), 1272 (архаич.), 1273, 1355;

покойный обращается къ путнику съ какой-либо сентенціей,—довольно обычно развитіе идеи *о бренности жизни и всего земнаго* [5]):

---

[1]) Употребительна эта форма особенно въ Испаніи.

[2]) *memor—fecit* не относятся къ шаблону и вѣроятно проза.

[3]) Прозаическая часть помѣщена внутри шаблона.

[4]) Ср. *Bruns*, Fontes i. R. cap. XV, p. 308 sqq.

[5]) *Zimmermann*, der kulturgeschichtl. Werth d. röm. Inschr. p. 30; весьма типична въ этомъ отношеніи римская надпись нѣкоего M. Marius M. l. приблизи-

Библиотека "Руниверс"

nn. 1290, 1303, 1305, 1314, 1323, 1324, 1325, 1329, 1331, и др.

За вычетомъ этихъ случаевъ шаблонъ нашъ употребляется обыкновенно въ соединеніи съ другими:

I. Въ началѣ надгробія.

a) *Въ соединеніи съ повѣстью.*

Сюда относится конечно прежде всего сама Пакувіева эпиграмма и упомянутыя выше подобныя ей изъ болѣе поздняго времени, типъ довольно любимый: nn. 63, 65, 131, 149 (нарративная часть отчасти вплетена въ „обращеніе"), 182, 353 (ср. n. 149), 355, 381, 386 (въ концѣ обращеніе къ parentes), 408, 422 (ср. n. 386), 464, 472, (фрагментъ довольно однако вѣроятнаго типа), 549. 550 (ср. n. 386), 551 (IV вѣка по Р. Хр.), 555, 612 (фрагментъ типа подобнаго n. 149), 617 (ср. n. 386), 634, 701, 717, 784, 803, 815, 858, 861, 863, 870, (вмѣсто повѣсти излагается iusta cura pietatis), 879 (ср. n. 149), 913, 917, 931, 933 (ср. n. 149), 937 (ср. id.), 939 (не сохранилась повѣсть), 940c, 985 (ср. n. 472), 996, 1023, 1049.

b) *Въ соединеніи съ „автобіографіей".*

Одни изъ древнѣйшихъ примѣровъ этого типа—надгробія Гельвіи Примы и Лицинія Евхариды (nn. 227, 395) — упомянуты выше [1]). Впослѣдствіи и онъ сталъ одной изъ употребительнѣйшихъ формъ надгробій; нѣсколько примѣровъ приведены выше; затѣмъ укажемъ nn. 9 (?), 30, 93 (двойной діалогъ), 105, 112, 135, 216, 230, 253, 267,2, 309 (ср. n. 386), 340 (ср. id.), 396, 403 (весьма любопытный и рѣдкій примѣръ двойнаго обращенія къ путнику въ началѣ надгробія, при чемъ первое обращеніе парадоксально), 466 (центонъ), 512, 527, 534, 539, 591, 611, 613, 649, 667, 721, 730, 761, 844, 910, 1061 (автобіографія вплетена въ обращеніе), 1063, 1065, 1073 (довольно рѣдкое исключеніе изъ вышеуказаннаго шаблоннаго трехчастнаго типа), 1076, 1124, 1126, 1130, 1137, 1153, 1155, 1157, 1348 (?), 1360 (?).

зительно половины I вѣка по Р. Хр., озаглавленная на самомъ камнѣ *vitae consolatio*, n. 1302; въ такихъ сентенціяхъ покойный апеллируетъ нерѣдко даже не къ путнику, а къ „человѣку" вообще: nn. 1282, 1284, 1287 (quisquis es — не только путникъ), 1299, 1304, 1307, 1310, 1311, 1318 (homines ego moneo), 1319, 1326 (о „друзьяхъ" и „черномъ днѣ"), 1328, 1330, 1332, 1333, 1336 (homuncule!), и др.

[1]) Самъ по себѣ типъ „автобіографіи", даваемый, какъ мы замѣтили выше, уже двумя элогіями Сципіоновъ, довольно древнее явленіе, допакувіевской эпохи.

Библиотека "Руниверс"

II. Въ концѣ надгробія [1]).

a) *Въ соединеніи съ повѣстью.*

Типъ этотъ появляется нѣсколько позднѣе предыдущаго: хотя уже въ элогіи Сципіона юноши ne quairatis, помѣщенное въ концѣ надгробія, какъ бы указываетъ на возможность современнаго существованія этого типа, но, какъ мы выше замѣтили, quairatis еще не есть обращеніе собственно къ путнику. Затѣмъ однимъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ будетъ надгробіе Плоціи Фрины изъ Новаго Карѳагена, I вѣка до Р. Х., n. 731, представляющее послѣ краткой повѣсти тоже краткій діалогъ между путникомъ и покойной: „salve"—„salvos seis". Къ эпохѣ Августа могутъ быть отнесены: nn. 973 (have et vale), 276 (hospes... quei), 904 (memento te esse hominem); къ послѣдующему періоду nn. 35, 60, 132 (повѣсть—проза), 140, 143, 178 (ср. n. 132), 201 (ср. id.), 273, 306, 307, 341, 343 (христіанская: въ концѣ вм. путника—fidelis), 409 (ср. n. 132), 413, 471, 483 (?), 488, 508. 510, 562, 581, 588, 677 (ср. n. 132), 692, 703, 712, 747, 819, 828, 906, 998, 1002, 1021, 1027, 1110 (любопытное соединеніе повѣсти съ очень краткой quasi-автобіографіей, вставленной въ повѣсть), 1164 (?), 1168, 1191.

b) *Въ соединеніи съ автобіографіей,*

довольно любимый типъ надгробій императорскаго періода, nn. 124, 147. 207, 231, 242 (эпохи Августа), 272, 304, 365, 399 („автобіографія" введена словами: Tychenianus dicit), 418 (вѣроятно доавгустовской эпохи), 435 (эпохи Августа), 599, 663, 763 (?), 767, 821, 1066, 1094, 1095, 1103, 1109, 1119, 1120, 1138, 1145, 1162.

Гораздо рѣже, какъ и естественно, „обращеніе" вставлено

въ средину надгробія

nn. 200 (послѣ 1-го двустишія, составляющаго какъ бы вступленіе) [2]), 337 (послѣ 1-го стиха), 447 (любопытное соединеніе двухъ автобіографій, раздѣленныхъ „обращеніемъ"; въ такомъ же родѣ африканская „двойчатка"—надгробіе Планцины, n. 220, но такъ какъ она *genere regio*, то „обращеніе", понятно, отсутствуетъ), 455 (послѣ „вступленія" изъ 4-хъ дистиховъ), 688 (въ сущности „обра-

---

[1]) Содержаніе этихъ postscripta—въ общемъ то же, что и въ вышеуказанныхъ отдѣльныхъ случаяхъ употребленія шаблона, а кромѣ того въ акростихахъ—приглашеніе обратить вниманіе на *capita versuum*, рѣже помѣщаемое въ началѣ.

[2]) Въ концѣ надписи обращеніе повторено.

Библиотека "Руниверс"

щеніе" здѣсь въ концѣ, потому что послѣдній дистихъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ θρῆνος), 829 (въ такомъ же родѣ: послѣдній дистихъ слабо связанъ съ остальнымъ текстомъ), 853 (въ срединѣ простое *ut cernis*), 1127 (послѣ 1-го дистиха).

Въ литературѣ первый примѣръ нашего шаблона дается „quasi-надгробіемъ" *Доссенна* у Сенеки, Epistul. 89, 7:

hospes resiste et sophiam Dossenni lege

Варроновскаго періода [1]), съ шаблоннымъ hospes.

Цицеронъ (Tusc. I, 42, 101) переводитъ извѣстное надгробіе Спартанцевъ ὦ ξεῖν' ἄγγειλον:

dic, hospes, Spartae nos te hic vidisse iacentis,
dum sanctis patriae legibus obsequimur.

Къ раннимъ произведеніямъ *Вергилія* Донатъ причисляетъ „надгробіе" разбойника Баллисты:

monte sub hoc lapidum tegitur Ballista sepultus:
nocte, die tutum carpe, viator, iter.

Употребленіе *viator* вмѣсто *hospes* не противорѣчитъ времени поэта.

О „надгробіи" *Тримальхіона* мы уже говорили выше.

Марціалъ VI, 28 сочиняетъ надгробіе Главціи, отпущенника Меліора, по типу „повѣсть+обращеніе къ путнику"; эпиграмма заключается словами:

qui fles talia, nil fleas, viator,

гдѣ содержится вовсе не запрещеніе [2]) плакать, а напротивъ — довольно обычное пожеланіе *жалостливому* путнику *не испытать самому горестной потери*, ср. nn. 35 (sis felix, quicumque leges: te numina servent), 60, 365 (quisque legis, doleas: devites talia fata), 399 (quicunque leget, nolo experiatur luctum), 1095 (bene sit tibi, qui me legeris), и др.

idem, X, 63 — нѣсколько развязное „надгробіе" нѣкоей матроны, построенное по схемѣ „обращеніе"+автобіографія, съ Марціаловской

---

[1]) По всей вѣроятности, цитата изъ ателланы, гдѣ Доссеннъ заказываетъ себѣ à la Тримальхіонъ надгробіе, а не дѣйствительное надгробіе „поэта" Доссенна или „актера", исполнителя этого типа; извѣстное мѣсто Горація, Epistul. II, 1, 173, гдѣ Dossennus—имя сказуемаго при подлежащемъ Plautus,—здѣсь конечно не при чемъ—*Teuffel*, Roem. Litter. I, p. 14, 3; *L. Müller*, ad Horat. l. c.

[2]) Ср. n. 143.

Библиотека "Руниверс"

перифразой (ст. 8) извѣстной шаблонной похвалы: uno contenta viro, univira, unicuba, и т. п.

idem, X, 71 — эпитафія „родителямъ"—по схемѣ „обращеніе" + повѣсть.

idem, XI, 13 — эпитафія актера Париса, по схемѣ: „обращеніе" + повѣсть, близко напоминающая nn. 534, 1269 нашего сборника.

idem, XI, 91 — эпитафія семилѣтней *Canace*, съ „обращеніемъ", вставленнымъ послѣ 1-го вступительнаго дистиха.

Ш. Холодняк.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

О НАЧАЛѢ ГРЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ [1]).

Мы видѣли, что выводы Петри относительно микенскихъ и домикенскихъ знаковъ греческой письменности оказались неустойчивыми [2]), хотя нельзя не согласиться, что многіе изъ сгруппированныхъ имъ знаковъ [3]) сильно напоминаютъ знаки кипрскаго письма и финикійско-греческаго алфавита. Весь вопросъ о существованіи письменности у грековъ въ доисторическую эпоху былъ бы, безъ сомнѣнія, сочтенъ рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ [4]), еслибы новое, неожиданное открытіе въ другой части древняго міра не пролило новый свѣтъ на упомянутые знаки.

Въ 1893 и слѣдующихъ годахъ директоръ оксфордскаго Эчмолинскаго музея Джонъ Артуръ Ивенсъ, объѣзжая островъ Критъ, открылъ частью на камняхъ разнаго рода, частью на сосудахъ, двоякій типъ письма: 1) картинный и 2) линейный [5]). Картинное письмо, встрѣ-

---

[1]) См. іюньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за текущій годъ.

[2]) Впрочемъ, публикаціи произведенныхъ въ 1892 г. раскопокъ Петри въ Тель-эль-Амарнѣ побудили Штейндорфа высказаться на засѣданіи археологовъ въ Берлинѣ въ февралѣ 1893 г. въ пользу правдивости предыдущихъ выводовъ Петри и основательности его сужденій (Woch. f. cl. Phil. 1893, Sp. 531—3).—Результаты этихъ раскопокъ были потомъ изданы вмѣстѣ (Tell el Amarna. Egyptian Exploration Fund. London. 1894, 4° fol.). Торръ однако и тутъ находитъ поводъ къ возраженіямъ (Classical Review VIII, 1894, 7 July, pp. 320—323).

[3]) Illahun, Kahun and Gurob. Plate XV.

[4]) Какъ это и сдѣлалъ Перро (*Perrot* et *Chipiez*. Hist. de l'art d. l'ant. VI, p. 935.

[5]) О результатахъ своихъ изслѣдованій Ивенсъ вкратцѣ сообщилъ въ письмѣ, отправленномъ въ Hellenic Society въ апрѣлѣ 1894 г. и напечатанномъ въ Athenaeum № 3478 (1894, June 23), p. 812 f. Ср. также Academy № 1148 (1894,1), p. 379; Athenaeum № 3500 (1894,2), p. 720; Classical Review VIII, 9 (Novemb.

Библиотека "Руниверс"

чающееся на такъ называемыхъ „печатныхъ камняхъ (seal-stones)“ круглой и призматической формы, обыкновенно пробуравленныхъ вдоль оси (что̀ свидѣтельствуетъ о ихъ предназначеніи для ношенія — вѣроятно, вокругъ шеи или на груди), распадается на двѣ группы: древнѣйшая находится на камняхъ, матеріаломъ для которыхъ служитъ болѣе мягкая порода (стеатитъ), и представляетъ грубыя изображенія людей, животныхъ, сосудовъ и т. п. предметовъ; позднѣйшая (на камняхъ болѣе твердыхъ породъ, какъ яшмы, сердолика) обнаруживаетъ гораздо болѣе совершенныя формы такихъ же и другихъ предметовъ, и притомъ нерѣдко съ явно условнымъ значеніемъ ихъ, что̀, между прочимъ, видно изъ неоднократнаго сопоставленія извѣстныхъ знаковъ (напримѣръ, согнутой ноги возлѣ изгороди или двери). На камняхъ древнѣйшаго типа мы замѣчаемъ несомнѣнные слѣды вліянія египетской культуры времени XII династіи, то-есть, половины 3-го тысячелѣтія до Р. Хр.: это доказываютъ, напримѣръ, формы спиралей и особаго рода сосудовъ. Восточному вліянію слѣдуетъ, повидимому, приписать изображеніе верблюда въ сидячемъ положеніи, котораго переднія ноги, однако, представлены согнутыми впередъ (свидѣтельство о недостаточномъ знакомствѣ рѣзчика съ этимъ животнымъ); далѣе изображеніе пѣтуха, родиной котораго, какъ извѣстно, была Мидія; наконецъ, нѣсколько геммъ изъ слоновой кости, найденныхъ въ „Фестскомъ могильникѣ“. Что сношенія жителей Крита съ востокомъ дѣйствительно существовали въ очень отдаленныя времена, доказываетъ найденный на берегу сѣверной Сиріи одинъ экземпляръ геммы чисто критскаго типа, хранящійся въ Эчмолинскомъ музеѣ: судя по грубой отдѣлкѣ, камень этотъ не можетъ быть отнесенъ ко времени позднѣе 2000 г. до Р. Хр. [1]). На нѣкоторыхъ камняхъ мы видимъ группы шариковъ по 1, 3, 4 и 12, что̀ свидѣтельствуетъ о примѣненіи двѣнадцатичной системы счисле-

1894), p. 422. Обстоятельное разсужденіе появилось въ Journal of Hellenic Studies XIV,2 (1894), pp. 270—372 и затѣмъ въ особой книгѣ „Cretan pictographs and prae-Phoenician script“. (London—New-York. 1895, 8°), въ Appendix'ѣ къ которой авторъ публикуетъ предметы, найденные въ такъ-называемомъ „Фестскомъ могильникѣ“; послѣдніе представляютъ собою памятники древнѣйшей критской культуры и восходятъ къ 3-му и даже 4-му тысячелѣтію до Р. Хр.—Слѣдующія затѣмъ открытія, отчасти уже опубликованныя въ Academy 1896 (June 13, 20, July 4, 18) появятся въ ожидаемомъ XVII томѣ The Journal of Hellenic Studies (1898), pp. 327—395, подъ заглавіемъ: „Further discoveries of Cretan and Aegean script: with Libyan and proto-Egyptian comparisons“.

[1]) Ср. *Evans*. Cret. pict., p. 64 [J. H. S. XIV, p. 333].

Библиотека "Руниверс"

нія, очевидно, въ торговыхъ сношеніяхъ. Неоднократное изображеніе страуса указываетъ на вліяніе юга. Интересно также неоднократное изображеніе паука, который встрѣчается и на древнѣйшихъ египетскихъ цилиндрахъ и на трехгранномъ призматическомъ стеатитовомъ „печатномъ камнѣ", найденномъ Честеромъ въ Карнакѣ и относимомъ Ивенсомъ приблизительно къ 3400 году до Р. Хр. [1]). Камень этотъ значительно древнѣе критскихъ и является, по мнѣнію Ивенса, представителемъ туземной ливійской культуры, предшествовавшей египетской. Критскіе камни съ изображеніемъ паука найдены близъ древняго Милета (нынѣ деревни Milato) на сѣверо-восточномъ берегу Крита. Это обстоятельство невольно наводитъ Ивенса на мысль о существованіи извѣстной связи между Критомъ и западнымъ берегомъ Малой Азіи, гдѣ паукъ, какъ представитель ткацкаго искусства, играетъ роль въ миѳѣ Арахны [2]).

Картинныя изображенія на древнихъ критскихъ „печатныхъ камняхъ" обнаруживаютъ какъ будто извѣстное отношеніе ихъ къ владѣльцу. Это видно изъ того, что почти на всѣхъ встрѣчается фигура человѣка, имѣющая, очевидно, первенствующее значеніе среди другихъ изображеній. Естественно предположить поэтому, что и на „печатныхъ камняхъ" позднѣйшаго типа, который, судя по характеру декоративныхъ фигуръ и общей отдѣлкѣ, относится къ микенскому времени, слѣдуетъ искать указаніе на подобное же отношеніе къ владѣльцу.

Такъ какъ картинное письмо встрѣчается, за исключеніемъ одного „печатнаго камня", найденнаго въ Спартѣ и хранящагося въ Эчмолинскомъ музеѣ, преимущественно въ восточной части Крита, то-есть въ исконныхъ мѣстахъ поселенія „этеокритянъ", то оно можетъ быть съ полнымъ основаніемъ названо „этеокритскимъ" [3]). Число знаковъ картиннаго письма восходитъ теперь до 93 [4]).

Линейное письмо, число знаковъ котораго возросло до 34 [5]), встрѣчается не только на критскихъ „печатныхъ камняхъ", но и на камняхъ кносскихъ стѣнъ [6]), на алтарѣ Диктейскаго Зевса [7]), на

---

[1]) Journal of Hellenic Studies XVII, p. 362 ff.

[2]) См. J. H. S. XVII, p. 383.

[3]) Cretan pictographs, p. 93 [J. H. S. XIV, p. 362].

[4]) Ibid. p. 33 ff. [302 ff.]; J. H. S. XVII, p. 339 f.

[5]) Cretan pictogr., p. 77 [J. H. S. XIV, p. 346]; J. H. S. XVII, p. 386.

[6]) Cretan pictogr., p. 13 [J. H. S. XIV, p. 282].

[7]) J. H. S. XVII, p. 350 ff.

Библиотека "Руниверс"

критскомъ и дельфійскомъ бронзовыхъ топорахъ [1]), на вазахъ Микенъ [2]), Навплія [3]), Мениди (въ Аттикѣ) [4]), острова Киѳеръ [5]), на камчѣ съ острова Сифна [6]), и можетъ быть, на глиняныхъ „кольцахъ (whorls, Wirtel)" Гиссарлика [7]), то-есть вообще въ области Эгейскаго моря, и названо Ивенсомъ поэтому просто „эгейскимъ" или „микенскимъ" [8]). Впрочемъ здѣсь можно различить двоякій типъ: одинъ, встрѣчающійся на памятникахъ древнѣйшей культуры Эгейскаго моря, подъ-часъ даже рядомъ съ картинными знаками, настолько живо напоминаетъ послѣдніе, что трудно бываетъ отличить его отъ нихъ; другой носитъ чисто линейный характеръ и встрѣчается какъ на памятникахъ доминкенской, такъ и микенской культуры. Ивенсъ вполнѣ справедливо думаетъ, что первый типъ линейнаго письма и есть прототипъ письма эгейской культуры [9]): изъ грубыхъ изображеній людей, животныхъ и другихъ предметовъ, напоминающихъ первые рисунки дѣтей на аспидной или грифельной доскѣ, развилось какъ настоящее условное линейное письмо, такъ и картинное микенскаго времени, причемъ, конечно, играло извѣстную роль и иноземное вліяніе. Мы видимъ подобныя линейно-картинныя грубыя изображенія и въ другихъ частяхъ доисторической Европы: въ Трансильваніи, Андалузіи, въ западныхъ Альпахъ, Британніи, Ирландіи и Скандинавіи [10]). Если на Критѣ это линейно-картинное письмо получило рано извѣстную степень развитія, то мы должны видѣть здѣсь вліяніе извнѣ. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ открытый въ апрѣлѣ 1896 года алтарь Диктейскаго Зевса [11]).

---

[1]) Cretan pictographs, p. 11 [J. H. S. XIV, p. 280].

[2]) Πρακτικὰ τῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρίας 1889, σελ. 19; Δελτίον ἀρχαιολογικόν 1892, σελ. 82; Τσούντας. Μυκῆναι (1893), σελ. 314; *Evans*, Cretan pict., p. 4 [J. H. S. XIV, p. 273].

[3]) Δελτ. ἀρχ. 1892, σελ. 73; *Evans*, Cret. pict., p. 5 [J. H. S., p. 274], ann. 4.

[4]) Τσούντας. Μυκῆναι, σελ. 213; *Evans*, ibid., ann. 3.

[5]) *Manatt-Tsountas*. The Mycenaean age, p. 279; *Evans*, J. H. S. XVII, p. 349.

[6]) Cretan pict., p. 18 [J. H. S. XIV, p. 287].

[7]) *Schliemann*. Ilios (1881), S. 766 ff.

[8]) Cret. pict., p. 93 [J. H. S. XIV, p. 362]. Сюда же слѣдуетъ отнести и найденный Честеромъ въ Нижнемъ Египтѣ небольшой камень изъ чернаго стеатита, хранящійся въ Эчмолинскомъ музеѣ,—Cret. pict., p. 78 [J. H. S. XIV, p. 347].

[9]) J. H. S. XVII, pp. 330. 391.

[10]) Ibid., p. 391 f. Cf. *Ph. Berger*. Histoire de l'écriture dans l'antiquité. 1891, p. 2.

[11]) J. H. S. XVII, pp. 350—361.

Библиотека "Руниверс"

Камень этотъ найденъ въ пещерѣ на разстояніи $4^1/_2$ час. отъ древняго Литта надъ деревней Psychro. Сдѣланный изъ него алтарь (изъ темнаго стеатита) представляетъ собою часть низкаго стола прямоугольной формы съ 4-мя маленькими ножками по угламъ и массивнымъ основаніемъ по серединѣ. На верхней поверхности стола сохранились части двухъ широкихъ углубленій круглой формы съ выступающими надъ поверхностью стола краями. Внутреннее углубленіе больше внѣшняго, одинаковое съ которымъ находилось, безъ сомнѣнія, первоначально и по другую сторону средняго. Предназначены были эти углубленія, очевидно, для возліяній. Для опредѣленія времени этого алтаря важно съ одной стороны открытіе цѣлой коллекціи предметовъ позднѣйшаго микенскаго времени надъ нимъ на разстояніи половины метра, съ другой — открытіе подобнаго же алтаря на мѣстѣ древняго святилища Зевса на южномъ берегу острова (нынѣ Arvi) среди предметовъ, восходящихъ ко времени 3-го тысячелѣтія до Р. Хр. и носящихъ явные слѣды вліянія египетской культуры времени XII династіи. Такъ какъ подобные алтари встрѣчаются въ Египтѣ въ очень древнія времена, и недавно французскими изслѣдователями Gautier и Jéquier былъ дѣйствительно найденъ таковой времени XII династіи въ Лейштѣ, хранящійся теперь въ музеѣ Гизехъ, то мы должны видѣть въ критскихъ экземплярахъ вліяніе древней египетской культуры.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ однако находящаяся на верхней поверхности алтаря, съ краю, сохранившаяся (повидимому, на половину) надпись, состоящая изъ 9 знаковъ линейнаго харктера. Судя по точкѣ, которая помѣщена между вторымъ и третьимъ знакомъ, и притомъ несравненно ближе ко второму, надпись эта имѣетъ направленіе слѣва направо. Первый знакъ сохранился лишь отчасти, но, очевидно, тожественъ съ третьимъ и представляетъ собою удлиненное изображеніе изгороди или двери съ четырьмя поперечными линіями (2 внизу, 2 вверху). Второй знакъ до сихъ поръ не встрѣчался и представляетъ собою нѣчто въ родѣ воротъ или свода съ упирающимся въ верхнюю часть его внутри знакомъ Y Ивенсъ сопоставляетъ его съ египетскими гіероглифами *seh* (залъ), *hb* (собраніе, торжество), *ua-ua* (размышлять) и *sent* (знаніе, мудрость и воскуреніе ладана). Четвертый и пятый знаки одинаковы и отчасти похожи на греческое Y. Шестой знакъ сохранился не вполнѣ и представляетъ, можетъ быть, спираль 8 (кипрск. *pe*); въ ряду египетскихъ гіероглифовъ ему соотвѣтствуетъ знакъ, означающій клубокъ нитокъ. Отъ

Библиотека "Руниверс"

седьмаго знака сохранилась лишь остроконечная длинная черта. Восьмой знакъ, представляющій какъ-будто верхнюю часть финикійскаго *resch*, соединенъ съ девятымъ, который, въ свою очередь, напоминаетъ финикійское *beth*.

Важность этой надписи заключается въ томъ, что она носитъ несомнѣнный характеръ письменности и притомъ, вѣроятно, алфавитной [1]). Сходство знаковъ алтаря съ критскими знаками „печатныхъ камней" доказываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ письменностью одного и того же типа. Судя по характеру письма, мы видимъ въ интересующей насъ надписи приближеніе къ письменнымъ памятникамъ 3-го тысячелѣтія, хотя нѣкоторые знаки, встрѣчающіеся часто на „печатныхъ камняхъ" микенскаго времени, обнаруживаютъ связь съ позднѣйшимъ типомъ письма. Такимъ образомъ время надписи слѣдуетъ отнести приблизительно къ 2000 г. до Р. Хр., съ чѣмъ вполнѣ согласуется и время самаго камня.

Сравнивая открытые Ивенсомъ „микенскіе" линейные знаки съ кагунскими и гуробскими знаками Петри и съ найденными Блиссомъ въ Тель-эль-Гези, мы не можемъ не замѣтить между ними взаимнаго сходства. Изъ сопоставленія ихъ [2]) Ивенсъ заключилъ, что названные знаки, въ датировкѣ которыхъ онъ соглашается съ Петри и Блиссомъ, эгейскаго происхожденія, почему и видѣлъ въ мѣстахъ ихъ находки слѣды „эгейской" культуры.

Новыя открытія въ Египтѣ заставили однако Ивенса измѣнить свой взглядъ на эти знаки. Раскопки, произведенныя Петри въ Naqada [3]), обнаружили остатки культуры древнѣйшихъ временъ, среди которыхъ, между прочимъ, оказались горшки краснаго цвѣта („red-faced pottery") съ знаками, похожими на кагунскіе и гуробскіе. По мнѣнію Петри, открытые имъ предметы относятся ко времени между IV и XII династіями. Однако страннымъ должно было показаться то обстоятельство, что въ 3.000 гробницахъ не оказалось ни одного скарабея или фамильнаго герба современнаго египетскаго производства [4]). Открытіе затѣмъ De Morgan'омъ царской пирамиды въ Naqada, которую теперь принимаютъ за гробницу фараона I династіи Менеса, доказало, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ памятниками культуры вре-

---

[1]) Такъ думаетъ Ивенсъ (J. H. S. XVII, p. 360).

[2]) Cret. pict., pp. 80. 82 [J. H. S. XIV, pp. 349 and 351].

[3]) *Petrie*. Naqada and Ballas. London, 1896. 4° fol. (Egyptian Expl. Fund 1895).

[4]) *Evans*. J. H. S. XVII, p. 378.

Библиотека "Руниверс"

мени I египетской династіи, въ которой, впрочемъ, хотѣли сначала признать слѣды доегипетской туземной „ливійской“ культуры [1]). Что касается горшковъ краснаго цвѣта, то подобные экземпляры найдены въ оазисѣ Дэхлэ, въ могилахъ мѣднаго вѣка на Кипрѣ, въ древнѣйшихъ слояхъ Гиссарлика, въ мѣстахъ доисторической культуры материка и острововъ Греціи, въ Тунисѣ, Алжирѣ и на островѣ Мальтѣ [2]). По мнѣнію Ивенса, это доказываетъ однородный характеръ культуры всего сѣвернаго берега Африки и вообще Средиземнаго моря. Ничто не мѣшаетъ однако предположить египетское происхожденіе упомянутыхъ горшковъ.

Подобный характеръ обнаруживаютъ также знаки, найденные въ могилахъ I и II египетскихъ династій въ Авидѣ рядомъ съ гіероглифическими изображеніями [3]). Впрочемъ, настоящіе гіероглифы находятся на предметахъ болѣе развитаго искусства, изготовленныхъ изъ иноземнаго матеріала (напримѣръ, на кристалловыхъ и порфировыхъ вазахъ), тогда какъ чисто линейные знаки оказываются на грубыхъ глиняныхъ сосудахъ, предназначенныхъ для обыденнаго употребленія. Нѣкоторые изъ этихъ знаковъ суть просто нацарапанные грубою рукою контуры гіероглифовъ. Подобныя изображенія замѣтны и на сосудахъ изъ Naqada, которые старше авидскихъ. Такъ какъ большое число гіероглифовъ, каковы лотосъ, водяныя птицы, рыбы, крокодилъ и т. п., встрѣчающіеся на египетскихъ памятникахъ I и II династій, обнаружено въ чисто линейномъ видѣ на памятникахъ древнѣйшей египетской, а по нѣкоторымъ туземной „ливійской“ культуры, то Ивенсъ выводитъ отсюда заключеніе, что начатки египетскаго гіероглифическаго письма слѣдуетъ искать въ линейныхъ „ливійскихъ“ элементахъ доегипетскаго времени, и что линейныя гіероглифическія изображенія, найденныя на авидскихъ горшкахъ и въ Naqada, суть прототипы позднѣйшихъ гіероглифовъ,—процессъ, аналогичный съ критскимъ [4]).

---

[1]) *De Morgan*. Recherches sur les origines de l'Égypte. Paris, 1896, p. 76 sqq. Cp. *Salomon Reinach*. Le préhistorique en Égypte d'après de récentes publications (Anthropologie 1897, p. 327 sqq.); *Evans*, J. H. S. XVII, p. 379 sqq.— Штейндорфъ однако видитъ здѣсь слѣды древнѣйшаго египетскаго искусства (Ebers Festschriftensammlung 1 März 1897, S. 122 ff.).

[2]) J. H. S. XVII, p. 382.

[3]) *E. Amélineau*. Les nouvelles fouilles d'Abydos 1895—1896. Angers, 1896; Les nouvelles Fouilles d'Abydos 1896—1897. Paris, 1897. Cp. *Evans*. J. H. S. XVII, p. 379.

[4]) J. H. S. XVII, pp. 383—384.

Библиотека "Руниверс"

Итакъ въ линейныхъ знакахъ, найденныхъ въ Naqada, Авидѣ, Кагунѣ, Гуробѣ и Тель-эль-Гези, Ивенсъ признаетъ теперь не „протоэгейское" письмо, какъ онъ думалъ раньше, а достояніе древнѣйшей „ливійской" культуры, предшествовавшей египетской и продолжавшей свое существованіе въ Египтѣ во времена первыхъ династій. Носителемъ этой культуры онъ считаетъ народъ „Tahennu" или „Tamahu", обитавшій въ оазисахъ ливійской пустыни вплоть до Нубіи [1]). Впрочемъ, Ивенсъ не отрицаетъ и вавилонскаго вліянія, которое, по его мнѣнію, обнаруживаютъ такія изображенія, какъ фигуры людей съ расходящимися руками и ногами, фигуры животныхъ о двухъ головахъ [2]). Древнѣйшій экземпляръ трехграннаго призматическаго камня, найденный Честеромъ въ Карнакѣ, представляетъ собою, по мнѣнію автора, видоизмѣненіе вавилонскихъ цилиндровъ съ подобными изображеніями [3]).

Изслѣдованія Ивенса показали, что линейные знаки, найденные въ Египтѣ и Палестинѣ, имѣли нѣкогда какъ-будто болѣе широкое распространеніе по всему сѣверному берегу Африки. Онъ доказываетъ это на основаніи письменности, сохранившейся среди Туареговъ, берберскаго племени Сахары, извѣстной подъ названіемъ „Tefinagh" и проникшей даже на Канарскіе острова [4]). Древнѣйшая изъ извѣстныхъ до сихъ поръ надписей этого рода — надпись Thugga, найденная въ 1631 году. Ее относятъ приблизительно къ IV—III вѣку до Р. Хр. Рядомъ съ туземнымъ текстомъ здѣсь мы видимъ и финикійскій, который, очевидно, носитъ характеръ позднѣйшаго времени и объясняется какъ ново-пунійскій [5]). Теперь число этихъ надписей значительно увеличилось, причемъ совмѣщеніе текстовъ туземныхъ съ карѳагенскими, греческими и латинскими значительно облегчаетъ чтеніе первыхъ. Сравнивая буквы надписи Thugga съ буквами нынѣшняго алфавита Tefinagh, мы не замѣчаемъ разницы въ фонетическомъ значеніи ихъ, кромѣ двухъ случаевъ [6]). Это обстоятельство дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что упомянутое письмо существовало въ такомъ же видѣ и гораздо раньше, тѣмъ болѣе, что въ промежуткѣ 2000 лѣтъ

---

[1]) J. H. S. XVII, p. 379. Ср. *Wiedemann*. Question de l'origine du peuple Égyptien въ сов. *De Morgan*. Origines de l'Égypte II, p. 219 sqq.

[2]) J. H. S. XVII, p. 366 f. (cf. p. 364).

[3]) J. H. S. XVII, p. 363.

[4]) J. H. S. XVII, p. 387.

[5]) *Ph. Berger*. Histoire de l'écriture dans l'antiquité. 1891, p. 327 sqq.

[6]) J. H. S. XVII, p. 388, ann. 3.

Библиотека "Руниверс"

форма буквъ не измѣнилась. Сопоставляя его съ линейными знаками, найденными въ Египтѣ и Палестинѣ, и съ линейнымъ „микенскимъ" письмомъ, мы не можемъ не признать во многихъ случаяхъ несомнѣннаго сходства [1]). Ивенсъ выводитъ отсюда заключеніе, что найденные въ Египтѣ и Палестинѣ „ливійскіе" знаки, въ которыхъ онъ видитъ начатки тефинахской письменности, имѣли, вѣроятно, болѣе широкое распространеніе и легко могли проникнуть въ Сирію и область Эгейскаго моря и отразиться какъ на финикійскомъ, такъ и на критско-микенскомъ письмѣ, тѣмъ болѣе, что есть основаніе думать о существованіи сношеній между Критомъ и берегомъ Ливіи въ древнѣйшія времена. Указаніе на извѣстнаго рода связь между критскимъ и сѣвероафриканскимъ населеніемъ можно видѣть въ словахъ Полемона [2]): „Οἱ μὲν Λίβυες Αἰθίοψιν ὅμοιοι, οἱ δ' εἰσὶ Κρῆτες" (причемъ рѣчь здѣсь не идетъ о киренскихъ грекахъ), а также и въ свидѣтельствѣ Геродота [3]), по которому переселенцы съ острова Ѳеры встрѣтили на берегу Африки нѣкоего Κορώβιος („συμμίσγουσι πορφυρέῃ ἀνδρί"), родомъ изъ Итана.

Такимъ образомъ Ивенсъ приходитъ къ заключенію, что древнѣйшее критское линейно-картинное письмо развилось въ особую систему линейнаго характера, благодаря раннему вліянію ливійско-египетской культуры. Уже около 2000 года до Р. Х. эта система письма оказывается въ полномъ ходу. Съ другой стороны, картинное письмо развилось подъ вліяніемъ египетской гіероглифической письменности тоже въ извѣстнаго рода систему, причемъ нѣкоторые гіероглифы могли перейти на критскую почву въ эпоху оживившихся сношеній при XVIII и XIX династіяхъ.—Наиболѣе совершенныя формы однако получило „ливійское" письмо въ рукахъ финикіянъ, имѣвшихъ съ нимъ, по всей вѣроятности, непосредственное знакомство. Сходство извѣстныхъ буквъ позднѣйшаго греческаго алфавита съ соотвѣтствующими „микенскими знаками" становится такимъ образомъ вполнѣ понятнымъ.

Въ разборъ этихъ знаковъ Ивенсъ не вдается. Онъ высказываетъ лишь предположеніе, что, судя по малому числу знаковъ въ отдѣльныхъ группахъ (отъ 2 до 7), письмо носитъ, вѣроятно, силлабиче-

---

[1]) J. H. S. XVII, p. 386.

[2]) Physiognom. lib. I [Scriptt. physiognomici veteres, ed. J. G. F. Franzius, Altenburg, 1780, p. 184].

[3]) IV, 151. Ср. IV, 191, гдѣ ливійское племя Μάξυες приводится въ связь съ Троянцами.—Ср. *Evans*. J. H. S. XVII, pp. 374—377.

Библиотека "Руниверс"

скій характеръ [1]). Такъ такъ кипрскіе знаки возникли, повидимому, изъ этого „эгейскаго“ или „домикенскаго“ письма или, можетъ быть, изъ подобной ему малоазійской вѣтви, то это обстоятельство свидѣтельствуетъ противъ греческаго характера оригинала [2]). Послѣднее подтверждаетъ, повидимому, Прэсскій камень [3]), равно какъ и слова Геродота: „τὴν γὰρ Κρήτην εἶχον τὸ παλαιὸν πᾶσαν βάρβαροι“ [4]). Нѣтъ однако сомнѣнія, что въ эпоху сложенія гомеровскихъ поэмъ на Критѣ находились представители разныхъ племенъ, что̀ видно изъ извѣстныхъ стиховъ Одиссеи [5]):

„Κρήτη τις γαῖ' ἔστι μέσῳ ἐνὶ οἴνοπι πόντῳ,
καλὴ καὶ πίειρα, περίρρυτος· ἐν δ' ἄνθρωποι
πολλοί, ἀπειρέσιοι, καὶ ἐννήκοντα πόληες.
ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσα μεμιγμένη· ἐν μὲν Ἀχαιοί,
ἐν δ' Ἐτεόκρητες μεγαλήτορες, ἐν δὲ Κύδωνες
Δωριέες τε τριχάϊκες δῖοί τε Πελασγοί“.

Если такимъ образомъ въ микенскую эпоху [6]) на Критѣ уже были

---

[1]) Ср. таблицы въ Cret. pict., p. 84 [J. H. S. XIV, p. 353] и J. H. S. XVII, p. 384. Впрочемъ, въ надписи на алтарѣ Диктейскаго Зевса Ивенсъ видитъ алфавитный характеръ.

[2]) Возможность изобрѣтенія кипрскаго письма спеціально для греческаго языка Ивенсъ отрицаетъ категорически въ виду плохаго соотвѣтствія знаковъ органамъ греческаго произношенія.—Cret. pict., p. 85 [J. H. S. XIV, p. 354].

[3]) Камень этотъ, представляющій буквы греческаго алфавита приблизительно VI вѣка до Р. Х., обнаруживаетъ совершенно незнакомый языкъ. Онъ найденъ незадолго до публикаціи Ивенса (Cret. pict., p. 86 [J. H. S. XIV, p. 355]) и хранится въ Кандіи въ музеѣ Ἡρακλεῖον.

[4]) I, 173.

[5]) XIX, 172 sqq.

[6]) Вопросъ, къ какому времени слѣдуетъ отнести микенскую эпоху, представлялъ въ послѣднее время предметъ жаркаго спора. Наиболѣе правильнымъ кажется мнѣніе Штейндорфа, который, на основаніи раскопокъ Петри, относитъ его къ 1450—1250 гг. (Archäol. Anz. Dezemb. 1891 [Jahrbuch des Arch. Inst. 1892], S. 12 и Woch. f. cl. Phil. 1892, № 9, Sp. 249), съ чѣмъ согласуется и мнѣніе Эд. Мейера (Gesch. d. Alterthums II, 1893, S. 130). Расцвѣтъ микенской культуры приводится въ связь съ XVIII и XIX египетскими династіями. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, время Тутмеса III—1515 — 1462 гг., время Аменофиса III—1427—1392 гг. (*C. Fr. Lehmann.* Zwei Hauptprobleme der altorientalischen Chronologie und ihre Lösung. Leipzig, 1898, 8°, S. 147 ff.).—Къ микенской эпохѣ относятъ и время гомеровской культуры: 6-й городъ Гиссарлика признанъ гомеровскимъ и носитъ слѣды микенской культуры (*Dörpfeld.* Troia, 1893, Ss. 61, 86 — 87). Ср. *Ed. Meyer* op. cit. p. 208 и *Paul Kretschmer.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896, 8°, S. 180.

Библиотека "Руниверс"

греческіе поселенцы, то становится вѣроятнымъ, что загадочными знаками пользовались также люди, говорившіе по-гречески. Аналогичное явленіе мы видимъ и на Кипрѣ.

Всматриваясь въ преданія и въ географическія названія на древнемъ Критѣ, Ивенсъ выводитъ заключеніе, что задолго до завоеванія дорянами Пелопоннеса часть греческаго (дорійскаго) населенія Ѳессаліи вмѣстѣ съ „Пеласгами" перешла на островъ Критъ, что̀ подтверждается и археологическими соображеніями [1]). Выводъ, къ которому приходитъ такимъ образомъ Ивенсъ, слѣдующій [2]): „Итакъ, несмотря на недостаточность нашихъ данныхъ, мы имѣемъ полное право думать, что знакомство съ интересующимъ насъ письмомъ было, по всей вѣроятности, распространено въ древности какъ на материкѣ, такъ и на самомъ Критѣ среди населенія, говорившаго по-гречески".

Несмотря на вѣроятность послѣдняго предположенія, вопросъ о языкѣ открытаго Ивенсомъ письма остается пока нерѣшеннымъ. Такъ Коерр, признавая несомнѣннымъ фактомъ существованіе письменности въ микенскую и домикенскую эпоху, отзывается на засѣданіи археологическаго общества въ Берлинѣ (апрѣль 1895 г.) объ изслѣдованіяхъ Ивенса слѣдующимъ образомъ [3]): „Результатъ важенъ во многихъ отношеніяхъ, хотя задача разгадки письма должна быть предоставлена будущности и, можетъ быть, никогда рѣшена не будетъ". Послѣднее замѣчаніе кажется намъ уже черезчуръ скептическимъ. Были же разгаданы египетскіе гіероглифы, клинообразныя письмена, кипрскій шрифтъ: отчего же не надѣяться, что со временемъ удастся найти ключъ къ чтенію критскихъ и микенскихъ знаковъ письменности? Это становится особенно вѣроятнымъ теперь, въ виду послѣднихъ публикацій Ивенса.

Однако наука идетъ впередъ шагъ за шагомъ, и въ этомъ отношеніи опасно высказывать преждевременныя сужденія, гдѣ ars nesciendi является какъ нельзя болѣе умѣстною. Доказательствомъ тому служитъ книга Kluge „Die Schrift der Mykenier" (Cöthen, 1897,8°), который, увѣряя, что языкъ Ивенсова письма дѣйствительно греческій, видитъ загадочность его въ такъ называемыхъ „лигатурахъ", представляющихъ соединеніе нѣсколькихъ знаковъ въ картинную группу. На прилагаемыхъ таблицахъ авторъ показываетъ, какъ кар-

---

[1]) *Evans*. Cret. pict., p. 87 ff. [J. H. S. XIV, p. 356 ff.].
[2]) Cret. pict., p. 92 [J. H. S. XIV, p. 361].
[3]) Woch. f. cl. Phil. 1895, № 25, Sp. 700.

Библиотека "Руниверс"

тинные знаки мало-по-малу перешли въ линейные, причемъ каждому изъ этихъ знаковъ приписывается соотвѣтствующее звуковое значеніе, основанное на акрофоніи. При помощи этихъ таблицъ Клуге предлагаетъ чтеніе не только изданныхъ Ивенсомъ памятниковъ, но и другихъ камней [1]), гдѣ подъ-часъ какъ-будто нѣтъ и слѣдовъ письменнаго характера. Сюда особенно относятся такъ называемые „островные камни (Inselsteine)", то-есть пробуравленныя (обыкновенно вдоль оси) геммы, служившія, подобно вавилонскимъ, вѣроятно, въ качествѣ печатокъ.

Какъ ни убѣдительны на первый взглядъ доводы Клуге, и какъ ни поражаетъ читателя, повидимому, подходящій смыслъ разбираемыхъ имъ надписей, однако этотъ первый опытъ разбора критскаго и микенскаго письма справедливо признанъ неудачнымъ [2]). Не говоря уже о томъ, что авторъ примѣняетъ языкъ Гомера ко времени надписей и такимъ образомъ допускаетъ, что языкъ греческій за этотъ долгій періодъ не претерпѣлъ измѣненій, читателя въ сильной степени разочаровываетъ непослѣдовательность въ разборѣ надписей и свободное обращеніе съ ними. Вѣрно замѣчаетъ Ларфельдъ [3]), что при чтеніи книги Клуге получается впечатлѣніе, какъ будто мы имѣемъ предъ собою фокусника, пускающаго въ ходъ всевозможныя средства, чтобы поразить насъ и заставить видѣть одно, не замѣчая другаго. Дѣйствительно, всматриваясь ближе, мы замѣчаемъ массу мелочей, которыя при бѣгломъ чтеніи книги ускользаютъ отъ нашего вниманія, но оказываются въ совокупности настолько важными, что подрываютъ въ корнѣ систему автора. Мы видимъ, напримѣръ, что одинъ и тотъ же знакъ означаетъ то одинъ звукъ, то группу слоговъ (такъ „ἀξίνη" топоръ = α и ἀξι); часто трудно бываетъ отличить одинъ знакъ отъ другаго (какъ „αι" и „οι"); въ опредѣленіи акрофоническаго значенія иногда видна сильная натяжка (такъ ν = νῆστις);

---

[1]) *Moriz Schmidt.* Sammlung kyprischer Inschriften (Jena, 1876, 8°);—*Schliemann.* Ilios. Lpz., 1881, 8°; Appendix, pp. 766—781; *Ohnefalsch-Richter.* Kypros, die Bibel und Homer, I, II. Berlin, 1893, 4°;—*Perrot et Chipiez.* Histoire de l'art dans l'antiquité, III, V. Paris, 1885, 1890, 4°; — *Schliemann.* Mykenae. Lpz., 1878, 8°; — *Schuchhardt.* Schliemann's Ausgrabungen. Lpz., 1891, 2-e Auflage, 8°;—*Milchhöfer.* Die Anfänge der Kunst in Griechenland Lpz., 1883, 8°.

[2]) *W. Larfeld.* Literar. Centralblatt, 1897, № 9, Sp. 302—5;—*A. Brückner.* Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 22, Sp. 846;—*Fr. Koepp.* W. f. cl. Phil. 1897, № 25, Sp. 673;—*Hub. Schmidt.* Berl. philol. W. 1897, № 46.

[3]) Liter. Centralblatt 1897, № 9, Sp. 302.

Библиотека "Руниверс"

знаки, служащіе въ одномъ случаѣ лишь для заполненія пустаго мѣста (horror vacui!), въ другомъ—имѣютъ звуковое значеніе. Особенно свободно обращается авторъ съ „лигатурами“: здѣсь, смотря по надобности, принимается въ разсчетъ то та, то другая черта; часть изображенія, не имѣющая значенія въ одномъ случаѣ, играетъ роль въ другомъ (напримѣръ, глазъ въ „волчьей головѣ“); въ группѣ знаковъ сравнительно большой величины часто играютъ роль мелкія черточки, которыя помогаютъ автору дойти до желаемаго смысла надписи. Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что Клуге пользовался при чтеніи надписей часто лишь снимками и притомъ въ увеличенномъ видѣ, а потому легко могли быть приняты въ разсчетъ черточки, не имѣющія никакого отношенія къ надписи и едва замѣтныя для глаза на оригиналѣ.

Итакъ попытка Клуге должна быть признана, къ сожалѣнію, неудачнымъ опытомъ, и чтеніе критскаго и микенскаго письма слѣдуетъ предоставить будущности.

Выводы.

На основаніи вышеизложеннаго мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ.

1) Существованіе письменности въ области Эгейскаго моря во второмъ, а можетъ-быть, и въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Хр. не подлежитъ болѣе сомнѣнію.

2) Начатки этой письменности слѣдуетъ искать въ формахъ полукартиннаго-полулинейнаго характера, подобныхъ тѣмъ, которыя обнаруживаютъ первые рисунки дѣтей на аспидной или грифельной доскѣ.

3) Главное развитіе эта письменность получила на Критѣ благодаря рано возникшимъ сношеніямъ съ Египтомъ, гдѣ подобные знаки обнаружены на памятникахъ, относящихся ко времени первыхъ династій. Такъ какъ особый типъ горшковъ (такъ называемыхъ „red-faced pottery“) имѣлъ широкое распространеніе по всему сѣверному берегу Африки и вообще въ области Средиземнаго моря (вѣроятно, изъ египетскаго источника, какъ обнаружили раскопки въ Naqada), то ничто не мѣшаетъ предположить и болѣе широкое распространеніе упомянутыхъ знаковъ; однако производить непосредственно изъ нихъ распространенное среди туареговъ тефинахское письмо нѣтъ особенныхъ причинъ въ виду возможности происхожденія его изъ финикій-

Библиотека "Руниверс"

скаго и сходства съ нимъ кельтиберскаго и турдетанскаго алфавитовъ [1]).

4) Изъ первоначальныхъ формъ письма развилось, съ одной стороны, чисто-линейное „*микенское*", съ другой — чисто-картинное „*критское*", напоминающее отчасти египетскіе, отчасти псевдо-хеттейскіе гіероглифы. Первое встрѣчается на разныхъ предметахъ вообще въ области Эгейскаго моря и оправдываетъ свое названіе тѣмъ, что расцвѣтъ его относится къ микенской эпохѣ. Второе находятъ на „печатныхъ камняхъ" тоже микенскаго времени, но почти исключительно на Критѣ и притомъ главнымъ образомъ въ восточной его части; безъ сомнѣнія, оно обязано окончательнымъ развитіемъ частью вліянію востока, частью—египетской гіероглифической системы, какъ доказываетъ особенно знакъ, соотвѣтствующій египетскому гіероглифу *ha* или *ah* [2]). Что сношенія съ востокомъ дѣйствительно существовали, показано выше. Но и вліяніе Египта должно было, несомнѣнно, отразиться на критской культурѣ въ виду оживленныхъ сношеній съ этой страной во время XVIII и XIX династій. Географическое положеніе восточной части острова получаетъ въ этомъ отношеніи особенное значеніе. Однако думать о переходѣ цѣликомъ на почву Крита какой бы то ни было готовой системы гіероглифовъ ни въ какомъ случаѣ нельзя.

5) Начатки интересующей насъ письменности имѣли, очевидно, частью символическое значеніе (какъ это показываютъ древнѣйшіе „печатные камни"), частью декоративное (какъ это ясно видно на терракотовыхъ „кольцахъ" Гиссарлика). Однако уже къ началу 2-го тысячелѣтія письменность, благодаря сильному вліянію со стороны Египта, получаетъ несомнѣнно условный характеръ, какъ свидѣтельствуетъ надпись на алтарѣ Диктейскаго Зевса. Судя по впечатлѣнію, производимому этой надписью, она обнаруживаетъ алфавитный характеръ; такъ какъ однако въ предѣлахъ древняго міра въ столь отдаленную эпоху до сихъ поръ не открыто несомнѣнныхъ слѣдовъ чисто алфавитной системы, то вѣроятнѣе предположить въ знакахъ надписи иное значеніе, можетъ-быть, однородное съ значеніемъ подобныхъ египетскихъ знаковъ или, по крайней мѣрѣ, силлабическое. Въ картинныхъ знакахъ „печатныхъ камней" микенскаго времени мы можемъ предположить въ общемъ подобный же условный характеръ;

---

[1]) Ср. таблицу этихъ алфавитовъ—*Berger*, Hist. de l'écr., p. 336.

[2]) J. H. S. XVII. p. 340, № 91.

Библиотека "Руниверс"

это видно, во-первыхъ, изъ сопоставленія знаковъ самаго разнообразнаго вида, для чего стоитъ только обратить вниманіе на опубликованный Ивенсомъ четырехгранный критскій камень [1]), въ знакахъ котораго можно признать даже направленіе бустрофедонъ; во-вторыхъ,—изъ неоднократнаго повторенія знаковъ въ извѣстныхъ группахъ и притомъ въ опредѣленномъ порядкѣ [2]); въ-третьихъ,—изъ совмѣщенія съ картинными чисто линейныхъ условныхъ знаковъ, преимущественно, впрочемъ, на камняхъ болѣе древняго типа [3]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако мы имѣемъ основаніе предположить символическое, а подъ-часъ и чисто декоративное значеніе: на это указываетъ какъ то, что картинные знаки встрѣчаются иногда одни, безъ соединенія съ другими [4]), такъ и то, что они нерѣдко являются въ симметрично расположенныхъ группахъ, причемъ повторяется нѣсколько разъ одинъ и тотъ-же знакъ [5]). Символическое значеніе становится особенно понятнымъ, если принять во вниманіе, что камни, на которыхъ обнаружены такіе знаки, представляютъ собою въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнныя печатки, причемъ даже форма соотвѣтствуетъ печаткамъ нашего времени [6]). Кромѣ того призматическіе камни, а нерѣдко и печатки снабжены отверстіемъ, что́ свидѣтельствуетъ о предназначеніи ихъ для ношенія на тѣлѣ (можетъ-быть, во избѣжаніе потери). Ничто не мѣшаетъ предположить въ этихъ камняхъ извѣстное отношеніе къ божеству. Теперь эти камни носятъ критянки подъ названіемъ „γαλόπετραι“ („молочные камни“) и тщательно берегутъ ихъ, такъ какъ приписываютъ имъ особенную магическую силу [7]). Очень возможно, что и въ древнее время такіе камни имѣли особое значеніе, представляя собою нѣчто въ родѣ талисмана.

6) Широкое распространеніе „микенскаго“ письма, знаки котораго почти на половину сходятся съ кипрскими (изъ 34 знаковъ „микен-

---

[1]) J. H. S. XVII, p. 337. Ср. также *Dumont*. Inscriptions céramiques de la Grèce. Paris, 1872, p. 415.

[2]) Ср. J. H. S. XVII, p. 339 и Cret. pict., p. 32 [J. H. S. XIV, p. 301].

[3]) Ср. Cret. pict., p. 93 f. [J. H. S. XIV, p. 362 f.].

[4]) Напримѣръ Cret. pict., p. 26 [J. H. S. XIV, p 295], fig. 33a; J. H. S. XVII, p. 343, fig. 12.

[5]) Напримѣръ J. H. S. XVII, 343, fig. 13. Ср. p. 344 и Cret. pict., pp. 58, 75—76 [J. H. S. XIV, pp. 327, 344—345].

[6]) Ср. J. H. S. XVII, p. 342 ff.

[7]) Cret. pict., p. 7 [J. H. S. p. 276].

Библиотека "Руниверс"

скаго" письма Ивенсъ выдѣляетъ 15, которые какъ по характеру, такъ и по формѣ почти тожественны съ кипрскими), невольно возбуждаетъ вновь вопросъ о происхожденіи кипрской письменности. Первый, кто опредѣленно высказался на этотъ счетъ, былъ Дееке [1]). Онъ видѣлъ въ кипрскомъ письмѣ упрощенныя формы ассирійской клинописи времени VIII вѣка до Р. Хр., когда островъ былъ завоеванъ Саргономъ. Мнѣніе Дееке нашло многихъ сторонниковъ, тѣмъ болѣе, что извѣстныя намъ кипрскія надписи моложе этого времени, а внѣшній видъ нѣкоторыхъ кипрскихъ надписей — чисто клинообразный. Однако уже года три спустя послѣ этого теорію Дееке опровергнулъ Saysce [2]), который нашелъ въ надписяхъ Малой Азіи особенно Гиссарлика, древнѣйшія формы кипрскаго письма и заключилъ на основаніи этого, что кипрское письмо перешло на островъ изъ Малой Азіи. Далѣе Saysce вполнѣ справедливо указалъ на сильныя натяжки, къ которымъ прибѣгаетъ Дееке для объясненія той или другой формы, сопоставляя клинообразные знаки разныхъ временъ и мѣстностей и допуская промежуточныя формы собственнаго изобрѣтенія. Въ виду существованія отдѣльныхъ знаковъ t, d, th; k, g, kh; p, b въ ассирійскомъ языкѣ, кажется также страннымъ, почему греческое населеніе о. Кипра не нашло нужнымъ примѣнить это различіе и къ своему языку, а удовольствовалось лишь однимъ знакомъ для каждаго изъ этихъ органовъ произношенія. Наконецъ, два знака (*e* и *pa*), гдѣ дѣйствительно большое сходство не подлежитъ сомнѣнію, тотчасъ теряютъ послѣднее, если сопоставить ихъ съ болѣе древними формами. Все это заставило Saysce признать теорію Дееке не выдерживающею критики.

Есть еще одно очень важное соображеніе, которое не позволяетъ видѣть въ кипрскомъ письмѣ вліяніе клинообразнаго, обусловленное распространеніемъ ассирійскаго владычества. Такъ какъ переходъ финикійскаго алфавитнаго письма на почву Греціи долженъ былъ совершиться, по крайней мѣрѣ, въ X вѣкѣ до Р. Хр., то непонятно, отчего не знавшее искусства письма греческое населеніе Кипра, при существованіи оживленныхъ сношеній съ западомъ и востокомъ, какъ это доказываютъ археологическія данныя, не нашло нужнымъ перенять болѣе совершенное финикійское письмо, а предпочло скорѣе мало подходящую для греческаго языка систему клинописи. Суще-

---

[1]) *Deece*. Der Ursprung der kyprischen Sylbenschrift. Strassburg, 1877. 8°.

[2]) *Schliemann*. Ilios. 1881. Appendix III, p. 779 sq.

Библиотека "Руниверс"

ствованіе на Кипрѣ особой системы письма должно быть поэтому объяснено тѣмъ, что письмо это было здѣсь въ употребленіи гораздо раньше, будучи, по всей вѣроятности, привезено сюда самими переселенцами изъ Греціи. Во всякомъ случаѣ въ эпоху этого переселенія финикійская письменность еще не могла быть извѣстна въ Греціи, а можетъ-быть, и вообще еще не существовала [1]). Такъ какъ діалектъ кипрскаго греческаго населенія очень похожъ на аркадскій, а послѣдній, какъ доказалъ O. Hoffmann [2]), есть остатокъ „древне-ахейскаго" діалекта, южная вѣтвь котораго была распространена до переселенія дорянъ вообще въ Пелопоннесѣ [3]), а сѣверная—въ мѣстахъ поселенія такъ называемаго „эолійскаго" элемента [4]), то связь греческаго населенія о. Кипра съ древнѣйшимъ населеніемъ Пелопоннеса становится весьма вѣроятною и даже несомнѣнною, тѣмъ болѣе, что сами киприяне называютъ себя ахейцами [5]). Такъ какъ у Гомера греческое населеніе носитъ преимущественно имя Ἀχαιοί, то это какъ нельзя лучше согласуется съ предположеніемъ, что эти Ἀχαιοί именно представляли собою гомеровское, доисторическое населеніе Греціи. Южная вѣтвь этого населенія была отчасти покорена дорянами и слилась съ ними, отчасти же удалилась въ горы и сохранилась особенно въ сѣверо-западной части полуострова. Сѣверная вѣтвь, гдѣ мы именно встрѣчаемъ названіе Αἰολεῖς отчасти осталась

---

[1]) *Busolt*. Griech. Gesch. I². 1893, Ss. 318 f.; *Ed. Meyer*. Gesch. des Alterthums II. 1893, S. 222; *Reisch* in den Verhandlungen der 42 Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Wien vom 24—27 Mai 1893. Leipzig, 1894, S. 108.

[2]) Griechische Dialekte I. 1891, p. 3 sqq. Cp. *Reisch*. 42-te Versammlung deutscher Philologen in Wien vom 24—27 Mai 1893. Lpz. 1894, S. 109.—Paus. VIII 5, 2 упоминаетъ на Кипрѣ Ἀρκάδες.

[3]) Остатки южно-ахейскаго діалекта обнаруживаютъ такія, напримѣръ, формы, какъ θέρσος, τὸς αὐλός, χαίρεν у аргивянъ, Ποσίδᾶν у лакедемонянъ; въ Элидѣ онъ обнаруживается въ такихъ надписяхъ, какъ Bechtel №№ 1256 и 1257 (Pisatis?)—Ср. далѣе *Blass*. Sammlung griechischer Dialektinschriften I, S. 313; *Meister*, Griech. Dialekte II, 11. Въ Аркадіи образцами южно-ахейскаго діалекта служатъ большая надпись Тегеи и Мантинейскія.

[4]) Въ Ѳессаліи, Ѳеіотидѣ, Віотіи, Фокидѣ, Коринѳѣ (ср. Thuc. IV 42) и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сѣверной и средней Греціи, въ которымъ отчасти по языку и самому имени относится такъ называемый „эолійскій" берегъ Малой Азіи.

[5]) Ἀχαιῶν ἀκτή (Strab. XIV 6, 3). Gloss. Hesych. Ἀχαιομάντεις· οἱ τὴν τῶν θεῶν ἔχοντες ἱερωσύνην ἐν Κύπρῳ. — Культъ Аминлейскаго Аполлона (*Collitz*. Samml. Grich. Dialektinschr. № 59) указываетъ также на перенесеніе его сюда изъ Пелопоннеса.—Ср. *Ed. Meyer*, pp. 73, 78 и 222—223. [Strab. VIII, p. 333].

Библиотека "Руниверс"

на прежнихъ мѣстахъ поселенія, отчасти—вѣроятно, еще до основанія іонійскихъ и во всякомъ случаѣ дорійскихъ колоній [1])—переселилась въ Малую Азію, гдѣ и сохранила въ чистотѣ своей прежній діалектъ. Такъ какъ сношенія между Троадой и Кипромъ существовали [2]), а языкъ Эолиды, Памфиліи [3]) и Кипра обнаруживаетъ извѣстную взаимную родственность, то это заставляетъ насъ предположить и въ населеніи этихъ мѣстностей родственные элементы, то-есть остатки древне-ахейскаго населенія доисторической Греціи. Весьма вѣроятно, что переселеніе это совершилось еще до завоеванія дорянами Пелопоннеса, такъ какъ сношенія „микенскаго" населенія съ востокомъ и Египтомъ существовали, а слѣды микенской культуры на о. Кипрѣ обнаруживаютъ несомнѣнное вліяніе запада. Родственность кипрскаго діалекта съ аркадскимъ не можетъ быть объяснена иначе, какъ тѣмъ предположеніемъ, что „аркадское" населеніе въ доисторическую пору жило при морѣ и притомъ въ восточной части Пелопоннеса [4]).

Итакъ, принимая въ соображеніе съ одной стороны, что ахейскіе переселенцы явились на о. Кипръ никакъ не позже, а можетъ быть, даже раньше вторженія дорянъ въ Пелопоннесъ, съ другой—что финикійскій алфавитъ былъ перенесенъ въ Грецію болѣе чѣмъ за три столѣтія до завоеванія Кипра Саргономъ, и притомъ во всякомъ случаѣ послѣ заселенія дорянами Пелопоннеса, Крита и Родоса (какъ доказываютъ различныя формы буквъ, которыя мы встрѣчаемъ въ этихъ мѣстностяхъ) [6]), трудно допустить, чтобы греческое населеніе о. Кипра не имѣло за все это время случая познакомиться съ письменностью финикіянъ или даже своихъ западныхъ соплеменниковъ. Мы должны поэтому скорѣе думать, что кипряне не находили нужнымъ заимствованіе этой письменности; послѣднее же предположеніе имѣетъ смыслъ лишь въ такомъ случаѣ, если мы допустимъ, что греки

---

[1]) Ср. *Ed. Meyer*. Gesch. des Alterthums II, Ss. 217 f.

[2]) Ср. *Kretschmer*. Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache. Göttingen, 1896, Ss. 189 f.

[3]) Ср. *Ed. Meyer*. Geschichte des Alterthums II, S. 229. — По Виламовицу (Herakles I², S. 16 u. Anm. 32) памфилійцы дорійскаго происхожденія, на что указываетъ имя дорійской филы Πάμφυλοι; переселеніе ихъ въ Малую Азію Виламовицъ относитъ ко времени до завоеванія дорянами Пелопоннеса.

[4]) Ср. *Reisch* in den Verhandlungen der 42 Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Wien vom 24—27 Mai 1893, Ss. 108 f.

[5]) Ср. *Ed. Meyer* II, S. 381.

Библиотека "Руниверс"

о. Кипра пользовались своею системою письма, которая, стало быть, древнѣе вторженія на этотъ островъ ассиріянъ.

Такимъ образомъ теорія Дееке не выдерживаетъ критики. Sayce, съ своей стороны, высказалъ другое мнѣніе. Въ началѣ 70-хъ годовъ нашего столѣтія открыта была въ Сиріи, а затѣмъ и въ Малой Азіи особая система гіероглифовъ; она была приписана загадочному хеттейскому народу, который былъ опаснымъ соперникомъ египетскаго могущества въ XIV—XIII вѣкахъ до Р. Х. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ принимали распространеніе хеттейскаго владычества въ XIII — XII вѣкахъ до береговъ Эгейскаго моря [1]). Въ гіероглифахъ этого народа, которые теперь принято называть „псевдохеттейскими" [2]), и которые въ послѣднее время приводятъ въ связь съ киликійцами-армянами и даже киммерійцами [3]), Sayce видитъ прототипы кипрскаго письма [4]). Въ надписяхъ Ликіи, Каріи, Памфиліи, Киликіи, Каппадокіи и на цилиндрахъ и „кольцахъ" Гиссарлика мы видимъ знаки, отчасти напоминающіе кипрскіе. По мнѣнію Sayce, эти знаки—туземнаго происхожденія, обязаннаго вліянію хеттейскихъ гіероглифовъ, и развились въ особую систему, которая долѣе всего сохранилась на Кипрѣ. Sayce напираетъ особенно на то обстоятельство, что столица хеттеянъ Кархемышъ называется у ассиріянъ Gargamis, у евреевъ—Kar-chemisch, у египтянъ—Karukamaischa; другими словами, имя города выговаривалось хеттеянами такъ, что гортанный звукъ казался похожимъ то на *k*, то на *g*, то на *kh*. Далѣе надписи хеттеянъ имѣютъ направленіе бустрофедонъ, что видно и въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ надписяхъ Кипра и имѣло, по всей вѣроятности, мѣсто и въ Каріи, такъ какъ направленіе надписей этой мѣстности—то слѣва направо, то наоборотъ. Наконецъ, въ Иконіи (въ Ликаоніи) найденъ расписанный красками образъ

---

[1]) *Sayce* у *Schliemann*. Ilios. 1881, S. 776 f.—*Ed. Meyer* II, S. 138.

[2]) Ср. *Otto Puchstein*. Pseudohethitische Kunst (Ein Vortrag). Berlin, 1890. 8°.—Египтяне называли этотъ народъ He-tâ (слѣдуетъ выговаривать Hettê), ассиріяне — Hattê, въ Библіи—Χιτταῖοι: *W. Max Müller*. Asien und Europa, 1893, p. 324.

[3]) Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft vom 16 Mai 1896—№ 4 der Chaldischen Forschungen von *Belgk* und *C. E. Lehmann*, S. 318 [Beiblatt zur Zeitschrift für Ethnologie 1896, III].

[4]) Мнѣніе это было высказано имъ еще въ 1876 г. въ Transactions of the Society of Biblical Archaeology, vol. I, но особенно опредѣленно въ III-мъ приложеніи къ „Ilios" (1881) Шлимана (стр. 766 и слѣд.).

Библиотека "Руниверс"

воина [1]), представляющій образецъ эллинизированнаго хеттейскаго искусства, причемъ сопровождающая его надпись носитъ, повидимому, кипрскій характеръ. Самое хеттейское письмо Saysce выводитъ изъ Ассиріи и Вавилоніи. Правда, въ найденныхъ памятникахъ Saysce не находитъ и самъ необходимости признать искусство самихъ хеттеянъ, и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ правъ [2]).

Мнѣніе Saysce, къ которому примкнулъ и Дееке [3]), нашло многихъ послѣдователей и теперь является господствующимъ [4]). Сопоставленіе нѣкоторыхъ знаковъ кипрскаго письма съ псевдо-хеттейскими гіероглифами [5]) доказало, повидимому, основательность теоріи Saysce: связь между кипрскими знаками *yi*(*vi*), *ka*, *to*, *mo*, *si* и *ti* и соотвѣтствующими имъ хеттейскими кажется даже несомнѣнною, если принять чтеніе послѣднихъ по Saysce. Однако чтеніе Saysce есть далеко не общепринятое [6]), а потому опасно было бы выводить изъ него то или другое заключеніе. Притомъ, даже если бы мы и допустили это чтеніе, сопоставленіе шести, повидимому, сходныхъ знаковъ еще далеко не имѣетъ силы доказательства [7]). Конечно, нельзя категорически отрицать возможность распространенія ложно-хеттейской культуры [8]) на о. Кипръ, однако мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для того, чтобы выводить письменность жителей острова, равно какъ и подобные знаки, встрѣчающіеся въ Малой Азіи, прямо изъ ложно-хеттейской.

---

[1]) *Texier*. Description de l'Asie Mineure, f.°, t. II, pp. 148—149, pl. CIII.—*Perrot et Chipiez*. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IV, p. 741.

[2]) Ilios, S. 778.—Что касается самихъ хеттеянъ, то на меня лично народъ этотъ производитъ впечатлѣніе выходцевъ изъ Азіи татарскаго племени: остроконечная шапка, загнутая впередъ обувь, пестрое одѣяніе, типъ лица нѣкоторыхъ изображеній, быстрое распространеніе и непрочность поселеній, наконецъ имя столицы Кархемышъ (ср. напримѣръ „Малмыжъ" въ Вятской губерніи)—все это указываетъ на татарско-монгольскую народность, хотя нельзя отрицать и сильнаго вліянія культуры востока. Однако *W. Max Müller*. Asien und Europa. 1893. видитъ въ нихъ соплеменниковъ древнихъ киликіянъ (pp. 333—5).

[3]) Bezzenbergers Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen. IX, S. 250 f.

[4]) Ср. *Larfeld*. Literar. Centralblatt 1897, № 9, Sp. 305.—*Ed. Meyer*, p. 140.

[5]) *Isaac Taylor*, The Alphabet. London, 1883, II, p. 123; *Wright*, The Empire of the Hittites, 2 ed. 1886, p. 178; *Perrot et Chipiez*, Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IV. 1886, p. 521; *Ph. Berger*, Histoire de l'écr. dans l'ant. 1891, p. 112.

[6]) Іенсенъ, напримѣръ, читаетъ ихъ иначе (Z. D. M. G. 1894, pp. 235—352, 429—485).

[7]) Ср. *Berger*, p. 112.

[8]) Ср. *Ed. Meyer*, p. 141.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ теорія Sayce, несмотря на кажущуюся ея правдоподобность, также не выдерживаетъ критики.

Остается предположить, что кипрская письменность, извѣстная связь которой съ вышеуказанной малоазійской существуетъ на самомъ дѣлѣ, есть письменность особаго рода. Она могла или возникнуть въ Малой Азіи и оттуда перейти на островъ, можетъ быть, еще до прибытія ахеянъ, или быть привезена сюда греческими переселенцами изъ Пелопоннеса. По мнѣнію Кречмера [1]), древнѣйшее населеніе Кипра перешло сюда изъ Киликіи и принадлежало къ той группѣ туземныхъ народовъ неарійскаго и несемитскаго происхожденія, какую онъ выдѣлилъ въ X главѣ своей книги. Очень возможно, что начатки этой письменности возникли въ Малой Азіи и перешли на Кипръ, и что ахеяне усовершенствовали ее отчасти подъ вліяніемъ микенской, которая могла быть имъ извѣстна еще раньше, отчасти ассирійской, какъ это видно изъ характера многихъ надписей, напоминающихъ клинопись; однако послѣднее сходство чисто внѣшнее и свидѣтельствуетъ лишь о вліяніи способа изображенія знаковъ, а никакъ не о непосредственномъ заимствованіи ассирійскихъ знаковъ письма жителями Кипра. Во всякомъ случаѣ, если уже думать о непосредственномъ вліяніи какого-либо письма на кипрское, мы скорѣе приближаемся къ мнѣнію Ивенса, который сопоставилъ 15 знаковъ кипрскаго и „микенскаго" письма, то-есть призналъ почти въ половинѣ послѣднихъ сходство съ кипрскими. Доказать непосредственное происхожденіе кипрскаго шрифта изъ „микенскаго" теперь, конечно, еще трудно, во всякомъ случаѣ, однако, послѣднее мнѣніе уже потому является болѣе правдоподобнымъ, что „микенская" письменность носитъ характеръ, подобный кипрской, и, будучи широко распространена въ области Эгейскаго моря въ микенскую эпоху, могла легко перейти и на Кипръ, тогда какъ памятники ложно-хеттейской культуры, по общепринятому мнѣнію [2]), не восходятъ за 1000 годъ.

Итакъ происхожденіе кипрскаго письма представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Начатки этой письменности уже рано появились въ Малой Азіи и могутъ быть замѣчены на нѣкоторыхъ печаткахъ и „кольцахъ" Гиссарлика [3]). Затѣмъ начатки этой письменности могли

---

[1]) Einl. in die Gesch. d. gr. Sprache, S. 190, Anm. 1, 3; S. 398, Anm. 2.

[2]) *Ed. Meyer*, p. 137.

[3]) Вѣроятно, оно развилось изъ формъ декоративнаго или символическаго характера, причемъ вавилонское вліяніе играло, можетъ быть, также извѣстную роль.

Библиотека "Руниверс"

легко перейти на Кипръ. Переселившіеся сюда ахеяне могли привезти съ собою также извѣстнаго рода знаки и затѣмъ выработать изъ тѣхъ и другихъ особое письмо, получившее характеръ клинообразнаго, благодаря вавилонско-ассирійскому вліянію. Если извѣстныя намъ до сихъ поръ кипрскія надписи не заходятъ за VII вѣкъ до Р. Х., то это еще не служитъ прямымъ доказательствомъ отсутствія письменности на Кипрѣ въ болѣе раннее время: извѣстныя до сихъ поръ надписи Ликіи тоже не древнѣе V вѣка до Р. Х.; однако едва-ли кто станетъ отрицать знакомство ликіянъ съ письменностью до этого времени, тѣмъ болѣе, что знаки, здѣсь встрѣчающіеся, носятъ отчасти негреческій характеръ и напоминаютъ подобные въ другихъ мѣстахъ западной и южной части Малой Азіи и даже въ Каппадокіи. Когда финикійская, а затѣмъ и греческая письменность стали проникать на о. Кипръ, то письмо кипрское уже настолько установилось, что осталось въ употребленіи среди туземнаго греческаго населенія острова до II вѣка до Р. Х. [1]).

7) Сходство извѣстныхъ знаковъ финикійскаго алфавита съ „микенскими“ (Alf, Gimel, Vaf, Chet, Jod, Samekh, Ayin, Pei, Taf), къ которымъ можно прибавить еще нѣкоторые „протоегипетскіе“ знаки, невольно наводитъ на мысль о существованіи извѣстной связи между обѣими системами. Особенно слѣдуетъ отмѣтить *alf*, то-есть сокращенное обозначеніе головы быка. Съ другой стороны, нельзя отрицать нѣкоторое сходство съ формами древняго гіератическаго египетскаго письма, какъ это впервые доказалъ De Rougé [2]). Мнѣніе это было съ особеннымъ жаромъ принято Тэйлоромъ [3]). Однако выводить финикійскій алфавитъ прямо изъ египетскаго невозможно [4]). Наконецъ, въ послѣднее время обнаружено въ самомъ порядкѣ буквъ финикійскаго алфавита *отчасти* несомнѣнное вавилонское вліяніе:

---

[1]) *Meister*. Griechische Dialekte, II, S. 130 (дофиникійское письмо ахеянъ на Кипрѣ). — *Ulr. Köhler*. Ueber Probleme der griechischen Vorzeit (Sitzungsberichte der k.-pr. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. XIV, 11 März 1897), S. 287.

[2]) Comptes rendus de l'Académie 1859, III, 115; Mémoire sur l'origine égyptienne de l'alphabet phénicien. Paris, 1874.—*Halévy* (Revue archéol. XXIV, pp. 187, 246; Mélanges d'épigraphie sémitique 1874, pp. 168 sqq., 180 sqq.) производитъ финикійскій алфавитъ даже прямо изъ египетскихъ іероглифовъ.

[3]) The Alphabet. 1883, I, pp. 88 ff.

[4]) Cp. *Berger*. Hist. de l'écriture dans l'antiquité, p. 118 sq.—*Delitzsch* (Die Entstehung des ältesten Schriftsystems. 1897, S. 224 f.) и *Zimmern* (Zeitschr. d. d. Morg. Ges. 50, 1896, S. 670) указываютъ на то, что имена и порядокъ буквъ вавилонскаго происхожденія, а принципъ акрофоніи—египетскаго.

Библиотека "Руниверс"

1) alpu (быкъ)—alef, 2) bîtu (домъ, палатка)—bet, 3) gimillu (подарокъ?) — gîmel, 4) daltu (дверь) — dalet, 10) idu (рука) — jod, 14) nûnu (рыба)—nun, 16) înu (глазъ)—ayin, 20) rîsû (голова)—resch [1]). Однимъ словомъ, на алфавитѣ финикіянъ сказывается вліяніе какъ вавилонское, такъ и египетское и, можетъ быть, „микенское". По общепринятому мнѣнію алфавитъ финикійскій есть твореніе одного лица и притомъ, вѣроятно, въ мѣстности, гдѣ вавилонская культура скрещивалась съ египетской. Мѣсто это вѣрнѣе всего предположить въ Сиріи [2]). Значеніе отдѣльныхъ знаковъ было, очевидно, акрофоническое, хотя послѣднее и не вездѣ поддается опредѣленію. Какъ terminus post quem изобрѣтенія, слѣдуетъ считать XIV вѣкъ, такъ какъ найденныя въ 1887 году крестьянами въ Тель-эль-Амарнѣ дощечки съ клинописью, содержащія письма египетскихъ намѣстниковъ или туземныхъ царьковъ изъ разныхъ мѣстъ передней Азіи къ фараонамъ конца XVIII династіи Аменофису III (1427—1392) и Аменофису IV („Khuenaten", около 1340 г.), относятся именно къ этому времени [3]). Онѣ доказываютъ, что въ XIV вѣкѣ во всей передней

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ разумѣть особый родъ вавилонской линейной письменности Нижней Халдеи. Памятники этой письменности найдены лѣтъ 20 тому назадъ въ Tello (Découvertes en Chaldée par E. de Sarzec, publiées par *L. Heuzey* (livr. 1 à 3, Paris, 1884 à 1891, fol.). Ср. *Berger*. Hist. de l'écr., p. 63 sqq. — Въ указанномъ порядкѣ приводитъ вавилонско-халдейскіе знаки *Hommel* (Geschichte Babyloniens und Assyriens. 1885, S. 50 ff.). *Peiser* (Zeitschrift für Assyriologie I [1886], S. 95—125 и II [1887], S. 316—320) доказалъ опредѣленный порядокъ 400 вавилонскихъ знаковъ въ силлабаріяхъ, особенно S[a]. — *Zimmern* (Zeitschr. d. d. Morgenl. Ges., Band 50 [1896], S. 668) приводитъ отсюда соотвѣтствующіе финикійскимъ знаки: mu (вода — № 1), nûnu (рыба — № 17), ênu (глазъ—№ 42), pû (ротъ — № 51), rêsu (голова — № 52), alpu (быкъ — № 105), bîtu (домъ—№ 147), daltu (дверь—№ 155). Это доказываетъ извѣстную аналогію въ порядкѣ буквъ финикійскаго алфавита и древневавилонскаго силлабарія.

[2]) *Fr. Delitzsch*. Die Entstehung des ältesten Schriftsystems oder der Ursprung der Keilschriftformen. Lpz. 1897, 4°, Ss. 221—231. Ср. *C. F. Lehmann*. Literar. Centralbl. 1898, № 1, Sp. 20.

[3]) Ср. *C. F. Lehmann*. Zwei Hauptprobleme der altorientalischen Chronologie und ihre Lösung. Lpz. 1898, 8°, S. 158.—Такъ какъ вскорѣ послѣ смерти Аменофиса IV основанная имъ столица, остатки которой именно и представляютъ развалины Тель-эль-Амарны, была покинута и болѣе не заселялась, то все, что здѣсь найдено, слѣдуетъ отнести приблизительно къ 50-тилѣтнему промежутку времени упомянутаго вѣка: *Steindorff* in der Februar-Sitzung 1893 der archäolog. Ges. zu Berlin. [W. f. cl. Ph. 1893, Sp. 531].—Время царствованія Аменофиса III Леманъ опредѣляетъ 1417—1392 гг., Аменофиса IV—1392—1376 гг.: стр. 57 (147 сл.), 160; ср. табл. III.

Библиотека "Руниверс"

Азіи было распространено клинообразное письмо—свидѣтельство того, насколько сильно было тогда вліяніе вавилонской культуры! Terminus ante quem можетъ представить древнѣйшая финикійская надпись, найденная въ 1876 году на Кипрѣ на обломкѣ бронзоваго сосуда. Надпись принадлежитъ лицу, называющему себя подданнымъ сидонскаго царя Хирама, и содержитъ посвященіе въ честь Ваала Ливанскаго [1]). Такъ какъ этотъ Хирамъ, по всей вѣроятности, не кто иной, какъ современникъ Соломона, на что указываетъ и архаическій характеръ самой надписи, то время ея—приблизительно половина X вѣка до Р. Хр.

Такимъ образомъ изобрѣтеніе финикійскаго алфавита слѣдуетъ отнести ко времени приблизительно между 1300 и 1000 годами, то-есть въ промежутокъ времени трехъ столѣтій и притомъ, судя по датировкѣ древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ до сихъ надписей на финикійскомъ алфавитѣ, скорѣе ближе къ 1000 году, чѣмъ наоборотъ [2]). Отсюда видно, что если финикійскій алфавитъ, скажемъ, былъ изобрѣтенъ въ XI вѣкѣ, то перенесеніе его въ Грецію никакъ не могло быть ранѣе этого времени и скорѣе совершилось приблизительно столѣтіемъ позднѣе. Самое перенятіе этого алфавита греками могло случиться тѣмъ легче, что формы финикійскихъ буквъ не могли не напомнить имъ подобныхъ формъ уже раньше существовавшей въ области Эгейскаго моря „микенской" письменности.

8) Сравнивая „микенское" письмо съ буквами греческихъ надписей архаическаго періода, мы не можемъ не признать большаго сходства нѣкоторыхъ формъ. Особенно слѣдуетъ отмѣтить знакъ ⧖

---

[1]) Corp. Inscr. Semit., t. I, № 5; *Berger*, pp. 122 sqq. Ср. также, pp. 165 sqq. — Другая надпись, носящая буквы древнѣйшаго финикійскаго алфавита, есть найденный въ 1869 году въ странѣ моавитянъ камень царя этого народа Меши и представляетъ страницу изъ исторіи войнъ моавитянъ съ израильтянами. Время ея — приблизительно 900 г. до Р. Хр.: *Berger*, pp. 188 sqq.; по Эд. Мейеру (S. 381) и Бузольту (S. 501, Anm. 2) время ея ок. 850 г. Третья по времени надпись открыта въ 1890 г. въ сѣверной Сиріи: это—арамейская надпись Pannamû, найденная около мѣстечка Sendjirli и относящаяся, вѣроятно, къ началу VIII вѣка до Р. Хр. Она хранится въ берлинскомъ музеѣ. Публикація ея см. у *Berger*. Hist. de l'écr., p. 206 sqq. и въ Mittheilungen aus den Oriental. Sammlungen des Berl. Mus. Heft. XI. 1893.—Четвертая надпись—силоамская, древнѣйшая еврейская, найденная въ началѣ 80-хъ годовъ и содержащая сообщеніе о прорытіи силоамскаго канала. Она относится ко времени царя Гезекіи, то-есть приблизительно къ концу VIII вѣка. (Ср. *Berger*, pp. 193 sqq.).

[2]) Ср. *Ed. Meyer*, II, S. 381.

Библиотека "Руниверс"

(Критъ [знакъ раздѣла], Коринѳъ и Сикіонъ [E], Памфилія [ξ] Кипръ [le]), далѣе ꞵ (греч. β, коринѳск. ε и η), Ꞿ (критск. ϝ), ◎ и ◎ (Критъ [надпись Литта]) и др. Сюда относятся также Φ, + (×) и Ψ встрѣчающіеся и на памятникахъ „микенской" и „протоегипетской" письменности, равно какъ и на Кипрѣ и въ Малой Азіи. Естественно предположить, что эти буквы представляютъ собою остатокъ „протоегипетской" и „микенской" письменности. Такъ какъ для того или другаго звука требовался новый знакъ, то этотъ знакъ долженъ былъ быть созданъ вновь самими греками, причемъ ничто не мѣшаетъ предположить выборъ ими именно такихъ знаковъ, которые встрѣчались и раньше и были еще въ памяти или, по крайней мѣрѣ, сохранились на памятникахъ отъ прежняго времени. Допустить примѣненіе этихъ знаковъ для недостающихъ звуковъ въ финикійскомъ языкѣ гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ видѣть во всѣхъ случаяхъ просто случайное совпаденіе. Конечно, фонетическое значеніе могло при этомъ не играть роли [1]).

9) Такъ какъ критское и микенское письмо получило свое развитіе очевидно на Критѣ, а упомянутый выше Прэсскій камень найденъ именно въ этихъ мѣстахъ, то это служитъ доказательствомъ, что догреческое населеніе Крита (этеокритяне Одиссеи), сохранившее свой языкъ до историческихъ временъ, именно и пользовалось (по крайней мѣрѣ первоначально) этимъ родомъ письменности. Что обитавшій здѣсь народъ принадлежалъ къ негреческому и вообще къ неарійскому, а также и несемитскому племени, высказалъ, между прочимъ, Маріани [2]). На основаніи произведеній „этеокритскаго" искусства, въ особенности статуэтокъ изъ терракотты, имѣющихъ сходство съ произведеніями микенскими и азіатскими („хеттейскими"), онъ выводитъ заключеніе, что кидоняне, этеокритяне и, можетъ быть, пеласги представляютъ собою три вѣтви доэллинскаго населенія Малой Азіи и принадлежатъ къ *одной* доарійской и досемитской группѣ народовъ, именно къ „эгеоарійцамъ", которые и были, по его мнѣнію, носителями микенской культуры: имена ихъ авторъ видитъ на египетскихъ памятникахъ въ формахъ Peleśta, Turśha, Kbeta,

---

[1]) Ср. *Evans*. Cret. pict., p. 91 [J. H. S. XIV, p. 360].

[2]) Academy № 1191 [1895,1], p. 198.—Впервые высказалъ такое мнѣніе Кипертъ (Lehrbuch der alten Geographie. 1878, S. 73. 90. Ср. *P. Kretschmer*. Einl. in die Gesch. d. griech. Sprache, S. 290 f.

Библиотека "Руниверс"

Керha и т. п. Виламовицъ [1]) также признаетъ въ догреческомъ населеніи Эгейскаго моря, между прочимъ, неарійскій и несемитскій элементъ, къ которому не прочь отнести и этеокритянъ. Особенно благодарны однако мы должны быть Кречмеру [2]), особенно ясно выдѣлившему неарійскій и несемитскій элементъ Малой Азіи и Эгейскаго моря. Опредѣливъ на основаніи остатковъ языка древнѣйшихъ малоазійскихъ народностей, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя группами народовъ (индогерманской, къ которой относятся фригійцы и ихъ соплеменники въ сѣверо-западной части Малой Азіи, и неиндогерманской-несемитской), онъ находитъ также въ собственныхъ именахъ области Эгейскаго моря много общаго съ языкомъ малоазійской группы и приходитъ такимъ образомъ къ заключенію, что выдѣленная имъ въ X главѣ малоазійская неиндогерманская-несемитская группа народовъ была въ доисторическое время распространена также на островахъ Эгейскаго моря и въ южной части Балканскаго полуострова [3]).

Такъ какъ микенское письмо, какъ выше было сказано, имѣло гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ критское, то можно, конечно, допустить критское происхожденіе памятниковъ, на которыхъ оно встрѣчается; однако, никакъ нельзя положительно отрицать знакомство съ нимъ тѣхъ племенъ, среди которыхъ оно было распространено въ области Эгейскаго моря. Какія же это были племена? Вопросъ этотъ можетъ быть поставленъ и въ иной формѣ: кто были носители микенской культуры?

Тотчасъ послѣ публикаціи микенскихъ раскопокъ Шлимана [4]) было на основаніи свидѣтельства Ѳукидида [5]), по которому древнія могилы, найденныя при очисткѣ острова Делоса Никіемъ, принадлежали карійцамъ, высказано мнѣніе, что носители микенской культуры были именно карійцами, съ чѣмъ согласовались и другія соображенія [6]). Кёлеръ, главный представитель этого мнѣнія, придерживается его и до сихъ поръ [7]). Другіе считаютъ эллиновъ носителями этой культу-

---

[1]) Herakles, I². 1895, S. 3.

[2]) Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen. 1896, 8°.

[3]) Op. cit., p. 406.

[4]) *Schliemann*. Mykenae. 1878, Lpz. 8°.

[5]) Thucyd. I, 8.

[6]) *U. Koehler*. Mitth. d. deutschen arch. Inst. zu Athen III (1878), S. 1 ff.

[7]) Sitzungsberichte der k.-pr. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. XIV. 11 März 1897. S. 259 f. Ср. также *Fr. Dümmler* и *Studniczka* (Mitth. d. d. arch. Inst. zu Athen, XI [1886], 44 ff.; XII [1887], 1 ff.).

Библиотека "Руниверс"

ры [1]). Иные видятъ въ нихъ дорянъ [2]), и этого мнѣнія придерживался сначала и Бузольтъ [3]). Открытіе на Лемносѣ двухъ надписей [4]), алфавитъ которыхъ приближается къ фригійскому [5]), но языкъ во всякомъ случаѣ не греческій, побудило Паули [6]) выработать новую теорію, по которой почти вся передняя Азія и весь Балканскій полуостровъ были въ доисторическое время заселены пеласгами-тирренами, тѣмъ болѣе, что, судя по формѣ sialchwiz (въ знакѣ Ψ Pauli видитъ chi, не psi!), языкъ надписи приближается, повидимому, къ этрусскому. Теорія эта надѣлала много шуму и нашла многихъ послѣдователей [7]). Однако Эдуардъ Мейеръ показалъ непрочность всякихъ заключеній на основаніи имени пеласговъ [8]). Такъ же думаетъ и Виламовицъ [9]). Далѣе нѣкоторые признаютъ въ носителяхъ микенской культуры семитовъ: шведскій ученый P. O. Schjött отожествляетъ этихъ семитовъ съ пеласгами [10]), а Гельбигъ съ финикіянами [11]). Однако въ послѣднемъ случаѣ мы должны были бы ожидать на

---

[1]) *Milchhoefer*, Anfänge der Kunst in Griechenland. Lpz. 1883; *Furtwängler* und *Löschke*, Mykenische Vasen, S. XI ff.; *Tsuntas*, Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική 1890, σελ. 16, 89 sqq.

[2]) *Niese*. Entwickelung der homer. Poesie. 1882, S. 213; *Pöhlmann* (Müllers Handb. d. kl. Alterthumsw. III), 1-te Aufl. 1889, S. 367; *Beloch*, Rhein. Mus. 45 (1890), 555 ff.; ср. его же Griechische Geschichte I. 1893, S. 51 ff.

[3]) *Busolt*. Griechische Geschichte I. 1885, S. 83.

[4]) Bull. de Corr. Hell. X (1886), p. 1 sqq.

[5]) *A. Kirchhoff*. Studien zur Geschichte d. gr. Alphabets⁴. 1887, S. 54 ff.

[6]) Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos = Altital. Forsch. II, 1 Teil. 1886; 2 T. 1894. *Kretschmer* (Op. cit., p. 408) доказываетъ неосновательность теоріи Pauli.

[7]) Такого же почти мнѣнія придерживаются *Hommel* (Archiv für Anthropologie, 1890, S. 251 ff.); *Salomon Reinach* (Chronique d' Orient, Paris. 1891, passim; L'Anthropologie IV, 1893, p. 699 sqq.); *Tomaschek* (Mitteil. der Wiener Anthropolog. Gesellschaft. 22 Bd., 1892, Sitzungsberichte S. 1 ff.).—Ср. *Kretschmer*, p. 291 sq. Далѣе теорію пеласговъ особенно защищаютъ *D-r Ellis Hesselmeyer* (Die Pelasgerfrage und ihre Lösbarkeit. Tübingen, 1891, 8°; ср. Liter. Centralbl. 1891, № 33, Sp. 1109 f. A. H.) и *Ridgeway* (Academy, № 1210 [1895,2], p. 32).

[8]) II, 1893, S. 55 ff.

[9]) Herakles I². 1895, S. 2, Anm. 2.

[10]) De etnographiske forhold i det forhistoriske Graekenland. Christiania, 1895. Ср. Literar. Centralblatt 1896, № 27, Spalte 963 (A. H.).

[11]) Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions, 4 Série (1895), T. 23. Académie des inscriptions et belles-lettres, 31 Mai et 14 Juin (pp. 237—240 et 244—250).

Библиотека "Руниверс"

островѣ Кипрѣ гораздо болѣе слѣдовъ постепеннаго развитія микенской культуры, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ: всѣ признаки указываютъ скорѣе на вліяніе съ западной, чѣмъ съ восточной стороны [1]). Никто, конечно, не станетъ теперь отрицать восточные элементы въ характерѣ микенской культуры [2]), равно какъ и египетскіе; однако нельзя не согласиться съ тѣмъ, что центръ ея мы должны искать въ области Эгейскаго моря.

Иной взглядъ существуетъ теперь на указанный вопросъ. Переселеніе аркадскихъ соплеменниковъ на о. Кипръ до переселенія дорянъ не подлежитъ сомнѣнію. У Гомера жители Пелопоннеса носятъ имена Ἀχαιοί, Δαναοί, Ἀργεῖοι, а не Δωριέες (которыхъ онъ однако упоминаетъ на Критѣ рядомъ съ Ἀχαιοί! [3]). Собранныя у Гельбига [4]), Шухардта [5]) и Дёрпфельда [6]) археологическія данныя указываютъ на тѣсную связь микенской культуры съ троянскою. Все это заставляетъ насъ признать въ носителяхъ микенской культуры грековъ додорійскаго періода. Подтвержденіемъ служитъ слѣдующее мѣсто изъ Страбона: [7]) „καὶ οἱ ἐντὸς (sc. Ἰσθμοῦ) Αἰολεῖς πρότερον ἦσαν, εἶτ' ἐμίχθησαν, Ἰώνων μὲν ἐκ τῆς Ἀττικῆς τὸν Αἰγιαλὸν κατασχόντων, τῶν δὲ Ἡρακλειδῶν τοὺς Δωριέας καταγαγόντων.—Οἱ μὲν οὖν Ἴωνες ἐξέπεσον πάλιν ταχέως ὑπὸ Ἀχαιῶν, Αἰολικοῦ ἔθνους· ἐλείφθη δ' ἐν τῇ Πελοποννήσῳ τὰ δύο ἔθνη, τό τε Αἰολικὸν καὶ τὸ Δωρικόν. Ὅσοι μὲν οὖν ἦσσον τοῖς Δωριεῦσιν ἐπεπλέκοντο, καθάπερ συνέβη τοῖς τε Ἀρκάσι καὶ τοῖς Ἠλείοις... οὗτοι Αἰολιστί διελέχθησαν· οἱ δ' ἄλλοι μικτῇ τινι ἐχρήσαντο ἐξ ἀμφοῖν, οἱ μὲν μᾶλλον, οἱ δὲ ἧσσον αἰολίζοντες· σχεδὸν δ' ἔτι καὶ νῦν κατὰ πόλεις ἄλλοι ἄλλως δια-

---

[1]) *Reisch*. Verhandlungen der 42 Philologen-Versammlung in Wien vom 24—27 Mai 1893. Lpz. 1894, S. 105.—*Ed. Meyer* II, S. 221.

[2]) Ср. *Ed. Meyer*, II, pp. 131, 129, 132—133.—Между прочимъ, несомнѣнную связь съ востокомъ обнаруживаетъ опубликованная Кёлеромъ дощечка съ острова Киѳеры съ вавилонскою клинописью, которую Винклеръ относитъ къ 1500 — 1200 гг. до Р. Хр. (Sitzungsberichte der k.-pr. Akademie der Wiss. zu Berlin. XIV. 11 März. 1897, Ss. 262 — 265). Восточное вліяніе обнаруживаютъ также статуэтки Астарты, находимыя въ разныхъ мѣстахъ микенскаго міра (*Hub. Schmidt* въ April-Sitzung 1898 der Archäologischen Gesellschaft zu Berlin; ср. *Köhler*, op. cit., pp. 265 sqq.).—Ср. также *Busolt* I² (1893), S. 42 f.

[3]) Od. XIX 177.

[4]) *Helbig*. Das Homerische Epos nach den Denkmälern erläutert. 2 Aufl. 1887.

[5]) *Schuchhardt*. Schliemanns Ausgrabungen im Lichte der heutigen Wissenschaft. 1 Aufl. 1890. 2 Aufl. 1891.

[6]) *Dörpfeld*. Troja 1893.

[7]) Strab. VIII, p. 333.

Библиотека "Руниверс"

λέγονται, δοκοῦσι δὲ δωρίζειν ἅπαντες διὰ τὴν συμβᾶσαν ἐπικράτειαν". О. Гофманъ [1]), основываясь на этомъ мѣстѣ, принимаетъ за додорійское населеніе Греціи эолянъ, которыхъ дѣлитъ по діалектамъ на двѣ вѣтви: южно-ахейскую и сѣверно-ахейскую; дорійскій характеръ языка историческихъ ахеянъ онъ объясняетъ вліяніемъ дорянъ [2]). Бузольтъ [3]) видитъ въ этихъ грекахъ предшественниковъ эолянъ и іонянъ и другія недорійскія племена эллиновъ, которыя были отчасти покорены, отчасти вытѣснены дорянами. Такъ же думаетъ Эд. Мейеръ [4]); относительно Ἀχαιοί Гомера онъ высказываетъ сомнѣніе, слѣдуетъ ли считать ихъ за историческое племя [5]), такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имя ахеянъ сохранилось до историческихъ временъ, діалектъ принадлежитъ къ сѣверо-западной группѣ, а не къ „эолійской". По нашему мнѣнію, загадка эта разрѣшается, если мы предположимъ въ додорійскомъ „эолійскомъ" населеніи два класса: ахеянъ-аристократовъ [6]) и сельчанъ. Первые именно играютъ роль у Гомера. При вторженіи дорянъ они, стыдясь своего прежняго діалекта, очевидно, примѣнились къ языку завоевателей и отчасти слились съ ними въ одинъ народъ, отчасти удалились мало-по-малу въ горы. Ахейскій элементъ на Кипрѣ ведетъ свое происхожденіе съ микенскаго времени, предшествовавшаго дорійскому вторженію, отчего и языкъ кипрскій сохранилъ свой прежній характеръ. Что касается сельчанъ, то они не могли не подвергнуться вліянію господствующаго дорійскаго элемента и сохранили свою физіономію лишь въ Аркадіи (и южной Элидѣ). Отсутствіе ахейскаго класса здѣсь понятно: населеніе Аркадіи—сельское, пастушеское, ахеяне же жили въ городахъ прибрежныхъ частей Греціи. Такъ объясняется и имя ахеянъ на Кипрѣ, и на Критѣ у Гомера [7]), и приближающійся къ дорійскому діалектъ Ахеи, Феіотиды и южной Италіи, и родственность діалекта аркадскаго (и писатскаго) съ кипрскимъ, а съ другой стороны съ діалектомъ Троады, наконецъ также и слова спартанскаго царя Клеомена въ Дельфахъ:

---

[1]) *O. Hoffmann.* Die griechischen Dialekte in ihrem historischen Zusammenhange. Band I. Der Süd-achäische Dialekt, 1891; Band. II. Der Nord-achäische Dialekt, 1893.

[2]) I, S. 3 ff.—Съ послѣднимъ не соглашается Ed. Meyer, II, S. 78, Anm.

[3]) *Busolt.* Griechische Geschichte I [1], S. 114.

[4]) *Ed. Meyer.* Geschichte des Alterthums II, S. 75.

[5]) Ss. 77—78.

[6]) Cp. *Perrot et Chipiez.* La Grèce primitive 1894, p. 66.

[7]) Od. XIX 175.

Библиотека "Руниверс"

„Я не дорянинъ, а ахеянинъ!“ [1]) Этимъ царь спартанскій указываетъ, очевидно, на то, что въ жилахъ его течетъ кровь не только дорійская, но и туземная ахейская, смѣшавшаяся съ дорійскою [2]).—Къ мнѣнію Бузольта примкнули также Reisch [3]) и Pöhlmann [4]). Одинаковаго взгляда придерживается и Виламовицъ [5]). Такъ же думаетъ Перро [6]).

Однако, рядомъ съ греческимъ элементомъ сдѣдуетъ признать въ носителяхъ микенской культуры также иной, негреческій, который мы назовемъ для удобства по-просту „карійскимъ“. Имена Пеласговъ и Лелеговъ, можетъ быть, нужно понимать, какъ различныя обозначенія этого чужаго элемента, слѣды котораго сохранились, между прочимъ, въ надписяхъ Лемносской и Прэсской [7]). Выше мы видѣли, что на Критѣ туземное населеніе принадлежало именно къ негреческой расѣ. Оно находилось въ оживленныхъ сношеніяхъ съ востокомъ и югомъ и подчинилось вліянію ихъ въ культурномъ отношеніи, хотя бы лишь отчасти. Ничто не мѣшаетъ предположить въ этомъ племени (или племенахъ) загадочный народъ Кефтъ египетскихъ памятниковъ, который имѣлъ въ такомъ случаѣ свои колоніи на востокѣ и былъ извѣстенъ, можетъ быть, отчасти подъ именемъ „Филистимлянъ“ [8]).

---

[1]) Herodot. V 72.—Виламовицъ (Herakles I², S. 22. Anm. 44), впрочемъ, объясняетъ эти слова еще проще: Клеоменъ, какъ и вообще спартанскіе цари, ведетъ свое происхожденіе отъ потомка Персея, Геракла.

[2]) O. Hoffmann (Die griech. Dialekte I, Vorwort S. VII) приводитъ, слѣдуя Fick'у (Ilias, S. 561 ff.) слѣдующую этимологію имени ахеянъ и эолянъ: Ἀχ-αιϝός, Αἰϝο-λος и полагаетъ, что послѣднее названіе появилось впервые, вѣроятно, въ Ѳессаліи.

[3]) Op. cit. pp. 110, 125.

[4]) Griechische Geschichte (въ Jw. Müllers Handbücher der klass. Alterthumswiss). 2-te Aufl. 1896, Ss. 10 ff.

[5]) Herakles I², 1895, Ss. 6—7 и особенно S. 23, Anm. 44.

[6]) *Perrot et Chipiez*. La Grèce primitive. 1894, pp. 58—59.

[7]) Il. II 867 называетъ карійцевъ βαρβαρόφωνοι. Herodot. I 171 говоритъ, что карійцы τὸ παλαιὸν ἐόντες Μίνω τε κατήκοοι καὶ καλεόμενοι Λέλεγες εἶχον τὰς νήσους и были вытѣснены отсюда іонійскими и дорійскими колонистами. Thuk. I 8, 1 говоритъ, что карійцы и финикіяне населяли бо́льшую часть острововъ, и что Миносъ изгналъ карійцевъ съ острововъ (I 4, 8) Сами же карійцы называютъ себя автохтонами материка (Herodot. I 171). У Страбона (p. 661) мы читаемъ: οἱ Κᾶρες ὑπὸ Μίνω ἐτάττοντο, τότε Λέλεγες καλούμενοι, καὶ τὰς νήσους ᾤκουν· εἶτ' ἠπειρῶται γενόμενοι πολλὴν τῆς παραλίας καὶ τῆς μεσογαίας κατέσχον, τοὺς προκατέχοντας ἀφελόμενοι· καὶ οὗτοι δ' ἦσαν οἱ πλείους, Λέλεγες καὶ Πελασγοί, πάλιν δὲ τούτους ἀφείλοντο μέρος οἱ Ἕλληνες, Ἰωνές τε καὶ Δωριεῖς.—Cp. Strab. p. 321 [Herodot. I 173].

[8]) Cp. *Evans*. Cret. pict., pp. 99 ff. [J. H. S. XIV, p. 368 ff.]. *Б. Тураевъ*

Библиотека "Руниверс"

Мало-по-малу этотъ чужой элементъ былъ вытѣсненъ и сохранился лишь въ юго-западномъ углу Малой Азіи, на который и было перенесено его имя [1]). Очень возможно, что эти „карійцы" представляли собою вообще догреческое населеніе южной части Балканскаго полуострова [2]): „Конечно", говоритъ Кречмеръ [3]), „нельзя опредѣлить строгую границу между этимъ временемъ и „греческой эпохой"; потому трудно въ точности выяснить такъ называемый „микенскій вопросъ" въ той формѣ, въ какой онъ обыкновенно ставится: кто были носители микенской культуры: карійцы или эллины?... Мы не можемъ поэтому точно опредѣлить, на какой ступени этнологическаго развитія находилась Греція въ эпоху расцвѣта микенской культуры, сколько карійской и сколько индогерманской крови текло въ жилахъ царей микенскихъ и тиринескихъ".

Итакъ, говоря о распространеніи „микенскаго" письма, мы не можемъ не признать вѣроятнымъ знакомство съ нимъ какъ „карійскаго", такъ и греческаго населенія области Эгейскаго моря. Когда за цвѣтущимъ микенскимъ періодомъ однако наступилъ другой, повлекшій за собою паденіе микенской культуры и оставившій особенно ощутительный слѣдъ въ такъ называемомъ „геометрическомъ" стилѣ керамики, то и письменность „микенская" пришла въ забвеніе, такъ какъ въ послѣмикенское время мы ея не встрѣчаемъ несомнѣнно. Только на островѣ Кипрѣ и, можетъ быть, въ прибрежныхъ частяхъ Малой Азіи мы можемъ предположить дальнѣйшее ея развитіе въ особую систему, извѣстную подъ названіемъ кипрской.

10) Если письменность въ микенскую или гомеровскую [4]) эпоху (послѣднюю однако нельзя смѣшивать съ временемъ жизни Гомера!)

(*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, сентябрь 1893 года, отд. класс. фил., стр. 173—186) совершенно вѣрно подводитъ имя „Кефтъ" подъ культурно-историческое понятіе (стр. 182). Поэтому мы не думаемъ категорически утверждать, что „карійскій" или „филистимскій" элементъ только и былъ носителемъ этого имени; однако сопоставленіе „Кефтъ" съ жителями острововъ невольно наводитъ на мысль, что мы имѣемъ право привести его *въ связь* съ упомянутымъ населеніемъ.—Однако *W. Max Müller* (Asien und Europa. 1893) доказываетъ, что страна Kefti лежала къ западу отъ Аманскаго хребта (p. 340).

[1]) Herodot. I 171.

[2]) Ср. *Wilamowitz*. Herakles, I². 1895, S. 3.

[3]) *Paul Kretschmer*. Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache. 1896, S. 407.

[4]) Ср. *Reisch*. Verhandlungen der 42 Philologen-Versammlung in Wien vom 24—27 Mai 1893. Lpz. 1894, S. 124.

Библиотека "Руниверс"

въ Греціи существовала, то ничто, конечно, не мѣшаетъ видѣть въ „σήματα λυγρά“ [1]) темное указаніе на этотъ родъ письменности. Однако нѣтъ вовсе необходимости предполагать здѣсь какое-либо опредѣленное письмо. По ходу мысли требовалось упоминаніе подобнаго рода корреспонденціи, и поэтъ не замедлилъ это сдѣлать, вовсе, можетъ-быть, и не имѣя въ виду опредѣленное письмо. Важно лишь то обстоятельство, что способъ письменной передачи мыслей былъ поэту знакомъ. Спрашивается, нѣтъ-ли у насъ данныхъ, которыя могли-бы объяснить это знакомство. На основаніи вышеизложеннаго проще всего, конечно, видѣть здѣсь намекъ на микенское время, къ которому относится и время такъ называемой Троянской войны [2]). Предположить, что поэмы Гомера возникли лѣтъ 500 спустя послѣ этого времени, совершенно неосновательно. Какъ это мы видимъ и въ русскихъ былинахъ, пѣсни эти складываются постепенно, причемъ, конечно, большую роль играетъ и фантазія [3]). Наконецъ, является лицо, которое пріобрѣтаетъ особенную извѣстность, благодаря своему дарованію и памяти, однако изъ того-же класса народныхъ пѣвцовъ, и, перенявъ отъ своихъ предшественниковъ, а также и сотоварищей наиболѣе интересныя и извѣстныя пѣсни, дополняетъ ихъ, соединяетъ вмѣстѣ и передаетъ дальше. Если это лицо сдѣлалось особенно извѣстнымъ, а можетъ-быть, и жило очень долго, то въ памяти народной невольно остается имя его, и притомъ нераздѣльно съ народной поэзіей. Такъ объясняется и представленіе о Гомерѣ, какъ о „творцѣ“ Иліады и Одиссеи. Думать, что Гомеръ есть лицо вымышленное, не представляется поэтому вѣроятнымъ. Временемъ его считаютъ приблизительно половину IX вѣка, какъ говоритъ и Геродотъ [4]). Такъ-какъ финикійская письменность уже начала распространяться въ эту эпоху, то знакомство поэта съ письменной передачей мыслей могло и отсюда вести свое происхожденіе. Однако новая письменность не была еще настолько развита, чтобы мы могли думать о записи поэмъ

---

[1]) Il. Z. 168—170: Аргосскій царь Пройтъ, желая погубить Беллерофонта,

πέμπε δέ μιν Λυκίηνδε, πόρεν δ' ὅ γε σήματα λυγρά,
γράψας ἐν πίνακι πτυκτῷ θυμοφθόρα πολλά,
δεῖξαι δ' ἠνώγει ᾧ πενθερῷ, ὄφρ' ἀπόλοιτο.

[2]) Какъ мы видѣли выше, время это—приблизительно 1450—1250 гг. до Р. Хр. Предѣломъ его служитъ вторженіе дорянъ продолжавшееся, вѣроятно, около столѣтія. Въ циклъ Иліады и Одиссеи вошли воспоминанія о морскихъ экспедиціяхъ и предпріятіяхъ микенской Греціи.

[3]) Ср. *Busolt*. Griechische Geschichte I². 1893, S. 130.

[4]) Herodot. II 53.

Библиотека "Руниверс"

въ эту эпоху. Кристъ [1]) отрицаетъ письменность во время Гомера на основаніи того, между прочимъ, что въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говорится о метаніи жребія [2]), герои не прибѣгаютъ къ письменному обозначенію своихъ именъ. Однако, не говоря уже о томъ, что письменностью не могли въ эпоху сложенія этого мѣста (если оно относится ко времени послѣ перенятія финикійскаго письма) владѣть еще съ такой ловкостью, какъ это было, напримѣръ, въ V вѣкѣ, — письменное обозначеніе именъ героевъ вовсе не было необходимо, тѣмъ болѣе, что подъ рукою могло и не находиться соотвѣтствующаго письменнаго матеріала: и теперь, вѣдь, при метаніи жребія нерѣдко прибѣгаютъ къ подобному исходу, какой мы видимъ у Гомера!

Итакъ, сложеніе гомеровскихъ поэмъ падаетъ въ эпоху между микенскимъ временемъ и тѣмъ, когда финикійскій алфавитъ уже былъ нѣкоторое время въ употребленіи среди греческаго населенія, то-есть въ эпоху исчезновенія микенскаго письма и появленія финикійскаго.

Заключеніе.

Возвращаясь къ исходному пункту нашего разсужденія, припомнимъ мнѣніе Петри о египетскихъ „masons' marks". Онъ полагаетъ, что изъ этихъ „masons' marks", получившихъ условное звуковое значеніе, развилась письменность области Средиземнаго моря, и что въ нихъ слѣдуетъ видѣть начатки алфавитной системы, которой суждено было играть впослѣдствіи столь важную роль въ развитіи цивилизаціи азіатскихъ и особенно европейскихъ народовъ. Послѣднія изслѣдованія Ивенса подтверждаютъ какъ нельзя лучше мнѣніе Петри. По Ивенсу прото-египетскіе ливійскіе знаки отразились на развитіи какъ древнѣйшаго критскаго линейно-картиннаго письма, такъ и финикійской алфавитной системы.

Такимъ образомъ теорія маститаго англійскаго египтолога, судя по находящимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ, оказывается небезосновательной и должна быть принята во вниманіе въ вопросѣ о развитіи какъ критско-микенскаго, такъ и финикійскаго письма.

Ф. Видеманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) *Christ.* Griechische Litteraturgeschichte (Müllers Handbücher der klassischen Alterthumswissenschaft), S. 49.

[2]) Il. H 175 sqq.

Библиотека "Руниверс"

ПОГИБШАЯ РУКОПИСЬ ПАВЛА ЭГИНСКАГО.

Занимаясь осенью 1895 г. въ Московской Синодальной библіотекѣ, авторъ этихъ строкъ имѣлъ случай, между прочимъ, списать тексты, находящіеся въ началѣ и въ концѣ трехъ рукописей упомянутой библіотеки на отдѣльныхъ пергаменныхъ листкахъ, подшитыхъ къ корешку рукописей и покрытыхъ письмомъ IX и X вѣковъ. По ближайшемъ изслѣдованіи тексты эти оказались отрывками изъ III и VI книги Павла Эгинскаго. Вотъ точное описаніе рукописей, въ которыхъ найдены нами вышеупомянутые отрывки, какъ даетъ его печатный каталогъ [1]):

„№ 125 ($\frac{20}{XI}$). Василія Великаго 51 бесѣда. Пергам. 977 года въ 2 столбца, листовъ 314 (дл. $7^1/_8$, шир. $5^1/_2$ в.); первые и послѣдніе листы ветхи. ҃кн Λαύρας“ (стр. 122).

„Листъ 314-й пергаменный IX в., съ отрывкомъ изъ лѣчебника. Послѣдняя глава περὶ φλεγμόνης“ (стр. 123).

„№ 379 ($\frac{161}{CLXII}$). Житія святыхъ изъ разныхъ мѣсяцевъ. Пергам. XI вѣкъ, листовъ 392 (дл. 8, шир. $5^7/_8$ в.), въ 2 столбца, нѣкоторые листы ветхи. Ἀρσένιϊ а҃. Τῆς Λαύρας“.

„На листахъ 1—3 отрывокъ медицинскаго содержанія (гл. 67—81). Нач. περὶ καρκίνου, περὶ ὑστεριχῆς καὶ πνιγός и проч.—Пергам. въ одинъ столбецъ, письмо IX вѣка. См. еще въ № 387 листы 1 и 2 медиц. отрыв.“ (стр. 569).

---

[1]) *Архим. Владиміръ*, Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной (патріаршей) библіотеки. Ч. I. Рукописи греческія. Москва. 1894.

Библиотека "Руниверс"

„№ 387 ($\frac{171}{CLXXIV}$). Житія святыхъ и слова. Пергам. XI, листовъ 206 (дл. 8¹/₄, шир. 6 в.) въ 2 столбца. Ἀρσένιϊ ἀι. Τῆς Δαύρας (л. 4)".

„Листы 1 и 2. Пергаменный отрывокъ медиц. содержанія (гл. 61—65), письмо сходно съ отрывкомъ въ № 379" (стр. 582).

Однако составитель каталога нѣсколько ошибается, находя сходство письма тамъ, гдѣ его нѣтъ, и не замѣчая его, гдѣ оно есть. Сходство письма между рукописями дѣйствительно существуетъ, но только между № 125 и 379, и сходство настолько разительное, что даже неопытный глазъ безошибочно припишетъ эти отрывки одной рукѣ. Къ сожалѣнію, читать ихъ довольно трудно какъ вслѣдствіе неисправнаго состоянія пергамента, испачканнаго, истертаго, подмоченнаго, такъ и вслѣдствіе того, что лѣвый край recto и правый verso подклеены къ переплету.

Текстъ, представляемый этими отрывками, относится, какъ сказано, къ III и VI книгѣ Павла Эгинскаго. Листъ 314-й рукописи № 125 даетъ отрывокъ главъ 43—45 (кн. III) отъ словъ χρηστέον. βλάπτει γὰρ ἥκιστα въ концѣ 43-ей до λαμβανέτωσαν. πορώδους δέ въ серединѣ 45-й главы. Листъ 1-й и 2-й рукописи № 379 представляетъ гл. 66—71 той же книги отъ словъ ἢ χαλκίτην ἢ ἀχάλκανθον въ концѣ 66 гл. до словъ ὀσφραντὰ τῇ ῥινί, οἷον ἐλόχιον въ серединѣ 71 главы. Далѣе вырѣзано на домашнія надобности владѣльца три или четыре листа; точно также одинъ листъ вырѣзанъ въ началѣ передъ листомъ 1-мъ и нѣсколько листовъ въ концѣ послѣ листа 3-го. Этотъ 3-й листъ рукописи даетъ отрывокъ главъ 77—80 той же книги отъ словъ δεῖ δὲ τοὺς ἀοινοῦντας въ серединѣ главы 77-й и до словъ κατὰ πάντα τὰ μέρη τοῦ σώματος въ началѣ 80-й главы.

Что касается третьей рукописи № 387, то письмо ея отрывковъ сходно съ письмомъ предыдущихъ, если ужъ говорить о сходствѣ, лишь настолько, насколько могутъ быть сходны почерки одной и той же или двухъ смежныхъ эпохъ. такъ какъ о принадлежности этого отрывка той же рукѣ не можетъ быть и рѣчи въ виду замѣтныхъ различій письма, древность котораго однако настолько велика, что если эти листки рукописи № 387 и не принадлежатъ IX вѣку, то во всякомъ случаѣ легко могутъ быть отнесены къ началу X столѣтія. Такимъ образомъ. замѣтку архимандрита Владиміра о сходствѣ письма нужно отнести къ №№ 125 и 379 каталога. Что касается содержанія этихъ отрывковъ, то они даютъ намъ текстъ VI книги нашего автора, трактующей о хирургіи и являющейся, какъ

Библиотека "Руниверс"

извѣстно, во многихъ отношеніяхъ самой важной изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ книгъ знаменитаго акушера [1]), — именно даютъ главы 60 — 65 отъ словъ (δια)δήσομεν δὲ καὶ ὄπισθεν τοῦ αἰδοίου въ концѣ 60-й—до словъ μείζονα τὸν ὄγκον αὐτὸν ἑαυτοῦ въ началѣ 65-й главы.

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что упомянутые отрывки принадлежали нѣкогда одной рукописи, которая, можетъ быть, на Аѳонѣ, а можетъ быть, и въ Москвѣ уже, была разорвана и затѣмъ бо́льшими или меньшими частями вошла въ составъ другихъ рукописей, ничего съ ней общаго по содержанію не имѣвшихъ. Послѣднее предположеніе, что рукопись была разорвана въ Москвѣ (или во время перевозки въ Москву), кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ, если не обманываетъ насъ память, въ рукописи № 379 запись Τῆς Δαύρας и Ἀρσένιϊ читается на листѣ 4-мъ, а не первомъ, — точно такъ же, какъ и въ № 387, откуда можно заключить, что первые листы прибавлены позже записи Арсенія. Кромѣ того, нужно замѣтить, что, судя по количеству вырѣзанныхъ листовъ, № 379 содержалъ въ себѣ, кромѣ конца третьей, также часть четвертой книги, а отсюда дѣлается весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и отрывки VI книги № 387, хотя и писанные другой рукой, принадлежали къ одной и той же погибшей рукописи Павла Эгинскаго, содержавшей въ себѣ нѣкогда всѣ 7 книгъ τῆς συμπάσης πραγματείας. Если допустить мысль, что рукопись была разорвана въ Москвѣ, то при болѣе тщательныхъ розыскахъ, чѣмъ какіе время позволило произвести намъ, нѣкоторыя части этой рукописи современемъ могутъ найтись еще въ Москвѣ или въ другихъ мѣстахъ, куда поступили, благодаря превратностямъ судьбы, книги, привезенныя съ востока Сухановымъ [2]). Въ противномъ случаѣ, можетъ быть, остатки рукописи удастся отыскать еще въ библіотекѣ Лавры на Аѳонѣ.

Что касается исправности рукописной традиціи нашихъ отрывковъ, то ее можно охарактеризовать, говоря вообще, слѣдующимъ образомъ: орѳографія не только хромаетъ, но ея, можно сказать, писецъ не признаетъ вовсе, особенно въ отрывкахъ III-й книги; αι и ε, οι и ο точно также какъ ει, η, ι смѣшиваются между собой безъ всякой послѣдовательности, какъ и слѣдуетъ этого ожидать, когда безгра-

---

[1]) *J. Pagel*, Einführung in die Geschichte der Medicin. Berlin. 1898. S. 144.

[2]) Напримѣръ, въ Парижской національной библіотекѣ, куда по крайней мѣрѣ попала въ началѣ этого или въ концѣ прошлаго столѣтія рукопись Іоанна Дамаскина XII вѣка, а можетъ быть и другія рукописи.

Библиотека "Руниверс"

мотный писецъ руководится только произношеніемъ. Кромѣ того, что еще значительнѣе затрудняетъ чтеніе, нежели неисправность и ветхость пергамента, о которой мы говорили раньше, отрывки III-й книги содержатъ массу сокращеній, не всегда послѣдовательныхъ. Знаки сокращенія для ην, ειν, ιν, υν (см. Г. Церетели. Сокращенія въ греческихъ рукописяхъ преимущественно по датированнымъ рукописямъ С.-Петербурга и Москвы. С.-Петербургъ. 1896. Табл. 28, HN_3) и для οισ ⁄ изрѣдка смѣшиваются или съ трудомъ и не всегда хорошо различаются между собою. Мѣстами знакъ для ην замѣняется знакомъ въ родѣ іотъ безъ точки, который въ свою очередь обыкновенно и гораздо чаще замѣняетъ ε или αι, иногда же приближается по начертанію къ знаку, означающему—αισ или—εσ; см. Церетели табл. 3, $αις_3$: τ(αῖς); омегу при чтеніи легко смѣшать съ α, которая въ свою очередь часто почти не отличается отъ знака ˆ, замѣняющаго слогъ ων; іота нерѣдко похожа на \=ον, и наоборотъ; наконецъ, сплошь да рядомъ окончанія вовсе не выписываются, а названія травъ и медикаментовъ сокращены до неузнаваемости или замѣнены условнымъ знакомъ. Гораздо болѣе удобочитаемы отрывки VI-й книги, въ которой сокращенія вовсе не попадаются, но орѳографія остается та же.

Въ частности отрывки представляютъ слѣдующія особенности и отступленія отъ печатныхъ текстовъ:

III, 43—45 [1]).

Ed. Asul. f. 45ᵇ.	*№ 125. f. 314ᵃ.*
36. χρηστέον	χριστε(ον) [2])
βλάπτει	βλαπτη
ἥκιστα	η κυστα
37. παχύνοντα καὶ	παχυν(ον)τα τ(αι) (καὶ)=τε καὶ
ἐμψύχοντα	ἐμ.....
τοὺς	τοις
λεπτοὺς	λεπτοῖς
	υ υ
χυμοὺς	χχ

[1]) Текстъ III-ей книги за отсутствіемъ новѣйшихъ изданій мы цитируемъ по изд. Альда Мануція: Παύλου Αἰγινήτου ἰατροῦ ἀρίστου βιβλία ἑπτά. Pauli Aeginetae Medici optimi libri septem. (Venet. 1527, ed. Franc. Asulanus).

[2]) Въ скобкахъ помѣщены буквы, замѣненныя знаками сокращенія.

Библиотека "Руниверс"

38.	οἶμαι δὲ	οι μεδε
	ἐπιχρατήσασαν	επιχρατισασ(αν)
	γενέσθαι	.....θ(αι)
	ἀρξαμένου	αρξομενου
39.	πάθους	παθοῦς [1])
	πολλοῖς	πολλοις или πωλλοις
	ῥωμαίων	ρωμε(ων)
40.	πολιτείας	πολιτει(ας)
	φοιτήσαντος	φυτισ(αν)τος
	λοιμηκὴν	λυμιχ(ην)
	ἐπιληψίαν	....λημψιαν
41.	αἰσθήσεως	εσθισε(ως)
	τισὶ	τισίν
	οἷς	είς
	ἀμφότερα	αμφωτερα
	ἀπόσκηψις	τουπὸ σκιψ(ης)
42.	ἐπιληψίαν	επιλημψιαν
	πλείους	πλιους
	οἱ	.....
43.	πλείους	πλιοῦς
	κρίσει	κριση
	ὄντως (=οὕτως)	οστω
44.	τολμηροτέραν τὴν	τολμηρωτατ(ην)
45.	θριδακίνας	....θριδακιν(ας)
	ἴντυβά τε	ιντυματ(αι)
46.	ἐσθίειν	εσ..ειν
	ἰχθύων	·)(·
47.	βοῶν. βολβούς	..ωνβ.λβ...
	καὶ τῇ	αλλα (καὶ) τη
	ψυχρὰ	χ ψ\ (= ψυχρόν)
	μὲν ὅτε	....τε
48.	παρεῖχεν	παριχ(εν)
	ὕδατι ψυχρῷ	Δ χ ο ψ;
	τοῦτο	τουτ(ον)

[1]) Слогъ — ους въ склоненіи словъ съ основой на — εσ- (а иногда и въ другихъ словахъ) почти вездѣ имѣетъ облеченное удареніе; поэтому далѣе мы объ этомъ говорить не будемъ.

Библиотека "Руниверс"

ἐκίρνα	εκηρνα
ψυχρὸν	χ ψ \
ὕδωρ	Δ υ
49. ὀξύκρατον	τ ⊙ κρ
ψυχρὸν	χ ψ;
τε καὶ	....καὶ
μέσης	μεσ(αν)
πλείστους	πλιστοῦς
50. ἐξιάσατο	τ εξιασα
ἐπιληψίαν	επιλημψι(αν)
παράλησιν (!)	..ραλυσ(ιν)
μεταπτώσεως	μ᾽ πτοσεως
51. Περὶ ἰλεοῦ. μδ̄	ε Π ЄΙΛЄΟΥ
ὀξύτατον	....τα.ο
ὑπάρχον	ὑπάρχ(ων)
ἐπόδυνον	ἐπώδυν(ον)
ἰλεὸς	ειλεὸς
σύμπτωμα	συμπτομα
γὰρ	....
52. κρατηθέντες	κρ.. ιθ(εν)τ(ες)
οἰκτίστω	τ οικιστω; исправл. 2-ой рукой.
τῷ	το
στόματος	τ στομα
53. τὸ πάθος	θ ..οα
ἀπεψίαις	ἀπεψιαν
ἐμφράξεσιν	ἐμφραξ(ης)
ἐπειδὰν	επιδαν
εἰ ἐπὶ	μεινη.επι

f. 46ᵃ.

1. καὶ ἐπὶ τοῖς	....τη(ς)
κατολισθήσεσι	κατολ(ησ)θησεσει
2. χολιχῆς	(ησ) χολιχ(οις); исправл. 2-ой рукой.

Библиотека "Руниверс"

ὑπἀρξαμένης	....αρξαμεν(ης).
τοῖς	τοισι
3. βαλανισμοῖς	.....αν(ησ)μ(οις).
τῷ	το
περὶ κολληκῶν	περι βολικω; надписано 2-й или 3-й р.
4. μειράκια	ει μιρακια; исправл. 2-ой рукой
ἀκμάζοντας	ἀγμάζ(ον)τ(ας)
φλεβοτομητέον	..εβο.ομητε(ον)
ἐπαφαιροῦντας	επαφεροντ(ας)
5. πολλαῖς	....λ(αις)
κατὰ δὲ	κ(ατὰ) ταδε
6. καταχασμοῦ	κ(ατα)σχ(ασ)μ(ου)
διασφιγκτέον	διασφικτε(ον)
τὰ κῶλα	.....
7. κλύσμασι	κλισμασι
ἐνέμασιν, καὶ εἰς ἐλαῖον θερμῶν ἐμβάσεσιν	ενεμασι χρ(ησ)τεον. ενκαθ(ι,σ)μασ(ιν) τ(ε) (καὶ) τ(αις) εις εἐλ..... Ὁρ....
8. καθάρσεσιν	καθαρσεσι
κολικοὺς	κωλικ(οις)
δακνώδεις	....νδ(ης)
χυμοὺς	ϋμοις (ϋ=χυ)
ὀδυνηθέντων	οδυνιθ(έν)τ(ων)
9. κῶλον	κολ(ον)
θαυμαστῶς	θαυμ(ασ)τα
καὶ	κἀν
ἄνηθον	ἀνιθον
ἑψηθὲν	εψψθ(εν); второе ψ можетъ быть также іотой.
μετὰ δὲ τὸ	.....α
10. ποιεῖν	π(ονην)
ὕδωρ	ει ζ = ζέον
ἐμβαλὼν	ων εμβαλον
δὸς	δως
11. τὴν τροφὴν ῥοοῦν	.....οφ(ην)...οῦν
τρίψας	ε .....=....ης

Библиотека "Руниверс"

	ταὐτῶ	τ ταυ
	δὸς	δ(ως)
	ὀξυμέλιτι	τ (οξυ)μελι [1])
	κυάθους	υ θ KK
12.	δηλητηρίῳ	δηλητηρι(ων)
	ἐν εἰλεῷ	....λε(ον)
	ἐμεῖν	ει εμην
	ὕδατος	Δ δι υ
13.	ἐν τῷ ε̄ βιβλίῳ	....ρο.....
	θερμὸν	τ θερμον; margo: μονον.
14.	λιπαροὺς	ληπαροῦς
	ἡμέρας	σσ [2])
	τῇ θηριακῇ	...ακην
15.	σκαμμωνίας	ω σκαμμ
	ἁλόης	η
	ἢ	ει
	καθαρτικῶν	....αρτικ(ων)
16.	ἰσόσχεον	εισοσχε(ον)
	κατολίσθησιν	κατολ(ησ)θησ(ιν)
	σχηματίσαντες	....ατι. κ(αι).τ(ες) или τ(αι)
17.	ἀνωρρεπεῖς	ανωρεπ(ης)
	ἀναθλίψωμεν	αναθληψωμ(εν)
	ἐπιδέσμω	
	κατάσχωμενον	κατ(ασ)σχωμ(εν)
18.	Περὶ τῶν κατὰ τοὺς νεφροὺς καὶ τὴν κύστην παθῶν καὶ πρῶτον περὶ λιθιάσεως.	c ñ ̀ ε ε Π Τ Κ ΤΟΥC ΝΝ Κ(αὶ) Τ(ην) ΚΥ CΤ(ην) ΠΑΘ^ Κ(αὶ) ΠΡ(ὼ) Π ΔΙΘΙ ε ΑCЄ(ω)C.
	με̅	omiss.

[1]) Знакъ сокращенія ὀξυ см. f. 45ь v. 49, на стр. 71.

[2]) Знакъ въ видѣ σσ, но съ вытянутыми вверхъ концами, см. *V. Gardthausen.* Griechische Palaeographie. Leipzig. 1879, стр. 258, столб. 2-й внизу: ἡμέρα (в. 972).

Библиотека "Руниверс"

19. τὴν τάξιν τῆς διδασκαλίας	. ην . . . . . δασκαλιας.
παρεξιέναι	παρεξινεν(αι)
συγγένεια	συγγενια
κοινὸν	κυν(ον)
20. κολικῶν	κωλικ(ον)
καὶ τῶν λίθων ἐχόντων	. . . . . χ(ον) . . . $\frac{\Lambda}{\theta}$
ἐν τῷ νεφρῷ	εν το $\overset{\epsilon}{N}$
21. στροφοῦσθαι	. . . . ουσ . .
κολικοῖς (!)	κολικ(οις)
ἐπιτεταμμένα	επιτ:ταμενα
22. ταῦτα πάντα	$\overset{\tau}{\pi}$αν $\overset{\tau}{\tau}$αυ
γίνεσθαι	γιγν$\overset{\theta}{(}$εσ)
νεφριτικοῖς (!)	νεφριτι(κοις)
μὲν κολικοῖς (!)	. . . . κ . . . . .
23. λαγῶνα	λαγονα
ἀνιέναι	ανιεν(αι)
24. ἐπέχεσθαι	. . . . .
25. βολβίτω	βολ . . . .
26. πλεῖον	πλειο
ἐκδίδοσθαι	δίδοσθ(αι)
τοῖς δὲ νεφριτικοῖς (!)	. . . . . $\overset{\epsilon}{N}$
27. νεφρῶν	$\overset{\epsilon}{N}$φρ(ων)
ἐστηρίχθαι	ενεστηριχθ(αι)
βαρεῖαν	βαρίαν
σκόλωπος	σκολοπος
κατευθὺ	κα . . . . .
28. νάρκη	ναρκ(ην)
γίνεται	γιν$\overset{\theta}{(}$εσ)
κάτιξιν (!)	κάτηξ(ιν)
ἐκκρίνει	εκκριν(ειν)
πάντως	. . . . .
29. ἐπικλύσμασι	επι τ(οις) κλισμασι
φύσας τε	φυσ(ασ)θ(αι) τε
χολοδέστερον	χολωδ(αν)τέρ(αν)
ψαμμώδη	. . . . . μωδη

Библиотека "Руниверс"

30. τὸν οὐρητικὸν πόρον	τ(ων) ουρητικ(ων) πορ(ων)
τῶν	·ι· = ἐστί?! Впрочемъ ср. Церетели. Табл. 23, τον и των.
λίθων	Λ Λ ϑ ϑ
τεχμήρια	строка кончается вмѣстѣ со страницей; слѣдующая послѣдняя строка л. 314ᵃ представляетъ схолію (или интерполяцію?): .....οδονειο..: παντελες | αφογιαζ(ων) τ(ον) χαμμ\̂ [1]) | αφαδη zz ρ̣ρ̣ ·) τῆ | γοῦν βαλ̄ (или βασ̄?) χz ππ | κ κ χz οιν.

f. 314ᵇ.

31. τελείοις	τελιοις
γινόμενα	γινομεν(ων)
ἡδὲ	ει δε
κόστιν	κοστην
λίθων	Λ Λ ϑ ϑ
32. φιλεῖ	φ....(ειν) или -(ην)
σημεῖα	..μεια
κνῶνται	κνωντ
33. συνεχῶς	στυχ(ον)-
καὶ ψηλαφῶσι	....λαφωσ(ιν)
αἰδοῖον	αιδο(ον)
ἐντείνουσι καὶ	εντηνους
συνεχῶς	συχν(ως)
34. αἴτιον τῆς τῶν	αιτ.....
λίθων	Λ Λ ϑ ϑ
ἐστὶν	εστι
παχὴς	παχῦς
χυμὸς	χ
35. ἀλλ' ἐπὶ	....επι

[1]) То-есть, ων исправлено въ ον, можетъ быть=χαμν(ον)[τα].

Библиотека "Руниверс"

	ε
νεφρῶν	N
	Λ Λ
λίθοος	θ θ
36. θερμαίνειν	θερμεν(ειν)
ἐπιφανῶς	επιφαν....
τοιαῦται δὲ	τοιαι αυται μ(εν)
ἅτε	αιτ(ε)
βασιλικῶν	βασιλεικ(ων)
37. ῥίζα	ριζαι
	ε
τε κεκαυμένος	K
ῥίζα	ριζ̄
ἀδίαντον	...αντ(ον)
	οι
38. ὁ φλοιὸς	οφλ (οις) или -(ην)
ἀληθαίας	αληθεας
	ε
μέλανες	μ
39. σπόγγων λίθοι	σπογγ.....
ὄξος	знакъ см. f. 45ь. v. 49 (стр. 71).
μύον	μηον
καρπισία	καρπησια
	ε
40. καὶ ἐσθιόμενον καὶ πινόμενον	(καὶ) πιννόμ (καὶ)...θιόμεν(ον)
σκολύμου	σκολυκου
41. λουτροῖς	Λ̄
λουτρὸν	Λ̄χ
τινὰ τῶν	τιν....
εἰρημένων	ειρημενα
42. καὶ παρηγοροῦσι	.....ρουσι
43. χρηστέον	χριστε(ον)
μεταφέροντας	μ'φερ(ον)τ(ων)
	τ τ
πόματα	πομα ταυ
44. ἀγρίου καὶ	αγριου....
σελίνου	(σελίνου) [1]
ἐκθλίψας	εκθληψ(ας)

[1]) Знакъ сокращенія этого слова представляетъ изъ себя лежащій серпъ луны; у *Du Cange*, Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Vratisl. 1891, vol. II. Notarum charact. col. 16, этотъ знакъ обозначаетъ ἄργυρος.

Библиотека "Руниверс"

	Δ
ὕδατι	υ τε
	ο
45. κοχλιάριον β̅	Κ̅ Β̅
κατάπλαστον δὲ	κ(ατα)π...
καρπονλίθου	καρπΔ θ
	ω η
γλήχωνος ξηρᾶς	γληχ ξ
	c
46. κοχλιάριον μετ' οἴνου	χ.....
	ο
κοχλιάριον β̅	Κ̅ Β̅
47. τραγειον	τραγι(ον)
πέττιγες	τεττιγ(ες)
	κ
ξηροὶ	ξ
48. τηκόλιθοι δι'	τικολυθοι...
λουτροῦ	знакъ, какъ v. 41. (стр. 76).
49. σκευαζόμενα	σκευαζωμενα
φάρμακα	φ.....
νεφριτικὴ	νεφρητικη
φοῦσκο	φοίσκα
συντιθέμενα	συντηθέμενα
	τ
κονδύτα	η κονδι
50. ἐπαινομένων	
	χ
ὑπάρχει	υπερ
ἔστι	
51. βασιλίσκου	βο...\
μόνου	μον(ον)
μεῖζον	μιζ(ον)
καὶ	omiss.
52. χρώαν	χρο(αν)
μεταξύ	μεταξοι
ἐν τοίχοις	εν.....
53. διαιτόμενον (!)	διατωμεν(ον)

на поляхъ второй рукой (X в.)? приписано слѣдующее:

,Η	Ν	ε ДД	αρνογλσ	ω(ας)	|	φυ	υ η [1])	Δ τε	χ	ο̅

[1]) Δ зачеркнуто той же рукой.

Библиотека "Руниверс"

	ητε ξ̅ (π) | απο Γ̇ [1]) δι ϡ̅ | ιστη̇ μ̅γ̅ [2])
	ζ̅ | αχθ(ην) [3]) ϡ̅ ψ̅ φλοι [4]) | εισ(ιν)
	γε τα αμφ | προφυλαχτι (οτ) (κα) | χαι ΛΛ οο [5])
	θ[ε]ρ(κα)απε[ο(κα)τ]ι
53. ἐσθιόμενον	(αι)σθιωμεν(ον)
γεγονότας λίθους	γεγονοτ.....
ἐξουρηθῆναι	εξουριθην(αι)
54. λοιποῦ	λυπου
κωλύει	κολυει
πτεροῖς ζῶντος	πτεν.....

f. 46b.

	εε
1. πεπέρεως	ππ
πινομενη	πιννομενη
2. τὸ αὐτὸ πέφυκεν	το ουρ.....τουτο πεφυκ(εν)
δρᾶν	δρὰ
3. φάρμακα καὶ	
φλεβοτομία	φλεβωτομια
παραλειφθεῖσα	παραλιφθισα
ἐξεκούφιζε	εξεκουφησε
4. λίθου ποιουμένη	τὴν Δ̅ (θ) ποιουμεν.....
τῆς τῶν	τουτ(ων) изъ τ(ων)τ(ων) исправлено 2-ой рукой.
λίθων	Δ̅ (θ) Λ̅ (θ)
5. πρῶτον	πρωτ(ων)
τροφὴ καὶ	τρο.....
σιτωδῶν	σιτοδ(ων)
6. εἰργέσθωσαν	omiss.
δι' αὐτοῦ σκευαζομένων	δια.τ.....

---

[1]) Предлагаю читать φύ(λλο)υ εἴτε χυλοῦ εἴτε ξηροῦ ἀπὸ τριῶν—?
[2]) Можетъ быть ὁμοῦ.
[3]) Можетъ быть ἀλθ(αίην).
[4]) φλοι(ον).
[5]) ὅλα?

Библиотека "Руниверс"

7.	τῶν παχυχύμων	τ(ων) παχυχ υ
8.	δριμέων	δρημ.....
	κονδύτων	κ(ον)διτ(ων)
	ταῦτα	τα τ αυ
9.	γενομένους	γεναμενους
	λίθους	Δ Δ ϑ ϑ
	κωλύει συστῆναι	κ.ολ....στηναι
	ἀλλὰ καὶ	καὶ
	ἐκκρίνειν	εκκριπτ(ειν)
10.	τῶν ἁπλουστέρων	του οσα.....τερ(ων)
	ἀδιάντου	αδιαυτου
	σελίνου	см. f. 46ª v. 44 (стр. 76, примѣч.).
	ἀφεψήματος	αφεψημ(οις) τ
11.	βαλανεῖον	βαλανι(ον)
	νήστεις	νηστις
	εὔκρατον	ευκρ.....
	πινέτωσαν	πιννετωσ(αν)
	καὶ	κ(αν)
12.	ψυχρὸν	χ ψ
	ἐπιρροφείτωσαν	επιροφσ(αν) η
	κωλύει	κωλυοι
	πλῆθος	πληθους τε η
	κακοχυμίας	καλοχυμι(ας)
	συναισθανόμενοι	ς.....
13.	προφυλακὴν	προσφυλακ(ην)
	λίθων	Δ Δ ϑ ϑ
	τὸ μετὰ βαλανεῖον	το.....βαλανι(ον)
14.	ὕδωρ	Δ υ
	εὔκρατον	ευκρα
	κύστει	κυστη
	λίθους	Δ Δ ϑ ϑ
15.	παιδίων	παιδ(ων)
	τοῖς ἰσχυρωτέροις	.....τ...ροτεροις

Библиотека "Руниверс"

	κατεργάση	κατεργασει
16.	τοῦ λίθου ἢ καὶ	του.....
		χ
	τραχήλου	τρα
	τῶ	το
	καθαιτηρισμῷ	η καθετηρισμ(ων)
17.	λιθοτομία	Λ τομια
		θ
	χειρουργουμένοις	χ.....
		ε
18.	Περὶ φλεγμονῆς	Π ΦΛΕΓΜΟΝΗϹ.
		ε
19.	νεφρῶν	N
	πυρώσει	πυροσει
20.	τῷ πυρέττειν καὶ	το.....
		ν
	χολώδη	χοδη [1])
	ἄκρατα	ακρατου
21.	φλεγμαινούσης	φλεγμενουσ(ης?)
	διαγινωσκομένη	διαγιγνοσ.....
	φλεβοτομητέον	φλεβοτομιτεον
	αὐτίκα	αυτηκα
22.	αἰονήμασι	αιονισητ(αι)
	πηγάνου καὶ	.....
		θ
	ἀνήθου	αννι; на полѣ 2-й рукой: λο.....
		ο ε(ας)
	ἀλθαίας	αλ·θ
23.	κλύσμασι	κλισμασ(ιν)
		υ
	μήκωνος	μηκων
		τ
	στέατος	στεα
	χηνὸς. ἐπὶ δὲ τῆς	...χ...
24.	ὀβολὸν S	(ὀβολοὺς) [2]) Д
	σμύρνης	σμ(ης) или εμ(ης)

---

[1]) Знакъ надъ χοδη имѣетъ форму строчнаго греч. ν или лат. r. Похожій значекъ у Гардтгаузена, Griech. Palaeographie, стр. 260, столб. 2: ταυ-

[2]) Сокращеніе состоитъ изъ двухъ значковъ: первый, верхній, изображенъ у Гардтгаузена, Gr. Palaeogr., стр. 240 с. Flor. 53 β (перваго ряда); второй нижній, представляетъ изъ себя простую горизонтальную черту.

Библиотека "Руниверс"

μελίκρατον	μελ(ης) или μελ(ης)
25. αὐτοὺς	αυτω
προποτιστέον	...πωτ(ισ)τ(εον)
τῶν πάνυ	....πανοι
εἰ μὴ	η μι
26. αὐτοῖς ὑγρὸν	αυ.ο.....
πλεονάζοι	πλεοναζ.ι
καὶ ποτῷ	omiss.
πλείονι	πληωνη
καὶ ἀθρόος	καθαρω
ἔκ τινος	ἡ εκτινος
27. ἀδήκτων	αδ.κτων или αδ.ητων.
διουρητικῶν	διαρητικ(ων)
πινέτωσαν δὲ	πι.....; на полѣ: ποτω.
λινόσπερμον μ·β̄	λινοσπ.....β̄
κοχλιάριον	κ̄
ἐν ὕδατι	εν υ
28. τοῦ τε σικύου	τουτετικυου
λαμβανέτωσαν	(λαβ-)σ(αν) [1])
δε	τ....

III, 66—71.

Ed. f. 54a.	*№ 379. f. 1a.*
14. ἀνθήραν	θηρυν(ην)
ἢ	ἡ
ἢ ἀχάλκανθον	η αχ N
ἁρμόζοντα	αρμοζ(ον)
εὔχυμον	την ευχ.λον
τοῦ ἕλκους	τους λ..κοῦς (=λευκοὺς?)
16. ποικιλότερον καὶ τρέφειν καὶ	και του κηλωτερ.....τοεφ.....οινω
οἶνον παρέχειν	...εχειν
ὅπως	οπι(ων)
γίνοιτο	γιγνοιτο
μέρει	μερη
17. διαμόρων	διαμωρ(ων)

[1]) Знакъ сокращенія основы λαβ- или λαμβαν- см. у *Du Cange*, l. c. p. 11: λαβών.

Библиотека "Руниверс"

ἀνειμένην	ανημεν....η
διὰ καθμίας	.....ηγα καθμι....
μολυβδαίνης	μολιβδεν(ης)
18. ἐπιγαστρίω	επι.....τριω
ἰσχύοις	ισχιοις
19. διενεχθήσεται	διενεχθησαι
πόρων	πον(ων)
Περὶ καρκίνου. ξζ	Π ΚΑΡΚΙΝΟΥ.
20. τῶν	τ(ον)
ἕλκου	ελκοῦς
ἀνελκόντων	ανελκοτ(ων)
21. ὄγκον	ογκος
εὑρίσκεται	ευρηκετ(αι)
ὀχθώδης	οχ..ωδ(ης)
22. καὶ ἐπιγάστριον	επιγ(ασ)τριον
23. ὀσφὴν	ούρῶ
ποικιλωτέραν	π.κηλωτερ..ν
φαρμακεῖαν	φαρμακιαν
ἡλκωμένου δὲ	ειλκωμενου δ...ε

Начиная съ этой 9-й строки рукописи до 19-й (38-й строки печатнаго изданія) на правомъ полѣ рукой X? в. приписано въ видѣ схолій слѣдующее:

† Γ̊ (или Π̊) [1]) VCTЄPAN ЄΔ... | ΚΑΙ ΑΝΑΒΙΒΡ.C. | (λαβ-) [2]) δροιως ξυ̊ κο.. | ανθραχω̊ (καὶ) σι..| οστοῦ ομ̊

[3]) δ(ησ)σι... | προσφεν(ους) σσ [4])| επι Γ (λάμβανε) [2]) οστοῦν ανοι|ξα .τω [5]) αναπε|σσ. [6]) Γ καὶ θαυ-

---

[1]) То-есть γράφεται или πρὸς.

[2]) Относительно знака сокращенія см. стр. 81, примѣчаніе.

[3]) Можетъ быть λάμβανε δρυὸς ξύλου κο.. ἀνθραχωδ- καὶ σι... ὀστοῦ, ὁμοῦ λείο·

[4]) =ἡμέρας; см. на стр. 73 f. 46ᵃ v. 14 и примѣчаніе 2.

[5]) вмѣсто ξ можно читать и (καὶ).

[6]) =ἀνάπεσσε.

Библиотека "Руниверс"

	θ μα..|ουν ДД χα οί..|ειμι παρεδωκ(ε).|
	υ υε ΑΔΔ(ΟC).[1]) κ'κ'ρετιν |ασταχ οστ κ [2])
	φοι..|ελαιων κολυμβου | π(ησ)ταχῖ κρ [3])
	....ο | αναπεμπ(ης) †
24. σκληρίαις	σκληριαι
διαβεβρωμένα	διαβε.ρωμεναν или -ον или -ου.
	ω
ἀνώμαλά	ανομαλα τα
25. θεωρεῖται	θ...ρειτ(αι)
ὀχθώδη	..χθωδη
	α
εἰ δ' ἐχθεὶς	ειδεχθ(ης) исправлено 2-й рукой.
	αι
26. φαίνεται	φενετ(αι)
27. διηνεκῶς	δι.νεκ..σ.(αν)
ἀπ' αὐτοῦ	απαντων; ω исправл. въ ⌒ = ων.
ὑδατώδης	υδατωδ(ες)
πυρὸς	πυρρος
δυσώδης	δυσωδ(ες)
28. τά τε	τα δε
ἐπὶ	τα επι
φλεγμαινούσης	φλεγμενουσ(ης)
	θ
πάθος	πα
Ἱπποκράτης	ιπποκρ/; на лѣвомъ полѣ приписано: .....β[υ] \ρι
	ε
29. ὅμως	ομ(ως)
ἐγκαθίσμασι μὲν	ενκοθισμασ(ιν)
	κ
μαλάχης	μαλα
30. καταπλάσμασί τε	κ(ατὰ) πλ(ασ)μασ(ιν)
δὲ	γὰρ
	κ
μαλάχη	μαλα
ἀλθαία	αλθεα

---

[1]) = ἄλλως.

[2]) κεκαυμένου.

[3]) вмѣсто ρ можетъ быть или λ или μ: сохранилась лишь подстрочная черта.

Библиотека "Руниверс"

31.	μελικράτῳ	μελικρ̄
	συλλειουμένη	συν(λειο-) [1]
		Δ
	ῥοδίνου	ρο
	καταπλασσομένη	κ(ατὰ) πλ(ασ)σωμενη
		η...Δ..
32.	ἰσχάδων	ισχα
		τ
	μελιλώτων	μελιλω
	λιβάνου	Λ
	βοτάνης	β°
33.	κατάπλασμά τε	κ(ατ)ὰ πλ(ασ)μα
		η(κων)
	φοινίκων	φοιν
	γλυκεῖ	γλυκη
		σ
	προσλαβὼν	πρ(λαβ-) [2]
		θ
	λεκύθους ὠῶν	λεκιωων
	ἄλφιτα	αλφη
		ο
34.	μήκωνος	μικων
	χοριαννου	χοριαννου исправлено въ χοριννου.
	σέρεως	σερεως
	περισδυνίαις	περισδυνιοις
		θ
35.	ἐπίῤῥηπτέσθω	επιριπτ(εσ)
		δ
	ῥοδίνου	ρο
		α
	οἰνανθίου	οιανθιν.
		α
	μελίνου	μηλιν
	φοινίκων	φοινικ..
	γλυκεῖ	γλυκη
36.	συμπεφώνηται	σῦνπεφωνητ(αι)
	ὑποστάθμης τῆς	αποσταθμ....
	χαλκίοις	χαλκειοις
	ἐποπτηθεῖσα	λεως επτηθεισα

[1]) Знакъ сокращенія глагола λειόω см. schol. ad v. 23 на стр. 82.

[2]) Относительно знака сокращенія см. стр. 81, примѣчаніе.

Библиотека "Руниверс"

37. ἀναλαμβάνεται	ανα(λαβ-) [1])
	τ Δ
κηρωτὴ ῥοδίνη	κηρω ρο
μέχρι	μεχρη
	ω
ἐμπλαστρώδους	εμπλ(ασ)τροδοῦς; исправл. 2-й рукой.
μὲν ἔξωθεν	μ(ὲν) θ .ς....
38. ἐπεὶ δ' ἂν δὲ	επιδαν
καὶ γάλα	γαλα
	υλ
39. χυλὸς	χ
	υ
χλιαρὸς	χλαρ
	υλ
χυλὸς	χ
	χ
βραχεῖ	βρα
	ο
40. μήκωνος	μικων
	π
ὑσσώπου	υσσω
41. πάντων δὲ	παντ(ων)
	λ
λιθαργύρου	⌣
	ε ε(ην)
42. πεπλυμμένης	πεπλυμ/ или πεπλυμ
λιβάνου ἄῤῥενος	(λιβάνου) [2]) αρρ'
	π
ὑσσώπου	υσσω
στέατος	στεα
	σ (α)
προσφάτου	πρφ [3])
43. τυρρηνικοῦ	τυρρηνα ηκου
	Δ
ῥοδίνου	ρο
	λ
λιθάργυρον	⌣
λειώσας	(λειο-) [4])

---

[1]) Относительно знака сокращенія см. стр. 81, примѣчаніе.
[2]) Знакъ сокращенія см. v. 32 на стр. 84.
[3]) Сокращеніе α см. у *Церетели*, табл. 1, A: μαρκιᾶν (1450).
[4]) Знакъ сокращенія см. schol. ad. v. 23 на стр. 82.

Библиотека "Руниверс"

	υλ
χυλῶ	χ
τηκτοῖς	τικτ(οις)
ἐνέβαλλε	ενεβαλ¯; было ενεβαλ(ον). затѣмъ (ον) зачеркнуто.
	ω
44. δὲ εὐδιοικήτους	ευδιοικητοις
δοτέον	δοτε(ον).....; на полѣ: Η.
οἶον	οιν(ον)
45. τὰ σιτία	τοις ιτια
	ε υ
Περὶ σκίῤῥου καὶ σκληρώματος	Π СКІР К(αὶ) СКЛНР(ω)МАТ(ω)N
46. Σκιῤῥοῦται	σκιρουται δε
ποτὲ	εποτε (=ὁπότε?)
εὐφνιδίως	ευφνηδι(ον)
47. καὶ μήτε εἰς	μητε εις
σκιῤῥοῦ	σκηρου
48. ἥσσων	ηω(ον) или ησσ(ον)
ἀντίτυπον	συντητυπ(ον)
50. λόγον	λονον
πείσσεως	πισε(ως)
51. ἕπεται	αἶ; επετ(αι); удар. поставл. 2-й рук.
	το
52. φλεβοτομητέον	φλεβο
κάθαρσιν	καθατ(ιν) или -(οις)
53. διὰ	δι
	ρ
νίτρου	N (лигатура)
	θ
ἀψινθίου	αψ ν
σικύας	τικυ(ας)
κατασχασμῶν	κ(ατα)πλασμῶν
	χ
τὸ πολυάρχιον	τολμαρ
54. σπερμάτων	σπ/..
	Δ
δαφνίδων	δαφνι

fol. 54ᵇ.

	ω
1. γλήχωνος	γληχ
πεσσοὺς	ει πεσσοὺς
	θ
τερεβινθίνης	τερευην

Библиотека "Руниверс"

δρώπακος	δρωταχ(ας) или δρωταχι(ας)
αὐτωφυῶν	αυτοφυ(ων)
χρῆσιν	χρησ...
νιτρωδῶν	νιτροδ(ων) ἡ
ἐλληβορισμὸς	ελλεβορ(ησ)μ(ον)
4. ναρδίνου	ναρ
μύρου	Μ
κοπρίνου	κσωριν
ἀρχείου καὶ	αρ ζ
χηνίου	χ
5. ἐλαφίου	ελαφ/
τερεβινθίνης	τερεβιν
Ἄλλο	ΑΔΔΟC
Πολύσου	Πολιου
L̄β	L[1]) Δ
6. μετὰ	μετ
μενδησίου	μ(εν)δισιου
λειώσας	(λειο-) см. f. 54a v. 43 (стр. 85).
ἰρίνω	ειρινω
Ἄλλο	ΔΔΔΟC
τυρρηναίου	τυρρ/
7. τερεβινθίνης	τερμιν
ἐλαφίου	ἐλαφ /
ἴσα	ισι . † (=ἴση)
μετὰ συγκριτικοῦ	Μετασυνκριτικος
8. σταφίδος	σταφι
χωρὶς	·ορ
γιγάρτων	γυγαντ(ων)
χλωροῦ φύλλον	ΧΧ

[1]) Относительно этого знака сокращенія см. *Du Cange*, l. c. col. 8: δράχμα.

Библиотека "Руниверс"

	Δ
9. ὕδατος θαλασσίου Γο ά	υ ς̣ω̣ Ρ ᾱ
ἀρχοῦν	αρ(χειν):
ἔμβαπτε	εμβουτυρετ(αι)
10. κυπρίνω	κυπρι.. (2-й рукой прибавлено: ν̄ εμ̄, затѣмъ строка пропущена и 1-й рукой(?) приписано слѣдующее:

† ЄΠΙΘЄΜΤΩΜ [1]) СΠЄΡΜᾹ | αγριοσυχ(ης) (νίτρου) [2]) Γs ιρεως | Γ· Γ μαν(ης) (λιβάνου) [3]) Γο Υ | αννισου τηλεως κυμιν(ου) | σε (σελίνου) [4]) χαμολεοντος | αν̄ Γο ορνι κυπαερε(ως) | σαμψ̣ο αμμωνιακου | αν Γ· Β κηρ(ου) s ά | κυπριν(ου) s Β̄ τερεβιν|θ(ίνης) Γο Γ χολοφωνει(ας) | ζοβ̄ τεατο χρσ̣υ̣(ης) [5]) | αμα (или ανα.) Α[Δ]ΔΟС. | σαμψ̣ο κυπερεως α̣ν... | ιλεος (νίτρου) [2]) τερεβινθ(ίνης) | αν̄ LΚ̄є [6]) ιρεως Γο ΥΡ̄ | Γ (λιβάνου) [3]) Γ· VP̄ Γ̄

f. 1ᵇ.

10. ἐλαίω	ἡ ελαιω; η зачеркнута.
λιβάνιος	λιβιανος
11. ἰδιαίτερος	ιδιαιτερον
τιτιανὸς	τητ.ανος. (точка послѣ τητ означаетъ пропускъ буквы).
12. σκιῤῥώδης	σκληρωδ(ες)

---

[1]) Послѣднее М исправлено въ N той же рукой.
[2]) Знакъ сокращенія см. f. 54ᵃ v. 53 на стр. 86.
[3]) Знакъ сокращенія см. f. 54ᵃ v. 32 на стр. 84.
[4]) Относительно знака сокращенія см. стр. 76, примѣчаніе.
[5]) Можетъ быть и χρ̣υ̣ι(ης)=χοιρεί(ης).
[6]) Относительно знака L см. стр. 87, примѣчаніе.

Библиотека "Руниверс"

13.	προφαινόμενος	προσφερόμενος οσπ̣η̣ν(ης); αι надписано 1-й, ν 2-й рукой.
	ἀφ' ἡλιθώδης	σφ(ης) λιθωδ(ης)
	κατασπασμοῦ	κ(ατα)σχ(ασ)μου.; на полѣ приписано: πα̣λλ(ην) μ(ὲν) κ(ατα)σπ(ασ)μοῦ.
	ὑπερκειμένων	υπ(ερ)κημεν(ων)
14.	ἐμμήνων καὶ	εμμ(ην).
	ὄγκος	διογκοσε(ως)
	ὡς	ὡστε καὶ
	ὑπόνοιαν συλλήψεως	φαντασίαν σῦνλημψε(ως)
	καταρχὰς γίνεσθαι	γιγν(ες). καταρχ(ας)
15.	χρόνου	χρονω
	τούτω	τουτου δε αυτας
16.	γίνεσθαι	γιγν(εσ)
	ἐπικρούσει	επικρουσι
17.	ἐπιτείνων	εσιτιν(ων)
	ἐνίοτε δὲ	οτε
18.	γίνεται	γιγνετ(αι)
	φέρεται	φερετ(αι); на полѣ приписано θερ/
	αὐταῖς	αυτ(ας)
19.	σκοτεινῶ	σκοτινω
	κλίνης	κλην(ης)
	ἀκινήτου	ακινητ(ου) исправлено изъ -τ(ον)
	τοὺς πόδας	του υποδασμα
20.	προκλητικῇ	προβλητικη
	ἡ κίνησις	κίνησ(ις)
21.	σκίῤῥων	σκηρ(ων); (ων) исправл. изъ (ον)
	δὲ ὑδερηκὰς	ὑδερικας
22.	λεχθέντων	было λοχθ(εν)τ(ων); испр. 2-й рукой.
	αἱμαρραγίας	αιμορραγι(ας); на полѣ: ὡς σπ(ερ).. .....ν.....
23.	εἶδος	ισος
25.	τάχιον	ταχειον
	ἐκκριθῆναι	εκηριθεναι
26.	ἐμφύξεως	εκφυξε(ως)
	παρασφηνωθέντος	παρασφινωθ(εν)τος

Библиотека "Руниверс"

29.	διανύττοντος	διαιγοντος; на полѣ 2-й рук.: ταγοντες, то-есть διάγοντες?
	βουβώνων	βουβ(ο)ων; υ (=ου) исправл. въ ς (=ος).
30.	ἐπίκρωσιν	επικρουσ(ιν)
	τυμπανώδης	τυμπανωδ(ες)
	θεραπεύειν	θεραπευσειν
	φλεβοτομίας	φλεβο(τ).
31.	κωλύοντος	κολυ(ον)(ω)τος
	ἀσιτίαις	ασιτια
32.	ἐγκαθίσμασί τε δι' ἀφεψήματος πηγάνου	omiss.; приписано на поляхъ: εγκαθ(ησ)μασιδε δια αφεψημ(τ). πηγανου
	γλήχωνος	γληχω.
	ἀρτεμισίας	αρτεμησι(ας)
	κασίας	κ(ασ)σίας
33.	τε καὶ	δε
	σελίνου	см. f. 46ª v. 44 (стр. 76).
	μαράθρου ἀνήσου	ανισσου. μαραθου
	ἄμεως	αμεος
	κιρίνου ἀλεύρου	ιριν (υ) αλ(ε)
34.	καθάρσει	καὶ καθαρση
35.	συναπισμοῖς	σιναπ(ισ)μοις
	ὑδάτων	(Δ)υ
36.	ἐπικείμενον	επικημεν(ον)
37.	σύκου	συκους
	νίτρου	N̄ (ρ) (лигатура), ср. f. 54ª, v. 53.
38.	πολυάρχιον	πολυαρ(χ)
	σπερμάτων. καὶ	κ(ατὰ)'...λ'
	δαφνίδων	δαφνι(Δ)
	μέλιτος	μ. (τλ-)
	νίτρου	N̄ (ρ) (лигатура)
39.	δὲ οὗτος	δ' ουτος; ' 2-й рукой.

Библиотека "Руниверс"

ἁρμόσει	αρμοζει
ἀφονίτρου	αφ Ν
41. Περὶ ὑστεριχῆς πνιγός. ΟΑ	Π ΥΣΤΕΡΙΚ(ης) ΠΝΙΓΟΣ.—Ο.Α.
42. συπάθειαν (!)	συμπαθειαν
μορίων	μωρι(ων)
χαρωτίδας	χαιρωτιδ(ας)
43. μηνίγκας	μηνιγγ(οις)
παρέπεται	παρεπετ(αι)·; исправлено 2-й или 3-й рукой; на полѣ приписано: Χ μ(ὲν) τ(ων) αρτηρι(ων) | σαρ ϡ δε τ(ον) τ(ου) | νστιχ γχ [1]) κ(αὶ) | τ(ων) εις αοτ(ων) εκ | μεον(ον) νευρ(ων) τ(ον) | εγλεφ [2]) ετ(ων) φλεβ(ων) | το ηπαρ. †
πασχούσαις	πασχοισ(αν)
μὲν	μ(ὲν) του
νοθρώτης	νωθρ(ης) τ(ης)
44. ὄκνος	ο οκνος [3])
ὀχρότης	ωχρωτ(ης)
45. αἰσθητηρίων	εσθητηρι(ων)
σκελῶν	σκηλ(ων)
συνολκὴ	συολκη
46. ὑποπίπλαται	ὑποπιμπλατ(αι), то-есть, исправлено позднѣйшей рукой въ ὑποπίμπραται.
48. τι	τε
ἀπολαμβάνουσιν	απολαμβ(αν)νουσει
αἰσθάνεσθαι	εσθανεσθαι
κινεῖται	κειν̣ειται

---

[1]) Или γχ.

[2]) 2-я буква—γ или ι въ формѣ латинскаго j, но безъ точки; надъ φ—α или такой же значекъ, какъ и во второй строкѣ этой схоліи послѣ σαρ.

[3]) Въ рукописи одно ο въ другомъ прописномъ Ο.

Библиотека "Руниверс"

49. περιόδου	περιοδοῦς
ἡ	ἡ
50. ἡ τῆς ὕλης	omiss.
αὐτῇ	αυτη, то-есть испр. 2-й рукой въ ς αυτ(ης).
ἐπανήνεγκαν	επανεινεγκαν
51. ἀπώλοντο	απολ(ων)το
τῶν μὲν	τ(ὸν) μ(ὲν)
σφυγμῶν	σφιγμ(ων) или σφιγμ(ένων)
πυκνουμένων	πυκρουμενων
52. ἀσφυξίας	αφυξι(ας)
δροσυζούσης	δροσιζουσ(ης)
ἀναπνοὴν	αναπνοης
53. ἔπειτα	επιτα
τέλειον	τελεγον или τελειον [1])
φθινοπόρου	φθηνοπορου (η испр. въ ι)
54. νέαις	ναιαις
εὐκαταφόροις	ευκ(ατα)φωρ(οις)
λαγνείαν	λαγνιαν или λαμιαν
στείραις	στηρες
φαρμακεῖαν	φαρμακιαν
ἄλλαις	αλλ(ως)

f. 55ᵃ.

1. διαδεσμεῖν	δειαδ(εσ)μην·; на полѣ: θερ/
2. σῶμα	пропущено, но оставлено мѣсто.
λειποθυμήσαντας	λυποθυμισαντ(ας)
ῥινὶ	ρινή
3. ἐλύχνιον	ελλυχνιον.

III, 78—80.

Ed. f. 58ᵇ.	*fol. 3ᵃ.*
11. δεῖ	δι
12. χρόνου ἀοινήσαντας	αοινοῦντας

[1]) Ср. стр. 91, примѣчаніе 2.

Библиотека "Руниверс"

ἀνήσου	ανισου
ἤ τινος τῶν τοιούτων σπερμάτων:	ἢ τινως etc. крупными буквами (X? в.) другой рукой.
ἀπεχομένους	οὐπεχυμενους той же (X? в.) рукой.
ὡς	εἰ
13. ὁ πωρῶν	ὁ πορ(ων)
λοιπῶν	λυπ(ων)
εἰ δὲ	οι δε
βουλόμενοι	βουλωμενοι
14. ἐπὶ ἐνιαυτὸν	επ Є
πινομένων	πινωμμ(ενων)
τέλεον	τελαι(ων)
ἀπαλλάττειν	απαλλαττει
φλεγματικωτέρων	φλεγματικοτερ(ων)
15. ὠφέλησαν	οφεληϲ(αν)
ξηροτέροις	ξηρωτέρ(οις)
16. ἐξαίφνης	εξεφνηδι(ως)
γεγόνασιν	γεγωνας(ιν)
πνεύμονα	πνευμωνα
μορίων	omiss.
17. ἐπὶ	επει
χολωδεστέρων	χολοδ(εϲ)τερ(ων)
πολυαίμων	πολυεν(ων)
παραιτεῖσθαι	παρειθ(ηϲ)θ(αι)
18. χρῆσιν	χρισι
περιπίπτοντος	περιπειπτ(ον)τος
19. περιττωματικῶν	περιττοματικ(ων)
διεχιδνῶν	διεχηδν(ων)
εὐπέπτους	ευπεπτοῦς
αὐτὴν	αυτ(αις?) см. ниже v. 21, примѣч. 2.
λαμβάνοντας	(λαβ-)τ(ας) [1]
20. χειμῶνος	χιμονος
μετριώτερον	μετριότερον
21. αὐτὸ	αυτω
καθίστησι	καθ(ηϲ)τισι или ϲ(ιν) [2]

[1]) См. стр. 81, примѣчаніе.

[2]) Сокращеніе слога ην въ видѣ длинной іоты, необычайное до сихъ поръ

Библиотека "Руниверс"

ἐπειδὴ	επιδη
ἀναγκάζουσιν	αναγκαζουσι или -σ(ιν)
	Δ
22. ἀντιδότοις	αντι
ἴσθι	ισθει
δαμασωνίου	δαμ(ασ)σονιου
23. τὴν	τ(ιν) [1])
ἀγαπητοῦ	αγαπιτου
ἄτακτον	οσταχτ(ον)
ὀκτάειδον	επταηδ(ων)
τὴν πρόκλου τήν τε	του προκλου δε τ(ιν) или τ(αι) [1]).
24. διὰ τοῦ σκορδίου	δια σκωρδειου
πλείονας	πληον(ας)
καὶ ἔτι	και
	δια
25. διὰ πλείονος πεῖρας	πληονο̣π̣ηρ(ας); δια надписано позднѣйшей рукой.
ἡ διὰ τοῦ	η του δια του
ἤδη	ιδει
26. τρόπον	τρωπ(ον)
τὴν	τ(ων)
παραφυλακὴν	παραφυλακη
27. ἐν τῷ	εν το
εὑρήσεις	ευρισ(ης)
ψιλώθρων	ψιλλοθρον
τάς τε	ταυτε

для нашей рукописи, встрѣчается въ рукописяхъ X в. и замѣняетъ собою слогъ -ιν; ср. *Церетели*, табл. 13: ἄσκησ(ιν). Въ другихъ мѣстахъ нашей рукописи это сокращеніе въ видѣ іоты обозначаетъ, какъ обыкновенно, слогъ αι или ε; ср. *Церетели*, табл. 2, $αι_3$:γινεσθ(αι) и табл. 26: στρατιῶτ(αι); φαρισ(αι)οι. Подобный слогу αι знакъ замѣняетъ собою нерѣдко ες или αις въ нашей рукописи; сходство этихъ знаковъ αι и αις настолько велико, что не всегда ихъ можно различить между собою по начертанію. У Церетели есть знаки сокращенія слога αις и ες близкіе до нѣкоторой степени къ нашему αι и ε, хотя въ первыхъ нижняя часть слишкомъ коротка и рѣзко выражена сравнительно съ нашей рукописью. См. *Церетели*, табл. 3: τ(αῖς); табл. 9: ἦλθ(ες). Вообще весь листъ III рукописи № 379 слегка отличается отъ предыдущихъ листовъ перваго и втораго; почеркъ кажется болѣе дрожащимъ и неровнымъ, можно сказать старческимъ.

[1]) См. v. 21, стр. 93, примѣч. 2.

Библиотека "Руниверс"

28.	καὶ τὸν τρόπον	τ(ον) τρωπ(ον)
	λέγω δὴ	λεγοδει
	φλεγματικωτέρων	φλεγματικοτερ(ων)
29.	παραλαμβανομένων	παρα (λαβ-)νον. [1])
	δὲ	omiss.
	ὅλον τοῦ	του θλου
	ἀλώπεκας	αλόπαικ(ας)
	ὅλας	ολᾶς
	ἑψοῦντες	εψονται
30.	ἀρθριτικοὺς	αρθριτ(ικους) καὶ ποδαλγικους
	θεραπεύουσιν	θερ/
	ἐμβάλλοντες	εμβ(αν)λ(ον)τ(ες)
	μεγίστω	μεσ/ το
	λέβητι	λεβιτει
31.	τεθνεώσας	τεθνεωσ(αις)
	ὑαίνας	υεν(ας)
32.	ἐμβιβάζοντες	εβιβαζ(ων); исправл. въ εβιεβαζ(ων).
	ἀρθριτικοὺς	αρθρητικοῦς
	ἐνδιατρίβειν	ενδιατριβι; см. стр. 93, примѣч. 2.
	τινὶ	τιν η или τ(ιν)ν η
	συχνῷ	συχν(ως)
	κελεύοντες	κελευωντ(ες)
33.	συνέβαινεν	συνεβεν μ(ὲν)
	τοῖς περὶ τοῖς ἄρθροις	τοὺς περὶ τους αρθροῦς
	σύμπαν	σῦνπ(αν)
34.	κενοῦσθαι	καινοῦσθ(αι)
	περὶ πώρων	Π ΠΟΡ(ω)Ν e
35.	Ἐπειδὴ	επειδη
	πῶροι	πορι
	μὲν	μ(εν)τος; τος зачеркнуто.
	ἐνσκήπτοντος	εν σκρ..πτ(ον)τος
36.	χρῆσιν	χρισ(ιν)
	διαφορούντων καὶ ξηραινούντων	διαφωροῦντ(ὼν) [2]) ἢ ξηρανουντ(ων)
37.	ἰστέον	ειστε(ων)

---

[1]) См. стр. 81, примѣчаніе.

[2]) то-есть (ων) исправлено въ (ον).

Библиотека "Руниверс"

εἶναι	ιν(ον) или ιν(ειναι) [1])
38. διαφορεῖν	διαφωρ(ιν); см. стр. 95, примѣч. 2.
πέφυκε	πεφυκ(εν)
μαλάττει	μαλαττι
παλαιὰ	τὰ παλ(αια)
	ω
ἀμμωνιακόν	ἀμμ
39. τε πάνυ	τε το πανυι
παλαιὸν	παλ(αιον)
	η
ζηραίνει	ξνει
	ρ
νίτρον	N (лигатура)
40. παραπλήσια	παραπλησεια
δέ γε τοῖς	δε τους εν
πώρους	πορους
	ο
41. χρονικώτατος	χρ/
	τ
δριμύτατος	δρυμη
χρέους ὑείου	χρε(ως) υιου
	υ
λιπαροῦ	καὶ ληπαρ/
42. ἐπιτιθέμενος	επιθεμενος
διαρρηγνυμένου	διαρρυνοιμενου
αὐτομάτως	αυτοματος
	υ
πώρου	πορ
43. ἑκάστην ἡμέραν	εκαστοὺσ σ; τους испр. въ (= ιν; конечная σ относится къ слѣд. σ; см. стр. 73, примѣчаніе 2.
κένωσις	κενοσ(ης)
γίνεται	γιγνετ(αι)
σύνθετον	σῦνθετων
πέρνης	σπ(ερ)ν(ης)
καὶ πεπειραμένον	πεπηραμ(ενον)
44. διττῶς	διττος
τὰ δὲ	ταυται
	ο ρ
ἀφονίτρου	αφ N

[1]) См. *Церетели*, табл. 7: Εἶναι,, 1.

Библиотека "Руниверс"

τερεβινθίνης	τερεβιν$^{\vartheta}$
45. προπόλεως	προπωλε(ως)
Γο. δ̄	Lo Д̄; ср. f. 54^{b} v. 5. (стр. 87)
Γο. Θ̄	Lo Θ̄.
χολοφωνίας	χολοφονι(ας)
ΔΙ· ᾱ	↑ ᾱ [1])
μίξας	μηξ(ας)
46. χρῶ	χρο 2-й рукой испр. въ χρ(ησ)ο
πώρων	πόρ(ων)
πώρους	πορο̃ς
47. πλείονα	πληονα
δυσπώριστον	δυσπορ(ησ)τ(ον)
λεπτοχαρύων	λεπτοχαροι(ων)
48. κἀπὶ τῶν	καπιτ(ης); (ης) исправл. изъ (ων).
εὐαισθήτων	ευευθίτ(ων)
εἰ	η
προσλαύοι	πρ$^{\sigma}$λαβοι
49. ἢ του	τιτου
δύο μέρη	$\overline{\text{B}}$ μ$^{\epsilon}$
ἓν	ᾱ
50. διαψιμυθίον	διαψι(μυθιον)—лигатура.
ἴσον	εισ(ον)
αὐτῷ μίγνυται	αυτομιγνοιτ(αι)
πώρους	πορους
σανδαράχην	$\overset{\Delta}{\sigma}$
λειώσας	знакъ, какъ f. 54$_{a}$ schol. ad v. 23 (стр. 82).
51. δρυίνῳ	δριοινω
ἀναλάμβανε	$\overline{\text{αν}}$ (λαβ-)(ης) [2])
καὶ χρῶ	χ$\overset{\cdot\cdot}{\rho}$
καὶ πρὸς	π$\overset{\sigma}{\rho}$
αἰγίλωπας	αιγισωπ(ας)
ξᾱ	ξ $\overset{\epsilon}{\alpha}$

[1]) Этотъ значекъ приводится у *Du Cange*, l. c. col. 19 со значеніемъ λεπτόν.
[2]) Относительно знака сокращенія λαβ- см. стр. 81, примѣчаніе.

Библиотека "Руниверс"

λιθαργύρου	λιθαρ^{ο}γρ
52. Γ°. η̄	L° H̄; ср. f. 54ᵇ v. 5 (стр. 87).
Γ°. ᾱ	ʒ α
λιθάργορον	Λαρ̄/ θ
οὕτως	ουτος
53. λεῖον	знакъ, какъ f. 54ᵃ schol. ad v. 23 (стр. 82).
πάνυ	πανοι
καὶ πρὶν	καὶ πρῖν καὶ πρ(ὶν)
ἀνελόμενος	ανελωμεν^{ς}
χρῶ	χ̄ρ
τὰ δὲ	ταυτ(αι)
λίθου ἀσίου	Δ^{ο}σειοῦ θ
54. διαλείμμασι	διαλημμασι
ἐπιτιθέμενα	ἐπιτηθεμενα
συλλογὰς	σῦνλογ(ας)

f. 59ᵃ.

1. ἀπαλλάττειν	απαλλαττ(αι) или -(ιν) см. стр. 93, пр. 2
νόσου	νοσσου
μεμαρτύρηται	μεμαρτύριτ(αι)
καὶ τὸ	αι (καὶ) τω
δι' ἁλὸς ἄνθους	διαλ.σ ανθος
2. παραχμαῖς	σπαραγμαῖς
πεπίστευται	πεπιστευτε
3. ποδάγρας	ΠΟΔΑΔΓΑϹ
4. ἤδη	ειδη
συστᾶσαν	συνιστωσαν
ποδάγραν	ποδαλγαν
ἀρθρῖτιν	αρθρ^{η}ειην
χαλεπωτάτων	χαλαιπωτατων
ἐπανορθώσασθαι	ανορθωσασθαι
5. εἰρημένων	ευρημένων—1 рука, ειρημενων—2 р.
μεθόδων	μεθωδων.
γεγονυῖαν	γεγονοιῖαν
ἀφαιροῦντα	αφερουντα
6. εὐδιοικήτοις	ϐὺδυ . κητοις

Библиотека "Руниверс"

ἀπερίττοις.

Послѣ ἀπεριττοις пропущена строка и второй(?) рукой приписано:

ΞΗΡΙ(ον) ΗΤΟΙ ΨΗΔ(ω)ΘΡ(ον) ΠΟ· |Μ (λιβάνου) [1]) σταφι αγρι(ας)| εψψ λεο(κας?) [2]) Λ αν̄| Γο. Γ̄ φυλλ(ου) αμυλ(ου) |εψψ μ Λ ασιαν (ἀλόης) [3]) αν̄ | Γο Δ. αλκυωνι(ας) |κσ(ησ)ηρ οπτ(ης) κημω|λε(ας). σαμψυ . αν̄ . Γο. Γ̄.| C· Γο. Ā κοψ(ας) αχ(ης) (или ευχης) | ΤΟ Ξ εναγγεῖ [4]) εσι | λεπτ(ης) χρισ κ(αὶ) (λάμβανε) [5]) χ πτισσ ν(ης) (καὶ) οροζ(ης) |εν χυτ̄ρ επιβαλλε [6]) τ ξ| Γο Ā σαπον γαλλικ(ου)|Γο Ā. τ(ων) [7]) υ ᾱν Γο ᾱ.| ασβεστ(ου) ν β̄ᾱ χρ(ησ)| το δε το χρ(ησ)μ̄ Γ̄ τ(ου) | μ(ην) τ θ̄ τ(ης) (σελήνης) [8]) (καὶ) | τ ΙΘ̄ (καὶ) ΚΘ̄. επι ενιαυ | τ(ον). μδ [9]) τ(ου)το ἁπαξ | το μ(ην) τ(ης) (σεληνης) [8]) ησαγ(ου)σ(ης) | ΚΘ̄:—

fol 3ᵇ.

ὁ. χρώμενον	χρομεν(ον)
προστιθέντα	προστηθεντ(αι)

[1]) Знакъ см. f. 54ᵃ v. 32 на стр. 84.
[2]) Или λευ(κην?).
[3]) Знакъ см. f. 46ᵃ v. 15 на стр. 73.
[4]) τὸ ξηρὸν ἐν ἀγγείῳ.
[5]) Относительно знака сокращенія см. f. 46ᵇ v. 28 на стр. 81, примѣчаніе.
[6]) Или επιβαλλ(ης).
[7]) Сокращеніе см. *Церетели*, таб. 24, ων.
[8]) Знакъ луннаго серпа, поставленный вертикально, см. *Du Cange*, l. c. col. 16.
[9]) Можетъ быть λέγω δὲ или λείου δὲ (?)

Библиотека "Руниверс"

7.	τὸ ἱκανὸν	τω ειχανον
	μοῖρα	δε μυρα
	λειοτριβούμενοι καὶ	(λειο)τριβουμενοι [1])
8.	ἐμπεσεῖν	ενπεσ(ιν)
		Δ
	ποδαγρικὸν	πο
		θ
	πάθος	πα
	ὀνίνησι	ανηνισι или -σ(ιν)
9.	εἰ μὴ	ἡμη
	πάνυ	πανοι
	δυσκρασίαν	δυσκρασι...
	δεῖ	δι
	ἕωθεν	κ(αὶ) εωθεν
	ἑσπέρας	εις εσπεραν
10.	παρακμὰς	παραγμας
	τῷ αὐτῷ	τὸ αὐτο
	χρηστέον	χρησταιον
		ρ
11.	Πρὸς χίμετλα ἐν πέλμασι καὶ	Π ΧΗΜΕΤΛΑ ЄΝ ΠЄΛΜΑϹ(ιν)
	τὰ πτέρναις. $\overline{οθ}$	Κ(αὶ) ΠΤΕΡΝЄϹ.† $\overline{ΟΘ}$.
12.	χίμετλα	χημετλα.
	ἑλκώδεις	ελκοδ(ης)
		λ
	τοὺς δακτύλους	δακτοι
	συνιστάμενα	συνισταμεναι
		ο
	χειμῶνος	χημον
		ρ
13.	ὥρα	ω [2])
	δεῖ	δι
	θαλάσσῃ	.ως [3])
	χλιαρὰ	χληαρα
	καταντλεῖν	κ(α)τ(α)τλσ
		τ
	ἀφεψήματι	αφεψημα
		Δ
14.	ἀσφοδέλου	ασφο

[1]) Сокращеніе λειο- см. f. 54a schol. ad v. 23, на стр. 82.

[2]) Лигатура; см. *Gardthausen*, Gr. Palaeogr. стр. 258, столб. 3: ὡραῖον, ὥρα.

[3]) Знакъ сокращенія въ родѣ этого, но совсѣмъ уже не похожій на буквы см. у Гардтгаузена Gr. Pal. стр. 258, столб. 3: θάλασσα.

Библиотека "Руниверс"

ῥίζης	ῥιζαν
τὴν	ην
κατάντλησιν	καταντλησι или -σ(ιν)
λειώσας	знакъ, какъ f. 54ᵃ, schol. ad v. 23 (стр. 82).
15. λεῖα	λια
λεάνας	(λειο-), знакъ, какъ f. 64ᵃ, schol. ad v. 23 (стр. 82).
ἐπιτίθει	θ εψII
στυπτηρίαν	στυστηριαν
ἴσα τρίψας	εισατροιψ(ας)
16. τρυγί	τρογη
ὑποξήρω. ῆ	η οινω ξ
προσφάτῳ	τ προσφυ;
λειωθέντι	τ (λειο-) [1])
σκόρδα	Δ σκωρ
17. ῥίψας	ρηψας
κηρὸν	κηρῶ
ἐπιτίθει	θ επητι
σίδια	Δ σι
ῥοιᾶς	υ ρ/
λειοτριβήσας	τ(ην) [1]) (λειο)
18. ἀνάλαβε	ᾱν(λαβ-) [2])
κηρωτῇ	τ κηρω
ῥοδίνῃ	Δ ρω
προκαταιονῶν	προκατεονων
ἀφεψήματι	τ αψεψημα—1 рука; αφεψημ—2 рука.
θέρμων	θερμω

[1]) Знакъ сокращенія λειο- см. f. 54ᵃ schol. ad v. 23 на стр. 82.
[2]) Относительно сокращенія λαβ- см. стр. 81, примѣчаніе.

Библиотека "Руниверс"

θεῖον	γ
19. ἄπυρον	απ ⊗
σὺν μέλιτι	συμμελι (τ)
ἐπιτίθει	επητι (θ)
ὑοσκυάμου	υσ Κ (υ)
χυλὸς	χ (υλ)
20. Μαρκέλλιον πρὸς χίμετλα	ΜΑΡΚΕΔΔΙΟΝ Π (ρ) ΧΗΜ (ε)/
21. ἔμβαλλε	ενβολ(αι)
σχινίνου	σχηνιν(ου); сверху 2-й р. η χοινου
διπλώματι	δηπλωμα (τ)
22. θέρμων	θ(ερ)μα; послѣд. буква α или (ων)
τοῦτο	τοῦτ(ων); α или ω испр. въ ων
προσάντλει	πραντλη (σ)
τὸ	τὼ
23. κηρώτιον	κηρω (τ)
χιμέτλων	χημετλων
λιβάνου σχιστῆς	(λιβάνου) [1]) σχηστης
μίλτου	μηλτου
24. ἴσῳ	εισον
στέατι	στεατη
ὑείῳ	ὑεῖω
τὰ	τας
φλεγμονῆς	φλεγμων(ης)
ἠλκωμένα	ηλκωμενας
τῷ	τὸ
χρῆσα	χρησ(αι)
25. Γο Θ	Lο Θ̄
ταυρείου	ταυριου
στέατος καὶ	στεατ.. (ολ)
χολῆς	χ̲
ἀνὰ	αν

[1]) Знакъ сокращенія см. f. 54a, v. 32 на стр. 84.

Библиотека "Руниверс"

	ΔΙ	знакъ, какъ f. 58ь, v. 45 (стр. 97).
	λιθαργύρου	λ
26.	πρὸς τὰς τῶν δακτύλων ῥαγάδας	ΠΡ ΤΑϹ Τ̄ ΔΑΚΤΥΛ̄ ΡΑΓΑΔ(ας)
	καὶ τῶν ὅλων ποδῶν.	Κ(αὶ) Τ̄ ΟΔ̄ Πο; на лѣв. полѣ СнП
27.	καρκῖνον	καρκιν(ου)
	ποτάμιον	πωταμι(ων)
	θαλάσσιον	ως, ср. f. 59ь, v. 13 (стр. 100).
	ἀπόξεσον	ἀπο οξεων
28.	προαποσμίξας	προ απο σμηξας
	ἔνσταζε	ἔνσταζ(ον)
	ποιεῖ	ποιη
29.	σκίλλης	σκηλλ(ης)
	τερμινθίνη	θ τερμην
	συλλεσθεῖσα	θ συνλεαν
	αἴγειον	αιγεων?
30.	ἀναλειφθὲν	αναλιφθ(εν)
	αἰγείω	αιγιω
	δεῖ	δι
	θαίρειν	θερ(ειν)
31.	Πρὸς ῥαγάδας πτερνῶν καὶ πελμάτων ἀνθηρὰν	ΠΡ ΡΑΓΑΔΩΝ ΠΤΕΡΝΩΝ: καὶ ραγαδῶν ανθηρα
32.	Ἀσβέστου	τ ασκη
	ψιμυθίου	ψμ (лигатура)
	χοιρείας	χυριας
	πιμελῆς	πημελ(ης)
	κολοφωνίας	κο χ̇ οφανιαι(?)
	χυλοῦ	λ χ
33.	πέλμα	τελμα
34.	αἰγείου	εγιου
	Σίδια	σηδια
35.	ὄξει	знакъ, какъ f. 45ь, v. 49 (стр. 71).
	κατάπλασσε	καταπλασ(αι)
	ἡμέρας	ε ἡΜ

Библиотека "Руниверс"

εἶτα	εγιας(!)
περιχαθάρας	περηχαθαρας
ἐπιτίθει ἄσβεστον	επητιθειν̣ταῖ
36. γλοιοῦ	γλυου
Σχίλλαν	σχηλλαν
αὐτῇ	αὐτην
φρυγεῖσαν	φρυγησαν
ῥῖψον	ρηψον
τῷ	τὸ
37. ἐντήξας	προστηξας
38. Πρὸς ἐκτρίμματα πτερνῶν τὰ ἐκ	ΠΡ ϵΝΤΡΗΜΜΑ ΠΤΕΡΝ̄ ΤΑ ϵΚ
μακρᾶς κατακλήσεως	ΜΑΚΡ(ας) Κ/ΚΔΗ
39. λιθαργύρου	λ
ἴσα	εισα
ἐπὶ πάσης	επιπασσ(αι)
ἑλκώσεως	επι ελκωσεως
40. τοῦ	τους
ἐντὸς	ἐντ(ως)
δακτύλων	δακτοιλων
εἰ	ἡ
εἴη	ηει
ὄνυχι	ονυχη
41. Πρὸς τὰ ἐν τῷ πέλματι ῥυπαρὰ	ΠΡ ϵΝ ΤΩ ΠϵΔΜ ΡΥΠΑΡΑ
ἕλκη ἔμμοτον	ϵΔΚΗ ϵΜΜΩΤΟΝ
ποιεῖ	ποιη
42. ὄξους	знакъ, какъ f. 46ª v. 39 (стр. 71).
κατ' ἰδίαν	καθιδιαν
	λ
λέπιδος	ΙΙ
43. χαλκῆς	↑
ἐρίων	βρι(ων)
οἰσσυπήρων	οι(ωσ)υπηρα
ὅσον	οπ(ον)
ἐνειληθέντων	ενελιθεντων
44. δαδὶ	выскоблено
καυθέντων	καυθεν

Библиотека "Руниверс"

ἀνάλαβε	ανα(λαβ-) [1].
ἐπὶ μὲν	επι μ(ὲν) δαδη
τραυμάτων οἶνω ἀνείς. ἐπὶ δὲ αἰδοίων καὶ	пропущено; αἰδοίων margo.
45. γλοχαῖ	γλοχη исправлено въ γλοχ(ης).
Ἀμόργης	αμώργης
ἀπηφρυσμένου	απιφρ(ησ)μεν(ου)
τοῦτο	τουτω
οὖλα	ουλο
46. καθαίρει	καθέρη; на полѣ приписано: τραυματ(ων) οιν(ω) α . ης επιδε; см. v. 44.
Πρὸς τὰ ἐξ ὑποδημάτων προτρίμματα	ΠΡΟΣ ΤΑ ΕΞ ΥΠΟΛΗΜΜΑ ΠΑΡΑΤΡΗΜΜΑ
47. ἄρνειος	αρνιος
καὶ χοίρειος	пропущено, но приписано на полѣ: καὶ χυρε(ως)
αἴγειος	αιγε(ως)
ποιεῖ	πουη
ἀπὸ	omiss.
φλεγμαίνοντα	φλεγμενοντα
48. μὲν	γε
ὠφελεῖ	οφελη
ὀνίνησιν	ονινισιν
ὀρνιθείῳ	ορνι
στέατι πλείονος ἐπίβαλλε	στεατ . η . . . ρομμυον σὺν ορνη στεα πλιον(ως) επιβαλλ(ον)
49. κυκίδα	κυκκι
ἐπίπασσε	επιπλασσαι, ср. v. 39.
ἀκακίαν	ακρα
ὄξει	знакъ, какъ f. 45[b] v. 49 (стр. 71)
διεὶς	omiss.
50. Πρὸς ἡλοὺς καὶ τυλοὺς π	ΠΡ ΗΔΟΥΣ ΚΑΙ ΤΥΔΟΥΣ.
51. προπεριχαθάραντα	προσπεριχαθαραντες.
ἐπιτιθέναι	επητιθεναι

[1]) Относительно знака сокращенія λαβ- см. стр. 81, примѣчаніе.

Библиотека "Руниверс"

σηπτῶν	συπτ(ῶν)
ἰὸν ξυστὸν	ἰου ξυτ(ου)
σανδαράχην ἢ συριγγιακὸν ξηρὸν ἢ κωλλύριον συριγγιακόν	Cσης[1]) ..... ἢ K^{ολ} συριγγιακῶ
52. ἀναληφθὲν	αναλιφθεν
53. συνιστάμενος	συνισταμενας
τὰ μέρη	μερει.

Немного отступя идутъ 6 строкъ схолій, написанныя различными почерками: 1—4 стр. болѣе темными чернилами, но чрезвычайно мелко; буквы слѣдующихъ двухъ строкъ больше, но чернила выцвѣли, такъ что прочесть хотя и можно, но съ большимъ трудомъ.

VI, 60—65.

Ed. p. 256 [2]).	*f. I*[a] *№ 387.*
12. Διαδήσομεν	— δησωμεν
13. τὸ πρὸς	πρὸς (DK)[3])
Κύστει	κοστη
14. διέλομεν	διελωμαν } также DHKR, хотя можетъ быть съ лучшей орѳографіей [4]).
κάτωθεν	κατοθεν
15. περιέχον	περισχον
αὐτοῦ τοῦ	α..τούτου
17. ἐκθρομβώσομεν	εκθρομβοσωμεν
18. ἐπιβεβλήσθω	επιβεβλητος
19. ὁ δὲ ἔμπροσθεν	ὁ δεσμος προσθεν
20. τὴν τοῦ λίθου	τὴν λιθου
ἀντανατρέχειν	ανατρεχον (и др.) [5]).
21. καλύψῃ	καλυψει

[1]) = σανδαράχης, ср. f. 58b v. 50 на стр. 97.

[2]) Разночтенія этого отрывка мы приводимъ по прекрасному изданію VI-й книги Павла Эгинскаго: Chirurgie de Paul d' Égine, par *René Briau*. Paris. 1885, p. 256—276.

[3]) Въ скобкахъ отмѣчены рукописи, которыя согласны съ нашей; см. дальше.

[4]) Я указываю, въ большинствѣ случаевъ, лишь чтенія главнѣйшихъ 5 рукописей DHJKR (№№ 2292, 2208, 2211, 2046, 2204 по каталогу Парижской Національной библіотеки).

[5]) Рукописи 2-го разряда, при чемъ DHJKR имѣютъ иное чтеніе.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 258.

1. ΞΑ'	omiss.
3. κηλοτομιῶν	κηλοτομων (и др.)
διδασκαλίαν	διδασκαλειαν
συμβαλλομένων	συμβαλλομενους (и др.)
4. τοὺς διδύμους	των διδυμων
5. οὖν	omiss. DHKR
ἐστὶν ἀδενώδης	εσταδεναδης
9. μήνιγγος	μινιγγος
11. πρόεσις	на полѣ 2-й рукой (XII? в.) прибавлено: καὶ λεγομ'.....
13. ἑλικοειδῶς	ελικωειδως
15. τε	δε

Стр. 260.

1. ἔμπροσθεν	ἔμπρος (и др.)
2. προσπεφυκὼς	προσπεφυκως αυτω (и др.)
περιτοναίου	περι του ναιου
4. ὀπισθίαν	οπιστιαν
5. πρόσφυσιν	πρ..φυσιν
ὀνομάζουσι	ὀνομάζουσιν
7. ἐλυτροειδῆ	ερυτροειδη (и др.)
χιτῶνα	χειτωνα
8. τοῦ διδύμου	τω διδυμω
προσφύεται	далѣе въ нашей рукописи разура, но текстъ согласуется съ изд.
9. δὲ	omiss.
ῥυσσὸν	ρυσον
10. ὄσχεος	οσχεως
14. αἰσθητὸν	εσθητὸν
15. τετύχηκε	τετυχηκεν
16. ἐλυτροειδεῖ	ερυτροειδη (и др.)

Стр. 262.

2. ἐλυτροειδής	ερυτροειδης (и др.)
ἐλυτροειδοῦς	ερυτροειδους
3. συνίσταται	συνισται
δὲ	δε κατ
5. οὖν	συν
6. οἷον ἀσθένειαν	οἱ(ων)...σθενειαν

Библиотека "Руниверс"

συσταίῃ τὸ	συσταιηι τω
7. προσφερόμενον	φερομενον το (и др.)
ὀῤῥώδη	ορωθη
10. ἀνώδυνος	ἀνοδονος
12. εἴχων	ιχων
ὑγρὸν	τὸ ὑγρον (и др.)
13. εἴχων	ιχων
μὲν ἐν	μὲν (т. е. μ' εν?)
τῷ	omiss. (и др.)
ἐλυτροειδεῖ	ερυτροειδη (и др.)
14. ὄγκος	ὀγκος
16. οἷα	οἷα γε

fol. I[b].

17. ἐλυτροειδοῦς	ερυτροειδοος (и др.)
18. ἐπιγεννητῷ	επιγενειτω
19. καὶ σφαίρωσιν	καμφερωσιν δοκησιν
20. φαντασίαν	omiss.
21. τρυγῶδες	τρυγωδης
22. αἱματῶδες	αιματωδης
εἴη	omiss. (и др.)
ἀνερευθὴς ἢ	ενερευθητη
πέλιδνος	ѡ̣λι̣δνος

Стр. 264.

2. καταχλίνομεν	καταχλεινωμεν
3. ὑποβάλλοντες	ὑποβαλοντες
4. σπόγγον	πογγον(!)
5. ὑπηρέτῃ κελεύσομεν	ὑπηρετην ελευσωμεν
6. τοῦ κάμνοντος	omiss. (повидимому, интерполированная изъ предыдущей строки глосса къ слову αὐτοῦ).
7. ἀποτείνειν	περιτείνειν
8. διαιροῦμεν	διελωμεν (и др.)
9. ἀπὸ τοῦ	μοτου(!)
10. διαίρεσιν	την διαιρεσιν (и др.)
11. διαιροῦντες	νη διαιρουντες
ἐλυτροειδῆ	ευρυτροειδη
13. χιτῶνος	χειτωνος
ἐκεῖνα	εηεινα(!)

Библиотека "Руниверс"

14. ἀγκίστρῳ δὲ	αγχιστρωσας
15. ὑδροκηλικῷ	ὑγροκιλικω
16. γυμνώσαντες	γυμνόσαντες
δὲ	τε
ἐλυτροειδῆ	ερυτροειδη (и др.)
17. διαιροῦμεν	διεχωμεν (т. е. διελωμεν; ср. р. 257. v. 14; и др. рукописи).
18. ἀφέστηκε	αφειστηκεν
19. ἐκκρίναντες	εγηρίναντες. ανατεναντες τε
20. ἐλυτροειδῆ	ερυτροειδη (и др.)
περιαιροῦμεν	περ...λωμεν (и др.)
ὅλον	omiss.
22. τὸ ἐντεῦθεν	τουντευθεν
	σ
23. συσσαρκωτικῇ	συσαρκωτικη
καλουμένῃ	λεγομενη
24. σῆψιν	ἡ σηψιν
25. τὰ ἀγγεῖα	δεῖ τὰ αγγεια (на полѣ: ὕπνος γαρ φυσιν υγειασ...εν σπλαγχνον μετριω..)

Стр. 266.

1. διαλαβόντες	διαλαβοντας
διατεμόντες	διατεμνοντας (и др.)
2. ἐξαιροῦμεν	εξελειν (и др.)
3. ἐνεργήσομεν	ἐνεργήσωμεν
4. εἰς	κατα
5. πυρῆνα	πιρηνα
μήλης	μελης
8. τοῦ	δι
10. αὐτῆς	αυτου
λημνίσκον	λ...νισκον
11. διεκβαλοῦμεν	διεκβαλωμεν
12. μώλωπας	αιμαλωπας
13. ἐμβαλοῦμεν	ἐμβαλοῖμεν
14. ὑπογαστρίῳ	(καὶ) ὑπογαστριω (и др.)
15. ψόαις	ψωαις
ἐπεμβαλοῦμεν	επιβαλωμεν
16. τριπλοῦν	τριπλοῦν. ἢ τετραπλοῦν
ἐξασκελεῖ	εξασκελη.
17. ἀνακλινοῦμεν	ανακλινομεν (и др.)

Библиотека "Руниверс"

		fol. 2a.
19.	δέρμα	αὐτοῖς
	ὑφαπλώσαντες	ἐφαλωσαντες
20.	θερμῷ	θερμα
22.	λημνίσκον	λιμνισκον; 6-я буква σ или α.
23.	γόρεως	διασυρσεως
	ἀλλάττοντα	ἐναλλαττοντα

Стр. 268.

1.	ἐπιβλητέον	ετ..ιλητεον
2.	ἑβδόμης	$\bar{\zeta}$
	μετοφυλακίῳ	μετοφυλακίω
3.	χρησόμεθα	χρησωμεθα
	ἕλκους	ακους
4.	τὸν λημνίσκον ἀφαιρετέον	αφαιρετεον τον λιμνισκον
5.	θεραπείας	θεράπεας
	ἀκολουθίᾳ	ακολουθεια
6.	εἴη	omiss.
7.	αἱμορραγία	αιμορραγεια
8.	κατάλληλον	καταλληλως
	παλιλλογῶμεν	παλιλλογοῦμεν
10.	ὑδροκηλικῶν	υδροκηλμων; отъ 9-й строки рукописи до 13-й на поляхъ приписаны слѣдующія замѣтки, значительная часть которыхъ стерта: ..... ϗ | ..... ϗ | χδι | .... λλο | ϗϗτ δϗ | δ. διδῦμ(ων)
14.	τῆς	τηςδε
15.	πυρώσαντες	περώσαντες.
	γαμμοειδῶν.	γαμμωειδων
17.	διακαύσομεν	διακαυσωμεν
18.	ἢ τυφλαγκίστρῳ.	ητοι φλαγκιστρω
	διαδείραντες	διαδεροντες
19.	καύσομεν	καυσωμεν
20.	Γυμνωθέντα	γομνοθεντα
	ἐλυτροειδῆ	ἐρυτροειδη (и др.)
	χιτῶνα	χειτωνα
21.	οὗτος	omiss. (и др.)
22.	διακαύσαντες	διαλυσαντες

Библиотека "Руниверс"

ἐκκρινοῦμεν	ἐκκρίνομεν (и др.)
23. γυμνωθὲν	γυμνοθὲν
24. περιέλωμεν	περιεχωμεν (см. p. 264, v. 17).

Стр. 270.

3. γινομένη	γιγνομενη
ὄσχεον	οσχεων
5. κατὰ	ἡ κατα
6. σκιῤῥωθέντος	σκιρωθεντος
8. σκιῤῥώδους	σκληρωδους
μὲν ὄντος	δε οντος
9. πόνοι νυγματώδεις	πονοιν υγματωδεις
10. σχηματίσομεν	σχηματίσωμεν
πρῶτον	πρωτον; ω изъ ο.
11. διέλωμεν	διελεωμεν
συσσάρκωσιν	συνσαρκωσιν
12. ὑπέστη	συνεστη
καὶ ὄαρτὸν	ὄαρτον
ἔλυτρον	ερυτρον (и др.)
13. διέλομεν	διελωμεν
ἐλύτρου	ερυτρου (и др.)
14. εἶτα	omiss. (и др.)
διακρίναντες	διακρινάντες τε
15. ἀγγεῖα	αγγια
διασφίγξομεν	διασφιγξωμεν
16. διακόψομεν	διακόψωμεν
17. χιτώνων	χειτωνων
19. ὑποκειμένους	επικειμενους
σεσαρκωμένον	σεσαρκομενον
23. ἐλυτροειδῆ	ερ.τροειδη (и др.)

Стр. 272.

1. πολλῇ	πολλη
καὶ τῇ	καὶ (и др.)
2. ὑδροκήλης	ὑγροκηλης
3. οὖν	σ...
6. κιρσοκήλης	САРКОЛНС

fol. 2b.

11. ὀγκωδεστέρα	ογκωδευτερα
12. τοῦ	το.

Библиотека "Руниверс"

13. ὁδοιπορίαις	οδυπορίαις
οὕτω	οὕτως
16. διαψηλαφίσαντες	διαψηλαφήσαντες
17. ἀπωσόμεθα	αποσαμεθα
ἐστὶ	εστι και
18. ὑπάρχων	omiss. (и др.)
ἀγγείων	оставлено мѣсто и слово не выписано даже на поляхъ, хотя поставленъ ὀβελός.
στερρότερος	στερροτερος ὑπαρχων
22. ἀπολαβόντες	διαλαβοντες
λοξὴν	λοξηα
23. ἐπιχόπου	επι την

Стр. 274.

1. καταπάρσεως	καταπαυσεως
3. τῇ	τω (DHKR)
4. διπλοῦν	оставлено мѣсто.
6. ἀποχίρσωσιν	αποχλησωμεν
πέρας	περι
βροχίσομεν	βροχησωμεν
8. τῇ	τητε (и др.)
θεραπεύσομεν	θεραπευσωμεν
σὺν τοῖς	συχνοις
9. αὐτομάτως	αὐτοματω или — τ(ως?)
ἐκπέσωσιν	πεσωσιν
11. Λεωνίδης	λεωνι.δης; на полѣ 2-й рукой: ....ματιχ..φη [1].....τὸσ...
τῶν	omiss.
12. ἀποχιρσωθείη	αποχιρσωθέντων
εἰ δὲ	ωστε
13. χρὴ	τ'ονχον (!)
14. αγγείων	αγγεως исправлено въ αγγειων
16. ἀπαγορεύει	ἀπαγορευσεν
17. ἀνεπισχέτου	ανενδοτου
19. τεσσάρων	δ̄
ἀγγείων	αἰτιῶν·
τρεφόντων	τρεφωντων

[1]) =φησιν (?)

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"